ЧИСТЫЙ ХОЗЯИН СОБСТВЕННОГО МИРА

Annotation

Эпоха высших дроидов не изжила суеверий, обросла новыми, косматыми, морскими. Выдумки сложно отделить от правды. Те люди, что жили в начале эпохи, становятся лицами карточной колоды. Будет ли она подыгрывать своему владельцу? И возможно ли её собрать? А если да, по какой причине ещё ни одному коллекционеру это не удалось?

Чистый хозяин, затесавшийся на равных в компанию самых безбашенных парней, самых грозных хищников Южного Рынка, начинает коллекцию. Продать лучшего друга за Проклятый Кон? Легко!

Хорошая история про плохих мальчиков, всё как всегда.

- Чистый хозяин Собственного Мира
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34

- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69
- Глава 70
- Глава 71
- Глава 72
- Глава 73
- Глава 74
- Глава 75
- Глава 76
- Глава 77
- Глава 78
- Глава 79
- Глава 80
- Глава 81

- Глава 82
- Глава 83
- Глава 84
- Глава 85
- Глава 86
- Глава 87
- Глава 88
- Глава 89
- Глава 90
- Глава 91
- Глава 92
- Глава 93
- Глава 94
- Глава 95
- Глава 96
- Глава 97
- Глава 98
- Глава 99
- Глава 100
- Глава 101
- Глава 102
- Глава 103
- Глава 104
- Глава 105
- Глава 106
- Глава 107
- Глава 108
- Глава 109
- Глава 110
- Глава 111
- Глава 112
- Глава 113
- Глава 114
- Глава 115
- Глава 116
- Глава 117
- Глава 118
- Глава 119
- Глава 120
- Глава 121
- Глава 122
- Глава 123

- notes

Чистый хозяин Собственного Мира

Глава 1

Глава 1.

— Сальвадор... — прошептал дроид, заглядывая в лицо спящего. — Невредимый, Сальвадор...

Высший дроид, глава семейства Там сощурил жёлтые, тигриные глаза... От узких зрачков повеяло жаром. На сей раз он первым приблизился к Восходящему. Вынесенный от самого дна до верхних облачных миров, не проснувшийся до поры, тот сидел в ладони Дарующего-Силы прямой, напряжённый, тревожный. Огоньки дроидов постепенно исчезали под кожей, а сверху проходили по ней синие, серые очертания, абрисы монстров: теней и чудовищ морских глубин. Отпечатались на время грозные обличия тех, мимо которых непобедимый дроид пронёс его. Владыка Там поводил рукой, разогнал их, смахнул прочь.

— Сальвадор... — повторил он тихо.

— Благодарим тебя, — глава Дом поклонился Царю-на-Троне, и он исчез.

Немедленно в воздухе Белый Дракон подхватил спящего... Проворкотал, метнулся ниоткуда, задел высшего дроида Дом, будто случайно, и через секунду Восходящий полулежал на белой спине, обхватив драконью крепкую шею, веки его начинали подрагивать в глубоком сне. Глава Дом нахмурился, а глава Там рассмеялся, и дроид, раскинув горизонтально белые крылья, завис подле него на восходящем потоке ветра.

— Это не игрушка, независимый дроид, — сказал владыка Дом, — а предел, положенный твоему бессмертию.

Дракон изогнул шею, покосился на Восходящего чёрным узким глазом, влажным, словно бархат сбрызнутый мелкой росой... И перекувырнулся вместе с ним над кучевыми облаками! От восхищения. Не уронив, не побеспокоив даже.

— Конечно, он невредим, — сказал Владыка Дом главе тёплого семейства. — Коронованный безошибочен. Или ты дал Восходящему имя?

— Возможно.

— Это приносит несчастье. Бывало, да?.. Припоминаю такое имя... Да и не факт, что человек выберет твоё семейство.

— Они все выбирают тебя, Доминго. И люди и дроиды. Приятно лишний раз услышать? Не трудно мне повторить.

— Владыка... Если ловушка ошиблась один раз, это не значит, что ты будешь покровительствовать хищникам. Как только... Если только я добьюсь перехода к себе 2-1, дроида Окно-Вовне... Объединится с моим и твоё семейство, неизбежно. Тёплое будет принадлежать холодному. Чётким формам. Хищники моря исчезнут, любые хищники. Не найдётся пространства для них. Незачем будет шептать Восходящему: "Сальвадор..."

— Доминго, при всём уважении, у изначальных дроидов есть свои секреты...

— Глава Там, я сам прежде, человеком имел твоё покровительство. При объединении двух семейств в одно, не я, но ты сделаешься его вершиной. Ты станешь распоряжаться холодными дроидами. Порядок семейства Сад распространится до горизонта. Для кого это плохо, владыка?

Глава Там удерживал за гриву Белого Дракона и снова щурил глаза, разглядывая черты Восходящего. Жёлтые глаза, узкие зрачки.

— Сальвадор... Прошу тебя, Доминго, не занудствуй сейчас. Вспомним Фортуну, обратимся к Фавор. Пусть судьба найдёт лучшую из своих мелодий. Возьмёт манок неизбежного. Сальвадор… Пусть он выберет из твоих. Пусть Там ему только грезится. Окажи ему исключительное покровительство... И никогда не вставай у меня на пути, человек.

Глаза Восходящего приоткрылись, владыка Сад проявился. Незримые до времени, окружили их дроиды малых семейств. И запели манки. Белый Дракон кругами медленно, неотвратимо уносил всадника от чистого неба вниз. Облачные миры смыкались, клубились над ними.

Глава 2

Глава 2.

— Как бы я хотел постичь их бытие изнутри! Правда, Густав, что значит жить, меняясь год от года, неизбежно? О чём думали они, уходя на свои древние войны, пешком, без дракона? Сознавая опасность? Что их заставляло?! О, Густав, они были титанами! Способными действовать без оглядки! Не то, что мы... Неужели прямо сегодня у меня уже будет эта книга?! Великая сага эпохи до дроидов! А он не передумает, твой знакомый? Не затребует больше оговорённого? У меня больше нет!.. Ну, есть, но я это только тебе говорю. Часы огромная редкость. Эти не нашёл бы без дроида. Восходящим, давно нашёл... А ты уверен, что там безопасно?.. Ах, Густав, это так увлекательно — история древних людей... Особенно войны, сражения! Без дроидов... Совсем одни... Я согласился бы поменяться местами с любым из прежних веков, правда, Густав! Я без сожаления отдал бы свои миллионы лет, за столетия их жизни! И прожил бы настоящую жизнь!.. Густав, а там точно безопасно? Уже вечереет... Ты сам торговался в этом шатре? Может быть, за что-то не особо ценное? Или это было давно и ты путаешь? Сколько ты знаком с этим хозяином, Густав? И почему он поставил шатёр так далеко от входа? Мы скоро придём? Прямо не верится, что я смогу разглядеть вблизи их доспехи, оружие!.. В фолианте, в нём ведь много картинок? Был бы такой рынок: рынок времён!.. Я продал бы на нём свою жизнь за их столетия!..

— Десятилетия, — негромко откликнулся его молчаливый спутник. — Они жили несколько десятков лет. Если повезёт...

— Правда?! О!.. Десятков?.. Ты серьёзно, Густав? Откуда ты знаешь? Ты тоже любишь историю? Но это же невероятно — десятков!.. Так увлекательно!.. Послушай, Густав...

Двое оставившие драконов перед воротами Южного Рынка, бывшими золочёной рамой когда-то, открывающие вход на огромную долину, заставленную шатрами, уже покрылись её пылью, пройдя большую часть пути. Болтавший непрерывно рыжеволосый юный хозяин заглядывал недоверчиво за каждый новый поворот. Тёк рядами народ, не меньше половины с закрытыми лицами, посередине проходов, не приближаясь на два шага к шатрам, оставляя себе то, минимально время, за которое Чёрный Дракон проявится и защитит их, почуяв угрозу. Учуяв тревогу пред лицом насилия, но не лжи... Рынок, есть рынок. Белый Дракон не залетает в него. Чёрный не может зайти в торговый шатёр. Где стоит пирамидка торга.

— Ой, как много народа... — пробормотал рыжий юноша за следующим поворотом. — Густав, здесь всегда так много людей, далеко от ворот? Может, не стоит идти сегодня? А, Густав? Прилетим сюда завтра?..

Спутник взял его за локоть и повёл между рядами уверенным, быстрым шагом.

— Всегда. Не беспокойся, ты ведь со мной. Я свой человек здесь и знаю правила безопасности. С нами два телохранителя. У хищников ни одного. Или ты передумал? Если так, ладно. Он не обидится на меня, такую книгу возьмёт кто угодно по высокой цене...

Переспрашивал, а сам увлекал его в самый центр рынка, не глядя по сторонам, не задерживаясь.

— Нет, какое там, передумал!.. Такая удача, мне так повезло, что я тебя встретил! Подумать только, как огромно небо, а я почти никогда и не выходил. Летал вокруг облачного мира. Вышел и встретил сразу тебя! Необыкновенная удача!

Густав слушал, не отвечая, сворачивая в следующие ряды. А ведь цель их путешествия высится на одном из прямых, главных… Кое-кого искал… Да и много рож не нужных повстречается, если так прямо идти. Наглых рож, несвоевременных…

Среднего роста, крепкий, большеротый, с невыразительными тёмно-карими глазами. Босой, как и все полудроиды, в добротных штанах, коричневой, плотной куртке, сразу впитавшей блёклую, рыночную пыль. Он слушал, слушал, подрагивая уголками губ, лавируя в толпе. Упругая, летящая походка и крепкие кисти рук выдавали в нём отнюдь не книжника. Или такого, который удерживает толстенные фолианты, читая их на бегу!.. Отстал на полшага, незаметно протянул руку к чьей-то широкой спине, стукнул по ней разведёнными, затем собранными щепоткой пальцами, не замедлившись ради этого, и исчез за поворотом.

Высокий, мощный, гибкий парень, которому Густав подал знак, немедленно со скоростью ветра скрылся в параллельном ряду и обогнал их. Нечто странное мог бы заметить тот, кто увидел их рядом в те несколько секунд: похожая одежда, идентичные куртки, как-то сливающиеся и с полумраком вечерних рядов, и с рыночной пылью. Только у второго парня мелодично позвякивали браслеты на щиколотках. Вот просил же сто раз!..

Марево тентов, прозрачных — торговых и плотных — материальных, заслоняющих небо, клонящийся к закату день набросили на рынок пелену сумрака. Народу поубавилось. Тоже повод для беспокойства. Людно — страшно, и безлюдно — страшно. Некоторые щёлкали искрой, освещая себе путь. Скоро наползут туманы. Рыжий юноша оглянулся на Густава, приотстал, взял его под руку и пошёл за его плечом.

— Уже близко, — сказал ему спутник. — Не волнуйся, уже скоро придём. Вооон там, вдалеке.

Юноша посмотрел и вздрогнул. Он увидел большой, отдельно стоящий шатёр, цвета земли, на которой стоял, того же цвета, что и куртка Густава. Внешний шатёр непроницаемый для взгляда. Верхушка обрезана, марево торгового шатра внутри поднятого восходит из неё. Это нехороший признак, хотя и не редкий. Не только для охоты, для бегства они тоже нужны, кому как, в общем. Чуть-чуть светится треугольником сквозь тент высокая торговая подставка.

— Он непрозрачный, Густав!.. — воскликнул юноша. — Почему? В нём торгует хищник?!

Густав поморщился, отвернувшись, и ответил без раздумий:

— Конечно. Большинство торгующих хищники. Большинство покупателей тоже. Ты не знал?

— Густав! Пожалуйста, я доверяю тебе, войди туда сам! За меня. Вот часы. Я подожду тебя. Я заплачу тебе за услугу.

— Снаружи опасно. Не бойся, я буду рядом. Слушай внимательно, угроза — незнакомцы за спиной. Но я буду рядом. И я всех здесь знаю...

Он не лгал... Он вообще редко лгал по мелочам, Густав. Брегет покачивался на цепочке в руке у юноши.

— Слушай, тебя там ждут. Ничего говорить не надо. Ты заходишь, я следом, оглянусь вокруг... Чтобы никого больше. Увидишь книгу — меняйся без разговоров. Это быстро. Мгновенно.

— Густав?

— Минутное дело.

Карие, непроницаемые глаза казались чёрными в сумраке. Пирамидка торга пробивала светом приоткрытый полог шатра.

"Два шага... Два чёртовых шага... Ну, где же ты, дроид-телохранитель, не чуешь?.. Конечно, дроид, ведь я же не хищник. Я — чистый хозяин Собственного Мира! Если что, и за мной проявиться такой, как ты..."

Два шага сделал ко входу рыжий юноша. Сделал и третий. А Густав нет, отступил влево, слился с тканью шатра. На его место, отделившийся от темноты, от коричневого муара тента встал другой, парень с рынка. Чёрный Дракон рыкнул за ними, бессильный зайти.

Круг незнакомцев за пологом. Больше дюжины. Юноша обернулся... В знакомой одежде, совсем незнакомый хищник коротко усмехнулся ему в глаза. Правой рукой вырвал брегет, а левой отточенным движением толкнул, отбросил прямо на острие пирамидки, сбивая с неё артефакт. Один из парней уже звал Белого Дракона. Он выпрыгнул из круга, поскользнулся на рассыпанных страницах, схватил похищенного за запястье и вихрем скрылся с ним, улетел в свой мир сквозь просвет материального, внешнего шатра. Сидящие засмеялись. Один крикнул вдогонку:

— Возвращайся, Гай! Покажи обновку, а то и сыграем на неё! Вся ночь впереди.

Густав широко откинул полог, зашёл внутрь. Поклонился. Сел недалеко от входа. Парень, толкнувший жертву, прошёл дальше. Те, что оказались рядом, посторонились немного. Поёжились. Он заметил. Улыбнулся. Он был улыбчив и очень силён. Красив. Очерченный рот, тёмный почему-то. Тёмная кожа ладоней. И движения странные, человеческие, но не вполне. Он садился на землю не как человек, как большая собака, дракон или горгулья — на напряжённые ноги, готовые распрямиться в любой момент, выбросить его в прыжке. Казалось, и руки он сейчас поставит перед собой, подобно лапам... Хан-Марик. После дела он выворачивал золотым наружу свою куртку и шёл гулять по рынку, дневному, ночному ли, ему без разницы. Умел ли он драться? Имел ли какое оружие? Никому не известно. От Марика видели только одно движение, один подбрасывающий удар, стоящий ровно треть от добычи. Каждый третий был его. Пирамидок он не ставил, продавал тому, для кого ловили эту тройку, за золото обычно. Первый похищенный — хозяину подставки. Второй — приведшему жертву. Охотнику. Густаву, например. А третий ему, Хан-Маричке. Потому что Густав не желал становиться хищником. А те, к кому приводил, слишком часто портили результат его усилий, ошибались, упускали. На охоте, к тому же, Чёрный Дракон был его маскировкой, свидетельством: я хороший, я чистый хозяин, не бойтесь, идите за мной. Свидетельством, ну и телохранителем. Вокруг сплошь хищники. Непроницаемый Густав, он бесконечно презирал их, чистый хозяин, не утративший ни мир, ни дроида. А они — его. За всё. Абсолютно.

Усевшись, Густав поприветствовал некоторых в отдельности:

— Злотый, рад встрече... Биг-Рамон... До-До... Раёк, мы ещё поторгуемся за ту механику?.. Таран... Господин Сома, на материке?.. Махараджа... Биг-Джун...

— Гутка!.. — бесцеремонно приветствовал его растрёпанный, странный парень с бровями, сведёнными к переносице, щерившийся, смеясь, как зверь. — Я видел дракона, Гутка, это был снова хозяин?! Пятый в сезоне? Как ты делаешь это, Гус, почему они липнут к тебе?!

Парня поддержали:

— Точно, Зибун! Открывай свои секреты! Ты же совсем никакой, чем приманиваешь их, Гус?

Не останавливая взгляда на нахальных рожах, Густав ответил:

— Лучше никакой, чем ни какого. Зачем бы хозяева ни выходили из своих миров, они выходят за кем-то. За мной. Надо просто жить на драконе день за днём. Рано или поздно, они сами подлетят к тебе.

Зибун прохаживался по книжным страницам в центре шатра. Гай вернулся, поднял новую пирамидку, сегодня его день. Поставил шарик на неё, раскрутил, второй шарик, соединённый тонкой четырёхгранной цепочкой начал летать вокруг выше-ниже. Чертыхнувшись, Зибун отскочил в сторону:

— Гутка, ты не любишь рисковать? Ты никогда не рискуешь, верно? Сделай исключение! Сыграй с нами. Вот на это...

Он щелчком подкинул и поймал маленький артефакт, ничтожной для большинства ценности — игральную карту, семёрку бубей.

— Ты ведь собираешь их, Гуточка? Сыграем? Смотри, тебе ничего не надо ставить. Выиграешь — меня нет, а она твоя. Оба останемся живы — тоже твоя, это личная, дополнительная ставка. Ну а если не повезёт... Ничего страшного, обещаю сам выкупить тебя с подставки!..

— У Гая?.. Смешно. Я не играю. Ты же знаешь, — спокойно ответил Густав, поднял глаза, опустил.

Этот взгляд уловил Хан-Марик, и тогда Густав провёл по межбровью, словно снимая усталость с глаз щепоткой пальцев. Господин Сома один из всех заметил их секундную манипуляцию, не допустил, стёр улыбку с лица.

— Гуточка, тогда сядь подальше, чтобы мы тебя не задели!..

— Играем? — спросил Махараджа.

Каждый снял с себя, вынул из кармана и бросил в угол что-то одно, артефакт с бумажкой или ленточкой, со своим именем и именем того, кому достаётся банк.

— По пять кругов? Земля пустая.

Пять много, но когда не нужно перепрыгивать других пирамидок...

— По пять!

Махараджа зашёл первый. Нырнул под летящий шарик и пошёл, не побежал против него, "против секундной стрелки", то перепрыгивая цепочку, то распластываясь по земле. Пару раз отскочил в сторону, хоть это и против правил. Сколько б ни назначили кругов, а один изволь кувырками! Махараджа решился на пятом. Три подряд кувырка по земле... Один в воздухе, неосмотрительно! Шарик в тот момент подлетел, едва не сбил его. Кувырок внизу... Снова в воздухе... Прошёл! Вылетел, смеясь, запыхавшийся, с блестящими глазами.

За ним последовал Злотый. Ловкий. И прочие, пока всем везло. Свою пятерку Хан-Марик сделал сплошь, без исключения высокими кувырками!..

Что-то подсказывало Густаву, что Зибун встанет последним, что все остальные пройдут. Так даже лучше. Весёлая игра. Но она должна закончиться. Результативно. Господин Сома прошёл свои пять кругов предпоследним, покинул "циферблат", сел так, чтобы видеть Густава и подальше от Марика.

Зибун успел пройти только один круг. Перед Хан-Мариком валялась обложка от книги. Сома прикидывал, что её достаточно пнуть слегка под ноги бегущему, совсем немножко... Густав так не думал, не тот стиль. На втором круге Хан-Марик встал, потянулся, проговорил:

— Здесь стало тесно...

И раскрытая ладонь, встретив бегущего, отшвырнула навстречу цепочке. Свистнув, она обвилась вокруг его шеи. Сама раскрутилась, упала. Зибун распластался на острие торговой пирамидки, оглушённый, неподвижный. Недолго он пробыл так. Из-под купола Белый Дракон Гая подхватил его вместе с жертвой, второй за ночь. Оба исчезли. Зрители рассмеялись, одобрительно и напряжённо, непрямо глядя на Марика, вскользь. Только Господин Сома так же вскользь смотрел на Густава и думал: "Чистый хозяин однажды всех вас съест. И не подавится".

— Хан-Марик, — спросил он, — сейчас твоя очередь, ты предупредил Гая, что он должен сделать для тебя? Или это экспромт?

— Уверен, — ответил Марик голосом ясным, как звук большого колокола, — Гай меня не обидит.

"Экспромт, — подумал Сома, — идея целиком Густава". Махараджа нашёл среди ставок восьмигранную монету с отверстием посредине, вклад Зибуна, и прочитал:

— Господин Сома... Поздравляю.

Вот как, раз в сто лет повезло... Сома окинул взглядом свою добычу. Неплохо. Но не это главное. Приложил руку к груди и с полупоклоном, не поймёшь, иронично или серьёзно,

протянул её в сторону Марика:

— По справедливости. И в знак моего уважения, Хан-Марик.

Тот засмеялся, склонил голову. Вывернул куртку золотой парчой наружу, распихал по карманам трофеи, кивнул всем сразу и вышел в ночь. Густав следом, ему тоже не хотелось ждать утра.

Они шли рядом в недрах огромного, словно древний город, пустого рынка. Рядами обозначенными лишь слабым сиянием из торговых шатров. Хан-Марик не был хозяином мира. Он не успел побывать даже обычным изгнанником. Ещё Восходящим, подравшись, столкнув другого над волнами прямо в пасть Морского Чудовища, он потерял разом всё: будущее, телохранителя, помощь второй расы 2-2, свой облачный эскиз... Ночью ему некуда было идти.

— Успешно? — спросил Густав.

Хан-Марик кивнул и отдал ему игральную карту, семёрку бубей, веселье.

— Умничка.

— Приглашаешь?

Густав качнул головой отрицательно:

— Летаешь ночами?

Теперь Марик качнул:

— Нет. У Буро. И возле Архи, где центр материка, там бываю. Они зажигают костры. Зелёные. Я смотрю. Издалека. Уведи одного из них...

— Маричка, Маричка... Хан-Марик. До встречи. Надеюсь, в этом году.

Глава 3

Глава 3.

Сквозняки гоняли песок, собирали его в барханы на шашечках паркета. Откуда они здесь, сквозняки? Приземистый крепкий стол из морёного дуба, единственное, помимо стен, что осталось. Неполная колода игральных карт придавлена пресс-папье от тех же проклятущих сквозняков, ищи, собирай потом. И поёт дроид. Тревожно, невыносимо. Пока к нему прислушиваешься, ещё ничего, но стоит уйти в свои мысли, как пение, отдалённо похожее на горькие, безутешные стоны скрипки, накрывает с головой, прокатывается судорогой до ступней, горечью перехватывает горло. Будто срочно надо... Срочно, немедленно!.. Что — немедленно?! Что тебе надо, дроид, что?! Будь ты проклят, и я, и все живущие, будь проклято всё навеки!..

А как начинался, — гут, гут!.. — этот облачный мир.

Густав застыл у пустого проёма окна. Две подъездные дорожки огибали фонтан. Среди барханов, а не среди цветников. И дальше они возвышались, плавные, бесконечные, безнадёжные песчаные горы, дом оказался в ложбине, только песок, песок. На континенте пустыня давно поглотила бы так поставленный дом. Но в Собственном Мире материальное и бесплотное пребывает, как создано Восходящим. Или испорчено гостем. Испорчено навсегда. А как начиналось!

Прежде чем срок пришёл стать чистым хозяином, он не раз бывал гостем в чужих мирах. Юный Густав, беспечный, везучий до ужаса, до изумленья. Приглашения принимал без оглядки, заходил, выходил свободно. Сколько смеха и веселья, сколько могущества и радости. Не воплотив ещё свой, он преображал другие миры.

Один принадлежал музыканту возраста в пределах девяти тысячелетий. Дом в поле. Коллекционер. Много гитар, флейты, окарины. И спустя столько лет музыкант захотел не на рынке, у себя поиграть в тишине, хоть кому-то: деревьям, дождю внезапному, шуму ветра откликаясь, ручейку между гладких камней. Гостю. "Охотно, запросто!.. " Густав сделал и тучки, что изредка, пару раз громыхнув, проливались, и садик при доме... Из пучков дикой травы создал, ненавязчиво вплетя их звуки в тишину огромной степи, как ладонь держащей обновлённый оазис. "Гут, — сказал сам себе. Гут, красиво, пойдёт..." — "Бесконечное, беспредельное спасибо! — отвечал хозяин. — Если ты не успеешь, не сможешь чего-то, позови меня!" — "Поиграй, — отвечал ему Густав, — только не самое-самое, иначе я заслушаюсь и пропущу свой срок!.."

Ну, как после такого везения заподозрить, что нельзя, не стоит рисковать, не надо... Нельзя! Нельзя приглашать в Собственный Мир вот так, запросто... Что первый же, первый гость... "Этого быть не может… Это несправедливо!"

Как исправить, кого просить? Его Впечатления канули навсегда. Просить кого-то сделать иное? Жить в целиком из милости созданном мире? Чужими мыслями? Чужой рукой? Густав даже не помыслил об этом! Хотя бы по следующей причине: ладно, одна песчинка перевоплотится в желанный артефакт, а остальные? В дыхание ветра, каплю воды или в ничто, в пустоту, кто сможет превратить каждую оставшуюся песчинку? Каждую!.. Что ни приобрети, в Собственном мире Густава оно обречено стоять среди песка. Посреди барханов чужого предательства и его наивности. Дроиды, ну зачем он собрал гостиную одним Впечатлением?! Одним — сад?! Воплотил бы из разных, его собственные творения остались бы, впрочем, среди того же песка... Простейший приём, рванув к выходу, бросить между собой и хозяином

пустыню, стену или воду... Стена самое безвредное, исправимое. Остальное из песчинок и капель — навсегда... Праздные рассуждения, запоздалые.

Предателя Густав увидел верхом на Белом Драконе, когда добрёл до рамы, и это теперь нелегко. Увидел арфу в его руках, ту, что начинает играть, когда кто-то танцует рядом, столь нежные у неё, длинные струны. Посмотрел ему вслед... Задумался. Так и не прочувствовав боль потери. И не почувствует. Иное накрыло. Задумался, глядя в спину... "Ведь тысячу раз мог успеть скрыться..." Густав подавил в себе желание броситься вдогонку. Отступил за барханы, упал в них, озирая свой разорённый дом и мир, и понял… Одна арфа хорошо, а две?.. Вдвое лучше. Он заманивает. На рынки. "Не сейчас, предатель, не сейчас..."

Чёрная ночь окутала сердце Густава. Гнев и ненависть не выбирают. Не различают, они близоруки. Смотрят на одного, но на весь мир обрушиваются. Он возненавидел. Первая в жизни неудача. И последняя. "Остальные будут вашими. Я верну. Я всё помню и всё верну, в точности, как оно было. Сам. Свечи и арфы, цветники и колоду карт на столе. Он заманивает меня? Вот так, бездарно? Посмотрим, не лучше ли удастся мне заманивать?.. Гут. Стриженые деревья, белый гравий, подсвечники и колода на столе... Не бывшая, нет. Легендарные, проклятые карты, с лицами первых изгнанников, ушедших в Великое Море... Я соберу такую колоду, что вы не сможете отказаться зайти взглянуть на неё, не сможете отказаться сыграть, и не сможете выиграть у меня свою жалкую жизнь! Я начинаю охоту. Гут".

Есть дроиды Желания, 2-2 второй расы, во всех расах есть радостные дроиды, есть дроиды 2-1 разнообразных надежд. Но ни в какой расе нет дроида Вера. Либо ты доверяешь, либо нет. Приглашая, приходя. Либо ты достоин доверия, либо нет. Это не забота дроидов. Это людям решать.

Глава 4

Глава 4.

Четвёрку твёрдых обещаний положил Густав на своё, разом окаменевшее, сердце. Сложил пирамидку на память из чёрных камней: вернуть утраченное, не рисковать, идти самым лёгким путём, ни для кого не делать исключений. Прошлое — в прошлом. Все знакомства Восходящего, столь легко завязанные им прямо в небе, на драконах, без оглядки, проверок, рекомендаций, не пересекающиеся друг с другом знакомства он разом вычеркнул из жизни. И Белому Дракону сказал: "Забудь". Забудь дорогу к их облачным мирам, скоро понадобится запоминать другие дороги.

Не рисковать, ха. Нет, он действительно всегда помнил об этом…

Выждав несколько дней, Густав отправился на континент, на Центральный Рынок. Прислушиваться, приглядываться, запоминать лица, повадки. Для начала, порядочно углубившись в ряды и твёрдо запомнив место, он собирался поставить торговую пирамидку со свирелью из кармана и отказом на ней, и тогда уже отправляться гулять дальше. Зачем? Для бегства. Когда до рамы не добежать. Ездового дракона не позовёшь на рынок, его оставляют у входа. Чёрного — за два шага перед пологом торгового шатра. Тут, — не рисковать, ха, — его ждал первый сюрприз. И худшие места на крупных рынках дороги. Возможность втиснуться исчерпана давно. Вариантов нет… Пока что он — нищий гуляка, располагал лишь наблюдательностью, везением и здравым смыслом. На них и положился, отправившись дальше, в лабиринты пыльных рядов безо всякой иной страховки.

Непредсказуемость рынков... Бывает — толпы, бывает — пустыня. Кто бродит их рядами? Хищники, конечно. Глух и мёртв, без голоса дроида Собственный Мир. Охотники, такие, каким станет Густав. Хозяева. Что привлекает чистых хозяев в таком времяпрепровождении, в пыли земных, в коварной непредсказуемости облачных рынков? Как-то неудачно создали они миры? Обожглись, пригласив гостя? Любили артефакты сильней, чем покой? Любили риск? Не желали ловить Впечатления ливней и гроз, те которые всё равно невозможно уже воплотить в Собственном Мире, а в чужой ради этого зайти они бы не решились?.. У каждого свои причины.

Но по большому счёту рынок, это дикий лес и арена боя для хищников разных мастей, а реальная мена происходила для благоразумных незнакомцев так...

Крайне редко, шляясь в одном или близлежащих рядах, в минутной доступности своего шатра, хозяин обнаруживал за чужой вуалью, за откинутым пологом нечто интересующее его. Но не подходил, даже не останавливался. Рано или поздно с хозяином шатра они столкнуться снаружи. Тогда можно перекинуться парой слов. После — парой десятков слов со знакомыми, с торгующими около: хищник, не хищник, одиночка или в группе, дружит ли с кем? Много позже, присмотревшись один к другому, договорившись, хозяин и продавец встретятся вне рынка, на пустом, открытом пространстве, чтобы никого за спиной. Там можно и без подставки. И если для одного из них, это разовое мероприятие, а не стиль жизни, то он поднимает пирамидку с шатром, и немедленно скрывается в Собственном Мире с артефактом, забывая прошедшее, как страшный сон. Такова идеальная схема. Для опытных рынки — только витрины. Гибель для простаков.

Когда Густав впервые наткнулся на непрозрачный, коричневый шатёр без верхушки, в глубине рынка, за ним уже следили.

Через распахнутый полог он увидел, как двое швыряют третьего на пирамидку, державшую тонкий бокал, как падает и разбивается, а был он недёшев, как исчезает похищенный. Способ и цена, исходя из качества артефакта, сделались ясны ему. Вещами не стоит торговать. Люди дороже. А значит — заказы. Заказчики.

Густав развернулся и прямо пошёл на одного из преследователей. Факт слежки не ускользнул от его внимания. Парень смутился, отступил. Дал пройти. На рынках и завсегдатаям следует быть осторожней. Неизвестно не кого напорешься, жизнь непредсказуема. Густав успел свернуть за десятый, наверное, поворот, когда из-за следующего выбежал богато одетый хозяин. Растерянный, ищущий кого-то, озираясь по сторонам, заглядывая за пологи, сквозь вуали. Наряд его обладал несомненным сходством с только что виденным там, в коричневом шатре. Халат без рукавов, браслеты и кольца массивные, и выше локтя браслеты... Густава осенило. Лучший способ знакомства, придти с подарком. И с оружием. Чуть-чуть, слегка напоказ. "Гут..." Он догнал растерянного хозяина и негромкой скороговоркой обратился к нему:

— Чудный халат, я только что видел похожий. И камень в перстне так подходит к нему, лазурит...

— Где?! — воскликнул тот. — Где ты видел его?!

— Славный камень...

Хозяин сорвал перстень и отдал Густаву.

— Где?!

— Да, боюсь, что уже нигде, — честно ответил Густав. — Бежим?

И они побежали. Теперь он сам высматривал своих преследователей. Повезло. Вот один из парней. Пробегая, Густав намеренно налетел на него, не извинившись, и указал коротко: к вам! Возле их большого шатра отстал на шаг. Там была открытая площадка, хищников игравших в бег "Против Секундной Стрелки" знали... Перед самым входом Густав слышал уже четверых за спиной. В сторону? Слишком поздно, не получится! И он упал, скатился кубарем под ноги. Трое парней пронеслись мимо него, четвёртый перепрыгнул. Шеренгой, плечом к плечу они втолкнули, как прибрежный бурун, забросили с разбега хозяина в дорогом халате под полог шатра. Нет, все-таки хищника, дракон не появился. Густав услышал крик ярости. И тишину. Необычайную для рынка. По контрасту, наверное.

Густав уселся на землю неподалёку и стал ждать. Пора познакомиться. Ребята не выходили наружу. Неужели они всерьёз рассчитывают, что он зайдёт? Порядком времени прождал, пока край тента откинулся и восемь человек вышли один за другим. Густав встал. Они окружили его. Высокий, раскосый брюнет, Биг-Джун глянул на кольцо с лазуритом, недавно переменившее владельца.

— Вот чувствовал, какой-то мелочи не хватает!.. На восемь не делится!

Его отодвинул спокойный, среднего роста парень в белой, тонкой рубашке, чёрных, пыльных штанах, Господин Сома сказал:

— Не спеши. То, что не делится на восемь, может отлично делиться на девять.

Он обратился к Густаву:

— Кто это был?

— Понятия не имею. Знаю только его номер — первый.

— То есть, будет и второй?

— И третий, и десятый.

— Десять, это столько, сколько надо тебе?

— Нет. Мне надо десять тысяч.
— Будем знакомы.
— Гут. Гут...
Гутка... Так чистым хозяином, охотником Густав вошёл в их круг.

Глава 5

Глава 5.

Чрезвычайное, пугающее везение сопутствовало Густаву и во зле.

Он смотрел на лица. Он знал возле кого остановиться, и на какую долю секунды, а где ускорить шаг. Знал кому показаться жадным, кому наивным, кому надёжным. Замечал на что обращают люди вожделеющий взгляд. За первый год, не выходя с рынка, он привёл как охотник одиннадцать человек. Четверых упустили на входе, тупицы. Оказал пару услуг другим одиночкам незадорого, тренировки ради, работу закончили другие хищники. Был представлен Бутон-биг-Надиру.

Группа хищников играющих в бег Против Секундной Стрелки условно называлась таковой. Их объединяла собственно эта игра и её разновидности, согласие с правилами. Шатёр. В остальном дружили и враждовали, как остальные на рынках. Единственно ещё, своих наружу не продавали. Охота внутри группы — сколько угодно. Могли нанять из чужих людей охотника, обидевшись на приятеля, или желая от него конкретный откуп, но не наоборот.

Заказчики из половины удавшихся похищений сделали для Густава, чистого хозяина, три первых карты проклятой колоды, все пики. На девятке плыл корабль. На семёрке летела чайка. На восьмёрке стояли водяные часы.

В Собственном Мире он только ночевал и складывал артефакты, карты плюс мелочи достающиеся попутно, там становилось невыносимо. К исходу первого года, к началу второго сезона туманов невыносимо душен стал и рынок. Густав начал чувствовать фальшь на своём лице, в голосе, начал ошибаться. Значит — в небо. Куда наивней Восходящие в облаках. Куда азартней охота на чистых хозяев, и не помышлявших о рынках до встречи с ним! Значит, он будет спускаться только для мены. Надо развлечься, рассеяться.

Так и пошло в дальнейшем: невыносимо в Собственном Мире, на рынках, в облаках. И Густав чередовал их. Но прежде, чем впервые увести с Центрального Рынка надолго, судьба добавила к будущему Густава новый штрих. Был найден им Хан-Марик.

Треугольный гребень резал зеркальную водную гладь, штиль на море полные сутки, после бури вчерашней. Под гребнем огромная тень уставила вверх три ярко-зелёных глаза без зрачков. Она раскрывала и смыкала веера-плавники, неотступно следовала за белым сиянием двух драконов. Двое парней сцепились в драке низко над морем. Судя по высоте, один пытался удрать, развив скорость, но не вышло. Телохранители кружили, стараясь быть ниже их, между своими подопечными и по-настоящему опасной стихией. Густав решил досмотреть представление.

Один из парней вырвался вперёд. Служивший полным одеянием ему, кусок широкой ткани раскручивался и рвался с треском, полоса с бахромой спланировала на воду. На острый плавник, сдуру хватанувшей тряпку, тени. Отшвырнула ударом китового хвоста и продолжила преследование. Безразличный к артефактам, Густав проследил угасание волнистого флага, расшитого спиралями, звёздами, в толще воды. Подобным металлическим блеском отливают зелёные крылья жуков, в виде которых создают искры-зажигалки.

Тем временем у преследователя выработалась тактика — прижимать к воде, не улыбнувшаяся второму телохранителю. Чёрный Дракон сбил его мощным хвостом, но белый успел подхватить над водой. В этот момент Морское Чудовище выпрыгнуло. Мимо. Перелёт над головой. Убегающий рванул вбок, но первый, не отвлекшись на подводную угрозу, успел снизу

схватить его босую ступню, увы, с ножным браслетом, за него. И дёрнул, сбросил противника с широкой драконьей спины. Тень из моря взвилась свечой в небо, над обоими перевернулась. Пикируя, редкозубая алая пасть заглотила падающего парня. Чиркнула плавником по груди оставшегося и ушла на глубину. Фонтаном выбросила напоследок брызги, подсвеченные ядовито-лимонными всполохами. Второй парень на вираже, замедляясь, недоумённо провёл по ране, царапине, заметной лишь ему, уставился на ладонь... И рухнул следом. Если тень и собиралась вернуться, то, явно, не раньше, чем разберётся с предыдущим. Дроиды исчезли. Парень тонул, бился всем телом. Широкие круги разбегались по воде, неподвижной. Штиль. Над океаном далёкие, кучевые, облачные миры.

Густав подлетел, снизился. "А ну, как выживет?.. Продам". Он натянул перчатку, спланировал до безопасного предела. Поймал тонущего за воротник и потащил к берегу, на своего дракона не поднимая. Совсем рядом южный мыс, выдающийся в открытые воды Великого Моря, за Туманное Море дроидов.

Приволок. Внимательно следил за дном, нечего не случилось, огромная тень распугала хищную мелочь. Вытащил, и чего? Парень бьётся теперь на песке. Густав снял перчатку, положил сушиться на камнях. Передумал, уносит. Поднимался ветер. И волны с ним. Барашки устремились к берегу. Неприятно, чёрт знает что это: волна или чудовище в волнах? "Подожду. Недолго, судя по его состоянию". Густав осмотрел одежду. "Здесь нечего брать". В какой-то момент парень замер, широко раскрыв глаза. Его зрачки расширились до самого ободка серой радужки. И произнёс:

— Дай мне морской воды.

— А ты мало наглотался?

— Дай...

Густав подошёл, сдернул с него чёрную рубашку, окунул у берега. Скомкал и прижал ко рту снова бьющегося на песке парня.

Затих. Уже иначе, словно каменный, напряжённый. Его Огненный Круг, не круг… Диск, скорее… Пылал, освещая тело, неизбежно замедляя ход. Но вот пелена ядовитой тени заслонила его сияние... Вторая нахлынула с краёв, поглотила, окрасила лиловым... От яркого диска распространился серый пар, похожий на дым... Огненный Круг испарил обе тени, ранившую и только что сотворённую. Парень расслабился, раскинул руки, ноги. Взглянул на Густава, на небо, и произнёс:

— Я на земле… Я не слышу дроидов... Кончено. Решено.

Что-то странное проявилось в ожившем лице... Губы стали тёмными. Ладони тоже смуглые с зеленоватым отливом. И с земли он вскочил одним махом, не садясь даже. Забавно. Опять разглядывает облака...

— В Собственный Мир я не попаду…

— Отчего же? — возразил ему Густав. — Дело техники вернуть облачный эскиз.

"Ну и брехня!.. Сам на себя поражаюсь..."

— Научить? Ты мне, я тебе. Приятель, — бывший приятель... — украл у меня одну вещичку. И хочет продать. Даром отдаёт, лишь бы не мне! Сними её для меня с подставки. И мы обсудим, как обмануть дроидов.

— Сними, с кого?.. С него?

"Полнейшее неведение!.. "

— С торговой пирамидки.

— Э... А что это?.. Просто снять?

— Ну да, разве это трудно?

"Совсем юный Восходящий. Ничего не знает, вне сомнений, гут...

Чёрную рубашку трепал ветер в полёте. Густав летел следом, размышляя, указав направление.

Высохший, взлохмаченный парень ступил в шатёр. Густав отстал на шаг перед входом. У них было правило и знак: жертву пропускают вперёд или оставляют на шаг позади. Тот, кто вошёл рядом, это знакомый. В шатре было трое и хозяин пирамидки, на тот момент Господин Сома. Густава никто не ждал. Но хищники среагировали мгновенно. Ага!.. Не по зубам им новорождённое Чудовище Моря!

Первый, соломенной куклой отброшенный на острие, застыл на нём, двое других корчились на полу под одной рукой, каменной. "Из этих, нет разницы, кто попался... А долг четвёртой карты для Густава будет закрыт". Бросив запонку с рукава обратно на острие, Господин Сома взметнулся на Белом Драконе под купол с похищенным и исчез.

Никогда Густав не видел такого поединка, и над морем схватка была обычной, равной. Теперь же парень, приведённый им, просто прижимал к земле за шкирку верхнего, а тот, что снизу не мог шевельнуться, поднять голову. Дыхание, пронизывающее тела полудроидов, останавливалось в них.

— Подожди! — крикнул Густав, — Хозяин сейчас вернётся, отдашь живыми!

Вернулся. Почему нет?.. На радость Господину Соме, ему достался и ещё один, а третий так и остался лицом в землю. Огоньки дроидов пробегали под кожей, просвечивали одежду, придавая ей и без того яркой, тканой с металлическими, переливчатыми нитями, совсем фантастический вид. Привлечённый невиданным прежде зрелищем, Марик ослабил хватку, и парень не рванулся, а тихонько выполз из-под неё... Чтобы, не выпрямляясь, с четверенек пулей вылететь из шатра.

— Вижу, к этой штуке лучше не приближаться, — сказал победитель Густаву, глядя на торговую пирамидку.

Бесстрастно сказал.

Хозяин "этой штуки" уже стоял перед ними, свет белых драконьих крыльев растворялся над головой.

— Что ты любишь, юноша? — спросил Господин Сома. — Что тебе предложить за охоту, и как тебя называть?

— Хан-из-Моря, — ответил Густав, — называй его Хан-Марик. И сделай ему такую же куртку, как у меня. В тон шатра. Понимаешь?

Сома кивнул:

— Ну, тогда приведите третьего. И не из наших, Гус, а то не с кем будет охотиться и играть!

— Приведём? — Густав взглянул на Марика.

— За золото... — ответил тот в пространство. — Если мне нужна шкура зверя, то с золотой изнанкой. Дай мне золото за второго. Сейчас.

Господин Сома ненадолго скрылся в Собственном Мире и принёс оттуда тускло блестевшую цепь. Шейную, плоскую, грубую на фоне его батистовых, неизменно белых рубашек. Не сам делал, выменял зачем-то. Хан-Марик принял её и продёрнул сквозь сжатый кулак. Стружки и пыль заскрипели в ногтях. Он слизнул их, протёр остатками золота руки и лицо.

Господин Сома поднял брови, покачал головой... "Кого ты привёл? Где ты нашёл это, Густав?.." — написано было крупными буквами на его тонких чертах респектабельного, старого хищника. А Густав не собирался отвечать или оправдываться. Ни перед ним, ни перед Мариком, ночь в непроницаемых глазах.

Чёрные Драконы самостоятельно распознают опасность от внешних теней. От присущих — не всегда, но часто. Яды, оливки и тени заключённые в артефактах не распознают. В отношения же людские помимо драк не вмешиваются. То есть, совершенно. И это мудро, правильно. Тем самым проявляют уважение они к жизни как таковой, жизни, как непрерывной переменчивости. Уважение к людям, к любому человеку. Минуту назад вы подрались? Но следующая за ней минута открыта в небеса, во все стороны, ко злу, к добру, к чему угодно!.. Дроид реагирует всегда, никогда не подозревает. И если полудроид, подопечный его спокоен, не напуган, если идёт со знакомым рядом, или пришёл к знакомому, как думает он на последних двух шагах перед пологом, если видит знакомый силуэт, знакомую куртку со спины, в толпе, в шатре, в полумраке, в условленном месте... — телохранитель не проявится.

Хан-Марик был безупречен. Он не отвлекался, не задумывался и не допускал ошибок. Некоторое время Густав натаскивал его, а потом ушёл с рынков. Как и собирался, охотиться среди облачных миров. Где немедленно нарушил первое из своих же правил...

Глава 6

Глава 6.

В те годы Густав ещё не намеревался во что бы то ни стало сохранять Чёрного Дракона. Напротив, он собирался утратить его, но не по случайной дурости, как большинство, а с возможно большей выгодой. Заманить гостя и сделать живой артефакт. Или то, что в кармане не принесёшь: погоду другую, цветник, утерянный сад из стриженых деревьев. Не определился. Размышлял. Всё перечисленное и сверх того у гостя можно элементарно попросить! Но в голову не приходило. Как заставить сделать, об этом размышлял. Попросить? Нет. Время вышло, он переродился.

Полгода Густав, забывая рыночную пыль, одиноко летал не далеко и не близко от чужих рам. Белый Дракон запомнил столько, сколько мог, побольше двух десятков, и Густав курсировал между ними, наблюдая перемены ветров, последовательные и случайные, красоту и преображения туч. Системы не уловил. Заглядывал в рамы мимоходом. Не навязываясь отнюдь. Играл на свирели. Через полгода ему ответила другая свирель. И трещотка в юных руках Восходящего. Соловей. Редкий случай, дроид 2-2, его покровитель, дал ему имя. Простое и подходящее. Сначала Густав просто играл с ним, кружа на драконах. Потом вместе летали на Мелоди. Рассказал правду, что он хозяин, но мир испорчен, небесным бродяжкой жить веселей. Представившись таким образом, быстро сменил тему на музыкальные предпочтения. Упомянул инструменты средних веков эпохи до дроидов. Вслух, и это тоже без лукавства, размечтался ещё хоть раз повстречать во Впечатлении органную музыку... А вот бы иметь орган артефактом... Но как? Как он устроен? Не видел даже. Вот бы найти того, кто знает... Попал!.. Юноша, Соловей слышал органную фугу, величественную в долгом Впечатлении! К сожалению, без образов... Общие мечты — решающая часть дела.

На момент, когда Соловей, приглашённым, свободно, беспечно зашёл в его Собственный Мир, у Густава не имелось ещё ни малейшей определённости, во что превратить гостя. Чем обернётся потраченный на него год. Он медлил. Юноша оглядывал пустые окна, скрипел песком на паркете... Пощёлкивал простецкой игрушкой в руке, не расставался с ней. Маленькая трещотка, звонкие, ребристые дощечки подвижно скреплены с одного края. Они тонко динькали друг об друга на разные голоса, смотря как взять, с сухим, весёлым, птичьим звуком. Курлыкали длинной трелью. А второй трещотки у Соловья не было, и основной ритм он задавал, если хотел, щёлкая пальцами свободной руки. Густав заслушался. Мелодия отвлекла, отдалила горькое пение дроида.

— Какое запустение! — воскликнул Соловей. — Сочувствую тебе, Густав! Не представлял, как это бывает.

Обернулся. Густав смотрел на него через раздвинутые большой и указательный пальцы руки. Достаточно опустить её и поднять вверх ладонью...

— Густав, друг мой! — юноша рассмеялся. — Я знал, что ты захочешь меня разыграть! Послушай лучше...

Он вывел новую простенькую мелодию.

— Ну как? Похоже на брызги дворцовых водопадов?.. Друг мой, здесь так мрачно. Ничего. Всё можно исправить, закрыть множество множеством. Песок проходит сквозь любое... Пусть... Надо подумать...

Густав не опускал руку:

— Об этом и думаю... Я не друг тебе и никогда им не был.

— Густав... Друг мой, друг мой! Перестань. Густав, друг мой! Ты зря стараешься. Я не

испугаюсь. Я всё равно не поверю тебе! Посмотри в окно, а?.. Как?.. Ты не против?

Соловей посторонился. Между подъездными дорожками бил высокий фонтан в круглой мраморной чаше с широким парапетом. Повеяло свежестью. Великим Морем, нынешним, не древним. Фонтан посреди песка.

— Пока ты решался меня разыграть, я сделал его. Стало лучше? Друг мой?..

— Я не друг тебе! — закричал Густав.

Соловей озадаченный, шагнул к нему, а Густав отступил назад.

— Тогда, что такое друг? Тебе плохо здесь, Густав, и только...

— Я заманил тебя!

Соловей пожал плечами. Как понять, о чём он говорит?.. Зачем? Лучше бы объяснил, что и как исправить, раз уж "заманил".

— Густав, и ты рассчитываешь, что я поверю?

— Ты поверишь! Клянусь, ты поверишь, когда увидишь кое-что интересное! Там, на земле!

Он сжал кулак и ткнул им вниз:

— Там! Там ты поверишь!.. Я-не-друг-тебе!!!

Волоком, бегом он вытащил растерянного юного приятеля, протащил через барханы, едва не за шкирку. И в ветреный полдень они опустились рядом с прибрежным, единственным тайником Густава на континенте.

— Помнишь, — ядовито, мрачно спросил Густав, — Камышового Дудочника? Не торгуя и не беря даров, он играл на Мелоди, но чаще возле крупных рынков? Странное существо...

— О, да! У него учился!

— А давно ли ты видел его?

— Порядком... Давно.

Густав разгрёб песок между валунами, поднял плоский камень и достал... Артефакт... Голову. Половину её, лицо с пустыми глазницами, с приоткрытым ртом. Лицо Камышового Дудочника. Из серебра. С обратной стороны натянуты тонкие струны. От ветра они застонали, запели. Свет неба струился сквозь них из глазниц. А на уровне губ качался невесомый стеклянный колокольчик. Красный. Он тоже запел.

— Нравится?.. Как думаешь, артефакт из кого сделан? Для кого?

Соловей закрыл рот рукой. И глаза. Через несколько минут с болью и состраданием он взглянул на Густава:

— Друг мой... Эти хищники...

— Я не друг тебе! — зарычал Густав. — Никогда, ни на земле, ни на небе не приближайся ко мне! Не говори со мной! Не слушай, что я говорю! Не появляйся на рынках!.. Своим глазам тоже не верь!.. Закончи мир и уйди в него! Вот лучшее решение для человека!.. И запомни, я не друг тебе! Я — не — друг!.. Чтоб не забыть, смешную арфу возьми на память... Охота на него была легче лёгкого!..

Прочь. Без оглядки.

"Всё испортил, сам... Целый год впустую. Первый и последний раз, будь я проклят... У меня остался дракон. Гут, гут... Так тому и быть, я сохраню его. Я остаюсь в своём теперешнем статусе... Гут".

Песок скрипел при каждом шаге. В сумраке начинали плясать перед глазами шашечки паркета. Наступала ночь. Ни звёзд, ни свечей, ничего. Жарко, душно.

Густав бился на полу, как раненый Марик на побережье. Невыносимо. Дроид поёт. Ближе и ближе, громче и громче. "Дроид, ближе некуда... Разбей мне голову своими стонами или

замолкни!" Густав вскочил, опять начал ходить от окна к столу. Плеск фонтана. Лёгкий ветер отнёс водяную пыль. Он выпрыгнул из окна навстречу ей, добежал и растянулся на мраморном парапете. Голос дроида отдалился. Струи взлетали и падали над головой, иногда задевая прохладой. Взлетали и падали... "Что со мной? Что я делаю?.." Густав засыпал. Капли ритмично динькали, как трещотка, свежесть овевала ему лицо.

Поздним утром стук ладони о входную раму разбудил Густава. Посвежевший, рассеянный он увидел Хан-Марика сидевшего боком на Белом Драконе. Под мышкой музыкальная голова Камышового Дудочника, в руке игральная карта, семёрка червей.

— Ты хороший учитель, Густав! — крикнул Марик, приветствуя его. — Тут один искал тебя! По разным рынкам. Мы сначала упустили, а потом выследили. И он нам поверил! Вот, вне очереди, смотри, что мы сделали для тебя!

И Хан-Марик просунул под завиток рамы карту.

— Возвращайся, скучаем, пламенный привет!

Хан-Марик перекинул ногу через белую спину, и дракон умчал его. Как бы... Унёс за облако. Караулить. И не только Густава, не так всё просто. Тех, кто будет караулить Густава. Его выдал артефакт, мокрый песок между струнами. Из тайника, значит... Зверь и Марабу, оба грабители, соответственно жизненному опыту, не подумали на подарок, а на ограбление. Сказали Марику: покажи артефакт невзначай... Наивные, плохо знали Хан-Марика. Думали, Густав захочет проверить тайник. Чего там пропало ещё? И выдаст его местонахождение. Так и случилось. Но не совсем.

Густав забрал карту. И не выходил семь дней. Первый день он смотрел на неё. Остальные шептал фонтану: "В этом — я невиновен..." Он не спал. Очень хотел уснуть.

Обратно на ветреный берег он ступил вечером седьмого дня. И не пошёл к тайнику. Он увидел трещотку в песке. Сел возле неё на колени. Лёг, и ветер с моря начал заметать его, волосы, руки, закрывавшие голову. Чёрный Дракон то появлялся, то исчезал между ним и прибоем.

В скалах, за мшистыми валунами стояли, наблюдая, трое... Думали так: хозяин, человек на побережье... Вечером, ночью... Один на песке... Лёгкая добыча, не то слово. Хоть и с другой целью шли. Ставь пирамидку с шатром вплотную, телохранитель заведомо остаётся снаружи...

Господин Сома колебался. И не зря. У отдельно брошенных валунов, между ними и Густавом нарисовался Хан-Марик. Поднялся на верхний, взлетел. Ствол каменного дерева, корявая палка длиной в его рост загудела, вращаясь, рассекая, рубя ветер в нечеловечески сильных руках. Рисовала восьмёрки, плясала вокруг тела, вокруг головы, широким кругом, перехваченная за один конец. Хан-Марик как-бы ни на кого не смотрел... Не требовалось. Разглядел по пути, в небе. Он дышал морем и любовался своей силой. И так до утра. По сторонам — хищники земли и хищники моря, между ними и морем — дракон и Хан-Марик.

Когда же Густав проснулся, то не увидел людей на пустынном побережье, почти занесённый песком, промёрзший. Зверь и Марабу вскорости пропали один за другим... А Господин Сома, скрытный и умный остался не замечен.

Глава 7

Глава 7.

Был и ещё один, завсегдатаям известный изгнанник, торговавший сначала на Центральном. После катастрофы сумел удрать, обосновался на воссозданном Южном Рынке. Изгнанник, но за глаза чаще называли его Морским Чудовищем, хоть и нельзя было того сказать на вид. Не имея собственного мира, он ставил шатёр плотный, узорчатый и столь огромный, что торговал в первой его части. Дальше — ширмы, занавеси, сокровища, полумрак, чёрт знает чего там. Неуловимый запах морской сырости витал в его шатре. И холод, прохлада глубин. Посетителю воздух под тентом казался синеватым, а ведь снаружи по ткани его разбегались орнаменты солнечных цветов... Ширма за ширмой, светильник за светильником пробивают их лучами, повторяются в простых и мелко гранёных, специального назначения зеркалах. Груды товара, с небрежно наброшенными на них сетчатыми мешками. И это только лишь заново собранное из горных тайников. А как он горевал о пропавшем на Центральном Рынке, как горевал!.. Ну, изгнанника, живущего страстью к артефактам, можно понять.

Как ни шикарен, притом всегда открыт был гигантский шатёр, никто в здравом уме не решился бы его ограбить. И недолгое пребывание в Великом Море накладывает отпечаток, без теней там не выжить. Огромная сила осталась ему на память, изуродованные ноги. В остальном — обычный человек. Рост выше обычного. Большие руки с широкими, тёмными ладонями, отливающими зеленью, как русаличьи, плавных очертаний. Широко поставленные глаза-миндалины. В уголках губ уравновешены саркастичность и снисходительность. Так хорошо уравновешены, что спрятались одно за другое. И полуулыбку спрятали. Голос глубокий и трубный, когда, крайне редко, он повышал его. А ступни под широкой, богатой юбкой до пола переставляет тяжело: топ-топ.

В щель между юбкой и полом Густав увидел однажды круглые тумбы ступней с ногтями, каждый — отдельное копыто. И его чуть не стошнило, как если сразу после воды забвения глотнуть морской воды. Невыносимая гадость. Он был брезглив, Густав. Единственное слабое место. "Топ-топ..." Возненавидел после этого случая заходить в расписной шатёр.

Однако во многих сделках Южного Рынка хозяин шатра выступал ключевой фигурой, третьим лицом, судьёй, посредником, гарантом безопасности. Ещё он был щедрым заказчиком, прилагавшим к условленной плате презент. Да и никто не отказал бы ему в демоническом обаянии богатства и тайны. Скрытой власти. Только вот это: топ-топ... Если так топаешь, незачем под среднего человека и маскироваться. Он носил длинные, полностью закрытые одеяния, подчёркнутой, откровенной роскоши, с оторочкой или сплошь покрытые вышивкой золотом, бисером, драгоценными камнями. Ладно, одеяния... На голове он носил корону!.. Очень широкий лоб его полностью закрывал обруч короны — во много рядов — лунные камни и опалы, через один. Высокие, костяные, золочёные зубья короны, словно бивни. Два по сторонам, по два спереди и сзади, шесть. Не соприкасаясь, они рассширялись от головы и потом загибались внутрь. Тяжело, наверное, постоянно носить такую корону. "Бедовичек", "Беднячок" — так называл он себя, в непринуждённом разговоре, проявляя юмор. "Бутон-биг-Надир" — называли его другие. За огромную, вместе с короной, голову, напоминавшую перевёрнутый бутон. Большой Бутон, смотрящий в Надир... Или коротко — "Биг-Буро", большой Буро.

Это было давно, ещё на Центральном Рынке. Хан-Марик впервые зашёл под полог великолепного, расписного шатра под надуманным предлогом. Коварный Густав… А что

получится, если столкнуть их без представления? Так ли ты, Маричка, силён?

Хозяин присутствовал. Торговая пирамидка пустовала, держалась формальным камешком. Биг-Буро окинул единственным взглядом зашедшего парня, его руки, тёмный рот... Топ-топ… И схватил за подбородок, сравнивая со своей ладонью, зеленовато-коричневой, как говорилось. С Мариком так не обращались... Не то, что давно, никогда. При его появлении благоразумно сторонились, а если успевали, то сворачивали в другие ряды... Но одно дело, сила упавшего в море, случайно создавшего тень, и совсем другое — жившего там. Марик не мог ни вырваться, ни дёрнуться. Вперёд, назад, бесполезно. "За челюсть? Ну, держи..." Он подтянул ноги и пружиной вылетел из цепких пальцев наверх, оттолкнувшись от наглеца, ставшего ему трамплином, сделал сальто, приземлился с другой стороны пирамидки. Ни малейшего впечатления не произвёл его маневр. Бутон-биг-Надир даже не сразу обернулся. Он заменил новой палочку благовония в курительнице у входа, оглядел пустующие с утра ряды и тогда только обратился к Хан-Марику:

— Вижу, в Великом Море ты искупался. Недолго... Как, впрочем, и я.

Топ-топ... Обошёл вокруг подставки.

— Густав послал тебя? Дай посмотреть, есть на тебе записка, во что он хочет, чтобы я превратил тебя?

Острые, тонкие шипы вопросов. Вполне справедливых, тем больнее.

— Записка такая, — ответил Марик сквозь зубы, — завтра поздним вечером. Восьмёрку бубей. Приведёт он, зайду я. Не на превращение, на мену.

— Как он назвал тебя, брат по морским процедурам?

— Хан-Марик. Густав спас меня.

— О, Хан-Марик!.. А я Бедовичек. Кто бы мне дал такое красивое имя!.. Не бери в голову мои шутки. Раз он так назвал тебя, значит, не сразу съест. Блюдо, что долго готовится, должно красиво и называться... Подожди!

Биг-Буро остановил Марика у входа.

— Не хочу отпускать без подарка.

И дал ему музыкальную шкатулку, такую можно спрятать в ладонях, маленькую, положив начало единственной коллекции Марика — сложным, бесполезным механизмам.

Это было давно. Шли годы. Десятилетия. На Южном Рынке Хан-Марик заходил в шатёр Бутон-биг-Надира, не уступавший прежнему ни размерами, ни роскошью, как к себе домой. Но никогда с пустыми руками. Условность, это закон.

Сухой сезон миновал. А Южный Рынок, это отнюдь не Центральный, докуда не доходили туманы. Великое Море близко. Ранним вечером рынок уже пустовал. Нетерпеливая, первая тень, поблёскивая фасеточными глазами, тихо клацая шипами на хрупких лапках, прошмыгнула и скрылась. Даже тени избегали Хан-Марика. Он удалялся от входа, в недра рынка, шёл, смеялся, подбрасывал и ловил стеклянную колбу, запаянную с голубой водой и светящейся медузой внутри. Она как живая раскрывалась, сжималась, переворачиваясь, меняла цвет. Так, смеясь, он откинул узорчатый полог шатра и хлопнул в ладоши несколько раз, постучался. Биг-Буро появился немедленно: покупатель, неужели?

— Марик, ты... — разочарованно протянул он, неискренне.

— Я хуже других? Поторгуемся, раз уж ты ждал покупателя на ночь глядя. А может, ты ждал тень? Или старого друга с жабрами вместо ушей?

— Поторгуемся, Марик. Присаживайся.

Бутон-биг-Надир снял с подставки, светившейся тихим муаровым переливом, жемчужные

бусы и поклонился:

— Присаживайся, братик мой.

Хан-Марик, недолго думая, вскочил на неё, сел, развалился, насколько позволяло условное пространство, почти задевая свесившейся босой ногой пушистый ворс ковра.

— Удобно, надо же! Что дальше? Что предлагаешь себе за меня?

Биг-Буро с насмешкой в глазах залюбовался наглецом, склонив голову в короне к плечу.

— Думаешь, отпущу? Девять из десяти на рынке отдадут мне всё, что угодно, лишь бы тебя не стало, Хан-Марик. Как считаешь, мне собрать с них эту дань? И предъявить счёт Густаву, выкупит он тебя?

Марик усмехнулся:

— Ты счёт-то запиши на бумажке. Через кого-нибудь передай! А то... начнёте спорить... торговаться... и он тебе напоёт!.. Сам очнёшься на пирамидке!

— Ты веришь в него как в дроида. А он — слизь от разбитой тени, склизкая лужа на земле.

— И мало людей на ней поскользнулось?

— Нет, не мало... Чего ты принёс-то мне?

Марик отвлёкся, рассмеялся:

— Я не охотился, правда! Я подхожу, гляжу за вуаль... Там этот, как его, всегда в белом, Рис. Я только рот открыл поздороваться, как он: "Хан-Марик, Хан-Марик! Всё уже дома, ничего нет, только вот это!.. " Бросил мне и смылся! Вежливо, да? Минута — ни шатра, ни хозяина! Где-то поставит в следующий раз... Если здесь и дальше будет становиться скучней и скучней, я уйду в Великое Море! Дашь мне пару советов в путь?

Бутон-биг-Надир вытащил из рукава длинный кинжал без ножен, невероятной красоты, с зеркальной выемкой по центру лезвия, с семью рубинами от светло-розового до алого на рукояти... Отвернулся, замахиваясь снизу, с противоположной стороны и бросил его точно Марику в лоб. Подставка сказала: "Пиу!.." Хан-Марик скатился вниз, а кинжал остался на ней вертикально, покачиваясь на кончике лезвия.

— Вот, что я тебе дам, — ворчливо сказал Буро, — отрежь свою глупую голову. Всё равно не нужна, а ходить легче будет. Показывай, что принёс.

Марик бросил ему цилиндр с медузой и заметил:

— Ты ненавидишь море и Густава.

— Между ними, ты не находишь, есть определённое сходство? Ни пяди надёжной земли.

— Густав чем-то задел тебя?

— Ещё чего. Он мне противен... Марик, это дорогой артефакт. Рис, говоришь? По справедливости, ты не должен обижать его минимум год. Что желаешь, механическую птицу? Я буду честен, есть одна, но это стоит две или три.

— Меняю на выспаться и на сказку. Если боишься, я могу ночевать на подставке! Спать хочу.

— Боюсь, Хан-Марик!.. Кто же тебя не боится... Какую ещё сказку? Возьми Впечатление и спи.

Буро лукавил. Он любил рассказывать, вспоминать. Было чего...

— Не, так не пойдёт. Отдавай медузу!

— Ладно тебе, не скандаль...

Кресло широкое как трон, с высокой, обитой шёлком спинкой, Буро откидывал на неё голову в короне, стояло напротив пирамидки и входного полога. Марик клубочком свернулся на нём. Бутон-биг-Надир сел на мягкий ковёр, играя кинжалом, раскручивая его на подставке. Стемнело совсем. Она изливала разводами голубоватый свет, а лезвие отражало его золотым. Хан-Марик тоже смотрел на кинжал непроницаемым взглядом дроида. Буро вращал кинжал:

"Задумывается ли он о пропавших на таких сияющих зубцах по его милости? Качавшихся и пропавших?.. Единожды подумал ли так: возможно, им было больно? Или решил раз и навсегда, что стать кинжалом, не хуже, чем жить человеком? Не хуже и не лучше... Кольнуло ли в сердце сомнение: не правда, не так? Возможно, я чудовище... Глупости, нет? А если кольнёт в сердце, ответит ли ему Густав? Как же, ответит..."

Густав отворачивается, он не отвечает. Густав сердится, когда Хан-Марик пачкает золотом куртку: рукава, ворот. Когда натирает им руки и лицо.

— Жили-были... — начал Биг-Буро, не прекращая вертеть кинжал на пирамидке.

— Чего? — встрепенулся задремавший Марик.

— Существовали. Предположительно. Давным-давно...

— Насколько давно? И откуда ты знаешь?

— Да ни на сколько, не было их, Марик!..

— А... — протянул Хан-Марик, и не поймешь, правда, недоумённо или в шутку.

— Предпочитаешь быль? Однажды высший дроид спустился на материк. И встретил изгнанника… И дал ему имя, и не только лишь имя, а после и... Фигово всё закончилось. Давай я лучше первую историю расскажу.

— Которой не было? Нет, расскажи вторую, которая была. Какое имя? И как закончилось?

— Сальвадор... — мрачно ответил Буро.

— И что было дальше? И откуда ты её знаешь?

— Марик, первая интересней.

— Небыль? Сомневаюсь, что...

— Ты или умолкаешь, — Буро ласково, вопросительно улыбнулся, — или выметаешься?.. Жили-были давным-давно три брата-дракона с волшебными рогами...

У Хан-Марика золотая. У куртки Густава тоже имелась подкладка, только чёрная. А между ней и плотной коричневой тканью верха, в обоих рукавах, двух карманах, под двумя отворотами воротника, и того: три пары крепких и тонких стальных цепочек, сотворённых, как артефакты с цельными звеньями, без разрыва. Цепочки в карманах оканчивались простыми грузиками, потяжелей — оглушить, разбить, даже тень, ему в пору тренировок случалось добиться нужной скорости. Под бортами — не пригодившиеся ещё ни разу — диски с режущей кромкой. В рукавах грузики поменьше, плоские, с крючками — самые важные — поймать, сдавить горло, Огненный Круг.

Бутон-биг-Надир должен был вернуться как раз за минуту до появления Густава в шатре. Утром. Обговорённый заранее визит. Флакон связных Впечатлений в обмен на информацию про обособленный уголок рынка. Про торговцев с разрушенного Рынка Скрытой Механики, который восстанавливать его обитатели не стали, а переместились кучно на Южный. Некоторые на Техно. Кто они сами, что котируется среди них, что идёт дорого только для несведущих? Особых претензий к Впечатлению Буро не высказал, любое, не слишком короткое. Он покупал их охотно. Летал ли сам Биг-Буро под дождевыми тучами? Замечен не был. Летал, но редко? На всём рынке он был единственным постоянным покупателем Впечатлений, явно не от бедности, потому что он и торговал ими. Среди своих, ищущих что-то конкретное. Тем утром вышла накладка, Буро позвали заодно оценить артефакт. Древний? Или Восходящим сделанный? Или хищником из кого? А наибогатейший Буро был любопытен и не преминул взглянуть на чужое. Плюс вознаграждение за услугу.

Марик же оставался в шатре. При появлении Густава, при чьих-то шагах вдоль тента он инстинктивно отступил в полумрак, за ширму с павлинами, рисованными пунцовым по чёрному. Густав огляделся, хлопнул в ладоши, для порядка. Рассмотрел издалека механику на торговой подставке: нераскрывшаяся лилия. Прислушался, механизм рабочий и заведён, тикает. Он сел спиной к Хан-Марику, игнорируя хозяйское кресло, на сложенные рулоны тканей и произнёс через некоторое время, так, между прочим:

— Долго ли ждать, Хан-Марик?

— Буро? — переспросил Марик, выходя.

— Нет, тебя.

Пока Хан-Марик делал два шага из-за ширмы, Густав успел очутиться у входа. Между ними теперь светилась торговая пирамидка.

— Тебя, Марик, тебя. Я же просил... Я ведь предупреждал: не стой у меня за спиной, ненавижу. Поборемся? Над пирамидкой. Над этой красивой штукой. Кто кого перетянет. Ты же такой сильный, Хан-Маричка, самый сильный на Южном. Кого тебе опасаться, не меня ведь? Заодно и поговорим.

Они стали кружить, ловя и отдёргивая руки. Марик смотрел на руки, в пространство. А Густав в пространство и на лицо, доброжелательно, отрешённо. Раз ударил по руке, отталкивая, и чуть поддался. Марик только-только хотел сомкнуть свои железные пальцы, как запястья Густава извернулись, оказались сверху, выдернули на себя, а из рукавов, одновременно с маневром выпавшие, цепочки обвили его руки. Тонкие, едва не прорезающие кожу. Крючки надёжно замкнули их. Вытянувшись на цыпочках вперёд, Хан-Марик застыл в последней точке доступного ему равновесия. Над пирамидкой. Слушая во внезапной тишине тиканье лилии. Одной рукой Густав держал цепочки, а второй, ровно клещами, зараза, сжал его шею. Сунул носом вниз, к артефакту вплотную, между локтей Марика просунув его голову, и продолжил спокойно, негромко:

— Я же просил тебя, Хан-Марик... Не ходи за спиной. Не вставай у меня за спиной. А ведь ты хулиганишь не первый раз... Ведь это нехорошо, Маричка. Ты не веришь моему слову? Обещаниям можешь не верить. А угрозам вполне. Я так редко угрожаю.

Хан-Марик напрягся в последней попытке вырваться, но шею пронзило болью, и он понял: вырубится, рухнет прямо на артефакт. Чёрт знает, что Буро поставил на него, а если согласие с превращением? Ходили легенды, что изгнанники могут делать так. Сто против одного, но всё бывает... Расслабился. Густав тоже.

— Видишь ли, Маричка... Я не хотел бы стать хищником из-за тебя. Но есть нюанс. Эта механика... Перед твоим носом не простой, Маричка, артефакт. Ты слышишь его? Скоро он раскроется. Лепестки разойдутся. Между ними покажется плод. Он поднимается, растёт, понимаешь? И гусеница на нём... Землемерка. Она ползёт, растягиваясь и сжимаясь. Ты не видел? Редкая вещь. Скоро увидишь. Она обогнёт плод, ягодку вокруг, отмеряя минуту ровно, шестьюдесятью шагами. А потом у неё должны появиться крылышки, следишь, к чему я веду? Перламутровые, прозрачные... Большие. Боюсь, Хан-Марик, что они-то как раз коснутся твоего носа... Интересно, стану ли я хищником? Пропадёт ли мой Чёрный Дракон от того, что гусеница станет бабочкой? Разве я буду в этом виноват?..

Густав отпустил его шею, перехватил за волосы, приподнял и ткнул обратно. С гневом, никогда не прорывавшимся при других, он повторил:

— Говори, Марик, кто?.. Буро или ты?.. Говори!

— Густав... — ну и хватка... — Не он и не я... Его позвали. Я не успел уйти.

— По-твоему, я первый день на рынках?

— Но это правда!.. Никто не охотился на тебя. Отпусти уже! На этой штуке наверняка

отказ, она слишком дорогая. Ты не поймаешь ей меня!

— Ты тоже не дёшев, Марик. И я уже поймал тебя. Не хочешь ли прогуляться связанным по главному ряду до... У кого ты особо в чести?

— Густав, я не охотился за тобой!

— Что ты делал здесь?! Проклятье, ранним утром! Я не прощаю тебе, третьего раза не будет!

— Не утром, а ночью!

Носом вниз, под своими локтями разговаривать неудобно...

— Что за бред? Ладно. Допустим. И что ты забыл тут ночью? Обдумай, прежде чем соврать. Будь убедительнее!

Тиканье лилии перебила мелодия из неё же. Механическая, но нежная. Четыре лепестка раскрылись один за другим. Густав тряхнул его за волосы:

— Сколько мне ждать? Придумал ответ?

— Я слушал сказку.

Марик смотрел на изнанку лепестков, розовую, абрикосовую в прожилках эмали, перламутровую. Жёлтая ягода, черешня поднималась над ними.

— Сказку?.. — переспросил Густав. — Понравилась?

Цепочки ослабли, крючки вышли из звеньев. Одной рукой Густав оттолкнул взъерошенную голову прочь, и Хан-Марик с грохотом улетел до красивой павлиньей ширмы, через пуфик, через рулоны тканей...

— Звучит так глупо, что похоже на правду...

На этих словах Бутон-биг-Надир вернулся. Точней, вернулся он несколько раньше, на этих словах зашёл. Густав учтиво поклонился ему. Марик одёрнул рукава ниже резких полос на запястьях и выскользнул из шатра.

Давнишняя история. С тех пор, уже много лет как, Хан-Марик завоевал расположение, доверие, право... — ходить Чёрным Драконом у Густава за плечом.

Глава 8

Глава 8.

Их было двенадцать человек, первых изгнанников, решившихся вместе уйти в Великое Море и не вернувшихся из него. Условно первых, ставших известными. Наверное, из-за этой мистической цифры и начала складываться в давние времена легенда о проклятой колоде. Легенда о колоде карт, подыгрывающих владельцу, если ставка — чья-то жизнь. Вещей желанных и красивых, вещей нужных добыть они не помогут. Но тот, кто играет из ненависти и ради злого развлечения, будет с ними непобедим. Мифы, случайные ассоциации и осколки чистой правды так перепутываются, тысячелетиями гуляя из уст в уста. Не разберёшься, что правда, а что выдумка, пока сам не проверишь. Густав, при всём его глухом, не различающем средств, упорстве в достижении целей, цели эти выбирал без фанатизма, достаточно произвольно. Он не был одержим чем-то конкретным. Легенда улыбнулась его окаменевшем сердцу, но и только. Он взял её точкой отсчёта, прежде восстановления дома, парка. Надо стать хищником, чинить собственноручно, ландшафт на Белом Драконе не принесёшь. А пока можно собрать колоду, посмотреть, сработает ли.

Двенадцать ушедших, переродившихся, пропавших. Двенадцать первых чудовищ и жертв Великого Моря. Сделавших одну и ту же ошибку: они ушли, насобирав как можно больше связных Впечатлений. Да ещё и цеплялись за них, не отпускали. В итоге тени сплавляемые жаром Огненного Круга, порой бессознательно, получались так сильны, так неуправляемы, что представляли даже большую опасность для них, чем тени Великого Моря...

Трое весёлых.

Её звали Мисс. Бубновая дама, первое преображение. Девушка, потерявшая руки. Вместо утраченных, пара гибких, как щупальца, бледно-зелёных рук выросла у неё за спиной, легла на плечи. Словно кто-то прячется и обнимает её сзади. Растерянные глаза, вертикальные полоски по щекам. Её преображение было замечено и потрясло остальных. Сразу после они и начали смотреть на себя в осколки стёкол, на дне повсеместно валяющихся, как ножи используют их, называют — «лепестки». Так и появились Впечатления, по которым возможно безошибочно отличить их, потому что это их собственные Впечатления: лицо или что там от него осталось, а вокруг кромка стекла, рука, держащая его, или не рука уже... Если в таком разобрал черты, узнаешь и в любом другом, где почётче. От Мисс иных Впечатлений не осталось, не находили. Говорят, эти тени-руки задушили её саму. Карта с Мисс, дамой бубей имелась у Густава. Не созданная для него, а выменянная. И до него пытались собрать проклятую колоду. Не удалось никому. Первая карта — первая преображённая изгнанница. Он счёл это счастливым предзнаменованием. Насколько слово "счастье" уместно в подобных делах.

Второй из весёлых. Симон, валет бубей. С белым цветком на виске. Так ушёл с ним, шёлковым цветком, заложенным за ухо, веселиться дальше, в океан. Кончилось тем, что волны носили его, лежащего на боку, целиком погружённого под воду, чешуйчатую глыбу, окаменевшую тень. Лишь белый, подобный шёлковому, цветок покачивается на поверхности. Огромный. Чарующий. И то — не цветок, а рот.

Род, король бубей. Как узнать его? Сразу утратившего человеческий облик. Что там должно быть, морда? И держит стекло не рука? Нечто на фоне нечто. Нужно расспрашивать, говорить с людьми. Причём не с теми, кому лжёшь свободно и весело, а со знающими, кто ты такой. Будут торговаться за каждое слово. Ладно. Красные карты все.

Дальше черви. Трое влюблённых в море.

Юноша Кит, оседлавший большую волну. Валет. Единственный, кому удалось на короткое время создать и подчинить себе тени движения, скорости. Как только одна из них перевернулась, превратилась в тень-схватывающую и увидела своего создателя, она притянула, сожрала остальные и разорвала его. Кит, розовый как рассвет, никому не успевший причинить зла, за него дрался Чёрный Дракон до последней секунды. Юноша на изумрудной волне. Таким он и остался во Впечатлении. Говорят, что в колоде Кит не может подыграть жертве, а хотел бы. Поэтому его считают тем, кто не даёт, мешает собрать проклятую колоду. Говорят, что не сумеет помешать, если его Впечатление воплотить самым последним. Но, как на зло, получается в числе первых. Ага, первых: валет червей у Густава был. Господин Сома продемонстрировал ему подлинность Впечатления, после чего создал карту из двадцатого на счёте Густава, шестидесятого по общему счёту. Хищник зашёл к ним с другого рынка, ни к кому конкретно, без договорённости, похоже, оттуда бежал. Не убежал.

Дама червей, Мэт. Самая страшная карта. Лицо в обрамлении облака медных кудрей, лицо в синих трещинках, разбитое, распадающееся на куски. В пасти червонного короля. Мэт прежде ухода знала о Великом Море достаточно для воплощения мечты. По крайней мере, для долгой жизни Морским Чудовищем. Однако преобразившийся Юбис догнал и проглотил её почти сразу. Она у Густава тоже была. Предатель группы, сделался лицом Мэт.

Юбис, король. Вторая проблема и снова король. О нём известно лишь, что успел сменить множество лиц, что были поглощены им целиком остальные, не успевшие попасться хищным теням, а последний из двенадцати проглотил его самого. И если Густав намерен поставить лицо Юбиса на червонного короля, то должен прежде узнать хоть какую примету, что это он, Юбис проступает на фоне моря в обрамлении битого стекла.

Трефы, крести, желавшие знать. Державшиеся вместе первые десять дней, но погибшие порознь: Гимн, Сомнамбула-Майя и Минт. Они решили смотреть не каждый за собой только, но и друг за другом. В хорошем смысле слова, наблюдать за изменениями в облике и за морем вокруг. Они оставались на мелководье.

Валет. Гимн поймал тень, она укусила его, а он её. Отравился, выправился, ощутил свою силу и ушёл. Юбис уже поджидал его. В бегстве тело Гимна преобразилось, тени подчинялись ему, бежать значит бежать, только скорость. Он бросился в океанскую даль человеком, а был настигнут — угрём, фосфоресцирующие полосы из точек вдоль тела... И Юбис таким же полосатым языком обвивает его хвост, смеётся, смыкает зубы...

Сомнамбула-Майя, полупрозрачное лицо изгнанницы, прятавшейся долго. Но не бесконечно. Она тоже сделала тень и не отпустила её. Тень быструю и пугливую. Минта покинула, предпочтя эту тень-подсказку, тень-чутьё. Карта дамы треф, Сомнамбулы-Маий была создана Биг-Джуном из чистой хозяйки Собственного Мира. Она надеялась с помощью Густава разыскать на рынке несостоявшегося гостя. Безрассудно поставила другу условие: принести редкость, такую, чтоб удивить... Не ожидала, что согласиться. Раскаялась. Но поздно. "Ведь и он кому-то попался..." — с досадой отметил Густав про себя, тогда ещё вдохновенно азартный в рыночной охоте.

Минт, король треф. Беда с королями. Опять никакой. Придётся рано или поздно отправляться с Господином Сомой к его непростым друзьям. Лучше поздно, чем рано. Чёрт с ним пока, с королём. Может само как-то прояснится.

Пики. Вини, последняя тройка. Знавшие заранее.

Король — есть! В смысле, карты нет, но не узнать его невозможно. Великое чудовище, последний из двенадцати. Обросший густой чёрной шерстью, с бивнями в огромной пасти гориллы, Гарольд, спасибо за твою несомненность! В каких глубинах ты таился, наблюдая судьбу остальных, ожидая единственного противника, предвкушая океаном, страхом и предательством создаваемое для тебя блюдо из всех их объединённых теней и Впечатлений? Рядом с тобой, доверяя тебе одному, и провела свою подводную жизнь Гемма.

Гемма, дама пик... Карта, закрывшая руками лицо. Рядом с тобой, Гарольд? И её не ужаснуло твоё преображение? Смотри, она ведь совсем человек. Она дралась с Юбисом, прежде тебя. За тебя? Или ты угостил его, для полноты собрания? Личная история Геммы покрыта мраком тайны. Густаву нравилась эта карта, бледные руки закрывают лицо, зелёные волосы размётаны по плечам. Она одна не смотрела на него, а Густав не любил, когда на него смотрели. Гемму пик сделал Зверь для него из Восходящего. Давно уж и Зверя нет... Стоило труда сквозь такую толпу провести покупателя ради безделушки — неповторяющегося дверного колокольчика! Примитивная механика, каких миллион. Густав болтал, не закрывая рта, от входа до шатра он выдал юному затворнику столько баек, беззастенчиво смешивая, перепутывая все известные ему имена, времена, сюжеты, что устал!.. Два последних шага к откинутому пологу... И дроид остался вне досягаемости. А дальше — Хан-Марик.

Последняя карта. Валет пик. Рок. Сам уход в Великое Море был его идеей. Его провокацией. Его погибелью. Юноша с широкими воронёной стали браслетами на руках. Тенями. Они не спасли его там, в океане. Ярость и храбрость Юбиса победили его. А терпение Гарольда победило и самого Юбиса... Поднимаясь из глубин, он был уже так огромен... Он гнал перед собой волну, захлестнувшую восток континента, превратившую воду забвения малых внутренних озёр, в морскую, воду Свободных Впечатлений... Не поднимавшиеся выше щиколотки, подсвеченные огоньками дроидов, туманы восточной части континента стали опасными морскими туманами... Название своё обрели Горькие Холмы. Многое из того произошло...

И так, вот карты, что осталось собрать. Юбис, король червей. Гимн, валет треф, Минт, король треф. Гарольд, король пик. Валет, три короля. Дамы благоволили Густаву, не прятались. А, ещё Род, король бубей — четыре. Три короля три проблемы, лица. Не похожие ни на что или на что угодно: Род, Юбис и Минт. Из каждого третьего похищенного, в результате третьей удачной охоты, а других у Густава не бывало, он получал от хищников номерные карты. Ожидая и наводя справки, ища Впечатление с лицом. За него, конечно, придётся платить отдельно.

Глава 9

Глава 9.

В мире хищника не поёт дроид. Ну и что, казалось бы? А вот вам. Необязательное делается непереносимым, как в мире Густава, где поёт, но лучше б умолк. Он ночевал там, устав на драконе и не осмеливаясь на континенте... И отсутствующее тоже — непереносимым. Не хватает, не достаёт. И хищник не забывает об этом, напротив. Не пустота окружает его, а подспудное беспокойство. Навязчивое, как вылетевшее из головы слово. Угрожающее, как мысль о ком-то, кто мерещится, за углом, за окном, за пологом шатра. Закрыться — отдельное удовольствие, не связанное с холодом и теплом. Но рамы теперь не достаточно. Надёжной, нерушимой рамы мало… Однажды Густав принёс по случаю в Собственный Мир отрез мягкой ткани с ворсом, а там жарко ночами, душно в его мире. Но с тех пор он засыпал, завернувшись в него, и желательно с головой, лишь так забывался. Но сейчас не о Густаве.

Как и остальные хищные хозяева, Господин Сома возвращался в Собственный Мир лишь взять что-нибудь из коллекции или добавить в неё. Дни проводил на рынках, жилой шатёр имел, конечно. Защищённый от теней, но как защититься от тревоги? Недоверия?.. Ведь и демоны моря ходят ночами в тумане. А каменных крепостей не возводят полудроиды. Когда начинала мучить жажда, на дракона, и сразу вверх, подальше от Великого Моря, опасался его, не любил. Платить за изысканные впечатления, как Буро, например, он считал странным, довольствуясь любыми. И угощениями. Он не признавался себе, и это тоже у хищников общее, что в шикарном облачном мире, созданном собственноручно, ему невыносимо. Не сознавался, иначе сказать — не осознавал. Да и что там такого кроме скуки? Как выразить словами, уловить мыслью, что пустота может расти и способна быть злой? Напротив, он думал так: выберу подходящий момент, чтобы закончить скитания, и уйду навсегда. Какое время? Как должно сделаться подходящим?

Он был постарше остальных, Господин Сома. Кого во сто, кого в тысячу раз старше... И эти его тонкие, белые рубашки с запонками, он носил их не застёгивая, но запахивая часто, нервным, привычным хищнику жестом, скрывающим волнение азарта или лжи, белый верх, чёрный низ, перенял из другой компании, с прежних времён. Господин Сома часто менялся обыкновенным манером, артефакты за артефакты, так что не все его рубашки сделаны им из похищенных. Но часто — для него... Он был не злым и не жадным. И чем дальше, тем больше участвовал третьей стороной в переговорах и сделках. Завсегдатаи Центрального, а затем воссозданного Южного Рынка обращались к нему, опасаясь переменчивого настроения Махараджи, статуса неморского чудовища Биг-Буро. Знали Сому, знали, что он позволяет выкупить пойманного, и даже порой самому откупиться под честное слово. В случае с незнакомцем ждёт ходатаев за него до трёх дней. Никогда не спешит и не отказывает, если нужно время. Может дать дельный совет. Не бесплатно, зато без коварства, действительно в интересах спрашивающего. В общем, предсказуемость, уравновешенность находят признание в любом из миров, и среди хищников, да. Чувств же, помимо азартной любви к прекрасному, у полудроидов мало, и добрых и злых.

Всё шло, как шло, не шатко, не валко, неплохо, и тут... Хан-Марик. Густав, конечно, многим удружил, приведя его на рынок. Юного хищного изгнанника, непостижимого, неуправляемого. Сильного, как Морское Чудовище. Спокойной жизни настал конец.

Господин Сома не имел к Хан-Марику какой-то личной неприязни. Просто, хотел, чтобы

его не стало. Как и не было.

— Я старый человек, — говорил он шагая рядом в пыли, раскланиваясь с хозяевами шатров справа и слева, редко бывал в этом ряду, — Густав, я старше вас, и охотников и бегущих Против Секундной Стрелки, и я ещё выигрываю против неё... Всё, что я хочу — спокойно ходить там, где ходил и раньше, до его появления. Он стал проблемой. Пойми меня, я не унизил бы Марика, предложив за него номерные карты, но если ты хочешь лица... А ты хочешь, Густав, или я затеял пустой разговор?

— Хочу. Достоверные. И все до одного. Господин Сома, я отдам тебе Марика в обмен на последнюю карту. На последнее достоверное Впечатление. Если угодно, можешь своей рукой из него её и сделать. Но не раньше... А если к тому времени Марик остепенится, — Густав улыбнулся такой мысли, — всё может быть, я соглашусь торговаться и дальше, за что-то другое.

— Договорились, договорились, Густав. Я рад, что мы поняли друг друга. Не буду врать на счёт королей, но валет пик уже ждёт тебя на Оливковом Рынке. На рынке Олива, бывал? Маленький.

— На час открывается?

— На два часа.

— Сколько же там торгующих, что они умудрились согласовать время закрытия входа?

— Олив и его "братья". Никого чужих, торговцы приходят и уходят через шатры, кого он сам пригласил торговать.

— Я чужой.

— Ты со мной. Ты покупатель, я хотел сказать, — Господин Сома засмеялся своей оговорке, признал. — Да, с дракона сойдя, одному туда лучше не соваться.

— А ты там в качестве...

— А я там — ты! Густав, прочувствуй, каково быть с другой стороны! На самом деле охотится он иначе, Олив имеет много знакомств, и за два часа там проходит порядочно народу. Единственный рынок Впечатлений.

— Впечатлений... Конечно! В гостях не бывал, но выражение "оливка" я знаю. Впечатление с тенью — оливка с косточкой. Даже пальцем тронуть нельзя. А ты говоришь, Марик... Проглоченный яд лучше удара в спину?

— Лучше. Эти тени без лапок. Они не бегают за тобой. Сдуру сунулся, получил по заслугам, что такого?.. Передумал?

— Нет, что ты. Когда?

— Честно говорю, Густав, я предпочитаю вечерний час утреннему, некоторых напрягает. А мы с Оливом старые друзья, редко видимся. Поговорить, выпить... Утром оба не в настроении...

— Как скажешь. Что хочешь?

— Ничего. Первый взнос за Марика.

Густав не мог не рассмеяться. Он не так понял сначала, оказывается полный комплект недостающих лиц — за одну плату!..

— Неужели всё так серьёзно? Маричка вырос в цене!..

— Он сто раз на дню появляется за спиной.

— Может быть, ты ему нравишься или твои рубашки? Хочет перенять стиль...

— Не больше, чем мне твой юмор. Рынок не место для диких зверей.

— Извини мой язык, Господин Сома.

— Олив будет нас ждать завтра вечером. То есть, он будет осведомлён о твоём приходе. У меня там шатры. Да, кстати, один прозрачный, заметный на возвышении. Приходи к открытию, поболтаем о королях.

— Я приду с Хан-Мариком. Ты тоже пойми меня.

— Понимаю.
И они распрощались до завтрашних сумерек.

Глава 10

Глава 10.

Оливковый, рынок Олива находился в ущелье, одна сторона которого обрывалась в ещё более глубокое ущелье, спускавшееся к морю вдоль северо-восточного, короткого мыса Морской Звезды. С противоположной стороны вход, там ступая на призрачную, необычную — шириной в десяток шагов раму, оставляли Белых Драконов, порой навсегда. Например, если оливка предназначалась для коктейля, а покупатель спешил взглянуть на приобретение… И тень, таящаяся во Впечатлении не ждала. Не уловленная сразу другой влагой, ядовитым туманом окутывала спешащего к выходу. Забавно, в большинстве случаев такое и покупал, только не для себя... Тени, они разные. Для освобождения некоторых, Оливу достаточно открутить имеющуюся, а закрыть горлышко другой пробкой, спрятанной в рукаве. Пористой, проницаемой. И отдать так... Некоторые притягивают к тому месту, где пребывали долго, некоторые сводят с ума. Внешние, безосновные, слабые тени живо переходят в присущие, будучи выпиты чудовищем, а человеком — в яд. Всякие они бывают.

Условленный час настал. Густав и Хан-Марик сошли с драконов, запрокинув головы, оглядели стены ущелья, грозно наклонённые внутрь. И шагнули, Густав за Мариком, в коридор вертикальной, деревянной когда-то, полурастаявшей рамы старого рынка, навстречу отдельно без рядов установленным шатрам. Прозрачный шатёр Господина Сомы нашёлся сразу же, он действительно стоял на возвышении. Туда бы и идти. Однако по пути к нему Густав допустил не повредившую ему, но досадную оплошность. Господина Сому он заметил в проёме другого, плотного шатра и зашёл поздороваться. Поклонился. Марик тоже, с ухмылкой. Через откинутый полог внутрь падал луч вечернего света из облачного мира, шапкой белевшего над ущельем. Надо же, точно через раму попал… На торговой подставке бледный и серый одновременно, со связанными руками сидел не шевелясь До-До. Самый простой и весёлый из хищников, пришедший в компанию позже других, никогда, вроде, и не бывавший заказчиком. Только мены и игра, бег Против Секундной Стрелки. Единственный личный враг Господина Сомы. Грабитель изначально, обкрадывавший его неторговые шатры в дальней части Южного Рынка, уходивший безнаказанным. И все это знали. Торговавший краденным открыто. Бесстыдно до того, что вернее сказать — демонстративно. И ещё... Раскручивая шарик или задавая условия на игру, прыжки, кувырки, препятствия, он, смеясь, выдумывал такие, что только самые ловкие и отчаянные соглашались на них. А Господина Сому спрашивал персонально, грабитель и насмешник, чтобы услышать: нет, пас, не играю. Отказавшийся же платит вдвойне. И, естественно, не выигрывает. Платит за сам отказ. До-До поднял взгляд на вошедших, вспыхнул безоглядной радостью надежды и воскликнул:

— Гутка!..

До-До, это именно Густав, увы... Он приветствовал Господина Сому и сел.

— Вечер добрый, Густав. Олив освободится ближе к закату. Но мы можем пойти к нему прямо сейчас. Посмотреть артефакты, на этом рынке их не прячут. Грабителей здесь не бывает, — он покосился на До-До. — За исключением дураков.

— Любопытствовать, но не трогать?

— Именно.

До-До смотрел на Густава, не отрываясь, не веря, в свою пользу истолковав его молчание.

— Господин Сома, если я правильно понимаю... — сказал Густав, подразумевая пленника и его судьбу. — Не пойдём пока, дай нам кредит. Марику нужна новая куртка, он опять весь в золоте.

Это была правда. Особенно рукава. Хан-Марик воззрился на них, словно первый раз видел.

— Ты светишься, как фонарь, — сердито сказал Густав, — охотиться невозможно. И это твои проблемы. Сам предлагай что-нибудь Господину Соме, если он будет так любезен сделать тебе обновку.

До-До пытался поймать взгляд Густава и не мог. Они всегда ладили, с самого начала. Вчера ещё пили одно Впечатление на двоих — горное озеро, пронизывающий ветер... Господин Сома так, между прочим, проследил его взгляд и тоже вгляделся в непроницаемые черты Густава, — змея... Хлопнул Хан-Марика по рукаву. Поднялось облачко золотой пыли.

— О, драгоценный хищник! Но это расточительство… Хан-Марик ещё не купается в расплавленном золоте, нет? Тогда я согласен вытряхнуть пыль из его куртки, мне можно ходить золотым!.. Густав, хочешь для себя десятку червей? Я знаю, как должны гулять по ней волны, в десять рядов!

Густав наклонил голову:

— Гут, гут... Господин Сома, прекрасное предложение. Сочтёмся.

Они встали.

— Густав?! — крикнул До-До, не веря своим ушам, юный грабитель.

— Мы осмотримся на рынке, — сказал тот Господину Соме.

— Я догоню вас.

— Будь ты проклят, Густав... — До-До выплюнул вдогонку ему и уставился в своды шатра.

Умирают один раз. Попадают в чужой Собственный Мир и того реже — полраза, на полсекунды. Хищник к хищнику. Погостить, погибнуть, — суть одно и то же для них. Густав и Хан-Марик скрылись за пологом. Сияющий Белый Дракон Господина Сомы озарил, спускаясь, двоих, оставшихся в тёмном шатре. Выдернутый с торговой подставки за связанные запястья, До-До вдохнул, а выдохнул уже в облачном мире. Красивом, неживом, пустом. В саду брошенный на землю между ажурными, плетёными креслами, подле такого же круглого садового стола. Ничего вокруг он не разглядел в ярком свете. Он видел фигуру над собой, блестящий ряд перламутровых, маленьких пуговиц на белизне рубашки, сверкнувшую запонку на манжете. "Секунда и всё... Это только мгновение. Миг и всё..." Господин Сома не двигался, запястий не отпускал, но и второй руки не заносил. Спокойное, чуть брезгливое лицо Густава маячило перед ним, — змея...

— Интересное дело, — сказал он задумчиво, припоминая, — До-До, помнишь мальчика, Восходящего, с арфой-головой Камышового Дудочника? Не ты ли превратил его в семёрку червей для Густава?

— Я, — хрипло ответил До-До. — Сома, я не притворяюсь лучше, чем есть. И не говорю, что достоин чего-то другого.

— Конечно, конечно, До-До. Но вот, что мне вспомнилось... Очень похожего мальчика год или два спустя я видел, пролетая над Мелоди-Рынком, обожаемым такими вот, музыкантами... На похожем драконе, та же дудочка, те же напевы, что пытался нам предложить, как выкуп, замечательно! И поспешное бегство...

Глаза До-До сощурились. Усмехнувшись, он огрызнулся напоследок:

— Узнал?.. И что? У меня была семёрка червей. Эта дурацкая семёрка, она у меня просто была, и я отдал её! И что?.. На кой чёрт она мне? Ладно, за куртку, ладно, за пуговицу от куртки, запонку! Но за бумажку, за дурацкую карточку?! Да, я отпустил его, и что?.. Тогда ты возненавидел меня? Решил, что я не такой? Не как вы?.. Я такой же, Сома. Просто я отпустил его, просто так!..

Тонкий-тонкий нож с гравировкой на лезвии, ряд птичьих следов, щёлкнул, раскрылся в руке Господина Сомы. Он подцепил и разрезал верёвку на запястьях До-До.

— У меня тоже, — сказал он, — и у меня есть эта дурацкая десятка. Уходи. И только попробуй испортить что-нибудь по дороге!.. Выход — там.

Он махнул рукой и отвернулся.

— Господин Сома, — прошептал До-До, — я, я...

Глава 11

Глава 11.

Господин Сома догнал гостей рынка около главного шатра, поставленного над пропастью с хитрым расчётом. В облачный рынок нельзя зайти и выйти минуя входную раму. И с тяжелыми, континентальными так, но под землёй — можно. Шатёр-артефакт стоял на разломе скалы. Короткий зигзаг подземный, открытый в нижнее ущелье. Оливу приятней было иметь два выхода. Чистая Вода забвения сочилась по стенам, так что нападения теней или хищников океанских с той стороны он не опасался. Сома протянул Густаву десятку червей, и все трое зашли в шатёр. Намеренно слабо натянутый тент колыхался в порывах ветра. Лица, профили, один перетекает в другой. Человеческие, звериные, причудливые, пленительные и мучительно тревожные, состоящие из профилей, обращённые друг к другу, наоборот, в одну сторону смотрящие один сквозь другой, один в другом... Бесконечным орнаментом они разбегались по ткани. Улыбались, плакали, подмигивали, скалили зубы... Узоры, ветер, что

Множество торговых пирамидок. На всех сосуды с водой. На некоторых запаянные прозрачные цилиндры, вроде того, с медузой. Колбы круглые, плоскодонные, конические. Гости осторожно прошлись, оглядывая коллекцию. Малая часть. Первым шёл Сома, возле открытой чаши с двумя ручками остановился. Сунул палец.

— Это можно потрогать. Прикол.

Марик тоже сунул руку, не раздумывая. Золотинки с неё закружились на поверхности. Отдёрнул и вытер.

— Что за чёрт?

Сома хмыкнул:

— Привыкли к рафинированному.

Густав посмотрел на них и потрогал тоже. Впечатление мелькнуло, раскрываясь за три секунды: ряды цифр идут по бумаге, рука пишет, останавливается, берёт что-то, лежавшее рядом, не глядя... Вдруг обжигающе-кислый вкус, смех и радость...

— Что это, Сома? — удивился Густав. — Зачем оно?

— Так, Гус… Всякие бывают коллекции. Это чистое, свежее Впечатление. Цельное. И весьма древнее, притом. Не рафинированное в Собственных Мирах, не объединённое с другими и не разделённое на части. Кто-то когда-то имел его, сидел, решал математическую задачу, откусил кислое яблоко и внезапно понял, нашёл решение, всё.

Густав пожал плечами, действительно, кто что собирает.

— И откуда ты знал, что оно безопасно?

— Между нами. По чаше. Непрозрачная. Олив держит ядовитые и простые в разных, чтоб самому не запутаться!

— Разумно.

Полог откинулся широко и Олив с двумя "братьями", мощными, но словно придавленными грузом на плечах, зашёл внутрь. Вопрос насчёт его имени снялся. Он был светло-оливкового цвета, печать Великого Моря. Сколько смертоносных теней успел создать, одну, несколько? Достаточно, чтобы ловить другие и удерживать в руке, но не достаточно, чтобы утратить человеческий облик.

Олив — хозяин, хищник, Чудовище Моря. Вытянутый овал лица, волосы спадают на него прямой чёлкой, тёмные, сзади перевязанные, длинные, до колен. Человек... Поклонился. Улыбнулся гостям. Не человек... Слабо растягивается улыбка, только верхняя губа поднялась, открывая ровные зубы до маленьких клыков.

— Господин Соома... — приветствовал Олив, немного растягивавший иногда какой-нибудь слог.

— Олив... — поклонился тот и представил. — Густав. Хан-Марик.

Олив махнул рукой и отпустил двух пришедших с ним. Он переставил на землю несколько сосудов и торговые пирамидки растаяли. Образовалось свободное место, чинно они уселись на голой земле вслед за хозяином.

— Задержался...

А вот где был он и почему задержался.

Далеко не все из Морских Чудовищ, единицы умеют сознательно делать тени. Но и они стоят перед выбором, двумя. Присущие? Извратиться тело, а следом и ум. Долго таким жить на материке не сможешь. Внешние? Тяжко!.. И вырывать из тела, и удерживать, и приручать. Влагой моря поить и не давать взбеситься. Не иметь дела с тенями? Уже обретённая сила простаивает зря. Её уже помнит рука и зубы — единственная присущая тень у Олива, благо, во рту морской водой напоить её не трудно... Не забывается, как полёт, новая сила, пропадающая впустую. Для хищника — крайне обидный факт. Может быть, есть возможность добывать тени? Локального, узкого действия, тени-яды, и не беспокоиться о их "самочувствии"? Да, такие бывают, в шипах и клыках, в отравленных бивнях монстров, охотящихся в океане. Ставить сети на них? Ха-ха!.. Но случается, в тумане монстры отправляют их на берег, как отравленное дыхание своё, как забрасывают крючки из моря на сушу... И случается, оборвав леску, выживают раненые, сорвавшиеся с крючка...

Всё это было бы пустыми мечтами. Но однажды Олив заполучил два инструмента. Первый — тень в артефакте: обруч на голову, тяжёлый невероятно, даже для него. Обруч растягивался и сбегал, соскальзывал до ступеней, сгоняя все тени прочь. Если они были нестабильным то, оказавшись на земле, таяли. В противоположном случае имелась возможность поднять их сачком, поместить в сосуд. Этот сачок Олив ценил ещё выше обруча.

Вот природа хищника… Как целитель, как спаситель, он мог бы торговать своим мастерством, иметь с него честь и доход. Но нет, его интересовали не люди, а раны, власть, заключавшаяся в этих ядовитых соединениях, их тяжесть, пригибающая к земле не только плечи, но и взгляд, не дающая звать дракона, распространиться песней к небу...

Оба артефакта с тенями он получил от монстра, встреченного в тумане. Чудовище рассмеялось, обнаружив, что бледно-зелёный человечек способен разжать целый один палец его лапы, сомкнувшейся на горле. В океане не отпустил бы, а на суше показалось забавно. На суше много вкусной добычи… И Демон, Шершень предложил вместе вести дела. За обруч Олив отдал ему три десятка человек, преисполненных связными Впечатлениями, тогда он торговал ещё честно. Охотился, но обычным, человеческим образом. А за сачок — сорок пять человек. Хорошо угостил. После этого с Демоном долгие годы не встречались.

Простеньким сачком не поймаешь тень в океане. Она ловца вместе с ним поймает! Другое дело — раненные тенями, простыми, слабыми, не способными утащить силой, направлять лишь, подталкивать... Дурманить, пригибая к земле, угрожая смертельным распадом при взгляде в небо, попытке позвать Белого Дракона. Эти тени подвластны его сокровищам. И ловить не надо. Приходят сами, невзирая на риск. Преодолевая страх. Олив мог лечить. Это создало ему славу. Умный, через раз отпускал. Известность. Она перевешивала тёмную славу. Последняя надежда приводила к нему людей. Ну, и злонамеренность, наивная алчность. Желание приобрести яд. Таких сам не любил, большинство превращалось в товар или "братьев". Ещё некоторых выкупали. Иные раненые сразу приходили с подарком. К таким благоволил, безотносительно

ценности подношения. В любом случае, пришедшие сначала освобождались им. Исцелёнными, пусть недолго, но отдыхали от ужаса. Олив делал то, что обещал. Хотя до честности Морского Чудовища было ему далеко...

И задержался он ради чистого хозяина, из последних сил добредшего к нему, с помощью случайного попутчика, который немедленно слинял у входа. Проблема типична: ядовитая, распадающаяся тень не позволяла говорить, запрокинуть лицо к небу, к спасению, Белому Дракону и Собственному Миру. Такие яды океанским монстрам нужней любых других. Безмолвный, смотрящий вниз, измученный жаждой. В сознании, самостоятельно, игнорируя протестующее, глухое рычание Чёрного Дракона, он покинул его и зашёл в шатёр. Там хранились неисследованные и злые тени, сачок и обруч, и в количестве — обыкновенные кандалы. Недовольство телохранителя понятно.

Позвали Олива. Он решил, что справится быстро. Любопытство не тот предмет в отношении которого любой человек, полудроид склонен проявлять терпение, Олив тоже. Кого привели, надо же взглянуть! «Как обычно... А тень, уловится?» Он поставил юношу ровно, двумя руками с усилием поднял ржавый на вид, чугунной тяжести обруч, коронуя понурую голову, и тот потёк вниз. На плечи, на локти... Глаза раненого прояснились, раскрылись. Олив улыбнулся ему до самых клычков. Ненавидел редкие случаи, когда, убегая, яд уничтожал жизнь, леденея, острыми иглами льда уходя. Но бороться с подобной напастью не умел. Обошлось. Обруч заскользил быстрей, рухнул с грохотом. Тень оказалась нестабильной, осталась склизкой лужей, быстро ушедшей в землю. Исцелённый вздохнул. Бесцеремонно оглядел спасителя с головы до ног, как чугунный обруч прошёлся только что по нему самому. Всё понял и наклонил голову, в знак благодарности и перед своей судьбой. Ну, и что с ним делать? Оливу ничего особенного или срочного не надо. Яда нового не получил. "Привязывать рано, слабый. Напоить его связным Впечатлением, пожертвовать что ли? А там посмотрю. Чистые хозяева, бывает, по-честному откупаются. Конечно, сюда он уже не вернётся, но что-нибудь любопытное может вынести из облачного мира. Скучно. Хоть какое-то развлечение".

— Следите, — бросил Олив двум "братьям".

Ушёл и вернулся с "циферблатной" водой, приготовленной для игроков Против Секундной Стрелки. Ради смеха, он соглашался продать её только на своей территории. Любому, кроме Господина Сомы. Храбреца не нашлось. А зря. Сложносоставная, коллекционная, редкая, из целиком пролившегося мира. Хорошая основа для создания артефактов. Во Впечатлении стрелка, преображаясь, шла по цифрам, преображавшимся тоже. Как и само поле под ними. Каждую секунду менялось зримое, тиканье даже менялось... Собирал кто-то Восходящим. Без помощи дроидов сложно такое собрать. "Сам бы пил..." Юноша принял тонкий, высокий, словно заиндевевший бокал. Закрыв глаза, выпил до капли.

— Небо и море!.. Ты подарил мне время... Как таковое...

— Давай, рассказывай. Что у тебя есть в Собственном Мире хорошего?

— Много всего. А что ты хочешь?

— Мне скучно. Если бы знал, что хочу, из тебя бы мне это и сделали.

— Понятно... Проблема. Хочешь быть моим гостем?

Олив захохотал, сверкая клычками:

— Нет!.. Не настолько скучно!

— Ты видишь, я не хищник. И не собираюсь им становиться.

— Как и значительное число ими ставших, тем не менее. Я, как ты догадываешься, тоже не всегда был хищником. И тоже не грезил им становиться! Но однажды всё бывает впервые.

— И что случилось?

— А с тобой?

— Ничего особенного. Я слишком поздно выходил с Южного Рынка, напоролся на тень в тумане. Наступил... А ты? Не хочешь рассказывать?

— Тоже — ничего особенного. Я заманил врага. Хотел сделать из плохого человека хорошую вещь. А получилась хорошая вещь и новый плохой человек. Он всегда остаётся. Вещи прибывают. Но тогда я не знал этого. Что ты искал на рынке?

— Что-нибудь про дома. Не людей, а зверей, птиц, собственно. Искал связные Впечатления.

— У меня есть. Почему на Южном, шёл бы сразу ко мне?

— Олив? — юноша счёл момент подходящим для формального знакомства. — Я хозяин Мира-на-Ветке, Пта. Я слышал про тебя... Опасался. Впечатлений ли это рынок или теней...

— Не веришь в судьбу? Напрасно. Видишь, кому суждено встретить тень, не минует её. А кому суждено встретить Олива, встретит Олива!

— Но так лучше, чем наоборот. Что-то сомневаюсь, предложил бы ты мне поболтать и выпить! В итоге мы пересеклись, но иначе.

— Нуу, я ещё ничего не решил! Ты мне и откупа-то не предлагаешь.

— Предлагаю ещё раз, будь моим гостем. Мир-на-Ветке — прекраснейший, до самого ясного неба! — хвастливо, с кристальной искренностью подчеркнул он.

— Пта... Я легко и быстро злюсь. Ты испытываешь моё терпение. К тому же, в твоём раскладе что-то не сходится. Зачем ты выходил пешком с рынка, не говоря, вечером? Почему не улетел через шатёр без неприятностей?

— Я не домой, я на Мелоди хотел! Олив, ты видишь на мне карманы? — юноша провёл руками по цельному куску ткани, служившему одеянием, пыльному до крайности. — У меня ни камешка, чтоб пирамидку поднять, не говоря о месте для шатра! Не из торговцев я… И я соврал тебе, у меня пусто в Собственном Мире, артефактов там нет... Только эта тряпка на плечах. Я отправился на континент искать удачу.

— Нашёл!.. Никому нельзя верить, даже чистым хозяевам! Да, кстати, снова соврал, не бывает совсем ничего в Собственном Мире.

— Дерево есть... Огромное. Его я создавал Восходящим, только его... Создал. И время вышло, кончилось... Но ни для какой мены веточки я не отломлю с него, никогда!

— Бред! Хотя, я и не такое слышал. Ладно, вот тебе вариант...

И Олив рассказал ему, что имеет много теней, сохранённых в сосудах, извлечённых из тех, кто уже не расскажет, как они действуют... Ну, по разным причинам... А зачем хранить тень, не зная её природы? Если бы Олив и решился испытывать их на себе, кто освободит его? Чтобы поднять чугунный обруч, нужна морская сила. И чтобы поймать, заключить обратно в сосуд. Предложение было такое: стать подопытным и рассказать.

— Обещаю, что смогу освободить от каждой, ведь я так и добыл их.

— Ага... А те, кто не выжил?

— Эти?.. Их всего-то две, три... — Олив хищно усмехнулся. — Их оставим напоследок! Шучу, на самом деле, такие мне не нужны. И я уже знаю, что они делают. А как — мне всё равно. Я хочу знать обратимые, узкие, конкретные действия: придавливает, гонит, парализует, навязывает или блокирует мысль, чувство, понимаешь?

— Заманчивое предложение! Кошмар! А почему не испытываешь на своих "братьях"?

— Не мне они "братья"! А друг другу. Братья по несчастью. А мне — рабы. В каждом, Пта, есть уже тень, не дающая им сбежать. Обруч выгонит её, оно мне надо? Принимаешь условия, год службы за жизнь и несколько связных Впечатлений?

— Ужас!.. А впрочем, принимаю!

— У тебя лёгкий характер.

— Я птица на ветке. Принимаю, но послезавтра. Мне надо домой. Ну, ладно, я — хочу — домой!.. Я соскучился. Веришь, вернусь!

— Птица на ветке! Ты успел соврать за пять минут дважды!

— Я не соврал! Я сказал правду, в моём мире действительно много чего есть! Но ничего такого, что можно вынести оттуда. Крона... Огромная крона... С шелестом и ветерками... Корни, клубок... Со мхом, с норами между корней... Ветви, по которым гуляешь, прыгая с одной на другую день за днём, ночь за ночью... Дупло есть в стволе... Цветущие ветви, обращённые к югу... Зацветающие — к северу... Но это лишь на самой вершине, где можно качаться на них, не держась, густые... Жаль, что ты отказываешься быть моим гостем. Я хочу домой! Увидеть, подышать, не могу... Отпустишь на день?

— Пта!.. Ты совсем что ли меня не боишься?

— Теперь, когда мы познакомились? Совершенно. Совсем. Ты мне понравился. В Южном на твой счёт весьма много сочиняют! Мне там, чувствую, не добыть искомого... Хотел на Мелоди заработать, да я фиговый танцор... — Пта оглянулся вдруг, нахмурившись, повторив. — Они?.. Рабы?.. То есть, не только изгнанники, хозяева тоже, да? Хозяева разлучённые с мирами?.. Но зачем, Олив? Они очень несчастны. Зачем тебе столько?

— Ты будешь учить меня, сколько держать рабов?

— Я хочу помочь тебе. Им тоже.

— Ты?! Хозяин с единственным деревом в Собственном Мире?!

— Да, ты мне нравишься. Вещи тяготят, как же должны тяготить пленники...

Олив покрутился, приблизился, лязгнул зубами со злостью, не напугал ничуть и расхохотался:

— На день? Отпускаю! Проводите!.. Нет, сам провожу.

Он откинул полог. Два шага и Чёрный Дракон моментально проявился у Пта за спиной. Втроём шли до рамы. Середина вечернего открытого часа. Заграждающая тень, третье сокровище Олива, гармошкой рифлёной дрожит в стороне. Пта вышел и обернулся с полупоклоном:

— Очень признателен тебе.

— Привет южным веточкам! И ты мне понравился.

Олив развернулся, над собой безмолвно смеясь, устремился летящим шагом к большому шатру, на встречу с Густавом. "Самая идиотская сделка в моей жизни! А если вернётся, то в его жизни. Я сегодня такой хороший... Потому ко мне и идут, тянутся ко мне люди, хо-хо... Но сегодня — не собирался!.. Однажды всё бывает впервые. Может я сам отравился ненароком?.. Если так пойдёт и дальше, меня перестанут бояться. Страх потеряют совсем... А это уже лишнее... Птица на ветке!... Будь моим гостем!... Бред!"

Глава 12

Глава 12.

Для начала Олив предъявил Густаву Впечатление в залитой воском колбе, распечатал, дал потрогать. Валет треф. Юноша, уже целиком под водой, уходящий в прозрачную глубину. Пятится, смотрит на кого-то. То, что станет фосфоресцирующим телом угря, вьётся, вытягивается... Вокруг — очертания резкой, изломанной стеклянной кромки, он смотрит на себя и сквозь неё. Подлинное, вне сомнения.

— И так, — сказал Олив, — теперь, когда ты убедился, что бегущий Гимн есть у меня, позвольте мне угостить ва-ас?.. Кое-чем имеющим отношение к предмету мены.

Манера едва заметно растягивать некоторые слога смягчала его строгий, резковатый образ. Олив взял другую колбу, обтёртую от пыли, явно приготовленную заранее, разлил её в три тёмные, ультрамариновые пиалы, с белой каймой по краю и поднёс всем: Господину Соме, Густаву, Хан-Марику.

— Прошу вас, обыкновенное Впечатление. Но если сначала проверите, я не обижу-усь!.. — и показал клычки.

Проверять не стали. Только Густав задержал дыхание, коснувшись губами края пиалы, секунду. На четверых понемножку досталось. Во Впечатлении танцевало странное существо... И на земле, и на воздухе, без крыльев. Ярко, пленительно рыжий человечек со звериной мордочкой. Высотой в ладонь. Куколка. Ступни и ладони — мохнатые лапки. Острый носик, как у лисички. Длинная шерсть гребнем с головы спадает то вправо, то влево, то на мордочку. Беличий хвост... Пропорции тела делали её похожей на человека. А главное — огромные, добрые, весёлые глаза. Танцевала она на задних лапах. Остановилась, легла, свернулась... Вытянула передние лапки и пронзительно заглянула кому-то в глаза, Густав даже отшатнулся, так реалистично, близко. И зевнула во всю пасть, как ёжик.

Олив проследил за реакцией гостей, спросил:

— Я хороший хозяин? Радушный? Господин Сома, я думал, что тебе-то известно про улыбку-у Лиски-намо...

— Да, да. Привыкнуть невозможно...

— На то и рассчёт!..

— Я слышал это имя, — сказал Густав, — но не обращал внимания...

— Это не имя, а обобщающее наимено-ование. И выражение: "улыбка Лиски-намо", улыбка, перед которой невозможно устоять. Тоже не знакомо?

— Видимо, устаревшее.

— Да, пик их популярности минул давно. Господин Со-ома?.. — повернулся к нему Олив, предлагая принять эстафету повествования.

— Нет, нет... Я и сам послушаю с удовольствием.

— Значит, рассказываю для всех...

Олив начал с глубокой древности.

Лиски-намо были последним компромиссом между запретом видоизменять людей, и неистребимой их жаждой получить антропоморфную живую игрушку. Название произошло не от лисицы, а от имени дочки изобретателя, первой обладательницы чуда, Элизабет. Если нельзя вывести человека пушистого, глупенького и преданного, как зверь, то можно начать с другой стороны — очеловечить зверя! Кто послужил основой? Белка, скорее всего. Весьма далёкой

основой. Но огромный, пушистый хвост был неотъемлемым атрибутом. Размером с самого зверька. Как с веером или помпонами, с ним Лиски танцевали, за ним прятались, им укутывались, жестикулировали, выражали радость, приветствие, сомнение, одобрение...

Ещё до эпохи высших дроидов появились они, первые и последние в истории зверо-дроиды. Их не наделили речью. Танцующий огонёк рыжего пламени, созданный удерживать внимание. Дружочек, на которого можно смотреть вечно. Оправданием их существованию служили две простейшие функции. Они были няньками, Лиски-намо. Когда малышу весело, они играли с ним, когда грустно, тревожно или пора спать — заглядывали в глаза.

Но это так предполагалось, что малышу! Больше всего их полюбили подростки. А взрослые делали вид, что собирают коллекции разного рода: ушастых, гладких, разноцветных... Не оправдание, смех один. Гостиные бывали заполнены Лиски-намо, смирными в своём кругу, оживлявшимися на вечеринке, украшавшими будние вечера хозяев, тем более одинокого человека. Благодаря их обучаемости, Лиски приобретали и ещё одну функцию. Им можно было объяснить, куда не надо ходить малышу на улице, или к кому подходить, или совсем никто, чтобы не подходил к нему. Когда они отворачивались от подопечного, то он, не встречая притягательный взгляд, уходил вслед за ними из опасного места. Злонамеренность встречных они пресекали легче лёгкого, гипнотизируя огромными глазами, улыбкой Лиски-намо. Лиски стоила дорого, но отпустить с ней ребёнка считалось надёжней, чем с человеческим телохранителем. Связь, безмолвное понимание между рыжей нянькой и её подопечным было очень велико. Но это древняя история.

Тех Лиски нет в помине. Они не были автономными дроидами, не были бессмертны. Но их образы сохранились во Впечатлениях. И уже в эпоху высших дроидов наступил момент, когда они стали предметом помешательства, общего вожделения. Чтобы сотворить себе такую, живой артефакт, стали хищниками несколько десятков чистых хозяев. Лиски, предназначенные для выноса из Собственных Миров, создавались сразу внутри стеклянного шара. Разобьётся, нового не будет, не удержишь, убегут. Потому что они уже не настоящие, не те Лиски. От игривости в них остались безудержные танцы. И осталась способность заглядывать в глаза. Очутившись на свободе, они продолжают танцевать, смотреть бездонно и ласково. Остаются некоторое время рядом с освободившим их. Прибегают, кружатся вокруг тех, кого видели хоть однажды. Но не долго, приходят реже и реже, и пропадают насовсем. Рано или поздно они убегают... Предыстория закончена.

Заказ для Густава относился к месту на континенте, плато, представлявшему собой благодаря уединённости тайник без шатра, но с торговой пирамидкой. С шаром Лиски-намо. На артефакте стоит согласие только на человека. Остальное — в отказ. Хозяина артефакта Олив знал давно, тысячу лет он не показывался на континенте. Но жив, раз пирамидка не растаяла. Артефакт не заказ. Олив в любой момент мог бросить любого из "братьев" на подставку, всё, поднимай добычу. Заказом был тот, кто возвращается к пирамидке снова и снова. Тревожный, пугливый, мнительный, быстрый, как дракон над волнами. Не способный ни заполучить Лиски-намо, ни перестать к ней возвращаться. «Не толкать на чужую подставку!» Ни в коем случае. Поймать в целости и сохранности. И это очень-очень трудно. На плато нет укрытия. А предмет охоты удирает, от горизонта заметив хоть кого. Особенно Олива. Пытался, вообще бесполезно.

— Не знаю как, — сказал он, — понятия не имею. Но если правда то, что я слышал о тебе, Густав... Задача на годы, быть может. Я подожду... Я далёк от мысли, что ты будешь занят лишь ей. Огорчительно было бы, окажись наша встреча пустой. Ты молод, захочешь попутно искать и другие карты, королей... А рыскать на материке ещё дольше и безнадёжней, чем сосредоточится

на мо-оём лишь заказе... Вот что... Развлекись попутно. Есть закрытый клуб, Густав. Облачный рынок для торговцев, представь, не знающих, где он! Не ведающих пути к нему. Только через шатры в облачных, коварных рынках — незримые... Место жизни, место пребывания для своих, немногих своих... Чистых хозяев, как ты, Густав. Они старые, очень старые. Как я!.. У них хранятся Впечатления, про которые думать забыли на материке. И не только… Господин Сома знает дорогу туда, Густав. А я могу открыть тебе секрет, как достучаться до них. И главное, как выйти. Ведь ты нужен мне, если ты согласен. Ну что, пустая встреча?

— Я согласен. Олив, нет, не пустая!.. Совсем нет, давно не хватало сложной задачи... Покажи мне плато.

— Рад.

Господин Сома остался делиться Южными новостями, анекдотами. Густава и Хан-Марика Олив проводил до рамы, отодвинул и вернул на место запирающую тень, припозднились.

Глава 13

Глава 13.

Плато производило непобедимо мрачное впечатление. Низко над морем, лишённое, тем не менее, не только травы, но и мхов, лишайников. Сухое. Действительно, ни прохода в горы, ни пещеры, ни укрытия, всем ветрам открытое пространство. Земля в трещинах, каждая из которых напоминает зигзаг молнии. Оно располагалось между южным и юго-западным лучами Морской Звезды. Именно Плато Молний заливали первым, поднимающиеся над дружественными, весёлыми огоньками Туманного Моря дроидов, тёмно-серые, тяжёлые морские туманы по вечерам. На него ступали, вплывали, взлетали нетерпеливые хищники и тени. А дальше — низинами, к Южному Рынку...

Олив имел в виду следующую часть плато, ещё на ступеньку пониже. Он не проводил Густава, издали показал.

— Нас увидят рядом, и твои шансы стремятся к нулю.

Пояснил, почему нельзя ставить свою пирамидку с шатром, ни для интриги, ни для бегства, — заметят другие хищники с неба, пролетая на Белых Драконах. Так-то здесь прохожих не случается. Самое гиблое место. Но и светить артефакт не надо, мегаценный.

— Так я должен сохранить и его? — уточнил Густав.

— Желательно, но не принципиально. Его ценность для меня, в нахождении на известном месте и бесконечной притягательности.

— Я ловлю чистого хозяина?

— Нет.

— Хорошо.

— Не стоит обсуждать дальнейшее. Перекинься хоть парой слов. И я сообщу, что может пригодиться, дам необходимое, что запросишь.

"Ага, — подумал Густав, — сейчас. Буду я городить сложности. Дракона нет, телохранителя, а любая отсрочка — дополнительный риск, любое усложнение". Для лжеца, да, он совершенно прав. "Где пара слов, там и пара кандалов". Не знал, насколько в точку. Расстались.

Густав спустился один, поглядывая в сторону моря. Высокими пенными волнами ходит у горизонта. Здесь — перешёптывание огоньков. Чёрный Дракон недоволен. Зато видим. И это замечательно, гут, гут...

Итак, что же делать с пугливым обожателем Лиски? Для начала — стать подобным ему. Подражание — первое сближение, не в минус при любых прочих... Густав сменил обычную одежду на подобие рваного хитона изгнанника, небесного бродяжки. На плечах под воротом оставил пару цепочек с крючками. "Вот так... Гут". Приноровился запахивать поплотнее, но небрежно, чтобы Огненный Круг не выдал случайного волнения, а стиль плотно закутываться — охотничий стиль.

Ранним утром вернулся на нижний уступ Плато Молний и на пустынной земле его пирамидку с Лиски-намо нашёл без труда. Высокая пирамидка, очень тонкая, настолько, что острие теряется в им же распыляемом свете. Кажется воспарившим над ним идеальный шар синеватого стекла, прозрачный и прекрасно отражающий всё вокруг. Ничего вокруг. Молниями трещин разбитая, сухая земля, облачные миры пеленой, все в отдалении, и Густав... Смотрящий на рыжую Лиски-намо и себя, смотрящего на Лиски... и так далее. Густав в нищенском хитоне...

Скривился. Ни одно, ни другое зрелище ему не понравилось. Декорации тоже. Лиски заметила его... Отвернулась. Вот тебе... Улеглась и зевнула, один в один та, из Впечатления, во всю пасть, как ёжик. "И тебе привет, — угрюмо пробормотал Густав. — Если эта игрушка — дружок, то я — высший дроид. Чудовища Моря много приветливее. Сколько же мне предстоит любоваться на тебя? Год? Десять?"

Через минуту Лиски-намо уже танцевала. Мягко говоря, расположения к себе она не прибавила, потому что... Обычным для всех Лиски образом... Остановилась. Припала к стеклу. И взглянула в сердце Густаву бездонными, улыбающимися глазами... "Друг мой!.." — набатом юношеский голос всплыл в памяти, из-под ржавых замков, беспрепятственно, проклятье!.. "Друг мой, ты не заставишь меня усомниться в тебе!.." Проклятье! Густав отпрянул от Лиски, отвернулся. "Улыбка Лиски-намо? Стоит запомнить это выражение. Точное весьма. Значит так, мне нужен полированный шарик или вогнутое зеркальце. Не хотелось бы годами следить за небом в отражении этого чёртового стекла и рыжего чёртика за ним..."

И годы пошли.

Первый год. Он не был так бесплоден, как представлялось Густаву, готовому к долгой осаде. Хозяин, навещавший Лиски, по-видимому, действительно не мог жить без неё. Временами Густав кружил над плато, временами сидел возле шара, лежал, спал, притворялся спящим, изучил своего телохранителя со спины, мордой к морю сидящего, до последней чешуйки на хвосте, до изгиба зубчатого гребня. Заострённые уши, как рога. Дёрнутся резко, и снова замрут. Иногда он рокочет в сумерках низким гулом из груди, из приоткрытой пасти, слушая, как распространяется, как возвращается звук к нему в острые уши или во всё непостижимое существо дроида. Один из самых крупных и мощных Чёрных Драконов, каких встречал... Густаву это нравилось, приятно смотреть, не то что на Лиски...

Редко выдавался день, что бы не появился на горизонте узкокрылый Белый Дракон, несущий человека на спине, закутанного с головы до ног. Они появлялись и, завидев его, исчезали немедленно. И назавтра появлялись вновь. "Интересно, сколько новых проклятий в мой адрес придумано за прошедшие дни?.." — думал Густав, удирая тоже. Задача его состояла в том, чтобы сорваться с места в противоположную строну, но при этом, быть замеченным. Через некоторое время начало получаться. Пугливый хозяин притормаживал у горизонта, видя его бегство. Но дальше того не шло. Густав не проводил на плато день от рассвета до заката. Он оставлял возможность планируемой добыче, будущему вальту треф, навестить любимую игрушку. И это тоже принесло свои плоды.

Одним прекрасным вечером издалека Густав увидел знакомую фигуру прикорнувшей рядом с шаром. Рука у Белого Дракона на шее... Вряд ли хозяин спал, догнать не удастся... Не стал даже пугать напрасно, не говоря преследовать. Но он навёл Густава на мысль, делать так же почаще, взяв за правило, наблюдая в зеркальце за небом. Сентиментальный ритуал. Небесный бродяжка, досыпающий утренние часы на земле, рядом с прелестной игрушкой... Чужое постоянство располагает, не суть важно в чём. Охраняемый Чёрным Драконом, в эти часы зримым всегда. Несколько раз тени нападали из остатков тяжёлого, рваного тумана. Продемонстрировать, если вдруг до сих пор не заметили: "Я не хищник, о нет!.."

Свершилось. Настал торжественный день. Одиннадцать суток подряд, без перерыва, с редкими прогулками в небе Густав провёл рядом с шаром Лиски-намо и уже готов был дать себе передышку. Он лежал на боку, положив руку под голову, как бы заснув, как бы глядя перед этим

пронзительный и бесхитростный танец рыжего огонька. А на самом деле, заслонившись рукой с зеркальцем от него, всматриваясь в небо сзади. И вот в зеркальце сначала сияющей точкой появился Белый Дракон. Приблизился, приобрёл очертания...

Он рос, не улетал. "Неужели ступит на землю?!" Через короткое время ездовой дроид вскинул узкие белые крылья, зависнув над самым краем плато, над бездной. И не растаял. Рука наездника осталась лежать на изгибе его гордой шеи. Фигура вместе с драконом подошла на несколько шагов. Она издавала знакомые, раздражавшие Густава, звуки при ходьбе... "Как Хан-Марик... Ножные браслеты? Но звук грубый, не мелодичный... Я не обязан спать! Напротив, я должен проснуться и испугаться!.. И посмотреть". Всё же Густав дождался следующих шагов, фигура сбросила ткань с лица, с головы... Тут он резко обернулся.

Неуловимо и несомненно похожая на Лиски, тонкая девушка с медно-каштановыми волосами, целой гривой, перевязанной слегка, откинутой за плечи, стояла рядом с насторожившимся Белым Драконом. Её глаза были ещё огромней, чем у Лиски-намо, но они не улыбались. Они были распахнуты, навсегда оставшейся в них тревогой, больше того, старым, непреходящим ужасом. Над маленькими ступнями нет, не браслеты... Там были кандалы, короткая цепь в несколько звеньев соединяла их. Девушка могла делать совсем крошечные шаги. Одна нога перед другой... Первое свидание длилось секунды. Девушка всплеснула руками, вскочила на дракона, с глухим звяканьем тяжёлого металла, и её уже нет... Вихрь, не дракон.

Густав посмотрел на облака. Выдохнул. Разжал кулаки. Расслабил, готовые к рывку и драке, мышцы. Тряхнул головой... "Ну, Олив... Ну, зелёное чудовище... Можно же предупредить как-то! Это не месть... За такие браслеты надо мстить, а не наоборот. Лови аккуратнее, Густав... Иначе останешься без вальта... И без головы".

Глава 14

Глава 14.

Густав рисовал прелестную Лиски-намо.

Рисовал без тепла в сердце, без сердца, но увлечённо, сам не ожидал. У него получалось. Густав если что и любил в принципе, это когда у него всё получалось, концы сходились с концами, план не давал сбоя даже в мелочах. А сам финал безразличен. Передавая Марику пойманного, замороченного им человека на последних шагах перед пологом, он не успевал ещё отвернуться, свернуть, отступить в ряды, как любезная, тёплая улыбка, застыв на миг, сбегала с лица. И рядом идя, он порой улыбался одним уголком рта, обращённым лишь к жертве. Охотник. Дозировал тепло по капле, будто экономил его — сколько требуется, и ни капли, ни секунды сверх...

Лиски... Дополнил образовавшуюся стопку набросков ещё несколькими, с закутанной фигурой на Белом Драконе среди облаков, сложившихся вокруг в сентиментальный Сог-Цог, символ старый, находящийся в ряду других на стыке письменности и символики. Он использовался в тексте эсперанто. В виде его могло быть сделано украшение, брошка, узор на кольце. Сог-Цог означал союз или приветствие. Происходил, вероятно, от обычая то угасающего, то возвращающегося: при угощении Впечатлением чокаться сосудами с ним, чашками, кто ближе знаком с историей — бокалами. Память о тостах была утрачена. Скорее всего, полудроиды просто не улавливали, что такое тост. Комплимент? Не совсем. Пожелание, обращённое в будущее? Вслух? Не принято! Выражаясь словами древних суеверий, они назвали бы такой поступок верным способом сглазить желаемое!.. Неуместны разглагольствования о будущем, особенно чужом. А чокаться весело! К тому же, это способ, при некоторой ловкости, лихо перемешать Впечатления! В самом простом варианте Сог-Цок изображался, как будто они пили кокосовый сок из орехов со срезанной вершиной! То есть, усечённые овалы, обычно четыре, столкнулись и выплеснулись, брызги из них взлетели, перемешались в воздухе. Это и есть ключевой момент изображения, остальное рисуется как угодно, в произвольном количестве, разных формах сосудов. В любовном варианте два рисуются... Густав выбрал парный вариант. Дорисовал. Задумался. Обвёл потемнее дракона. Заштриховал чуть-чуть облака. Отошёл, издали посмотрел. Остался доволен.

Он понимал, что за столь существенным прогрессом должна следовать не менее внушительная пауза. Если по большому счёту он хочет форсировать события, а не растянуть на годы и годы. Неплохо заняться и другими делами. Побывать где-то, помимо растрескавшегося зловещими молниями плато. Развлечься. Но нельзя исчезать охотнику, не оставив жертве домашнего задания. Необходимо что-то напоминающее о себе. Простое. Притом неоднозначное. Не маленькое зёрнышко, и не переспелый плод. Абрикосовая крепкая косточка, что будет прорастать, цвести, пока он не вернётся и не соберёт ягоды, гут.

Лиски на его рисунках была иногда одна, кружилась, раскинув лапки. Иногда с Лиски другой... На последнем обрывке бумаги он изобразил зверька в кандалах, но как бы передумал и стёр их... Углём рисовал на тонких бумажках, сворачивающихся в трубочки, мятых, с текстом и без, с разноцветным печатным текстом. Такие по его мнению мог добыть нищий изгнанник.

Рисовал днём. А одну из ночей, под неоценимой охраной Чёрного Дракона, он потратил на то, что бы глубоко, надёжно зарыть, придавить камнями и замаскировать в непосредственной близости от торговой подставки, от шара, полыхающего рыжим танцем Лиски-намо, совсем другой шар... Гирю. Тяжелее чугунной, из камня с металлическим отливом, со скобой в нём. С цепью и замком на скобе. Раскрытый замок без ключа захлопывался одним движением.

Рассчитанный на одну попытку. Густаву больше не надо.

"Гут, — сказал он себе, осмотревшись при утреннем свете. — Гут, отлично". Положил стопку рисунков с другой стороны, придавил крупной, изящно и сложно закрученной, нарочно принесённой ракушкой. Позвал Белого Дракона и взмыл над плато, надо всем континентом, над Великим Морем, выкинув Лиски-намо из головы. Устремившись к интригующему и опасному облачному рынку, к охоте на рынках земных.

Глава 15

Глава 15.

"Гала-Гало-ло" — "Безмятежная аура", "Круг покоя", "Ореол тишины" — облачный клуб, клуб чистых хозяев, облачный рынок. Второе, повторённое "ло" выполняло роль восклицательного знака. Позже оно слилось с первым, название упростилось, и рынок и его обитателей именовали просто "Галло"". Что до последних, одна правда состояла в том, что они, жуткие древние снобы искренне презирали мысль о допущении хищников к себе. При этом, торговыми пирамидками обитателей рынок был заполнен. А вторая в том, что они чего-то смертельно боялись. Кого-то жившего на материке или в море. Поэтому — столько ловушек, предосторожностей, изоляция... Основную цель преследовали — оставить его лёгким, свой рынок, парящим в небе, непредсказуемым на розе ветров, как облачные миры. Значит привнесённых артефактов в нём мало, воды связных Впечатлений небольшие запасы. Самое-самое. Много флаконов с оливками. И то и другое не только прижимает рынок к земле, но и делает предсказуемым траекторию его движения, привязанной к сезонам, к высотам. Повторяемость — начало снижения. Нет, нет, только не это! Случись приземлиться, галло без колебаний, хотя и с огромным сожалением покинули бы его. Зачем же вообще он им нужен?

Невыносимо без песни дроида хищнику в Собственном Мире. А подобным Густаву, охотникам невыносимо с ней. Это раз. Преследователь знает где их миры, это два. Но не знает дороги к рынку. К Гала-Галло. Можно вылетать и возвращаться. Всё равно страшно. Они почти и не выходили.

Олив не был галло. Он единожды ставил там пирамидку, ушёл через неё. Белый Дракон его не имел возможности запомнить дорогу. Дроид запоминает на обратном пути, на континент или к дому. Весьма не скоро, но ловушка сработала, он получил пойманного. Отдав требуемое, Впечатление сложного конструктора, эпохи, когда города уже росли самостоятельно, по заданной схеме, но ещё требовались людям. У галло котируется такое, хитро закрученное, без эмоций, длинное, если пить по глотку. Улетел с пойманным, шатёр растаял. Больше не приглашали. Не приняли. А если бы не успел тогда сбежать, попросту отравили бы и сняли флакон с растаявшей пирамидки. Такой расклад уготован большинству их гостей. Которых вообще-то за столетия — единицы.

Точное число обитателей знали только они сами. Олив знавал двух примкнувших позже. С огромным взносом и испытательным сроком. Оригами. Прозвище объяснялось принесённым им новым увлечением, страстно и надолго захватившим галло. Эрзац, замена творчеству гостя. После него был Слон. Хозяин, чьё прозвище тоже возникло не на пустом месте. Он владел живым артефактом, слоном. Друг Слона, раскаявшийся хищник сделал его по-драконьи крылатым. Не комичным, нет. Прозрачное марево голубых крыльев распахивалось вокруг белого, величественного зверя, и тот шёл по небу, неторопливо покачиваясь, на фоне плавных волн, пробегавших в лазури этих крыльев... Настолько умиротворяющим и прекрасным получился артефакт, как Царь-на-Троне, что в один и тот же момент, что сделался хищником, друг и раскаялся. Подарил, отправил по небу в чужой Собственный Мир, в своём закрылся... Новый хозяин его однажды заманил к себе гостя, но памятуя о бурном раскаянье друга, затворничестве, озадаченный и напуганный им, не стал повторять его ошибку, не превратил пойманного, но заставил всё переделать вокруг. Собственно, уничтожить мир давно ненавистный ему, охотнику. Многоэтажный, разукрашенный пряник-дом, доступные и

недоступные элементы пейзажа, от клумб с нарциссами, до полей лаванды, видимых из верхних окон, все сокровища, накопленные ложью и предательством, коллекцию полузапретных Жужелиц, военных приспособлений, не позволявших приблизится к человеку, всё при всё гость превратил в звуки. В колокольчики и сеть для них, накинутую на слона. Отпустил гостя. До последнего момента тот не верил... Колокольчики серебряные и голубые под цвет крыльев, их лёгкий звук веселил и согревал одновременно. Чистый хозяин делал... Но надо где-то жить?.. С таким-то взносом в Гала-Галло Слон был принят. Массивный и грациозный, воздушный, сахарно-белый слон ходил и летал по облачному рынку, производя тихую музыку, повсеместную, необременительную, как он сам. Напоминая обитателям Галло песню дроида в Собственном Мире, какой была, и какой уже не будет.

Всё это Олив рассказал между делом, а в начале главное:

— Ничего, ни при каких условиях, Густав, не бери самостоятельно, только из рук! Даже грушу, — он задумался, припоминая, — там любят их, румяную грушу с подноса... Нижняя часть её будет торговой подставкой, верхняя — товар! Галло чистые хозяева и кичатся этим, они не могут толкнуть тебя в спину. Но всё, что там есть, они позволили разместить хищникам. Тем хищникам, которых за горло держат двумя руками. Которые на рынках не рискуют, а добычи ждут в мирах. Нескольким всего людям. И к себе их не берут, и не опускают. Если тронул — сам виноват. Ты бывал вообще на облачных рынках? Шатров не видно, их там не надо, Густав. И пирамидки не обязаны быть пирамидками. Тотальная ловушка. Галло остаются чистыми хозяевами. Они предоставили место, не более того, место для "особо привилегированных".

— Для тебя?

Олив замялся:

— Нет. Уже нет. Следующее правило: даже из рук взятое не есть, не пить. Оливки, в мою честь названы, да!.. Всё с тенями и вода и плоды. Но дабы не утяжелять рынок, иных теней там нет. И на входе. Он иначе защищён. По-другому закрывается...

— Это всё прекрасно, Олив, но как же с ними говорить? Что я предложу им? И тебе за информацию.

— Мне половину Впечатления о любом короле. Не беспокойся, нам хватит. Я твой конкурент, тоже собираю их. Удивлён? А им... Ничего. Им никто не нужен. И ничего не нужно. Да и вещи настолько дорогой для торга нет. Для согласия. Тебе надо заинтриговать и зайти, такую вещь дам. Тебя они ловят, не за неё торгуются... Ты должен будешь шантажировать и ограбить их. После чего ты войдёшь в их клуб.

— Здорово! И по какой причине они примут меня?

— По той, что примут. За своего. Ты такой же Густав, подобный им. Настоящий галло. Видно и скрывать не надо, напротив. Ты продемонстрируешь им свою силу и предложишь свои услуги, те же, что на земных рынках.

— Разумно. Вернёмся к шантажу. Чем?

— Найдётся чем, главное — поднять пирамидку. Не соглашаться на простой обмен. Иначе не сбежишь.

На Оливковом рынке настал второй открытый час, день пролетел незаметно. "Братья" отодвинули тень на входе. Задержавшись постоять у выхода...

Хан-Марик образовался в проёме шатра, без приглашения. Кивнул Оливу, сел рядом с Густавом у колена, по-турецки. Хоть бы что сказал!.. Олив поднял брови вопросительно:

— Что случилось, Хан-Марик? Что привело тебя ко мне? За Впечатлением? За злой тенью?

— Марик, отвечай, — пнул его Густав, недовольный прерванным разговором.

— Соскучился. Я год не видел тебя. Вот, оказывается, где ты...

— Пошёл вон, Марик.

Тот не стал возражать. Но оба увидели, как он уселся прямо перед шатром, демонстративно соблюдя расстояние, недоступное для подслушивания.

— Удивительное существо... — пробормотал Олив. — Что он делает?

Густав обернулся, вздохнул:

— Что видишь... Ест золотую цепочку. Доедает. Он любит золото. И серебро.

— Это вкусно?

— Я не знаю. Я человек, Олив.

— Надо попробовать... Ладно, к делу. Шантаж...

Дивный, небывалый артефакт Господин Сома, пришедший к вечернему часу, изумляясь, крутил в своих аристократичных, тонких пальцах. Скрытую механику такого рода видел, но псевдо живое — нет. Жадность подспудным раскаяньем промелькнула, о сделке с Густавом, о знакомстве его с хозяином Оливкового рынка... Уж очень хорош артефакт!..

— Не дороговато ли, Олив? — спросил он, не удержался. — У тебя что, счёты с ними? Не верю, что ты отдаёшь такое за короля. Ты же, кроме теней, не собирал коллекций...

— Промахнулся, — ответил Олив, — редко мы с тобой видимся. И забыл всё на свете! Я и ты из тех ещё картёжников, из того времени, когда собрать злую колоду было общим помешательством. Сейчас что, одни торговые рынки, да Мелоди... А тогда сколько было игровых? На них и охотились игрой только, без пирамидок, и проигравшие слово держали!.. Весело было. Правда, я без азарта её собирал. И валет первым попался... Препятствие. Если уж ты суеверен, то не избирательно... А избирательная суеверность ещё большее суеверие! Заговорился я что-то, весело было, лихо... Густав, когда соберём наши колоды, сыграем друг против друга сразу на двух? На жизнь. Посмотрим, кому подыграют!

Густав ответил полупоклоном:

— Очаровательная идея. Но сначала проверим, подыгрывают ли они вообще. На ком-то другом.

— Конечно!

Густав отвечал, но другой вопрос вертелся у него на языке. Как на чокнутых, слегка, но внезапно свихнувшихся, он смотрел на собеседников. На обыкновенный яркий апельсин в руке Господина Сомы. Крупнее, краснее, ароматнее, но в остальном совершенно обычный, такой же, как приносимые изредка на мену изгнанниками Архи-Сада... Те бывали хотя бы со Впечатлениями иногда, а так фигня полная, сладкая водичка. Этот с особенным Впечатлением?..

— Господин Сома, — решил он озвучить своё недоумение, пока старые друзья не погрузились обратно в дебри воспоминаний, — я ещё готов допустить, что в облачном рынке Гала-Галло нету плодов. Готов допустить, что, по загадочной причине, в него принимают лишь тех, кто жить не может без апельсинов и, как Олив сказал, груш. Но в тебе я не замечал страсти к фруктам...

Олив и Сома весело рассмеялись, переглянувшись... Ровесники. По сравнению с ними Густав совсем юнец.

— Это не апельсин, Густав! — проговорил Олив, смеясь. — Продолжим путешествие в историю живых артефактов! Мы с Господином Сомой застали сражения из-за них, утраты

Чёрных Драконов, миров и жизней... Это — Улей. Они были разные. Этот — традиционный. Самый лучший, на мой вкус... Взгляд, на мой взгляд!.. И тот, кто создал его, молодец. Апельсин, он не раскроется сейчас. Не раскроется и завтра. Но, когда надо, когда время придёт, он раскроется, Густав. Прежде, чем отдашь, ты должен разок увидеть это, хоть раз.

Тогда Густав услышал, а затем, последовав совету, в Собственном Мире и увидел в действии Улей, поразительный живой артефакт.

Дважды в течении сезона он начинал раскрываться, по-разному. В первом случае спиралью, словно кто-то срезал с него, не отрывая ножа, толстую оранжевую цедру. Пока она не падала вниз серпантином. Следующий раз он раскрывался многими узкими лепестками и оставался лежать на них. Он, то есть, восковой, не утерявший аромата шар, обретший медовые нотки в своём аромате. Составленный из шестигранников, сот. И это лишь оболочка, сам артефакт внутри. Удивительный множественностью своей — улей. Первыми из сот появлялись не пчёлы, собственно не пчёлы и населяли его, а толстые шмели. Первыми — цветы. Лавандовые, сиреневые лилии, прекрасно контрастировавшие с золотыми мохнатыми шмелями и светло-жёлтой пыльцой венчика тычинок. Пыльцой, для цепких лапок и круглых боков. Лилии разлетались, росли, раскрывались, оседали на любых поверхностях, не образуя стеблей, превращая любой мир в цветущий сад. Следом за ними, гудя, вылетал первый шмель... Когда облетит все лилии до единой, первая превратится в точно такого шмеля. И так далее. Когда число их сравняется, гудящие, золотые, измазанные благоуханной пыльцой, шмели начнут возвращаться в улей... После, равное прошедшему, время он будет стоять закрытым. И всё сначала. Вне Собственных Миров цветы разлетались беспредельно, докуда могли. Но шмели всегда находили их и всегда возвращались. Не будучи пойманными, конечно. Такой артефакт украсит любой облачный мир, не трудно понять Господина Сому!

— Ну и что? — удивился Густав. — Ты решил изменить тактику, Олив? Галло так проникнутся его красотой, что пойдут на честный обмен?

— Сома, — Олив повернулся к нему, сверкнул насмешливо глазами из-под чёлки, — а не перехвалил ли ты своего про-отеже? Не приукрасил ли его рекомендацию? Густав!.. Думай: закрытый клуб... Лёгкий... Облачный... Но — рынок! Рынки невозможно совсем закрыть... Шантаж, Густав! Сколько пчёлок там? И все устремятся к земле. И все — вернуться обратно... Сколько охотников на Белых Драконах верхом устремятся за ними в поисках самого улья? К их маленькому клубу, к их тихой пристани Гала-Галло... К той, куда ты полетишь, но не откуда, чтобы твой дракон не запомнил путь!

— Олив! Моё восхищение! — Густав щёлкнул пальцами. — Как просто! Всё, что я должен сделать, очутившись внутри, торговую пирамидку. И я один, я один на всём белом свете могу её убрать! Они отдадут мне за это, что угодно!

— Я тоже так думаю, — кивнул Олив. — А не упустил ты из виду момент, что пирамидка сама тает, если умер поставивший её?.. Да-да, они чистые хозяева, толчка в спину ты можешь не опасаться. А ловушки, я повторяюсь?.. А яд?.. А снаружи?.. Не советую тебе с оставленной пирамидки бежать, они озвереют. У галло много всяких знакомств... Хорошо если после аферы и примирение состоится там же, сразу.

— Я сделаю это!

— Уверен. Надеюсь, тебя не обидел мой сарказм? Ты очень молод, Густав. Естественно, со многими штучками не знаком, не во всяком старье разбирался. Как оно, для чего...

— Я никогда не обижаюсь, Олив.

— Плохо...

Густав вскинул глаза на него. Господин Сома, кивнув, рассмеялся. Ароматный, неожиданно тяжёлый апельсин лёг Густаву в ладонь.

Глава 16

Глава 16.

— Крохоборы... — пробормотал Господин Сома.

Когда от бронзового дверного колокольчика отделилась бронзовая же ящерка, казавшаяся частью его замысловатого выпуклого узора. Прикованная к язычку колокола витой цепочкой, в ошейнике с волнистой полосой крошечных рубинов на нём, она шустро перебежала на его руку. Коготки ящерицы тоже алые, в тон рубиновой россыпи. С руки на шею... Исследовала... Нет цепочек, нет и бус. К ушам... И серёг нет. Господин Сома терпел. Вернулась на руки... Нет и браслетов. Тогда она ловко перекусила запонку, поймала обе части, спрятала за щеку, как хомяк, и убралась. Застыла в изначальной неподвижности.

— Крохоборы, — повторил Господин Сома, теребя оставшуюся запонку. — И всегда такими были.

Пока ящерка бегала, колокольчик звенел. И теперь перед ними, потянув на себя створки двери-артефакта, настоящей деревянной с кованными накладками, со щелью, для выглядывания тайком, предстал юноша в европейской одежде двадцатого века эпохи до дроидов. Строгие брюки, светлая рубашка... За ухом — большой белый цветок! Густав отшатнулся, чуть не полетел вниз, сходство с картой — поразительное! Симон, валет бубей?.. Юноша рассмеялся его замешательству, а Господин Сома поймал за локоть:

— Это не Морское Чудовище. Это у них юмор такой.

— Похож? — спросил юноша. — Сома, как дела?

— Одно лицо, — ответил Густав, — явственно помню его Впечатление.

— Приятно встретить вежливого гостя, но торговых мест нет.

— Он не торговать. Он претендует на членство.

— Ооо... — протянул юноша, — маловероятно... Но соблюдём формальности. И представь нас вначале.

— Густав. Сури, — представил Сома. — Гус, позови дракона.

— Нет, — возразил Сури, — только ты!

— А, ну да. Вы же такие мнительные, забыл как-то. Столько времени прошло.

Они стояли на раме. Господин Сома прыгнул на проявившегося опять крылатого зверя. Дракон-эталон. Аристократичный, как и он сам, совершенных пропорций, несколько безличный... На первый взгляд... Тяжелыми веками полуприкрыты лукавые чёрные глаза. Сома отлетел, по драконьему обыкновению, сделал кувырок в полёте, а выходя из него, лихо и непринуждённо сбросил Густава с рамы! Локтем за горло — и всё. Чёрный Дракон проявился немедленно. И сразу исчез, когда оба взлетели снова к раме на Белом Драконе Сомы.

— Хорошо, — сказал Сури. — Вижу, ты чистый хозяин. И не с пустыми руками.

О, да. И "не пустые руки" за всё это время порядочно мешали им. Наступил решающий момент. У Густава и у Господина Сомы имелось в свободной руке, под мышкой, по толстенному фолианту. Отягощавшие их, особенно в последней проверке на наличие телохранителя. Да ещё и Сома забыл предупредить о ней... А в одном из фолиантов в середине был вырезан круг в страницах, спрятан Улей-апельсин. Совсем тайно, в одежде не представлялось возможным его пронести. А так: пятьдесят на пятьдесят. Подозрительность же снималась в значительной мере.

— Но, Сома, — добавил юноша с цветком, — зайдёт он один, ты же знаешь...

— Выбирай, — указал Сома на обе толстенные книги с коваными уголками, на замках. — Вторая мне за посредничество. Я не в гости к вам прилетел.

Сури задумался. Рассмотрел обложки...

— Конечно, названия ни к чему!.. Как выбрать-то? Вручную стёрты...

— Тому есть причина, — ответил Господин Сома двусмысленно.

Сури осмотрел ещё раз... И указал на старую книгу в руках Густава. С Улеем внутри! Никто и бровью не повёл. Куртка застёгнута, рубашка Сомы запахнута плотно. Полыхание Огненного Круга секундное, не больше. Сома ощутил и азартную радость и досаду. Густав только радость. И не потому лишь, что цель его приблизилась, а удача в который раз не отвернула лица, но и потому, что твёрдо решил к этому моменту не отдавать шмеликов.

Прощаясь, они задержались на раме, и Сури расценил паузу, как знак близкой дружбы. На самом же деле, Господину Соме хотелось всё переиграть. А Густаву — схулиганить. Он не удержался. "Мы кажемся друзьями, расстающимися на пороге, гут, гут... Надолго... Следует попрощаться!.." Он, будучи одного роста с ним, как-то снизу заглянул в лицо Сомы, вспомнив улыбку Лиски-намо, преобразившись, охотник успешный и злой, и проговорил:

— Сома... Я буду возвращаться... Шмелём — в улей. Пожелай мне удачи... И тебе она улыбнётся!.. — так сказал с улыбкой Лиски-намо.

Господин Сома хлопнул его по плечу и прыгнул с порога, зовя Белого Дракона в падении, чтобы не выдать себя. "Шутник фигов! Чудище-Балаболка, тень океанских легенд!.. Не знаком я был с твоим стилем, Густав!" Дракон подхватил его в кувырке, сощурил чёрные глаза, прикрыл их. И помчал на континент. "По-честному, — решил Густав, — если всё получиться, отдам Соме шмеликов в Собственный Мир!"

Не только запонки собирала ящерка, нет... И слова. Слова в колокольчик, на пороге произнесённые, собирала. Живой артефакт плюс механика — страшная сила... Беспечный Сури, Сури последний из принятых, а следовательно, — привратник, не обратил внимания, не доложил их. Густав сеял разрушение на земных и облачных путях, предательство, распад...

Юноша распахнул шире обе створки. Пропустил гостя. И закрыл дверь у Густава за спиной.

Дверь, открывающаяся только вовнутрь, закрылась, защёлкнулась долгой трелью. Словно палочкой по ксилофону провели, замочки подинькали сверху до низу, от низкой ноты до самой высокой. Под их звуки Густав следом за Сури уже катился по песчаному, крутому склону. "Обратно по такому не залезть... С рынка, положим, через шатры входят, а как Сури к раме поднялся?.." Кубарем слетели они в сад.

Парк. Регулярный. Стриженные деревья. Кубы плотной листвы. Конусы. Шары на ровных стволах одинаковой высоты. Листва без промежутка и изъяна. Без вытянувшейся, непокорной веточки, без пожелтевшего листа, без засохшего краешка. С болезненным отвращением, поднявшись на ноги, Густав оглядел этот пасмурный облачный рынок, напомнивший оба его мира: созданный и испорченный, песок и ровные дорожки, то и другое на месте, рядом. Не хочет он воссоздавать утраченное, сейчас понял. Как и задерживаться тут.

Запрокинул голову. Входная рама высилась на вершине песчаной горы. Рынок Гала-Галло располагался вокруг неё. Струйка песка тем временем от нижнего звякнувшего замка добежала до них, боковым зрением Густав видел её, не придал значения. Зря. Ящерка в хрустальном ошейнике, подобная той, наружней, юркая тварь выбралась из песка, вскарабкалась по одежде и обвила его шею плотным кольцом. За две секунды, ровно. Проклятье дроидов!.. Тот, кто создавал артефакт, знал, что делает. Она не душила, полудроида не придушить за шею. Лапки гнусного зверька давили на плечи так, что Густав не мог бы при всём желании поднять руки. "Пирамидка, да... Ни её, ни шатра, ни бегства, соответственно..." Фолиант остался в руке. Хорошо, что замки на нём!..

— Без обид, — сказал Сури.

Следуя за ним, Густав отправился прочь от песчаной горы, такими же песчаными, вечно сырыми дорожками парка. Влажная, глянцевая листва меняла цвет по мере их приближения к окраинам, недоступным областям Там, от тёмно-зелёного к серебристому. Беседки на одинаковом расстоянии. На стриженых полянках. Отнюдь зеленью не увитые, незаметно к ним не подойти. "И это Галло, называется?.. Гала, покой? Какое тошнотворное и тревожное место". Большая — маленькая, чередовались беседки. Маленькие застеклены и закрыты. В больших беседках имелись столы и кресла со всякой фигнёй, разбросанной на них. Оригами везде, Олив правду рассказывал. Смятые, скомканные оригами. На дорожках разклякшие от сырости. "Нервные, бездарные Галло..." Узкий, элегантный бумажный самолётик проплыл, опровергая его размышления, над идеально стриженой оградой, спланировал в руки Сури... "Ишь ты!.." Записки не было. На следующем повороте Сури свернул в сторону, откуда самолётик был пущен.

Очередная просторная беседка. С овальным столом. Кресла. Семеро человек ожидали Сури с визитёром. Три девушки... Дамы? Четверо юношей... Господ? В повсеместные марблс играли. Как бросают игральные кости, так поочерёдно, сопровождая обрывочными словами игрового арго, они кидали округлые, размером и формой — виноградины, на стол. Катившиеся стремительно, они всякий раз останавливались у края. Испещрённые пиктограммами... Что означали они?.. Галло не давали себе времени на прочтение перед следующим броском, видно, наизусть знают. Один из господ, шумно вдохнув, отодвинул кресло и встал за другим, за спиной сидящего господина в светлом костюме, под сдержанные улыбки остальных. Густав тогда уловил, что не просто так некоторые сидят, а другие играют стоя. "Офигительный накал страстей!... Азартная игра — посидеть или постоять!.." — язвительно подумал он, вспомнив бег Против Секундной Стрелки, в котором, впрочем, и единожды не участвовал. Поверхностное суждение, да. Он и сам это понимал, вникать не хотелось. Галло никак не отреагировали на его появление. Не обернулись. Дамы в длинных платьях. У господ одежда подобная той, что на Сури. Господин Сома тоже вспомнился, но помимо рубашек, по рыночной свободной моде он, как большинство, предпочитал шаровары. Уж если о моде, то большинство континентальных полудроидов одеваются ярко и свободно — юбки, шарфы и украшения, маски, платки закрывающие голову и лицо, так, к слову. А здесь без украшений. Есть плетёные, кружевные шали на плечах и на спинках кресел.

— Будет дождь, — сказала одна дама.

Точно. Едва Густав ступил в беседку, ливень хлынул снаружи. Короткая гроза прокатилась по облачному рынку. Стриженая трава оказалась под водой. Потоки бежали, размывая ровные дорожки.

— Здесь всегда так, — сказал Густаву Сури. — Погода не очень.

И представил его. После чего присутствовавшие повернули свои лица. Сделав очевидным то общее, что объединяло их. Взгляд. На пришедшего, на мир-рынок, на жизнь вообще. Глаза, как озёра подо льдом. Густав заглянул в них... Потом обратно в мокрый парк, так напоминавший его собственный... И содрогнулся. Подобным образом в древних книгах, в религиозных артефактах эпохи до дроидов, открывалось герою наяву или во сне видение ада. С пустым котлом, уготованным для него. "Не хочу стать таким..." Стать? А уже не стал ли? Густаву не помешал бы стеклянный Лепесток, осколок, в который смотрелись те, им собираемые, ушедшие в Великое Море. Они-то понимали, как близки и необратимы перемены. Как легко не заметить их. "Как озёра подо льдом... Жуткий клуб, жуткие существа. Вот кого

переловить ребятам на артефакты..." Сейчас Густав расцеловал бы суетливую Лиски-намо, рыжий огонёк. И Хан-Марик всплыл перед глазами, по-турецки сидящий, упрямый и преданный, грызущий золотую цепочку... Несколько звеньев в тёмных ладонях, белых зубах. Сияние вечерних облаков, луч из чьего-то мира, приглушённый свет материка... "Чего я злился на тебя?.." А что он уже продал, за вход в этот же клуб, в том числе, продал Хан-Марика, не вспомнил. Это как-то побоку, само собой...

— Мой голос в минус, — сказала одна дама, сидевшая ближе других, в платье до щиколоток, узком, как труба.

— Но ты не можешь отрицать, Мадлен, — отозвался господин напротив, в уютной вязаной кофте кутающийся от сквозняка, — он нашего племени. Видно.

— Потому и минусую, — без паузы бросила дама.

Она поманила ящерку и та спустилась с плеч Густава на запястье левой руки, поднимающей пирамидки, руки с фолиантом, крепко обвив её.

— Взгляните сначала, — опомнился Густав, не мутя, в лобовую. — Понимаю, покинуть ваше общество можно через шатёр, не иначе. Ладно. Я делаю подставку, оставляю артефакт и ухожу. Вы рассматриваете, после я ухожу.

— Возьми печёное яблочко... — другая дама, миниатюрная, улыбнувшись, кивнула на изящную розетку с лакомством на сервировочном столике.

Пока три этих слова произносила, у Густава закружилась голова. То есть, не в эмоциональном смысле, а беседка заплясала вокруг, цветовыми пятнами, размытыми очертаниями вокруг... — розетки с печёным яблоком, с крупинками сахара на сморщенной кожуре. Густав не дёрнулся, переждал и всё. Три длящихся слова закончились и круговерть остановилась.

— Спасибо, — ответил Густав и не шелохнулся.

Дама встала быстро, но плавно, приблизилась с тонким тюльпаном бокала в обеих руках.

— Тогда выпей с нами. Говорят так у вас, на континенте про воду связных, ни разу не разделённых Впечатлений? "Ищи и выпей одним глотком. Насколько древнее на губах — столько будущего перед глазами".

— Спасибо, — ответил Густав и не протянул свободной руки.

Господин усмехнулся:

— Тебя предупредили, чего делать не стоит, но не научили притворяться? Сома и для нас был бесполезен.

"Погодите, — подумал Густав, — я собью с вас спесь..." Ответил:

— Да, я не умею притворяться. Вот книга, вот человек пред вами. Внутри книги то, что вне сомнения, способно заинтересовать вас. Я открою, закрою и уйду. А вы будете решать, достаточен ли взнос, что бы мне остаться здесь... В вашем обществе.

Произнёс и мысленно сплюнул, ужас какой!.. У них это суеверие означало отплеваться от ненужного Впечатления, дурного. Сохранилось с тех времён, когда запретные Впечатления не были подчищены дроидами и встречались через раз.

— Твой мир испорчен? — спросила вторая дама.

Проклятие! Снова заставляя мир вокруг плясать.

— Поэтому ты хочешь остаться здесь?

— Точно, — Густав смирился с головокружением.

— А у нас не слишком тихо для тебя?

— В самый раз. Снаружи для меня слишком шумно. У меня есть, что предложить вам, взгляните.

— Но на ней три замочка.

— Верно, но один открывает все три. Ненадолго. Два остальные сами захлопываются. Пока я не сниму каждый в отдельности.

— Разумная система, — кивнул, издали наблюдавший, господин.

— Скучаешь, Рондо, по торговым уловкам? — не слишком приветливо переспросила его дама, продолжая покачивать бокал. — Хочешь прогуляться на Южный? Там ждут тебя... Давно.

— Я нет. А ты могла бы и прогуляться, — господин был не против пикировки, — теряешь форму, Кроха. Решила не аперитивом, первым блюдом угостить того, кто даст тебе фору?

— Рондо?.. Учту твою критику... — дама развернулась к нему и продолжила совершенно тем же и совершено другим, протяжным в согласных звуках, гудящим, сладким тоном. — Ну, можно, Рондо, можно, ты не против, Рондо, я потренируюсь здесь?! Действительно, Рондо... Ты заметил верно, Рондо... Рондо...

Голова Густава немедленно прекратила кружиться, а вот господину в кресле, похоже, стало не по себе. Он вдохнул, поставил локти на стол, как будто заслоняясь. Почему как будто? Именно заслоняясь. Напрасно, притом. Вдохнул ещё глубже... Уронил на них голову. Тогда Кроха отвернулась.

— Ах, Мадлен, — прошептала она первой даме, — так складно всё шло когда-то, так распрекрасно. Один неверный шаг... Чем приходится довольствоваться?

— Ещё не вечер, — кратко, деловито отозвалась Мадлен и вернулась к Густаву. — На пирамидке, да? Так не откроешь...

— Естественно. Кто же любит запертые двери? Но что за беда, если я и сбегу? Рано или поздно артефакт достанется вам, с растаявшей пирамидки, если судьба не даст мне много лет, либо через шатёр вернусь обратно, — Густав иронически поклонился Крохе, — услышу ещё раз гипнотический голос галло!.. И в другой раз, ты одержишь победу... В чём проблема?

— Он нашего племени, — подтвердил другой господин. — Пусть делает пирамидку.

Остальные согласились. Пришлось ждать, пока кончится затяжной, мелкий дождь. Уйдёт с лужайки вода. Мадлен скептически покачивала головой.

— Ты сам-то с рынков? — презрительно спросила, оглядывая небо.

"Как ты забираешься на дракона в таком платье? — подумал Густав. — Или вы не летаете вообще? Будь оно на палец теснее — удушье и смерть... Ненормальные галло..." Но ответил:

— Я облачный странник. Охотник. Ваш стиль ловушки, мой — сеть и манки.

— Манки дроидов... — неожиданно для всех, мечтательно произнёс Сури. — Хотел бы я услышать их разок...

Мадлен так же неожиданно сорвалась:

— Ещё хоть раз заговори про дроидов, и я вышвырну тебя! И выброси эту гадость из-за уха!

Сури покосился на Густава, виновато улыбнувшись, почему-то в его адрес, и протянул белый, шёлковый цветок. Изящный, махровый, крупный. Цветок вальта, который Густав немедленно, демонстративно воткнул в петлицу верхнего кармана куртки.

Дождь перестал. Вода уходила с газонов и дорожек. Стало вечереть. Время, пора.

Густав вышел из-под навеса беседки. Дамы и господа, не торопясь, последовали за ним. По бронзовой спине ящерки Мадлен провела пальцем, и та скользнула, освобождая руку. Наконец-то. Свилась брошью у Мадлен на плече, скептически галло смотрела на происходящее. Густав тронул мокрую, стриженую траву. Пирамидка не поднялась. Один из господ хмыкнул:

— Подставку на подставку не ставят!.. Тебе повезло, что там полный отказ. Делай на дорожке.

"Олив, — подумал Густав, — буквально я должен был бы понять тебя: ничего не трогать!.." Он прикоснулся к сырому песку под ногами. На сей раз светящийся конус образовался.

— Фу, — сказала Мадлен, — напоминает общие рынки, преврати во что-нибудь.

— Как угодно, — отозвался Густав.

Он задумался на минуту. Новый опыт. Пирамидка ведь и мокрую трава с отказом!.. "Надо же, в облачном рынке можно творить формы... Как бы творить. За пределы не вынесешь. Но самому, собственноручно... Жаль, что такая способность распространяется лишь на пирамидки!" Опустил руку, — убежавшая ящерка, словно, продолжала цепляться за неё, тяжесть осталась, — поднял ладонью вверх... От земли взвился узкий язык едва колеблемого, не сжигающего пламени... Здорово, не ожидал. Трубный голос слона отвлёк его. Между стриженых кустов, облаком, зашедшим на облачный рынок, белым маревом остановился бесценный живой артефакт. Переминаясь с ноги на ногу, он покачивался, можно поклясться, специально, чтобы неповторяющимися, тихими «динь-дон!..» бубенчики на нём пели, разговаривали... Сури улыбнулся, заметив его. Остальные не обратили внимания.

Пора.

На острие светлого пламени Густав недоверчиво, но твёрдо опустил тяжёлый фолиант. Держит!.. И сразу поставил отказ.

— Открывай, — сказал Рондо.

— Сейчас, — согласился Густав.

Покачиваясь, водя хоботом по листве вдоль дорожки, слон уходил за поворот. Густав не отказал себе в удовольствии, обвести взглядом галло, их надменные лица, запомнить такими... Как озёра подо льдом... Не спеша, он покрутил три цилиндрика в основании верхнего замка на окованной медью обложке... Помнил на ощупь, тренировался набирать код. Замочки разом отщёлкнулись... И в тот же миг Густав не раскрыл, а с треском разорвал, на две части здоровенную книгу! Отбросил их в стороны... Подсвеченный снизу пламенем, Улей-апельсин вспыхнул и заблагоухал в сумраке дождливого, облачного рынка! Оранжевая комета, утвердившаяся на шлейфе своего огня... Пронзительный визг раздался у Густава за спиной:

— Он нашёл нас!.. Он вычислил! Я знала!

И те, кого видел Густав, от симпатичного артефакта заслонились рукой, рефлекторно. "Пока не кусается, — подумал Густав. — Какие мы впечатлительные, галло..."

— Он-н-на пути сюда-а!.. А-ча!

— Заткнись, — бросила Мадлен и обратилась к Густаву. — Когда?! Скоро?

— О, нет, — ответил Густав с учтивым поклоном, хорошие манеры, едва не утерянные за сегодня, вернулись к нему. — В следующем сезоне... Достаточно времени нам поторговаться. Вам подумать. Но в том, что мы договоримся, я лично уверен!..

— Что ты хочешь? — процедила Мадлен.

Голос из-за спины повторил криком:

— Чего тебе, шваль?!

— Четырёх королей. Впечатления. Минт, Род, Гарольд, Юбис.

— У нас их нет! — огрызнулась Мадлен, таки-изумлённая наглостью. — Есть только Юбис.

— С вашими бесподобными связями и опытом, — Густав был невозмутим и любезен, — вы сможете их найти...

Он поднял лицо к небу, готовясь позвать дракона, он не шутил. Сомневался, что позволят, но никто не шелохнулся. Здесь каждый сам за себя. Хищником стать галло не решится. Такой ужас, и такой мирный разговор... Галло!..

— Мне пора. Когда найдёте, постучитесь. На Улее, как вы понимете, отказ, но я сразу услышу. Буду ждать...

— Глупец! Их нельзя найти! Кроме Юбиса, остальные у чистых хозяев, не покидающих свои миры! — твёрдо и быстро солгала Мадлен.

Вообще-то Густав и шёл за одним Впечатлением... Рынок с первого взгляда опротивел ему, а вскоре — осточертел. Мысль о повторном возвращении претила. Он повёлся на враньё.

— Давайте меняться, — согласился он. — Только ради вас...

— Андрэ, — обратилась Мадлен к высокому господину в строгом костюме, — планетка у тебя?

Он нахмурился:

— Ждите.

Где-то за покинутой ими беседкой, через шатёр ушёл в Собственный Мир, вернулся с пыльным графином. И ещё большим раздражением на лице.

— Прошу.

— Потрогай сам, — по-рыночному бесхитростно, грубовато сказал Густав.

Тот закатил глаза с досадой, скрипнул притёртой пробкой. Откупорил, накрыл ладонью, перевернул вверх дном и подержал.

— Достаточно?

— Вполне. Теперь я.

Андрэ, не выпуская графина, повторил манипуляцию для Густава. Нечто!.. Кем бы ни было существо в мгновенной вспышке Впечатления, оно определённо отражалось в стекле, острая грань окружала его. Да!

— Меняемся, — кивнул Густав и убрал отказ.

Дно графина коснулось оранжевой кожуры Улея, роняя его, устанавливаясь на острие пламени. Артефакт немедленно был подхвачен над дорожкой. Густав тронул графин. Но не снял.

— Прочь, — сказала Мадлен.

— Ещё один момент...

Густав повернулся к хмурому господину Андрэ, державшему драгоценный и опасный Улей. Повернулся не только лицом, всем телом, медлительный, широкоплечий. Мягко, рассеянно посмотрел в глаза... В озёра подо льдом... И протянул руку. Раскрытой ладонью вверх, протянул к артефакту. Спокойный, непроницаемый, доброжелательный. Озёра подо льдом замутились. Господин стрельнул ими по сторонам, на своих. Никто не отозвался ни словом, ни взглядом. В мыслях Густава было так же, как и в лице: тихо, штиль. Узкий рот господина Андрэ дёрнулся, гнев и растерянность пробежали по нему. Рыжий апельсин, тяжёлый и ароматный снова оказался у Густава в руке. "Вот и ладушки, — подумал он, — вот и умница, Андрэ..." Белый Дракон спланировал к нему, не так высоко, как под земными шатрами, делаясь зримым, над головой почти. Тогда лишь он снял кувшин, запрыгивая на спину дроида. Свобода!..

— Постой, грабитель! — неожиданно крикнула Мадлен. — Не мало ли тебе?! Хочешь ещё кое-что? Совет! Как добыть Гарольда... — она сделала паузу, зайдясь искренним, хриплым смехом. — Он принесёт тебе удачу, грабитель!

Густав придержал дракона. Подставка уже начинала таять, скоро закроется выход... Но Мадлен не надеялась так поймать его, она говорила всерьёз:

— Тайник! Между Горькими Холмами принадлежит последнему хозяину Впечатления Гарольда. Чистому хозяину и его грязным друзьям! Удачи, грабитель!.. Найди его! А твоя судьба пусть найдёт тебя, и лицо её...

Но тут Густав уже хлопнул дракона по шее и взвился в Собственный Мир. С артефактом, Впечатлением, советом, подобным угрозе. И подаренным белым цветком Симона, валета бубей... "Свобода!.. Удача! Так и должно быть, всегда!.. Что ты забыл среди них, Сури?.."

Глава 17

Глава 17.

Собственный Мир... Сквозняки гоняют песок по паркету. Густав положил Улей на пресс-папье, оранжевое солнце на плоский панцирь яшмовой черепахи, сургучно-коричневый, мрачный постамент... Снял и сунул обратно в карман. "Не нужны они, гудеть тут. И я тут не нужен... Не стоит задерживаться. Проклятье дроидов, не могу видеть этот песок!" Густав почти выбежал прочь, замедлившись лишь у фонтана. Умылся. И покинул Собственный Мир.

Господина Сому он разыскал на Южном Рынке, в общем шатре. Вызвал полетать. С глазу на глаз, без приятелей и без Олива. Где и поговорить, как не на драконах, в вольготном уединении неба? Начал издалека:

— Успешно, вполне, Сома. Благодарю. Такое дело... Вряд ли в Галло я стану своим.

— Густав, если ты судишь по лицам, по первой реакции, то они всегда, со всеми такие...

— Не, я сам не хочу.

— Сразу понял, зайдя на пару часов? Ты недооцениваешь их сокровищницы и знания, глупо отказываться от... Расскажи вообще-то, как всё прошло?

— Э... Сома, я кое-что натворил. Вместо второй, торжественной части с примирением и предложениями услуг. Боюсь, что и ты не сможешь больше стать для кого-то перед ними поручителем...

— Густав?.. Что ты натворил?

— Господин Сома, для тебя это большая потеря?

— Большая неожиданность. Я тщательно выбирал, кому говорить...

— Ты имел хороший процент с пойманных, как охотник?

— Какое! Годами не происходит совсем ничего там. Просто, я ведь сам был галло, и знаю, что узкий круг их, открывает доступ ко многому... Их тягостный, узкий, узкий круг... Забудем! Не видеть их впредь, совсем неплохая новость. Главное, чтобы сочли дураком, а не...

— Если хочешь, соорудим тебе легенду?

— Молодой человек, ты и Восходящим не был, когда я, хищник уже, от них смог отбрехаться! Без чьей-либо помощи. Да столь удачно, что остался связующим звеном... С внешним миром. Второй раз неохота. Расскажи лучше, из-за чего сыр-бор?

Густав усмехнулся, полез в карман за Улеем.

— Вот из-за этого.

— Как?! — взгляд Господина Сомы вспыхнул алчной радостью. — Объясни, каким образом?!

— А никаким! — рассмеялся Густав. — Как Хан-Марик!

Он бросил апельсин Господину Соме:

— Прими в качестве моих извинений!

— Мне?.. Густав!..

— Не при Оливе. Обязательно ему знать, где приземлился, а где не задержался его артефакт? Кстати, составишь компанию? Пора отдавать условленную половину добычи.

— В том нет проблемы... Гус, я хотел эту игрушку! Глупо, но я её хотел!

— На здоровье.

Хан-Марик кружил в отдалении. Ждал, памятуя прежнюю отповедь. Густав махнул ему, с Мариком веселей в гостях у чудовища. К тому же, хозяин может снова редкостным Впечатлением угостить, в честь успеха. Густав таким образом, за его счёт, слегка извинится... Втроём они направили драконов к Оливковому рынку. В не приёмный час, посредине дня. Сома

постучал и гости были радушно приняты.

— Внешность обманчива! — воскликнул Олив, позволив себе фамильярность, крутанул Густава за локоть, разворачивая к свету, к откинутому пологу, терпимая фамильярность, читай, комплимент. — Видимость иллюзорна... Чистые хозяева, такие сволочи!.. Где на тебе зелёная чешуя? По мне-то хоть видно... А вы, значит, зеленеете изнутри!.. Не злись на меня, шикарная история! Андрэ, говоришь?.. Я встречал Андрэ. Весело, здорово, но не удивительно. Он трус. А вот Кроха... Густав, ты пересказал пару слов, услышанных от неё... Паузы между ними ты не услышал? И, тем не менее, жив. Это — удивительно! Они были, паузы, заполненные, не пустые. Заполонённые... Есть такие звуки, Густав... Другие звуки. Их учатся различать под водой. А Кроха говорила ими от начала, не зная сама, как говорит. А уж когда разобралась!..

Густав, расположившийся, предчувствия не обманули его, с Хан-Мариком по правую руку и Сомой по левую, вокруг ковра уставленного крошечными порциями воды Впечатлений в бутылочках с палец высотой, возразил:

— Олив, мне приятно слышать, но дело прошло элементарно, быстро и гладко. За что хвалить, оно даже не вполне моё. Вами рассчитано.

Господин Сома кивнул Оливу:

— Да, Гус не понимает масштаба галло... Становлюсь косноязычным, старею. Мне не удалось передать наглядно.

Зелёный хозяин, задумчиво тряхнул головой, отвёл с лица чёлку...

— Везение столь крупного масштаба бывает только хроническим... Как большая, безмозглая тень в океане. Если она и кажется одинокой, знай, что так не бывает. Где-то рядом создавший её. И вокруг — поддерживающие тени, что нюхают, отражают атаки, создают течения... Тебя самого, Густав, никогда не пугало везение, возносящее столь высоко? А если оно отвернётся? Судьба повернётся к тебе, и её лицо...

Густав перебил. "Опять — твоя судьба!.. Они сговорились, что ли?.." Подчёркнуто вежливо, но перебил. В его исполнении жест редкий и недобрый. А какого чёрта? Одно дело, хлопнуть по щеке, другое — рассуждать о чужих перспективах...

— Нет, Олив, — поклонился он хозяину, выпивая по крохотной бутылочке Сог-Цог с ним, брызги взлетели, Впечатления перемешались. — Смешно слушать о большом везении при простом грабеже... Я и на континенте не оплошал бы взять охраняемый тайник, только брезговал этим.

Олив реакцию гостя уловил, извиняющимся тоном продолжил:

— Нет, нет, ты о другом совершенно. Послушай внимательно. Кроха имела право заговорить с тобой, только если ей разрешила Мадлен. Что означает одно — ты не заинтересовал их, ты находился там сразу потенциальной жертвой, без вариантов. И ты должен, должен был взять что бы то ни было из её рук! Тут дело не в свойствах печёных яблок, оно могло быть пустым, дело в её искусстве, её гипнотическом голосе. Переплетись он с проглоченным лакомством или питьём, и она могла бы... Неважно. Важно, то, что у тебя не закружилась голова. До нужной стадии... А ещё важнее, что ты не знаешь почему! И они не знают. Везение? И вот решающий момент, в который они снова заинтересовались тобой. Так что, не мы с Сомой просчитали дело. Извини. Канва не решала практически ничего...

— Ну, вы и не обещали...

— Да, конечно. — Густав вспомнил их визги и вопли. — Олив, будь добр, уж если мы про галло... Я всегда считал, оно ничего не значит, просто ругательство: "А-ча"... А-чча... Они так повторяли, будто это — слово. Имя, кличка?.. У него есть какое-то значение?

Брови Олива поползли вверх, он тряхнул чёлкой и прокашлялся...

— Густав, чего не могу, того не могу... Надир резко против...

— Надир?

— Для вас Биг-Буро.

— А... — протянул Густав, озадаченно.

— Бутон-биг-Надир кое-какое влияние имеет на Южном, да? Правда? И не только на нём. И он будет не в восторге от меня... Мягко говоря. Я не отвечу, но я дам добрый совет. Густав, не спрашивай больше не у кого. Особенно у Буро. Он не любит и тех, кто интересуется... Тебя не касается, выброси из головы.

Олив передвинул по своему усмотрению оставшиеся бутылочки, к Марику отдельно поставил, с улыбкой, рассеянной улыбкой. И добавил в конце, пробормотал скороговоркой, закрывая тему:

— Я не ача, нет... Сог-Цог!

Глава 18

Глава 18.

Наступило время для Густава заканчивать историю с Лиски-намо.

Он не стал менять одежду обратно на рваньё изгнанника, неприятное ему, привык к оружию под рукой, хоть и редко использовал. Отсутствовал долго, имеет право измениться, мало ли что с ним за это время произошло. Зато из всех сил постарался стать серьёзным, насторожённым и... В общем понятно каким. Свойским любому несчастью.

Только ради этого несколько суток не выходил из Собственного Мира, слушал щемящий голос дроида, перебирал карты. После облачного клуба Гала-Галло континент и его обитатели, шатры, риски и рыночная пыль, всё радовало его. Нравились и барашки на волнах Великого Моря, тени, чудовища, скользящие под ними, огоньки в Туманных Морях дроидов, особенно ночами, со спины дракона, когда пролетал сквозь них, и облачка на рассвете, и Хан-Марик, хищники, игра их. Непорядок! Он не лицемер, не дешёвый мим с Мелоди! Он охотник, продемонстрировавший двум приятелям: Морскому Чудовищу и старому хищнику земли безупречную работу. И в отношении первого заказа не имеет права на ошибку. Да и заказ такой, что больше одной осечки не допускает. Он должен искренне переродиться за пару дней. А ещё — услышать наконец, во избежание непредвиденного, возможно полную предысторию, характер объекта своей охоты.

Признав весомыми аргументы, и всё-таки сокращая, сводя к сухим обобщениям, Олив рассказал ему...

Хищницу звали Эми-лис-Анни. "Лис", от Лиски-намо, её пристрастия. С Оливом она никогда не охотилась вместе. И вообще не охотилась. Раскаявшаяся хищница. Таковых немало в действительности.

Она танцевала на Мелоди-Рынке. Для себя, для удовольствия. Проводила там напролёт целые дни, сутки во время сухого сезона. Как и всякий, кому неуютно в Собственном мире, желая иного пристанища. Танцевала... — как Лиски-намо! Весело и безоглядно. Не одевая маски, вроде некоторых. Не избегая парных кружений и хороводов. Она не была и знатоком танцев традиционных, переиначенных из эпохи до дроидов. Охотнее и быстрей, чем разбираться во Впечатлении бального зала, ей было уловить одно движение и придумать свой, неподражаемый танец. Как Лиски-намо!.. Эми покупала их. Принимала артефакты в подарок за танец. Платила ими за информацию о Лиски. Когда могла, их мало на свете. Эми-лис-Анни вовсе не была тревожна в те времена. Напротив, вызывающе беззаботна.

Олив тоже любил и умел танцевать. Те, что стали, или едва не стали, Морскими Чудовищами в полном смысле слова, бесконечно начинают ценить всё человеческое, прежде само собой разумевшееся: облик, речь... Правдивость, вовеки не оцененную людьми. Песню и танец. Он не был лишь зрителем Эми. Партнёром. При этом одаривал чаще и более щедро, чем многочисленные поклонники именно её темпераментных и причудливых партий. В скором времени они сделались близкими друзьями. Но лишь до того дня, когда хорошенькие, в танцевальных сандалиях ножки Эми ступили на его рынок...

Зрелище "братьев", рабов, поражённых тягостным ядом теней, ошеломило Эми. Большинство изгнанники, через торговый шатёр не сбегут... Придавленные, не способные поднять к небу лиц. В том и смысл, если вдруг проберутся наружу, дроида из поднебесья позвать не смогут, а в кандалах далеко не убредут... Большинство из них были изгнанниками,

Собственных Миров не имели. Проблему бегства хозяевами через поставленный торговый шатёр Олив решал, укусом парализуя левую руку, или приковывая её к ножным кандалам, либо ошейнику. Так и пирамидку проблематично поднять, а шатёр — невозможно. Олив-таки был Морским Чудовищем. Не просто человеком, танцором со светло-зелёной кожей. Чудовищем. А она, Эми-лис-Анни — человек. Полудроид, пусть хищница, но обычный человек.

У полудроидов может быть полно недостатков: поверхностность, непостоянство во всём, за исключением единственной любви... Коллекционерская зацикленность на глупостях и пустяках, много гонора, ничтожная предусмотрительность. Легкомысленны они, попросту говоря.

Они гордые самой глупой гордостью, касающейся случайных и незначительных вещей. Полно недостатков, кроме одного — терпимости к уродливому. В вещах и поступках, в ситуациях. "Не по-дроидски" у них говорят. Даже вражда их не порождает увечий, впрочем, это заслуга дроидской же части физиологии, тело либо регенерируется, либо погибает. Неприятие долгого плена. Ничего такого, что не эстетично. Хищник может быть коварен и безжалостен к другому, но он превратит его в вещь прекрасную, либо нужную на данный момент. Превратит стремительно, или же устроив второй поединок.

Зрелища войн, зрелища казней, тюрем попали в запретные Впечатления давным-давно, на заре размежевания семейств дроидов 2-2 и распределения между ними обязанностей. Случись полудроиду наткнуться во Впечатлении на сцену, когда чинно, обыденно, будто так и надо, одни люди тащат других, а третьи собираются что-то нехорошее с ними делать, он не понял бы увиденного вообще, а поняв, смыл немедленно и ещё долго отплёвывался. Общественное устройство эпох до дроидов знают лишь те, кто знает по книгам, коллекционеры реальной истории.

А тут... На рынке у её друга... Её партнёра... Косолапящие фигуры с серыми лицами, смотрящие в землю, представляющие собой не столько слуг, сколько расходный материал... Ужас. Эми-лис-Анни бежала. Без слова, без оглядки.

Но как самонадеянно и глупо, как напрасно она решилась танцевать с Оливом снова. Решилась вернуться и переубедить... Гнетущая тень и кандалы стали ей за это наградой. Левая рука, поднимающая пирамидку, не слушается совсем...

На время! Олив не думал причинить ей вред, не равнял с другими! Он тоже надеялся переубедить. По-своему... И ещё он был обижен. "Подумаешь, рабы..." И главное — не хотел упустить навсегда. Опасался, что в следующий раз она не вернётся.

Сначала она не могла поверить... Потом задумалась надолго. К несчастью, в течение этого "долго" Оливу было не до неё. Он собирал тридцать человек, меняясь на обруч с Чудовищем Моря, Шершнем. И хотел, и вынужден был, не откажешься... Тот заинтересован в связях на материке. И в усилении Олива. Тридцать косолапящих рабов! Чистых хозяев. Вчера ещё вольных, небесных бродяжек!.. Олив спешил, охотился грубо, даже приманивая чьих-то знакомых знакомыми, любимых любимыми, пришедшими выкупить, увы.

И всё это происходило на глазах у Эми. Она замолчала, притихла, перестала заговаривать с ним. Надежда угасла в ней. Самая главная, надежда на понимание. Стала разгораться другая — на бегство. И ужас перед бывшим другом.

Последний шар с Лиски-намо оставался при ней. Эми смотрела на её улыбающиеся глаза, на её рыжий танец, на свои ноги в кандалах и плакала. Дальше, с тупым, безнадёжным ужасом, пытаясь спасти, выспорить хотя бы одного человека, Эми смотрела, как Олив скупает тени в

любых сомнительных Впечатлениях и собирает следующие — сорок пять! — жертв. За сачок, на очередную мену. Он — чудовище. Надежды нет. Эми решилась стать одной из них, сорок шестой.

В темноте, в ночном тумане Чудовища Моря выходят на континент. Ночью Олив и завершит сделку… Затеряться в толпе этих, обречённых, во мраке Эми не составило труда. Оливу и в голову не могло прийти, что кто-то увяжется по доброй воле. А расчёт Эми был на одно, на заварушку. Любую, вне рынка, где открыто небо для Белого Дракона. Эми нужно только одно, упасть и взглянуть на небо. Она была связана тенью гнетущей, а не обрекающей на молчание, как те, кого Олив выпускал и сейчас вывел наружу. Она может позвать дроида. Только поднять лицо! И она спасена в Собственном Мире. Удалось. За исключением трёх моментов, горестных, роковых для неё.

Кандалы так и остались на ногах. Пересечение границы Собственного мира не уничтожило их. Не тени, артефакты.

Второе, семь с половиной, в сумме, десятков человек, раненых и обречённых оказались зрелищем невыносимым для неё, чрезмерным, не забывавшимся. Как и демон моря, Шершень... Он выглядел жутко, человеко-спрут, от плеч шла пара рук... и щупальца. Широким, страшным воротником, жабо. Под плащом, когда редко он показывался на земле, придававшие ему вид неестественно широкоплечего... Нет, не человека. Фасеточные глаза на лице то зелёном, то лиловом горели во мраке, переливались... Эми не могла их забыть. Она затруднилась бы ответить, кого больше боялась, Олива или этого... Спрута.

И третье, Лиски!.. Эми потеряла шарик с последней Лиски-намо! Единственным, что у неё оставалось. Вернуться на Мелоди? Никогда!.. Она никогда не забудет этот ужас, не подставиться, наивная, больше. Но и забыть последнюю Лиски-намо она тоже не смогла. Чудовище подобрало оброненный её артефакт. Не будь дураком, там же и установило на пирамидку. Ха, с согласием на человека. Единственная отрада Эми... Олив караулил её. Оставлял записки. Пытался догнать. Тщетно. Эми не верила ни одному слову. Не позволяла приблизиться. И он не забыл, но оставил её в покое. С отчаянным ужасом в сердце, с возможностью видеть Лиски и с кандалами на ногах.

Положение хозяина Собственного Мира, как ни странно, было невыгодно, неудобно для Олива. Для Морского Чудовища. Из присущих теней он имел только верхние и нижние клычки, они исчезли бы при переходе за раму. Потеря? Да. Большая? Не особо, восполняемая. Слабый, парализующий яд содержался в них, как раз тот, из-за которого не поднять руку.

Главная неприятность субъективна: чудовище привыкает чувствовать себя сильным, мощным. И вдруг — бац! Собственный Мир, пустой, без песни дроида. И пустое, кажущееся ему по контрасту невесомым, тело. Неодолимо клонит в сон… Олив раз возвращался домой после создания первой тени, больше не тянуло. Попросту, не рискнул бы... Уснёшь ещё на тысячелетие, рабы разбегутся. Он и в прочем был весьма осторожен, создавать тени не рвался, потому приспособления для ловли их так сильно ценил. Стремился остаться человеком.

Это о неприятностях, а проблема состояла в том, что создавать артефакт из человека прямо на торговой пирамидке он не мог! Только в Собственном Мире, он же не изгнанник. Конечно, не ощущалось недостатка в желающих оказать ему эту услугу за плату... Но это не то же самое. Вот сейчас он вытирал рукой грани пыльного графина, абрисы лиц, разбежавшиеся по тенту шатра, начинали отражаться на нём и просматриваться сквозь толстое, старое, зеленоватое, как

и его черты, стекло… И досадовал на своё положение. Выпить бы половину и сделать карту самому. Но нет, надо найти, кто сделает, показать ему, хоть маленьким глотком, или прикосновением, потом уже выпить.

— Сома, как насчёт?..

— Без проблем, — ответил Господин Сома, — ты знаешь, мне мгновенного Впечатления достаточно, чтобы воспроизвести все детали. Лицо не механика.

— Да... Отлично.

Но Оливу хотелось бы и вторую половину! Целиком посмотреть. Раз уж ему суждено быть только зрителем и заказчиком.

— За раба, — предложил он Густаву, — даже за двух, для вальта и для Юбиса. Если, конечно, тебе важна карта, а не сценка из прежних времён.

— Согласен, — ответил Густав, порадовав чудовище.

Прелестная Лиски-намо танцевала в середине стеклянного шара и выглядела крошечной, тонким, рыжим огоньком на просторе, в бледно-лазоревом пространстве. Кружась, раскинув лапки-руки, она пританцовывала всё ближе к стеклу, пока не метнулась вплотную. Заметила Густава, узнала, прильнула к стеклу и улыбнулась огромными, доверчивыми глазами. Густав отшатнулся, как в первый раз. Тьфу!.. Отвык. Не удивительно, что хищница возвращается к своей потерянной игрушке...

Как можно создать подобный живой артефакт? В Собственном Мире они создавались вместе с шаром, одновременно. Сразу в нём. Никакой другой сосуд не удержит Лиски. Танцуя, она как бы разматывает пространство. Распутывает, найдя конец нити внутри клубка несовершенной формы. Потянет за угол, за горлышко бутылки… И — пробка не помеха. Лиски кружится, начинает сматывать, истончать стекло. До тонкой ледяной паутинки, до того предела, когда и артефакт распадается на огоньки дроидов. Так освободится. Можно за ней следить. Немедленно пересаживать в следующую бутылку... Но в принципе, она — живой артефакт для украшения Собственного Мира. За раму выйти не в состоянии.

Густав сидел с одной стороны шара, с другой лежало ржавое полотно с мелкими зубьями. В мусоре нашёл, возле странного на его взгляд, спутника-рынка Южного, Техно Рынка. Полупустой, большинство шатров не торговые. В чём смысл? Чего хотят эти люди, пытаясь создавать артефакты артефактами? Запредельная экзотика. Один Гай мог пропадать сутками на Техно, из общих знакомых. Причём, не охотился там. Не суть, помойка их пригодилась и ладно. В последнюю их встречу, уславливаясь об окончательном одновременном расчёте троих, включая посредника Сому, как принято, Густав поинтересовался у Олива, чем можно распилить кандалы? Есть ли на них замок? И как снять, если нету?

— Да ничем, — ухмыльнулся Олив. — На моих замков не бывает, заклёпки. Я и могу их снять. Ну, ещё Демон может.

— Демон?

— Да. Шершень, демон моря, с которым я менялся.

Так что, пила без риска была положена им на видное место. Часы ожидания потекли.

Узкокрылый Белый Дракон появился внезапно. Из-за спины. Промчался над головой, и стал нарезать круги. Замедляясь, сужая их. У самого края плато, над обрывом Эми-лис-Анни сошла с него, положила руку на гриву и решилась подойти... Два шага, остановка, ещё шаг... Кандалы лязгали глухо, тоскливо. Густав поднял раскрытые ладони и улыбнулся ей. На улыбку она не

ответила. Но подошла. Села на землю недалеко от шара. Лиски метнулась к ней, и тут Эми не удержалась от улыбки...

Она заметила пилку. Перевела взгляд на Густава. Поблагодарила кивком и отрицательно качнула головой, рассыпав медные волосы по плечам:

— Это напрасно, — сказала она тихо, — я пыталась. Всё равно, спасибо.

— Тебе нужна помощь гостя в Собственном Мире, — заметил Густав, самым мягким и спокойным голосом, на какой был способен. — Надо идти к людям, а не к Лиски.

Эми усмехнулась с неподдельной горечью, кивая на свои ноги:

— Я уже была у людей. Да и кто согласиться зайти гостем в мир хищницы?

— Я соглашусь.

Пауза.

— Кто ты? — спросила она наконец. — Изгнанник? Что ты хочешь за услугу? Изгнанники самые опасные гости, им нужен весь мир.

— И больше того, вместе с хозяйкой!.. Не бойся, я чистый хозяин и мне не нужен твой мир.

— Не хотела обидеть. Рисунки понравились мне. Я смотрела на них, часто.

"Пора, — мелькнуло в уме у Густава, руководимого безупречным чутьём охотника, — пора, гут..." Сказал:

— Я не набиваюсь в гости. Не сейчас, когда-нибудь. Но позволь, я попробую распилить их. Это ведь просто артефакт?

Эми не ответила. Дракона уже не было рядом с ней. Густав поднялся. Не быстро, не медленно. Обошёл шар. Лиски-намо следила за ним бездонными глазами. Эми тоже. Он взял полотно ржавой пилы, подал ей руку и сказал:

— Вон там, на камне. А может, цепь, звенья удастся разбить.

И Эми поверила. Что должно было насторожить её?

Они отошли на пару шагов. Короткая, толстая, хоть демона морского сажай, цепь легла на плоский камень. "Дроиды, Олив, ну, зачем?! И кто делает для тебя такие цепи?.." В одно из звеньев Густав положил кремень клиновидной формы. Другим, не замахиваясь почти, словно примеряясь, ударил. Мимо, в землю. В свой тайник. Поднялось облачко пыли. За мгновения, пока оседало, рассеивалось оно, под плоским камнем рука его нашла цепочку с замком... Отработанным движением Густав обвил ею цепь кандалов... Замок щёлкнул и пыль рассеялась.

Словно у неё были крылья, Эми взвилась в прыжке, взлетела на всю длину двух цепей с пронзительным птичьим криком. Но они подсекли её, и хищница упала на сухую потрескавшуюся землю. Огненный Круг вспыхнул, озарив, сделав всю Эми-лис-Анни просвечивающей, медной, как её прекрасные волосы.

Густав не торопясь отошёл к обрыву, запустил камень вдаль, где ждал его знака Хан-Марик, чтобы немедленно отправиться к Оливу. Остался караулить, вполоборота наблюдая за небом и за пленницей.

— Кто бы ты ни был!.. — воскликнула Эми и осеклась, глядя на его непроницаемый профиль.

Густав молчал. Ему не нравилось это полыхание Огненного Круга. Слишком долго. Ну, вспыхнул и угас. Неожиданность, испуг. Что такого произошло, что он не затухает? Яростный скрежет цепи снова, снова рывок и падение. "Какое счастье, что у неё нет ножа!.. За целую добычу платят дороже, чем за безногую..." Эми запрокинула лицо к небу и самой горькой,

безнадёжной, всё небо охватившей, песней позвала дроида. Белый Дракон прямо, не закрутив радостного кувырка, опустился к ней. Кончики острых, узких крыльев загнуты вверх, как уголки крыши пагоды, нос тоже. Что он мог сделать? Ткнулся носом в мокрую щёку, покрутился, лёг, и когда убрала руку, растаял.

Боковым зрением для Густава Эми походила на небольшой костёр медного пламени. "Марик, очень надеюсь, что никакое поедание золота сейчас не задержит тебя..."

Эми свернулась комочком на красной земле, приобретя ещё большее сходство с Лиски, и проговорила медленно, обращаясь к бесстрастному профилю Густава, к его спине:

— Однажды твоя судьба найдёт тебя. И лицо её будет ужасно.

И тут Густав допустил ошибку. Проклятия и угрозы сроду не задевали его. Стремясь как-то снизить пафос, унять этот пылающий Огненный Круг, не хотелось бы разозлить Олива, ожидаемого с минуты на минуту, он ответил:

— Эми?.. Милая хищница, мой заказчик, уверен, не желает тебе зла. К тому же, он твой старый знакомый, богатый господин, чудного зелёного цвета...

Цепь только глухо звякнула. В этот раз, в ответ на его слова Эми не рванулась безнадёжным прыжком в небо. Она медленно встала, раскрыла руки перед собой, как человек внезапно очутившийся в темноте. Покачиваясь, замерла. Прислушалась, может быть, показалось? Слишком боялась услышать именно эти слова.

— Нет? — произнесла вопросительно. — Олив?.. Нет!.. Дроиды, нет!.. Все демоны моря!!!

Теперь даже издали она походила на медно-рыжий костёр. Густав обругал себя последними словами. Ведь знал же!.. Молчание — золото. Сколько ни укрощай язык, не достаточно. Вовсе отрежь, ничего не потеряешь. Проверено сто тысяч раз: куда успешнее человек, что надо ему, досочинит себе сам! Удерживай внимание его, охотник! Конечно, реакция чрезмерна, непредсказуема... Но зачем было вообще открывать рот?!

Три Белых Дракона на горизонте, Олив, Хан-Марик и Господин Сома лавировали среди розовато-сизых облаков. Олив летел впереди. Эми-лис-Анни заметила его... Она озиралась вокруг...

Густав всё рассчитал точно. Всё сделал правильно. Кроме одного. Эми не могла освободиться. Но она могла дотянуться до шара Лиски. До своей единственной, незабвенной Лиски, артефакта с согласием на человека.

Как только Олив прыгнул с высоты, с дракона, рядом почти, Эми ринулась к пирамидке и положила маленькую сияющую ладонь на шар Лиски-намо. Немедленно он упал на землю, покатился, и Лиски кувыркалась в нём. Освобождая место для другого, чугунной тяжести, шара...

Никакая сила земных артефактов не удержит коснувшегося торговой подставки, товара с согласием. Гиря, отбрасывая камень, с облачком красной, сухой пыли вылетела из-под земли. Вместе с ней, с кандалами Эми закачалась и застыла над пирамидкой, обхватив руками колени, спрятав лицо. Скоро вечер... Следом ночь и туман... И снова демон моря. С фасеточными глазами. С человеческим лицом, которое переливается от зелёного к лиловому. Из тысячи глаз составлены его глаза, ни в одном нет выражения, демон моря...

— Что ты натворила!.. — зарычал Олив. — Небо и море, проклятье навек!.. Зачем!? Эми-Лис, для чего?! Я же просил тебя, поверь мне! Эми, я выкуплю тебя, на любых его условиях, выкуплю!..

Эми качала головой, лица не поднимая. А когда подняла, смотрела через пальцы.

— Нет, нет... — шептала. — Нет...

— Эми-Лис, клянусь тебе, я сожалею!

Густав подошёл к Господину Соме, укоризненно покачивающему головой:

— Это нехорошо, — тихо отметил он. — В таком ярком теле, тем не менее, виден Огненный Круг. "Клянусь, сожалею" — смешно. Она даже не может взглянуть на него.

Густав слегка повернул голову. Его глаза расширились, чтобы тут же сузиться презрительно и зло. "Сам виноват, — прошипел он. — Ну, уж никак не я..."

— Сома, процесс стал необратимым.

Когда ничего и никого нет на ней, торговая пирамидка тает. И сейчас она таяла. Ещё не до земли. Эми, полупрозрачная, как огонь, рассказывала, ни к кому не обращаясь. А впрочем, Хан-Марик попал в поле её зрения, возможно, ему. Она говорила:

— Я понимаю, они лишь игрушки... Они не живые... Но всех Лиски-намо, сколько смогла разыскать и купить, я выпускала на волю. Пусть танцуют, где хотят. Для кого им угодно... Только одну, только эту я решила оставить себе! Выпустить в Собственном Мире. Только эту я не успела освободить. Последнюю! Славная Лиски-намо, как долго я любовалась на тебя!.. Как часто ты улыбалась мне, волшебная Лиски... Как сейчас я хотела бы тебя выпустить, лисёнок-намо!..

Отпустить? Хан-Марик откликнулся без промедления. Осколком того же плоского камня он легонько тюкнул шар, рассыпавшийся на ровные кубики с неожиданно долгим шорохом, будто и не стекло. Рыжая Лиски хлопнула в ладоши, раскрутилась волчком, взлетела ему на плечо и улыбнулась огромными глазами. Эми отняла руки от сияющего лица, всплеснула ими и воскликнула:

— Ты такой добрый!..

Марик наклонил голову. Его прямой взгляд и улыбка сильно контрастировали со смятением остальных. Густав сжал кулаки. "Ну, Маричка, если твоя выходка будет стоить мне вальта..."

— Зачем ты сделал это?! — прошипел он.

Хан-Марик пожал плечами:

— Последняя просьба умирающего священна.

— Чего?! Откуда ты берёшь такие прибаутки?

— Не помню. А разве нет?

Густав махнул рукой. Торговая пирамидка дотаяла до земли. Больше Эми не угрожали чудовища земли и моря. Огоньки дроидов пробегали в полупрозрачном теле, лазоревые в медном огне. Сквозь чистое пламя видна была даже сухая земля с трещиной наискосок, зигзагом, упавшей молнией. Кандалы валялись отдельно, а узорчатая ткань светилась и исчезала вместе с ней. Олив зарычал и заплакал над уходящим медным сиянием. "Эми-Лиски, танцовщица с Мелоди, что я наделал..."

Владыка Дом, белый дроид на чёрном троне проявился внутри Огненного Круга. Непосредственный Марик заглянул туда, усмехнулся и кивнул дроиду, как старому знакомому. Глава Дом протянул руки и забрал изнутри медно-огненный круг.

— Сома... — Олив махнул рукой, не оборачиваясь. — Отдай обещанное...

Он остался сидеть на плато. Морда узкокрылого Белого Дракона взглянула на него, увеличившись до пределов небес. В зрачках — сам он, Олив на потрескавшейся красной земле. И пропала. Остальные ушли.

Марик впереди, Господин Сома и Густав шли следом за ним по тропинке. Туда, где заранее оставлено Впечатление вальта и расходные к нему... В общем, по уговору. Но Густав был раздражён. Настолько, что ему хотелось поговорить. И ещё эта чёртова Лиски крутилась вокруг Хан-Марика...

— Конечно, — начал Густав, — люди не платят вальтов за советы... А зря! Сома, сколько по времени Олив охотился на неё?

— Пять лет где-то, — ответил Господин Сома, ему разговаривать совершенно не хотелось.

— Пять лет! — саркастично повторил Густав. — С ума сойти, как долго!.. Терпение — добродетель. Страшно то, что далеко. Тот, кто далёк. Это закон. Умножь эти пять лет на десять, на двадцать. И никаких хитростей больше! Сиди на месте. Большего не требовалось, пребывай! Будь явен, будь видим... Нет, за советы люди не платят, и даром не берут. Гут, гут, ваше дело...

Лиски-намо пружинкой скакала перед Хан-Мариком на узкой тропе и каменных склонах ущелья.

— Прогони её, осточертела за год!

Марик надул губы. Ужас Южного рынка... Обиделся. Лиски очень понравилась ему.

— Сама улетит, — устало заступился Сома. — Они не остаются надолго возле одного человека.

— Тогда исчезни вместе с ней!

Хан-Марик позвал дракона и пропал в облаках. Гораздо дольше, чем предполагал Господин Сома, Лиски-намо возвращалась танцевать для него, заглядывать ласковыми глазами, пока не пропала насовсем.

Глава 19

Глава 19.

Обыкновенное посредничество, ни Густав, ни Олив артефактов сами не создавали. Услугами такого рода, в частности, и занимался Господин Сома, успешно с них богатея. Опытен был потому что, превращая, был точен. Мастер. Шатёр его обнаружился среди покрытых разноцветными лишайниками скал. Медовые колоски мха, внося разнообразие, поднимались над землёй. На пороге, сразу за пологом колбочка, Впечатление. И стопка открыток Вирту по скрытой механике, устройство и свойства материалов, это Соме, он ими торговал. По центру, на пирамидке в таких же точно кандалах парень, тем же манером прячущийся за свои колени. Обычная услуга, Господин Сома. "Светлые, всемогущие дроиды, не хочу... Иметь дела с Чудовищами Моря надо изредка, раз в сто лет..."

— Ты смотрел его, Гус? — кивнул Господин Сома на колбу. — Хочешь подробнее разглядеть?

Густав отпил глоток.

— Да, я его помню. Простое Впечатление.

— Задержишься с ребятами на рынке? Я завтра вернусь, если ты не против.

Густав позвал Белого Дракона, протянул обратно сосуд.

— Помнишь рубашку карты?

— Естественно, — сказал Сома и выпил Впечатление.

Не успел Густав улететь, как парень с торговой подставки исчез под пологом шатра в сияющем вихре белого дроида. И шатёр растаял.

Господин Сома спешил. Или сразу или никогда.

Никогда. Он не смог обогнать самого себя, не стал первым, кому это удалось.

Без тени, сковывавшей его, парень откатился кувырком, роняя стол между собой и хозяином. Пока не видит, превратить не может. За щитом круглой столешницы он ножкой стула пытался перекрутить цепь кандалов, рискуя сломать себе ноги, но не разорвать звено.

— Что ты делаешь? — воскликнул Господин Сома. — Ты же гость! Преврати их во что угодно.

Круглый стол сдвинулся в сторону. Недоумённо глядя на хозяина окружающего мира, парень поднял левую руку, ладонью к кандалам, опустил, поднял снова — ладонью вверх. По его стопам скатились две пригоршни ароматных, жёлтых ягод. Сома улыбнулся:

— Что это?

— Малина такая... Садовая, — ответил ошарашенный гость, не осознал до последних секунд, после десятилетнего плена, что двигается, освободившись от яда его левая рука.

— Иди за мной.

"Что я буду делать дальше?"

Выход за поворотом аллеи. Раму сторожили два задумчивых яшмовых льва. Выбранный камень делал их весьма забавными, полосатыми как кошки, но чёрно-белыми как зебры. Парень остановился на раме.

— Иди, иди, — сказал Сома. — У меня мало времени.

Вытолкал, можно сказать, в спину. Пленник вдохнул, раскинул руки навстречу красоте и воле облачных миров. Чистым, глубоким голосом позвал дракона. И прыгнул вниз, не дожидаясь его появления, схватившись за гриву в полёте. Долгое время Господин Сома считал

этот зов, оставшегося незнакомцем, парня к своему белому дроиду самым прекрасным, что он слышал в жизни. А самым красивым, что видел, был один танец. Эми... Давнишний, ещё до знакомства с Оливом. Сома не обвинял его, чужую глупость он понимал, как никто другой. Чёрная тоска, отступившая на миг, с новой силой захлестнула его. "Вот, проблему я себе устроил. Что теперь?.."

Звонкие нотки дверного колокольчика пробежали вверх-вниз не раз и не два, прежде чем оторвали Господина Сому от его размышлений. Услыхал. До-До водил молоточком по хрустальным трубкам. "Опять здесь!.."

— Дроиды, хищник, ты поселился возле моей двери?! Что тебе, До-До?.. Свободен!

— Один раз ты мог бы выслушать, если спрашиваешь? Быть твоим гостем! Ты реально считаешь, что я что-то испорчу?

— Не знаю, что сдвинулось у тебя в голове, но оставь меня в покое! К твоему помешательству я не причастен!

— Ты изменил всю мою жизнь! И я хочу поделиться новой. Я должен! Это похоже на то, как если бы мы были пленниками. А побег удался мне одному. Я вышел один... Ты остался!

— Сам-то чувствуешь юмор? Хищник, ты желаешь освободить меня от Собственного Мира?

— Вот именно!.. Нет, ничего подобного!.. Позволь мне зайти!

— А, добро пожаловать, псих!

Господин Сома торжественно простёр руку. До-До прыгнул с дракона за раму и расцвёл улыбкой до ушей:

— Я должен многое, так много нового рассказать тебе!

— До-До, я не приятель тебе. Не из твоей стаи придурочных Восходящих, что, не сделав даже мира, прыгают с Мелоди на Рулетки. Я старый хищник. Ты даже на Южном Рынке способен заблудиться. Что нового — ты — можешь рассказать — мне?

— Очень даже много! Потому что, не про рынки. Сома, я благодарен тебе. Я чувствую себя обязанным. И не за ту жизнь, что ты оставил мне, а за ту новую, что началась! Пойми меня, как я могу объяснить, если ты не слушаешь?

Господин Сома поднял стол, садовое, лёгкое кресло, плюхнулся на него, кивнул и уронил голову на руки.

— Не слушаю... Не сейчас... Имею проблему, До-До. К завтрему мне надо решить её. Или не возвращаться.

— Я видел, как ты отпустил парня... Он знал! Предвидел, что так и будет...

— Ничего он не знал.

— Я о другом человеке.

— О ком?

— Есть такой человек, изгнанник в Архи-Саду, Бест. Что тебе надо сделать, Сома? Я гостем сделаю.

— Как?! Там лицо, До-До, ну, как я передам тебе черты?! Лети по своим делам, а? С кем ты теперь водишься... Впечатление я выпил, Впечатление редкое, другого такого век не найти. Выхода у меня нет.

— Лицо... — До-До помрачнел. — Снова карта? Снова Густав...

— Да!

— Господин Сома, — До-До наклонился к нему через стол, — ты совсем, совсем мне не доверяешь? Я был невыносим, знаю. Но теперь? Сделай чёртову карту для чёртова Густова сам в

моём Собственном Мире...

Сома усмехнулся:

— Да... Двух-ходовка, с судьбой на пару... Я никому не доверяю. Я видел сегодня, как умирает человек... Не превращённый. Естественной, так сказать, смертью... Можешь смеяться, первый раз в жизни видел.

— Не удивлён, если Густава мы уже упомянули... И что, страшное зрелище?

— Отнюдь. Скорее красивое. Очень страшное, да... Абсолютно, абсолютно бессмысленно! От начала до конца! Два идиота. Три... Я знал её. Прежде, чем Олив пришёл на Мелоди... Знаешь, чем отличается смерть от превращения? Бессилием! Здесь ты можешь решать, там не можешь ничего! Мы были знакомы задолго до появления Олива... Она была прелестна... Я хуже их обоих...

Ясно, рассказ грустный, угрожающий стать цикличным... До-До воспользовался первой паузой:

— Сома, посмотри, я же доверяю тебе... Как хозяин ты можешь поднять и опустить свою руку. Сделай это как гость в моём мире!

— Полетели.

Сома встал, До-До снова расцвёл до ушей и устремился за ним по аллее, бормоча на ходу: "И это он знал, предвидел... Удивительно, человек господствующий над первой расой!.."

Мир До-До поразил Господина Сому неожиданной, благородной простотой и жаром полуденного солнца. Закат и восход там были стремительны. Вдоль тёмно-синего, блестящего под солнцем моря, области Там, недоступном для купания, тянулся ряд одно-двух этажных белых домиков. Каждый со своей обстановкой, открытых и дружелюбных. Растения вдоль побелённых или тёсаного камня стен, розмарин, цикорий. Средний домик деревянный, и тоже светлый, отбеленный дуб, лесенка с перилами без изысков, с крупным узором древесины. Между ступенек вытягивается снова цикорий, вовсю, линялыми, голубыми звёздами цветёт. Окна и балконы с другой стороны выходят в садики, тоже Там, недоступные сады. На балконе прохладней.

— До-До, здесь прекрасно...

— На балконе? Здесь холодновато, мне нравится на крыльце. Море видно...

— Нет, в принципе здесь, в твоём мире.

— Спасибо. Сейчас...

До-До сбежал, босые пятки прогрохотали по деревянной лестнице, а обратно взлетел бесшумно, через две ступеньки, не зря прославился ловкостью на Рулетки. Принёс веточку пихты, положил на ограду балкона.

— Не стоит, не стоит весь чёртов Густав одной веточки моей... Делай карту.

Господин Сома потрогал мягкие иголки, закрыл глаза и понял, что не может сосредоточиться на видении чудовища, фосфоресцирующего угря с человеческой головой. Странное дело, показалось, что на это уйдут последние силы. "Да какого чёрта уже!.." Он зажмурился сильно, воскресил в памяти сухую землю, потрескавшуюся зигзагами молний, шатёр, колбу... Повёл рукой в воздухе, распахнув глаза. На месте веточки лежала свежая карта с обликом древнего монстра. Подул ветерок, Сома поймал её в воздухе, не глядя, сунул в карман брюк.

— Теперь ты можешь выслушать меня? — без особой настойчивости спросил До-До, рассматривая синие тени вокруг глаз полудроида.

— Для начала, спасибо, До-До.

— Бесконечно приятно, что ты поверил мне. Сома, ты видишь, что происходит? Можно подобным образом поступать не в качестве исключения.

— Зачем?

— А зачем наоборот?

— Ты так серьёзен, До-До... Так по-детски, как Восходящий... — в тепле и прохладном ветре, неожиданно получив решение проблемы, Сома клевал носом. — До-До, ты где-то с недавнего времени чувствуешь себя своим? Не верю... Рад за тебя, но не верю... Мы — хищники. Нам нет места, До-До, ни в Собственном Мире, ни в чужом. Они пустые. Молчащие, мёртвые. Густав сказал мне, в Гала-Галло, я и там искал себе приюта, не принято стало упоминать о дроидах... Вот как, новые правила. Он сделал мне одолжение, Густав. Теперь я персона нон-грата даже на их пороге. И за это же сделал ценный подарок, забавно. В облачном клубе, в саду желают забыть о главе Сад, о владыках семейств...

До-До, юный, непосредственный, ничегошеньки не знающий про галло, с нежностью дроида слушал сбивчивую исповедь своего гостя. Он уселся на ограду балкона и тихо проговорил засыпающему:

— Неправда, Сома, голос дроида не уходит навсегда. Один человек рассказал мне, которому верю.

— А где остаётся? В Туманном Море дроидов, там надо искать его?

— Нет.

— И где же? — улыбнулся Сома. — Куда нужно отправиться, чтобы вернуть голос дроида? Проводи меня, хищник!..

— С радостью...

До-До обнял гостя за шею и притянул к себе:

— Да, я хищник, и не слышу его, но я и хозяин в этом мире...

"Однажды, если судьба будет благосклонна, ты поймёшь, что это не одолжение тебе, это снова — мне..." — подумав так, До-До прижал голову Господина Сомы к своей груди двумя руками и сильно-сильно обнял. Тихое, внятное, сладкое как мёд, пение дроида переливалось из его сердца. Хозяин он в Собственном Мире. Сам и дроид Я-Владыка, и Царь-на-Троне, и Огненный Круг юной жизни. Сома прислушался, вздрогнул, хотел отстраниться и... уплыл. Улетел... Пропал...

Он уснул. Сначала видел только свет, затем оба мира сразу, свой и До-До, видел попеременно, нынешними и создающимися, начатыми и завершёнными... Мог разглядеть угол крыльца под ярким солнцем, и от него пройти все просторы, вплоть до пределов Там... И снова видел лишь свет, потому что снова лишь слушал... Он только слушал. И спал. Ночь распростёрлась внезапно. Звёздная. На балконе ощутимо похолодало. До-До не шелохнулся. Господин Сома проспал до утра.

Входная рама находилась в крайнем домике побережья. Какое восхитительное жаркое утро. Они задержались. Море блистало, тёмно-синее. Не хочется уходить. Сели на пороге. Господин Сома был свеж, лёгок и абсолютно опустошён.

— Сколько лет ты хищник? — спросил он.

— Все, что имею! — откликнулся До-До. — Две сотни. Был тут один, не слишком шустрый, решил испортить мои лодочки... Видишь, паруса Там? И превратился в одну из них... Ха-ха, нет, теперь я жалею... А вон тот, чёрный, тот, что он успел испортить... Слушай, сделай обратно белым, а?

Сома занёс руку, опустил и поднял ладонью вверх. У горизонта сияли одни белые паруса.

— Отлично! А теперь утопи один, я не помню какой. Словно его и не было.

Сделал и это, покачав головой. "Не было... Если бы!.."

— Совсем хорошо! Надеюсь, ты убедился, что быть моим гостем безопасно? Заходи!

— А после него, До-До?

— Что после?

— Из скольких ты создал мир? Сколько человек превратил в домики?

До-До смутился почему-то.

— Ноль, — ответил он.

— Ноль?

— Да, а что? Господин Сома, а сколько лет ты хищник?

— Полтора.

— Тысячелетия?

— Полтора миллиона… Тупых, бессмысленных, проклятых лет!.. И мой мир почти целиком сделан из похищенных. Я не стану приятелем тебе, До-До. Мы квиты... И не изменю привычек. Мы не ровня. Понимай, как знаешь!

До-До вскочил на ноги:

— Нет, ты выслушаешь меня! И ты поймёшь меня!.. И мы вместе пойдём к изгнанникам! Там мой дом, а не здесь. Ты уже поверил мне, Сома! Ты сделал самое сложное и хочешь отступить? Куда?! Я познакомлю тебя с человеком господствующим над первой расой дроидов!.. Хищник — это изгнанник! Я понял благодаря ему. Я нашёл своё настоящее место! И успокоился. Не желаешь слушать? Ладно. Если понадобится я буду жить на драконе перед твоей дверью ещё тысячу лет! Но ты — выйдешь, и ты — пригласишь меня!.. Когда от проклятого Густава получишь ещё раз нож в спину! Не так, нет, не сердись... Но в сущности — так... Я знаю, будет следующий с торговой подставки, на которого у тебя не поднимется рука!.. Так и будет!.. Не обманывай себя, Господин Сома.

А он и не думал спорить. И голос дроида остался в ушах, то ли воспоминание, то ли реальность на пределе слуха... И лучше поздно, чем никогда.

Юный хищник стоял, распинался перед ним, яркий, как само это утро... Подумать только, ведь это бессердечие Густава удержало его руку тогда. Грабитель, дурная башка. Наперекор, из чувства противоречия Сома отпустил юношу. Страшно представить... "Страшно? С каких это пор?.. Я уже изменился, — подумал Господин Сома. — Жизнь, не разбирая, можно выбросить на помойку, между Техно и Южным, в кучу ржавчины, а лучше сжечь. Мальчик, не верю, ты мог стать прямоугольной карточкой, игральной картой для Густава... И что, эта новая боль — последняя, нет?.. Ну, пожалуйся, Сома... Ещё вслух, давай!.. Не привыкать. Ты прав, До-До. Пусть будут те, что зайдут, как похищенные, а выйдут свободно, как гости... Пускай будет так".

Глава 20

Глава 20.

Сури был отвергнут после случившегося в Гала-Галло, ступил на материк и попался незмедлительно.

Вслед за Господином Сомой, различив белую, батистовую рубашку в рыночной толпе, он зашёл под полог общего шатра-артефакта, игрового, ничейного, связанного общими для всех правилами. Догнал бы заранее, рядом вошёл, как приглашённый, попал бы в другую категорию, жизнь повернулась иначе. А так... Кто несведущий в жизни рынка заходил раз в сто лет по ошибке к игрокам, бегущим Против Секундной Стрелки, становился общей добычей. Вне зависимости от того, чья пирамидка стояла в шатре на тот момент. И такое событие означало игру в Большую Секундную Стрелку. «В Когтях Дракона», ещё называлась она. Хищники предложили Сури сыграть, без возможности отказаться. Кошки-мышки. Хороший повод размяться хищникам между собой. Ну, и приз на горизонте.

Сталактитовый Грот они использовали издревле для редкой и злой игры. Когда-то он был открытым гротом, сталактиты в центре они сбивали, освобождая место, у входа — нет. Огромные, корявые с потёками сосульки нарастали, превратились с годами в сплошную стену столбов, ряд природных колонн. Между ними узкий, высокий проход в Грот, пещеру с потолком из сталактитов, обломанных и новых. С земли навстречу им устремлялся нарочно оставленный один, обломаный. На верхушке его они и размещали игровую подставку.

На меньших обломках или без них, вокруг каждый ставил свои три штуки, утвердив камешком с согласием на человека. Кое-что зависело, от того, как их расположить... Кое-что от ловкости, как обычно. Хаотично разбросанные на разной высоте. Кое-что решалось и тем, запомнил ли ты, где чья, или даже смог с кем-то объединить усилия... Искренне или притворно. Весёлая игра.

Непредсказуемо отталкиваясь от препятствий, обвиваясь, раскручиваясь со страшной силой, плясала по пещере Секундная Стрелка, шарик на длинной цепочке, соединявшей его со вторым, на острие пирамидки. Жертва должна от дальней стены выбежать мимо всей этой истории наружу, из пещеры. Там уж никто её не преследует. И такое случалось.

Игроки получают следующее: тот, на чью пирамидку жертва попалась, её собственно, и один артефакт от каждого. Кто толкнул, даже если сам попался, освобождается, если не попался — так же по артефакту от всех игроков. Остальные откупаются, кто как может. Не забывая платить и тому, кто толкнул. Порой складывались сложные комбинации, взаимозачёты. С учётом того, что дыры в своде позволяли поднимать торговые шатры, некоторые рисковали не откупиться... Подходящее время для сведения счётов. Кто не жадный, мог сосредоточится на обидчике, а не на главном призе.

Опытные начинали через паузу, стоя между собственных трёх пирамидок, переглядываясь. Не самое безопасное место, но с твоей же, по крайней мере любой тебя может выкупить, не откажется поторговаться. Кто не начинал так, это Биг-Джун! И Хан-Марик, когда к ним присоединился. Они ставили по одной у входа, четыре — где ни попадя. И развлекались от души, без оглядки.

Дневной, тусклый свет пробивался между колоннами сталактитов, из треугольного окошка

к небу. С пирамидками будет светлей. Тянули жребий. Ставить Стрелку, центральный шарик с отказам выпало Махарадже. Сури безмолвно наблюдал за ними, потерянный совсем. Второй день на континенте. После тысячелетнего отсутствия. Его Чёрный Дракон проявился несколько раз и растаял, ничего не происходило. Наличие Черного Дракона у жертвы давало несомненное преимущество Махарадже, но при этом утраивало ставки других двух возможных победителей, за сложность.

Сури глядел на беспокойных, весёлых хищников, на прибывающий свет, от возводимых торговых пирамидок... А Господин Сома смотрел на него, недавно так раздражавшего на раме Галло, на него и в своё сердце. Он как будто не проснулся в мире До-До, а заново стал Восходящим. И как Восходящий не понимал ничего. "Что они делают, что я делаю здесь, зачем? Как это непонимание со мной случилось? Когда? За одну ночь на груди у маленького хищника? Как же ты прав, До-До, не возвращаясь на рынки!.. Какая ты умничка..." За жизнь Сури, бесившего своей надменностью, подобно всем обитателям облачного клуба, сейчас он отдал бы что угодно из Собственного Мира. К тому же, в сложившейся ситуации дважды он был перед Сури виноват, приведя, не в меру болтливого, коварного Густава на порог Гала-Галло, и в пленении.

Начиналась игра. Сегодня у неё имелись зрители. Высоко на стенных уступах, куда не дотягивался шарик Стрелки, ловко вскарабкавшись, загодя, сидела Гратия, девушка Биг-Рамона. Хищница. С жаркими глазами, короной укладывавшая чёрные кудри. Она жадно следила за происходящим внизу.

Рядом сидела возлюбленная Махараджи, Нико. Чистая хозяйка. И не охотница, как Густав, нет. Ангелочек с водопадом соломенных волос до земли, завязанным в пучок призовой лентой с Рулеток, "пятикратной лентой", из пяти чередующихся цветов: лимонный, солнечный, орхисто-жёлтый, яблочно-зелёный, чёрный. Знак участия во всех видах гонках: над континентом, над Великим Морем, по вертикали, по вертикали вниз и с завязанными глазами. Ангел с невероятной склонностью к риску. Который нивелировался в некоторой степени положением Махараджи, соответственно прозвищу, второму на Южном после Бутон-биг-Надира. Но Буро, он Морское Чудовище. По факту, Нико гуляла рыночными рядами свободно, никто в здравом уме не стал бы ссориться с Махараждей. Да и Буро, кстати, был ей добрым приятелем.

Пора начинать. Парни переглядывались. Удобно играть парами, один для другого. Но, неизбежно всегда воцарявшийся через короткое время, хаос и скачущий, как сумасшедший "коготь дракона" не располагал. Ещё Марик с Биг-Джуном оккупировали выход. Два чёртовых вратаря, так что к нему не особо и стремишься. Хоть бы передрались что ли!.. Вот было бы просторней сразу! Но как раз-таки они, похоже, договорились... Махараджа предпоследним поднял свои три пирамидки и спросил:

— Играешь, Господин Сома? Или наверх.

Тот ещё раз взглянул на Сури, ответил:

— Играю.

— Сури, — обратился к нему Махараджа, — ты тут редкий кадр с Чёрным Драконом. Это и хорошо и плохо для тебя. Желаю удачи. Но если она отвернётся, откупаться будешь не у победителя, а у каждого. Правила!..

Сури не ответил. Махараджа раскрутил шарик. Тот ударился о ближайшую пирамидку и пошёл плясать под сводами, едва не задевая девушек. Нико рассмеялась. Гратия подобрала ноги.

В дальней части пещеры, подальше от Хан-Марика, припав к земле, за шариком и за Сури следил Гай. Таран у стены, почти сливавшийся с ней в чёрном. Злотый между своими тремя

пирамидками, классический старт. Безопасный, типа. Ха-ха. Не дожидаясь, пока опуститься шарик, Биг-Джун, покачиваясь, приближался к нему. Злотый выпрыгнул, успел. Через мгновение в его треугольнике уже ухмылялся Джун. По-звериному, с четырёх лап на четыре, вылетел вон, дальше на Злотого, но пришлось откатываться прочь от свистнувшей цепочки. Злотый рванул к выходу...

Сури медленно, не пригибаясь и не оглядываясь, шёл туда же. Пока везло. Гай начал обходить его по стене. Остановился, не желая оставлять Тарана за спиной. Железный шарик стрелки просвистел мимо носа, ушёл вниз, обвил пирамидку. Сейчас он замрёт, медленно поменяет направление и примется гулять со скоростью недоступной глазу. Пока не замедлится, все замрут на земле. Кроме отчаявшихся. Эта штука на дикой скорости легко пробивает голову. Обвившись, легко останавливает Огненный Круг. Специфическая пауза, хищники за укрытиями, на земле, Стрелка невидима, слышима только, как вой... Был один случай, когда жертва сбежала в такой момент, никто не рискнул ловить. Что ж, справедливо. Сури не думал о тактике и стратегии. Без никакого дракона, и без единой атаки пока, просто шёл и оказался в безнадёжном положении у центрального сталактита, когда Махаражда поднял левую руку, обозначая паузу в игре, и поймал, начинавший разбег шарик.

— Тайм-аут. Прошу прощенья у всех. Сури, ты не хочешь играть с нами?

Не получил ответа. Сухая земля континента и снаружи-то, при дневном свете плыла под ногами. Второй день на Морской Звезде... В облачных рынках не та земля... И не то равновесие, гравитация... Прыгать, кувыркаться, драться Сури и не помышлял. Он не жалел о потере клуба, но и не умел без него, вне его. Всё иначе на материке. А Собственный Мир, эх... Махараджа продолжил:

— Так скучно. Сури, веселись, проиграй!.. Ты богат, раз галло, откупишься. Останешься с нами.

Сури покачал головой. Махараджа обернулся к подошедшим парням:

— Ну, что? Будет просто призом? Кто хочет сыграть за него?

— Я, — флегматично, притом, немедленно отозвался Хан-Марик. — Двойная ставка с пойманных мной, и только золотом.

Хмыканье прокатилось по пещере.

— Марик, не стоит трудиться! Давай уж проводи нас под ручку...

— Давайте, — согласился Хан-Марик.

— Я хочу! За обычную ставку, — Гратия спрыгнула вниз.

— Я тоже! — Нико последовала за ней.

Оба их парня резко обернулись. Не обращая на них внимания, но только друг на дружку, исподлобья глядя, девушки бросили жребий, монетку. И обе крикнули, пока летела:

— Орёл!

Выпала решка.

— Тьфу, ты! — Гратия подняла. — Я орёл!

— Хорошо, — согласилась Нико. — Бросай.

Выпала снова решка.

— Ха!.. — сказала Нико.

Гратия вскарабкалась наверх обратно. Господин Сома убрал свои подставки. Знаком предложил Сури последовать наверх за ним и за девушкой. Гай и Биг-Джун озвучили общий вопрос к Махаражде:

— Ну?..

Он пожал плечами без энтузиазма:

— Ну... Если Нико хочет развлечься... Я выкупаю её. По ставке Сури, с драконом же... Все

согласны? Никаких сюрпризов?

— Всё поняли, Раджа.

— Ха!.. — сказала Нико. — Посмотрим, понадобится ли...

Вот теперь стало весело. Махараджа запустил шарик. Оттолкнувшись от стены, а заодно вписав в неё нетерпеливого Биг-Джуна, Нико спряталась от шарика за его же пирамидкой. Следующим был Гай. Одна подсечка отправила его в свободном падении на пирамидку, оставшуюся позади, и он попался.

— Тебе, Джун! — крикнула Нико.

Биг-Джун, и нетерпеливый, и упорный, пошёл с другой стороны, перепрыгнул цепочку, на следующем круге распластался под ней и очутился с Хан-Мариком нос к носу, а за спиной Таран. Марик подмигнул Джуну, взлетел как птица, раскидывая руки, над Стрелкой, просвистевшей внизу и над его головой, дальше, сминая Тарана, локтём за горло и к земле, к гранитрому камешку на пирамидке Гая. Тому плюс на откуп. Нико тем временем вернулась в поле их зрения.

— Хан, к выходу! Если уйдёт, это будет позор!

— Это будет прикол! — отозвался Марик.

Нико балансировала на одной ноге, нарочно дразнясь между, поставленных узким треугольником пирамидок Злотого. Сбить в прыжке? А если она тебя?.. Глядя на Нико, и следя каждый за всеми, четверо хищников обходили треугольник...

На высоте Господин Сома тихонько спросил у Сури:

— Ты хочешь вернуться в Гала-Галло?

— Нет, Сома. Я терпел их с трудом. И ты извини меня за стиль нашей последней встречи.

— Не понимаю... Зачем ты здесь? Случайно? Но ты и правда мог бы играть и откупиться...

— Сома, я нищий. Мне некуда идти, некуда деться... Одну ночь я провёл на вашей земле. Что там за снег?

— Фиговый. Не прикасайся. Ну, и зачем ночевать на континенте?.. Твой мир...

— Я не могу зайти в него, Сома! — крикнул Сури шёпотом.

— Но почему?

— Невозможно! Хуже, чем здесь... Я не богат, я в минусе! Если галло потребуют то, что забросил в Собственный Мир с порога, я не смогу им вернуть! Впрочем, не потребуют. Мелкие брызги это для них...

— Здорово странное положение. Не хочешь, не говори.

— Что со мной будет, когда они закончат игру, Господин Сома?

— Посмотрим. Не беспокойся раньше времени. Я виноват перед тобой. Попробую искупить вину.

Гратия не слышала их разговора. Но видела.

— Господин Сома, ты очень переменился, — сказала она. — Давно ли? И что случилось?

"День тому, и ночь тому назад..." — подумал Сома и ответил:

— Нет, королева хищниц. Ничуть, Гратия, тебе показалось.

Марик и Биг-Джун вместе, демонстрируя выгоду союзничества, попытались одного за другим швырнуть в треугольник Злотого двух зазевавшихся парней. Нико предпочла выпрыгнуть и продолжать путь. Один попался. А Эспаньёл ускользнул, чёрт его знает как!.. Для Марика обидно. Догнал. И они с Эспаньёлом начали кружить, как с Густавом тогда у Буро,

вокруг, чьей не помнили, пирамидки. Но то не Густав. Хан-Марик без особого труда поймал его руку и выдернул на себя. Махараджи пирамидка, вот чья.

Нико успела пройти, уклоняясь от Стрелки, половину второй части грота и видела уже дневной свет. Шарик ударил обломок сталактита на земле и отлетел, едва не в лоб. Нико отшатнулась, Злотый сбил её с ног и они покатились к выходу. Чёрный Дракон её при этой стычке проявился в первый раз. Исчез, сделав свою работу, мощным хвостом огушив нападавшего, на секунды, достаточные, чтобы Махараджа уложил его без лишней суеты и свирепости на ближайшую пирамидку. Стрелка снова ушла наверх. Нико подняла голову. Хан-Марик и Биг-Джун, ухмыляясь, маячили перед ней. Рядом со своими двумя пирамидками. Кивали, уступали друг другу. Махараджа медленно заходил Марику за спину. Рута отвлёк его, подсёк, неудачно. Махараджа ответил подсечкой же в низком прыжке... Укатились под свистящую над ними стрелку. А Биг-Джуну и Марику вскоре пришлось признать, что кроме наглости у Нико есть ещё скорость, большая, чем до сих пор предъявила, и юмор.

Она подпрыгнула, взлетела, подобно Марику, крыльями раскидывая руки, между парнями к выходу, на дневной свет. В полёте уже одной закрылась локтём, прямо в ужасе, не желая смотреть... Перевернулась, ногами оттолкнулась от сталактита под сводами, и, выбрасывая руки перед собой, используя всё ускорение, всю силу, ударила ими Биг-Джуна в широкую грудь. Сам почти был в прыжке... Не удержался над пирамидкой Марика!.. Сбить Джуна с ног, это дела стоит! Кувырком по земле Нико вылетела за пределы грота.

— Упс!.. — воскликнул Хан-Марик. — Чисто!

Не торгуясь, великодушно освободил приятеля.

Игра была закончена. Все свободные вышли на свет.

— Поздравляю, — бросила Гратия.

Нико распустила волосы, отдышалась. Махараджа покровительственно потрепал её по голове:

— Птичка... Шустрая!

— Что, пришлось выкупать?.. — Нико повисла у него на шее и расслабилась, отдыхая в крепких руках. — Надо было с тобой отдельно поспорить.

— На что, птичка моя? Скажи, я тебе так отдам.

— Да, кстати, где тот несчастный, главный приз?

— Зачем тебе, ты же не хищница?

— Ну, он мой, вроде… За него играла. Раджа, я надеюсь ты проследишь за судьбой Гая... Не хотелось бы так глупо ей сделаться. Я поймала.

— Прослежу. У Джуна нет особых счетов с Гаем...

— Но и дружбы особой нет ни с кем. Кроме тебя...

Господин Сома подошёл к ним:

— Поздравляю!.. Бесподобно, Нико. Могу я поторговаться с тобой?

— Забирай его, — сказала Нико. — Не знаю, что у вас за дела. И не интересуюсь. Неужели, Сома, он правда из легендарных древних галло?..

— Оттуда. Сердечно тебе благодарен. Должник.

"Жуткая всё-таки игра!.. — внезапно подумал он. — А если круг замкнётся? Взаимным самоубийством... Если двое или больше попадутся взаимно на пирамидки? Сог-Цог?.. И никто никого не сможет ни похитить, ни освободить?.. Даже странно, что такого ещё не бывало. Провидение дроидов? Не стоит ли сменить правила?.."

— Полетели, Сури, — позвал он его, ожидавшего поодаль.

— Сома?..

— Полетели.

— Но куда?!

Два, неспешно парящих, Белых Дракона приблизились к третьему у рамы Собственного Мира Господина Сомы. До-До развернул зверя и вскинул руки приветственно.

— Пасёшься здесь? — вопросил Сома.

— Я упрямый!

— Как никогда кстати...

До-До наклонил голову к плечу, разглядывая бледного Сури, не готового ни сопротивляться, ни быть гостем, растерянного совсем. Господин Сома не пригласил, он представил их и сказал:

— До-До, не знаю, с кем ты якшаешься теперь в центре материка, но вот тебе человек. Красный демон, или красный дроид верхом на демоне охраняет их сад... Если ты считаешь, что там безопасно, отведи его туда.

— Пошли с нами!

— Нет! — Господин Сома перепрыгнул раму Собственного Мира. — Чао, До-До, увидимся.

Юноша подлетел к Сури, улыбнулся ему.

— Ты доверяешь мне?

— Мне некуда идти... — повторил Сури в который раз, через паузу, без выражения. — Вообще...

— Доверяешь?

Юный хищник протянул ему руку, и Сури взял её. Так за руку с древним галло, с чистым хозяином они полетели обратно на Морскую Звезду, в Архи-Сад, который на Южном называли Садом Красного Демона, сделав круг над свежей его зеленью.

Так, за руку, обрывая крупный, созревший шиповник по пути, ягоды, которые, впервые придя, здесь попробовал, Впечатления дюн и просвеченной солнцем волны, До-До провёл его мимо любопытной Мурены, пылающе-розовой, как рассвет. Мимо "демона", рубиново-красного Олеандра, отводящего Ухаха с пути. К Бесту. Рядом, обложившиеся еле живыми, растрёпанными книгами, под деревом без плодов, Амарант и Римлянин тыркали в них пальцами, ругаясь, и в лоб друг другу. Бест поднял голову. Встал.

— Вот, — сказал До-До, — познакомьтесь.

Кивнул и оставил Сури, вложив шиповник ему в руку.

Глава 21

Глава 21.

Господин Сома слонялся по комнатам, не зная к чему себя приложить и что делать дальше.

Многие годы назад он последний раз проводил напролёт день за днём в Собственном Мире. Тогда вынужден был по очевидной причине: разумней переждать грызню крупных группировок, чем рисковать, выбирая чью-то сторону. Тогда провёл время за томиком Вирту... Куда забросил? Нифига не вспомнить. "Собственный", называется мир!..

Неужели он когда-то сам и азартно, притом, собирал эти коллекции? Оружейная комната. Сабли на стенах перекрещенные, ряд прямых мечей разной длины, друг над другом. Ножны кельтским орнаментом, чернением украшены так, что хочется сложить их квадратом, перевесить, создать ещё одну раму и уйти сквозь неё в следующий облачный мир. "Может там веселей? За такой богатой рамой должно быть веселей. Или продать их?.. Один раз в руки взял, не больше".

Фарфоровая комната. Есть ли сюжет или персонаж, который не отыщется среди этих статуэток? От пола до потолка полки и полочки, открытые, с бортиками, откидные, застеклённые. Столики с посудой. Посудными горками. Фарфор и серебро. "Зачем?.." На подоконнике вытянутые, узкогорлые, приземистые и крутобокие, тончайшие вазы с бликами солнца на них. С неувядающими лилиями крайние. "Я что ли когда-то любил лилии?! А, да — не пригодились, вспомнил... И славно, что ты меня опередил, давно погибший Пай, нехорошо охотится на неторговых рынках, такое моё мнение..."

За окном уличные вазы. Цветник в каждой. Дальше аллея к раме... "Выйти, полетать?.."

Вернувшись после игры в Большую секундную Стрелку и перед своим затворничеством на Южный, Господин Сома попал сразу под перекрёстный обстрел просьб и предложений, соблазнов и уговоров. Коварных планов, предполагающих его участие. Взаимоисключающих в некоторых случаях! В одном речь шла о личной мести: преврати во что хочешь для себя, Сома, но именно того человека. Отказал всем. Отказал, не смотря на давнишнее знакомство, не смотря на щедрую оплату. Устал. Переменился. Не смог. Все на рынке стали чужими ему, всё чуждым. И поговорить не с кем. Ушёл.

Вот, теперь бродил по комнатам. В тишине хрупкой, заставляющей вслушиваться, тревожной. Не тугой и густой тишине покоя, а безжизненной тишине неопределённости... До-До исчез куда-то... Не искать же его. И где искать? Возле его Собственного Мира? "Ты совсем уже, Сома, да..." Но если задуматься, что украсило бы шикарные, тысячелетиями собираемые, деталь к детали, интерьеры? Чего по-прежнему не хватает в них? Именно гостя. И тропинке между кустами жасмина. И разросшейся в зелёный тоннель липовой аллее. И отражению яшмовой, как львы при входе, беседки в озере... Как долго он создавал волны на нём, не повторяющуюся ни разу за день рябь, дуновения ветерка. Не хватает человека в пейзаже. Человека за столом. В низком гамаке. На горизонте Там, затянутом дымкой, над колосками полей и стрёкотом цикад не хватает странника, кудрявого небесного бродяжки, ступившего в чужой Собственный Мир. Господину Соме его не хватает! К пению большого кузнечика в саду примешался тяжкий вздох... И перебегающие нотки входного колокольчика! Хозяин сорвался с места.

До-До в рваной, плащом накинутой поверх остального, длинной рубахе-кимоно, с пчёлами вышитыми. Остатки прежней роскоши, выигрыш, на Рулетках давно не бывал. Взлохмаченный,

он, отдыхая, лежал вдоль драконьей спины. Не ожидал хозяина мира так скоро. Но раньше, чем успел открыть рот, Господин Сома поднял и простёр руку в Собственный Мир. До-До перевалился через раму и сел на неё, удивлённый немного.

— Подрался? — спросил Господин Сома.

— Типа того.

— Завидую. Мне скоро по-хорошему и подраться будет не с кем. На днях рассорился с Либо-Либо, он хотел Саботу на мою пирамидку ловить, тот ещё злыдень, хрусталь для него нашёл, знал через кого приманить... Я отказался. Я устал от них. А отпускать такого?..

— Это неважно какого! — с горячностью неофита возразил До-До.

— Хочешь пить? У меня музыкальная коллекция в подвале.

— И цельные, древние музыки есть?

— До-До, это и называется коллекция. Не стандартный же набор с Мелоди...

— Ух!.. Уважаю. А можно посмотреть твой дом?

— Сколько угодно. И меняй, что хочешь. Если тебе надо, наделай себе артефактов, вон, кимоно хоть переделай своё. Мне всё здесь осточертело.

Любой был бы доволен таким гостем. Внимательным и восхищённым. Миновав анфиладу комнат, вмещавших последовательно: картины, голографические картины и движущиеся голограммы, остановились в фарфоровом зале. Они поделили музыкальное Впечатление, продолжительное, звонкое, духового оркестра. Лихое и торжественное, щемяще-одинокое временами. Господин Сома пил из бокала, а До-До захотел из серебряной креманки для мороженого, чудик. Перед оружейной комнатой Господин Сома отстал, уставившись, — откуда он здесь? — на глупый коврик у порога... Да ещё с лебедями... С кисточками!..

До-До тем временем под отливающим синевой лезвием обнажённого меча, шириной в ладонь, заметил странный артефакт… Приземистый цилиндр с зеленоватым свечением, исходящим от непрозрачного металла. По бокам возвышались остриями четыре крыла. На верхней плоскости горели угловатые цифры, ведя обратный отсчёт. Много нулей, тринадцать, а дальше мельтешащие секунды. Художественной ценности не представляет. Особенно по контрасту с воронёным мечом. До-До читать вовсе не умел, а цифры знал, но не любил в принципе, вид их, изображение, точность, конкретность не любил. Он опустил над артефактом руку и поднял ладонью вверх... Господин Сома так и подскочил в дверх, увидев это. Но было уже поздно.

— Что ты делаешь?! Настоящий, древний артефакт, не Восходящим и не хищником делан, ему миллиарды миллиардов лет!

— Извини!.. Я слишком буквально понял твои слова... Извини.

— Нет, ничего, всё в порядке, — Сома опомнился, — чёрт с ним, с артефактом! А что получилось?

— Песочные часы... Ты точно не сердишься? Всегда хотел забацать штуку наподобие...

Перед ними стояли теперь в подставке на двух столбиках две сообщающиеся сферы тонкого голубого стекла, с мечом наверху красиво сочетаясь. И песок лазуритовый, ярко-синий. Притом, он крутился смерчем в нижней сфере, улетая в верхнюю, собираясь в ней с тихим вкрадчивым шорохом. Звук умиротворял.

— Хорошая шутка, — одобрил Господин Сома. — Я ничуть не сержусь, меняй, что хочешь. Знаешь, я был бы только признателен, разнеси кто-нибудь и дом и мир... Надоело. Кроме цикад, пожалуй. И поля Там... Они были изначально.

— Покажи!

Стрекотал кузнечик. Пахло землёй, прогретой за день. Беседка, разноцветная галька озерного побережья, сад в меру заросший, в меру упорядоченный, соответствующий вкусу и чувству меры Господин Сомы, не изменявшему никогда, всё осталось позади. Да, цикады... Поле. Запах ночной травы поднимался, набегая волной на них, вдыхавших горьковатую свежесть сорванной, размятой полыни.

— Ты создал прекрасный и сложный мир... — задумчиво сказал До-До, и спросил вдруг, — А та креманка, она тоже из человека?

— Нет, — Сома улыбнулся, припоминая, — её мне, Восходящему дроид нашёл!

Он понюхал полынь, выбросил и тоже сел на прогретую землю.

— У тебя области Там везде предночные? — спросил До-До.

— С другой стороны предполуденные.

— Покажешь?

Обходя мир, Дом и Сад вокруг, они дорогой вдоль поля вошли под тень облаков. Миновали. Солнце светило вовсю. Начинались лиственницы, крепкие, низенькие. Кусты смородины между ними. С гроздьями ягод от зелёных, до спелых, алых. Гамак между лиственниц. Разбросанные ковры и подушки.

— Богатый мир!.. — выдохнул До-До, падая в гамак. — У меня всё так аскетично.

— У тебя тысячу раз лучше, — серьёзно ответил Господин Сома.

До-До хотел возразить и заметил Улей!.. На скатерти, на земле, сорванные невесть когда, лежали гроздья смородин и между них — Улей... Заметил потому что, ни раньше, ни позже, лепестками он начал открываться. Благоухать. Поплыл по воздуху снежно-белый цветок. Лилия, только маленькая, и лепестки в толщину папиросной бумаги... Ещё, ещё...

— Ого! Что это за чудо?

— Смотри...

Первый толстый шмель вылез и загудел по саду. Следом другие. Они не разлетались сразу, ползали по смородине. Цепляясь, перебирая чёрными лапками один изучал пальцы До-До.

— Волшебная штука! Живой артефакт?.. Из человека?

— Это подарок, — ответил Господин Сома. — И, не портить бы мне тебе настроение, сообщая, что он от Густава.

— Да? Всякое бывает... Сюда не заходит ночь?

— Нет. Настоящая смена суток только в доме. В центре мира, это закон. Ты не знал? По краям можно варьировать. Хочешь спать?

— Ага, на солнце. Поле, конечно, шикарное, но тут потеплей. Сделай одолжение...

Да, ради этого. Господин Сома хотел его видеть именно, собственно за этим... Понял, не мог уже не признать... До-До не стал ждать приглашения. Он перекатился вниз с гамака, и кудрявая голова легла на грудь Господина Сомы. Прислонилась к сердцу.

Всё-всё до последнего момента была полная, безоговорочная ерунда. Мусор, не стоящий внимания. Даже глубокий отдых в мире До-До. И сейчас юный хищник слукавил. Он не так уж хотел спать. Он хотел объяснить: кроме доверия гостя, есть и доверие хозяина. Вовсе не то, холодное: "Меняй, что хочешь". Совершенно другое чувство. Особенное... Что не помешало ему уснуть, вырубиться за минуту, под гудение шмелей и тихую мелодию, кроткую, как Лиски-намо.

Господин Сома, не зная того, в точности повторил его жест, обняв обеими руками

кудрявую голову. Крепко. Он услышал своё сердце... Шмель опустился и шёл по запястью... Господин Сома заплакал. Рыжий шмель напоминал Эми. Нежность, горечь — тоже. И Эми, и всех остальных, и всю жизнь его, старого хищника, и каждый её день... Горе и облегчение. Долгожданная свобода от попыток оправдаться, вырулить как-то, переиграть... "Вот как должно было быть, Олив... Так — правильно. Эми, вечное горе твоё... И никак иначе... Я прожил дурную жизнь. Пустую и грязную..." Волосы До-До промокли. Но Сома не мог остановиться, и помыслить не мог оттолкнуть. "Какая же ерунда! Игры, и рынки, и каменная надёжность входной рамы, и глупые наши коллекции!.. Мир — это гость в нём. Мир — это объятие. Единственное сокровище... Простите меня все!.. До-До, будь я проклят, неужели я собирался уничтожить вот это?.." Шмель полз по руке, ветер и солнце играли в кроне пихты, в листьях смородины. Мир был закрыт и совершенен. Впервые, впервые, впервые... Как спасение, как предел желаний и надежд, Господин Сома прижимал драгоценного гостя к сердцу, к щеке, к губам. Песня полудроида, песня его самого наконец-то изливалась свободно. Со слезами вместе. Растворяя хищника навсегда.

Глава 22

Глава 22.

Мелоди-Рынок сильно отличался от прочих. Он никогда не был облачным миром и, соответственно, не имел единственного входа, призрачных остатков рамы. Не было нужды оставлять Белых Драконов перед ним. Мелоди-Рынок был просто местом, и скорее над землёй, чем на земле. Что позволило ему бывать многолюдным ночами, как днём. Наиболее безопасный, наименее привлекательный для торговцев и хищников. Сома верно подметил, дурной тон, охотится в публичных неторговых местах.

На земле Мелоди поднимали пирамидки, с музыкальными инструментами и хитрыми приспособлениями, певчей механикой, вроде шарманок и шкатулок, как правило без шатров. Но не торговля принесла рынку всё возраставшую популярность. Простор. Танцевальная площадка.

Широкое поле между остроконечных скал, поднимавшихся гребнями к двум мысам Морской Звезды, малому, так, не мыс, а каменистая коса, и промежуточному слева от северного. По периметру рынок освещался связками воздушных шаров, не с воздухом, конечно, не как древние, с лимонно-жёлтым, радующим глаз светом внутри. Он разбивал туман и отгонял теней, даря полудроидам все ночи… Идеальной круглой формы. На тонких нитях. Их удерживали пирамидки с отказом, утверждённые в незапамятные времена. Кто поставил? Из завсегдатаев никто не признавался. Наверное, чистый хозяин, редко покидающий Собственный Мир.

Кроме этих, ярких светильников, были ещё иные, на семи торговых подставках, разбросанные по полю. Они выбрасывали искры высоко в небо. Каждая раскрывалась бесплотным куполом, медузой, стекающей в струи, нити под собой, а из них снова складывался купол, и так до земли. Эти почти не светили. Но украшали весьма! Их мог сносить ветер. В безветренный день или ночь они планировали к земле долго-долго... Разноцветные… Однако, впечатления буйства красок рынок не производил. Тихое, умиротворяющее место. Глубокое озеро света, особенно в ночи.

Ночь. Олив лежал в своём тёмном шатре на спине. Между колбами дымчатого стекла с честными злыми тенями в морской воде, без намёка на связные Впечатления. Перебрал все их... Не решился.

Двое "братьев" караулили на входе, из тех, кому давал противоядие через определённый срок. Олив смотрел, как бегут муаровые волны по ткани шатра, до окна в нём, до Собственного Мира, куда вряд ли уже зайдёт... И каждая волна представлялась ему убегающим танцем Лиски... В прошлое, прошлое, прошлое... "Сколько можно было откладывать? Как можно было передоверить другим?.. О чём я думал? Я не помню, о чём... Ни о чём". Словно в колбу, в ящик, до лучших или до худших, когда станет скучно, времён, он заточил Эми-лиски. Уверенный в своей власти. И вот смерть показала Оливу, чего стоит его власть. Олив любил Эми. Он просто не торопился. Спешил разыскать лишь вначале, сразу после побега, а в остальном — нет. Был уверен, что успеет. Догнать, освободить, переубедить, приковать заново, надёжнее... И вот смерть показала Оливу, чего стоит его уверенность. Да что теперь... И ведь полюбил Эми он именно за то, что сам отнял!.. За беспечность, весёлую, храбрую прямоту!.. Не каждый, и на Белом Драконе верхом, протянет руку человеку с зелёной кожей, Чудовищу Моря даже на один танец.

Олив встал, перепрыгнул свою коллекцию, очутился у выхода. Всё равно больно, пусть

станет ещё больней. Накинул плащ, закрыл лицо капюшоном. Он отправился, давно не бывал, на Мелоди-Рынок.

О, ещё больнее получилось! Искрящийся, лимонно-жёлтый свет круглых шаров... Ветрено, они колотятся с приветственным барабанным стуком: "Ты на Мелоди... Ты на Мелоди..." Всё, как прежде.

Огромное поле, надо лететь до середины, чтобы увидеть противоположную сторону. Безлюдно по краям. Музыка уже слышна вдалеке.

Бывает так, само складывается, что мелодия начинает гулять от одного человека к другому, захватывая большинство. Флейты, дудочки. Барабаны и трещотки... Тогда музыканты подтягиваются ближе к центру, танцоры за ними, не на земле, на воздухе. Начинается танец Белых Драконов. Складывается, как в эту ночь. Олив пролетел вперёд на скорости и увидел их...

Тонко, мечтательно пели флейты. Драконы танцоров парили, ныряя мягкой волной, выше, ниже. Послушные, но очевидно стремящиеся во внутренний круг. Где семь Белых Драконов кувыркались синхронно, слаженно, всплёскивая крыльями, столь же очевидно, не спеша уступать это место... Хулигански задевая, фыркая и бодая иногда внешний круг, ничуть не нарушив гармонии. При другой, весёлой, мелодии их танец перешёл бы скоро в шуточное сражение, захватив и людей. Но музыка, несущая их сейчас, никак не располагала...

Во внешнем круге люди стоя танцевали на спинах белых дроидов... Такие разные, в танце они казались отражениями друг друга.

Когда мелодия затихала, доставаясь одной только флейте, танец тоже доставался одному. Или ещё тому, кого пригласит он. Быстро вступила трещотка, драконы раскинули горизонтально крылья. Разлетались в единый круг. Над белыми, распростёртыми крыльями, на спине своего дракона, огромного как облачный мир, начала танец высокая, гибкая девушка в полумаске. Вытянувшись струной, протягивая руки к светлому куполу, парящему прямо над ней. Она едва переступала босыми ногами, поочерёдно касаясь, покрытой тканью, драконьей спины пальцами и притопывая всей стопой прежде поворота, легко и ласково. В бессчётных серебряных браслетах, ручных и ножных, немногим толще нити, окутанная вуалью, лёгкой, но непроницаемой взгляду, в поясе с бубенчиками и ещё одном на бёдрах. Под ускорение трещотки от запястий, вскинутых к небу до щиколоток, пробегала волна серебряного перезвона. Обратно — снизу до запястий. Поворачивалась медленно и плавно…

Эми танцевала не так... Не так украшалась, один яркий платок, или один шёлковый веер, яркий до попугайского, размером с неё саму, чтобы за ним то скрываться, то выпархивать... Эми любила день, дневной свет... Танцы-сценки... Пантомиму.

Трещотка замолчала. Тихий голос флейты улетел, растаял. Танцовщица встряхнула плащ, покрывавший спину дракона. Атласный, ультрамариновый плащ с капюшоном. Не снимая полумаски, закрылась им, вылетела из распавшегося круга. Холодный, недоверчивый взгляд.

Олив с изумлением заметил, что проснулся. Он смотрел, но спал. Морское Чудовище. Белые Драконы разлетелись по Мелоди-Рынку. Внизу кто-то перебирал струны, редкость, маленькая лира. Дальше весёлый парень с чёрными кудрями до пояса учил трёх других танцу из прыжков и переворотов в прыжке, типичному для Мелоди. Изгнанник, наверняка. Хозяева страшные индивидуалисты. И меркантильней изгнанников, нищебродов. А судя по тому, как увлечённо, внимательно учил, то — не за плату. Четвёртый отбивал для них ритм на длинной доске молоточками.

Дальше на торговой подставке качался хрустальный, казавшийся битым, бубен. Паутина изломов пересекает диск, не порченный он, интересно должен звучать... Хозяина нет

поблизости. Олив летел низко над землёй, то попадая в свет куполов и нитей, то погружаясь в темень. Искорки, устремляясь с пирамидок, высвечивали лица. Тогда Олив спешил заглянуть в глаза голодным и пустым взглядом. Из-под чёлки, из-под плотной ткани. Зачем пришёл?.. На взгляд ему не отвечали. Рынок есть рынок, даже такой. Прилетевших объединяла музыка. Но недоверчивость, настороженность рынка витала в воздухе. Оливу стало скучно и безнадёжно. Да и не бывает у полудроидов, будь он чистый хозяин или Чудовище Моря, двух сердечных привязанностей за одну жизнь. Хоть вечно ищи, Оливу не встретить ещё раз на Мелоди Эмилис-Анни.

Общая мелодия начала, новая, захватывать пространство. Драконы направились к центру. Знакомое лицо... На всякий случай Олив отлетел подальше в тень... «Пта!.. Паршивец! Другой бы среди облачных миров погулять не решился выйти, а этот снова на материке!..» Собравшая людей мелодия была динамичней предыдущей. Внутренний круг образовался на земле. Пта и ещё трое парней. Они раскручивали друг друга за руку, разлетались, менялись местами. С хлопками, с прищёлкиваниями пальцев. Поочерёдно пересекали круг, чтобы сделать сальто назад, чечётку и снова сальто. Движения Пта более плавные и менее уверенные, чем у остальных. Но он быстро учился. Мелодия начала замедляться, затихать. Из неё уходили барабанчики, бубны, как тогда осталась одна флейта. Танцоры ударили по рукам, разошлись. Олив откинул капюшон, подлетая... И — ошибся. Пта, уже верхом, не ринулся прочь. Ровно наоборот. Виновато и поспешно устремился навстречу. Оправдываться. Изумив хищника. Бок о бок, овеваемые крыльями драконов, направились с рынка в туман.

— О, я знаю, больше года!.. Олив, прости! Это же Собственный Мир, ведь ты понимаешь!.. Сначала обошёл его весь... Не знаю, за сколько, я так долго не был там! Затем погулял по вершинам. Там, где Там!.. Игра слов... Ну, прошёлся, немножечко... Какой он утром?.. Посмотрел... А вечером? Всё надо вспомнить!.. А утром с северной стороны?.. А ночью? Я вспоминал, как делал его... Он большой мир, Олив! Он у меня очень большой! Не думай, что раз одно дерево, то маленький. Я должен был поприветствовать его... Его голос, его ветер. Везде разный. Один день, получается, с разных сторон!.. Один год? Ну да, я понимаю, год... Но я должен был погулять в нём хотя бы день?! А потом я вернулся! Летел, а тут ночь, на Морской Звезде... А тут огоньки... Фонарики внизу. Олив, я раз только Восходящим был на Мелоди-Рынке. Вот и решил, что когда ещё...

— Возможно, никогда... — подсказал ему Олив.

— Ну, да, в общем... Я и танцевать не умею. Но ещё с того раза я запомнил тут рыжую звёздочку... От неё перенял, что смог. Рыжая, быстрая и... как солнце в ветреный день! Её звали...

Олив похолодел...

— ... звали Лисицей... Точно, Лиски!.. Не знаешь, она по всё ещё бывает тут? Днём?

По-своему расценив тёмное молчание Олива, решил уточнить:

— Не слышал такого имени? Она ещё, выходя на танец и заканчивая его, делала вот так...

И удивительно точно, в лимонном, искристом сиянии последней связки шаров, в тумане, Пта воспроизвёл её порывистые, лёгкие полупоклоны, словно попытки взлететь... Прямо по сердцу. "Вот это неплохо, Пта... — подумал Олив, задохнувшись. — Повтори. Раз или два, будет достаточно. Если человек может умереть от отчаянья, то почему не может от раскаянья и горя? Пта, повтори..."

Вопрошающе глядя, ничего не ведающий, Пта ждал ответа. Олив уже открыл рот, чтобы простить ему долг и избавиться от этого призрака прошлого, как заметил проявившегося

Чёрного Дракона и отпадающую челюсть парня, и взгляд за свою спину... Обернулся. Широкие, широченные плечи, тёмный плащ. Провал широкого капюшона... Оттуда взирали на него выпуклые, без выражения фасеточные глаза. Множество маленьких бледно-зелёных Оливов смотрели на одного, большого. Безоружного перед ними. Смуглая, сухая рука, человеческая на первый взгляд, десятком сочленений обвила его шею — коротким змеиным броском.

— Знаешь, Олив, — прошептал низким гудящим голосом Демон, Чудовище Моря, — никто ещё не пытался меня грабить... Ты первый. Зачем ты бросил на пирамидку умирающего? Что это было? Раб со злой тенью? Твой след я давно различал там, второй тоже... И новый. Что за игрушки, Олив?.. Отвечай, что это было?

— Несчастный случай, — бесстрастно ответил Олив, сразу взяв верный тон. — По моей вине. И я заплачу тебе. Двоих за одного. Убери руку.

— Этого? — прогудел Шершень, кивая на Пта.

— Этот мне нужен, — так же бесстрастно ответил Олив.

— Когда? — спросил Шершень и сам ответил. — Сейчас. Прогуляемся в тумане...

— Твоя стихия, понимаю. Я полечу и встречу тебя у рамы.

Шершень убрал холодную лапу-руку с его шеи:

— Идёт.

Олив и Пта синхронно положили руки на гривы драконов... Туман густой и высокий. Как можно быть таким беспечным глупцом, сколько ещё Морских Чудовищ скрывает слоистая пелена?..

— Резко вверх!.. — шепнул Олив Пта. — И больше не появляйся, я прощаю тебе долг.

— Ай!.. — вскрикнул тот, вместо ответа.

Зазубренный крюк на цепи причудливого плетения обвил его ногу, запутался в звеньях, плотно и больно. Чёрный Дракон бросился вниз, но цепь впилась, выпуская зубы, Пта снова закричал и дроид исчез, с рыком. Демон, массивный, бесформенный в скрывавшем его плаще, гулко рассмеялся с земли:

— Летите, летите!.. А я пойду за вами, за верёвочку подержусь, боюсь заблудиться... Давно не бывал у тебя в гостях, компаньон мой, Олив!..

"Я приношу несчастье свободным, самым лёгким из людей!.." — с досадой подумал Олив, а вслух сказал:

— Ничего не поделаешь, Пта, полетели...

В глубине души, не то оправдывая себя, не то искренне в подобную классификацию веря, Олив считал, что исходно люди делятся на свободных и рабов. Что его пленники — рабы по природе и судьбе. Тех, что смирялись, он не отпускал никогда. Тем, которые торговались, ставил условия и держал слово. Хотя и не брезговал лукавыми, не до конца проговорёнными моментами, чтобы придраться к ним и задержать. Из тех же, кто не смирился и не торговался, половину сразу освобождал, пусть создают нужную ему славу. Вторую половину продавал за артефакты, сразу или погодя, когда представится случай. Но не требовал ничего от них, по судьбе и природе свободных.

Ущелье окружило летящих. Олив спешился, сдвинул тень на входе. Струями, потоками без источника наверху, уходящими в почву, она волновалась, пыталась задеть входящих, дотянуться до них. Шершень стоял уже за порогом. Что ему эта тень... Рынок утопал в плотном тумане.

Муаровый шатёр Олива, профили многих лиц, неповторяющийся орнамент. Трое

расположились в глубине, пройдя, перешагивая ряды сосудов, чаш и колб. На ковре с длинным ворсом, серебряными мягкими нитями узора. Центр шатра Олив задёрнул пологом, ложе и сосуды со злыми тенями.

— Угости меня, — сказал Шершень.

Олив кивнул на привязанного Пта:

— Сними.

— Ладно...

Шершень наклонился, откинул плащ, продемонстрировав страшное жабо щупалец вокруг плеч. Тонкие пальцы его сухих, тёмных рук пробежали по зубцам и зубьям сложного плетения, выпутывая зазубренный крюк из него. Собрал цепь аккуратно, предусмотрительно, лёгким узлом перевязал. Щупальца забрали цепь и улеглись неподвижно, напряжённо, плечи из-за них казались неимоверной ширины. Прогудел:

— Чистый хозяин? Давно не видал таких, даже издали. Ведь ты составишь нам компанию, правда?..

— Что желаешь? — хмуро спросил Олив.

— Что-нибудь лёгкое, поверхностное, без глубины. Вся жизнь на глубине...

Олив скользнул взглядом вокруг, выбрал бутылку с пробкой. Перевернул, потряс, наблюдая воронку пузырьков, раздражённо откидывая чёлку.

— Ничего, ничего... — ухнув гулким смешком, сказал Шершень, — можно с тенью!..

Олив протянул бутылку. Но Шершень снова усмехнулся в ответ. Обнажил зубы, провёл по ним алым, тонким и круглым, остроконечным языком. Жалом.

— Посмотри на меня, Олив, мой невнимательный Олив... Подельник земной... На суше из артефактов мне неудобно пить. Разучился!.. Ах, Олив, отнял у меня обеих Лиски, и живую и неживую!.. Так долго я караулил. Зазря. Угости меня, как следует — из человека.

Олив встал, Пта подскочил следом за ним... Но оба чудовища, диаметрально противоположными по значению ухмылками искривив свои рты, остановили его.

— Я быстро, — бросил Олив.

Он вернулся с одним из "братьев", без кандалов, но тень, пригибавшая к земле, была тяжела и даже видима над ним. Олив вытащил из подкладки брошенного плаща плоский флакончик. Открыл. Демон принюхался издали, кивнул одобрительно:

— Правильно. Сначала это.

— Пей, — сказал Олив, не глядя на раба.

— Не вздумай! — крикнул Пта. — Олив, ради милости дроидов!.. Что там?!

Сутулый, с неподвижным лицом парень, одетый в рваньё, выпил, выпрямился, вдохнул свободно... Чтобы упасть, как падает дерево, жёстким и прямым на середину ковра. Тогда уже Олив медленно влил в приоткрытый рот всю целиком, отвергнутую прежде, бутылку. И жестом пригласил Шершня угощаться. Пта, переставляя, роняя бутылочки, отползал подальше от них. Тот факт, что в отличие от теней, Впечатления не достают ни из живых, ни из мёртвых, ему только предстояло узнать... Шершень наклонился над жертвой, повёл ладонью...

— Сейчас... Дойдёт обратно, к Огненному Кругу... Так лучше...

— Проворонишь, — заметил Олив. — Эта тень не даёт больше четверти часа.

— Это ты мне говоришь? — прогудел Демон. — Я проворонью?.. Шутник. Пора...

Щупальца расплелись, потянулись от плеч. С шипением нарисовали ожоги концентрических узоров, сквозь лохмотья одежды. Алый, острый язык погрузился поочерёдно в точки пересечения линий и выпил Впечатления из живого ещё тела. С тихим, зловещим

свистом. Совсем тихим. Мучительно страшным.

— А ты? — спросил, голосом помягчевшим внезапно, на короткое время утратившим жужжащие нотки.

— Предпочитаю пить обыкновенным образом. Демон ты, я человек.

— Прямо... — хмыкнул Шершень, облизываясь. — Но ты не скуп, признаю.

Парень открыл глаза. А Пта закрыл. Когда смертельно раненное тело превратилось в огоньки дроидов. И владыка Дом забрал пылающий Огненный Круг изнутри его, белыми руками.

— Чудесно, — сказал Демон, снова облизываясь. — Это первый. А второй?

И покосился на Пта. Олив покачал головой, твёрдо. Вышел. В тумане, в тяжёлых кандалах слонялся хищник, так и не пригодившийся ему. Приготовленный на продажу, освобождённый от тени. Злой и сильный. Сколько раз Олив с удовольствием встречал его ненавидящий взгляд. За этого спрятался ещё кто-то... "Раз уж Демон здесь, стоит воспользоваться. Спросить о Юбисе и сделать карту". Олив забрал в шатёр обоих и ещё одного, надеявшегося прошмыгнуть мимо.

— Имею интерес, Демон. Один твой, а из оставшихся сделай мне две одинаковые игральные карты. Вот с такой рубашкой.

Шершень перевернул графин на ладонь.

— Юбис, — сказал он уверенно, сразу, значит, ошибки быть не может.

— Посмотри ещё раз, Демон. Что-то странное есть в этом Впечатлении, кто-то ещё...

Демон повторил манипуляцию, усмехнулся:

— Длинное же Впечатление, ясное. Выпей сам и поймёшь.

Так Олив и собирался поступить. Он выпил, прикрыв глаза, маленькими глотками. Вот светится толща океанская от неравномерно-красно-мертвенно-серой сферы с пылающими глазницами. Это Юбис. Вот спутником вокруг него, как вокруг планеты вращается раскрытая его ладонь. Глазницы озаряют, ладонь — чует, фильтрует, закручивает и притягивает обратно водоворотики. Но вдруг затуманивается видение целиком. Проясняется снова. Не для смотрящего, не для Олива только. Для Юбиса тоже. Что-то ходит вокруг... Ширятся глазницы. Погружаются в сферу его головы, исчезают в ней… Образы снова затуманились. Нету глаз... Пасть Юбиса открывается в жадный огонь, лаву. Шар его тела, его головы, оставшейся от тела, растёт, разрывается сзади лепестками. И они охватывают того... то незримое, что перед ним, что туманит картинку. Утягивают в пасть, проталкивают. Зубчатые, волнистые лепестки смыкаются. Теперь они — затылок. Глаза с другой стороны. Сузились. Сияют. И удивительно горький, саркастичный разрез длинного рта... Конечно, Юбис прожил дольше многих и многих!.. Но кого же сожрал он, спиною к нему?! Какова причина экзотичности способа?

— Не уловил, Демон, — сказал Олив, открывая глаза.

Тем временем Шершень поднял торговую подставку.

— Бросай первого.

Олив подтащил за шкирку раба, роняющего его коллекцию, без ущерба, колбы залиты воском. Толкнул на пирамидку.

— Пользуешься моей добротой, — прогудел Демон.

Поднял руку, опустил, и все ослепли на миг, потому что это невозможно, увидеть, как изгнанник превращает человека в артефакт. Ведь в Собственном Мире, будь он хозяином, этого бы никто не увидел. Король бубей с круглой головой Юбиса покачивался на острие.

— Вторую в точности? — переспросил Шершень.

— Один в один.

Второго раба пришлось немного придушить. Не хотел становиться Юбисом. "Олив, — прошептал Пта беззвучно, — Олив, я ни черта не понимаю..."

— Спасибо, — тряхнул Олив чёлкой, принимая вторую карту.

Пирамидка медленно растаяла. И сразу стало темней. Казалось бы, такой маленький свет...

— И так, что желаешь на закуску?

— Щас придумаю... Так чего ты не понял, Олив? Впечатление — яснее некуда.

— Не понял, зачем он нападал на пустоту.

Шершень рассмеялся вибрирующим низким гудением:

— Да, и в привычке к ледяной глубине, к иглам холода можно найти преимущества!.. Для глаз полезно, к примеру. Улучшает зрение... Минт!.. Это был Минт перед ним! Вернее вокруг него. Редкое Впечатление двух королей! Редкая дешёвка... Вы на суше собираете всякую ерунду, пьёте всякую бурду последних эпох, да ещё и океанскую! Нет, что бы разыскать и выпить извержение Морской Звезды!.. В одиночестве выпить, ни с кем не делясь, тёплое... И запить Впечатлением той зари, когда промелькнуло чистое небо надо всем континентом... Это я понимаю. Карты, чудовища... Дрянь. Туман редеет... Чувствую кожей. Мне пора уходить.

— Минт?! — осознал Олив. — Это мутное марево, Минт? Без лица... Значит, проклятую колоду невозможно собрать?!

— Почему без лица, Олив? Как раз-таки с лицом!.. Минт того и добивался, чтобы Юбис взглянул на него. Оно есть и в других Впечатлениях. Очень холодное. Те, что видели его, долго не живут... Проклятую колоду можно собрать, Олив.

— Но?.. Как...

— Давай после. Приглашаешь? Возобновим наш союз... А сейчас я не против выпить...

И тут парень в кандалах сделал прыжок. Длинным прыжком, борцовским падением, молодым львом, он бросился на Олива, смыкая руки в замок, сжимая Огненный Круг в нечеловеческом бледно-зелёном теле. До плена и в самом деле был борцом... Силы любого из людей несоизмеримы с силой чудовищ, и крепость тел несравнима. Но у этого, бесполезного раба была только одна цель — не разомкнуть хватку. Гремя кандалами, снося, разбивая, раздавливая чаши и колбы, они катились к выходу. Олив похолодел. В прямом смысле. Огненный Круг замедлился. Наобум он дотянулся и разбил о голову парня, и так порезавшегося всем, чем можно, колбу со злыми тенями. Розочкой ранил в затылок, спиной швырнул на другую, перекатываясь, хрустнуло стекло. Вдохнул сам облачко, обоих накрывшей, дурманящей и удушливой тени... Дальше покатились. Бесполезно!.. Олив почти видел, как тени сквозь кожу и порезы захватывают крепкое тело полудроида, как перепутывается дыхание, ритм его, движение огоньков... Но руки борца не разжимались. И не слабели. Свет начал меркнуть в глазах. "Так мне и надо, — успел подумать Олив, — за Эми и за всё вообще..."

Пта притаился за пологом ни живой, ни мёртвый... Шершень, не вмешиваясь, с любопытством наблюдал поединок. Мягко ступая, не высвобождая клубок щупалец на плечах, только теперь подошёл. Нагнулся над побеждающим, чиркнул стремительно острым, алым языком — крестом по затылку и воткнул его под основание черепа. Не ослабели, руки мгновенно раскинулись. Олив сбросил в сторону неподвижное, парализованное тело, сел, отряхиваясь. Огляделся и вышел из лужи на полу. А Шершень, вполне себе, с удовольствием и не стесняясь, собрал пальцами и ртом все стабильные тени с пола и ковра, видимые только ему, не успевшие распасться и сожрал их. После чего присмотрелся к парню, постучал сухими, смуглыми пальцами по его груди, закрутил что-то, словно нити, выдернул вместе со стоном и сожрал тоже. Парень открыл глаза. Дёрнулся, встать не смог. Сказал тихо, но отчётливо и совершенно спокойно:

— Я идиот. Кто готовится долго, дождётся второго чудовища. За спиной.

Уронил голову на пол, со стуком.

— Демон, такие дела... Я снова твой должник, — сказал Олив. — И это не считая угощения. Так что ты хочешь?

— Злой... С характером... — одобрительно прогудел Шершень. — Из таких получаются отличные Морские Собаки. Если выживают...

Он заметил недоумение Олива и решил пояснить:

— Ездовые собаки. Гонишь перед собой одного или свору, получается течение. Потом лечить, конечно. Или выбросить. Они не виляют в течениях. А тот, кто преследует, или кого ты преследуешь, он не может не вилять... Иначе на скорости лишится даже присущих теней, — кусачие Свободные Впечатления... Знаешь, отдай его мне целиком, как есть. А дальше свидимся, насчёт Минта...

Олив встал проводить.

— Утро уже, — проворчал Демон, выходя, — сырое, по счастью.

Он ещё раз ужалил парня языком в загривок, перекинул через плечо и скрылся в тумане, усмехнувшись напоследок:

— Да сам я открою твою раму, наивный Олив. Пока! Лучше, внимательней смотри за рабами. Порядка у тебя нету в хозяйстве, Олив. До скорого... Наводи порядок.

Олив вернулся в шатёр. Огромные глаза Пта встретили его. Ночь словно запала в них и не усвоилась, не прошла в существо, в мысли, так между век и темнеет... Встретили сложным, но цельным выражением — требовательного упрёка. Недоумения, которое не намерено отступать. Напоминающим Лиски... Снова.

— Он ушёл, — устало сказал Олив. — И ты уходи.

— Нет, — сказал Пта через паузу. — Я ни черта не понимаю... Олив?.. Я должен понять!

Глава 23

Глава 23.

Сури оставался в Архи Саду.

После утраты тяготившего, но надёжного покровительства Галла-Гало, нуждаясь в чём-то подобном, он, сердечно на этот раз, привязался к Бесту, мгновенно и безоговорочно признав в нём старшего, главного. Перспективней Мадлен… А могущество, коварство и влияние древних галло, к слову, везучим Густавом были сильно недооценены... Бест же самым обыкновенным образом принял, словно нового изгнанника. Заботливо и уважительно. Со сдержанным любопытством к его истории. Хищники подопечные в саду уже появлялись, а чистые хозяева ещё никогда. Конечно, Сури не нуждался в просвещении, во Встречах ради Слов! Он был знающим и готовым делиться знаниями. Но он очень нуждался в покое. И в том, чтобы как-то распутать, разрешить беду с его Собственным Миром. Про который упорно молчал...

Амарант показал ему конвенцию, и Сури без приглашения, без запинки прочёл её вслух, поклонившись и произнеся: "Я принимаю..." После Беста на втором месте по силе симпатии у него очутились Олеандр с Ухаха вместе, — "Красный Демон" с настоящим морским демоном! Сури они представлялись скорее, как дроид на драконе. А самое главное — теми, из-за кого тысячу раз подумают, прежде чем сунутся сюда хищники с рынков. Торговля же в Архи Саду на пирамидках, под шатрами и без, была запрещена.

Пылающе-красный Олеандр, приобретя непередаваемый свой цвет, сохранил обычные, чёрные глаза полудроида, кроткие под длинными ресницами. Поднимал их редко, смотрел мягко и остался молчаливым. Навсегда. Мурена же напротив. Сделавшись розово-рассветной, гневаясь, не могла и не пыталась скрыть, в начинавших светиться, сощуренных, зелёных глазах всплеск красного пламени. Угасавший мгновенно, и всё же... По просьбе Беста, новых теней она не делала. Однако со своим ожерельем освоилась полностью, переделала его, переучила и была неразлучна. Ценила весьма. Привыкла и не тяготилась непрерывным, тянущим ощущением голода, исходящим от любой тени, безнадёжным. Перебирая монисто, если в поле зрения оказывался Олеандр, Мурена обменивалась с ним коротким, понимающим взглядом. По Змею скучали эти двое...

Когда Сури перестал рыдать, а затем и прятаться в разных уголках сада, и перешёл к рыхлению земли и поливу, — физический труд, неизвестный доселе, очаровал его, — Бест тактично, но настойчиво начал подвигать гостя поделиться своей историей. Неспроста ведь столько лет чистый хозяин, не охотник даже провёл в ненавистном ему Галла-Гало. Не тот случай, в котором помогают намёки. Совсем не тот.

— Сури, ни в малой мере, никто не собирается гнать тебя... Но положение ненормально... И оно в первую очередь тяготит тебя самого. Я вижу. Даже если ты привык. Ошибка гнетёт, сколько бы времени ни миновало. И вот показатель, что она — исправима! Пойми, чистый хозяин, проводящий время с изгнанниками, вне Собственного Мира, похож на коллекционера драгоценных камней, собирающего — внезапно! — прибрежную гальку... А, все аналогии получаются вечно такими глупыми!.. Я побыл хозяином, Сури, не долго, я говорил тебе, но достаточно, чтобы понять: Собственный Мир, это соприкосновение, какого нет вовне, это гнездо, чтоб любить и быть любимым... Но ты даже не слышишь, не слушаешь!.. Не видишь связи со своим опытом? Как такое могло получиться, Сури?

И тогда Сури не ответил, и потом не ответил. Но в один прекрасный день, когда

коллекционерам надоело делать ставки на борьбу, Грому с Крезом бороться, а Соте и Альбатросу им проигрывать, они рухнули, усталые, на шёлковые ковры. Присоединились к компании вокруг скатерти с фруктами и бокалами лёгких, последнего дождя Впечатлений. Сури свёл вничью последнюю партию в шашки с Селеной. И неохотно, слово за слово, позволил вытащить из себя грустную, простую и нелепую историю Собственного Мира.

— Так получилось, что Восходящим я пересмотрел много чужих миров, не напоровшись на хищника. Или, по крайней мере, не понадобившись ему. Приглашали. Я заходил. Не опасался. Я не трус, Бест! Мой дроид помогал и тем, кому просил помочь в поисках я. Таковые не переводились...

— Никто и не называл тебя трусом, — вмешалась Мурена. — А вот твоими слезами можно было сад поливать, и с родников не носить. Так в чём же дело?

Бест одёрнул её, нахмурившись. Мурена зевнула, отвернулась. Как сильно меняется создавший тень... Мурена лежала на своём обычном месте, то есть перед тем, что облюбовал Бест, перед остатками каменной кладки с плющом. Лежала по-собачьи, вытянув руки вперёд, как лапы, сторожевой зверь. Придуривалась, но всё же...

— И что? — спросил Бест. — Сури, чем тебе помешало знакомство с чужими мирами?

— Со многими, многими мирами! — горячо подчеркнул Сури. — Они все... одинаковые. Были. Они были все очень схожие, Бест! В структуре. Столько возможностей, и такой ничтожный разброс итоговых вариантов...

— Это естественно. Возможности сами собой, а принципы сами собой. Дроидов и семейств великое множество, но основных, к людям относящихся, три. И только. Вокруг них и другие семейства, и структура облачных миров кристаллизуются... Не понимаю.

— Не обязательно так...

— А именно, что необязательно?

— Я, — Сури запнулся, глянул исподлобья, — я захотел быть оригинальным!..

Вот как?.. Слушатели призадумались. Каждый хотел решить загадку или хотя бы выдвинуть версию, прежде чем он продолжит. Как здесь можно быть первопроходцем? Изобретателем? Да ещё настолько безумным и результативным, чтобы поломать жизнь на тысячелетия вперёд, предпочитая любое место пребывания Собственному Миру? "Да, стремление к оригинальности обладает дикой разрушительной силой!.. Видал таких. Даже стремление улучшать до бесконечности уступает ему, пожалуй..."

Не зря Сури так уважал Беста!.. Проницательность его, когда дело касалось сочувствия, была велика.

— Ты поменял местами Там и Дом? — спросил он сходу.

— Да! А Садом остались стены.

— Сомнительное новшество, и не вполне новшество... Но это не смертельно. Что-то ещё?

— Дроид... Близкий к семейству Дом... Библиотека. Я собирал страшные сказки...

Соль, её тема, заинтересованно приподнялась на локте:

— В каком виде? Воплощал книжные артефакты, собирал Впечатления антуража, чувств, внезапностей, безнадёжностей? Чудиков?

— И то и другое! И третье... Я подумал, вот будет здорово, неожиданно для гостей... Они как бы в сказке, ночью, прячутся в маленьком домике... Снаружи стерегут ужасы, заглядывают в окна, царапают дверь... Дом, Дом ведь снаружи получился, Бест, а он притягивает всегда! И зовёт и смотрит, ты понимаешь? Оборотни... Кровожадное ржание речных коней... Они стал вплотную к окнам! И к двери! Так постоянны, так убедительны, как Дом! А внутри дома нет, от него только вещи, и перемещаться можно по стенам лишь... От стола к комоду, от комода к лежанки. Я сбросил книги на пол и по ним смог ходить... Вокруг тёмные углы, страхи, тревоги...

А сам ты — Там! Нигде!..

Многие слушавшие отвернулись, скрывая улыбку.

— Можно залезть под кровать, — предложила практичная Мурена, — как под Дом. Вне сомнений, Там при таком положении остаётся, где ему и положено, снаружи.

— Именно так! И это единственное место, где можно жить!

Альбатрос, гонщик, коллекционер и небесный бродяжка не выдержал и рассмеялся. Сохраняя серьёзную мину, Гром заметил Сури:

— Ну, во всяком случае, тебе оно удалось. Стать оригинальным.

— Гость исправит положение, — отреагировал на услышанное Бест. — Только не говори, что ты опасаешься порчи или утраты подобного мира, не навещаемого тысячелетиями.

— Нет! — застонал Сури. — Зачем я только и рот открыл, не стоило! Какая порча, какая утрата! Как я впущу его, хоть на миг, но раньше сам я должен зайти!.. Ну, положим, не глядя, без промедления... зайду. А потом?! Какой гость, какое отнятие мира?!

— Э... Почему? — изумился Бест, осознав, что упустил какой-то момент, сущностный.

— Да потому что ужас — снаружи! И я должен пригласить — гостя — снаружи!.. Из ужаса! Открыть ему дверь... Ужас везде! И за входной рамой в первую очередь! И, да, смейтесь, находясь среди тёмных стен, ты веришь в его реальность на все сто! Кожей и хребтом... Он стоит и ждёт, облизывается... Всматривается в окна, сторожит у двери... Он чувствует, ты внутри! Смейтесь, чего... Мне не жалко. Не могу выразить, чего мне стоило выбежать тогда. Гость!.. Не подозревающий, что его ждёт? Или знающий? Ещё смешнее. Кто согласится?

— Небо и море, это как раз не проблема.

— Нет, Бест! Я должен буду тебя пригласить и не превратить ни во что, немедленно со страху... О, я вовсе не уверен! Глупо звучит, но допусти хотя бы, что я серьёзно!

Бест швырнул подушку из-за спины в зашедшуюся смехом Мурену и сказал серьёзно:

— Сури, ты сможешь сделать всё, что потребуется. Посмотри на меня. Я уверен.

— А если нет?! Ни пригласить, ни выйти?!

— Сможешь.

Бывший галло вздохнул и ответил ему рукопожатием.

Сто раз ещё успел Сури передумать, похоронить всякие надежды и вернуться к ним заново, прежде чем собрались действительно лететь в его Собственный Мир.

— Дай хоть на прихожую взглянуть, — сказал Бест. — А там, не хочешь, не заходи, кто ж тебя заставит?

Он подмигнул Мурене, прятавшей мордочку в медовую, кружевную белизну цветущей черёмухи, — сад разросся, выменивались новые семена, — и вслух пригласил:

— Составишь компанию? Погоняемся на обратном пути. Белый Дракон Сури на вид прямо создан для быстрых виражей.

То была правда, грациозный и длинный, когда он складывал крылья вдоль тела, исчезая в неподвижности на земле, они доходили почти до кончика хвоста.

— Ага, — ответила Мурена, чтобы вы меня обогнали, и никто не вернулся обиженным! Из вас двоих. Полетели, не против. Но затем, Бест, с тобой и твоей компанией мы огибаем Морскую Звезду на скорость, над волнами, по-моему! Там по-честному, на скоростях! Ага?

— Так ведь и там обойду!..

— Посмотрим!

Мурена отправилась перевязать волосы, спрятать монисто, издали кивнула Бесту, поняла, мол, о чём речь...

Ни с чем несравнимо свободное дыхание высокого неба. Чуть-чуть морское, всюду... Каждый луч, промелькнувший, протянувшийся из рамы чужого мира, манит, как поворот земной дороги. Загляни! Вдруг там и правда самое-самое главное, такое, о чём не мечтал и не подозревал даже. Мурена с Бестом вспомнили Зарока, подобным образом проводившего год за годом. Сури, положившись на память белого дроида, летел, ничего не замечая вокруг. От скорости ли, время ли пришло, но решимость и гнев росли в нём. Абсурдное, невольное изгнанничество, унизительное положение в Галла-Гало, воспоминание о злой игре хищников Против Секундной стрелки, всё бесило его. "Захожу! И будь, что будет".

Прихожую увидеть не оказалось возможным, темнота и только. Без задержки, без слова, Сури шагнул в неё с драконьей спины. Бест похолодел. Не ожидал. В дороге не разговаривали... Он сочувствовал этому галло и беспокоился за него. Не прошло и минуты, как Сури появился у рамы. Правой рукой он закрывал глаза, а левую поднял и простёр в Собственный Мир. Жестом полного отчаянья.

Теперь уже похолодела Мурена.

— Бест, может я?

— Ещё чего...

Бест, с поцелуем и быстрым объятием, через её дракона со своего живо перевалился и спрыгнул за раму.

Тёмная комната с низким окошком, да, всё так. Свеча коптит. Сури, не открывающий глаз. Господствующий над первой расой дроидов, Бест не чувствовал страха. Он мог превратить стены и предметы, но не воплощённые за ними Впечатления ужаса, угрозы... Просто не мог различить, что превращать. Да и план подразумевал не его работу... Хозяин и гость, оба стояли, опираясь на старинный комод у входа. Желая пройти дальше, должны шагать по разбросанным книгам в неуловимом Там. Точно, изнутри мира входная рама представляла собой распахнутую, дощатую дверь. Облачные миры за ней, отдалившиеся, лохматые, не парили, а будто ползли в глубине, всё темневшей, смурневшей... Бест взял книгу с комода, раскрыл... Шелест страниц заставил хозяина мира побелеть и пошатнуться. Сури отнял руку от глаз, угрожая и отстраняя, пятясь к раме:

— Бест?

Ему это движение тоже не понравилось. Бест перехватил его руку, опустил вниз.

— Тихо, тихо, Сури. Всё нормально. Как и предполагал, я ни черта не вижу и не понимаю, где оно...

— Как и предполагал? — повторил Сури потрясённо. — Зачем тогда...

— Тихо, мы сделаем по-другому... — Бест позволил хозяину еще немного отступить к раме. — Ты не слышишь своего дроида, я не вижу твоих ужасов... Что страннее?..

На последнем вопросе, не колеблясь уже, Бест развернул хозяина и вышвырнул за раму!..

— Вот так отнимают миры... — пробормотал Бест. — Интересно, что мой Чёрный Дракон думает по этому поводу?.. Мурена! Заходи.

Мурена залетела птичкой.

— Ой, дроиды! Ой, небо и море, где вы?! Здесь всё наоборот... Мрррак! Он не преувеличивал, бедолага Сури!..

— Ты чувствуешь угрозу?

— Ещё бы! А ты нет? Ни гостем, ни хозяином?

Бест покачал головой:

— Нет, совершенно. С того момента, как понял, что и не могу снять его, — Бест указал на медальон, — пальцы не берут, проходят насквозь, я вообще не чувствовал тревоги или страха.

— Почему, — Мурена подняла брови недоумённо, — ты связываешь эти два факта? Думаю, дело тут не в медальоне...

— Тогда ситуация... показала.

— Ой, не продолжай! Ты хотел отдать кому-то!.. Иногда ненавижу тебя, Бест! И как выкрутились?..

— Нормально, как видишь...

— Ох ты ж!.. — Мурена присела выглянуть в окно и отшатнулась. — Талантлив был Сури-Восходящий!.. А раньше? Чего ты боялся по-жизни, Бест?

Он задумался:

— Не помню... Правда. Я всегда чуть-чуть боялся, что тебя занесёт, как теченьем морским, далеко, без возврата... Но это как раз у меня не прошло...

— Бест! Кого заносило больше?! И продолжает заносить, а? Вот сейчас — где мы?..

Бест рассмеялся:

— Давай, твори! Хозяин изведётся там в неизвестности. А как было его предупредить?.. Сейчас, успокою, если не улетел…

Мурена подняла и опустила, не создавая повторным поднятием ничего взамен, руку на каждый из четырёх углов дома. Темноту и потрескивание фитиля сменило пение дроида. Волшебное пение Я-Владыка, будто заслонённое прежде. Стены Сад она уронила, к выходу, пока что в нигде, образовав дорожку, и Бест перешёл на неё, захватив книжку, устраиваясь вблизи рамы почитать.

— Знаешь, что? — сказал он вдруг, оторвавшись от страницы. — А сохрани-ка ты для хозяина его абсурдное расположение семейств... Думаю, это вполне возможно.

Не просто возможно, это было неизбежно. Области — не артефакты, гостю их местами не поменять. Мурена справилась с задачей.

После полудня работа была завершена. Мурена показалась на раме, теперь изнутри озарённой солнцем и яркими, острыми бликами солнца на воде. В них розовело её рассветное лицо, блестели чёрные, снова распущенные волосы. Она заменила последним жестом дверной колокольчик в виде конских челюстей, издающих хриплый стон, на нормальный звонкий колокольчик. Обычный, фантазия её иссякла. Сури тормознул дракона на вираже, в верхней точке кувырка и подлетел к ней. Мурена пересела на своего Белого Дракона, фыркнувшего ей в щёку.

— Сури. Злишься на нашу хитрость? Не злись. Так было проще. Я старалась для тебя. Но если что не понравиться, переделаешь, пока гостем...

Бест захлопнул книгу и показался за рамой, приглашая хозяина в его обновлённый мир.

— Вот тебе Сад... — говорил Бест, они шли по пирсу, ведущему от входа, до острова, море подскакивало вокруг уголками синих волн, подбрасывало с обеих сторон лодочки. — А вокруг — Дом, можешь плавать и купаться. Только учти, Дом не заканчивается нигде... Можно плыть до бесконечности.

Остров правильной формы, без мысов венчала круглая колоннада крытой галереи с ведущими к ней широкими, каждая на два-три шага, пологими ступенями.

— И это тебе Сад, — Бест указал на колонны. — А вот твои вещи.

На мраморных столах стопки книг и огарок свечи, которую Сури тут же уничтожил взмахом руки.

— А в середине Там, как ты и хотел... Но ты не можешь больше туда зайти, даже бросая предметы, чтоб наступать на них. Мурена закрыла. Закрытую область сделала. В Там идёт только время...

Центральная, круглая площадь представляла собой циферблат. Песчаная, причёсанная волнами площадь. Словно море неспешно уходило с неё. Сад камней на свой лад: двенадцать массивных лазуритов разной насыщенности цвета и причудливых форм на примерно равном расстоянии расположились по кругу. Медленно перемещалась полосатая тень от колонн, меняя их, без того богатые, красивые оттенки.

— А это Мурена схулиганила!.. Верна себе...

Последний, светло-небесно-голубой лазурит с определённого ракурса подозрительно напоминал стоящую на задних лапах мышь. Мышь героическую, со щитом в лапе и задумчивостью на морде.

— Да, — скорбно заметил Бест, — знание языков не пошло ей на пользу... Извини, Сури, переделывай пока я хозяин.

— Ни за что!.. Да, я мышка, так и прожил. Чудесная и точная композиция. Как мне благодарить тебя? И могу ли по-прежнему бывать в вашем саду?

— Просто в Архи Саду, Сури, в ничейном, в нашем! Да и я прошу тебя, заходи хоть иногда! Потому что, я знаю, долго-долго ты не захочешь выходить. Ты, Сури, наверное, единственный в мире нехищник, чьё стремление к оригинальности заслонило песню дроида. Но сейчас я выйду, и ты услышишь её. Возвращайся к нам иногда. И можно, я возьму одну книгу?

— Сколько угодно!

— Я верну, навести, заберёшь.

— Бест, полдень в Собственном Мире дороже всех мыслимых книг!

— Это верно. Соль бы поспорила, впрочем…

Сури щурился, прислонясь к колонне, не отворачиваясь от солнечного диска. Голоса делала гулкими колоннада. Свежими, просторными. Бест сказал:

— Пойду. Не провожай. Будь счастлив, чистый хозяин.

Они обнялись. С толстым чёрным томом в руке Бест ушёл к раме по длинному, сужающемуся и пропадающему в бликах пирсу.

Глава 24

Глава 24.

Никогда Господин Сома не помышлял, что будет волноваться перед встречей с каким-то изгнанником... Волновался. Слова "господствующий над первой расой" ни о чём не говорили ему. Хищники не особо интересуются делами дроидов, относясь к ним, как к среднему между силой обстоятельств и беспристрастностью машин. Имени "Бест" он улыбнулся: "Наилучший?" Но при этом он летел знакомиться с человеком, переменившим всю его жизнь. Обе жизни: его и До-До. К лучшему, не то слово.

Оставшись на Южном Рынке, вернувшись к игре и заключению сделок, за короткое время он смог похитить и освободить почти дюжину, одиннадцать человек, случайных жертв судьбы, и снова — Густава. Прибрежная галька из мира До-До под его рукой превратилась в те вещи, в которые должны были превратиться люди. Но это стоило ему... Когда в общий шатёр попадала жертва, предназначенная другому, он с величайшим трудом скрывал произошедшую с его сердцем перемену. Должен был скрывать. Не проповедовать же им! Сам хорош. Господин Сома из них старейший хищник, станут его слушать! Решат, одержимый дроидом. И всё. Тут неразрешимое противоречие: если проповедует чужой по всем статьям, скажут — ты не такой, ты не из наших, и баста... Если свой начнёт рассуждать против течения, скажут — ты один из нас, опомнись, водички попей! «С каких это пор?» — спросят. А ведь у каждого своё "с каких пор", личное, других не касается, другим и непостижимо. Сома молчал. Но бездействовать становилось с каждым разом труднее.

Однажды, превзойдя Густава в спонтанном лицедействе, он выступил ходатаем за парня, совсем на Южном чужого, который ходатайства ждать не мог, у Махараджи. Подмигнув, изобразив давнее знакомство. Прокатило. Будь рядом Гай, тот не позволил бы без доказательств. А Раджа прост. Богат, но согласен на любую новинку в качестве выкупа.

Чистый хозяин, — вместе они ушли, изображая приятелей, — получил от Сомы вдобавок возможность сотворить гостем сложную, мелкую детальку. Ключ, который закономерно искал на Техно, прежде чем довериться Гратии и отправиться искать на Южном, где попался... Ключ-таблетка для механизма производящего разноцветный, порывистый ветер, без повторов, всполохи, звездопады. Носил на шее, уронил над Великим Морем. Механика простаивала в Собственном Мире, завидное украшение.

В совершенном потрясении расстался чистый хозяин с Господином Сомой. Не на раме, снова на материке, в горах, над Туманным Морем дроидов, возле своего тайника, рассчитанного на одну вещичку. Подобные тайники надёжней больших. Оглядись вокруг, лишь бы в непосредственной близости не оказалось людей. А если и кружат Белые Драконы в небе, всадникам ни за что не разглядеть и не узнать, под каким обломком в скальной трещине драгоценность. Или пустяк? Или даже ловушка. Если опознавательный знак оставлен, наверняка ловушка.

Тайник-расщелина был пуст. За исключением… Хозяин снял цепочку с крючка. Кулон. Пористый невпечатляющий камень держала в клюве весьма дорогая, тщательно и вручную гравированная птичка. Каждое пёрышко, каждый коготок...

— Тебе, спаситель, воплощение моей удачи. Здесь оставь. Или перепрячь над любым морем, куда поднимаются туманы Свободных Впечатлений. Артефакт таков, что за одну туманную ночь впитает те из Свободных Впечатлений, которые позволяют выпившему их

перейти... — пустое время. Как пустую долину, без радости, без воды... Без надежды, вот что я хотел сказать, без надежды. Иногда надо просто идти...

Господин Сома разглядывал кулон, тёплый в руке, песочного цвета камень. "Интересный хозяин... По всему, любитель веселья и удовольствий, а такой артефакт на груди хранит. И откуда взял?" Спрашивать не стал, и они распрощались. Небрат его звали. Странное имя — Небрат... Таким могли бы назвать человека в группе, отвергавшего какой-то из обычаев, и, несмотря на это, остававшегося в ней.

Вокруг змеевого бассейна разлеглись трое лениво переговаривающихся коллекционеров. Сота разглагольствовал о прежних временах. Двое остальных, новички, успевшие уже оценить времяпрепровождение, полусон медленных Впечатлений. Окинув До-До и Сому безразличным и близоруким взглядом, отвернулись.

Крез поймал гостей и развернул на другую тропинку с центральной, мостившейся сейчас вручную. И он работал, мостил. Работал с огромным удовольствием, возможность образовать из осколков камней, стекла и плиток совершенно новый узор восхитила его. Полудроидов привлекают любые головоломки, манипуляции с известным исходным набором, подразумевающим спонтанное развитие, но в достаточно узких, конкретных условиях. Крез занимался ручным трудом во всех украшениях! За исключением диадемы, вообще-то, девичьего атрибута, падавшей с головы. В серебряных с аметистами серьгах, ручных и ножных браслетах! Господин Сома принял было Креза за главного... До-До усмехнулся и увлёк дальше.

Вымощенная прежде, обходная тропинка, лазоревый ручей скоро вернула их на центральную, ещё земляную, узкую и тенистую. А она вывела на просвет.

Перед стеной крупной каменной кладки, кое-где мшистой, кое-где скрывавшейся под плющом, среди вперемешку сидящих, лежавших людей, плодов и бумаг, рядом с черноволосой, яркой красоты девушкой сидел простецкий, широкоплечий парень в клетчатой рубахе и чёрных шароварах. Золотой медальон на груди. Стоически он выслушивал двух спорщиков, у каждого из которых образовалась к тому времени своя группа поддержки. Оборачиваясь то к одному, Амаранту, то к другому, Римлянину. Это надолго. Не теперь началось. Преимущества свобод и преимущества контроля распространились в обсуждениях со сферы общежития на сферу личных устремлений, решений, внутренних запретов... Обрастая сторонниками и противниками. Самое забавное, что Бест и в мыслях, как сидя в саду, находился ровно посередине!.. Заметив До-До он без промедления вышел навстречу, и поклонившись, встав, поклонился снова:

— Господин Сома... Я очень рад знакомству. Если могу быть чем-то полезен...

Сома искоса глянул на До-До, что он наплёл тут про него? И неужели это тот самый человек, "господствующий над первой расой"? Тогда за кого он принимает Сому, старого хищника?

Бест продолжил:

— Я восхищаюсь тем, что ты делаешь. Я не способен так — на рынках... Заходил, но... С такой свитой! Увязались, как бесплатный цирк!

Бест качнул головой в сторону Ухаха, положившего плоскую морду на руины стены. Олеандр, заметив, что у них гость, тут же натянул повязку на его смертоносный глаз. С чёрной, пиратской повязкой улыбчивая, мохноухая морда выглядела просто непередаваемо!

— Бест... — поклонился Господин Сома. — Я немного озадачен. До-До настаивал на этой встрече, я не хотел беспокоить, не вполне понимая ради чего...

— О, просто пользуйся оставшимся от Центрального, да и не только... От тайников всего

континента! До-До покажет тебе кладовые. Господин Сома, бери всё, что может понадобиться. То, что ты делаешь, беспримерно. С начала эпохи высших дроидов не бывало. Я никогда не слышал и не читал о таком. Моё почтение и благодарность... Что ещё?.. Там, — он махнул рукой, — деревья которые поливают водой Впечатлений... В остальных плодах Чистая Вода забвения. Сладкая... Я бы предложил тебе прочесть конвенцию, но это просто смешно. Хотя... Возможно, ты её дополнишь?..

Господин Сома слушал его, пока не покраснел, как Мурена. Вот уж об этой своей способности он и не подозревал! Воспользовавшись тем, что Римлянин дёрнул Беста "на минуту", он слинял с До-До, не отходившим ни на шаг, в колючие дебри каких-то кустов. Шипы — с палец длиной.

— А ну стой, До-До!.. Что ты наговорил про меня?.. За кого меня здесь принимают?

— Только правду, — удивился До-До.

— Этот человек свободно призывает дроидов? Он отдал чудовищу Собственный Мир? И он поклонился мне? Да я превратил в столовое серебро больше людей, чем он встретил за всю свою жизнь!

— Неважно, что ты делал прежде, — оборвал До-До, ненавидевший, когда Сома ругает себя. — Да, Бест очень, очень уважает тебя за то, что ты остаёшься на рынках. А кладовые, что я должен показать, они — вон, вдалеке.

Господин Сома сел на землю:

— Мне надо подумать, До-До.

— Типа... — уйди, исчезни? Без проблем. Не улетай! От тебя ничего не требуется. Вечером они будут учить новичков говорить... Это весело и даже красиво. Впечатления красивые. Для новеньких отбираются лучшие. Выпивает один, но смотрят их все вместе! Учат тех, что собирали языки, но не знают эсперанто полудроидов... И нескольких безъязыких совсем, представь, и такое бывает. Особенно часто среди Восходящих, собиравших лишь музыку, ставших изгнанниками... Здесь безопасно! Совершенно. И ночью как днём. Ночью костры... Зелёные... Да, я говорил тебе.

— Я понял, До-До. Я помню.

— Ушёл. Я, но не ты... Не улетай, а?

Господин Сома не ушёл и не остался.

Он бродил дорожками Архи Сада, пробовал плоды Забвения, как зверь ходил вокруг шумного, многолюдного сборища изгнанников, мимо высоких, зелёных костров, благоухавших можжевельником и валерианой, плещущих высокими языками пламени... Никто не приставал к нему.

Рассвет зажелтил клейкие, молодые листочки, распустившиеся только что, одновременно с ним. Карликовое деревце с полосатыми ягодами, плохо различимыми среди его пёстрой же, бело-зелёной листвы. Сома рассеянно сорвал одну и плотная кожица лопнула на зубах, освобождая краткое, отчетливое Впечатление... Почтовую коробку с голографическим адресом раскрывают, торопясь и мешая друг другу две пары маленьких рук... И взмывает над ней рыжее облачко... Лиски-намо!.. Господин Сома задохнулся. Закусил пустым, сладким яблоком, невозможно больше вспоминать... Он вышел к белому, шёлковому полотну с аккуратными строками конвенции Беста. Прочитал её тихо, но вслух. В одиночестве. И коротко поклонился.

Глава 25

Глава 25.

Интригующая история, с определённого момента волновавшая Беста сильнее ежедневных, обыденных проблем, закончилась без его участия. Чужими руками оказалась разрешена. Косвенно им, но не прямо. Увы, моментам, сопутствовавшим ей, предстоит возникать впредь, снова и снова. Непросто стираются следы ненависти и безумия. Но они стираются! Актуальная же, громадная угроза, цунами, катившееся на всех, без исключения из глубины веков, растаяло маревом, миновало.

Открыл для себя принципиально новую тему Бест, навещая Змея, а он навещал его время от времени.

На выходе, в воротах облачного рынка дроидов дроид 2-1, выбранный в помощники главой какого-то из промежуточных семейств 2-2, рассыпался радужными огоньками среди вишнёвых огоньков 2-2, при этом дроиды продолжали непринуждённо болтать на эсперанто. Ещё человечески, обусловленные их голоса звучали. И Бест услышал... "Проклятие дроидов..." Обусловленный тоже в использовании своей власти, он забыл все желательные и требуемые обстоятельства для повеления дроидам. И попросил первую расу вернуть этого 2-1 обратно, немедленно. Дроид возник, произнёс формулу: "Выражаю почтение..." Бест нетерпеливо спросил:

— Никогда я не слышал, чтобы дроиды ругались... Почему ты сказал так?

Дроид не понял его. Они вообще заточены сходу улавливать желания людей, общие склонности. Рассчитаны на Восходящих, кроме драконов и третьей расы в целом. Когда вдруг дело касается человеческих вопросов или, ещё хуже, рассуждений на абстрактные темы, дроиду сложно уловить и то, что называет человек какими-то словами, и главное — чего ему надо?! Такая вещь, как "понять" дроидами почти неуловима в человеческом варианте...

— Фррр... — протянул дроид по-драконьи, что соответствовало человеческому: "Эээ?.." — Никакого неудовольствия я не выразил. Горы-над-Гаванью выбрал меня и я уместен в его семействе...

— Назови себя.

— Волной-к-Подножью, высший, холодный дроид второй расы 2-1.

— Что же значили эти слова, "проклятье дроидов"? Почему ты произнёс их?

— Потому что оно не найдено до сих пор, и до сих пор дроиды не нашли способа объединить усилия в поисках, при том, что ищут все... Соглашаясь с главой семейства, я произнёс их.

— Оно?.. Что не найдено?.. — окончательно запутался Бест.

Тут глава Горы-над-Гаванью удивлённый внезапным отсутствием новоприобретённого, проявился перед ними, в конической высокой короне, холодный, смугло-вишнёвый дроид.

— Выражаю почтение господствующему над первой расой, — произнёс он напевно и напряженно.

Главы семейств всегда опасаются, что подобные Бесту начнут интриговать, подыгрывать одним семействам ущерб для других, переманивать дроидов, в чём собственно он Беста и заподозрил.

Тот развеял его подозрения. Глава сразу понял вопрос, и Бесту открылся целый пласт древней истории. Трагический. Не закрытый поныне. Выходящий на поверхность сегодняшнего

дня срезом смертельно опасной руды. Ради последнего открытия и взял он книгу Сури. Показать изгнанникам, возможно большему числу людей. Пусть, как могут, ищут тоже. Пускай держат в уме. Никогда не знаешь, где что проявится.

— Меня всегда немного цепляло, — так начал общую встречу, — когда я слышал это выражение... Диссонанс какой-то. Я не придавал значения. Странно, конечно... Дроиды с роду никого не проклинали, первый закон. Хоть вопрос об возможной их не дружественности, так же вечен, как сами они!.. Проходит сквозь века красной нитью, как вирус какой-то! Так вот, я подумал однажды, любое выражение, — независимо, глупое, точное, суеверное, — должно иметь начало, предмет, путь ошибочный, но исток. Что же имеется в виду под "проклятьем дроидов"? Утрата мира? Так ругались бы только изгнанники, выражение не распространилось бы широко... Оказывается, всё вообще не так! Совершенно наоборот. Выражение происходит от самих дроидов. И означает не проклятие, наложенное ими, а проклятие для них! Их старую, и, по мнению некоторых, неизбежную ошибку. Сам же предмет, называемый так, это и вещь и человек, её создавший. В количестве тринадцати штук. Но сначала "проклятием дроидов" назвали самого человека. Настоящее его имя не сохранилось.

История такова. Она относится ко времени, когда Восходящие не имели Огненного Круга в груди. Они собирали облачный мир и тогда получали, за день до воплощения. Вместе с огромной силой, неуязвимостью, радостью и жизнью долгой невообразимо для предыдущих поколений. Получали от дроидов после остального, общих представлений о мире, помощи в созидании, основ и мелочей. Скоро этот ошибочный порядок был заменён на противоположный, сначала Огненный Круг, затем всё остальное.

"Проклятие Дроидов" застал первый порядок...

Человеческая природа такова, что крохотная добродетель притягивает рано или поздно все остальные добродетели, а крошечный изъян в пику ей пытается разрастись даже и за пределы самосохранения... С величиной дара соотносится либо благодарность, либо ненависть к дарителю. Огненный Круг, неотлучаемое как Белый Дракон, присутствие Царя-на-Троне, равнозначное Собственному Миру, воплощающее его — великий дар. Но нашёлся тот, кто отверг его. Не пожелал. Человек, имеющий в запасе несколько десятков лет жизни. Видевший беспечную радость остальных, свет и наслаждение, исходящее от преображающихся тел, рамы миров и прихожие за рамами. Отверг всё.

Дроиды задумались. И решили, что он имеет право на отказ. Высшие, то есть полностью повторяющие для себя облик людей, речь их, не могли предположить сколь малый миг недоверия может перерасти в десятилетия ненависти, враждебности деятельной, а главное — не оглядывающейся. История не сохранила рокового события. Было ли то злое слово, нападение, беспричинный отказ или обман? Ясно только, что то была мелочь, злая мелочь, совершённая не дроидами, а другим человеком. Наверняка, хозяином Собственного Мира, сияющим, насмешливым, превосходящим. С Огненным Кругом в груди, даром дроидов... И тот, кого после назовут "Проклятием Дроидов" отверг, не разбирая, всё разом. Подобно Густаву. Всех.

Что имел? То же, что Восходящие: двух драконов, дожди и ливни связных Впечатлений. И помощь второй расы 2-1 без посредства главы какого-либо 2-2 семейства... Помощь в поисках книг, в начале по общей истории, затем по эволюции механики, следом по эволюции дроидов и после того по свойствам неведомых эпохе до дроидов материалов. Проклятие Дроидов не создавал облачный эскиз, но учился охотно. И дроиды служили ему. Как любому другому.

Идея, завладевшая его умом, была проста и неоригинальна. Многажды в тех или иных формах она поражала человечество. "Наслаждение — зло. Апогей его — Огненный Круг. Значит, полудроид — это извращение. Если возврат к полностью человеческому телу невозможен, то и эта цивилизация не должна существовать". А надо сказать, "эта извращённая цивилизация" переживала тогда свой золотой век. Начало. Не было ещё теней в Великом Море и хищников на рынках. Морская Звезда представляла собой один сплошной Мелоди-Рынок. Радость и ликование. Беспечность и доверчивость. В Собственные Миры приглашали и заходили только так, без оглядки. Что послужило его злодейскому замыслу на последнем этапе... Всё он видел ясно, Проклятие Дроидов. Да, Огненный Круг — чистое наслаждение, присущее телу полудроида. Так и есть. Ошибочно ставить его на первое место, но чтобы понять это, надо, как минимум, самому стать полудроидом. "Извращённым существом?.. Нет. Не раньше последнего этапа, для пользы злого дела, для завершения его..."

Историческая ремарка. До решающего изобретения, момента, когда автономный дроид Гелиотроп создал технического тёплого дроида Коронованного, Дарующего-Силы, Огненный Круг, продлить долголетие людей пытались увеличивая отдельные характеристики. Силу, крепость тела, скорость внутренних и внешних реакций на разные факторы, неблагоприятные и нейтральные, но меняющиеся быстро или непредсказуемо. Успешно пытались, характеристики возрастали. Но они вступали в противоречие между собой! Итог оказывался почти прежним! Не считая того, что дроиды, чтившие свободу выбора, позволяли людям самостоятельно делать акцент на чём-то одном. А массы подвержены моде...

Образование, не дроидских, но человеческих новых рас, например, людей медлительных, долго живущих, хрупких, это одна мода. Другая — быстрых и крепких людей, опасных и для самих себя и для противоположной расы, ставила под угрозу обе...

Гелиотроп сказал: "Пусть люди всё же в главном сравняются, иначе нельзя. Раньше так повелевала природа, теперь так повелеваем мы. Пускай все они опираются, на что привыкли. На то, что считают собой... И не собой... На то, что им ближе всего, и к чему они издревле питают доверие... На своё сердце". Так он решил. И дроиды согласились. Для самых разных нужд и характеристик тела они доверили ему создать общий источник энергии, поместить в середину груди. Огненный Круг сам направляет пламенеющую силу вращения туда, куда требуется человеку в каждый конкретный момент. Сам по себе, но в согласии с человеческой волей и выгодой. Никогда не против неё. Он поддерживает, да, но главное — уравновешивает. Второй, ещё более значимый аспект, его связь с рамой мира. С атомизацией человечества, но про неё после.

И ещё ремарка. Тогда же дроиды желания были выделены и объединены в семейство Закрытое-ото-Всех-не-Дроидов, под властью Августейшего. То есть, он семейства не создавал. И распоряжается им постольку, поскольку... А иначе не получалось. Выходила совсем ерунда, быстрый апокалипсис... И дроиды желания, холодные дроиды, чаще других, чаще и теснее даже тёплых дроидов Там, контактировавшие с людьми, пошли на такую жертву. Не забесплатно. За весомую выгоду... Новое в истории обстоятельство, значимое для них.

Усовершенствование оказалось столь замечательным, столь много проблем сняло навсегда, что последующие Восходящие, имея от первого дня Огненный Круг в груди, не имели интереса к точным наукам. Они не стремились к дальнейшим улучшениям природы. Ни человеческой, ни дроидской её частей. Соответственно, интерес к знаниям таял в принципе. Дроиды не закрывались от людей, но способность задавать вопросы определяет способность получать ответы. И вопросы растут из потребностей, как ни крути. Растут последовательно, тянутся

стебельком, расширяются кроной... Таковые появлялись всё реже и реже.

Новые Восходящие и хозяева миров тяготели к веселью. Особенно — к красоте. Они впитывали связные Впечатления, перекладывали их, уходили с головой в создание облачных эскизов, внешней их формы. Играли готовой мозаикой на готовом поле. Индивидуализм их возрос безмерно, а впрочем, намного раньше. Дроиды и Впечатления стали человеку ближе других людей.

И неизбежно получалось так, что Восходящий, мало задававший своему дроиду, главе семейства, мало вопросов, проникающих в сущность, получал скудный мир. Мир неудовлетворяющий его после. Хочется переделать, дополнить... А как? Появились хищники, торговые пирамидки стали использоваться не для артефактов только, а для похищений, для охоты на людей, чего прежде не бывало. Появились хищники, способные создавать тени в Великом Море, демоны его, Морские Чудовища...

Проклятие Дроидов интересовался науками до такой степени, что создал нескольких, не высших, конечно, технических дроидов. И разобрал их. Не последовательно, а разрушая внутренние вещества. Вызвав недоумение у помогавших 2-1, но и только... А насторожиться стоило, ведь сконструированные им дроиды имели массу разнообразных фунций, не связанных общей целью. И Проклятие Дроидов даже дня их не эксплуатировал. Ясно, что он только хотел посмотреть: как собирается, как разбирается, насколько велико сопротивление материалов и возможности самовосстановления на разных этапах.

Откладывая технические атласы прочь, изучая общую историю, он натыкался на множество сект и общественных режимов, когда одни группы людей диктовали другим группам, как правильно жить, выглядеть, какие и как получать удовольствия. Почти коллекционировал дураков. Их наивные аргументы... Их нешуточные злодеяния... Они смешили его и утешали одновременно. Они были такими глупыми и жалкими в его глазах. В то же время, что-то перекликалось с его мыслями... Не удивительно, что дойдя до истории близкой к последней эпохе, он наткнулся и на секту дроидоненавистников. Тут уже не смеялся. Утвердился в намерении довести их дело до конца.

Проклятие Дроидов создал бомбу. Способную уничтожить их. Дроидов.

Он был умён и предусмотрителен. Знаком с устройством мира и облачных миров. Он знал, что время собирания запретных артефактов прошло давным-давно. И дроиды, собиравшие их за ненужностью, были кардинально видоизменены, ориентированы на другое. А за отслеживанием запретных и полузапретных Впечатлений теперь следили не главы семейств, располагавшие властью, а Чёрные Драконы, не имеющие доступа в Собственные Миры. Как за мелочёвкой, по ходу основных занятий следили. Да у него и не было запретных Впечатлений. Зато были накоплены в совершенстве Впечатления каждой детали и сущности каждого материала для неё. Всё по-отдельности...

В последний день Проклятие Дроидов передумал, как-бы. Согласился принять Огненный Круг. Небрежно, торопливо создал бедный деталями облачный эскиз и зашёл в него. Стал хозяином Собственного Мира. Неудивительно, что скоро он стал выходить, искать общества других людей, возможности приобретать артефакты... Удивительно, что он выбирал хищников. Он выбирал тех, у кого в облачном мире нет дроида Я-Владыка. Перестраховался по всем статьям, что касалось его цели, но не жизни, тут он был бесстрашен. И успешен. До определённого момента. Гораздо на большее число бомб, "проклятия дроидов", он создал непонятных штук, сложных деталек, гостем создал. Инструменты. А собирал вручную. На континенте. Запустил часовой механизм с обратным отсчётом на время отдалённое. Весьма. На

долгую жизнь рассчитывал! В этом ошибся. Тринадцать бомб, тринадцать "проклятий дроидов" он успел создать и оставить так же в чужих мирах. Прежде, чем судьба настигла его. В образе чистого хозяина, к кому зашёл без опаски... Живые артефакты входили в моду!

Дроиды обнаружили существование направленных против них бомб спустя длительное время. В течении которого сам Проклятие Дроидов, его мысли, дела, движения его рук успели связаться с влагой, сделаться связным Впечатлением, цельным. Испариться, пролиться дождём. Достаться Восходящему. Который удивился ему, спросил своего дроида 2-2, что он впитал такое под дождём? Тогда дроид посмотрел. Соотнёс… И ужаснулся.

Артефакты пребывающие в облачных мирах исчезают как таковые при исчезновении миров, оставшись без хозяев. Уничтожить все миры, всех людей?! "Дроид не причинит вреда человеку" — это даже не закон, а простая констатация факта... Не вариант, невозможно! Шло время. Положим, некоторые уничтожены. А сколько вынесено и перепродано? Дроиды отследили все связные Впечатления, касательно темы, установили число и начали считать. Искать. Из Собственных Миров чистых хозяев достали без труда с помощью дроида Я-Владыка. В мирах хищников несколько штук увидели дроиды всегда смотрящего, впускающего солнце семейства Там. Холодных дроидов нет в мирах, они участвуют лишь в эскизе. Обнаружили, выменяли с помощью других людей. Уничтожили. Осталось одно, последнее "проклятие дроидов", а время идёт...

Всё вышеперечисленное Бест изложил собранию, перебиваемый изредка вопросами новичков. Возможность найти последнее "проклятие дроидов" и обсуждали встреченные им на облачном рынке дроидов 2-1 с главой семейства. Искали все высшие дроиды.

Ара жонглировал двумя жёлтыми яблоками и большой, спелой грушей, пока та не шлёпнулась ему на нос, разбившись липким соком. Мурена полулежала как изваяние.

Большинство восприняло серьёзно. Насколько могли, не представляя даже, что такое взрыв?.. Бомба... Да и будучи серьёзными, что они могли? Запомнить, иметь ввиду. Господин Сома, проведший удачную сделку, итог которой был тем приятней ему, что выдумывать ничего не пришлось, похититель сам отпустил похищенного, примирясь. Сома заимел обещанное, как поручитель, переговорщик: широкий, белый зонт-собиратель дождя, бокал-зонтичный, скрытая механика. Отнёс в Собственный Мир и заскучал там.

Пропустил всю историю.

Он прилетел в Архи Сад когда Бест раскрыл альбом, доставшийся ему от Сури. Необычная книга. Альбом, вкладыш Вирту. Листы настоящие, в смысле, материальные. При переворачивании страницы раскрывается голограмма над ней. Такие и служили в основном не для чтения, а для иллюстрирования, объёмных чертежей, представления последовательности сборки чего-либо. Сообразительным Восходящим, хищникам, творящим из людей, и гостям чужих миров, короче, всяким любителям механики подобные тома дороже тысячу раз, чем Вирту.

В другой руке Бест держал, охотно подаренные До-До, песочные часы. Поскольку механика старая, страницы нельзя разглядывать долго, излучаются, сами портятся, и затуманивают глаза смотрящим. Можно закрыть и открыть снова. В данный момент над разворотом книги в полутени зависло изображение бомбы, вид снаружи. Взятая за основу, очень-очень похожая на "проклятие дроидов". Приземистый цилиндр, с острыми крыльями, с длинным рядом угловатых цифр, ведущих обратный отсчёт на верхней его плоскости.

— О, — сказал Господин Сома, подошедши, — у меня есть такая штука! Точней была... Она нужна тебе, Бест? Если для вида, то я могу сделать. Но что там внутри не знаю. Нельзя создать механический артефакт, не изучив досконально... Потому они так и дороги.

И тут он заметил оглушающую тишину. Лица обратившиеся к нему, словно увидели Чудовище Моря, представшее не из тумана, а из пламени костра... Бест раздельно, вкрадчиво переспросил:

— Что значит, была, Господин Сома? Ты кому-то продал её?..

— Никому. До-До!.. — позвал он приземлившегося только что парня, и сразу трепать Ухаха за мохнатую шубу...

— Эта вещь сейчас у него?..

До-До приблизился к ним, заметил голограмму, сощурился, она уже таяла, ранила взгляд, и воскликнул:

— Сома, небо и море, ты всё-таки сердишься?.. Прости! Я сожалею, что превратил её, нельзя хозяйничать в чужом Собственном Мире!

— Превратил? — переспросил Бест, не веря ушам.

— Да вот же она у тебя в руке, — До-До кивнул на часы, синий песок смерчем как раз собрался без остатка в верхней воронке. — Глупо, да? Я испортил что-то ценное?..

Бест перевернул их и так рассмеялся!..

— Обратный отсчёт!.. До-До, как это символично, обратный отсчёт!.. И здорово ты похозяйничал в мире Господина Сомы?..

— Вовсе нет… Я превратил только это!

— Но почему?

— Да, ни почему, походя. Не люблю конкретность... Последовательность, точность, циферки всякие... — он покосился на Господина Сому. — Мне вообще не до артефактов было...

— Кстати, о циферках, — спросил Амарант, — До-До, ты не помнишь, какие высвечивались на нём в тот момент?

— Помню. Тринадцать. Я заметил, потому что на одном крыле тоже стояла цифра тринадцать.

— Понятно, а перед ней?

— Ничего, нули. А после — мельтешение цифр...

Амарант всплеснул руками, и не он один.

— Тринадцать минут!.. Небо и море, ты уничтожил "проклятие дроидов" за несколько минут до взрыва!

Юный грабитель даже отдалённо не представлял, что такое взрыв. Трудно вообразить на примере известных угроз, поединков, теней в море... Его озадачило необычное, напряжённое внимание. Люди разглядывали его, и дроиды разглядывали, незримые, глазами Беста, господствующего над первой расой.

— Не знаю, чего вы так смотрите, — пробормотал он, наконец. — Превратить эту штуку было не сложней, чем любую другую. А вот что было сложно, так это напроситься в гости!..

Господин Сома, достаточно испивший на своём веку полузапретных Впечатлений, в одиночестве, и угощаемый чудовищами разных мастей, он представлял... — взрыв. И финальный, огромный, как образование Морской Звезды. Как волна, накрывшая её единожды целиком, прокатившаяся от северного, до двух южных мысов... Он мог оценить масштаб не случившегося.

Рефлекторным движением хищника Сома запахнул рубашку и скрестил руки на груди,

скрывая ускорившийся Огненный Круг, болезненно яркий. Покачал головой. Общая у истока, личная в дельте реки, история пронеслась перед ним: древнее человечество, вслед за тем — могущественные, но плохо скоординированные первые автономные дроиды, изобретательная ненависть человека, Южный Рынок, свои разграбленные тайники, гнев, бег Против Секундной Стрелки, гнев и ссоры, договор с Оливом, их коварство, бессердечие Густава, мир, Эми-Лиски... До-До на Белом Драконе возле входной рамы мира. День и ночь. Улетаешь — он... Возвращаешься — снова он!.. Кудрявая голова на груди... Гудение шмелей... "Старый дурак... — подумал Господин Сома. — Старый упрямец и маленькое сокровище".

Глава 26

Глава 26.

Если входная рама Центрального Рынка к моменту вторжения Змея растаяла уже полностью вместе с ограничением места входа в бывший облачный рынок, и Архи Сад стоял открытым со всех сторон, то Южный был воссоздан, как ограниченный входом и недоступный Белым Драконам.

Перед входом в него, близ высокой арки на спине своего дракона развалился Хан-Марик. Развлекался, взымая плату за вход. А что?.. Тоже дело. И как раньше не сообразил?

Не то, чтоб улов его был велик... Незнакомцев он пропускал, особенно новичков, озирающихся неуверенно, вдруг они пригодятся кому там, внутри, а он спугнёт без толку. К тому же, они не имели оснований его опасаться. А Марик не бросался на людей по-недроидски... Он действовал обаянием и широкой, убедительной улыбкой! Завсегдатаи, что возвращаются на рынок из миров через свои шатры — тоже в пролёте. Но тех, которые снимают пирамидки и шатры каждую ночь, тех ждал сюрприз у рамы...

Платили охотно! Тем более, Марик не привередничал. Ему всё годилось!.. Украшая длинную шею его Белого Дракона, под рукой заскучавшего, едва зримого в покое, в завитках гривы тонуло пять цепочек с кулонами и без, одна стальная и агатовое голубое ожерелье. На земле скопился десяток сосудов пустых, два с Впечатлением, один просили вернуть в обмен... На плечах Хан-Марика, блистая, словно материк начало посещать солнце, лежал совершенно девичий шарф. Вуалевый, оживлённый для танца тонкими золотыми пёрышками. Счастливый обладатель трофея от танцовщицы методично выдирал их по одному и съедал, подгадывая, желательно на глазах вновь прибывших.

Марик заглянул в рынок. Тишина и спокойствие. Лужица тени, не успевшей убежать к морю в редком тумане, окончательно высохла, остался белёсый, соляной ореол. В первых рядах пусто. Дальше фланирует кто-то... Осторожно, посредине ряда, как положено... Снаружи рынка среди зубцов скал ветер гоняет песчаную бурю. Выглядит впечатляюще... А ветер-то лёгонький, и стеной пыль. Вечная пыль земных рынков. На всех она, в любом месте Морской Звезды, степном, скалистом. Где рынок, там пыль. Цвета куртки Густава, и вот этой, что на плечах.

Топ-топ... Из стеной взметённого песка вышел Бутон-биг-Надир. Вот так новости!.. Пешочком ходил? Куда?..

— Маричка... — заворчал Буро, приближаясь. — А я-то всё гадал, чей это рынок? На чьём это рынке я торгую иногда?..

Тот хрюкнул, спрыгнул с дракона, и дроид растаял, украшения повалились на землю. Марик перевесил их на шею, выбросив обрывки шарфа, поклонился:

— Биг-Буро, на моём рынке ты всегда желанный гость!..

— Гость, Маричка, как верно сказано, я, Бедовичек, везде только гость... Наглец ведь ты, Маричка, распугаешь народ на входе, а? Зачем хулиганить? Да, кстати, не проходил ли этого дня такой беленький ко мне, высокий, с прямоугольной коробкой в руках? Держится, как дроид, надменно.

— Кстати, проходил! И не заплатил, кстати!

— Что же делать, что же делать?.. — потряс головой Буро, головой в тяжёлой, высокой короне. — Придётся мне заплатить за него... Иначе же ты ж меня не пропустишь?

Буро вытащил из внутреннего кармана расшитой хламиды две золотые монеты. Имитации древних монет размером и толщиной в ладонь. На одной стороне каждой из них четыре цифры, на другой четыре орла, разные. Кинул.

— На, держи. Если до вечера не съешь, покажу, как в них играли.

И протопал за раму.

В переводе слова его означали: "Приходи!.. Единственный дружочек Морского Чудовища на Южном, не забывай навещать его". Марик не забывал. По-прежнему идти ему, кроме шатра Биг-Буро, некуда, не к кому, но эти условности повторялись между ними снова и снова.

Дракон Густава, Белый Дракон, столь же мощный и великолепный, как и чёрный его дроид, показался среди облаков. Биг-Буро сделал вид, что не заметил, удаляясь в ряды, переступая плавно, неторопливо. Он знал, что Густав продал Хан-Марика Господину Соме. Откуда знал, это отдельный момент... Сому он мог понять, на отношение к нему информация эта не повлияла. А вот Густав...

И раньше, не сделавшись актуальной угрозой для добровольного своего телохранителя, юного чудовища, Буро он был ненавистен. А уж после заключённой сделки... Бутон-биг-Надир решал только, терзаясь сомнениями, долгими, но время терпит, умереть ли Густаву загодя, до выполнения Сомой условий? Быстро и незаметно, огорчив Хан-Марика, но оставив в неведении? Или умереть Густаву в последний момент, мучительно и публично, огорчив Хан-Марика? Но предательство сделав явным. Умный, многоопытный Буро склонялся к первому варианту. Густав не представлял, какого нажил врага.

Он снизился, оставаясь верхом, развернул дракона, брезгливо оглядел трофеи... Произнёс:

— Ты нужен мне, Марик. Теперь.

За три секунды они скрылись в облаках.

Шершень, демон моря поставил условие Оливу. Чтобы второй, чей след унюхал рядом с пирамидкой Лиски-намо, присутствовал тоже, посмотреть, что за охотник земли и неба, и тогда он направит их в поисках Минта, предпоследнего короля колоды. А поскольку интерес был в равной мере его и Густава, Олив счёл условие вполне разумным. Плюс ещё загадка про Горькие Холмы, про поиски Гарольда, короля пик, последнего. По мере приближения к финалу своей коллекции Густов входил как бы во всё более узкий коридор, не позволявший особых манёвров. Бери, где находишь, иначе годы и годы пустых поисков на авось. Рисковать он не любил, но на встречу согласился. И ему нужен был второй телохранитель, не дроид, человек, заходящий и в торговые шатры.

— Дроиды состоят из камней?

— Скорей, камни из дроидов... — голубой до сиреневого осколок, глянцевый, с острыми краями Олив подбрасывал на ладони, рассуждая меланхолично о себе: — Кто бы мог подумать, да? Такой артефакт у Морского Чудовища... Откуда взял? И зачем он ему? Нравиться что ли неморскому чудовищу?..

Туманной ночью вне рынка Олива состоялась их встреча. В шатре нарочно поставленном для того на краю обрыва, не желал приглашать в свой. И формальная вежливость — ближе к морю. Ждали до ночи. Ничего не поделаешь, собирая Впечатления про чудовищ, с ними и заключаешь сделки, в их ночное, туманное время, на их территории.

Хан-Марик изнывал от скуки. Густава с хозяином близлежащего рынка одолевали другие чувства. Пару раз Олив даже позвал Белого Дракона... Пальцами расчесал ему гриву и отпустил, поглядывая в купол шатра, в направлении Собственного Мира. Куда тысячу лет не наведывался. Густав, вопросительно склоняя голову к плечу, поднял брови.

— Ты ж понимаешь... — сказал Олив. — Нет, ничего, всё в порядке. Но если вдруг...

Он кивнул на торговую пирамидку с простым камешком на ней.

— Советую воспользоваться. Я улечу один. Если опасаешься, то честное слово, лучше тебе оказаться в моём Собственном Мире... Не худший вариант.

Стемнело. Подставка светилась и мерцала. Туман начал заползать в откинутый полог шатра. Хан-Марик в прошедшие годы утвердивший за собой право, немедленно перешедшее в обязанность, пребывать за плечом Густава, сейчас почти заснул там калачиком. В самый неподходящий момент. Но вдруг голова его поднялась, серые глазищи расширились, и Олив обернулся ко входу...

Из темноты в шатёр начал входить клюв... Вплывать. На высоте человеческого роста он входил торжественно, плавно, и всё никак не кончался. Оранжево-красный, с чёрной полосой по верху, чуть загнутый вниз.

Единственное, что сказал Шершень, унюхавший след Густава, перед окончательной договорённостью: "Он придёт не один". Точно. И имел в виду он не дроида. Чёрный Дракон Густава с тихим рычанием проявился снаружи тента. Сверкнул белками глаз и растаял. Не один и не с одним лишь драконом... Соответственно, и Демон пришёл не один. Что могло насторожить до такой степени Чудовище Моря в слабом человеке, обыкновенном хозяине мира? Тайна... Или нет?.. Шершень любил эффекты, возможно, он взял телохранителя с подобным обликом, чисто — развлечь себя и других.

Давно ожидаемым завершением клюва в шатре показалась маленькая лысая голова. Надбровные дуги крутые, словно карнизы, настолько, что под ними не видно глаз. Круглые дырки ушей. А рот, в который переходил на лице беспредельный клюв чудовища, мог улыбаться, злиться и говорить. Тело человеческое, мускулистое. Даже одетое — в жилетку до колен. Шершень зашёл следом. Поклонился. Прогудел низким голосом:

— Вам, людям, наверное, здесь темно...

Бросил из пригоршни что-то на пол, разлетевшееся быстрыми, ртутными горошинами. Дунул. И вся земля заполыхала прозрачным, багряным пламенем, осветив вошедших, охватив ожидающих.

Олив усмехнулся, никак без представления... У Густава помутилось в глазах, при взгляде на них, от тошнотворного омерзения. Брезглив, единственная слабость. Все четверо, кроме него, так или иначе являлись Морскими Чудовищами, а сам он — настоящий галло, чистый хозяин! Гордый, скрытный, изо всех непосредственных, искренних чувств способный лишь к презрению. Беспримесный галло, странно, что они не понравились ему, разве Сури... А кто из галло кому нравился?

В багряное пламя собравшиеся уселись вокруг пирамидки, Олив ответил на представление Демона своим представлением.

Он заменил камешек артефактом, механикой. Из яйца, стоящего на острие, пентаграммой расходились журавлиные головы на тонких шеях, отсылая к колодезным журавлям. Раскачивались вверх-вниз. Олив раскрутил их небыстро, не как Секундную Стрелку, и расположил препятствия: чашу со Впечатлением наверх, неваляшку в основание, пиалы вокруг. Пиалы на обруче вращения, он представлял собой две плоские цепи одна на другой, когда замыкались, верхняя скользила по нижней. Теперь произвольно некоторые из журавлиных голов раскручивали и тормозили пиалы, а иногда одна из них попадала по краю чаши, клюнув его, накренив. Впечатление проливалось в пиалу, и так наполнились все, те, что раньше проливались через край, в землю, в пламя, заставляя его трещать и разбрасывать искры, Оливу не было жаль влаги. Он снял и подал Шершню первую:

— Там смесь. Без рабов, ладно? Демон, пожалуйста, не разоряй меня, выпей так.

Шершень опустил алый, острый язык в пиалу, облизнулся.

— Дроиды, Олив, не допускают к таким Впечатлениям. Случалось, и отнимали их... Откуда?

— Это они Восходящих и чистых не допускают. А до таких, как мы, дроидам нет дела.

— И всё же?

— Говорю, смесь. Давнишняя. Сливал сюда, чем торговать нельзя, а выбросить жалко.

Шершень, мигая неприятно, резко щёлкая нижним веком об верхнее, смотрел фасеточными полусферами, чьё направление взгляда не уловить, на конструкцию неваляшки… Так смотрел, что ясно куда… С некоторым чувством. Срезанное сверху яйцо раскачивалось, сквозь прозрачный сосуд казались видны белок и от желтка растопленное сияние. «Аволь… — проникновенно жужжал демон моря под нос себе. — Лакричная Обо, Аволь…»

— У тебя, Олив, оказывается, — прогудел глухо, — чувство юмора есть… Водрузить одно на другое… Эдакую дрянь… Троп тебя сожри. И я б сожрал, да дела у нас с тобой…

Густава угощение не прельстило, но он выпил за компанию. Ни черта не понял. Помост. На нём несколько человек. Ворота в никуда. Человек завис в проёме. Ан, нет, в петле… Перед помостом толпа. Смотрит наверх и сверху на неё смотрят. Те и другие нифига не радуются... Это не воздушный помост с акробатом Мелоди, что-то совсем другое... Впечатление быстро кончилось.

Хан-Марик выпил залпом, не обратив внимания. Ему и снаружи было на что посмотреть. Ох, как он разозлил Густава за эту ночь!.. Причём, делал именно то, что от него требовалось: во все глаза следил за противоположной стороной! Сидя на корточках напротив скрестившего ноги, непроницаемого, Длинноклювого чудовища, Марик решил для начала проверить насколько остёр клюв... Он не нападал, он просто протянул руку... Клюв щёлкнул!.. С неуловимой для глаз скоростью! После чего изогнулся ухмылкой на морде. Марик почти успел, практически отдёрнул руку. Но искорка всё же скатилась с указательного пальца, тюкнутого щипком. Хан-Марик прижал палец к рукаву и набычился.

Они, два телохранителя умудрились не обменяться за ночь и словом. Но когда не видно глаз, не только разговаривать, так и молчать нескладно. Хан-Марик неспешно поставил пиалу обратно на цепь вращения, наклоняясь... Хлоп!.. Припал к земле, до плеч в прозрачное пламя, заглядывая в клювастую морду снизу. Морда не ответила, только приоткрыла клюв, изображая удивление. Под козырьками надбровных дуг воззрились на Марика два пылающих, жёлтых глаза, левый обведён ещё одной, кроваво-красной радужкой. Зрачки лежат на нижнем веке, выражая предельные изумление и ярость. Марик обалдел. Так и замер внизу, любуясь. Со всей серьёзностью, невзирая на свёрнутую шею, ещё и поклонился, словно они сейчас только познакомились. Чудовище ухмыльнулось шире, чинно кивнуло в ответ. И видимо, решив перезнакомиться тем же манером с остальными, запрокинуло клюв к небу. Окинув Олива этими пылающими, бешеными глазами. Задержав на Густаве взгляд. "О дроиды, о нерушимая рама Собственного Мира!.. Извращённая тварь морская! Худший знак изо всех! Кровавая радужка вокруг чёрного солнца!.." К чести его сказать, по Густаву ничего не было заметно. Приобретшее, тщательно скрываемый, но проступающий всё сильней, отпечаток брезгливой усталости, лицо его в минуты опасности и волнения, в эти редкие минуты становилось, разве что, спокойнее и светлей, более дроидским, отрешённым.

Шершень тем временем продолжал:

— Горькие Холмы — непостоянные. Это соляные, медлительные волны. Под ними нет земли. Отдельные пики. Нет и определённого места у тайника, Густав. Оно плавает, меняется. Хороший тайник...

Хан-Марик задумчиво грыз монету Буро. Нет, не научит его Бутон-биг-Надир, как в них играть... Длинноклювый принял это за вызов. Протянул руку, взял. Золота откусить не смог и вернул обратно. Хм, а так попробуй... Он раскинул в стороны горизонтальной линией, натянутым канатом свои мускулистые руки и как бы чуть-чуть повращал ими в кистях и в локтях. Человеческие на вид... Но лёгкое движение перешло в вибрацию. И вот уже они держат чудовище словно крылья, зависшим в воздухе со скрещенными ногами, как и сидел на земле! Марик весело рассмеялся. Тут оба заметили, что Густав и Шершень демонстративно давно наблюдают за ними. Густав — подперев щёку рукой... Олив засмеялся, показывая клычки:

— О-оба хороши!

— Хан-Марик, — сказал Густав холодно, веселья хозяина шатра не разделяя, — мы вам не мешаем? Вам не будет ли удобнее развлекаться в Великом Море, вон там, под обрыв и по прямой?..

Марик вздохнул, не ответил. Длинноклювый пожал плечами. Потом залез в карман жилетки и вытащил штуку...

С неменьшим интересом, чем гость его, и Олив узнал от Шершня начало, возникновение тайника. Про сами Горькие Холмы он знал конечно, в общих чертах... Что туда соваться не надо. А ночью — нельзя. И без необходимости, и с ней тоже. Разговор о Минте отошёл на второй план в связи с исключительным местоположением Впечатления Гарольда — последнего, громаднейшего в ряду чудовищ, пикового короля. В связи с тем, собственно, что нашёлся желающий его добывать... Добыть… Ха-ха... Готовый попытаться. Шершень имел в тайнике свой интерес. Посреди рассказа он вдруг осёкся:

— Ты, человек, практически что-ли интересуешься?! — и приблизив фасеточные глаза, схватил Густава за плечо худыми, железными пальцами.

Невольно тот задержал дыхание, боясь заразиться, чем? Тенями, туманом морским? Потянулся к цепочкам в воротнике... Но Шершень уже прибрал руки.

— Демон моря, практически. Вне сомнений. Стоило бы суетиться...

Шершень перебил его низким, гудящим голосом:

— ... стоило бы рисковать, встречаясь с такими, как мы? Да, чистый хозяин мира?

Разлитое по полу, красное пламя облизывало и обвивало сидящих, колени, пиалы возле колен.

— В чём ты заинтересован из тайника, Демон? — спросил Густав.

— Неважно. Ты не дойдёшь. Никто не доходил последнее тысячелетие. Из наших... Но у тебя есть дракон... У тебя имеется дроид... Создавшие этот тайник слишком глухо перессорились, так расплевались, что сами не могут его навестить. Столько набросали теней в окрестностях, ловушек земных и небесных. Небесных, Густав, то есть, морских, смотрящих на небо. Белый Дракон тут не поможет, а вот Чёрный... Не знаю. Тогда, мы, — да, я один из его закладчиков, — еще летали. Могли сверху спикировать и смыться. Потом не могли. А многие и не летали... Ещё кое-кого и нет давно… Вкусный был, водой забвения не баловался, на тени Впечатления не переводил, целый склад связных Впечатлений, по бережку гулял, осторожный такой!.. — Шершень дребезжащим гулом рассмеялся. — Это правильно, Густав, что ты не очень опасливый, очень опасливым быть опасно!.. В тайнике много хорошего осталось. До тебя ни

одному из чистых хозяев с Чёрным Драконом не приходила в голову идея ограбить наш тайничок.

— Это не моя идея, — откликнулся Густав, — это идея Мадлен.

— Галло?! О, шикарно, я должен был угадать!

Шершень гудел, смеялся долго, они успели выпить ещё по пиалке.

— Все-то вы всех знаете... — пробормотал Густав.

— Не всех, — возразил Олив, — но уж Мадлен!.. Ты очень юн, Густав, а заметь, и ты её зна-аешь!

— Мадлен, — решил просветить юношу Демон, — близкая подруга Женщины в Красном. И, буде приведётся выбирать, советую тебе добровольно стать Морской Собакой, у такого, вроде меня, чем встретить её в океане. А что, Олив, Мадлен начала внушать людям доверие? Поменяла причёску? Переставила себе актинью щетинистую на место головы? Идею Мадлен кто-то принял как руководство к действию, бездна у Синих Скал! Чего только не услышишь, если прожить подольше! Да, кстати, у меня есть незаконченная собака, с рассудком. Это увеличивает в Горьких Холмах ничтожные шансы на успех.

— Тот самый? — спросил Олив.

Шершень кивнул.

— И как он тебе?

— Перелёт по всем статьям. Дважды сбегал. Научился кусаться. Сильно... Нафиг такую собаку. В твоих интересах, Олив устроить ему последнюю пробежку среди холмов. Я пообещаю свободу на финише, но это верная смерть. А вот если он сбежит ещё раз таким, как я его сделал, Олив, и разыщет тебя...

— Сейчас испугаюсь. Подожди.

— Объясните? — вклинился Густав.

И пока Олив раскрывал предстоящие ему опасности и пейзажи, перспективы, Шершень полоскал с видимым удовольствием и столь же очевидным неудобством в пиале острый алый язык. Одновременно он наблюдал, как Хан-Марик борется силой с Длинноклювым. Лежали на земле, утонув в багряных всполохах, уперев локти, а Длинноклювый ещё и клюв, нечестно. Он выигрывал, но Марик сжал его кисть, на долю секунды полностью расслабил, дёрнул к себе... Хлоп! — и уложил руку противника. Тоже не вполне честно.

В целом с Горькими Холмами ситуация обстояла так…

Они и правда горькие. Соляные. Маслянистые. Наросшие перемычкой между двумя лучами Морской Звезды. Вокруг нескольких пиков скальных, пятачка, по сути. Волны океанские всё ещё ходят под ними, вздымаются, образуют холмы, опускаются, перемещают. Что предопределило характер тайника, возникшего случайно. Благодаря порыву Чарито из бывших галло, — Мадлен не солгала, — уничтожить Впечатление Гарольда. Выплеснутая вода не впиталась и не стекла в Туманное Море дроидов. Она так и продолжает перетекать по углублениям в нижнюю точку соляной долины, которая непостоянна. За тысячелетия Впечатление утратило продолжительность, начало и конец, детали. Оно стало предельно простым. Превратилось в, так называемый, "корень" Впечатления.

Друзья Чарито, "грязные друзья", по выражению Мадлен, разозлились. То была общая их находка, общее Впечатление, тогда ещё без теней, наделённое неким внутренним пороком, как и всё Впечатления Гарольда, приносившие беду, компания имела планы на него. Хотели собрать с маслянистой, солёной земли... Не договорившись предварительно! Каждый хотел. Передрались уже на месте. Число их убыло, Гарольд-таки приносит несчастье, даже тем, кто и

не пригубил! Выжившие разлетелись. Уже в другом месте, на облачном рынке собравшись, договорились с трудом. Никто не собирает. Напротив, пусть там будет тайник. Он прячут в шары перекати-поля, в клубки сухих, просоленных водорослей артефакты. Перекати-поле под тяжестью их перемещается вокруг, близко к Впечатлению. С земли, случайному путнику и с дракона в небе неузнаваемый тайник, неотличимый от пейзажа. Кто пойдёт туда, зачем? В сухие шары? Если и зайдёт — не выйдет.

Много времени прошло. Закладчики тайника частью погибли, частью сделались Чудовищами Моря. И уже в новом качестве наполнили долину ловушками теней. Некоторые помещали в клубки перекати-поля, морское. Глаз-тень, всегда оборачивающийся к небу... Были и ядовитые тени, разлитые по маслянистой, солёной земле, парализующие, приводящие к хищнику. В таком количестве, что сами не рисковали туда заходить. Не знали, кто жив из них, кто нет, а кто, везунчик, по-прежнему летает на драконе, может вернуться и украсть!.. Против возможности такого грабежа и создавались тени нацеленные на небо, смотрящие, как смотрит натянутая тетива. В хорошее место Мадлен направила Густава!

Общие сведения, конечно, хорошо, но как обнаружить сам тайник? Центр, озерцо с Корнем Впечатления? О, именно так, чтобы погибнуть наверняка!

Каждой ночью туман Великого Моря поднимается над двумя мысами Морской Звезды, клубится перекатывается через соединивший их солёно-каменный гребень и заливает Горькие Холмы. Водопадом переливается. Рекой течёт по ним с северо-востока на юго-запад. А на следующую ночь, когда меняется прибрежный ветер, с юго-запада на северо-восток. Течёт туман низинами между холмов. И так образуется крест. С точкой пересечения в самой нижней части, в тайнике.

Чтобы найти её, определить, где именно вода Впечатления под растрёпанными клубками перекати-поля, нужно пересечь долину, две ночи подряд следуя реке тумана. Мимо сухих спутанных голов водорослей с артефактами, со злыми тенями, с тем и другим вместе. Идти, как Чудовище Моря, рядом с ними, убегая от них, наступая в невысыхающих лужах местные тени-ловушки... Не поддаваясь искушению позвать Белого Дракона и взвиться прочь, из Горьких Холмов нельзя этого сделать — тени целятся в небо, следят за ним, видят его. Шершень давно не пытался. Олив отправлял иногда рабов, из любопытства, с задачей принести первый попавшийся клубок. Ну, совсем никакого результата. Ни ответа, ни привета. Пропадали, как не бывало.

Таков общий план. На вторую ночь достигаешь места пересечения, но не видишь его. А вот если повторишь путь днём, зачерпывай с солёной земли.

Есть и нюансы. Само Впечатление Гарольда тоже заражено тенями. Трогать нельзя. То или не то взял, на месте не узнаешь. Собрать достаточно глоток, больше бесполезно. Корень Впечатления помещается в один глоток.

Ещё момент, если бы кто хотел прорваться на драконе, с неба не видно ни следов, ни места пересечения их. Необходимо идти днём по первому следу, различимому по качанию, зыбкости почвы, хрусту еще не наросших крупно кристаллов соли. А вторая цепочка следов, перпендикулярная, что оставлена в последнюю ночь, различима получше, видна глазу, иначе и смысла бы не имело.

Совсем грустный момент, пешеход успевает преодолеть за день как раз примерно половину пути... А дальше?

Но вот, что обнадёживает...

Раскаяние Чарито в совершённой ошибке. Раскаянье деятельное. Для случайно заплутавшего в Горьких Холмах, приземлившегося по ошибке, сбитого мороком теней в полёте, раненого, или грабителя, всё равно — на считанных пятачках твёрдой земли стоят пирамидки Чарито. Торговую подставку невозможно поднять без тверди, невозможно на дне моря, и под сводами, если ты не изгнанник. Маленькие, незаметные пирамидки, в тонких, тончайших шатрах, чтобы не заманить нечаянно всадника в гиблое место.

Человек, который уже там, услышит ветер гудящий в трубочках музыкального кубика. Раскрытая ладонь изображена на всех сторонах — дотронься, и ты спасён. Если ты в отчаянье. Если веришь. Хуже не будет, а лучше может быть. Подставка поймает тебя. И только Чарито теперь может коснуться пленника, никто и ничто из оставшегося снаружи. Чарито похищает в Собственный Мир из туманной долины, полной теней и чудовищ, не мысля похищенному зла. Но до пирамидки ещё надо добежать. А всё-таки — надежда.

Про Чарито Шершень не сказал ни слова конкретного, фыркнул и прогудел, что некоторых он не понимает. Но за безопасность ручается. Пересечь Горькие Холмы дважды за две ночи подряд должна была его Морская Собака. Морской Пёс. Бегом, иначе никак. Притом, в промежутке его надо вылечить. Вести с Белого Дракона над туманом. В ошейнике на цепи, на длинной палке, чтоб не кинулся на ведущего. Иначе загрызёт и сбежит. Да и вынудить его на второй бег, второй день… Маловероятно. Исходное согласие надо, как ни крути.

— Хотя, такой... За свободу... Может и побежать, — добавил Шершень. — Он не столько крепкий, сколько живучий и злой.

— Ты поведёшь со-обаку? — спросил Олив.

— Я не летаю! — ответил Шершень резко, эта тема болезненна без исключенья для всех, кто не летает.

Он вытащил язык из пиалы и опрокинул её в рот.

— А может они и разумно поступают... — проговорил он, откидываясь назад, на руки.

— Кто они?

— Дроиды. Убирая подобные Впечатления от людей... Может и да... Трудно вообразить, что на самом деле совершалось нечто подобное. Людьми против людей… На самом деле... Они ведь вообще одинаковые были, эти люди эпохи до дроидской, воюющие... С одной стороны и с другой. Те, что горят, и те, что поджигают. Не Чудовища Моря… Ты когда смотришь, ты различаешь их, Олив? Лица?.. Мне плохо видны Впечатления. Давно уже. Я лишь чую... И крупное вижу. Это было? Или там намешаны Впечатления-фантазии?

— Было.

— Нам пора, — сказал Шершень безо всякого перехода.

Длинноклювый в миг стал рядом, первым вышел из шатра, огляделся. Светало. Следом Хан-Марик, сжимавший в руке новую игрушку. Длинноклювому в карман жилетки перекочевала оставшаяся непогрызенной монета. Он закинул голову к верху, окинул Марика взглядом безумных, яростных глаз, кивнул на прощанье. И тут словом не обменялись.

— Я поведу собаку, — неожиданно сказал Олив.

Шершень выразил сомнение:

— Это как бы, я взял тебя на слабо? Зря. Можно поискать кого-то специально.

— Нет. Я так хочу.

— Пусть так. Густав, если дойдёшь... Советую вернуться, — он улыбнулся холодной морской гримасой, — это даже важней, чем дойти... Мне нужен оттуда один артефакт. Мой.

Искать не придётся. По дороге он сам прилипнет к тебе, притянется, добавлю кой чего липкое к твоему наряду... А Оливу...

— А мне карту. Гарольда.

На том договорились. Минт отодвинулся на будущее, пусть, Гарольд интересней.

С дракона, плавно догнав и резко вильнув к нему, Густав влепил подзатыльник Хан-Марику. Всю ночь мечтал. И за что?

Глава 27

Глава 27.

После смерти Эми-лис-Анни Олив, как это ни наивно, кинулся к Буро. Бутон-биг-Надир был старшим, покровителем для неморских чудовищ, известный и уважаемый среди них. Мудрец, арбитр. Надежда... Глупо, да.

Тут обнаруживает себя разница между существами. Чистые хозяева — жуткие, непреклонные индивидуалисты. Изгнанники и хищники, с хорошими ли, с дурными намерениями, тянутся друг к другу. Но все эти три типа — покорны судьбе. Понимают, что смерть, это смерть. Наиболее значимое для них, Собственный Мир собирали и воплощали дроиды. Они же в лице дроида Я-Владыка одушевляют его, они защищают снаружи, катают на спине, отказывают в покровительстве хищникам. И ничего не поделаешь, смирись. Морские же Чудовища, существа выжившие в Великом Море, создававшие теней сами, ощутили не только физическую силу, прибывшую в тело, но особый вкус — власть делать самим. Чудовища куда больше ориентированы на подобных себе. Иерархия существует, легко образуется в их опасном, быстром мире. Создать, утратить, убежать. Слепить, переделать, победить. Принюхаться, удивиться, ужаснуться, признать чью-то власть. Добавить нечто к покровительству этой превосходящей силы. Они тоже жутчайшие индивидуалисты! Но...

— Ну, неужели нич-чего нельзя сделать?!

Биг-Буро не посмеялся на Оливом. Обругал, но не смеялся. Он тоже знал Эми, видел её на Мелоди. Кто смог бы позабыть рыжую Эми в танце?..

— Ничего, — ответил. — Она умерла. Ты потерял не Эми-Лиски, Олив, а возможность вернуться домой. Спиной повернись к прошлому и уходи.

— О-откуда знаешь? — прошептал Олив. — С тобой так было?

— Ты видишь меня? Разгляди получше, Олив. Ты практически человек. Я чудовище. Не было. Но я знаю.

Едва Олив начинал смотреть в будущее, в Горькие, например, Холмы, надеясь это развлечёт, прошлое нагоняло. Обрушивалось на него. Не с лица, как хороший враг, не со спины, как фальшивый друг, а изнутри, из сердечного существа, как неотвратимость, как собственные ошибки. Изнутри поднималось волнами отчаянья.

Он спал у себя. Днём. Перед тем, как вести собаку. И танцевал во сне. Видел Мелоди-Рынок, Эми. Отчётливо, радостно так. Сон превосходил явь живостью, полнотой деталей. До определённого момента. Танцуя, Олив начинает увязать. Тяжесть поднимается по ногам. Он опускает взгляд, ожидая увидеть почему-то сеть для теней, давнишнее его желание. Но нет, там пламя, брошенное Демоном. Оно растёт. В его языках проступают лица древних дюдей, эпохи до дроидов. Искажённые. Белые от ужаса. Обугленные, чёрные. Те, что кричали во Впечатлениях поднесённых гостям. Олив смотрит... Он не хочет смотреть, но смотрит. Пламя подбирается к чьим-то ногам... Стопы тонут в нём... Сандали... Он не дышит во сне, предчувствуя: глаза подними, а там... Там лицо Эми-Лис... И просыпается, задохнувшись. Не к спасению, а напротив, к чёрной тоске. Просыпается в пепел, ничего не осталось, в прах бытия.

И снова, прежде чем настала ночь, и его дождались над Горькими Холмами, в другую сторону мчал. В белом вихре драконьем, делавшем с восторгом дроида штопор горизонтальный, бочку, он достиг Южного Рынка. Вбежал к Буро, как чокнутый, чтобы осведомиться ещё раз насчёт воскрешения мёртвых. Может, придумал чего? И возможность всё-таки есть? Бутон-биг-

Надир, оторванный столь бесцеремонно от четырёхстороннего спора за лучшие места у входа в лучшем ряду, притом, платили за посредничество всё четверо, бросил их. Увёл Олива в другой, шатёр-тайник на задворках, без слов. Поставил перед собой. Головой покачал. Проницательный, ударил легонько холодными пальцами по ключицам, скрутил что-то, выдернул и сказал:

— Не пей всякую гадость.

Оливу полегчало. Но дело в том, что боль от боли и боль от горчащей пустоты — две чаши весов. Одна поднимается, другая опускается вниз, на сердце.

— Буро, я уйду в море...

— Ждёшь аргументов против? Ведь не за?.. Мою позицию знаешь. Она не изменилась. Пока что, тебе нравится думать, я уйду в Великое Море... Не более того. Нормально. Я ненавижу море, но веришь, и я думаю так иногда.

— Биг-Буро... Оно навсегда, так грызть и будет?.. Или кончится где-то?

— Кончится. Как и всё на свете.

На обратном пути, в спешке, походя Олив пролетел сквозь немногочисленную новую группу хищников, охотившихся по-недроидски, силой в небе над Южным. Беря числом, с помощью верёвок и мешков. Откуда взялись? Вскорости хищники играющие Против Секундной Стрелки переловят, истребят их, возмущённые наглостью и некрасивым, тупо прямолинейным способом похищений. Олив краем глаза заметил два лассо с двух сторон летящие на него, позволил поймать себя, после чего, так и не замедлившись, разорвал одними лишь пальцами. Зыркнул на обалдевших парней и устремился дальше, к Горьким Холмам.

Олив не оставил мысль, уж очень, притягательно простая она была, раньше или позже, если совсем станет невыносимо, уйти в Великое Море. Власть над рабами, сила, выделяющая среди людей, не удовлетворяла его и раньше. Теперь проявились не подспудно, а явно: беспокойство, недосказанность, неудовлетворённость. Шатко положение неморского чудовища. Олив понимал, что среди обитателей моря сейчас он полный ноль. Рассчитывал на Шершня на первых порах. Напрасно, да тот и не обещал ему. Демон морской заинтересован в союзниках, партнёрах ходящих по суше. Днём. Летающих на драконе. Демонический спрут видел ясно, насколько не предрасположен оливкового цвета господин к океанским, безмолвным, коротким схваткам, бешеным скоростям, вечному голоду, неизбежному преображению. Но толкало горе. К утрате человеческого рассудка толкало, в пронизывающий холод океанских глубин. Олив хотел уйти от себя в Великое Море. Пта, памятуя рядом и великодушное своё исцеление и нечеловеческую жестокость его гостей, хотел увести его от горя в другую сторону. Олив не слышал его, просто не слышал, как до того Эми-лис-Анни.

Морская Собака... Морской Пёс. Олив, вы ещё встретитесь.

Вдоль прибрежной части Горьких Холмов, выдаваясь округлым новым мысом в пределы Туманного Моря дроидов, в Горький Залив, отделяя его от холмистой низины, возвышались соляные зубцы. Блестящие днём, отражающее игру облаков, видоизменяющиеся, оплывающие под редкими над континентом ливнями. От испарений нарастающие и оплывающие. Туман переливается через солёные, горькие эти зубцы лишь возвысившись до них, клубясь. Ничтожное количество огоньков дроидов поднимает в клубах, на ту сторону уносит. Тяжёлый, рваный, многослойный туман. Водопад его уже перелился и тёк между холмами плавной рекой. Клочьями сопровождал и покидал основное русло.

Морской Пёс дожидался этого момента в сумраке. Дождался, но ещё нет Олива. Густав, пожелавший увидеть место и начало представления стоял поодаль. Демон и Длинноклювый по сторонам от Пса удерживали его на двух цепях, крепившихся к железному ошейнику с тупыми,

короткими шипами внутрь. Вне тумана, на суше, где сырость морская едва ощущается, они вместе были слабей ими же сотворённой собаки. Впрочем, он не рвался. Так что они, не натягивая цепи, просто ждали на порядочном расстоянии.

Пёс, подобравшись, сфинксом лежал на земле. Горькие Холмы повторялись в его раскосых, немигающих глазах. Сел. Чудовища встрепенулись, громыхнули цепями, полшага в стороны... Сел и сел, чего?.. Он сохранил достаточно рассудка, чтобы осознать и принять условия Шершня. Они повторили слова договора, абсолютно разойдясь в оценке величин! Шершень полагал, что для собаки важны эти: смерть, жизнь, свобода... Месть, в конце концов... А тому — на суше побегать... Псу было почти всё равно. Ну, месть, ладно. Месть — не всё равно.

Вопреки ожиданиям Густава, да и Олива, не встречавшего это тип Морских Чудовищ прежде, Пёс не утратил человеческий облик. Он выглядел, как и прежде, крупный парень, верёвки мышц, шея толщиной с бедро, высокие скулы. Над бровями две точки, два кружка размером с монету, придававшие ему реально некоторое сходство с собакой. Голубые, как лёд. Под поверхностью океана и в темноте они начинали светиться неяркой синевой, блик метался внутри, словно пойманный. Светились без блика, когда Пёс лежал спокойно, когда закрывал глаза. При беге, при сосредоточении для броска блики сходились к межбровью и замирали. Ещё по две пары таких же на плечах и на ладонях.

— Это чтобы держать направление, — пояснил Шершень Оливу, приземлившемуся, не сходя с дракона. — Дополнительные глаза. Если настоящие потеряет. Или надо закрыть, бывает.

Настоящими Пёс покосился едва, не шелохнулся. Сидел по-прежнему, созерцая Горькие Холмы, и легонько покачивался. За последнее время, в знобком холоде, в непрестанном беге, разбиваясь о хищные тени, разбивая их своим телом, проглатывая, выплёвывая, вырывая непосредственно прямо из груди, теряя сознание, возвращаясь в него... Он столько раз видел Дарующего-Силы... То мельком, после особо удачного укуса Шершня за глотку, воскрешающего укуса! Фасеточные глаза расплывались, Царь-на-Троне появлялся, где были они миг назад, совершенное, благосклонное лицо... То сутки напролёт, в нескончаемом марафоне, по гребням волн, а единожды — в глубину... Остатки мыслей его стали мягкими, неопределёнными... Тёплыми. Безразличными ко всему. Интуиция Пса возросла пропорционально опустошению мыслей. Глазами и мышцами, кожей ступней и ладоней он знал, притормози — и тень пронесётся мимо, ускорься — и она не успеет укусить, разлетаясь, разбиваясь о твою грудь, метнись в сторону и обратно коротким зигзагом — и кусачая хищная стая превратится в клубок, пожирающий сам себя, разобщённый кратчайшим манёвром. Тупая кусачая стая... Видеть изъяны её линейной тактики, не интуиция даже, так. А вот в покое, в созерцании горизонта, холмистого, тёмного пахнущего солью, Пёс словно лизал его, знал его достижимость, не боялся. Дважды не боялся. Бесстрашный от природы, и ощущая будущее, как кусачую, но тупую стаю дней, которая разобьётся о его грудь, расступится перед ним. Месть не сильно волновала его по той же причине. Всё будет. Забыв своё человеческое имя, имя Олива он помнил прекрасно. А вспоминая, ощущал на зубах. Зубами вспоминал его. Не имел сомнения.

Где поберёжья Морской Звезды высоки и скалисты, где Чистая Вода забвения скапливается выше уровня моря, в недрах, в чёрной, обсидиановой чистоте внутренних озёр, она низвергается тонкими водопадами, сочится по скалам в туман, в населяющие его огоньки дроидов. Там её ещё можно пить. Зачерпывать. Но не ниже. Не в подводном царстве, куда из обсидиановых скал она просачивается тоже.

Вода забвения уничтожает в теле полудроида связные Впечатления. Случайным образом. Либо те, которые он сумел подвести к Огненному Кругу прежде, чем сделать глоток, так же

некоторое время пребывающий возле него. Каким образом уничтожает их? Замедляя. Существует лишь то, что движется. И связное Впечатление течёт. Даже короткое. Останавливаясь, оно превращается во фрагменты, они — в составные части, цвет, звук, мысль... Обратно не соединяемые. Испаряющиеся неуловимо. Не текущие кровью в превосходном теле полудроида, не переходящие в его плоть. Не насыщающие его многими интонациями Впечатлений реальных и фантазийных, прошлых эпох и рафинированных Восходящими под свои вкусы и нужды.

Со Свободными Впечатлениями вода забвения поступает точно так же там, на глубине. Где их неисчерпаемо много. Образуя подводные водопады, подводное озеро лютого холода. Пить её там нельзя. И в единственное среди подземелий Треугольное Озеро, куда нельзя оступаться, это место, в которое с тем же результатом просачивается морская вода. Слишком холодно, отшибает всё, даже способность мыслить.

В такое место и бросил Шершень похищенного парня, будущую Морскую Собаку. Для начала. Падающие Факелы колыхались, иллюзорно, бесконечно уходя рыбой на дно в удивительно прозрачной воде. Лютый холод. Их медный свет остался, отпечатался на его коже узором листвы, незаметным днём, проступающим в сумраке. Настолько там холодно, что согревал и оставил следы ожога даже такой отдалённый свет... Что Пёс испытывал, что было дальше, можно и опустить... В целом, у Демона получилась Морская Собака. Только вот очень кусачая...

Теперь Пёс лежал над Горькими Холмами в блаженном тепле. Для него. Поводил лопатками, на загривке излучение от облачных миров, хоть и ночных, а ему — ощущается... Вдыхал тёплый воздух. Помимо ошейника он был обвит и другими цепями, двойными. Много раз особенно поперёк груди. Но это уже не против, а для него. Защита от теней. Цепью, вещью одинарной можно разбить тень с тем большим успехом, чем выше скорость удара. Но когда тень летит с превосходящей скоростью на цепь, бич, кистень, они не умножаются! Как и в случае с неподвижным предметом, оружие пройдёт насквозь, не причинив вреда. Иное дело двойные артефакты... Чётные цифры, всё парное и особенно цифра "два" вообще счастливые, для полудроидов на континенте и в мирах, всюду... Какова бы ни была, любая тень со способностью различения затормозит, обнаружив перед собой два совершенно одинаковых объекта. Две цепи, к примеру. Задумается: броситься справа, слева, обойти, ужалить, укусить? Если бросится прямо, двойная цепь её разрежет.

Есть красивая легенда, про двух влюблённых, которые гонялись и боролись над штормовым океаном. И упали в него, запутавшись в складках одежд. Не сумели среди высоких волн подняться на Белых Драконов, ушли на глубину, и решили погибнуть вместе в объятиях друг друга. Но они были так похожи, так переплелись, не глядя вокруг, не бросая любимого, не пугаясь ничего, что закончился шторм, наступило следующее утро, но ни единая тень не рискнула напасть на них. И только утром подплыло чудовище и указало двумя лапами вверх, на свет. Уходите, откуда пришли, полудроиды, осенённые счастьем! Но влюблённые его не заметили. Тогда следующими двумя, огромными лапами... Уходите! Не замечают. Следующими... — всеми восемью, указующими вверх, к спасению... Тогда заметили! И под его защитой они всплыли, спаслись... Легенда. Есть и песня по них, про Восьмилапого... А практически Морские Чудовища для этой, защитной цели, меняя себя внешне, если умные, учёные подводными боями, создают видимость — окрас тел параллельными линиями.

Пёс наслаждался теплом воздуха над материком. Ощущением целого на данный момент, сильного тела и силы присущих теней в нём. За них Демону был почти благодарен. Да и сам

Пёс немало добавил, ловя и разрывая на бегу, в скорость свою, в силу ладоней, каменных, при беге подводном обыкновенно выставляемых вперёд. Внове ему, и удачно — в тему его природных склонностей, хищника, азартного борца. Впрочем, рынки игровые он позабыл. Тепло Собственного Мира не помнил. Эти воспоминания Шершень сумел отбить у Морской Собаки. Минуты, что они ждали ночи и Олива, несколько минут, показались ему упоительно долгими. Может быть оттого, что на туманную реку смотрел он без страха, не загадывая жизнь или смерть, вдыхая поднимающийся с побережья ветер. Солёный, вкусный. Перемешивающийся с ещё более приятным упругим вкусом из будущего. Предчувствием. Горла Олива, мести.

Медлить некуда. К ошейнику Пса Демон пристегнул длинную палку, цепь на другом конце. Туман от моря полностью сформировал русло. Оно достигло горизонта, потонувшего во тьме. Олив взглянул на своего бывшего раба. Тот принюхивался к простору и чуть-чуть улыбался. Один кружок над бровью, светящийся, льдистый приподнялся над бровью. По-собачьи лукаво. Головы к нему Пёс не повернул. Ясные, раскосые глаза излучали прежнюю ненависть. "Хорош, — подумал Олив. — Отлично". Всегда нравился этот взгляд, а теперь особенно, как противоположность воспоминанию о другом, распахнутом... Зрители и Длинноклювый собрались улетать. Шершень прогудел последние советы, указывая во мрак долины, плавные очертания соляных холмов и потоков слоистого тумана. Пёс выслушал, зевнул, лязгнув зубами, и кивнул неспешно. Снова поднял кружок над бровью, покосившись на Олива. Нет, он не станет нападать. Не сейчас. Не здесь. Не при таких обстоятельствах. Терпение его подвело, терпение же и принесёт победу. Так он думал, но решал всё другой момент: он уже был Морской Собакой, наделённый силой чудовища и его честностью. Был. Дал обещание. И он хотел — бежать! Вольготно, неистово, прямо, безудержно! Бежать, как лететь, как дракон! Разбивая тени, изо всех сил, без цели, без мыслей!.. Бежать!

Олив поднялся, направил дракона над пограничными зубцами, обмотав руку цепью. Время пошло. Туманная река предстала под ним молочными изгибами, во всей красе мнимой безмятежности. Затем потускнела за дымкой. Он поднялся ещё выше, цепь дёрнулась. Пёс бросился в равнину длинным прыжком и побежал. Развлечения ради, он всё же сделал несколько мощных рывков в стороны. Проверил. Удержать его Оливу стоило труда. Затем двинулся ровно. Постепенно ускоряясь. Шершень ушёл в море, чтобы обогнуть промежуток, мыс и ждать их с другой стороны.

Кто знает, в каких обстоятельствах, после череды каких преображений для полудроида станут вовсе недоступны мгновения незамутнённого, необусловленного счастья? И возможно ли подобное? Пёс бежал... Пёс мчался. Если б не пружинила почва!.. Зато она и подбрасывала его! Если б маслянистая испарина на соли не скользила под ногами!.. Клубки перекати-поля не хрустели бы, проминаясь, тормозя... Распадаясь, раня, кусая тенями древними, неведомыми, сущность которых Пёс не успевал осознать... Несколько из них прицепилось к колючкам нарочно, на удачу прикреплённым Шершнем к его одежде, вдруг... Очень любопытно грабануть тайник бывших друзей. Сработало. Пёс не замечал их. Ничего не замечал. Он мчался то по-человечески, то по-собачьи, длинными прыжками. Редко замедлялся, где чувствовал безопасный отрезок пути, экономить силы и рассчитывать он не забывал, ощущая себя превосходной машиной. Завидев сгусток тьмы или мерцания в тумане на пути, не озадачивался его природой. Бесхитростно набирал максимальную скорость и прыгал, выставив перед собой каменные ладони с двумя светящимися, льдистыми кружками на них. И хоть брызги обжигали его, тень разбивалась неизменно и вдребезги... Следующая обволокла его, облепила, проклятье!.. Что ж, неудача. Не остановился, сбросил скорость. Сводит до судорог. Пробирается к сердцу... Надо

бежать. Бежать так, как есть. И Пёс ускорился снова. Кто-то ещё более шустрый перепрыгнул его. Удивительно! Видение огромной сороконожки прокатилось над ним. Все сорок — или тысяча? — лап оттолкнулись когтями от его плёч... Проклятье! Теперь оно будет ждать впереди его, отравленную добычу... Пусть ждёт! Пёс Морской пал на четыре лапы и начал свой коронный бег прыжками в две длинны тела, короткими по его меркам, размеренными, непрерывно ускоряющимися. Сороконожка предстала, свернувшись раковиной, и он ударил сверху, в конус завитка. Там была не тень, но Чудовище Моря... Огненный Круг вспыхнул под ногами пса... Он замер... Стоял несколько мгновений на распластанной сороконожке... И завидев бурый дымок, распространившийся от неё, ни секунды больше не тратя, ринулся дальше, с Чудовищем Моря покончено. Плохо иметь центр. Хорошо совсем ничего не иметь... Глухое рычание Пса перешло в долгий вой. Раскатилось... Затихло. Не тот это звук, которым зовут Белого Дракона! Если б он вспомнил, если бы смог! Но не мог, не мог позвать. И он забыл...

Олив заметил Шершня внизу. Среди иллюзорного пламени, на откосе соляных зубцов. После мрака над долиной прибрежные огоньки дроидов, перемигивались, перекликались, танцевали успокоительно и мирно. Приземлился, сматывая цепь, оставляя её натянутой, с опаской.

Сейчас опасаться ему было нечего. Пёс взмыл над отрогами, вырывая привязь, перелетел их и упал прямо в красное пламя. Под ноги демону моря. Мокрый с ног до головы, без сознания, в ознобе. Не медля, Шершень одной рукой отстегнул ошейник. Другой — воткнул острые, вызывавшие содрогание даже на вид, ледяные шипы рядом с Огненным Кругом. И утащил Пса в океан. Бросил Оливу:

— Завтра с этого побережья. Или нет. Как получится.

Олив проводил их взглядом. "Выживет, — подумал. — Интересно, согласится ли?" Он заметил под ногами один ледяной шип. Демон потерял в спешке. Не настолько был он силён, Олив, чтобы руками брать тени. Знал, не питал иллюзий. Но это лечебная тень... Или как? Тьма вокруг. Огоньки дроидов пылят тихим светом. Пёс пробежал Горькие Холмы меньше чем за половину ночи. Красное, прозрачное пламя, разбрасываемое Шершнем, исчезло вместе с его уходом. Шип лежал на земле. Олив протянул руку к его трёхгранному лезвию...

— Вы ведь не собираетесь лечить его второй раз, да? — прозвучал тихий голос Пта утвердительно, с горечью, без упрёка.

Олив вздрогнул от неожиданности, отдёрнул руку... И шип, так распрекрасно нацеленный в неё, уже летящий, промазал! Зудя, вибрируя, пролетел мимо! Упал. Пополз, извиваясь, не сминая угрожающих граней ледяных... Олив пятился. Шип подтянул основание к острию, как подбирающийся зверь, но не сделал броска, он ударился о солёную землю и распался на ней. С хохотом... Гудящим хохотом Шершня, демона моря.

— Охо-хо, — пробормотал Олив. — Спасибо, Пта, как же ты вовремя...

— Не собираетесь?

— Демон не собирается. А я не могу.

— Олив, всё как-то неправильно. Ужасающе неправильно.

От всего сердца Олив, молча, согласился с ним.

Следующая ночь клубилась над побережьем.

— Нет! Нет, это разные вещи! — Пта отступал назад, не отрывая взгляда от стремительного

Огненного Круга в груди Морского Пса.

В сознании? Без? Веки распахнуты.

— Нет, Олив! Я готов рисковать своей жизнью, но не чужой! Не милостью дроидов!.. Я верю твоему слову, насколько возможно, но моя совесть остаётся в моём ведении! Нет!

— Приглядись к нему... Ка-акой жизнью, Пта?..

Олив и сам наблюдал неизбежное приближение агонии не с теми чувствами, которые выражало его бесстрастное лицо. И под его плотно запахнутой курткой Огненный Круг горел и бежал едва ли не быстрей, чем у собаки...

Что случилось? Что и должно было. Пёс пробежал Горькие Холмы во второй раз. Шершень отстегнул ошейник, прибрал к себе. Единственное, что теперь его интересовало в морской собаке. Ценная вещь, в хозяйстве пригодится. Хмыкнул. Насмешливо бросил под ноги Оливу пригоршню ледяных шипов со словами:

— Шутка была! Потрогай и убедишься. Смешные вы очень, пугливые жители материка!.. Ещё свидимся...

Выпростал жабо щупалец из-под плаща, словно устал притворяться человеком, потянулся ими... И пропал в Великом Море.

Пёс остался на берегу. В начинавшем светиться теле зримо собирался вокруг сердца мутный яд теней. Какая-то из них со страшной силой выгнула его, подбросила, перевернула. Он остался к небу лицом, ртом дыша, с расширенными зрачками. Олив видел, что шансов нет. Почему-то решил досмотреть до конца, воочию убедиться. Иначе всю жизнь озираться что ли?.. Мести он не боялся, зависшие ситуации не любил. "Эми, Эми-лис, Эми... Странно, что моё сердце не остановилось тогда... Странно..." Он рассеянно поднимал и убирал торговую пирамидку. Бросил камешек на острие, подняв в очередной раз... Воззрился на него... И мысли его сделали некое сальто назад. Решение одного через другое! А он и не подозревал, насколько привязан к своему рынку, к своему земному дому. Что бы уйти, ему надо было перепоручить, не бросить! И одним махом отрезать. Так-так... Тени сейчас дожрут собаку... Но любые тени исчезают на пороге Собственного Мира. А Собственный Мир такое место, где нетрудно убедить тебя выслушать даже заклятого врага. Но как утащить его? Рядом лишь Пта. Время жизни утекает стремительно. На эту просьбу, вручить ему Пса, бросить на торговую подставку, Пта и ответил горячим отказом. Подкупить? Пригрозить? Олив достаточно знал его, чтобы не рассчитывать на это. Уходили последние минуты. Олив возразил флегматично, но быстро:

— Какой жизнью, Пта?.. Чем тут рисковать? Рискуешь только ты. Чёрным Дра-аконом.

Отвечая, Олив поднимал руки по сторонам, сомкнул над головой и торговый шатёр поднял призрачные своды до Собственного Мира, полузабытого мира Олива.

— Брось его на пирамидку. Не я и не Демон, ты можешь его спасти.

— Сделаем наоборот! В мой мир, ты бросаешь, я уношу. И никакого риска!

— Нет. Много хочешь. Он опасен для меня. И о-он нужен мне. Так или никак.

Пта решился. Он никогда, чистый хозяин не совершал ничего подобного. Поэтому понял Олива слишком буквально. Вместо того чтобы просто поднести бессильную руку раненого к камешку на острие, он, не глядя, отчаянно зажмурившись, поднял Пса с земли, качнул и бросил...

— Олив, я не хочу становиться хищником!..

Со спины дракона, призванного полупесней-полусвистом, Олив крикнул:

— Не станешь! Не появляйся на моём рынке! Птица, ты поступил правильно, хищником тебе не бывать!

Исчезли: Олив, похищенный, шатёр, пирамидка... Пта остался на побережье один... С Чёрным Драконом за плечом. Под ногами блестела россыпь ледяных шипов. Грустно. Осторожно Пта переступил их, полюбовался огоньками дроидов и позвал Белого Дракона.

Глава 28

Глава 28.

Область Сад в мире Олива была городом, песочного цвета каменные дома. Область Там — внутри них, Недоступная. За исключением центрального то ли дворца, то ли храма, это — Дом. Олив когда-то создал красивый мир. За крепостной стеной. Не озаботившись достоверностью деталей, в свободном полёте воображения. Благо, решающий, последний день Восходящего воплотит все накопленные и собранные им свои и чужие фантазии. Фиолетового, винно-красного, густых, пряных тонов петуньи, колокольчики, гроздьями цветущие вьюнки росли откуда ни попадя, едва не из воздуха, с балконов свешиваясь, со стен, с крылечек поднимаясь до крыш. Улочки узкие, весело-изгибистые. Количество и вариации балконов неисчислимы. Особенно часто два напротив, на высоте второго, третьего этажей, они образовывали мостик в воздухе над тротуаром. Цветы с одного перекидывались на другой. Если б и внутри открывалась область Сад, мир стал бы великолепным рынком, рассчитанный на многолюдность, как часто бывает с мирами хищников... В эскизах изгнанников. Они словно предчувствуют, что проведут жизнь среди большого количества людей. У чистых хозяев обычно — один дом в одну комнату и даже один стул у окна. Впрочем, кто их видел в достаточном для обобщений количестве, закрытые миры чистых хозяев?.. Улочки сбегались, расходились на перекрёстках миниатюрных площадей. Кариатиды. Сказочные твари, жуткие и смешные украшали углы домов, водостоки. Тонкая лепка изобильных букетов, фруктовых чаш, древних изречений над дверями, в которые не зайти. Синее небо. На солнечной стороне очень жарко, на теневой — вполне терпимо. Тремя расходясь от площади подле рамы, петляя, кружа, ветвясь, улочки объединяются ближе к средине мира в три такие же узкие, выводя на главную площадь Дома.

За рамой, на тёплых плитах Олив ослабевший разом, утративший тени бросил парня и упал сам. Яд клычков пропал, сами они остались. С трудом поднялся. Сел наблюдать. Нормально. Пёс глубоко вдохнул за несколько раз, не выдыхая, моргнул и попытался сесть.

— Лежать! И руки на земле! — прикрикнул Олив.

Только тогда Пёс заметил его. Осознал, где находится. Он сел, но ладони оставил на прогретых камнях.

— Что, говорить не разучился, Мо-орская Собака?

Пёс глянул исподлобья, ощерился. И его тени исчезли, и тоже остались круглые пятна от них над бровями, на плечах и ладонях.

Олив занёс руку:

— Рычи сколько угодно. Но не забывай, что я здесь хозяин. Испортишь, я тобою же исправлю. Или предпочитаешь стать бронзовой собакой?

Не глядя, Олив пошарил между стыками плит, откинул половинку битой, оказавшейся дверцей кладовки. Повеяло холодом. Так же на ощупь он достал за горлышки две тонкие, прозрачные бутылки. Старые. Видно, что древние очень, не объяснить как, не пыльные даже, а видно. Откупорил обе. Отпил одну.

— Что, собака, пить хочешь? Я хороший хозяин, гостеприимный. Они о-обе шикарные...

Протянул обе. Сделал паузу, чего распинаться зазря. Он до сих пор не понял, за последний день, применяя без разбора средства исцеления, в тепле подводных источников насколько Демон смог вернуть собаке память и рассудок. И возможно ли это вообще? И сколько осталось? Пёс протянул руку к его бутылке и осушил её. Закрыл глаза. На несколько мгновений Впечатление затмило всё. Оно катилось терпкой сладостью. Перед глазами в бархатной черноте вспыхивали фейерверки, рассыпались астрами, серпантином. Новые залпы, прежде полного

угасания встречали падающие огоньки... Самый звук их был сладостен, взрывающийся, рокочущий... Да и Пёс зверски хотел пить.

— О, дроиды... — поперхнувшись, проговорил он. — О, какая прелесть...

И невзначай обернулся, где рама, куда вышвыривать хозяина, прежде чем догнать и загрызть? Олив распрекрасно понял этот мимолётный разворот. "Порядок!.. И с памятью и со здравым смыслом. Мы договоримся". Олив загадал, если собака прежде возьмёт его бутылку, сложится, как он задумал.

— Не-е спеши на выход, собака. Прогуляемся, переговорим.

Олив протянул ему вторую бутылку. Достал ещё две. Захлопнул подпол и жестом предложил подняться. Он уже почти расплавился под солнцем Собственного Мира. А Пёс только начал прогреваться после океанских глубин. Не спеша, поглядывая друг на друга, они направились по правой, кривой, причудливой улочке.

— Ничего, — тихо, с ударением сказал Пёс, — ни единой вещи я не перевоплощу здесь по твоему желанию... Будь я проклят дроидами навсегда.

Олив усмехнулся, ожидаемо.

— Ну что ты, Пёс... Тебя устраивает это имя? Ты пригодишься мне не здесь, снару-ужи.

Пёс не выдержал и рассмеялся:

— Только в одном случае! Если тебе жизнь опротивела.

— Да, близко к сути... И более того...

Его тон был так спокоен, что Пёс не нашёлся. Задумался. Всё-таки в голове у него до сих пор очень муторно. Там одни ритмы бега, прыжки, зигзаги... Бег, бег и бег... Насколько муторно, Пёс понял благодаря следующему вопросу Олива:

— Ты изгнанник или хозяин?

Растерянный взгляд пронёсся вокруг, по стенам, по вишнёвой петунье, ища у неё подсказки, у крупных, нежных граммофонов её цветов... Пёс болезненно сощурился. "Мир?.. Собственный Мир... Да что же со мной такое!.."

— Хозяин! — вспомнил он.

— И я, как видишь. Будем знако-омы, хищник, Морской Пёс...

Они пришли. После тесных улочек и скромных домишек центральное здание в области Дом потрясало размером. Восьмиугольное, со стрельчатыми окнами в четыре яруса, под круглым синим куполом. Огромным, перенасыщенного цвета. Если есть купол у мироздания, то — такой!.. Оно высилось посредине мира и широкой площади, мощёной белыми плитами. Не велика и не мала ему площадь, в самый раз. Олив сам залюбовался. И помрачнел... Давно не видел.

— Давай так. Я тебя не трогаю, а ты ничего не портишь, пока не перегово-орим.

Пёс кивнул.

Редкие полудроиды способны на самом деле именно портить чужие миры. Они либо мстят, либо хулиганят, возможно, хотят сделать что-то себе, по-своему... Но и тех хватило в исторической перспективе, чтобы настало время, когда никто не доверяет никому. Пёс к хулиганам не относился.

Двери не оказалось. Проём занавешен густыми слоями бус, шёлковых нитей, хрусталя... Эми! Эми-Лиски создала их в тот единственный раз, когда прежде рынка, побывала у Олива в гостях! Незабвенный раз. Когда он пожертвовал присущими тенями, долго колебался, создавать

ли вновь... Потом размолвка на его, Оливковом рынке... Создал, ещё ядовитее прежних. Судьба непредсказуема, а сила Морского Чудовища должна быть под рукой... Под языком.

Они прошли блистательную, нежную преграду. Вошли и замерли... Оба, и гость и хозяин. Всё внутренне пространство дворца или храма, оранжереи, по сути, занимало раскидистое дерево. Не случайно Олив симпатизировал Пта, хоть вслух смеялся, родство душ! Капли влаги скатывались по остроконечным листьям. Солнечные зайчики с купола. Глянец зелени. Орхидеи довершали картину. Большей частью чёрные орхидеи. Пёс запрокинул голову, вдохнул сырой, тёплый до испарины воздух жизни, цветов, листвы... Перед лицом прекрасного не Морские Чудовища и не враги, они были просто люди, полудроиды. Пёс припомнил пыль Оливкового рынка, шатры, марево тени на выходе, куда пялился часами напролёт, грезя сбежать. Пыль, ветер, голые скалы...

— Дроиды!.. Почему ты не живёшь здесь?! — воскликнул он.

И Олив ответил:

— Потому что мне плохо здесь. Невыносимо.

Он размышлял вслух, чуть растягивая последние слога, стараясь отвлечься от пустоты, брезжащей за тактическими решениями, принципиальной стратегической ошибки...

— Ты, Пёс Морской, хочешь, чтобы меня не стало-о. Не было на свете. Но давай посмотрим шире. Где не было? В качестве кого не было? От Восходящего что остаётся в хозяине? Из возможностей его, например? А хозяин мира, тот ли внутри, за рамой, что и вовне? От него что остаётся в чу-удовище? От полудроида — что есть в них всех?..

Пёс слушал в пол уха, улёгшись греться на пятно солнечного света, покачивая бутылку в руке, вздрагивая от изредка срывавшейся на него тёплой капели.

— Слишком широко? Тогда по другому. Насколько долго-о не было?

— Навсегда, — живо ответил Пёс. — Насовсем.

— Хорошо. Ещё вопрос: это насовсем, оно прямо так началось и длится?.. Одной ли оно глубины? Или происходит частями? Произошло, прекратилось, началось снова, поменяв качество.

— Как изгибисто... Я не дам тебе отсрочки, — проворчал Пёс, лениво допивая вереницу чьих-то снов, запаха сена во Впечатлении. — Если выйду отсюда, не дальше от рамы, чем хвост моего дракона от его головы. Я Олив, буду тебя ждать...

— Ну, на материк-то, положим, я могу вернуться и через шатры, Пёс Морской, безмозглый. Я — могу... А что такое "я", лишь тело? Память, накопленные Впечатления?.. Или вместе с тем, чем владею?..

На последних словах голос его переменился, заставив насторожиться Пса.

— Валяй уже. Порассуждал, и хватит.

Пёс сел, выпрямился. И Олив сел перед ним, откинул чёлку. Выдохнул, губы в одну черту, словно часть его пыталась удержать слова, не выпустить.

— Мне нужен преемник. Ты подходишь. Не хочу бросать свой рынок на произвол грабителей... Вернее сказать, мародёров. Я отдам его тебе. Владей. Управляй. Ну, уничтожь, если совсем дурак. Главное, я про это не узнаю... Не стоит искать меня, можешь быть доволен, если через год не сам не вернусь, я либо-о мёртв... Либо в таких краях, в таких условиях, где разыскать меня ради отмщения, значит оказать услугу... А когда... А если — вернусь... Посмотрим, за кем останется Оливковый Рынок. Жди!.. Верну своё обратно, скажу тебе спасибо, если хорошо управлял! Вот тогда и попробуешь вручить мой Огненный Круг дроиду на чёрном тро-оне.

Такого Пёс не ожидал. Отвёл глаза от спокойного, устало-мутного взгляда Олива, потянулся... Развалился на спине под огромной, влажной кроной. По дальней мраморной стене сбегали ручейки, и отражалось пятно лица бледно-зелёного хищника. "В море... — прояснились мысли, — туда, откуда я чудом вышел живым, он уходит. В Великое Море..." Псу захотелось вслух спросить какую-то глупость: "Почему? Что случилось? Что ты забыл там, в глубинах сквозного холода, где даже Падающие Факелы обжигают?.. Ледяной холод... Знаешь ли ты, что такое адская стужа?.. И существа, мысль которых длиться две секунды, не больше... Три им не надо. Разорвал — поглотил. Сыт — отравлен. Жив — ... мёртв? Тут мысль всего на одну секунду..." Пёс фыркнул и сел обратно, странные мысли. Откупорил последнюю бутылку. Впечатление её оказалось ветром. Сначала он содрогнулся, ветер, озноб, но затем оценил, как велик и восхитителен контраст: из-под купола льётся солнце, на коже, на лбу тает, проходит сквозь веки, а под ними почти ураган... Он ничего не теряет, ровным счётом. Самое время сказать — да. Произносить неохота. Соглашаться. С тенями или без теней, он чудовище, Пёс Морской, а они честны. Да, значит — да. Неохота... Предложение хорошее...

— Рррр... — сказал Пёс. — Отдашь рынок, я ж тебя догоню...

— Не догонишь — раз, на свою голову — два, пообещаешь не догонять — три.

— Рррр... — проворчал опять, и все-таки сорвалось с языка, — От чего бежишь, а?

— Собака, — сказал Олив, — не твоё это дело. Твоё дело принять молча. На раз ты становишься главнейшим среди неморских чудовищ, вторым после Буро. Люди частенько попадаются теням, обитатели рынков, и они ищут спасения.

— Кто он, кого ты назвал?

— Бутон-биг-Надир. Южный рынок. Он очень богат. Не выходит почти. И в курсе притом, постоянно в курсе...

— Не улавливаю, почему вторым?

— Он стар и умён, Пёс, этот изгнанник.

Невесть откуда взявшийся, слабый порыв ветра качнул нижнюю разлапистую ветку, пролившуюся брызгами на них.

— Я, Олив, буду тебя ждать...

Тот оскалился холодной улыбкой, обнажившей клычки:

— Поднимайся, Морская Собака. Полетели хозяйство принимать. Но жда-ать, особо не жди...

Пёс очень-очень хотел задержаться хоть на день в тепле Собственного Мира. Он мог и потребовать, поставить условием. Но... Похвала миру — похвала хозяину. А он и так не удержался от одной.

Молча по белым плитам они пересекли площадь, вышли на центральную улочку. Тогда Пёс обернулся. Дворец... Правая сторона синяя от вечерних теней... Величественный, круглый купол... Под ним целое мироздание. "Как-то неправильно, — пробормотал Пёс, почти дословно повторяя слова Пта, — не соображу что, но очень неправильно..."

Олив усмехнулся, подтолкнул его и быстрым шагом покинул Собственный Мир, без оглядки.

Глава 29

Глава 29.

Такой контраст... Не следовало ему возвращаться.

Олив отстранил тень на входе. Для сильной Морской Собаки более существенный момент, как не испортить её, а не как отодвигать... Сказал пару слов про инструменты, еще пару про приходящих добровольно. Псу бы отдохнуть столетие в тепле своего, а лучше чужого Собственного Мира, поспать. Забыть недавнее, вспомнить давнишнее, изначальное. Но сложилось иначе, какой холод...

Пустой, холодный материк, продуваемый яростными ветрами окончания сухого сезона. Холод, повсюду холод. Для раненного, обожжённого им в Великом Море лёгкое дуновение сквозняка, даже прикосновение стекла или металла продирает кожу. Возвращение, выход из рамы чужого мира потрясло его больше, чем обнаружение себя там. Больше, чем злосчастный день, когда выпил оливку — простое впечатление с тенью, пригнувшей его к земле, толкавшей вперёд и приведшей в конце концов к Оливу. Его была ловушка, не случайно попавшая, нарочно вброшенная на Южный. И даже подводное преображение не так потрясло, утрата человеческих мыслей и получение непредставимых жителям неба и земли навыков. Выжить тогда он не надеялся. Остатки страха смерти, остатки упрямой злобы, вот всё двигавшее им в Великом Море, а после — сладость новой силы. И теперь, зачерпнув пригоршню с волны, он сделал наспех присущую тень-нож, отправил её в пальцы рук, кривые немного, испорченные звериным бегом. Как холодно... В голове практически единственная мысль, не нападать. Обещал. Не нападать... Всё будет, всё будет, не спеши, Морская Собака.

Олив забрал одну фляжку с Впечатлением и одно украшение, кулон. Пёс крутил чугунный обруч на указательном пальце, для него невесомый, ждал. Терпеливо. Обходя напоследок шатёр, Олив встал пред большим зеркалом, в рост. Простая, кажется, вещь, а на самом деле ценность и редкость. Мало кто может создать. Даже в скрытой механике самый несообразительный полудроид способен последовательно разобраться по чертежам и воплотить последовательно. Большое зеркало надо вообразить целиком. Потерять все мысли на время. Но не намерение. Его — усилить. В таком состоянии воплотить. И среди Восходящих, и среди хищников удавалось малому числу пытавшихся. Олив отвёл длинную чёлку с лица, усмехнулся. Пока шли рынком, он наблюдал с недоверием за, чересчур отрешённым, выражением Пса, учитывая складку между бровей и кулаки, которых, очевидно, тот не замечал, собака, зверь. Даже предупредил некоторых постоянных торговцев, повысунувших из шатров носы: власть поменялась, возьмите паузу, вернётесь, если порядок. Вняв предупреждению, они немедленно слиняли. А следом и многие другие, благоразумно решив, что нет дыма без огня, а перестраховаться лучше, чем вникать. Предупредил, а теперь в зеркале вплотную разглядел себя... "Уж если они меня не боялись... Куда тебе, Собака Морская, способная к страстной ненависти, до этого мертвенно-зелёного парня..."

— Прощай, собака.

Пёс остался один. С рабами. С шатрами, хозяева которых, то ли собирались возвращаться, то ли нет. Олив снял все свои пирамидки, так что количество шатров, где сидели рабы, резко сократилось, до материальных, шатров-артефактов. Но и под открытым небом никого не видать. Попрятались. Пёс обходил владения. Небольшая группа вышла к нему из наползающего тумана. Трое парней. Ещё двое поодаль. Узнал. С ними складывал из камней отдельное помещение,

тайник над обрывом. Нет, Олив не заставил его, сам захотел, от скуки, к тому же, это было вне рынка, а Пёс каждую секунду надеялся сбежать, даже под тенью и в кандалах. Они тоже. Не вышло ни у кого. А построили хорошо и замаскировали! И саботаж не удался!.. Пёс кивнул старым знакомым: пошли. Без усилия, голыми руками разорвал кандалы. Чугунный обруч прошелся с головы до ног по каждому, освобождая. Пять выдохов облегчения, они едва устояли на ногах. Не говорили, ни с ним, ни между собой. Пёс открыл для них выход с рынка и немедленно закрыл его. "Пятеро захотели стать свободными, пятеро и стали... Справедливо". Холодно!

Несколько шатров Пёс поднял на обратном пути, а то совсем пусто стало. "Прячьтесь тут... От меня".

Пусто. И холодно. В главном шатре Олива, перешедшему Псу со всей коллекцией, под тентом сотканным из бессчётных профилей, тысяч лиц, в полумраке, роняя эту коллекцию, прочь от него ринулся кто-то. В кандалах, кувырком, так быстрее. Пёс преградил путь одним прыжком. Поднял за шкирку. Знакомое лицо. С этим белокурым, маленьким юношей Пёс делил угол забитого рабами шатра, было тесно какое-то время. И тошно. Тот — изгнанник, без тени, со свободной левой рукой, бежать некуда. Он служил чем-то вроде почтальона внутри рынка, на побегушках между приглашёнными торговцами и Оливом.

— Юлри?.. — тихо окликнул его белокурый юноша, разглядев в полумраке.

— Юлри? — переспросил Пёс.

— Юлри...

Содержательный разговор. Да, конечно, Юлри это он, но и Пёс Морской тоже он.

— Что происходит, Юлри? — спросил юноша быстрым шёпотом. — Олив уже не вернётся?

"Для тебя нет". Пёс разучился разговаривать. Но если хочет, а он хотел, присвоить и приумножить доставшееся ему, придётся учиться заново. Надо учиться. Не сейчас... Молча, пёс сорвал заклёпки на кандалах, снова проделал путь через рынок, продуваемый всеми ветрами, и вытолкал белокурого юношу прочь. Теперь точно всё. Личные счета закрыты. Как же холодно!.. "Я голоден..." Вслух подумал он. Привычка оставшаяся с ним надолго. "Голоден... Я хочу тёплой еды". Это говорили в нём морской, внутренний холод и морские же привычки, не его личные, но... Да и присущим теням нужна влага. Внешним тоже, которые носят с собой, но внешние не столь настойчивы... Они увядают медленно. Присущие — требуют.

Сквозь муаровую пелену в ближайшем шатре виднелись силуэты рабов, подсвеченные торговой пирамидкой. Пёс принюхался, не подходя. "Не ту тень сделал, не чую, есть в них что, нет?.. Есть наверняка, Олив не жадничал с водой связных Впечатлений". Пёс собирался взять без выбора, когда обратил внимание на маленький торговый шатёр. Хозяин в нём снимал ажурный веер с подставки. Уже складывал... Уже таяла пирамидка, и опускался Белый Дракон...

С четырёх лап Пёс прыгнул, сбил с ног, оглушил неосмотрительно припозднившегося торговца. Тот не успел понять, что происходит. Огненный Круг вспыхнул, яркий и тонкий, осветив и его и Пса, придавившего руками к земле. Лапами. "Я очень голоден..." — пробормотал Пёс. Уже ни шатра, ни дракона. Только он и обречённый хищник внизу. Пёс легонько, по своим меркам, ударил его костяшками пальцев в лоб. Глаза померкли. Тень-нож вибрировала в ладонях. "Голоден..." До запястий Пёс погрузил свои руки в грудь полудроида. И тогда учуял. Рядом с Огненным Кругом, живые, согретые его теплом, плескались Впечатления песен, перебора струн, смутные, отдалённые образы танцующих пар, окон и гор за окнами... И тепло. Уходящее. Огоньки дроидов засветились под кожей. Пёс зачерпнул Впечатления пригоршнями, выпил, пролил, умылся. И остальные допил уже зверем, чудовищем неморским, припав к Огненному Кругу. С тем особенным звуком, который знают немногие. Лишь те, кто знает. С тем, которым ругаются, когда хотят выругаться грязно. Или же грязно намекнуть, что вот этому

недолго осталось... Ругаясь, не знают, о чём говорят. Это плохое слово.

Глава 30

Глава 30.

Качели, Качели без Выхода, Обгладывающие Качели... А скорее всего, Качели Пустых Надежд, так назвали бы океанские жители этот приём, если б имели склонность к многословию. Кто хоть пару лет умудрился прожить в Великом Море, освоил. Приём не требующий обучения, получающийся сам собой при спешке, открытие случайное. Зачастую последнее. Ошибка. Олив знал заранее о возможности такой уловки и воспользовался ей, как отсрочкой, последним шансом. Вдалеке белел каменный лес... Сквозь зелёную толщу. Мирно, умиротворяюще... Водяная змея из него, тень ничейная, гибельная любому, следила за ним немигающими глазами. И за теми, кто следил за ним. Будь у них глаза этой тени, они не стали бы ждать... Но того, кто на Качелях, бессильны различить и фасеточные глаза Демона.

Прежде окончательного ухода Олив на Мелоди-Рынке разыскал Пта. Передал через него две записки. Одну про Минта Густаву, с ремаркой, цена не меняется, карта с королём, через год или никогда. Передать наказал через Буро. Вторая для самого Бутон-биг-Надира, чтобы Пта как зашёл, так и вышел, Олив опасался подставить его. Напротив, чтобы за исполненное поручение получил награду, какую-нибудь лёгкую музыкальную штуку. Пта отказался от мысли строить гнёзда на ветвях, понял, звуков не хватает в Собственном Мире, музыки, после Мелоди осознал. И это правильно. Несколько раз Олив повторил:

— К самому Густаву не подходить, разговора не начинать и не поддерживать. Не знаешь, с кем имеешь дело, и не надо тебе знать. К Оливковому Рынку не приближаться ни-ког-да!

Вопросы проигнорировал. Кивнул, потрепал по щеке, сказал спасибо. И умчался на драконе навстречу одним только ошибкам, океану навстречу.

Главная ошибка сам уход. Вторая... Ну, не нужен он Шершню в океане! Даже Собакой Морской не нужен!.. Не тот материал. Ну, как можно было этого не видеть и не понять?.. Шершень именно тот, кто не должен бы знать об его уходе. Но Олив имел с ним последний разговор, завершившийся честным отказом, на обычном их месте, на отмели. С того момента Олив должен был передумать, иначе был обречён. Шершень, Демон морской, со вполне человеческим умом, со свитой теперь знал за кем следить ему. Хоть океан велик, знал кого вынюхивать. И общие правила тоже.

Такое, к примеру...

Из новичков единицы рискуют идти сразу на глубину. А зря! Идут как раз выжившие единицы, и не нарочно, а от отчаянья, случайно упавшие, в драке, отчаявшиеся победить, убежать. Остальным психологически это трудно, сменить небо и землю на бездну моря. Они полагают, что там, во мраке скрываются бесконечно далёкие от человеческого истока существа. Справедливо, и по форме и по размеру далёкие. Тем безопаснее. Людей там не ждут, охотиться на них не привыкли, питаются тенями с поверхности и друг другом.

Еще там течения широкие, плавные. Иногда и тёплые. А течение вообще это поток среди Свободных Впечатлений более-менее близких, защищающий от кусачей внешней среды тень, защищающий и связные Впечатления в существе, обладающем Огненным Кругом. Плохо, но защищает. То есть, оно должно быть плавно. А есть и другие течения, бешеные, рвущие в клочья любую тень и отбивающие даже память у человека, леденящие как ожог, состоящие из

Свободных Впечатлений столь чуждых, что они яростно отторгают одно другое. Такие буйные течения начинаются ближе к поверхности и чаще всего там, где в Великое море попадает Чистая Вода забвения.

Шершень выследил Олива на второй день. Свита гоняла его, пока не доложила, что — так и так, нашли. Тут, завидев старого знакомого, он решился резко уйти на глубину. Чей-то Морской Гигант заслонил его. Олив попал в каменный лес, передохнул. Неспешно начал возвращаться к поверхности, пробираясь между ветвей, присматривая нору себе. Не выбрал, решился выйти, отдалиться от леса и наткнулся на засаду. Обошедшую его, не вернуться. И тогда применил Качели, ещё несколько минут жизни, и Впечатление, что дороже её. Он раздавил клыком стеклянное горлышко флакона, чтобы не потерять ни капли, и выпил...

Уловка Обгладывающих Качелей представляет собой вот что... Незавершённую тень. Принципиально не завершаемую. Одно Впечатление для неё вблизи Огненного Круга сохраняется целым. Второе перемешивается с морской водой почти до полного растворения. После — ещё глоток морской воды, и начинают сплавлять. Не получается. И не должно получиться. Свободные Впечатления последнего глотка и они же во Впечатлении, перемешанном с ними, начинают гоняться вокруг единственного связного Впечатления, прибережённого для этой цели. Хаотично. Притягиваясь, отталкиваясь. Медленно размывая его. И раскачивая. Вместе с человеком. Или с Чудовищем Морским, с тем, кто выпил.

Себе он кажется взмывающим на качелях, крутящимся на них, кому как, в зависимости от содержания, сильно или размеренно. А снаружи для теней и чудовищ, кроме самых опытных, не виден. Да и опытным виден там, где был секунду назад, две, десять, где задержалось его внимание. Образ всё время отстаёт и не линейно, тоже хаотично. Бросится наобум? Но ведь Качели без Выхода используют и как приманку. Бросайся, велик шанс напороться, тебя-то прекрасно видят.

Сидящий на них смотрит своё последнее Впечатление в относительной безопасности до тех пор, пока морская вода не размоет его. Не сгрызёт до последнего. Обгладывающие Качели. Тогда они остановятся. Обнаружив зримо. С их помощью невозможно сбежать. И спрыгнуть нельзя. Качели Пустых Надежд. Если преследователь совсем глуп и неопытен, он прыгнет, промахнётся несколько раз и отправится восвояси. Но если сторожит... Ему надо только ждать.

Такая уловка... В случае Олива жест отчаянья. Самоубийственный выбор. Олив унёс тогда с рынка одно Впечатление, драгоценное для него. Хотел видеть. Долго-долго. Насколько позволят Качели. Остальные давно размыла морская вода. Пусть. Пусть Шершень сторожит. Ничего ему не достанется. Разве, в раскалённой чаше Огненного Круга самый корень Впечатления. Один глоток. "Сог-Цок!.. Забирай, торговый партнёр морской! Мне — избавление, тебе — корень, Впечатление настоящей, древней, зверо-дроида, драгоценной Лиски-намо!.."

Необычным было хранимое им Впечатление. Начало эпохи высших дроидов. Ещё человеческие дети. Без Огненного Круга. Маленькие, в школьном классе, за маленькими, не голографическими столами, обстановка ретро, такая мода была. Под присмотром дроида из Там и двух Чёрных Драконов. Дроид учит цифрам, начертанию их рукой на песчаных экранах. Одна девочка не слушает его. Она больна. Нет, она не страдает. Иначе устроена, больна от рождения, плохо воспринимает слова, не любит долго сидеть, думать о чём-то одном. Цифры не знает ещё,

а уже невзлюбила!.. Улыбчивая, живая и усталая одновременно девочка с медно-рыжими волосами и бархатным взглядом. У неё единственной есть Лиси-намо и, конечно, Лиски ждёт за дверью, иначе никто в классе не смог бы учиться!.. У Олива была версия, что эти зверо-дроиды единственные в истории исчезли не потому, что отпала необходимость в них, а из-за ревности к ним высших дроидов. Версия вполне правдоподобная. Так или иначе, девочка сидит не слушая дроида. Водит пальцами по песку, рисует солнышки и улиток, это легко для неё. Стирает. Рисует солнечных улиток, лучащихся во все стороны, и думает о своей Лиски-намо. Вспоминает её. С Лиски ей прекрасно. Маленький ребёнок, она уже танцует, как божество. Она вырастет и станет известной в своей эпохе, знаменитой. И одинокой, как сейчас. С подружкой Лиски проведёт жизнь... Как сейчас. Во Впечатлении она не видна. Девочка думает про неё, и Олив думает. Девочка танцует в мыслях, и Лиски танцует с ней в её мыслях... И Олив. И на это Впечатление стоило потратить последние минуты жизни, да.

Шершень, демон морской принадлежал к числу прекрасно осведомлённых об уловке Качелей чудовищ. А ещё он знал, что если и собственными глазами минуту назад ты видел кого-то с Белого Дракона падающим в волны, обычного, тёплого, мягкого человечка, не смей бросаться вслепую! Это — Великое Море. Уловки его безграничны, ловушкой может оказаться всё. Совершенно всё! Шершень ждал. Не вмешивался. Сумрак зелёный, глубокий... Наверху гуляют волны с гребнями пены. Хищная тень который раз клацнула зубами мимо Качелей. Глупая тень, из одной башки состоит, да короткий хвост. Олив взлетал у Демона над головой, мгновения эти Демон угадывал с небольшой поправкой. И спокойствие Олива угадал. Не знал только, от чего оно. Обзавёлся тот новым оружием в первый же день или любуется напоследок?.. Он ждал, был заинтригован, что там такого, в корне Впечатления? Гадал, но мимо.

Качели замедлились... Амплитуда начала сокращаться. Фасеточные глаза мигнули со щелчком, прочищенные тонким, нижним веком, жёстким, как стекло. Скоро...

"А вот и приключение!.." Мурена подплыла ближе.

"Только бы Изумруд не догнал, хоть бы Селена подольше перебирала свой сундучок!.. Моё приключение! Должна я на чём-то тренироваться?.." Изумруд задержался, увы, ненадолго возле подводного тайника, но приключение она получила... А Шершень куда большее! Бывает...

Качели почти остановились. От Впечатления Лиски-намо осталось то, что и должно было — самый корень, щемящее чувство воспоминания о красоте, узоры на песчаном экране, и детские пальцы, рисующие их легко, без раздумья.

Если хотел сохранить и выжить, Олив должен спрыгнуть в первый момент остановки. Не раньше иначе, иначе тут же, под ними упадёт. И не позже, вообще спрыгнуть не успеет, как его поймают. В первый момент. И как можно дальше. Не поднимая век, Олив видел Шершня, свиту не видел, но подозревал. Он замёрз, мысль шла урывками... Наконец, холод охватил его равномерно. Свободные Впечатления взрывающимися короткими образами хлынули прямо к сердцу, к Огненному Кругу. Качели остановились. Олив прыгнул. Тройным, длинным кувырком уходя на поверхность... Он человек, он хочет увидеть свет дня! Напоследок, хотя бы напоследок!.. И скорость его под водой была не велика, но время угадано точно. Так что Демон с первой атакой промахнулся, и погоня возобновилась. Не долгая. Однако поверхности Олив успел достичь. Каменистая отмель, коса, на границе открытой воды и прибрежного моря дроидов. В начале сухого сезона показывается, захлёстываемая волнами, затягиваемая туманом.

Демон швырнул их из-под волны, россыпью, в два приёма, прямо в спину и так, чтобы упали с неба на беглеца острым дождём, багровые, ледяные шипы. Причём низко целился

первый раз, в ноги, второй — по плечам, понятно, не в корпус. Хотел посмотреть, что там было за Впечатление, в живом посмотреть. Олив покатился по мокрым камням, стремительно теряя силы, ощущение тела. Парализующий яд, самый лучший, но требует аккуратного обращения, потому среди чудовищ мало у кого есть... Демон не поскупился.

— Олив... — с упрёком прогудел, наклоняясь над ним. — Я предупреждал тебя, когда ответил отказом. Там ты был кем-то. Здесь никто и ничто. Совсем неплохо изредка торговать с охотником суши. И тебе неплохо было торговать с Чудовищем Моря. Я напрасно обругал твой рынок. Шутя. Он был вполне, вполне...

— Ты ничего не потерял, — отозвался Олив из последних сил, губы немели, — торгуй с новым хозяином, передавай привет...

— Вот как?.. Кто же он?

— Собака...

— В смысле? Пёс?.. Он выжил?.. Я предупреждал тебя!

На это Олив уже не имел сил ответить. Судорога превратила его в неподвижный валун. Шершень расправил жабо щупалец. Лилово-зелёный, фасеточные, огромные, выпуклые глаза, волны моря, серые в пене, худые, смуглые руки со многими суставами всё ещё скрещены на груди... Довольно гнусное зрелище для последних мгновений... "Зачем?.. — подумал Олив. — Мало я накопил что ли злых теней, не сумел бы обойтись без чужого яда? Мог попрощаться с жизнью в покое и тепле, выпить Впечатление медленно-медленно, смотреть, как танцует Пта приветствие Эми-Лис... Как сердце останавливается при виде его, раньше, чем яд дойдёт до сердца... Так могло быть славно, тихо и хорошо... Буро, ты старый мудрец. Куда я шёл, на что надеялся?.."

За спиной у Демона, на фоне серых волн розовая, как рассвет, Мурена показалась Оливу галлюцинацией, мороком. Яд захватил глаза, они не двигались, не закрывались, помутившись. Мурена тем временем встала из воды, встряхнулась, звякнуло монисто... Шершень замер. «Не заметил?.. Я?..» Обернулся рывком. Чёрные волосы... "Женщина в Красном!.." — Первая паническая мысль! "Нет, всего лишь похожа... Зелёные глаза... Наглая улыбка. Обыкновенная юная хищница. Некстати... И похожа, похожа..." Мурена подходила, танцуя. "Наглая, вот ещё!.. Может, подружиться хочу?.."

— Посмотри, — Демон поднял сухие кисти рук тыльной стороной к ней, пальцы, просвечивая, били короткими молниями в небо, — видишь мои когти?

Мурена приподняла бровь, улыбнулась ещё шире:

— Отменные когти!.. Мне подойдут!

Демон в своей надменности совершил ошибку столь же большую, сколь глупую. Он указал именно на ту тень, которой собирался напасть. И без его слов монисто подсказало бы, но с некоторой паузой...

Тень, которой сейчас нападут, присущая или внешняя, незримо отдаляется от тела, от основных сил чудовища, и намерений. Пока говорил, произносил слова бахвальства, время вышло, не передумать, не перестроиться, Мурена не дала ему времени на это. "Ожерелье должно бросаться когда — ты — хочешь... Спасибо тебе, Змей! Учитель, повидаться бы!.." Демон был тысячекратно сильней, но какое это имеет значение, она — видела! Её монисто — видело! Предстоящий бросок, как на ладони, как случившееся уже! Мурена вскинула руки. Демон не успел перевернуть ладонями к ней. Её розовые прошли между его сухими пальцами, с хрустом рванули вниз... И белые, острые молнии метнулись по её предплечьям, плечам... — в золотые монетки! В ожерелье, посвежевшее мгновенно, удвоившее силу. Демон взвыл.

Вырвался и отпрыгнул к воде. Низким, зловещим гудением заполнилось пространство... Проклятье!

Соотношение сил было понятно обоим. Но теперь и он заметил, она — видит. Следующую, выбранную им тень постигнет та же участь. Шипы, которые запустил в Олива, вот что пригодилось бы сейчас! Монетки блистали свежестью... Если б Шершень знал, каких усилий Мурене стоило контролировать их, он бы рассмеялся! Но не знал. Он чувствовал себя голым, совершенно открытым их золотому, живому блеску... Ей нет нужды быть сильнее Шершня как чудовища, достаточно быть сильней следующей его тени, и быстрей. А Мурена шустрая, поганка! Демон не интересовался уже, что за дело ей до Олива. Он счёл бы завидной удачей отнять монисто. И насущной необходимостью... Проклятье! Ну, не убегать же ему, в самом деле, от маленькой хищницы с единственной тенью!

Огромной чёрной тучей Изумруд поднялся из волн, представ перед двоими, игравшими в гляделки. "Насекомое?.. Знакомое что-то, пучеглазое..." Шершень моргнул и припал к земле.

— Брысь в море, — коротко сказал Изумруд.

Немыслимая удача! Возражений не последовало. А всё почему? Перламутровая Селена выглядывала из-за его плеча... На Олива смотрела, беднягу. Цветом зеленоватой кожи не внушавшего Изумруду доверия. Но Селена тут, с ним... Значит, всё как всегда... О, дроиды!..

Изумруд не отпускал её одну. Сопровождать, сопровождал... охотно. Да сколько угодно! Но имелся один нюанс, одно маленькое расхождение межу ними во взглядах, в подходе. Изумруд пытался объяснить Селене, что и в Великом Море, и среди чудовищ, населяющих его, есть более и менее зловредные. На конкретный момент. В перспективе. Есть те, кто не прав, кто ещё менее прав! В конкретной стычке, вообще, по жизни. При всей скоротечности конфликтов. При многообразии форм их, ситуаций. С учётом мнимого и реально сохранённого человекообразия. И обликов имитирующих его... Кто нападает первый? Как и где? Возле норы или на свободном пространстве? Возле чужой норы? И сколько от кого прежде было в океане беспокойства? Сколько вреда? Много чего стоит учитывать, вмешиваясь, избегая вмешательства. Селена соглашалась, кивала. Искренне соглашалась! Но это ровным счётом ничего не значило для неё. Селену не волновало, кто прав. Её волновало, кто слабей... Кто проигрывает, кто погибает на этот треклятый момент, когда она оказалась рядом!.. Случалось, по её просьбе, по её ошибке Изумруд спасал от хищников моря чьих-то теней!.. О, дроиды! Что поделать... Гулять с Селеной он и любил и опасался. Ради неё отгородил многими хитрыми способами половину каменного леса! Там Селена гуляла одна или с подругой. Так что, понятно, в лице возлюбленной Изумруда судьба Олива улыбнулась ему.

А Мурена чуть не зарыдала от разочарования:

— Изумруд!!! Это была — моя — игрушка!.. Какого чёрта?! Который раз! Проклятье дроидов на тот день, когда я решила разыскать тебя, Изумруд, какого уже дьявола?!

— Он мог ранить тебя, — спокойно ответил тот, и добавил бесхитростно. — Селена бы огорчилась.

— Ааа... Ну, раз так, раз Селена... Слушай, подруга, возрази что ли?..

Но Селена смотрела на Олива, заглянула в стеклянные глаза, потрогала лоб и отдёрнула руку. Весьма сильный яд.

— Зачем рисковать... — рассеяно проговорила она, обратилась к Изумруду. — Ухаха?

— Да, пожалуй. Так проще.

— Скорее.

— Время терпит. Сильный, но медленный яд.

Селена хлопнула ресницами с недоверчивой грустью. Изумруд вздохнул, поднял раненого, и все трое позвали драконов...

Изумруд подозревал, что загадка столь нервного отношения к существам в безысходности скрывается не только в характере Селены, но и в её прошлом. Так... Да зачем болтать?.. Мурена умела хранить тайны. Кроме неё, единственной подруги, Селена историю себя Восходящей, себя преданной, невольной, раскаявшейся хищницы в страшном сне не рассказала бы никому.

Распадающиеся тени медленного яда пришлись Ухаха в высшей степени по вкусу. Он и не привередничал отродясь. Обнюхал широким, мокрым носом раненого с головы до ног, облизал лицо, вытащил зубами те шипы, что ещё сохранили форму. Обнюхал снова. Улыбнулся... Пасть обдавала теплом, светилась... Судорога исчезла в ней, покинула тело. Олив вытянулся, расслабился, и его веки сомкнулись. Работа Ухаха закончена. Изумруд в свою очередь вылил на здоровенную, ведёрную чашу Чистой Воды забвения. Следом немного связных Впечатлений, долгих, летних, пасмурных дней и оставил спасённое, оливковое чудовище в покое. Тупое забытьё по мере упорядочения огоньков рядом с Огненным Кругом и шире, в руках и ногах, и до кончиков пальцев, сменилось глубоким сном.

Это гнездо для раненых, этот уголок в Архи-Саду служил не первый раз изгнанникам. Здесь особенно нравилось новичкам. Тем, кому не собраться с мыслями, и просто не по себе. Ну и напоровшимся на тень... Обжили уголок, обустроили. Мягкое, уютное гнездо. Шёлковый ковёр, обложенный валиками. Тонкие ветви кустарника перекидываются над ним, переплетаясь, усеянные по охристой, рыжей коре миниатюрными жёлтыми цветками. Два нижних лепестка длинные, три верхних — закрученные. Отцветая, они не теряли формы, бледнели через белый до светло-голубого и сухими опадали вниз. Амарант предположил однажды, сверившись с толстенным, рыхлым томом древнего определителя, что аромат их, возможно, целебен. Поверили охотно, как и во всё хорошее, изгнанникам хватает плохих известий. Поверили, постановили так и считать. К тому же, сухие цветки проявляли свой запах ещё сильней, их заваривать пить — удовольствие.

За Оливом присматривали. В полглаза. Нет, в целых четыре глаза! Считай, ни одного.

Очнувшись, вынырнув из томительной, тягучей и цепкой тяжести сна, Олив увидел сквозь гибкие ветки, сквозь жёлтые, разбавленные голубыми цветы, усыпанный ими же, Господина Сому. Невдалеке. К раскидистому дереву прислонясь, вытянув ноги, обнимая До-До, перед ним и собой он держал альбом или тонкую книжку. Между руками и книгой у него на груди лежала кудрявая голова и смотрела в разворот с видом умного попугая. Господин Сома то сдувал его кудряшки в сторону, то приглаживал. До-До учился читать. Не особо получалось... Судя по увиденному, можно предположить, что обоих процесс привлекал больше результата. Низкая, ровная трава полянки, кое-где колоски, метёлочки. Трава — новшество, до последнего времени на континенте была, помимо странных прибрежных цветов, только сухая, жёсткая, дикая...

Справедливости ради надо сказать, что некоторым полудроидам письменный язык даётся в самом деле с трудом. Их голоса напевны, восприятие цельно, а тут надо разделять на слога, на буквы... Не каждый, подобно Соль, имеет достаточно сообразительности и страстного желания, чтобы освоить скоропись за день. Во всяком случае, за неделю До-До и не приблизился к её рекорду!

Олив сел на ковре. Бледно-зелёной, слабой рукой погладил шёлкового тигра, ловящего жёлтую луну. Облокотился на валик и утонул в нём, мягкий очень. Не заметили. Куда там...

— Центр материка преобразился, Господин Сома... — негромко сказал он. — Я правильно определил где мы?

— Всё меняется! — Сома захлопнул альбом, кивнул, улыбнувшись. — Приветствую.

— Меняется, да... Кажется, с наивным грабителем вы имели некоторую неприязнь? Насколько помню, цену трёх похищений я назначил, а ты заплатил мне...

До-До потянулся и неохотно пересел, опережая с ответом:

— Господин Сома — человек крайностей!

— Да ну? Не был замечен. До сих, удивительных, времён мы с ним дожили благодаря иным свойствам характера... А юноша сердится на меня?

— Нет, — совершенно серьёзно ответил До-До в третьем лице про себя. — Юноше страшно подумать, что твоя, Олив, охота тогда не удалась бы, иначе обернулась...

— Хорошая новость. Количество моих врагов уже зашкаливает. Почему я здесь?

Сома вращал альбом на уголках, на подушечках пальцев, задумчиво...

— Нет, — ответил он сразу, как хищник хищнику, на подоплёку вопроса, — подвоха нет. Конкретной причины тоже. Отдыхай. Так сходу не объяснить...

Глава 31

Глава 31.

Ночь покидала Горькие Холмы вместе с последними обрывками тёмного тумана низин. Порыв ветра бросил в лицо Густаву из долины их знобкий, солоноватый холодок. Наготове. Как только тропа станет различимой, чтобы не потерять и минуты времени. Трусом он не был, но расчётлив был в высшей степени. Предстоящий путь лишал Густава главной страховки любого хозяина, возможности поставить пирамидку, шатёр и ускользнуть в Собственный Мир. Где скрываются под этой зыбкой, соляной, волнами ходящей почвой вершины скал, островки твёрдой земли, неведомо. Значит, с ним лишь Чёрный Дракон и удача. Хан-Марик, как телохранитель, был отвергнут. Зачем он тут? И как вернётся? А там, по удачном возвращении будет ещё полезен.

Перед тем, как в должной мере рассвело, облачные миры над долиной разделились слоями. Верхний отдалился. Слился, потемнел до синего. Пасмурное утро... Начал моросить мелкий дождь сквозь кучевые, светлый облачка. Дождь над континентом... Редкость. Не раньше, не позже. И без него земля скользкая, маслянисто-солёная, хорошенькое начало. Размытым, золотистым лучиком провело небо по Горьким Холмам у самого горизонта. Густав скатился по отрогу вниз и начал путь.

Земля дико скользкая, следы Пса едва видны. Вдалеке видны, запомнил где, туда идёшь. Правда, под ногой очевидны — хрустят по-другому. Порывы слабого ветра то в лицо, то в спину, не перестают. И Впечатления дождя под стать ветру, непостоянные, лёгкие: мост невообразимой длины, мост на остров. Мост-причал. Корабли и лодочки, и самолёты, садящиеся на воду. Слова на незнакомом языке, обрывки восклицаний, встреч и прощаний, прощаний и встреч... Много чаек, их крики. Образы отдалились, однообразные, Густав перестал обращать внимание на них. Дождь и не думал прекращаться.

Настолько быстро, насколько мог бежать, идти и скользить, не теряя тропу, Густав продвигался к цели. Соль похрустывала под ногами мелким скрипом, шаг в сторону, и слышен более грубый треск. Видел, где Пёс отталкивался перед прыжком, до туда бежал, не прислушиваясь к тропе под ногами. Покачивалась земля. Едва заметно, и так неприятно. Как тревога, которая только копится, но не отступает. Густав понял почему "горькие" холмы. Солёные они издали, первые часы пути. Затем в горле, в носу, в груди, в каждом вдохе, чистая, эталонная горечь. И как тревога от неверной земли, с каждым глотком воздуха прибывает. Спешка, помноженная на монотонность пейзажа, производила странный, гипнотический эффект. А может, горечь воздуха, испарения морских, Свободных Впечатлений сквозь маслянистую соль? Густав дремал на ходу. И ещё дождик... Кроме слуха и ног, он ушёл весь воспоминания. Причём не в "горькие", чего можно бы ожидать, не в отдалённые, важные для него, а обычные, последних дней, прожитых рассеяно, с понятной тревогой. Предыдущие сутки всплывали, как Впечатления, подробно, отчётливо.

Густав провёл их на рынке, шатаясь без цели. К вечеру игра. Гай продул, попавшись на пирамидку Злотого. Но Махараджа выкупил его. За дверной, гулкий колокол победителю, плюс угощение для всех. Махараджа добрый. Непредсказуемый слегка.

Но в данном случае, от Гая ему что-то надо, общие дела. Густав слышал обрывок их разговора. Гай отвечал, что быстрей по-любому не выйдет, пока он не сделает в Собственном Мире или не найдёт полный набор требуемого. А без Лала, не о чем говорить. Только пробы,

прикидки... Интересно. Гай надолго, в отличие от других хищников Южного пропадал в Собственном Мире, не тяготился пребыванием там? И надолго же мог исчезать на рынках вроде Техно. Он занимался Механикой. Всякие измерительные штуки, соединительные, считывающие, расчленяющие на детали, на вещества. И просто — пилы, молоточки, отвёртки, увеличительные стёкла, книги про внутреннее устройство рукотворных, древних артефактов, это всё его. Гай держался холодно и просто, одевался небрежно. Но он был богат покровительством Махараджи.

Ведь почему так дороги механизмы, особенно скрытая механика? Их нельзя сотворить, если видел только снаружи. Необходимо разобрать или прочесть, узнать изнутри. А далеко не всякий чертёж прост и понятен, как последовательно раскрывающаяся голограмма. Чем дальше в прошлое, в эпохи до дроидов, тем сложней читать чертежи. И механика простая, а воспроизвести её трудней, чем скрытую. И в целый механизм не превратить похищенного. Частями из многих людей надо собирать в Собственном Мире... Как проклятую колоду.

Поскольку Марик увлёкся тем же, но лишь в качестве коллекционера, после игры они разговорились с Гаем. Хан-Марик спросил, что тот не смог разыскать. И одна вещь нашлась у него, тиски, считывающие и сообщающие. Предложил. Как всегда за серебро и золото. Гай так энергично закивал, что Махараджа пожал плечами и согласился. Вместе отправились в шатёр-тайник Марика, на задворках много таких. И грабежи случаются... Ну, и ловушки, конечно!.. За тиски Марику достался высокий гранёный цилиндр с хлопьями золота. Переворачиваешь, и они медленно планируют на дно. Махараджа и Гай ушли. Сделка ко взаимному удовольствию.

Хан-Марик немедленно разбил цилиндр над широкой миской. Полутёмный шатёр наполнился золотой взвесью... Густав отшагнул, сторонясь снегопада блёсток. Собирался идти, не понял, зачем Марик и звал его, глядеть на чужую сделку? Но тот остановил:

— Нет, нет, подожди! Оно быстро осядет. Хочу замутить одну штуку. Буро научил.

Из попавших в чашу блёсток, плеснув воды, добавив чего-то подозрительно летучего, стремительно испаряющегося с дымком в ультрамариново-синем флаконе, Хан-Марик живо смешал прозрачный, густой гель. Перелил и до крепости взбил в стеклянном тюльпане бокала. "Разбогател Марик... Живенько, молодец". Вот только присесть негде. Из-за кривобокой, ломаной ширмы Хан-Марик выволок чёрную шкуру, лохматую, длинная шерсть жёстче дикой травы сухого сезона. Себе налил связное Впечатление. Бросил в него одну ложку приготовленного. Остальное вместе с ложкой протянул Густаву. И ещё сверху припорошил серебром, от души так...

— Это тебе. Попробуй! Там тень, но она не ядовитая. То есть, не злая, распадается за день.

— Марик, — отозвался Густав, тронутый немного, — я человек и металла не ем.

— Попробуй! Биг-Буро научил меня. Тень съедает металл, а человек — тень...

Густав потрогал совсем несъедобный на вид гель серебряной ложечкой. Зачерпнул... Хан-Марик налил и для него связное простое Впечатление-фантазию, маленькие человечки в колпаках словно дрова складывают самоцветы. Сиреневые и голубые колокольчики склоняются над ними, лето, утренняя роса на былинках, на бархатном мху... Простое, но роскошное Впечатление. "Марик, Марик..." Густав поднял, разглядывая, горку невесомого золота на ложечке и положил в рот... Хитрая смесь Свободных, связных Впечатлений, золота, серебра и тени взорвалась кислыми пузырьками во рту! Мир стал очень яркий... И быстрый!.. Огненный Круг, ускорившийся, подскакивающий в груди, как волчок на щербатой столешнице... Яркий, понятный, пригодный для жизни мир, не как минуту назад... Тёмный шатёр, сияние пирамидки, серые, смеющиеся глаза Хан-Марика... И так же резко замедлился. Стал тягучим, сладким и

тоже пригодным: полумрак шатра, свет пирамидки, чистый, доверчивый взгляд Хан-Марика... Угощение было подобно аттракциону, катанию на горках, резкий взлёт и плавный спуск. С одной особенностью: ложка из любопытства, вторая для удивления, последующие — чистое вожделение. "Буро, говоришь, научил?.. Ну-ну..."

— Марик, здесь много!

— Не беспокойся, тень распадётся вся сразу. Я пробовал, проверял на себе.

— Всё равно, бери тоже.

Густав протянул ему ложку, но Хан-Марик наклонился и слизнул так, подцепив блёстку на нос. Усмехнулся. Запил Впечатлением...

Ночь промелькнула мимо них. Пошатнувшись, Густав вышел за полог. Пора.

— Ничего так штука? — спросил Марик.

— Спасибо, — ответил Густав. — Гут, гут...

Стёр блёстку с его носа, первый ласковый жест за многие годы, кивнул и скрылся в рядах. Светает. Надо время пересечь рынок, а там уж на Белом Драконе не далеко до Горьких Холмов.

Стемнело внезапно. Или он вдруг заметил, очнулся. Неужели так устал, он, полудроид? Возможно, снова проявляется действие Горьких Холмов. День воспоминаний о предыдущем дне не мог выпить из него все силы. Это солёная горечь воздуха, размеренный хруст шагов. Сумерки, пора следить за пейзажем. Искать пересекающий след. Теперь Густав шел медленно, тяжело, как по песку, по мелководью. "Не наступать на перекати-поле", — твёрдо запомнил он. "Внутри тени и ловушки, яд и механика. Наступишь — пеняй на себя..." Неужто уже туман? Гости из моря полезли уже на сушу там, за спиной? Да...

Чёрный Дракон время от времени начал проявляться, далеко от Густава. Но явно он не холмами любовался.

Как же трудно идти... Как тяжело. И темно. Наползающие хлопья тумана принесли огоньки дроидов, тоска чуть отступила. Всё-таки свет и человек, полудроид и огоньки дроидов имеют непреходящее сродство. Густав подумал, что должно быть и на океанском дне, уму невообразимое чудовище радуется светлячку, вспоминает хоть шкурой чешуйчатой, хоть на мгновение солнце в Собственном мире...

Грустный тонкий свист примешался к ветру. "Как же я разгляжу, и возможно ли разглядеть их, чужие следы в такой темноте? Пирамидку ещё может быть... Русло соляной реки там, или она, тропа Морской Собаки?" Густав спешил, а его ноги — нет. С досады он пнул шар перекати-поля... Чертыхнулся, схваченный за щиколотку... Похолодел... Обмер. И остался стоять на острие торговой пирамидки... "Кто знает, где тут островки твёрдой земли?.." Некоторые знают... Вот и всё. Финиш. Тьма. Туман.

— Просто, да?.. — спросила Мадлен.

На Белом Драконе она сидела по-дамски, боком. И тени с земли не нападали, не замечали, видимо, её... Да, Густав недооценил галло.

Мадлен облетела его кругом, пропала в тумане. "Низко, совсем низко летает, потому и не видят!.." Нет, Густав ошибся, ловушки увидели бы белизну крыльев, учуяли ветер взметаемый ими, ветер от дроида. Дракон Мадлен действительно с этой целью низко летел, но ещё был опутан серой накидкой. Как сбруей, какую делают для красоты, он был покрыт сливающейся со мраком накидкой, пеленой. Переменчивой, как туман, пахнущей туманом. Нет белизны, рассеивается ветер от крыльев. Начёт твёрдой земли... Мадлен, конечно, хитра, но не настолько,

чтобы знать гиблый, непостоянный ландшафт и его подземные тайны. О таком осведомлены бывают только местные, только Чудовища Моря. С холодной ненавистью она оглядела грабителя, прежде чем покинуть на время. То была не её чёртова пирамидка...

По крайней мере, ловушка спасала от теней. Какие-то змеи с клювами... С пастью до середины туловища... Какие-то равные тряпки... С глазами... С бахромой вместо ног... Произносящие разными голосами обрывки фраз... Без смысла и связи... Имитирующие?.. Повторяющие?.. Густав содрогнулся, когда невинный, казалось бы, куст, хотя, откуда бы ему тут взяться, приблизился, с лязгом металла раскрыл багровые глаза... И уронил их на маслянисто-поблёскивающую землю! Глаза покатились, следом подобные же глаза... И те покатились, и число их возрастало лавиной, пока не запламенело вокруг, не залязгало, не пошло волнами!..

От тихого хлопка ладоней они взорвались разом. Опали брызгами чёрной слизи. Сгинули, как не бывало.

Единственная подруга Женщины в Красном... Фаворитка Мадлен. Единственная, кого та разыскивала даже на дне морском, после катастрофы. О, как выгодно оказалось ей возобновлённое знакомство, дружба. Но искала не оттого... Восходящей помнила её. Помнила начатые и стёртые ею эскизы. Каждый. Свои, себя Восходящую Мадлен не любила вспоминать. А от тех, чужих эскизов веяло теплом дроида, весной надежд, полным букетом, без исключения вручаемым дроидами Восходящим. Мадлен любила в подруге будущее, вечное будущее, так и не наступившее для них. Ни для галло, ни для наводящей ужас хищницы моря. Подруги на драконах выплыли из тумана. Они не смотрели на Густава. И не говорили о нём. Мадлен повернулась в профиль, потом другой стороной. Блеснула, покачнулась капелька серьги.

— Видишь? Такую. Потеряла где-то...

Женщина в Красном кивнула. Она и не в красном вовсе. Многослойное, тонких, сетчатых тканей платье цвета прошлогодней листвы, тёмное, бурое, ржавое.

Густав видел перед собой легенду. Он смотрел на ту, которую, и не встречав, узнали бы... А большинство встречает один в жизни раз. Мурена действительно походила на неё острыми чертами. Но она эффектна, шустра и весела. У Женщины в Красном лицо суше, чеканней. Невыразительное и суровое, если бы не глаза... Странные для полудроида, с лучиками-стрелками, такие рисуют мимы на Мелоди... Сощуренные. Здесь что ли светло?.. Их холод освещался такой пронзительной грустью, такой безнадёжной, не скрывающейся, тысячелетней грустью... Они озаряли её лицо. Смягчали. Она была красива, попросту говоря, той именно, подлинной красотой, которая непонятно в чём... Во всём. Очень красива. И бурое, ржавое платье во многих складках при движении озарялось красным огнём. Возможно, и не платье, а плащ. Под ним шёлковое платье, алое. "Она похожа на догоревший костёр... — подумал Густав, — на красные угли под золой, которым уже не вспыхнуть. Как бы ветер ни дул..." Точно... Уловил самую суть.

Обсудив будущее Густава в виде утерянной серьги, они продолжали шептаться о чем-то, обнявшись, любуясь друг дружкой, виделись редко.

— Я должна, Мадлен, — сказала Женщина в Красном и отлетела в сторону на расстояние драконьего корпуса.

Белый Дракон её был призрачен, полупрозрачен и, никогда Густав не видел подобного, дроид пренебрегал двигать крыльями, летел, раскинув их, задумчиво наклонив скуластую голову ящера, плыл в тумане... Это не дракон. Всадница раскрыла ладони перед лицом, словно книгу, как делал и Бест. Заглянула в них. Да, она тоже, хищница, господствовала над первой расой... Она тоже создала когда-то новое, не существовавшее прежде. Что сотворила, кто

знает?.. Давно. Это её тайна... Получив всё причитающееся. Благое и обуславливающее. Для кого как. Одно дело — для изгнанника, преисполненного беспокойства за обделённых судьбой, нежности к ним. Другое — для морской хищницы. Но нет пути назад. Не хочешь, не смотри в глаза первой расе, но тогда, и не удивляйся... Молча, она глядела в свои ладони. Затем подняла взгляд.

— Увы, — тихо сказала она Мадлен, Густав не слышал их. — Не отказываюсь!.. Милая, я сделаю, как хочешь, только вот после...

— Что ты!.. Пустяки, я совсем не настаиваю! Забудь и не огорчайся, Котиничка. А что там?..

— У маленького подонка есть покровитель... Знаешь, бывают такие линии Фортуны, что лишь разветвляются, не сходясь обратно. И если вступить на неё... Не надо вступать, подожди лучше! Маленький подонок удаляется по развилкам, нам не нужно туда. Я за тебя, собственно... О тебе! Прости...

Она вынула очень похожие на серьгу Мадлен капельки серёг из своих ушей и протянула:

— Возьми, если тебя утешит...

Мадлен весело и тепло рассмеялась.

— Милая Коти, дело, небо и море, не в серьгах!..

— Ты же скрытничаешь! Если он оскорбил или ограбил тебя, я отомщу. Любым способом! Сам по себе не впечатляет, всякой пакости полно на свете. Видала и покрупней...

— Не меня... Нас. Рынок Гала-Галло слегка ограбил... Линии Фортуны? Грабёж Галло — Гарольд — точно, точно... По одной линии до развилки он должен дойти. Пусть идёт! — соображала Мадлен деловито по контрасту с меланхолией подруги. — Котиничка, не печалься. Всё правильно, отпускай его.

Белые их Драконы удалились в туман, когда непарная серёжка Мадлен вылетела из него, брошенная рукой морской хищницы, в Густава, попала по щеке. Пирамидка динькнула. Он был свободен.

Тьма. Хищные тени возвращаются к месту, откуда улетела та, которой опасается даже безмозглая тень... Река тумана расползается надвое, встретившись с искомым, вторым следом Морской Собаки. Там, в ложбине, в двух шагах перед Густавом, на маслянистой, солёной земле разлит корень Впечатления Гарольда. Но надо ещё пройти их. Пробежать. Суметь.

Две коротких дистанции. В ложбину, зачерпнуть, влево на холм, к призрачному, едва различимому в тумане шатру. Тихий свист артефакта долетает оттуда. Или всё правда про Чарито, или охотник за Впечатлением пропал. О только что начавшейся и завершившейся встрече Густав не думал, времени нет. Ринулся вниз, поскользнувшись, катился по слону. Большой, мощный Чёрный Дракон скатился прежде него... Разворачиваясь, хвостом разбивая чьи-то кожистые крылья, многоязыкую пасть между ними. Густав летел вниз между шаров перекати-поля и чувствовал их холодное, напряжённое внимание. Вращение зрачка, луч пристального внимания по касательной к нему, устремлённый вверх. Старался не задеть, не раздавить. Точно, на Белом Дракон сбежать нельзя. И ведь все разные! Круглый оранжевый глаз светится, вращается под сплетением сухих ветвей и водорослей, падая, неизменно смотрит в небо. Проводит по нему веером луча, складывает, втягивает, чтобы выстрелом, тонкой стрелой пальнуть и раскрыть снова... Телохранитель безукоризненно выполнял свою работу. Густав как никогда оценил преимущество быть чистым хозяином. Ни раны, ни царапины, ни яда, ни единого ожога не оказалось на нём, когда поднялся на ноги.

Он стоял на хрустящих пиках, столбиках соли. В основании их плескалась вода,

поблёскивала. Осторожно, в данный момент не спеша, он взял припасённую двустворчатую раковину-медальон за крышку, нижней частью зачерпнул воды Впечатления и захлопнул. Ещё одно... Притянутые к нему клубки... Самый маленький и самый твёрдый на вид из клубков перекати-поля он сунул в карман, для Шершня. Теперь всё. Теперь наверх...

Дракон вился кругами. Кого отгоняет, сколько разбивает в слизь, Густав не видел. Дважды соскользнул на дно ложбины по скользкому склону холма... Никак. Ноги не чувствуют. От соли? От усталости? Рукам не во что вцепиться. На третий раз дополз. Выпрямился. Тонкое марево шатра. Пирамидка освещает поющий, из трубок сложенный кубик на ней... "О небо и море... Чего жду?.. Хорошее место встать и стоять столбом!" Густав скрипнул зубами. Не ожидал от себя... Насколько же это было против его природы, спасаться, бежать таким способом, схватившись за невидимую руку! Хуже чем образины извращённых тварей в тумане! Даже если риска нет... Он предпочёл бы ждать до утра и уйти своими ногами! Из последних сил, из которых, уже нет, но самому... Хриплый рёв дроида за спиной подтолкнул к единственно правильному решению.

Серебрящаяся при движении, желтобрюхая змея, выползая по склону из тумана была так длинна, что его Чёрный Дракон, обвитый её кольцами, боролся далеко внизу, а её плоская голова кобры, с крестовыми прорезями зрачков в янтарных глазах покачивалась на уровне лица... Облизнулась. Вместо раздувающегося капюшона подняла две белые, человеческие руки... Они оторвались и в тумане поплыли, расширяя и расширяя ладони... Густав тронул кубик Чарито.

Недолго пришлось ему ждать.

Умная кобра, фыркнув, исчезла. Дроид тоже пропал. Кубик продолжал петь, упав на землю, тонким, протяжным свистом... Свет от распахнутых крыльев Белого Дракона пролился над головой. Неодолимая сила хозяина оторвала его от пирамидки, увлекла за запястье в коротком, спасительном полёте.

Чужой Собственный Мир...

В любом случае испытание для гостя. Некоторый переворот. Откровение. Для Густава — первое. Он гостил в мирах лишь Восходящим. С тех пор переродился.

Ненависть имеет огромную силу. Направленную против преисполненного ею. Ненависть, как звезда наоборот, лучи собираются в сердце ненавидящего, всё ему чуждо, враждебно, всё его ранит. Ну ладно, бывает холодная ненависть. Тогда — заслоняет, застит глаза. Не только, что перед ней, но и что совершает сама, ненависть не желает видеть, не различает. А облачный мир изнутри... Творение другого, творение друга... Он, как улыбка, обращённая к гостю. Тут не обойтись без движения души: ответить на неё или отвернуться. Придётся выбрать. Придётся сделать усилие, ответить. Предательством, ложью, лживой улыбкой... Легко. Густав не новичок. И всё же... На краткий миг он был ранен. Этим сладким воздухом, без горечи и соли... Этим полукружием восходящего солнца над широкой, плавной рекой, за каскадами ивовых листьев...

Занесённая рука Чарито вернула Густава в привычные ему обстоятельства. Он обнаружил себя стоящим по колено в воде на округлых валунах, опираясь на них руками, как пёс пред прыжком. Хотел выпрямиться, когда заметил угрожающий жест хозяина мира.

— Рук не поднимать, — произнёс тот и дёрнул подбородком. — Ясно?

— Вполне.

— Переговорим для начала так. Хорошим людям ни к чему Впечатление Гарольда.

В этот момент Густав заметил, что свет, бегущий по водной глади, текущий от восхода, и в самом деле — течёт... Светлым золотом пропитались рукава. Оно промочило ткань и немедленно высыхало кругами, разводами... "Кое-кто был бы счастлив здесь..." Настоящий галло, Густав брезгливо дёрнулся: сам в воде, рукава в золоте, как у Хан-Марика, это золото прямо преследует его!.. Солнце поднялось над горизонтом, блеснули тёмные валуны под водой, насквозь вместе с нею просвеченные... Черепа!.. Стеклянные, хрустальные, из драгоценных и обычных камней, прозрачные, полосатые, слоистые, совсем не прозрачные... Густав опирался на два: цвета жжёного сахара, тёмно-янтарный и на бесцветный, прозрачный, большой. Янтарно-коричневый смотрел на него пустыми глазницами. Стеклянный — на восход. Примечательная речка... Не вдруг забудешь.

Закутанный от стоп до глаз по обычаю первого, до катастрофы процветавшего, Южного Рынка, хозяин мира разглядывал гостя полулёжа на объёмном, корявом стволе ивы, склонившейся низко над течением.

— Из скольких ты сотворил такое стильное дно? — спросил Густав, без рук, кивая на черепа.

Глаза Чарито сузились:

— Стольким, — процедил хозяин, — хватило ума вылить здесь Впечатление, добытое среди Горьких Холмов... Склянки из-под него они превратили в черепа. Мне на память.

— Можно встать? — спросил Густав. — У меня лично ума хватит, на то чтобы не пытаться испортить твой мир.

— Валяй, медленно. Куда уж его дальше портить... Но запомни, я не люблю резких движений.

Густав выпрямился. Заметил на дне, среди крупных, один с кулак размером малахитовый череп, скалящийся яркими белыми зубами. Поднял...

— Весёлый какой...

— Они всё тут у меня весёлые. Они приняли верное решение, нет причины грустить! Интуиция подсказывает, ты не из их числа.

Рука указала на гнёзда в ветвях, сплетённые в виде капель, выше и ниже над водой:

— Забирайся. Ты не выйдешь раньше полудня. Течение не позволит. Потом река поменяет направление. На рассвете она течёт от солнца, вечером к закату, там и выход.

Течение стало сильное, да. Густав добрёл к ближайшему гнезду. Подтянулся.

Мягкая подстилка на круглом, плоском дне. Одной трети стены нет. Сквозь переплетенье веток отлично видно всё снаружи. Уютно. Даже слишком. "Не спать!.." — Приказал себе Густав. "Лучше разговори его. Никогда не знаешь, что на охоте пригодится".

Его самого тоже надеялись разговорить:

— Ты галло? Пытаешься заслужить право стать им?

— Нет.

— Нет? Я же вижу, ты — галло. Либо идиот, если тебе лично понадобился Гарольд.

Густав не стал спорить. Перевёл тему:

— Хозяин мира, если ты по ведомым лишь тебе причинам, столь негативно относишься к Впечатлению древнего чудовища, почему не отнимешь силой? Как владыка, под угрозой превращения? И зачем вообще помогать таким, вроде меня, приходящим на Горькие Холмы?

— Ты не ответил.

— Я собираю проклятую колоду, — признался Густав, глядя, как хозяин с тоской закатывает глаза и хмурится больше прежнего.

— Твоё имя?..

— Гутка, — назвался он первым прозвищем, не облагороженным ещё до Густава.

— Чарито. Я помогаю вам, искупая свою вину. Обещание дроидам. Это запретное Впечатление. Они желали уничтожить его. Вышел промах. А не отнимаю угрозами, галло, от того, что нельзя недроидскими методами исполнять намерения дроидов. И не должно лгать в благом. Я не причиню вреда гостю. Нет настолько запретных Впечатлений, до абсурда... Так что... Ты можешь безбоязненно портить этот мир дальше!.. Самое большее, я смогу дотащить тебя за шкирку до рамы! — Хозяин засмеялся, но сразу перестал, сел ровно на покачнувшемся стволе. — Прислушайся! Я честно говорю тебе, сообщаю честно!.. То что, вижу, набрано у тебя в красивом, бронзовом медальоне, приносит несчастье. Это — запретное Впечатление! Неодобряемое дроидами. Остался только корень, но свойств оно не утратило! Так даже опасней. Корень без ствола и ветвей. Но они вырастут из него! Вырастают в любом заглянувшем! Прояви здравомыслие, вылей его. И сотвори для себя, как гость, что тебе угодно в моём Собственном Мире!.. Сказано. Ты слышал.

— Слышал. Не вылью. Спасибо за совет. Может быть, я могу гостем превратить что-нибудь для тебя, в благодарность...

— Предсказуемо. Тихо посиди до полудня, лучшая благодарность.

— Возьми...

Густав вытащил из внутреннего кармана куртки помятый шёлковый цветок, доставшийся ему в Гала-Галло. Опустил, поднял над ним ладонь, и лепестки расправились, как живые. Без задней мысли. Думал, произвольный, маленький жест.

— Сури!.. — воскликнул хозяин мира, принимая обеими руками, словно драгоценность. — Сури... Как давно не слыхала... Гость, откуда лотос у тебя?!

— По случаю достался, в облачном рынке...

"Ага, — подумал Густав, гут, неплохо. Я знаю ваши имена. Не назначить ли вам встречу, раз так давно вы не виделись, к примеру, на Южном, в общем, к примеру, шатре?.."

— Чарито, — вкрадчиво обратился Густав к закутанной фигуре, к посветлевшим, рассеянным глазам, — извини, если мой вопрос неуместен. По твоему восклицанию... Ты хозяин или хозяйка?

— Я хозяйка.

Чарито убрала ткань с лица. Спрыгнула вниз, поток едва не сносил, и умылась. Вскарабкалась обратно, ловчее гостя, привыкла. Тонкой паутинкой белый рисунок от плеча поднимался на шею: лотос с листьями, ужасно похожий на тот, что держала в руке. Мельком взглянув, Густав отметил предположительно, однако точно, рисунок начинали убирать, но передумали. Очень уж необычен. И видно, дорог хозяйке. Дороже безопасности. Как нанесён? Почему кожа полудроида не заживляет его, подобно ранам и шрамам?.. Чарито усмехнулась Густаву:

— Ненавижу кутаться...

— Так зачем, особенно здесь?

— Мир тесен. Порой на удивление тесен.

— Пожалуй... Насколько я знаю Сури, не коротко, он вряд ли навестит тебя, если знает вход только с Горьких Холмов...

— Гутка, — брови Чарито сошлись к переносице, — конечно, твой шатёр, хищник, лучшее место для встречи старых друзей!..

— Мимо, — Густав не смутился. — Я тоже чистый хозяин.

— Ты хищник либо галло!

— Чарито, не знаю почему, но последнее слышать мне оскорбительно. Если можно, объясни, а ты из-за чего используешь вместо ругательства название этого облачного рынка? Отвечу за себя — один визит... И непреодолимое отвращение.

— Аналогично.

Позднее утро наполнилось птичьим щебетом. Мало-помалу осталась песня единственной птицы, сложная, повторяющаяся не полностью, стрекочущие переливы. Заслушались. Когда смолкла, и близился полдень, разговорились вновь. Об утешении, об утратах...

— Ну и что, — возразила Чарито, — этот мир тоже испорчен, но мне неплохо здесь живётся.

Густав высунулся из плетёного гнезда, огляделся ещё раз. С искренним удивлением. Чарито повела рукой, указывая на купы, полусферы великолепных ив, густые, кружевные. Вокруг плакучие ивы, серебряные, с вытянутыми листами. Вдали зелёные, раскинувшиеся широко, вольготно, до неба.

— Примечаешь, насколько ровные кроны? Это был сад. Для сада задуманные деревья.

Густав возразил:

— Над водой они смотрятся лучше.

— Верно, — засмеялась Чарито, — не комплимент мне, как создателю! Даже коварный гость смог усовершенствовать! А у тебя, что за беда? Похожая или другая?

— Песок.

— Ну да, — кивнула она, — два самых распространённых способа: песок и вода. На них что угодно распадается, рассыпается. Обратно никак. Но знаешь, в твоём случае надежда, хоть условная, есть. Не обязательно уничтожать каждую песчинку. Если вся пустыня завязана на одной. Держится на ней, из неё излучается. Если узнать на какой именно — можно превратить обратно! Если не безумно сделал Множество. В случае с каплями воды — невозможно, они слились, перемешались. Я не смеюсь, конечно, призрачная надежда... Кто вычислит её? Дроид? А тебе тоже сложно выходить через раму?

— Не особенно... — Густав задумался, второй раз удивлённый. — А тебе?

— Ночью свободно, и во второй половине дня. А утром против течения, будь оно посильней, я бы не вышла.

— Ого...

Облачный мир, как ловушка, не приходил ему в голову. Интересная мысль, если мир можно потерять, то почему нельзя в нём и потеряться...

— Ты злой, — неожиданно и бесстрастно сказала Чарито, наблюдавшая за переменами его лица. — Ты здорово злой...

— Если и так, — улыбнулся Густав, — стоит ли убеждать меня избавиться от Впечатления, навлекающего беду?

— ... и здорово глупый, — добавила она.

Солнце встало над их головами.

Густав разглядывал течение. На несколько минут река стала зеркальным озером. Черепа, лежавшие лицами вверх, уставились на него провалами глазниц. Скалились ровными рядами зубов. Казалось, сейчас подмигнут ему. Спросить, а почему именно черепа на память? Не ответит. Как-то само собой разумеется, да и здорово получилось. Густава ждал прощальный

сюрприз, ещё менее ожидаемый, чем такие улыбчивые симпатяги. Но сначала — неприятность.

Наклоняясь, свешиваясь над течением, он услышал хруст в своём кармане. Перекати-поле рассыпалось. Коричневые веточки рассыпались в труху, лишившись за порогом Собственного Мира тысячелетней, поддерживавшей их тени. А подглядывать ему было нельзя, часть уговора. Второстепенная, но все же... Шершень не тот, с кем охота ссориться. Достал из мусора содержимое...

— Осторожней, не на солнце! — воскликнула Чарито, бросив один только взгляд.

Без возражений, Густав повернулся, заслонил плечом от солнечных пятен кулон в виде ящерицы. Тонкой работы, реалистичная до ноготка зелёная ящерица огибала светлый рубин. И то и другое в трещинку, словно битое.

— Не твой? — угадала Чарито и утешила его. — Не бойся, не испортил. Эта штука, чтоб поджигать, вариант искры. Нельзя на солнце, даже под лучом из рамы нельзя разглядывать, обожжёшься.

Густав, признательный за объяснение, кивнул и внимательно разглядел артефакт. По свежему Впечатлению делали, детали безупречны. Жадность, несвойственная ему, поднялась, но не успел Густав сам на себя удивиться, как понял, что это не жадность, а тоскливая злость. На необходимость отдать, снова видеть этих уродов, Чудовищ Морских... Да нет же, и не на это! Уходить надо, — вот на что!.. Просить задержаться?..

Густав открутил пуговицу с внутреннего кармана куртки. Опустил руку над ней, поднял, вспоминая самое изысканное украшение, виденное им. У Махараджи. Кулон того же сочетания цветов, что и этот, с ящерицей. Эмаль. Розовая и яблочно-зелёная листва летит, вихрь листвы на серебряном диске. Причём, неуловимым образом создавалась иллюзия: ветер кружит зелёную листву вправо, розовую — влево... По краю диск тонким ободком огибают капли. Крохотные, ровные, ювелирная точность. Нико считала, дождь, дождинки. Махараджа говорил, слёзы. Он считал этот кулон символом их игры "Против Секундной Стрелки". И символом горя, общей гибели, урагана, срывающего и осеннюю и первую, молодую листву. Обожал, носил попеременно на коротком, по горлу шнурке, и на браслете. Густав воспроизвёл украшение со всей доступной точность, а на память он не жаловался. Вышло хорошо. И протянул Чарито:

— Разреши остаться до вечера. Отдохнуть.

Его вкус был оценён. Чарито приняла подарок.

— Это лишнее. Я обещала дроидам. Оставайся сколько хочешь. Может, передумаешь. Каждая минута шанс.

— Я не передумаю. Извини. Но мне нравится здесь...

Остаток дня промелькнул быстрей, чем хотелось. На том же самом месте, где поднималось из вод, сияло красное полукружие уходящего солнца. И течение, рябь речная убегала в его свет.

— Оставайся сколько желаешь, — повторила Чарито. — Я одиночка, и не в восторге следить за гостями. Но ты не понимаешь, во что впутался.

— Мне пора, — сказал Густав.

И вот второй сюрприз. Никто, ни хищник, ни изгнанник, ни даже Чудовище Морское не забудет совсем, бесповоротно своего дроида. Салон... Холодный дроид второй расы 2-2, глава крупного семейства, объединившего более мелкие, разнообразные весьма. Салон был дроидом Густава Восходящего. И его манок походил на салонный танец. На вальс.

Ускорившееся течение реки, журчание и плеск её приобрели слаженность, ритм, ритмический рисунок: раз-два-три... Густав прислушался: "Дроиды!.. Вальс..."

— Танцуешь его? — спросила Чарито.

— Редко. На Мелоди предпочитают барабаны. А у себя не успел устроить... светский приём.

— Салон? — угадала Чарито.

— Да.

— Потанцуем? Возле рамы чистый песок. Пока течение не ускорилось.

Следуя за хозяйкой мира по мелководью, между валунами радостно скалящихся черепов, Густав оказался у рамы, с трудом различимой за красным, уходящим светом, по щиколотку в стремительной, чистой воде. Раз-два-три, раз-два-три... журчала вода между мраморных шаров при входе, выбегая из-за стволов бездомного мира, целиком ставшего Садом... Раз-два-три... Пока вальсировали, Чарито третий раз повторила:

— Вылей его, глупый гость.

Густав не ответил.

Старинные, древние, парные танцы полудроидами танцуются несколько иначе. И тоже с древних времён. Они вообще-то редки, как редкие артефакты, как цельные Впечатления. Непопулярны. На Мелоди придумывают вольготные, с прыжками, переворотами, одиночные или в большом кругу. А медленные, парные... У полудроидов принято так, без объятий: один кладёт руку визави себе на грудь, напротив Огненного Круга и накрывает ладонью. И второй. Правую правой, левую левой. Густав холодный и педантичный уважал историю, точность в обычаях, подлинность. Он обнимал визави, как делали в танце люди эпохи до дроидов. Хорошо танцевал, не разучился.

Чарито мысленно усмехнулась, вспомнив ясно слышимый ей из-под купола шатра разговор двух подруг в тумане Горьких Холмов. "Нет, — подумала она, — ты не права, Котиничка. Он не мелкий подонок, крупный. У него совсем нет сердца". А между тем, лучший охотник Южного, Густав заметил её отрешённость. Расценил, как нежелание указать на ошибку. Переменил положение рук на дроидское. Заставив Чарито ещё раз усмехнуться.

— Не так? — спросил Густав. — Я долгое время провёл в компании хищников. А вот теперь пошла другая полоса, встречаю сплошь хищниц и чистых хозяек.

— Не удивительно, — откликнулась Чарито, — с твоими-то интересами... Проклятая колода связана с запретными Впечатлениями, редкими, а великие редкости хранятся в Гала-Галло. Галло же по происхождению женский клуб, рынок восьми хозяек. Ты не знал?

— Нет. Это кое-что объясняет. Но я там встретил не меньшее число господ.

— Так не суть важно кто — там, важно чьё оно, это там... Время идёт. Не принципиальный момент, кого приглашать. В главном давно разошлись. Я здесь, Мадлен с остальными, Котиничке не повезло...

Течение реки усилилось, шумное.

— Чарито... — поклонился Густав, прощаясь.

— Глупый гость, — наклонила голову Чарито.

Густав ступил на медную раму, позвал дракона из темноты и канул в неё. "Рукава, проклятье! Куртку не мог переделать, точно — глупый гость! Ладно, к чёрту, пусть Марик смеётся. Решит, что я чокнулся, это точно!" Это — завтра. Густав летел в Собственный Мир.

Песок. Мучительный голос дроида. Фонтан за барханами перед домом в них же. Пустое здание. Гулкие комнаты. Густав нашёл угол, где не ощущалось сквозняка. Для верности сел лицом к стене и очень осторожно открыл бронзовый медальон, верхнюю створку раковины.

Мизинцем коснулся влаги... И едва не утратил результат своих рисков и усилий! Решил — яд! Тень, не исчезнувшая по пересечении двух рам!.. "Так не бывает, не должно быть!.. Дроиды, у Олива мы же пили запретные Впечатления, ничего подобного!.. Пальцем притронулся, всего-то!.."

Настолько резко, оглушительно и реалистично Корень Впечатления раскрылся перед ним. Невыносимой явью. Гутав задохнулся, сумел не закрыть глаза, не дёрнуться. Осторожно, как не своей рукой, он захлопнул бронзовую крышку... Гарольд... Один только Гарольд. На то и Корень... Громадный, с ног до головы в звериной, чёрной шерсти. Шкура дыбом стояла на загривке, щетинилась на застивших небо плечах... В стекающих потоках воды, в хлопьях пены. Во тьме ночной видимый, словно днём. Чьи глаза сохранили это Впечатление?.. Из океанской тьмы, из прибоя, перебрасывающегося через скалы, Гарольд поднимался на материк... Разъярённый. С бешенством в оскале, в хрипе, клокотании горла... В кровавых белках глаз. В клыках разинутой до предела пасти. Морда гориллы, разрываемая воем, рычанием... Гориллы... Но длинные бивни, загибаясь, торчали наружу... Это — Гарольд. В малейших подробностях, здорово, да?.. Он выходит на берег. Он вырастает, волной идёт прямо на смотрящего... Если бы только это! Гарольд — впивается бешеными глазами. И если бы только это! Чудовище великих глубин, гудящим, океанским воем оглушительно, страшно... — он зовёт, призывает! С угрозой, с лютой ненавистью... Ветер относит, эхо повторяет клокочущий рёв. Проклиная, он зовёт... Его зовёт! Его видит и его зовёт!!! "Саль-аль-ва-а-до-о-р!.."

Густав походил, сел на паркет, потом лёг. И до утра не мог ни заснуть, ни отдышаться.

Глава 32

Глава 32.

Карту Юбиса Густав получил.

Они расположились на плавучем острове, на мысе его, сбившегося из махагоновых, розоватых, вылинявших снизу, в подводной части, ветвей. Деревья были, кустарники? Кто и почему вышвырнул из Собственного Мира? Не сразу найдёшь, где примоститься, ветки усажены кольцами шипов. Наверное, за то и выброшены. Буруны Великого Моря трепали две одинаковые коричневые куртки, прицепленные между корявых ветвей, выбивая из ткани золото. Ребята стирались, короче. Хан-Марик придумал, Густаву и в голову не приходило.

— А почему ты не сделал карты самостоятельно? Сразу в мире Чарито?

"Вот те раз... А действительно?.."

— Ситуация не располагала. Атмосфера. Давай письмо, Марик. Перечитаю.

С педантичной честностью Морского Чудовища Олив сообщал ему, что, похоже, не стал исключением в ряду собиравших проклятую колоду. Что оставляет эти планы, по крайней мере, на время. Далее Олив писал, как и через кого найти Впечатление Минта. И в чём с ним загвоздка... Густав перечёл вторую часть, покачал головой и спросил задумчиво:

— Скоро играете?

— Сегодня. Когда я приду!.. Присоединишься?

— Почему нет... Надо смотаться за артефактом. Город в Зрачке подойдёт? Фантазийный. Монохромный.

Что-либо "в Зрачке", это тип голограммы, выбрасываемый из основы, рукоятки, "Зрачка". Особенно живо смотрится, если на воду. Выбрасывается залпом, втягивается последовательно, открывая внутренние слои. Бывают исторические, учебные. Бывают в смысле оружия, яркие, чтобы ослепить. Высокой ценности артефакт, сделать его трудно.

— Ставки условлены высокие. Но такое завсегда подойдёт! Покажи до начала.

Густав кивнул.

— Не жаль, потеряешь? — спросил Хан-Марик.

— Не, — качнул головой Густав. — А тебе? Я-то не коллекционер. А ты ставишь, если он не клюнет, невоспроизводимую штуку. Уверен, что этот хитрый инструмент поможет разговорить Гая?

— Если этот не поможет, другой поможет. Велика важность, рисовалка не лучший, а просто самый дорогой артефакт в коллекции. Лучший — шкатулка!..

"Музыкальная шкатулка!.. Конечно: открывается, поёт!.. Марик, Марик..." Густав глянул на него сочувственно:

— Если мне повезёт, выигрыш — твой.

— А если мне... О! Вспомнил!..

Хан-Марик ринулся навстречу волне, окатившей его, и вытащил из кармана куртки престранную для них, полудроидов, вещь... Большие, прямо-таки огромные, ярко-жёлтые очки.

— Смотри! Тоже механика...

Густав на основе Впечатлений весьма смутно помнил что-то подобное. Как обращаться с ним? Марик надел и продемонстрировал ему, покрутив головой, крючки, зацепленные за уши. Заметил гримасу на лице Густава и расхохотался как дроид, заразительным, солнечным смехом. Прокомментировал не менее забавно:

— Телескоп!

Густав только хмыкнул:

— Нет, о, профессор эпохи дроидов! У тебя на ушах совершенно точно не телескоп!

— Густав! Прицепи на свои уши, а потом обзови, как захочешь!

Он повертел очки в руках. Дешёвка, примитивно воссоздано из нечёткого, или слишком быстрого Впечатления. Толстая оправа, гибкая, погнутая, пластик... Жёлтые стёкла, пластиковые тоже, пробиты концентрическими кругами восьмигранных отверстий. Брезгливо Густав одел их, мокрые. Светлей, веселее. Море позеленело перед глазами. Ну, и что? Глянул на небо... И воспарил... То ли от запрокидывания головы срабатывала механика, то ли от продолжительности взгляда, фокусировки его... Небо преобразилось, перевернулось в цвете. Белые купы облачных миров предстали горами скомканной тёмной ваты, малахитовой, иссиня-чёрной, обведённые яркой безграничностью неба за ними, вокруг них. Но шутка в другом.

Они расступались, раздвигались, и свет непрерывно рос. Создавал сладкое предвкушение, что нахлынет, заполонит всё-всё! Что еще немного и вылетишь на простор!.. Само по себе переживание такого мнимого полёта ставило неприглядный артефакт в высшую ценовую категорию. Марик толкнул его в плечо:

— Слышь, глазами не двигай...

Густав послушался и нарастающий свет остановился. Купы туч пребывали. Даже сблизились, сомкнулись. Но они, они... Сквозь них... Плыли созвездия. Дотягивались лучами, проводили по векам... Перевёл взгляд — и полёт начинается снова. Густав сосредоточился и попытался смотреть ровно в центр. Лучи закрывают веки... Они тёплые. В самом деле!.. "А дальше?.." правильно предположил. Ещё грань, последняя. Сквозь сомкнутые веки, сквозь груды тёмных облаков, между ними и созвездиями, кружились Белые Драконы... Кувыркались без всадников. Ещё бессмертные, ещё ничейные, между звёздами и судьбой... Густав снял очки:

— Ух!..

— Телескоп?!

— Только не говори мне, что это — реальность!

— Не говорю. Это механика, в них, не снаружи. Но выглядит здорово!

— И откуда?

— А, один из этих поганцев, надеялся умаслить Махараджу, ха! Я выкупил у него. Предатель ждёт сейчас. Нас с тобой. Достаю куртки?

Морские волны освободили от золота рукава полностью и совершенно. Марик вздохнул, разглядывая. Густав остался доволен.

В полёте, сначала к Собственному Миру Густава, затем обратно на континент ветер высушил одежду. В шатре начиналась безнадёжная для одного, злая игра Против Секундной Стрелки. Никто не рисковал, помимо него, собой, лишь ставками. Вариант казни, если прямо сказать. Обидчик, враг всей группы или предатель служил волчком подобной рулетки. Предатель, как сейчас. Тот, кто устроил охоту не снаружи для своих и не внутри группы, а изнутри вовне, в пользу чужих. Обречённый. Не имел права решить его судьбу в лучшую сторону и победитель. Такая игра. И Густав принимал в ней участие.

Глава 33

Глава 33.

Махараджа сделался хищником пять тысячелетий назад в результате банальной драки.

Существует много раскаявшихся хищников, невольных, случайных. Он оказался другой породы. Пренебрегавший кулачными драками, безопасными, популярными тогда, он был силён в борьбе, развлечении опасном и серьёзном. Причём и в шатрах силён и, впоследствии, на драконах. Кулачные поединки как правило дружеские, не на силу, а на скорость и ловкость, с символическими призами. В них даже не всегда вмешивались Чёрные Драконы, зная своих подопечных. Борцы же соревновались за дорогие вещи, специфическим кругом, в присутствии арбитра или двоих друзей, помимо зрителей. Ни слабых, ни бедных среди них не было. Хищники с хищниками — где угодно. Если участвовал чистый хозяин, то в торговых шатрах, чтобы без телохранителя.

Так Махараджа и приобрёл своё прозвище, став баснословно богат, присоединив к сокровищам Собственного Мира плоды борцовских побед, силы и удачи.

А тот парень... Он не желал поединка с ним. Не заинтересован. Он был из другой компании, лидер в ней, хищник уже, Озария — таким именем его называли, от молнии, зарницы, он был стремителен и одевался в светлое. Всё в нём бесило Махараджу. Особенно отказ от поединка, нежелание делать призом за него хоть один Лал. Артефакт, драгоценность и инструмент, рубин непревзойдённого красного цвета, и совершенно определённой огранки. А имел несколько. Из тайника Бутон-биг-Надира, распроданного им и купленного Озарией целиком, за исключением оливок, теней во Впечатлениях, они разошлись по рынку. Не опасные, морочащие, как та, которой угощал Густава Хан-Марик. Лалы ходили тогда в цену: за штуку — полная тематическая коллекция скрытой механики без чертежей, невоспроизводимой. Ну, как ходили... Не ходили, считались. Ими, как и живыми артефактами никто в открытую не торговал. Махараджа давно охотился за таким. У него были малиновые, мелкие, один бледно-розовый, крупный. Но они и называются обыкновенно, рубинами. Не то...

Раджа добивался этого поединка, и повышая ставку со своей стороны, и провоцируя, а добился драки без приза, без арбитра, в небе. Озария не тот, кого можно было задирать.

По факту... Махараджа был трижды не прав: он первый напал — раз, против хищника, лишённого телохранителя — два, из жадности и неприязни — три. Закономерно превратившись в хищника. Тогда уже формировались борцовские школы с ограничениями и принципами. Конечно, он не рассчитывал задушить. Его Чёрный Дракон давно исчез уже, он мог обратить внимание и отпустить парня. Ослабить захват. Он ждал предложения откупа. Не дождался. Озария выскользнул из кольца его рук внезапно, сквозь белую спину ездового дракона. Но такого не может быть... Он начал падать. И дроид, Белый Дракон не ловил его... Проклятье! Огромная белая морда величиной с небо смотрела на Махараджу и в зрачках её он видел себя. Пикирующим, поймать! Напрасно. Поздно. Тело растаяло в полёте, распалось на огоньки дроидов, так и не коснувшись волн, вместе с белыми, шёлковыми одеждами, ужасающе прекрасное. Там же в полёте, в небесах глава Дом забрал его Огненный Круг...

Махараджу на годы вперёд, на тысячелетия ранило это зрелище. Он испугался. Возненавидел сияющего владыку на непроглядном троне. Обратил на него ужас безвозвратной ошибки, гнев, который долен был обратить на себя. И страх. Страх смерти, понимание неизбежности того дня, когда и его Огненный Круг заберёт этот дроид, страшный дроид,

неотвратимыми сияющими руками... Тогда бы уж бы бросил борьбу!.. Но нет, тут гордость, а то — иррациональный страх.

Про дроидов, про жизнь и смерть, что причина, что следствие, в общем, всё, что можно понять превратно, так именно Махараджа и понял. Если бы вскоре не встретил Нико, любимую, долго бы не протянул. Просто, внутри это страх, а снаружи — тяготение к ужасающему и неизбежному. Встретил, утихомирился, остепенился. Мысли о самоубийстве, о несовершенстве мира, и облачных миров, и тел полудроидов не оставляли его. Но, по крайней мере, теперь они стали только рассуждениями и мечтами. И спонсированием Гая, покровительством этому технарю.

Нико, чистая хозяйка... Благодаря статусу чистой хозяйки несправедливое, ничем более не подтверждаемое подозрение пало на неё в их компании, игроков Против Секундной стрелки. Среди хищников такое подозрение — не упрёк. Они считали, не просто так она проводит дни на Южном и на игровых рынках. Что, возможно, не Махараджа, но кто-то из них, потеряв бдительность, согласится по доброй воле зайти в её Собственный Мир и станет живым артефактом. Считали, она хочет не продешевить за Чёрного Дракона, остаётся чистой хозяйкой потому что ждёт, караулит. Нико знала об их подозрениях. Смеялась. Дразнила. Зазывала к себе. Но правда состояла в том, что хищники не ходят в гости... И Махараджа. И он... Нет, он не подозревал её в коварстве. И не объяснял. По тому — что!.. Тысячу раз безрезультатно Нико напрашивалась гостьей к нему. Тоже мимо. Не мог решиться, тут есть некоторая неизбежная зеркальность. Нет. Что ж, они проводили время на Южном, на драконах, на Мелоди-Рынке.

С давнего времени Махараджа был одержим идеей создания вручную, самостоятельно, без помощи дроидов какой-то замены Огненного Круга. Эволюция наоборот. Где жизнь поддерживает дроид, должен быть поставлен артефакт, неодушевлённый источник энергии. Бессмертный, проклятие! Да — неисчерпаемый, бессмертный! Люди всех эпох не того же хотят?! Махараджа — борец, лучший среди хищников, первый среди равных, — так понимал, так чувствовал. И при этом — ничто, один из миллиардов — для дроидов, совершеннейшее ничто, так чувствовал. Он желал полной независимости. Мечтал уничтожить, не дожидаясь срока, опору жизни в груди и заменить на нейтральную, принадлежащую лишь ему. Или погибнуть, но попробовать.

Незадача, технарём-то, ни в каком смысле Махараджа не был. Ни мыслителем, ни ловким, памятливым сборщиком чертежей. В любых, близких к тому, областях он был бездарен на удивление. Прочесть страницу текста почитал за тяжёлую работу. И тут появился Гай...

Махараджа за последние тысячелетия, после встречи с Нико, сохранив вспыльчивость, стал щедрым и, в общем, добрым.

Гай... Он никогда, ни разу не отпустил и одного человека с торговой подставки, не позволил откупиться, даже не обсуждал. Махараджа одевался по-восточному ярко. Несмотря на внутренние терзания, был любознателен, поверхностен и весел, азартен, непостоянен, отходчив. Гай одевался во что ни попадя, лишь бы тёмное. Его улыбка не означала ничего хорошего. Притом, он был красивей остальных, красотой строгой, аристократичной, отталкивающе-холодной, без интриги. Возможно, это в глазах, а не в чертах. Он не нравился людям. Сколько прожил лет? Сколько хищником из них?.. Гая не спрашивали, а он не говорил. Приносил,

бывало, из Собственного Мира механику сделанную руками, без участия дроидов, то есть даже детали руками. Превращал похищенных в субстанции для них, в материал. Дорабатывал — инструментами. Разминка, развлечение для него. Разок Биг-Буро артефакт сделал. Другой раз для Махараджи, только показать. С тех пор Раджа, поверив в его талант, отдавал Гаю своих пленников, должников без ходатаев, выкупал для него инструменты и книги, Вирту, Впечатления близкие по тематике, голографические атласы внутреннего устройства механики и человеческих тел эпохи до дроидов. Выкупал и его самого. Отличаясь тем от большинства хищников, Гай по многу дней подряд проводил в Собственном Мире. Недель... Тогда, соскучившись, интересуясь успехами, Махараджа появлялся на его пороге. Теперь он понадобился и Густаву, технарь. Впечатление Минта не разглядеть человеческими глазами, оставшись после в живых.

Гай отвлёкся от бумажного чертежа, локтями прижал страницы, готовые разлететься от сквозняка, перевёл взгляд в распахнутое окно. И сразу обратно. К портрету на столе. Единственной вещи, не напоминающей о Рынке-Техно. Далёкий аромат жасмина. Дует. Окно во всю стену, не поймёшь, комната или веранда. Такой же ширины стол. И Гай за ним, в Собственном Мире. Белые, прямые волосы до плеч, этим отличался, полудроиды любят быть длинноволосы. Узкие губы. Тёмные глаза, пытливые за работой, никакие в кругу приятелей. Серые.

Ничегошеньки не получалось. И уже давно. А как окрыляли первые успехи…

Накануне он демонстрировал Махарадже плоды своих неудач. Развлекал патрона. Отчитывался. Чего скрывать? Система работает. Принципиально правильная, рабочая система. Просто всего не хватает. С обеих сторон: редких материалов и усложнённой, утончённой многократно сетки преобразования, схемы экрана. Второе, положим, его проблемы, его работа. А Лал?

Встретились в просторном и светлом шатре Махараджи, отгороженном в дальней, северо-восточной части Южного Рынка его же обыкновенными шатрами от торговых рядов, дальше начинаются тайники, кладовки.

Нико сидела в кресле. Полосатый оникс. Высокая спинка резная, тигры, идущие по облакам вправо и влево, одни над другими. Холодное кресло, подлокотников нет. Высокое, Махараджа под ноги ей поставил каменный же пуфик, имитирующий мягкую, стёганую подушку — оникс молочно-белый. Нико позировала. Для удовольствия и для дела.

Весёлая, украшенная бусами из рябины… Честная мена с изгнанниками Архи-Сада, они регулярно приносят на Южный плоды. И разные! От чистых хозяев не дождёшься, слишком дешёвый товар, стоит ли рисковать, приходя. Забранный в конский хвост по обыкновению, водопад шикарных волос спадал с плеча. Красавица. И пацанка. Одной ниткой бус Нико обмотала руку как браслетом и теперь обрывала её. Ягодку за ягодкой. Горькие, отдающие постепенно Впечатление бревенчатого домика, светящихся, тёплых окон в ранних сумерках, светящихся тоже... Над крышей, не угасшее, очень холодное, бледное небо. Односложное Впечатление. Упоительно... Яркая вспышка алого света отвлекла её, заставила сощуриться, замереть без движения, как условлено.

Краснота убавилась, жёлтые, оранжевые вспышки начались, перестали. Между Нико и экспериментатором задымилось пространство.

Гай бросил пригоршню пыли. Еще. С досадой. Видел уже, что не получается. Источник

света за рубином погас, сетка перед ним остывала, дымилась. А перед ней Нико наблюдала, уплотнился дымок.

Пыльная взвесь расслоилась. Инеем опала на подстеленную ткань, дорогую, плотную до хруста. Соответственно сетке преломления конденсат образовал на ткани квадрат. Гай чикнул ножом, отрезая его от неиспользованного куска, сощурился, скривился и подал Махарадже. Белый лист издали казался пустым. Вблизи можно различить изображение. Бесцветное, словно выдавленное. К Нико оно, увы, имело самое отдалённое отношение. Не говоря, что не скульптура, а в идеале — так!.. Беспорядочные лучистые точки на приблизительно угадывающихся очертаниях кресла. Нико соскочила взглянуть:

— А мне нравится! Улётный портрет, человек-созвездие!.. Подари! Раджа, купи для меня...

— Бери, — сказал Гай и повернулся к Махарадже. — Видел? Так вот, когда будет настоящий Лал, без желтушных дрожаний света, чистый пурпур, тогда и не раньше будут детали. Остальные камешки не видят их, ни мощи, ни нужной огранки. Если бы хоть чертёж огранки! Цвет ускользает, не воспроизвести, ладно, но тонкость преломления... Я попытался бы за счёт неё... Фракталы решётки рано или поздно я рассчитаю, даже если Южному суждено обезлюдеть! Осаждение, поправка на кривизну — дело техники... Она ведь уже не врёт, осаждает, просто грубо очень.

Махараджа рассматривал "портрет" с двойственным чувством. Его изумляло, что это возможно в принципе. Артефакт создал артефакт у него на глазах, вне Собственного Мира. В то же время, промежуточный результат так далёк от желаемого...

Гай снова чиркнул ножом, забрал не сгоревшую часть ленты из-за рубина. Десятка три вспышек пригодятся ещё. Сам рубин, крупный, розовый протянул Махарадже, убирая с треноги:

— Спасибо, но не то. Камни я не собираю.

Экран, сквозь который озарил Нико алый свет, который разбивает его, отразившийся собирает обратно сквозь пыль, "пластилиновую" пыль, свернул трубочкой и забрал. Гай хранил промежуточные варианты. И называл для себя промежуточными. По тому судя, в успехе не сомневался. Однажды. А пока так...

Гай снова взглянул на чертежи, но устало выдохнул и собрал их в стопку. Завтра.

Относительно решётки преломления одно понимал точно: из центра к краям должны расходиться ячейки, уменьшаясь, захватывая площадь до предельной плотности. Какой формы? И с каким шагом уменьшения? Вот две нерешённых проблемы. С разными для разных объектов? Сам по себе, Гай несомненно решил бы, что да. Шутка в том, что как раз это он встретил, но не в атласе, атлас оказался утерян, а в сопроводительной книге к нему. Ясно сказано: универсальные. Два типа экранов. Делающие из формы форму, из формы плоское изображение. И это всё. Вдохновляет. И озадачивает. Последний вариант походил на пентаграмму коралловых веток. С неё и делал. Раньше были спирали, астры, всяческая геометрия... Варианты листвы... Первые. Забыл почти... Листва и прожилки листвы, умножаясь, утончаясь, до рамки экрана. Старательно чертил, надеялся с первого раза, смех.

Гай не был чудовищем, он был технарь и одержимый. С целью. Некоторые хищники ведут счёт пойманным, превращённым. Бахвальства ради или рефлекторно. Гай не считал. Он не видел людей. Кого считать?.. Поскольку не интересовался ими, поскольку не видел, поскольку они не интересовали его... — и так, подобно фракталам, до бесконечности, захватывая всё большее количество жертв, расходного материала для опытов. В начале — трагедия. Но об этом

чуть позже.

Хищником Гай сделался походя. На тот момент ему было абсолютно всё равно, в каком качестве продолжать жизнь. Важно — до какого момента.

И первый похищенный был ему хоть не друг, но знакомый, из соседнего ряда. Имя забыл... Кипрей. Точно — Кипрей, торговец благовониями. Гай, естественно, не считал превращение гостей, похищенных, быстрым и выгодным способом продолжать эксперименты. Не менее естественно, что Кипрей успел воскликнуть, обнаружив себя в чужом Собственном Мире то же, что и все остальные, имеющие несколько секунд на восклицание, пойманные не из мести:

— Что тебе надо?! Ради милости дроидов, скажи что, гостем я это сделаю!

И Гай показал ему схему, поверх неё тонкий чертёж...

Но дело в чём... Гай не мог объяснить ему точности! Он сам, он один знал промежутки, знал их величины, знал взглядом, умом и рукой, державшей стило. То, что сотворил гость, оказалось изящным и милым рисунком листвы в прямоугольной раме... Можно повесить на стену. Перспективы сотрудничества с другими людьми враз стали Гаю ясны...

— Нет, — сказал он мягко, заходя со спины, через плечо указывая в бумаги, — не совсем так...

И пока Кипрей смотрел на чертёж, на указующую правую руку... Левую Гай, в тот же чертёж сосредоточенно глядя, опустил вниз ладонью и поднял ладонью вверх у него за спиной... А затем поднял с пола идеально точную, ошибочную, увы, первую сетку преломления. Присмотрелся к ритму фракталов, к краям... Чёткая. Пока сверял, забыл, из кого сделано.

И про настоящий Лал Гай знал точно: не зря это цвет императоров, пурпур царей. Иной не даёт нужную густоту, ту самую плотность, что необходима экрану чтобы считать, для преломления, для охватывания объекта, для обратного потока лучей. Горящий пурпур воплотит даже скрытую механику, для которой нет чертежей, благо, она в том узком смысле называется скрытой, что нет у неё глубины, шестерёнок внутри. Она работает за счёт свойств материалов, сложно перемешанных в её составе. Густой пурпурный цвет преображает вне Собственного Мира любой достаточно мелкий порошок в нужное вещество, в то, из чего должен состоять артефакт. Огранка Лала воплощает нижнюю структуру. И структуру скрытой механики, видимую дроидам и красному Лалу. Гай задумался... "Всегда говорят — красный, Пурпурный — Лал... Но в чём смысл этого уточнения? Остальные камешки имеют отдельные названия, если и скажут про них: Лал, — только чтобы похвалить..."

Перспективы? Вдруг сегодня будет закончен экран, завтра вернётся Гай на континент, а Махараджа нашёл требуемое?.. Что копировать? Огненный Круг практически умершего полудроида за последние секунды жизни? Что получится? Эксперимент в чистом виде... Определённо получится то, что их с Раджой, как тумана Великого Моря, станут боятся на Южном, если не выгонят с него!.. Или самим придумывать кругу замену? Наращивать по чертежам древние батарейки слой за слоем, вещество за веществом, пока не получится источник... Источник чего? Медленно исходящего тепла и только? Чего там, в дроиде Огненный Круг помимо тепла?!

Не то, чтоб это были чисто фантазии... Гай многократно и подробно изучал атласы тел полудроидов. Не нашёл в них ничего сложного. Люди эпохи высших дроидов просты. Кости и мышцы, обвитые, проникнутые сосудами, в которых огоньки дроидов и вода преобразуются, усваиваются, передают импульсы. Тела, способные пить ртом и носом, кожей и лёгкими — воду

и пар, любую влагу. Усваивают, мельчат её до степени произвольного испарения перекрёстки сосудов и Огненный Круг. Он же испаряет целое связное Впечатление, что подольше задержано возле него. Тела, преисполненные Впечатлений на разной стадии поглощения, мыслей и чувств больше телесных.

Полудроиды мыслили всем существом, податливым, крепким, быстро восстанавливающимся после физических ран. С ранеными холодом и тенями, суть упорядоченной разновидностью холода, иначе. Простая система, зависящая от воды и тепла... Заменить источник тепла — программа максимум. Программа Махараджи. Минимум — копировать скрытую механику. На основании немногих Вирту, запечатлевших структуру и взаимодействие материалов, создавать новую, самим. Дорого. Увлекательно. Ерунда.

Такая проблема: Лалы — это подлинные артефакты. Не из миров! Если спустится на континент чистый хозяин, создавший мир только из красных камней, и предложит все на выбор, — ни один не подойдёт! Не бывает во Впечатлениях такого накала! Вообще! Хищники ведь создавали, пытались! Смотришь Впечатление — рубин, глаза слепит, грани неразличимы, тонут в сиянии. Превратил... Камень и камень, разбавленный розовый, пошлый алый. Чем разбавлен? Холодом бытия? Разочаровывающей неизбежно материальностью? Да нет, проще. То, что пылает, не видно вполне, потому и не воплотить. Не странно ли, что Махараджа стал хищником из-за них. Их искал и теперь...

По сравнению с планами мецената, интерес Гая представлялся узким. Частным, личным. То есть, огромным, как небеса. И Гай был непреклонен, как Великое Море, бросающееся волнами к небесам. День за днём, год за годом. Увидеть. Только увидеть. Извлечь информацию из некоторого артефакта. Узнать. Через столько лет... Всё равно, через сколько. Лал нужен!

Цель, сокровище, надежда и шип в сердце. В его Собственном мире хранился альбом. "Зеркальный Альбом" с прозрачными, пустыми для постороннего взгляда страницами. Кто дохнул на него пустой, того и слушается, открывается его только взгляду. Хочешь передать другому, очисти, потом передавай. Тогда лишь его будет слушаться. Синяя рамка на вид. Подобная Вирту, но проще, и очищаемая, можно стирать, запечатлевать новое. Когда-то на них была мода. Механика двух-функциональная: запечатлеть, воспроизвести. Они не держат изображения, ряд страниц промелькнёт стремительно, как выпитое Впечатление, зато можно повторить, сколько угодно листать. Короткая сценка выходит, или ряд разрозненных картин, мало страниц.

Этот Зеркальный Альбом принадлежал не Гаю. Не ему, Юлии-Альбе...

Чистая хозяйка Собственного Мира... Она и дала ему имя — Гай, с улыбкой, задумавшись о чём-то, половину раковины-гребешка покачивая в руке, то поднося к губам, то держа на отлёте, из второй пил он, вслушивался, как она повторяет: "Гай... Тебе нравится? Это древнее, человеческое имя, Гай..." Ему нравилось. Ему всё нравилось в ней.

Для него Юлия-Альба значила больше, чем дроид, чем манок дроида. Восходящим, на заре жизни Гай встретил её и любил больше жизни, больше мыслей о завтрашнем дне. Он ждал, ждал, нетерпеливей чем кто-либо, времени завершить эскиз, войти в Собственный Мир, но не заботился об его украшении. Успеется... Юлия гостьей сделает лучше и красивее, чем он. Главное — она — сделает, она... Были бы небо и земля. Дом, ладно, дом... Стол и стул, ладно...

Пока же, гость и возлюбленный Юлии-Альбы, счастливейший из людей, он бродяжничал под ливнями между её миром и Мелоди. Высоко. Слишком высоко в беспечности.

Прислонённый к Зеркальному Альбому, как к синей раме, на столе каждодневно встречал Гая, несколькими штрихами обозначенный, её автопортрет. Воплощённая нежность. Каждый раз, вглядевшись, прошептав дорогому лицу несколько слов, Гай очень досадовал, что профиль, что рисовано с отражения. Глаз не поднимает она, не посмотрит на него даже нарисованными глазами. А за хрупким, уже пожелтевшим листом, прозрачные страницы в лазуритовой раме скрывали последний день её, Гай знал это! Что ещё там могло быть?! Ради чего ещё передан ему альбом?! Там место её исчезновения! И лицо её похитителя! И Гай не в силах открыть Зеркальный Альбом!..

"Машина, — так решил он однажды, вынырнув со дна горя, — если я не могу, то механика сможет увидеть содержание этих проклятых листов! Покажет мне хищника..."

Человек передавший, бросивший Гаю его, летел не с земли. Появился из облаков, в них же скрылся. На второй день, когда Гай уже потерял её, когда Белый Дракон не приносил его к раме её Собственного Мира. Как Гай гнался за ним, как просил его, крича: "Лицо или имя!.. Месть не коснётся тебя! Гостем сделай мне изображение, его лицо!.." Кто поверит в такое? Упустил. Словно тот растаял. Вот и всё, светлая полоса жизни кончилась, белый свет померк.

Гай наметил себе план действий и придерживался его. Столетие за столетием. Войдя в компанию хищников, играя Против Секундной Стрелки в глубине души он каждый раз надеялся погибнуть, надеялся так же бесстрастно, как делал всё остальное, как проживал день за днём. Возвращаясь в пустой, безмолвный Собственный Мир, он досадовал слегка, что небрежно стал хищником, не заманил никого, не создал живой артефакт, хоть птичку в клетке, певчую. Чирикала бы. Скакала. А впрочем, и глухим молчанием мира без дроида Гай не тяготился. Всё всё равно.

Глава 34

Глава 34.

Начавшееся указанием отдать артефакт Шершню через Буро, и через него же искать доступ к последней карте, письмо Олива во второй части сообщало Густаву поразительные сведения. Относительно Чудовищ Моря. Ему оставалось верить на слово, ничего по сути не зная о них.

Олив писал: "Если сейчас ты жив, то значит, стал единственным из пытавшихся, кто дошёл до последнего короля, собирая проклятую колоду. Пусть тебя это не обнадёживает. Остался Минт, верно? Он погиб закономерно, учитывая его ненасытность. И при том, непостижимо, учитывая его тактику и силу, характер его преображения. Избранный способ защиты и нападения Впечатления сохранили вполне. Вот что сказал мне Шершень... Почему призрак морской прозвали Минтом? Он становился видим жертве только в предсмертном холоде. Заледеневшим, неподвижным глазам. Да, ты правильно понимаешь, Впечатление тоже. Вот так. Холодным было и его оружие, но сейчас не об этом. Важно не как он охотился, будучи живым, а как поймать его умерший облик. Тёплому человеку в нормальном состоянии потрогать, выпить его Впечатление ничем не грозит, Минт покажется в нём призрачной дымкой. Вот. Я выполнил обещание. Могу добавить. Подобное свойство не было случайным, побочным эффектом преображения. Открытые глаза человека так же слепы, как и закрытые. Видит, струящееся из них, желание увидеть. Разглядеть. Дважды сильное, правомочное желание. Как тревожное стремление распознать опасность, и как обычное жадное любопытство, ищущее новизны. Тем и пользовался. Минт вовсе не прятался. Голосом, атрибутами угрожающими и заманчивыми он привлекал внимание, старался предстать перед врагом или жертвой. Показать им свой облик. Но не взгляд, а зубы Юбиса последнее, что увидел сам Минт..." Меланхолично, философски закончил Олив письмо.

Весело... Ну и как быть?..

— Минт, Минт?.. — проворчал Буро, забирая искру и отдавая карту. — Пена морская, морозная?.. Не знаю, не знаю, может и есть где, среди старых чашек. Если не высохла. Да там ничего не видать...

— Я осведомлён, Биг-Буро, — чинно настаивал Густав. — Пожалуйста, Биг-Буро, твои условия, твоя цена?

— Какие условия, какая цена?.. — бормотал Буро, по-королевски угощая его, разливая и смешивая музыку и голоса отдельных Впечатлений, как один он умел. — Поговори-ка ты с Гаем. Да, так будет хорошо. А дальше видно будет... Дальше по ходу...

«Поговори!.. Кого он и навещает, кроме Раджи, на континенте? На Техно можно поискать... И что я скажу? Гай-технарь, а не покажешь ли ты мне тварь морскую, которую не увидеть, и сам не посмотришь, не сделаешь ли?.. А то мне карточного короля не хватает... Относительно Гая, какой-то нереальный бред, вообще». И к шатру-то с его пирамидкой Густав приводил похищенных в отсутствие хозяина, самого не дожидаясь. Чего ждать? Когда под тентом Белый Дракон просияет крыльями, и вот уже нет его? В рядах, устремляясь куда-то в торговой пыли, не то чтобы Гай не отвечал на приветствия... Если отсутствовала интересная механика у встречного в руках... Но встречный сам редко горел желанием останавливать, не запасшись предлогом для разговора... У Хан-Марика нашёлся такой предлог.

В общем, большом шатре игроков Против Секундной Стрелки царило азартное оживление. Не ожидаемая публичная казнь была тому причиной, напротив, полудроидам не свойственна симпатия к неизбежному, безвыходному. Они живут столь долго, и неопределённо долго, вольно... Зрелище чьего-то тупика озадачивает и отвращает их. В частности, плена, одержимости местью или единственной страстью. Такое принято скрывать. Ещё минус Густаву: какая-то суеверная, проклятая колода...

Атмосферу создавала непривычная теснота, толпа хищников в одном шатре, много гостей, не принадлежавших к группе, пришедших на открытую игру, подразумевавшую ставки без личного участия, без риска. От посторонних — тройные ставки, что не уменьшило число желающих. Которые незнакомы, получили возможность завязать связи, иные — возобновить знакомства. Иные же предпочли бы, не пресекаться, но любопытство победило опасения. Припозднившихся, Марика — ждали не скучая. Просторный тент цвета пыли стал рынком внутри рынка. Всем хотелось разглядеть чужие ставки. Махнуться без церемоний прежде начала игры. Публика собралась опытная, разных артефактов захватили с собой на всякий случай.

Как обычно в интересах лидировала механика, скрытая механика.

Можно объяснить ценность подобного на чём-то простом. К примеру, небывалой на Мелоди, но ценимой в Собственных Мирах, арфе. Вот кто-либо желает создать Восходящим или из похищенных. В чертеже механики много деталей, у арфы много струн. И то и другое, расположение условных шестерёнок, тон, натяжение струн надо знать, изучить прежде. Идеальный технарь, тренированный, вроде Гая, может, сосредоточившись, удержать все струны или шестерёнки в уме одномоментно, опуская и поднимая руку над похищенным. Ему достаточно одной жертвы, чтобы создать артефакт целиком. Но подобных мастеров очень мало! И они нередко... с причудами. Все прочие создают артефакт послойно, по деталям. Долго. Да ещё надо сообразить что куда. Полудроиды восхищаются сложными задачами, но склонности не имеют к долгим проектам и сосредоточению не на минуты, а на годы... Арфа в облачном мире, это здорово. Ещё лучше, если сделал кто-то другой! Струнам разные свойства можно придать, от ветра поют... От приближения танцора... Вон Густав до сих пор не забыл потерю.

Ещё интересовали народ такие вещи, как Сомбреро Собирающее Дожди. Достояние Биг-Джуна, оно разворачивалось с первыми каплями из невзрачной тюбетейки и впитывало столько воды, что хватало на десяток средних бутылей. Бродяжничество, поиск редкостей в ливнях и грозах, единственное, чем занимался изредка Джун, кроме игр и грабежей. Охотник он был никчёмный, заметный очень, хулиган, вроде Марика.

В шатре становилось даже тесновато. Знакомые знакомых появляясь в обязательных двух шагах перед откинутым пологом, приветствовали Злотого, наблюдавшего рыночные ряды. Интересовались условиями игры. Большей частью присоединялись. Тесновато... Обрезанная вершина общего шатра ждёт, чтобы продлиться ввысь призрачным шатром победителя, достигающим его Собственного Мира. Пространство под тентом освещали Пузырьки-Минутки, развешенные по стенам раковины, испускавшие струйки пузырьков, быстро улетающих, но очень светлых. Пирамидки договорились ставить в последний момент, а то чёрт знает, во что эта толкучка может вылиться. Дорогие артефакты, рисковые хищники.

Бутон-биг-Надир играл. Почтил присутствием...

Он заявился не рано. С тремя вещичками: змейка-браслет, рыхлый сноп идеально ровной

соломы, если поджечь такую, пламя встаёт два человеческих роста, если дунуть, наклоняется, поражая тени в тумане, и нитка разноцветных, разнокалиберных жемчужин. Что поставить, что выиграть, проиграть, без разницы... "Сойдёт?.." — бросил он Злотому. Биг-Буро шёл послушать и посмотреть. Махараджей было предложено ему кресло на стороне противоположной входу, рядом со своим. Утопающий в складках лилового шёлка, браслет на браслете звенит, с непременной короной на голове, шестью дугами расходящейся от венца, высоченной, тяжёлой, Биг-Буро протопал к креслу, приветствуя знакомых.

— Раёк! Надеюсь, ты ставишь не скворца? Не то, из-за чего твой мир называется твоим именем? Я надеюсь заполучить его, учти!..

Раёк в ответ взмахнул раскрывающейся Кистью Ста Миражей, и Буро укоризненно покачал головой. Дороговато. Раёк пижон и хвастун, и Кисть Буро не отказался бы сам выкупить.

— Биг-Рамон, моё предложение в силе.

— Гратия, ужас! Сними диадему немедленно, на фоне твоей красоты она кажется дешёвкой. Тебя не допустят к игре, королева!

— Симург?..

Буро остановился.

Симург, хищник в стальных доспехах. Шатров не ставил. На рынке появлялся редко. Крайне редко. Всегда одним и тем же манером: приведя пленника из облаков. Охотник небес, как и Густав. Менее активный на посторонний взгляд. Либо, менее везучий. Наверное, полная ему противоположность.

И даже в самом стиле возвращения на Южный с добычей проявлялась громадная разница. Лукавый, непроницаемый, тысячеликий Густав до двух последних шагов, до Хан-Марика вёл жертву под локоток. Мурлыкая или споря. Успокаивая, задирая, беря на слабо. Интригуя, просто отвлекая байками. Шутя. Симург же шёл впереди. Направляясь к Бутон-биг-Надиру, он пересекал Южный Рынок стремительным шагом, так что пленник, не связанный, свободный едва поспевал за ним... Густав дорого бы дал за возможность увидеть самою охоту.

— Симург, — удивлённо повторил Буро.

Несмотря на высокие ставки, забава представлялась мелочной для такого охотника. К тому же, он-то знал, что любит Симург...

— Биг-Буро, — поклонился хищник в латах, — отвечаю на незаданный вопрос: я не нашёл тебя, где обычно. Отвечаю на второй: он оставлен ждать подле. Кто тронет, пожалеет об этом. Окажется на его месте.

— Другой вкус, Симург... Это испортит вкус... Возле моего шатра? Никто не тронет.

Буро кивнул в сторону устроителя, Махараджи.

— Раз уж ты здесь, сыграй? Раджа, изложи правила, а я поставлю, отдам за него.

Махараджа, равно как другие завсегдатаи Южного, исключая Хан-Марика, — Марик не оглядывался вообще ни на кого, — побаивался Симурга. Имел кто из местных ущерб от него или угрозу? Нет. Изредка Симург приводил человека, всегда незнакомца, иным манером, силой, с закрытым лицом, чтобы переменить или починить доспех, обычно к Гаю. Вторым похищенным расплачивался. На рынке не охотился, замечен не был. Не влияет. Боялись.

Лаконично Махараджа изложил суть предстоящего. На центральной подставке с шариком

стоит отказ. При этой игре она не похищает, крутит Секундной Стрелкой со вторым шариком на конце цепи. Дико быстро.

В захватываемом ею кругу, где им угодно, играющие поднимают пирамидки одинаковой высоты с чем-нибудь маленьким на острие, уравнивая шансы. Собралось уже больше тридцати человек. Значит, по их числу, больше тридцати кругов должен пробежать, перепрыгивая через, уворачиваясь от Секундной Стрелки — этот... Махараджа указал на парня поодаль в рваной одежде, с двух сторон от него Биг-Рамон и Биг-Джун. Ну, реально пробежит два-три, предатель. На чью пирамидку рухнет, того все ставки и он сам.

— А если тридцать пробежит? — спросил Симург.

— Невозможно. Тогда уходит.

То был Пассия, приведённый когда-то Эспаньёлом, не охотившийся, но игравший с группой. Предавший другой группе, охотников в небе с цепями, новоявленной, быстро истреблённой, и Эспаньёла и Тарана. Расплата для него справедливая.

Наверное, только чистую хозяйку, Нико, и Господина Сому, он играл тоже, подспудно терзало недопонимание, несоответствие... А почему Пасс? Пасс, Пассия, барабанщик с Мелоди-Рынка, и вдруг... Эспаньёл — барабанщик и танцор, друг ему, действительно старый друг... Странно. Пасс не прокомментировал ни словом. Попался и сидел молча. Бежать согласился кивком. Общая ненависть, увы, спешила. Вопреки обыкновению Махарадже пришлось отказать Нико, в отсрочке для жертвы. Не тот случай. И для разбирательств тоже.

— Какая нам разница, — ответил Раджа, — о чём он думал? Личные его мысли остаются при нём. Пассия платит за то, что он сделал, а не за то, о чём думал.

Господин Сома спросил:

— Раджа, а если выиграешь ты?

— Отдам Гаю, — без раздумий бросил Махараджа.

Гай улыбнулся. Он поставил фейерверк. Самодельный. Должны же его побочные успехи приносить какую-то пользу.

Оживление было в самом разгаре, Марика с Густавом не сразу бы и заметили, но Гай, движимый каким-то сверхъестественным чутьём, следил за входом именно в эти минуты. Интуиция не подвела его. С глухим, нарастающим гневом он наблюдал, как Хан-Марик выставляет на всеобщее обозрение, в круг ставок, так называемую им "рисовалку", однонаправленный усилитель, скрытую механику. Калейдоскоп, Брызги Мнимого, Мнимый Умножитель — по разному называют подобные штуки. Цилиндр матового, дымного стекла, расширяющийся к краям. Нижняя плоскость на трёх ножках, стилизованных изящно под лапки с когтями. На верхней плоскости отдельное кольцо и ручка в виде такой же лапки. Калейдоскоп можно класть и набок, но сейчас он стоял подобно зверьку на лапках, верхнюю протягивая тому, кто захочет поздороваться, пожать её. Гаю протягивал, его дразня. «Паршивый Марик, знал ведь! Таких совпадений не бывает!..»

В сам цилиндр заливалась морская вода, которая и производила недолгий, несложный, но очень полезный в силу безукоризненной точности, а для непосвящённых просто весьма симпатичный эффект.

Марик предусмотрительно набрал внутрь воды и даже подложил внизу, чудом не обгрызенную до сих пор, золотую пряжку: паутина в шипастых побегах розы, паука нет, есть розочка с краю, бутон. Вдруг народ пожелает смотреть, как оно работает?.. Непременно пожелает! Демонстрировать функцию Калейдоскопа проще и красивее всего распылением вверх, в открытое пространство. Вещь или изображение, помещённое под ним, проецируется,

выстреливается упорядоченным и подсвеченным туманом морской воды, как только покрутят его верхний обод за лапку. Причём, сколько кругов повернуть, с какой скоростью, от этого зависит число проявившихся точных подобий, объёмных, если снизу объёмный предмет. На какое количество распадётся первое изображение, на каком расстоянии, перекрываясь соседними или нет... От угла наклона другие вещи зависели.

Марик не вникал, так любовался. Но для Гая калейдоскоп был не игрушкой, а в высшей степени годным, ускоряющим дело инструментом! Направленный на рыхлую ткань, либо покрытую пластилиновой пылью бумагу, цилиндр отпечатывал на ней недолговечный, однако чрезвычайно точный рисунок. Махараджа торговался с Мариком за калейдоскоп, ясно ради кого! Получил отказ. Теперь же демонстративная готовность утратить артефакт в азартной игре, за который не пожелал взять хорошую цену, Гаем была воспринята, как личное оскорбление.

Почти... Это была личная, целенаправленная провокация. Или без пафоса — встречное предложение.

— Хан-Марик, — приблизился к нему мрачный Гай. — Ну, говори. Какого чёрта, как прикажешь тебя понимать?

Марик ухмыльнулся и посторонился немного. Густав приветствовал Гая кивком.

— А... — протянул тот. — Ясно... Охота внутри стаи? Нет, Хан, и за такую штуку с Гусом не связываюсь.

— Нет, нет, Гай, — удержал его Густов, протискиваясь между гостей, — погоди!.. Что за глупости, разве похож я на него, на волчок сегодняшней рулетки? Разве предавал своих чужим?

Гай холодно и криво усмехнулся:

— Нет, конечно!.. Только своих своим!..

— Гай, за артефакт, за эту вещицу мне нужно твоё искусство. И совет. Возможно, один лишь совет.

— Подозреваю, то, относительно чего он должен быть дан, пребывает в удалённом, трудно доступном краю? На облачном рынке, притворившемся Собственным Миром? В Собственном Мире, притворившемся облачным рынком? Страшно представить какие там заказчики... На берегу морском или на Оливковом Рынке?

— У меня в кармане. Нет уже Оливкового Рынка, если откроется, не знаю, как его назовут. А письмо Олива лежит у меня в кармане. И я готов платить только за то, что ты прочтёшь его, скажешь слово. Я не понимаю, как обойти преграды, указанные в нём.

Столь интригующее предисловие оказалось не менее результативным ходом, чем соблазнительный артефакт. Мимо сложной задачи, мимо загадки невозможно пройти полудроиду. Особенно технарю, вроде Гая. Это память, рефлекс, остающийся с начала жизни, со времён, когда вторая раса, холодные дроиды 2-2 помогают Восходящему. Вместе с ним собирают, складывают, дополняют и выверяют облачный эскиз. Инстинкт: соотнести, угадать, переложить, переставить, найти недостающую часть, приложить и удостовериться — как здесь было! Если бы пришла из эпохи до дроидов традиция всяких кроссвордов-сканвордов, на их эсперанто она приняла бы характер эпидемии! Сопутствовала бы резкому повышению грамотности!.. Возможно, через какое-нибудь Впечатление, цельное, отчётливое, она ещё и воскреснет.

Гай пробежал глазами бисерные строчки Олива. Хмыкнул раз, второй, дочитав до конца, рассеянно уставившись в пространство.

— И это сложно? — спросил он, наконец. — Густав, навскидку, твою проблему можно решить двумя прямо противоположными путями. То есть в обе стороны путь открыт... И

приспособления не нужны. Хоть, в первом случае не помешают... Ты сам что ли непременно желаешь разглядеть лицо чудовища? Его мог бы увидеть только тот, кто превратит в карту. Я... Не доверяешь?

"Разумеется, нет..." — раздражённо подумал Густав. Вслух сказал:

— Не в доверии дело. Я должен вживую, бишь, во Впечатлении видеть персонажей своей колоды. Чтоб они знали меня. А я их. Иначе работать не будет. Как надо...

— Ай, Гус!.. Ведь суеверия это всё! Обычная, небо и море, коллекция... Как угодно. Пусть Марик отдаёт Калейдоскоп. Не позже, чем через неделю, я приготовлю требующееся... Чтобы не быть голословным. И не объяснять на пальцах.

— Заранее благодарю.

Хан-Марик заменил ставку на украшение. Браслет, соединённый цепочками с четырьмя крупными перстнями. Из металла "да-нет", пёстрого, ценимого за неповторимость узора. Шершавого в светлых местах, зеркального в тёмных. Словно массу размешали небрежно, воплощали не глядя. Единственный камень на браслете бросил алый отблеск на своды шатра, и Гай вздрогнул.

— Что? — заметил Марик. — И эта вещичка приглянулась?

Гай рассмотрел браслет.

— Фу, ты!.. Показалось. Тоже светящаяся механика. Для чего?

— А я знаю?

— У кого отнял, так поставим вопрос?

— Не помню... На входе.

— Хан-Марик!.. — Гай хлопнул его по плечу и с добычей отошёл к Махарадже.

Померещился Гаю снова пурпурный, подлинный Лал. Горящий, так что грани неразличимы. Ошибся, огоньком подсвеченная безделушка. Бывает.

Перемена ставки не прошла незамеченной.

— Ну, конечно, — громко сказал Злотый, — если Гай что утащит к себе, на континенте тому вовек не бывать! Что-то там за техно... Похвастай друзьям!

"Угу, друзьям..." Избегая без нужды быть в центре внимания, Гай оценивающе глянул вокруг. Шоу ждали. Самое оно, перед началом. По завершении тоже забацают чего-нибудь. «Развлеку, так и быть…»

Повидав, поразобрав и собрав немало механики на своём веку, он уловил принцип конкретной модификации сразу. Гай установил Калейдоскоп по центру шатра. Пряжку из-под него Марик не забрал, не стал мелочиться. Крутанув ручку, Гай едва не поранился о коготки, острые... Или они чуть сжались?.. Злотый погасил Минутки.

На весь шатёр над головами людей раскинулась рисованная в воздухе тонкими, светящимися линиями паутина. Шипы побегов шире её... И розочка... Раскинулся паутинный узор — тут же начал дробиться на пряжки…Три — девять — восемьдесят одну... Они не считали. Отчётливо. Различимо в малейших деталях до размера ногтя. Розочка в каждой видна.

Кто-то, с Мелоди, видно, гость, вспомнил про двойной барабанчик, пробежался пальцами по круглым, гулким полям, по сторонам его, и чутьё полудроида сопроводило танец воздушных узоров. Словно, тем занимался всю жизнь.

Гай наклонил Калейдоскоп, и роза пропала. Шипы наложились на паутину, шипы на шипы... Лица, одежды, пол и своды покрылись ими, как трещинами. Тонкие, тончайшие они умножались ещё и ещё, пока не слились в мерцание.

Продолжая, медленно на сей раз поворачивать ручку, — определённо Калейдоскоп держал его палец!.. — Гай наклонил цилиндр в другую сторону. Здорово! Он уважал такую механику, которая сама подсказывает, что с нею делать. А бывает вредная: читаешь три дня, потом три дня настраиваешь... Мерцание поблёкло. Паутина расширилась, проступила ясней. Чтобы раствориться тоже. Розы, одни только розочки летели снизу вверх...

— Вот, что я думаю, Гай, — шёпотом сказал Махараджа, сидевший рядом на корточках, — если победитель, получивший твой фейерверк, не станет жадничать, не прибережёт для Собственного Мира, одолжи эту штуку ещё раз?

Гай кивнул:

— Должно получиться неплохо. Кстати, снаружи можно, ночь.

— Ага-ага!

Подходящая ночь сухого сезона.

Угасающий, спиралью под купол уходящий свет, то шипы, то звёзды бутонов проступали в нём, тихий рокот барабана сопровождал, прерывался… Ещё тише начинался ради последних витков..

"Что должен — он — чувствовать, глядя туда?! — подумал Господин Сома. — Туда, под купол, где тают они, где растает вскорости и он сам?.. Меня одного интересует это?.."

В азартных играх не удачливый, и не азартный, пришедший для очистки совести. Господин Сома смотрел как расплываются и меркнут отсветы на лбу, на лице приговорённого, как щурится от них Пассия... Стемнело. Вместо Минуток пора поднимать пирамидки торга.

"Дроиды! — в сердцах, едва вслух не воскликнул Сома. — Хищники, вы не должны! Решайте, как вам угодно, но прежде узнайте, в чём суть! Тут что-то нечисто, весьма странно. И то, как Пасс молчит. Молчать можно по-разному. А что касается его — странно в любом случае! Когда своей болтовнёй он портил вам очередную охоту, вы не злились?.. Сейчас не удивляетесь молчанию. Вам всё равно! Это и скверно. Просто — вам всё равно... Дроиды светлые, если от шквала везения, от водопада везения, от цунами везения, обрушившегося на меня за последнее время, остались хоть клочья пены, пускай долетят сюда! Дроиды, помогите мне выиграть этого хищника! Не хочу больше оставаться на рынках, не могу так. Весь выигрыш оставлю на общее пользование в Архи-Саду!.." Взгляд его упал на ставку Нико, сбрую, которую в шутку и для красоты набрасывают на Белого Дракона в полёте, сбрую шёлковую, с кисточками и колокольчиками, и уточнил: "А это отдам До-До..." И рассмеялся, поймав себя на мысли, беззвучно.

Махараджа пересчитал участников.

— Тридцать четыре круга, — объявил он громко, едва повернув голову в сторону Пассия.

Перешагивая зубцы подставок с прибрежной галькой и осколками ракушек на остриях, поднял центральную пирамидку и раскрутил шарик.

Запущенный привычной рукой он начал плясать, взлетая на человеческий рост, внизу проносясь точно над условным товаром игроков. Биг-Рамон и Биг-Джун разошлись в стороны, пропуская Пасса к центру шатра. Усталый от жажды, от продолжительного бездействия, что для полудроида хуже, чем долгий, к примеру, полёт, или погружение в глубины Великого Моря, он всё-таки был музыкант Мелоди, барабанщик.

Пассия потратил время последних неспешных шагов на то, чтобы уловить ритм стремительного шарика, Секундной Стрелки. Через сколько пирамидок вверх-вниз. Если б не стояли хаотично, если бы и ритм дыхания мог синхронизировать, тогда три десятка кругов — лишь расстояние, короткая дистанция, хоть и для быстрого бега. Но он знал, что собьётся, дыхания не хватит. Запрокинул голову, сделал глубокий вдох... И встретился взглядом, отрешённым до безнадёжности, с Господином Сомой. Не скажешь, нарочно, случайно ли?.. Господина Сому осенило.

Никакой дряни в карманах для пирамидки он не нашёл, одолжить не озаботился. А потому, положил запонку из металла "да-нет". Чёрно-белая, она немного выделяла его пирамидку среди других. В такой же точно самородок у него под расстёгнутым воротом батистовой рубашки продёрнут шнурок, вместо галстука. Господин Сома не водил знакомства с Пассия лично, но приятелей на Мелоди-Рынке проводивших сутки напролёт имел в количестве. Звали иногда... Нравы того мирного рынка, привычки, фишки он знал. На мгновение Господин Сома удержал пресечение взглядов, на миг, во время которого, запахивая рубашку, прикрыл одну ладонь другой, напротив Огненного Круга, и пальцы указывали на чёрно-белый самородок. Так приглашают на Мелоди-Рынке, если издалека, так зовут танцевать...

Пассия не отреагировал. Несколько раз он ритмично щёлкнул пальцами и прыгнул в круг Секундной Стрелки... "Почему он должен понять меня?.. Тем более поверить мне? А если, если вдруг всё получится, но кто-то заметил? Нам обоим не жить, это точно!.."

Первые два круга Пасс прошёл высокими прыжками, отталкиваясь от земли, когда гудение шарика уходило вниз, следя больше за подставками. На третьем круге начал уставать. Перекувырнулся под цепочкой ближе к центру, распластался, дал себе несколько мгновений покоя... Перепрыгнул её...

Следующие два круга, практически шагом. Увиливать стало легче, чем спешить. Едва не попался за шею, под ноги смотрел, а прямо забыл.

На исходе шестого опять растянулся внизу, отчитал восемь ударов сердца: два и два, два и два... и ещё... и ещё... И теперь вставай. Так запрещено, да не всё ли равно сейчас. Пронесло, резко перепрыгнул. Плохо, на одной ноге покачнулся между двух пирамидок. Переступил, время позволило, и ещё раз выпрыгнул, перелетая зловещее гудение, высоко... В последний раз. Силы кончились, внимание иссякло. Всё сливалось перед глазами.

На следующем пролёте Секундной Стрелки, отклонился, но недостаточно. Цепочка обвила его, подбросила через центральную пирамидку. Стремясь раскрутиться, протащила волчком. Пассия взлетел уже не по своей воле и...

Чёрно-белый самородок "да-нет" упал с подставки Господина Сомы!

А парень остался на ней. Ниц, не видно лица. Никто, никто ни в жизнь не заподозрил бы расчёта!.. Включая победителя, Господина Сому…

Выдох, стон разочарования прокатился по шатру. Биг-Буро с кресла, словно дирижируя, в соответствии с предыдущей договорённостью сделал лёгкий, забирающий жест руками, и хищники, ворча, сняли свои пирамидки торга.

Махараджа подошёл к Господину Соме:

— Ну что, по-прежнему будешь называть себя неудачником? Редко, но метко тебе везёт! Требуем угощение!..

— Что?.. Да, само собой... — пробормотал Господин Сома и замолчал. — Я... Немного растерян... Так зашёл, без надежд особо. Что ты сказал?

— Общее шоу с тебя! Гай устроил до, ты после.

— О, да, какое хотите?

— Из добычи твоей хотим фейерверк! — отозвалось много звонких голосов сразу.

Не слишком удачно. Ему нужно радоваться и вместе со всеми смотреть. А Сома хотел смыться немедленно, срочно... "Ничего, им не до меня будет". Гай, Гратия, Хан-Марик, Нико уже кучковались с Калейдоскопом у выхода.

— Берите, нет проблем. Небо и море, я и не следил, что за ставки...

Махараджа недоумённо переспросил счастливчика:

— Что-то не так? Нет желания нас порадовать?

— Вздор, Раджа! Извини. Я действительно растерян, не ожидал... Сейчас дни для твоей пирамидки тут? Не против, я оставлю выигрыш на денёк?

— Я-то не против...

— Понял, тогда одолжи мешок.

— Слева под стенкой. Если к твоей сокровищнице эта вся груда мало что прибавляет, и ты готов рискнуть... Кое-кто может на неё и попасться... Если оставишь так. Демонстративно.

Только этого Господину Соме не хватало. Он потряс головой и ушёл за мешком.

Хищники высыпали из шатра под непроглядное ночное небо.

Гай, словно видел в нём что-то глазам других недоступное, размышлял о россыпи лучей, как расположить, с каким охватом, как повторять узоры, как растворять их... Охотно. Он чувствовал расположение к любой сложной задаче. Для кого, для чего, безразлично. Уходил в неё, как в полёт, в гонки на драконах. Даже и лучше, если задача была совершенно пустой и посторонней. Чем меньше в мыслях у Гая оставалось самого Гая, тем легче дышалось.

Пять минут, соображал он быстро. Решил не мудрить с самим фейерверком, а дополнить его. Расположил под тремя лапками Калейдоскопа старенькую, почти израсходовавшую заряд искру с бегающей по лицевой стороне многоножкой, остроумная подсветка. И представление началось...

Один в полумраке шатра, лишь его торговой подставкой освещённого, Господин Сома, не глядя, кидал выигрыш в сетчатый мешок. Выпрямился, вскинул руки по сторонам. Призрачное марево его личного шатра устремилось вершиной к Собственному Миру в круглый, вспышками фейерверка освещённый просвет.

Пасс не шевелился, никакого притворства, действительно без сознания. Так подумал Господин Сома, подумал и всё-таки не поверил. Почему? Интуиция. "Нормальный человек связал бы ему руки..." Ага, нормальная предусмотрительность, ничего больше.

Однако с тех минут, когда вслух читал Конвенцию в Архи-Саду, одиноких, отчёркивающих предыдущую жизнь, — то есть, всю жизнь, — минут... Он позволил себе разлюбить то, что всегда в душе ненавидел, предусмотрительность в том числе, и перед собой впредь не притворяться. А между тем, последний из похищенных не успел быть им формально освобождён, сбежал, устроив между собой и хозяином мира нехилую стену. До-До исправлял потом.

"Не буду. Не настолько Пасс дурак, чтобы рвануть на Южный обратно. А мир?.. Пускай портит". Белый Дракон озарил их, увлёк хозяина в Собственный Мир с огромным мешком сокровищ и гостем, схваченным за запястье.

— Только не беги! — воскликнул Сома, едва Пассия открыл глаза. — Нет причины! Зато есть разговор. На сегодня набегался, хватит.

Убегать? Пасс между садовых стульев, на клумбе с незабудками приземлившийся, клумбы жалко, хлопал глазами... Тепло Собственного Мира целительно. Но он ещё не пришёл в себя. Осознал последние события, но не предшествовавшие им. Зато голос, болтливость вернулись сразу!..

— О, блеск!.. О, Сома, ты хитрый нереально! Скольких провели, ты — мне, я — тебе!.. Поделим поровну? Слушай, можно повторить!..

Повторить... С какого момента? Парень прекратил тараторить... Хлопнул глазами, припоминая, и резко сменил тон:

— Сома... Как я попался... Как же я попал...

Пассия водил рукой по горлу, и этот жест утвердил Господина Сому в его подозрениях: на пороге тень растаяла, на континенте говорить парень не мог. Не мог оправдаться. "Дроиды, — подумал он, — а кто, помимо Гая, — Нико, не в счёт, — кто из вас хищников нашёл время несколько слов научиться писать? Пригодиться ведь может!.."

— Господин Сома... Ты, правда же, не нуждаешься ещё в одном артефакте из человека, нет?

— Нет, — ответил Сома. — Пассия, у меня две просьбы. Никаких рынков! Ради двух наших жизней, мы такое учудили сейчас!.. Сам понимаешь. А вторая — рассказывай. Всё и по-порядку...

В то время, пока толпа хищников, то замирая, то взрываясь криками удивления и восторга наблюдала узоры, охватившие небо, Симург и Бутон-биг-Надир удалялись быстрым шагом ко владениям последнего. Молча. Топ-топ... Буро не был так уж медлителен, когда надо. Возле задёрнутого многослойной занавесью полога его шатра на корточках сидела человеческая фигура.

— Заходи, — бросил Симург, не останавливаясь.

Трое нырнули во тьму, и полог задёрнут снова.

Двое поутру вышли на рыночные ряды. Артефактов в шатре Бутон-биг-Надира не прибавилось.

Глава 35

Глава 35.

В тот день Нико занималась мирным искусством. Не доставляла беспокойства Махарадже участием в рисковых гонках, исчезновениями на облачных рынках, ради игр, длящихся пророй сутки и больше.

Она оккупировала жилой, самый просторный из его шатров, с цельным куполом лазоревого цвета, не предназначенный для торговли. Плела и украшала новую драконью сбрую взамен проигранной. Серебрились, для ревизии разложенные на земле: цепочки, колокольчики-бубенчики, бусины крошечные, средние и большие, круглые, вытянутые, сплюснутые, гранёные, зеркальца с монетку величиной, однако в оправе. Белый шёлк — верёвки, ленты, шнурки сложного плетения, короче, всё потенциально пригодное к делу. Нико долго ходила среди них, переступая, но не приступая к работе. Во второй половине дня определилась, выбрала нужное, остальное запинала за ширмы в углу.

К этому времени Махараджа вернулся с поединка. Победителем. В поясе проигравшего из глухо звякающих при движении пластин. Танцевальный пояс, мужской. Проигравший боец — мим, известный на Мелоди. Махараджа не отнял его у партнёров и радостей Мелоди-Рынка. Боролись за трофеи, не за жизнь.

Гай и Густав были свидетелями его успеха. Что приятно. Но звал собственно ради того, что бой уже был назначен, а Махараджа не хотел пропустить ни его, ни их беседу. Фокус, который, — Раджа не сомневался, — будет в процессе маленькой лекции, платы за Калейдоскоп. Густав не возражал, больше народа, больше расспросов, надёжнее. А то с Гая станется… Процедить несколько заумных слов с таким видом, что, слушая, поклянёшься себе — ближайшая охота только на него! И исчезнуть на год… При свидетелях можно заспорить.

Артефакты нужные Гаю, на что потратил последние дни, оказались обычнейшими листами плотной бумаги. Извлечённые из цилиндра стальной тубы, теперь они скручивались, не желали ровно лежать на столе. Стол чудный у Махараджи, восьмигранный, восьминогий, яшмовая, наборная столешница... Какой-то изгнанник на континенте делал, из Собственного Мира такое не принесёшь... Кисть. Приземистая, с широким основанием непрозрачная баночка. Чернильница с тушью?

— Раджа, — спросил его Гай, — ты хотел про невидимый мир? Вот случай и представился...

Не присели даже. Без предисловий Гай рассказывал им...

— Люди эпохи до дроидов знали и изучали его. Особенно на излёте эпохи. Наблюдали сквозь приборы, примитивную механику. И прежде создания таковой, логически выводили его законы. Зачастую правильно. Но появились высшие дроиды… И мир в совокупности своего многообразия, видимый, невидимый, оказался неизмеримо шире, богаче сложней...

Гай отпил из фляжки и продолжил:

— Под дроидским взглядом. В изложении дроидов... Мир на девяносто девять процентов недоступный органам человеческого восприятия. Первые высшие дроиды абсолютно открыто делились увиденным с людьми. Придумывали термины, механику, перекодирующую в знакомые образы то, что образа не имело. Даже писали книги! Точней, дополняли энциклопедии. Голографические и обычные. Тогда появились и Вирту. Основного пункта преодолеть они не могли, принципиального: то, что для них, дроидов было несомненной

реальностью, для людей — идеями, не больше. Образами. И обратное верно…

Ещё отпил, долго говорить…

— Это бы и ладно. Но люди уже давно были полудроидами… Усовершенствования продолжались. И проблема возникла на стыке воспринимаемого с трудом и не воспринимаемого вовсе. Фронт, граница. Опасность. Дроиды смогли подвести людей туда, где человек видит больше... Но он уже не совсем человек... И видит не совсем он... Пока одна часть смотрит, другая разрушается... Стоп. Табу. Против дроидских правил... Где же, а главное кто проведёт грань между запретным и дозволенным? Что беспечность и личное дело, а что провокация и предупреждаемый риск. То есть, неоправданный? Вам скучно, понимаю. Перехожу к конкретике.

Гай вышагивал вдоль разложенных на земле лент и на слушателей не смотрел. Остановился:

— Сколько основных цветов? Пять. Шире — семь. Количество оттенков, суть условное множество, ограниченное лишь величиной поэтического дара их именователей. Хоть миллиард придумай, не удлиняет шкалу!.. Утончает…

Махараджа играл с густыми, нежнее шёлка, волосами Нико и делал очень-очень умное, сосредоточенное лицо, несколько тушуясь перед Гаем. Так было всегда. Нико забыла своё рукоделие, слушала внимательно. Она соображала, куда ведёт речь...

— Эти бесчисленные цвета, Нико, — обратился к ней Гай, в упрёк Махарадже, — дабы не усложнять, скажем так, делятся на тёплые и холодные. Хотя среди тех и других есть в свою очередь тёплые и холодные, и так далее... Что открывает вход в ещё одно пространство... Я отвлёкся. Ну, раз уж отвлёкся, хотите узнать, как выглядит центральный между всеми, не тёплый и не холодный, посредине спектра, для невооружённых человеческих глаз? Вы сочли бы его тёплым, невыразительным цветом. Двумя. Потому что вещь может двигаться или стоять... Вещь, окрашенная им. Состоящая из него… Не стоять... Как трудно короткими словами!.. Не стоять на месте, а разворачиваться, изменять форму... Направление. Приобретать направление в одной фазе… Терять в другой… Иначе — кристаллизацию переменять на распад, но распад — имеющий вектор... Зависший миг между ними...

Отпил из фляжки:

— Да, на примере времени будет ясней. В динамике это очень бледный жёлтый цвет, тон листа весной, первого, ещё не набравшего зелени. И он же — тон обесцвеченного при увядании... А между этими двумя направлениями — он же тёмный, никакой, цвет прошлогодней листвы. Тот же самый, но ни туда, ни сюда. Вот он-то, как ни странно, имеет направление!.. Они — движимые. Он — избирающее. Поэтому, сам не сдвинется никогда... Он — разворачивает шкалу... Что Раджа, давно ты встречал цельные, подлинные Впечатления в ливнях, где ничего, а только листва, к примеру, садовник с граблями? И я давно. Мы всё отборные, рафинированные покупаем...

— Я встречал... — произнёс Густав. — Когда твоя очередь ставить торговый шатёр в общем? Я приведу тебе двух человек, вместе... Ты из второго сделай мне такой бурый листок в стекле, лады? Хочу сувенир. Ты потрясный рассказчик.

— Похоже на то, — рассмеялся Гай, — раз сумел продать сухой прошлогодний лист! Никогда не знаешь, кого что зацепит. Тебе с конкретного дерева, какой-то породы?

— Осиновый.

— Истлевший до прожилок?

— Точно.

— Ишь ты... Длинное было Впечатление? С сюжетом?

— Я в книге видел, Гай. Засушенным в книге по этикету. Дроид нашёл её для одной

Восходящей... И между страниц был листок осенний, он ещё сохранял цвета.

— Ясно. Не вопрос.

Нико прервала их, уклонившуюся к ботанике, беседу:

— Значит, Гай, ты имел в виду не эти два выхода в незримый мир, не через тепло и холод?

— Именно. В обе стороны нет выхода, лишь смещение точки отсчёта. Из линейки спектра выход — в бок, в сторону из любой точки. Чтоб снаружи взглянуть. Так, о чём я… Для нас цвета тёплые и холодные, для дроидов их куда больше. Однако при изучении, открывая для себя и людей, названия им и группам их давали по аналогии. Незримые — горячие и ледяные. Возникали и такие названия: пятна и вектора, ветра. Периметры и расширения. Но они не прижились. Да и прижившиеся-то я один знаю, судя по вашим лицам! Ага, оживление!.. Сейчас будете просить меня показать вам невидимые цвета?..

— Гай, — серьёзно, даже резко спросил Густав, — откуда ты знаешь про них? Как это можно узнать?!

— Книжку читал!.. Смотрел. Первое, где наткнулся, голографический атлас.

— И в атласах, исключительно в них видны незримые цвета... Ой, как здорово!..

— Нет. В них запечатлены вещи сделанные дроидами для себя. Вещи этих цветов. Дроиды тоже нуждаются в инструментах. В общей шкале измерений, переводчиках и прочем.

— Объяснил! Маленькое упущение: как же ты идентифицировал эти цвета? Если в атласе они открыты человеческому взгляду, то, как обычные. Или нет? Тогда как увидел голограммы? Как очертания? Но и они должны иметь цвет, хоть какой-то!..

— Почти угадал! Доступным взгляду, заиндевелым. Вот, как марево торгового шатра. Оно ведь видно сбоку, да? Но не зайти сбоку. Там было пространство листа, над ним. Лакуна не оставляла сомнения, что чертёж пребывает там, что атлас не испорчен...

Слушатели переглянулись.

— Но как?! — с гневом воскликнул Густав. — Если ты увидел, то как?!

— А вот это, — раздельно, акцентировано спокойно проговорил Гай, — тебе предстоит узнать самому. Не ожидал, Гус, что столь академическая тема способна тебя так взволновать...

— А вот это, — вернул Густав его слова и тон, — я вполне ожидал...

— Ну, разумеется. Ты же сам и просил об этом. Я спрашивал, Гус? Я спрашивал... Непременно ли сам желаешь видеть чудовище? Что ты ответил?..

Нико не вмешивалась в перепалку, наблюдая за Гаем одним. И наблюдая как-то странно. Другими глазами. Густав оказался первым на её памяти, кому удалось разговорить скрытного, нелюдимого хищника. Хан-Марик пожертвовал артефактом не зря...

Пока двое парней пытались уследить за мыслью технаря, Махараджа с непосредственным любопытством дилетанта, Густав с растущим, подспудным раздражением, Нико разглядывала ещё один вход в незримый мир. Опасный, как всё тайное.

Украшение, постоянно носимое не украшавшимся Гаем, привлекло её внимание. С любыми рубахами, куртками какими попало, всегда по шее чёрный шнурок с чёрной же гранёной бусиной. И сейчас Нико поняла, в чём странность. Толстый шнурок обвивал шею волнистой змейкой, не натянутый, под тяжестью бусины не лёг на ключицы. Как будто он состоит из перевитых двух, но второй выдернули, а первый так жёсток, что сохранил форму. Второй выдернут?.. Или невидим?.. И грани на бусине. Несколько граней под небом или в шатрах, днём, в сумерках ли, всегда так ярко блестят, с одной стороны... Блестят так, что невидимы?..

Нико задумалась, какие ещё секреты есть у хищника? А вдруг он читает мысли, вдруг они явственны в незримых цветах... И сейчас, на кого он смотрит, белая чёлка ровно до ресниц, до тёмно-серых глаз... Нарочно? Теперь всё ей будет казаться нарочно!.. "Вздор и мнительность!.." — одёрнула себя Нико. «Иначе он был бы удачливый охотник в каком-то своём стиле. А он — худший, наверное».

Внешне — полная противоположность мягкой неопределённости Густава, где надо — невнятной, где надо — до панибратства простой. Красивый без сомнения, прямой в манерах, Гай отталкивал. Как будто на лбу написано: не подходи, приятель. Стоп — опасность.

«Или на бусине написано, кроме того? На единственном украшении? Нарочно? Опять — нарочно!.. Просто это — Гай! Технарь. Почему, кому он должен нравиться, а?..» Несправедливое возражение, технари бывают разные, ну, да ладно…

— Перехожу к методике, Густав... Слушаешь, нет? Повторять не стану. Тебе нужно увидеть Впечатление "холодными" глазами. Игра слов... Каламбур. Ладно. Понял? Холодное Впечатление — холодными глазами. Ледяными. Потому оно и смертельно, да? Принцип не обойти хитростью, на то он и принцип. Но где нет обходных путей, есть каверны, углубление и утончение. Где не спасает бегство, спасает окаменелый покой. Знаешь, Гус, древние сказки до дроидов? Когда кто-то бежит, но убежать не может. И превращается в дерево. Или скала скрывает его... Похоже... Обнаруженные дроидами ледяные и горячие цвета подчиняются общим, естественным законам. Что такое жар? Ускорение. На первый взгляд именно жаркие горячие цвета должны бы называться векторами, расширениями, направлениями. Ветрами, разгоняющимися невообразимо. Ан, нет. Разгоняются они в определённых границах. А вот сжимаются до бесконечности… Области. Пятна. Материя за счёт внутренней скорости уплотнившаяся до того, что притягивает даже внимание, эфемерную как бы вещь. И не отпускает. Притягивает, но не раскрывается перед взглядом. Перед взглядом дроидов — да. Горячие цвета благодаря этому свойству и попали целиком в запретные артефакты...

Гай допил и вытряхнул фляжку:

— Знаешь, Раджа, что я слышал однажды про дроидов?.. Телохранители появились случайно, как должность. Дроиды не считали ни нужным, ни возможным регулировать взаимоотношения людей. Чёрные Драконы, будто, пришли к высшим дроидам, а все функции уже заняты. Преобразуя людей, дроиды трепетно сохраняли форму, органы чувств и желания, соответственно функции распределились по поддержанию и удовлетворению чувств, потребностей. Памяти о былом. Личных телохранителей добавили так, до кучи. Поэтому они, будучи столь сильны, — драконы очень сильны! — могут мало чего, прав у них мало. А основной конфликт был изначально один: чего люди имеют право знать, про мир и самих себя, а какое знание столь опасно, что необходимо закрыть. Главный аргумент: ведь будучи людьми в изначальных телах, а не полудроидами, они не узнали бы этого. Горячие, насмерть завораживающие цвета они бы не увидели!.. Мы сделали их полудроидами, мы в праве кое-что закрыть, запретить. В это верю, что дроиды спорят так и по сию пору. Отслеживание запретного и есть основная функция Чёрных Драконов. Но вот запретные Впечатления тут причём? Они чисто человеческие... Ладно.

Ему явно требовалось что-то вертеть в руках, ленту с пола…

— Горячие цвета попали в запретные артефакты не из-за технарей, долго любовавшихся на них, едва не до погибели… Технарей дроиды вытащили и вылечили, и научили, как оперировать, а прямо не смотреть… Запретили когда… От формы, от размера зависит характер воздействия... Запретили, когда люди в очередной раз начали слишком увлекаться оружием. Там

от площади, от объёма зависит угроза. Рубеж управляемости. Предел контроля. Условно говоря: чем меньше покрашенная область, тем слабей, безвредней действие горячего цвета. Обратимей последствия. Но люди ж меры не знают. Ни в злости, ни в любопытстве... Жаркие цвета превосходны в создании оружия! Единственное, Махараджа, что не было отнято, и теперь существует на континенте и в мирах, горячего, легчайшего света, не губительного, но преображающего, слышишь меня, Раджа?.. Это Лал. Пурпурный Лал...

— По логике, — пробормотала Нико, — должен быть и... Послушай, Гай, это глупо, но тема вечная... Когда ты упомянул оружие, подразумевалось, против людей? Или дроидов?.. Они не себя защищают запретами?

— Вечная, да. Не себя, точно могу сказать. По истории.

— Касательно пурпура и горячих цветов. А холодные?

— Ледяные. А ледяные цвета, Нико, не попали в запретные! И не могли, абсурд!.. Они просто невидимы. Не воспринимаемы. Очень медленны. Повсеместны. Горячие — это изобретение, концентрат. Ледяные — нетронутая природа. Из них, из лучей этих цветов состоит пространство... Пространство — не пустота, а сети, поля, монолиты волн и спорящие течения, лучи... Многих цветов. Ледяных... Хотите услышать их названия? Несколько таковы: Близкий, Возвратный, Открывающийся Извне... — интересный цвет и любопытное действие, кувырок такой, без точки возврата... — Чистый, Наичистейший...

— А из запретных, горячих?.. — перебила Нико просительно.

— Могу назвать два. Кстати, существующие до сих пор в артефактах, слабые за счёт малой площади. Блистательный Чёрный и Бархатный Чёрный Близкий. Хозяин, создавший живой артефакт, — Густав помнишь, видели возле Марика?.. — Лиски-намо, воспользовался ими. Близким для зрачка, Блистательным для радужки глаза. Потому она так привлекательна. Притягательна. И, несмотря на крошечный объём цвета, если бы не вертелась, не танцевала всё время, тоже попала бы в запретные артефакты.

"Опа!.. — подумал Густав. — А ведь он дело говорит. У Лиски глаза не чёрные... Они... Даже слова не подобрать, какие!.."

— А эта бусина, Гай, у тебя на шее... — начала девушка.

Гай поднял руку:

— Давай не будем, Нико... Не будем совсем отвлекаться. Густав, тебе надо стать настолько холодным, чтобы разглядеть очень холодное Впечатление, чудовище, остудившее себя миллионы лет назад до ледяных цветов. И ты считаешь, наверняка, что нельзя из крайнего холода вернуться обратно. Что пребывать таковым возможно лишь для чудовищ в глубинах Великого Моря. Но это вздор, Густав! Это — вздор!.. И то и другое. Ты доверился мнению тупых выродившихся существ с извращёнными телами. Опыт Морских Чудовищ для них — достоверный опыт. Для них!.. Интересно задуматься, как вообще соотносятся ограниченность и достоверность?.. Я снова отвлекаюсь. Холод суть — замедление, Густав... Так замедлись! Пройди маленькими, замедляющимися шагами путь до нужных тебе пределов холода. Разглядев Впечатление, пройди обратно! Со своих глаз начиная, раз тебе надо именно видеть, с покоя в глазах твоих. Усмирения. Утончения. Самостоятельно, без внешнего холода, без глубин морских пройдя его в одну сторону, какую проблему ты можешь иметь с возвращением тем же путём?..

Время для фокуса? Густав открыл, было, рот, но Гай прервал его:

— Доказываю. Возможно. Видишь лист бумаги? Тебе достанется.

Гай обмакнул кисть с длинным мягким ворсом в чернильницу. Вынул намокшей, но совершенно пустой, как в воде, которая не смачивала и не скатывалась, когда рисовал. Внимательно, не абы-как прорисовал на оставшемся девственно чистом листе и подписал. Скатал обратно в трубочку:

— Забирай. Тренируйся. А это тебе, Нико, на память. Остальным в доказательство. Возьми кисточку, Нико. Напиши или нарисуй что хочешь, когда я отвернусь. И скажи, что. На ухо Густаву.

Нико поболтала кистью в флаконе, заглянула, понюхала... Что-то булькает!.. Не видать ничего. Слабый аромат... Старой бумаги?.. Отвернувшись ото всех, придерживая непослушный угол заворачивающегося листа, быстро нарисовала что-то. Куда дольше дополняла размашистыми штрихами и подписала внизу. Прошептала Густаву: "Цветок лохматый. И слово — пион". Протянула свиток Гаю.

— Пион, — сказал он, едва взглянув, — и подписано — пион. Красивый. Оставь себе, Нико.

— Ого... Ни следа... Ни капель влаги... — разглядывал пустой лист Махараджа.

Густав между тем вспомнил кое-что...

— Гай, в самом деле, потрясающе. Впечатляет. Признателен... Сделка состоялась, счёт оплачен. Но скажи мне одну вещь... Тогда, перед игрой, прочитав письмо, ты упомянул два способа. Противоположных. Не прошу подробно... Но укажи, в каком направлении? Что за второй способ?..

— Я погорячился, — после некоторого раздумья ответил Гай. — Второй не подходит для тебя, ты чистый хозяин.

— И всё-таки?

— Да ведь просто! Если не умеешь или боишься остывать, — нагрей Впечатление! И смотри его. Каким способом сравняться в скорости бытия, в температуре, что за беда?..

Нико поняла. Густав нет. Минуту назад весёлая, она отставила чернильницу и отвела взгляд. Махараджа тоже не понял. Это мало кто знает. Из людей.

— Гай, — повторил Густав просьбу, — пожалуйста. Ты говоришь загадками. Нагреть можно только воду Впечатления... Ничего не даёт...

— Да, — тоном завершающим утомительную беседу ответил Гай, — огнём можно нагреть воду, а Впечатление — жаром Огненного Круга...

— Раджа, — воскликнула Нико, — пока не стемнело, ненавижу летать в темноте, я хочу на Мелоди!

— Полетели! — немедленно согласился тот.

Покидая шатёр, Густав был задумчив. Нико бросила короткий взгляд на Гая, с упрёком. Он усмехнулся, пожал плечами.

Глава 36

Глава 36.

Невыносимо поёт дроид. Так красиво, не оставляя ни секунды покоя. В любом уголке преподносит хозяину мир, где песок и ничего кроме песка. Где заносит и не может занести одноэтажный дом в низине, шикарный и пустой, с несколькими подъездами, с центральной залой... Песок в каждом уголке... Густав на нём и разложил, на паркете прямо у стены, не захваченной солнцем, бумажный свиток. Прижал его верх и низ грузиками на цепочках, вынув из рукавов куртки. И уселся тупо смотреть... На чистый лист бумаги.

Ненависть к Гаю раздирала его. Нет, Густав не сомневался в практической осуществимости данного совета. Готов был допустить искренность Гая в том, что он предложил простейший, лучший вариант... Публично брошенное: "Тренируйся!.." Он даже сознавал — это обычный стиль нелюдимого технаря, любого напутствовал бы подобным образом... Не к чему придраться... Бешенство душило! А между тем, Гай сделал ему большое одолжение, при расставании добавив: "В Собственном Мире, Густав... Там пробуй. Снаружи такое занятие безопасно лишь для полных бездарей. А облачный мир защитит тебя от твоих первых серьёзных успехов!" Гай не отмахнулся и от вопроса, как научился сам. Правда, ответ ясности не добавил. "От природы, — сказал он, — в один момент я увидел — где, и следом — что... А дальше сутки выныривал!.."

Эксклюзивность темы, и та заслуживала более высокой оплаты, нежели один артефакт, за неё даденный!..

А Густав сидел над, завернувшим вверх четыре уголка, листом и представлял на его фоне, как становиться Гай живым артефактом по мановению его руки... На этом самом, скрипящем песком, паркете... Красавец, белобрысый Гай — жабой на кривых лапках, которые не держат её, жабой-кофейным-столиком, переползающей с сервизом на спине от гостя к хозяину... Цаплей, лишённой ног, не могущей приземлиться, носящей в клюве по кругу тяжёлую люстру над игровым столом... Когда Густав отнимет другой мир для себя, этот сделает облачным рынком, он будет под люстрой, под цаплей сдавать гостям рынка проклятую колоду...

"Баста! Вернулся к реальности!.." Густав выдохнул и выпрямился. "Выбираю стратегию. Любую. Сделаю так... Одна фраза или слово. Я произношу её в уме всё медленней и медленней. И смотрю". Не мудрствуя, они вертелись на языке, "ледяные цвета", Густав начал повторять это словосочетание. Сперва быстро, в разговорном темпе, пока не отпустил его нерациональный гнев. Вернулась сосредоточенность и послушность ума полудроида. Замедлился. Рассудил так: между словами, слогами не должно образовываться пауз разного размера. Пусть перетекают звуки в уме без перерыва, как журчание воды...

И правильно, и не очень... Какой-то незадействованный, второй слой ума мешал ему. Блуждал, сбивал, вторгался. Оценочный что ли?.. Слой желаний и намерений?.. К двум выбранным словам не липло внимание. Они безразличны ему, да. Но Густав не стал менять на другие. Так можно вечно менять... Поступил иначе. Слушал журчанье в уме: "...ледяные цвета... ледяные... цвета...", а слышал за ними: "...мне безразлично..." Цвета — мне. Ледяные — безразлично. Наименования и чувства перемешались. Слова поменялись местами, отчего-то стало удобней: "...цвета ледяные..." Да, так удобней... Надо ли говорить, что глаза его начали закрываться?.. Густав отметил это. Поборол. Он представил себя статуей с открытыми глазами. И остался сидеть, не позволяя взгляду блуждать ни снаружи, ни внутри, по Впечатлениям и воспоминаниям. Он — пустотелая статуя, сквозняки проходят в пустые глазницы...

На тот момент Густав не обратил внимания, что затих, отдалился голос дроида. Почти перестал досаждать ему. При отсутствии признаков ожидаемых каких-то, Густав ощущал, что на верном пути. "Да!.." — констатировал он и уставился на бумагу. Надпись не проявилась. К тому же этим "да!.." он мгновенно испортил достигнутое, скатился в исходную точку. Успел отметить нюанс: некоторое время он видел... не глядя. Зал целиком, массивный стол, свет, льющийся в дом, дюны снаружи. В высшей степени отчётливо. Как и слышал шуршащий песчинками сквозняк, отдалённый плеск фонтана, каждую струйку фонтана... Каждую песчинку на полу... Ещё не те успехи, из-за которых Гай советовал экспериментировать дома, но уже кое-что...

Густав уделил не один день закреплению достигнутого.

Спустя трое суток и "цвета ледяные", и "мне безразлично", и целый мир, подробный, смотрящий в его пустые глаза, объединились. Они тянулись, текли неразрывно со вдохом и выдохом, замедлившись в несколько раз. "Цвета?.. Ледяные?.." Словосочетание начало нравиться ему. Пришло время следующей ступени. Скользкой. И следующего падения к подножию.

Густав не спал. Однако плеск фонтана ощутил внезапно на руках. Ощутил скатывающимся по голове, по плечам, до кистей рук. Так отчётливо, что вздрогнул. Подумал, вода испортит бумагу. Глюк. Причуда сознания. Густав встал, всё равно уж отвлёкся, спустился к нему умыться. И начал заново. "Они там есть, — сказал он себе прежде, — линии и буквы, виньетки, наверное. Я вижу то, на что не смотрю, комнату. Она отражается в моих глазах, в моём уме. Значит, и они отразятся".

Достигнув прежнего результата, ощутив ещё раз холодок мнимых капель, струек воды, но уже всей поверхностью кожи, Густав понял, что до того был сконцентрирован больше на руках, так и вышло. Отпустил внимание, исправил ошибку. "Я слышал — рукой! А теперь — собой. Вот, что происходит. Не знаю, какой в этом смысл, но определённо, не фантазии, а наблюдение. Тело — универсальный уловитель. Не обязательно слушать ушами". Нет отдельного смысла у данного этапа. Он скрывался в следующей ступени.

Смотреть и слушать любым пальцем, не суть главное. Густав понял, что он и думает ими. Думает всем телом. Сразу. Оно и размышляет, и о чём размышлять диктует оно... Подчиняется и обуславливает. "Я-то где?! — мелькнуло вдруг. — Хорошо, но я же решил заняться всем этим сейчас, так где — я?!" Отличный вопрос. Пока разбирался с ним, снаружи всё перепуталось: ускользание песчинок сквозь пальцы приобрело вкус, фонтан бил в небо словами "цвета ледяные"... Хаос! На самом деле, Густав был очень спокоен, медленно наблюдая отражение мира в своём теле, неразделённом уже на органы чувств, перепутавшееся слегка.

Следующее предположение было ошибочным. Однако попытка развить его швырнула уже не вниз, а на дальнейшую ступень. Густав решил, что раз так, то и вне облачного мира окружающее пространство должно отражаться в нём, высвечиваться в уме, согласно намерению неуловимого, повелевающего "я". Замечтался о ясновидении... Но предыдущее вовсе не было ясновидением. Он просто воспринимал и был спокоен. Порыв ума из достигнутого состояния направиться за пределы Собственного Мира принёс результат... Ошеломительный. С той самой,

желанной ему ясностью он забросил Густава в другое пространство. Но не внешнее, а в пространство его памяти. Снаружи облачного мира оказалась память его хозяина. За рамой стояло прошлое.

Дыхание его ускорилось, чтобы замедлиться в несколько раз. Похолодеть. Вступить в ту фазу, где невозможны или губительны быстрые, — то есть, по человеческим меркам, любые — движения тела и ума. Начинались предсказанные Гаем успехи...

Впрочем, окунувшись туда, Густав забыл и Гая и цель своего эксперимента. Память швырнула его, как всегда, в подзамочное, невыносимое. Главное. Опять фонтан виноват, плеск воды...

Густав в своём уме увидел Соловья, но не здесь, не у окна. Задолго до того.

Трещоткой, которая лежала сейчас в ящике дубового стола, он отбивает начало мелодии. На заре знакомства. Интересуется: "Ты знаешь её, друг мой?" Он едва не в первый день, сразу же начал звать его другом... Дроиды, почему?! А у Густава свирель в руке. И он знает эту мелодию. Но отвечает: "Нет". Он лжёт. Уже начал охоту. И присматривается к следующим за ней. Отвечает "нет", потому что настоящий музыкант не сможет не поделиться. Сейчас Соловей пригласит его на Мелоди. Там будут играть её, песенку: "Роса... — дроиду на ресницы..." Не один Густав придёт, с Восходящим. И по его просьбе глупую, до невозможности сентиментальную песенку будут играть нарочно для них специально те, кто придумал её. Этим простым способом Густав сблизится через Соловья с несколькими ещё наивными, как эта песенка, завсегдатаями Мелоди-Рынка. На нём не охотятся, не принято. Густав никогда и не сглупил бы так, с открытым лицом. Но однажды за чем-нибудь они появятся на Южном... Они будут рады знакомому лицу в лабиринте рядов, каждый из которых опасен по-своему. Так и случилось...

Что же такого? Чем мучит Густава воспоминание? Успешность, предусмотрительность, мягкость в охоте и крючки, заброшенные на перспективу, всегда радовали его... Что так саднит?.. О, сущий пустяк!.. Густав смотрит на певучую, шуструю трещотку в руке Соловья и помнит: "Теперь произнесу — не знаю этой мелодии..." А хочет воскликнуть: "Да, конечно!" И продолжить, подыграть... И останавливает себя. Без труда. Без размышления. И лжёт. Неужели из-за этого?.. Из-за такой ерунды каждая мелочь воспоминания холодит до дрожи?.. Или "цвета ледяные"? Или всё-таки ничтожная, маленькая ложь? Пресечённая песня... "Нельзя... — в дроиде усомниться..."

Последовали и другие эпизоды.

В каждом из них, вспоминая, как скрежет железа по стеклу, Густав слышал свою ложь. В каждом играл чужую партию, против себя играл. Фантазировал, вспоминая. И ему удавалось изобличить себя во лжи, чтобы выиграл другой. Мог спастись. Его жертвы выигрывали у него в воображении. И так и так он выходил победителем, Густав. А представить, что не солгал, он не мог. Не получалось. И первый эпизод всё время всплывал промеж остальными... Очень хотелось продолжить незатейливую мелодию... "Дроид в туманном море, думал ли ты обо мне?.."

То картина внутреннего состояния. Что до внешнего, Густав не в силах был пошевелиться. Точнее, ему недоставало решимости проверить, поднять руку. Статуя? С пустыми глазницами? Похоже, оно и получилось. Густав осознавал себя монументом изо льда. Из чего-то ещё более хрупкого, прессованного снега. Множество швов и трещин отзывались зловещим хрустом при попытке направить усилием воли куда-то свою мысль. Что уж говорить о попытке пошевелить пальцем. Он просто кренился в бездну, распадался на куски. Исправляясь, уходил в одно лишь дыхание, всё замедлявшееся и замедлявшееся. Тихо начинали высвечиваться иные картинки и

звуки... Цветов Ледяных?.. Густав определил, но не сразу: именно мысли, не воспоминания, заставляют скрежетать холодом свежие сколы на только что ровном зеркале памяти. На зеркале, которым стало его неподвижное тело. Ранило то, что пытался переиграть. Тогда Густав, "цвета ледяные", замедлил свой ум ещё против прежнего, расслабился и позволил ему только лишь отражать...

Последний этап.

Верхняя ступень, не отмеченная особыми признаками. Он уже некоторое время стоял на ней, соскальзывал, не мог не скользить.

Теперь смог. Его прошлое лежало перед Густавом как на ладони, открыто. Устойчивый оборот прежних времён всплыл: "Вся жизнь промелькнула перед глазами." Не случайный, значит, оборот. "Значит, и людям до дроидов представал этот холод в моменты крайней опасности, замедления до предела". Целая жизнь?.. Конечно, он, несравненный охотник Южного, ещё молод... Но какая же она короткая!.. Маленькая... Однообразная... На удивление. Странно видеть всё сразу... Отрезвляет, показывает масштаб. А масштаба-то и нету... На фоне пустоты до и пустоты после. Зёрнышко, песчинка. "Интересно, для кого-то не так, иначе выглядит панорама?.."

В наступившей ясной пустоте прошлое больше не диктовало ему направления взгляда.

Густав смотрел, как из подбрюшья Великого Моря валит, кружится, сыплет снег на белую, беспредельную степь. Отдаляясь. Как подобное северному сиянию чьё-то охватывающее внимание переливается над ним, вознося, поднимая к другим всполохом и переплетениям. Он не спешил, не любопытствовал, не забегал вперёд, глядя. Он достиг, погружаясь в "цвета ледяные" минут безупречных и правильных... Нечего исправлять. Спешить некуда.

"Цвета ледяные" под взглядом, которому совершенно всё равно...

Так медленно Густав дышал, что не сумел бы ответить, спроси его, вдох или выдох сейчас течёт, движет огоньками дроидов в его теле? Сквозь отдалившийся снегопад первого в жизни, последнего в эксперименте воспоминания, он видел свою комнату, большой зал, стол морёного дуба, песок волнами на шашечках паркета... И развёрнутый на них свиток бумаги, прижатый гирьками его оружия, прямо перед собой. Несколько строчек, обрамлённых виньетками, переливались на листе, отражая не потолок, а направление противоположное взгляду, Густава, молочно-белую кожу его плеч, штукатурку стены. Размашистый и элегантный почерк Гая сообщал ему: "Густав, Бутон-биг-Надир приглашает тебя стать четвёртым оракулом в поворотный день сезона туманов. Уверен, к этому времени приглашение ты прочтёшь. Награда за услугу — Впечатление Минта. Постскриптум. Ты понял правильно, ледяные цвета зеркальны. И они отразят... Даже части от частей тела!.. Память исчерпалась, да? Переставай отражать и начинай действовать, Густав... Или прощай!.. Собственный Мир не панацея!"

Густав долго смотрел на строки. Не мог прочитать, осознать. Они были безразличны ему, как и всё перед глазами, абсолютно. Забыл про что это, зачем? Не удивился им, не заинтересовался.

Дошло. Постепенно. Шевельнул мизинцем... Нет, не так, вначале подумал о нём. Снаружи Собственного Мира то, что ощутил, наверное, называлось бы "больно", за рамой его... — ошеломительно! Зримое, мыслимое, чувства и память, колосс его спокойствия пошёл трещинами! Хрустнул! Взорвался до пыли!.. Но поскольку Густав замер, из ледяной, зеркальной пыли собрался, как ни в чём не бывало. Иллюзорный колосс иллюзорного спокойствия, без

тепла в сердце, без намерений и предпочтений, внимательное облако холодного ума. Единственное намерение опять оказалось снаружи, между строчками и глазами, заново доносящее их смысл. Осмыслив во второй раз, постепенно Густав начал ускорять дыхание. Сообразил, что удобней сделать его поверхностным. Выдержка и ум не изменили Густаву. Он быстро пресекал моменты паники после внезапных мыслей, непроизвольного следования им, микроскопических движений тела, когда рушилось всё...

Выход его из цветов ледяных, подробный, нелёгкий выход долго рассказывать в деталях.

По итогу. Он понял, что Гай имел право сказать "от природы". Ясно увидел и проделал несколько раз: на полное замедление не требуется больше одного выдоха. И на выход больше чем один вдох не нужно. Гай очень вырос в его глазах при завершении эксперимента. Густав допустил даже возможность пересмотреть, уготованное этому технарю, будущее в облике прямоходячего енота, окуривающего благовонными палочками гостей... Он очень устал. И задумался: "А что если заснуть, подремать так, в промежуточном состоянии?"

Густав замедлил дыхание. Немного. Прикрыл глаза и от света нового дня заслонил рукой... Не избегая и не вслушиваясь в пение дроида, полулёжа, прислонился к стене. Пнул свиток, вытянул ноги... Почти тихо... Почти хорошо...

Впечатление Гарольда бросилось ему в лицо!.. Вместе с пеной шипящих, бешеных волн, ветром, рёвом и яростью! Покрытый густой, чёрной шерстью, Гарольд, гора с разинутой пастью гориллы, с бивнями и клыками, шёл на него, вздымался над берегом... В бурю ли вышел?.. Или гнал её перед собой?! Прямо в лицо Густаву впивалось Чудовище Моря кровожадными глазами. Он не мимо смотрел, нет! Гарольд смотрел и видел! Словно наяву, словно живой! А ведь Густав даже не выпил это чёртово Впечатление, до горечи солёный корень его!.. Набегающий, ежесекундно растущий вал угрозы, ненависти, прицельный, зрячий, ждущий обрушиться... И рёв, оглушительный рёв!.. С лютой ненавистью Гарольд рычал, вырастая, кренясь, раздирая его бешеными глазами... "Са-аль-ва-а-до-ор!.." Густав подскочил, позабыв всё на свете. "Только не закрывать глаза! Тихо-тихо отдышаться... О, проклятие дроидов!.. Чарито, ты говорила — об этом?.. Или будут ещё сюрпризы?.. Чарито, ты знала!.."

Густав был шокирован, раздосадован, оскорблён. Конечно, не сразу, но попробовал снова. С тем же результатом. Кошмар. Лютый кошмар. "Чарито!.. Ты знала!.." — передразнил его внутренний голос. — Чарито разве скрывала, что знает?.. Мадлен!.. Так восклицай, Густав... — Ты знала, Мадлен!.."

Глава 37

Глава 37.

Случившееся с барабанщиком Мелоди, Пассия, постепенно прояснялось для Господина Сомы из его сбивчивой речи. Перемежавшейся нравственными сентенциями и горячими проклятиями.

Раскаявшийся хищник, даже не грабитель как До-До, изводивший Господина Сому, хозяином мира он был бедным. Своего торгового шатра в общем их шатре-артефакте не ставил, раскаявшийся ведь, соответственно группа не охотилась для него. На рынках не любил и не умел торговать. Скучал на них. Торгуют и охотятся завсегдатаи точно пауки в засаде. Долго, непредсказуемо долго, да ну. Зато в игре, рисковый и ловкий он часто срывал банк. Уносил множество вещичек, делавших его пребывание на Мелоди-Рынке куда веселей. Музыкант и танцор, выступая на этом мирном рынке, он хотел не только получать за своё искусство, но и дарить. Пускай, награды там чаще символические, не важно. Хотел покупать иногда, такое у них практикуется и уже за весомую цену, редких, необычных партнёров в танец. Покупка танца на Мелоди, это, кстати говоря, один из ритуалов примирения, подходящее место и подходящий способ. Не обязательно состоявшегося примирения, но если оно удалось, цену принято возвращать...

На краю гибели, с обрыва Пассу открылся такой простор, столько пиков и граней, пропастей и вершин бытия... Столько новых вопросов, что осмысление их растянется на годы. Тогда же в Собственном Мире лишь Господин Сома с его терпением и опытом мог разобраться в потоке восклицаний, запоздалых, простирающихся до последнего вздоха клятв: "Никогда, никогда впредь!... Всегда, всегда перед тем как!.." И сквозной нитью: "О, кто бы мог такое вообразить!.."

Кто? Бутон-биг-Надир, к примеру...

Канва же произошедшего с Пассия выглядит так...

Исключительно в сумерках, на закате или рассвете в слоистом тумане, низко стелящемся над землёй, перемешанном с огоньками дроидов, и неопасном на вид, в областях континента, удалённых от моря, можно увидеть не совсем обычную фигуру человека. Увидеть и услышать... А чаще наоборот, в обратном порядке: услышать и разглядеть...

Верхом на Белом Драконе, стоящем посреди тумана, неясно, но различимым в покое на земле, мерцающем, но не тающем драконе. Неподвижном, расплывчатых очертаний. Он не преступает с лапы на лапу. Не косится на всадника. Дракон смотрит вниз перед собой, опустив голову, как пьющая лошадь. Он кажется неживым. И это не дракон.

"Сразу, сразу же, Сома, он насторожил меня!.. Дроидом там и не пахло!.." Сидящего верхом человека, плащом спускаясь до земли, покрывают его прямые, чёрные волосы. Возможно, до этого тебя привела к нему музыка, негромкий, вкрадчивый, ритмический рокот... Если и нет, услышишь, что он тихо, неразборчиво напевает что-то, потом заговаривает с тобой... Интонации не меняя, не обращаясь прямо, а словно в пространство... Предлагает пойти с ним в подземный, маленький Мелоди... Мелоди для гурманов, для посвящённых... На этом этапе обычно сбегают. Подземный, ага-ага... Человек из тумана не преследует, ни за кем не гонится. На следующий день его уже забывают. О чём тут говорить? Ну, повстречали глупого хищника, не умеющего охотится. Так скажут слушавшие его голос, только голос и видевшие, как он удаляется в тумане. Единицы. А сколькие ничего уже не скажут? Слушавшие музыку в тумане. Последовавшие за

ним, за уходящим рокотом, за гипнотическим ритмом... Он уходит... Ещё несколько шагов следом... Ещё взмах крыльев драконьих... Чуть-чуть ещё послушать... Совсем чуть-чуть...

Настоящего Морского Чудовища в редком тумане глупо опасаться так далеко от океана. Разве наступишь на заблудившуюся бестолковую тень... Верно, в долину не заходили Морские Чудовища. И уже давно... Не из-за сухого воздуха. Из-за того, кто обитал в пустотах подземного гнезда. Можно сказать, что сумеречный музыкант знает лакуны земли как собственное тело, но только... Они и были его телом. Вроде как грибница — тело гриба, где-то похоже... Нечасто и ненадолго он появлялся на поверхности.

После бурных танцев дневных, соревновательных, отдыхая от Мелоди, Пассия не спеша курсировал низко над континентом, решив подремать до утра на спине, в полёте. Он порядочно удалился от рынка, коснувшиеся слуха звуки удивили его, разбудили. Черноволосый, незнакомый силуэт маячил в тумане. На сбруе мнимого дракона, подобной тем, что плела Нико, закреплены два барабана и пять маленьких барабанчиков. "Небо и море, Сома, я подумал, что же натянуто на них?! Столь глубокие, так близкие к человеческим голосам, к дыханию дроида, когда он отвечает тебе, не отвечая, а ты понимаешь всё... Из чего они сделаны, из каких Впечатлений воплощены?.." Черноволосый некто пробегал по ним пальцами, небрежно, бесстрастно играл на них...

О, со времён пребывания Восходящим любимое, избранное им занятие, столетиями культивируемое своё мастерство показалось Пассия жалкой пародией в сравнении с тем, что он услышал!.. Долина откликалась неведомому музыканту. Глухой основной ритм охватывал её — и его — до дрожи, до растворения в нём. Переливы, перестуки маленьких барабанчиков и ещё каких-то, не видимых издалека, совсем крошечных, звонких... Они заставляли думать, что у игравшего больше двух рук!.. Слоями колыхался, плавал туман над долиной, тишина не покинула её, вобрав эти барабаны, приняв как своё сердце, она слушала их, их стук, она вторила, и дышала... "Сколько же рук у него?! Десять? Сто?.." Пасс почти угадал — сто тысяч...

Там, под землёй были пустоты, как и во многих местах на материке, как под Южным. Не интересующие людей, они много значили для Морских Чудовищ, и неморских тем более. Игре Дзонга они резонировали, повторяли, преображали звуки. Удар кончиков пальцев запускал гулять каскад эха, то угасающего, то возвращающегося с новой силой... И наоборот, звуки капели на стенах в полной тишине на поверхности земли становились слышны...

Его гнездо, его подземный рынок, — имел право называть так в непродолжительное присутствие гостей, — образовался, когда огромная волна накрыла континент. Количество морской воды превысило во много раз застоявшееся в земных пустотах количество Читой Воды забвения. Разбавило, вытеснило, вобрало в себя. Чудовищу Моря стало возможно жить там. Создавать теней. Подниматься на поверхность в испарениях, ведь это морские туманы.

Одно из чудовищ не преминуло воспользоваться удобным, уединённым местом. Хотя называть одним из… Говорить, как про обычного демона моря, про Беспятого Дзонга-Ача... Про древнего, как Женщина в Красном... Оскорбительно. Неправильно даже.

Беспятым помнили его Морские Чудовища. Ача называли неморские. Немногие, осведомлённые о его существовании. Просто Ача… Ругательство. И в облачном рынке Гала-Галло звали так... На континенте тройное имя знал Биг-Буро.

Его полное имя стоит объяснить подробнее. Так как, оно наглядно демонстрирует три основных периода долгой, трагически страшной жизни.

Последнее имя — Ача. "Ач-чааа..." — Придыхание. Междометие.

Его выкрикивали, метаясь по стриженому, мокрому, вечернему саду обитатели Гала-Галло, когда Густав уже покинул рынок. Вопили: "Ача нашёл нас!.. Он выследил нас, мы погибли!.." Это и взбесило Мадлен, упоминание вслух. Плюс собственный страх. Она вовсе не думала, что выследил, и, тем не менее, паника заразна. Хуже нет, чем даже один паникёр!.. Как яд во Впечатлении, как оливка... "Чего орут, дураки?! Выследил бы, уже бы не орали!.. Кого Дзонг пошлёт впереди себя, маленького подонка, охотника с континента?! Дзонг не пошлёт перед собой даже смерть во плоти, потому что не смирился, не забыл и знает — он страшнее, чем смерть!.. Истеричные дураки, чего ждёте, разлетайтесь по мирам тогда..." Мадлен была гордой и злой, не подавала виду.

А по происхождению слова... "А-ча..." — это придыхание, звук на вдохе, с которым неморское чудовище, человек или некто сохранивший его обличье пожирает Впечатления из погибающего тела... Порядочные, опытные ача, аккуратные пользуются столовыми приборами. С целью, пусть и негромкого, но узнаваемого, компрометирующего звука избежать...

Беспятым прозвали его в океане сторонние наблюдатели, демоны моря наподобие Шершня. Прозвали за манеру долго ходить по дну, чуть что, поднимаясь на носки, вытягиваясь струной.

Он и года не пожил так, уродом. Боролся с присущими тенями и победил. Начал преобразовывать в другие, какие никто до него не мыслил. Внешние, его облик образующие. Полностью. Изнутри и снаружи. Кости, сосуды. Движение влаги... Усвоение Впечатлений... Они нестабильны, они ужасающе сильны в движении, в непрестанном движении, поглощая, и порождая, меняясь в пределах заданных Дзонгом, в облике его человеческого тела. Небывалое явление... Тысячи создал, тысячи тысяч сохраняющихся в непрерывном противоборстве теней. Когда растекаются — без облика, почти и без размера. Серый туман. Галки, мельтешащие в тумане…

А Дзонг, человеческое, настоящее его имя. Чистого хозяина, музыканта. Тогда он носил с собой звонкие, с монету размером медные тарелки, те, что надевают на пальцы... Звонкая музыка, звонкое имя...

"Дзонг-Ача!.." — в страшных снах, срывающийся крик свой слышала Кроха, чистая хозяйка в надёжном, уединённом Гала-Галло, одна из его основательниц. — "Дзонг, не приходи!.. Забудь же! О, забудь про нас!.. Стань настолько удачлив, настолько счастлив в безднах морских, чтобы не помнить про нас!.. Дзонг, я не виновна!.."

Гала-Галло кружил среди облачных миров, неведомый, недосягаемый... А в нём, пробудившись от тусклого, повторяющегося кошмара, Мадлен шептала, закрывая рот рукой: "Забудь, навеки забудь, Ача!.. Стань, призрак, факелом на океанском дне, ненавистный... Забудь нас, Ача! Пусть хищные тени моря червями проникнут в твои глазницы и выгрызут память... Пускай хищники земли превратят тебя в чашку и разобьют, смеясь... Забудь про Гала-Галло, Ача, забудь про Галло!.."

Кровно заинтересованный в сохранении равновесия сил на рынках материка, Бутон-биг-Надир тоже не мог избавиться от мыслей об Ача. Особенно припоминая глобальную катастрофу, экспансию Архитектора, уничтожившую родной для Буро Центральный Рынок. Думал и под нос себе бормотал: "Ах, знать бы какие угрозы ты прячешь, пестуешь в мыслях, там, где и свою ненависть, Дзонг-Ача!.. Куда направляешься, на что рассчитываешь?.. Как бы выследить тебя, как приблизиться к тебе, состоящему из ненависти?.." В самом деле, как? А ведь Буро оставался один лишь шаг от Сомы до Дзонга! Не сделанный шаг.

Его жизнь как чудовища протекала однообразно. Сурово. Поистине внутренняя, в земле и в размышлениях об охоте и о Гала-Галло. Сохранивших ему рассудок очень острым. И очень узким. Стратег, тактик, чудовище. Как если б у Дзонга была одна головоломка на все времена и он всё пытался её разгадать.

Потоки его нестабильных подземных теней улавливали, различали малейшие вибрации земли, шум редчайших на континенте ливней, порывы ветра в тумане и днём различные, следы драконьих лап, тающих на тверди, чьих-то шагов навстречу своей гибели, лёгких человеческих шагов. Большую часть времени пребывая ниже поверхности земли, Дзонг освоил её качества и свои новые возможности в совершенстве. Надо ли говорить, что развив подобную чуткость, он — цвета ледяные?.. Вот кто не подозревал об их именовании!.. — мог замедлять свой ум и течение дыхания, настолько, что рукой коснувшись земли, по вибрациям видел, без преувеличения — видел происходящее вокруг, на порядочном расстоянии. Да что от земли!.. С закрытыми глазами он раскрывал ладонь навстречу ветру и знал кто стоит перед ним...

Подземные стабильные тени... В реках тоже имели форму, облик, как же без этого... Как если бы нескончаемый червь способный распадаться на сочленения в любых местах, имел по бокам чередующиеся тонкие, заострённые лапки и овальные, полупрозрачные крылья... Лапки кончались острыми пиками, овалы крыльев шипами. И то и другое казалось невообразимо острым, а было липким. Чпокая, растекалось при соприкосновении, приклеивалось намертво, поглощалось другими частями червя, возвращалось в него с добычей. Уносило... Трудно разобрать, текла там, в пустотах земных морская вода?.. Или всю её вобрало это змеящееся, непостоянное, липкое, бегающее и летучее?.. Головой которого в прямом и переносном смысле являлся Дзонг. Он, в общем-то, и не придумывал их нарочно... Осколки его ненависти... Они получились сами. Удались.

Часть теней на поверхности земли складывалась в стабильные. Угластые... Как галочкой рисуют чайку над морем, так выглядели их головы. Глаза — две яркие точки на самом углу, на носу. Нос острый, загнут вверх. Пасть открывается во всю галку... Алая, орущая, будто птенец в гнезде, изнутри усаженная шипами. Нет туловища, волочится сзади шлейф, как раздавленный... Липкие, шустрые, чуткие, жадные, лишённые мысли. Они могли напугать до смерти, без преувеличения. Вынюхивали. Загоняли. Ловил и пойманными распоряжался Дзонг-Ача, приняв человеческий облик. Из-за повторявшейся многократно, невыносимой процедуры освобождения от присущих теней зелёная кожа его стала вновь казаться белой, множество шрамов, трещин слились в паутину, затем в сплошную пелену. Дзонг стал белый, как битое до предела стекло, раскрошенное в пыль.

Были у Дзонга и другие формы. Тень-дракон, например... Дзонг садился на него, располагал настоящие барабаны и отправлялся на охоту. Исходно он гулял барабанщиком в тумане не ради охоты. Опомнившись, отойдя от холода и ужаса преображений морских, обретя иное тело, он начал делать то, что умел хорошо и любил когда-то... Он играл. Барабаны нашёл, разорив чей-то тайник, они артефакты, не иллюзия. Наверное, и охота начала удаваться потому... Потому что гулкие и напевные повторы барабанных ритмов, отражали глубокую грусть, бездонную, глубже гнева... Скорбь. Не агрессивная ничуть, мягче танцевальных пассажей Мелоди-Рынка звучала музыка горя, человека, не чудовища, последнее человеческое, что сохранил в себе Дзонг-Ача. Или оно сохранилось в нём. Или — оно сохранило его... Как сказать.

"Дзонг-Ача, забудь про нас!.. Забудь своё горе! Свой Гала-Галло!.."

Большинство из людей, неосторожно посетив его пустошь, ступив на землю, или же не ступив, покружив над нею, не становились пищей. Вообще не видели его, и не догадывались о том, насколько ранеными улетали оттуда. Заподозрив неладное, дискомфорт в груди, в голове, помутившееся зрение, они списывали на ядовитую тень, не требующую лечения, распавшуюся быстро. Отнюдь... С единственной тенью вокруг зрачка Дзонг отпускал их. И тенью как раз-таки не ядовитой до тех пор, пока...

В глазах тающих Белых Драконов Дзонг надеялся увидеть его — рынок... Если повезёт ещё кого-то, теперешних обитателей, способных указать дорогу. Если раненый услышит "Галло... Гала-Галло...", тень распадётся и отравит носителя, точно позволив Дзонгу разглядеть черты и местонахождение откликнувшегося в прощальном взгляде драконьем, в небесах. И такового пока не случилось. Один шаг оставался и ему до Господина Сомы!

Парни, переловленные и истреблённые группой игроков Против Секундной Стрелки, промышлявшие неблагородной, недроидской охотой в небе толпой и с верёвками, должны были стать пробным проектом Дзонга, новой стратегией. Его глазами на рынках, клешнями над рынками... А им он представлялся неморским демоном, отшельником. Очень странным и очень могущественным. Представлялось, смешно сказать, что добровольно они спускались в лакуны, на берега гулких рек... И реки для начала прятали на короткое время острые лапки, приглушали зудящий вой миллиардов крылышек, притворялись тёмными реками, морской водой. Хищников опьянила сырая атмосфера вдыхаемых и выдыхаемых хозяином теней... Они не только шли, куда он хочет, они и думали, что он прикажет! По крайней мере, там, внизу.

На поверхности место опьянения занимал тупой страх. Грозную власть Дзонг сполна продемонстрировал им! На одном из них же. Невозможно забыть, как оживают земля и река... Как приподнимается над своим руслом... Как начинает бежать по нему, стуча остриями клешней... Лететь, зудя синими крылышками, без конца и края, без хвоста и головы, взбрыкивая петлями, выскакивая ими... И унося того, кто мгновенье назад стоял рядом с тобой... Дзонг выбрал место, где крик вдвое громче, где повторяет эхо, разносит, искажает, гремит... И заканчивается оглушительной тишиной... Они вышли молчаливыми охотниками, возвратными, прикованными к нему.

Не вышло. Он слишком по-морскому, как чудовище мыслил. Таких, лазутчиков его, отвергают рынки, вольные, суетные, свободные.

Кроме теней, Дзонг, видя неблагородную их сущность, решил привязать к себе их и другим путём. Чтобы держались своими руками. Показал и научил их тому, что делает людей и полулюдей, демонов, чудовищами худшими, чем Чудовища Моря. То продемонстрировал, чему и Биг-Буро отдавал дань, но распространению чего был, ха-ха, категорическим противником. Но сам умел, сам умел...

В Великом Море, там всё просто и быстро. Стремительно. И обосновано. Ливней Впечатлений там не бывает. Еда — это еда. Полудоид — это еда. Связные Впечатления — пища и материал для теней. Тепло — это тепло, пустое, но ценимое удовольствие. А немногие, вернувшиеся на сушу, чудовища имеют время поразмышлять, разобраться... Но не во благо они зачастую обращают свой новый опыт и проницательность, увы...

Раскаявшийся хищник, Пассия не предавал тех двоих. Он собирался продемонстрировать им монстра. Показать на кого охотятся эти, над Южным, с верёвками. В глубине души, хотел

увидеть и услышать его ещё раз! А один лететь боялся! Полудроидская ребячливость.

Потрясающая барабанная музыка была грубо нарушена появлением их, с добычей. Пассия стал свидетелем. Много чему… И его заметили, сбежал. Родился план. Они будут преследовать его, он сделает вид, что хочет присоединиться к их компании. Притворится, и пусть за ним проследят... Друзья. Пусть одного он якобы поймает, а другой проследит. Сбежит. Приведёт помощь. Устроят крупное сражение немедленно, над долиной. Либо же расскажут всем своим, игроками против Секундной Стрелки, что к чему…

План как план, нормальный план. Ну, по факту подставил. Но не намеренно! Предположить не мог, за какие пределы простирается сила Ача. На какой высоте над землёй заканчивается…

Оба пропали. Пасс второй раз сбежал.

Он был ранен и тенью молчания... Возвратной. Типичной морской, чтоб не позвал дроида... Ранен уже на драконе верхом. Из-за неё-то Пассия и не отказался играть, бежать против стрелки безнадёжное количество кругов. Потому что так лучше, гораздо лучше, чем плен! Как сказал бы Олив: «Свободный по-природе и судьбе». Не сложилось у Дзонга. Пассия ускользнул.

Глава 38

Глава 38.

Беспятый Дзонг-Ача... Машина демонической охоты. Вирус, из затерянной на востоке пустоши, распространяющийся на весь континент, метящий в облачные рынки. По сию пору неведомый никому, кроме галло и Бутон-биг-Надира... Вирус медлительный, бессловесный. Барабаны горя в тумане.

Понятно, ни тягчайшее оскорбление, ни любая утрата, помимо одной невосполнимой, породить ненависть такой силы не могут. Утрата Собственного Мира, порча, полное разрушение его оставляют всё-таки надежду... Их Дзонг пережил. И утрату и надежду. Пренебрёг, не заметил... Что же остаётся? Конечно. Утрата друга... Возлюбленного. И какого!.. О да, любовь не торговля, полудроиды не выбирают, дроиды тоже, Фортуна стоит наверху, благоволит и смеётся, и отворачивается, чтобы скрыть слёзы, они не выбирают... Но какого! Каков он был!.. Он был прекрасен.

Безупречно счастливый чистый хозяин, тогда ещё просто Дзонг, любил, и взаимно, и пребывал в наилучшем положении из всех возможных. Горизонты, будущие сады, возможности завтрашнего дня… Дзонг недавно стал хозяином, его друг был Восходящим, нельзя посетить эскиз, владения Дзонга они условились тоже не посещать до тех пор, пока не сравняются в статусе. Всё-всё впереди!.. С вершины счастья до самого дна, в прямом смысле слова, океанского дна... Он пал в мгновение ока.

Да, Гала-Галло, облачный рынок восьми хозяек был его Собственным Миром, а название придумал Вайолет...

Вайолет…

Стоит рассказать про это удивительное существо. Хоть история Дзонга, личная, не относящаяся к другим, заканчивается с его исчезновением, а история захватившая изгнанников, хищников и охотников Южного, тёмная история Беспятого Ача начинается, нельзя не упомянуть о нём.

За недолгие годы Восходящего Вайолет успел стать кем-то вроде Беста для своего времени и определённого круга людей. Людей весёлых, сведённых вместе не безысходностью изгнанничества, а тягой к искусству и потребностью делится им. Такому искусству, от которого уединение отнимает главную часть. Музыки. Песен.

Сейчас они обосновались бы на Мелоди-Рынке. В те времена он только-только образовался, в качестве торгового рынка музыкальных инструментов. Для Мелоди расцвет начался с приходом танцоров. Собственно, танцевальные ритмы на нём и возобладали. Музыканты же собирались в нескольких неторговых, облачных рынках, соответственно своим предпочтениям, весьма многообразным. В те времена, про которые речь, самым крупным из песенных был облачный Рынок Веретено. Он и выглядел подобающе, длинное, неяркое облако.

Плюс ещё забавное свойство... С какой стороны ни подлетаешь к нему, оказывается что рама на противоположной стороне и с другого конца. Приходится облетать, словно ты нитка, оборачивающаяся вокруг! Некоторые видели в этом тайный заговор Белых Драконов, желающих лишний раз покувыркаться в небе! Ведь наездники пропадали на площадках Веретено многие дни напролёт...

Изнутри простой и чудесный, мир сообщающихся озёр, между которыми обнаруживались и зелёные, тенистые уголки, и беседки, и большие портики. Имелась и главная площадь,

окружённая стеной. Ажурной, проёмы скруглённых арок образовывали её. Выложенная плитами разной высоты, мраморными полумесяцами скамеек, как разбегающимися от сердцевины, от сцены, лепестками густо-махровой розы. Чайной розы или увядающей, каменные скамьи тёплого коричневого цвета, охристого, где ярче, где бледней... Вайолет предпочитал это открытое место рынка самым пленительным его уголкам. Особенно ночью. Когда скрытая механика из-под арочных сводов посылала гулять по площади неторопливые языки сияния. Плавные, в человеческий рост, меняющиеся от лунных до бордовых тонов, винных, тёмно-бордовых. Плывущие, огибающие людей, способные танцевать, покачиваясь, изгибаясь под музыку и пение... И дни там превосходны, ночи ещё лучше дней...

На Рынке Веретено не торговали. И не охотились. По крайней мере, тогда.

Касательно его имени, сущностный момент. Вайолет — прозвище. Но не по цвету куртки, как Чёрным Драконом был назван Индиго. Не по цвету вообще. Вайолетом назывался стиль, песенное течение, принципиально отличавшееся от остальных. И Вайолет стал звездой, отразившейся на его глади, из глубокой древности несущей свою красоту, широкой реки. Вбирающей многое. Утешающей многих. Прекрасной.

Вайолет развивал стиль, искал примеры его во Впечатлениях. Повторял, насколько уместно это слово в связи с глубинной сущностью стиля, темы особо любимые другими в традиционном вайолет. Прививал, переносил новые темы. Приглашал в него, в вайолет простой и сложный, волшебный, предельно открытый.

Приглашал... И это — главное, что он делал. Из любого стиля, музыкантов и танцоров, с любого рынка, людей в руках у которых до той поры пели только их барабаны или дудочки... И слушателей, случайных гостей, торговцев, небесных бродяжек... Кого повстречает в небе и на земле, ненавязчиво, скорее спросив, чем расписывая традиции Веретено. Спросив об интересах и радостях жизни, припомнив сходную тему, людей с похожими склонностями, он приглашал в вайолет. Потому что каждого считал сокровищем. Для развития стиля, для мелодий, сюжетов, невысказанных, не проговорённых ещё... Бесконечных ночей, волшебных ночей вайолет… И для себя лично.

Что же это за стиль… Это пение акапелла, без сопровождения, вдвоём. И оно бывает столь разнообразно в мелодическом и содержательном плане, сколь можно и невозможно вообразить.

Если угодно — без слов совсем. Если угодно — дробным речитативом. Можно изображать голоса инструментов, перекличку в Туманном Море дроидов, перезвон, да что угодно. С ещё одним непременным условием: импровизация, разговор. Любой. Развитие темы или отстранённый взгляд на неё, перебивки комментариями на другую тему, о происходящем сейчас вокруг. Да просто шутками!.. Когда подхватывают другие голоса, это ай-вайолет, разновидность популярная тоже. Им обычно и завершается пение двоих на площади, красиво завершается...

В новой песне могут вспоминаться множество песен старых, любимых, забытых... Песня может сочиняться с нуля. Когда через год или больше вернётся небесный бродяжка на Рынок Веретено, а все ему: "Расскажи! Рассказывай, чего видел!.. Какие рамы, что за прихожие в них?.. Кого встретил в небе? Расскажи нам несколько связных Впечатлений, длинных, на всю ночь!.." А он ответит: "Кто же будет расспрашивать меня?" Склонит голову вопросительно и взглянет на того, о ком скучал больше, чем об остальных: "Вайолет?.." И они поют... С долгими повествовательными промежутками, с припевами и быстрым речитативом, с вопросами обратно: "А что у вас новенького здесь?.."

Стиль одно время почти утраченный, красивый невероятно. Образ выступления дуэта бывал и по-настоящему древним, когда двое сидят лицом к лицу, взявшись за руки, рассказ переходит от одного к другому. Бывал темпераментной перебранкой танцоров, кружащих по площади, подначивая, пытаясь привлечь публику на свою сторону, начать ай-вайолет!.. Бывал согласованным речитативом, с прыжками, ужимками, переменой костюмов и масок, театр практически. А бывал перепевом бессмертных, всем известных "пяти прощаний" на два голоса, что придавало им перчинку абсурда и новую глубину, странную сладость и новую горечь, весьма скоро увлекая слушателей в общий танец и пятикратный для каждой темы припев, всё восходящий к надежде и никогда не достигающей её...

Песни годами и тысячелетиями кочующие среди полудроидов, не забываемые, избранные, они практически все печальны. За исключением нескольких сентиментальных, коротких, предельной простоты песенок. Остальные грустны, почему так?..

Радостно и искусно Вайолет поддерживал виды и разновидности стиля без разбора. Петь и танцевать с ним почитали за счастье. Но прославился он изначальным вайолет: тихим, напевным разговором рука к руке, глаза в глаза. Восходящий, он словно впитал через это мудрость, терпеливый, поступательный ход тысячелетий, смены эпох, их героев, их откровений, и основополагающей какой-то неизменности. Он помнил великое множество саг эпохи до дроидов. Начинал любую, а визави продолжал, если знает тоже, или спрашивал, или фантазировал, как заблагорассудится, на радость ему и слушателям, уходя в далёкие дали от первоисточника.

О Вайолете самом ходила легенда, что таким пением он заворожил чудовище, упав в Великое Море. Будто, он не только спасся, но и позвал морского демона за собой. На расспросы Вайолет смеялся. Он имел эту привычку, внезапно замолкать, отвечать на вопрос улыбкой или смехом, поцелуем иногда. Легенда, мало ли о ком ходят байки. Однако же, в пик сезона туманов, когда непостоянны ветра, и Рынок Веретено опускался к поверхности океана, случалось, несколько ночей подряд приходил петь с Вайолетом нелюдимый, смуглый юноша, чья кожа с зеленоватым оттенком чуть серебрилась, чей голос был необычайно глубок. А затем исчезал надолго...

Вот такого человека отняло у Дзонга коварство будущих галло.

Познакомился с любимым он в подобную же ночь, слушая сольную его простую песню, в ознаменование начала сухого сезона, уносящего рынок выше от моря, кружить среди облачных миров. Там, на площади. Услышал, взглянул и пропал. И родился заново.

Несмотря на то, что полудроидам суждена одна на всю жизнь сердечная привязанность, если суждена, в сближениях они медлительны, даже непоследовательны. Всецело свойственное им непостоянство проявляется и в дружбе, и разгорающейся любви.

Эпоха высших дроидов... Вокруг столько красивого, столько желанного... Чистые хозяева обожают свои миры. Хищники — собственноручное превращение человека в артефакт, волшебное злое творчество. Охотники — азарт. Коллекционеры, торговцы всех мастей увлечены артефактами. Борцы, музыканты... И все без исключения, даже трусишки-хозяева любят гоняться среди грозовых туч и ливней, небесный бродяжка скрыт в каждом из них. При стольких отвлекающих моментах двое могут годами приглядываться, пересекаясь реже, чем с приятелями, имея разные сферы интересов. Плюс, полудроиды так долго живут, куда им спешить? Неторопливо сближаются орбиты. Пока не обнаружится, что они идентичны по форме

и размеру, что это одна орбита. С тех пор не расстаются. И треугольников не бывает. Но перед тем долгое время всё так неопределённо, необязательно... Только не в их случае. Не в этот раз.

Лавируя между людьми и компаниями, перешагивая пустые скамьи, Дзонг успел пересечь площадь, пока длилась песня начала сухого сезона. Закончилась. Певец широко улыбнулся ему, озарённому и провожаемому от самой арки танцующим всполохом света, словно камердинером ночной площади, поклонился слегка... И сказал:

— Вайолет?..

То ли представляясь, то ли приглашая. Дзонг отдал ему левую руку. Его руку накрыл своей на груди, как танцуют. Но они не танцевали. Только пели. Вайолет... О чём пели?.. Он так и не вспомнил! А для Вайолета ответить весёлым смехом на вопрос, обычное дело, как для дроида. Дзонг не добился с него толку:

— Слушай, о чём мы пели тогда?.. Ну, скажи, если помнишь!..

Смеётся... Вот всегда же — всегда!.. Не только с ним. На Вайолета никто в жизни не злился и не обижался.

Глава 39

Глава 39.

— И не надо на меня так смотреть! А тем более поглядывать!.. Унесу! Да, я жадный. Потому что, кольцо это с лапы он скоро сорвёт напрочь, и улетит. Если никто не сопрёт их раньше! — Ра обвёл компанию требовательным пристальным взглядом, насмешливым. — Ладно, попозже. Сейчас ухожу, любуйтесь до вечера. Хочу кое-что перепроверить, кому как, а мне любое слово древности дорого... Оставляю их под твою ответственность, Дзонг!..

И прыгнул сквозь пятигранную раму в полу. Педантичный, дотошный в коллекционируемых повестях, Ра покинул маленький, облачный Рынок Файф, Мерцающий Пятый, Мерцающий Пятистенок, так называли его, желая объяснить точнее, мало ли необычных форм, для завсегдатаев — Файф.

Уютный, камерный рынок-дом, четыре широких стены сходятся к пятой узкой, с окном во всю ширину.

Перед этим-то окном на жёрдочке и пребывало чудо порученное заботе Дзонга, к превеликой его радости, до конца дня!.. — Два попугая. Слева, крупный, яркий, словно райская птица, как и у неё из хвоста изящными дугами расходятся отдельные пёрышки, завершаясь треугольниками атласного, сине-зелёного перелива. На голове журавлиный хохолок такого же цвета. Но клюв, тело и лапы вполне попугайские. Блистательный! Крылья цвета фуксии с несколькими желтыми перьями, грудка пёстрая как неспелый лимон в вишнёвую крапинку, туловище лоснится густым, вишнёвым цветом. Сделанная на основе фантазийного Впечатления, сложная и дорогая механика, предназначенная для чтения вслух на изрядном количестве языков. Правда, на эсперанто полудроидов переводить он не мог.

Шикарная вещь сама по себе. Однако, полудроиды, они ведь как дети... Когда только есть возможность повеселиться... Кому первому в голову пришла эта идея? Тайна покрытая мраком. Но с давних пор богатыми людьми Попка-Чтец укомплектовывался для полного шика книгой и живым артефактом самого шкодного характера. Иногда обезьянкой. В данном случае на цепочке, на одной жёрдочке рядом с Чтецом вертелся, клевал его, хлопал крыльями, переворачивался вниз головой ещё один попугай. Серый. Вдвое меньше его. Хулиганистый даже сверх требуемого. Разговорчивый!.. А Чтец — тонкая, деликатная машина... По счастью — крепкая.

Смотреть, как один попугай изводит другого, механического, передразнивает, уже неплохое развлечение, но в данном случае не основная часть программы. Основная зависела от свойств артефакта, книги лежавшей непосредственно перед жёрдочкой.

Бумажные страницы серый попугай рвал за милую душу. Но Рынок Файф к счастью завсегдатаям, к досаде грабителей был заполнен неукрадаемыми артефактами, огромными как диваны томами Вирту. Энциклопедий.

Раскрытые произвольно они и использовались как диваны! Не испортить, а мягкие!.. И листать их одно удовольствие. Запускаешь руку со стороны имитирующий золочёный обрез настоящего книжного тома, рука утопает в не проявленных страницах, бессчётных поистине, словно в шелковистой шерсти, и громадный том с лёгкостью раскрывается. Но вот поднять его невозможно!.. Можно перетащить, с трудом перетолкать в другое место. Созданы, будто сразу в расчёте на открытость облачного рынка, а не на Собственный Мир.

Да и картины, плотно закрывшие стены Файф тоже. Неотделимы от них. Гравюры, рисунки чёрно-белые и приглушённых, разбавленных тонов. Порой в монохром добавлен единственный цвет, расплёснутый пятном. Идеально попавший... В венчик осеннего цветка… В горную цепь

на заднем плане. В кайму на широком подоле платья танцовщицы ушедших веков... Непростые картины, приближаешься — проявляют детали, отдаляешься или отводишь взгляд — меркнут. От них и получил название "Мерцающий" Пятистенок.

С энциклопедиями же, с томами Вирту, если, конечно, использовать их не в качестве диванов, а по прямому назначению, существует одна проблема. Во многих случаях, не во всех. Отсутствие оглавления и возможности делать закладки. Чему посвящён каждый том, указано на его обложке.

Поболе двух дюжин Вирту разбросано во всём пятистенке, включая веранду. Примерно половина, стихи и песни. Половина от оставшегося, короткие истории на всякие темы по отдельности: войны, любовь... Ещё смешная тема, сквозная должна бы быть, а выделена толстенным томом: "я так и знал!.." Тема предчувствий, предвидений, судьбы... Есть другая отдельная тема: "возвращение". Меланхоличный Ра часто листал именно этот том...

Так вот, их можно листать вперёд и назад с любого места, но если захлопнул — финиш. Даже и не пытайся найти ту же страницу в следующий раз. Свойство, имевшее непосредственное отношение к Оракулу, на который Густав будет зван миллионы лет спустя после описываемых событий... Наверняка тот, кто создал, умел управляться с ними или имел дополнительную для этой цели штуку. Оглавление. Но секрет унёс с собой. Чьим облачным миром был Рынок Файф неведомо его весёлым, беззаботным гостям...

Зачем он перед птичками, раскрытый том Вирту? Перед Попкой-Чтецом ясно, а второй? Страницы листаются что рукой, что клювом и лапой легко... Чинный, серьёзный и яркий Чтец озвучивал строки с того место на которое указало что-либо очутившееся поверх страницы... Понятно?

Ещё в нём, Чтеце, заложен некоторый инстинкт самосохранения. Но не бегства, что же за механика, норовящая сбежать от владельца!.. Он может распушиться, клевать, хватать и отпихивать лапами, истошно попугайским криком орать! А может и человеческими словами, предпочитая те, что прочёл в недавнее время. Орать, кстати, смех смехом, для чужой собственности лучшая защита, и шухер поднимает, и отпугивает. Резкие дисгармоничные звуки плохо переносимы для полудроидов.

Как же Серенький его изводил! И устроили они это намеренно!..

Живой артефакт всегда создаётся с некоторой доминантой в характере. Позитивной, реже негативной. Для Серенького такой доминантой было всё блестящее и круглое, размером с орех, что можно украсть и спрятать, на большие предметы он не реагировал.

Дзонг открутил с защёлки тома шарик с насечками, имитация шишки, и сунул между страниц, в недра его. Вирту замечательно подходит на роль шкатулки для вещей, которые необходимо потерять навсегда!.. Возможно, копилки, из которой достанешь, только её разрушив. А прежде Дзонг подразнил Серенького, покатал шишечку на ладони перед его клювом...

Что тут началось! Как он листал, вскочив на них лапами эти шёлковые, за миг возникающие, страницы! Как бегал по ним туда-сюда, вынюхивая, словно собака! Приглядываясь то одним глазом, то другим!.. Надеялся углядеть?! Чтец сходил с ума, серьёзная механика, начиная одну фразу, а заканчивая другой либо музыкальным курлыканьем, ноты встречались, а их он тоже умел читать!..

— Что ты наделал, Дзонг, — жалея о защёлке, воскликнула Мадлен, — потом не найдёшь!

— А надо?! — смеялся Дзонг. — Зачем?..

И все смеялись, устали смеяться. Уносили Серенького прочь, он прилетал обратно... Так развлекались.

В окне за жёрдочкой, за двумя шумными птицами нет солнца, Файф же рынок. Свет менялся, проходил по недоступным пределам вечнозелёного, вечно цветущего где-то на вершинах бело-жёлтыми, жёлтыми гроздьями соцветий. Пушистые шарики кружась, опадая, танцевали на лету, звёзды и целые соцветия...

Когда стало вечереть, они отвлекли серенького попугая другими блестящими штуками, дешёвыми бусами, разорвав, вручив ему перебирать и запрятывать в складках тяжелых, подобранных в обе стороны штор. Перед Чтецом захлопнули книгу…

И стали думать, что петь сегодня, Файф музыкальный рынок. Рынок не плясовых, повествовательных речитативов.

Восемь чистых хозяек Гала-Галло, ещё не сделавшиеся таковыми, обитали чаще на Файф. Они коллекционеры. Для всех. Кой для кого — охотницы континента, для заказчиков и особо наблюдательных людей. Не так давно присоединилась Кроха, полная их противоположность. Робкая, дикая, непоследовательная. Как охотница она превзошла всех семерых, а главное их, двух подружек!.. Была принята в компанию. Оценили. И надеялись выведать секрет...

Они собирательницы повествований времён до дроидов... Они так внимательны к аутентичности, так мелодичны... Безупречно помнят слова... С полувзгляда понимают друг дружку... Они собирают круг ай-вайолет, человек двадцать-тридцать и ведут его, направляя героя саги, указывая куда свернёт сюжет, предоставляя включившимся в пение фантазировать страны, дома, красоты, диалоги... Из восьми будущих галло четыре хозяйки предпочитают музыку слов, четыре — музыку голоса, сопровождения. Они искусно, порой забавно, смешно имитируют обыкновенные звуки внутри повествования.

Вернулся Ра. Прилетел Вайолет, Дзонг вмиг забыл про своих ненаглядных птичек.

И они начали сагу. Из тома "Возвращение", с того места, где раскрылась, во второй половине. Она практически беспредельная, с главы "Эльдорадо". Хватило до утра. На удивление, ничего прискорбного не случилось с героем, со львом тоже, они подружились в пустыне. Хотя, конечно, Эльдорадо так никто и не достиг...

Мадлен, то повышая, то понижая голос, вела основной ритм, становясь шорохом песчинок, движением барханов, ходом созвездий над головами путников, рыком и мурлыканьем льва, стуком сердца главного героя, ностальгическим шумом прибоя, когда посреди пустыни он находит раковину, и слушает гул её, глядя в ночное небо, вспоминая море, море...

Пела Мадлен и думала… Как хорошо, как чудесно иметь такой мир, такой рынок, как этот, закрытым, в единоличном владении, только для своих... С фавориткой, Котиничкой, поохотившись для заказчика, потом на заказчика, ха-ха, вернуться домой, в место подобное Файф, укромное, закрытое... Подобно Густаву, в Собственных Мирах охотницы проводили время изредка, невыносимо.

Глава саги подошла к концу. Дзонг подскочил к Ра со словами:

— Пять минуток!..

Хотел продемонстрировать Вайолету прелестное сочетание живого артефакта с механикой. Компания с удовольствием ещё повеселилась, выпила принесённых Ра Впечатлений, незнакомой им музыки, объединённой с игрой разноцветных лучей... Сделано примитивно, а

идея отличная!.. Другое ещё лучше, дроидских времён, явно: чаша заполненная на треть, мелодия начиналась от волн на ней, развивалась от бликов на полированных стенках... Они смаковали, глядели на попугаев, смеялись. И Дзонг воскликнул несколько раз:

— Здорово иметь такое в Собственном Мире!..

Вайолет, к артефактам равнодушный, взъерошил его чёрные волосы, короткие в те времена, и пожал плечами. А Мадлен присмотрелась к Дзонгу и задумалась ещё глубже, сощурив холодные глаза. Как озёра подо льдом.

Глава 40

Глава 40.

Дроидов Я-Владыка, как и чистых хозяев, как и Собственных Миров, неисчислимое множество. И у каждого свой голос. Неповторимый. Для слуха людей. Интересно бы узнать с точки зрения остальных дроидов и их самих, в чём заключается различие? Ведь оно не в функции, функция одна и та же, именно в голосе, песне. Произвольно выбирают они местопребывание или по приказу второй расы 2-2? Или подобно тому, как Белых Драконов направляет к Восходящим Царь-на-Троне, их направляет он же в облачный эскиз?..

Мало кто задавался такими вопросами. Зря. Но не удивительно. На протяжении всей истории человечества, прежних её эпох и последней эпохи высших дроидов вопросами мироустройства интересовалось ничтожное меньшинство. Воспроизводя непрерывно один и тот же парадокс: активно и свободно люди пользовались созданным другими для них и прежде них. Пользовались тем, устройства чего в упор не понимали!.. Естественно, и высшие дроиды попали в этот порочный круг! Оттого в каждом поколении заново, не передаваясь от предыдущих, независимо возникают страхи про их деспотию и некий заговор...

Есть обратная сторона: по той же причине в самом простом изложении недалёкими людьми Огненный Круг стал восприниматься чем-то вроде батарейки, шикарного, но конечного источника питания для тела, получалось, что дроиды определили его величину, запас времени. А всё совершенно не так!.. И гений Гелиотропа состоял не в увеличении ёмкости аккумулятора, но в том, что он создал дроида Огненный Круг, способного опираться на человеческое. На умственное, эмоциональное в существе полудроида, так же, в той же мере, что этот живой, мыслящий организм опирается на него! Совокупным, взаимным их действием определяется продолжительность жизни!.. Как сердце у древних людей могло, увы, внезапно и бесповоротно остановиться, так и Огненный Круг. Многие, очень многие причины к тому устранены, но есть ещё личное: воля к жизни, воля к победе, усталость и отчаянье, страсть к познанию, любовь и утраты... Не считая того, непостижимого, что и в эпоху дроидов называют — судьба...

Просвещённость обитателей миров и континента оставляла желать лучшего. А ведь дроиды вовсе не ограничивали распространяемое на людей могущество обслуживанием их нужд и прихотей. Как прежде они могли предоставлять Восходящим доступ к упорядоченным и вполне практическим знаниям.

От механики, принципов работы, состава материалов, природы энергий, до устройства организма полудроида. Расположение сосудов, потоков жизненной силы, дифференциации их… Усвоение влаги разных видов, через кожу, при питье связных Впечатлений… Усвоение через дыхание, как общего фона, основной поддерживающего субстрата. И до устройства самих дроидов.

Надо только научиться говорить с ними, правильно ставить вопросы. А это являлось искусством во все времена! И главным залогом успеха!.. Важно ещё находить нужных собеседников. Для Восходящих не проблема, но их время так быстро проходит... Затем сложней. Десять тысяч первых неотвеченных вопросов! Факт, что за редкими исключениями, ответят нарушители, и ими будут дроиды принадлежащие в первой расе к теплу.

А Восходящим нет преград в сотворении и познании. Практически же никто не шёл дальше собирания обширных и вычурных миров...

Дроиды Я-Владыка неповторимы, личны, индивидуальны их голоса. От мира чистого хозяина они неотторжимы. Затворники его. Если музыкант на Мелоди, или хищник возле шатра, или небесный бродяжка, забывшись, мурлыкает, напевает что-то себе под нос, будь

уверен, одно из двух: мелодию незабвенного манка своего дроида или дроида Я-Владыка.

Музыканты, коллекционеры музыки и певцы имели специфическую, время не сохранило имени родоначальника её, традицию. Жест любви, уважения или благодарности за что-то, в артефактах невыразимый. Заключался он в следующем…

Если уйти в Туманное Море дроидов 2-1, напевая мотив Я-Владыка или манка личного дроида не своего, но того, кому хочешь сделать подарок, то в проявившемся мире услышишь отклик... Развитие, продолжение. Специальное...

Не один дроид откликнется тебе. Будут разные, близкие этой мелодии. Охотно станут говорить с тобой. А вот если напеваешь свой манок — не будут!.. Надо знать чужой!.. Но это так, отступление.

Со многими дроидами сможешь поболтать. Но тебе нужен тот, что молчит. Проявляется и молчит. На три вопроса он не ответит. На три следующих нахмурится. На три последних рассмеётся. А десятым должен стать вопрос: "Кто ты?" И для единственной "сердечной", сердцевинной песни-дара таким способом найдёшь слова. Потому что на десятый вопрос он ответит, начнёт перечислять, от тщательно подбираемых, весомых слов, от самоназвания переходя к ритмическому речитативу, к песенке со всё большим подъёмом, вдохновением, экстатической до гимна, а затем тихо, задумчиво, как начинал... Очень долго будет перечислять вслух, кто он.

Песня-дар так и называется: "Кто я?.." Меньше всего она отвечает на этот вопрос!.. Она состоит из вещей, о которых твоему любимому, другу или покровителю радостно слышать, хотя, до первых звуков он мог об этом и не подозревать! Эта песня, "Кто я?.." для людей молодых бывает и указанием, и пророчеством, направляющим в счастливое русло их жизнь.

На том же самом Рынке Файф в другой раз Мадлен наблюдала за Дзонгом холодными глазами, пока Сантана, вернувшийся из Туманного Моря дроидов пел сердечный дар очаровательной Арабеске, пребывавшей в распахнутых небесах изумления, не подозревавшей о подобном.

Совсем недавно она стала хозяйкой, заскучала в первые же дни, в которые и появляется большинство гуляк на континенте. Из чистых хозяев они получаются, ещё не умеющих обращаться с Собственным Миром, с покоем, углублением покоя, стремящихся обратно к деятельной, стремительной жизни Восходящего. С Мелоди она попала на Рынок Веретено и там повстречала свою судьбу.

Возможно, Арабеска имела не только в лице нечто общее с Дзонгом, но и в голосах их дроидов, раз он так слушал... Почти как она сама.

И Мадлен видела это. И то, что Вайолет видит. Казалось, она читала чьи-то мысли, одного или второго: "Небо и море, почему я до сих пор не подарил ему этой песни?!" Охотница...

"Дзонг нетерпеливей, темпераментней, — думала Мадлен. — Он скоро уйдёт в туманное море на какое-то время. И непременно один. Непременно..." Мадлен задумалась о предстоящих событиях. Особого времени для предварительных маневров нет. Через трое суток Рынок Веретено достигнет нижней точки над океаном. Чтобы за следующие три дня неторопливо развернуться и начать движение вверх, вращаясь, проходя краткую фазу, когда он встаёт вертикально, подобно настоящему веретену. Изнутри рынка незаметно, снаружи эффектно.

Традиционно на этот период приходятся ночи Арочных Представлений. Положение рынка оповещает о них музыкантов, не следящих за временем, привлекает новых гостей, небесных

бродяжек, случайно пролетавших мимо. "Представления" в данном случае означает "знакомства", а не сценки с речитативом. Ночь, следующая за праздником им как раз-таки посвящена, комическим и многолюдным. Но главное событие — приход на общую сцену всех, желающих, новичков и покидавших рынок надолго ради специальных поисков, ради этого дня. Ещё — для людей прежде довольствовавшихся по разным причинам узким кругом слушателей.

"Арочное" — по форме представления. Они не выходили в центр, а занимали каждый арку. Зрители, слушатели же оставались на площади.

"Дзонг не уйдёт в эти дни... А до них? Ради эффектного возвращения?.." На эти дни нет, конечно. Вайолет — распорядитель праздника. Он встречал выступавших, размышлял над последовательностью их появления перед публикой... Обнимал, ободрял и советовал!.. Подсказывал и хвалил!.. Да, за непринуждённой красотой целого чаще всего стоит пристальное внимание одной заботливой любви.

Справедливости ради и для полноты картины нужно отметить, что играючи, легко и свободно Вайолету удавалось в одну симфонию соединить множество личностей, амбиций, талантов, актёрских стилей, голосов... Каждый — особенный. А он обожал новое. И чуть-чуть новое, привнесённое тембром, темпераментом незнакомца в перепевы старинных вещей. И подлинные открытия, ждавшие своего часа в ливнях Впечатлений, затем в Собственном Мире хранимые тысячелетиями, и только сейчас вынесенные на всеобщее обозрение. Золотое для Вайолета время, желанное. И до наступления его, если Дзонг уйдёт, исчезнет, Мадлен со своей командой должна отрепетировать такую легенду, в которую поверят безоговорочно. Потому что дальнейшее должно проходить на скорости, как по маслу... И поодаль. Не портя праздника, не привлекая лишнего внимания ни к достоверности легенды, ни к участникам заговора. Всё тайное становиться явным. Но пускай впоследствии говорят, как о свершившемся факте, прискорбном, но не удивительном, рядом, но не здесь... Пусть загодя сплетничают, ахают о чём-то подобном. Надо забросить идею, не как идею...

В компании не большой, не маленькой, днём, под мраморными сводами портика между озером Завиток и озером Бабочка, образованным двумя сообщающимися озёрами округлых крыльев, нанятый Мадлен человек начал её охоту.

Упомянул среди новостей с континента о недавнем несчастье, прося другого так же неслучайного человека, должника Мадлен, певца повторить целиком новинку, припев от которой слышал. То отказался, сославшись на то, что нехорошо делать сюжетом недавние драмы. Трагедии. Народ заинтересовался. Знакомое имя в припеве. Оно и должно быть знакомым. А человек носивший его — замолкнувшим навсегда. Однако совсем не так замолкнувшим, как они намерены представить...

Собственно, задавшему провокационный вопрос и продала его гипнотически-убедительная Кроха. Хищница коротких дистанций. Способная сказать тихим, как метроном ровным, но грудным, близким голосом что-то вроде: "Сегодня штиль... огоньки... значит... ты получишь... налево и в этом шатре... океан спокоен... очень быстро... спокоен... — и вдруг закончить обыкновеннейшим тоном, вопросом, — Согласен? Идёшь?" И это работало! Но только в её исполнении. Пока говорила, не сводя глаз или не отпуская руки, не то чтоб ей верили, а терялись в отсутствии соответствия между выражением глаз её, голосом, смыслом слов, и ещё чем-то, чем-то требовательно-интригующим... Не объяснить, охотница и есть охотница!.. Подобным же манером Темпа она заморочила и продала в тайне. Заказ между двумя, сама охота в облаках, финал на рынке. Теперь заказчик оплачивал его ложью. Остальные имена из его рассказа выдуманы Мадлен. Суть легенды проста, нетривиальна и эмоциональна: Темп стал

живым артефактом сделанным не ради своей алчности, а из страсти. Ради подруги чистым хозяином, потерявшим статус, дракона вот так. Будто она давно мечтала о подобном и он согласился.

Выслушали, ахали. Поудивлялись, поужасались. "Всплывёт ли сейчас пара беспокойных, чудесных попугаев в памяти Дзонга?.. И что сам восклицал?.. Не важно, когда надо, вспомнит".

А Вайолет ничего не сказал. Ох, зря в этот раз... По обыкновению, лишь рассмеялся. Он не поверил. Но Вайолет одной из привычек имел — вслух не разоблачать лжецов, публично. Черта характера. Милая, как и всё в нём, однако на этот раз, лучше бы он сказал хоть что-то!..

Предварительная, показательная часть плана тем самым была выполнена Мадлен. Оставалось караулить уход и возвращение Дзонга из Туманного Моря дроидов. Оставалось среди самых артистичных охотниц распределить роли. Пусть они кричат, спорят, ругаются между собой... Пусть смысл их тревоги будет понятен, но не до конца... Дзонг должен уловить лишь основное: будто пока его не было, Вайолет закончил облачный эскиз. Это необходимо, Дзонг должен отправиться к себе, а не сразу в объятия друга, ведь самостоятельно облачный мир, где никогда не бывал, не найти. И пусть поймёт, что Вайолет там не совсем в порядке, что-то начудил или в чём-то заподозрен... Дальше... Решить, кому отдать самую главную роль, напроситься в гости к Дзонгу, зайти в его Собственный Мир под предлогом сделать что-нибудь, без разницы что. Не сложно, он с лёгкостью приглашал к себе... Кому-то, кто там изложит суть, будто Вайолет сделал ему в подарок живой артефакт... Или люди так думают... Короче, друг его пропал и одновременно пропал ещё человек. Смысл в том, что когда Дзонг с гостьей будут стоять в прихожей его мира, Вайолет на горизонте должен появиться в толпе, в окружении настолько недружественном, что бы Дзонг вышел, вылетел! Забыв обо всём. О гостье за спиной, остающейся в облачном мире.

Интуитивно Мадлен понимала, что Вайолета нипочём запутать ей не удастся, поэтому в отношении его главное внешний эффект толпы. Озвучить, хоть и без веры ей, ту же самую версию, только создатель живого артефакта — Дзонг. И немаловажно — предполагаемый! Легенда в обе стороны только в виде версий! Слухов, чьей-то выдумки, ложной тревоги... Мосты не сжигать... Могут пригодиться...

Пригодились. Для галло они стали мостами в их персональный ад.

Главную роль... Кроха, конечно же, Кроха!.. Как младшая, за новенького!..

Котиничка и Мадлен лежали поперёк белых спин медлительно кружащих драконов, брызгались водой связного Впечатления, из прыскалок, нарочных таких, купленных только что. Впечатление быстрой, как туча огромной птичьей стаи — с рябины на рябину, трепет крыльев и гомон, галдёж... Брызгали в небо над собой, устраивая дождик... И Крохе досталось, когда прилетела. Она выслушала свою предполагаемую роль, всплеснула руками... И согласилась. По ней работка, стремительная, простая. В их персональный ад...

Дальнейшее разворачивалось для Дзонга, как в сумбурном, тягостном сне, а вернее сказать — сворачивалось. Без возврата, стремительно, насквозь ошибочно в большом и малом.

Туманное Море дроидов 2-1, где провёл Дзонг день и ночь, охраняемый незримо Чёрным Драконом, отвечало ему на мелодию Вайолета. Но совсем не так, как должно бы. Откликалось сразу, охотно. В том и проблема, ни вслушивания, ни напряжённой тишины. Дроиды второй расы выходили к нему, каждый, присваивая на время дремучий, шелестящий лес. Называли себя, имена нескольких содержали слова «сад» и «отражение». — Над-Рыбкой-Кои, — В-Быстрой-

Воде, — Повторённое-Отражение-До... Они вели мелодию нежными голосами. Но тот, безмолвный, неразговорчивый дроид не вышел. Дзонг так долго блуждал, что обогнул мыс Морской Звезды и перешёл незаметно в соседнее, Туманное Море дроидов 2-2, лес не кончился...

Как интересно!.. Кончилось его путешествие, как процесс, напевая, переставляя ноги, он оставался на том же месте тропинки. Ближний пейзаж менялся медленно, отдалённый быстрей, и тем быстрее, чем живей он "шёл"!.. И там, на округлых холмах, где то крыши, то кроны, то силуэты замков, тоже показывались дроиды, уже не поодиночке, и тоже пели с ним, и, по-видимому, обсуждали его, удивительное для них вторжение.

Сколько можно настаивать... Дзонг вынырнул из тумана. Он возвращался без добычи, слегка раздосадованный, опьянённый свежестью, пленительной чистотой их лепетов, перезвонов, напевов, множеством голосов. Сбитый с толку. Едва поднялся на Белом Драконе в облачные купы, клубок незадач закрутился, приплетая коварство будущих галло.

Сначала из облаков вынырнула Кроха, следом трое незнакомцев и Мадлен. Они яростно спорили, требовали от неё чего-то, спросить, узнать?.. Кроха не притворялась, что случайно встретила Дзонга, она ждала его. Когда подлетела, другие отстали, только Мадлен крикнула:

— Пускай спросит, только спросит! Когда появится Вайолет!..

И улетела. Дзонг, понятно, стал допытываться, в чём дело.

— У тебя!.. — отвечала Кроха. — Если можно, у тебя! Мне нужно немножко, кое-что собрать, я задолжала... На самом деле, я не верю, не верю сама! Я всё расскажу тебе... Но ведь он и правда пропал, куда же он делся?.. Куда они оба делись?! Но я не верю всё равно!..

Дзонг был смущён и растерян. Он спрыгнул за раму, пригласил Кроху, и там уже получил оставшуюся порцию лжи. Предполагаемой жертвой Вайолета... — бредово звучит вообще: его Вайолета жертвой!.. — заочно назначили Антику. Неприметная, сладкоголосая, о которой все знали — охотница. Ради того и выбрано её имя, как-то оправдать... Антика, неискусно лживая, неразборчивая в заказах и средствах, стоила того. Кроха говорила-говорила, и из рассыпанного браслета, превращая бусину за бусиной, собирала ксилофон по частям долго, переборчиво, тщательно... То рассуждая, то захлёбываясь словами, то отвлекаясь на работу, то вскидывая на Дзонга гипнотические глаза, ища своим версиям подтверждения. Около входа... Чтоб видели её. И она видела...

Толпа с Вайолетом показалась среди облаков.

Шум, гомон, споры и крики, и ужас в глазах гипнотически-убедительной Крохи, всё привело, к чему и стремилась Мадлен. Едва завидев друга, Дзонг птичкой вылетел из Собственного Мира навстречу ему. Кроха осталась внутри, хищницей уже, уже хозяйкой... На том бы закончить охотникам... Разбежаться, признавшись тем самым во лжи, но рынок заполучив, регулярный, с беседками, с крытыми галереями парк...

Вайолет тормознул дракона у самой рамы, разворачивающегося в кувырке, и поймал Дзонга на его белую спину:

— Потеряшка!.. Где ты был? И о чём они вообще болтают?..

Окружившие их охотницы и несколько хищников, приглашённых ради силового сопровождения акции, не прекратили споров. Они начали выяснять местонахождение кого-то, кто пустил ложный слух, зачем... Великолепный спектакль, достойный будущих галло. И посматривали на Мадлен, не теряли из виду. Она дирижировала ими в прямом смысле слова...

Отлетела, поправила волосы, уложенные, перевитые узкой чёрной лентой, убедилась, что и Кроха видит её, и выдернула ленту... Как-то невзначай стихли голоса, образовалась пауза, в которой ясно прозвучал голос Крохи:

— Дзонг, я должна вернуть тебе мир!.. Вайолет? Кто-нибудь из вас заходит?

С этого момента происходившее, находившееся вокруг, лица, люди и дроиды, купы очерченных сиянием облаков, голоса... — отпечатались и всплывали в памяти Дзонга медленными, почти застывшими, столь же отчётливыми, сколь нереальными... "Нарочно ли ты назвала его имя?.. Зачем? И имело ли это значение?.. Ваша толпа собрана, чтобы зашвырнуть и второго, правда? Скрыть похищение? Любопытно, Мадлен, сколько дней или минут жизни вы отпустили нанятым, рядом парящим хищникам по завершении дела?.. Кроха, произнеси ты моё, только моё имя, я благословил бы тебя из небытия!.."

Может быть, Вайолет не был отвлечён в должной мере их шумом, враньём и сумбуром. Возможно, обратил внимание, как простёртая приглашающим жестом рука Крохи не опустилась, на пояс не легла, осталась напряжённой. Даже лучшая охотница не уследит за всем, не учтёт такие нюансы, в азарте, волнении. Вайолет никогда не был гостем его... И правда ли закончил эскиз, Дзонг спросить не успел...

"...вернуть тебе мир!.. вернуть мир!.. мир!.." Безостановочными раскатами грома, тысячелетие за тысячелетием прокатывался сладкий голос Крохи в ушах Дзонга-Ача... Тогда же мимолётно поцеловав его пальцы, с драконьей спины Вайолет соскользнул за раму, навстречу уже поднимающейся, угрожающей руке... Наступила тишина. Кроха и остальные больше не притворялись...

Дзонг замер на полуслове, что-то хотел сказать вдогонку... Он понял и не понял... Поздно... Он был во сне, в страшном сне, который растянется на миллион с лишним лет...

Кроха опустила руку. И подняла ладонью вверх. Секунду, случилось за секунду... На месте беспредельно любимого облика, на танцевальном плаще, на месте вышитых крыльев, распахнулись белые настоящие крылья, дрогнули и пропали... Лишь крылья...

Дзонг падал в море.

Глава 41

Глава 41.

Тонкая рама отдалилась, стала точкой, он смотрел на неё пока пенные, ватные груды облаков не заслонили.

Почему падал? Благодаря чему не был заброшен в мир, пойман, превращён?.. Подхвачен Белым Драконом?.. Он не был полудроидом на тот момент. Перестал им быть. Связь тела и Огненного Круга разорвана. Полностью. Круг даже не остановился. Прекратили движение огоньки дроидов в теле, в потоках Впечатлений... Дзонг был неживой человек. Неспособный ни умереть, ни жить. Ни мыслить. Руки нападавших не удержали его каменной, ледяной тяжести. Хищники разлетелись, испугались. Его Чёрный Дракон и их драконы, готовые к схватке, растаяли. Дроид не мог нести его в небе. Дзонг был камень, настоящий камень. Он должен был умереть, но не умер. И стал тем, чем стал, придя в сознание.

Дзонг падал сквозь Собственные Миры, насквозь, а не мимо, и не видел их. Он стал тяжелее этого мира, тяжелее волн Свободных Впечатлений, Великое Море не остановило его, и не замедлило, он не нырял, а по-прежнему падал.

Неосторожные, глупые тени и хищники, вставшие на пути, были разбиты, поглощены этим камнем горя, не заметившим их. Что другие создают, учатся создавать долго и с великим трудом, Дзонг обрёл, того не заметив. Только горе и горечь притягивал, сплавлял его Огненный Круг, порождая самые страшные облики, самые лютые тени, без его участия, без намерения, когда начинал взаимодействие с телом. Присущие? Внешние? Он не знал, не смог бы ответить. Чудовищные, ядовитые тени окружали его, дёргались, но уже не могли оторваться. Шипя, льнули к пламени сердца, исчезали от жара, исторгались преображёнными, усиленными, переполненными ядом гнева и отчаянья, похожие на демонов, непохожие ни на что...

Глубоководные чудовища бежали от него, как бегут от водоворота размером с само море — напрасно. Их ум становился его умом, добытое ими — его добычей. На какое-то время Дзонг абсолютно забыл, что значит иметь облик... Вспомнил и образовал его. Увидел тени и отторг их. Отторг и присвоил, и привык так делать. Сложно?.. Тяжело?.. Что значит сложно и тяжело?.. Горечь и горе, других слов он не знал. Всё легко, всё просто, всё бессмысленно.

Дзонг распадался на легионы теней и собирался из них. Пульсация. Дыхание новой жизни. Ещё не ради мести, он так пытался отвлечься, не вспоминать. Глубокие воды тогда опустели. Дзонг был даже не чудовищем, он был явлением, врагов у него не случилось. И там же, в глубоких водах, настал момент, когда он вернулся в полностью человеческое тело, огляделся человеческими глазами в зелёном, густом сумраке и подумал: "Я умер..." — это первая мысль. "Я погиб, — и это была вторая, уже практическая мысль, — погиб, и вы не опасаетесь меня. На Файф я взойду..."

Точно, всё верно, Дзонг погиб, охотницы не ждали его.

Тогда на Файф собралось много народа. Виновного, невинного, случайного. Дзонгу, Чудовищу Моря ни к чему разбирать, сколько и кто. А не так уж и низко облачный рынок кружил над волнами в тот вечер кошмара, не так высоко поднимались тёмные, тяжкие морские туманы. Когда нежданный ветер погнал валы, буря сталкивала их, воздушная толчея, перебрасывала пену над пропастями между волн.

Дзонг стоял на них, как стоят на земле, дышал, отвыкнув от того, не водой, воздухом, умывался брызгами, прислушивался к полёту драконов, голосам, дыханию заходящих на Файф.

Нечеловечески чуткий, невообразимо. Волны подбрасывали выше и выше тонкую, напоминавшую вертикально воткнутый кинжал фигуру морского демона. Вход же в пятистенок снизу, рама — внизу... Дзонг прицелился, не глядя, прикрыв глаза... И шквал вознёс его... Вместе со всеми, бушевавшими снизу тенями, его тенями, его горем порождёнными, неотделимыми от него... Дзонг взмыл и встал посредине зала, прямо на раме, исторгавшей монстров из-под его ног в их уютный, небесный мир, маленький рынок... Огляделся, глубоководным манером голову лениво прокатив по плечам, люди так не делают!.. Как же они закричали!

Файф потонул в крике. Тени своей ненависти Дзонг остановить бы не смог. Отпустил на свободу, не сдерживал, ни себя, не их...

Люди бросились к окнам, к недостижимой области Там, на веранду, прыгали в Вирту, пытаясь захлопнуть их за собой и скрыться, словно в шкатулке, нет, невозможно! Им некуда было бежать. Дзонг-Ача — средоточье голода и гнева — канул в скопленье теней, вобрал и распался на них, из одной в другую ныряя. Безумные глаза ача из тени в тень переходили, и зубы смыкались, не важно, на чём и на ком, не разбирая, где... Ача распадался на стоглавых донных змей, на удильщиков, чья голова болтается как крючок на леске, а падает, как зимородок, без промаха. Собирал свою волю, человеком вставал и снова прокатывал голову по плечам, озирая хаос, облизываясь языком-лезвием, кто имел силы взглянуть на него, предпочёл бы сойти с ума, но не помнить... Апокалиптический хаос расправы. Что говорить, понятно...

Восемь хозяек Гала-Галло, хищница Кроха отсутствовала на рынке, это она и те семь, которые спаслись. Выходом стало то же, что самым ужасом. Под тяжестью теней Файф начал погружаться в Великое Море. Стал проницаемым внутрь и наружу. Путь к бегству не ограничивался теперь рамой, однако открылся он в бурное море. Потому и спаслись хозяйки, что дроидов не утратили, телохранители защитили их во время попыток позвать Белых Драконов, не с первого и не со второго раза, но удавшихся. Котиничка, ныне Женщина в Красном, инфернальный ужас глубин, в отличие от Изумруда, Злого Владыки, ужаса простого и понятного, стала таковой...

Про неё?..

Во время расправы она догадалась, успела поднять пирамидку... Взмыла вверх... Файф погружался. Остальных Дзонг считал погибшими, он, что крайне сложно для чудовища, позвал дракона и стал преследовать её. И тут случилось невероятное. Ёе Чёрный Дракон проигрывал чудовищу, отрезавшему его от неба, прижимающего к волнам... Тогда её Белый, ездовой Дракон вступил в схватку!.. Против всех правил и законов!.. Дракон Дзонга — тоже!.. Телохранитель Котинички, дроид погиб, был прекращён. Недолго и она удерживалась на белой спине сильнейшего в мире существа, сцепившегося с таким же!.. Она упала в море и достигла наполовину затонувшего Файф, заново достигла своей пирамидки. Из драконов никто не победил, взаимное харакири. Так и получилось, что, на ком ездили в тумане и она и Дзонг, это драконы-тени, просто тени. Горе для Дзонга, достичь Гала-Галло, он мог лишь попутчиком с кем-то...

Оказавшись рядом с пирамидкой, по колено в воде, Котиничка надеялась ускользнуть в Собственный Мир. Но на тот момент, Файф уже погрузился, Белый Дракон между жизнью и смертью... Она не улетела... Собственный Мир опустился к ней, в Великое Море... Абсурд следовал за абсурдом... Так и остался, мир — в море, начало легенды... Так и жила там... Редко летала вместе с Мадлен в Галло. Она тоже до безумия боялась Дзонга. Не знала, что он на материке. Никто не знал. Котиничка окружила свой мир тенями алых всполохов, лабиринтом,

не выпускавшим попавших в него, к стенам, подвижным, изгибающимся стенам которого нельзя прикасаться... Стала хищницей, чего терять.

А Дзонга ждал удар... Открытие: мир — не рынок. Но Гала-Галло — это рынок теперь... И если Дзонг поймает, принудит, уговорит отнести его домой, человека, Белый Дракон которого помнил в Гала-Галло дорогу, тот не сможет выполнить требуемого. У облачных рынков другие траектории, как мир Галло пропал, исчез для прежних знакомых и дроидов... Дзонг выл и рычал, долина выла, рушились подземные пустоты, грохотал камнепад... Путь в его бывший мир знают только теперешние обитатели, похитительницы, восемь хозяек Гала-Галло.

Глава 42

Глава 42.

Немного о Симурге. В связи... О Симурге, ача.

Нет, кожа его была белоснежна, ни оливкового, ни изумрудного отлива. Хищник земли, но не моря. Хозяин Собственного Мира не навещавший его совсем. Даже спрятать что-то или забрать, даже выспаться. Отсюда блистающие доспехи, совсем не лишние на пустынной земле, под и над, на драконьей спине не помешают.

Из-под земли он и вышел тогда на Центральный Рынок, поздним вечером. Поднялся из тех пещер, где Змей-Архитектор будет держать свой жуткий зверинец, о существовании которых знал лишь Бутон-биг-Надир да шпионившие ради него слегка. Поверхностные, не затопленные на тот момент пещеры, выход из середины рынка наружу, минуя раму. Биг-Буро обставил их личными шатрами и шатрами осведомителей, торговцев, свободных людей, он не был рабовладельцем подобным Оливу, но — должников. Много от них не требовалось, а долги имелись внушительные, разного рода, не зря к Буро такой пиетет, не прост он Биг-Буро...

Здесь подходящее место упомянуть, откуда он знал об отсроченной продаже Густавом Хан-Марика. Озвученном предложении, беспокойство-то Господина Сомы лежало на поверхности, сам факт договора — принципиально другой этап. Знал из неё же, звуковой сети. На Южном, внеся неизбежные, обусловленные переменой ландшафта изменения, Буро удалось воссоздать систему. Вот какую.

Если бы кто зашёл поочерёдно, во всех шатрах должников Буро обнаружил бы неброское сходство: циновки с металлической нитью либо коврики с ней же в коротком ворсе покрывают пол сплошняком. Такие забавные коврики... Не глушат шаги!.. Напротив, как-будто ступаешь по крышке котла, гулко. Дальняя от входа сторона закрыта, занавешена, ширмы, драпировки. Соломка плотная, частая бросает неприятные глазам, резкие блики.

Ну, положим, так многие делают, кто в шатрах и торгует, и живёт... Торгует? А где что-то ценное?.. Ни в обстановке, ни на пирамидке. Ничего привлекательного, заставляющего откинуть полог, хлопнуть в ладоши, зовя продавца на торг и расспросы. Всё невзрачно.

Живёт?.. Не странно ли, что в шатрах, обставленных по домашнему, хозяева практически не появлялись? А вот Буро регулярно.

Внимательный наблюдатель — недолго бы ему довелось наблюдать!.. — мог заметить, что Биг-Буро посещает их поочерёдно, практически по графику... С единственной целью — полежать, отдохнуть... Ухом к земле. В человеческом муравейнике, хищников, интриганов, охотников и борцов, лжецов и азартных игроков, это самое важное — тихо, незаметно слушать. Нащупывая нити, распутывая клубки... Перематывая в свою пользу, обрывая лишние нити, — своевременным появлением, вовремя брошенным словом. Тихо лежать и слушать... Шум людской, шум океанский...

Буро ненавидел Великое Море. А рынки нежно любил. Континент, твёрдую землю, лучики из облаков, тепло от неба. Любил в частности и в целом, полудроидское, человеческое тепло исходящее от скопления людей, старых друзей, давних недругов, новичка, не через торговый шатёр, а через раму заходящего в пыльные ряды, в первый, возможно, и последний раз.

Никто не знал этого, но годами Буро развлекался только тем, что сопровождал таковых. Поодаль. Иногда лично. Иногда знакомым поручая. Слишком уж лёгкая добыча, правил не знают, рядов не знают, где сворачивать, где ни в коем случае... «Новичок он сейчас новичок, а

что у него в мире?.. За что пришёл торговаться, чем торговать?..» Так пояснял Буро, назначая тайного покровителя на пару-тройку дней, пока освоится, но на самом деле, Чудовище Моря, старейший на рынках, он был одинок, всегда одинок, это чувство не проходило и не угасало, любопытен и добр...

По технической части... Недолго они существуют, дымками, туманами истекающие от земли, простые, безосновные, глазу не видимые тени в сухости рыночной пыли. Днём — ну, совсем недолго. И ладно. Ошибка демонов в океане — желание сделать нечто масштабное и универсальное, машину-тень, мощную до непобедимости, независимую до жути. Звучит страшно, на деле смешно.

Неуязвимость, как правило, противостоит активности или сливается с нею настолько, что функции, ради которой всё и было задумано, не остаётся места.

В итоге, делать долго, уничтожат быстро, ещё обиднее — украдут на запчасти к таким же, пассивным или легко разбираемым. На расходных тенях, вот на чём надо сосредотачиваться!.. Однако, с сосредоточением под водой вообще плохо, и со временем.

Очутившись на суше, обдумав ситуацию, как и Змей, Буро решил брать количеством и взаимосвязью. Несколько минут существуют?.. Ну и ладно. Короткий рыночный ряд пробегут из конца в конец?.. Вот и отлично, совсем хорошо. Большего от одной тени не требовалось, она не должна добежать до него, но только до следующей тени. Эстафета. Удариться, раствориться в ней и видоизменить тихо шелестящую, пустую тень на шелестящую голосами тех, кто в начале ряда оказался поблизости.

Биг-Буро, накопив, рассыпал их частой, стремительной паутиной. Чтобы минимизировать потери, тени глупые, не каждая и до следующей добежит, если придётся эту следующую искать. Нечем им искать и вынюхивать. Подобные холодным, сырым ветеркам под босыми ногами полудроидов они разлетались по рынку. Затем, с добычей или без, ускользали в ближайшие земные пустоты, сырые. Там продолжительность существования их серьёзно увеличивалась, откуда влеклись к пустотам объёмным, резонирующим под теми самыми шатрами. Где шелестящий голос их становился отчётлив. Котлы шумов… Котлы рыночных голосов… Многие, многие голоса... Сбор информации вчистую случайной... Трудно распутываемой, не всегда определимой... Так редко полезной!.. И этот факт больше всего нравился Биг-Буро!.. Фатум, судьба! Буро полагал, так и надо... Так правильно, пусть решает судьба.

Сложнее всего было не добиться хоть сколько-то устойчивой к сухости тени, а её беззубости. Чтоб вообще не нападала. На звук нападала бы, поглощала лишь звук. Придумав холодные ветерки, тени-дуновения, Буро направил их ничтожное внимание на звуки, активность отпустил гулять, а сам импульс, жажду действия — в сырость подземную и к друг дружке.

И всё заработало. Развлекая Биг-Буро и утверждая его власть. Не во зло. Он использовал шпионаж во благо.

Буро следил, чтоб не появлялось особо многолюдных группировок. Сплочёнными они не бывали, такое не для полудроидов!.. Последовательность и подчинение не для них. Но и в кратковременных проектах больших толп просматривается опасность. Буро разрушал их. За группами малочисленными, но устойчивыми внимательно наблюдал. С интересом, не вмешиваясь. За переменами лидерства в них, тут мог вмешаться. Ради любимчика, против грубияна или жадины. Если что, возникал на пороге, в гуще событий, мимоходом... «Мимо проходил…» Вызывая суеверный страх. Но появление Бутон-биг-Надира собственной персоной раз за разом выливалось в мирное разрешение, так "суеверное" осталось, а "страх" исчез, что вполне устраивало Буро.

Смотрел, как эти малые, тоже мониторящие рынок, группы расправляются с одиночными

выскочками, будь они богаты, сильны, вдохновенно лживы... Одиночки долго не лавируют. Навести свои порядки им уж точно не суждено. Установить свои правила. Даже галло потому стали галло, что осознали, надо держаться вместе и с крупных рынков уходить. Гастроли, вылазки. Исключением стал Густав. И то не исключение, игроки Против Секундной Стрелки приняли его… Скользкий, бесцветный до величественной простоты. Начисто лишённый сердца. Ненавистный ему Густав, осиянный везением такой силы, что... Ненавистный!

Ещё Биг-Буро следил, чтобы подобные ему самому, демоны моря, внешне похожие на людей, не приживались. Либо держались тихо. Очень тихо... И рядом. И они охотно примыкали к нему, действительно тихие, немногочисленные.

Махараджа когда-то поступил умно, обосновавшись и немедленно сплотив костяк будущей группы возле шатра Буро, открыто, порой угощая, порой напрашиваясь на угощение под предлогом нужды в совете или торга. Безо всякого, впрочем, расчёта, тем более льстивости. Так сложилось, удачно.

И Олив, которому благоволил Биг-Буро, тоже мудро предпочёл реализовывать честолюбивые амбиции на расстоянии. Заявляясь время от времени в его шатёр скромно и не с пустыми руками.

Бутон-биг-Надир, ача...

В тот поздний вечер Буро закончил консультировать коллекционеров Впечатлений последнего времени, редких, но и мало кого интересовавших Впечатлений эпохи дроидов. Не раскрыл, однако намекнул на будущее о жемчужинах своей коллекции. Любезно проводил гостей, кому далеко, страшно идти по затуманенному уже рынку, и ужинал. В одиночестве.

На обратном пути, как раз стемнело, уловив заранее приготовленный ужин... Устал. От ходьбы и суеты. Тёплый, чуть вязкий коктейль связных Впечатлений, разогретых Огненным Кругом... Не шедевр, но простое удовольствие. Потрясающий наглец, враль и грубиян достался ему, так что Буро не корил себя, сомнений не испытывал. Да и постился долго, пора. Сколько людей, перессоренных неосмотрительным хищником, вернутся утром на Центральный и обнаружат пустым место его шатра?.. Сколькие из них помирятся, стравленные для развлечения?..

Кстати, интригуя, Буро ссорить не любил. Подкупал. Без угроз не обходилось... Не словесных, демонстрации между прочим не радужных перспектив того направления, в котором разворачивались события. На чужих примерах, на примерах из прошлого. Самый шик — послать в подарок или продать задёшево, за условную цену Впечатление с чем-то подходящим по теме. Если умный — поймёт. Нет — туда и дорога. Когда проблема завязана на неукротимость или глупость одного человека. А таковые, как ни странно, становились движущей силой во все времена. Эта энергичность с тенями у них общая... Буро извлекал краеугольный камень, здание рассыпалось само. Звено исчезает, цепочка интриги уже не цепочка, до результата не дотягивается... Как сейчас.

Надир-Ача... Не вдаваясь в подробности, как при обычной охоте, дурманом, оливкой, дротиком, ранив жертву загодя, он подмешивал смертельный яд ко второй порции дурманящей тени, собиравшей Впечатления окончательно вплотную к Огненному Кругу. Либо, если быстрого яда нет, только медленные, просто душил. Нет, в Буро не было свирепости.

Чтобы не быть совсем уж "ача", использовал для питья мельхиоровый рог, стилизованный под бычий. Он был обвит рисунком: звезда маленькая — большая — маленькая — слёзка — снова маленькая звезда...

Давным-давно из пристрастия Биг-Буро собрал раз в жизни коллекцию не для продажи, а

для себя, подобных рогов. И прятал её, опасался. Потом плюнул, кто знает для чего они? Да никто не знает!.. Из рогов люди с древности пили. К тому же, острый конец против тела, уже озарённого огоньками дроидов, растворяющегося, не нужен. И его бокалы-ача закруглены, не похожи на оружие. Прошедший сквозь огоньки, наклонённый возле Огненного Круга в предсмертные минуты рог наполнялся влагой связных Впечатлений... Так последний из бокалов-ача, когда уже всё кончено, Буро и на людях мог пить, не таясь, без суеты.

Прошедшие возгонку, горячие, они остывают долго, не огнём разогретая вода... Раскрываются ясней, подробнее... Присущие тени обжигаются об них, не могут зацапать, дают промежуток покоя... Много достоинств, чего там. И память о маленьких радостях, согревавших в Великом Море. В самое тяжёлое время по выходе из него. Имеет право Морское Чудовище, день за днём наводя порядок на крупнейшем рынке, сохранить некоторые старые привычки?! Всё равно ведь поймал. Артефакты Буро не нужны, вон их — немеренно.

Ночь. Туманная. Сезон туманов захлестнул и центр континента… Для прогулок пешком — вообще никак. Симург вышел на Центральный Рынок из-под земли, ровно между шатрами Буро, в месте торговцам неизвестном, нарочно прикрытом, из рядов не заходили туда. Снизу, о таком Буро не помышлял даже.

В стальных, сверкающих доспехах, покрытых каплями Чистой Воды забвения, под ними мокрый насквозь. Выпитое им, как ача, спускался смыть... Забыть! Оторвать, отрезать!

Отрезать?.. Легко... Симург бродил обсидиановыми подземельями, промокал, пил и бился головой о стены, чтобы забыть именно то, что услышал, при первых шагах по ночному, безлюдному рынку — тихий, зловещий, плохо переносимый даже для посвященных звук "ач-чааа..." О, Биг-Буро, тысячу раз осмотрительный, надо же было тебе именно на этот раз пренебречь, расслабиться!.. И ты станешь учить его не кушать по-звериному?..

Как на звуки волшебной дудки, Симург пошёл на этот звук, недалеко идти. Откинул полог и застыл на пороге. Буро тоже, тяжело вздохнув... С досадой. Не что помешали, а сожалея, — красивый, нездешний, хозяин... Доспехи какие, оригинал... Да и не нужно Буро второго за вечер. Но и подобную славу о себе заиметь ему тоже не надо. Меньше всего Бутон-биг-Надир хотел, чтоб его боялись на рынке.

Немая сцена затянулась. Некстати вторгшийся парень явно отверг бегство. Ну, и правильно. В туманную ночь только и не хватает, что драться и бегать тёмными рядами среди злых теней океанских от злых же, прицельно брошенных в спину... Жестом Буро предложил ему сесть, а сам, дотянувшись, поздновато, до бокала-ача, продолжил трапезу над неподвижным телом. Над полыхающим закатным светом и огоньками дроидов. В тишине. Парень, живая статуя полированной стали, опустился, скрестив ноги, сел. Наблюдая неотрывно. Не мигая. Кажется, и не дыша. Что же, шок... Так бывает. Тем более, нельзя, чтоб про него, про Бедовичка, болтали лишнее, трепались почём зря...

Было тепло и упоительно. И не хотелось спешить. Ни в чём. Никуда. Погодя, спустя порядочное время вполоборота Биг-Буро заметил странный блеск в глазах парня. Глазах, устремлённых не на него и не на умирающего. На до краёв полный бокал... "Шок? Не-ет... Быть того не может!.. Бестолковый, безмозглый ты, Бедовичек, нюх потерял, наблюдательность утратил, пора на покой. Это не страх... Чудо в латах!.." Буро протянул ему, на руку случайно плеснув, мельхиоровый рог, полный самым горячим и сладким Впечатлением уходящего солнца над волнами. Древнее солнце, древнее море, едва отдалившаяся буря, полыхающая красным как пурпурный Лал... Парень закрыл глаза и опрокинул его, выпил залпом... По сию пору Биг-Буро пребывал в уверенности что, не предложи он тогда, Симург забрал бы силой. Даже у него. Отнял

бы этот последний глоток. Парень сощурился, как от боли. Снова прикрыл глаза, рукой заслонился. Так сидели. "Я сохраню ему жизнь, — решил Буро, — он пригодится мне".

— Кто научил тебя плохому? — спросил Биг-Буро вслух. — Кто чудовище, в недобрый час встретившееся тебе, человек и хозяин мира?

Повисла пауза.

— Навсегда... — прошептал Симург. — Это навсегда... Нет спасенья... Знак, это знак... Я мог выйти куда угодно. Я мог выбрать день, час... Любой другой день... Никто! Я сам. Мы играли, мы ставили разные условия...

— Мы? — насторожился Буро.

Напрасно. Речь шла не про земной, а про камерный, малоизвестный облачный рынок. Посвящённый азартным играм, процветавшим во все времена, на континенте, в небесах, только не на дне морском, там азарта хватает.

Борцы довольствующиеся регалиями, привязанные страстно к риску в одной области, образовали правое и левое крылья Южного позже, не так давно. В компаниях хищников, изобретавших времяпрепровождение себе на дни и годы, сначала появились смешанные искусства, потом уже чистые выделились из них. Гонки-борьба в связке, типичный пример. Борьба-угадайки разного рода, пример канувшей в прошлое связки. От угадаек зависели условия поединка, оружие или отсутствие его для конкретного борца. Гонки-прятки сохранились в подходящем ландшафте, это земная игра. Гонки-собирашки исчезли, артефакты закончились, а делать их никто не умел!.. Нужны были такие звёзды, рассыпающиеся на звёзды, не на равное количество, важно предчувствовать, какую ловить, какая одно, а какая сто очков... Жаль, что закончились, красивая, полночная, небесная игра. Не злая, к тому же.

Симург был внестилевой борец. На континенте был бы с правого крыла, где сурово. Но его привлекало специфическое тяготение облачных рынков. В прямом смысле слова тяготение, изменённое чувство равновесия. И не арены, не шатры, а многоуровневые конструкции. Объёмные, просматриваемые лабиринты для борьбы, и паузы, посвящённые другим развлечениям.

Например, тогда...

Они играли во что-то вроде фантов. Хищники, боролись на жизнь. Плюс фант. Верней, в минус... Ему выпал — такой... Не душить до конца, а... загрызть... Ну, укусить, на самом деле. Фант на схватку, фант победителю. Они ведь и не знали наверняка, что так добываются связные Впечатления, когда Огненный Круг останавливается, и огоньки дроидов растворяют крепость тела, растворяясь следом. Они считали, что сами только что придумали это... Попробовать на вкус, как холодок тумана в Туманном Море дроидов, быстрые, разноцветные огоньки. Играть на жизнь им не впервой, и ничего особенного, особо мрачного в подобном финале они не видели. На свою беду Симург выиграл схватку...

Когда миновал сезон на облачном рынке никого не осталась. Ни — одного — человека. Борцовский приют опустел. Был присвоен Симургом, возвращён им — редчайший случай — в число Собственных Миров, походя, побочный результат катастрофы...

Буро мог не опасаться, зараза тайных, тёмных знаний не пошла за пределы его. Исключение — источник. В полных доспехах и полном отчаянье сидящий перед ним. От Симурга началось, им и закончилось. Не в силах остановиться, лишь оставшись один, он устремился на континент. Родственная, изначальная всему живому стихия — вода позвала его. Успокоения, очищения.

Знал бы он, сколько людей, в какие стародавние времена, того же искали в ней. Находили. Не находили. Кто как... Но сам порыв бессмертен: глоток воды... Исцелиться. Окунуться... Бежать, спастись. На побережье, в волны, под волны, в могущество океана, за полог его,

огромное море... — прими, я вернулся домой!..

В случае Симурга-Ача, упованием была Чистая Вода забвения. Обсидиановые подземелья. Водопады забвения... Смылось то, что и должно было смыться, связные Впечатления. Что выпил — забыл, что делал не смог забыть. Невозможно...

"Я обуздаю парня, — думал Буро. — Он послужит мне, заодно притормозит. И поучится..."

Буро принял Симурга.

Безвыходно продержал несколько дней, отпаивая обыкновенным образом лихорадку. Если менять злой яд на противоядие много раз подряд... Отвлекает от внутренних терзаний. В цепях Олива продержал, затем разговорились.

Тайные и тонкие приёмы ача, для изобретения, для усовершенствования которых нужно время спокойной жизни на суше, Биг-Буро приоткрыл ему. Да, Впечатления умирающего можно ловить возле Огненного Круга... Собираются там за предсмертные минуты... Да. Но это лишь азы! Так поступают в Великом Море, стремительном, непредсказуемом, где спешка равняется жизнь, девственно чистом во зле, без изысков и извращений.

— ....Но что, Симург, задумайся, что в последние минуты собирает Впечатления к Огненному Кругу?.. Сядь! Успокойся уже! Ладно, уходи... Двух шагов не пройдёшь... Клянусь шкурой Гарольда!.. Сядь!.. Так что собирает?.. В подводной битве, в конце погони — лишь страх. Страх и гнев!.. Но, Симург, это не обязательно так...

Буро посвятил его в тайны морочащих теней. Теоретически. Делать не учил. Удивительные сами по себе, они оставались в ранге обыкновенных орудий охоты, сбивающих с толку, застящих взгляд, рассудок на какое-то время. Реакция на ранение зависела от воли раненого. Когда Буро смог разделять на две части пьянящие, притягательные тени любого рода, ситуация переменилась. Они стали полноценным приспособлением ловли, половина тени работает наконечником стрелы-ача, рыболовным крючком, вторая половина тени — леской . Требуется, правда, подождать. После выстрела. И чуть-чуть побегать.

— Симург, если он канет за раму облачного мира хозяином или гостем, уходи, всё зря. Мимо. Не подпускай к мирам, как угодно, твои дела. Обмани, погоняй. Если ты удержишь его на период полураспада, нет, не душить, удержать некоторое время... Он сам не захочет туда. Забудет, отвлечётся. Вторая половина тени манит, притягивает ранившую его половину. Чем дальше, тем сильней, но у всего есть предел. Накопленные за последнее время Впечатления и корни выпитых давно, яд сгонит к Огненному Кругу. Не страхом, но — желанием!.. Ключевое слово, Симург. Жаждой! Перед испарением, исчезновением, близ Огненного Круга, точно как и в кусачей морской воде, отнимающей их, Впечатления очевидны, но не вполне... Не достаточно. Жажда тут — разновидность тревоги. Опережающее её, желание видеть. Схватить, разглядеть. Потребность. Твоя добыча, может, и позабыла Впечатления эти, случайные тысячу лет назад, но вот, они всплывают... Невообразимо важными, требовательно важными. И опять-таки, стрела-ача, это ведь сладкий яд, сам по себе никогда не смертельный. Морок. И тут, Симург, надо выбрать момент. Знать свойства тени. Либо по глазам видеть. По векам, они меняются к синеве. По повадке…

Жестикулируя, Буро внушал:

— Сначала драка, гоняешь, ведёшь раненого, отсекаешь от Собственных Миров. После — глубокая апатия, удивление, он кажется нормальным, а затем... Словно увидел что-то на горизонте, пытается разглядеть, понять... Вычислишь, тренироваться надо, пустая болтовня. Важен момент, когда яд тени не-до-распался. Но когда уже весь перемешан со связными Впечатления, огибает Огненный Круг, вертится. Прежде чем Огненный Круг испарит

Впечатления вместе с тенью, как ненужные. А они ненужные! И мешают, объективно, да, помутнённые беспокойной жаждой, опьянением. Это время самое подходящее для похищения. И не только лишь потому, что оружие выдало максимум, главное, в такой момент нет лишних мыслей, посторонних мыслей нет вообще, воли к сопротивлению. Тут появляешься ты снова, если уходил, и он ждёт тебя, ручаюсь, ждёт. И ведёшь за собой, как на верёвочке. Уже давно он ждёт, пока ты приведёшь его... — ко мне, правда? Я могу снабдить тебя оружием на следующую охоту, и... Ты ведь не жадный, Симург?.. Глупо жадничать, очень глупо. Некрасиво, недальновидно... Надо делиться, ача. Да, и нужно вторую часть тени, как ты там её назвал, противоядием или честно — злым ядом, обещанную часть нужно дать ему выпить. Обязательно! Желания должны исполняться! Преподнести в изысканном Впечатлении. Оно не разогреется, не успеет, но станет аперитивом, прелестным контрастом, попробуешь, поймёшь.

Буро поднимал к себе гордое, неживое лицо за подбородок и переходил на шёпот:

— Симург-Ача, то, что ты пробовал до сих пор, это тёплая водичка... А есть раскалённая лава. Дженераль! Добровольно, охотно закрученных в тугое кольцо связных Впечатлений. Без страха, холодного страха Великого Моря, проигранной драки, долгого бегства, безнадёжного бегства. Только жар, опьянение, пристальный взгляд на цвета и звуки... Ясные, как живые, перед Огненным Кругом... Забвение в них, забытьё... Вкус забытья... Для него — вечного. Для нас — увы... Но повторяемого, повторимого... Я рад, что ты стал спокойнее. Условие, Симург, и пока соблюдаешь его, ты живёшь: охотиться исключительно в высоком небе! Никогда на рынках земли. Ты понял? Никогда. Тут мои угодья...

Так образовался их союз. У Симурга постоянными атрибутами стали не только латы, ещё лук и рогатка. И половинка ловчей тени в наконечнике стрелы. И с древком годится и так, с рогатки. Больше одной Буро не давал ему. Симург бесился, требовал, угрожал. Уходил и возвращался. Ничего, перебесился. Биг-Буро был терпелив с ним.

Охотился Симург возле крупных облачных рынков. Там уж его знали, так что внутрь редко заходил... Переполох! Выбирал изгнанников, опасался рисковать единственным выстрелом. Но случалось, ловил даже чистых хозяев. И с Чёрными Драконами сражался, недолго требовалось... Силой и ложью ловил, устраивая бесконечные гонки, лишь бы к рамам не подпускать. Над морем гонял. Врал про чудовищ, заказчиков, свои и чужие цели. Охотился любыми способами.

Со временем оружие поменял на более мощное, скорость его атак возросла, слава тоже, разговорчивость упала. Возле облачных рынков его прозвали Эрот. Имя внушавшее страх, содрогание. Ведь никто не знал, понятия не имел, почему так бывает?.. Один выстрел. И в конце того же дня, приятель не играет, не торгуется, не ругается и не шутит с тобой. Молча сидит. Молча бродит. Его Белый Дракон горизонтально распластал крылья, не кувыркается в небе... А в один прекрасный день Эрот появляется снова и уводит его за собой. Все видели, как дрались они!.. — и уводит, единственным словом уводит его за собой!.. Он внушал ужас. И выстрелом, и доспехами, непостижимый.

В заключение можно упомянуть: ни разу Симург не довёл к шатру Буро человека, у которого был любимый. Сантименты тут не причём, не получалось! Он стрелял, но... Либо промах, либо упускал перед самой рамой. Осечки. Без исключения. Он уж научился распознавать таких... Счастливых.

После трапезы, редкой, поскольку Бутон-биг-Надир, как говорилось, был против такого рода удовольствий и выдавал тени редко, с долгим полураспадом, Буро бывал сыт, доволен, вальяжен... Симург — хищник, борец, ача, который всем существом — за! — уничтожен... Самое меньшее до утра. Он становился обычным человеком, погибающим в пустыне,

полудроидом без покровительства дроидов. С Чудовищем Моря рядом. Разговорчивым, умным. Добрым... Небо и море, добрым!.. Втолковывающим ему про добродетель и пользу терпения...

Глава 43

Глава 43.

Оракул был личным изобретением Бутон-биг-Надира. Или открытием. Или пустой фантазией, вставшими в ряд более-менее яркими совпадениями. Из числа их начальные в ряду поразили его настолько, что он не прекратил вопрошать судьбу, покуда имел такую возможность.

Дело было так...

В глубинах Великого Моря по горизонтали и по вертикали вниз максимально удалённых от материка, Надир, уже чудовище, но ещё Надир ступил в Актиньи Дёсны... "Красивое" название, ага. Зато точное. Поскольку зубом, клыком в этих дёснах станешь ты сам. Кто наступил, тот и станет. Система простая и изощрённая одновременно.

Актиньи Дёсны стадия Морского Чудовища, на которой оно не только утратило человеческий и звериный, хоть немного антропоморфный облик, голос, речь, но и способность целенаправленно перемещаться. Вместе с мышлением. Мысль, верная ли, ошибочная, не длится в них, не толкает вперёд. Очень холодная стадия. Им дико холодно, если выражать в человеческих понятиях. Чувства-то пребывают, никуда не делись. Более того, обострились до предела, и сравнялись между собой, вне размышлений, соотношений, выводов, оценок и стратегий охоты.

Оно лежит на дне остывающим Огненным Кругом, неразличимым, только свечение тихо передаётся от него наверх, лепесткам, мнимым кораллам, ковру голубой, мягкой травы, зарослям животных водорослей, изгибающихся вопреки течению, зато в согласии с направлением полёта Белого Дракона в высоком небе... Дроиды, как невообразимо далеко!.. А чует!.. А вдруг он шлёпнется, всадник, а вдруг упадёт... Да хоть бы и упал, сколькие достигают дна? Один из тысячи тысяч. Ждёт... Медленно-медленно в таком запредельном холоде и вне движения остывает Огненный Круг. Немногим короче их жизнь, чем окончательное растворение Падающих Факелов, светильников океана...

Вот эти длинные ленты, цветущие хризантемы щупалец, многообразных побегов это и есть Актиньи Дёсны. Они парализуют. Бесподобно стремительно. Яд для шипов добывают из них. Есть причина. Даже невзирая на риск. Яд подобного типа настолько сильный, что для демонов, чудовищ человекообразных, делать его самим, как тень сплавлять, как присущую тень, а затем вырывать из тела ещё опасней. Парализуют и удерживают. Холодом, переплетением сжимающихся побегов они останавливают Огненный Круг, высасывают связные Впечатления, а два из них, перемешав со свободными, с морской водой, превращают в тень. "Зуб". Тут же, на месте тела, иногда и в форме его. Зуб не остаётся в дёснах. Зуб-гарпун. На тончайшем побеге он отстреливается, при появлении цели, без таковой, блуждать по окрестностям, чуять, ранить… Пробить и в сами Дёсны уволочь.

Сейчас не суть важно, зачем шлялся там, по дну океана… Надир наступил в них, в Актиньи Дёсны, немедленно осознал всё и взвыл. Ужалил и пополз вверх по ногам леденящий холод, парализующий. Онемение, иглы льда. Глубокий трубный вой огласил тьму. Крик ярости. Сам потрясённый его раскатом, возвращающимся эхом... — от чего отразившимся, от плотных потоков, морских гигантов, Синих Скал?.. — Надир замолк. Чтобы немедленно ослепнув и прозрев, увидеть Царя-на-Троне... Надир воспарил под благосклонным взглядом единственного непобедимого дроида и, как это бывает, понял всё разом. Устройство чудовищ, природу ядов,

упомянутое и неупомянутое выше. Но главное понял, что делать. И быстро. Одно из двух: либо это последние мгновения его жизни, в принципе, либо последние в не преображённом облике. Без колебаний, сосредоточившись, замедлив ум до цветов ледяных, Надир должен забрать себе, отторгнуть уже не сможет, и яд и саму тень, силу Актиньих Дёсен. Вобрать стремительно и бесстрашно. Путь к спасению — вперёд, назад нету пути.

Огненный Круг его в не дышащей, холодной до оледенения груди вспыхнул и сплавил без разбора, немало их накопилось, не все растворила морская вода, противоречивые Впечатления. Возникла тень жадная, быстрая, доли секунды живущая тень, но дольше ему и не надо. Она рухнула в ноги, в щупальца Актиньи, в парализующий яд. Вцепилась, перемешалась... Тяжкая, в противовес ей, стабильная, присущая тень образовалась от поглощения. Настолько тягостная, что не поднялась выше колен. Изуродовав его ноги до ужаса. Ни мужества, ни попросту сил вырвать её или смыть Надир не нашёл бы. Не был уверен, что выживет после такого. Пусть... Могло быть хуже. Да что такое ноги, в конце концов, ходят и ладно... Надир и не знал, не подозревал тогда, что сумеет вернуться на сушу. Один приятель морской, проделавший подобный финт встретился ему столетие спустя. Обменялись опытом... Похожим... И тот пытался, но не смог освободиться от цельных, как Падающие Факелы монолитных теней, порождённых последней стадией Морского Чудовища... Но это всё присказка.

И так, Надир по-прежнему стоял в волнующейся коралловой поросли, в зыбких, заострённых язычках цвета спелой сливы у основания и зелёной сливы ближе к шипу. Но теперь они частью поникли, частью отстранились от него. Открылась бурлящая под ними, в придонном слое Актиньи, пена. Крупные пузыри. От пены шло тепло. Давно голодный, ради создания тени утративший последнее, промёрзший, ещё и злой от пережитого, смертного испуга, Надир топнул. Пнул её новой ступнёй, тяжкой, слоновьей. Пена не лопалась. Она расступилась. Отползла к краям поросли. Его взгляду открылись нижние, стеклянно-прозрачные пузыри и под ними... Огненный Круг. Медлительный, тусклый. Надира вновь окатило теплом.

Огибая светящийся круг, в пенном, бесформенном теле образовали зримый, скрученный поток струи добытых связных Впечатлений, в основном — корней Впечатлений. Можно через касание увидеть, что там... Спустя минуту Надир отнимет их. Прильнёт к источнику тепла, и выпьет их, остановит Огненный Круг. За минуту же размышлений, удивления многообразию сущего, пока стоял вплотную к сердцевине чьей-то угасающей жизни, и вода связных Впечатлений, растворяясь в кусачих, свободных, чуть обмывала пальцы его изуродованной стопы, он прислушался к ней, пригляделся невольно и получил... Оракул?.. Свой первый Оракул.

Подобно любому хищнику моря, издали Надир мог знать, унюхать само наличие, что они есть как факт в добыче, связные Впечатления. Какие именно — невозможно знать. Но данный конкретный случай стал неожиданным исключением в силу особенностей чудовища... Никто не охотится на Актиньи Дёсны!.. В пенном существе стоя, Надир и уже напал, и ещё не нападал... Не рукой, ногой коснулся. Связное Впечатление раскрылось коротко, отчётливо.

Надиру предстало древнее море. Покачивающаяся на волнах платформа. Пятиугольная, похоже, будто срезанный узкий мыс, не корабль, для транспортировки. База. Канатные борта. То утопает, то выныривает углом резко, подпрыгивает, падает обратно между валов. Широченная, как поле. Понял, когда увидел тела людей на палубе и за ней. Кусок запретного Впечатления, основное дроиды прибрали, это пропустили, в нём ничего уже не происходило. Картинка перед глазами и только. Жадно втягивая смесь Впечатлений, стылых почти, по сравнению с тем, чем будет лакомиться на континенте, Надир вспоминал её. Чем-то запала картинка... Осталась бы для него кратким моментом, если бы...

Время прошло… Он всё ещё житель моря. Не способный звать Белого Дракона. Молчанье, хриплая боль в груди вместо песни.

Он стоял на мелководье и с тоской, бессмертной, сквозь века и эпохи прошедшей тоской, задрав голову, глядел в облака. Недоступные облачные миры. Опустил взгляд. К востоку, где мелководье, каменистое склизкое дно обрывается резко в глубину, вода мутно-бирюзовая, не прозрачная, как здесь. Из белёсой, бирюзовой воды поднималось то одним углом, то другим что-то плоское. Пыталось от волн оторваться. Каких только теней Надир не встречал в море, но это уж точно не тень! Что угодно, но не она. И будь прокляты, пусть померкнут навеки его глаза, если это не рама мира!.. Пятиугольная рама... Ого...

Сезон туманов шёл, начальные дни его. Не облачный уже, не присваиваемый, но и не исчезнувший до конца Рынок Файф, пустой, ничейный поднимался у Надира на глазах из Великого Моря. Ещё летучий. Но, как и любые рынки коснувшиеся земли, не могущий стать обратно Собственным Миром. Заброшенный, позабытый до последнего дня и с того самого, с атаки Беспятого Дзонга-Ача.

Надир вздрогнул. Впечатление платформы немедленно вспомнилось ему. Поразительное сходство. Кроме того, он знал историю Дзонга и не мог спутать ни с какой другой широкую, ромбиками украшенную, неправильной формы раму легендарного Файф.

Пятиугольник смог тяжело, тягуче оторваться от поверхности. Светлое облако немедленно закружилось, образовалось над ним. Рынок готовый лететь дальше, облачком среди облаков парить на протяженье сезона туманов…

"В небо? — спросил себя Надир, заранее зная ответ. — Ещё полёт, быть может, последний! Будь, что будет..." Не надеясь успеть добежать мелководьем на мощных, тяжёлых ногах, он нырнул, вынырнув точно под рамой. Подтянулся и перевалился через край. Там и остался, не вставая, свесившись, вниз смотря... Волны... Простор... Парит и кружит Файф, возносится. А вот и туманы прибрежные... Морская Звезда, мыс короткий, справа другой, вот целиком континент... Он чёток, на вуали Туманных Морей дроидов, так почтительно размещён, бережно уложен, как что-то хрупкое и дорогое. Суровый, пустынный, покинутая твердь земная... Полёт, ветерок... Блаженство...

Тогда захотел вернуться. Решительно вознамерился, залюбовался, увидев за столькие годы разлуки материк с высоты. Может быть, этот момент, не забывшегося, чистого восхищения и нежности, дал ему силы на всё. А их много понадобилось. Что смог, то смог. Чего не сумел, с тем смирился. Благодаря ему стал Бутон-биг-Надиром, и балансировал, и радовался, и не роптал.

На Файф же Надир тогда получил второй Оракул. На Файф вопрошал последующие. В одной точке сошлись там: начало его возвращения и начало серьёзной угрозы. Материку, рынкам, обретённому заново сухопутному бытию. О чём, собственно, и вопрошал.

Наскучило кайфовать полётом, встал, огляделся.

На Файф остались они, громоздкие, старейшие Вирту. Закрытые и распахнутые. В комнатах и на веранде. Мелочёвку разъела морская вода, вымыла прочь, растащили демоны моря. Но рама пребывала, и Вирту похитить они не могли. В пятом, узком простенке лежит громадный, захлопнутый том, наподобие стола или постамента. Светится за окном, за верандой, радостная зелень области Там, облетают жёлтые соцветья… Песок мокрый, трескаются под ногами остатки раковин на полу, запустение. Стены пахнут морем: холодом и сыростью. На них

прославленные рисунки Мерцающего Файф не истребила вода, мерцают. Проступают, когда подойдёшь, меркнут при отдалении.

Надир бездумно раскрыл книгу, погрузил пальцы в шёлковую податливость обреза, откинул и прочитал... Тогда он не понял, что прочитал. Так ведь и Впечатление платформы глядя, не понял... К чему, чего тут понимать...

Облачному рынку долго, весь сезон туманов предстояло кружить посреди миров. И Надир не горел желанием покидать его прыжком в море. Эксперимент, спору нет, редкостный получился бы, интересный: поймает ли Белый Дракон того, кто не способен его позвать? Но как-то не хочется проверять, почему-то... Как чудовищу, на Файф Надиру было сухо, тяжело... Но зато спокойно. Терпимо, особенно когда залетал в небесные туманы, до и после дождей. Неожиданно для себя Надир обрёл массу свободного времени. Поразмыслить. Редкость великая после океанских бед!..

А страница Вирту так и осталась открытой...

От перипетий необычной и нелёгкой судьбы, Надир отвлекался всё чаще, глядя вниз, за раму. Несколько раз крылья Белых Драконов метнули отражённый свет, ветром присвистнули, но — мимо. Небесные бродяжки не нарушили его одиночества. Взгляд бродил пустынным, просохшим залом и останавливался на Вирту. На строках чёрной вязью эсперанто бежавших между широких полей нереального листа. Энциклопедия не одной темы, а одного времени. Надир раскрыл её на букве "И" — источники питания для механизмов, распространённые в конкретный период. Акцент в статье был на предотвращении потерь. На защите самой механики силовым полем в среде, в которой без этого существовать невозможно.

Надир читал, перечитывал, хотел уже перевернуть страницу, пробежал глазами ещё раз... И как молния ударила!.. Это же про него! Он, Морское Чудовище, сможет жить на суше! Дракона ему не позвать, не летать в небесах, но вернуться на континент он может!.. Нужно попросту для начала найти подходящее место над сыростью подземных вод забвения. Найдётся! Не идеал, да. Ему не будет легко. Но это лучше, тысячу раз лучше, чем ненавистное Великое Море! Надо немного морской воды для питья, немного Чистой Воды забвения и столько связных Впечатлений, сколько выдержки найдётся у него, чтобы не переплавлять в тени, гнать от Огненного Круга прочь. Кое-что можно и переплавить... Не суть, дело техники! Оракул. Таков был второй Оракул. По странному чувству Надир распознал его, признал таковым... Вроде ветра, толкающего в спину. Как с тем Впечатлением платформы. Ничего общего в ситуациях, а ветер... Похож. Уверенность, необъяснимая уверенность. И полная непредсказуемость события, поворота мысли.

Надир впредь не летал на Файф. Бывал, но не летал долго. Тогда он дождался погружения, нетерпеливо, жадно ждал. Избавился ото всех теней, от каких смог. И вышел на континент. Насовсем. Как мореплаватель, он поцеловал землю, правда.

Под конец сезона туманов с побережий, в пригодный для того промежуток времени, короткий весьма, Надир навещал Мерцающий Файф. Многажды, бессчётное число раз. Пока не нашёл советчика, дожидался, выслеживал нужный момент. Затем с чужой помощью рассчитывал время и место. Заходил. Листал Вирту... И — ничего. Ничего толкового книга ему больше не открыла. Листал другие. Без толку. До того, как случилось третье поразительное совпадение.

Подобно Надиру, его помощник, зашедший вместе с ним побеседовать в покое и тишине,

раскрыл энциклопедию. Полистал, прочёл... А на следующий год, напросился сам уже. С некоторым колебанием вначале, потом захлёбываясь словами, он рассказал Надиру, что прочёл, ровно то и случилось с ним! Надир покивал, отвернулся, скрывая лихорадочный блеск в глазах, он понял: нежданность — вот ключ. Свежесть. Без намерения. Точка. Каждый раз нужен новый человек. Но ведь тогда, это будет его Оракул? «Н-нет… Не то, что надо...» Бутон-биг-Надир нашёл выход.

Что такое новый человек? Новая рука? Легко. Таковая найдётся.

Ещё что? Новый человек, это отсутствие намерения. Легко! Общее намерение редко образуется у нескольких даже заинтересованных человек!

Что за Оракул ищет он сам? Про будущее. Про сферу обитания, её перспективы, угрозы ей...

Из этой значит сферы... Пусть приходят три, пусть четыре, включая его самого человека. Не чередуясь, вместе. Пусть что-то объединит их в одного, виртуального, всегда нового, для Вирту нарочно сочинённого человека. Несколько минут существующего, вместившего одну мысль, совершившего одно движение руки: раскрыть и прочитать Оракул.

А форма?.. К примеру такая... Пусть сочинят предложение, из случайных слов, не принадлежащее никому конкретно, пусть дыхание их перемешается на случайной вещи, она и станет рукой вопрошающего, брошенная между страниц в обрез, всегда свежей рукой. Не обязательно вопрос. Разве Оракул отвечал ему на вопросы? Они и поставлены-то не были. Любое, неважно какое предложение, оно само будет частью Оракула, так даже интересней. Надир задаст схему для слов: кто, где, какой, зачем, что дальше? Случайные, все до одного случайные слова. И Надир бросит вещь, над которой произнесены они, в недра закрытого Вирту. Откуда не достать. Новый же человек, а этот должен быть новым, один из четырёх, достанет. Не достанет, конечно. Протянет руку. Он не будет искать Оракула себе! Он протянет руку за вещью Надира, для него раскроет страницы Вирту.

Удалось! Нифига личными его Оракулы не были… Но рынки, особенно Центральный и Южный, Надир считал своими лично! Так что, вполне работало!

Раз в год Биг-Буро имел такое развлечение. Иногда узнавал пустяки. Иногда вещи переломные. Много раз, опуская оракул в шелковистый призрачный том, он держал в уме имя Дзонга, как главной угрозы. Это не сработало, увы.

В последний сезон туманов новым человеком, рукой, прежде не касавшейся Вирту, должен был стать Густав. Один интерес Буро в отношении Густава — Оракул, а второй... Оракул, возможно, последнее, что тот сделает в жизни.

Человеком же долгие годы рассчитывавшим для Буро полёт Файф был изгнанник. Смуглый, всегда одинокий, знаток ветров и сроков, небесный бродяжка — Зарок.

Глава 44

Глава 44.

Буро искал Оракула относительно Дзонга, чем дальше, тем с большим напряжением, беспокойством. Остальные предсказания, казалось ему, косвенно имеют отношение, крутятся около темы. Не достают. В самом начале исчезновение целой группы охотниц и примкнувших к ним насторожило его. Ещё до взлёта Дзонга на Файф. После, когда узнал подробности произошедшего от тех, которые чудом спаслись, содрогнулся. Тогда Бутон-биг-Надир осознал масштаб порождённого Великим Морем нового чудовища.

Оракул... Где искать? Или — кто подскажет, где искать? Или — когда? На какое время можно забыть о нём? Хорошо бы узнать принципиально, кто он сейчас. Клубок превращений, теряющий человеческий рассудок, демон моря, плетущий частую сеть для захвата всех без разбора, чтобы выбрать из неё знающих путь в Галло? Или демон, что ждёт и слушает, как и сам Буро ждёт и слушает, ловит случай, рассылает гонцов?

В предсказания Буро уже твёрдо верил и немного ревновал к ним других, трёх помощников. Как правило, не верящих, и безразличных к ним.

Беспечность полудроидов иначе можно назвать, нерасположением заглядывать в будущее, упоминать о нём, о планах долгих. Если упоминается судьба вслух, как-то в негативном ключе... И Густаву не с добром её поминали... Буро — напротив. Всё заглядывал. Собирал троих. Если б можно и без их ведома!.. Ну, хоть так.

Когда Симург только повстречался ему, и Буро находился в неопределённости, привечать ли столь неординарного хищника, позвал на Оракул и открыл его рукой. Строка говорила о несомненной связи их судеб. К добру или к несчастью не ясно. Биг-Буро счёл её положительным Оракулом, тем охотнее, что это соответствовало его намерениям. Симпатии к парню и лёгкости управлять им. Интересный момент, в строке последние два слова принадлежали следующему предложению. И слова эти: "Один поймёт..." А Симург действительно не умел читать, одному Буро Оракул. Истолкование тонкая вещь, фантазийная, как некоторые Впечатления...

Повелось, что Симург и дальше поднимался на Файф участником ритуала. Без интереса и без возражений. За то получал наконечник особой стрелы, вмещавшей осколок непростой в изготовлении, — Луковица Воспоминаний, так называлась она, — пьянящей, жаждущей тени. Иначе — Матрёшка Воспоминаний. На много дней рассчитан её полураспад... Тень заставляла раненого вызывать в памяти последовательно его жизнь... Обычная тень сгоняет Впечатления к Огненному кругу быстро и хаотично. А эта — плавная. Она делает промежутки. Перерывы. Но не отпускает.

Воля человека ищет её, пытается распознать беспокойство, и тогда тень показывает ей следующие слои Впечатлений, корней Впечатлений, вместо себя. Перемешанные с собой. С дурманом и горечью. Пьянящим дурманом. Глубже и глубже в прошлое. Малые, незначительные, впитанные под ливнями, выпитые в компании. И снова затишье, перерыв...

Раненый не может понять, что в старых Впечатлениях так беспокоит его, что надо вспомнить?.. Тень шепчет: "Разгадка дальше..." Обещание сладости. Там раскроется, почему терпко и горько вспоминать. Глубже, в следующем Впечатлении разгадка... Матрёшки. Слои луковицы, слёзы. Он вглядывается, а тень продолжает собирать... Как под увеличительным стеклом, ясные, яркие, неопределённой горечью обобщённые Впечатления сгоняет к Огненному

Кругу. Раскалённые и с горчинкой... Биг-Буро не мог не признать, что отправляя на эту охоту, Симурга он ждал...

Луковица Воспоминаний... Самое интересное, что в процессе отравления, медленно распадаясь, осколок жаждущей тени как бы оправдывает подспудное обещание. Объяснить очень просто. Притянутые им Впечатления, корни их, давно уже ставших кровью полудроида, мыслями и силами его, когда тень делала паузу, чуть-чуть начинали удаляться от Огненного Круга. Обратно шли, на периферию удалялись горячими уже, совершая повторное отравление, сообщая своё тепло Впечатлениям ещё не притянутым, ждущим следующего захода. Пульсация, Матрёшка. Как луковица, от которой вначале только плачут, на огне становится слаще и мягче. Пока не остаётся одна лишь сладость. И тревога. Неопределённая, чуткая…

Тогда появлялся Симург и уводил жертву за собой. К Буро. Тогда у них бывал пир, редкий. Промахнувшись стрелой с таким наконечником, Симург, наверное, покончил бы с собой!.. Магма сбывшихся желаний, коронованная ледяным пламенем. Ядом второго осколка ловчей тени. Букет чужих Впечатлений… За целую жизнь… Чьи-то миры, чьи-то фантазии, чьи-то эпохи… Отрывочные моменты, вечные мотивы… Жаркий, густой коктейль, обвитый последним глотком, ледяной белой лентой. Колючий букет. Острота и аромат, с шипами все цветы...

Последняя оговорка. Без лукавства! Не лукавя перед другими и собой, Буро огорчался, не одобрял и препятствовал, сталкиваясь с возможным распространением такого рода знаний и развлечений, даже без ловчих теней, даже среди демонов моря, не говоря, людей.

Любителей не то чтобы много, но жизнь непредсказуема. Случайный шаг запускает цепную реакцию. Эпидемии игр. Мирных и не очень, и очень не... Пандемии коллекционирования... Общий сдвиг на живых артефактах.

Сколь многие среди чистых хозяев, среди обладателей Чёрных Драконов имеют о человеческой природе самое прискорбное мнение, затворники миров, охотницы Галло. А старый Биг-Буро, переродившийся в океане, неукротимо верил в глубинную её чистоту! Рука об руку с подобным убеждением идёт последующее: искушение — зло. Вещь случайная, устранимая, устранения требующая! Чем и занимался.

Как соотносится с его неколебимой же верой в судьбу, в Оракулы? Трудно сказать... Но говорил себе так... Вот Олив, например, не стал ача. Демона угощая, не пил с ним. Или когда Пёс заявился на Южный с ответным визитом, истребив до того чуть не весь рынок Олива... Биг-Буро должен был чем-то привязать его, хотя бы привлечь внимание... Но и Пёс остался безразличен к изыскам. Поблагодарил и свернулся в углу, совершенное животное, в тепле, в покое. К человеческим привычкам он вернётся быстро, естественным образом и без труда. А Симург... Ну, раз так уж сложилось!.. Пусть мальчик охотится вдалеке. Пускай охотится для себя и Буро два-три раза в сезон. Что тут такого?

Второй постоянной в четвёрке был Гай, обеспечивающий техническое сопровождение за стандартную плату: раз четвёрка, то четверых ему на артефакты. А из пятого он создаст пластилиновую пыль для следующего Оракула.

Третий сам Буро.

Четвёртым должен быть новенький. Густав. За Впечатление Минта.

— Га-ран-ти-ру-ю... — монотонно, с выражением, которое в равной мере можно было

принять за откровенную насмешку и за полную серьёзность, Биг-Буро проговорил слова обещания, формальные, устоявшиеся в кругу старых хищников. — Ни я, никто из приглашённых мной, ни на входе, ни на выходе, ни на месте встречи не станет угрозой твоей жизни или свободе...

Гай ждал у Густава за спиной, как музыку слушая размеренный голос Буро. В особенности на финальных аккордах... Когда тот добавил со всей честностью Морского Чудовища:

— Густав, я не гарантирую тебе защиту лишь от твоих собственных глупостей!

Вроде как шутка.

Сыро и холодно в его огромном шатре. Перегороженном, невидном. Пробирающий холод. А на пороге почти и не замечаешь.

Ткань расписной ширмы колыхнулась от сквозняка, Зарок вышел к ним. Выбирал собственноручно плату за расчёт траектории Файф этого года. И Буро погрустнел. Погорячился...

Уж кого на Южном нельзя упрекнуть в жадности, так это Буро, но...

Уважительно, трепетно даже, обеими руками Зарок держал перед собой тонкий обруч, изломанный греческой линией, прямоугольными волнами. То встряхивал немного, то поворачивал, подбросил слегка и прокрутил на пальце.

От таких манипуляций в обруче, в пустом внутреннем пространстве начинали повторяться ряды его волн, до центра... Захватив центр, выплёскивались наружу, бесконечной тончайшей стружкой, спиралью расширяющихся рядов. Не иллюзорные — золотые!.. Тонкие, как паутинка. Всех оттенков, начиная от белого золота, и до медного. Легонько встряхивал, недалеко разлетались, чтобы затем так же, рядами собраться в первоначальный круг.

Не скромничая, Зарок выбрал скрытую механику. Она называлась Сигнальная Звезда. Не для красоты механика. Вещь, предназначенная на некоторое время отметить место, указать путь.

Раскрученная сильно, она рассылала волны широко по небесным меркам, долго их собирая. Мягкие, обтекающие препятствия золотые пряди, паутинки. Брошенная без вращения, она с любой высоты и до самой земли, до океана оставляет волнистый след за собой. То и то сразу может делать, если раскрутив, со всей силы швырнуть в облака. Для Зарока, ладно, не жалко, пусть...

Просто Буро намедни вспомнил её устройство, мало кому ведомое, и, что редко с ним случалось, собственноручно сделал для Хан-Марика. Посмеяться и порадовать, одновременно — золото и механика, съест или сохранит? Биг-Буро легко представлял, как снуёт в небе Белый Дракон, кувыркается с парнем на спине, ловящим тёмными губами золотистые паутинки волн... Мысленно Буро полюбовался и вздохнул. Он не любил, ненавидел превращать людей... Так и не привык за всю долгую жизнь хищника и монстра, каждый раз удивлялся, как это — раз!.. — и вещь на месте человека?.. Бутон-биг-Надир, — знал бы кто!.. — по минимуму охотился ради своих интересов. "Когда-нибудь ещё раз сделаю..."

Оторвавшись от созерцания артефакта, Звезды Сигнальной, Зарок ткнул пальцем в карту Морской Звезды:

— После-после завтра. Точно. К мысу он опустится и во-от... тут полетит вдоль... Окунётся, где туман дроидов, поднимется и подальше окончательно вниз, где открытое море.

— Долго над побережьем-то будет лететь, Зарок?

— Не, в этом сезоне не долго. У тебя меньше суток.

— Запрыгнуть везде можно?

— Это да. Он низко. С каждым годом всё ниже. Не вечно Файф будет подниматься из океана.

— Спасибо, Зарок. Ты доволен ценой?

Изгнанник выдохнул восхищённо:

— Да!.. Но Биг-Буро, оговорюсь снова, ветра — тонкие материи, и если я просчитался...

— Оставишь себе, — перебил его Буро. — Ни разу ещё ты не ошибался.

— По-крупному. А помнишь, как из тумана в туман ныряли? Мыс-то вот он, а туман шепчет, течёт плотный как вуаль, и ни дуновения!.. Конечно, не оставлю. Но благодарю за доверие. Я пролечу над вами. Хочу убедиться.

Буро кивнул и спросил:

— Почему ты ни разу не составил мне компанию, Зарок? Не в смысле, для меня. Ради себя не желаешь Оракула, не интересно?

— Оракул... На будущее?.. — задумался и дорогой артефакт померк, предстал тем, чем и был, чудной, холодной вещью. — Оно безнадёжно пусто, Бутон-биг-Надир. Оно пусто от меня. Меня в нём нету.

Четверо на южной стороне восточного мыса континента Морская Звезда собрались после полудня. Через день, как сказал Зарок. Биг-Буро, добравшийся пешком. Отрешённый Симург. Гай с ледяными, недобрыми искорками в глазах. И Густав.

Файф, кучевое облако, почти лежал на отмели над огоньками Туманного Моря дроидов. Входная рама обращена вниз. Трое с Белых Драконов, Бутон-биг-Надир с отмели, неохотно протопав по воде, достигли этой рамы и скрылись за ней.

Распоряжался Буро. Сутки или меньше имеются, но торопиться он не намерен, приготовления протекали неспешно. Густав успел пройтись комнатами, обогнуть пятистенок Файф по застеклённой веранде, полюбоваться густым садом Там, ровными, просвеченными невидимым в рынках солнцем стволами-стеблями деревьев, которые росли пучком. Высоченные, круглые, упругие, зелёные как трава, без коры… С огромной высоты они роняли, разбрасывали пушистые гроздья соцветий. На отдельные жёлтые шарики их разбивали порывы ветра. Крутили, позёмкой гнали за поворот дорожки, сметали в стороны от неё. Нежданный ветер взметал и уносил куда-то. Вечно смотри, не надоест. Областью Сад, как понял, была веранда. Сад — Там... А жаль. На Файф Густаву понравилось, особенно тут.

Вернулся. Рано ещё. Картины поразглядывал. Ближе, дальше вставая… Забавно.

Одна приглянулась... Досадный рынок: туда не зайти, это не украсть!

На условном полотне стены четырёхкрылое антропоморфное существо стоит в динамичной, причудливой позе, одежды есть на нём, они развеваются. Всё, если издали смотреть. Немного подойдя, видишь, что поза не бессмысленна. Правыми руками на отлёте оно держит свиток, читая его, а левые простирает... Ещё на шаг подойдя, различаешь — ... к слушателям. Большой аудитории, множеству едва прорисованному в амфитеатре. Но понравилось Густаву другое. Совсем вблизи проявляется развёрнутая часть свитка: гребень, чешуя, лапы драконьи... Свиток-дракон загибается широкой лентой, обнимая центральную фигуру. Причём, одной лапой подпирает свою драконью, скуластую, усатую морду, в тот же самый свиток заглядывая через плечо. "Дивная вещь, хочу такую! Жаль, что он скоро погрузиться в океан. Остаться бы на Файф..." Даже запах глубоководного холода, витавший в пятистенке, не подходящий к зелёной, радостной красоте всегда цветущего, непрерывно облетающего сада, успокаивал Густава, далёкий и от духоты Собственного Мира, и от рыночной пыли.

Симург картин не разглядывал. Молча ждал, сидя на полу у стены, наблюдая за Густавом в полглаза, прямой и отрешённый.

Биг-Буро с Гаем настраивали техническую часть. Первое же сделанное ими неприятно удивило, насторожило Густава. Они перекрыли выход.

Чем перекрыли, не сразу понял, но рама была засыпана, затянута пеленой. Белый, хрустальный, ярко блестящий порошок кружился над ней, уплотняясь в слои, но и они никуда не девались.

Ещё сюрприз... Над рамой к потолку Буро подвесил колокол, тут же хранившийся, на Файф, показавшийся Густаву смутно знакомым. Ну, точно!.. Колокол точно с Гала-Галло, только большой. Покачиваясь, он развернулся... И ящерка на цепочке тут как тут!.. Биг-Буро заметил его кислую мину, усмехнулся:

— Знакомый зверёк? Полезный зверёк... Не напрягайся, Густав, эта не кусается. Она собирает звуки. Так что, поменьше болтай! Серьёзно, после начала.

Густав кивнул.

Но сами-то они, Гай с Буро как раз-таки начали болтать всякую фигню! Бормотать чего-то. Громче, тише. Над блистающей взвесью, склоняясь к ней немного. Их короткие, бессмысленные фразы проделывали дорожки в ней... Проталины. Ручейками бежали и оставляли след! Бронзовая ящерка устремлялась по нему, за ветром дыхания... И поглощала тропинку!.. "Широкая пасть, щёки, словно бумажные раскрываются! Ишь ты..."

В первые разы она замела или поглотила, как сказать, дорожки с едва различимой глазу скоростью. И прежде, чем замедлились они. Обогнала. Неправильно, слишком быстро. Гай добавил крупного порошка, Буро подтянул колокол выше и что-то передвинул на ошейнике рептилии… От чего она закашлялась, изумив Густава в очередной раз! Да ещё и выплюнула нечто незримое!.. Принялись настраивать дальше... Густав вернулся к изучению картин.

Когда всё наконец был готово, Биг-Буро растянулся на полу, свесился под слоями блистающего порошка и позвал кого-то.

Разбивая пелену, сомкнувшуюся за ним в полном порядке, на Файф взлетел юноша...

Дааа… Густав не вполне понимал, на что подписался. Юноша впечатлял, будучи приглашен в качестве антуража, прислугой, для полноты удобства.

Оракул случается редко, редко бывает Бутон-биг-Надир на облачном рынке, в полёте... Почему не украсить слегка. И кресло устроил себе из тома Вирту, испорченного морской водой, полураскрытого на момент погружения. Отличное вышло кресло, мягкое. Спинка жёсткая — из обложки. А юноша... Тёмно-малахитового цвета кожа. Лысая совершенно, малахитовая голова... Не глянув на присутствующих, взлетел и опустился перед Буро на одно колено. Левой руки нет. Впервые Густав видел подобное: тело не регенерировалось и не погибло... В правой руке поводок, разделяющийся на два, на поводках... Снова ящерицы! Крупные, длинные, точней — высокие, стоящие на задних лапах тени-ящерицы. По пояс человеку... «И с головами чаек?.. О, дроиды, чуждые безднам морским!..» На ремне за плечом у малахитового чудовища висел короб. Жестяной, с узорами. Громыхнувший, когда Буро, ласково поприветствовав его, поднял на ноги.

Все в сборе. Приглашённые Биг-Буро ради Оракула расположились вокруг пятигранника рамы. Буро на короткой стороне, Симург на широкой перед ним. Гай и Густав напротив друг друга на углах. Словно за столом, покрытым как скатертью переливчатой, хрустальной взвесью.

"Интересно, — подумал Густав, падает ли она вниз, наружу рынка? И только ли тёмно-зелёные парни могут невредимыми проходить её насквозь?"

— Как ты? — спросил Буро пришедшего, сервировавшего столики на всех четверых.

— Недолго осталось, Надир... — ответил тот, не отвлекаясь.

Низенький, круглый складной столик на одну чашку он раскрыл перед Густавом, вплотную к раме, и тот смог разглядеть под тяжёлыми веками его тусклые глаза: горизонтальный зрачок без радужки, без искорки, мрак. Трудно сказать, кто страшнее, Длинноклювый с пламенной яростью кроваво-красного обода глаза или этот, безжизненный мрак...

Показалось Густаву, что на одну чашку столик. Каковую расположили и наполнили ящерицы-тени, таких могло поместиться на всю компанию и больше — с напёрсток чашечки. На дне прорисован Сог-Цог. Эмаль в трещинку, терракотовая снаружи, лазурная внутри. Густав пригубил. Остальные пили охотно. После первой он тоже. Тонкий расчёт. Две тени вместе наполняли одну крохотную чашечку. Тень-ящерица с головой пёстрой чайки лила из сплющенного, чечевичное зерно напоминавшего, чайника, из раструба тонкого, вытянутого носика морской воды, несколько капель, дыхнув на неё в процессе. Лила струйкой с высоты. Перестав, дыхнула ещё раз на поверхность. Круги от дыхания бежали, не прекращались. Им ли благодаря, мизерному ли количеству яда, изошедшему из клюва, но Свободные Впечатления некоторое время не перемешивались со связным Впечатлением, налитым до краёв тенью с головой белой чайки. Но пить надо быстро. Тогда промелькнув, кратчайшее Впечатление, словно пойманное за хвост, возвращается под влиянием морской воды к Огненному Кугу, распадаясь, затмевает реальность секунд на пять-дестять. Малахитовый юноша умел составлять коктейли... Не удивительно, у кого перенял!..

Пока уселись, пока выпили по чашечке...

Бутон-биг-Надир гладил широкий, бронзовый лоб ящерицы замершей на его плече, бормотал что-то невнятное. Для Густава выглядело так, будто рептилия по душе ему и только. Ан, нет. Для затравки и дабы сразу продемонстрировать, как работает данное сочетание скрытой механики колокола с живым артефактом, Буро предварил начало Оракула примером их взаимодействия. Тронул колокол над рамой, не сильно кончиками пальцев ударил. Тот вытянутый, стилизованный под цветок, раскрывшийся не до конца, издал глубокий, обширный, низко вибрирующий звон. Дрожь его гудения отражалась стенами, полом, ощущалась в подошвах босых стоп. Угасала? Не угасала?.. Прекратилась разом. Как чикнули ножницами по ней. Сам звон, тягучий, обволакивающий звон продолжался... Рынок Файф пребывал в невесомом, чистом звоне, как в пузыре. На той стороне блистающей скатерти Густав мог наблюдать щурящегося от удовольствия Гая. Он явно слышал и вслушивался иначе, умел различать не одни только ледяные цвета. Пузырь непередаваемого звука лопнул так же внезапно, как прекратилось гудение. Бронзовая ящерица ожила и с плеча Буро юркнула в колокол. Выскользнула наружу и замерла на лепестке. На уголке, закрученном наружу. Немедленно за тем, при следующем касании колокола, голосом вибрирующей пустоты, густым и просторным, словами идущими от пяти стен, потолка и пола, рынок Файф обратился к новому своему гостю, так обратился:

— Густав... — сказало пространство, а Буро улыбнулся, слушая себя. — Условия Оракула, вот они... Я произношу вопрос. Тот, на который должны отвечать ваши слова. Вы трое произносите их немедленно, без малейшей паузы. Любые. Без паузы. Понятно? Ветер дыхания оставляет следы. Ящерица поглощает один из них. Одно слово. Остальные успевают раствориться. Затем мы прослушаем их. Почти как сейчас. Это будет вопрос и сам по себе первый Оракул. Возможно, мой. Возможно, что и ваш. Он будет каплями падать обратно на раму, в пластилиновую пыль. Заставит её слипнуться. Станет тем, что я опущу в Вирту, а ты

Густав, достанешь... Оракул. Иных слов никто не произносит. И не делает промежутков между вопросом и ответом... В противном случае он становится Оракулом для меня. Немедленно. То есть... Предсказанием станет первое из — бывших его — Впечатлений, попавшихся на гапун По.

На последних словах малахитовый юноша поклонился. Из пустого, вскинутого вверх, рукава, раскрываясь щелчок за щелчком... Кисти рук, рук-теней, одна из ладони другой, длиннопалые, цвета медного окисла, плесневело-зелёные раскрылись, образовали чудовищный гарпун, умножаясь, пока число их не достигло дюжины. Тогда убрались в рукав разом, дымком. С таким звуком, от которого захотелось срочно отряхнуться... Юноша, По, ни на кого не взглянув, снова поклонился.

"Весело!.."

Тем временем чайкоголовые тени успели наполнить ещё по чашечке. Все выпили, и Густав, рефлекторно.

Колокол замолчал. Теперь он пуст. Отвернувшись, чтобы его дыхание не коснулось слоистой пелены над рамой, Биг-Буро добавил:

— Кто не согласен, может уйти сейчас.

Хоть, кажется, угроза эффектная, но условия пустячные.

Густав безо всякой на то причины и с полной несомненностью воспринял последнюю реплику Буро как шутку, обращённую к Гаю, намёк на общий секрет. При всяких и всяческих "га-ран-ти-ру-ю", невозможно игнорировать контекст: слишком чужая вокруг территория, чересчур далеко зашёл, жди подставы, не может её не быть! "Гарантирую жизнь и свободу... Гарантирую, не нападёт ни один..." Без имён, значит и этот, лысый демон... Но предчувствие ловушки, его ни с чем не спутаешь. Так же интуитивно, совершенно точно Густав уловил и то, что Симург вне игры. Безучастный хищник в доспехах делал требуемое Биг-Буро, в чертах его — стоп-кадр... На случайном месте... Такие лица бывают у весьма азартных людей вне игры и охоты. Отчуждённые. Логично было бы усадить его напротив. Однако сразу место перед Густавом занял Гай. Нарочно. "Что-то желает не пропустить... Полюбоваться чем-то хочет. Какой-то ошибкой моей... И Буро не против. Значит, они уверены в успехе. Скверно, не гут..." Густав не рисковал без причины. Но и не отступал без причины. Обещанная ему цена за участие высока, более чем достаточна. Решающим аргументом стала не она, а чистое, полудроидское, авантюрное: "Была не была! Что-то вы для меня состряпали?.. Если выживу, и я кое-что про вас узнаю... По крайней мере, узнаю, в чём подвох!.." Он обвёл взглядом Файф, прощальным взглядом, всегда устремляющимся к небу, картины, потолок, окно на веранду, в недостижимую область Там, к жёлтым, ветром носимым соцветиям... Улыбнулся одним уголком рта и кивнул. Согласился.

Оракул...

Немедленно, после того как обошли их, бесшумно ступая, чайкоголовые тени, как опрокинули все по чашечке, задохнулись и вынырнули из кратчайшей вспышки яркого сверх-бытия, Буро произнёс, отворачиваясь, резко:

— В какой степени?

Захотел начать с конца, с уточнений, определений, с обстоятельств. Объект же, "кто", самое главное — оставить напоследок. Трое разом выкрикнули:

— Очень!

— В высшей степени!

— Совсем!..

Ящерка ринулась по бронзовому лепестку в блистающую, хрустальную пластилиновую

пыль, и верхний слой легко держал её. Закрутилась, суетясь, между трёх, начинавших ветвиться дорожек. На секунду. И расширившейся пастью, пробежав по ней, проглотила одну. Крону её, ствол успел растаять, чей ответ — не разобрать. Унесла в раструб колокола. Приготовилась.

Буро нахмурился, ему не понравилась согласованность ответов. Больше доверия у Вирту, так он считал, к спонтанному Оракулу. Надёжнее, когда живой артефакт выбирает из разных, диаметрально противоположных по значению слов. А так Оракул окажется фальшивый. Или роковой? Ну, что ж... Дальше. В полной тишине они выпили ещё по коктейлю. Буро сосредоточился:

— Где?

Без промедления выдохнули:

— На поверхности!

— В кругу!

— В мыслях!..

Уже лучше... Слова помчались пустотами в пластилиновой пыли, кораллами пустот, и ящерка помчалась следом. Расплела, отделила коралл. И съела его. Унесла в недра колокольные. "В мыслях... — отметил про себя Буро. — Это интересно, Густав. Ты неплохой оракул. Для себя... В мыслях... Марик не узнает ни, где, ни за что... И не надо ему знать. В мыслях погорюет и забудет тебя, Густав..."

Вопросов у Буро припасено много. Оракул в виде длинного, запутанного предложения его полностью устроит. Чем сложней, тем интереснее. Наступил момент, когда, не задумываясь, он бросил несколько вопросов быстро, один за другим, ориентируясь только на скорость ящерки, уносившей их. Густав, сосредоточенный на немедленно требующейся реакции, не обратил внимания, что чашечки Сог-Цог наполнили в очередной раз не тени, а сам малахитовый По. Из другого чайника. Да хоть бы и заметил. Он помнил обещание Биг-Буро. Не нападать. Ни силой, ни ядом, какая разница? А если решится нарушить его, не всё ли равно как, в такой-то компании?

Нет, злой тени в теракотовой, крохотной чашечке не было... Там оказалась назначенная Густаву за Оракул плата... Один глоток от неё. Впечатление Минта.

Всё честно. Густав ждал его после, получил авансом. Разве так запрещено? В нёбе, на кончике языка растворился глоток, а Густав уже умел видеть цвета ледяные... Он запрокинул голову, рефлекторно крепко сощурился, обмер и — увидел... Мог удержаться, не смотреть? Мог, наверное... Не важно. Не удержался — начал.

За один вдох после глотка дыхание его замедлилось... Тонким-тонким замедлением. Огоньки дроидов в теле остановили бег. Огненный Круг вспыхнул, сделался оранжевым кольцом, вращение которого неуловимо тихо. О том свидетельствуя, что в подобном он новичок... Густав зеркальный снаружи и изнутри, не способный двинуться по своей воле даже мыслью, мизинцем и вздохом, чтобы не расколоться на ледяную крупу, ледяной Густав смотрел Впечатление Минта. Краткое. Но насыщенное...

Из волны на островок между малыми мысами континента выходит юноша. Не совсем выходит... И не совсем юноша... Он имеет голову, плечи, руки. Дальше ряды плавников на серебристом рыбьем теле. Они взмахивают и бьют по воде синхронно. Выходит, но не кончается... Он достигает торговой пирамидки и жертвы на ней. Юноша опускает, поднимает руку, мгновение мрака... Вот тут Густав ещё мог... Не должен был вглядываться, а должен был

отвлечься! Однако продолжил смотреть. Где был человек на пирамидке, просыпалась теперь с острия позёмка звёздного праха, на пластилиновую пыль страшно похожего... Но это — краска. И это они самые, цвета ледяные. Прах течёт на землю и на создавшего его. Юноша умывается. Пропитывает им лицо, голову, плечи... Стоит зеркальный, ледяной... Смотрится в Лепесток, стеклянный осколок. Вглядывается и внезапно бьёт рыбьим хвостом по мелководью, отбрасывая присущую тень. С криком, воем. Остаётся дымок, шлейф, не понять что, остатки тени или след от стремительного исчезновения в море... Один глоток, начало Впечатления, не захватившее даже первой ледяной охоты Минта в Великом Море. И тем не менее, требуется время на его пересказ. Для Густава же оно поместилось целиком в один медленный вдох, нескончаемое замедление...

Он даже не мыслил. Но глаза оставались открыты. Ко Впечатлению и в пространство Файф. Ясное понимание отражали: сейчас, прямо сейчас Буро произнесёт следующий вопрос... И ответы выдохнут на хрустальную скатерть все кроме него. Выхода нет. Двинет языком — смерть. Допустит паузу — тоже смерть.

Биг-Буро молчал. Издевательски долго... Напрасно!.. Как немалое число людей до и после него, Густава он недооценил.

Под насмешливым взглядом Гая в упор... Тихо-тихо-тихо... Стремительно-стремительно... Выныривая обратно к жизни и теплу, Густав начал выдох... И вынырнул! Сделал то, на что в Собственном Мире ушла половина дня. "Густав, ты гений. Я — гений. Так и знайте, и на будущее запомните ".

Буро имел полное преимущество. Прозевал.

— Кто? — брошен вопрос, приберегаемый напоследок.

А Густав ещё и не довыдохнул... Ещё тянется мгновение буквально и зримо... От зелени за верандой, за окном пятистенка из сада, разбрасывающего жёлтые гроздья пушистых цветов... Тянется сюда... Во вдохе... В своём состоянии Густав мог отследить, кто откликается первым... Гай, насмешливо, поздравляя с гибелью:

— Дроид белый на чёрном! — выкрикнул Гай.

Симург:

— Дроид после Царя-на-Троне!..

"Троне... Троне... Троне..." Ветер дунул Там, в саду, за окном... Бросил прямо в него гроздь, разлетевшуюся на солнечные шарики... И завершая спасительный выдох, Густав что смог, то и выдохнул, ругательство!

— А-ча!..

Оливу он поверил: нельзя упоминать, рискованно при Буро этим словом ругаться. Потому и вспомнил!.. Да и звучало оно в данной ситуации более чем уместно!

Ящерка ожила, прыгнула с колокола. Гай и Буро обменялись мимолётным взглядом, без шуток, поражённые его выдержкой и удачей. Ясно увидели, как рептилия поглощает именно это "а-ча". Гай ещё раз взглянул на Буро и легонько поднял бровь. Он идеально выполнил условия. Мог бы упрекнуть Буро в неоправданном промедлении. Но, в сущности, его дело. Его охота. Может быть, передумал, чужая душа потёмки. Ошибся или предпочёл полный Оракул. Что ему, Гаю до того.

Бутон-биг-Надир выпрямился в кресле распахнутого Вирту, поднялся. Стараясь не качнуть раньше времени, опустил раструб колокола вплотную к слоистой, текучей пыли над входной

рамой рынка и тогда уже покачнул. Оправдывая своё название, она начала слипаться, пластилиновая пыль, когда слова из металлических недр вылетали и капали под язычком колокола, гудели в пятистенке. Бронзовую ящерицу Буро поймал и крепко держал в руке. Пыль разбивалась под капелью, дробилась ещё мельче и потом мелкие кусточки начали скатываться в серебристый шарик. Сделались пустотой внутри него. Шарик вопроса. Воплощение первого Оракула. Потому и Оракул, что человеком не проговорённый, ничейный, незаданный вопрос. Свежесть, бесконечная свежесть необходима в этом деле. Блестящая пелена утратила слои, поредела. Рама очистилась. Стал виден под ней пустынный пейзаж внизу, прибрежные отмели в тумане дроидов. Тяжёлый шарик выпал бы за пределы Файф, не подхвати его Биг-Буро в последнюю секунду.

Густав, назад откинувшись, на руки, не следил за происходящим. Дышал. Как люди эпохи до дроидов в любимых им и довольно редких снежных, вьюжных Впечатлениях, располагались возле огня, так он чувствовал себя. Камином был его собственный Огненный Круг. Ожив и согревшись, он слышал ещё вой метели, волчий вой едва не погубивших его минут, инстинктивно старался не думать. Не двигаться.

Катая блестящий шарик на широкой, плавных очертаний ладони, до мелочной мести не опускавшийся, Буро ждал, разглядывал как бы, не торопил. Но именно Густаву предстояло завершить Оракул, вторую часть. Ради чего приглашён.

Малахитовое чудовище По, следуя жесту Бутон-биг-Надира, протянуло ему миниатюрный чайник с остатками Впечатления Минта, с закупоренным носиком и плотной крышкой. Чистый хозяин, не сам будет делать карту. Всё честно, уговор. Густав принял молча. И впоследствии ни словом, насчёт произошедшего, они не обменялись.

Пока же колокол затих, опустев от всех звуков поочерёдно, и через паузу освободился до конца, пролив эхо одной тягучей фразой, пауз, интонаций лишённой:

— Совсем... в кругу... распадаясь... над... небесном... чьего... белизна... не увидел... должен... из памяти...

Буро подсчитывал, десять. Он не поверил своим ушам, ведь видел бег ящерки, одиннадцатое слово: "ача"... Где оно?! Колокол затих, задумался... И распространил по залу его угрожающее, приглушённое звучание. О, по десяти предыдущим словам судя, ни к одному из присутствующих ача предыдущие слова не относятся... Включая Буро, не про него этот Оракул... Лучше! Это — его долгожданный Оракул! Именно в тот момент, когда забыл и думать, когда делал ловушку на Файф... Первый раз, когда Дзонга не держал в уме!.. Что ж, совершенно верно, так и работает Оракул, пустота откликается пустоте, не допуская ошибки. Колокол источил последнее "а-ча" и опустел.

Буро сложил в уме в правильном порядке ясные, понятные до изумления и столь неожиданные для него слова. Оракул не отвечал на вопрос, где искать его, Дзонг-Ача. Он открыл куда большее, гораздо более важное: что, найдя его, делать. С чем обратится, буде представится такая возможность, к непостижимому сейчас существу. Тем самым косвенно подтвердив опасения Биг-Буро относительно безнадёжности прямого столкновения, Дзонга не одолеть в схватке. Не суждено опередить приглашением к ней. Но, по-видимому, до сих пор возможно обратиться к человеческой ипостаси его существа, напомнить момент роковой ошибки. "Ошибка!.. Неужели всё так? Дзонг, куда больше общего у нас с тобой, чем я думал, бестолковый Бедовичек..."

Бутон-биг-Надир отвлёкся от своих размышлений, заметив повисшую паузу... А слова продолжали прокатываться в уме. Ясный и чёткий вопрос, даже сердце сжимается, словно слышит, а не повторяет, как будто прямо сейчас с него и требуют ответа: "В кругу небесном, чьей распадающейся белизны совсем не увидел? Должен вспомнить Ача..." Невероятно...

Гай искоса бросил взгляд на малахитового По, пауза затягивалась чрезмерно. Морское Чудовище наполнило и подало Биг-Буро с поклоном отдельный Сог-Цог. Буро машинально взял, выпил, очнулся. Направился к узкому простенку, где окно и закрытый том Вирту. Остальные последовали за ним. Из-за стекла рассеянный свет мягко ложился на обложку. Сад ронял пушистые жёлтые соцветия. Буро нагнулся к гигантскому тому, с короной высокой своей, бутоном загнутых, золочёных бивней, ободом в драгоценных опалах, переливчатом блеске лунных камней, словно кланяясь старой книге. Он забросил шарик, погрузив руку в обрез шелковистых, нереальных листов и сказал:

— Густав... Достань его.

Отнюдь не уверенный в том, нет ли здесь очередного подвоха, Густав медлил, оглянулся. Не вполне уловил, что от него требуется. Он прежде не имел дела с Вирту. Гай взял на себя труд пояснить, ввиду постигшей Буро молчаливости:

— Его нельзя достать, Густав. Невозможно. Но ты должен попытаться. Один раз. Просунь руку между страницами и открой книгу на том месте, где окажешься. Это и будет Оракул.

— Ясно.

"Светлое небо и бездны морские, — Буро замер в ожидании, — неужели второй Оракул ответит на первый?.. Подтвердит?"

Сев по-турецки перед томом, Густав провёл пальцами, на обложке соляные точки, между них стеклянные, крупные капли морской воды, а ведь сезон кончается и Файф скоро возвратится обратно в неё. А некоторые не испарились. Горькой солью пахнут... Особенной, всепроникающей солью Горьких Холмов, вот чем. Шёлк страниц расступился, бесплотный. "Невозможно достать?.." В недрах книги Густав почти немедленно нащупал холодный шарик, зажал в кулаке и раскрыл Вирту. Раскрыл и ладонь. На ней лежала металлическая, золочёная шишечка пихты... Защёлка. Буро с трудом удержался от восклицания. Много-много раз в мельчайших подробностях он выспросил у Мадлен подробности встреч, приведших к катастрофе. Да и прочих, любых, на Файф, на Рынке Веретено. Характеры, суть, слабости пытался понять... "Невероятно..." Гай не в курсе, но едва взглянув на не работавшую защёлку обложки, сообразил, что к чему, технарь. Прикрутил замочек на место:

— Отсюда... Отдать?

— Прочитай, — сказал Биг-Буро Густаву, поверх глядя, любуясь на ветер за окном.

— Нечего тут читать.

— То есть?

— Один лист с рисунком. На другой заголовок раздела. Подраздела. И всё. Это энциклопедия, верно?

— Какого именно раздела, Густав? — напряжённо переспросил Буро. — Какого?

— Цвета, видимо. Тут вязью на шапке листа. А сам подраздел называется: фиолетовый.

"Вайолет!.. Бездны небесные, недостижимое вольное небо, Вайолет!.. — повторил про себя Буро несколько раз подряд. — Вайолет... Подтвердил! Ответил!.. Чью белизну ты не увидел напоследок распадающейся в круге небесном, Ача? — Белого Дракона Вайолета... И это значит только одно..."

— Спасибо, По... — отпуская его, поблагодарил Биг-Буро. — Надеюсь и в следующем году...

— Надеюсь, что нет, Надир, — меланхолично возразил малахитовый юноша, собирая столики и посуду.

Двух чайкоголовых ящеро-теней он, шокировав Густава и насмешив Симурга, Гай тоже

улыбнулся, непосредственно и живо сожрал. Они не возражали. С поводками, притом.

— Нет, — повторил По, — хотелось бы уже отдохнуть...

— Выгляни, — попросил Буро, — сколько там ещё осталось?

По растянулся на полу, свесившись за раму:

— Медленно тащится. Но мыс виден. Что-то ещё?

— Нет, По. Только ещё раз — спасибо. И сожалею, если твой талант пропадёт.

— Вместе со многим, о чём жалеть не приходится...

— Найдёшь плату на прежнем месте.

— Будь удачлив, Надир, — сказал малахитовый юноша и прыгнул с рамы Файф в Туманное Море дроидов.

— Симург... — повернулся Буро. — Благодарю.

Тот без слова покинул рынок. Буро хотел задержаться, сколько можно, побыть одному.

Густав смотрел в окно. Вот кому бы поскорее сваливать отсюда. И призадуматься, кто же сделает ему карту? Добыть Впечатление — половина дела. Но кто увидит его в холодных цветах ледяных? Если не эти двое, соорудившие ловушку для него. Не самому же ради карты становиться хищником. Но Густав позже задумается обо всём этом. Сейчас он покачивался, смотрел в небо над садом, жёлтое от соцветий, колыхавшихся на упругих, неодревесневших, зелёных ветвях, вдыхал медовый, лёгкий при этом, новый ему аромат. Единственное, что доступно, само источалось из пределов Там. Благоухание перемешивалось с пропитавшей Файф морской, горьковатой свежестью. Удачно!.. Несовместимо, но замечательно. Вдыхал и думал, какой силой, уловкой, хитростью, чьей властью можно добыть хотя бы одно соцветие? Абсурд. Не всерьёз размышлял, на прощание любовался, вряд ли ещё когда... Что был на шаг от гибели здесь, не смущало его. Он много где был на шаг... Чудный рынок. Кусочек Великого Моря, пригоршня его в ладонях тёплых областей Там.

Уже на раме стоя, Гай не суеверный, и не вникавший, как правило, в Оракулы Буро, решил спросить, что же так поразило его?

— Ты ведь слышал, Гай! — изумился Буро. — Ты видел! Про Беспятого Дзонга знаешь?

— В общих чертах.

— Гай, ради светлых дроидов! Твоя сообразительность обычно злит. Решил добиться тех же высот в тупости?

Нетипичная для Биг-Буро манера общения. Действительно, в тот день он забыл про манеры. Гай ждал продолжения. Готов был и не настаивать, просто так спросил, от скуки. Ни к чему задевать Буро в столь значимых для него вопросах.

И вот как на сто восемьдесят градусов в мгновение ока переворачивает ситуацию судьба... Для Буро "столь значимых"? Конечно... А для Гая?

— О, завсегдатай Техно и наш с Махараджей друг, — остыв, принялся растолковывать Буро размеренным голосом, — Оракул спросил у Дзонга: в тот роковой момент, когда за рамой мира исчез его возлюбленный, видел ли он его Белого Дракона, тающего в небе? Нет — подразумевал Оракул. Не видел, нет. А что это значит?

— Что Вайолет жив? Что превращение обратимо? Такого быть не может.

— Но и такого, согласись, не может быть, чтоб дроид не взглянул напоследок.

— Да...

Гай собирался прыгать наружу, но обернулся и, покачнувшись, застыл. Последовательно, от сырого пола, по узору, сто-пуговичному, царскому одеянию Биг-Буро Гай поднялся взглядом до его усталых век, прикрывавших постоянную, нудную боль и огромную хитрость...

— Надир?! — выкрикнул и замолчал. — Я тоже! Я тоже не видел... В тот день я не был в Собственном Мире... Я провёл день в небе, на Мелоди, в пути... И Белый Дракон Юлии Альбы не проявился передо мной, нет... Это значит... Надир?!

— Надиром я звался, — проворчал Буро, — когда ты не звался и Восходящим, и не было тебя на свете... Не для вас я Надир...

— Биг-Буро! Но её облачный мир — пропал?..

— А дракон — нет?

— Нет...

— Что вероятнее, Гай, как считаешь: его непрощанье? Забывчивость, внезапно поразившая твоего ездового дроида? Исчезновение облачного мира? С хозяйкой вместе?..

— У меня нет предположений... Биг-Буро, мне не следовало так легкомысленно относиться к твоим Оракулам!

— Как раз-таки к ним и надо относиться легкомысленно. Для верности.

— Ты позволишь на другой год...

— Зачем на другой? — удивился Буро. — Гай, мальчик, ты не нуждаешься в помощниках, во всех моих ухищрениях, чтобы получить предсказание. Потому что оно будет первое для тебя. Потому что ты никогда не открывал Вирту своей рукой. Для себя. Вперёд.

Гай бледный, похолодевший, только глаза полыхают, подбежал и отпрянул:

— О, дроиды... А вдруг неудача, Буро? Я как не верил, так и не верю!..

— И что? Я вообще не знал, что такое возможно, когда впервые во Впечатлении встретил символ будущего. Ну, поразмысли год. Соберись с духом... — Буро усмехнулся. — Ещё несколько разочков Файф, полагаю, всплывёт...

— Нет!..

Гай приземлился на колени перед Вирту и распахнул его рывком. Уставился молча.

— Ну, что там? — поинтересовался Буро с заведомой насмешкой.

— Проклятье... Механика.

— Скрытая? — иронизируя, уточнил Буро.

— Древняя... Простая. Игла опускается вниз. Нитка проходит в петлю.

— Ты огорчён? Возможно, прежде ты интересовался чем-то подобным и Вирту подсказывает тебе? Как устроено. Механика... Ты... И эти штуки...

— Биг-Буро... Ты замечал, что жизнь ужасно несправедлива?

— Гай, милый... А ты замечал, что люди ужасно нетерпеливы? До безобразия поспешны с выводами? Ступай, отдохни. Не думай сейчас об этом. По-дружески говорю, запомни открывшиеся слова: игла опускается, нитка проходит в петлю. Гай, я не шучу над тобой. Половина любого Оракула — слова или видение. Вторая половина — время. Пока не придёт нужное время, ты не поймёшь, что к чему.

— Буро... — Гай поклонился ему, задержавшись в поклоне. — Ты мудр. Я мальчишка. Этот день много значил для меня. Что не так, прости.

— До скорого.

Гай спрыгнул вниз. Выждав пару минут, и Густав ушёл вслед за ним. Забавную наблюдал сцену, жаль мало понял...

Бутон-биг-Надир тяжело опустился в кресло испорченного, навсегда распахнутого тома. Вытянул ноги-тумбы, хорошо. Откинул голову в высокой короне и вздохнул... О том, что скоро уходить, прыгать, больно, либо через кусачее море... О Дзонге, о масштабе угрозы, обо всём открывшемся и ещё неведомом ему Буро поразмыслит потом, на суше. Сейчас на короткое время он летит... Пусть не в облачном мире, но в облачном рынке... В облачном? Нет, не присвоить его... "Переменился бы ветер... Унёс бы ты меня, Файф, в высокое небо. Умирать от

жажды, ловить брызги, дождевую пыль с рамы, вниз обращённой... Лететь и лететь..."

Над отмелями, над туманом дроидов, огоньками и перешёптываниями, тихими перезвонами Рынок Файф планировал, снижаясь к Великому Морю.

В Собственный Мир Густаву отправляться было незачем. На материке внутренний холод, едва не погубивший его, дал о себе знать. Словно ледяные иголки по коже. Пройдёт. Наверное... "На Мелоди размяться? Или на Южный... Рядами пройтись, посмотреть, сколько новых лиц появилось. Кого прибыло, хищников, чистых чудиков?.."

Совсем не новое, ну, уж и не старое лицо вынырнуло к нему из толпы многолюдной и сегодня почему-то смуглой сплошь... Переселение? "Много масок, много закутанных фигур, закрытых лиц, не люблю я этого..." Хан-Марик с параллельного ряда, — мгновенно оценив ситуацию: Густав без добычи, один, — материализовался в том же ряду и догнал его. Занял своё обычное место за плечом, чуть отстав. Но Густав позвал его ближе, так некоторое время гуляли. Густав был рад ему. После компании чудовищ и врагов. Лица, шатры мелькали, иголки холода не спешили таять. Особенно в стопах, запомнивших, как надолго запоминает всем телом полудроид, половицы Файф, гудящие от бронзового колокола, источающие слова... Мешает сосредоточиться, добычи так не присмотреть. Попросту расслабиться мешает. Так и самому недолго попасться, рынок есть рынок. Он пихнул парня локтём:

— Марик...

— Да!

— Помнишь тот коктейль, с золотом...

Хан-Марик хмыкнул:

— Ещё хочешь?

— А есть?

— Не-а... Другой есть. Пошли?

Они свернули и углубились в дальнюю часть Южного, в неторговые, плотные и непривлекательные шатры. Очень схожие. Густаву по-правде хватило на сегодня коктейлей Буро. Ему требовался предлог побыть в тишине и покое. Под охраной такого телохранителя, как Хан-Марик. Плюс дракон, если и на ночь улетать не захочется. А ему никогда и не хотелось в Собственный Мир. Ночевал на континенте он крайне редко, в горах. У Марика же на задворках теперь не один шатёр...

— Что за... — не удержался от восклицания, от идиотской, расцветающей помимо его воли, улыбки Густав. — О, светлые дроиды!..

Ещё снаружи, полога не откинув и до него не дойдя, Густав уловил в воздухе медовую, сладкую свежесть. Решил, от его одежды, впиталась. Не может же быть...

— Хан Моря и Южного Рынка, отвечай! Откуда?!

Переступив высокий порог, они до колена утонули в пушистых, жёлтых соцветиях, охристо-красных, белых, солнечных, крупных и крошечных, невесомых шариках, облетевших... И Марик удивился его удивлению...

— Это? Рис говорит — фантазийная мимоза... Из фантазийного Впечатления деланная. Я за неё честно торговался, не грабил! Смысла не было. У него веточка выставлена. А мне надо было мешков двадцать. Больших. А чего? У неё есть свойства какие-то особенные?

— Не знаю! О!..

Густав упал лицом в нехилое гнездо, сооружённое из мягкого солнечного цвета, перекатился на спину и рассмеялся беззаботно:

— Не знаю, Марик!.. Наверно, нет. Какие свойства? Слыхал, в Архи-Саду жёлтыми цветами

лечатся. Может, такими...

— Я принесу кой-чего...

Хан-Марик выскользнул, плотно закрыл полог. А когда вернулся с бутылками тёмного стекла, по четыре в каждой руке зажаты стальными пальцами, Густав давно уже спал. Поэтому в жёлтых соцветиях Марик зарыл их и сам лёг каменным львом у входа.

Глава 45

Глава 45.

Откровение, постигшее Гая в результате знакомства с чужим Оракулом, должно было бы вдохновить его на дальнейшие исследования. На новые попытки вытянуть начинку Зеркального Дневника, на поиск новых способов и развитие старых. Вместо этого — полностью выбило из колеи.

Гай изводился, упрекая себя: "Как можно было не обратить внимания?! Наиглавнейший момент!" Многократно, сто раз после того видел морды Белых Драконов в последнем прощании. Например, над бойцовкой схваткой. Внутри рынка их нет, а тающие морды над правым крылом — обычное зрелище... Над маревом шатра исчезала, увеличиваясь и бледнея, белая морда со зрителями в зрачках... А рядом с шатром рассыпался на огоньки Чёрный Дракон победителя, прощай дроид, здравствуй новый хищник! Милости просим. Счастлив ли ты победой, доволен ли призом своим?.. Много раз видел, но на мысли, на воспоминания и сомнения это зрелище Гая не навело. Что легко объяснить в действительности, Гай избегал вспоминать... День тот особенно, безнадёжный ужас того дня.

"Что же значит?.. Что это значит?.. Как же..." Таким оглушающим действием обладает лишь нежданная надежда. Предыстория рухнула целиком. Казавшаяся естественной цепь событий предстала миражом. "А существовал вообще похититель? Если нет, чего испугался тот, передавший ему дневник? И откуда он у него? И зачем передавать?" В подлинности артефакта Гай не сомневался, помнил такой у неё. И сердце подсказывало, по её, Юлии Альбы просьбе передан. Неспроста.

В Собственном Мире Гаю не сиделось. Да и прежде не сиделось, работалось там. Он вернулся на материк и метался теперь рядами Южного Рынка стремительным шагом. Приятели и незнакомцы отскакивали с его пути. Резко остановившись, уставившись в чей-то шатёр, он замирал в размышлении, озадачив хозяина... И продолжал бег по кругу.

Когда, завидев его, отступил в сторону и Хан-Марик, участливо разглядывая безумца, Гай осознал, наконец, что ведёт себя не вполне как-то... Странновато. Он тоже посторонился. Поздоровался с Мариком... Третий раз за день... И Хан-Марик третий, ему не трудно... Да... Гай огляделся, куда забрёл? Недалеко от шатра Раджи. Славно. Найдётся ли у него, что для Гая или нет, надо вытащить его погоняться в небе. Что бы и в самом деле не чокнуться.

Охотно. Гости Махараджи поддержали идею. Биг-Рамон и Гратия обожали гонки. Зарок, чужой на Южном, но известный на нём, в качестве нужного Биг-Буро человека, оказался у Раджи. Небесный бродяжка, гонки для него — само бытиё. Он с опаской подумал о том, чтобы обойти в игре стаю хищников. Но не отказался.

— Изгнанник?.. — недоумённо спросил втихаря, кивая на него, Гай у Махараджи.

Махараджа, улыбнувшись сочувственно и неопределённо, ну, совсем как Хан-Марик только что перед шатром, ответил:

— Дроиды... Гай, вы ведь у Буро пересекались... Ты ведь просил задержать на рынке человека, вычисляющего ветра и время. Я сделал. И я жду тебя с утра. Гай, что с тобой?

— Правда? Точно... Раджа, мне надо отвлечься!

Такой компанией, пройдя сквозь толпу у рыночной рамы, они оседлали Белых Драконов, взмыли и немедленно попали под радостный дождь Впечатлений: многоголосую, пёструю толпу! Лёгкий дождь, показавший вперемешку людей и первых, неавтономных дроидов —

какие забавные! — омыл от рыночной пыли и остался ниже белых, драконьих крыльев, выпустив гонщиков как птичек в просторы высокого неба.

Невесть отчего, единогласно компания захотела гоняться по вертикали. Ещё выше к свету, ещё дальше от вечно полутёмных, пыльных рядов! А как гоняться? Ориентиром, целью быть никто не пожелал. Ветер, странное дело, крепчал по мере их подъёма, облачные миры текли и менялись слишком быстро, надёжный ориентир не выходил. Переглянулись... Предусмотрительный Махараджа усмехнулся и сильным резким броском без предупреждения швырнул в зенит Тропку. Пятеро гонщиков рванули за ней.

Тропка-клубок, иначе — Тропка-катушка, что ближе к истине, так как по сторонам у неё два широких колеса. На них убегала по воздуху в направлении заданном ей. С середины раскручивалась нить серпантином, кудрявая. Не прямо. Но непрерывно. Такой вариант Сигнальной Звезды. В отличие от неё, исчерпаемый. Синий, прозрачный, белеющий при значительном отдалении от самой Тропки серпантин растворялся, а не собирался к ней. Дорогая вещь.

Зарок впервые видел артефакт, замешкался немного, разглядывая спираль, уже нырнувшую за ближние облака.

Гай сразу вырвался вперёд. Белый Дракон в согласии с отчаянной его жаждой скорости и забвения, бешеного ветра в лицо немедленно устроил ему фору. Стартанул и ускорился так, что Гай скользнул по глянцевой чешуе до самого хвоста! За гребень удержавшись, подтянулся, запустил руки в длинную, жёсткую, хлеставшую его по лицу гриву, — не спрятавшись за неё ветер не вдохнуть!.. — в шикарную гриву, украшавшую дроида на плечах и груди. Вскарабкался... Там устойчивее. Но на хвосте — веселее! Кажется — и быстрей...

Гай соскользнул обратно, ухнул как в пропасть и рассмеялся! О, шикарно, великолепно! Белый Дракон обвил его руку до локтя гибким хвостом, последними зубцами гребня и влёк за собой маленьким, несмышлёным, задыхающимся от восторга и скорости дракончиком! Штопором вдоль тропки! Возносясь, играючи догонит её! Гай ловил призрачный серпантин свободной рукой и смеялся. Синие завитки, Тропка близко!.. Дракон перешёл на широкие круги и в каждом ещё успевал перекувырнуться. Никто не догонял их. Жёлтый плащ Махараджи сверкнул под лучом далеко внизу. Реально далеко. На другом вираже Гай успел заметить, как Гратию отвлекла чья-то рама, представшая внезапно, как Биг-Рамон подлетает к ней... А, вот Зарок, небесный бродяжка начал догонять его!.. Наконец, хоть кто-то!.. "Ещё! Прибавь ходу, дроид!.." Зарок скрылся из виду за растрёпанным, серым облаком, дождевым. "Пролился бы на него! Вода Впечатлений сильно тормозит..." Сам Гай вдоль синего-синего серпантина мчался между соседних, оглушительно ярких, высоких кучевых облаков. Как в ущелье. Если это и миры, то рам в них не видно... Подлетал резко, опускался плавно, на высоте всегда так, а это значительная уже высота. Его дроид порывисто менял траекторию: то над Тропкой, то под ней, шутя, подбрасывая гонщика. И словно плыл в толще океанской, извиваясь, взмахивая хвостом — Гаем взмахивая! — ища прохода в белых-белых купах сблизившихся облаков...

Замечательный способ забыться!.. Гай был почти свободен, почти чист от всяких мыслей. И тут в светящейся щели между облаками почудился ему кто-то ещё на драконе, с ним вровень... Несколько?.. На миг. Мелькнули и скрылись. Отражение своих, отставших? Мираж высокого неба? Явление, о котором слышал, но не доводилось увидеть. Какова вероятность наткнуться здесь на чужих? Ну, до смешного ничтожна.

Тропка колесом блеснула впереди, убежала крутым поворотом влево и вверх. Дракон Гая повторил её зигзаг, войдя в такой резкий штопор, при котором на спине его не удержался бы лучший всадник! Превратившись в хохочущий волчок, Гай только и успел, что правой рукой тоже схватиться за петлю хвоста, теряя соображение, всякую ориентацию в пространстве,

полностью доверившись дроиду!..

Ух!.. Когда голова перестала кружиться, и возвратилось зрение, Гай осознал, догнать-то они догнали, но ловить надо было Тропку! И теперь в том же самом облачном ущелье они снова преследуют её. Расширившемся... Блещет ярко-синий серпантин... А с той стороны его, вдоль белой стены облачной, отражающей, распыляющей свет, несётся... Отражение Гая?.. Точно как он, держась за хвост, подлетая, когда дракону охота сделать очередной кувырок ликования... В клетчатой рубашке... Такая же, чёрно-белая?.. Кажется. Да разве тут разглядишь?! Синхронно подброшенные Белыми Драконами гонщики на долю секунды сблизились, зависли в верхней точке виража прежде чем ухнуть в нижнюю, и Гай рассмотрел открытое, азартное лицо парня. У отражения оказались русые волосы, растрёпанные, короче, чем у него. Парень подмигнул Гаю, попытался тормознуть своего дракона, в результате по инерции взлетел на спину. Очутился верхом и обогнал! На три драконьих длины!..

Да, ростом, стилем они были похожи. Безразличием к артефактам ради них самих, к подробности коллекций. Правда, клетчатые рубашки Бест предпочитал эстетически, выменивая при возможности и впрок, а на Южном кроме небрежного Гая никто такой дешёвки не носил...

"Проклятье, откуда ты взялся?!" Гай смеялся и злился, Бест заслонял от него Тропку. Серпантин шёл тугой синей спиралью. "Дроид, — подумал Гай, — как бы тебе объяснить... Забрось меня — туда!.." Он чувствовал, что не успевает. И дракон понял его! Уходя в последний кувырок, он махнул хвостом, развил крепко державшие руку петли и метнул всадника вперёд, через себя. Через свой кувырок!.. Чтобы поймать немедленно на белую спину, затормозив перед ехидной мордой Белого Дракона Беста, крупного, синеглазого. Подняв над головой, Бест держал в руке Тропку, проклятье! Покрутил туда-сюда и пустил Гаю в Глаза солнечный зайчик от внезапно пробившегося луча её блестящим колесом, насмешливо выдав победное:

— Тра-та-та!.. Скипетр и корона!

Он смеясь, повёл Тропкой вокруг-над своей макушки. Жест означающий: кто победил, тот царь, и дальше он ставит условия.

— Я не слишком огорчил тебя, незнакомец?.. — ещё сбитым дыханием спросил он.

— Чтоб тебя!.. Откуда взялся?!

Гай бросился отнять, но Бест щелчком пальцев отправил Тропку в следующее путешествие, на сей раз — к земле. Без вариантов! Оба кинулись вдогонку, отталкивая друг друга, вровень пока, хохоча. Их Белые Драконы вились вокруг серпантина... Ослеплённый нежданно ярким лучом из рамы, представшей прямо по курсу, Гай отклонился право, когда его дроид круто брал влево, и упал с него. Бест протянул руку и поймал его, не желая отрываться, так сразу выигрывать гонку. Гай снова оказался верхом, бок-о-бок, вниз, к земле!.. Дроиды образовали общий штопор! Бест мог бы поклясться, что они таким образом решили переговорить о чём-то... Тайном, дроидском... Раскрутились, разлетелись и продолжили спуск к земле. Виляя меж облаков, уже более плавно, дышать можно. Вдоль посветлевшего к серебру серпантина, Тропка успела отдалиться от них.

Краем глаза Гай видел Зарока, парящего невдалеке. Со стороны Беста Альбатрос и Соль следовали, не приближаясь. Махараджа наблюдал. Направление изменилось, условия непонятны, остальные в гонку не вступили.

Неблагодарный Гай снова и снова безрезультатно пытался столкнуть Беста с дракона. Промахивался. Наконец, сверзились оба. Сцепились, и расцепились, когда Белые Драконы подхватили их. Телохранитель Беста игнорировал их коротки схватки от первой, до последней. Так что, Гай имел все основания полагать, что перед ним хищник... И похоже, и непохоже... Чем дальше, тем больше, подспудно Гаю нравилось нахальное, весёло лицо соперника. А, в гонках, в небе и знакомые лица — другие, чем в паутине ловушек, рядов, и торговых шатров, и лжи.

Гонка возобновилась, вновь рядом, уже без выкрутас, вдоль Тропки по-прямой. Скорость возросла ощутимо по мере приближенья к земле. Запал кончился, Гай устал. Смеяться и нападать. И падать. И смеяться. Он разглядывал незнакомца... Потому, или не потому — Бест выиграл снова.

Обе компании собрались над Великим Морем, над высокими его волнами, что замирали, вскинувшись, и рушились, чтобы встать. Самый низкий из облачных миров один заслонил на половине неба те, что над ним. Зарок подлетел поздороваться с Бестом. После чего перезнакомились все остальные. Гратия, вполне справедливо попрекнула обоих, продолжавших коситься друг на друга: никому не дали поиграть.

— Предложение! — откликнулся Зарок. — Продолжим на море. Ты Гай, верно? И ты хотел узнать что-то связанное с измерением времени? Там самое место.

— Прибой? — утвердительно спросил Альбатрос.

— Где же ещё?

— Соглашайтесь! — позвала Соль. — Обожаю это место. Если кто сомневается, там мрррачно!... Но для морских хищников — неудобно! Играть... Почти безопасно.

Никто особо не опасался. На запад летели довольно долго. Над волнами, изогнутыми как драконьи шеи, над гребнями волн с металлическим, серым отливом.

В стороне показался не то чтобы остров, но шапка пены. Шипение и грохот волн, разбивавшихся в пыль, пыль ореолом стояла. Серп выгнутый к югу, блистающий обсидиановой чёрнотой подземелий, преграждал путь налетавшим на него волнам. Скалы образованные камнями, близкими по форме к кубам, поваленным в беспорядке. Нагромождённые вперемешку большие и малые. На малых прилепились, либо выросли совсем уж правильные кубики. Если отломить, без шифовки можно ставить в перстень. У Зарока был такой, чёрная печатка. И он не заказывал у хищника. Сделал грубо, примитивно, зато собственноручно, без жертв. Обсидиановый серп низкого островка был едва различим под пеной.

Они прилетели на особое место посреди океана, являвшееся точкой отсчёта, палатой мер и весов для Зарока и немногих подобных ему, бродяжек, но и технарей по сути. Для тех, кто желал, не полагаясь на память и благосклонность дроидов пролагать, запоминать пути посреди высокого неба. Разобраться в принципах изменений облачных миров, облика их, миграции. Пусть в малой мере, но — достоверно! И независимо. Полудроиды отлично ориентируются в сутках и годах и так далее, не забывают время, что прошло. А в меньшую сторону им нужно нарочно всматриваться, как в цвета ледяные, в секунды, в доли секунд. Группа игроков Против Секундной Стрелки так и назвала себя за мистическое значение этой стрелки, отсчитывающей кратчайшие, воспринимаемые ими без специальной тренировки, моменты времени. Шарик на цепочке — как перст судьбы. Вслепую ты играешь против неё или с открытыми глазами? Никогда сказать точно нельзя. На пределе, ни то, ни другое. Почему же Серп, иначе Прибой так важен? Для утончения, для восприятия тонкой дискретности времени. Для тренировки. Буквально — впитывания.

Потому что ряды тяжких волн неизменно, в любом сезоне, днём, утром, вечером и в ночи набегали и рушились на обсидиановую преграду с равной, не менявшейся скоростью.

Не только зрение... Грохот их, журчание, плеск, шипение пены, последних клочьев, исчезавших на камне — неизменно. Как часы, проговаривающие вслух, не последовательно, а разом, минуты, секунды... И доли, доли, доли... До тысячных, стотысячных долей секунд.

Полудроид имеет потенциал воспринять, различив, не забудет.

Место Серпа для тренировки подходит любое. И не надо менять его. Надо стоять. Долго. Чем дольше, тем лучше. Где встал, там и мёрзни, мокни, вслушивайся... Думай о своём, но не двигайся, и за дыханием следи, это уж, как и со всем прочим.

Волны оглушают вначале. Потом шепчут, шелестят... "Много-много метрономов..." — если повторить эту фразу, похоже... Вспомнишь, про что речь. Если доводилось, конечно, постоять на обсидиановом Серпе, послушать его... Есть подспудная, вечная угроза в плавности вздымающихся волн, отсутствии фаз, они кажутся ускоряющимися, неотвратимыми. Нет мгновения, крикнуть: "Стой!.." Подходящего мгновения. Не выбрать, море валиться на тебя, волны растут, и нет спасенья. Вздымаясь на три человеческих роста, изгибаясь дугой, бросая хлопья пены и падая в них, на глянцевый чёрный камень, они были ужасающе размеренны, неукротимы и прекрасны. При полнейшем внешнем несходстве, облачные миры высокого неба производят на человека, впервые попытавшегося осмыслить их точно такое же впечатление... Непостижимость, бессчётность, бессилие... Постоянное преображение. Плавное, как нарастающая волна... А вот и нет! Фигушки!

Море Свободных Впечатлений, всё же часть природы, плавность её беспредельна. Облачные миры — изобретение дроидов. Тот, кто видит доли долей секунд, видит, как кратким вздрагиванием изменяются они. И если помнит время пути от континента, всегда найдёт и распознает облачный рынок по способу перемены в одно время года с любой стороны. Это самое начало, самое простое. Дальше надо учиться запоминать, как друг относительно друга и сторон света меняются Собственные Миры. У них есть закономерности, как бы галактики. Лепестки розы ветров... В центре — мир, меняющийся очень плавно, почти пролившийся. Ближе к краям — более резкие... Очертания меняют рывками, для тренированного взгляда... Ну, так в общих чертах, и всё вместе кружиться, теряет и притягивает внешний круг миров... Есть ещё всецелые ветра. Не скажешь, крутятся они вокруг чего-то или вокруг самой земли... Подвох — они спонтанны! То есть, дуть-то он будет долго и прямо. Но куда и куда? Когда начнётся? Отчего решит вдруг ослабеть и прекратиться?.. Зароку нравилось жить небесным бродяжкой.

С "безопасно" Соль, конечно, погорячилась. Под волной, в образованное ею почти совершенное кольцо, стремительно пролетать, рисковали самые отчаянные. Рисковали падением, исчезновением белого дроида в Свободных Впечатлениях, брызгах и пене. Но играли! И даже вслепую! Из рыночных Нико играла, но Раджу с собой не звала. Он бы в обморок упал, узнав, что именно у неё за гонки, за что лента в волосах! Посадил её на цепь, как Олив!

Альбатрос, ещё один любитель рисковых игр, но он умеет и не боится нырять, знаком с Великим Морем. Это меняет людей. Не сделавшихся ни хищниками, ни чудовищами тоже меняет. Что до отсутствия злых теней, верно. Вокруг обсидианового Серпа Прибоя действительно слишком бурная вода, нет стабильных течений, небыстрых, удобных для перемещения. Прибой Свободных Впечатлений беснуется, разбивая, откусывая, отщипывая, разбивая тени, вымывая связные Впечатления из тел. Разве что, гоня впереди Морскую Собаку, может подплыть к Серпу демон, не распрощавшись на уже подходе с присущими тенями... Гарантированно оставшись на выходе без собаки. Слишком бурное течение. Дело в том ещё, что Прибой, как шляпка гриба, представлялся отмелью, но не являлся ей. Скалы несколькими чёрными столпами, держали шляпку над поверхностью, уходя на значительную глубину, образуя и там препятствия, завихрения, водовороты. Превосходящие в силе бурю на поверхности. Если игрока успевала накрыть волна, возможности вынырнуть практически не оставалось. Он и призрачного шанса позвать дроида не имеет, его попросту затягивает глубина, уносит. Утаскивает туда, где караулят Морские Чудовища, не приближающиеся к Серпу, но ждущие от него подарков...

Зарок вкратце, очень шумно тут, вышеизложенное рассказал хищникам. Про миры, обращаясь к Гаю, приземлившись на гладь скалы, про значение промежутков и ритмов, запечатлённых, запечатанных вниманием. Как соотносятся преображение облаков с внутренним слухом. Как узнаешь место в небе и знаешь в какую сторону лететь от него, ища тот мир, что нужен тебе... В этой или в другой спирали, Симфонии Орбит... Чёткое чувство пространства, измеренное не проговорёнными, но очевидными тебе единицами времени. Расстояния, особенно громадные и прежде мерялись временем. "А время чем? — задумался Гай. — Пространством, скачками стрелки по циферблату... Несерьёзно. Закроешь глаза — и нет его, точности его нет и следа..."

Конечно, Зарок помнил каплю в море — несколько десятков Собственных Миров, пару десятков рынков, — но без дракона! Сам! Мог путешествовать от одного к другому, узнавая их и маршрут. Мог расширять сферу известного, круть! Гай оценил. Он так увлёкся их нерыночной игрой без призов и ставок, что забыл спросить, сколько, что должен за совет. И Зарок не подумал о плате.

Это грозное, роковое для многих место океана было в некотором смысле священным для него. Играл он, не соревнуясь. Рекорды скорости не ставил, побед не считал. Сам по себе, одну за другой пролетал пенные волны, чувствуя их безупречно. С кем ему соревноваться?

Вечерело. Точно под встающие пенные гребни светя, оранжевая, пламенно-золотая полоса обозначила запад. Обязательно наступает такой час в сутках на континенте, мниться, что там, на закате откроется чистое небо, покажется солнечный диск. Нет, мечта.

Развлечение их закатное вышло недолгим и мирным.

Под оглушительный грохот волн две пары перглянулись. Условились на счёт новичков. Альбатрос страхует Биг-Рамона, пролетая сверху над волной, Соль — Гратию. Обошлось без эксцесов. Волной не накрыло никого, посвящённые были мокры и счастливы. Остальные, более опытные летали без страховки.

Возвращаясь на континент, девушки весело болтали в полёте. Соль много чего порассказала, не менее жадно расспрашивала. Про Южный, про дальние, про закртытые, с воротами его ряды. Про Собственный Мир, а какой он у Гратии?.. И вдруг допустила бестактность. Огорчилась очень. Не поняла, в чём дело? Секретность в чём особая?..

— А у друга, у твоего Рамона какой мир?

И Гратия замолчала.

Господин Сома затем объяснял удручённой Соль:

— Хищники не ходят в гости к хищникам. Да и ни к кому не ходят…

Светло-карие, медовые глаза Соль расширились от изумления. Она решила, что ослышалась, или совсем ничего не понимает. Замялась, как уточнить:

— Господин Сома, но они ведь… Гратия и…

— Да, — кивнул Сома, — безусловно, они пара и любят друг друга. Искренне. Ты, Соль, потому и упустила из виду, что она — хищница, что видела её рядом с возлюбленным. Не видно, не так заметно… Но она — хищница, Гратия. И ещё какая.

— Она — милая! Вот какая! — выдала Соль, понурившись, ей не хватало подруги.

— Не обольщайся. И прости за отповедь. Соль, ты не понимаешь. И не надо. Они любят, но решиться зайти… Потому что, зайти гостем, то значит уже не хищником… Потому что, уже он начинает видеть… Потому что не может уже не видеть… Дроиды, я болтливый сегодня! И косноязычный… — Сома прервал себя, обнял До-До, приготовившегося как раз слушать дальше, поцеловал кудрявую голову и замолчал.

— Вы с ними поосторожнее, — подтвердил До-До.

Это после. Пока обе компании возвращались на континент и разлетались в разные стороны. Кто куда, изгнанники в сторону зелёных огней, в сад. Биг-Рамон с Гратией на Мелоди. Махараджаа и Гай собирались на Южный в общий шатёр, глянуть за день не попался ли кто, и обсудить с ребятами завтрашнюю охоту.

Пришили и на пороге шатра Махараджа между делом произнёс:

— Ловкий он всё-таки. Или дроид у него какой-то особенный. Про Зарока я не удивляюсь, всесь целиком там, в расчётах своих, а Бест… Нико рассказывала, что одному изгнаннику, Бесту под всякой волной удаётся… Ох, надеюсь она — только смотрит?!

— Уверен! — бесстыдно улыбнулся Гай. — Чего удаётся?

— Да, этот пролёт, «Игла в Петлю», как-то так… Игла опускается, нитка проходит в петлю… Он. В волну. И ни разу Белый Дракон не растаял.

— Что?!

Гай встал на пороге, как вкопанный.

— Раджа?.. Как ты назвал приём?!

— Да не помню я. Нить за иглой, возможно… Нет… Прыжок такой: дроид пролетает под волной, а гонщик её перепрыгивает… Ты фантастически странный в последнее время, Гай. Что стряслось?

Гай не ответил…

«Дроиды светлые, непреклонные что?! Что я должен делать теперь?! С этим морем! С этим изгнанником! С этим Оракулом?! Буро?.. Что Буро, что мне скажет Буро?.. Я знаю его, много раз присутствовал, он слушает, смотрит, вынюхивает и ждёт… Вечно ждёт… Он ничего не ответит мне. Кроме того самого «подожди, понаблюдай». Это я слышал уже… Нитка в петлю… Это человек. Он и есть мой Оракул. Этот изгнанник. В саду Красного Демона, вот где мой Оракул. Больше ориентиров нет. Не его ли зовут «господствующим над первой расой»? Не через дроидов ли он сможет ответить мне?! И за какую цену? И кто, чёрт возьми, этот Красный Демон?! Там узнаю! На месте!»

Развернувшись на пороге на сто восемьдесят градусов, — Махараджа рукой махнул, чокнутый, чего взять с него, — Гай устремился прочь с рынка.

Он так спешил, будто следовал брошенной тропке, серпантину судьбы, безобманному, но быстро тающему. Если немедленно, едва углядев, удержав направление, он не настигнет её, то пропадёт, потеряется навечно.

Дружественный, высокий золотисто-зелёный костёр оживлял ночь в Архи-Саду. Нынешние изгнанники так же сильно полюбили ночи, как прежде ненавидели их и боялись. Теперь безопасно… Морская Звезда окружала их со всех сторон, именно здесь, именно ночью они по-настоящему дома...

Гостей не ждали. Расположились вокруг чтеца, Амаранта. Гай потерянной птицей, белой вороной, белобрысой вступил из темноты в их круг. Бест поднялся с вопросительной улыбкой заново поприветствовать хищника. Раз ночью прилетел, значит что-то надо. Кто их поймёт, рыночных.

Привычный к скорым оценкам соотношения сил и позиций, Гай подумал: «Он тут вроде Буро…» И обратился прямо:

— Позволишь мне здесь остаться?

Бест лишь вздохнул:

— Я?.. Да кто ж тебя гонит? И рамы вроде бы нет… Могу чем-то помочь?

Гай покачал головой и опустился на землю, когда Господин Сома, не замеченный им, потянул за рукав… Сидел, слушал Амаранта… Наблюдал изгнанников. И так до утра.

Особого внимания на него не обратили. Ну, хищник. Ещё один. С проблемами…

Зелёный костёр потрескивал. Вытянутыми языками плясал. Потрескивал, согревал… Гай всматривался в него, когда проблёскивала голубизна, напоминая Собственный Мир, её — Юлии Альбы.

Глава 46

Глава 46.

Игровой, облачный Рынок Рулетки вопреки естественной ассоциации для человека, впервые услышавшего это название и знакомого с играми эпохи до дроидов, получил его не из-за древней азартной игры. А из-за дроидских измерительных приборов! Многообразных, хотя... скорее многофункциональных, по наиболее частому внешнему образу и объединённых общим названием. Без счёта представленных на нём. Ничейных. Не для продажи. Для игры.

Популярности Рулетки была такова, что можно не просить своего дракона запоминать дорогу к нему. Достаточно покружить некоторое время над Мелоди-Рынком, благо публика обожавшая танцы перемежает их скорей играми, нежели коллекционированием или охотой, нарезать несколько кругов, спросить первого встречного: "На Рулетки?" и увязаться за ним.

Примечательный рынок этот изнутри представлял собой прямоугольник центрального зала, окружённый проходными комнатами, выходившими в коридор. По другую его сторону комнаты уже не проходные. Три комнаты-склада-мастерских в обе стороны от четырёх коридоров. И лестницы на поворотах. Наверху ровно то же, но светлей. Не лампы-рулетки, а стеклянный купол, витраж многих оттенков оранжевого, от зеленоватой до красной рябины, пропускал свет в верхние комнаты и зал.

Сада как такового вокруг себя этот облачный рынок не имел. Зато помимо настоящей входной рамы имел три фальшивых, по трём оставшимся сторонам. Открыты они в чистое голубое небо... Такое, что захватывает дух. Светлеющий ввысь до лучей, заставляя щуриться. Но — рынок, солнечного круга не блистало на нём. Это и была область Сад, незаметно переходящая в Там. Активно используемая для игр, что на практике означало следующее…

Прыгнув с рамы можно свободно парить в лазури, в безоблачном просторе, без дракона, силой мысли перемещаясь и возвращаться на раму. Красота. Те завсегдатаи Рулетки, что приходили не играть, не борцовские приёмы совершенствовать в столь удивительном состоянии полёта, предполагали, зачем фальш-рамы могли быть созданы. Интересуясь предназначением и устройством дроидских приборов, они видели в выходах к ненастоящему небу что-то вроде дополнительных мастерских. Испытательные полигоны, что-то вроде того. Для скрытой и простой человеческой механики, развешенной по стенам, разложенной по полкам, столам мастерских, частью полудроидам непонятной, частью не уносимой за размер и тяжесть, потому не украденной. Из дроидской не вся механика оставалась загадкой для гостей. Измерительные приборы просты. Точны до пределов неуловимых иным способом. Они первыми и притянули сюда любителей посоревноваться в чем-нибудь, без гонок и драки.

Пара ремарок. Тот, имя, история его неизвестны, кто создавал облачный мир, будущий Рынок Рулетки, вложил в настоящую раму его подобие магнита, универсального по отношению к дроидской механике, и одного с ней полюса. Вынести артефакт с рынка представлялось затруднительным. Чисто физически. Кроме того, рама или мир поддерживали их дееспособность, являлись условием рабочего состояния. Даже при успехе, поставив торговую пирамидку, позвав дракона и стащив механизм, грабитель обнаруживал его никчёмной, недвижимой вещичкой.

Что до названия... Почему-то эсперанто полудроидов сохранило более древнее "рулетки", оставив предметам последующее "улитки". Улитки и есть. В эпоху ещё не высших, но уже автономных дроидов, когда скрытая механика ещё создавалась, но уже ими одними,

потребность в ней была велика. Для дроидов самих. Для измерения в их собственных величинах, важных для них вещей. Скорости, расстояния не отдельно, а связанных, соотносимых в момент измерения с иными, скрытыми. Какими-то полями земли, солнца, вращения. Для измерения сложно или непредсказуемо изменяющихся областей. Измерения внутренних динамических процессов в связи с внешними, течений, пульсаций... Для разных вещей…

Если очень упрощая: надо человеку пройти через болото, а оно изменяется всё время. И ещё чёрт знает, где закончится. И кто в нём живёт... Но пройти можно! Идеально пройти — тоже! Без столкновений и падений вообще. С этой целью в болото запускают измерительный артефакт, улитку. Щупы-рожки, они спонтанны, их конечно не два, а больше, исследуют... Эхолокация. Разные виды излучений. Подошва улитки последовательна, исследует подряд, фиксирует, тем самым изменяет, рожки возвращают внимание, смотрят и на то и на то, и до прохода подошвы и после. Соотносят, непрерывно маршрут поправляют. Артефакт проходит болото и выдаёт оптимальный маршрут. То есть, маршрут и точки на нём в которых он может, в которых непременно должен корректироваться и на основании чего.

Понятное дело, "улитка" должна быть крепкой, в раковине! Ещё потому что долго ползёт, так назвали, и по способу записи информации. Начиная со звуковой, запечатлеваемая людьми древности информация долгое время записывалась спирально или закручивалась: на лентах, на чёрных пластинах хранился звук, оживая под иглой от края к центру движущейся "улиткой", спиралью. Так же впоследствии закручивалась шкала первых, не автономных дроидов. И высшие дроиды сочли рациональным формировать вычислительную механику в виде улиток. Подошва позволяла артефакту перемещаться с должной плавностью. Должной всегда означает — максимальной. Ради точности измерений. Двое рожек не излучали — табло. Между ними зависала светящаяся надпись, результат замеров, график, голограмма, что требовалось.

На Рулетки полно артефактов совершенно другой формы, но и улиток полно, самых разных. Есть не рабочие, либо не освоенные. Подавляющее большинство... — неугомонно навязчивое!.. А которые и спали, оживают если над панцирем помахать вещью, дождаться рожек и положить предмет невдалеке. Но дроидское техно, дай ему волю, предпочитает исследовать людей!.. С ног до головы... Только голову... Только руки-ноги... Пища тонким писком, выдавая ряды цифр между тонкими рогами, убирающимися от прикосновения, как живые!.. Щекотные, маленькие с фалангу пальца и большие с два кулака, они веселили новичков Рулетки и ужасно надоедали завсегдатаям, запиравшим их скопом в какой-нибудь из непроходных комнат.

Бест Рулетки не знал! Гай знал, естественно. Рынок Техно и этот, при разнонаправленности их, объединяла тема механики.

Безвыходно пребывая в Архи-Саду в каком-то странном, не формулируемом статусе хищника, взявшего бессрочный тайм-аут, Гай видел конвенцию Беста. Прочёл, пробежал глазами и произнёс:

— Я не могу это принять.

— Можешь, — неожиданно для всех сказал Олеандр, "красный демон".

Гай так и не разобрался, кто он такой. Зато видел, как в глубокой задумчивости рубиново-красный юноша, вместо мелка подняв кремень с красноватой земли, рисует что-то на своей ладони, и кремень стирается словно мел. Короткое "можешь" — было первым словом обращённым к Гаю от него. Мурена с Бестом переглянулись. Гай вздрогнул. Олеандр, и не помышлявший производить такой эффект, смутился, хлопнул ресницами, пояснил:

— Я имел ввиду, ты хищник, тебе всё равно. Мог бы сказать "принимаю". Но не сказал. То

есть, по сути принял. Отчасти. Значит можешь.

Гай здорово удивился логике, прозрачному ходу мысли. Перечёл снова. "Не отвергать, не лгать, не торговать людьми..."

— Пожалуй, — пробормотал он, — пожалуй... Я как-то не думал об этом. Слово лгать шире в обе стороны, чем мне представлялось... А зачем тогда все остальные слова, Бест?

— Так получилось. Я давно написал. Не видел смысла менять. Да к тому же, смотри: если их слишком много, слов, все начнут рассуждать, какие важные, какие неважные... Какие прибавить. Их станет ещё больше!.. Если ты будешь рассуждать, насколько сократить, почему многих не надо... — тоже больше их станет! Как сложилось, так и пусть, считаю.

Пока Бест таким образом преумножал количество слов вслух, Гай отвлёкся. На него же, удушье, вечно подавляемый хищниками порыв: хоть с кем-то поделиться, открыть своё горе. Проговорить. Хищник, одиночка, технарь... В общем-то, Бест подходит. С кем и говорить, как не со своим "Оракулом"... Объясняться всё равно когда-то придётся. Путанные Беста рассуждения, полотно с бесхитростными строками, всё вместе вызвало это чувство, порыв новый и для хищника. Разумеется, Гай промолчал. А Мурена утащила Беста, по таинственным мурeньим делам, улетели в прибрежные тайники... К перепрятанному... Нашла?.. Ой, ли?.. Ограбила, чтобы ни говорила потом!..

Невзирая на безмятежный покой Архи-Сада, где никто не приставал с расспросами и не гнал его, несмотря на новое развлечение — теряющий помаленьку силу змеев бассейн, Гай чувствовал себя глупо и неуютно. Он следил за Бестом. За каждым словом, жестом, перемещением. Такое скрыть невозможно. Тем глупей, что самому себе не мог бы ответить даже приблизительно: "Чего ждёшь, Гай? Что должно вдруг случиться?"

Когда гонялись над морем, неловкость отступала. Гай участвовал во всех и всяческих заездах, эстафетах, акробатике. Но только если участвовал Бест, когда новичков под его личной опекой не было, а Встречу ради Слов организовывал кто-то другой. К ней самой возвращались. В промежутках вели жизнь небесных бродяжек: из ливня в ливень, из тучи в тучу!

Кому-то нравятся любовные, полные печали... Бест считал, ничего нет восхитительнее дорожных песен. Походных, лирических, маршевых из длинных Впечатлений, под духовой оркестр, с трубами и барабанной дробью!.. С одной дудочкой, затихающей в отдалении, долины и холмы, длинные-длинные... А дудочка всё слышна... Сколь бы ни отличались, они похожи, дорога во всех. Ничего нет более манящего, чем поворот дороги, что-то за ним?.. И в небе, для небесного бродяжки то же самое!.. Проносит тебя дракон мимо шапки кучевого облако тугого, круто замешанного, слепящего белизной, так что кажется, тронешь — заскрипит снежной, чистейшей ватой, накреняясь, выносит к такому же, в розоватых лучах... Но купы, сложившие этот, поднимаются плавно... Обтекая их, замедляется и дракон... И ты думаешь: "Почему?.. Что там, за поворотом? Может, ясное небо затягивается прямо сейчас, и ты не увидишь его?! А мог бы! Мог бы догнать!.. Или чей-то Собственный Мир отворачивается неспешно, прячет за спиной золотой прямоугольник рамы... Обогнуть? Заглядеться в него... Возможно, тот самый мир, который всю жизнь искал, с хозяином на пороге..." Это особенное, волнующее, не проходящее никогда замирание перед следующим поворотом!.. Зарок понимал его. Гай — сопровождал и только, но в небе ему тоже было хорошо.

На континенте же разворачивались такие события... Бест разбирал спор Изумруда с Громом. Заочно. И касался он не артефакта, а терминов. Но поспорили на вещь, на растение с

ягодами, из хулиганских побуждений политое оливкой — водой с тенями. Схулиганил До-До!.. Два источника непорядка в Архи-Саду, он и Мурена. Грому буйно плодоносящий куст, вкусный и дурманящий нравился на его нынешнем месте. Изумруд возжелал забрать целиком, с корнями в Морского Гиганта, привить к нему. Это честно, а? Куст — общий!..

Изумруд, технарь моря, по лепке теней руками — ас, создавать их избегал... Преображениями теней и ядов всяких, уже имеющихся живо интересовался. Он подозревал, что растение не отдавало, а как-то производило тени само. Безопасные, насколько они вообще бывают таковыми, ядовитые, нестабильные, пьянящие тени... Верны ли его подозрения, на суше проверить не мог... И однажды затеял, так вышло, спор о словах. О слове "быть" в различных языках до эсперанто.

С Дикаря, одного из немногих знатоков, начался разговор. Он перечислил вслух "быть" на нескольких языках, и производные...

И пошло: где это слово "быть" — действие, где пребывание. Где только к живым применимо. Где и к неживой природе. Где само оно вещь, нематериальный, но предмет. Где означает "Я", так лишь и употребляется… В иных языках много разных "быть", для себя, для других, для сегодня, вчера и завтра... Гром спонтанно отреагировал, не думал ввязываться в спор, да и спора-то ещё не было: "Поток это, действие — быть!" Изумруд возразил: "Состояние!.." Гром, не философ, в общем-то, живо усмехнулся: "Состояние чего?" — "Меня!.. А если действие, то чьё?!" И поехало дальше!..

Гром проклял Амаранта, взявшегося ещё на заре знакомства просвещать чёрного великана. Как хорошо было, когда тот довольствовался десятком слов для выражения своих дивных грубостей!.. Но публичный спор увлёк многих. Соль, Римлянин и Сота несколько дней шерстили бумажные словари. С трудом, его торопливым движениям не давались перевороты этих чутких, голографических страниц, Бест изучал небольшой Вирту. Искал не определений, а статей, кто-нибудь из древних поднимал в схожей формулировке такой вопрос? И да и нет, много слов, путанные. Обнадёжив затосковавшего Гая, вернулись Борей и Альбатрос, попытались вытащить народ на круг от мыса до мыса Морской Звезды, только на скорость, на средней высоте.

— Бест, — окликнул Сота, подходя.

— А?.. — вскинулся Бест, громко захлопнул Вирту.

Привык, раз "Бест", значит проблемы. Простое лицо его за миг переменилось к чуткому, сосредоточенному вниманию, озарилось им, как у Царя-на-Троне.

— Что случилось?

— Да ничего не случилось, Бест! Почему должно случиться? Пошли, погоняемся, Амиго заберём. Он без компании не хочет, сторожит что-то на северном мысе!.. Что-то сказочник нашёл... Крупное... У меня воображения не хватает!

— А... — протянул Бест, возвращаясь к обычному состоянию, согласно. — Ага. Любопытно, да... Откуда стартуем?

Мурена, провокатор по своей беспокойной природе, в высоком небе, во всяких безопасных местах, над горами гуляла с Амиго часто. Она с удовольствием слушала его байки и выдумки, а он с удовольствием рассказывал. Особенно во время дальних перелётов. Например, к маленьким облачным рынкам. Внутрь робкий Амиго частенько и не заходил, ждал у рамы. А Мурена в благодарность выменивала и для него что-нибудь, дешёвую книжку или трещотку с одной старой песенкой. Так же поступали, когда азартно она искала чужие тайники в горах, в прибрежных скалах, в затопленных туманом дроидов, открытых к морю обсидиановых

подземельях... Иногда, редко, но бывало, Мурена натыкалась на тайники своих — изгнанников. Из такового, угадав чей, брала одну вещичку и в насмешку бросала потом хозяину: лучше прячь!.. Поищи-ка, дружок, новое место!

Откровенно тайников она не грабила, брала, возвращала... Возвращать опасней! Но ей везло. Ладно, прямо скажем, не всегда возвращала!.. Подбрасывала иногда что-то равноценное. По её мнению... Амиго сначала ждал на драконе, на землю не сходил. Но... Дурной пример заразителен!..

Тихо, тихо ступая, обходил он до них разграбленный тайник, где можно не опасаться возвращенья хозяина, где были грабители торопливы, неосторожны. Хрустя осколками стекла, переступая обломки багета, — уносили только картины, свернув рулоном, много же было их, кто-то жил тут значит, часто бывал, как в Собственном Мире, старый хищник, — Амиго поскользнулся... Босыми пальцами землю потрогал. И отступил в ужасе: сюда непременно вернутся! Главное — под землёй, под сорванным с неё ковром! Но... И положительный пример заразителен!.. Бесстрашная любознательность Мурены передалась ему. Амиго раскидал торопливо верхний слой отсыревшего песка... Впрямь интересную, необычайную вещь он нашёл. А может, погиб хозяин? Ну, может же быть? А он честно нашёл... Редкая вещь. Задуматься бы, что жилой тайник... На побережье... Кому, кроме хищника морского принадлежать может?.. Уносили вдвоём с Альбатросом, на двух драконах, на перекинутой ткани... Подробно в Архи-Саду разглядят.

Гай не хотел возвращаться. И утянул Беста на Рулетки. Бест согласился охотно, механику он уважал. С дроидской почти не сталкивался. Рулетки близкий рынок, тяжёлый, он всегда ниже высокого неба, так что добрались быстро. И на несколько дней Бест был потерян для общества изгнанников. Рулетки... Эльдорадо!

Для начала обошли галереи обоих этажей, особо нигде не задерживаясь. С таким провожатым, как Гай, даже дилетанту было бы интересно. Благодаря покровительству Махараджи он заполучил великое множество Вирту самой разной тематики, не считая обычных книг. Касательно механики простой и скрытой, свойств материалов, исторических, принципиальных поворотов в механике прежних эпох.

Что в этом особенного? Да то, что редкость они на рынках, поскольку никому не нужны! Чтение недалеко ушло от пребывания чистым хозяином в Собственном Мире. А хищники и бродяжки для того и сбегают из миров, чтоб яркость, острота и рискованность рынков силой отвлекли их от... Развлекли.

Но и Гаю было не менее интересно с Бестом. Техно последней эпохи целиком творчество дроидов, а относительно них Бест располагал куда большими познаниями. Без промедления, с первыми шагами по рынку он ответил Гаю на незаданный вопрос. Там валялись в количестве улитки плоские и объёмные, к человеку не пристающие, с округлыми и гранёными домиками. Последние, ориентированные на людей, засекли их приход и выставили голографические рожки. Проходя мимо побыстрей, Гай так прокомментировал:

— Смотри, разные. А у каждой есть синий дубль.

— Дубль? — откликнулся Бест. — Вряд ли. На вид. Те, что цвета Синих Скал, скорее всего — инструменты дроидов. Ими деланные для себя.

— Ты определяешь принадлежность по цвету? — Гай улыбнулся. — Дроиды свои инструменты помечают, синим красят, чтобы люди не брали?

— Не красят, Гай. Делают их того же, из чего состоят Синие Скалы. Инструменты их тоже ведь дроиды, только не высшие и даже не автономные...

В связи с последними словами, с обилием синих завитков кругом, Гай вспомнил недавнюю примечательную сценку в Архи-Саду. Настолько необычную для него, не укладывающуюся в рамки, что отложил размышления о ней на отдалённое будущее. Не то, чтоб увиденное противоречило его картине мира... До того момента просто не существовало места для такого в ней.

Гай поднялся тогда из змеева бассейна ещё околдованный мнимой реальностью Впечатления кружащихся звёздных систем, светил и планет, ускоренного, приукрашенного, сопровождавшегося словами, увы, на незнакомом языке. Захватывающе, как фантазийное. Обучающих систем в виде не книг и не Вирту Гай прежде не встречал. Даже под тенями бассейна Впечатление завершилось, по второму кругу пошло, хватит. Гай тряхнул головой, глаза не смотрели, сад плыл и дрожал. Честно говоря, хотелось взять следующее Впечатление и погрузиться обратно. Многие так и поступали, отринув внешний мир. Но Гай и за последнее попрекнул себя не относящимся к цели пребывания тут любопытством. Можно, раз Оракул его в саду, и всё-таки лишнее. Деревья прекращали изгибаться и плясать, обретали понемногу нормальные очертания, изгнанники, Бест, тот из-за кого он здесь, а не ради изобретений Морского Чудовища.

Вон он, Бест... А перед ним?.. Перед и выше. Между цветущими кустами шиповника на воздух, как на скальный уступ, запрыгивал и спрыгивал на траву, её не приминая, юноша. Дроид. Индиго. Осиянный вперемешку с серебристыми лучами ярко-густо-синим ореолом исходящим от него. Весьма яркий. Вооружённый дроид. Запрыгивая на воздух, он взмахивал мечом наискосок, мгновенно, в верхней точке прокрутив, брал обратным хватом и наносил колющий удар за спину, не обернувшись. Быстро. Но не очень. Так себе. Спрыгивая между колючих, цветущих веток, он обрушивал меч вертикально на воображаемого противника. Чуть-чуть варьируя движения, повторялся. И энтузиазм его не убывал. Упражняясь, дроид болтал с Бестом, пикировался. В непринуждённом ключе, но страстно. Защищаясь, очевидно, от бесцеремонных вопросов:

— Ну, и продул!.. — отвечал он с вызовом, взлетая в прыжке, меч свистнул как настоящий. — Ну, и десять!.. Ну, и подряд!..

— Поздравляю, Индиго! — насмешливо воскликнул Бест. — Ты принадлежишь теперь крупнейшему семейству Дом!

— На! — Короткое! — Время! — отвечал дроид, прыгая вниз, мечом отсекая каждое слово. — Сейчас я ему, а сейчас оно — мне! Но сначала — освобожусь!

— Даже так?! И сколько же турниров ты должен выиграть у Доминго, чтобы покинуть главу?

— Столько! — Столько! — И ещё пол столько! — отвечал дроид, взмывая над ним, с тремя вращениями меча, справа, слева, перед собой.

— То есть, двадцать пять поединков подряд? — спросил Бест. — Персонально у владыки?

— Ой, ты хорошо считаешь!

— Желаю удачи, Индиго!..

Дроид остановился на воздухе во весь рост, больший, чем в бытность его человеком, убрал льдистый меч, просвечивающий насквозь, в иссиня-чёрные ножны и произнёс ещё горячей:

— Благодарю за пожелание, Бест! И за упоминание Фортуны! Твоя ирония не отменяет его. Вот увидишь! Я выиграю и двадцать пять и первую независимую сотню! И образую своё семейство и присвою его, центральное, точку сборки! Главой всего стану я — дроид цвета!

"Не хотелось бы дожить до такого апокалипсиса!.." — Усмехнулся про себя Бест.

Предложил:

— О, ради таких грандиозных планов... Не попросить ли мне Доминго дать тебе фору?

— Бест! Ты всегда был таким, ни в чём не признавал меня! Ни с чем не соглашался!

— Да и ты, Индиго, дроид исходного цвета, ни черта ведь не переменился! Только светом пылишь в глаза!..

Правда. Разбиваемой, но не разбавленной серебром, словно пыль в лучах, разлеталась от него синева, индиго.

— Бест, я почитаю владыку! Но я — дроид! И придёт момент, когда его трон достанется мне!

На этих словах терпение ли у владыки лопнуло, или дроид собирающий оттенки впрямь понадобился ему, но глава Дом проявился. Одновременно совершая поклон перед Бестом и указующим жестом призывая отлучившегося дроида к порядку. Указательным пальцем — рядом с собой. Величественный, белый на фоне непроглядно чёрного трона, спинка которого вырезана двумя рогами полумесяца, острыми, ввысь... Доминго нахмурился за секундное промедление, среди изгнанников пробежал смешок, Бест склонил голову в ответном поклоне, коротко кивнул, прощаясь с приятелем. Дроиды исчезли. Рассеянное, пыльное пламя Индиго — в озере чисто белого света на том месте, где только что пребывал владыка Дом. Уход дроидов холода по контрасту выявил тепло сада, тепло от облачного неба.

Поодаль державшийся Амарант, плохо он переносил холод, заметил, глядя на остаточный синий свет в пространстве:

— Доминго великий провокатор...

— А то!.. И семейство ведь центральное он не просто возглавил, сформировал.

— Я говорил как-то с Устоями 2-1... — твоим именем спрашивал, гордись, — и он тоже упомянул. Удивительно, говорит, что владыке это позволили. И трон при нём и фаворит при нём. Сошло ему с рук нарушение всех трёх по сути законов. Не заводить любимчиков, это ладно. Но он ведь увёл человека из мира людей. Отнял жизнь человеком...

— Не думаю, что его власть и влияние решили дело. Скорее, тот факт, что он не изначальный дроид.

— Дроиды не сочли себя вправе препятствовать человеку любить человека?

— Ну, да. Изначальным дроидам тоже ведь прямо никто не препятствует. На то есть законы, подзаконы и расплата за них, за нарушение. Доминго обошёл все! Легко! Да, он выдающийся провокатор. Зато мы видели счастливого Индиго — дроида.

— Гонору в нём!..

— В обоих. Доминго умней...

Такую вот сценку, непостижимую для него, вспомнил Гай, разглядывая с большим, чем прежде, вниманием улиток цвета индиго. Хищник, наделённый сполна привычками хищника, прямо спрашивать про увиденное ни тогда, ни теперь, он не стал.

— Улитки это дроиды, — рассказывал Бест, — малодифференцированные, пригодные для дальнейшего преобразования, потому не утратившие цвет. Высший дроид решает, Гай, какую функцию на данный момент приобретёт инструмент.

— Но, Бест, синие улитки измеряют в разных величинах только расстояние. Структуры обмеряют. Я знаю их давным-давно, они даже скорость не выдают, пребывая на чём-то подвижном.

— Гай, они смотрят — что. Что в пространстве, под их подошвой. Полагаю, без отдельного указания дроида, они суммируют в индивидуальный для каждой из них итог все данные, что

оказались доступны сенсорам их скрытой механики. Итогом может быть... Ну, например, устойчивость к определённого вида воздействиям, конкретно так... Или наоборот, общее, общий состав, качественно и количественно... Разные величины, да, иначе говоря, разные выводы, заготовки. Наверняка, читаемые в исходниках, если надо.

Одна из улиток добралась до руки Гая, преодолела манжет, и Гай остановил её, поднял:

— Забавно...

Поставил на исходную позицию, вынудив повторить в точности маршрут.

— Видишь, — сказал Бест, — и сами цифры между рожек и способ записи, шрифт, точки, чёрточки, даже цвет их, всё разное. Заготовки. Ведь, что такое дроиды? Существа помогавшие людям в мире, затем создававшие, а затем и заменившие для них мир? Это хранилища и отклики. Чем обширней хранилища, тем лучше. А для откликов важна точность и скорость. Для точности понимания им нужны инструменты. А для скорости — количество заготовок. Кто его знает, что рогатая считалка накопила сейчас в своей памяти за два пересечения твоего манжета? Может быть, в какой век надо направить Восходящего, если он ищет Впечатления клетчатых рубашек?.. Или как сложить частички вещества ради образования мягких волокон ткани?..

— С фантазией у тебя нормально, Бест!.. А что для них важно, для дроидов, они говорили когда-нибудь?

— Да ничего для них самих не важно. Дроиды, Гай, не смотря на великое множество одиночек среди 2-1, которые ближе к понятиями и тенденциям, а не к вещам, дико иерархичны. У них полярные сильнее всего тенденции: либо по максимуму отдалиться от большой, мощной структуры, либо вскарабкаться на самый верх! Но вот в чём дело, дроид для дроида, если они не пара, не особенно важен, даже антагонист. Человек — очень важен для любого. Потому они накапливают всеми возможными способами представления, что человеку может понравится, понадобится, как он это назовёт, что пожелает в связи с последним желанием... Но время пребывания рядом с людьми для холодных дроидов чрезвычайно мало, ограничено продолжительностью создания облачного эскиза, вот они и стараются на короткий срок быть безупречны, стремительны. А для других напридумывали ограничений, не воплощаться и так далее... Многие из второй расы, из тёплых 2-1 охотно проводили бы время с людьми, но их скоро засекают... А владыки всегда не прочь расширить и усилить за их счёт семейство. Начинаются интриги, заманивания, поиски антагониста. Если он обнуляет память, а встреча неизбежна в Туманном Море их уже почти свели, то дроид предпочтёт несвободу семейства, терять накопленные заготовки и привычки они избегают...

— Почему? — Гай заслушался, ново и интересно.

— Ты меня не слушал! Потому что богатеют они именно пониманием человека, умением угодить!

— И это — кайф?..

— Вот уж не знаю. Но разве плохо быть отличной машиной и сознавать, что ты — отличная машина?..

— Бест... Такое слово?.. Высшие дроиды не машины, нет. Они что угодно, но только не машины...

— Возрази по существу. Машина не определяется отсутствием и наличием лица, скрипом деталей, скрежетом шестерёнок!.. Гай! Я чем-то тебя задел? Машина определяется следованием функции. Одной. Нескольким...

— Бесконечному множеству!..

— Бесконечных множеств не существует. Да всё равно — только им, исключительно им.

— Абсурд! Последовательность выбора внутри множества?..

— Что? Может быть ошибочной, неловкой? Да. Отсюда инструменты. Дроид может быть

неискусен, но стремиться к совершенствованию.

— Так всё ж образуется выбор! У машины?..

— Нет! Угождение, услужение — вот общий знаменатель. Одна функция, Гай, у машины, одно направление.

— Чёрт! То есть они не живые от того, что не могут, чёрт побери, навредить?!

— В общем, да. Живое воплощалось в прежние эпохи за счёт живого... Всегда. Круг, колесо: распадение и возрастание... Дроиды разорвали этот круг. Собирают осколки его, Впечатления. Большие, малые... Разбираются, запретные отфильтровывают. Свободные, кратчайшие падают в Великое Море. Новые сочетания Впечатлений образуются в мирах... Но для себя им ничего не надо. Дроиды существуют для нас.

— Слушай, Бест, а что значит, не воплощаться, когда не редкость, не часто, но и не редко, вон, в Архи-Саду, например, приходил дроид, в облике человека... Они вполне себе шастают среди людей... Когда им надо.

— Нет, что ты!.. — Бест удивился его незнанию. — Это совсем другое. При воплощении он вполне человек, чего и не имеет, то имитируется — Огненный Круг. Мир или эскиз — снаружи, как видимость... Но главное он больше не принадлежит к одной из первых рас, теплу или холоду. Он состоит из обеих. Может приближаться к людям, не выдавая себя жаром или теплом.

— Вот как...

Гай замолчал.

— О, смотри, — сказал Бест, запрокинув голову, — платформа предельных расчётов, пропорций. Тоже инструмент дроидов. И тоже синяя, заметь. На её примере многое становится понятней. У меня есть Вирту, посвящённое таким.

Они находились на втором, безлюдном сейчас этаже Рулетки, игроки собрались внизу, "ипподром" притягивал как магнит. Бест пощёлкал пальцами в сложном ритме, задумался, повторил медленней... И потолок, непрозрачная, большая часть его опустилась плавно, заставив отступить. Мастерская. Проходная комната. Полки стеклянные по стенам. Над полом приподнятая не выше чем на толщину ладони, сама тонкая подобно листу фольги зависла платформа. Напряжённой поверхностью, идеально гладкой, синевой металла. Про такое не скажешь: расстеленное нечто, раскатанное ковром. Нет, это именно платформа, излучающая силу, значимая вещь... Квадрат с обрезанными углами. Полоса с одной стороны её светлей и поделена на клавиши, отдалённо напоминавшие пианино, равной длины, разных оттенков синего. Выпуклые и вдавленные через одну. Округлые и те и другие.

— Как, думаешь, получилось, — спросил Гай, обходя вокруг, — если и впрямь это всё инструменты дроидов, что их столько в одном месте? Бывшем облачном мире?

— Вижу единственный вариант, хозяин собирал Восходящим. По схемам создавал, по Впечатлениям чертежей. Коллекционер истории техники. Чего тут удивительного? То, что он умел читать их? Так ведь читать значило просто увидеть без ошибок и воспроизвести. Для чего именно та или иная улитка, спорю, он не знал. Как же, должно быть, ему потом интересно было разбираться с ними!

— Но зачем?

— Нравилось. Я легко представляю себя в таком качестве, за таким занятием. Много ли вообще заключено в облачные миры "надо"?

Гай покачал головой, вслух не возражая. То, что он так долго и почти безрезультатно пытался воплотить, придумывая чертежи, схемы, ему как раз-таки было надо. Очень надо.

— Чего же считывает эта платформа для расчётов? — спросил он погодя.

— Гай, я же не дроид! Что — я не знаю. Даже слов таких дроиды в человеческое эсперанто могли и не привнести. Но я знаю, зачем считывает.

Бест похлопал себя по карманам рубашки. Пусто. В кармане шаровар нашёлся потрёпанный листок печатного текста. Бест пробежал его глазами, прежде чем бросить, вдруг чего важное. Про платформы-то он читал, но видел впервые, не рарушает она, просканировав? Расправил и бросил на металлическую синеву. Бумага спланировала к дальнему краю. И пока летела, датчики проявились над ней. Сначала одинаковые. Похожие на зрачки Чёрных Драконов, пульсирующие круги в синей, узкой радужке. Затем вокруг каждого по шесть подобных. Настоящий лист бумаги исчез, или исчез из виду. Его голографическая копия проявилась над платформой размером с неё саму. Датчики стали менять цвет. Независимо центр и обод. Когда соприкасавшиеся цвета совпадали, круги сливались в один, середины их мерцали, спорили, но не перемешивались, какой-то побеждал. Образовавшийся круг двойного размера собирал другие, притягивал к себе. И перемигивание, мерцание, изменения цветов и оттенков продолжались. Если прислушаться, то и перезвон как в Туманном Море дроидов. Так работала Платформа Пропорций. Глядя на неё в действии, Бест был заворожён не меньше чем Гай, до того и не подозревавший об инструменте, хранившемся под потолком. Над голограммой страницы остались два последних датчика. Правый с тёмно-янтарной, левый с более светлой серединой, окружённые «лепестков», блёклых кружков, разнооттеночных, объединить которые не могли. Они стали быстро вращаться, и рассыпались вдруг... На огоньки дроидов, натурально Туманное Море! Исчезли. С голограммой вместе. Бумажный лист лежал на платформе на прежнем месте. А над клавишами светились столбики разной высоты и оттенков тех же: от тёмного до светлого янтаря.

— Видишь, — Бест повёл в их сторону рукой и рассмеялся, — это вывод! Он сообщает о том, во что дроиды могут преобразовать эту бумажку, не добавляя к ней ничего. Судя по небогатому цветовому спектру, не сильно много вариантов. Гай, не слушай меня так серьёзно, это жуткое дилетанство! Но принцип таков.

Бест пощёлкал пальцами, столбики пропали. Он дунул, удунул страницу поближе и забрал, предварительно разглядев.

— О... — пробормотал Гай. — Ишь ты!..

Он потрогал платформу. Глянцевая как тающий лёд, на ощупь она оказалась не просто шершавой, но препятствующей движению руки. Так мелководье замедляет шаги. Датчики попытались проявиться, сразу исчезли. И Гай запрыгнул на неё!..

Хищник сидел скрестив ноги, тревожный, замерший с любопытством в глазах. Но ни он изнутри, ни Бест снаружи не увидели долго перестраивающихся кругов. И голографический огромный Гай не возник, затмевая реального. Вместо предыдущего сценария, платформа чуть прогнулась, громыхнула стальным листом, зазвенела на пределе переносимого, и надо всеми клавишами ввысь, до оранжевого витражного потолка поднялись столбы алого цвета. Пламенного. Гай и Бест глядели друг на друга сквозь убегающие к потолку красные всполохи.

— Слезай! — позвал Бест, как только звон прекратился. — Ты просчитан. Я и без дроида могу расшифровать результат. Получи: из тебя, Гай, можно сделать всё, что угодно! Ты же человек, Гай. С Огненным Кругом. Извини, сам что ли не знал? Тут не нужна Платформа Пропорций.

Гай переполз и остался сидеть на краю, задумчиво:

— Лал...

Встряхнулся, вставая, проводил взглядом последние секунды зарева.

— Лал, да, — небрежно согласился Бест, уже перешедший к другим инструментам, проходя вдоль полок. — Преображающий, преображаемый...

И Гай вдруг вспылил. На эту невинную, поэтичную фразу он взорвался гневной тирадой, неожиданной для обоих. Слишком тема близка...

— Гладкие, складные фразы, Бест, самый пустой вздор! По-твоему выходит, всё на месте: и кто и из кого?! Но Лал нельзя сделать из человека! В Собственном Мире. Ну, не выходит, не получается! Фигня и только, блестящие камешки, блёклые! Для рыночных дураков, на мену годятся... До Лала им... — как до неба!

— Ну, разумеется...

Бест обернулся к нему. Возможно, тот самый момент, который прояснит всё-таки, что же хищник, хозяин Собственного Мира забыл в Архи-Саду?.. Очевидно не грабитель, сокровищницы перерыл давным-давно, и без азарта. Если искал камень, мог бы после того сразу и уходить.

— А мне, Гай, улыбаются афоризмы. Как, гладкие фразы?.. Ты не уловил слегка, наверное... Лал — мощный инструмент дроидов. Прежних, автономных дроидов. Но и в ту эпоху, странно было бы с их стороны делать в общедоступном количестве. И полудроид по-своему Лал, преображаемый, преображающий, так я выразился? Так. Они равны, то есть. В силе. Если ты о похищенном, превращаемом госте Собственного Мира... Оставляя в стороне моральные моменты, главные... моменты... Ладно, оставляя. Они, Гай, равны. Сила того, кто преображает, и кого преображают — равны. И пурпур, заложенный дроидами в Лал, в удивительный артефакт... Это одна и та же сила. Как же ты хочешь, чтоб равное преобразило равное, причём, столько же и осталось бы? Для Лала нужен избыток. А хватает только на форму.

Бест почесал в затылке и продолжил:

— Преображение, Гай, это вычитание. Вот мораль, которой я пытался избежать. Напрасно вы, хищники думаете, что это творение, творчество, нет. Ты надеешься вычесть равное из равного, чтобы осталось столько же? У тебя плохо с арифметикой.

— Бест... Никогда не задумывался... На само преображение уходит часть. Не остаётся на пылающий цвет...

Прозрачный взгляд Гая скользил вокруг, как у только что проснувшегося человека.

— Ты надеялся найти камень в саду?

— Нет. Но да, он мне нужен.

— Редкая вещь. Подлинный артефакт прежней эпохи. В запретные они не попали... Значит, где-нибудь есть и Впечатления про них. И Вирту. Могу предположить, нужно сделать специальный артефакт, чтобы сделать этот...

— Интересно, — подумал Гай вслух, отвлекаясь от темы, — а что будет, если положить на платформу тень? Заманить. Или яд в виде оливки?

— И правда? — Бест удивился повороту. — Стоит попробовать. Не представляю...

При последних словах тишина на этаже как-то переменилась...

С противоположных дверей в мастерскую нарочито мягкой походкой, синхронно, как отражения, вошли двое парней... Одного из них Гай знал. Бест понял это, отступая к стене Гай обменялся с пришедшим быстрым взглядом. "Плохо дело, — подумал Бест. — Ну, знал, с кем путешествую". За парнями следом вошли ещё четверо. Бест остался рядом с углом платформы. Гай у стены. Плечом прислонился и глядел в пол, мимо всех рассеянным взглядом. Шнурка с бусиной уже не было вокруг его шеи.

Внешность парня, зашедшего первым со стороны зала, стоит описать.

Полудроиды не имеют возможности сделать рисунок на себе способом татуировки. Регенерация их красивых, хорошо защищённых тел не позволяет этого дольше, чем на

несколько минут. Но люди изобретательны! Особенно в ерунде!.. И всегда останутся таковыми. Кто желал, испытывая недостаток крутизны в одежде и знаках отличия, принятых в борцовской и игровой среде, тот украшался и подобием татуировок. Они прошивали гладкую, чуть сияющую кожу полудроидов тонкими нитями. Предпочитали чёрные ради контраста. Даже лица. Не этот парень, не Дабл-Пирит. Он довольствовался шеей, торсом, руками до кончиков пальцев и ногами ниже колен!.. Даже по меркам Южного Рынка, тех борцовских рядов с шатрами, куда заходят двое чистых хозяев, а выходит один — хищник, он смотрелся бы внушительно. На легковесный, игровой, предпочитающий малые ставки Рулетки — такие... — обычно не заходили. Изображающие ощеренных волков и хищных птиц, языки пламени, вышитые сплошной чёрной стёжкой круги орнамента огибали его шею, грудь, сплошняком зачернили предплечья, браслетами поднимались от щиколоток... Короткая юбка и расстёгнутая жилетка с меховой, небрежной, клочковатой опушкой, мала ему... Металлические ножные браслеты завершали образ. Агрессивный ровно до грани комичного. Как ни странно, пересечь эту грань не позволял нахальный, вызывающий, но весёлый взгляд. Безо льда. Без мертвечины. Мысленно Бест улыбнулся ему и подумал: "Вести бы тебе, хищник, единоличную охоту!.. А не так..." Друзья его разной степени татуированности мягким шагом заняли условленные позиции...

Облачный Рынок Рулетки... Без шатров, сам себе шатёр. Чёрный Дракон Беста не проявится за его спиной... "Гай, Гай... Я знал, что хищники терпеливы. Но как-то не верится, что ради одной охоты... Эх, Гай". Не верится? Правильно.

Мысли Гая промелькнули таковы... "Дабл-Ня принял меня за охотника? Готового поделиться добычей? С ними?! О, Злотый приваживает таких дурней... А впрочем, это и хорошо". Гай дождался, пока круг борцов замкнётся, заключая Беста в себе, и парни, оказавшиеся к нему самому спиной, утратят бдительность. "Не шатровые, стилевые борцы. Опытные... Но безоружные. Слишком они увлекаются там выкрутасами всяких стилей... Такой маленький азарт: выиграть, соблюдая условности, узкие рамки... Чепуху условностей..." Для стилевых борцов обоих крыльев Южного ставки вторичны. Главный приз — честь в узком кругу. Ставка на жизнь — исключительное событие среди них, даже на правом крыле. А для игроков Против Секундной Стрелки — обыденность... "Зачем же они пришли? Развлечься на свободном поле, сменить обстановку. Или взяли заказ от кого-то, кто побоялся сделать его нашим? Вполне возможно".

Двоих со спины Гай вырубил пустыми руками, вполне злодейским ударом в затылок, который и полудроида оставляет без сознания на несколько минут. И оказался лицом к Бесту, к оставшимся четырём, рассыпавшимся в линию. Осознавая численный перевес, Гай не рассчитал силы, один из парней валялся у него под ногами, а второй отлетел на Беста, сползал, цепляясь за него и за меркнущее сознание. Младший, с татуировкой по шее, как у Пирита. Гай заметил и вспомнил: "Они берут учеников. Выставляют их на разных условиях. Кто по доброй воле и даже за плату простится в ученики, кто задолжал..." Сузившиеся глаза Дабл-Пирита подтвердили, что он вырубил его ученика.

Гай брезгливо дёрнул лицом: "Бест!.." Брось его уже и уйди в сторону, если не дерёшься, имелось в виду. Но Бест опустился на корточки вместе с парнем, переводя взгляд с совершенно белого лица на остальные, потемневшие лица.

В руках у Гая разделённый пополам, витой шнурок гудел двумя дисками вращения, то взвывал, то визжал и становился невидим. Гай медленно шёл на Беста, надеясь, что тот хотя бы не вздумает подниматься. "Какой же неземной тяжести должна быть эта бусина, что две её половины так завывают?! А ведь на шее носил?" — подумал Бест мельком, пытаясь сообразить, чего ему-то делать в конфликте хищников?! Про бусину он ошибся, тоже многого не знал.

Объединённая бусина невесома. Разъединив, Гай оставил белую, ледяную часть на чёрном, горячего цвета шнурке, наоборот, черную на ледяном. И они взбесились. Длина не позволяла задушить, обвить вокруг мощную грудь борца. Удар оглушает на время. "На время..." Гай намеревался покинуть Рулетки, но не бежать. Уж наверно не озираться в облаках, высматривая погоню...

Позволяя Пириту с ещё одним, светло-рыжим, коротко стриженным парнем обходить себя, он нацелился на оставшихся перед ним... "Сразу. Некогда устраивать поединки..." Все молчали. Бест наблюдал за юношей, не приходящим в сознание...

Приём, выбранный Гаем, был прост и надёжен. Против безоружного. Малоизвестный. Не один Гай знал его, один владел в совершенстве. Огненный Круг нельзя остановить ударом руки, но его можно задушить чередой ударов. Сильных, коротких, через точные промежутки времени. Ярко вспыхнув от боли, травмы, испуга на долю секунды после того круг останавливается, унимая свечение. Вот следующий момент и надо не позволить ему. Удар, удар... Руками, кулаком такого не сделаешь. Обниматься, катаясь по полу с опытным борцом, Гай не имел никакого желания. У него было оружие и единственная доминанта — его Оракул, Бест. Который не понимал, что происходит.

Взвизги металлических, витых шнурков, бьющих наперекрест, в первые секунды даже не уронили противников. Они вспыхнули как два факела, но устояли на ногах. После промежуточного удара протянутого плетью, пятясь, отступая, они мягко упали на пол. Третьего, начинавшего приходить в себя, Гай захватил тоже. Юношу-ученика нет, опасаясь задеть Беста. Теперь вихри в его руках негромкими "тук-тук", как метроном, выбрасывали тёмную и белую точки в неподвижные, полыхающие тела. Гай волчком крутился между ними, уходя от Пирита, досадуя, что вместо шнурка по шее не сделал что-нибудь подлинней, бусы до колен. Перепрыгнул борца, кативщегося под ноги, не нарушив гибельный ритм, ритм удушья.

Видя подобное, рыжий парень бросился к выходу. "Сейчас!.. Отпущу я тебя... На нейтральной территории, с открытыми лицами!.. Так не принято. Не отпускать никого..." Убегавший, — ах, как напрасно! — держал в руке многослойный, подготовленный как удавка пояс борца. Гаю он пригодился. Дабл-Пирит бросился наперерез... Медлительно в сравнении... Не имея привычки к их скоростям, к высоким прыжкам над бешеной Секундной Стрелкой. Обходя пылающие в агонии тела, запнувшись о платформу, он добежал, когда Гай уже связал, коленом прижимая, вокруг беглеца его пояс, узлом способным только затягиваться. Отвлечься не успел. Ровно железный, пропустил он удар Пирита в корпус, отбросивший его, не оглушив. От следующего снизу в челюсть отмахнулся, ушёл. Стремительный, как и все старые хищники их группы, откатился на прежнее место, между дверью и рыжим парнем. Силы покидали связанного. Пальцы судорожно царапали плотную парчу. "Дурашка, — подумал Гай, — берёшь с собой удавку, бери и ножик..." Такое прощальное слово.

Гай поднялся на ноги. Снова раскрутил вихри железных шнурков. Над неподвижными телами, яркими, высоко в сторону Пирита. Их взгляды пересеклись.

— Остановись, проклятие Южного логова! Я дам за них выкуп!

— Ага, — ответил Гай злым, холодным голосом, — уже... Сначала выйди отсюда. С чего ты решил, Дабл-Пирит, что я стану делиться добычей? Или прощу шестерых на одного?

Два раскрученных до свиста шнурка летали в его почти свободно опущенных руках. Не атаковал, необходимости не было. Удивлялся только, что Пирит ведёт пустой разговор. Не знаком с видом агонии?

— Злотый будет поручителем!

— Мне нет дела до Злотого. Мне ничего не надо от него.

Затравленно озираясь, Дабл видел, как один за другим неподвижные Огненные Круги

забирает владыка на чёрном троне. Бест стоял над невредимым юношей, держащимся за затылок, прикусившем губы. Гай направлялся к ним...

— Нет, Гай, — отрезал Бест. — Совершенно точно нет... Сначала я, потом он.

"Что ж..." Гай остановился. Шнурки усмирил на скрещенных запястьях — браслетами. Повернулся к Пириту и спросил:

— Сам-то хочешь уйти? Отнеси кое-что на Южный... Нет, не бойся, — хмыкнул он, — не к нашим в шатёр, другому человеку. Буро.

— Я не могу уйти без него! — уже отчаянно крикнул Дабл-Пирит. — Не смогу вернутся без него, меня не примут!

— Ну, так отними своего ученика, — холодный голос Гая стал насмешливей и резче. — Вот я, вот он. Вполне целый, пока.

— Гай, уйдём, — вмешался Бест.

— Пусть согласится. Слово, Пирит, тебе не придётся возвращаться без ученика.

— И зачем? — Пирит видел безнадёжность, чуял, но не понимал. — Зачем тебе посыльный, в насмешку?

— Дабл-Пирит... Единственный правильный вопрос я позволяю тебе: "Что?.." Что — отнести на Южный...

Юноша с пола отводил от Пирита взгляд Лиски-намо. И тот выдохнул:

— Что, Гай?.. Что я должен отнести Бутон-биг-Надиру?

— Это.

Гай открутил с правого браслета полусферу гранёной бусины и она тут же стала невидима.

— Держи. Не потеряй.

Оглядываясь то на Беста, то на своего ученика Пирит отступил к выходу, скатился по лестнице. Покинул рынок.

— И нам пора, — сказал Гай.

Он поднял парня за шкирку, перехватил за локоть. Не очень хорошо тот стоял на ногах.

— Не дёргайся. Иди рядом.

— Разве мы не должны ждать здесь? — спросил Бест.

— Не обязательно... — рассеянно ответил Гай.

На первом этаже играли. По импровизированному, миниатюрному ипподрому запускали личные Считалки, колёса такие. На скорость. И маневренность, там были крутые повороты, которые перестраивали для новых забегов. Мирная картина... Гай вёл пленника неторопливо, наблюдая последний забег. Что насторожило бы любого хищника, двух дел разом не делают, на охоте не отвлекаются. Но Бест не хищник, повадок их не знал. Приготовленные к новому заезду перед вторым рядом игроков стояли их считалки. С третьим игроком в ряду Гай переглянулся. Его Считалка, колёсико с тонкими спицами казалось чуть выше других, и как будто покачивалось. В тесноте Гай пропустил Беста вперёд... И лёгким толчком бросил пленника на колесо Считалки. Оно живо спрыгнуло с обнаружившейся низкой пирамидки, убежало, на бок не завалилось, а юноша остался на ней. Люди вскочили на ноги: "Охота на Рулетки! Бежать?! Нет?! Неправильно, не принято!.. Кто?!" Белый Дракон уже озарил рынок широкими крыльями. Бест, прозевавший всё, наблюдал стремительное исчезновение похитителя. Хрипнувший, голос из сияния долетел к ним:

— Гай, бесподобно!.. Чего желаешь?

— После! — крикнул Гай, задрав голову.

"Куда ты денешься..." — пробормотал он. Рефлекторно взяв Беста за локоть тем же

хищническим манером, Гай увлёк его сквозь толпу с Рулетки. Лишку внимания. Позвали, прыгнули, и драконы поймали их на лету.

— Зачем?! — крикнул Бест, разворачивая дроида мордой наперерез. — Или хищники безумны?! Зачем, если ты отпустил одного, знакомого?! Что можно — так — так скрыть? От борцов Южного? Ведь не за плату, ты солгал и продал не за плату?!

Гай увиливал в полёте, отклоняя дроида то вправо, то влево...

— Не отпустил. И не солгал, — неохотно ответил он. — Дабл-Ня не придётся возвращаться без ученика. Чистая правда.

— Но он улетел!

— Улететь-то он улетел...

Бест не отступал:

— Говори прямо!

— ... а приземлиться-то не судьба.

— Почему?!

— Бест!.. Забудь. Или мы начали первыми?

— Почему?!

— Он держит в руке свою смерть.

— Гай!..

Бест оторвался мгновенно, хлопнув дракона по гордой шее особенным хлопком. Дроид вильнул среди облаков и скрылся, рывком ускорившись, ещё несколько раз резко сменив направление. Изгнанник озирал бескрайние облачные миры, мчащиеся ему навстречу. "Поздно? Уже поздно?! Не будет по-твоему, Гай!.." Белый Дракон начал тихо восходить по спирали, когда Бест раскрыл как книгу ладони перед собой. Правую серебряную, левую янтарную. "Первая раса!.."

Нет, он не видел холодного и тёплого дроидов, не слышал их голоса, на коже не проступили письмена ответа. Он и вопроса-то задать не успел, как полудроид в необщей форме он обратился к дроидам и был услышан. Это их долг. Просто и непосредственно Бест ощутил вес, соотношение тепла с холодом в том предмете, о котором беспокоился, который охватила его мысль. Предметом являлся Дабл-Пирит сейчас. И он жив. И он — там... Тепло и направление, большего не нужно, время!

Такой способ вызова на разговор первой расы, при всём желании, Бест не мог разъяснить людям, спрашивающим и о чём-то просящим его. Не мог, делая им одолжение, почувствовать ответа на вопрос, который слышал, но не понимал. Или понимал слишком хорошо. О людях и дроидах, которых не знал лично, спросить не мог. Не мог! В уме его пустота, и в ответе пустота. Но при необходимости, вопрошая от всего сердца, без промедления он несколько мгновений держал часть мироздания в руках непосредственно, как тепло и холод... Не было в них постоянства даже на краткие секунды. Но соотношение было всегда, и вектор был. Где оно, спрошенное? Куда катится, к теплу или холоду? Даже если идея, насколько верна? Насколько можно и можно ли отклонить этот вектор? Как сейчас. Частичка мироздания заключённая в одном полудроиде, борце, неслась, катилась к остыванию. И вектор развернуть было... Нет?.. Можно?.. Да какая разница! Бест вмешивался всегда, до последних капель тепла, гонясь за удачей. При таком подходе он терпел поражение не реже, а, пожалуй, и чаще, чем любой обычный человек, не "господствующий над первой расой"! Характер... "Но не теперь, дроиды, чья благосклонность драгоценна! Светлые дроиды, не теперь!.." Надо ли говорить, что это "не теперь" относилось к каждому разу?..

Однажды, когда не водилось ещё особой дружбы между ними, то есть до возникновения Архи-Сада и всей истории связанной со Змеем, Гром спросил Беста, не вписавшегося в крутой поворот конфликта с одним из коллекционеров, воров, что за дела? Правда, отчего так страстно он готов вступаться и разыскивать даже на рынках, глубоко чуждых ему, не менее чуждого по духу человека, лишь бы вернуть, пригласить из компании отринувшей его в свою, в некое безопасное место? И Бест ответил: "Ну, да, я не знаю, что за человек, мимоходом у нас видали... Но он — человек. Он — изгнанник. Как все мы... Гром, я ведь давно на континенте... Я из первых. Ещё и огня не разводили. И большинство пропадало в недрах рынков, едва утратив эскиз. Тогда собралось нас в горах около дюжины..."

Жили они гнездовьем... Нищие совсем. Притащив в свои горы, кто чего мог. А кто-то атлас рваный, бумажный притащил. Над несколькими вкладками поднимались голограммы, и над половиной обложки. Зато остальное написанное ясно и просто, как для детей, можно читать и рассматривать обычные, цветные картинки. Это был определитель птиц, скопированный, но уже на эсперанто, из связного Впечатления вручную хозяином или Восходящим, предшественником Соль. Из этого справочника они брали себе, давали друг другу прозвища, клички. Птичьи. Стайка... Маленькие, бездомные птички, тесно сбившиеся на продуваемом, голом пятачке.

"...Мы, Гром, обменивались сведениями. И белибердой... Как могли, рассказывали друг другу, куда не соваться на материке. Как торговать... Да чем нам торговать было!.. С кем играть. Что облачные рынки существуют, и это мы не вдруг узнали. Артефакт у нас был один, полог тёплый, тянучий, что б закутаться. Вроде зарева, фосфоресцирующий чуть... Он нас и подвёл. Запутались в нём... Драконам неудобно было, а теням с шипами — удобно наоборот. Они ядовитые и влагу всасывают через шипы... Как потом выяснилось, выбрали место среди скал мы в начале сухого сезона. Вместе прожили его... Неплохо, порой весело!.. А сезон туманов там, в горах, высоко, но не в центре материка, оказалось тоже бывает... И начинается внезапно. Нечто в отсыревшем за одну ночь воздухе поднимается из долины, из расщелин. Тени, что, не иссякнув, спали в сухой земле, они восстают. Не приходят с волной туманной издалека... Из-под земли приходят. Окутывают, и... В первую! — ночь сезона туманов погибли все. До единого, Гром. Кроме меня... Я долго не опускался на континент. Не приближался к нему, годы в высоком небе. На рынке жил одном, его нет уж, истаял... Но спустился когда увидел, что на драконах сбилась новая группа. Я кое-что знал... Чуть больше, чем они... Вот почему... Не могу я бросить. Не могу отвернуться!.. Я не забыл про тех, первых... Ни дня с ними, ни лиц, ни голосов... Я их помню, Гром. Скучаю по ним до сих пор... Всё думаю, что мог бы сделать теперь, что умею теперь и знаю. Что сказал бы кому, и как поступил бы сейчас. Но уже поздно. Некому сказать... А предводитель у следующей группы был до меня!.. Группа пещерных изгнанников началась..." Гром перебил: "... с Мурены!.. Удивительно, что пещерных, а не подводных! Это твоя заслуга, Бест!.."

Гром подумал, что выжил Бест, наверняка, потому, что не спал под общим, тёплым покровом. А сидел и сторожил. За небом вечерним смотрел, за горизонтом, где море... На завтрашний день смотрел, вахту держал. И это была чистая правда.

И вот, кувырком меняя курс, падая в просвет между облачными мирами, Бест гнался, как любой человек за тенью былой утраты, за светом мечты, за незнакомым ему хищником, чёрным от татуировок. Человеком в смертельной опасности. Человеком, как он сам. "Дроиды светлые, не в этот раз!.."

Дабл-Пирит успел снизиться до Великого Моря, но не достичь континента. Это его и спасло. Он не умел различать холодные цвета, откуда? Вникать не умел, видеть цвета ледяные. Борец, раскаявшийся хищник, он даже не подозревал об их существовании. Но "не потеряй", крепко зажатое в руке, привлекло и удержало достаточно внимания, чтобы запустить цепную реакцию. Невидимая ему вещь плавно становилась и неощутимой. Коварны ледяные цвета, цвета не для глаз, для восприятия всем телом, тайная плоть мира. Кулак сжимался сильнее, остывал, схватывал. Но опять ускользание. Не удержать, невидимы. И ещё холодней. Если б могла шептать, половина гранёной бусины так повторяла бы: "Не урони... Смотри, не потеряй меня... Смотри на меня..." Дыхание замедлялось, огоньки дроидов... Гонец холодел. Внимание, которое Густав отдал цветам ледяным, учась со страховкой Собственного Мира, намеренно и постепенно, Пирит поневоле отдавал. Половина бусины, лишённая противовеса горячих цветов, распадалась. Не яд не тень. Если так сильно не сжимать. Остановиться, бросить, либо просмотреть распадение до конца и постепенно снова сделаться тёплым. Не на драконе, конечно! Не на бегу. Несовместима с ними подобная степень концентрации. Пирит уже не дышал. Но, увы, пытался дышать. Заледеневшее тело реагировало внутренним болезненным хрустом на каждый вдох, на каждое движение. Ещё немного и при следующем вдохе он рассыплется хрустальными брызгами в яви. Но Бест успел.

Логика его была — как можно дальше от существующих условий, как можно в ближе к смыванию всего и вся. Гай, что бы ни подсунул ему, явно рассчитывал на воздух континента, а не Собственного Мира. И не на огромную, разъедающую силу Великого Моря.

Атаковал Бест сверху. Заговорить не пытался. Белый Дракон спикировал, давая больший разгон, и на последнем отрезке Бест прыгнул. Сбил парня с дроида, это было не сложно. Но отработанным за годы движением борца, Дабл перекинул его через себя, успев схватить ворот, так в воздухе крутясь, мимо готовых поймать обратно на спины дроидов они полетели в море. Того Бесту и надо было.

Чёрный Дракон, проявившись, под водой огибал их, расценив как опасность стихию, а не бессильного противника. Бурную стихию. Волны несли пенные гребни, впрочем, сразу ушедшие на глубину парни не болтались на них. Да и не могли по другой причине. На место падения их приходилась странная область спокойной воды, огибаемая волнами, с загадочным всполохом внутри, как в лунном камне. Никто мало-мальски знакомый с Великим Морем не рискнул бы нырять здесь. Бест заметил странность, но было поздно, он решил так: "Судьба... Вниз". Свалились без всплеска. Тень пропустила их. Озарила словно прожектором. Ощетинилась стрелами с поверхности в глубину, и выпустила сплошным ковром эти стрелы. Они летели углом вперёд, лишённые всякого древка, короткие отрезки луча, переломленного посредине. Угол сужался, сужался, пока стрела не сделалась наоборот — древком без наконечника. Через миг, ударяясь в тело. Тень, сотворённая морским хищником, не имела прицельности, но результативность — выше всяких похвал. Яд. Стрелы, слегка лишь колючие превращали руки и ноги в свинцовой тяжести бесформенное ничто... За доли секунды, отпущенные им, Бест понял: "Не всплыть. Если спасение есть, то оно ещё глубже". Он собрал последние силы, толкнул безжизненно, медленно переворачивающегося парня на глубину, вниз, вниз, ещё дальше. Сквозь невыносимо вязкую воду. Руки не слушались его. Плыл ли он, погружаясь, или думал, что плывёт? Внезапно тень кончилась.

Подводное течение захолонуло кусачей сворой Свободных Впечатлений. "Кто!.. — Свист... — Затем оно... — Знак!.. — Чик... — Верти!.. — Не... — Не... — Не!.." Вспышки, запахи, обрывки очертаний, от них надо уметь отстраняться, Бест не умел. И холод. Настоящий, нормальный, подводный холод, а это уже хорошо! Течение оказалось дикой силы. Оно вымыло не только все Связные Впечатления из них, но и большую часть яда, не успевшего связаться с

огоньками дроидов в теле, да и там разбавило собой.

Распалась половина ледяной бусины, не отпустил Пирит, распалась прямо в руке. Лютый холод морской воды объединился в уме с холодом порождённым страшным, чистым оружием Гая. Позвал Дабл-Пирита тихим голосом обратно к жизни, нечего тут сжимать в руке, не во что пристально смотреть. Согреться бы, хоть каплю, чтоб не ломило до костей. Ощутив себя целым, Бест решил, что ненадолго, что тут же одному из них и оторвут руку массы мчащейся рывками, потоками горько-солёной воды, однако, схватив парня за руку, не отпустил. Течение взбрыкнуло, закрутилось на месте и швырнуло обоих наверх, в область неподвижной воды. "Всплывать!.." Бест подтянул борца к себе и заглянул на минутку в лицо. Далёкое, потустороннее... Грустное-грустное. Дабл был в сознании, но пребывал далеко. Смотрел на мир живых, но — со стороны. Огненный круг слабо светился в зелени воды. Лицом Царя-на-Троне было для него лицо Беста. Он не понимал произошедшего и пока что не желал понимать. Только вдох и выдох... Только укусы холодной, из вспышек состоящей воды. Он не нырял прежде. "Сомневаюсь, что ты позовёшь дракона... Ну, хотя бы держись. Большего не требуется от тебя".

Бест начал всплывать. Надеясь, долго несло их прочь, что наверху не окажется бешеного течения и хищника моря. Тот, кто создал тень Тысячу Луков не караулит. Подбирает на дне.

На поверхности беснующегося моря они провели недопустимо много времени. Самая опасная часть Великого Моря, это его поверхность. Внимание приковано к ней. Наверху — пища... Тёплая, прекрасная... Нет опасней момента погружения и взлёта. Бест звал Белого Дракона. Тот опускался и в брызгах волн исчезал. Не мог подхватить его. В гонках, в игре получалось, а тут!.. Бест успевал провалиться между водяных гор. Видел только свет крыльев дроида. Пробовал снова. Получилось со стотысячного раза, когда дракон проявился, а Беста подкинуло на огромной волне. Море само забросило его на драконью спину. Руку пришлось отпустить, но даже усталому, окоченевшем Бесту выловить парня не составило труда. Как коршун. Ловко перекинул поперёк белой спины, и с явным облегчением дракон направился в высокое небо.

Бест глянул на парня и застонал. От гнева и разочарования. Осмотрел себя, ничего подобного. А на татуированном плече, от ключицы вниз расползались отвратительного, пугающего вида, подобные бензиновым радужным пятнам, остатки ядовитой стрелы. "Проклятье!.."

— Ты слышишь меня? — тряхнул его Бест.

— Слышу... — с полнейшим безразличием почти пропел юноша, глядя мимо, в облачные миры.

Такой мощный борец, нечеловечески кружевной от татуировок, и миловидный как девушка... С узким лицом, огромными, чёрными глазами, пустыми и ясными. Огненный Круг горит, вращается медленно.

— Ты понимаешь, что я говорю? — ещё раз спросил Бест.

— Понимаю...

— Слушай. Ты ранен. Ты должен позвать дроида. За рамой Собственного Мира тень исчезнет. Это твой единственный шанс. Ты понял меня?

— Да, — ответил юноша и не сделал ничего.

Пятна расползались. Бест повторил:

— Позови своего дракона.

Юноша поднял голову, сфокусировал взгляд:

— Кто ты?

— Да какого чёрта уже!.. Ты слышал меня?!

— Нет...

— Отправляйся в свой мир! Немедленно!.. Взгляни на свою руку!

Это сработало. Через минуту Дабл-Пирит лежал, обхватив шею дракона, молочно-белого, перебирающего лапами. Он прошептал дроиду: "Домой, домой..." А сам задержал его и спросил:

— Твоё имя?

— Бест. Удачи.

Белый дроид умчался, змейкой нырнул в груды потемневших облачных миров.

Глава 47

Глава 47.

"Как же холодно... Если б не медальон..." Курсировавший над Архи-Садом Гай настиг его. С каменным лицом. Молча. "Ладно, — подумал Бест, — моя первая реплика..."

— Гай... Всё это очень странно. Ты мог бежать... Короче, я долго ничего не спрашивал, но... Тебе что-то нужно. Притом, не здесь, а от меня. Что, Гай? Ты дрался не за свою, а за мою жизнь. Так что тебе надо?

— Я... Все дьяволы извращённые адских, морских глубин!.. Я... Бест, я не собираюсь конфликтовать ни с кем в вашем саду!

— Я не гоню тебя! Я имею понятие о благодарности. Гай, что?

Хищник нервно провёл по шее рукой: он не имел запасного шнурка с собой, хранил в Собственном Мире, и чувствовал себя отвратительно безоружным.

— Бест, клянусь, это сложный вопрос! Не могу... Завтра. Завтра подряд расскажу, а ты суди тогда...

Бест поднял руки примирительно:

— Хорошо, ладно. Знаешь что... Я замёрз. Сегодня слушает встречу Аурору, председательствует Борей, я могу быть свободен. Составишь компанию? В стороне, поближе к огню. Мы нехило поплавали... Поныряли. Как звать? Дабл... ня? Не преследуй его, когда встретишь. Это личная просьба, Гай.

— Да. Мне всё равно...

— Слушай, — внезапно отвлёкся Бест, — а тот парень, похищенный с Рулетки, твоей милостью, с нижнего этажа, есть ли вероятность, что он...

— ... жив? Есть. Клок не любитель безделушек. Он похищает ради "преврати-убеги". Так развлекается, смотрит, сколько удаётся гостю пройти. Разгадать его задумок, убегая из мира. Сколько ловушек преодолеет... Если результат хорош, а убежать-то, сомневаюсь, удалось ли кому, настигнув в очередной ловушке, потребует переделать кое-что... Новенького понастроить, что придумал... Ты понял, заковыристых препятствий... И отпустит за это... Может быть... Вообще-то он должен спросить у меня. У охотника. От врага избавлялся или нет? Так положено.

— Гай...

— Да понял я. Но это, если захочет отпустить. А если решит превратить самостоятельно в ловушку, то спрашивать не обязан... Я перебил тебя?

— Нет, я сам себя перебил, вспомнилось. Пошли, вместо Общей Встречи спалим "можжевеловый мёд" отдельным костром!.. Пить охота! И ты расскажешь мне...

— Да я не знаю даже с чего начать!..

Но именно так они и сделали.

Странный разговор сложился у них. Вполне предсказуемо странный для такого человека как Гай, который в страшном сне без крайней нужды не поделился бы вслух, ни своим горем, ни воспоминаниями, ни растерянностью. Он то и дело касался горла рукой, трогал несуществующую бусину, крутил её, терял, нахохливался, уставившись в зелёное пламя, зверьком прячась в себе... А потом откидываясь к ночному небу, ему рассказывая, ему, собеседника мимо... В монологе он делал ударение на каждом слове. Особенно поначалу. Перескакивал с темы на тему, во времени, днях и годах, неустойчивый как ветер между двумя сезонами. То буйный, торопливый, то на одном месте кружащий. Отчаянно повторяя фразу по

нескольку раз, проваливаясь в глубокую меланхолию...

В двух словах обрисовал он с точностью технаря Оракул Буро, сам принцип. Ещё в трёх словах всю свою жизнь хищника, проведённую в бесплодных попытках создать Лал, найти Лал, рассчитать инструмент, Сетку Воспроизведения... Остальные слова посвящались Юлии Альбе. Бест уточнил только:

— Ты все варианты делал своей рукой? Не нашёл гостя, помощника... Не искал?

Гай кивнул рассеяно, сквозь Беста, сквозь светлые пряди кивнул кому-то, мыслям своим. Пламя костерка, искристое, зелено-золотое, не окрасило теплом взгляд, напротив, блики подчеркнули серые глаза, без отклика живому пламени, тёплой его игре.

"Можжевеловый мёд" — древесина. Создавал на продажу один чистый хозяин в мире друга, который на рынках не появлялся. Да и продавец не покидал шатра ради пыльных рядов. Зарок привёл изгнанников покупателей, это было его, бродяжки, небесное знакомство. Плотную, ароматную саму древесину изгнанники хранили в "меду", сухих, бывших жёлтых, а так голубовато-белых цветках. Получалось — великолепно! Целительно. Обычно её лишь добавляли к костру. Экономно, понемножку. Но затем Бест и пожертвовал ей, чтобы аромат помог разговорить и успокоить загадочного, зловещего, — расправу на Рулетки Бесту предстояло долго пытаться осмыслить, простить... Себе в первую очередь!.. Дроиды, отчего медлил, чего не понял, о чём думал!.. — сильного хищника.

— Понимаешь, — продолжал Гай, нимало не следя за мыслью собеседника, — она была не такая как все... Да знаю я, что ты думаешь! Штамп, да?.. Не одну же механику я читал в жизни, но клянусь тебе, — не такая!.. Бест, я знаю, что повторяю тысячу раз повторённое, ну, можешь ты поверить мне?! Юлию Альбу сравнить с другими девушками, не важно, хищницами ли, чистыми хозяйками, всё равно, что... Что... Вот, солнечный свет сравнить — с нарисованным солнцем: кружок и лучи!.. Вот, его нету для вас, изгнанников, а день всё равно есть... Над морем, над континентом. И ты знаешь, что там, в небе, выше высокого неба — оно есть! За мирами, за рамами — есть!.. Всегда это знаешь. И ночью, и днём... Понимаешь меня?

Далеко за деревьями шумела и смеялась многолюдная Общая Встреча ради Слов, Бест невольно прислушивался и к ней. Приятный, ему бесконечно близкий, то упорядоченный при разглядывании, как тихие волны накатывающийся шум голосов, то хаотичный при перемене воды...

— ... в ней, Бест, в её облике царило что-то... Царило?.. Было что-то... Излучалось... Что-то непобедимо покровительственное. И мне нравилось это! Я и по годам был моложе, был Восходящим, она хозяйкой мира уже... Но это неважно! Я сравнивал потом, встречал много хищников старше себя, и парней, и хозяек, много старше, но не узнал бы, не спросив о годах... Они легковесны, пустоваты, пусты... А она... Нет! Она даже более воздушна! И, тем не менее, вблизи, рядом с ней, вот, как у костра... Как в Собственном Мире, но не наяву, а во сне, когда чувствуешь — я дома!.. Нет, наяву не так. У меня. А у неё в Собственном Мире было именно так! И рядом с ней, просто рядом... И что интересно, тот шлейф... Шлейф тепла, нет, прохлады, распространялся как будто и во времени вокруг неё, Альбы... Когда расставались... Мы надолго не расставались. И прежде чем встретиться заново, прежде чем завидеть её на драконе, у Мелоди, где она... Я чувствовал тепло... Нет, прохладу... Её. Своё. Тепло... Разливалось от сердца, от Огненного Круга... Чем больше прохлада обвивала его, тем теплей разливалось... Наружу... Я знал без сомнения, что значит, скоро увижу её, Юлию Альбу. Можешь не верить!

Бест верил. Он даже больше верил, чем Гай мог предположить... И каждое новое слово подтверждало его догадку.

— Я создавал эскиз... Он абсолютно не волновал меня как часть будущего!.. Но очень — как процесс!.. Проект... Одно цепляется за другое, время уходит... Я ужасно, до суеты бывал занят. Восходящие всегда суетливы, нет? Беспокойны. Юлия вдохновляла меня, её присутствие. Иногда открывала глаза на ошибку. Что обыкновенно переспрашивают у своего дроида, я спрашивал у неё... Я предпочитал по годам собирать. Одну эпоху в гравюрах одной древней страны, другую в другой. Иногда ошибался. Когда мало деталей во Впечатлении, примет времени, костюмов, а картинка хороша!.. Я не чистый технарь, Бест! А иногда я просто не знал, какой воздух должен быть в завершённом зале с коллекцией, какая область Там за окном, какие доносятся звуки, запахи... Мой дроид, он был между Сад и Дом, семейство Музей. Дроид-коллекционер, забавно, да? А Юлия Альба, когда гонялись бродяжками в небе, вдруг останавливала меня под дождём... Бывало, в сыром воздухе, после ливня, после грозы... И говорила: "Прислушайся!.." Вдыхала глубоко, и я вдыхал, уже и не Впечатление, а так, небо... И понимал сразу, какой воздух за окном, какой свет, блуждающий мягко между картин, мимо них, не задевая, встречая и провожая гостя, хозяина, заходящего в зал... Так не бывает, но получалось даже лучше, чем может быть...

Гай сделал длинную паузу и сосредоточенно продолжил:

— А она сама обладала такой способностью... Особенностью. Мы, бывало, гуляли, не гонялись, а медленно летали среди облачных миров, от рамы к раме. Заглядывая, иногда стучась, слушая дверные колокольчики, угадывая, как зазвенит... Бывало, с той стороны к нам подходили поболтать. Некоторые приглашали... Дни напролёт мы проводили так, небесными бродяжками. И в полёте, мне помнится, когда Юлия Альба дремала вечером или задумывалась глубоко, её неотрывно провожал луч. Из какой-то мне не видимой рамы. Не время от времени, не как обычно, коснётся глаз и пропадает, а долго!.. Я удивился очень, заметив в первый раз. Она пожала плечами... И рассмеялась.

На этом моменте Бест тихонько покивал грустным мыслям, которые предпочитал держать при себе. "Скоро Гай попросит меня обратиться к первой расе... Спросить, что означает не растворение Белого Дракона. Спросить, где она... Снова долго, а главное напрасно, пытаться объяснить на сей раз хищнику, как оно изнутри выглядит для меня, общение с дроидами... Как будто разъяснения подсластят отказ. Как будто ему нужны мои объяснения... А не результат. Господствующий!.. Умора. Над первой расой, над холодом и теплом!.. О, это звучит!.. "Господствующий", ребята, означает — соблюдающий законы. Голос имеющий при обсуждении их. А по жизни... Кого лично знал, про того я чувствую главное, да, тепло и холод. В пространстве распахнутом, это так... Как спросить про кого не знаю, ну как?! Что я должен почувствовать, не зная о ком? Все же вопросы, все — состоящие из слов! — вопросы попадают в законную для дроидов вероятность: один ответ против десяти тысяч отказов. Только мне не пришлось выдумывать эти десять тысяч, дроиды либо ответят, вот с такой вероятностью, либо нет. А сам кое о чём спрашивать их я должен... Обязан. На крутых поворотах... Но твоя, Гай, печаль — совсем не новый поворот..."

Гай продолжал:

— Юлия Альба, она была как ветер... На том мысе Морской Звезды, что выдаётся оконечностью за Туманное Море дроидов, в открытые волны... Постоянна... И непредсказуема в порывах... Неисчерпаемая свежесть... Всегда радостный, свежий ветер океана. Ладно, я Восходящий, влюблённый смотрел так на неё... Но ведь и её Собственный Мир я заставал каждый раз другим!.. Близким-близким, ближе чем Огненный Круг в груди, и украшенным заново!.. Дом изнутри... Убранство арок и комнат за ними. Она не создала дверей и создать не просила, везде округлые арки... Ткань украшала их, но и та не заслоняла. Такой полупрозрачный, путанный и целиком открытый дом. Она многое делала в ручную. Своими

руками, а не с помощью гостей.

— Как мы в Архи... Деревца, дорожки всякие.

— Да. И вот ещё необыкновенная черта... Вспоминая, я обратил внимание... Подлетаю к раме, вираж... Дракон подбрасывает, ловит... Давно он не делает так, на гонках разве, а раньше часто... Звонюсь... Колокольчиков связка многоярусная долго поёт, перекликается... И пока поёт... Тропинка за рамой в голубой почему-то, голубой траве... Тонкая, колоски склоняются с одной стороны на другую... Под голубым же небом, ясным всегда... К белому её одноэтажному домику почти на горизонте... Редко бывает, правда, Бест, чтоб мир просматривался от рамы. Чаще прихожая демонстративна и создана отдельным закутком, кустики, закоулочки, чёрт знает, чего там за ней... Не так было у Юлии Альбы в её Собственном Мире. И цветки в этой траве ярко-голубые, лён чуточку, васильки, васильки... И под звук колокольчиков, не заставляя ждать, она показывалась там на крыльце... Ни разу не застал её в поле... Крыльцо, три ступеньки, навеса нет... Она шла ко мне через всё голубое поле... Не быстро и не медленно... И все-таки медленно, долго шла... И мне это очень нравилось! А пару раз, когда провожал до рамы, внутрь не заходя, пропадала она внезапно: только ступила на тропинку — глядь, и нет её в поле, в светлом. Светлой, растворившейся... Да, одевалась в белое. Чего не меняла так это фасон платьев, всегда длинные и простые... Танцевала, правда, с иссиня-чёрным шарфом... Пропадая за ним, появляясь... На Мелоди... Однажды в Собственном Мире, на крыльце, я лежал у неё на коленях, а она гребнем причёсывала меня, то себя, то меня... И я обратил внимание, что одет в лазурное что-то, блёклое, как трава выгоревшая, на белом песке, у порога... И волосы, длинные тогда, белые... Она переплела васильками, пока спал, теперь расплетала... Цветки голубые, волосы белые, как её платье. И я пошутил: "Ты выбрала меня под цвет своим владениям, королева..." И она ответила...

"Я не выбирала..." — подумал Бест и кивнул, услышав слово в слово.

— Мне почему-то показались странными эти слова, — сказал Гай, — хотя, если задуматься, чего тут странного? Что не отшутилась, не согласилась в шутку?.. Самые обычные слова. Никто никого не выбирает. Думаю, и судьбу вообще. И повороты только кажутся поворотами... Я знаю, чего ты ждёшь, Бест. Что я попрошу тебя об услуге. И вижу, по какой-то причине, не знаю, но это напрягает тебя. Я вижу. Если можно, просвети потом. Я не стану просить. Я совсем не уверен, что именно мне нужно, совет ли, присутствие, ситуация... Знаю только, Оракул сказал, что ты — мой Оракул! Что дальше, он не сказал...

— Буро, это кто? — спросил его Бест.

— Извращённая тварь. Хищник с Южного... Чудовище Моря. Не, он выглядит почти нормально, и с ним можно иметь дело. По правде говоря, с ним лучше вести дела, чем со многими и многими!..

— Познакомь?

— Для чего тебе? А, ладно, как угодно... Бест, послушай! Всерьёз говорю, некуда мне деваться. Ты — мой Оракул! Я вынужден был поверить ему, Биг-Буро после всего, что видел и слышал, в чём принимал непосредственное участие. Вслепую. Я не верил! До последнего раза. Послушай, Бест! Не думал, что когда-нибудь произнесу такое даже в шутку... У нас на Южном есть охотник, для группы чаще всего охотится, для игроков Против Секундной Стрелки. Но не играет. Он так удачлив, так адски успешен, что принят одним из нас... Так вот, однажды он спас парня. Только чтобы продать! Но не вышло. И этот парень теперь ловец, ну последняя фаза охоты, игрок группы, и его... — личный телохранитель! Представляешь себе, как Чёрный Дракон! За плечом ходит... Густав долго ему не верил... Да и кто бы доверился, на Южном!.. Послушай, прошу тебя... Позволь на время быть чем-то вроде него... О той же роли прошу. Я буду драконом, телохранителем тебе, как своему Оракулу...

— Гай... — Бест задумался и начал издалека. — Долгие годы, когда мы ещё ночевали в пещерах, жили там, звали сами себя пещерными изгнанниками, среди изгнанников не было хищников... Слишком дорога последняя опора, телохранитель, Чёрный Дракон. И взаимное доверие в тесной пещере слишком дорого. Хищные хозяева, понятно, тоже не заходили... Ты понимаешь, изгнанник слишком лёгкая добыча. Некуда спрятаться. Некуда бежать. Зато мы шустрые в гонках, да?! Ситуация здорово переменилась с тех пор... Но главное не изменилось... Гай, оставайся сколько хочешь. Я буду рад попытаться вместе с тобой разговорить Зеркальный Дневник, если к этой истории и впрямь отношение имею... И вообще, обменяемся знаниями, походим на Техно вместе. Я многого там не понимаю, ты меньше знаком со штучками дроидов. Но... Но, Гай... Но — учти... Памятуя о последнем дне на Рулетки... Один погибший из-за меня человек — и я не хочу тебя знать. В любом случае. При любых условиях. Спасибо за то, что мы живы. Прости за эти слова. Но они — окончательные. Правда, что вы на Южном зовёте Олеандра демоном? Он не демон. Однако тот, с кем рядом обычно ходит, может сделать Морскую Звезду необитаемой меньше, чем за день. Не угроза. Объяснение. Архи-Сад не нуждается в стенах.

— Принимаю! Бест... Если ты спросишь у дроидов... Они ответят?!

— Вот это "если", Гай, оно очень многогранно... Оставайся, отвлекись. Гони местных увальней от бассейна и займи его на сезон!.. Он теряет помаленьку свои качества, пользуйся пока можно. И посмотрим, что будет дальше...

Костёр догорел. Угли светились под золой, вился благоуханный дымок. Жар исходил от кострища.

— У нас не торгуют... — лишний раз мимоходом решил напомнить Бест. — Пирамидок не ставят...

Гай обернулся к зелёным кострам за деревьями:

— Бест, я не трону твоих людей!..

Вытянулся на земле и провалился в сон.

Полудроиды обыкновенно во сне наблюдают всплывающие Впечатления. Не отчётливо, непоследовательно. Но долго. Многие и коллекционируют их, выпивая, а не в бутылках ради таких снов, калейдоскопов, не прикасаясь к Чистой Воде забвения. Но Гай был растерян, устал, неспокоен. В этот раз ему снилось прошлое, притягивало... Как танцевала Юлия Альба на Мелоди. Вместо иссиня-чёрного шарфа такой же веер в руке, огромный, полупрозрачный. С веером и со своей тенью. Нестоящей, обычной тенью, в смысле. Отбрасываемой на распахнутые крылья Белого Дракона. Белый дроид парил, следуя за ней, с другой стороны озарённой. Свет дешёвого, мерцающего от старости трёхглазого фонаря, исходил плотными, прерывающимися лучами. Что добавляло шарма танцу и атмосфере.

Дракон тихо летел... Дроиду нет реальной необходимости совершать движения, летя. Кроме непостижимых человеку, внутренних. Когда они машут крыльями, лапами перебирают, отталкиваясь от небесных просторов, они не более чем придуриваются, подыгрывают человеку, шутя. А вот кувыркаясь от ликования, отвечая на зов, унося всадника, вольно, стремительно, не удерживаясь от кувырка, тогда они совершенно искренни. И той ночью, оставаясь в потоке лучей от трёхглазого, носимого ветерком фонаря, Белый Дракон Юлии Альбы танцевал... Торжественно, полностью расправляя и складывая поочерёдно крылья, как два белых веера в противовес, в унисон её атласному, чёрному. Одному ему ведомым способом дроид сделал так, что абрис её, гибкий силуэт танцовщицы, чётко видимый с обеих сторон крыла, то следовал, то отставал, повторяя движения. Стремительным вихрем развернувшись в танце, Юлия Альба

летела порой навстречу своему теневому силуэту, чтобы иллюзорно обняться и разминуться с ним... Танцуя в одиночестве и в безупречном союзе, в гармонии ненарушимой, абсолютной... Что-то пугающее есть в такой гармонии. Впрочем, безмолвное восхищение зрителей окружило их, свидетельствуя об ином, даже флейта сбивалась, добавляла трепетную живость, вкупе с догорающим фонарём. Воздушная, радостная, сколько помнил её, в изумившем Мелоди танце, в эту, последнюю ночь Юлия Альба была пронзительно отчуждённой...

Для интересующихся устройством Туманных Морей и сферы дроидов вообще иметь в приятелях неизначального дроида, бывшего человека, ограничений на которого, на дроби и дроби дробей и серьёзных запретов куда меньше наложено, — невероятная удача! Когда Индиго появлялся в Архи-Саду, известие живо разносилось и притягивало народ. Страстно любопытствующих, как Амарант, и просто любопытных. Индиго, холодный дроид, соблюдал дистанцию по вертикали. За счёт высоты. И на лице его ясно читалось удовольствие от такого факта!.. Когда народу окончательно надоело любоваться на него, запрокинув голову, стал пребывать между двумя зелёными кострами. Не уступая им в яркости, пыля лазуритовым светом... Ему огонь без разницы, а людей он ограждал.

И каждый раз встречи их заканчивались одинаково. Проявлением слегка разгневанного Доминго с указующим перстом — то в облака, то к себе. И тут за ореолом лазуритовым, на торжественной физиономии Индиго отражалось достигшее совершенства удовлетворение жизнью, прямо в надменной мине, с приподнятой бровью такой!.. Бест мог бы поклясться, без обид, что для того всё и затевалось! Навестить его? Конечно... Навестить друзей, заинтриговать темой разговора, запутать словами дроидского эсперанто... Да, ладно! Индиго большую часть жизни человеком бессознательно рвавшийся в сферу дроидов, осознавший это лишь под конец, только затем и сбегал в сад, чтобы владыка пришёл за ним!

Так или иначе, но дроиду Индиго были страшно рады в Архи-Саду. При последнем визите очень интересную и неожиданную вещь он упомянул, отвечая на вопрос о зримом, пространственном устройстве сферы дроидов. Такой, как предстаёт она для всех них в "общей форме", то есть человеческом облике высшего дроида.

— Ландшавты? Реки, горы, поля? Рек нет... А равнины есть, конечно. Турнирная площадь... — Индиго мечтательно улыбнулся. — Лабиринты Бегства... Гора Фортуны есть... Понимаете, там всё наоборот... Всё не рядом, а внутри... В сфере людей, если хочешь попасть куда-то, значит, оно есть в какой-то стороне, туда и идёшь, в ту сторону. Ну, если точку отсчёта, начало пути принимать за центр... Так ведь люди и делают: исключительно от себя считают!.. В сфере дроидов ты всегда снаружи, на периферии. Счётчики, не высшие, связующие дроиды на периферии вообще. Одиночки второй расы 2-1 вокруг семейств 2-2. Дроиды этих семейства вокруг трона владыки. Меньшие семейства вокруг четырёх основных... Вокруг турнирной площади четыре трона... Чем общее, тем центральней! Чем личней, тем наружней! Любые два антагониста тоже, вращаются... Первая раса тоже... И вот, если хочешь или нужно тебе попасть в сфере дроидов в какое-то место, идёшь в центр того, где находишься сейчас. Например. Турнирная площадь, она самое общее место. Если встать ровно в центре её, — чаще, ха, свалиться, ну, быть сбитым с коня... — окажешься на "Сапожке". Переходные сферы, необитаемые. Иногда, места блокировки дроида. Ну, одна функция подразумевает другую... А-а... Вам не понять... Так их два и они связаны "Шнурками". Где узел, там следующий центр. Оттуда попадаешь уже в Лабиринт Бегства. Что характерно, в дальний... И так до Фортуны...

— Индиго, а подробней? Как оно всё там воспринимается? Выглядит? Расскажи хоть про самый центр, что за гора Фортуны?

— Гора? — неожиданно удивился Индиго. — Это я так назвал? Это здание! Храм... Фортуны. Огромный словно гора, точно. Недостроенный храм...

Рты пораскрывав, переглядывались его слушатели. Соль вертела головой от Амаранта к Бесту, не желая встревать и гадая на каком из удивительных слов, кто заострит внимание? Храм? Недостроенный? Фортуна? Парни тормознули, а встряла непосредственная Мурена:

— Дроид новоиспечённый, ты хоть понимаешь, насколько странны твои слова?!

— Распрекрасно понимаю!.. — захохотал дроид, поглядывая вверх, далеко ли владыка Дом...

— Валяй дальше! О главном, значит о главном, что такое Фортуна?

— Фортуна, Мурена, это богиня!

— Дроиды верят в богов??? — это уже Бест не выдержал, не очень-то он и всерьёз относился к разглагольствованиям Индиго.

— Дроиды верят в Фортуну... Зря ты так глядишь, Бест, я не шучу.

— Не, фактически... Дроиды обращаются к богам? К богине? И чего просят?

— Э-э... — протянул Индиго задумчиво и фыркнул по-драконьи. — Просят? Зачем? Ей виднее... То и прекрасно!

— То есть, вера дроидов не подразумевает отклик? Во что же они верят?

— Проклятие дроидов, Бест! Богиня не значит — вера! Ну, ладно твоими словами... Верят в то, что она — есть... Да почему "верят", когда она — есть?! Судьба, Бест, фортуна! Говорю, как дроид!..

— А храм зачем?

— Э-э... Храм? — ещё раз неожиданно удивился Индиго, что и на своё же слово "гора" чуть раньше. — Фррр... Гора Фортуны... Храм, я так назвал её?..

"Здорово переменился..." — пробормотал Амарант, в искренности дроида не сомневаясь. Индиго вышел из недоумений:

— А, ну, да... У людей же термины постоянны... Всё время забываю. Одно слово — один блок, как бы запомнить... — Индиго постучал светящимся пальцем по светящемуся, лазуритовому лбу. — Запоминай дроид, забудь, что внутри блока всё перепутано... Не важно, одно слово. Блок возможного, блок целиком... Вы, друзья-изгнанники, хотите услышать разные вещи от меня, про одну спрашивая. А я как дроид улавливаю это и должен соответствовать! Так и образуются разные слова... Гора Фортуны, это полое здание. Его строил, его уравновешивал, его представлял собой... Фу, ты, как тут сказать?! Был такой тёплый дроид второй расы, Феникс... Из дроидов желания, что перешли в 2-1, предпочтя свободу при отделении семейства Августейшего. Тёзка твой, Феникс! Его имя обладало значением двух фаз, двух стадий, заменило собой обязательного антипода... Он часто служил семейству Там и близким ему, его составляющим, особенно Мост, которому и принадлежал бы... Но и тут предпочёл свободу... Как чувствовал... Холодные семейства, они по отдельности, а тёплые все когда-то входили в Там. Он им служил. Проводником до края. Любого. Если Восходящий не знает, как подступиться к определённой теме, его дроид не начнёт искать и подсказывать. Решить-то сам человек должен. Ещё он был неплохим переводчиком, если дроид, что редкость, в принципе не может Восходящего понять. И настоящим переводчиком с необщего дроидского на человеческое эсперанто... Ох, Бест, я — неизначальный дроид, а как мне такового уже не хватает!

— Удивил!.. Мне всю жизнь, Индиго, с человеческого на человеческий, как переводчика не хватает! Вот тебе, например, я элементарных вещей так и не сумел объяснить!.. Что потеря, а что приобретение.

Дроид замотал головой и засмеялся, снова на оглядываясь на облака:

— Не, глупости!.. Это как раз — Фортуна! Так вот, Феникс служил, но после всегда уходил. Влияние его росло, но он не образовывал семейства. И после турнирной победы, когда иные перебегали к нему, а услуги иных получал по жребию... Сохранял как двунаправленные связи, перепутывал всех со всеми, к центру не сводил... Храм Фортуны, он вот какой, красивый... Мне нравится бывать в нём... Он конический, огромный-преогромный!.. Высоченная коническая гора, с широченным подножием, с обрезанной вершиной... На треть, если так прикинуть. Здание. Внутри — пустота. Храм. Стены. А снаружи поднимается, как раковина завитая... Нишами. Ниша — арка сквозная, две колонны по сторонам. Наверх и по солнцу: арка две колонны... И так далее, и так вышее!.. Нету лесницы, ход изнутри наклонный от одной к другой арке. И так до самого верха. Она не достроена, но видна до острия, до пика! Брезжит, у подножия если стоять... А если подняться — нету... И это справедливо, мне кажется... Что обычный дроид 2-1, не владыка семейства стоял в центре и почитал Фортуну, и поднимался, а докуда поднялся, на той высоте в центр уже не ступить, нет хода, и если спускаться — наружу с последней арки выход... Дальше, глубже, центральней Храма Фортуны нет пространств в сфере дроидов.

— А почему не достроил? — спросила Соль.

— Влюбился, — бросил Индиго, как само собой разумеющееся.

— А-а?.. — сказала не только она, многие.

— Он полюбил, — уточнил Индиго. — Я снова неправильно выражаюсь? Законы дроидов, без дробей, без возмездия не остающиеся запреты, вы же знаете. Тысячу раз говорено, нет?

— Да, но...

— Не заводить любимчиков, — заново начал Индиго и третий раз не преминул покоситься наверх, улыбнувшись своим мыслям, — не воплощаться, и если уж воплотился, не признаваться в этом. Не открываться человеку. За последнее нарушение — прекращение дроида. По вашему — смерть.

— И что?..

— И Феникс нарушил сразу третье! Бишь, сразу три, недолго думая... — Индиго сделал паузу, и тон его изменился к прежнему, к человеческой категоричности. — Он, вообще-то, правильно сделал... Помните поверие ваше, человеческое: любовь дроида приносит несчастье. Так и есть. Владыки раньше, куда раньше людей это заметили. Сколько было попыток законы подвинуть, как-то их обойти. Все заканчивались крушением для человека. А Феникс не стал торговаться с судьбой. Приглядываться, медлить, хитрить... Он полюбил, воплотился и немедленно признался в этом. Ты, Бест до сих пор держишься за какие-то странные представления, будто я много потерял, при переходе... Да самый заурядный одиночка, который понадобится владыке раз в сто лет, могущественней всех владык человеческих от начала мира!.. Дроид, заведший любимчика, покровительствующий ему — великая сила, особые обстоятельства... А Феникс пропустил как бы этот этап, свёл до секунды любования, чистого изумления... И — бац, воплотился. Ушёл в новый облик. Без колебаний стал приобретать его, когда пожелает. Каждый свободный момент!.. Ну, и сказал сразу, признался, кто он такой.

— Небо и море, — Феникс, тёзка героя задумался о предыдущих словах, — это так жутко звучит, "прекращение дроида"... Казнь?..

Индиго наклонил голову к плечу вопросительно:

— Казнь?.. — переспросил он. — Что дальше с ним стало? Феникс погиб на турнире, как дроид. Не мог больше побеждать. Разве не ясно? Чем жутко? Ничем. Он поступил храбро и правильно. Недолгое счастье для двоих. Человеческое счастье никогда не долгое... Друг его стал впоследствии великим коллекционером Впечатлений, чья суть только мысленно зрима. То есть, Впечатлений, с которыми совсем трудно дроидам. А он тесно с владыками общался, был

человеком-мостом. И перед закатом жизни служил наравне с Чёрными Драконами поисковиком в человеческой сфере... Ну, провокатором, разговорщиком. Искал среди хищников коллекции Впечатлений заперта. Он видел Гелиотропа, главу, соответственно, Чёрных Драконов... А мало кто из высших дроидов видел Гелиотропа даже мельком!.. Даже манок Гелиотропа слышал в необщей форме!.. Был предан и очень полезен ему... Долгая жизнь... Печать утраты, да, несмываемая, но какого-то большего несчастья не стряслось... Чем жутко? Ты бы знал, как заканчивались другие истории... Вот где жуть!..

Осмысляли... Надолго притихли. Заканчивалось топливо, припасённое для ночных костров, и никто не рвался идти за новым...

— Индиго, — Соль обратила разговор к истоку, — дроиды верят в одну лишь Фортуну? Есть там у вас ещё боги и богини?

— Как сказать... Нет, других нету, смешной вопрос. Но есть птичка у Фортуны на плече. То на левом, то на правом... То советует принять, то советует отказаться... Певчая птичка с голубым пятном на горле. Тоже богиня. Две, выходит, богини...

— И как зовут вторую, птичку?

— Фавор... Удача, фавор!

На последнем слове белая рука Доминго, склонившего голову в приветственном, к Бесту обращённом поклоне, пренебрегла указательным жестом... И непосредственно выдернула Индиго за шкирку из их тёплой компании, от двух догорающих костров в непостижимую сферу дроидов. Бест ответно наклонил голову и не мог не рассмеяться.

Глава 48

Глава 48.

Напрасно надеялся Гай, что за дроидской болтовнёй Бест забудет намерение свести знакомство с Бутон-биг-Надиром. Не сегодня заимел цель сблизиться, уточнить, выспросить кое-что, да, много чего, у Чудовищ Моря. Понять про них. И как только Гай охарактеризовал таковым Буро, встреча была предрешена.

Мысль о возможном повторении экспансии морских хищников на сушу не оставляла Беста со времени тех трагических событий. За всю свою недолгую жизнь изгнанника он потерял очень много друзей. И тогда... Тогда был вдалеке от них... Не долго ведь, но не мог себе простить.

Недоумение терзало его. Если заполонить материк так просто... Ну, ладно, не просто, но вполне реально, почему не случалось прежде? Известий о подобных событиях не долетело ни с какой стороны. Не отпечаталось в байках, мифах... В рукописных заметках, что по рынкам гуляют иногда... Во Впечатлениях... В песнях... Лиричных и зажигательных, в героических балладах Мелоди не встречался такой поворот. В чём дело?

Бест окидывал мысленным взором Великое Море, в котором достаточно раз побывал на разных глубинах. Сопровождаемый Муреной, естественно, и Изумрудом всегда без исключений. Чёрный Владыка опекал его не хуже, чем Селену, и даже не брал её с собой во время морских путешествий Беста. Во избежание, чтобы не отвлекаться. Изумруд был столь же лишён тактичности сколь и тщеславия, свои и чужие чувства для него — тёмный лес. Так что для Беста это были именно экскурсии. Продолжительный, увлекательные, безопасные, о таких можно только мечтать. Но они не прибавляли понимания. Напротив.

Бест осознал невообразимость многообразия присущих и внешних теней. Теней-ядов, теней-приспособлений, теней полностью имитирующих живое чудовище. Множество их форм, видов, предназначений, сообразительности и стабильности. Он своими глазами с болью в сердце увидел, чёрным пальцем флегматично указанные ему примеры стадий, стремительно извращаемые тела. Формы, через которые проходят морские хищники, полудроиды, люди когда-то... Бест видел всё, что пожелал увидеть. Так почему? Неужели никогда прежде помимо туманных ночей, дольше и дальше побережий они не выходили на сушу?

Разумеется, Бест расспрашивал Изумруда. Не раз, не два. Досконально изучил насколько это возможно на словах, без личного опыта создания тени, каким образом устроены были змеевы, самовоспроизводящиеся, расходные одна для другой... Строительные, высшей степени стабильные на материке, на суше. Понял как, но ни на йоту не приблизился к пониманию, почему он один? Почему лишь это чудовище смогло воплотить подобное?

И у него самого тоже спрашивал! Навещая, имел право от дроидов. Что думает Змей про памятных ему старых хищниках Великого Моря? Вот уж где реакции его и Изумруда совпадали полностью! "Тупые твари!" — дословно. Но и друг о друге они продолжали отзываться в прежнем ключе! Разберёшься тут...

Ближе к истине подошёл Олеандр. Провожавший, встречавший Беста при каждом посещении облачного рынка дроидов... Безошибочно, а ведь Бест не распространялся, куда летал. Сам Змей выходить не мог. Уйти — пожалуйста. Отлучаться — нет. И вот однажды, вернувшись, Бест передал два традиционные привета Мурене и Олеандру, и вслух бормотал недоумённое: "Почему? Почему именно он?.." Олеандр распахнул обычно кроткие, чёрные глаза, удивляясь его удивлению. Рубиново-красное лицо... Всполохи слов — зримые всполохи

алого света... "Змей — великое существо, — сказал, — на вершине, на башне стоявшее... Клин, вершина горы, поэтому... Единственный". То есть, секрета как бы и нет? Не слишком ли просто? Словесные обороты, увы, охватывают, а не проясняют. Не просвечивают насквозь, не показывают шестерёнки. "Великое" — это как? Да что взять с его слов... "Единственный... Для тебя, Олеандр. А в Великом Море — один из тысяч... Так почему удалось только Змею?! И чего ждать изгнанникам в будущем? Не физически, так душевно привязанным к континенту? Чего ждать, к чему готовиться обитателям Морской Звезды, само имя которой на половину состоит из моря?.."

Предложение знакомства порадовало Биг-Буро. И даже польстило. В период змеевой экспансии на материк спасло его чудо, помноженное на сообразительность. В море не уходил. Он был тогда на Файф. А выглянув, сообразил живо, что побережья стали наиболее безопасным местом. Обсидиановые подземелья вдоль них. Возможность вернуться к привычному образу жизни явилась огромным облегчением... На Южном уже, устроившись, окольными путями восстановил картину общую происшедшего. В отличие от Господина Сомы, он не подумал, услышав имя Беста, "какой-то изгнанник". Не обязательно быть посвящённым в детали, чтобы понять: случайному человеку не мог бы достаться центр материка. И не милостью дроидов. Так Буро понимал, отчасти ошибочно...

Озаботился угощением. Запретными Впечатлениями в его шатре и не пахло. Коктейлями, оливками в тот день тоже. Он перебрал одну из архитектурных коллекций, наведённый на мысль вторым именем Змея. Просматривая, выпил и раздарил просто так, без причины всё лишнее своим протеже и любимчикам, старым друзьям. Оставил общую линию... Впечатления зданий, объединённые темой кованных решёток, вьющейся зелени на них, на стенах... Цветущие лианы, деревца в кадках, балконная, ампельная мишура... Расположил по цвету: от яркой лиственной зелени — через белоснежные, жёлтые, солнечные гроздья — до тяжёлых бордовых плетей, украшенных соцветиями колокольчиков. Ничего так, получилось...

Изгнанники отправились узким кругом! И вот какая делегация образовалась...

Гаю Мурена не доверяла ни на грош. Значит уже: Гай, Бест, она... Олеандр по его просьбе, совпавшей с её желанием. Ухаха оставил на попечение До-До. Думал, что оставил... Не успели они приземлиться возле рамы Южного, лохматый гигант уже приветствовал их, распрямляя и свивая хвост в три колечка! Улыбаясь до последних клычков своей пасти. Теперь Мурена могла быть спокойна! Бест вздохнул и смирился с неизбежным. Верхом же, вцепившись в густую шерсть Морского Чудовища, переводил дух До-До, подобную скорость и не представлявший!..

Ещё в компании был Гром. Два года унизительного, но чрезвычайно познавательного плена, среди редких, отборных Впечатлений в обществе чудовища, отменно разбиравшегося во всём, что касается удовольствий, то есть, по факту во всём — истории, идеях пустых и верных, изобретениях и обычаях разных времён, повлияли на него. Гром становился меньше гонщик и коллекционер, больше книжник, ныряльщик. Сперва осторожно, но Великое Море начало неотступно тянуть его. Так бывает с людьми. С Изумрудом в итоге подружились. Кроме того Гром начинал наведываться в борцовские ряды и на один из борцовских облачных рынков... Чего-то не хватало ему. В себе не хватало. То ли борцовских регалий. То ли мощи, даруемой одним лишь Великим Морем в обмен... На что? "Олив, на что? — спрашивал Гром. — В обмен на что ты получил цвет кожи и силу?" — "На всё, — мрачно отвечал Олив, — в обмен на покой". Но Гром не верил ему.

Из шатра Бутон-биг-Надира дохнул подсолённый, свежий сумрак. Глубоководный... Подумалось всем, кто знал. Пахло океанскими далями. Не такой огуречной свежестью, как от шкуры Ухаха, но близко. Мурена и Олеандр, переглянувшись, вспомнили Башню, вдохнули с наслаждением. И оба смутились столь откровенной ностальгии. Бест видел. Она огорчала его, эта тенденция. А впрочем, не теперь началось...

Биг-Буро встретил их на пороге. При всей проницательности, ему понадобилась минута, осознать: изгнанник, интересовавший его — вот этот обыкновенный, широкоплечий парень в дешёвой клетчатой рубахе, типично изгнанническом рванье шаровар... Да, Бест не принарядился, не подумал. Олеандр, подобный пурпурному Лалу... Мурена в монисто чересчур новом, монетки как рыбки, не обманешь меня, не простое у тебя ожерелье... И огромный зверь... Ухаха просунул голову в шатёр, оглядел Буро с головы до ног, улыбаясь, втягивая воздух. Смертоносный глаз дрогнул под шерстью, под чёрной повязкой, другой остановился на короне. Дрогнул и только. "У-у-у... чрезвычайно тихо и низко сказал Ухаха и остался снаружи шатра.

Гай уже рад был идее знакомства. Ему понравилось идти по рынку в такой компании!.. По совершенно пустым рядам белым днём!.. Мимо пологов из которых выглядывали любопытные, встревоженные носы торговцев сразу над носами их Белых Драконов, верхом-то спокойнее, ха... Представив гостей по очереди, не позабыв про Ухаха, Гай нашёл себе уголок и устроился там. Возле ковра с бокалами и подушками вокруг. Под каждым бокалом круглая салфетка, подсвечивающая его снизу. Радужная в зелёный. Ими и освещался шатёр, ни одной пирамидки. Любезность. Знак вежливости со стороны Буро, который мог оценить только Гай. Изгнанникам неведом этикет хищников, которые всегда подразумевают возможность и... — легитимность?.. — случайной охоты, даже когда все свои. Буро сам наполнял бокалы из высоких, тонких бутылей последовательно.

Разговор не клеился, но к счастью никто не пытался его склеить. Тишина и наслаждение связными Впечатлениями устраивали гостей. Олеандр дышал воспоминаниями в сырой прохладе шатра, игнорируя повышенное к себе внимание, не привыкать. Мурена размышляла, насколько одно Морское Чудовище, вернувшееся на материк, подобно другому? Обликом нет. Амбициями?.. А кто его знает... Но богатством и вкусом к жизни... Да, определённо похожи. И что у него там, за ширмами в глубине?..

Бест сделал осторожный глоток, впустил в свой ум Впечатление влюблённой парочки возле мшистой, древней стены особняка, молодой июньской зелени, берёзок пробивающихся прямо из плит, щебета птичьего... И обругал себя: "Дроиды светлые, направляющие к благому, какой же я идиот!.. Придти с вопросами о Великом Море к существу бегущему от него как можно дальше! В крупнейший из рынков земли, в сухость и пыль, во Впечатления, подобные этому... Лучше не мог придумать! Всё равно, что пощечину дать. Прилюдно и без причины. У меня помрачение было какое-то..."

Когда старинные замки, кованые ограды, плющи и лианы, сценки с беспечными людьми подходили к концу, и цветочные гирлянды приобрели багряные, закатные тона, Бутон-биг-Надир обратился к Олеандру:

— Если юноша когда-нибудь откроет секрет, как превращаясь в Морское Чудовище, превратится в дроида цвета Лал, он очень утешит одинокого старика, не сталкившегося с подобным...

Кроткий Олеандр ответил неожиданно прямо и быстро:

— Если у хищников рынка уважаемый Биг-Буро выкупит для меня человека с пирамидки, отпустит передо мной... Он услышит желаемое.

Сказал и, сидя, учтиво поклонился. Буро улыбнулся:

— Авансом!.. Половину ты сообщил мне авансом. Непременно!..

Не вставая, поклонился тоже.

Мурена же прислушалась к голосу своей прирученной тени и обомлела. Монисто давало совет... Общий — совет... Тень — давала — общий — совет! Обалдеть...

Суть такая... Без разницы в какой схватке, монисто предоставляло Мурене неоспоримое преимущество тем, подо что было заточено. Отследить и указать направление внимания противника. Направление атаки. Следующего броска. Это всё. И этого достаточно, пока оно на ней. Монисто, способное задушить без труда хоть человека, хоть демона морского, Мурена на волю не отпускала ещё. Слушала его подсказки и обходилась своими силами, скоростью... В том-то и суть, что подсказки это нормально для тени, они конкретны, сиюминутны! Тени двойственны и они двух видов: сила и чуткость. Туповатых, весьма агрессивных теней большинство среди внешних. Чуткие оставляют присущими, встречаются среди них такие: вынюхать и куснуть, вынюхать и толкнуть к бегству. Муренино ожерелье, хоть внешнее, относилось к первому чуткому типу. Яркой агрессии. Поэтому столько внимания требовало к себе. Увы, Бест, подсознательно Мурена хотела оружие, его и создала. С хорошей мощью, но ординарной реакцией, направленной одну на быструю подсказку...

Пока Олеандр с Буро обменивались несколькими фразами, подсказку Мурена и возжелала получить. Из любопытства. Вне конфликта. Вообразив, что начинает его. Ожерелье молчало. Пустых мест в Буро не унюхало. Намерений тоже. Ладно, как рукой, мысленным взором Мурена провела по его монеткам, чуть-чуть оживляя их... "Бежать!!!" — возвопило ожерелье. И всё! Слепота! Куда бежать-то, тень тупая, в какую хоть сторону, от какой атаки?! "Ого, — подумала Мурена, — вот так дела!.." Встревожено она прислушалась снова. Монетки молчали... Затаились... Они хотели жить!.. Сними Мурена ожерелье сейчас, брось его как лассо, оно бы не обвилось удавкой, а переметнулось к врагу!.. Но сидевший напротив хищный изгнанник Южного, в парче, в бархате, в короне бутоном, немногим ниже Змея, спокойный, как омут в отличие от него, с белыми, русальичими руками, чьи движения плавны и точны... Он и не мыслил нападать. "Беги!!!" — орало ожерелье. Впервые тень давала общий совет, не частный, такой, о котором её не спрашивали! "Вот так так!.. Конечно, я расскажу Бесту. Но, конечно, совет от хищной тени для него не совет!.." Верно. Чего нельзя сказать про советы от хищника.

Пока Мурена вела безмолвный разговор со своим тайным оружием, Буро подкупил Беста. Предупредительный, догадливый Буро.

— Бест, — сказал он, — примечательная твоя свита произвела бы фурор на любом из рынков земли... Невиданно, неслыханно, никто мне, Бедовичку о таком и не рассказывал... Из того заключаю, в торговле и покровительстве на Южном ты не заинтересован. А разовое что или кого найти?.. Нашёл бы и Гай. И тогда заключаю, посреди рынка ты, Бест, искал не хищника суши, а хищника моря... Так что же привело тебя ко мне, чем могу? Что желаешь, Бест, придя из сердца континента, отвоёванного тобой, ко мне, Беднячку, не способному скрыть печать Великого Моря под слоем рыночной пыли?

Тронутый и восхищённый прямотой суждения, откровенностью, которая великодушна всегда, Бест ею же и ответил:

— Бутон-биг-Надир... Вижу, не секрет, что меня здесь считают победителем... А, следовательно, врагом, как ни крути, Архитектора башни, Змея. Моего друга. Считают "врагом" тех, кого преобразило Великое Море. Это не так. Насколько велико неравенство, настолько велик мир. Не правда ли, даже та мысль, что он не безграничен, тосклива как удавка? Глухая, удушливая мысль. Мир беспределен в стороны и в будущее. И я не могу не думать о будущем... Уже приходившем, как цунами из океана, с глубины. Единой волной, не ожидаешь... Ты верно

подметил, Бутон-биг-Надир, проницательный и гостеприимный!.. Сог-Цок! — Бест поднёс бокал к бокалу хозяина, брызги перемешались. — Позволю себе вопрос...

И он изложил без утайки сомнения, соображения, беспокойства свои, так закончив:

— От чего зависит, что Великое Море не порождает десятки существ подобных ему, в тумане могущественных многократно против людей? По моим прикидкам, материк должен быть полем непрекращающегося боя между ними, тенями бесхозными и сонмами созданных как оружие теней. За редкие дожди... За несчастных, приземляющихся случайно... Но нет. И никогда не бывало...

"Ты хороший человек, Бест... — подумалось Буро, пока слушал сбивчивое изложение. — Только очень хороший, добрый человек способен не замечать столь очевидного. Видеть рану на лапе и не видеть чудовища за ней... С материка, с неба в море приходят чудовища, а не наоборот, из океана на сушу. Оттуда они — возвращаются... И редко, очень редко".

— И ты рассчитываешь, что кто-нибудь другой, ещё ближе, чем твои друзья знакомый с Великим Морем, откроет тебе некоторую тайну? В его отношении? Про демонов там, в глубине особенных, в океанской мгле ждущих часа? Про демонов заимевших особенные мозги, тени, когти, змеиные хвосты? И после поймёшь, как реагировать на них? Чем защищаться? Отнюдь. Ещё раз взгляни на известное. Чёрный Владыка, — наслышан о нём, наслышан... — разложил правильно. Осталось сделать выводы. Числа подставить в формулу. Увидишь, что неизвестное известно, искать больше нечего. Или ты предпочитаешь историю? Тоже люблю. Но цифры, линии пересечения приятно раскладывать в уме. Отдохнуть от её однообразия. История однообразна, Бест. Надо очень любить людей, чтобы всерьёз долго ею интересоваться... Я отвлёкся, Бедовичек, старый изгнанник, бестолковый... В Великом Море, Бест, смерто-жизнь... очень быстрая, всё очень быстро. Действительно, нет предела многообразию теней. Силе тоже, при условиях... На условиях... Силе теней нет предела... А стоять-то на чём, Бест?.. На чём балансировать-то, за что уцепиться, когда вокруг и внутри всё такое сильное?! Чисто механически, ты глядишь со стороны, и видишь, — любой хищник способен создать армаду теней?.. Теперь представь поближе, изнутри... Вот он, ещё человек внешне, вот она, твой кошмар — способная воспроизводиться... И что?

"И что?.." — эхом повторил про себя Гром, весь превратившийся в слух.

— Она практически диктует ему! В Великом Море некому тебя учить. Там от тебя внутренности местным жителям нужны. Вот уже и две начальные проблемы: сплавить, извлечь... Про третью молчу — удержать в подчинении, а не ей же достаться на обед. Ну, вероятность появления царя морского уменьшилась в твоих глазах? Они не слуги! Они — хищницы! Любая тень — хищница. Внутренняя неправильность толкает их к действию простейшему из всех, расчленению поглощённого. Присущая тень влечётся к Огненному Кругу. Как и всё влечётся к нему... Там пожирает выпитое тобой. Там стремится его сплавить... Во что-то... В примитивное подобие себя... Подобие ей, как вторая пасть. Третья, четвёртая... Пасти ей мало, не хватает... Стремится, как бы слаба ни была она, более чем настойчиво, и главное — постоянно. Чудовище вынужденно непрерывно препятствовать ей. Пить Чистую Воду забвения по глоточку в день... Когда-то любой сорвётся. Плюнет на всё и полетит в пропасть неконтролируемых превращений, где холод и жажда возрастают, не наоборот... Так собственно, Бест, и превращаются в монстра, извращённое существо... Нет, Бест, там, в глубине, ни у кого нет ясного ума полудроида! Они спешат! Они с каждым новым броском имеют безумную надежду, насытиться и успокоиться... Тупеют с каждым рывком. Они не остановятся, Бест! Не свой ощущают голод... Не насытят чужой голод...

Буро повернул голову в короне:

— Юноша, ставший Пурпурным Лалом, побольше моего знает об этом... И это тот секрет,

который ты ищешь. Вот почему, Бест, в Великом Море так много хищной мелочи, ловушек примитивных, недолговечных... Создатели их таковы! Голодны, тупы, в достаточной мере бесчувственны, чтобы создавать внешние тени... И опять-таки слишком тупы, чтобы уметь создать что-то стабильное, сложное, по настоящему опасное! Внутри них, Бест, идёт борьба! Не снаружи! Что им континент? Место, где сухо! Дожди редки, добыча летает, а они не могут... Если на то пошло и говорить всерьёз, они сами себе как оливка, Впечатление с ядом. Ядовитый орех...

"Ядовитый для самого себя..." — повторил Гром.

— Тупость и бесчувственность — скорлупа. А под ней — яд. Отчаяние. Прозрение. Понимаешь, Бест, ушедшего в Великое Море очень скоро настигает либо гибель, либо прозрение: "Для чего я мечусь по морю? Из чужих тел достаются крохи Впечатлений... Они даже и не растекаются, холодные, безвкусные по моему новому телу. На что мне его мощь? Сохраняемая с таким трудом, с такой мукой внутри течений... Битвами, бегством... А если лягу в прибой? И наконец, он разобьёт меня вдребезги... Зачем всё? Зачем?.." После подобной, горькой мысли, — короткой, не как я наговорил! — ты думаешь, Бест, он остановится? Он ее может остановиться! После неё он перестаёт беречь последнее. Человеческий рассудок, человеческую связную речь. Зачем? Раз чужды ему уже и связные Впечатления... Вот последняя стадия на подходе... Мало кто доживает до неё... Придонные монстры. Актиньи Дёсны, например. Ты опасаешься, что Актиньи Дёсны рядами выйдут, чтобы завоевать континент?! О, такого бы и я испугался!.. Вот в кратком изложении эволюция Морского Чудовища. В лучшем случае он создавал ловушки-тени... Но и то лишь для того, чтобы в итоге сделаться целиком ловушкой. Ни броситься, ни убежать. Лежащей на дне, над Огненным Кругом ворохом щупалец. Кто-то попадётся... Или нет.

— Секрет в балансе... — проговорил Бест задумчиво.

— Точно!

Буро покивал золочёным тюльпаном короны и откинулся, прислонив её к ширме за спиной, тон сменив на неспешный:

— Точно-точно... Ты сформулировал хорошо... Не в особых свойствах, дело в равновесии. Как на большой скорости, на вираже. Громада, громадная сила, всё крупное вообще, чем крупней, тем зависит сильнее от баланса... Внутренней уравновешенности. Иначе рассыплется на куски, а они опять на куски, и так до размера достаточного, чтобы схватиться... Ты понял, в Великом Море по-настоящему опасен человек. Не чудовище. А тот, кто держится ещё за ум и волю человека. И появление такового, полагаю, ты согласишься со мной, непредсказуемо! Не о чем беспокоиться! Отыщется ли таковой, сумеет ли вернуться на сушу? Сумеет? Тогда, посмотри на меня, превратить её в море — последнее, чего он захочет! А когда появится, зачем выйдет...

Буро перечислял, а сам думал: "Появиться-то он появился... И выйти, вышел, давно вышел... Ну, не пугать же мне вас, не к вам, изгнанники, он вышел..."

— Моменты сугубо личные, скрытые, правда? — завершил Биг-Буро. — Волноваться не стоит. Бесполезно. Фу-у... Давно столько долго не разглагольствовал!..

"А ты? — подумал Бест. — Мудрый хищник Южного, что тебя заставило вернуться? Вернее, что помогло?.."

Так подумал, и насмешливая искорка показалась в прищуре Буро: "А вот это уже наглость!.." Бест поднялся на ноги. Почтительно сказал:

— Признателен. В любой день, Бутон-биг-Надир буду рад встретить тебя в Архи-Саду.

— О, пустяки, пустяки, не за что!.. Ходить-то далеко до вас, медленно я брожу!.. — откликнулся Биг-Буро. — Вы ведь ещё не уходите? Я дурно поступил бы, продержав новых

друзей в тёмном, сыром шатре! Приглашаю. Позвольте показать вам рынок. На борцовских поединках мы можем сделать ставки и провести время получше, чем здесь. Я ставлю за всех. Это не те ряды, Бест, где на жизнь, это на противоположной стороне.

Изгнанники охотно приняли приглашение. Гай тоже, и До-До, и гулявший вокруг шатра Ухаха, отправились ними.

Южный Рынок, будучи правильной, близкой к квадрату формы, имел два небольших крыла. Борцовских. В правом, если стоять спиной ко входу, располагались борцы настоящие, внестилевые. Там допустимо, часто и предпочтительно сражаться насмерть. И ставки зрителей высоки. Всегда две. Одна победителю или его покровителю. Сумму остальных делят ставившие на него. Правое крыло визуально для непосвящённого не отличается от рынка, ряды и ряды. Обычные. Шатры. Есть торговые, иллюзорные, они не для торга здесь. И пирамидка в уголке у них стоит с отказом. Они для борьбы с чистым хозяином, чтоб Чёрный Дракон не мешал, оставался снаружи. Есть и вуалевые из прозрачных тканей-артефактов. Для хищников. Боролись всегда в шатре, просматриваемом. Без судей. Судья — судьба. И зрители. Правила общеизвестны. Но это не правила борьбы, а выхода из неё и входа. Вступивший в схватку при озвученных условиях не должен сбежать. Попытается — принадлежит толпе. Тому, на чью пирамидку толпа его бросит. Как и везде, не обходилось без исключений. Но это именно исключения. Снисхождение победителя. Любимчики большинства. Общее восхищения храбростью проигрывающего. Могли отдать победителю не одну его, а обе ставки, желая оставить соперника в живых. Редко, что и говорить. Но сама возможность создавала забавный прецедент: выгодно бороться с наиболее сильным и известным, с фаворитом толпы, и в случае удачи сорвать двойной куш. Ещё особые права имели покровители.

Были ряды для чистого хулиганства, не поединков. Кто зашёл, сам виноват. А завтра власть в ряду может перемениться.

Левое борцовское крыло Южного не походило на правое ни внешне, ни внутренне. Стилевое преимущественно. А вообще — свободное, кому как нравится. Шатров мало. Из настоящих тканей, широкие, узорчатые, украшенные. При этом демонстративно разные. С флагами. С символикой. Они располагались вокруг арены, ринга в углублении. Амфитеатром поднимались от него неровные ступени из песчаника, зрительские ряды.

Здесь обитали борцы не наделённые свирепостью завсегдатаев правого крыла. Не наделённые также отчаянным легкомыслием разовых посетителей, — кому нервы пощекотать, кому отомстить, публично бросив вызов, разрешить ссору, кому заработать, чистые хозяева не редкость там, — зато обладающие к искусству поединка куда большим вкусом и интересом. В левом крыле одни хищники. Раскаявшиеся чаще. Или не злые. Там соблюдались, множились, процветали и совершенствовались стили борьбы. Шатры вокруг амфитеатра принадлежали основателям школ, лидерам их. Символические регалии ценились выше, чем ставки, которые тоже имели место.

На это, левое борцовское крыло Южного Рынка, быв покровителем, Злотый, борец правого крыла перевёл однажды Дабл-Пирита, увидев, что правое — не для него. И переименовал. Там, как протеже, он звался на первых порах Дабл-Злотый, второй Злотый, то есть безымянный, естественное до поры, но униженное положение. И вот, следующее понижение: не настоящее, кошачье золото. "Дабл" осталось, и вышло Дабл-Пирит.

Высокий, грациозный, не сразу набравший гору литых мышц, был он миловиден до неприличия и длинноволос тогда. Убирая локоны перед боем, становился кукольно-хорошенький!.. Поначалу предпочитал многослойные, пёстрые облачения, призванные

отвлекать, скрывать движения, маневры, служить удавкой при случае. Всё-таки хищнику трудно разом отказаться от оружия, привыкнув к нему. Однажды, выходя в полном одеянии, получил от соперника в лицо: "Я не дерусь с танцовщицами Мелоди!.." Без шуток, в том смысле, что девушек нет там, в отличие от правого крыла, ни хищниц, ни хозяек. Тот бой он выиграл!.. Получив выговор, за недроидски жестокую, затянувшуюся последнюю схватку, удушение, можно короче. Учёл. Отсюда и чёрные татуировки, стать пострашней. И переход от тряпичных фазанов к полуобнажённым вирам. И всё равно, искавшие неприятностей, а среди борцов никто не прочь, дразнили его: "Дабл-Мау!.." Дразнили: "Ня-Ня!.." Или чаще: "Дабл-Ня, Пирит!.." — Привет, симпатяга Пирит!.. Ну и получали за это, бойцом и борцом он был с самого начала отменным.

Злотый сделал серьёзное и бескорыстное одолжение для него. Не считая — спас. На правое крыло, пожирающее бойцов, как яростный прибой заплутавшие тени, приходи, кто хочешь. А левое, недоверчивое, обросшее правилами, не принимало так просто. Зрителем только. Можно долго сидеть на ступенях песчаника, пока признают, что ты хотя бы не псих, и допустят к поединку с тремя судьями на арене. Больше дружеское крыло, образ жизни. Там берегли своих людей. Если ускорить процесс, то с поручителем или в качестве ученика. То, как Пирит ушел живым с правого крыла вообще чудо...

Вот как... Стал он хищником превратив неблагодарного гостя. Смерти не видел. Воочию. В Собственном Мире, как бывает без песни дроида, затосковал. Покидал всё чаще. На рынках искал всё больше азарта. Короче, обычный, типичнейший путь. Приведший его к Злотому и к тому моменту, когда среди шатров правого крыла ждал он своей очереди, условившись о поединке. Уже сделаны ставки на противника и на него... Ждал с остальными. Два параллельных ряда смотрели поединок в шатре между этих рядов. Не сильно и зрелищный. Как две змеи борцы перекатывались за мнимой вуалью. Пока один не перестал двигаться. Не бросил через себя противника в очередной раз, пропал, как померк, где-то под смуглым тюльпаном мускулистой спины. Стало совсем неинтересно. А толпа подняла лица к небу... Погибшего Пирит раньше не знал, видел первый и последний раз. Но перед ним, как и перед другими, проявился Белый Дракон. Растущий, тающий... Обычное явление над правым крылом Южного. Не в рынке, над рынком... Заходить они не могут, попрощаться — да... Это уже не дроид, тающий дроид... Волнистые усы разлетались, когда он поводил головой. Прощальным взглядом окидывал каждого, кто знаком с его всадником, видел его хоть раз. Всех людей обнял светлыми очень, водянистыми, ясными голубыми глазами, как просвет в целиком пролившейся туче, грозовой, когда в ней тает и рама, и небо Собственного Мира... Обнял с любовью и печалью, прощаясь с людьми, смыслом жизни дроида. Хотел перекувырнуться — и растаял...

Пирит перекувырнулся за него. Его перевернуло это зрелище. Безгневное горе дроида.

Отказаться от поединка он не мог. Пирит сдался без боя. Он не бежал... Даже правил не было на такой случай. Злотый среагировал стремительно, не позволил судить и увёл его. На противоположное крыло, как в самое безопасное при возможной неразберихе место. Как покровитель, сам затем боролся. За нарушение и за него, против двоих, без снисхождения выбранных толпой из числа лучших. Победил.

Тогда, на Рулетки уже со своим учеником и приятелями Пирит пришёл просто пошутковать, развлечься! Ну, грабить, если честно... Выигрыши на Рулетки бывают высоки. К конкретным школам один — уже, другой — ещё не принадлежали, где запрещено и такое хулиганство. А потерять ученика или драться на смерть, Дабл-Пирит в мыслях не имел!.. Глупо, да. Непростительно. И Сома сказал Бесту: "А что?.. Гай в своём праве. Что он должен был делать? Рулетки неподходящее место. Шестеро борцов — не шутки". И теперь, исцелённый он вернулся на левое крыло. Случившееся не скрыл. Сидел зрителем на ступенях. Отсюда не гнали.

Пока. Клок, похититель был известен им. Шанс, что ученик Дабл-Пирита жив, действительно имелся. Дракона никто не видел. Но если увидят, если станет известно, что ученик погиб по вине Дабл-Пирита, тогда всё, прощай.

Глава 49

Глава 49.

Если кратко сказать, чем опасны недобрые гости, чем уязвим среднестатистический облачный мир — простотой на этапе воплощения. Восходящий беспечен, с угрозами мало знаком, увлечён красотой и внешним разнообразием... Внешним. Если может что-то создать на основе одного Впечатления, так и сделает. Целый дворец, благословенные дроиды, пока свежо Впечатление в уме! А это значит, что гость уничтожит весь дворец одним мановением руки... Одним. И раскаявшись, не вернёт обратно. Впечатления нет. Обратно — в зависимости от силы памяти, по частям, по деталям, как и сложную технику. Однако принесённый в мир артефакт превращается тоже одним движением, будь он хоть мега сложной техникой.

Сколько же имеется вещей, которые и не уничтожить создав? Песок, вода. О них дальше.

Ловушки, предназначенные для того, чтобы злонамеренный, либо неаккуратно похищенный, с несвязанными руками похищенный, гость не мог покинуть Собственный Мир безнаказанно, основываются на двух подходах. Иллюзии и Множества. Множества бывают конфликтующие и монолитные. Они взаимопроникаемы.

С простой, препятствующей Иллюзией всё понятно: фальш-рамы, земля, уходящая из-под ног, наоборот, внезапные вихри... Элементарно капканы. Темнота непроглядная. Мерцания там всякие, мешающие вглядеться.

Иллюзия, как составная часть Монолитного Множества, относится к слову "монолитное". То есть, как мир создавался, так и не иначе гостем он может быть превращаем. Такими кусками. Если река создавалась на основе единого Впечатления реки, он может, подняв и опустив руку, превратить её целиком. И касательно воды тут есть большая несправедливость... Испортить легко, а исправить... Когда — в — реку он превращает что-то, единого Впечатления обычно нет, только понятие о воде, как множестве капель. Обратно не вернуть... Даже не уничтожить, иначе чем по капле, бесконечно малыми каплями... С песком та же история...

А насчёт уничтожения имевшихся... Если река создавалась отрезками или отдельными течениями, вычленив их, угадав, по отдельности и надо превращать. Если создавалась по каплям, она неуязвима, это как с испорченной, гостем сотворённой водой. Но кто же предпримет столь длительную работу? Обыкновенно делали — течениями. Поверх добавляли блики, отдельные Впечатления бликов. Гость думает, что заносит руку над потоком, но нет! Над бликами!.. А поток уносит его... Прочь от рамы, обратно к разгневанному хозяину! Иллюзия, как часть Монолитного Множества. Ещё бывает, бликов и нет в действительности. Один есть, от него остальные кажутся. Это — Завязка на Один. Как его угадать?.. Не осознав, что именно пытается превратить, он промахивается трижды. Не уничтожает того, что хотел уничтожить. Не создаёт, что намеревался, защиту себе. И теряет время.

Конфликтующее Множество ещё хитрей. Оно завязано не вычленимым, умозрительным Впечатлением — внутренним конфликтом. Простейший, старинный пример, отрастающие две головы на месте одной отрубленной у чудовища.

Вот пример в облачном мире...

Гость бежит к раме и не успевает, оказывается в поле зрения хозяина. Просто — в поле... Где есть дерево. Одно. Не спрячешься. Но можно его превратить, бросить стеной на пути, закрывающей от взгляда. Ну, и от преследования, если хозяин вознамерился именно поймать. Умный гость соображает, что дерево, вероятно, не целиком делано, по частям. Живое, детальное... Точно, он угадал! Сосредоточивается на нижней ветке, причудливой или листьях одинаковых, начавших желтеть... И тут угадал!.. Но лучше б не угадывал... Исчезновение одной

детали, — а стена получилась, конечно, — запускает каскад реакций, изначально заложенный механизм. Остальные листья осыпаются разом, и встают железной параллельной стеной, непроходимой, зажав незадачливого гостя. Логично начать дальше превращать... Её… Но стена из железных листьев — Монолитное Множество... А созданная им в спешке? Тоже скорее всего. Хорошо, если мыслил хотя бы кирпичной кладкой, можно несколькими мановениями руки брешь проделать. А если камень или пластик вертелся в уме, чья внутренняя структура аморфна, неизвестна?

Тут ведь в чём дело ещё, в охвате зрением. Охвате вниманием. Хотя бы в одной плоскости — но целиком, до краёв. Гость в чужом мире или хищник в своём превращают то и того, что видят. И создаваемая, как одно целое, вещь не должна превышать доступного обзора. Когда масштаб задуман архитектурный, ландшафтный, цельности нет. Подразумеваемая внутренняя структура проявляется, Монолитное Множество. Такую вещь мановением руки не превратить. Только частичку структуры. Однако... Верно не для всех.

Очень-очень сильны и опасны в таком творчестве существа наделённые по настоящему абстрактным мышлением, способные даже не предполагать, что нечто из чего-то состоит... Они делают препятствие, если надо, и уничтожают препятствие — целиком... Но такие люди уникумы. Они таковы изначально, Восходящими так делали эскизы миров. Непостижимые облачные миры... И не покидали их. Изгнанниками они странно выглядят, не стремятся к общению и чаще всего гибнут в первые дни. Странное волшебное выражение посещает их лица… Тогда их можно принять за дроидов... Внешне. Аурору близка к такому типу полудроидов.

Это была оговорка про исключения. Обычные люди носят в голове сотни и тысячи всегда предполагаемых текстур, малоосмысленных, желанных, сложных... — составных! Так и превращают... Каменная стена из камешков, песчинок... Сделал? Теперь разбирай. Гость Завязку на Один сделать не может. Он превращает одну вещь в одну, либо абсолютно подобные, настоящее Монолитное Множество. Не прикрытое иллюзией

Чтобы сделать Завязку на Одно, нужно два предмета одновременно превращать. Одной рукой, одним жестом. Что невозможно в принципе. Первый артефакт в материальную основу — настоящий камешек, Завязку. Второй — в функцию, во все излучающиеся из него. Тогда получилось бы, что стена осязаема, но доступен для превращения один камешек в ней. Такое Восходящий может, воплощение идеи, функции нераздельной с артефактом, которому она не присуща изначально. Восходящий и материальные и умозрительные вещи до поры до времени вместе держит в эскизе, комбинирует, как ему угодно.

Чтобы из похищенного создать ловушку Конфликтующих Множеств, надо убедить его гостем превратить что-либо в материальную основу. Строго одновременно, в тот же самый момент его превратить в Конфликтующее Множество, в реакцию, как оно будет парадоксально распадаться. Во что обернётся. Или в Завязку на Одно, так образовать множество. А иначе самый умный технарь, слоями наращивая по схеме скрытую механику, всё-таки создаёт механику, предмет.

Вот беглец зажат между двумя стенами. Надо что-то решать и срочно! Так возникает злая игра Догони-Преврати. В итоге всё-таки бегалки, догонялки, что бы, во что бы гость ни превращал...

Закон — Собственный Мир неизменно открыт для хозяина. Изнутри закон, разумеется,

действует тоже. Чтобы гость ни создал, оно проницаемо, открыто. Не утопает обоими краями в недостижимые области Там. Невозможно сотворив замкнутый куб, заточить в нём хозяина. Или закрыться. Можно с дверью. Можно отдельно сделать замок... Забавная мысль при погоне, да? Полностью изолированных пространств в Собственных Мирах, получается, нет. Поскольку никого и ничего нет в замкнутом пространстве, так про что вообще шла бы речь?.. Мир открыт ему. И гостю мир открыт. Связанные руки не в счёт...

Хозяин в Собственном Мире — в полной безопасности в смысле физическом. Каких бы ни наделал гор и пламени, и паутину-ловушку… Упадёт, она не задушит его. Дроиды не позволяют, мир подсказывает, держит, как вода. При жёстком столкновении, объединяется с местом удара и растождествляется на несколько мгновений.

А вот гость в чужом Собственном Мире вполне может погибнуть и не превращённым. Задушенным, как и снаружи. Попав под нечто острое. Регенерация недоступна, когда она должна захватить больше половины тела.

Не природная обусловленность. Это связано с жёстким запретом на клонирование. Которое с нулевого цикла тоже, но в особенности с "отъёмом", "преображением", отголосками катастрофы, повлекшей создание закрытых Собственных Миров. Чтобы не имелось возможности усвоить чужой спиральный код или навязать свой, заразив им друге тело. Свой храниться, наличествует в теле всегда разделённым на два. Он — это специальные дроиды регенерации на противоположных сторонах орбиты. Когда более половины тела повреждено, поверхностно, или рассечением, это уже не "тот самый" человек, они не запускают работу подчинённых, нуждаясь в том, чтобы сойтись и образовать ключ для запуска.

Может показаться странным, но дроиды, особенно технические попросту не в состоянии оценить — травма случилась, сильный эмоциональный всплеск или эксперимент человеческий, попавший в запретное, как все киберы, например. Дроид не станет поддерживать перешедшее усреднённые границы. Либо справятся низшие дроиды регенерации, либо нет... Руку отрастить, рану залечить, это он укажет как, какова структура и форма. Но если возврат... Если человек поглотил в прямом смысле слова часть другого человека, а этот факт всегда и сразу захватывает более половины тела, за счёт быстрого распространения, ему достанется только тепло и вода Впечатлений, спиральный код не будет усвоен, не начнёт свою работу.

Кстати, базовый по отношению к базовому код, для помещения в заснеженную степь, собирает лишь Царь-на-Троне, призвав, как единый ключ двух, обладающих взаимным отторжением антагонистов Хранящих информацию о нём одиночек, не принимаемых в семейства.

К тому же за чужой рамой действуют только находящиеся в теле дроиды регенерации, и недоступны связанные с общим полем земли.

Огонь, раны... Из примеров можно понять, что такие миры и такие ландшафты в них создаются не Восходящими и случайно не создаются... Тёмные миры... Ещё гость погибнет, упав с высоты. Ведь Белый Дракон не поймает его. А Огненный Круг на очень сильный удар реагирует, как и на серию частых, точных — остановкой. Он не рассчитан на это.

Про ловушки... Ну, вот идеальная до бессмысленности ловушка.

Мир в котором ни облачка, либо все облака Завязаны на Одно вечно скрытое. Потоки воды также завязаны на один, не угадываемый. Можно каплями — настоящее Монолитное Множество не связанных одна с другой и не вычленимых капель. Сильное течение от рамы к центру мира. Ровное, твердокаменное дно. И гость. Без клочка одежды. Не имеющий, что превратить в летающую, плавучую механику, если б и умел создавать её. Всё. Он не может плыть против течения. Не может устоять на ногах... Но… И хозяин не может! Оставшись в одиночестве, хозяин не смог бы даже добраться до рамы, впустить следующего гостя, если б

последний гость испортил мир, стоя близ рамы, и сразу сбежал.

Она не создавала такого, но... Подобным трагичным образом был испорчен мир Чарито... А в итоге — украшен!..

Совсем грустно, неосторожная хозяйка, она была связана, угрожать не могла... Пока из сети выпутывалась... Бросившись бежать, гость вдруг остановился у рамы... Раскаявшись. Занёс руку, чтобы добавить красоту течениям. Добавить музыку струй... Вальс. Блики... Домик на ветвях... Подойти побоялся... Чтоб превратить обрывки сети, едва видимые ему оттуда, в браслеты, в бусы плоских самоцветов, жёлтый-белый-синий, украшенные парным, любовным, извиняющимся изображением Сог-Цок: извини, прости, извини!.. Но саму-то реку теперь никуда не денешь. Он думал, она ненавидит, возненавидела его... А она, глядя на реку, слушая реку, так любовалась, так скучала по нему! Вообще с водой надо быть осторожнее, и с Великим Морем, и в Собственных Мирах!

Пока Гай скучал в компании изгнанников, весёлой компании, в которой каждый по-своему был интересен Биг-Буро. Скучал на широких ступенях амфитеатра, на левом крыле Южного… Пока смутно тревожился и привычно скучал... В облачном мире играли двое в Преврати-Догони… Далеко, дальше облачных миров высокого неба, ещё выше, в непостижимой сфере дроидов, над ней, птичка Фавор наблюдала и за ними и за Гаем с высоты. Перелетала с плеча на плечо Фортуны. Вспорхнув, опускалась. Чирикнув, замолкала. Не могла решить, на котором запеть свою песню...

Изгнанники, а конкретней, Олеандр с Ухаха получали не меньше внимания, чем борцы на арене. Бутон-биг-Надир, редкий случай, чувствовал себя на периферии. Без ревности, доброжелательно. Происходящее веселило, и будущее интриговало его, во что-то выльется новая дружба?.. Если б не вечный холод в костях, голодный озноб... Никому не видимый, водой Впечатлений не утоляемый... Ломающая, блуждающая боль тела испорченного присущими тенями. Извращённого, так говорят за спиной... А если что, так кометой несутся, пыль столбом: "Буро, рассуди!.. Буро, выкупи мне отсрочку!.." Всё равно любил их, не отказывал. Если б не знобкий холод костей... Велика важность!.. Буро развлекался, остальные тоже.

В тот день две плясовые, разноцветные, вечно конкурирующие труппы с Мелоди пришли на левое крыло. Соревноваться между рядами, между поединками, короткие шуточные сценки танцевать. С островерхими шляпами для подарков за танцы... Они очень украшали пасмурный день. И бубны их с дудочкой. И потешная вражда между собой. И шуточные драки за пустевшую арену.

Ухаха лежал за спинами изгнанников мохнатой горой. Мягкой, пахнущей огуречной морской свежестью. Он приветствовал борцов протяжным: "У-у-у!..", тонувшим в общем приветствии. Биг-Буро, делал ставки за всех, как обещал. Не глядя запускал руку в глубокий кошель, бисером вышитую поясную сумку. Вынул и осторожно протянул ему упаковку бумажных змей. Ухаха взял зубками улыбчивой пасти, дождался пока самая изящная из мимов пройдёт, пританцовывая ниже его ряда, поглядывая на божественную красоту рубинового лица Олеандра, и положил карнавальных змей в шляпу... "У-уррр?.." Девушка вознесла руки и уронила, приседая в глубокий-глубокий поклон... Все рассмеялись, половина амфитеатра точно!..

Но и на арене было, на что посмотреть.

Наиболее зрелищные пары образовывали с кем-либо борцы стиля вир. Идеально — против

борцовско-ударной, танцевально-боевой школы фазанов. Выходил и сам Вир, основатель.

Виры на арене не имели одежды помимо набедренной повязки, использовали масла для тела. Обычные. Для показательных выступлений те, что темнят кожу, разноцветные с блёстками. Фазаны напротив одевались в премногое количество одежд, аксессуаров, тканей и украшений. Каждая деталь могла служить удавкой. Отброшенным хвостом ящерицы тоже.

Дабл-Пирит, пребывая теперь вне школ, вышел когда-то из правого крыла к фазанам левого, недолго пробыл в числе их, перешёл к вирам. Так получилось, что обе школы, самые яркие и крупные на левом крыле запрещали своим борцам некоторые схватки на правом. Будь ты хоть сто тысяч лет хищник, но если фазан или вир, не принимай в качестве ставки чью-то жизнь. И ещё много правил, ответственность за ученика, например, не только на арене и вне её. Последнее общее для всей арены.

Поодаль от Бутон-биг-Надира, изгнанников и Ухаха, Гай то и дело переводил взгляд с поединков, таких пресных и медлительных для него, игрока Против Секундной Стрелки, на Беста, как наблюдает тот, с детской непосредственностью. Овации, смена регалиями мощных, борцовских плеч... Гай наблюдал за своим Оракулом во власти непреходящей растерянности, бесплодного напряжения... «Понять, уследить?.. Что понять? Отследить что?..» Так ведь уже пропустил! Птичке, своей Фавор не уделил Гай даже малой толики внимания, бросая её на торговую пирамидку Клока...

Вот что за последнее время у них произошло...

Глава 50

Глава 50.

У них... Прежде немного о похищенном, и друге его, примечательном дроиде... От них — до предыдущей эпохи! Чтоб стало понятней, кто есть кто.

Унесённый хищником, чьё легкомыслие единственное, что не позволяло счесть его полностью лишённым благородства, ученик Дабл-Пирита был юношей интересной судьбы.

Раскаявшийся хищник, Корунд по борцовским, каменным прозвищам. Коротко: Рунд, Руд, Рута. Ещё Восходящим он был связан тесней, чем с главой семейства, с неким дроидом второй расы 2-1. И после, став хозяином, не утратил с ним связь, приятельство. Нарушение для дроида. Не фатальное, как перепутывание любовной связью орбит, да, но серьёзное. Начальное в ряду на дроби и дроби дробей запретных, которые в ладыками запоминаются и плюсуются... И после, когда Рута сделался хищником, отняв не жизнь, но мир, что не часто бывает, и, возвратив, что случается ещё реже, дроид не отвернулся от него. Понятно, что не обязан избегать человека на все сто. Он не холодный 2-1, не дроид 2-2, не Чёрный Дракон и не Я-Владыка из мира хищника, а тёплый дроид. Главное соблюдено, его присутствие не вредоносно для человека.

Ещё бы он отвернулся!.. Рута привык, радовался их дружбе, гордился иногда напоказ... В сущности всё, о чём можно упомянуть с его стороны. Все выгоды. А честолюбивые планы дроида напрямую зависели от него! О, этот дроид не примыкающий к семействам! Зазываемый, желанный, известный Владыкам, и столь неудобный для них!.. Дрёма был дроидом ещё более удивительной судьбы. Чей вызов он принимал на турнире, кому проигрывал толику услуг, — не связанных со служением Восходящему, такое не разыгрывают, — тот считал победу редкой удачей. А уж если выиграл и право на следующий вызов без отказа... Только вот, победитель не всегда мог сказать, он ли взял услуги с боя, или Дрёме понадобилось побыть конкретно в этом семействе?.. Хитрюга.

Есть крупное семейство дроидов 2-2 второй расы — Сон. Наименее холодное из холодных. По этому признаку и не только близкое к Белым Драконам. Формально находящееся между Сад и тёплым семейством Там. А фактически равноудалённое от прочих. Настолько, что главы четырёх тронов имеют в отношении него некоторое беспокойство. То оно большое, то маленькое... И семейство и беспокойство!.. То дроиды его разбрелись, то собрались обратно, сманив чёрт знает сколько из других семейств. Не уведя с турнира, обойдя этот способ, открытый и прямой! А — сманив... Через антагонистов, рассылая метки, соблазняя либо угрожая встречей с антагонистом, через людей господствующих над первой расой...

Сманив — полбеды. А наоборот, заслав своих? В самое холодное из холодных, в семейство Дом, заполучив дроидов из Сон, владыка коротко и локально пользовался ими и не задерживал. Они почти разрушают стройное здание! Вносят смуту, делают чрезмерно открытым. Заметив это, Доминго отказался принимать даже от специфичных, незаменимых из них вызовы на турнире, опасаясь победить! Такие 2-1, как Растворение-Большего-в-Меньшем, таинственный, очень полезный дроид... Повторение-Не-Произошедшего... В результате своей неосмотрительной победы, Доминго значительный промежуток времени был просто прикован к ним. Потому что вся иерархия семейства полетела к чёрту!.. Он один мог им приказывать, а кому делегировал — близко не могли!.. Они запутывались в бесконечных переговорах. Сначала в необщей, затем в общей форме высших дроидов. Выясняя пределы установления требуемых связей, параметры поисков дроидов, для дроидов, для Впечатлений запретных, а может быть,

нет... Для перевода с эсперанто человеческого на дроидское эсперанто, на необщей формы язык, на форму контуров и орбит...

Вот от такого, перечисления Доминго тоже приходил в ярость!.. Владыка сердится? На что?.. Тут-то ни капельки нарушения?.. Ни дроби дробей, сплошная добросовестность и ничего кроме! Владыка сердится и желает бросить новый вызов?.. Владыка не желал. Лукавые дроиды входят обыкновенно в Сон? Пускай в нём остаются!..

Причём тут Дрёма? Тёплый дроид 2-1, Дрёма, приятель хищника возглавлял некоторое время это холодное семейство!

Их же методами действовал. Не завоевал трон на турнире, — вот бы получился бой так бой! — а переманил ключевых дроидов. Следом потянулись зависимые. Прячущиеся от антагонистов, привыкшие существовать в сложившейся решётке связей, всякие. Словно играючи, развлечения ради Дрёма его присвоил. Покрутил, повертел и передал обратно владыке Сон. Они приятельствовали.

Радикально, ни в чём не схожие два эти дроида были дружны. По силе равны, на турнирной площади один перед другим не имел преимущества.

Внешность их, проявлявшихся в общей форме высших дроидов, различна, как и внутренняя суть. Владыка Сон представал высоким, массивным человеком в светлых одеждах. Флегматичным и внушающим доверие. Вместо короны — атласная чёрная лента закрывает лоб. Не смотреть на неё невозможно. Смотреть и не заснуть — тоже. Она не чёрная на самом деле, а горячего запретного цвета, подобно зрачкам Лиски-намо.

Холодные цвета настолько медленны... Только если человеку рассказали и пальцем ткнули, куда смотреть, он может пожелать разглядеть их. Его дело. Да, в случае успеха, возвращаясь, он рискует не вынырнуть, поспешить, расколоться от поспешного движения мысли или тела. Но остывать до такой степени, его личная воля.

Горячие же цвета столь быстры, что сливаясь с темнотой поначалу, они тревожат, притягивают внимание, не смотреть на них не получается. Если в случае ледяных нужно приложить усилие, чтоб увидеть, то в их случае горячих усилие нужно, чтобы не смотреть. И куда большее. Они заставляют вглядываться в себя. Во все времена нечто от них существовало, не рафинированным до красителя, пребывало замешанное в темноту. И ребёнок эпохи до дроидов, оставленный в одиночестве, в темноте комнаты или дремучего леса, не мог не вглядываться в неё... Не мог разглядеть. Удостовериться, что нет там чудовища. Не мог и отвернуться. Как отвернуться от темноты? Закроешь глаза, и там темно, откроешь, и тут темно, везде. Сказки — не сказки. И раны, наносимые ужасом, — не выдуманные раны. Оцепенение перед неведомым. Не в лесу живёт страх. В страхе — стоит и ждёт тебя дремучий лес. Настоящий, ууу... Тропинка петляет во тьме... И чуть-чуть под луной поблёскивают на ней камни.

Атласная лента на лбу дроида, суть спасение, тропа. Вот причина, по которой она легитимно, законно наделена силой запретного цвета. Выход, спасение. Крупный пёс с бархатной чёрной шкурой нарисован на ней другим горячим цветом. Он выводит заблудившихся. Не в явь, но в сон.

Всё иначе, когда человек разглядывает или держит в руке незаконно покрашенную запретным, горячим цветом вещь. В зависимости от природы цвета, он испытывает некое тактильное чувство. Навязчивое. Бархатное, атласное — из статичных. Чувство скольжения

куда-то. Потребность потрогать, схватить неизвестно что... Он начинает различать всё новые детали. Вещество, его структуру, само течение времени на поверхности, в глубине... Это не иллюзия. Горячие цвета работают как увеличитель и делают прозрачным предмет. А губительны за счёт ускорения, остановить которое человек не может. Но очень хочет, пугается. Как бы ни держался, наступает момент, когда его охватывает окончательная паника. Порыв бежать, прекратить полёт, падение в микрокосмос. Порыв настолько силён, что отбрасывает... До туда же! До ледяного состояния. До цветов ледяных. Зеркальных. И понятно, что при таком перепаде для неосторожного, а чаще всего невольного, экспериментатора спасения нет. Лёд, второй приступ паники и конец.

Горячие цвета рафинированы, выделены дроидами. Ледяные, как они есть, изначальны. Многое в мироздании окрашено в тайные, ледяные цвета.

Это отступление про атласную ленту на лбу владыки.

Дроид Дрёма в общей форме выглядел каким-то вельможей непонятной эпохи... Важным... Отвязным... В такой пропорции: две минутки притворной серьёзности — два часа курлыкая, фыркая и хохоча! С приятелем драконом, катавшим его не в службу, а в дружбу. Веселясь с окружившими их, вольными до поры Белыми Драконами!..

Запросят драконы у Руты какую-нибудь ерунду, песенку с Мелоди... И ну, переводить куплеты с общего на необщий, с эсперанто на эсперанто, на вседраконий и на белодраконий!.. Усы развеваются, носы хрюкают, лязгают пасти, старательно произнося человеческие слова, переспрашивая и перекидывая Руту с одной белой спины на другую... Кувыркаясь в высоком небе!.. Унося его нагло от его собственного Белого Дракона!.. Сражаясь за "покатать человека на спине"... А даже лёгонькая потасовка Белых Драконов, это что-то... Нет их сильней!.. Рута ненавидел и обожал Дрёмины драконьи прогулочки!.. Притворно чопорный пять минут знакомства с учителем друга, с Дабл-Пиритом... И немедленно до конца дня забывший обо всём в окружении танцовщиц, что сопровождали борцов к облачному рынку... "Дроид!.. Тёплый дроид!.. Ой, не исчезай!.." А чего ему исчезать при таком количестве нарушений?.. Он копил их!.. Тут начинаются хороводы на драконьих спинах... И песни под музыку хлопков крыльев, ладоней, озарённые теплом дроидским. Все счастливы и драконы, и люди!.. Забыли куда летели, и ладно!

Вельможа, гуляка, интриган, растратчик времени и доверия... Но таким Фортуна даёт вдвойне!

Да, внешность... Коричневый бархат до ступней покрытых орнаментом позолоты и хны. Ряд круглых крошечных пуговиц соединяют полы на груди. Под ним, тоже до щиколоток шафранное одеяние, застёгнутое от шеи до колен. Невесомый узкий шарф вьётся вокруг плеч, не лежит на них и не слетает... Нет короны, откуда? Глаза... Тёплые!.. Не раскосые, но... Они смотрят по-дроидски ласково, как на Восходящего, но... Свысока что ли?.. Немного мимо... Короче, этот дроид доверия не внушал, во всяком случае холодным тронам. И правильно!

Однако, раз дружны, что-то общее должно быть у Дрёмы с владыкой Сон помимо силы влияния и сложных отношений с тронами? Должно... И сущностное. Оба они по происхождению — дроиды желания!

Не так давно по меркам последней эпохи образовалось семейство Закрытое-ото-Всех-Недроидов.

Дроиды желания существовали как часть второй расы 2-1. Относились к категории "переводчики". Уже тогда имея множество ограничений. Пределов. Условий. Важнейшее из них — наличие антагониста в непосредственной близости, не обязательно тоже дроида желания, но наличие непременно. Ведь они имели право объединяться с людьми. А как иначе? Иначе невозможно.

Растождествляются дроиды с людьми: по завершении поиска, работы. По воле главы семейства, подчинённые ему. По воле человека. При отвлечении человека по воле дроида.

Ни одно из этих условий не работало относительно дроидов желания! Они никому не были подчинены. О "работе" дроида желания смешно говорить, как может она быть завершена? А про волю и отвлечение человека — ещё смешней. Она похожа на сжатую руку, его воля. И эта рука дроида не выпустит. Единственно антагонист на близкой, эллиптической орбите, — не важно, со свойствами отторжения или притяжения, обнулял ли память, притягивал ли к себе, умиротворяя всю активность, — антагонист опустошал эту сжатую руку. Гарантировал, что воздействие дроида желания будет информативно-коротким, а не обуславливающе-долгим.

После вхождения в закрытое семейство, функция дроидов желания переместилась с людей на дроидов 2-2, оставшись той же по сути, хоть малозначительной по результату: продление реакции дроида на запрос Восходящего.

Дроиды не видят последовательными связных Впечатлений, не в состоянии конструировать Собственные Миры, как и уловить направление мысли человека при неконкретных запросах, а когда они были конкретны?.. Дроиды слабы по причине их дроидской точности! Точечности. Вольное, свободное расположение дроидских орбит обеспечивает неколебимость центра. А плотность человеческих позволяет центру несколько блуждать, смещаться... С разных сторон смотреть. Внутри себя перенаправлять импульс, отношение к увиденному, планы относительно него...

Дроиды так не могут. Для них из одной точки — один вектор. Для трона с примкнувшими 2-1: из одной точки — некоторый веер. С примкнувшим дроидом желания: точка-метёлка. Веер вариантов успевает раскрыться.

Точка это запрос... "Хочу дом с белыми стенами!" Остальное — предложения в ответ. Ведь что представляет, как для дроидов, так и для людей, без разницы, взаимодействие с внешним миром? Один импульс снаружи, краткий. Многоаспектный, однако, сведённый в точку. Дальше — не он действует, а воспринявший держит его, раскладывает, вертит, анализирует, соотносит с известным. Вот этого-то 2-2 и лишены без объединения с дроидами желания. Оно не всегда и не обязательно надо, но крайне желательно. Результат мощней, интересней. А главное — непредсказуемей! Это важно, чтоб подопечный, Восходящий, человек оставался человеком: спонтанный в свободном мире.

Дроиды желания не игроки в отлавливании запретных Впечатлений и артефактов. Их влияние было бы бесценно... И недопустимо. Они подталкивают. Подтолкнуть человека к поиску, а найденное отнять, ну разве это дроидский поступок?! Сами по себе они не различают запретное от дозволенного. Прямое указание трона получив, запомнят: это — признак, маркер запретного. А маркер должен проявиться где? В орбитах человека увидевшего запретное Впечатление. Немалая власть, отождествившись в такой момент, подтолкнуть Восходящего к дальнейшему сосредоточенному поиску запретного. Но помимо безнравственности этого, схема взаимодействия люди-дроиды переворачивается с ног на голову: Восходящему служит глава, главе все дроиды семейства, переводчики, метки... А при таком раскладе Восходящий становится — инструмент. Невозможно. Он — цель служения.

Это изложено в соответствии с людскими понятиями. Дроидам чуждыми, как Белым

Драконам — Великое Море!

Возвращаясь ещё назад во времени, встречаем тот день, когда Гелиотроп создал Царя-на-Троне. И вскоре дроиды желания приняли вариант — сойтись в единое семейство. Согласились не отождествляться и вообще не служить людям напрямую. Августейший занял трон.

Согласились, но не все. И не каждый в паре антагонистов. Не всех дроидов прельстило небывалое преимущество за небывалую для дроида цену: отказ от контакта с людьми... Какое преимущество? Огромное. Но и любовь дроидов к людям огромна...

Один долгое время оставался вне закрытого семейства. Особенный... Дроид, чьё имя они не знали, изгнанники. А узнав, имели бы к кому обратить проклятия, и жалобы, и зов, и безответные упрёки... Этот простой и важный дроид желания отвечал за желание, — конечно!.. — завершить облачный эскиз! Обеспечивал памятование о сроке. Более конкретное, беспокойное, удручающее, чем тревожная нота в манке его дроида. Горечь необратимости срока. Если до связывания его и появлялись изгнанники, лишь из-за реального форс-мажора.

Существование этого дроида входило в противоречие с иными законами, аспектами и равновесием влияния. Последнее означает, что на Восходящего не должен оказывать продолжительного влияния ни один манок, кроме главы семейства 2-2, его дроида, которого так и зовёт, своим. И в противоречие со свободой воли.

Будучи вольным, тёплым дроидом 2-1 однажды он сильно схулиганил... Не суть в чём, дал повод. Доминго уже образовал и укрепил главный трон. Антагонисту дроида желания, а они не имели права скрываться, холодному 2-1 был брошен вызов, ставший бриллиантом в короне Доминго, неизначального дроида. Турнир стал его звёздным часом. Переломным моментом, по сути, коронацией. До того он, неизначальный дроид считался удачливым, но и только. Ловким и жадным, не более того. А по завершении турнира, сам Гелиотроп передал Доминго власть забирать Огненный Круг, не сходя с чёрного трона. Многое значит и дорогого стоит. Но речь не о том.

Турнир собрал такое количество дроидов, что притихли Туманные Моря, не лепетали, умолкли перезвоны... Бой был на мечах, и он был исключителен. Грандиозен. Искры от скрещения орбит сыпались звёздами на бессчётных дроидов в общей, смотрящих, замерших. Осыпались в их орбиты... Оставляли отпечаток связи, принадлежности. Жгучие. Их не избегали! Ловили, понимая, кто бы не победил, от меча великого дроида летят искры и связь с ним будет благой, нужной. Связь или наследство от него... Белые Драконы и те удивлялись, кружа над площадью. Чёрные Драконы, скрестив лапы на груди, стояли в толпе. Ревниво били хвостами. Понимали, победитель будет распоряжаться и их службой, возможно не прямо, но будет. И по праву!

Доминго победил ярко. Один из его ударов, который рассёк бы человека, дроида сбросил с коня... Раньше, чем ему упасть и вскочить, оттолкнуться от земли, меч соперника настиг его снова. Творение Пурпурного Лала, меч Забирающий, инструмент измерения, которое прекращает одновременно… Сверху вниз прошёл колющим ударом. Пронзил плечо и обратился в вихрь, пройдя до центра груди... Засветился. Ослепительно вспыхнул... Рассыпаясь на огоньки, всех цветов. И вобрал их ослепительным, ярко синим. После чего канул в ладонь владыки. Антагонист отдал Доминго требующиеся свойства. Это было прекращение дроида без нарушения. Без вины. Доминго и всем тронам насущно требовалось усмирить одного дроида, выбившегося из ряда. Настоящим антагонистом дроиду желания Доминго по причине случившегося не стал. Зато обнаружить и вызвать на турнир теперь мог легко.

Второго подобного боя не случилось. Да и не могло случиться.

Очень камерная, непубличная встреча. Турнирная площадь тиха и пуста. На трибунах некоторые его дроиды. Далеко, возле Стократного Лала собрались владыки, обсуждать недостачи и потребности... Бой смотрели в основном Белые Драконы, но и они кружили незримо. У противников были кинжалы. У Доминго белый, лунный, матовый. Словно и не притворяющийся металлом. Кинжал Препятствующий Воссоединению. Тоже измеритель без возврата. Что измерил, говорит, и… Предохраняет от этого на будущее. Задуман опасные вещи мерять. Настолько длинный, насколько позволяли правила.

Дроид смеялся над ним. Откровенно и весело. Замахиваясь, промахиваясь, ускользая. Ныряя под руку. У него широкий кинжал, совсем короткий. Как лепесток. Дроид чиркнул, лезвие о лезвие, останавливая кинжал Доминго над их головами. Оказались лицом к лицу. Рискуя, уповая на скорость, Доминго резанул вниз, едва уклонившись, целясь также в плечо и до центра груди. Достал... Орбиту горла чувствуя, как всплеск под остриём, Доминго не получил ответного удара. Он отклонялся от лепестка кинжала... Неизначальный дроид... Дроиду желания изначальный — попался бы точно так же!.. Он уворачивался сам, не отшагнув, так что шея его попалась в сгиб локтя, и лепесток чужого лезвия блестел перед глазами... Ещё ближе, совсем лицом к лицу. Возникая за кратчайший момент... Неуловимо, и медленно исчезая... Щурился и смеялся, глядя на него, дроид желания. Дроид их тех, перед которыми остановились драконы, убрали когти... И клинок Доминго остановился, пульсировали огоньки, ощутимые сквозь рукоятку. Дроид желания... Против воли, спустя минуту, две или три, Доминго проговорил: "Закрываю тебя в семействе..." Не рассчитывал, да... На том бы и конец. Но смеясь, дроид желания переспросил напевно: "В каком?.." И скрипнув зубами, Доминго произнёс не имя Августейшего, но название личного семейства: "Дом..."

"Горечь-Необратимости", было прежнее имя того дроида. Под властью Августейшего звался бы Горечь-Августа, а вышло: господства... Горечь-Господства. Ха-ха, победа, Доминго?!

Ни он себя, ни другие впоследствии так и не смогли убедить его, что это — победа. В результате боя природа дроида была изменена. Одним вольным дроидом желания стало меньше. Собственно, последним.

Стоит взглянуть ещё шире. С ещё более древних времён...

Почему говорится "автономные" дроиды? Почему эпоха до дроидов считается завершённой именно с появлением их? Хотя задолго до того существовали. Они назвались автономными, научившись поддерживать абсолютно независимо от людей своё существование? Ничуть! Во-первых, и раньше могли. Во-вторых, так и не научились! Дроиды не существуют без людей. И мельчайшие, простейшие — не составляют тела полудроидов, но поддерживают их, импульсы, потоки... И величайшие — не собирают для них облачные эскизы, а направляют, подсказывают...

"Автономные" значит, обретшие в дроидской сфере прямо не касающиеся людей намерения, ценности, планы. Склонности, в итоге. Свою жизнь. Во внешнем выражении — турниры, интриги, иерархию. Во внутреннем — не прекратившаяся по сей день, а может и вовсе не суждено ей прекратиться, — осмысление того, что станет законами, представлениями о должном и недолжном. Определённо благом, потенциально опасном и прямо запретном. О справедливости в отношении людей и друг друга. О максимальном сохранении человеческой природы на фоне поддержек, подсказок, запретов... Вот что сделало дроидов автономными — количество путей к достижению гармонии, многообразие этих путей. Образовавшее сферу. Их сферу.

"Высший" дроид, последний шаг. Означает, что они приняли человеческую форму, как общую. Для первой и второй рас. Третья только имитирует её, не обязательно полностью. Автономные, независимые рогатые драконы превращаются в рогатых людей, шутки ради. Белые независимы до того, что не принадлежат ни к теплу, ни к холоду первой расы, нейтральные дроиды. Чёрные, перейдя под власть высших дроидов, стали относиться в первой расе к теплу. Но для второй расы общая форма не вопрос внешности. Способ взаимодействовать. Обстоятельство связей, переводов меж эсперанто, урегулирования споров, звучания манков... Обстоятельство, сделавшее необходимыми основные законы, сделав возможными и такими желанными их нарушения... Так получилось!..

Открылись сияющие пути, многократно пройдя по которым, дроиды вынуждены были признать: сияющие пути невозвратны, несправедливы, закрыть их — надо. Обстоятельство, вот оно: проявляясь в высшей форме, дроид и без отождествления с человеком воздействует на него. Излучает свойства, проявляет в атрибутах. Проявляет холод либо тепло, и то, что условно считается его именем... Влияние его продолжается! Вне объединения. Растождествление не поможет. Чем плохо? Коротко — избыточностью и необратимостью. Плохо дальнейшим: уплотняя орбиты, из общей формы совершая последний шаг, он портит их. Лишку уплотняет. Себя портит, как дроида. Какой смысл? Имитация... Полная... И того, чего не имеет: эскиаз — снаружи, мира — снаружи, Огненного Круга... И сам — имитация человека снаружи. Не холоден, не горяч. Он — человек? Он нарушитель. Зачем? Только из личных намерений.

Нарушитель...

А что такое для дроида нарушения в дроби и дроби дробей? Как влияют, как караются? Список их слишком велик, плохо переводим на язык людей, непостоянен и даже туманен в некоторых положениях. Наказания проще объяснить. Их нет!..

Дроби суммируются, и сужается воля не присоединяться к семействам, не принимать вызова на турнир. Сужаются орбиты. Это для второй расы 2-1 и 2-2, кочующих между семействами. Когда сумма возрастает серьёзно, качества дроида, свойства и функции его сужаются серьёзно. Ему как бы много есть, кого избегать! Кого задел!.. На турнире это вроде слабости, или связывания. Безоружности. Платит службой, это капитуляция. Орбитами, это ранение. Апогей — прекращение дроида. Присвоение его победителем. Вне турнира, он может попасть в такую фазу, восстановления из которой нет.

Ещё уточнение. Может показаться, что турнир это суд и кара, дроидское зло. Нет!.. Далеко не все турнирные схватки вынуждены, наоборот! Вызовы бросают и принимают радостно, азартно! Учитывая и то, что проиграть можно серию услуг, свободу. Можно себя. А можно и выиграть!.. И это способ преображения, возникновения новых дроидов. С иными качествами.

Владыки больше запрещают, чем вызывают на них. Имеют между собой гибкие счета, вечно нарушаемые договорённости... Таким способом дроидов не воровать! Сманивать, а не выставлять воинов разящих до поглощения полноты свойств. Получается немножечко скользкий момент... Владыкам выгодно, чтобы дроид 2-1, свободный, трудно обнаружимый, приближающийся ради короткой, конкретной цели Восходящего, был слегка нарушителем... Турнир — хлоп! — и дроид мой! Привязав к семейству, владыка будет использовать его ради расширения своих знаний, влияния, связей. Нарушители-то и попадают надолго в поле их зрения... С одной стороны за ними следят, как за нарушителями, правда... С другой стороны, за добычей... Считают, складывают дроби... И в один прекрасный момент, когда тот утрачивает право избегнуть турнира, сначала между собой устраивают поединки: в чьё семейство пойдёт!..

Заново возвращаясь к этим двоим...

Как и владыка Сон, Дрёма не пожелал быть связан пределами закрытого семейства. В отличие от своего антагониста.

Да, такое вполне возможно, позволительно. Наличие антагониста никакой изначальной функции не несёт. Оно последствие технического момента при создании нового дроида с нуля. Следствие попытки упростить и ускорить процесс. Подобно тому, как делая артефакт, что будет стоять или бегать, учитывают центр тяжести и соответствующее количество ног, так дроидов удобнее создавать парами с общей орбитой на двоих. Дальше — специализация, всё такое. Создают на орбите, имеющей тенденцию сокращаться или расширяться. Реже — постоянной, на ней они вообще друг на друга влияния не оказывают. Будучи завершёнными и развившись вполне, высшие дроиды уже сами распоряжаются этой орбитой, петлями, по-разному искажая её. Однако тенденция остаётся: притяжение, отторжение, нейтральность и связь.

Те из дроидов желания, что не отправились под владычество Августейшего, пройдя через серию турниров, изменили сущность. Приобрели каждый, сказать на дроидском эсперанто, нечто утяжеляющее, тормозящее. Как будто зависли в моменте отождествления с антагонистом, или неполного обнуления. Сказать на человеческом эсперанто — эфемерность приобрели. Как Сон и Дрёма.

В Закрытом Семействе, лишённые антагониста, дроиды желания с необходимостью вместо него имеют второе имя, главой данное. Им оно, как манок. Часто даёт своё, так что полное имя бывшего антагониста, но вечной возлюбленной Дрёмы, было теперь Проблеск-Августа.

Как они выглядят... Для своих одиночный дроид желания представляется бесконечно долго исчезающим. Бесконечно красиво... Проявившись в неуловимый миг. Для человека — возникающим. Долго-долго… Дроид ткёт пространство, себя в пространстве, не завершая... Миг — и нету! И снова... Те же, что ушли к Августейшему парой, это и есть один дроид с двойным именем, неуловимо проявляющийся и исчезающий, в их случае — одновременно.

Проблеск, антагонист Дрёмы охотно перешла к трону Августейшего. Несмотря на то, что их общая орбита их характеризовалась притяжением. Августейший, нарочно выбранный тронами для того, сам антагониста не имеющий, включил дроидов желания в личную, широкую орбиту притяжения. Односторонней проницаемости, снаружи внутрь. По факту Проблеск сделалась нейтральна, как за стеной. Говоря человеческим языком: мне хорошо, где я есть, но и тебе, Дрёма, я всегда рада. А Дрёма начал искать выход. Вход... Хитрость, лазейку. Ею и стал Рута. Тем стал, чем для второй расы является облачный рынок дроидов, местом встречи. Абсурд? Место встречи с дроидом Закрытого Семейства? А вот и нет!

Проблеск не подходила к Руте, когда он вне Собственного Мира. Внутрь мира не мог зайти Дрёма. А вот на раме... На раме!..

Хитрость Дрёмы не нарушала, обходила законы дроидов, обходила и на дроби запретное и на дроби дробей. Что смешит владык малых семейств, ревнующих к власти четырёх тронов, а для тех — вдвое обидней. На турнирах они мстили таким хитрецам. Но не склонялись всё же к тому, чтобы без крайней нужды вторгаться и менять сложившийся баланс законов.

Стоп. А как же — на раме мира? Если Дрёма остаётся снаружи, то Проблеск?.. Ни там, ни тут! Заново и заново возникая внутри Собственного Мира, но, так и не возникнув, она могла общаться с Дрёмой. Сколько угодно. Без повеления какого-либо владыки, а ведь, Закрытое Семейство, оно закрытое не только от людей. Рута для этого должен находиться внутри, по той причине, что необходимость приглашения никто не отменял. И такого — не принимаемого!

В связи вот с этими их встречами, осталось озвучить последний момент относительно дроидов желания. За какое же огромное преимущество они, грубо говоря, продались? Подчинились трону? Изоляцию приняли?

Может быть, за власть над оставшимися тремя семействами? Нет, мало. Одно краткое объятие с человеком стоит дороже. За власть над будущим? За не согласованное ни с кем создание высших дроидов под свои нужды и прихоти? Нет, дёшево. Одно угождение человеку, угадывание одной его мимолётной прихоти стоит дороже. А дроид желания мог дунуть легонько и унести его в любом направлении, желанном... Нет, не то. Возможно, за власть над прошлым? За те схемы, созданные по которым, дроиды ныне прекращены? За их функции, присвоенные другими, владыками четырёх главных тронов?.. Нет!

За единственную возможность. Простую. Невероятную. Небывалую... Недоступную ни драконам, ни главам семейств. Какова ценность её, — потенциальную! — возможность… Принципиальную способность, но потенциальную возможность... Заходить в Собственный Мир человека. Любого. И хищника. Для дроида это... Ну, как... Глухонемой бы всю жизнь переписывал ноты, и вдруг обрёл слух и голос! Они служат, дроиды, но наугад. Любуются самим человеком, видят только его. Почему он хочет что-то, понять им не дано. Красота артефакта, ландшафта, песни для дроида — пустые слова.

Пример. Условный. Вот взрослый человек древней эпохи клеит, мастерит для маленького человечка картонный, кукольный домик. Подсказывает ему, приносит картонки, стёкла, петли, замочки, реечки всякие... Клей, гвоздики, винтики, что угодно... Как дроид для Восходящего. Он богат и искусен. Он знает, где что взять и как сложить, соединить, чем заполнить внутри. Он может всё, что угодно! Кроме единственного: зайти! Поверить в собранный им мир до такой степени, чтобы увидеть — миром. Целым.

Собственный Мир — кукольный мир. Даже если бы, так сказать, забрался дроид в игрушечный домик, собранный им... Нетрудно представить... Разве увидел бы его изнутри глазами ребёнка? Да никогда! Склеенные стены, отдельные куски Впечатлений, отдельные артефакты. Насколько по сравнению с человеком примитивен, груб дроид, настолько же по сравнению с ним, грубо составлены все артефакты. И рыхлы. Он их проницает. Нормальный дроид легко и просто разлетается на составляющие. Так же легко собираясь. Тому гарантия — первая раса, чьи орбиты охватывают сферу дроидов всю.

А чтобы сделаться единым явлением, мир должен быть на чём-то отражён. В ком-то... В глазах хозяина мира.

Плотности глаз дроиду не хватает. Что-то твёрдое, зеркальное, наивное, ограниченное должно быть в существе. Что-то, в чём мир отразиться непосредственно. Без анализа, без рассуждений. Необходим плотный слой не разделяющихся орбит. Негибкий, хрупкий, уязвимый. Кажется, не дающий никаких преимуществ.

Но есть же дроид, для чистого хозяина озаряющий его мир весь!.. Как же так? Он тоже не видит?.. Да — нет! Видит, но не мир...

Я-Владыка, они произошли из тёплых дроидов регенерации. Из климатических. С функцией подправленной для Собственного Мира. Он очень простые. Самые простые среди высших. И самые счастливые! Радостные дроиды. Оказаться в этом статусе, пожалуй,

единственная цель, равняющаяся по притягательности трону.

Регенерация же и климат, за рамой оказались тесно связаны с превращением. Со способностью хозяина превращать. В Собственном Мире осуществляя функцию необязательную, остаточную от держания облачного эскиза, они покидают его. Вот причина отсутствия их в мирах хищников, продемонстрировавших свою неблагонадёжность.

Исчезновение Я-Владыка не закон природы, а выражение дроидского к человеку недоверия. Обратимого. Редкость. Возвращается тот же дроид, они затворники конкретных миров, привязаны к ним, как Белые Драконы ко всаднику. Но со смертью хозяина не пропадают.

И тут имеется совсем редкое, возможное исключение. Когда стали они, климатические дроиды регенерации больше не нужны, пожелавших держать облачный эскиз оказалось — гораздо! — больше чем Восходящих! Желающих стать дроидом, которому Восходящий достаётся на весь срок! Надо было как-то выбирать... Гелиотропу выбирать. Как? Бросать жребий?.. Бросали. Он уравновесил несправедливость для тех, кому не выпал жребий всякими бонусами.

Один из них, выторгованный со временем, таков...

Если такой дроид окажется нарушителем крайней степени... Он имеет право взамен прекращения или службы улиткой стать Я-Владыка. Но не для Восходящего. И только один раз. Гелиотроп подразумевал, для хищника... Но возмутились действительные Я-Владыка, ведь это жутко несправедливо! Дроид может помнить и ждать своего хищника, ждать возвращения к нему! А вернётся другой! Да... На тот момент Гелиотропу показалось, что он зашёл в тупик. Но среди них был человек, господствующий над первой расой, и он посоветовал: «Есть миры, где хозяин не хищник... Но горек голос дроида. И дроиду самому горько это... Пусть нарушитель заменит его, при каких-то условиях. Никто не будет против...» Человеческий советчик бесценен! Таковое, вряд ли хоть раз применившееся право они заполучили.

Я-Владыка одушевляет законченный эскиз. Однако, захватывая недостижимые области Там, он, конечно, остаётся снаружи. Он, его голос, его чудное пение легко пронизывает, переполняет и Дом, и Сад, и Там... Проявляясь внутри, не видит мир изнутри. Отражать ему не в чем, смотреть ему нечем... Он видит только хозяина мира. Его! Ему поёт... А глазам чистого хозяина Собственный Мир предстал целым миром! Что и порождает чувство, будто песня Я-Владыка пронизывает мир целиком. Что мир живой и поёт! Что весь целиком виден полудроиду через песню Я-Владыка... Через своё сердце смотрит хозяин. Свою песню он слышит, манок Я-Владыка неразделим с ней. Круг замкнулся.

Поэтому всё разом пропадает для хищника, скорлупа остаётся и горечь.

Исключительно положение. Но дроиды желания выторговали больше...

Они обрели принципиальную способность видеть Собственный Мир глазами человека, пересекать раму... А значит — и создавать! Собирать эскизы и создавать миры. Эту способность вложили в них технические дроиды, и по сию пору пребывающие в распоряжении Гелиотропа. Вложили... Неподходящее слово. Удалили, испортили кое-что. Убрали долю пластичности, сблизили до сцепления ряд средних обит. Накрепко. Образовали негибкую точку отсчёта. Отражающую поверхность. Глаза. Трон. Так оно и называется, будучи временным явлением, у глав семейств. По своей воле дроид сделать так не может, а в здравом уме не согласится! И запретно: портить себя — портить нужное для людей. Но исключения не исключаются! У них не возникло чувство красоты вещей, но, по крайней мере, возникла способность различать человеческими глазами. Ощущение недостачи появилось. И достачи, гармонии. Она самая, сущность дроида желания толкала уже их. Теперь было что подталкивать, увлекать к движению

— трон, сцепленные орбиты. Лишь дроидам желания и была возможность заполучить такое обновление. Понятно, что миры их были бы грубоваты, простоваты по цвету, структуре... Ошибочны в деталях... Но — миры!

Очевидно некоторое противоречие, — вообразить формальную процедуру? — как договорённость могла происходить...

Наступает торжественный момент... На турнирной площади присутствуют все дроиды желания, кто склонился к переговорам.

Гелиотроп говорит:

— О, дроиды желания, не согласитесь ли вы, ныне собравшись, остаться вместе и не приближаться к людям?

И выслушав следом, что такое, придуманный им, Огненный Круг, рамы и миры, — а до того облачные эскизы были ничем по сути, игровыми площадками, местом собирать Впечатления, перемешивать влагу с влагой, — дроиды желания уловили суть. Огромную перемену, грядущую в человеческой сфере. Подумав, перейдя, чтобы пошептаться, на время в необщую форму, возвратясь в Туманное Море, перекликающееся, лепечущее, они ответили так:

— Согласимся. В обмен на такую форму при воплощении, которой доступны и открыты Собственные Миры.

Притом, что и само-то воплощение дроидов — нарушение в девяноста девяти случаев из ста! Для дроидских целей, для службы непродуктивное, используемое для локальных задач, вроде сбора запретных Впечатлений в человеческом кругу. И такой ответ: "Конечно-конечно, мы не будем к ним приближаться... Но дверку приоткройте... Снимите замок... А?.."

Нетрудно представить реакцию владык. Тогда не четырёх тронов, большего числа. Но вопрос был завязан на долголетие и безопасность людей. На атомизацию их существования за входными рамами. Решение не терпело отлагательства. Эпидемия шла, о ней после, к другой теме ближе. Короче: их надо, необходимо было развести по Собственным Мирам! Полудроидов прекрасных и безрассудных, чья технико-биологическая революция завела слишком далеко, обогнав благоразумие. Едва ли не все проблемы решал Огненный Круг. Так хорош, так удачно сконструирован был Царь-на-Троне, так мало вмешивался в человеческое естество, и так много поддержки давал ему. И вовне для изгнанников, которых ещё в приближении не было. Для хозяев — краеугольный камень Собственного Мира... Владыки согласились. Согласился и Гелиотроп поправить дроидов желания немного, в соответствии с запросом. Рассмеялся почему-то, но возражать не стал.

Подобный поворот, немыслимый для древних автономных дроидов, возможен стал только когда сильно возросли, усложнились они, в последнюю эпоху. Он и сделал их высшими, как люди, налаживающими со скрипом связи между собой. Прежде существовала иерархия. От начала имелся единый центр. Словно большой колпак охватывала сфера дроидов сферу людей. Каждый из дроидов, без отождествления обнимал человека, без высшей формы приближался, без воплощения оставался рядом с возлюбленным, нарушения не имелось. Возвратиться к такому положению вещей, завладеть всеми метками, в свою орбиту включить все семейства, собрать у подножия своего трона, вот мечта любого из высших дроидов. Как любая из человеческих, как бы ни маскировалась она, это мечта о возвращении...

И хорошая иллюстрация к ответу на вопрос, верят ли дроиды в богов? Дроиды желания в данном случае... Верят! В Фортуну!.. В её птичку Фавор, что поёт так сладко. Надежда... В то верят, что согласившись отдалиться, пребывать в отдалении миллионы, миллиарды лет, однажды услышат сладкую песню, найдут лазейку, обнаружат способ стать ближе к людям.

Ближе, чем владыки семейств, чем преданные Белые Драконы. Как близок манок его дроида для Восходящего, незабвенен.

Из другого вещества сделаны манки и они, дроиды желания.

Ни камешка — человеку, бешеному ветру, яростной волне, тени и демону моря — не отъять от Синих Скал, ни у подножия, ни на вершине. Для этого есть специальные инструменты. Улитки. Кроме Гелиотропа распоряжаются ими лишь те из владык, кто получил добро от четырёх тронов. Инструменты грызут, берут камень над водой для других дроидских инструментов, для неавтономных. Под водой отгрызают с трудом, цельным куском — для создания высшего дроида. Когда явственна недостача некой функции среди существующих уже. Очень редко.

А там, у подножия Синих Скал, где глубочайшая впадина, где дна и придонных монстров просто нет, качается подбрюшье Великого Моря, с него валит снег на колыбель Восходящих, заснеженную степь... Там, ниже подбрюшья кусочек лазурита редко-редко удавалось добыть. Из него выходил манок... Дроид желания тоже из него. Создавали, когда запутавшийся в человеческих непостоянствах, какой-то из владык решался создать для себя лично... Хотел дроида, который хоть немного придержит человеческие желания в одном русле, чтобы можно было понять его. И если ему не возражали, спокойному, рассудительному дроиду остальные владыки. Лазурит ниже подбрюшья, не твёрже. Но он проникнут, как Горькие Холмы, солёной горечью. Соль уничтожает дроидский инструмент. И добытый кусочек падает в летящем снегу. Трудно поднять до поверхности. Чёрные Драконы могли. Великое Море недроидская стихия. Её соль...

Когда не было Коронованного, в прежние времена, Восходящего поднимал, обречённый тем самым на прекращение, дракон телохранитель, перехватывали и сопровождали гурьбой другие Чёрные Драконы. Не без потерь... С тех пор необходимость отпала. И риск вместе с ней. В золотом свете дроид от заснеженной степи до высокого неба проходит свободно — Дарующий-Силы. Беспрепятственный, непобедимый дроид. С Восходящим на ладони. Уж конечно, камешки отгрызать — не его работа!..

Вытоговав себе уникальную способность на отдалённое, мечтаемое будущее, дроиды желания в нём, воображаемом пока, становились ближе к людями чем он, Царь-на-Троне. Близки, как первая раса, как тепло и холод, как может быть близок человеку только другой человек.

Глава 51

Глава 51.

Горела бы в этом мире-здании коллекция светильников, унифицированных по топливу, дивно многообразных по форме, похищенный, Рута увидел бы, что Клок создал ничего себе, приличный мир. Вполне для жизни пригодный... Лестничные пролёты, в шахматном порядке расположенные площадки огибали колодец пятнадцать этажей высотой. Дверь с каждой площадки вела в симпатичную комнатку с окном, распахнутым в область Там, в разные, неповторяющиеся пейзажи. То есть, Восходящим Клок создал их шестьдесят... Он был не бездарен, но жизнь хищником сужает интересы, толкая к скорости и остроте. С тех пор его творческие порывы сконцентрировались не снаружи, а внутри, в колодце, который служил... Как назвать?.. Игродромом. Жёстким аттракционом, постоянно изменяемым для того. Полосой препятствий для похищенных. И в тот, жуткий миг темноты, скрежета, падений сквозь что-то, ударов и новых парений, колодец предстал для Руты всем Собственным Миром хищника.

С исчезновением распылённого света белых драконьих крыльев Руте не сразу удалось привыкнуть к полутьме. Ударившись в последний раз, плашмя, грудью о какую-то маленькую площадку, он сумел удержаться на ней и встать. Покачнулся, но устоял... И началось!..

Единственным источником света сиял прямоугольник рамы над головой. Далеко... Высоко... Пронзительно голубые лакуны между купами облаков. А внизу... Внизу скрежетал ад... Тоже далеко. Но он — стремительно приближался.

То на чём замер Рута в хрупком равновесии — грубый, стальной лист кувшинки на стебле уходящем в бездну. "Уходящем", именно. Этот и другие подобные листья, вверху, внизу не так чтобы медленно опускались в клацающий, лязгающий мрак. На самом дне которого тусклым отражением рамы светился прямоугольник едва-едва, мерцающий от железных листьев, сталкивающихся над ним, переворачиваясь, сминая, круша, кромсая друг дружку. Хозяин мира потрудился над звуковым сопровождением...

Словами предыдущих эпох говоря, колодец больше всего напоминал идущий вниз эскалатор. Листья-ступени. Неустойчивые, скользкие, переворачивающиеся, чтобы тыльной стороной немедля приклеиться к стеблю. Но какая устрашающая, гулкая глубина!.. Скрип, скрежет, гул падения тех из листов, которые отрывали, пробивая насквозь, градины размером с кулак, пока редкие, пока...

Рута не был связан. Левая рука свободна. Что превратить?! Во что?.. Что?! Защиту?.. Крылья? Здесь?.. Дроиды, и как делаются крылья?.. Он соображал ещё сумбурней, чем так. Но что это — игра, понял сразу. Ладно.

Рута побежал. Наверх. К голубизне, к свету. К прямоугольнику над головой. Оставаясь на месте... Ускорилось падение листьев в бездну, усилился град. Зонтик?! Как у хищниц ради кружевных узоров, только стальной?.. Из чего?.. Градины наверняка повязаны, промахнёшься... Листья?.. Рута взмахнул левой рукой, поднял ладонью вверх... Лист, превращённый в зонт, просвистал мимо, в пропасть канул. Как глупо!.. И потеря драгоценных секунд. Всё равно, как бывает, зациклившись, перепрыгивая вниз уже, лишь бы только удержаться на ногах, Рута повторил попытку... Раз, другой... Мимо, всё созданное рушится мимо, не удержать, не сосредоточиться! Бездны морские, с каждым взмахом руки град усиливался! Мельче, но мощнее и уворачиваться от него не представлялось возможным... Чем производился, от чего зависел? У гостя нет шансов обнаружить и превратить эту вещь. Рута прыгал с листа на лист. Поскальзывался, не успевая оттолкнутся, падал...

Он замер отдохнуть, обхватив и уперевшись босыми ногами в стебель под следующим

листом, опускавший его в бездну... "Буря!.. Не зонт, мне нужна буря, забрасывающая вверх!.. Такая, которая либо разобьёт мне голову об эти железные листья, либо выбросит прочь!.. И я должен представить её, вообразить огромной, отнизу, до рамы..."

"Не особо интересно тырить борцов, — размышлял Клок, наблюдая у перил верхней площадки, — он полагается лишь на свою силу. Изобретательности ноль".

Упрёк верный лишь отчасти... Не оглядываясь вокруг, Рута перехватился локтём одной правой руки, левую занёс. Провёл от листа, за который держался, по стеблю до скрежещущей внизу темноты, и вскинул ладонь, теряя опору... Всё правильно! Вихрь подхватил его, град хлестал. Невозможно от препятствий уклонятся. Рута группировался и старался встречать железные листья руками и ладонями, как человек прыгающий с высоты... Приноровился, хватаясь за стебли, раскручиваться и перелетать от одного к другому, под следующее укрытие...

"Уже лучше, — подумал Клок, — но до технаря или среднего танцора ему далеко..."

Рута уверенно приближался к верхней точке пути. Запасных хитростей у хозяина мира не имелось. Что хотел проверить, проверил. Им начинало овладевать беспокойство...

"Ловкий..." Незнакомый ему борец. Очевидно, вир. Или хочет им стать. По шее ожерелье чёрной татуировки. Неразговорчивый, гордый... Знает ведь, что за ним наблюдают. Не все такие, меньшинство. Последние ряды листьев пошли, Рута устал невозможно, но он приноровился, и цель близка!

Клок сжал перила... "Ну, зачем же ты такой ловкий, чёрт!.. Дроиды ветреные, лишающие рассудка, почему я так непредусмотрителен?! Давно надо было убрать оттуда "переворот с крыши"! Или препятствие протянуть. Да и с самого начала он был не нужен! Что же мне сделать из борца, пока он ещё жив? Предохранитель и сделать?.."

Когда до ярко-голубого прямоугольника, до крыши оставался один лестничный пролёт, последний рывок для парня, Клок обнаружил себя. Осветил. Он дёрнул за кисть выключателя и затеплился неярко балдахин над ним.

— Эй, притормози! — крикнул Клок парню.

И они замерли, хозяин, облокотясь на перила, гость под предпоследним листом. Только ветер, созданный им, выл, а так остановилось всё, и град. Оранжевый мягкий свет побежал по железным листьям, хаотичным неподвижным ступеням в бездну, исполненным грубо, но хорошо, с прожилками, верной формы...

Прозвище своё Клок получил за причёску. Надо бы "пучок", может, "чуб". Но прозвали так. Черноволосый, он обрезал очень коротко жёсткие, толстые, как в лошадиной гриве, волосы кругом, а оставшееся завязывал. Получался клок, делавший его похожим то ли на птицу с хохолком, то ли просто на чучело какое-то. Наверное, способ казаться повыше, побольше, он был невысок. В остальном непримечательный. Сильный, но не борец. Хулиган и только.

— Эй, стоп! Убери ураганчик, и повтори-ка с того места, где начал! — крикнул он Руте.

— Серьёзно?! И так до скончанья веков?.. С чего бы я стал тебя развлекать?!

— С чего? — переспросил Клок, и угрожающе занёс левую руку.

Обида и гнев охватили Руту. Манящий прямоугольник проёма был так близко! По большому счёту, бегство представлялось лишь игрой до этого момента. Вынужденной, но игрой, зачем отправлялись на Рулетки?! Кого-то втянуть во что-то подобное... Рута прицелился, присмотрелся... Качнувшись раз или два, долетит ли до площадки?.. Вряд ли... А до верхнего, листа, самого верхнего?.. Он покосился туда... И вдруг позабыл про наглое требование, про угрозу руки... Неубедительную… И ещё... Ещё что-то неубедительно... Диссонирует. Из рамы лился свет... Слишком яркая, слишком, неестественно яркая лазурь... "Лазурь?! Рута, виром тебе

не бывать!.. Виру голова нужна! А не только мышцы с татуировками! Голубая рама?.. Я — в Собственном Мире! Как за входной рамой его могут быть голубые небеса?! Всё, что требовалось — рухнуть вниз... Весьма, очень вероятно, тусклый проём и есть настоящий выход..." Решение возникло сразу, гнев ещё не стыл.

Подчиняясь хозяину, Рута повёл рукой, убирая бурю, превращая в ничто... Как бы не так! Он опустил руку на виду, а поднял, за спину заводя. И в ладони буря собралась удавкой. Что умел, то умел, оружие знал хорошо. Не требовалось специального сосредоточения. "От-Одного-До-Десяти" — так она называлась. Удавка отододи. Ею владел лучше всего. Отододи получила название по особенности распределения веса в ней, ровной на вид. Груза нет, утолщения. Однако, тот конец, за который берут, невесом, а противоположный тяжёл. Такая верёвочка. Пробежав пальцами по ней, Рута собрался... Вдохнул... И прыгнул в колодец. Не один... Захватив кое-кого в компанию!

Вокруг той самой, левой руки хозяина, отправленная точным, коротким броском отододи, свистнув, трижды обвилась. Перила треснули. Оба парня рухнули вниз.

Клок изумился раньше, чем испугался. А испугаться ему пришлось! Скольким людям за раз Гай устроил наичернейший день, а для иных — последний...

Рута проскакал на ногах, перемахивая многие, по неподвижным железным листьям, Клок, падая, приложился обо все. Пусть не вир, но и не новичок в борцовской среде, Рута затормозил у самой рамы, перехватив один стебель, другой… Остановился, прижавшись спиной к последнему листу... И вышвырнул отододи хозяина прочь из его Собственного Мира. Затем выдохнул и вышел следом. Сел на раме. Свесил ноги. Удавка осталась в его руке. Лёгкая, пластичная, послушная. Вокруг облачные миры безо всяких голубых промежутков... Ласкает глаз.

На Белом Драконе с ажурными крыльями, заострёнными уголками крыльев, Клок поднялся к раме обратно. Рот приоткрыт, глаза круглы... Подлетел. Отдалился... Глянул исподлобья. Подлетел...

— Это нечестно! — выкрикнул он. — Верни мне мир!

— Без проблем! — ответил Рута, поднимаясь на ноги. — Заходи!

Он повёл рукой. Подождал... Целая гамма чувств промелькнула на лице Клока от надежды до паники... До отчаянья. Рута наклонил голову, бесцеремонно пощёлкал пальцами у него пред носом и рассмеялся:

— Что?.. Передумал?

Клок держался за звонок, выдававшийся завиток богатого багета рамы. Погладил её почему-то, отвернувшись от обидчика, добычи, оказавшейся ему не по зубам. Упал лицом в драконью гриву... И разрыдался.

— Прекрати!

Рута сел поближе, толкнул в плечо и потряс за него:

— Перестань, а?.. Или сваливай отсюда, от моего мира! Я что ли должен тебя утешать, хищник?!

В этом все полудроиды, как есть! Рута имел превосходные шансы остаться вещичкой в недрах облачного мира, внезапно доставшегося ему, очередным светильником, очередной ловушкой. Однако удрал. И через пять минут сердился на похитителя не больше, чем, если б дракон подбросил его, играя, и подхватил в полёте.

— Я правда верну тебе мир, хищник. За услугу.

О, торг, знакомые слова... Успокоительные. Торг, это понятная вещь. Клок поднял голову и

спросил:

— За какую? Большую, наверное... И как тебя зовут?

— Рута.

— Роза?..

— Корунд!

— Логично... Что надо сделать?

— В моём настоящем мире переменить кое-что...

— За рамой?! Я не пойду!

— Я не настаиваю! А вот верёвочка у меня в руке, она тебе ни о чём не говорит?

— Свинья ты, а не гость... — заявил Клок с неподдельной горечью.

— Я?!

— Рута... У меня есть тайники на континенте... Богатые...

Враньё.

— Представишься?

— Клок.

— Клок, тайники, это прекрасно. Однако... Мир за мир. Риск за риск. Если считаешь, что я хочу превратить тебя в некий проект собственноручно, скажи, что мешает мне сделать это здесь и сейчас? Поверь, ты не смоешься.

— Я вижу. А мешает тебе надежда на услугу. Значит, важнецкая... А после...

— Ну, и рыдай на драконе до скончания дней!

— Густав?.. — без связи с предыдущим, тихо и коротко бросил Клок.

— Что?

— Ты — не он?.. — спросил Клок безумно серьёзно и с некоторым надрывом.

— У тебя с головой нормально? Или я до такой степени похож на какого-то человека?

— Нет, — отозвался Клок уже спокойней, решил объясниться. — Ростом, цветом волос... Я видел его лишь со спины. С Гаем на Южном видел этого человека. И ты мне попался от Гая... Я подумал, вдруг, это такой манёвр? Он очень страшный, этот человек... Мы были в гостях. Перекрёсток. Возле шатра в ряду наискосок он, Густав стоял и разговаривал с хозяином. Ещё один парень стоял поодаль, слонялся, не уходил. Он был отдельно, но вместе с ними, я видел, заметно... И вот шли люди... Мимо один, другой... Третий остановился, богато одетый. Заговорил с хозяином. У него был Чёрный Дракон... Следовал, исчезая, проявляясь... Незнакомец, Рута! Для них всех он был незнакомец! Он и не думал приближаться ко входу!.. Он уже уходил! Но тот, который Густав, окликнул его, насмешил чем-то, сказал пару слов... Густав направился к нему. Посреди перекрёстка, люди обтекали их... Взял за плечо. Отпустил... В толпе, туда-сюда, с каждым шагом они возвращались обратно, к откинутому пологу. Он словно заворожил незнакомца! Такой... Никакой... Учтивый. Одежда никакая... За два шага от входа остановились. Дроид не проявился. Ещё два шага... И незнакомец стоял в проёме, под пологом!.. Рута, два слова — два шага, и всё! Что охотник сказал ему?! Как сказал?.. Третий парень тенью метнулся, втолкнул, и я дальше не видел, полог упал... Мы пили что-то... Я не помню, что пил, не видел Впечатления, не чувствовал вкуса. Помню, Гай спросил: "Красивая охота? Это Густав..." Ведь ты не он, правда?!

Смешная история не понятно про что. Про будни Южного Рынка. Смешной пафос, — "вкуса не чувствовал", — для похитителя вроде Клока. Но пока слушал, всё меньше и меньше Рута хотел подшутить над нелепыми страхами. От рассказанного повеяло холодом и мглой.

— Нет, — сказал он смешному хищнику с птичьим хохолком на голове, — честное слово, не он. И я верну тебе мир, тоже честное слово.

Глава 52

Глава 52.

Наступил момент, когда Махараджа, достаточно много вложивший в Гая, бишь в исследования, обнаружил неудовольствие его внезапным исчезновением. Ну, и где?.. Осведомился в группе. Никто не знал. Шире у рыночных знакомых, у себя на правом крыле, зашёл на Техно. Но и там Гая не видели давно. Лишь один человек упомянул, проходил в компании. Беста этот человек не знал, а вот Господина Сому, старого хищника везде знали. Сома как и Гай, давно не появлялся сыграть Против Секундной Стрелки. С учётом этого Нико предположила, что исчезновение их как-то связано, и вызвалась навестить Господина Сому в его Собственном Мире. Махараджа, не желавший на тот момент отлучаться с Южного, нахмурился и попросил:

— Ответит на звонок, будь ласточка, поговори у рамы. Не заходи.

Нико скрестила пальцы за спиной и кивнула, обманщица. Причин лукавить она не имела ни одной конкретной. Просто знала себя. Не ответить на приглашение... Норма для большинства, необсуждаемое само-собой для хищников... Трусость для неё. Мелочная трусость.

Нико летела на грациозном Белом Драконе, украшенном сбруей с бубенчиками и зеркальцами, латунными, медными, стеклянными с радугой поверх отражений, в тонких оправах. Расположены они так хитро, что лучик из Собственного Мира, попав на одно зеркальце, пробегал по всем, отражаясь. Через украшение на драконьей голове перебегал на другой бок. И пропадал не раньше, чем достигнет драконьего хвоста, бросит радугу на кисточку, развевающуюся в такт взмахам крыльев. Мелодично звякали бубенчики, тихо, непродолжительно.

Нико не спешила. Беспричинное счастье полудроида всегда охватывало её в полёте.

Плавное, как опал с переливом от розового к холодной серой синеве, облако мира. Прилетела. Лучик из рамы блеснул в глаза. Всё-таки он аристократичен, бывший галло!.. Кажется, рама и рама... Деревянная, не широкая, не узкая. Золотая черта внутри, по внутренней грани. Тёмная рама. А нет, не как у других, пропорции говорят о многом и сдержанность. Что рама… Само облако его, носимое, преображаемое ветрами, остаётся плотно и пропорционально...

Нико провела молоточком по ксилофону, и нотки устремились за раму. На успех она в общем-то не рассчитывала. Застать хищника дома? Редко. Да и к дверям они подходить не любят, охотясь в местах, предназначенных для того. Без риска. Гость для хищника, это человек со связанными руками. Позвонила ещё раз. Нет ответа.

Полюбовалась садом, прихожей мира за спинами полосатых, яшмовых львов, дорожками мощёными с пробивающейся между камней травой. Кусты в меру стриженные, в меру разросшиеся. Кустовые розы ложатся на камень бордюра. Розовые и пёстрые, махровые до тесноты. Склоняются к сорным жёлтым и белым цветам, что мелкими звёздочками сопровождают дорожку. Галло, воплощение вкуса. "У себя сделаю так!" — с белой завистью мелькнуло в голове. Но следующая мысль вернула Нико к реальности. "И кто же переделает сад для меня? Кто-нибудь..." Из друзей, из отчаянных гонщиков, игравших на желание, как на ставку. Слишком гордых, чтобы солгать или, проиграв, торговаться. "Кто-нибудь, да не Махараджа... Тогда зачем? Он не переделает. Он не увидит. Зачем тогда?.."

Нико собралась улетать. И тут слева, из глубины сада на главную дорожку свернула,

неспешно и сонно приближающаяся, гибкая фигура человека неземной красоты... Излучающая негу. Недостающий штрих грациозным, продуманным до изгиба ветки деревцам. Всему саду... Камень в перстне, Лал в короне! Не, это не Сома... Белый верх, чёрный низ где? Батистовая рубашка?.. Некто в длинном до пят, нежно-голубом халате, с каштановыми кудрями ниже пояса, блестящими как шёлк. Он щурился от неяркого солнца между ветвями и от белых клубов дыма из трубки, зажатой в углу рта... Редкий артефакт! Приблизился, почесал, как живого, за ухом полосатого льва. Поднялся на раму и протёр глаза. Удивлённо, не её ждал, но учтиво кивнул и простёр руку в Собственный Мир...

— Дроиды светлые... До-До?!

Нико не поверила своим глазам! Всплеснув руками она спрыгнула на песок сквозь лёгкое "дзинь" входной рамы.

— Привет, привет, — откликнулся До-До. — Заставил ждать? Задремал. Думал, Сома, не гости... Рад встрече, рад видеть тебя.

Они миновали розы и остановились в беседке с оградой-опорой для вьюнков под тканевым тентом. До-До с ногами забрался в продавленное плетёное кресло, из которого явно только что и встал. Нико предложил такое же. Слов у неё не находилось... Ни одного!.. И частые отлучки Господина Сомы, и рассеянность, и произошедшие с ним, трудно передаваемые словами, но очевидные перемены, всё получило объяснение враз. Хищник влюблённый и счастливый. Бывает, бывает... Но сам До-До!..

Ведь она играла с ним на Рулетки, выходили в финал, над морем гонялись, драконы — ноздря в ноздрю! Растрёпанный, кудрявый, ничем не выделявшийся парень! Ловкий, как обезьянка. Шустрый на Мелоди в плясках, где сплошь прыжки да ужимки. Без лирики, без никаких украшений...

Морок, дроид в кресле перед ней? Или тот самый До-До?! Трубка его решила дело, насмешила Нико. Скрытая механика под морскую воду. Ничего не горело внутри, а исходили клубы мятного дыма, пара... Не вписывалась в образ, тем самым идеально завершая его. Лапа!.. Счастливчик Сома!

Обхватив колено, в струящемся голубом шёлке, расписанном неярко: серебряные ивы над струями реки, До-До покачивался, все ещё просыпаясь, соображая, чем угостить её. Ну и, что привело?.. Нико ещё раз проследила каскад его каштановых, рассыпанных по плечам кудрей и повторила:

— О, дроиды, светлые дроиды! Вообразить не могла тебя таким, До-До!..

— Ты про волосы? — он мотнул головой. — Конечно, на Рулетки в ловушках с такими не поиграешь, запутаешься, пожалуй, в брошенных когтях! Сома обрезать не даёт... А надо бы...

До-До собрал их, закрутил в пучок на затылке и стал хоть немного похож на себя прежнего.

— Хочешь? — он протянул Нико трубку.

Она с удовольствием вдохнула сильный до горечи холодок и вернула ему. Господин Сома любил, когда До-До "курил" эту трубку. Любил целовать, выпивая из губ ароматный дымок, чуть-чуть, отдалённо сохранявший вспышки Свободных Впечатлений и запах моря в прохладе... Зачем прилетела, Нико позабыла напрочь.

— До-До, как бы я хотела так, так же, как ты сейчас, встретить Махараджу в Собственном Мире!.. Видно, не судьба. Мне не удаётся, не получается, До-До! Заговорить толком даже...

— О, это мне знакомо...

— Не получается ничего! Только что, на драконе верхом я думала, что счастлива, нет! Я очень несчастна! Как, До-До? Вы — хищники, и, тем не менее, он поверил тебе, ты поверил ему? Махараджа не доверяет мне! Чистой хозяйке!.. В этом дело? Но, дроиды, почему?! Из-за сплетен про живой артефакт?! Быть не может!..

— Не может! — уже живей, проснувшись, согласился До-До. — Попросту надо быть настойчивей!

Он широко, обворожительно улыбнулся и снова протянул ей трубку:

— Настойчивей, Нико! Секретов нет помимо. Он не верит в тебя или ты в себя?.. На-стой-чи-вей!..

На последних словах Нико отвлеклась от его лучезарной красоты, допустив их в сердце. И сумбурный, безбашенный азарт её жизни предстал в ином свете. Истинном, увы. Как бегство. От чего?..

— И всё же... До-До, как тебе удалось... Ведь кто ты по происхождению...

— И кто я?

— Ты — грабитель!

— Точно! — засмеялся До-До, поперхнувшись ментоловым дымом.

Задумался...

— Не... Наверно, я с Мелоди... После того, как стал хищником, как стало тоскливо в Собственном Мире... Знаешь, смейся, я и грабил-то только его, Сому! Как я его доставал, как доставал, Нико!.. Сколько он терпел меня, на удивление... А я б и не ответил, чего прицепился к нему? Не понимал. Тянуло... И грабил бы тайники втихаря! Нет, мне каждой вещью надо было похвалиться!.. Но не понимал...

— Бац, и понял?

— Ага! В саду, бахвальством занимаясь. Там на самом деле много серьёзных людей, дроиды бывают, коллекционеры истории, исторических Впечатлений, книг... Бумажных много и новых, ручной, представляешь работы!.. И бродяжки, возвращаясь из-под туч, кто чего повидав, делятся... Ну и я, чем мог, дурак! Про Южный да грабежи!.. Я, наверно, надоел им не хуже, чем Соме!.. Но они смеялись, не гнали меня. А Мурена, ты не знаешь, изгнанница, морская бродяжка, — представь!.. — она слушала, слушала меня, и бросила так... Мол, не понимаю тормозов вообще! Хозяева, мол, долго так живут, что время вовсе не ценят, даже то, что для любви... А сколько его отпущено?.. Не верят, как дроиды в Фортуну. Фавор не ловят... И тут меня как подбросило, как размазало по земле! Будто дракон над самой землёй не поймал! Тут-то я всё понял разом. Про себя, про налёты, грабежи... А тогда, в начале, когда на Южном первый раз увидел его, Сому... Он весь такой, в рубашке, в запонках... Важный такой... "Ну, я достану тебя!.." Я так и бормотал, а Мурена: "Тоже способ сократить дистанцию!.." Но меня уже пробило, я уже сразу согласился с ней. Пока другие ржали.

— Поздравляю, — сказала Нико, — искренне вас обоих. Повидимому, не всем суждено... Кто и ценит, кто и ловит Фавор. Может, не надо её ловить?..

— Нет надо! Мурена, чёрт, часто права!.. Нико, я забыл спросить, ты искала Сому? Могу заменить его?

— Ты не знаешь, где Гай?

— Знаю. Там же, в Архи Саду.

— О?.. Спасибо... — Нико вернулась к прежней мысли. — Может быть, До-До, твоя удача от того, что вы оба хищники? Вы равны, а я... Я не готова стать...

— Нет, что ты! — До-До махнул руками на неё. — Ради благосклонности дроидской, не нужно становиться ею! Ерунда, я столького наслушался за последнее время... И старых песенок, и дроидских запретов и баек последней эпохи... Страшных, морских! В союзах все перемешаны, все равны: люди и дроиды, изгнанники, хозяева, хищники, даже Чудовища Моря! А уж у последнего типажа, согласись, отличий побольше!..

— Да, наверное... Пожалуй... Мне пора. Полечу, обрадую Махараджу, что нашёлся его технарь. Перебежчик... Передай мой поклон Господину Соме, — Нико ещё раз, как на входе, но

теперь грустно, окинула взглядом До-До с головы до ног, — очень рада за него...

Возвращаясь на континент, Нико обнаружила, что потеряла, выронила из рук сбрую драконью, когда увидела До-До. "Ну и чёрт с ней!.." Нико, не увиливая, всмотрелась в печаль и досаду, охватившие её, и поняла... "Мальчик прозорлив, как дроид радости. Как тёплый, радостный дроид. Не Махараджа, это я не доверяю... Себе, ему". Хищник. Хищник Южного. Махараджа... Эти слова примешивались ко всему, к приглашениям, к просьбам пригласить в гости, непроизносимые, а потому и не опровергаемые. Решающие поэтому, а не от того, что он хищник на самом деле! То, что на самом деле — никому и ничему не мешает. Мешает то, о чём молчишь. "Хищник! Борец правого крыла! Король правого крыла! Где забирают жизнь... Хищник! Махараджа..." Так и становятся ложью самые правдивые слова, под сенью непроизнесённых... Правдивых тоже. Нико стало предельно ясно, не в мир любимого она напрашивалась, а на игру. Доказать себе — не боюсь! На решающую игру напрашивалась! "Но он, правда, хищник, а я, правда, не боюсь... Как же выразить то, что — правда?.. Добавить каких аргументов?.. Нет. Надо сбросить что-то. Что-то лишнее. Как сбрую с дракона... Но что?.."

С уходом Нико До-До проснулся окончательно, встряхнулся. Гонщица, дерзкая как морской демон в прибое. Всегда готовая схватить или погибнуть... Удачу за хвост... Что случилось?.. До-До тоже опечалился и смутился. Не ляпнул ли чего, как всегда?.. Не сморозил ли чего лишнего?..

Глава 53

Глава 53.

Круче и круче в зенит.

— О, вижу нам долго лететь, — сказал Рута. — Когда он так уставляет нос в облака, это значит, что мою обитель носят ветра под куполом совсем где-то... Может, поищем дождик по пути?

Отчего нет? Белый Дракон Руты четырёхкрылый, гривой, длинным развевающимся хвостом, порывистой грацией удивительно напоминавший коня, повёл ухом в их сторону и немного изменил курс. По-прежнему вверх, но вправо, обходя почти соприкоснувшиеся кучевые миры закатных тонов. За ними посветлело и начались опять белёсые, перистые. Свободно растянувшиеся, далеко отстоящие. А за ними ещё правей и выше темнела сизая полоса... Отсюда — наперегонки!

Смеясь, на время позабыв и начало и цель пути, двое парней на фыркающих, азартных Белых Драконах, разогнавшись, ворвались под ливень! Хлеставший как град, рушащийся потоками, вставший сплошной стеной!.. В недрах огромной тучи было почти непроглядно... Темно. А во Впечатлении, охватившем с головы до ног, а не как из чашки, впустившем их как во вторую реальность, не отнимая первой, там было незнакомо, непонятно и очень светло. Увлекательно... Ловили брызги, капли ртом, удастся ли вникнуть, пройти ещё дальше?..

Видимое походило на... — ферму бабочек? Коконы серые, приятных чистых оттенков, уходящих в сизую синеву, вытянутые... Они начинались и заканчивались нитью. Висели на ней. Тот, чьё Впечатление сохранила влага, двигался между ними уверенно и быстро. Быстро и они раскрывались горизонтальными восьмёрками ореолов, похожих, действительно, на крылья бабочек, пронизанных узорами бархатно-тёмных линий. Распахивались "крылья", и кокон исчезал. Ореолы в свою очередь тихо меркли. Их орнамент распрямлялся в прерывистую, путаную линию... Рукописный текст! Язык незнакомый, неведомый: буквы располагались, над прямой нижней линией, вырастали из неё... А из них, из тех же самых свивался новый кокон.

Кто присматривал за этой фермой, человек или дроид? Эмоций не нашлось в цельном Впечатлении. Внимание смотрящего доставляло ему удовольствие, вот всё, что можно сказать. Следующие один за другим коконы он не воспринимал как повторы, скорее как поиск. "Какая эпоха?.. — успел озадачиться Клок, утолив жажду. — Ясно, что сложная механика. Компиляция простой и скрытой, нечто обрабатывающее информацию... Набрать бы Впечатления, да продать на Техно! Расспросить заодно... Жаль, не во что..." Сбежать в сумраке он не попытался. Какая-то стена опасений успела рухнуть между хищниками к этому моменту. Так же рядом, бок о бок драконы вынесли их над сизой тучей и продолжили восхождение.

Дракон Руты начал было изображать топот копыт, очевидно осведомлённый о сходстве с конём и довольный этим, но всадник потрепал его по шее, прекрати... Дроид фыркнул и перестал. Уж очень долго лететь, ещё и под аккомпанимент четырёх мнимых копыт!.. Дроид Клока задумался: на кого я похож?.. Драконы между собой похрюкали, поворкотали... Выяснили: на дельфина, ныряющего в небе... С такими-то крыльями, кружевными!.. На бабочку ту же! Ну, максимум, на летучую мышь, с ангельским крылышками!.. Зато он был обтекаем и маневрен, этого не отнять. И вот уже крылья сложены, плавниками прижаты, манеру полёта не

узнать... Волной — взлёты, падения... И кувырок нежданный, как всегда! Дроиду мчаться и не прекувырнуться?! Немыслимо! Зато они ускорились. И всё же, очень долго, очень далеко...

Странники успели обсудить драконов своих забавных, увиденное Впечатление. Поделились историями жизней Восходящими. Рассказали, как сделались хищниками. Высохли на ветру. А мира Руты не достигли.

Зато начались в небесном просторе какие-то странные перемены... Для Клока странные. Рута был с ними знаком, свыкся. Сначала вроде дымки перед глазами... Прислушаешься, и будто флейта начинает далеко-далеко... Но, едва заметили её, разбегается на колокольчики. А они не таятся. Их многоголосые ручейки пронизывают пространство. Сетью. Густой, частой... И сливаются в мягком "бум!" беспредельной окружности гонга, затухающего, уходящего, зовущего за собой... Невероятно приятный звук, абсолютно лишённый навязчивой притягательности. Он как что-то, во что можно, и нужно, и желанно зайти, но спешить некуда, потому что оно всегда есть, и огромно, и расположено к тебе, и никуда не денется... Бродяжки не знали, но это трон Августейшего резонирует так, они и правда близко взлетели к куполу небес... Клок задумался над уходящим гонгом... И понял. Другое. Про Впечатление.

— Рута, — сказал он, — я знаю, почему дроид, а там был наверняка дроид, одни и те же коконы на веретёнах перекручивает, одни и те же слова. Он не текст читает, а почерк. Почерки разные из старейших-престарейших артефактов, рукой человеческой деланные, они им нужны зачем-то...

— Слушай! Как же я не подумал, точно!.. Меня самого дроид однажды просил купить рукопись! Современную, изгнанническую. Именно рукопись! А они из Архи-Сада продавали и несколько Вирту, одинаковых, рабочих, но нет, ему надо — стопку бумажек!..

— Зачем бы?..

— Ха... Ты, я вижу, редко имел с ними дело... Дроид, если не хочет ответить, он нипочём не ответит!.. Я в тот раз был умней, и мы до покупки с ним, не с изгнанником торговались: скажи зачем, тогда куплю! Я борец, не технарь, не увлекаюсь дроидскими заморочками, как они там живут, как устроены... Меня утомило просто, что всё по его выходит, а мне шиш, например, оружия он мне не ищет!.. Короче, я настаивал, но он ничего толкового не ответил...

— А всё-таки...

— Ну, что-то типа того сказал: руку хочу почитать... Руку, да?! Сказал: хочу посмотреть, до которой дойду орбиты...

— Э-мм... Да, смысла не много.

— Устанешь докапываться!..

Далёкая флейта, быстрые колокольчики продолжались тихо, то ли есть, то ли нет... Зарницами в дымке начинала плескаться просинь, чистая голубизна, создавая иллюзию — ещё несколько взмахов четырёхкрылого дракона, несколько нырков дракона вообразившего себя дельфином, и они вынесут бродяжек под ясное небо. Перекличка, перезвон сделался отчётливей, в дымке засияли светлячки... Клок хлопнул себя по колену:

— Вот чего напоминает!.. Туманное Море дроидов! Побольше голубизны... Не залетал я так высоко... Здесь всегда так?

Рута немного замедлил дракона...

— Ты знаешь... И ниже, в виду континента, я каждый раз пролетал к себе сквозь дымку... Она и означает для меня, что мир близко. А цвет?.. От синих огоньков Доминго... Прилетели!

Над их головами синева уплотнилась и открылся айсбергом в тумане, вершиной вниз, облак цвета морской волны, блистающий снежным, сахарным блеском...

— Ничего такой мир!.. — Клок притормозил издали полюбоваться. — Ты, случайно не дроид, раз живёшь в нём и в тумане?

— Нет! — засмеялся Рута. — Я дружу с дроидом. Давно, в смысле, дружу, а не как бывает. Собственно, моя просьба к тебе, это его просьба...

— Да ну?

— Заинтригован?

— Определённо. В чём суть?

Они подлетели вплотную и сошли на полированное стекло рамы. С гравировкой внутри, греческая волна набегала посолонь, огибая входной проём, подбрасывала рыб, поглощала чаек.

— Будь гостем...

Рута махнул рукой в прихожую, для зрителя снаружи не открывавшую ничего помимо того же аквамаринового сияния. Дзинь! И Клок спустился по трём полированным ступеням.

После всего увиденного и услышанного, Клок ожидал попасть сразу за рамой в какую-нибудь абстракцию, пустынную, запутанную, сложную для перемещения в ней. А оказался в ночи, в прелестном, заснеженном лесочке. Над головой от края до края небес — широкие флаги северного сияния и россыпь звёзд, крупных, лучистых. Снег, снег, снег!.. Давно мечтал!.. Сугробы по колено. Не холодные, но и не поддельные. Меняющие первый всплеск прохлады на охватывающее, пуховое ощущение перепутанных тонких ветерков. Холод вредит полудроидам, не может его тут быть. Заносы снежные хрустят под босыми ногами. Тропа между карликовых сосен и ёлок, занесённых до макушки. Клок радостно пнул высокий, волной наклонившийся сугроб, обдав хозяина мира пушистым снегом!

— Лучше, чем угощали на переломе сезона, на Мелоди!.. Я остатки скупил зим тогда, Впечатлений, но тут-таки лучше!..

Клок перепрыгнул сугроб, скрывший его, поскользнулся, шлёпнулся, и ускакал между ёлок. Падая ежеминутно! Всюду, помимо тропинок, притоптанных более-менее под снежным покровом, обнаруживался, глубоким аквамарином отливающий, прозрачный, бездонно глубокий лёд. Оригинально... Не слишком удобно.

Рута стоял, запрокинув голову, как человек, позвавший нерасторопного дракона, ждущий его. Стоял, упиваясь огромной чернотой, не сразу удалась ему небо, тихим величием ночи, игрой северного сияния... И как обычно, от удовлетворения перешёл к сомнениям: вон те тона ярковаты, тут меняются не плавно, там слишком быстро...

— Лишь небо Там? — отвлёк его гость, напрыгавшись и нападавшись вдоволь.

— А?.. Нет, Там ещё будет. Надо дом свой навестить что ли...

Отправились. Рута тропинкой. Клок шнырял вокруг. Между кукольных ёлочек, между готических громад разлапистых елей. Катался на частых озерцах, замёрзших ровными зеркалами цвета морской волны. Тропа вилась без широких петель, ниткой вдаль. Там, под выделявшейся яркой полосой северного сияния, показался дом. Двухэтажный, со срезанной крышей, перила в два ряда огораживали площадку, выделяясь узором, и парапет ниже. Клок выскочил на тропу с целью чистосердечно ещё раз похвалить:

— Сады так скучны, а этот отличный, зимний! Мир — блеск! Мне у тебя очень понравилось!..

— Извини, — иронично ответил Рута, — не могу ответить тем же! Мне в твоём мире было как-то неуютно...

— Да?.. Ой, ну да... Но ты не видел его! Ещё увидишь...

— Стой-ка... Область Там тебя интересовала? Глянь за реку, Клок. Как бы реку... Дом за ней. Вот река — Там.

— То есть?

— То есть, шиш ты её перейдёшь! Если я не проведу. И не превратишь, надо знать, где крепится.

— И где? Слушай, так что я должен сделать? Подумай сто раз, будет ли лучше? У меня рука не поднимется портить такой мир.

Они стояли на плоском берегу. Гладь незамерзающего течения черней небес. Медленная река, тугая. Как весь мир, возможно, лишку монументальна, но безусловно красива.

— Сделать... Очистить камень один, Лал. Освободить.

— Лал?! Ты богатый человек станешь. Собираешься вынести и продать?

— Нет!

Руту насмешило предположение. Босыми пальцами пинал снег у самой воды, очищая от него ледяную подложку, пока не открылось глянцевое, аквамариновое окошко, уходившее дном под течение. Без наклона. Река лежала сверху, чёрное, тягучее стекло на льду. Расчищал и смеялся.

— Давай переправимся. Дома расскажу. Там есть кой-чего попить и рябина морозная. И превращать оттуда удобнее начинать, наверно...

Гладь тугого, медлительного течения заворожила гостя. Клоку всё нравилось в этом мире. Нравилась и сама возможность побыть чьим-то гостем. Быть полезным. Полная противоположность его жизни, его веселью. Всё мочь, ни о чём не заботиться. Разглядывать чужой мир... Это многое значит для хищника!.. Носиться по нему, замирать пред ним, принюхиваться, прислушиваться!.. Не оглядываясь, доверяя, потому что поздно уже не доверять!.. Хотя... По другой причине. Он снежен и складен, и дружествен, а красота — безобманна. Раскаянье было чуждо ему, слишком поверхностному и беспечному. Хищник не корил себя за злую игру, за риск уничтожить и создателя и, неизбежно — столь симпатичное пространство. Напротив, он радовался моменту, когда, разозлив, удержал его на краю. «Молодец, Клок, среагировал! Ай да я!..» Завидной лёгкости характер.

— Ну, и как перейти? — осведомился он наконец, заметив плоские, группами плывущие, льдины, что показались на излучине. — Перепрыгивать по ним, что ли?

— Ни-ни!.. Антураж. Ледоход тоже Там.

— Механика где-то на берегу, угадал? Наступишь в определённом месте, и появится мост?

— Техно в пейзаже?! Было бы пошло, не находишь? Приглядись, Клок. Ничего странного не замечаешь в течении? Некоего изъяна, чего не хватает?

Клок подумал, но не уловил.

А Рута имел в виду следующее. Чем ближе к центру мира, тем ярче полыхало северное сияние. И ниже над снегами. За рекой оно практически лежало на крыше дома. На светло-зелёном, размытом фоне его ажурное ограждение плоской крыши, как прорисованное тушью, красовалось венцом. Но воды реки катились — непроглядны. Ни блика, ни отражения.

— Немного подождём.

Рута смотрел вниз по течению. Оттуда, наплывая на льдины переходами света от бледно-голубого до пронзительной зелени, — перезеленил всё-таки, по траве скучал что ли?! — начала приближаться отражённая лишь в них полоса северного сияния. Непрерывно меняющим цвета шёлковым флагом оно накатывалось на льдины и заснеженный берег. Уже лёд вышел за пределы его, скрылся за поворотом. Флаг изгибался, колыхался и плыл против течения. Достиг ожидающих "на причале". Шёлковой дорожкой лёг под босыми ногами.

— Ну как, — спросил Рута, — мостик мне удался?

— Это?! Мы сможем перейти по сиянию, по воде?..

— Проверь! А то скоро двинется дальше, придётся ждать.

Мурашки по коже... Неуверенно Клок наступил в зелёно-голубой, зыбкий блик на чёрной воде. Стопа погрузилась, как в ковёр с густым ворсом. Сделал пару шагов и обернулся:

— Слушай, давай махнёмся мирами?!

— Ха-ха. А впрочем... Если Дрёма в итоге начнёт эксплуатировать тебя, а я буду издеваться над похищенными?.. Воля... Ловушки в колодце... Здесь есть над чем подумать!

— По рукам?

— Мечтай!

Широкий флаг отражённого северного сияния раскатанной, дворцовой дорожкой стелился, вился, как на ветру. Изгибался по водной глади, поворачивал широкими петлями. Следуя им, парни не сразу пересекли реку, успели полюбоваться берегами, покатыми снежными горами, абрисами сосен на вершинах. Выше по течению сошли.

Оказались практически у самого дома, перед аркой калитки, среди высоких сугробов искрящегося голубоватого снега. Непростого...

За ней, за калиткой, Рута несколько разнообразил свой зимний мир. Внешне те же, пушистые сугробы... Но при попытке взять в руку, слепить снежок, поднимаешь не пригоршню снега, а в одном случае тончайшие первоцветы. Истончаясь, розовея, они исчезают в руках... В другом случае — махровый, белый пион. Как заиндевелый при первых заморозках, ещё не смявших его. Лепестки прибывают, пока цветок не сделается простым снежным шаром. И не обязательно снежок брать, если пнуть, сугробы разлетаются так же... Обнаружив этот маленький изыск, Клок застонал от зависти. Рута решил утешить его:

— Дроиды снисходительные, пустяк ведь! Да, вынести за раму его нельзя, но, если хочешь, я сделаю что-то подобное и в твоём мире. Напридумывай, чего хочешь, пока.

— Я придумывал... Да всё не то, не о том... Ты не злишься? Мне жаль, правда...

— Забудь.

В доме горел камин. Рута выглянул в невысокое окошко. Звёзды.

— Сейчас действительно ночь, — констатировал он, — долго шли. Днём будет день... Удивил, да?!

Мороженой рябиной, кистями и россыпью был завален деревянный, без скатерти стол. Ягоды хрустели льдинками на зубах, горчили и отдавали маленькую сладость. И неуловимо пахли морем. Это шло к ним. Хозяин мира разлил по пузатым, как бочонки, кружкам Впечатление неразбавленное и не переделанное, древнее. Плохо понятное, то есть. Выпили. Обсудили сохранённую в нём механику эпохи до дроидов. Примитивную, загадочную. Борец с хулиганом... Тем охотнее технику обсуждали, что мало-мальски не разбирались в ней, в оружии разве!..

На самом деле, Впечатление донесло лирику той эпохи. Суровых земель исчезнувших времён и континентов... С каждым глотком раскрывалась чужая ночь... Тишина. Огромность горизонта. Стройка. Огромная и отдалённая. Звенящая тишь. Вжик, вжик, режут её, смыкающуюся тишину, редкие машины на шоссе. Мимо. Прочь, все мимо. Прожектора и подъёмные краны на фоне полной, восходящей луны... Со стрелами, развёрнутыми хаотично. Пять возвышаются над остальными — развёрнутые к жёлтой луне... Железная толпа, замершая до рассвета, где каждый сам по себе. Не дроиды, не роботы даже. Однако... Им же не холодно?.. Однако имелось выражение в них. Общее, личное... Человеческое? Одинокое?.. Подъёмные

краны, смотрящие на полную луну… В будущие дроидские черты не перейдёт оно. Да и в полудроидские. Останется там, их кранам, машинам и людям, останется под их зимней луной.

Индустриальный, пустынный пейзаж допив, Клок привалился к сене у каминной решётки, уйдя от стола. Ноги вытянул, благодать. Снег не морозил, огонь не обжигает...

— Рута, а как ты думаешь, этот охотник, Густав... — начал было он.

— Кем бы он ни был, не хочу говорить о нём здесь.

— Согласен. Так, где он, твой камешек? Лал?..

— Ах, да! — засмеялся Рута. — Я забыл! Дрёма стал бы первым дроидом на свете, прекращённым не за любимчика, а за драку с человеком! Он бы не понял, хоть век я клянись, забывчивости подобного, космического масштаба! А я отвлекаюсь здесь... В общем, так сделай: речку не надо совсем, от входа ёлки, сосны... Поплотней, узкой полосой, что станется. Ну, и дом, как сейчас, поближе к центру. Хотя, какой это будет центр... На бережку, на краю, в общем. Сияние по сторонам и по максимуму наверх. Ну, и снег смести... Как-то так... Много двигать. Сделаешь?

— Провалиться мне в бездны морские, ты о чём?! Я, конечно, подвигаю, как скажешь, но — зачем? Мир отличен! И какое отношение передвижки имеют к камню и дроиду?

— Лал освободится. Станет видим целиком. Контактная плоскость, панель доступа.

Клок энергично потряс головой, смешным, чёрным хохолком на макушке.

— Ты под ноги смотрел? — спросил Рута. — Ну, хоть раз, когда шлёпнулся?

— Ага.

— И что увидел?

— Лёд.

— Лал! Это и есть Лал, вместо земли.

— А?.. О... Ого... Но, Рута... Лалы с кулак размером. И они ярко красные.

— Человеческие, да. Которыми, я слышал, можно делать из вещи изображение, а из него — вещь. А чисто дроидский Лал — чисто голубой. Он покрупнее пурпурных! Их инструмент для них же.

— Рута... Ты разыгрываешь меня с самого начала? Мы — в Собственном Мире, так? Откуда?! Ты что ли сделал?..

— Я. По чертежам.

— Земля твоего мира — огромный кристалл?.. Инструмент дроидов?! И что им делают?

— Дроидов же. Лазурный, дроидский Лал.

— Ты брешешь!

Но поверить пришлось.

Клок выбежал из дома. За порогом светало. Распинал между сугробов снег до аквамариновой голуби льда. Первоцветы, исчезающие на лету, с розоватыми уголками лепестков, с запахом обещанной весны, шарики заиндевелых пионов... Упал и уставился в прозрачную, стеклянную глубину. "Светлая... От чего ж она светлая, если не..."

По завершении трудов увидит Лазурный Лал во всей красе. Гранёный, как для перстня, несчётным количеством граней, перевёрнутой пирамидой с идеальным зеркалом наверху. Нацеленный к далёкому-придалёкому континенту, к сердцевине Морской Звезды, Архи-Саду, сквозь землю, сквозь Синие Скалы на противоположной стороне земли... Единственно верное для рабочего инструмента направление.

Клок лежал на животе, на иллюзорной, возносившей его прохладе снега, и смотрел туда, в расчищенное окошечко. Огранка раскрывалась навстречу. Голубые, лазурные, синеющие с глубиной лучи, ультрамариновые, индиго, в точку сходились, лучились и приглашали... Манящие, как небо вверху, головокружительные, как небо под ногами, зияющий обрыв. "Лазурный... Дроидский... С ума сойти!.." Вернулся рассеянный, погружённый в себя.

— Мне, это, надо сосредоточиться... Я не такой уж злодей, из похищенных мало что сделал, обычно они для меня, я придумывал, а руками давно не делал, чтоб в голове держать, не промахиваться... Дай вон, мебель подвигаю, тренировки ради...

— Ты ветер сделай, — посоветовал Рута, — как я у тебя. С бурями легко, они много для чего подходят. Аккуратно. Если исходную площадку и конечную видеть глазами, буря падёт туда, куда надо. Как-бы падает. Уж всяко проще, чем изучать предмет и воссоздавать сызнова, на новом месте.

— Да... Ветер, да... Как же ты его делал?.. Лал? Интересовался дроидами?

— Да разве Восходящий знает, что время его при дроиде ограничено? Кто интересуется тем, что всегда с тобой? Нет, конечно. У меня был голографический чертёж. Делся куда-то... Хотел бы знать, куда?.. Он прямо весь такой... Век смотреть можно! Раскрывается последовательно... Где волны набегают, так можно долго стоять, они одинаковые ведь, ничего кроме них и не происходит, а стоять можно вечно... Представление ни про что... Как самая прекрасная танцовщица на Мелоди, когда знает, что звезда, звёздочка в эту ночь. Чувствует… Она тихо преступает, чуть-чуть кружится, а можно всю ночь смотреть... Этот чертёж я помнил от и до, назубок знал, и без голограммы воплотил бы, теперь уже нет, тогда — легко. Я закрывал глаза и видел его, и он не мешал мне спать, наоборот. Дрёма, мой приятель, дроид больше твоего удивился, когда я ему чертёж показал...

— Ох, Рута, нереально звучит, немыслимо!.. Ладно, я начинаю с краёв...

На день хватило ему работы. Благодаря в первую очередь исключительной бережности его в обращении с чужим Собственным Миром. Опасению утратить какую-нибудь деталь, желанию сохранить, насколько возможно, и ландшафты. Не добавлял от себя. Реку уничтожил, скрепя сердце, преобразил тугую гладь в туман, растворившийся над руслом, над лазурным кольцом... Увидел и досада покинула его. И подспудные сомнения. Всё правильно. Дом переместил в последнюю очередь. Он ещё стоял посреди белой равнины, без готики елей, причудливых сосен, холмов, смещённых к краям... Передвинул ловко, навострился. Финальная буря разметала снег, застив небо и землю куда дольше, чем требовалось, Клоку было любопытно и страшно взглянуть. Рута оставался в доме. Клок рядом, то есть на зеркале Лала, посреди пурги. Утихла... Стараясь не всматриваться в бездну под ногами, Клок, босыми ногами скользя, добрёл к домику, по Лалу идти казалось ему святотатством. Освобождённый Лал утратил зелень аквамарина, лазурный, небесный... Дело сделано.

В лесу за домом вечная ночь. Настоящий вечер над Лазурным Лалом, над озёрной голубизной... Сложная, мелкая огранка краёв играет под уходящими лучами. Нерушимый штиль на лазурном озере. Парни сидели на мостках, бывшем крыльце.

— Спасибо! — воскликнул не Рута, а Клок, ещё раз окинув чудо восторженным взглядом. — Ещё раз, прости мне похищение и спасибо!

— Я должен благодарить. Так и сделаю... — Рута широким жестом, каким приглашают, на раме стоя, в Собственный Мир простёр руку над озером. — Предоставляю тебе возможность

попробовать первым!

— Попробовать что?..

— Дроида же сделать, что ещё? Проверь, работает ли. Если и нет, я не огорчусь, здорово выглядит. Я слишком зимы любил, погорячился, закрывая его. Создал-то так, знать, что есть у меня красивость та, овеществлённая... Под снегами есть... Дрёма огорчится... Ооочень!..

— Я?! — перебил его Клок, вскакивая, позабыв про усталость. — Дроида — я?!

— А что такого? Скрытую механику технари приносят из миров, а она сложней. Её подробно знать надо. Дроид же — функция, основная идея. Её и форму даёшь ты, держишь в уме. Образует сам Лал. Так он мне объяснял. Технически близко к превращению, почти то же самое...

Рута пересел спиной к лазурной глади и, словно беря что-то крупное, бросая, наклоняясь, жестами помогая себе, стал показывать...

— Бросаешь в точку схождения... Вещь какая-нибудь нужна, не человек, понятное дело. Она начинает тонуть. А ты помнишь и смотришь за ней. Смотришь, не отвлекаешься первое время. Утонет, окрасившись лазурным, дальше не важно. Помню, начальный слой под зеркалом отличается, он задаёт функцию, ты задаёшь... Клок ты помнишь ещё своего Чёрного Дракона, или в драке с чужими сталкивался потом? Помнишь, как вращаются, пульсируют у них зрачки? А за собой замечал, когда слова думаешь, не произнося вслух, замечал, как пульсируют зрачки? Это у нас с ними общее, дроидское. Но разговаривать так нельзя, оно к мыслям внутри относится. Посмотри в отражении сам на свои зрачки. Дроид не понял бы тебя, дроидский Лал поймёт. Дрёма говорил, что дроиды желания, закрытое семейство тоже понимают без слов, и говорят молча...

— Лал поймёт функцию?

— Да, и форму. Обязательно одновременно. Иначе век гадай, как им пользоваться, созданным. Ты бросил, и в глубину смотришь. Грани ровными кажутся, на самом деле они в насечках. И плоскости и углы, считывающих, разбирающих, склеивающих... Лаконичная система, да? Под силой тяжести материал проходит необходимые стадии. Без ошибки, с нужной скоростью, падая в ту точку, где ничего не останется от прежнего предмета... Похоже на драгоценный камень, а по сути, зримое воплощение процесса — пирамидальное сосредоточение… Сосредоточение граней... Схождение в одну точку… Брошенное будет вращаться. Лал разберёт его. А когда обратно пойдёт наверх, значит, собирает дроида... Наверно это и всё, что могу сказать. Ну, не провалишься. Он безопасный, дроидский инструмент, ручаюсь. Чего будешь загадывать? Какого приспособления не хватает?

Не вполне веря, что наяву происходит с ним это, а не во сне, что не выпил оливку ненароком, Клок помотал головой:

— Не знаю... Не хватает... Если б знать, один ты или есть кто вокруг? Дроид, видящий всех людей на свете, показывающий их...

— Отличная мысль! Вперёд! А, вещь...

И оба почему-то взглянули на удавку отододи, с поясом вместе брошенную на ступенях. Рута усмехнулся:

— Бери! Виру оружие не положено, пора отвыкать.

Клок не имел такой прежде. Провёл рукой от невесомого до тяжёлого конца. Оценил, вещь. Смотал и ступил на глянец. Пошёл, тихий в движениях и в душе, над бездной Лазурного Лала. С оружием в руке, хищник, хулиган, азартный игрок, коллекционер. Разбойник с игрового, мирного Рынка Рулетки... Трудно сказать, кто из людей до него и в какую эпоху брал дроидский Лал во власть своего ума... Фортуна улыбалась. Фавор пела весеннюю песню, заливалась на правом её плече.

Дойдя до середины, где тонкие, синие, голубые лучи огранки предстали равными, Клок сел. Посмотрел на домик вдали, на Руту, кивнувшего ему, сосредоточился и положил на стеклянную бездну Лала верёвку отододи. Моток расправился и кольцами начал погружаться в лазурь... Поголубел, утратил песочный цвет. Клок отпустил внимание и улёгся, воспарил над лучами... На драконе, над бурей морской, на громадной высоте голова не кружится!.. Над Лалом кружилась, замирание сердца, как на вираже! Или когда мимы ужасы разыгрывают на Мелоди, ночью... Барабаны... И раз — тишина... Перед фонарями внезапно — хлопок!.. Распылив темноту, вдруг — летят!.. Драконы в чёрных сбруях, сетчатых, жуть, — летят на зрителей, и первые ряды — врассыпную!.. Жутко и весело!.. А тут — небо внизу. Лучами... Не во все стороны оно, а в одну точку... — бездонное... И страшно, не прочь — туда... Кануть и не вернуться...

В какой-то момент тонущие витки, слились в точку, она посветлела и начала расти. Всплывать пузырьком к поверхности. Гранёным пузырьком. Он взмыл, ускоряясь, и вылетел на поверхность с тем же звуком, с которым пропускает гостя входная рама. Клок поймал в полёте.

Плоское подобие Лала. Клок забыл выбрать форму!.. Положение спасло то, что она уже была перед глазами. Голубизна созданного заполнена огоньками дроидов... Крепко зажав в кулаке, поблагодарив мысленно Лазурный Лал, как живой, Клок поспешил обратно.

Разглядывали вдвоём. Огонёк по центру, такой же рядом с ним.

— Это мы... — прошептал Рута. — Оно работает...

Вокруг суетились такой малости огоньки, что удивительно, как не сливались перед глазами. Клок перевёл взгляд на обод, на окружность, где действительно сливались огоньки, и у него пропало зрение. То есть совсем. И он исчез и окружающий мир. Зажмурился. Прекратилось. На весь и на середину можно смотреть свободно, на край — никак. Судя по всему, Рута проделал то же самое, он отстранился несколько раз, поморщился, а затем довольно кивнул:

— Конечно... Показывать-то он показывает, а не разглядеть... Всех, кто на свете есть... Это уже наши ограничения.

— Потому что число людей бесконечно?

— Скорей, бесконечно непостоянно. Дроиды светлые, снисходительные, получилось, работает!.. Подлинный Лазурный Лал, я сделал его без ошибки!.. И ты — молодец!

— Здорово, только... Я думал, что дроид...

— Что? — спросил Рута и догадался. — Ты думал создать высшего дроида, который как человек? Было бы круто! Боюсь, что только сами высшие дроиды знают как. Единственно, что я знаю, мотка верёвки не достаточно. Из какого попало артефакта не сделаешь высшего дроида, нужен лазурит. Кусочек Синих Скал.

Он вернул камень-дроид Клоку:

— Моя тебе признательность...

— Это... Очень спасибо, да... Вообразить не мог, что такое случится со мной... А, это... Вернуть мир?..

— Я обещал же. Полетели. Жаль, у меня ни одного шатра не континенте, оттуда быстрее бы вышло.

Заснеженный лес ночной, ставший оправой Лазурному Лалу, пересекли огорчительно быстро. Клок уже не носился щенком, по сугробам не прыгал... Чудеса дроидов, конечно, чудесно велики... Но к зимнему пейзажу, прощаясь, он испытывал человеческую, обыкновенную нежность.

Обратный длинный полёт совершили в молчании. Клок только шепнул своему дракону: "Запомни дорогу..." Рута заметил, улыбнулся:

— Приходи, буду рад тебе. А то встретимся на боях, на левом крыле. Ставь на меня, не прогадаешь, скоро я буду вир!

— Лады.

Лететь на Белом Драконе всё время вниз не так весело, как в высоту. Туман дроидов вокруг облачного мира Руты, на сей раз перенасыщенный синими огоньками Доминго, наконец выпустил их, но ещё долго смотрел в спину непередаваемым дроидским вниманием. Парят... Под четырьмя крыльями дракона, несущего Руту, и ажурной парой дракона Клока простирались белёсые во мраке, — следующая ночь наступила, — сливавшиеся, пенные облака. Всадники дремали.

Переступив раму мира своего похитителя и приятеля, Рута без промедления простёр руку, приглашая, и также без промедления сделал шаг наружу, оставив его хозяином. Как ни был Клок легкомыслен, укол совести достался ему от великодушной поспешности возврата. И в воздухе... В пространстве Собственного Мира... Произошла какая-то перемена. Он не сразу уловил, какая. Вышел попрощаться:

— Друг и побратим на все времена! — Клок протянул руку. — Хочешь зайти?

— Принимается, брат... Не сейчас. Я должен разыскать кое-кого. Пирита. Учитель мой, покровитель.

— Сомневаюсь... — протянул Клок тихо, пожалел, что вслух.

— Скажи лучше, этот Гай, он откуда?

— С Южного. Из игроков Против Секундной Стрелки... С ними не ссорятся на Южном! Осторожней, в смысле...

— Ясно. Будь!..

Рута прыгнул на дракона и пропал, ушёл в пике.

Дома...

Клок прислушался... Что такое?.. Передаренный ему обратно, его Собственный Мир осеняло тихое пение. Тёплый дроид, Я-Владыка через семь столетий хищничества опять появился в нём. Всеозаряющий. Для раскаявшегося хищника, а Клок уже стал таковым, ещё не подозревая о том, — в первую очередь и на первых порах — усыпляющее. Мёд с маслом... Лекарство не от теней, а от ран, в которых некого обвинить, душевных. От небрежности, жестокости и ошибок исцеляются полудроиды покоем и водой. Разными водами: забвения, Впечатлений, иногда морской водой. И покоем. Пение дроида текло рекой, убаюкивало рекой. Уносило течением извилистой бесконечной реки.

Клок долго не понимал, что случилось. Ещё дольше не мог поверить. Как лунатик, обошёл все этажи, лестничные пролёты, зажигая один за другим светильники богатой коллекции... Словно они должны были помочь ему разглядеть, разыскать сладкий голос. Заглянул сверху в провал игродрома с неподвижными, железными листьями кувшинок. Уродливо, фу, как не замечал?..

Пошатываясь, — голос дроида уносил его, качал на волнах, — развернулся и добрёл к окну верхней комнаты, распахнутому на север... К вечному первому снегу над равниной Там. Напоминавшей ему то, чего помнить не мог, но воображал очень часто… Дно Великого Моря, заснеженную степь, солнце за пеленой — приближение Коронованного... И уверился. Так это

работает, что произошло с ним. За двое суток, не считая пути, больше произошло, чем за все прошедшие годы. "Дроиды светлые, как много, больше, чем вы, не прощающие ошибок, может сделать один человек для другого, если он добрый..." По контрасту Гай вспомнился ему, лезвие обоюдоострое без рукояти. Но сейчас он не способен вмешаться, не в силах... Клок уже и не стоял у окна, висел, держась за створку, качаясь на ней. Не желал отвернуться от пустого, огромного простора, кружащих снежинок, волнами идущих полей, идущих, идущих...

Давно не виделись... Что такое нарушение в дробь дробей, подумаешь!.. Клок воспринял его без удивления, частью прекрасного сна... Золотистый в белом завихренье позёмки, тихо смеющийся дроид... Я-Владыка... Нарушитель слепил снежок и запустил его из недостижимой области Там!.. Высоко, человек бы не докинул, в распахнутое окно... Наповал!.. Снег ударил в межбровье, рассыпался... Обернулся крепким сном для раскаявшегося хищника.

Глава 54

Глава 54.

На левом крыле ближе к вечеру многие пути сошлись, и в результате кое для кого день закончился много хуже, чем начинался... Для Дабл-Пирита неплохо, он встретил Беста. Присутствие Гая рядом, озадачив, не отвратило его от благодарности к спасителю. Рядом садиться, правда, не стал, но узнал, где тот обитает. И ученик нашёлся. Великолепно! Трудно борцу оставаться на зрительских ступенях, и вот двойная радость: живой друг — пропуск обратно на арену! Сложилось иначе...

Только и успел хлопнуть по спине, как Рута заметил Гая... В компании Биг-Буро и остальных. В двух рядах наверх... Перемахнул их одним прыжком и влепил такую оплеуху, что Гай отлетел, скатился вниз до арены. Арена, прощай! Не скоро Руту с учителем она примет обратно... Бест вскочил на ноги, помня этого юношу, и ещё лучше помня, на что способен Гай. С оружием, да, но Бест подозревал, что и без оружия. А Гай... Поднялся, отряхнулся и пересел... И всё. Он удивился скорости парня, и отдельно, увидев в числе живых... Перешёл на противоположный сектор амфитеатра, жестом показав Бесту: ничего, разберёмся.

Продолжения стычка не заимела, произойдя на виду у распорядителей арены, рядом с шатрами школ. В присутствии основателя Вира и Агата, следующего по старшинству. Вир ограничился хмыканьем, дёрнул плечом и отвернулся к ученикам. Дабл-Пирит без какого-либо осуждения за выходку более чем понятную подтолкнул Руту, спускайся, драчун. Агат подозвал их, нарушителя спокойствия с его покровителем вместе. Высказать то, что и сами они знали:

— Привет, Рута, приветствую, рад твоему возвращению. Пирит, без обид, ты сам знаешь общие правила. Да ещё, быв виром, ты тренируешь его, как будущего вира, огорчён... "Борцам зрителей — не вызывать". Они к нам — да, мы к ним — нет. Здесь нет судей, разбирать, кто по жизни прав. Имеем рамки и соблюдаем рамки. Рута, друг... Хищник, схлопотавший от тебя, и мне, и Виру давно знаком, и сомнений у нас нет на его счёт, но... Внимайте!.. Дабл-Пирит и ученик, вы не вернётесь на арену, пока он, как положено, сам не попросит об этом. Сожалею, — Агат слегка поклонился и сменил тон. — А теперь: про что конфликт?.. Если не тайна!..

Отлучённые тяжко вздохнули, переглянулись... Рута косился на ступени амфитеатра, на бесстрастного Гая... Сам попросит!.. Да-да, конечно... Доберусь-ка я до него, раз уж нечего терять... Но Пирит с Агатом отреагировали стремительно, отвлекли, заболтали и утащили его пить Впечатления, делиться новостями в крайнем, изрезанном окошками, необычном Агата шатре.

Склонённое лицо Гая полыхало огнём, голова гудела. И сел он, — оп-па, сюрприз! — вплотную к Густаву. С Рынка Файф, с Оракула не пересекались. Изначально не ожидая друг от друга ничего хорошего, а значит, и не держа зла, поздоровались. Смешно, однако человека из своей группы, а Густав ощущал, даже не играя Против Секундной Стрелки, свою принадлежность к ней, приятно встретить в чужом месте. Публичное унижение Гая добавило удовольствия. Не из мстительности, а как то, что сравняло их. И Густав, не подавая виду, был многократно унижен. Узостью обстоятельств поиска, заданных опрометчиво начатой, серьёзной коллекцией. Сложностью с картой, с королём. Необходимостью вести дела с Чудовищами Моря, чуждыми ему, отвратительными надменному галло до глубины души... И главное, душным, непреходящим бредом, отравой, на которую напоролся, — мучившим его Впечатлением Гарольда! Горьким, как место, где добыто...

Как только Густав приближался, наяву ли, во сне, в полёте, в умиротворении, захваченного общей песней, Мелоди, к тому моменту, когда человеческий ум, ум полудроида делается волен и беспечен, беспечален, раскидывает руки, разбрасывает мысли и летит... В забвении тревог и печалей, в любовании, азарте или азартном мастерстве... Раз, когда слушал вальс вне Мелоди, над штилем Великого Моря, куда музыканты порой удалялись тишины ради. Над морем раз тоже так было: вальс и — провал... На фоне реальных волн, вдобавок... Из глубины Впечатления, из корня его Морское Чудовище в дыбом стоящей чёрной шерсти поднималось из памяти, явственное до содрогания. С разинутой пастью гориллы, с клыками и бивнями... С вытягивающем душу, леденящим, зовущим в ад, бросающим в ад рыком: "Са-аль-ва-адо-ор-р-р!!!" Проклятье! Кто мог предвидеть такое?.. И у кого охотнику-одиночке искать помощи, совета? Не смешно. Густаву — помощи?! Густаву — совета?! Очень смешно. К чёрту, ко всем чертям Великого Моря, само пройдёт. Наверное… Однажды. Когда-нибудь.

Другое унижение извело его. Густав видел Минта и получил Минта. Никто не обманул его. Но кто теперь сделает карту по Впечатлению из цветов ледяных? Кто ещё умеет выжить, увидев эти цвета? Гай пропал тогда. Бутон-биг-Надир откровенно издевался. "Мне надо поразмыслить, Густав..." Так отвечал. День за днём. Ты лучший охотник на Южном, Густав!.." Так говорил: "Мне надо решить, кого же я хочу заказать, столь неуловимого, достойного твоей охоты!.." Так повторял: "Когда же я ещё, Бедовичек, смогу торговаться с таким охотником, как ты, Густав!.." Нет, дорогуша, нет и ещё раз нет — вот что это означало. Гнусное чудовище, извращённая тварь! "Сколько хочу, я поиздеваюсь над тобой, а затем..." А затем, не без оснований подозревал Густав, условия и обстоятельства сделки будут похуже для него и продуманы потщательней, чем ловушка на Оракуле...

И внезапно... Гай тут же, — что ли прячется от кого? — не на правом, на левом крыле! В тему. В тему и Густав для Гая... Не спускать же такое, в самом деле!.. Обещал Бесту не трогать Дабл-Ня, не тронет. Про второго парня разговора не было. Но он не тронет и его... На порядочное время пришлось бы Гаю оставить Архи-Сад ради мести за одну пощёчину. Охотник он никчёмный, не охотник совсем. Наверное, самый привлекательный из хищников, блондин, с дроидски-безупречным, строгим лицом, с чёлкой, обрезавшейся над серыми глазами, когда уже мешала смотреть, Гай не внушал ни знакомому, ни чужаку расположения, доверия. Желания сделать один шаг навстречу, слово лишнее сказать. И Густав с другой стороны... Рядом. Контраст... Был бы, если б Густав годился для контраста. Усреднённый во всём. Можно, конечно, приглядеться к кистям рук, сильнее, чем у борцов вир, к атлетическому, угадываемому сложению тела, одежду он носил всегда плотную. Отвращение к вычурной одежде и украшениям, привычка носить оружие скрытно, общее с Гаем у них... Напрочь разное — в личной интонации, выражении спокойных, чуть нервных, столь разных лиц... У Гая — недоумение: «Эй, ты, напротив, кто ты и зачем?» Кто и выдержал бы прямой взгляд хищника, прочёл бы в нём: «Ну, чего ещё? Ты жив, так чего ещё надо?..» Не то у Густава... И вне охоты. А бывал ли он вне охоты? Вне сочиняемых на ходу лиц?.. На инстинктивном уровне сквозило... Как щепотка соли в последнем из коктейлей Буро, — отказывая он, тварь морская, принимал и угощал его! — как нотка горечи в этой соли, далёкая, неочевидная, воскрешавшая разом, немедленно Горькие Холмы, их всепроникающую, так и не выветрившуюся горечь, нотка — участия... Близости. Не приторной. Не льстивой. Даже не нотка тепла, а легче. Понимания. Знакомое что-то виделось самым разным людям в облике Густава. Априори безопасное, близкое, да.

Обменялись кивками. Густав не спросил, как щека. Гай не спросил, как поживает Бутон-биг-Надир, и почему Густав не рядом с ним сидит, вон в той интересной компании. Вместо пикировки:

— Карточку, Гус? — предложил Гай ласково.

— Из этого? — уточнил очевидное Густав, глядя на Руту с приятелями.

— К Радже... — закончил Гай, поднимаясь. — Детали после.

На таком расстоянии диалог из пяти слов Бестом замечен быть никак не мог. И уж точно не принят за молниеносную сделку.

Буро и компания уходили, Гай догнал их, пробираясь, как неодушевлённая тень через каменный лес, через улыбки, суету, зацепки, шутки танцоров и танцовщиц.

Глава 55

Глава 55.

Прошло время. Дабл-Пирит с Рутой разыскали Беста и стали бывать в Архи-Саду. Пребывание там же Гая стало крупной неожиданностью. Вначале неприятной и непонятной, затем только второе. Оба борца жаждали возвращения на левое крыло Южного, что целиком зависело от него. Они ещё не искали примирения, но уже задумывались о нём. Признавали и свою долю вины на Рулетки. Гай молчал. Густав вне сомнений сделает охоту, а тут Гая интересовал Бест и никто кроме. Однажды на Общей Встрече, — она захватили своей новизной и удивительным многоголосием, не привыкших к подобному борцов, — Дабл-Пирит появился один...

Кончился сухой сезон. Общие Встречи ради Слов становились многолюднее. Кто и был раньше не знаком, перезнакомились. В отсутствие новых изгнанников встречи как-то спонтанно посвящались дроидам, рассуждениям о них, догадкам, как теме волновавшей большинство. И рассуждениям — с дроидами!.. Если таковой дружил, был приглашён или заманен кем-нибудь! Только Бест, "владычествующий над первой расой" не инициировал таких встреч, не "владычествовал" что-то, Индиго навещал их по собственному почину.

Тот день, Руты не было, а Дрёма — был! Не упускал возможности покрутиться среди множества людей. На рынки-то ходу нет. Этот высокий, тёплый дроид, как солнце за поволокой, вельможа в бархате, шлялся по саду, заговаривал с изгнанниками, кокетничал и танцевал с изгнанницами... В общей форме, не соблюдая дистанции, но и не воплощаясь. Чувствовал себя прекрасно! И люди рядом с ним — тем более… При дроиде, под взглядом, под рукой овевающей теплом, прекрасно...

Первая Общая Встреча сезона туманов, а председательствовал не Бест. Владыками Семейств зван, как имеющий голос в споре. И Дрёма был отправлен за ним! Почему он? И зачем им вообще кого-то посылать? Ответ прост, чтоб избавиться на время!

Турниры и интриги, лавирование в запутанных, многоуровневых лабиринтах запретов, ограничений временных и продолжительных, добровольных и нет, — вот мир дроидов изнутри. Бесконечное перетягивание каната. Выяснение, кто царь низенькой, кто царь главной горы. А кто полетит с неё завтра вниз головой...

Дрёма прекрасно понял их: ты не подслушиваешь здесь, мы не подглядываем там. Не засчитываем тебе дроби нарушений времяпрепровождения с людьми без указания 2-2 какого-либо семейства. Указание вот: господствующего, Беста позови.

Доминго знал, что неприятелю делает большой подарок, но для дела. Того стоило. Когда дроид желания, путь и бывший, влезает в обсуждение среди них, в общей форме, о!.. О-хо-хо!.. Если тема ему близка, хоть ничтожные дивиденды обещает, он запутает все четыре трона, лишь бы повернуть по-своему. Не считая той проблемы, что само его присутствие диалог неоправданно тормозит.

А чего не знал Доминго, так это локальной цели Дрёмы, рассчитывавшего найти человеческую руку, которая кое-что для него напишет, зафиксирует кое-то, тем самым оставив это в тайне от владык. Артефакт требовалось сделать. Для Руты, как для помощника. Дрёма эгоист, в конечном счёте, это всё его интерес. В идеале нужна рука хищника, без Чёрного Дракона. Таковые встречались в Архи-Саду...

Место Общей Встречи, дальний уголок сада, где тяжёлые, чудные розы принесли когда-то успокоение Дикарю. Нисколько не изменились они, разрослись, и плющ на каменной кладке, не летний, не осенний, красно-зелёный, густой.

Прежде, чем подтянулось большинство на драконах, из тенистых уголков сада, на площадку заявилась с утреннего Мелоди развесёлая компашка. И принялась оскорблять утончённый полудроидский вкус под бурное одобрение зрителей! Нашли место и время! Сота, Гром, Мираж, Борей, трое новеньких с ними, и несколько гостей с Мелоди. Двух бубнов им вполне хватило, остальное музыкальное сопровождение представляло собой хлопки, щелчки пальцев, топанье, цоканье, сдувание щёк с гоготом, с соответствующими руладами. Вдобавок, новомодная какофония поддерживалась голосом солиста, резким, пронзительным "Пиу-пиу!.. Пиу-мээ!" Чем тоньше, тем смешней. Когда ведшего эту партию "пиу" догоняют, или он догоняет кого, пляска на том заканчивается. Чтобы следующая немедленно началась, забрав выбывших, с удвоенным азартом и жаждой отыграться.

Мелоди вообще от начала, возникновения скатывается к вещам темпераментным, ритмичным, к полубоевым танцам, коротким комическим эпизодов мимов и акробатике, как подлинному искусству. Но этот новый, с позволения сказать, танец... Не то, чему нужно долго учиться!

Плясуны прыгали хороводом или змейкой. Растянутой, потому что — догонялки! Скакали на одной ноге, второй били в землю, да так и скакали! С ужимками кто во что горазд, с гремящими, звенящими на одежде украшениями, с барабанчиками, тарелками, гонгами любого рода, с прихлопываниями и прищёлкиваниями. На двух ногах бегать, прыгать нельзя. Пятнашки! Без рук!.. Наступить на ногу, боднуть, пнуть, ловчее всего под зад. Кого догоняли — выбывал. Или кто испугался! На то и рассчитано, — шум, гром, ужимки, маски! Легко сообразить, что, начавшееся как танец, игрище ускорялось, переходило в локальные потасовки, тогда выбывали все, не кто столкнулись, а кто упал. Плясун, догнавший ведущего, отнимал его "пиу-мээ!", плясал с победной песней один, переменяя ноги, бьющие в землю, подскакивая высоко, под общий аккомпанемент и хохот!..

Звался танец бесхитростно: Капри, козлиный танец. Козлиный и есть. Танцовщицы и гостьи Мелоди игнорировали его. Смотрели, впрочем... Парни разделились на тех, кто обожал, ради одной партии за ночь, но прилетал непременно, и на тех, которые — ну, никак... Гнусные, шумные оккупанты славного Мелоди, когда уже вам надоест?!

Даже Мурена, от парных, медленных, вычурных танцев тосковавшая, как тень на суше, глянув на плясунов, сморщила нос:

— Фуу!.. Не по дроидски... Гром, ты же серьёзный человек, у вас от дурацких прыгалок одна нога короче другой станет, хромать будете!

— Пиу-иу-мээ!.. — разгневался серьёзный человек Гром и разорвал круг, вознамерившись догнать её тем же манером, с бубном в руке.

Мурена швырнула в него огрызком яблока и перемахнула за кладку стены. Оттуда — на дерево. "Козлоплясы!.. Коллекционеры козлиные..."

— Сгинь, а?!

— Слезай, поскачем?..

В итоге солиста никто не догнал, танцоры раскланялись, народ аплодировал и хохотал. Поклонников Капри прибыло.

Председательствовал Амарант, как обычно, подменяя Беста. Дрёма сидел рядом на воздухе,

обводя собрание взглядом рассеянным и тёплым. Голос подстать: чистый на высоких, неуловимо вибрирующий на низких тонах, сладкий голос. Дроид сказал:

— Ребята, утратившие...

Он не сделал паузы, но с очевидностью показалась изгнанникам, что главное вот — произнёс… Можно и помолчать. Или повторить… Слова приветствия, желанные для него и сладкие, как для них его голос:

— Ребята, раз уж о нас дроидах, давайте с обратной стороны... С вашей. Вы про нас, по меня мне рассказывайте, а я буду удивляться и возражать! Идёт? Будет на что возразить по крайности. Иначе куда труднее понять. Я не одно столетие вожу дружбу с человеком, и то скорее он понимает меня, чем я его. Мне — чистый лист — любой новый знакомец. Эсперанто ваше, человеческое, оно ни о чём ведь! Каждое слово для каждого человека другое значение имеет... Хорошо, если эти значения хотя бы далеко-о-о вдали пересекаются!

— Например?! — спросил кто-то, не вставая.

— Например?.. Однажды меня спросили, про... "Субстанции". Это ваше слово, — горячо подчеркнул Дрёма, — оно не значит ничего! То есть совсем ничего!.. Нет никаких "субстанций". А узнать хотели, кто из чего состоит. Из чего состояли люди до дроидов? Из чего дроиды? Как будто не очевидно, из воды и огня. И тогда, и теперь. И те, и другие. И что?..

"Надо же, — подумала Мурена, так не спустившаяся к ним, прижившись на дереве, на развилке ствола, — какой разговорчивый дроид!.. Прямо болтливый. Тёплый дроид, останься в саду... Не уходи! Здесь так не хватает подобного тебе... Повздорят вдруг парни до потасовки, два Чёрных Дракона, проявившись, и то дарят короткое тепло Архи-Саду, дроидкое тепло дорого на континенте..." Мурена помнила Собственный Мир, ей было с чем сравнить.

Дрёму, предложение его мимо ушей пропустив, тем временем забросали вопросами:

— Чем дроиды отличаются от людей?!

"А не заметно?.."

— Как появились дроиды?

— Как вы себя чувствуете?

"Хорошо, милый, особенно сегодня!.."

— Как вы устроены?

— Как ты устроен?

"Я надёжней всех, как будущий глава четырёх тронов!.."

— Что такое первая раса?

— Что вы любите?

— Чего боятся дроиды?

И ещё много-много подобных, однотипных для Дрёмы вопросов, относящихся к сфере дроидов желания.

Вот одна из причин, по которой образование закрытого семейства он считал ошибкой. Пустота на месте того, кто должен бы сопровождать. Влиять, да, неизбежно, сопровождающий влияет, проблема ли это? Дроид желания короткий импульс вопроса, толкающего в спину, должен бы превратить в длиинный ответ... Широ-о-кий... Пустой, как и вопрос! Они оба пустые! Но он нужен, долгий взгляд на чувство вопроса, он нужен им, неужели Доминго не понимает?.. Когда импульс непонимания растёт, он гаснет. Тем самым — он гаснет! Перед человеком медленно проявляющийся, как дроид желания. Пропадающий — вдруг. Великой красоты импульс и дроид. Та орбита, которая в неравных пропорциях чередует наружу и вовне.

Владыки испугались. Чего тут бояться? Суетиться они, утратившие и хозяева, будут всё равно. Пытаться понять. Стараться ухватить. Суета, толчея в кратких импульсах, лучше что ли?.. Может быть, сам Доминго боится, не доверяет дроидам желания, как бывший человек? Так

обособление Августейшего не только он, все холодные закрытие семейства поддержали...

— Лапочки любознательные! — начал Дрёма, когда в потоке вопросов начали появляться лакуны для ответов. — Судите сами, если я начну перечислять как, зачем и из чего, вы же на каждое следующее слово спросите: а это что такое? А это для чего? И так до бесконечности! Мне не трудно, пожалуйста!.. Дроиды боятся сужения орбиты, любят расширение, первая раса это громадные орбиты!.. Дроиды состоят из орбит, и представляют собой орбиты, и этим от людей не отличаются. А отличаются наличием отдельных внутренней и наружной, дроиды невелики, неглубоки, люди — бездонны. Довольны?..

— А что важно для дроидов?

— Антагонисты. Наличие или отсутствие. У 2-2 они есть почти у всех. Влияние их важно, наличествующее или нет, взаимное или одностороннее, притяжение или отторжение. Настолько важно, что владыка семейства и знакомому дроиду простого приказа не отдаст, не уточнив положения вещей заново: есть ли антагонист, оказывает ли влияние? С целью зафиксировать момент, функцию, приказ. Пока не выполнит, дроид не изменится, соответственно не поймёт его превратно, Восходящему случайно не навредит. Ведь антагониста можно утратить и обрести, но невозможно — не изменившись. Даже если взаимного влияния нет! От общей орбиты антагонистов приказ распространится на соседних дроидов, на отдалённых, найденных метками. И он должен быть точен. Должен оставаться тем же, что исходил от владыки, до самого момента исполнения... Мне нравится, как вы слушаете!.. Ни слова не понятно да?..

— А те, что без антагониста?.. — спросила изгнанница, запнувшись, ей пригодился бы дроид желания, сформулировать вопрос...

Борей, рядом с ней сидящий, решил поддержать:

— Они чем отличаются?

— Это старые дроиды... Из автономных в высшие поздно перешли... У них есть слепое пятно. Взамен. Как и у тех, что утратили антагониста.

Дикарь, по мере течения разговора пересаживавшийся всё ближе и ближе, негромко подал голос:

— Дроид, верно, туча пустых, необъяснённых слов... Но, однако: орбиты чего? Что летает по ним?

— Орбиты же! — Дрёма засмеялся, как рокочет за перезвоном Туманное Море дроидов. — И дальше в глубину, предупреждаю твой вопрос, — на орбитах кружатся другие орбиты. Короткие. Уменьшаясь в индивидуальной пропорции... А там, ты хочешь спросить? Я уже ответил: вода и огонь, абсолют воды возведённой огнём до степени тепла или холода. Над ним первый дроид, распадающийся и образующийся стремительно, в чём суть его бытие. И вы, люди примерно так устроены.

— Можно сказать, что глубже некоторых внешних орбит, на которых вы конкурируете, находятся слои технических дроидов?

Дрёма наклонил голову, остановленный искренним, кажется, удивлением, потому оно выглядело нежданной надменностью, разглядыванием букашки перед собой... Надо же, изгнанник что-то понял!.. Но с двойной теплотой ответил:

— Проницательный дружочек, именно так... Рынок Техно — твоя стихия?

— Нет, — Дикарь переместился ещё поближе к обволакивающему теплу, оказавшись рядом с Амарантом, — я собирал языки, наречия...

— О, такие люди ценимы тронами!.. Возможно они ещё попросят тебя об услугах... Не просили?

— Нет. Дроид, ещё одно... Это глупо звучит... Как вопрос, он неправильный... Но "бездонность" людей звучит тоже глупо... Короче, трудно поверить тебе, что орбиты людей

бессчётны. Не хочу сказать, что ты лжёшь, но уверен, я уверен! — Для дроидов ни что не бессчётно... Почему "бездонны"? Вы что-то не можете разглядеть? Так, нет?

— Ну-у-у... Даже как-то нечестно, ты слишком сообразительный!.. Да-да-да! Бессчётны не означает бесконечного числа, а невозможность сосчитать! Хотя в человеке орбит действительно в тысячи раз больше. Дружочек, если тебе суждено стать дроидом, а я к тому времени образую семейство, приглашаю! Личных меток отдам тебе под начало!.. Ты угадал. Представь себе два шара. Шар-дроид состоит из колец, орбит параллельных, отстоящих друг от друга. По поверхности, и внутрь слоями. Технические дроиды, кружащие на одном слое, орбиты этого слоя удерживают вместе и только. Шар-человек образован орбитами расположенными настолько плотно, что они сливаются на вид. И не только на вид! Перемешиваются верх и низ, и слои тоже! Что было внутренним, определяющим, становится внешним. И наоборот, — Дрёма помедлил и будто через силу добавил. — В этом причина вашей смертности... Конечно число столь плотных смешений. Настолько значимых перемен... Для нас они невозможны.

— Стать дроидом означает...

— ... сильно прорядить орбиты. Установить каждую на своём уровне. Стать прозрачным и несвободным. Почти. Отныне только турниры, образование семейства или вхождение в чужие.

— Так в чём реально утрата?

— В изменчивости же! Воля! У каждой дроидской орбиты есть постоянное "лицо", направление взгляда. Та, что по центру, внутренняя — обыкновенное внимание. Всегда смотрит наружу, собственно на людей, сквозь все остальные. Мы к вам внимательны! Внешняя смотрит внутрь. То есть владыка взирает на всех дроидов его семейства, на все вакантные места, кого можно пригласить, захватить... Не так у людей. А как угодно. Высокая переменчивость, понимаете? В любой момент.

— Вы постоянны... — задумчиво произнёс кто-то в рядах, грустно. — И жизнь ваша постоянна...

— И смерть! — откликнулся Дрёма. — Выражаясь вашим языком. Вот проиграю я турнир Доминго, из-за этого не пропадут мои технические дроиды, не пропадёт и слаженность орбит, достигнутая мною, ему достанется! По-прежнему будет обращена к вам, к людям!

Мурена спрыгнула к ним:

— Подожди-ка, дроид... Орбита Огненного Круга, она что ли центр? Для нас?

Дрёма обернулся, поднял дуги красивых бровей:

— Не... Она освещает, поддерживает, ко всем слоям относится... Технический дроид. Ваш первый слой, — что придётся... Переменчивость... Уж если на то пошло, глубочайшие из ваших, человеческих орбит — самые переменчивые. Они вас направляют, а вы и не слышите их почти никогда... Манок ими слышите, а после — ерунду, шум, пустяки, детали...

— Ой-ой, упрёки какие-то!.. Ладно, а вас что вместо Огненного Круга освещает?..

— Ничего. Внимание направленное внутрь и наружу.

— Сквозь технических дроидов на нас?

— Да.

— На пустяки, капризы Восходящих, задумки, глупости и вроде того?..

— Да.

— У вас... Из центральной орбиты пустой нечто одиноко, внимательно смотрит... Я почти поняла!.. И пустая — тоже технический дроид? Как-нибудь на дроидском эсперанто он называется, который в центре вашего существа?

— Любовь, — без иронии ответил Дрёма, пристыдив Мурену, в основополагающих вещах Бест всегда оказывался прав. — Она смотрит на вас. Сквозь уровни, сквозь орбиты. Глазами всех технических дроидов. Потому что вы нравитесь нам. Так задумано. С самого начала.

— Тогда и расскажи, — буркнула Мурена, — с самого начала. Зачем вам таким внимательным переводчики с эсперанто на эсперанто для элементарных вещей нужны?

Ещё раз предупредив, что будет путано и скучно: "Подряд, так подряд...", Дрёма начал с известного. С автономных дроидов, мельчайших, рассеянных в пространстве: сенсоров, кодировщиков, передатчиков, сборщиков. Последние не имели чёткой грани с единицами строительного материала.

Огонёк дроидов, не мельчайший из дроидов. И не дроид вообще. Повелось, что они так называются. Мельчайшие, они производят свою работу путём хаотического образования связей в пределах заданных им. Технические дроиды следующего уровня отфильтровывают и закрепляют требуемое. Когда мельчайшие, хаотичные переходят пределы, то есть, количество связей умножается свыше заданного на единицу пространства, когда образуется новая структура, не та, что нужна была, а сверх неё, более сложное и массивное образование, оно распадается. Сразу и целиком. Это и выглядит как огонёк дроидов. Их так много мерцает при процессе регенерации, например, потому что подобные процессы требуют скорости. Соответственно увеличивается и число лишних связей на единицу времени.

Как же произошёл скачок и появились они, автономные дроиды? Скачком. Людям хотелось ускорения. И точности, естественно, не в ущерб.

Когда-то в пространствах лабораторий, специальных боксов люди работали над дроидами и вместе с ними. А в коридорах, фойе, залах отдыха они тогда уже образовывали жизненную среду. Там и случилось открытие. Перекрёстки дорог, развилки — мистические навсегда.

Технологии переместились от сенсорных, требующих носителя к звуковым. В смысле контакта, передачи запроса. А по большому счёту — к понятийным. На первый план вышли передатчики не между дроидами, эти справлялись быстро с конкретной, закодированной задачей, а человек-дроид, дроид-человек... Обсуждалки, уточнялки, "болтливые коридоры" так насмешливо прозвали лабораторные громады посетители их, пресса, гости... Работавшие там нарочно убирали из коридоров всю быструю, узкофункциональную робототехнику, считая, что в процессе общения должны совершенствоваться бытовые дроидские навыки, возрастать путём элементарного накопления.

И однажды технари той эпохи заметили, что изредка передатчик не возвращает сигнал задачи за ненужностью, угадав стремительно. И сборщик без промедления реализует его... Но — в пятидесяти случаях из ста — с незначительной ошибкой. А впрочем, не в ней суть... Одновременно меняется что-то ещё. И тоже незначительно. Погода за окном... На минуту прекратился дождь, и брызнул опять. Ветер утих, что там из окна видно? Голые ветки крон перестали метаться из стороны в сторону, и что? Не скоро, очень не сразу эти явления связали воедино...

Смотреть прямо, мыслить широко, не то чтобы трудно... Страшно. Уставился технарь прежней эпохи в голографический календарь, о том же климате повествующий за десять последних лет... Тот же дроид его десять лет корректировал, чья невидимая рука листает сейчас перед ним страницы плотных графиков на календаре... Пока руки человека держат чашку кофе и сырную галету... Мак на ней, ошибочка, мак не надо... Что за окном, непогода? Крупа снежная перестала. Нет, опять началась. Зачем же ему выглядывать, от графиков, от календаря и от дроида, попутно его словам вносящего поправки на будущий год? Дроида немного ошибившегося с галетой?..

Люди попросту опасались. Мысль о самоуправстве дроидов не на шутку пугала, а удержать в реальных или виртуальных стенах тех, которые стены эти и строят, очевидно, невозможно,

абсурд. Всепроникающие — равняется — скрытые — равняется — могущественные — равняется… Хочешь как хочешь, а без специальных приборов, ими же управляемых, невидимые!.. Равняется — пугающие. Ну, немножко, слегка… Кто их знает, где они там, чего себе думают... Суеверия эволюцию человечества прошли нога в ногу с ним. От начала. Без сомнения, пройдут и до конца.

Момент прозрения. Каким он мог быть?

...Технари собравшие в четвёрку нового климато-физиологического дроида, сопровождающего в неблагоприятных условиях, обмениваются с ним первыми словами в фойе... Смеркается, веера пальмовых листьев начинают фосфоресцировать, сквозняк покачивает их. Окно от потолка до пола, вершины деревьев за ним... Не те, что растут вокруг здания, высотки Клык, а те, что растут на балконе их коллег, на пятьдесят этажей ниже... Свежесобранный дроид шепчет тестовую таблицу... У технаря в вечном, традиционном белом халате щёлкают часы-телефон, но ни звонка, ни сообщения... И он говорит вдруг, нарушая процедуру, хлопнув ладонью по столу: "Лицо и контур!.." Он не прав, на тестах вмешиваться не нужно. Но дроид хорошо собран. И послушно проявив овал лица, преходящий в контур тела, он через короткую паузу продолжает чтение таблицы... Фосфоресцирующие прекрасным золотым светом зелёные, жёсткие веера пальмовых листьев не отражаются на дроидском, белом до мертвенной синевы лице... "Надо сказать, чтоб образ перекодировали! Увидишь такое в пустыне спросонья, поседеешь ко всем чертям!.." Суеверия, да... Технари собравшие дроида в этом смысле ничем не отличаются от сестрёнок целый день шивших и наряжавших тряпичную ведьму, а ночью — с головой под одеяло. Не видеть, как в темноте спальни поблёскивают под паклей, под растрёпанными, седыми локонами, её глаза. "Чего ж он бледный-то такой, как вурдалак..." Сами собрали, да... Изучали в институте, да... Законы, да... Но ведь всякое бывает. Тестовая таблица закончилась. «Сделай кофе».

Чашка кофе и послужила толчком к открытию. Для людей. Для дроидов — формальным поводом представиться. Намёком, проигнорировать который было невозможно.

Дрёма сказал так:

— Думаю, не случайность! Думаю, это была как бы шутка и как бы намёк дроидов... Шуточный намёк, просьба заметить и дать формальное дозволение проявиться...

А именно... На трёхсотых этажах Клыка, в Бублике, как из сот состоящем из отдельных боксов, те, что снаружи предназначались для отдыха. Не всем нравятся тропические оранжереи коридоров без окон. Некоторые предпочитают любоваться сверху на настоящие облака... И там несколько раз подряд произошло следующее: в одном боксе заказывают чашку кофе, в соседнем появляется такая же. С маленьким отличием. Тут белая — там чёрная. Тут с сахаром — там без сахара. Тут с молоком — там без молока. Люди привыкли к безобидным осечкам дроидов. Но не к закономерным! Между тем поворот этот уже встречался к физикам. Не подозревали, что он применим и к сложным псевдо-интелектуальным существам. А применили бы к себе — сразу бы поняли! Наглядно.

Положим дроид во внешнем боксе это официант, ну, слуга. Человек — хозяин ему, со своими обычными недостатками, требовательностью и неконкретностью. Он не работать, отдыхать выбрался на часок. И желает заказанное получить быстро. Сборщики-дроиды стремительны. В каком же случае заказ будет выполнен с наибольшей скоростью? Если не тратить время на обсуждения! Если официант принесёт сразу все варианты! Люди быстро решают, дроиды быстро делают. Вот их равенство и разница, вот их проблема.

Гонки, трасса небесная, между облаков... На чём срезаются, на чём тормозятся? На вираже! В какой торжественный либо трагический момент решается судьба быть хозяином или изгнанником? Как медленно и со скрипом, с болью разворачивается к раскаянию хищник? Если и есть что в мире таинственного, это момент поворота. Момент остановки, перемена направления. Путь не занимает времени! Выбор решает всё. Устремляясь по инерции, незаметно начинаешь большой круг, вираж который промчит тебя мимо цели и вынесет к новым горизонтам. Не цель была далека, а устремлённость к ней не точна, не искренна. Бывает и наоборот: ударишься лбом о последний шаг до этой цели, а может, к несчастью об неё саму, стоишь, зависнув, день и ночь, без сна и покоя и думаешь, нет... Туда мне не надо... И разворачиваешься... Со скрипом, не как дроид, как ржавый робот далёких эпох... Момент выбора затормозил, ограничил дроидов. Этого препятствия скорости преодолеть они не могли. И не имели права. Пусть люди учатся выражать свои желания, а дроиды будут учиться их слышать.

Это, с чашкой очень грубый пример, но он отражает главное. Скорость дроида ограничена при выполнении одной функции. Предельно велика, если он реализует сразу две. То, что и второй результат оказался чашкой кофе, намеренная демонстрация. Автономности. На самом деле нужен просто противовес. Любой. И в дальнейшем дроиды будут создавать дроидов тоже с антагонистом. Является же этот противовес на самом деле — общей суммой отвергнутых вариантов. То есть, человеку достаётся одна, усреднённая как правило чашка кофе, дроидам — миллион не подошёдших чашек, миллион вкусов, температур, фарфоров... Кофейных деревьев... Бесчисленное множество это сборщикам они не передадут, незачем. Но запомнят его твёрдо, все возможные варианты в приложении к двум словам. С объёмом хранилища памяти у них нет проблем!

Таким образом образовалась и продолжает образовываться их автономность. Их обучение словам, понятиям... Из превеликого множества вариантов, имевших отношение к требованию человека и не пригодившихся. Сами дроиды по мере возможности стремятся уточнять. Сортировка, это расширение орбиты для них. Это широта горизонта для Восходящего, которому суждено оставить влаге дождей и свои Связные Впечатления. Чем сложней они будут, тем лучше. Тут скрывается причина, почему не один глава семейства, когда Восходящий откликнулся на его манок, сопровождает и реализует. Почему он передаёт основной запрос, после одного-двух ливней, дроидам семейства, а те ищут независимых 2-1, близких к теме, способных разыскать тучи иные... Чтобы был широкий обзор. Чтобы Восходящий успел пройти множество развилок "вправо-влево", выбрать много троп, указать тем самым, какие явления согласуются в человеческом понимании, какие гармоничны, какие неприятны, невесть почему. Ведь для дроидов мало принципиально несвязываемого. Формы, которые могут принять, затмили бы инфернальным ужасом Чудовищ Моря! Но главы чутко наблюдают за малейшими приметами людских предпочтений для пяти органов чувств.

И того: половина воли автономных дроидов — их свободная воля, их отношения между собой. Она недолгое время пробыла завязанной на единый распределительный центр, до перехода в высшие дроиды. Общая форма высших дроидов — попытка заменить его, воссоздать на других принципах. Автономными, они были между собой совершенно непохожи, но теснейшим образом скоординированы. Высшими стали похожи, но разобщены. И началось образование семейств.

Таково было самораскрытие автономных дроидов, сконструированных без участия людей. Признание: мы есть и уже давно... Заметили эту их двойственную природу, люди признали её и

примирились с ней. Дроиды начали жить рядом своей параллельной жизнью. Автономные, затем высшие.

— Высшие — сильное понижение по сравнению с тем, что было... — добавил Дрёма, и сожаления не прозвучало в его бархатном голосе. — Понижение в доступности орбит общего поля земли, в силе. А с прежних времён... Августейший единолично удерживает целое семейство, не имеющее внутренней иерархии, кто ещё мог бы?.. Так удерживает, что только троны могут из него вызывать... Гелиотроп сохранил подле себя нескольких автономных, думаю, не знаю...

Соль, шептавшаяся с Амиго, безрезультатно пытаясь подтолкнуть его к диалогу локтём, поднялась сама:

— Дроид милый и любезный, как же глава семейства и остальные находят ливни для Восходящих, если Впечатления видеть вам не дано?

— Последовательно не дано, как связные, как движение, — уточнил Дрёма. — Огромный, большой-пребольшой банк, хранилище резонансов — срединные орбиты дроида. И в первую очередь — резонансов с его манком, его индивидуальной песней. Наугад. Навскидку угадывают. Не ошибаются. Плюс память о том, как создавались конкретные облачные миры. Знают, что примерно в дожде, проливающемся из них. Это информация, которой обязан делиться собиравший его владыка. Плюс резонанс Я-Владыка, если он обитает внутри, если не мир хищника.

Соль поклонилась, села, а Фанатик поднялся, с вызовом каким-то спросил сызнова:

— Почему вы не понимаете нас? Что проще, дать то, что сказали дать?

Дрёма встал, распрямился на воздухе, раскрывая ладони к нему, в порыве и правда передать, внушить что ли, в хорошем смысле слова, словно формулу чеканно проговорил:

— Дать можно только то, что уже было! Подумай, человек! Как говориться: чего не потеряешь, того не найдёшь... Я могу тебе дать точно, что укажешь, то, что есть уже у тебя! Сколько угодно. Ты задохнёшься так!

— Что укажу?.. Что скажу. Понятия предельно конкретны...

— Славный, ты! Ты коллекционер артефактов, мыслишь ими? Понятия предельно неконкретны! Переход к ним, как платформе взаимодействия, означал уравнивание в диалоге людей и дроидов! Означал, что люди останутся людьми. И для каждого человека понятие будет означать что-то своё. Что совпадения остаются личным делом, не подвластным чужой воле. Только Фортуна, только Фавор! Что мы — не тюрьма! Мы не выдаём один артефакт на одно понятие. Выбирайте, размышляйте, творите! Не из одних лишь Впечатлений собирает Восходящий эскиз, и гость преображает по воле своей фантазии. Технические дроиды работают в этом случае! Без высших! Не угадывают, прямо откликаются на задуманное, себя физически вкладывают в превращение артефакта и завершение эскиза. Гостю служа, Восходящему служа!

— И хищнику, хозяину... — пробормотал Фанатик.

— Не огорчай меня... Есть темы, на которые не любят разговаривать и дроиды. У воли две стороны, обе на волю. У тюрьмы одна. Внутренняя.

— Дроид, ну, я понял, но приведи пример простого, но неконкретного понятия, прошу.

— Пример?.. Что угодно! Да элементарный, чашка кофе? Как можно простейший заказ не угадать? Очень просто. Вы в принципе понимаете, что дроиды Впечатлений не видят? Оставляют после себя, но не видят! Мы видим вас и артефакты. Но не связные Впечатления и не Собственные Миры. Мы сохранили всевозможные сочетания явлений и чувств, отражённые в ваших умах, связавшиеся с влагой, но мы не видим — что — сохранили!.. И не стоит ли кое-что

убрать... Мы угадываем по косвенным признакам. Чашка кофе... Для вас образ, для нас — два слова. Ну, представьте же количество вариантов! Я вам так скажу, дроиды, как потомки роботов, потомки машин высокоточных, вынуждены были начать учиться примерности. В реализации. Допустимым пределам её. И соотношению точность — скорость. Наверняка человек сказал просто: кофе. Где чашка? Где характеристики? Всё только по контексту. Теперь для Восходящих и контекста нет, они пролетели сквозь дождевую тучу, что-то понравилось им, что-то услышали в ней, могут подразумевать и напиток, и дерево, и образ, и запах отдельно, и церемонию вместе с обстановкой дома! Я-Владыка укажет, что связывалось в проливающемся мире с этим словом — «кофе». Уже на этом простейшем примере видно, как нужны подсказки, связи, как нужен переводчик... Ваши желания — коротки!.. Они — вспышка на орбите, в глубине вашего существа, которую мы не успеваем различить. Её характеристики, местоположение, соседние с ней орбиты подсказали бы, о чём речь. Вспышка должна бы продлиться... Воплощающие автономные дроиды стремительны, к ним вопросов нет, а перекодирующие для них сигнал... Те, что заказ принимают...

— Есть два пути... — прошептал Амарант, и Дикарь кивнул ему. — Слушать и угадывать. Продлить импульс желания до тех пор, пока не сузится, не станет более-менее очевидным, либо же короткий ствол разветвить на короткие побеги множества всевозможных вариантов, один попадёт в цель.

— Да, — услышал их Дрёма. — Развитие пошло по второму пути: накопить возможно большее число вариантов, к одному запросу относящихся, выделить из них наиболее частые, так угадывать. Я считаю — тупиковый путь! Но даже на нём мы, дроиды, стремимся расширить горизонты для вас...

— А если слушать, — спросил Амарант, — как вы слушаете?

— Если видно, на какой орбите импульс, можно увидеть, как соседние с ней изменятся. Сначала обе повернуться к ней, затем... Если речь, желание относится к тому, что должно развиться, например "кофе" это дерево, часть сада, то внешняя уставиться наружу, а внутренняя останется ждать. Если процесс или отдельный артефакт, небольшой, — размер всегда важен! — обе орбиты развернутся лицами внутрь... Но это чуть-чуть угадывания... Произнеси дроид, находящийся рядом, уточняющее слово, процесс усложнится, захватит иные орбиты, относящиеся только к словам... Импульс должен длиться, в любом случае. Вы слишком сложные для нас, быстрые...

Мурена сказала:

— Извини, Амарант, перебью. А когда, дроид, ты говоришь, что вам нравится смотреть на нас, с учётом последнего, что ты имеешь в виду? Неужели эту самую сложную, быструю переменчивость?

Дроид кивнул:

— Очень сложную. Очень быструю! Волны... Волны... Люди плотные, их орбиты не могут захватывать других людей, как наши. Зато, если волны резонируют вдруг... Вспышка разливается, переливается через край, как свет... Рябь бежит по крутой, глянцевой волне... Лучи насквозь... А если сразу для многих людей?.. Нет места прекрасней, чем Мелоди!.. Он так поднимается волной, озарённый весь... Был один дроид, нарушитель... А впрочем... У белок, у Белых Драконов и тут преимущество — кружить над Мелоди! Танцевать!.. Одно требование всадника, одна мелодия и дроид — орбиты в резонанс...

— А в центре их?..

— ...ты, лапочка! Не шучу. Вам кажется, что дроиды загадочны? Рассыпаются, собираются из огоньков? Так и вы из огоньков. Дроиды резки, порывисты, примитивны... Особенно дроиды холода. А человек — плавный, непрерывный и непредсказуемый на поворотах. Смотреть на

него — наслаждение. Дроиды закрытого семейства имеют то же качество. В малой мере. Помните ли, у вас, людей была поговорка, на что можно вечно любоваться? На воду, огонь и как кто-то работает. Мудрая поговорка, точная. Но для дроидов верна последняя часть: на человека, плавный поток. Представь себе оба направления, попытайся... Сразу — восходишь по течению и уплываешь к устью... Где же?.. Нигде... Волнами, волнами, волнами...

— А как, — спросил Фанатик, нарушая медовый речитатив дроида, — вы воспринимаете смерть человека? Как видите?

Похолодало.

— Плохо, — сказал Дрёма. — Плохо воспринимаем.

— Ты так увлекательно рассказываешь... Все дроиды знают историю?

— Свою — да. Человеческую почти никто. Зачем? Чего там знать...

Гай слушал в пол уха. Он коротко отлучился, на время отсутствия Беста. Вернулся в Архи-Сад, к зелёным, вечерним кострам. Гай навещал Махараджу, предупредить об охоте на Руту. Рыночные охоты Густава обычно не затягивались.

— Мне, Раджа без разницы чего. Есть долги перед охотниками? Преврати для них, мне кого-нибудь после отдашь. Я вернусь, карту сделаю. Обещал. Лица не помню...

— Он оставил, — сказал Махараджа, указывая на флакон, отпитый до половины.

— Заходил?

— Ага. Гус спешит. Обещал привести вечером, тебе ждать не долго. Что сделал борец? Он вир, кажется, с татуировкой?

— Обнаглел немного. Ерунда. Густав, конечно, озвереет, но я не знаю когда выберусь... Так что карта попозже. А чтоб виру меня не ждать... Сделай мне, Раджа, сувенир — татуировку оставь, а человека не надо. Пусть будет удавка, тонкая, распускающаяся.

— Ладно.

— Да, извини, что не пришёл тогда, с Нико. Я буду появляться... Нечасто.

— Что там, в Архи-Саду? Не спрашиваю, что тебя там держит, не ответишь. Как в общем, со стороны?..

— Обыкновенно, Раджа... Люди, изгнанники.

Гай замялся. Он не хотел говорить. Махараджа годами снабжал его всем необходимым для опытов, текстами, инструментами с Техно, валютой для Техно, товарами годными на обмен для коллекционеров того рынка, похищенными людьми. Но это не сблизило их. И опыты зашли в тупик. Целых два секрета Гай не открыл покровителю. Что Бест логически доказал: невозможно создать Пурпурный Лал в Собственном Мире. Но не это главное, рано или поздно Махараджа купил бы ему Лал... Прежнего интереса у Гая к этому инструменту уже не было. Эксперимент он провёл иным, неожиданным способом. Получив отрицательный результат...

Олеандр...

Гай тратил бездну времени на создание решётки преломления. Один из вариантов он принёс на континент. Не зная, чего ждёт, перманентно напряжённый и тревожный, поколебавшись, он забрал и зеркальный дневник. Бест, разумеется, тайны его не выдал, но посоветовал однажды:

— Ты видел каков Олеандр в сумраке, когда рассмеётся? Пылающий точно Лал, рубиново-красный. Если эта пыль, застывающая от лучей, ещё есть у тебя, попроси его заглянуть сквозь решётку, улыбнуться, чтобы пролился свет. Если она и не совершенна вполне, с твоей точки

зрения, попытка ничего не испортит. Олеандр — вполне Лал, на мой взгляд. Его света хватит увидеть содержание дневника. Отразить. Пусть не чётко. Тебе ведь нужна информация, а не произведение искусства!

Абсурдное предложение от кого иного Гай принял бы за насмешку. И дилетантство. А тут задумался. Пыль слипается импульсами, в точках кризиса. Артефакт образует, объёмный. Настоящий. Ведь они, и артефакты, и тела лишь кажутся плотными... Их тоже скрепляет решётка. Пыль осаждающаяся перед пурпурной вспышкой... Так... Свет пурпура не бьёт, не расплёскивает, его поток равномерный и мощный... Свет рубиново-красный не заставит слипнуться пластилиновую пыль в точках кризиса, не превратит её в страницы Зеркального Альбома. Но высветит их, спроецирует их сквозь решётку. Увидеть?.. Во время падения, оседания пластилиновой пыли?.. Как в зеркале... Картины на пыльной стене, стекающей перед зеркальным дневником... Может и получиться. Рубинового излучения может хватить. Пыль была, запасы в нескольких тайниках на континенте, кому они нужны, кроме технаря...

Олеандр согласился. Гай испугался.

Проверил на кружевном веере какой-то изгнанницы. Потом на себе. И кружево, и его лицо явственно проявились на опадающей плене... Красный свет от черноглазого, кроткого лица тонко дробила последняя из его решёток. Прилично сделал. И детали видны... Вплотную подошёл к искомому. Что ж, ради этого момента оставался рядом с Бестом?.. На этот способ указал Оракул?.. Сколько можно медлить!..

В сумерках вечерних, чтобы видней, он поставил перед решёткой преломления, напротив кроткого, красного, дроидской красоты лица изгнанника лазуритовую рамку дневника. Простую, упрямую скрытую механику. Зеркальный дневник Юлии Альбы. Пригоршня серебристой пыли, клубясь, оседала. Руки предательски, совсем некстати дрожали. Ускорившийся Огненный Круг, тоже помеха, освещал рамку с другой стороны. Всё неправильно! Но переделывать не пришлось...

Олеандр улыбнулся... От губ изливалось алое зарево... На лицо, наружу... Мерцая, ширясь... Искренне, сочувственно Олеандр улыбнулся ему. И оба увидели, что дневник пуст. Рамка пуста. Ни чёткого, ни смазанного, никакого изображения. Лишь сам прямоугольник на пыли. Нет изображений, записей, незабвенного лица Юлии Альбы. Гай выдохнул и ощутил идиотское, огромное облегчение... Но что дальше?

Отчаяние подступило в последующие дни. Что дальше? Подступило физически — к горлу. Сдавило и осталось. Что делать? Присоединиться к Радже в его планах, забыть свои? Искать замену Огненному Кругу? Исчезнут тогда воспоминания, пройдёт тоска? Не решил, и покровителю не рассказал. Сидел ото всех отдельно в безмятежном Архи-Саду. Где хитрый Дрёма подвёл разговор исподволь, незаметно к теме нужной ему...

С той поры, как образовались, стабилизировались крупнейшие семейства, решение о создании нового высшего дроида, о его функции, антагонисте и прочем, не то чтобы принималось всегда четырьмя владыками, но никогда не миновало их... По техническим причинам. Ими же утверждалась и процедура. И всё это не могло касаться людей. Или так: но — всё это не касалось людей. По факту. Пришедшие из стародавних времён Лазурные Лалы, пять земель, пять ярусов облачного рынка дроидов неотделимо пребывали в нём. Где не бывает посторонних. Что касается голографических чертежей главнейшего дроидского инструмента, они считались давно утерянными и слишком сложными для людей. Сказанное не означает, что Лал единственный способ создания высшего дроида, вовсе нет. Самый быстрый, экономичный. Относительно времени в первую очередь. Дающий изоляцию. В противном случае на правку от

случайных факторов уйдут тысячелетия, наверное.

Таким образом, Лазурный Лал в мире Руты — нечто из ряда вон выходящее. Причуда судьбы. Восходящий с чертежом... И настолько им пленённый, чтобы вникнуть, и воспроизвести без ошибки... Разумеется, о существовании такового тронам стало известно. Пока под снегами лежал, не беспокоились. Да и что они могли? То — Собственный Мир человека. Хищника. Покинутый Я-Владыка. Что будет дальше с Лалом, хищником и его гостями? Один уже сделал простого, неавтономного дроида, на здоровье. Дальше как быть?..

А у Дрёмы на этот Лал огромные планы!.. Изгнанникам с ним волшебно и тепло, но и дроиду неплохо дружить с человеком. Дрёма не узрит его мир, и Лал в его мире, ни он, ни драконы, ни владыки... Это не наказуемое, а попросту невозможное нарушение. Однако, если у кого-нибудь из людей, терпеливого, умного, привычного к сосредоточению окажется схема высшего дроида... Костяк, последовательность высшего дроида, кое-какого, полезного весьма и весьма... Если окажется невзначай под рукой и камешек... Лазурит... Цельный, подходящий... Владыкам придётся одиночку Дрёму принять в свой круг, пятым троном без трона. Или ему лично объявлять войну! Нарушений-то у него накопилось, но — дробей, тянущих на турнир, и то по согласию, нарушений.

«Ну, — размышлял Дрёма, — какие планы, Доминго? Что будешь делать? Грабить людей?..» Ограбить Собственный Мир, изъять Лал — означает разрушить и то, и то. Немыслимо. Убеждать? А повод?.. Расширять список запретного? До неприемлемых размеров в таком случае. Лал не оружие. И не мастерская по изготовлению его. Разве не люди, в конце-то концов, создали дроидов?! Почему не имеют права делать новых теперь? А если имеют, почему Дрёма не может советовать исполнителю, как и какого именно дроида создать?.. Всё в пределах дозволенного... Содрогнулся.

Однажды Дрёма видел стену Чёрных Драконов, предел пространства, обрыв и стена скрежещущей, гремящей чешуи... Она дрогнула, раскрывая проход на турнирную площадь для дроида. Нарушителя, верно... Не желавшего расплаты... В необщей форме двигался он. Орбиты теснились, искажались, стали струной и он влился, вылился на площадь... Приняв общую. Выхода не было. Дрёма различал в тесноте нарушенных орбит отпечаток человеческих влияний, многолетних, их дроид и защищал. Пытался сохранить память... Турнира Дрёма не видел. Мог предположить исход... Но если уж война, то на последних этапах и Дрёма приготовится к войне. Принципиальная схема нарисована будет в тайне... Не должна такая мелочь раньше времени вызвать обвал.

Хитрющий Дрёма всячески поддерживал в разговоре формальную сторону темы, устройство высших дроидов. Семейств, основных семейств... Почему названы так, что такое троны? Не "троны" конечно же! Широта влияния некоего дроида, владыки, возрастает настолько, что определённое количество его внутренних орбит делается стабильно. Оно-то и называется "троном". С определённого момента меньшие семейства 2-2 и одиночки 2-1 первой расы захватываются внешними орбитами его. А владыка — ничьими. Он твёрд, он на троне. Но поскольку их четыре главных, взаимное влияние есть, между собой согласовывать общедроидские решения они должны. И в ситуации вызова директивно, принуждения к ответу либо к действию, от призванного дракона, главы некрупного семейства, одиночки 2-1, определяющий вопрос: "Сколько тронов?!" Четыре или меньше вызывают его?.. Если меньше, он вправе сопротивляться. Наверняка безуспешно. Но сам факт не будет поставлен в вину...

Так болтал, болтал Дрёма, в воздухе золотистыми взмахами рук чертил круги орбит ровных, искажающихся, в лицах изображал турниры... И подвёл к тому, ночью уже, при свете

зелёного костра, прекрасном, пляшущем, неверном, перед ним лежал чистый лист бумаги. Основы. Рядом набор листов, колеров и стилусов для десяти десятков стократных уровней раскрывающейся голографии. Вполне достаточно, чтобы схему на такой основе прочёл Стократный Лал...

— Показать? — небрежно спросил он. — Как последовательно создаётся? Хорошо!.. К пальцам дроида не пристаёт краска... Влаги в нас нет...

Обдав теплом, Дрёма взял человеческую руку и "случайно" это оказалась рука Гая. Хищника. Без Чёрного Дракона. Дроид выбрал стилус для базы, обмакнул руку Гая в колер, запачкав край рукава... Традиционное для Общей Встречи ради Слов движение... Как руку новичка — в чашу со связными Впечатлениями! Оно повторилось на ней, совершенно в другой теме, с иной целью — необъяснимые сближения внешних форм! С пальцев по стилусу, холодя их, сбегала краска, Гай единственный видел, сколько за меловой белизной цветов ледяных. Ему было любопытно. И тепло, как любому при высшем дроиде. Где-то в глубине, это касается холодных тоже! При любом высшем дроиде, успокоительно тихо... Да это и есть — тепло.

Гай умел чертить, слушать и слышать. Не умел только видеть живых людей. Где-то Дрёма водил, а где-то диктовал, подсказывал ему. Листы переходили из стопки в стопку. В новую, растущую, сохраняя горизонтальные промежутки. Нижние слои объединялись при опускании каждого следующего листа. Голограмма поднималась в сумраке. Неподвижная до времени, меняющаяся рывками. От базы — простые геометрические фигуры... В цветах ледяных, Гай мог наблюдать, как внутренне они непросты, как разбрасывает стилус дополнительные построения орбит и векторов при изменении наклона и скорости письма, так с Дрёмой их связала тайна!.. Затем — крупные реки, дельты рек, кровеносная система... Ближе к завершению — звёзды, спиральные созвездия полетели кружась по ней, захватывая определённые русла, огибая иные, искажая и искажаясь... Поразительное зрелище... Ближние ряды зрителей, не дыша, созерцали. За ними стояли, сидели на кладке стены, на деревьях... Светился бархатным сиянием дроид, танцевали зелёные языки костра, и голограмма росла в сумраке... Образовалась. Проигралась то начала до конца и обратно: от лазурной звезды — до очертаний человека — и до лазурной звезды. В лист базы убралась. Задумчиво Гай вытер руку об рубашку.

— Понравилось, интересно? — спросил Дрёма невзначай, сминая и пряча листок под барское верхнее одеяние, под дымку вьющегося шарфа, отторгавшего пристальный взгляд, как пыль водяная, не песок, но щуришься...

Гай выдохнул тихо-тихо... Подглядеть захотел, замедлившись, как цвета ледяные... Но вместо вместо внутреннего кармана, карманник неудачливый, он встретил укоризненную дроидскую полуулыбку!.. "Дружочек, ай-яй-яй..."

Столь торжественное, захватывающее зрелище, столь глубокие вопросы дроидского бытия требовали лёгкого и непринуждённого завершения ночи. Чудный дроид, чудная ночь! То ли станцевать с ним, то ли вспомнить старые перепевы Мелоди, раз рынок так дорог ему?.. Танцевали и пели. Гай не участвовал и не дичился. Не ушёл в тень как обычно. Оставался рядом с дроидом, с другом своего врага... Дрёма, оценив человеческую предупредительность и любезность гораздо выше, чем могли предположить они, впитывал как губка знакомые и неизвестные ему песни... И да, видел изгнанников, как вздымающуюся волну, по которой бежит рябь света, на дроидском языке обо многом ему говоря... Притом, не отвлекаясь и не вовлекаясь, дроид тихонько беседовал с этим необычным, проницательным хищником. Счёл некорректным так, в наглую воспользоваться его рукой, не отплатив. А что надо технарю? Слова. Ответы. "Ай-яй-яй" относилось только к подглядыванию. Говорили и про Стократный Лазоревый Лал...

Чем больше собирается вместе народу, тем более лёгкие, общеизвестные песенки всплывают. Сентиментальные. Кто-то заметил вдруг, сколько излюбленного на Мелоди припомнили сейчас подряд... И где про любовь, то везде про человека и дроида. Не Чудовищ Моря, не про чистых хозяев и хищников, не про древних героев каких-нибудь... "Дроид в туманном море, выйдешь ли ты ко мне..." Коротенькая. "Я танцевала с дроидом, облачный мир забыв..." И эта, которая захватывает толпу на земли, на драконах, когда особенно грустно, на исходе сухого сезона. А в остальное время мурлыкают её в одиночестве, совсем уж наивная, старая, два куплета: "Ты разлетаешься на огоньки, я разлетаюсь на слёзки..."

— Ага, — поддержала Соль, — правда, в большинстве человек и дроид. Почему?..

— Да было ж так!.. — удивился вопросу Дрёма. — Песни-то старые, долго распространяются, приживаясь. Если уж прижились, значит, все проверки прошли, отшлифованы временем. А так и было. Поветрие!.. Троны ещё не кристаллизовались, не сдерживали, внешних орбит не замыкали на себя. Законы в будущем, дроби их, причины-последствия... Кроме основных, самоочевидных, положенных природой первой расы: холодному дроиду путь только до Восходящего, перед другим человеком — стоп. Разве по необходимости и ненадолго. Для защиты от холода общая форма недостаточна. Если очень надо, воплощайся, тогда подходи. А тёплым дроидам — вольная воля! Но и они предпочитали воплощаться. В те благословенные времена, ребята утратившие, в те утраченные времена... Знакомясь с кем-то, спрашивали, ты кто, человек или дроид?

— А дальше что?

— Владыки подсуетились. Ревность, и тёплые 2-1 были им нужны. Законов напринимали. Чтобы не приближался к людям никто без нужды. Без приказа. Или оправдывайся постфактум, почему, зачем...

— Дрёма, — спросила Мурена, — а само воплощение для дроида чем-то нехорошо?

— Можно и так сказать. Оно уплотняет орбиты до состояния трона... На время. Но расправляются они не до конца и не все. С каждым переходом обратно, в общую и необщую форму. Смысл в том, что лишь у четырёх владык орбит в принципе достаточно, чтоб уплотнялись внутренние и оставались так, в состоянии "трона", не нанося ущерба функциям. У остальных уплотняются внешние, те, что могут... В том и причина, что нарушитель такого масштаба, открывшийся перед человеком, да не первым встречным, а любимым, который видит его, по-настоящему видит, он оказывается спутан орбитами с ним, плотно, по человеческому типу. Необратимо. Образно выражаясь, в решающий момент дроид берёт человека в круг внешней орбиты насовсем. Как сказать?.. Берёт под крыло. Насовсем... — подчеркнул Дрёма. — Для турнира, где под видом оружия соревнуются внешние орбиты, такой дроид становится слаб, неповоротлив, пень, короче. Делай с ним, что угодно, что заслужил!

— Четыре владыки устроены иначе, они одни?

— Дроиды желания по-другому... Они от природы либо проявляются, либо угасают. Если воплощаются, проявляясь перед человеком, своевольно, достаточное количество раз, оно как бы суммируется. Не по закону, а по природе. И неизбежная впереди фаза угасания подвешивает в нигде, без предела, плотными. Не как в момент нарушения, а как до появления на свет... Они и есть, и нет. Структура сохраняется, движения нет. Турнир не нужен, да и невозможен в такой фазе. Зато до неё... — дроид рассмеялся, — тоже невозможен!..

Дрёме эта тема близка. Ему отрадно было сознавать, что Проблеск, благодаря теперешнему положения застрахована от крупных неприятностей... Еще не было случая прекращения на турнире и даже вызова на него дроида желания!.. Но на будущее, создав как ему надо, семейство, взяв большую власть, надеялся, Проблеск покинет трон Августейшего, прейдёт в его, Дрёмы семейство... Личные моменты грандиозных планов...

— У дроидов желания, — решил уточнить он, — обстоятельства строже, серьёзней. Закрытое семейство. Про них песен не слагали. Ещё до вхождения в семейство, если кто и влюблялся, открывался, бывал сурово и скоро наказан. Пойман. Высшая форма — привилегия, временная вещь. Может быть отнята без турнира на миллионы лет, станешь меткой, улиткой, инструментом. Что-нибудь мерять, Столб Лазуритовый, Юлу, по-вашему — основание Синих Скал, грызть, породу добывать. Малопривлекательная перспектива!.. Разборки внутри семейств чаще приводят к такому, ненадолго, правда. Отчаянные нарушители из дроидов желания проявлялись сразу создавая миры, прячась в них. Редко появляясь на континенте... Потанцевать, полюбоваться на множество людей. Вслед за любимым, если тому наскучивало в мирах. С хищником рядом их труднее вычислить и поймать. Полюбить чистого хозяина — беда, Чёрный Дракон выдаст. Гелиотропу, владыке. А тот Августейшему, старому другу своему...

Изгнанники вновь слушали его, притихнув. Не одна Мурена, каждый был бы рад задержать в Архи-Саду чудного дроида. Ничего не понятно, но пусть ночь за ночью рассказывает!.. Бест вернулся, что означало, не следует оставаться дольше.

— Лапочки, с вами чудесно...

Дрёма поднял руки, как разбрызгивая нектар с кончиков пальцев, осветил весь угол сада, осыпал его огоньками белыми, рыжими... Мерцанием в них же и уходя. Лукавый, тёплый дроид...

— А что, — спросили его напоследок, — те времена совсем миновали? Как Индиго ушёл в ваши сферы, дроиды не приходят к нам, не рискуют, да? Не влюбляются?

— Почему? Бывает... Не знаю. Не будешь же метку посылать ради сплетен, к делам Восходящих не имеющим отношения... — ох, как лукавил, дроиды не Чудовища Моря, не честнее они людей. — У меня, лапочки, больше знакомых среди вас, чем там... Слышал по холодного 2-1... Долго был воплощён, на чём-то срезался. Не признался, не промолчал, невнятное что-то вышло. Знаю, у морских полутеней, у чудовищ случаются покровители среди дроидов, но без воплощения. Владыки гневаются... Грустные истории. Бывает и сейчас. Я мало кого лично знаю... — Дрёма таял во мраке, зелень костра просвечивала его задумчивое лицо, рассеянные тёплые глаза. — Проблеск, мой антагонист бывший, говорила, у них пропажа недавняя... Беглец, дроид желания, Юлия Альба...

Произнёс и растаял совсем.

Растаяло в ватной пустоте всё вокруг Гая. И сад и рассвет, и голоса и звуки. И мысли. Имя осталось. Услышанное со стороны оно показалось галлюцинацией... Склеенный неумело и небрежно на периферии сознания, вернулся картонный мир. Ненужный, не интересный... Гай отметил, что холоден физически. Привычная реакция, задумавшись, он реагировал, как и вглядываясь, рефлекторным замедлением... Встряхнулся. И практический ум технаря с новой силой подстегнул его, подбросил к борьбе, к жизни. К ужасу осознания своей ошибки: сегодняшней! Свершившейся чужими руками! Картинка сложилась целиком... На ней была бездна!..

"Гай, ты проклят, проклят от восхождения, от начала времён!.. Ты уничтожил его, наглого, дурного мальчишку, борца, заполучившего Дроидский Лал в Собственном Мире! Захлопнулась дверь?.. Нету его уже?! Ни мальчишки, ни Лала, ни надежды?.. Зеркальный дневник... Лазуритовая рамка... Дроид в первой и последней фазе... Гай, ты не мог сделать хуже, ты не мог быть тупей, если бы в шутку мим придумал тебя, ради сценки от которой все плюются... Лазуритовая рамка пустая... Что могла передать, то и передала — дорогу к себе. Что думал мой Белый Дракон, когда с дневником в кармане я направлял его к миру Юлии Альбы?.. Что я

идиот?.. Дракон кувыркался... Они всегда кувыркаются..."

Нет, Гай не сидел в прострации, он мчался на Южный, бежал пустыми рядами, перепрыгивал струйки тумана и лужи иссыхающих теней. Мчался к шатру Махараджи... За сувениром своим, за тем, что осталось от обидчика, несостоявшегося вира... Последнее потрясение ожидало его, Гай решил — заблудился... Или сошёл с ума?.. Усыпил их дроид в саду, и всё приснилось... Много столетий шатёр Махараджи пребывал там! Неизменно!.. Торговцы и бойцы правого крыла, и гастролёры с облачных борцовских, никто не смел посягнуть ни на место, ни на близость к этому, привилегированному месту, обособленному!.. Нет шатра. Тент валяется в пыли... Гай рванул к тайникам на задворках. Нет! Ни главного, ни специальных... Почему?! Всё кончено?.. Или нет?! Что случилось, почему Раджа снял их?!

Гай обежал и опросил кого мог. Безрезультатно. Ни друга, ни врага, пустое место на Южном. Кто-то займёт его... И куда идти? Он вернулся к Оракулу, к Бесту. Изложил.

— Да-а... — задумчиво сказал тот. — Дроиды непостижимы... Импульсивны, но постоянны. Суровы порой...

— Бест, я всё думал, что он напоминает мне, зеркальный дневник?! Раму её Собственного Мира! А это она и сеть!.. И поле где-то за ней, и тропа в голубой траве, и там, далеко-далеко домик... В который я заходил!.. В котором она царила... Бест, что мне делать?!

— Подожди, проявится твой охотник... Или покровитель, или оба. Хищники ведь они, точно не дроиды! Люди не пропадают без следа. Драконов в небе их, тающими ты опять-таки не видел...

— Да, верно!..

Бест почесал в затылке:

— Гай... А судьба этого мальчика, борца... Тебя совсем не волнует?

— Нет! Что ты хочешь услышать, фальшивое раскаяние?! Не волнует совсем. Только его мир и Лал. Инструмент!..

— Так у тебя ничего не выйдет...

— Я обещал не трогать из-за тебя и в Архи-Саду...

Бест перебил:

— Да я не про обещания. Интуиция, так...

Глава 56

Глава 56.

Для Господина Сомы с той игры Против Секундной Стрелки, на которой Пасс в лице его вытянул счастливый, да что там, спасительный билет, началась полоса везения. Насыщенная и утомительная. Сначала выигрывал по мелочи, затем внезапно — внеочередное право на три дюжины дней оставить свою пирамидку в игровом, охотничьем шатре. Отнюдь не оказались они безлюдны... Кому-то удавалась давняя интрига, кому-то запудрить мозги незнакомцу возле шатра. Реализуя пожелания охотников и заказчиков, До-До и Господин Сома в Архи-Саду почти не появлялись...

Зато появлялись некоторые, ими освобождённые и направленные. Хищники, потрясённые случившимся. Чистые хозяева, которых не отвратил испуг от поиска общения и информации на континенте, а возросший здравый смысл призвал искать места побезопаснее, чем Южный Рынок.

Бест выказывал Соме при каждой мимолётной встрече всяческое уважение. Ужасно тяготившее и смущавшее того. Многократно предлагал и просил председательствовать на Общих Встречах, задавать темы для них... Результатом его внимания сталь то лишь, что Сома прокрадывался на них после начала и в саду предпочитал укромные, тихие уголки.

Марафон его царствования в игровом шатре закончился, всё кончается. Отдохнув в прибрежном Собственном Мире До-До от напряжённых торгов, ещё более напряжённой их имитации, переговоров, порчи и исправления облачных миров, оба вернулись в Архи-Сад, как домой.

Тишина и покой... Шелестят кроны неплодовых, стремительно вымахавших деревьев Сай, чьи нижние, мощные ветви раскинуты широко и низко, а тонкие ствол вздымает ввысь. Прямой, сужающийся, силуэтом ровный, фактурой — крученный-перекрученный, лишённый коры ствол цвета слоновой кости. Если с нижних ветвей отломить маленькую веточку, за сутки она высохнет, изогнувшись причудливым, немыслимым образом. Смотри на неё и гадай: что это? Скульптурный артефакт сотворённый по древнему Впечатлению? Рукотворный портрет Чудовища Моря?..

Деревья Сай как раз расцветали. Одни вездесущим пухом, летящим с высоты крон. Другие крупными, мясистыми и махровыми цветами на нижних ветвях, коралловыми, розовыми. Венчик недолго держался, опадал. Оставался колючий орех. Одревесневшие орехи свалятся через полгода, ходить невозможно будет! Могучие, причудливые деревья так же глубоко пустили корни, как высоко кроны, достигли не влажных пластов земли, а самых озёр Чистой Воды забвения. Подобрать и съесть хрусткий розовый лепесток, всё равно, что спуститься попить её.

Сад пропах цветущими Сай, свежайшими, пропах сырой, взрыхлённой землёй, удобренной водорослями, добавившими солоноватой горчинки, перед посевом новой травы. Всем хотелось больше травы. Сильней, чем плодов. Мягкой, чтобы валяться. Высокой, густой, чтобы прятаться в ней. Цветов. Недавно кто-то купил на Техно и принёс старый атлас, дроидский, по устройству артефактов семян, как их создавать в Собственном Мире. Причём конкретные, бывшие прежде растения там представлены в малом количестве, для примера, остальное — принципы конструирования. Разбирались. Обсуждали, кто о чём мечтал... Определившись, искали хозяина, готового сделать их. До-До безграмотный и бездарный с чертежами, и Господин Сома слишком ленивый чтобы вникать, уступили это почётное право недавнему знакомцу, знакомцу Олива, что удивительно — чистому хозяину... Пта! Более чем охотно, тщательно и увлечённо, его

стихия, Пта делал им травы. То всходило, то всходило задуманное... Но тем интересней! Случайно получилась метёлочка Три Хвоста, например... Оливу показал, гордый... Не каждому дано талантливо ошибаться!.. Олив не общался ни с кем. С Господином Сомой изредка. Не выдерживал, когда при нём ерунду начинали болтать про теней, про яды, про море... А так нет. Молчал.

Аурoруа, Рори — юная изгнанница, встреченная на вираже, на гонках в высоком небе, не привыкшая к людям и континенту, беспокойно поглядывала на чудовище с зелёной, оливковой кожей. Но рядом сидел её Чёрный Дракон, впившись в землю когтями, на задних лапах каждый палец толще её руки, каждый коготь — длинней её пальца. Дроид ворчал, мурлыкал горлом, притворным дыханием, не нужным ему, заслонял её и согревал угольно-чёрным боком, сенью сложенного крыла.

Внешне Аурoруа напоминала Селену, без перламутра на коже, а светлые кудри золотились. И ресницы. И губы. Уголки губ, потеплевшие лишь недавно. Носик упрям, улыбка насмешлива. Немножко свысока. В их жарких, суеверных спорах она была не страстной, но раздражающе точной. Изгнанница оказалась умна, образована во многих материях, далёких от практической пользы за время прожитое Восходящей. Потенциальный, несбывшийся "ангел" абстрактного мира... О них речь впереди, наружу редко выходящих... Утрата облачного эскиза выбила её из колеи. Абсолютно. До онемения... В Архи-Сад приведена, притащена диким зверьком, Дикарь номер два назвали бы, не представься она потом. Оттаяла. Осмыслила. Побыстрее многих. Освоилась. Преданная группе и конвенции, принципиальная до занудства. Не хуже Мурены острая на язык. В отличие от неё Рори пугливо избегала моря, и всего связанного с ним. Причины нет, просто страшно: огромное, волны, валы. Невесть что под ними. С утратой страх перед океаном не был связан. А подчёркнутая, нетипичная опека Чёрного Дракона — была...

Восходящей Аурoруа интересовалась отвлечёнными, умозрительными предметами, науками. Вместо ландшафтов и интерьеров. Которые надо не просчитывать, не исследовать, а собирать. Компоновать и любоваться. Жажду, вкус к обладанию иметь. Развивать, взращивать. Её же влекло чистое познание... Можно ли варьировать Собственный Мир снаружи? Нет, почему? Можно ли направлять его? Почему попытка выхода из эскиза помимо рамы, попытка проникнуть в облако помимо неё встречают не физическое, упругое сопротивление, а наоборот? Как-будто сам ты стал бесплотным, бессильным лететь и идти? Значит всё кажимость? Что такое рама? Могут ли Дом и Сад быть бесконечны, не повторяясь в деталях? И это имевшая хоть какое-то приложение часть её интересов. Основная вроде того: бесконечность, это как?.. Один — это сколько? В ней, в бесконечности, которая часть?.. Понятно в целом, чем готов встретить хищный, легкомысленный мир за рамой такого человека. Среди второй расы 2-2, в семействах и среди глав семейств дроидов способных искать ответы, Впечатления предметов не обнаружилось. Даже книг и Вирту они толком не нашли для неё.

И семейство её дроида, оказалось на грани прекращения, а оно происходит, если у главы меньше трёх подданных. Манок семейства Капсуль-Перелёт замолк, опустошение произошло. Аурoруа осталась без своего дроида по большому счёту, без собирающей песни его. Рядом, как с приятелем.

Чувствуя вину, он тем более активно знакомил, сопровождал Восходящую в Туманное Море дроидов 2-1, на авось, вдруг что прояснится. И местные обитатели по меткам, наугад летали с ней в дожди, ливни Впечатлений, стараясь взять масштабом, если не пониманием... Двух, трёх, четырёх-дневные ливни Впечатлений древних школ, сборочных цехов, лабораторий, и дроидских инструментов сборки пространства... Очень интересно и совсем не то... Внимание

Аурору задержалось однажды на Впечатлении людей, перебрасывающихся короткими фразами ассоциаций, определений. Иногда банальных, иногда абсурдных, иногда остроумных без претензий, смешных. Они хотя бы открывали обзор понятий. Интересно, что сходим манером, происходит жеребьёвка на одном из игровых, облачных рынков — игрой в определения... Ещё геометрия удерживала под ливнями, но по неё-то как раз имелись Вирту...

И вот однажды вольный 2-1 обронил в разговоре с ней: "А твой Чёрный Дракон, он как считает?.." Речь шла о принципиальной возможности перемещения в облачном мире созданном без объёмов и плоскостей, только из векторов... Аурору здорово удивилась. До сих пор с телохранителем бесед не вела. И уж конечно понятия не имела, что главой над Чёрными Драконами стоит Гелиотроп. Ни о главе, ни об имени его не подозревала, создателя Коронованного...

Людям неведомый, дроидам недоступный, драконам своего семейства он многое успел передать. Не прямо, так косвенно. Без симпатии, притом взаимно... Но телохранители очень важны. Для небольших категорий людей, проводивших дни вне миров, особенно. А Гелиотроп — конструктор, технарь среди дроидов. Он вникал, будучи автономным, пронизывал драконьи орбиты, правил их, собой делился и отнимал, но так, что сила и чуткость их возрастали. С выгодой. Тем учились драконы. Соображали что к чему. Пространства, направления, оптимальная геометрия стремительной сборки... Озадачивались, как вести редкие, однако имевшие место вне-турнирные поединки между собой, по воле людей случавшиеся, поневоле...

Им не рекомендовано, как и Белым Драконам много болтать с людьми. Они ведь не высшие, автономные дроиды. Человеческий облик белых — притворство. А речь для тех и других — часть воплощения, вещи запретной... Но в конкретном случае нарушения владыки не усмотрели. Так Чёрный Дракон стал личным дроидом для Аурору, Восходящей. Чего давно хотел, но благоразумно дождался от четырёх тронов позволения... Увы, он же косвенно оказался виновен в утрате, нет тревожной ноты у драконьего манка, а напоминал дроид всё время, долгое время, нельзя постоянно напоминать... Что же не входить за пределы эскиза?.. Она выходила. И пропустила срок. Вся история нетипична. Птичка Фавор без песни кружила, смотрела то на правое, то на левое плечо...

Обычный день. Изгнанники делились влагой собранных Впечатлений, пересказом несобранных. Размышлениями, рассуждениями, как время течёт в неизвестных им пространствах Собственных Миров, по сравнению с тут... Так и этак поворачивая, домысливая... Неизбежно приплетая накопившиеся в их среде, живучие, особо процветающие в условиях недостатка информации, поверия. Суеверны хищники в постоянном напряжении волей-неволей выбранной ими судьбы. Мнимой силы, тайной бесприютности. Изгнанники суеверны не меньше их в бесприютности очевидной... Припомнили поверье, что любовь дроида взаимная, — а невзаимной любви полудроиды не знали, или, скорее, не назвали бы её этим словом, — пророчит беду... И что получить имя от дроида — плохая примета... Аурору прислушалась, хмыкнула. И возражать неохота...

Альбатрос раскладывал перед Соль сегодняшний подводный улов. Ныряли с Изумрудом, он улетел раньше, Гром и Мурена остались. Соль перебирала подходящие для питья раковины, битые плитки, изразцы... Пойдёт на дорожки Архи-Сада. Коллекционеры вскользь поглядывали, нет ли жемчуга. Среди всяческих богатств океанских находились мало в кладовых, оставшихся от Змея. Чудовища вернувшиеся на сушу не жалуют их, напоминающих подводный холод и сумрак... Жемчуга и у Соль не было.

Амиго, лёжа на спине, покачивая босой ногой, мечтательно глядел в кроны расцветающих

Сай... Точно сочинял что-то. Римлянин не единожды толкнул его в бок: выдумывай вслух... Остальные были согласны, но терпеливы... После Беста центром притяжения в Архи-Саду становились как-то естественно не борцы, не игроки, и не богачи по местным меркам из коллекционеров, а он, Амиго, выдумщик, коллекционер легенд. Ещё Амарант, книжник и историк. В негласном соревновании за популярность Амиго выигрывал. И разнообразием повестей, его, бывало, долго не отпускала одна тема. А манерой вдохновенного повествования. Неподдельного увлечения. Там, где Амарант старался быть в изложении точным, нанизывая сухие слова, оговариваясь, могло ли быть такое на самом деле, Амиго — летел... Парил без оглядки. Перескакивая между эпохами... Ему всё равно... Слушателям тем более всё равно!.. Соперничества не имелось между ними, Амарант, как и все, предпочитал байки и песни Амиго...

Ауроруа, Бест, Амарант и Альбатрос разбирались с мокрой, неработающей четвертью Гига Вирту, из чужого, прибрежного тайника тогда добытой Амиго... Холод точился от книги, долго лежала на большой глубине. Кусок от тома раскрывался, где сам пожелает, и показывал мутно... Сома наблюдал, думал, кого на Южном просил бы починить?.. До-До приземлился, по обыкновению прыжком с дракона, как же — две секунды сэкономить, для игрока это святое!.. Ладони от земли отряхнул, сходу приветствуя всех и Пирита, приятеля по Рулетки, не ожидал увидеть в Архи-Саду:

— Бест... Привет, народу! О, Дабл-Ня... Не принимают на левом крыле? Это удача, знак судьбы!.. Ня!.. Ты больше чем на ставках заработаешь, танцуя между боями, между рядов!..

"Доди, горе моё!.. — безмолвно застонал Сома. — Откуда безбашенности в вас? Столько! Во всех, рулеточники, черти подводные!.. Чего тебе от него?.. Ну, чего прицепился?.." Пирит взлетел на ноги одним махом, уже бездну времени не имевший нормальной схватки, скучающий, застоявшийся, типичным прыжком вира, пружиной... Разочаровался, обернувшись: не борец...

— Игрок, тебе сообщить моё имя? Запомнишь?..

До-До пятился, изображая недоумение, запинаясь и падая напоказ, ногой об свою же ногу... Пирит в полумаске, в полном костюме фазана, — Руту тренируя на вира, сам ходил на правое в разных ролях, искал себя, — выглядел если не демоном, то и не человеком:

— Оставить тебе, игрок, памятку на лбу? Моё имя и приветствие?..

До-До в шкодном настроении, то есть обычном для себя, не устрашился бы и главного вира:

— Няя... — протянул обиженно. — Если на лбу, подумают, что это ты!.. До лба разрисовался... Бац! А это я!.. Я, а не Дабл-Мау!.. Какая печаль для них...

На последних словах они уже катились по земле. Ловкий До-До, как ни крути, а игрок сильнейшей группировки материка, Против Секундной Стрелки, лихо уворачивался от набросов фазаньих удавок.

— Ворюга с Южного, — Пирит бросил гоняться за насмешником, глупо для борца, — скажи лучше, не видел Руту в последние дни на рынке, или ещё где?

— Не-а, — сказал До-До, останавливаясь...

Наблюдавший потасовку народ вернулся к байкам и суевериям...

— У вас, забияки, обоих счастливые имена, — заметила Соль.

Дабл-Пирит, не знал поверья. Чуждый музыке и танцам, Рынок Мелоди, реактор мод, слухов, легенд, он разве что пересекал на Белом Драконе, задерживаясь одну песенку дослушать. Но за танцовщика принимали везде, а то и танцовщицей дразнили! Не проникся он нежностью к музыкальному рынку.

— Почему? — удивился он.

Соль отвлеклась, приложила к уху ракушку, Амиго ответил за неё:

— Двойные. Парные по смыслу, отражённые, бишь, палиндромы — это всё счастливые имена. У тебя в имени прямо есть цифра два...

Соль написала что-то пальцем в воздухе задумчиво и спросила:

— Амиго, отражённые, это как у Ауроруа?

— Точно-точно!.. С начала и с конца одинаково читаются.

Дабл-Пирит прежде не знакомый с изгнанницей, глянул по направлению. В стороне разглядел золотистую, склонённую голову, локон над томом Вирту, Гай заслонил...

Гай откинул обложку, поводил рукой над заглавием на форзаце, пальцами по обрезу страниц, кивнул и обратно захлопнул.

— Исправимо? — спросил хищника Римлянин.

Бест, всё чаще и чаще накрываемый волной интуиции столь же ясной, сколь бесполезной в девяносто девяти случаях из ста, болезненно сощурился, предчувствуя ответ. А может и не интуиция вовсе. Жизненный опыт накопился, обычный...

— Легко, — ответил каменный Гай, не давший себе труда прислушаться к разнице атмосфер Архи-Сада и торговых, охотничьих рынков, — оглавление порчено, человек нужен, его заменить... Ну, искра и горка опилок, просушить корешок. Заработает...

— Какой человек? — простодушно переспросил Римлянин.

— Любой, — ответил Гай и даже не улыбнулся.

Бест не вмешивался в разговор, но Гай адресовал ему, нахмурившемуся, последнюю фразу:

— Проветривайте так, на сквозняке сухого сезона... Тоже вариант.

И отошёл. Амарант покосился на Беста, на Господина Сому... Понизил голос:

— Всё понимаю... Но таким-то хищникам место ли тут?..

— Друг, — Бест дёрнулся, отмахнулся, — сто раз говорено, отстань ты от меня.

Римлянин проводил взглядом Гая, смутившись наивной своей ошибке:

— О, дроиды... — пробормотал.

В их кругу, а особенно при подобном разговоре Господин Сома чувствовал, словно он — Гай, и земля обязана, разверзшись, поглотить его... До-До возник за спиной, обнял за плечи и заставил очнуться. Бест отвлёкся от Гига Вирту.

— Господин Сома, — сказал он, — буду признателен, если ты покажешь мне с воздуха, с драконов, где что на Оливковом Рынке. Его бывшему хозяину не желательно обнаруживать себя так и теперь. На словах он мне объяснил. Хочу посмотреть на местности.

— Да, конечно!..

— Я с вами! — услышала и подскочила Мурена.

Естественно, и До-До... Отправились.

— Отражённое имя...

Дабл-Пирт, грамотный едва, пытался осознать, перебирая звуки: "А-у-р-о-р-у-а..."

— А ты знаешь, как мы нашли её в высоком небе? — спросил его Борей. — Это было что-то!.. Мы гонялись, я выигрывал. Я мчал в отрыве, четыре драконьих хребта с хвостами, не меньше! И тут... Они... Я чуть не свалился! Я над волнами морскими, на коротком кругу не сваливался, а тут, о!.. Не я один, мы поперву все решили: не человек... Дроиды шутят. Прикидываются!.. Представь себе: сидит в небе, не на Белом Драконе и не на раме, в отдалении

от облачных миров девушка... На чёрном, как перекрестье чёрных, радужных молний в запретных Впечатлениях, — ты видел когда Впечатления войны Пястей?.. — на Чёрном Драконе сидит!.. На кольцах хвоста. В нашу сторону головы не повернула. Видит, ноль эмоций... И не скажешь по ней, грустна или как? Или всё в порядке? Дракон одну лапу держит, как подлокотник для неё. И плащ через лапу накинут, постелен... А другой лапой, в когтях зажав, — нет, я сам себе не верю! — дешёвой, нормальной искрой, с фокусировкой луча, чиркая, что-то пишет на ткани, на плаще!.. Я бы сказал, рисует, выводит... Ловко, как робот, как скрытая механика, орнамент выводит... Сказать, что мы выпали — ничего не сказать. Отсюда и "Аурoруа", он это слово, имя её писал, растягивая, когтистой лапой своей. Тонко, знаешь, изящно... Дроид всё-таки...

— Не знаю, — заметил Амиго, — могут ли дроиды верить в то же, во что и мы, но определённо, это имя "Аврора". Он словно хотел, исказив его, нейтрализовать плохую примету хорошей. Поименовать, но счастливым именем...

Пока слушал, Дабл-Пирит избавился от костюма фазана. Не улыбалось ему ни в костюме, ни на правом крыле Южного. Орущем, буйном, жадном до риска и выигрыша. Холодном, разобщённом и разобщающем при том. Ни кровожадность их не нравилась, ни удобное, вооружённое положение фазана, с закрытым лицом, с превращающимися в удавки слоями и деталями одежды. Не его это. Да и сам факт, что пошёл с тоски и скуки, под маской, не рискуя навлечь на себя лишние подозрения, узнай про это на левом крыле. Оправдываться лишний раз... Хоть он не участвовал в боях на жизнь, а развлекал там публику, наравне с опасливыми новичками правого, поставленный в условия заведомо невыгодные. По ставкам, и по бою. Зато без жертв.

Отбросил наряд — безумную груду лохмотьев, остался в шароварах, жилетке и чёрных узорах татуировок. Вздохнул свободно. Нерадостно. Когда ещё вернётся, когда создаст свою школу?.. Когда предвосхищающее, смутное недовольство откроется и превратится в его личный, новый стиль?.. Виры очень близки ему. И достойных фазанов из школы, а не тех у которых фазаньего только тряпки, Пирит уважает. Но чего-то не хватало... Учеников, побед, да, конечно! Шатра высокого, рядом с основателем Виром, разумеется! Гордого флага над ним!.. И чего-то ещё... Сущностного, в правилах и приёмах... Приятелей, как партнёров, велика радость на ступеньках сидеть... На арене ведь был не из последних!.. Теперь вот и Руты, где он?..

Тела полудроидов пластичны, легко заживляют раны, быстро приспосабливаются к избранному стилю жизни. В среднем, от начала жизни полудроиды грациозно стройны, можно сказать — женственны. Морские демоны, создавшие тень, но сохранившие человеческий облик, меняются сначала в цвете, а затем прибавляют в росте, они высоки. Борцы, гонщики, некоторые из игроков, совершенствуясь в силе и скорости, превращаются за считанные годы в таких, вроде Дабл-Пирита. Немного выше, куда шире прежнего в плечах. Торс, как ствол дерева. Мышцы, как ветви сай, перекрученные, затемнённые узорами татуировок, полные драконьей, сдержанной и очевидной силы.

— Аурoруа... — слитно попробовал Дабл-Пирит имя на вкус. — Подходит для Мелоди. Она не танцовщица?..

Он забыл в костюме несколько отододи, пришлось зарываться опять в лохмотья, искать, крепятся там хитро...

— Нет!.. — Соль засмеялась его версии. — О, надо будет сводить её туда, а то совсем не выходит из сада!.. Нет, она скорее технарь такой, особенный... Без механики... Технарь в абстрактном, в уме...

— Это как?..

Пирит пожал плечами, нащупал нужную петлю и дёрнул... О, угадал, выдернулась... Уж

лучше носить в кармане или браслетом откровенно.

— Рори! — окликнула её Соль.

Оставшаяся в одиночестве, та охотно направилась к ним. Ныряя под раскидистые нижние веки сай, мелькая между стволами. Золотистые кудри приближались, скользили по саду, как солнечный луч из рамы чужого мира. Лицо достойное дроида по-мальчишески сурово. Глаза — ничуть. Глаза девы, огромные... Дабл-Пирит забыл про свои отододи.

— Рори, — ещё издали крикнула её Соль, — растолкуй попроще для нас, а не как всегда, что значит "абстрактно"?

С подобными глупостями не раз приставали к Рори, чаще всего от скуки и в шутку. Кому это надо всерьёз кроме неё, кому интересно?.. Она воспринимала их легкомысленность, как данность. Разговор о погоде, только не о погоде, привыкла. И обдумывала, подходя, разом два варианта ответа: серьёзный и в меру язвительный. Какой пригодится... Незнакомые, миловидные черты Дабл-Пирита, Дабл-ня, навели её на мысль, что уместнее шуточный ответ...

— Познакомься... — добавила Соль.

Пирит поднялся на ноги, роняя фазаньи лоскуты с себя, во весь рост, тёмным, нежданным деревом сай, в изломах чёрных татуировок, кельтских узорах, оскаленных клыках, мордах злых, пожиравших друг друга, изрыгающих пламя, переплетённых зверей... Рори остановилась. Улыбка сбежала с её лица. И золотой румянец тоже... Радуйся, Дабл-Ня, у тебя это получилось, внушить страх с первого взгляда. Не тому и не там, где планировал, но удалось... Пириту показалось, что он погасил солнце. Стало бесприютно. Пасмурно. Безнадежно. Соль дёрнула с упрёком, со смехом застывшую девушку за рукав... Но Дабл-Пирит не стал ждать ответа. Он извинился и стремительно покинул Архи Сад.

Глава 57

Глава 57.

— Гут, гут, удивительно... — повторял воркующим, согласным тоном новый друг Клока.

Переводя взгляд с арены, на него, на лазоревый, прозрачный дроидскиий инструмент в центре ладони... Познакомились здесь же, в амфитеатре левого крыла. Невысокий, крепкий, необщительный на первый взгляд он появился вдруг, но когда именно?.. В какой день?.. На какую серию боёв посмотреть пришёл, чтобы остаться надолго зрителем? Никто бы не ответил... Там на ступенях, кажется, он был вчера... И позавчера, кажется... И поза-позавчера, и давно уже — рядом с Клоком.

Вот и теперь, привычно сканируя пространство, избегая смотреть и далеко стоящим людям в глаза, непрерывно следя за периферией, неуловимыми полуповоротами, наклонами головы, не отпуская из поля зрения и находящееся за спиной, он слушал, кивал, слушал внимательно... Клок был в избыточном, полном от него восторге. От него?.. А что знал про него, сколько успел узнать?.. Да он и не стремился влезать в истории чужих жизней!.. Видно же, что-то пошло не так, но человек хороший, замечательный человек, это же сразу видно!.. Наконец-то у него появился настоящий друг, не по интересам, а про всё на свете способный понять!.. Слушать. Никуда не спешащий, друг не по играм, а по душе!..

Налюбовавшись Собственным Миром, словно впервые увидев его, впервые, да — глазами раскаявшегося хищника, Клок внёс изменения. Переменил с помощью Руты колодец, верёвочные и всякие разные мостики добавил, подвесные сады, отменно!.. С Рутой же отправился начинать борцовскую жизнь. Рулетки хороший рынок, но для похитителя и хулигана — пресновато, хочется что-то ещё. Естественным образом Дабл-Пирит, учитель побратима, стал и его учителем. Тем самым немедленно попав под запрет выхода на арену! Не огорчившись, рано было ему на арену. Но одна оплеуха дорого им стоила. Встречались для тренировок втроём, с любопытствующими изгнанниками в уголку Архи-Сада. Не гнали, однако неудобно с изгнанниками, драконы проявляются постоянно, шатёр поднять запрещено. Рядом с кем не оказалось дроидов, задерживались подольше, Гром... Кое у кого Чёрные Драконы свыклись с тем, что происходящее — игра.

Всё это для Клока чудесно, и сад, и преображённый пением дроида мир, и компания борцов, и... — Пирит сам часто практиковал их… — вязь сложно запоминаемых, танцевальных движений, то ровных от истока до устья, то ускоряющихся в удар и бросок…

Замечательно, но и при отсутствии времени на скуку, он хотел поделиться с кем-то. Рассказать. Про себя… Как развлекался, специфически... Как одинок был. Как попался... Что видел, что понял. Сколь важное многое понял!.. Созданный им дроид, восхитивший Беста, Клоку служил единственно для хвастовства! А не достаточно похвастаться, зависть вызвать, надо подробно пересказать... Про глубочайший до замирания сердца лазурный простор под ногами, словно идёшь по небосводу реально! По ясному небосводу шагаешь вниз головой! Не зная, куда вдруг провалишься, вверх или вниз?.. Потрясающе!.. Девушки Архи-Сада охотно слушали его. Смеялись, подначивали. Вздыхали о пушистых снегах, просили вынести для них немножко. И ещё чуть-чуть, если Рута позволит, северного сияния! Они могут купить, сменять на плоды и на песни! А затем появился Гутка... Не в саду, нет.

Рута с Пиритом, отлучённые, редко там появлялись, на левом крыле. Фигура постоянного зрителя, прямая и крепкая, сиротливая в неподвижной своей прямоте, напоминала тех редких

перебежчиков с правого крыла, к которым и присматриваются долго и сами они не понимают, с чего начать, зачем пришли?.. Затем, что некуда кроме. Там тупик, тут непонятно что... День за днём... Пока не возьмёт верх скука либо пробудившийся интерес, вкус, любопытство к стилям, нюансам... Или скука без смертельных поединков, дрожи и ослепления, суммирующихся ставок в цепи: погиб, погиб, погиб... И бац! Богачом уходит незнакомец, в цепи последний... Чтобы назавтра, ну, через день, ну, через дюжину дней, вернуться, истосковавшись по замершему выдоху толпы, по разрывающим глотки воплям восторга и разочарования. Вернутся и стать первым в цепи... Это влечёт? Или все-таки потянет к искусству? К подобным себе, да к любым, тёплым людям? Которые не гостят в мире хищника, лаконичны и тревожны при торговых сделках, боятся продолжать дружбу вне Мелоди, чтобы танец начатый на нём не закончился охотой вне его... Хороводы, круги песен и объятия парных танцев, смыкаясь на Мелоди, на нём же и остаются, как правило. И это вполне благоразумно, увы...

Перебежчика Гутка напоминал, таковым он и представился. Да, он бывал в шатрах и на площадках правой стороны и ему не понравилось. И опять-таки сказал правду! Из игроков Простив Секундной Стрелки, Махараджа, Злотый и Биг-Джун проводили там порядочно времени. Гай бывал пореже. Густав — в тайне, отдельно ото всех. Чужую жизнь не отнимал, дракона сохранил. Располагает. Сразу. Клок не стал исключением.

Гай и Густав заходили на правое крыло без азарта, принуждая себя, не надолго, для поддержания формы. Гай, хищник мог участвовать в любых боях. Густав в тех, где роль кулачная и оборонительная. В этой роли выступали обыкновенно должники борцов, интересные публике именно жалким видом, неопытностью. Редко — асы. Для смеху, на спор. Увиливая, убегая, с правом на один блокирующий приём. Выступали за фиксированную, небольшую, жалкую, честно говоря, плату. Зато такого не придушат. Зрители делали ставки, сколько продержится. То есть Густав в маске и под другим именем регулярно, публично бывал бит и видел в этом прок для себя. Гай тренировал скорость и сосредоточенность, побеждал. Нико, не довольствуясь лаврами гонщицы, вознамерилась было выступать на правом жестоком крыле, принимавшем без разбора: хищниц, чистых хозяек... Но Махараджа взвыл, и в порядке исключения Нико уступила ему. Самодостаточный Хан-Марик не появлялся ни на правом, ни на левом.

Гутка очень-очень хотел познакомиться с Рутой, сыгравшим такую важную роль в судьбе нового друга, с человеком воплотившим дроидский инструмент, удивительным человеком, но всё как-то не получалось!.. Нерешительность одолевала в ответ на приглашение навестить Архи Сад... А близ арены... Не складывалось. То разминутся на несколько минут буквально, то Клок один остаётся смотреть технику борцов, указанных Рутой, и тут, но не раньше, Густав садится на ступеньке рядом...

Его забавляла эта двойная охота. Поймать одного руками другого. В итоге — обоих. Привести, и в презрительных лицах игроков Против Секундной Стрелки, когда встретят его с добычей, заново прочитать, явственно прочитать... Недоумевающее что-то, суеверное. Суеверный страх. Честолюбие не чуждо ему. И не обязательно оно ищет лести, восхвалений. Не всегда и славы, обволакивающей, завистливой. Густаву не надо. Достаточно нескольких мгновений недоброй, насторожённой тишины. И возрастающих с каждой удачей гонораров.

Он редко вовлекал в свою охоту парней группы, легенды ради иногда, чтобы антураж изобразили. По их просьбе допускал, когда заказчик не определился вполне, какого хочет результата, готов остановиться, припугнув. А так охотился без помощников. Одиночка. Ловля двоих, приведённых одновременно, и единожды удавшаяся, резко поднимает престиж. А для

Густава она не была единичным явлением. Упрямого охотника зовут «вараном». Лихого, быстрого — «чик». Непонятного охотника, из тех, что завоевали в узких кругах известность, но прозрачнее не стали зовут «дымной пястью», рукой из дыма. Кажется, это название последней межчеловеческой, до эпохи высших дроидов, войны. Что-то хватающее, одновременно — завеса. Густав демонстрировал свойства всех трех типов. «Варан, комодо» — верхний комплимент. Престиж Густава, в соответствии с неформальным титулом, превратился мало-помалу в некий флёр отчуждённости среди близко и косвенно знакомых, отнюдь не вредивший, выгодный ему.

Однажды, когда занесло их вместе с Клоком на правое крыло, сделали ставки, и смотрели на удивление затянувшуюся борцовскую схватку, в соседнем торговом ряду мелькнул Хан-Марик. Чёрт! Расстояние между шатрами позволяло показаться и в следующем промежутке. Густав дёрнулся, закрываясь. Рефлекторно. Марику ясно сказано не подходить!.. Клок его заметил. Проклятье!

Но и нелепая случайность, однако, пошла на пользу охотнику! Фортуна подыгрывала Густаву, как всегда. Хан-Марика-то Клок видел в лицо и запомнил с той, потрясшей его охоты. Стремление Густава заслониться истолковал в его пользу! В пользу друга. Не задумался о возможных вариантах... Истолковал снова как момент, роднящий их, один объект страха и неприязни.

О, сколько же нового услышал Густав про себя и подобных себе!.. Интересного, лестного! Узнал парочку редких, заковыристых проклятий!.. И дикую, дичайшую смесь страшилок Южного. Про легендарную восьмёрку хищниц, чистых хозяек галло... Восемь дымных пядей... "Ха-ха-ха!.." Которые могли гипнотизировать пением и взглядом... "Чушь!.. На меня не подействовало!.." Которые на тайный, неведомый рынок высокого неба могли увести всякого... "Ага-ага!.." Меняли свой облик... "Куда же без этого?.." Которые собирают охотников, чистых хозяев, подобных им самим, на тайном, облачном рынке Гала-Галло... Запирают их там, мучат, пока охотник не согласится стать их слугой, их ловчим навек, и не предоставит залог, равный его жизни... А охотники собирают затем на земле — лучших борцов... "Дивный бред!.. Что же за залог такой, фантазии не хватило, не выдумали?.." Но это ещё не всё!.. Однажды, собрав воинство, у каждого ловчего — сотня бойцов, а ловчих тоже — сотня, они вылетят из Гала-Галло на драконах чёрных от железа, под стальными, воронёными сбруями, захватят все рынки неба, захватят весь континент Морская Звезда... Последнее было произнесено трагическим шёпотом. Густав, прикрывавший ладонью рот, вдохнул глубоко и сказал себе: "Гутка!.. Рыдаю!.. Ты и впрямь бесподобен, не рассмеявшись ни разу!.. Смейся! Можно!.. О, никакая охота не стоит такой, такой… О, великолепной комедии!.. Во что они только ни верят, мелкие рыбёшки Рулетки!.. Воинство галло?! Дрожащих галло?! О, я должен с кем-нибудь, хоть с Сомой, обязан с ним поделиться!.. Нельзя, чтоб такое сгинуло!.." Прикусил язык и не рассмеялся.

— Ты знаешь, его? Знаешь? — допытывался Клок, озираясь, нет ли Хан-Марика в рядах зрителей.

— Не коротко, — отвечал Густав, не поднимая головы, и тоже надеясь не увидеть Марика ближе, найдётся общий знакомый, пиши пропало. — Я знаю, что человека, с которым ходит, которому служит Хан, лучше избегать.

— Имя тоже знаешь?.. Какое? Мы говорим об одном и том же человеке?

Когда Густав тихо, почти рта не раскрывая, назвал своё полное имя, Клок понурился, клюнул головой, чёрным хохолком птичьим и крепче сжал его руку. Чарито, да, сердца у охотника не было. "Не смеяться... Только не рассмеяться!.. — единственно думал он. — Огласка

страшная вещь. Сильная вещь... Не то, чего я добивался. Награда нашла героя, чёрт... У Буро поучись, Густав. У морской, извращённой твари стоит тебе поучиться. Сколько тайн погрузилось без возврата в сумрак и сырость, за пологом его шатра? Сколько нырнуло туда, но не вынырнуло? Не знаешь? И никто не знает! А при упоминании его имени, Бутон-биг-Надира, на шёпот не переходят и рук не заламывают. Напротив, совсем наоборот... Если что, если бежать поздно, а драться рано: «Пойдёмте к Буро, пусть рассудит...» Старая, хитрая тварь, опытная. Ну, вот исходя из имеющегося, куда кувырнулся бы он, что выгадал? Очевидно, — смешной хохолок, надо же придумать такую причёску!.. — чёрный хохолок, на всякий случай тебя бы он проглотил..." Густав понятия не имел про ача, слово знал, не больше...

Клок не торопил, но очевидно ждал ответной искренности. Легенду пришлось выдумывать на ходу. Густав то отводил глаза, то кивал на вопросы и предположения, обильно сыпавшиеся, упреждающие... В итоге версия принадлежала Клоку чуть не на половину, плюс приятное чувство своей догадливости, их дружеской близости, взаимопонимания...

Густав задал направление, привязку к Гаю. Импровизируя, недоговаривая, мало ли, переиначивать придётся...

Рута вскоре отправится грабить... "Почему? Зачем?.. Потому что грабителей удобно ловить, тащить не нужно. Они сами крадутся, сами... Ха-ха, сами. А зачем, дело третье, зачем, мы сейчас придумаем... Он отправится!.. И ты, хохолок, не оставишь побратима, правда?.. Махараджа ждёт вас, друзья".

Суетиться и перемудрить, две главные ошибки охотника. Густав понимал, детали, а часто и обоснования человек благополучно додумает сам. Намекни, в каком направлении думать. Не стыкующиеся вещи, пофантазирует, и объединит. Ставить что-либо под вопрос тяжелее. Люди стремятся сохранить картину мира, даже если она чужими словами была задана минуту назад.

Под какой вопрос ставить её? Если начать сомневаться, то в том или этом? Врёт он себе или мне? Разоблачение лжи необходимо или бестактно? Самоуверенность и неуверенность жертвы, как две галло, Лести и Чести играют в беспроигрышную лотерею. Лести всегда льстит, препятствует усомниться. А Чести внушает подспудную неуверенность, вознеся: "Не потерять бы лицо, не опозориться бы, молчание золото... Вдруг я просто не понимаю?.."

Всё это так… Но охотнику, варану, нельзя без перерыва — в небе и со случайными на рынках людьми. Расслабляет. Потом встречаешь... Кого-то, ну, вроде Буро, вроде старых его знакомцев, и очень их смешишь... Навык, комодо, навык гибкости, наблюдательности важней, чем навык вранья. За каждым словом, за каждым жестом надо следить на спонтанной охоте среди лабиринтов Южного. В лучшем случае ославят и обсмеют. А есть и сюрхантеры, тоже себе явление...

Легенда вырисовывалась такая... Густав, Гутка, в его теперешней ипостаси, покаялся, признался: сдурил. Задолжав, выкручиваясь. Он перезаложил артефакт, проигранный в предыдущем бою с возможностью выкупа. Надеялся на трофей со второй победы. Проиграл и второй. Плохо, что обманом. Артефакт столь редкий, что Гутка мог бы в открытую продолжать цепочку боёв не на жизнь, а на ставки до победы, лишь бы в результате к Гаю в руки пришёл проигранный артефакт. Ложь перечеркнула такой вариант. Как фактически сложилось? Ценность, якобы, представляла собой улитку, инструмент дроидов, оставшуюся в рабочем состоянии за пределами облачного рынка. А голограммы улиток весьма распространены, вырванные листы из атласа дроидских инструментов. Они бесполезные. Светятся ярко, можно освещать тканевые шатры, дорогу в сумерках. Голограмму вместо артефакта Гутка, якобы, и предъявил Гаю перед боем вместо артефакта. После поражения и невозможности рассчитаться,

не смотря на клятвенные заверения достать и вернуть, был ведом в качестве платы, предложения мены к тогдашнему хозяину улитки. Бежал...

Гутка сделал нервный, демонстративный перерыв в разговоре. Предложил уйти. Выпить чего-нибудь дешёвого... На драконах продолжили.

Тут вступила в легенду его ипостась — Густав. Страшный человек, случайный знакомец, знавший о нём словно бы всё!.. И предложивший выход. Верно, ещё один бой. Не так... Он иначе сказал... Сеанс?.. Какое-то странное слово, неподходящее... Со ставками, которые покроют и вину, и враньё, и долги. С такими трофеями, с которыми — возвращайся храбро! Но попозже. Не теперь. И не на Южном... Когда стемнеет. С теми, кто неимоверно богат, но не любит ходить по суше. Ради развлечения зрителей, расположившихся на волнах...

Порывы ветра мешают тяжёлый морской туман с огоньками Туманного Моря дроидов, рвут и швыряют, и сметают обратно в океан с каменистого пятачка арены... Густав дал волю фантазии и красноречию. Трудно переборщить от первого лица. А Клоку неведомо море... Будто, он согласился... Дальше шли описания чудовищ, глаз, фосфоресцирующих в глубине, моргавших на палочках над волнами, зелёных демонов, человеческого в которых кожа, под ней колышется студень, а накинута жилеткой снова кожа, блестящая чешуя... Выдумывая, развлёкся, пока самого не затошнило. Обещанное грудами валялось на том же борцовском пятачке. Соперником был человек, незнакомый ему. Задача — столкнуть в море... "Видел Чёрного Дракона за моей спиной? — спросил Густав. — Я не потерял его, потому что он сам оступился, тот парень... Нечто из тёмной воды осветило его ступню... Выше, до колена, он светился как дроид и камнем ушёл на дно... Я видел и там... Так он сиял... Но я не буду рассказывать, извини... Я огляделся вокруг, когда смог. На ставшее как бы моим... И увидел, что Густава не было. Он на Белом Драконе спускался. Рядом — следующий... Очередной борец... Тут-то я вспомнил это слово, вроде "сеанс"... Забег! Да, точно, забег!.. До утра. Скольких ещё он приготовил для шоу?.. Не знаю. Последнее, что помню: как, смеясь, Густав поводит рукой, указывая свежему борцу на артефакты, валяющиеся под ногами, твоё будет... "Догадываешься, кому к утру трофеи, спорю, достались?! Не спрашивай, как я удрал оттуда, не спрашивай!.." Не придумал, короче говоря... Долго пробыл в Собственном Мире, но мир испорчен... Привычной, вольной, азартной жизни не хватало. На континенте в маске с тех самых пор. Без неё прячется от Гая на левом крыле. "Ведь Гай не бывает там, правда?.."

Густав благоразумно перемежал красочную повесть рассуждениями о жизни вообще... О себе... Катастрофа или везение выбросили его с правого крыла? Из круга борцов от хищничества и смерти отделённых одним броском? Беда ли — необходимость прятаться, иначе — посидеть и подумать о будущем. Познакомиться с тобой!.. Но когда ещё его примет левое крыло? Когда он накопит достаточно трофеев, здесь недорогих, для расплаты, для извинений? То есть — обязательно для дорогущей улитки! Гай ему не простит, факт! "Факт, — согласился Клок, — инструменты, его пунктик..." А если раньше, — да наверняка раньше! — Гай найдёт его, Густав для Гая?! Вон Марик мелькнул ведь не просто так?! Что остаётся?.. Грабёж? Он даже знает шатёр на задворках, где хранится его улитка... Богатого человека шатёр... "Ха-ха!.. Раджа даром отдал бы Гаю... Не важно..." Хотел грабануть, не решился... Передумал. Безнадёжное предприятие. Две пары торговых пирамидок, а больше под одним пологом не поднять, держат растрёпанные коконы паутинок... Столь невообразимо тонких, что вьются на сквозняке от взгляда. Кажется, не от дыхания, а от пристального взгляда!.. Такими же коконами, с артефактами вперемешку, заставлен пол шатра-тайника. Перепутаны, где ловчие, где не ловчие. Задень — сразу станет ясно. Но поздно... Вот если бы кто-то пришёл покупателем... И Махараджа снял их... Либо улитку саму... Кто-то совсем чужой, незнакомый. Глупости, лучше знакомый. Борец. Иначе откуда узнал про улитку? Другие зрители рассказали, логично. А ещё

лучше чтобы пришли двое. Для надёжности. Для страховки. Торговаться и ходят вдвоём. Поручителем на выкуп, если что. Часть манёвра, как будто инструмент понадобился одному из друзей, а привёл его знакомый борец к Махарадже... Да, так логично. Сам же Гутка будет налётчиком. Сам рискует. Тем, двоим, нет риска почти...

Так сразу, Густав не дурак, весь план он не выпалил. Пускался в рассуждения... Менял тему... Позволял направлять, подсказывать ему... Припоминал ужасы полночного моря... В общем, подводил, подводил и подвёл. Единственная возможность для него спокойно существовать на континенте, это ограбить Махараджу и вернуть Гаю долг. То обстоятельство, что темперамент борцов специфичен, тренировки тренировками, а без открытых схваток, без арены, без азарта они скучали, тоже сыграло на руку. Удачно складывается: на задворки к радже, по той части Южного, где каждая собака Густава знает, они пойдут без него. Охотник идущий рядом с двумя незнакомцами, конечно, в их устоявшейся среде мог не опасаться приветственного хлопка по плечу: "Гус!.. Как дела?.." А того же самого издевательски, из-под маски, из-под откинутого полога шатра, который растает за минуту... Вполне вероятно. Но Густав загодя придёт, будет ждать их с Махараджей рядом. А может и вовсе не приходить, когда точно всё обговорено.

И оно было обговорено. С обеих сторон.

Ближе к финалу охоты Густав всё-таки свёл знакомство с Рутой, чтобы не вызывать подозрений. Уменьшить, а не увеличить интерес к себе, остававшемуся долго за кадром. И добавил ещё штрих. Он часто использовал эту страховку. Перенос центра внимания, как центра тяжести. На что-нибудь... Главное — совпадение по времени.

Опасаясь погореть на мелком вранье, он покочевал пару дней небесным бродяжкой среди облачных рынков. Прислушался к разговорам. Выделил борцовские новости. И выловил подходящее... Борцовские облачные рынки непопулярны по одной простой причине, своеобразность силы тяжести. И земли и воздуха. Из разных, случайных миров они переделаны, даже скорость руки, удара, броска на них будет другой, нежели на континенте. Не считая добавленных условий, препятствий, традиций. Пришедший с материка всегда принимает вызов на невыгодных для себя условиях. А привыкать, входить в курс дела... Не каждому охота. Есть и такие среди облачных борцовских, где вход — рубль, выход — два! То есть, выигрывай и выходи. Примерно, как Клок в Собственном Мире делал.

Но Густав нашёл популярное и подходящее. На песенном Веретено. Гравитация там тоже иная. Но он рынок сугубо мирный и многолюдный, гут... Кроме песен, там будут соревнования мимов. Грубый юмор... Пляски капри... Сценки, захватывающие и зрителей, не всегда по их воле, зато на радость тем, кто не попался!.. Среди них немало мимов символически боевых. И не символически, но с уморительными условиями, с завязанными глазами, в широких масках, разрисованных смешно, где нет прорезей для глаз, а есть зеркальце верху, в него и гляди! А зеркальце показывает, что сзади!.. Связанных, с одной свободной рукой, ногой, вообще связанных для бодания!.. Без ставок. Это весело и необычно.

Среди всего безобразия можно отдельно упомянуть нереально красивые, бои-кобры... Строго регламентированные, так как опасны. Но тоже за честь не за трофеи. Виров под-стиль. Минимум одежды, масло, разукрашенные тела. Всегда рядом значительное количество воды, любой, морской, связных Впечатлений, для страховки. Они были бы чрезмерно медитативны, чтоб стать зрелищными, но — превосходные тела, подсветка… И певицы, особенные, отмерявшие раунды куплетами... Для них пели «чары»… Право на один стремительный бросок, а дальше чем медленней, тем красивее. Армреслинг до удушения. Последовательность имеется.

Распорядитель или перемена куплета, мелодии указывает очерёдность. Один пытается провести захват, закончить движение, а второй только препятствует, сколько есть силы, дыхания. Меняются. На силу, на выдержку. Есть время подумать... Бой-кобры изначально — не на публику. Так развивают тела, мускулатуру и гибкость. Продолжительность и степень доверия — не для правого крыла, с врагом или случайным человеком боя-кобры не захочешь.

Но мим-бои на Веретено, главное блюдо! Особенно для скучающих, отлучённых, оголодавших скукой. Грабительский налёт за день до веселья, это так — эпизод... Злой Густав.

— Уй!.. Проклятье!

"Дери вас все демоны моря! Скучно было придуркам или нашли книжку с картинками... Ни раньше, ни позже надо проявить изобретательность, черти морские..."

На серой, по-рыночному пыльной, тусклой заре материка, когда не удивительно и взаправду наткнуться на заплутавшую тень, прячущуюся за сыростью тканевого шатра, когда туманы уже утекли с рядов Южного, Густав с сопровождением объявился на его задворках. Отправился удостовериться порядок ли, что за ловушки, кто ловит, сколько их?.. Не забыли чего, день там, условленный?.. Не, не забыли. Уделили пристальное внимание.

Выбранный на сей раз шатёр-тайник Махараджи был широк, семигранен. Артефакт из недорогой ткани. Мнимая дешивизна, узость фронтальной части, скос крыши и стен в её сторону, рассчитанный Гаем правильно, создавал иллюзию, что он сверху закрыт, а значит, для стремительного похищения не предназначен. Обычный тайник. Но в действительности купол обрезан, верхняя точка не по центру его приходилась, смещённая к задней стене. Снаружи не угадать и присматриваясь. Да кто будет пялиться на чужое так прямо, голову задрав в узком ряду? В ряду и по высоте — вровень с соседними... И тайник неброский, и хорошая ловушка для воров.

Густав слышал за пологом голоса, он чуток, а утренний рынок безмолвен. Слышал и по мановению наступившую тишину. Не таясь, приближался, обычным шагом... Притихли, да?.. "Ну-ну, гут. Проверим вашу реакцию. И мою заодно". Никто, однако, из-за полога прыгать на него не собирался. Махараджа, Нико, Хан-Марик вчера мастеривший декорацию с ними, сейчас стоял за плечом, и Злотый, автор идеи… Ребята приготовили ему чисто эстетический сюрприз!.. Ах, какие удачные фонари взял призом Злотый!.. Они и стали отправной точкой, а вовсе не книжка с картинками, от них напрашивалось развить иллюзию в цельную картину!..

Подойдя вплотную, Густав уже стряхнул цепочки из рукавов... Холодные... Сжал в кулаках... Кулаком откинул полог шатра... И подскочил на месте! Барабанная дробь, конечно, добыче его не предназначалась, только ему самому! Впечатляет, да. Молодцы… Густав выругался, и ругательства его потонули в благодарном гоготе: спасибо, не разочаровал!.. В морду оскаленную, в пасть с первым шагом проваливался входящий, в глотку густой темноты. А как она рычала!.. Барабан гут, спору нет...

На клыках двух острейших, насколько вообще возможно их вертикально поднять, пирамидок, сиянием не уступая, поставлены продолжать остроту зазубренные шипы... Невинная вещь, в крючки на Рулетки такими играют, но выглядит, да... Ровно над ними остриями вниз нависают, сияя так же белым, два гранёных конуса светильника... Натурально — разинутая пасть! Но не они вдохновили ребят, этого добра полно, а светильники Злотого — очи! Пылающие живым огнём круглые, огроменные — глаза! Будь свет их немного сильнее, пробил бы тент, стал бы виден снаружи шатра. На тяжёлых крюках, на чернёных цепях с потолка свисала пара круглых фонарей. Внешний, медный обод держал их алое стекло, внутренний казался обводкой истекающей лавы зрачка. Они качались едва заметно и вразнобой, но это лишь

усиливало жуть иллюзии. Биг-Джун выдал финальную, глухую рокочущую дробь, — шатёр ставили сверху на такую громаду барабана, не иначе, — ускорившуюся и оборвавшуюся дробь, сопроводив завыванием... Общий хохот перекрыл его. И Хан-Марик туда же, ага...

— Гут, гут, — похвалил декорацию Густав. — Тайник с пугалкой, нормуль. Уверены, что не перестарались?

— Твои борцы пугливы? — усмехнулся Джун. — А если и так, что за беда, гости от нас не убегут.

"Странно, что тут Нико..." — отметил про себя Густав.

Действительно странно. Чистая хозяйка участвовала в играх группы, но никогда — в охотах. Отточенная сотнями виртуозных, результативных охот, а ещё острее — единицами провальных, интуиция не обманула Густава. Но интерпретировать её тревожный сигнал он не имел оснований. До поры.

Глава 58

Глава 58.

Архи Сад купался в неге безмятежности, необусловленной чем-то конкретным... Случается.

Замедлившееся, карамельно-тягучее между прошлыми бурями и зарождающимися где-то штормами, глубоко промежуточное время. Течение, не тревожимое предчувствиями, не изводимое скукой, когда любой согласится: лучшая новость — отсутствие новостей. Всё немножко желанно и немножко лень.

Даже круглый ковёр, обозначавший ринг для тренировок с Дабл-Пиритом, между изгнанниками, пустовал. Затем на нём обнаружился Олив, по-прежнему не находящий себе места. Потом девушки Архи Сада забрели в тот же угол посудачить без парней. Новенькие среди них, не удивительно, тянулись к ярким коллекционерам, у Соль расспрашивали про них, где что добывают, дружат ли с чистыми хозяйками, хищницами рынков? Проводят ли, возьмут ли на Южный с собой, в незнакомые, опасные лабиринты рядов...

Соль, далёкая от этой темы, как могла, отвечала им. Её саму больше привлекало общество Рори... Не скрывая усмешки, слушавшей девичьи опасения и надежды. А их смешили и удивляли, привлекали, да, недоумения Ауроруа касательно вещей самоочевидных, казалось бы... Её коллекция парадоксов, накопленная из старых совсем книг... Манера связать воедино темы далёкие друг от друга, как небо и земля!.. Деталью обеим присущей, взять и перепутать...

Обернулись, а Мурена уже борется с Оливом!.. На руках. По её, — разумеется! — инициативе. В райском уголку Архи-Сада невинное Чудовище Моря нашло развлечение себе — оливковое, настоящее чудовище. И вот так оно выглядело...

Сначала лёжа, локоть на ковре, честь по чести, как положено, прикусив губу, сжимая бледно-зелёную ладонь, холодную, ровно цвет кожи. Старалась. Потом начала злится. Звякнуло монисто, ещё и за ним следить!.. Взялась второй рукой, чёрт с ними, с правилами, этот чёрт с ними, морской!.. Он не возражал. Зелёный соперник вежливо, пружинящей уступкой отклонил руку в её сторону на сантиметр и застыл в новом положении. Словно Мурена давила на мягкий, мхом поросший камень, мох примялся, дальше всё, скала. Мурена заворчала, села... Не помогло. Последняя стадия: она упиралась обеими ногами в его, чёртов, зелёный локоть, руками тянула на себя... Мурена, сегодня не твой день!.. Свободной рукой, — и тени глумления не выражало неподвижное его лицо, Морского Чудовища, — всерьёз или нет погрузившись в чтение, Олив листал очередной Вирту с неработающим оглавлением... Зелёные муреньи глаза, что случалось с ней редко, полыхнули алым. Олив обернулся к ней, захлопнул Вирту, проговорил:

— Извини... Отвлёкся.

И немедленно позволил уложить свою руку тыльной стороной на ковёр.

Под дружный хохот. Не только девичий, зрителей прибыло.

— Ненавижу-посмотрим-ещё! — одним духом выпалила Мурена. — Очень красиво! Очень хорошо, не я тут теперь первая грубиянка!

Она сразу остыла, но не унялась, любопытно:

— Олив, но почему так? И я сделала тень, как и ты... В море же я выигрываю, честное слово...

"А я как раз-таки нет..." — подумал Олив.

— ...честное-честное, в море я вовсе не мелкая рыбка! И у Шершня бы выиграла, до победного, если б Изумруд не вмешался. У тебя присущие тени, из-за этого? Много теней — много сильней?..

— Да н-нет, — ответил Олив, чуть заметно в некоторых слогах растягивая то гласную, то

согласную, в задумчивости. — Не много... Я, наверное, чаще имел с ними дело. С внешними, с ядами... Инструментом. Различным... А они тяжёлые, как-то так...

Изумруд и Селена, желанные гости в Архи-Саду кивнули ей, подходя.

Изумруд сказал:

— Мурена, там же за счёт скорости. Монеты видят тебе, тащат к себе... А тут обычная сила.

Селена забрала её, разобиженную, с ковра в круг сестринских, нежных объятий:

— Мурена, кто-то выше кто-то ниже всегда... Один в своей области, другой в своей... Олеандр подойдёт сейчас. Попросим его новому другу, — она склонила вежливо белокурую головку в сторону Олива, — показать чудо. Обыкновенной силы...

А Пирит весело добавил:

— В следующий раз, когда надумаешь бороться, дай ему пяткой в лоб, и разом дожимай!

— Из-за такого-то подхода, ты вне школ и оказался, — заметил Сота, тяготевший к принципиальным вирам, — не уважаешь ты правила... Границы.

— И правильно... — проворчала Мурена. — Так и сделаю...

Пылающе-красный Олеандр, подобный отражению дроида, любующегося собой в Пурпурном Лале, вышел к ним с центральной дорожки сада. Оставил Ухаха пастись в море до вечера, поедать теней. Но если дроида, какого-нибудь из владык и можно представить перед зеркалом, любующимся собой, то Олеандра — никак. Тихо, не привлекая внимания, он намеревался проскользнуть мимо. А компания, вдохновившись идеей Селены, желала чуда. Пришлось показывать.

Борцовский ковёр раскидывали на отшибе, у края сада, где жгут костры. Где кострища, угольки и зола... Олеандр послушно взял щепотку того и другого, без разбора. Стал перетирать в ладонях, в рубиновых пальцах. Катать, добавляя ещё и ещё, то стремительным до неразличимости движением, превращавшим в алое облако кисти его рук, то медленнее, сжимая, разглядывая. Сминая, как глину. Катая снова. Безо всякого видимого усилия. Сформировал белый, как матовое стекло комок. Сел на землю, на колене утвердил и сосредоточенно поцарапал ногтем. Раздались щелчки, отстреливающие. Поцарапал ещё... И долго полировал, поворачивая так и этак, о рубиновые ладони.

— Не ровно... — извиняющимся тоном произнёс он, поднимая на Селену кроткие, чёрные глаза. — И грани не острые...

А Селена обернулась к присутствующим и, в свои руки не беря, предложила им полюбоваться... Как в пяти совершенных зубцах оправы, в красных пальцах Олеандра переливался алмаз. Игравший радужным блеском и пламенными оттенками его чудного лица, бриллиант, бывший золой несколько минут тому назад... "Невероятно..." — выдохнули зрители.

От Селены сувенир достался Оливу. Камешек изменился разом в зеленоватых, холодных руках. Померк, замер. Не сверкал. Как человек... Как люди, что оказывались в них. Рабы и не только. Не только... "Что я делаю здесь?.. — подумалось Оливу. — Что было бы, расскажи им обо мне Сома хоть малую часть?.. Пора, пора к дому, и Пёс Морской заждался меня..."

Изумруд пожелал дать Мурене искренний совет.

Он однажды выпил странное Впечатление. Не мог увиденного понять. До тех пор, пока Фанатик и Амарант, знакомые с историей, не растолковали ему. Причём, Фанатику не поверил. Нарочно переспрашивал у второго, существовало ли? "Да, — сказал Амарант, — имело широкое распространение". Ого... Вот и у Мурены реакция оказалась такой же, только более бурной. Дать серьёзный совет не получилось, зато повеселил изрядно. Впечатление же, увиденное им, представляло собой просто-напросто тренажерный зал. Спортсменов, поднимавших тяжести.

Никто не обратил бы внимания, мало ли нерафинированных, но и невыразительных Впечатлений, это оказалось по времени продолжительным... Зрелище озадачивающее, однообразное, ни с какой стати полудроидам не понятное... Мурена выслушала так серьёзно, и хлопала глазами так часто, что смеялись уже над ней... Не выдержала:

— Изумруд! Ты эту шутку долго выдумывал?! Для меня лично?.. Я польщена!

Она передохнула, присмотрелась к его всегда серьёзному, мраморно-чёрному лицу...

— Друг, ты о чём, прости?.. Я должна положить ствол каменного дерева себе на голову, садиться на землю и вставать?.. День за днём?.. Знаешь, на моей памяти никто ещё не сходил с ума таким странным способом!

Изумруд, не утратив флегматичности, заметил:

— Могу добавить, это — работает. Интереса ради проверял...

Когда отсмеялись, а глаза Мурены перестали полыхать свирепой зеленью, Дабл-Пирит сказал ей:

— Ещё вариант. Пойти на Южный к борцам, на правое крыло. Там случаются и хозяйки, на общих условиях. Правда, живут не долго. Но если найдёшь покровителя, это меняет дело. Он всегда имеет право выкупа. Право останавливать бой прежде финала, сочтя его неудачным, но тебя всё-таки перспективной для дальнейших схваток. Платит за это отдельно. Так соревнуются богатые. Ленивые или пресыщенные. Соревнуются учениками. Имеет право на твои трофеи... И на твои проблемы. Главное с ним самим не ссориться!

Совет, за который Бест не скажет ему спасибо. Потому что Мурене он запал, а дел в долгий ящик она не откладывала.

Пирит, — светлый, свободный от татуировок!.. — коснулся бессознательно тонкого орнамента, оставленного вокруг шеи, его покровитель делал, и отметил вслух:

— Со мной так и было... Не остался я там, недолго пробыл... Но если что, Злотый, игрок Против Секундной Стрелки берёт порой учеников... Проще всего стать таковым, проиграв ему самому!.. Некоторые имеют привычку: публике остаются обе ставки, их часть и его, победителя. А ему — должник, проигравший. Злотый честный, прямой человек, если надумаешь...

Аурора поглядывала на борца с удивлением и лёгким стыдом за неприветливое знакомство. Резкая перемена... На коже остались следы от тонких нитей сложных, замысловатых татуировок. Они пройдут, но пока видны, светлые. Все повыдергал, кроме шейной, памятной. Стоило труда, не самая приятная процедура. Дабл-Пирит походил на Чудовище Моря, избавившееся от присущих теней, или обожжённое холодом, как Пёс в узоре листвы. Пирит не верил, что это поможет... Он решил, что до ужаса не понравился солнечной девушке, общей, может быть, чуждостью их компании, происхождением, хищничеством своим. Хищники не посещали Архи-Сад не из страха перед "красным демоном", а из привычки делить территории на свои и чужие, из глубинной недоверчивости... Однако, чёрные, изощрённые рисунки стали противны ему...

На той стороне, солнечно-златокудрой, застенчиво отвернувшаяся изгнанница тоже решила, что до ужаса не понравилась ему... А кому бы такое знакомство понравилось? Аурора близко не поверила Соль, что хищник вернулся без узоров ради неё.

Позже, когда народ рассеялся по саду и разлетелся по твоим делам, Мурена выспросила, что только можно про нравы, обыкновения правого крыла. Типичные ошибки, перспективы и выгоды. И осталась под деревом размышлять, глядя в пространство. Дабл-Пирит, засомневавшись, обратился к Соль… Уместны ли они вообще, детали хищнической жизни, борцовских, недроидских охот и злых поединков Южного в Архи-Саду? Где нельзя охотиться, в смысле, и пирамидок поднимать нельзя? Противоречивая реакция Соль не развеяла его сомнений.

— Говорить-то кое-где о чём угодно можно... — отчеканила она, носом указывая в сторону Мурены. — А вот с кое-кем о том, о сём, может, и нельзя...

Бест пришёл к ним, пропахший жёлтыми цветами. Лечился? Холодно стало или грустно? Голову положил Мурене на плечо, и она, очнувшись, потёрлась щекой.

— Про что базарили?

— Так... — ответила Мурена. — Ты ведь не стал больше доверять Великому Морю, да, и после наших прогулок? Не рад, что я наполовину там?.. Вот, подыскиваю себе новое увлечение. И компанию.

— Слабо верится.

— Ты мудр, мой Бест, и проницателен! — Мурена рассмеялась. — Море, это навсегда.

Аурору присмотрелась к татуированной полосе, огибавшей шею Пирита...

— Нарочно?.. — решилась спросить она.

— Что, Аврора? — живо обернулся Дабл-Пирит, запутавшись между полным и кратким именем.

— Ну... Символ как будто...

Рори смутилась. Как следует вести себя с хищником? Сама недавно в Архи-Саду прижилась, а там, на рынках у них, может, расспрашивать не принято? А если и разглядывать нельзя, и не в своё дело лезет?

— Символ чего?

Учтиво наклонясь, Пирит переспросил тихо, как она сама, одними губами, почти без выдоха, как в Нит-ти играют на Рулетки, среди нитей, и подвесок, чтоб не шелохнулись они. Руки за спиной сложены, одна держит другую. Так хотелось отвести её золотистые волосы, заслонившие лицо. Приподнять его... А ещё лучше — схватить её всю целиком! Подбросить, поймать и закружить!.. Чтоб улыбалась, чтоб засмеялась ему!

Бывает такое время в сезон туманов, когда высокое небо, его облачные миры отдаляются равномерно, и ещё выше, чем обычно. Сливаются в сплошную синь. Близкие же пролетают над землёй кучевыми облачками, быстро, потому что скоро начнутся ветра, там, в небе они уже разыгрались. Солнца, естественно, нет, быть не может, но такое расслоение на два неба создаёт иллюзию, что оно вот-вот выглянет. Иллюзия для изгнанников, на хозяев она не действует. А для тех, кто лишь мимолётно, во Впечатлениях видел чистое небо, кажется, что очень похоже... Что это оно — густеющее к горизонту, серебристо-серое, к куполу небес, что солнце там, за белым, кучевым облаком в зените... Сейчас отплывёт и — лучи... Некоторое волшебство скрывается в кратких полуднях, подобных этому, последних безветренных на континенте... Даже воздух меняется, как сейчас...

Под таким хрустальным, серебристым небом Архи-Сада, под кронами сай Дабл-Пирит и кружил Рори в мыслях. Под солнечным от смеха, золотистых, солнечных волос...

А татуировка его, символична. Выше ключиц мощная шея борца обведена волнистой полосой, над ней полоса прямая. Часть рисунка, обозначающего утро, восход солнца. Рисунка столь важного, значимого для изгнанников. Хищник и хозяин, Дабл-Пирит был не в курсе его значения.

Рори чертила на песке, сосредоточенного личика из-под кудрей не поднимая. Указала, по-прежнему глядя вниз:

— Вот волны бурного моря... Вот черта отделяет их... Черта горизонта... Тех, кто до утра дожил, от моря отделяет, от туманов морских... А над ней должно быть оно... Солнце... Утро, будущее, жизнь... Ещё один день жизни. Ну, и у тебя вот, волнистая и ровная... Только вместо

полукружия...

Рори замялась, а Мурена как всегда не сдержала язык:

— Дабл-Ня, твоя улыбка!..

Соль хихикнула. Бест обнял Мурену за плечи:

— Погоняемся недалеко? Над побережьями?

— Если хочешь... Ну чего ты тащишь меня, Бест? Я же не назло... Люди, как черепахи глухонемые!.. И проблемы их все оттого, что слишком медлят!

— Нет, Мурена, напротив, оттого что спешат.

— Нет, Бест, ждут! Неизвестно чего!

— Нет, Мурена, отнюдь.

— Да, Бест, да!.. Черепашки, скро-омненькие черепашки! Пока голову высунет, пока доползёт куда… Ждать устанешь! Как в том шатре, на столике... Вспомнил? Эх, жаль не на продажу она там, я бы купила!..

Может и таковы. В среднем. Но к Дабл-Пириту сравнение с черепашкой точно не относилось. Торжественно указательный палец он направил к рисунку Рори на песке, затем вертикально: "О!.. Ага-ага..." Воскликнул, вскочил на ноги... Поклонился и был таков! Глазом моргнуть не успели!

— У юноши феноменальная способность исчезать!.. — насмешливо заметила Соль.

— И завидная скорость, — согласилась Мурена.

— Борцовское, наверно...

Появлялся Дабл-Пирит также внезапно. Он вспомнил кое-что... И с ним, с кое-чем вернулся.

В сущности — форменный грабёж... Агат обалдел от такой наглости. Но если арена и была закрыта для друга, то, дроиды светлые, борьба, а не дружба! Парадокс: как защищаться от налётчика, если поединки с ним как раз-таки запрещены?! Рассмеялся, махнул рукой и отдал: ну, что поделать с тобой, бери!

Пирит не был достаточно богат для покупки подобного... На правом крыле времени не провёл достаточно, чтоб накопить трофеев, на левом они не главное. Но имелись. И символическая их ценность соперничала порой с эстетической. Нечто выдающееся в этом плане он вспомнил. И никто ведь до сих пор не выиграл его! У Агата в шатре без подставки хранилось призовое ожерелье. Два ряда — красного и белого золота. Снизу — белые, пенные волны, налетающие одна на другую. Сверху гибкая, ровная змейка. А он-то всё понять не мог, почему украшение называют "заря"? С чего вдруг артефакту досталось имя?..

Рори оказалось оно велико... Легло по плечам и заиграло, словно её ждало: белые волны под рябиново-красной чертой, под рассыпанными светло-золотыми кудрями.

Так всё между ними стало ясно. Собственный Мир раскаявшегося хищника открылся для Рори, ожившие, освещённые её золотым присутствием, хоромы Дабл-Пирита.

Глава 59

Глава 59.

Не всем так, как Аурoруа, везло...

Случайное знакомство, на гонках в небе не сблизило Нико с изгнанниками. Зато после разговора с До-До в облачном мире Господина Сомы её интерес возрос. От него, едва не боготворившего Беста, выслушала неожиданные для игровой, хищнической среды, странные вещи. Да ничего в них странного!.. Просто хозяева не задумываются о том, как живут не имеющие приюта люди, изгнанники. О жизни в пещерах... Трагичной, нищей поначалу. Разобщённой. О конвенции... Новичках. Общих Встречах ради Слов, как незамутнённом счастье единения для всех, и спасительном круге для одного. И во всех темах насквозь о признанном лидере изгнанников. Человеке "господствующем над первой расой".

Скептицизм её, естественный при сплошных восклицательных знаках в голосе До-До, сменился неподдельным интересом и восхищением. Катастрофическая экспансия Морского Чудовища на континент, то время гибельного "снега", которое завсегдатаи рынков переждали в Собственных Мирах, эпизод, не более того, предстало её взгляду с другой, прежде не замечаемой, изгнаннической стороны... Башня сложенная из теней... Два года безысходно, в прямом и переносном смысле... Да ещё через "испорченный телефон" не первых уст, добавивший колорита! Из первых не хуже — от Соль... От Амиго, выдумщика, коллекционера сказок. От него, переплетавшего воспоминания с фантазиями так, что невозможно на него сердится, уличать совестно, как песню в преувеличениях!.. До-До, а соответственно, и Нико не были обделены подробностями.

Возлюбленную богатейшего на Южном Рынке хищника не впечатлили кладовые, результат грабежа Морской Звезды целиком, остававшиеся в общем распоряжении, хоть и поредевшие немного. Коллекция Впечатлений иссякла… Способ добывать их впечатлил её сильней, корабль, виденный Муреной лишь издали... Но больше всех этих чудес Нико нравился сам факт сада в центре пустынного материка, пробуждение артефактов, семян растений. Веками никому не надо было, и только Морскому Чудовищу понадобилось! Оказывается, развиваются старые и моделируются новые растения без особого труда, а как место преображают!

Нико вспомнила, как Бутон-биг-Надир сказал ей однажды: "Подлинные артефакты можно найти теперь разве что в безднах Великого Моря. Что не портит холодная, как горе, солёная вода, то на века сохраняет. Ты думаешь из Собственных Миров кто-то посбрасывал в океан жемчужин, раковин? Нет. Они были живыми. Были зверями на дне. И леса... Морская вода запечатала их. Что-то пронизала собой до крепости, что-то на воздухе станет прахом... Можно только гадать, какие сокровища с каких времён, застигнутые там или спрятанные, лежат под сплошной солью Горьких Холмов. В толще её, в пустотах земных..."

А если семена растений, в атласы не попавших? Во всей красе, совокупно растущие, а не заново объединённые облачным эскизом, дикие, как веками росли они? В саду Собственного Мира луг объединяет два, три, пять видов трав. Чтобы подлинный луг воплотить не связные Впечатления, а атласы и Вирту собирать нужно, собирать и изучать. Иначе результат красив, но поверхностен, как поверхностно увиденное Впечатление. А если механика до дроидских времён осталась под соленой толщей там? Не получившая распространения, не нужная уже, или запретная, или не попавшая под запреты?..

Нико увлеклась. Однако увлечённость её невозможно-возможными поисками сокровищ развеялась, как дымок от фейерверков над Мелоди, когда До-До в своём повествовании приблизился к освобождению изгнанников. К ловушке, обернувшейся беспримерным даром, к

Бесту. До-До, кстати, подаренный чудовищу мир не удивил с самого начала, в Бесте ему нравилось другое... Постоянство. Дроидское постоянство. Иначе, похолоднее сказать, принципиальность. Из ещё менее тактичных уст — упёртость. А бескорыстие... Что бескорыстие?.. "Он просто не мог иначе, выхода не видел. Да его и не было". Нико же благородство похитителя поразило до глубины души. Новым, необычным для полудроида чувством, что она живёт в одно время, ступает на одну землю с человеком, превосходящим других людей... В чём? Доброте, щедрости? И прежде видала. Прощали глубокие обиды и крупные долги. Тут нечто иное... Зацепила её, не лирическая, а практическая часть: грандиозность элементарной ловушки. Решительность и масштаб! Человек за две секунды преобразился от артефакта — до охотника — до похитителя — до хозяина мира — и до изгнанника... В едином полёте. Быстро, прямо, без колебаний. Дроиды действуют так, уделяют время осознаванию задачи, при реализации её — не медлят.

Но при красоте удавшейся стратегии главное в ней — внутреннее волшебство. Нико спустя день размышлений поняла, что же беспокоит её, ускользает от понимания... Да порушенный же закон! Не может сам похититель на свою пирамидку толкнуть, бросить, а значит, и затащить! Заманить — может, подножку поставить — нет! Только на чужую, если приложена сила. Имеется и обратная сторона, торговец, кладя артефакт на острие, не осторожничает, не боится дотронуться до него, пирамидка его не поймает! Всё наоборот получилось у Беста... Трудно поверить, но факт... Он стал, — встал! — и сделался артефактом с согласием на человека! Попался по-настоящему. Его решительность и ничто другое позволила невозможное провернуть. Его вера, что это сработает. Одно другим оплачено, покрыто: он попался и поймал. Гениально! "Урок, пример мне... Торговаться. И не торговаться. Мелочные ставки издали показывают, о цене размышляют, к подходящей игре берегут... А крупная — задаёт игру. Начинает. Да. Раджа должен услышать меня... Прекрасный урок, не от дроида ли?.. Я воспользуюсь им". Не от дроида. От человека.

"Са-а-альва-адо-о-ор!.." — Оглушительным рёвом сновидение вышвырнуло его на холодное, пустынное побережье яви. А точнее, на высоту гор её. Вышвырнутый оскаленными клыками, бивнями поддетый, глыбой ярости в чёрной шкуре, встающей из волн... Прежде чем распахнул веки, с громыхавшим от ужаса как молот сердцем, вращением сбитым, неровным, Густав ожидал увидеть пещерку озарённой Огненным Кругом. Но она предстала тёмной. Его Гарольд, и его ужас оставались там, в сновидении, в отторгавшей его глубине...

Никто не знал про пещерку. Густав никак не обустраивал её. Пяток бутылочек с простыми связными Впечатлениями в углу, подстилка достаточно широкая, чтоб и лечь и укрыться. Всё. На втором выходе, с лаза, — а Густав осторожный как лисица, как норный зверёк, долго искал сквозное убежище, — торговый шатёр поднят на случай срочного бегства. С шумным, звонким, рукотворным гравием перемешаны камни вокруг. Высоко в горах, над Оливковым Рынком. Убежище с дракона не заметное и недоступное для туманов.

Сегодня он должен получить предпоследнюю карту — Минта. А этот? Король, разбудивший его?.. С Гарольдом проблема. В наличии один глоток, заполучить его сложно, утратить легче лёгкого. Заполучить его без посторонней помощи — невозможно. Между тем, лишь потрогав воду, воплотить Впечатление нельзя, не достанет деталей. Для концентрации, для полноты нужно выпить хотя бы глоток. Опытному человеку, вроде Господина Сомы. Обычному хищнику требуется около чашки. То есть, ради последней карты Густав должен сделаться хищником и превратить жертву своей рукой. Либо искать надёжный вариант, с залогом. Того, кто не сбежит. Да, кстати, и того, кто не в курсе. Ведь знающие люди

шарахаются, как чёрт от ладана, от имени Гарольда. Надо обдумать... А сегодня — Минт.

В принципе, Густав мог бы и не приходить. Но решил проконтролировать, всё-таки два борца... И полюбоваться на финальную охоту ребят своей, — своей-своей, — группы.

Получив указание отправиться немедленно по завершении дела к заказчику, к Гаю, Марик насупился и отказался лететь в Архи Сад: "Не хочу там кое-кого видеть..." Очень интересно. Второй раз, когда Хан-Марик отказывался помогать ему. Первый случился давно, на заре знакомства, отчеркнув некоторую грань... Марик не поднимал пирамидок торга ради превращения, только ради игры. И соответственно, не превращал. Он и нужен Густаву не для этого, но иначе был бы полезен вдвойне... Его дело. Ну, особенность. Мало ли странностей у хищников. Эта не странней, чем поедать золото. Густав удивился тогда, но скоро забыл, вычеркнул раз и навсегда Маричку из числа тех, кто создаёт ему карты. Теперь обнаружились какие-то трения с изгнанниками. Ладно, не проблема слетать самому, если Гай раньше не заявится.

Как и в Великом Море, на просторах рынков облачных и земных существуют широкие и не слишком, очевидные и не очень, временные и постоянные — течения, водовороты, отмели и омуты. Опасные и весьма опасные. В последнем пункте вариантов тьма, и все — под одним знаменателем, по одну сторону рамы, входной рамы громадного Южного Рынка.

Есть места обитания для разных групп хищников и шире — хозяев, честно торговцев и чисто охотников, и большинства, которое то так, то так, в зависимости от рисков и соблазнов. Есть безопасные ряды, маскирующиеся под игровые, опасные. Разумеется, есть и наоборот: ряды прозрачных шатров, смотри не приближаясь, иди ничего не бойся... А охотники поджидают в параллельном ряду и выпрыгивают по знаку. Недроидская охота не принята и среди таких... Но навязанные ими угадайки редко кончались чем-то кроме догонялок, а догонялки на чужой территории в чужую пользу, как правило, и заканчиваются...

Бывает не ряд, а время не подходит, чтобы где-то ходить. Тянутся и тянутся пустынные ряды, невыгодные, далёкие от входа, где хозяева шатров не появляются почти, только по сигналу от товара, задетого, или по хлопку в ладоши: меняться, спросить? Есть ряды, куда заглянуть, значит искать приключений. Ряды, где допустимо охотится силой, игровые, значит, по общему уговору. Но в таких случайно забредшему и попавшемуся давали продолжительное время на откуп и посыльного, голубя, если требуется. Человек врывался порой, на спор или от скуки пробежать такой ряд из конца в конец! Когда пробегает, когда — не пробегает... Но за пределами ряда преследовать его не станут — уговор.

Если резюмировать: Южный Рынок это районы крупные и мелкие со своей спецификой каждый. По-настоящему общие — три центральных и ответвляющиеся от них ряды, которые надо знать. Ряды дорогие и для торговли, и для охоты, и главное, подходящие для наблюдений за действительно новыми людьми. Кто через раму заходит. Завсегдатаи, как правило, через шатры. Так просто по Южному без дела и провожатого никто не шляется. У Руты и Клока как бы имелся провожатый, человек который подробно путь на задворки до тайника Махараджи им объяснил. Точно, без обмана. Они дошли совсем без приключений... В достижении пункта назначения Густав заинтересован. Дальше забота Раджи.

На повороте от торговых рядов к невзрачным рядам тайников он их встретил... Типа, знакомство, торг... Не особо искусный притворщик, Махараджа согласился на фальшивый обмен с лёгкостью от которой, наблюдай он за ними, Густава передёрнуло бы, как железом по стеклу. Но пришедшие двое тоже не отличались наблюдательностью в психологических играх. Согласился — и отлично. В итоге план сработал как часы.

Если б не Гай — заказчик, Махараджа ещё подумал бы соглашаться ли с заказом на борцов. Сам борец... Злотый по той же причине участвовать отказался. На последнем этапе, когда узнал. Его место занял другой, небесный борец. Достаточно редкая специализация — преимущественно на драконах и в местах, подобных окну на Рулетки, где гравитация изменена и мала. Недавно примкнувший к группе — Каури. Парень с узкими глазами, словно всё время против солнца, и безмятежным лицом прирождённого хищника, грабителя неба. Изгнанники ненавидели таких!.. Хуже теней каждый вечер пробирающихся в сером тумане, насколько вообще могли ненавидеть. Издревле, когда ещё не имели приюта на земле, даже пещер. Зарок, небесный бродяжка, заподозрив грабителя во встречном, не жалел времени и не считал риск напрасным, позволяя догнать себя, чтобы проучить, хотя на континенте борьбой не интересовался.

Каури и уронил с резким хлопком тяжёлый полог, железная на Техно изобретённая кожа, едва внутрь зашли. Захлопнул и наступил на угол... Вопросы пропали, не успев появиться. Клок дёрнулся вперёд, но глянув на Руту, остался спиной к спине. Полумрак. Клыки пирамидок, острые гарпуны — что показательно, два... — сияли. Их ждали. Сияли, нависая над ними клыки фонарей. Багровые искры плясали по тенту шатра от круглых, вращающихся глаз. Бесшумный и быстрый, Хан-Марик встал рядом с Каури у полога и улыбнулся. Биг-Джун, рискуя сорваться вместе с крюком, не обращая внимания на потрескивающий тент, свесив ногу, качался на глазе-фонаре...

— Прошу, — простёр он руку, указывая на сияющие клыки торговых пирамидок, — будьте так любезны. Нас много... А впрочем, побегать никто не прочь...

Клок завис между "я не верю" и "сон, это дурной сон"... Не успел испугаться, как следующий кошмарный сон наяву начался...

Полог дополнительный, замаскированный, предназначавшийся для своих откинулся. Вел он в пустой шатёр по соседству. Тусклый светлый треугольник засветился и померк, заслонённый силуэтом охотника, поторопившегося слегка...

— Густав, красава! — приветствовал его Биг-Джун, спрыгивая с фонаря на барабан босыми пятками, грохнувший и загудевший. — Я после Гая, следующий заказ от меня, Гутка!

Клок медленно, замедленно, против воли обернулся... "Густав?.. Красивая охота... Это — Густав..." Да, очень, Гай... Красивая... Дроиды...

— Рута... Я помыслить не...

— Я понял.

А внимание Густава меж тем привлёк момент не сущностный с одной стороны... И с другой... И тем более странный... Нико опять была тут.

Дальше события разворачивались быстро. Новичок Каури поставлен контролировать выход. Раджа, значит, перекрывает второй, некстати Густавом обнаруженный. Работа Марика оставалась его работой. С приятелем, Джуном. Произнесённое вслух имя Гая сразу дало понять Руте, что главная цель — он. Понадеялся, если вытолкнет Клока из ловушки наружу, на схватку с хищниками потратит минуту хотя бы, тот успеет сбежать. Силу потрясения, оцепенения побратима, он недооценил. Да попросту не заметил, не до того было. Оба выхода — к чёрту! Нож с собой, рывком мимо Каури, Рута полоснул бок шатра и свет хлынул внутрь. Крепкая ткань, узкая прорезь, ещё раз, из-под руки Биг-Джуна выворачиваясь, прижатый к земле... Нож бросил под ноги другу: хватай, сам режь или беги! Марик отбил нож ударом ноги в сторону и раскинул руки: иди ко мне!..

Но Клок ни одного, ни второго, он видел только Густава... А Густав видел Лиски-намо. В

его лице. Он рассмеялся и бешено разозлился. "Рановато я заявился, — мелькнуло в уме. — Как же вы все надоели!.. Осточертели мне!.. Можно подумать, с Мелоди увёл тебя! Можно подумать, охотился с кандалами, с удавками прямо на Мелоди! Что ты так смотришь на меня?! Эй ты, хищник?!"

Рута провёл бросок, не приблизивший его к свободе, к выходу, и заметил ступор друга. Прокатился по земле между Раджой и Биг-Джуном, не вытолкнуть, так хоть попытаться! Сделал хуже. Хан-Марик, освобождая для Руты место пред собой, коронным, подбрасывающим толчком, ударом раскрытой ладони отправил в краткий полёт хищника с чёрным хохолком... А подножка Нико чуть-чуть откорректировала приземление...

Не заметная в агрессивных багровых и белых лучах, её собственная пирамидка динькнула, уронила камешек и поймала парня на острие. Ого...

Биг-Джун не сообразив, на которой из обеих оставшихся пустыми пирамидок сосредоточится, Биг-Джун плеснул под ноги Руте клейкую ловушку, Мёд-что-Тает... И охота закончилась. Нико, вскидывая словно крылья, руки по сторонам, соединила ладони над головой, и марево торгового шатра охватило пирамидку, Клока, её саму, простёрлось через обрезанную вершину тента в Собственный Мир. Ого...

Хан-Марик безошибочен. Как он допустил такое? А Хан-Марик не гордый... Он рассеянно постукивал пальцами по груди, во внутреннем кармане тонкий диск скрытой механики — Неповторяющийся-Поющий-Лабиринт... Золотой. Но его грызть не станет, вещь! За маленькую оплошность Хан-Марик получил его. Да и почему Нико не удружить?..

— Ники, Нико?.. — спросил озадаченный Махараджа. — Что это значит?..

Густава интересовал второй, Рута. В треугольнике света так и оставшись, прислонившись к тенту плечом, Густав приготовился без удовольствия досмотреть развязку.

— Я очень сильно люблю тебя, — невпопад, скороговоркой ответила Нико.

Запрокинула голову к дракону появляющемуся неизменно на первой ноте зова, и исчезла с похищенным. Ого... Что-то бросила на пирамидку. "Чтобы вернуться? Ну, да... Хищницей?!" Подумал Раджа, чувствуя озноб вдоль позвоночника. Ну... — нет. Ошибка. Две сразу. Не хищницей, и не вернуться. Махараджа обвёл вопросительным взглядом своих хищников... Они поочерёдно пожали плечами: не знаем, что за дела. Когда дошёл до чужака, Руты, тот взглядом указал ему вниз. Торговая подставка и шатёр Нико таяли... Таяли?! В озноб бросило его, в жар, и обратно в холод... Таяли?! Раджа выскочил из шатра и уставился в небо... Дроида не наблюдалось... "Светлые дроиды, благословенье небес!.. Что же, значит..." Раджа перешагнул разрезанную ткань, протиснулся обратно в шатёр, в общее молчание.

Хан-Марик мог и погореть на этом жесте... Но он обещал посодействовать Нико... Невзначай пнул он что-то, валявшееся на месте её пирамидки, отлетевшее под ноги Махарадже. Дешёвая игрушка. Музыкальный инструмент. Трещотка одной песенки. Махараджа немного умел читать на эсперанто, но Нико не знала как выразить это словами, и решила не рисковать. Она только дорисовала на лицевой пластине трещотки символ Собственного Мира. Не случайно именно Доминго образовал крупнейшее из четырёх семейств... Символом была крыша дома, треугольник. А на изнаночной пластине нарисовала его же с волнистой, нижней гранью, тающий, утраченный. Махараджа провёл подвижной верхней пластиной по нижним, смещающимся чуть-чуть, и они сыграли коротко, несмотря на то, что движение излишне быстрое, меланхолично сыграли основную мелодию. Сентиментальнейшее с Мелоди, одна из немногих изгнаннических песен. Сами изгнанники-то как раз не любили и не пели её, слишком хорошо знали ответ на припев: никогда... Они любят героические песни и про дроидов. "Дашь ли ты мне приют..." так начинается она, так и заканчивается.

Множество своих уклончивых отказов вспомнил Раджа. А сколько отмалчиваний... "Важно,

чрезвычайно важно это было для неё!.." Не понимал, не слышал. Вечер скоро... "Конечно, я дам тебе приют!.." Искать рядом с утерянным миром? Так нет ведь его у неё! Рядом со своим...

Выкрик её удался. Был услышан. Дальше Нико не хотела лукавить, изображать сироту, бедствие, безысходность... Ей повезло с похищенным неимоверно! Недавно переживший нечто подобное, Клок понял всё сразу. И уж ни секунды не намеревался присваивать чужой мир всерьёз. На Белых Драконах кружили друзьями, при появлении Махараджи, Клок оставил их...

Всё познаётся в сравнении. Вчера Махарадже казалось странным в пустой, глухой мир-крепость приглашать... Или — допускать, так назвал бы он это... Сегодня, когда пустыми, глухими показались беспредельные облачные миры от ужасной мысли, что нет в них больше Нико, предложение поменяться мирами он воспринял естественно... Отдал и получил... Вместе с голосом дроида, с возвратом к позабытому, к изначальному, что Нико, при всём желании не могла бы объяснить, доказать на словах... Выразить. Бессмысленно и пытаться.

Клок не терял Я-Владыка, дар это дар.

За тот непродолжительный момент, на который изгнанником оказался Махараджа, его торговые шатры растаяли. Как и пирамидки, их нужно поднимать заново. Разграблены были, ведь с ними растаяли и пирамидки-ловушки, защищавшие его добро... Пустяки! Махараджа не соизволил бы вернуться на день, на час ради них! Из мира в мир курсировали они с Нико ещё очень долго. Меняясь, радуясь, изумляясь, изучая и рукой гостя творя. На Южный вернутся. Не скоро.

Густав же остался с добычей в клейкой ловушке, положении негодном, дурацком. Вместе с прочими уставился недоумённо на исчезающие пирамидки Раджи... Плюнул с досады. "Ненавижу сюрпризы! Не выношу..." Ребята, посудачив, разошлись. Он имели маленький интерес в странной охоте. Густав — большой.

И куда теперь? Заводить свой тканевый шатёр, защиту выдумывать и искать Гая? Морока. Если оставить пленника в торговом шатре, поручители найдутся. Отказывать нелогично, зачем тогда держать напоказ? Ерунда получается... Нужно перепрятать парня. Чёрный хохолок — в минус, ни платы, ничего... Одно хорошо, этот насолил Гаю всерьёз и публично. От заказа Гай не отступится. А за суету можно накинуть цену...

И тут Хан-Марик спросил:

— Связать его? Густав, я немного приглашён сегодня... На Оливковый, бывший Олива рынок, с Буро. Если не нужен тебе...

— Вяжи... — задумчиво отозвался Густав. — Слушай, а что там теперь? Буро не против, если я полечу с вами? Было хорошее место придержать человечка... Припрятать. Как теперь?

Нет, Буро совсем не против! Если б ещё Хан-Марик передумал лететь с ними к Собаке Морской, голодной... Биг-Буро был бы просто счастлив! Но Марик оставлял Густава на континенте не иначе, как по прямому его требованию. Не в этом случае.

Оливковый Рынок от Южного далеко... Как хитрый Бутон-биг-Надир добирался до него, остаётся загадкой. Но встретил он их с пленником, стоически переносившим превратности судьбы, уже там, у входа. И на вид — не запыхался.

Глава 60

Глава 60.

Осведомлённый без промедления относительно превращения Оливкового Рынка в "пёсий", впрочем, называли его по-прежнему, Бутон-биг-Надир выждал некоторое время, пока новый хозяин освоится на земле, успокоится немного, и сам нанёс первый визит. Не посылал осведомителя за Псом, и ради страховки друзей из числа неморских чудовищ за кампанию не позвал. Без оружия и без свиты. Потому что он понимал, принимал их, каждого, кто подобно ему нашёл в себе силы вернуться на континент. Раненых, промёрзших, растерянных, неисцелимых. Обретших крепость тел, и защищающую, и губительную для них, панцирь, делающих их такими сильными, и такими навсегда полудроидам чуждыми. Даже если выглядели людьми, если не чудовищами, а демонами назывались.

Хозяев немного среди них. Хозяева в выгодном положении, пересечение рамы избавляет от присущих теней... Потому те, кто не пожелал избавляться, изгнанниками и живут, не пересекают её! Домой не заходят... А выйдя, создают присущую тень заново, привыкнув к власти, силе, и самому наличию её. Не всегда и особо полезной!.. Что же в этом хорошего, стоит ли? Зачем, избавившись, возвращаются в прежнее, несвободное состояние? Да ради него самого! Не ради оружия-тени, клыков и прочего... Холодные уже, не согреваемые до желанной, парящей теплоты, они хватаются за это чувство — присутствия тени, непустоты, отвлекаются ею... Если совсем попросту: никого у них нет, ни в мирах, ни в море, ни на земле. Лишь тень-оружие, тень-голод, тень-спазм, щемящий, который однажды подчинит хозяина, как бы тот ни старался, захватит и низведёт до побережья обратно. До глубинных течений. До бездумной охоты: бросаться и рвать. До дна, до последней стадии — придонного монстра... Когда-нибудь... А до тех пор поединок: голод, перетягивание каната между жаждой тени и жаждой человека, почти игра, почти соревнование, неодиночество — почти...

Биг-Буро за долгие годы нашёл баланс. Досконально разобрался, что и как, зависнув в удовлетворительном равновесии. Он сочувствовал монстрам, таившимся от людей, в подземных пустотах с морской водой, выходящим для охоты. Не меньше сочувствовал и демонам, жившим среди людей, таясь. Проблемы одни и те же: терпение, баланс. Либо стремительная деградация. Он знал и ещё секрет. Долго живут в тепле или в большом холоде. По-настоящему долго. В Собственных Мирах или в глубинах Великого Моря. Чудовища неморские и тут в бедственном положении, они на земле...

Какое дело Бутон-биг-Надиру до их бед? Никакого. Скорее до потенциальной угрозы от них устоявшемуся, рыночному житию-бытию. Но это во-вторых, и авторитет, и скрытая власть. А во-первых, хотел бывать иногда среди своих, где не надо скрытничать и лукавить, сдерживаться и пользоваться бокалом ача, и объяснять ничего не надо...

И так, Буро притопал ко Псу Морскому тогда с угощением и без оружия. Огляделся. Тени закрывавшей вход нет в помине. Шершень успел побывать, сломал и сожрал... Они со Псом встретились почти по приятельски, без претензий. Демон желал иметь сухопутного компаньона. Пёс — почему нет?.. Олива ненавидел.

Естественная убыль невольников и неестественная тишина привлекли внимание Биг-Буро. Что же, иначе и быть не могло. Ясное дело, торговля замерла. Новый владелец рынка не летал за дождями Впечатлений, а пить хотел иногда. И удовлетворял жажду в соответствии с морскими привычками...

Его нашёл Буро в просторном, главном шатре Олива совершеннейшим псом в углу, на подстилке. Посреди опустошённых сосудов, чистую воду для отпаивания, связные Впечатления, оливки и злые яды содержавшую когда-то… Собаке без разницы, как выпил, так Огненным Кругом испарил, иными отплёвывался, Собака Морская одно слово. И груде этой, бутылок, чашек, раковин, и многочисленных с отломанными горлышками колб, Буро сердечно обрадовался. А когда выбрал два пристойных бокала, протёр, разлил принесённое с собой, и Пёс про "выпить их человека" даже не заикнулся, выдохнул облегчённо... И проникся благодарностью. "Светлые дроиды, не ача!.. Зря я и это принёс… В океане все всех едят, это не в счёт". Неожиданная симметрия, на Южном из-под земли к нему вышел человек-ача, а тут он притопал к Чудовищу Моря, с ледяными ожогами на коже, с кругами на руках, над бровями от теней, предпочитающему — из бокала. "Сразу плюс ему, если захочет слушать... В тепло нам не забиться, не напиться им. Не забыться в нём. Сохранять надо, сколько осталось внутри, ценить, за него и держаться. Услышит, если дырки в ушах не заросли".

Буро чиркнул искрой, добавил нечто рассыпающееся в прах, на вид не привлекательное в бокалы, опустошённые на треть, поджёг. Заклубился из них дым, светящийся бордово-лиловым, светящийся тем сильней, чем ближе к жидкости... Нагревавший её и воздух, вдыхаемый при глотке, грудь изнутри согревавший, недолго, но приятно... Подумал: "Возьми, беглец моря, маленькое утешение тепла, за утешение доставленное мне". Дымный, лиловый свет проявил отчётливей на коже Пса рисунок листвы. Буро поморщился, он знал чего стоят такие ожоги. Ненавистный, не забытый, океан подмигнул ему злым, оледеневшим глазом. Пёс вдохнул остатки клубящегося, дымного света и выдохнул на плечо себе, заставив узор проступить ярким, как парча на Буро...

— Не скрыть, да, господин?.. — спросил.

Первые слова, которыми обменялись.

— Я красивый стал от глубины... Люди пугаются.

Буро с облегчением выдохнул снова, до сих пор сомневался, как там с речью и соображением? Хорош. Нормально.

— Люди любят пугаться, — ответил Биг-Буро. — Им вообще не трудно дать, чего хотят. Испугаться, спастись, погордиться в своей правоте... И победить, разумеется, и перехитрить — это они тоже очень любят... А нам не трудно, да?.. Сог-Цог!..

Пёс отрывисто рассмеялся, остатки Впечатлений выплеснулись ловко и перемешались в воздухе. Головокружительно сладкие, дженераль, последние капли взлетающего Впечатления гор от подножья до снежного пика...

С соображением у Собаки Морской было нормально, однако диалога с ним это не облегчало. И не облегчать требовалось, а подталкивать.

В дальнейшем с разных сторон заходя: "Что ты хочешь? — спрашивал Буро, как и Шершень, заинтересованный в Оливковом Рынке, удобное местечко для разных нужд... — Больше быть прежним, человеком? Или больше демоном?.." А Пёс ничего не хотел. Он поил иногда оставшихся невольников связными Впечатлениями. Спал целыми днями и сам пил всё подряд, морщась на запретные Впечатления, сплёвывая тени из оливок... Сладострастно размышляя про горло Олива, зубами размышляя... Ну что он хотел?.. Начинать торговать? Привечать всякую шушеру?.. Ядами торговать, ловить несчастных, раненых и брать с них выкуп? Лечить? Приказывать, что? И зачем?..

Все варианты для Морской Собаки неразличимы под общей чертой: встать надо с подстилки, открыть рот и о чём-то разговаривать с ними... Лохмотья на одежду какую-то

переменить. Буро, утомившись созерцать безобразие, сам приодел его. По океанской непреходящей моде, кто в человеческом облике, те не выносят рукава, обрывают. И Биг-Буро сразу облачил Пса в длинную жилетку. Вышитую пластинами перламутра, наложенными в виде чешуи. Непотребные лохмотья под ней стали казаться клокастой юбкой танцора, сойдёт. Пёс усмехнулся. Наклоном головы поблагодарил Буро. До зеркала в рост, Оливом так ценимого, два шага не соизволил пройти и улёгся на подстилку обратно. Стараясь быть вежливым, на каждый вопрос Биг-Буро он отвечал поочерёдно то зевком, то пожатием плеч, зябким... Неважно, не знаю...

Причина же одолевшей его нутряной, не притворной пассивности состояла в том, что "где" он договаривался с Оливом, сильно отличалось от места "о котором". Разительно. Настолько, что там, на жаркой площади, осенённой куполом, под капелью оранжереи, под бархатом орхидей не представимо обыденное "снаружи". В шикарных местах легко договариваться, но не вполне надёжно... Собственный Мир для гостя хищника предстаёт иным, нежели для хозяина. Основные обязательства самим присутствием на Оливковом Рынке Пёс выполнил: сохранить некоторое число рабов, а главное территорию от нашествия незнакомых торговцев. От угрозы множества непосещаемых, на удачу поднятых пирамидок, ловушек, шатров в которых торговца не дозовёшься. Не избавишься, не вычистишь потом. Рынок должен был остаться в единоличном владении. Наместник выбран правильно. Никто не сунулся, страшно. Но и торговлю Пёс не поддерживал, не развивал, лень. В Собственном Мире их проведя, — столь же и неизбежно, столь же и необратимо! — в процессе переговоров Олив сместил акцент. Необратимо...

Словно раскрученная монета, две грани одного существа чередовались, сливаясь во что-то невнятное. Ненавидимый бледно-зелёный хищник с клычками улыбки, прогнать которую с надменного лица Псу так и не удалось... И с другой стороны, как сновидение прекрасный, эпизод исцеления в его Собственном Мире... Иногда в уме Пёс проходил до широкой площади по улочкам заново весь путь. Не упуская из виду плиты под ногами, яркий, жарящий поток лучей, густую тень на противоположной стене, балкончики, граммофоны синих, сиреневых петуний... Проходил подробно, от того что боялся позабыть! Ложился в оранжерее под тёплой капелью с раскидистой кроны, царящей под запотевшими стёклами... И обратно не шёл.

Опомнившись, Пёс упрекал себя, увлёкся... День пролетел. Зачем, о чём?.. Да за тем, собственно, ради чего существуют и непрерывно совершенствуются дроиды двух последних эпох... Радуя их, знал бы он!.. Отдавая должное всем высшим дроидам, искусству, подробной старательности, и несравненному изобретательскому гению Гелиотропа.

На следующий раз Буро пришёл с раненым. То, что Олив делал, выгоняя их неподъёмным для людей тенью-обручем, Пёс — зубами и мизинцем, слегонца, то есть. И слова не сказал и в лицо не посмотрел. Ни как человек, ни как раб, ни в качестве пищи приведённый не заинтересовал его. Что сказано — сделал. И вместо того, чтобы спросить платы за услугу, — вот отличие круга чудовищ от круга людей, — он спросил у Буро: "А чем я могу быть тебе полезен?" Правильно расценил: раненый — предлог, второй визит — одолжение. Так им виден масштаб, иерархия видна Чудовищам Моря.

И за новым угощением Буро растолковывал ему... Отчаявшиеся будут приходить. Неосмотрительные жертвы ночных туманов. Пусть Пёс соблюдает пропорцию, если не хочет пресечь этот поток. Хотя бы один к одному. Первого в кандалы, второго на свободу. "Давай им варианты откупа. Неизвестное веселей! Рискуя упустить добычу, ты приобретаешь шанс получить диковинку. Или перспективное знакомство с поручителем... Или увлекательный рассказ, полезные сведения, забавную фантазию... Фантазии, дорогой мой, бывают весомей, чем

быль. Как выяснится невзначай, сколькие из людей разделяют веру в них... А сколькие сомневаются... И сколько ещё она дорога, не вникающим в суть, как перепевы старых легенд... Вот и получается, настоящая быль..."

Подсчитывать и давать варианты... Понял. Обнаружилась забавная вещь, Пёс нормально соображал, но никак не удерживал в голове цифры, и "раз-два" тоже, они куда-то проваливались!.. Чередование дней... Такие с его точки зрения пустяки. Но не спорил с Буро. Пёс нашёл два камешка, чёрный и белый. С целью вспомнить уготованную визитёру судьбу, он заглядывал в пиалу возле своей, подстилки. Какой там оставлен? Белый? Значит, предыдущего отпустил. Значит этого приковывать... Равнодушная Собака Морская...

Нелюдимость управляющего имела место, но Буро оказался прав, как всегда. Ручеёк не могущих к Белому Дракону поднять головы, раненых, попросту невменяемых, приводимых друзьями или охотниками на продажу, потёк к Оливковому Рынку. Слава рынка, сила отчаянья и авантюризм превзошли страх между незнакомым чудовищем.

Хищники парочкой пришли было, искали купить оливок со злыми тенями. Отчасти получилось... И эти попали под расчёт чёрного и белого камней: Пёс одному продал и отпустил, другого приковал, ха-ха, дословно слушал советы! За чем визитёры, какая разница?.. Биг-Буро очень смеялся, заступаться за хищника не стал. Сбежал друг его?.. Значит оба того стоят. Просил только впредь разбирать, зачем кого занесло на рынок. "А если большая заявится кампания, — смеясь, уточнил он, — что будешь делать?" Вместо ответа, зевнув и пожав плечом, Пёс снова подбросил и поймал оба камешка одной рукой поочерёдно, быстрой как молния. Буро хохотал над ним.

Так шли дела на Оливковом Рынке, когда Рута был доставлен на него, поперёк дракона брошенный, способом недроидским, но, в общем, аккуратно.

Спокойный за Хан-Марика, и в тайной надежде, что с Густавом вдруг случится что-то само собой... — не Кроха же он, не может его магия распространяться на всех, включая Морских Собак!.. — Бутон-биг-Надир приотстал. Махнул им рукой в сторону хозяйского шатра:

— Обговаривайте условия. Скоро подойду, гляну, кто ещё попался.

Пёс до сих пор не разгромил и не присвоил ложе под балдахином. Предпочитал травяную подстилку в углу. Она из водорослей. Запах океана, который бы должен напоминать ужас, тьму и обжигающий, лютый мороз, успокаивал собаку. Там, где мороз, не пахло ничем. А трава — запах всплытия, мелководья, дна, вольного бега... Хороший запах.

Откинули полог и встали на пороге. Полумрак. Колыхание стен чрезмерно высоких, заполненных сплошь лицами, профилями, редко в фас, совсем условными, до иллюзии живыми...

Приподнялся на локтях, на плетёной овальной лежанке, Пёс заметил их. Он глянул, как показалось Густаву левым глазом на него, правым на Марика, и глаза, не разбежавшись при том, имели разное выражение. Кивнул. Буро убежал его непременно здороваться. Но Пёс экономил слова, как только мог, по обыкновенной морской привычке, обходясь кивком, рычанием. А чаще поднятием или хмурым сведением бровей, круглых пятен, оставшихся над ними. Заглянул в пиалу. Вынул чёрный камень, бросил звякнувший белый. Тогда соизволил, зевнув, тявкнуть на них низким и гулким голосом:

— Чего?..

Густав скрипнул зубами. "В ошейнике ты выглядел лучше, морская тварь... Напрасно снял его. Не охотился я на вашу братию, мокрохвостую, а не думаю, что сложней, чем на Восходящих. Думаю, легче. Надо будет попробовать, с тебя начать..." Хан-Марик

сообразительный не только в роли телохранителя, провёл вместо него переговорную миссию ловко и результативно. Столковались на том, что за пребывание раба в пределах рынка платят другие, те, что придут востребовать его. Платят другим человеком. Если же срок затянется дольше полсезона и они его не продлят, или форс-мажор... Какой у Пса Морского мог быть форс-мажор?! Корче, если пленник не дождётся — чка... Их риски. Густав не думал, что Гай воспротивился бы подобному раскладу, месть. А на карту человек найдётся, от Гая нужна его рука, его видение цветов ледяных. Согласились.

Срок хоть не вышел за условленные пределы, но оказался куда длинней предполагаемого.

Несколько рассердившись на неудачную двойную охоту, не по его, — разумеется! — вине, Густав не нашёл сразу и не стал искать посыльного в Архи-Сад. Сам не захотел тоже. Пусть Гай его ищет! Колода близка к завершению. Густав покинул континент. Полетать и поохотится вблизи облачных рынков. Проведать старых знакомых. Заказчиков и тех, кто не помышлял о настоящем роде его занятий. Побеседовать возле рам с теми, кто так и не вышел... Поддавшимися, а не доверившимися лёгкому его обаянию, поверхностной, завлекательной эрудиции болтуна. Такие никогда не выходили. Самооценка Густава не страдала из-за них, он подозревал, что вообще тут не при чём, они по природе не выходили. И спортивным интересом знакомства с ними не назовёшь. Но что-то тянула Густава снова и снова к звонким дверным колокольчиками затворнических рам... Успехов в небе не поимел, да и не старался.

Уже по возвращении на материк провёл единственную смешную охоту. Здорово повеселил его этот чудак. Лопушок совсем...

Для начала: он подлетел первый. Ввиду не только материка, но и марева над Южным. Ну?.. Куда это годится? Потом: ориентировался на то, что увидел в руках. А в них Густав, не на шею же вешать как Маричка, держал связки регалий, шнурков, цепочек, эмблем на них... Полная чужая коллекция. Плата за прежние дела с облачного рынка. Всё звенело на ветру, блестело, ленточки ещё вьются... Густав брезговал такими штуками в розницу торговать. Да он и торговать-то вообще брезговал, считал ниже своего достоинства. А конкретно их рассчитывал сбагрить целиком и сразу в обмен на предпоследнюю без лица карту, благо рубашка колоды распространённая, много таких. Чего после неё остается, туз пик?

Наивный охотник догнал его и предложил "...на опасном, запутанном рынке материка" проводить Густава, куда надо ему за небольшую плату. Дотуда, где "...огромное количество подобных вещей. И не дорого!.." О дроиды, не смог даже разглядеть, что из гоночных пред ним — полная — коллекция! Изобразив минутное колебание, поторговавшись слегка, мог и того не делать, Густав позволил увлечь себя вниз. Вслед за своей незапланированной добычей сошёл с Белого Дракона. "Здравствуйте, врата Южного! Неужели я скучал?.." И углубились в пыльные ряды.

Ножной, кожаный браслет на правой щиколотке Густава задевал землю, оставляя специфический след. По центральным рядам шли, три десятка раз в день или чаще того, пересекаемых Хан-Мариком. Марик ждал всегда. Руководимый предчувствием и без следов в пыли, он заметил и вёл их от рамы. Помимо прочего браслет на ноге означал импровизацию, свободу действий. Чей шатёр из игроков Против Секундной Стрелки будут проходить, куда удобней покажется, туда и толкай. Намерения их совпали. Биг-Джун следующий на очереди заказчик? Отлично. И Хан-Марик рад удружить ему. Незадачливый охотник увидел лишь силуэт, на обгон пошедший, как его подбросило... Как летел уже за чужой, приоткрытый полог... Джун наблюдал из своего же шатра напротив, удобно.

— Густав!.. Благодарю, не забыл. Куда это вы спешили?

— Здравствуй, Биг-Джун. Меня продавать.

— Кому, почём?

— Поинтересуйся. Самому любопытно.

Биг-Джун скрылся в шатре. Высокий, пригибался на входе. Вынырнул с неопределённостью на нахальной роже:

— Не говорит. Или правда не знает. Говорит, указали шатёр пустой.

— А кто указал-то?

— Человек в маске. Сплошной птичьей маске...

Джун снова скрылся за пологом и, вернувшись, уточнил:

— Хозяйка. В полной птичьей маске.

Густав сплюнул. "Хозяйка это не хорошо. Хорошо только когда я ловлю... Не гут".

— Угу, спасибо, Джун. Следующий на туза пик. Сделаешь, когда приведу? Посмотри у Марика заранее карту, рубашку.

— Ты зануда, Густав. Все их знают давно, какие тебе нужны.

— Да, я зануда...

Хан-Марик дождался его, и отправились дальше.

— Угостить тебя, — спросил Марик, — в честь возвращения?

Не к себе звал.

Глава 61

Глава 61.

Рано или поздно они бы пересеклись. Буро чуть направил...

Руту искал не один Гай. Клок, чувствовавший себя отчаянно виноватым. Дабл-Пирит, очнувшийся слегка от нежданной любви. Бест с этими двумя за компанию. А с ним поддерживал и по мере возможности развивал отношения Бутон-биг-Надир, на Оливковом Рынке не поинтересовавшийся именем пленника, позже узнавший подоплёку.

В гостях у Буро и оказались все упомянутые выше. Одновременно. Случайно ли Марик зашёл?.. Случайно ли с Густавом?.. Да, конечно. Буро не всеведущ, в конце концов.

В шатре и в уме Биг-Буро кроме очевидного интереса оказаться в центре событий, понаблюдать вблизи, если что направить, свёл их ещё такой интерес... Пёс наместник или приемник Олива, но сам рынок по многим статьям, был под патронатом Буро, в сфере его интересов. А с некоторых пор кое-кто... Кое-какие изгнанники... Регулярно грабили его!.. Да! Никакого секрета, Бест, конечно. С компанией, и Олеандр с ними, как силовой момент, это без вариантов. Для него кандалы, шёлковые нитки.

Смущали Буро не потери среди рабов, расходного материала, взаимозаменяемого, личный момент в похищениях присутствовал крайне редко. Смущали и беспокоили его риски грабителей! Собственно — Беста. Дорожил. И вмешаться не имелось причины, так гладко всё проходило, вот странный момент... Быть не может. Собака Моря!.. Захотел бы, поймал. Либо драка с действительно непредсказуемым исходом между Олеандром и Псом. Но не заметить потерь невозможно!.. А подкараулить, ловушек наставить, раз плюнуть... Ан, нет. Буро не мог сообразить, это такая непонятная черта морского демона проявляется, растущая пассивность его? Или готовится к чему-то?.. Жертвует, не желает спугнуть?.. Ждёт, строит планы? Подозревал последнее. Хотя мало-помалу Пёс превращался в положительную фигуру! Торговал он редко, на одного человека покупал воды связных Впечатлений для остальных. А чтобы не стало их слишком много, изменил пропорцию: на один чёрный камень, пять белых, пять отпущенных! Олив не был так щедр, но боялись собаку по-прежнему куда сильней.

Собрались. Бест зван на угощение, он задерживался, на Впечатление, обсудить. А борцы с намёком, что как-нибудь, возможно уладить их возвращение на левое крыло. И обязаны они будут Буро, ага. Как ни рядом ходит ответ на проблему, как приклеенный, за Бестом следовал Гай, но Биг-Буро подвёл, подвинул...

"Недавно с ними был дроид... — с каким-то странным чувством, ни с того, ни с сего, подумал Буро. — Если так, они охотно поддержат тему. Для начала. И Впечатление — в тему... Надеюсь насмерть не подерутся, когда Ня-Ня узнает, что Руту заказал Гай... Пусть дерутся, пообниматься не вредно, лишь бы в итоге договорились. Рута парень простой, но что-то особенное сквозняком тянет из его неудач... Глупых. Как будто плавный, широкий поворот тени из течения на глубину, захватывающий многие иные косяки... Хочу, чтоб он выжил. Что дальше будет, хочу посмотреть..."

Гай упорно всё последнее время искавший Густава на земле, когда следовало в небе, нашёл. Дождался.

Марик прошмыгнул и приземлился бесцеремонно рядом с Буро раньше, чем бросил приветы хозяину и гостям... Но Биг-Джун поманил его снаружи, заставив вздрогнуть Густава, чинно остановившегося поздороваться на входе и дождаться приглашения. Биг-Буро постукивал

ногтями по гигантской, до горлышка заполненной бутыли... "Мадлен, оптимистка... На что рассчитывала? Гутка тут как тут... Где её охотник можно не спрашивать..."

— Густав! — с упрёком сказал Джун. — Отдавай нам Марика на гонки! У нас эстафета, он нужен, чёрт возьми! Не разойдётесь ещё, как он вернётся!

Биг-Джун скрестил руки на широкой груди и Хан-Марику, предателю, забывчивому, видишь ли, скроил страшную мину. Тот почесал в затылке, глянул на Густава, и, не прочтя возражений на его лице, смылся.

Чуть погодя Бест пришёл, тихонько, незаметно.

Чего нельзя сказать о появлении Густава... Гай едва удержался, чтоб не вскочить. Клок тоже, — уйти!.. Остаться? Как глупо, как невыносимо глупо... Охотник безликий, о котором знал лишь имя, внушавший такой ужас, обрёл лицо... И ужас обрёл лицо — ошарашившую его, неуютную, места себе не находящую, постыдную скорбь. Перед лжецом? Да, перед лжецом. Выходит так... Словно друг его умер. А кто-то чужой похитил у мёртвого лицо, одел и ходит в нём. Не позволяет забыть... Хуже чем умер! Не существовал. Клок, не то чтобы юноша... Но — похититель, злой игрок, раскаявшийся хищник — не мог заставить себя смотреть Густаву в лицо.

Гай воспользовался паузой, пока Биг-Буро привечал Беста, и разливал нерафинированное, цельное Впечатление по кубкам-наутилусам.

— Гус, тот парень ещё жив?.. — спросил до неразличимости быстрым шёпотом.

"Вот так Гай-технарь-Раджи... — подумалось Густаву. — Не ледяных цветов ты сейчас... Не видел тебя таким и не слышал. Что же это за парень, пойманный мной слегонца? Борец и борец, хищник и хищник..."

— Вполне... — растягивая слога проворкотал Густав.

— Но охота удалась?! Он у тебя?

— Разумеется...

— Где он?! Небо и море, всё отменяется! Нет, не отпускать! Отдай мне живым!

— Мне разницы нет, но видишь ли, Гай...

— Я из любого другого сделаю тебе карту с чудовищем!

— Карту да... Но видишь ли, Гай, в чём дело... Я понимаю, что такое непредвиденные обстоятельства. Но факт: ты выбрал столь неудачно третью сторону... Зачем понадобилось вообще? Что там случилось с Махараджей, предвидеть, я верю, ты не мог... Однако по факту, вы испортили мне двойную охоту. Половина её вон сидит, пялится мимо нас, с чёрным хохолком на голове. Знакомый, приятель? Это плохо. Теперь он не наш и не посторонний. Гай, это лишняя огласка. Да что я расписываю, ты всё понимаешь отлично. Ненавижу осечки. А те, что продолжают мозолить глаза, особенно. Надо что-то решать. Знакомый или приятель?.. Сделай Минта из него. Так и быть, я второй раз поймаю.

— Уверен?

— Обижаешь... Или он важнее того борца?..

— Нет, конечно! Да чёрт с ним!.. Густав...

Густав предварил:

— По второй, вижу, сильнее волнующей тебя части... Ах, Гай, можешь смеяться, у каждого свой высший пилотаж, завершённая красота манёвра... Ведь куда мы прилетаем? Да никуда!.. Но когда из штопора кувырком выходит дракон, над волной пролетает, под волной и ты не упал, ты удержался, небо принадлежит тебе... Я не гонщик, так чуть-чуть... Гай, когда портят двойную охоту, это обидно. По существу дела, мне пришлось оставить человечка в таком месте, где за

постой берут ещё одного человечка... И его, третьего — мне же ловить? Несправедливо, ты не находишь? А может тебе? Вот совет, поспеши. Если, как я понял, месть отменяется, лучше поторопиться. Ненадёжное место. Я же не знал, что он понадобится живым.

— Клока поймаешь, его и отдадим! — горячо воскликнул Гай. — А на короля после!

— После?! Живо ты разобрался!.. Без малейших гарантий? Ну, уж нет... И не на короля, а на королей. Минта и пик. Затем них тебе и достанется парень.

— Густав, будь ты проклят! Ты сказал, место зыбкое, спешное дело?! Откуда мне взять двоих?

— Спеши... Ищи охотников работающих в долг. Обратись к ребятам. Пусть уступят тебе пирамидку в общем шатре вне очереди. На неё кто-нибудь да приведёт.

— Что ещё за король пик?.. — Гай унял взволнованность тона, уставился в землю, смысл спорить...

— Гарольд...

Недоверчивое хмыканье стало ему ответом. Густав отреагировал спокойно:

— Зря смеёшься. Он есть у меня, корень Впечатления Гарольда.

Впервые за всё время знакомства с этим охотником, презираемым и внушающим изумление, за рыночную жизнь впервые по спине Гая пробежал холодок суеверного страха. После, перевернувшего его жизнь, Оракула Буро он стал менее рационален. Более снисходителен к повериям. А из них самое бессмысленное, ведь Гарольда не имел никто, но и самое бесспорное, в поговорку вошедшее среди некоторого круга — "Нарушить воду Гарольда". В смысле, потрогать, нарушить покой, гладь. В смысле: не трогать! Синоним — не касаться огня. Бежать как огня! Никогда не придавал значения. Теперь услышал и содрогнулся. Упоминавшие это имя не шутили. Он серьёзно? Густав провернул нечто с Чудовищами Моря? Такая фифа?.. Даа... Жаль не вникал раньше, из-за чего, собственно? Почему нельзя смотреть Впечатление Гарольда?

Клок между тем собрался с духом, приблизился к ним и спросил:

— Гай?.. Рута жив? Вы о нём говорили?

Густав кивнул и перехватил инициативу:

— Да-да. Это была шутка... Интриги, то, сё. Возобновим знакомство в новом качестве? Не держи зла на меня, — немного изменив тон к холоду, он добавил, — примирение в твоих интересах.

И замолчал.

— Почему же? — через паузу спросил его Клок, сухо, бесцветным голосом.

— Как почему? — вернул Густав вопрос.

И оба замолчали. Клок не выдержал:

— Не понимаю.

И с полной откровенностью, живописно, но лаконично Густав изложил ему только что обговоренное с Гаем. Минуту назад, дословно. Лишь концовку переменил...

— Теперь ты не посторонний и не наш. Игроки Против Секундной Стрелки будут охотится на тебя. Лучший выход, присоединиться к группе, хотя бы ради игры. Единственный выход. Нет, и внутри группы охота возможна, но один на один, согласись, это совсем другое! Правда, кто-то должен тебя провести. Последние два шага. По закону пришедший сам — общая добыча. Другого способа нет.

Чистейшую правду сказал! И добавил:

— В знак примирения... Я могу привести.

У Гая отпала челюсть... Мог бы уже привыкнуть. Гутка хорош!.. Чёрт морской, челюсти придонные, как же он хорош!.. "А я бы купился? — Гай задал себе вопрос и не сумел ответить.

— Всё так прозрачно... В чём секрет?.. Купился бы?.. Нет, нет! Небо и море, нет же! Ну что за глупость?!" И Клок, потупившийся мрачно, понимал это, знал вне сомнений: "Ни в коем случае! Нет!" А исход, не сегодня так завтра, не завтра так послезавтра, Гай уже предвидел.

Собравшиеся пригубили Впечатление, полюбовавшись кубками перед тем, не вежливости ради, искренне. Бронзовые ветви, в ножку кубка переходя, держали крупные завитки раковин. Цветной эмали не было помимо розово-белых лепестков. Неброско. Получился странный символизм, замеченный Бестом, но не понятый: раковина — символ изгнанничества, дешёвый, бесплатный изгнаннический сосуд, а поддерживал её символ Собственного Мира — цветущая яблоневая ветвь... Что-то хотел этим сказать хозяин? Мастер, создавший кубки? Вручную создавший. За один такой дают набор воплощённый из Впечатления... Бест отпил..."Из Впечатления... О, небо и море!.. Последней эпохи редкое Впечатление дроида!" Нет, Бест и не ждал дешёвки от Биг-Буро, но такое видел впервые...

Просторное помещение, не шатёр. Значит до того, как встряхнуло и смыло древние континенты, прежде Морской Звезды. С неразличимого в ярком свете потолка свисают длинные нити рядами. Дальние ряды достигают пола, ближние почти касаются головы ходящего вдоль них дроида. Нити знакомые, теперь посреди таких играют на Рулетки, чтобы не колыхнулись от шагов, от дыхания. А прежде они были Вирту — раскрытые на всю комнату книги. И настолько чуткие ради отклика. Не рукой, а словами, не листая, к оглавлению не возвращаясь можно было найти требуемое, обычно — иллюстрации. Это лекционная доска, для удобства демонстрации. И для моделирования послойного, смотря как настроить её.

Дроид в одежде, имитирующей античность, а верней сказать, в имитации одежды, складчатой, с открытым плечом и брошью, скрепляющей мнимую ткань на другом плече, сияющим лицом цвета латуни и более тёмным, непрозрачным телом ходил взад-вперёд и явно рассказывал что-то. Прерываемый иногда. Захвативший целиком, без остатка внимание, потому что — радостный дроид. Автономный, не высший. Радостный и... — крылатый! Нити реагировали на взмахи его крыльев быстрые и постепенные, расправляющиеся как веера, открывая картины из жизни, накладывая поверх них графики, разок — таблицу, и сметая вдруг, разом, переходя к другим изображениям, темам, делам. Дроид крыльями дирижировал древним Вирту!

Недоумение в глазах Беста, заново оценившего объём бутыли, не ускользнуло от Буро.

— Бутон-биг-Надир, — не удержался он, — благодарю за диковинную редкость. Но не кажется ли тебе расточительным делить подобное на кампанию, в качестве развлечения преподносить? Один, знающий зритель мог бы извлечь много нового и полезного, просмотрев за несколько дней от начала и до конца это Впечатление. Там что-то вроде лекции! Коллекционеру истории — сокровище!

"Эх, Амарант не видит!.. Он бы извёлся, чего за фрагменты у других в бокалах!.."

— Приятно, — неторопливо, согласно ответил Буро, — всегда приятно понаблюдать за дроидом... Правда... Они не заходят на рынки, я не выхожу. Кроме этих, чешуйчатых, они не в счёт, кроме Чёрных Драконов...

— И владык, — добавил Дабл-Пирит, осведомленный от Руты, а тот от Дрёмы. — Остальные права не имеют.

— Да? — Буро поднял бровь. — Буду знать... Кроме телохранителей и глав семейств, наделённых манками... А было время, Бест, когда я до одержимости рвался переговорить с

дроидом. Я редко охочусь теперь, не моя стихия. А тогда... Я без шатра несколько раз ловил чистых хозяев на пирамидки торга. Не для торга... Чтобы только проявились и не исчезали их Чёрные Драконы. Чтобы поговорить... Не помогло, представляешь?.. Я обращался как к людям, ходатаям, поручителям за похищенных: вы мне диалог, я вам обратно подопечного. Не получилось, молчали. Я не очень-то высоко их ценю, так себе дроиды... Бест, представляешь, молчали!.. За исключением... Да вы не знаете её. За одним исключением. Зато каким! Её телохранитель получил хозяйку обратно немедленно, без спора. И ведь совсем не то сказал он мне, о чём я спрашивал!..

Биг-Буро отпил ещё, прикрыв веки, щурясь, вглядываясь:

— А эту бутылку, Бест, распить нисколько не жаль. Ты упустил из виду: там нет звуков. Слов нет, увы. Рафинированное оно, зримая часть оставлена целой, но слышимая отделена. Я тебе больше скажу. Ты, Бест, не знаю в курсе ли, но у Нитей, у этого Вирту есть особенный звон, изображения помимо. И я однажды купил три бутыли чего-то подобного. Вот их-то единолично и выпил!.. Выпил и слышал. Словно стоять на берегу Туманного Моря дроидов: звоночек его голоса перебирает нити, отклоняется от колокольчиков их голосов, нити гудят звоном... Но слов ни-ни. Эсперанто, древних языков, ни словечка. Жалеть не о чем. Те, которые слушают его тоже дроиды... Но, знаешь, мне понравилось слушать их, я ведь и к океану не хожу... И я покупал, они не дорогие подобные Впечатления, с одной огромной, видимо, тучи, пока не иссякли запасы у продавцов. Там в гудении, в перезвоне прорвались, я вздрогнул прямо, вопросы на незнакомом языке. По интонации вопросы, а содержания так не угадать, да?! Зато дроид ответил на эсперанто. Дважды.

Буро снова разлил по кубку каждому...

— Заинтриговал, получилось?

Бест наклонил, отпивая, до краёв полный наутилус, нырнул, улетел в глоток... Где светлолицый дроид поводил крылами... Губы его двигались, но действительно, не как у людей при разговоре. Так, словно ловил воздух или собирался улыбнуться, едва дослушав кого-то, но момент этот всё не наступал... Бест вынырнул из Впечатления:

— Биг-Буро, дразнишь или поделишься, что им ответил дроид?

— Конечно же, Бест. И звал поделиться. Мне интересно, что ты думаешь по поводу... Я был озадачен. Весьма...

Буро заинтриговал и парней, погружённых в свои охотничьи перипетии.

— И с чем в противоречие входят его слова? — спросил Гай. — Сужают или расширяют представления о реальности?

Усмехнувшись, Буро повернул к нему голову под дугами золочёной короны:

— Ты Гай и закономерно, вроде бы, ставишь вопрос, но, как технарь, механистически как-то... Я вот не знаю, то ли расширяют, настолько, что не за что и уцепиться. То ли сужают, так что нечем дышать... То ли дышать не обязательно, как выясняется. Ну, я преувеличиваю, не такие уж большие, не для каждого насущные проблемы озвучил он... По моему опыту, Гай, фатально расходятся с представлением о справедливости!

Бест улыбнулся одним уголком рта, интонации знакомые до ужаса... Не для всех... Не так уж важно... Пустота... Воля, как пустота... Изгнаннические всё прелюдии!

Он сказал:

— Попробую угадать... Речь шла о подсчёте дней. Сроков. Так или иначе. Для дроидов или для людей?

Биг-Буро засмеялся и чинно поклонился ему:

— И тех и других, Бест! Получите... Он сказал, что при переплетении внешних орбит, я так полагаю, имея в виду счастливые в союзе пары, независимо, люди ли, дроиды, делят время

напополам... Если ни один не погибает насильственной смертью, делят общую продолжительность жизней поровну. Одновременно уходят из неё... А второе, после смерти, или как это назвать, они и только они — становятся первой расой!.. Ну, не странно ли? Ну, пусть даже одним всё, другим ничего, справедливо в смысле — нормально, пусть, не удивительно, в русле... Но скажи, как такое возможно в паре: человек — дроид? Ведь вовсе не имеется у дроидов срока бытия, ограниченного... Дроиды бессмертны! Как?..

— Очень просто! — воскликнул Дабл-Пирит, сквозь ореол счастья, сквозь зарю Рори, Ауроруа, не узревший противоречий. — Тот, кого любит дроид, бессмертен!

Гай опустил лицо в ладони и покачал головой.

— Радужный вариант, — иронично заметил Густав. — Но возможно и прямо противоположное толкование: дроид, связавшийся с человеком, обречён.

Бест помалкивал, думал так: "Чего же стремится услышать от меня старейший изгнанник, хищник?.. В самом деле что-то новое, или подводит к какому-то левому от вопроса моменту? Признанию. Не оттого ли возник вопрос, что меня называют господствующим над первой расой? Какие горизонты!.. Он желает понять, чего и сколько можно заиметь от дроидов через меня при подобном раскладе... Все так думают, он не исключение. Это нормально, в общем-то... Сколько раз я слышал от изгнанников: прикажи дроидам собрать мне завместо утерянного новый облачный мир!"

— Биг-Буро, — Бест очнулся от задумчивости, — послушай, отчего ты не бываешь в Архи-Саду? Змей, что создал его, заложил его, он величайший грабитель от начала времён!.. Он оставил там огромную сокровищницу, на месте Центрально Рынка. Наверняка в ней есть что-то принадлежавшее тебе. Принадлежащее, то есть...

— Пустяки пустяшные, Бест, — отмахнулся Биг-Буро. — Ты уходишь от темы? Не смею настаивать.

— Не ухожу. Соображаю с какой стороны подступиться!.. В тумане неопределённости через шипы банального. Что тут можно сказать? Неловко высыпать набор общих фраз... Что справедливости не бывало ни в какие времена? И дроиды, конечно, не инструмент её утверждения. Не судьи, не надсмотрщики. И не привратники на парадной двери рая. Они инструмент удовлетворения потребностей. Рациональные, как и любой хороший инструмент. Если они считают для чего-то полезным переставшие быть человеческими и дроидскими тела, например, для создания дроидов первой расы, они их берут и используют. Орбиты, да? Составные части. Им удобней, чтоб сроки в паре были равны... Я не вижу проблемы, заманчивости тоже особой не вижу. Ты, вероятно, как-то лирически смотришь на это, Биг-Буро, а мне попросту безразлично, что сделается после смерти с материей, которой был я. Это буду не я. Справедливость... Чем дольше я изучаю историю, Биг-Буро, — а у меня есть старый друг, с его, Амаранта помощью изучаю, — тем больше утверждаюсь в мысли, что дроиды точечны в воздействиях и тактичны в целом, избыточно на мой взгляд. Что с появлением высших дроидов мир людей не так уж сильно-то и переменился. А мог, вот о чём думаю иногда... Мог бы!.. Пути открыты. Двери распахнуты, но никто не входит в них, не выходит...

Впечатление гуляющего под рядами нитей Вирту светлолицего дроида завораживало. Отсутствие звуков не портило его. Лень открыть рот и спросить: "Хитрый Буро, в соседнем шатре случайно ли тихий, гортанный голос выводит мелодию без слов?.." Бутон-биг-Надир, спасибо. Бутыль опустошалась медленно, разговоры утихли. Бест, распрощавшись, ушёл первым.

Гай снова шептался с Густавом. Пересел к хозяину шатра:

— Остался я без Махараджи, Буро... Могу просить тебя о поручительстве? Нужна отсрочка оплаты в одном экзотическом месте.

Буро кивнул:

— На Оливковом? Вместе ходили... Парень как парень на вид, всем понадобился.

— Одного человека взамен ты мне, тем не менее, должен, — заметил Густав.

— Да помню я, — огрызнулся Гай.

Покачав головой в такт нежным гортанным переливам незримого певца, Буро отметил вслух:

— Ни кого из вас в одиночку на Оливковый не отправишь... А я медленно хожу...

"Маричка вернулся. О, ему безопасно, сдружились они со Псом..." Хан-Марик получил в ждавший его наутилус остатки питья, осушил без церемоний и развлекался теперь лассо. Выигрышем. Петлёй золотой шнур завязал и бросал, ловил горлышко бутыли, попутно зубами разбирая на волнистые золотые нити, лакомство... Буро отвлёк его:

— Хан-Марик, не в службу, а в дружбу, слетай до Морской Собаки. Спроси по теме, не отдаст ли под честное слово? Гостинец захвати, вон там, за ширмой любой кувшинчик.

Марик бросил секундный взгляд на Густава, и тот кивком согласился. Биг-Буро провёл языком по зубам, подавляя зловещее шипенье ача, рта не раскрывая, сглатывая за любезной полуулыбкой плотно сжатых губ. Сдержался. Густав тот редкостный, уникальный человек, терпеть которого Бутон-биг-Надир мог, лишь собрав волю в кулак. "Бездны морские, Марик!.. Зачем тебе позволение Гутки?.. Человек ты или дракон?!"

Неморские чудовища редко отказывали Буро, патрону, покровителю. Отказа он не ждал, но некое предчувствие тяготило. Предчувствие, да не совсем... Понимание. Того, что сам он, приведший охотников с Рутой и поручительствующий теперь, с большой вероятностью делается препятствием. Засветив свой интерес. В противном случае пойманный борец на Оливковом Рынке не выделялся бы в ряду... Не стал козырной картой.

Хан-Марик вернулся, — о дроиды! — с запиской!.. Когда это Пёс Морской подучился грамоте?.. Никогда! Кто-то из рабов написал за него и нарисовал.

— На словах что-нибудь?

Хан-Марик широко зевнул, лязгнув зубами... И рассмеялся! Пожал плечами, типа: передал.

— Понятно...

Разворачивая хрусткий пергамент, предназначенный не для письма, а для упаковки бисерных и жемчужных наборов, готовых украшений, меновых коллекций, полупрозрачный словно промасленный, Буро уже знал, что предчувствие не обмануло его. Внутри твёрдой рукой, уверенно, Пёс рабов не запугивал, не обижал, на весь лист начертано имя... "ОЛИВ". Значок пирамидки отделён резкой чертой, то есть, ловить не надо. Пёс ищет драки. Знает, где искать. Имя Буро от Олива помнит. "Понятно... Чудики, вы же равны для меня..." Буро вздохнул и погрузился в размышления.

Густав поманил Марика и слинял. Клок в противоположную от них сторону. А Дабл-Пирт с Гаем таки-подрались.

Глава 62

Глава 62.

Ничего Буро не надумал, ситуация разрешилась сама собой. Отчасти. Гарольд, король пик отложен на потом. Группа уступила общий шатёр Гаю, карту с лицом Минта он сделал и Рута перешёл наполовину в его владение. Формально, фактически оставаясь, где был.

Олив дал согласие сразу, безмерно удивив Гая. Взял небольшую паузу, заявил:

— Я собирался домой... Чуть позже, если вы не против, охотнички, — усмехнувшись добавил, — но если хотите меня поторопить, что ж, попытайтесь.

Нет, зачем же торопить. Согласились. Тем более что он-то не ставил вовсе условий, цепочку не усложнил. Обговорили обстоятельства. Бой публичный. Близ Оливкового Рынка, арбитром Биг-Буро. Не в смысле условий драки, нет условий, свобода. А в смысле один на один, и через него неморские чудовища про то узнают, что не следует присоединяться ни к одной из сторон. Заодно через него же они и не они, желающие и не желающие, опасающиеся придти лично, сделают ставки. Возможности обогатиться Буро не упускал ни по крупному, ни по мелочам.

Пауза же, взятая Оливом, была хоть и непродолжительной, но важной.

Он успел подружиться с Изумрудом за последние дни. Оба люди практического склада, к практической же стороной дружба их и повернулась. Гуляли в течениях Великого Моря. Изумруд мало показывал, больше учил, бою, скоростям подводным, реагированию на малейшие колебания воды, направления, температуры, внушал важность чуткости подводной. Законам неизбежной тупости самых стремительных, смертельно вооружённых теней.

— Один-един фасад у них! На заду — облако, ни щита, ни шипа! Было б два фасада, был бы уже человек. Выбор был бы. А так, если набрасывает что, скоростью прорывай, и ты там — с открытой спины. Колет, уворачивайся — и ты там же. Ошибся в манёвре, все равно не тормози. Заканчивай, там разберёшься. Не бойся раны, не бойся морской воды. Она грабит, она и лечит. Большинство ядов хранятся у тени внутри, в море тают, в ране тоже, если не сопротивляться солёной морской воде. Помни, не забывай: море это скорость, скорость и скорость. Думать надо заранее... На берегу. А не на бегу!

Лепить, компоновать руками тени из теней учил. Которые сами к ладоням подходят, и вымываются с кожи легко. Селена тоже умела. Защитные, взрывом раскрывающиеся, парализуя всё, не имеющее Огненного Круга. Вкладывала в артефакты. Она пораниться, ни боли, ничего не боялась.

Услышав, с кем предстоит драться, Изумруд присвистнул!.. И посмотрел на Олива, как на помешанного. Как на совершеннейшего придурка.

— А такой есть, — недоверчиво переспросил он, — с людским сознанием?.. И с ним-то ты пособачился, с собакой? Поздравляю... Хочешь как хочешь, а крепче Морских Собак демонов в океане нет и не бывало. Стремительнее. Только привязи и упряжки для них крепче, чем они сами! Но вот что не избудет собака... Склонность атаковать по прямой. Да... Пёс, так и зовётся? Откликается?.. Да... Пёс Морской, сохранивший рассудок не тот, кого стоит иметь врагом. Ты сдурил, Олив.

Белые Драконы кругами носили их у основания Синих Скал. Летели на глубину понырять, потренироваться.

— Не Пёс он, — отвечал Олив, морщась, — а щенок. Я два миллиона лет прожил, столько

ещё проживу.

Соль и Альбатрос, разговором не отвлечённые успели уже наплаваться. Вынырнули последний раз далеко. Соль рукой помахала, и устремились, чего мешать, по направлению к материку. Луч из невидимой в плотно сбитых, кучевых облаках рамы скользил, провожая двух белоснежных драконов. Летели так близко и плавно... Парочка удалялась обнявшись...

— А где Селена? — спросил вдруг Олив, обративший внимание, что ныряют они и в течениях бродят почти всегда без неё.

— Дома, — удивился Изумруд. — А где ей быть?

"У некоторых получается, — отметил Олив с горечью, с горькой, глухой досадой, — причём у Морских Чудовищ, вроде меня. Но не у меня".

— Ты не о том думаешь, — сказал прямолинейный Изумруд, наделённый интуицией Биг-Буро, но не его душевной чуткостью. — Знаешь, в чём я удостоверился за годы и годы? Не за твои два миллиона лет, а, скажем так, поболе... Не всегда побеждает тот, кто адски хочет победить, и правда хочет, стремится выжить или жаждет победы. Не всегда. Но твёрдо могу сказать... Каков бы ни был, с каким бы оружием и форой, и прочим, ни вступал в бой, всегда проиграет тот, кто с самого начала идёт, чтобы подставиться. Хочет подставиться. Кто сам себе в тягость. И ничто ему не поможет. Ни сила, ни скорость, ни ошибки противника. В драке он против себя. Короче, Олив... Говорят, что на Южном дерутся для развлечения зрителей. Борцы берут учеников... Так страхуют... Так выигрывают ставки... Я бы тебя не взял. И на тебя не поставил.

Ну, чего?.. На Изумруда обижаться глупо. Всё правильно сказал.

Вернуть проштрафившихся борцов на арену услуга ничтожная с точки зрения Гая. А ему от Руты нужна — огромная! Больше чем услуга! Ступор, полнейший...

Нелюдимый Гай теперь осаждал Густава с единственным вопросом:

— Каким образом?.. Как? Можно как заставить человека сделать, что надо мне в его Собственном Мире? Принудить, обмануть, Густав, как?!

— Он одинок? — сходу спросил Густав.

— Вроде, да.

— Никак. Снаружи должно оставаться нечто драгоценное, лежать у тебя в руке. Коллекционер?

— Вроде, нет.

— Вроде не считается. Ты справок что ли не наводил?

— У кого?

— Да у Дабл-Ня хоть!.. У Клока. Ты меня спрашиваешь? Чёрный хохолок говорил без продыху об одном себе, второго, твоего Руту он привёл, я не заботился.

— Ня всё я изложено... Что возвращаю их, не держу зла. Густав, ну, что с ними говорить?! Экстраординарная услуга мне требуется, экстра! Что я должен выспросить, какие Впечатления пьёт, на каком рынке полгода назад станцевал, где споткнулся, где бусы выиграл?!

— Маленькие привычки выстреливают нежданно, зря ты так... Ах, экстра услуга, Гай?.. Ну, тогда применяй и экстра методы! Превратись в дроида, уничтожь рамы, научись вселяться в чужую голову... Мирись, наконец! Гай, помирись с ним. Приглядись, прислушайся, наобещай с три короба. Попроси о чём-то, что сделать ему совсем легко... Для начала.

Драконы носили их низко над морем, дроид Густава всё порывался свернуть к материку, подчиняясь невысказанному его желанию. Гай покачал головой:

— Я не умелец в подобном... Да будь я охотник-комодо, пойми, слова не всемогущи. Он —

видел! Там, на Рулетки он видел, что я и кто я такой!

Густав в очередной раз отклонил руками белую драконью морду от побережья, потянул на себя. С видимым удовольствием дракон взмыл широким и неспешным сальто назад, не потеряв, однако, всадника. Несколько раз, ускоряясь, он промчал мимо Гая, делая бочку над головой у него, и Густав успевал выкрикнуть:

— Всемогущи, Гай! Всемогущи!.. Поверь!

Вернулся, затормозил рядом и сказал:

— Ты напомнил мне давний, академический интерес... Одного человечка. Я долго не продавал его, нравилось слушать... К тому же я хотел переспорить, а после — на пирамидку. Не сложилось, он переспорил. Не, продать сложилось!.. Слова всемогущи, Гай, потому что они посередине. Они есть. Кроме них ничего и нету. Я докажу. Смотри. Мысли не предъявишь, они нематериальны, они не существуют. Не предъявишь другим. Вещи, артефакты настолько материальны, что не существуют, да-да, на них не укажешь без слова, без жеста, а жест тоже слово. Можешь ты, Гай, продать механику, не объяснив для чего она? То-то... Вне слов артефакты — пятна и звуки. Зачем они — это их имена. Речь священна, речь — единственная реальность. Статуя Речь... На правой ладони — мысли, на левой — Морская Звезда. А лучше, Гай, лучше, надёжнее... Могущественней слов только дохлые слова — молчание, оно царь среди них... Удавка. Ты умеешь сделать медную отододи?

Гай проигнорировал последний вопрос:

— Вот же, черти придонные!.. — он потёр лоб, отбрасывая мешающую белую чёлку, отросла. — Если б не последняя фраза, я ровно Беста слышу! Помнишь изгнанника в шатре у Буро, ну, совершенно его подход!

— А сколькими, сколькими невесомыми, как пушинка, пустыми словами, — Густав докончил мысль, мечтательно глядя в небо, — можно подвинуть, опрокинуть и разбить вдребезги... И присвоить, и переоценить массу вполне, более чем материальных вещей!... Так о чём мы? О вашей на Рулетки драке? Гай... Вот ты много знаешь, куда против наших хищников, и ледяные цвета, и горячие, и всякую механику. А того не способен понять, что не важно, кто чего видел. Важно, что он подумал! Тогда, после, теперь. Что он думает по этому поводу. Разве не в твоей власти? Думает он, объясняя свои чувства. Не в твоей власти, всё ещё не в твоей?.. Ну, что он такого увидел? Тебя — в грязной, недроидской драке? Тебя — демоном неморским?! Да и прекрасно! Заставь его проникнутся к этому демону, Гай! Утешить его, бедненького демона... Перевести с правого на левое крыло... Раз уж вы с драки начали, ею продолжили, ею и поверни, куда тебе надо.

"Так я не могу, не умею, — думал Гай, — пустое. Гутка, спору нет, хорош в своей области. Сколько бы ни болтал, секретов его никто не отнимет... Рассуждает-то он гладко, но дело-то не в этом. Слова всемогущи... Вот, я чувствую, что не в этом, а выразить не могу. Чужая стихия. Тёмные воды".

— Густав, а ты можешь сделать это за меня?

— Извини, это дорого. А теперь, с исчезновением Махараджи, ты не кажешься серьёзным заказчиком. Рассчитайся сначала, должок не забыл за собой? Где мой Гарольд? Впечатление предоставлю!

Глава 63

Глава 63.

Случались и у Симурга неудачные охоты.

Впустую потрачены бывали наконечники, ранившие не тех и не тогда, вблизи Собственных Миров, над Великим Морем, пожиравшим утративших волю к сопротивлению без его участия. Доводилось ему стрелять и сражаться затем с противниками из Круга-Безземельных, то есть, не ступающих на землю, враждующего и мирящегося высоко, отдельно в своём лишь кругу. Из числа их противники настолько превосходящие в силе, что ни игрок, ни борец, ни охотник в здравом уме не пошёл бы на такое. Да, по ним видно. По грубым, условно разрисованным маскам, по вооружению, носимому, пригнанному к телу и доспехам так, что с первого взгляда очевидно, это не вчера приобретено и не для красоты. С ними не вели дел, они и не навязывались, с ними не соревновались и не играли. Сматывались, завидев среди облаков. Но и Симург-ача взмывал с континента не дела вести, не играть и не соревноваться...

Выдаваемая так редко Биг-Буро, всегда в единственном экземпляре, половина ядовитой тени, превосходила в его глазах ценностью всё на свете. А не спешить, уж совсем по-хорошему не спешить, он не мог. Как ни пытался мыслить на перспективу, но за доли секунды оценив расстояние, признав достаточным для рогатки или лука, Симург обнаруживал себя уже натягивающим тетиву... И попавший в цель ядовитый наконечник становился тем, про что говорят "свет клином сошёлся". Кроме жертвы Симург не видел уже ничего... Случались неудачи, но поперву! Очень давно. Громадный, в маске, хищник сбежал... С тех пор, кажется, осечек не было.

Беда пришла, откуда не ждали. Не от осечки, от точного попадания.

Этот парень сразу не понравился ему. Курсировавший на оживлённом промежутке, связавшем Рулетки и облачный Рынок Гамм. Он явно охотился тоже... Почти. На самом деле, он торговал оливками в специфических связных Впечатлениях, поджидая кое-кого. Так что, Симург выступил в данном случае сюрхантером, охотником на охотников. Каковых нанимала и Мадлен против Густава, оптимистка, конечно же, но не такая уж наивная. Сведений она им не давала, не в том промежуточная цель... Так что её сюрхантеры не знали против кого идут...

На некрупном, маневренном Белом Драконе, чешуя которого отразила, разбивая радугой луч из далёкой рамы, всадник притормозил и завис. Ближе к этой раме, чем к Рулетки. Симург засомневался, не там ли его Собственный Мир? Близко... Ускользнёт, кусай локти. Нет, не похоже. Присматривается, уходит от групп, ищет одинокого или отставшего путника. Охотник, факт. Хищник. Значит, на сей раз без Чёрных Драконов... Такого нетрудно подпустить поближе. Симург удачно оставил лук в тайнике, предпочтя рогатку. Стрелял не целясь, почти в упор. Недолгая схватка. Погоня. Симург отрезал его от высокого неба, прижимая к континенту.

Довольно быстро лихорадочный блеск глаз перешёл в изумление, обратился внутрь себя, к начавшему действовать яду... Симург поймал его, падающего над Туманным Морем дроидов в беспамятстве. Отчего-то парень настолько глубоко и сразу ушёл во внутреннее созерцание, что не случилось ни переговоров, ни расспросов и лжи. Внешний мир и Симург, как часть его, бесповоротно перестали раненого интересовать. Оставив поволоку на глазах и нервное подёргивание лица. Что смотрел, во что проваливался, было как бы и неприятно, и дико дорого ему... Симург не вникал, готово.

Ночь. Пыльная, рыночная. Сырая, туманная. Дневные обитатели Южного не знакомы с ним, с этим запахом отсыревшей пыли, старым и чуть-чуть морским... Он выветрится к утру. Неподходящий сам себе: пыль и туман. Противоречивый, как два Впечатления в основе тени...

Чуть-чуть тревожный и беспробудно печальный. Хотя надо бы наоборот, грустить не о чем, а опасаться стоит!.. Буро и Симургу этот тон безлюдных, темных рядов был в высшей степени знаком.

Ночь... В шатре Бутон-биг-Надира глубокий, безмолвный мрак ночной едва-едва разбавлен голубоватым свечением трёх пирамидок. И уходящими, быстрыми огоньками всё ещё обрисовывающими силуэт тела распростёртого между них. Ещё различимы черты лица. Как две рыбки, веки закрытых глаз. Померкли губы, утратили цвет. А в разрезе рта, явно ли, мнимо ли, мерещилась Симургу злая усмешка. Не проклятия побеждённого, а торжество победителя. Померкло и оно, всё проходит.

Биг-Буро молча, откинувшись на своём кресле-троне, оперев дуги тяжёлой короны на спинку, покачивал в руке бокал ача. Рог, наполненный ненужной, до магмы, до испарения жаркой, ни на что не годной водой. Отвратительной на вкус. Водой запретных Впечатлений. Он постукивал мельхиоровым рогом о подлокотник и молчал.

Симург тоже молчал, сжимая свой бокал, гладкий, пустой. Выпил.

Дождавшись пока белый дроид на чёрном троне изъял из темноты шатра последнее — неподвижный Огненный Круг, Буро потянулся, выпрямился. Суеверный, неизменно уважительный к смерти, по исчезновении дроида он усмехнулся, выплеснул воду куда-то назад, за плечо, усмехнулся громче. И утробно, и заразительно до слёз рассмеялся! Не мог остановиться. На Симурга глядя, сдерживался из последних сил. Из какой-то, явно недешёвой, бутылки, какая под руку попалась, плеснул в рог, ополоснуть. Перевязью их же, бутылочной для переноски, шёлковой перевязью вытер. Тщательно... Не переставая смеяться.

От разочарования, жажды, гнева мускулы Симурга перекатывались так, что латы стали тесны ему. Вдохнуть мешают.

— Над чем ты смеёшься, Биг-Буро? — поговорил он, сделав усилие, холодно.

— Не повезло, Симург, не повезло!.. Гадость, правда? Зачем пил, почему не вылил?.. Ах, Симург, чудо моё, крылья моих охот, стрела небесная!.. Не над тобой смеюсь. Ну, надо же... Так — промахнуться! Над чем, Симург, я смеялся? Такого казуса в жизни не случалось со мной... Ты... Ты!.. Пять минут тому назад Восходящий!.. Привёл — ко мне!.. Древней твари морской!.. Коллекционера запретных Впечатлений, любителя их... Нет, ну надо же!.. Знаешь, сколько мне лет, Симург? Не буду и говорить сколько!.. Но даже в те, бесконечно отдалённые времена, когда я утешался каждодневно и единственно тем же, чем ты сейчас... Ни разу... Ни разу, Симург!.. Я не напоролся на такого вот коллекционера!.. О, бездны морские, тьма, Великого Моря тьма! На, возьми... — Буро протянул готовый заранее наконечник, залитый воском. — Для следующей, удачной, охоты! Не уходи. Сделаю исключение. У меня есть заначка...

Заначка... Скромненько так! У Буро ходило по Южному много таких заначек. На ближайшее будущее, и легко раненых, впрок. Отравленных поднесённой, незаметной оливкой. Тех, для кого распадение половины тени не превратится в неприятность большую, чем лёгкий дискомфорт. На протяжении дня, со временем, в течение сезона или на раме Собственного Мира. И тех, что придут по первому зову. Потому что им нечего терять. Миры позабыты. Яд приукрашивающий Впечатления, захватил целиком. Среди кого много сотрапезников и далеко не все из них враги...

На рынках облачных, непостоянных, на устоявшихся рынках Морской Звезды гуляет мало

чистых хозяев, много хищников. Есть среди них хищники юные, которые ищут, присматривают себе друзей, соперников, игроков, союзников, развлечения и коллекции. А есть старые хищники, переболевшие тем и другим, пятым и десятым, которые присматривают себе смерть... Повеселей. Полегче. И понадёжнее... Если чем и больные, то одиночеством. Отлучением от дроидов. Одиночеством замкнутой, вязкой пустоты. Всё липнет, но ничего не схватишь. Одиночеством большим, чем можно вообразить. С одной стороны. С другой — хитрые коктейли Буро, освежающие воспоминания тысячелетней древности, Впечатления, выпитые тогда, а вместе с ними… Манок дроида, звук его голоса... Годы, когда он ещё рядом, жизнь широка и правильна, как русло большой реки... Ложишься на неё и плывёшь... И куда бы не вынесла, всё хорошо, всё правильно... Тени распадаются, пронизывают, и несут не к устью, а к истоку воспоминаний. Где азарт Восходящего равен неколебимой самоуверенности его, а жадность — вровень надеждам. Яд к истоку несёт... Так кажется. На самом деле — к устью...

Тем не менее, коктейли, само общество невозмутимого, всё понимающего Буро отдаляли, заслоняли на время горькую пустыню, горькие холмы тысячелетнего хищнического одиночества.

Биг-Буро не лгал им, но и правды не говорил. Он угощал со словами: "Сочтёмся, дружок..." Упоминал: "Однажды придёшь заплатить... Когда-то..." Из пробовавших первый коктейль начинали искать, набиваться, напрашиваться на следующие практически все. Даже посещение Собственного Мира хищником, проживавшим постоянно в защищённом шатре, не меняло суть дела. Привычки, тенденции оставались. Они возвращали к Буро.

Такая связь могла длиться годами, десятилетиями, переходя в искреннюю дружбу. И тут Буро бывал честен. Он предлагал на выбор: настоящее противоядие плюс исчезновение с континента, без торга, по дружбе, или... Он ничем не рисковал. Всего два человека на Центральном ещё рынке выбрали освобождение. Потрясение их, очистившихся от морока, было так велико, что и без упреждающей угрозы к прошлой жизни они бы не вернулись. Буро не знал, но предполагал, судьба их впоследствии сложилась счастливо. Подавляющее большинство отравленных, намеренных идти до конца, попросту не вникало в суть дела. Они были, мягко говоря, необщительны и не имели возможности выдать что-либо кому-либо... Зачем и что?.. Возносило их каждым глотком: прошлое, бывшее, не бывшее, выпитое, доведённое мечтами до совершенства... Из глубины в глубину всё возрастающего забвения... Симург и представить не мог такого.

Бутон-биг-Надир вернулся с человеком явно не от мира сего. Привёл, закрывая рукой его глаза. Недроидскую охоту не заподозришь, так не охотятся. Человек шёл сам, Буро лишь направлял. И тихонько что-то рассказывал. "...чем больше влечёт наружу, тем меньше сока внутри... Всю жизнь так. Но сейчас особенно важно. До мелочей, до секунд. Секунда либо жаждет, либо поит... Выбирай". — "Я, Надир, — отвечал приведённый ровным, тихим голосом, — давным-давно выбрал..." — "Позволь повторить: середина не даст тебе выбора. Даже если я дам, она уже нет". — "Надир, забери кон с подставки... Пока шакалы не налетели. И избавь меня от твоего занудства..."

Нечто особенное есть в лицах полностью обращённых в себя внутренним взглядом. Белая, русаличья рука Буро покинула веки, оставшиеся закрытыми. Синие, голубые. У раненых подобными ядами одинаковые. Но в остальном, лиц подобных выражением этому, который не торопясь пил последний в жизни бокал, мельхиоровый, рогом изогнутый, да, его самый, бокал-ача, Симург прежде не видел. Он почувствовал зависть. Если паника заразительна, и ничего нет отвратительнее, чем паникёр, то и глубокий покой заразителен тоже. Передаётся.

Буро был грустен. Когда, немного подождав, желая поторопить неизбежное, он отправил по льдистому шипу в каждую ладонь приведённого... Неподвижного, точно статуя, изваяние

астронома наблюдавшего космос внутри... Симург вздрогнул. Удивлённо. Знал такое оружие. Шипы вроде тех, что у Шершня. Для демонов морских общее оружие, против друг друга годящееся, необратимые и адски болезненные тени. Если в облике или шлейфе скользящего по волнам Морского Чудовища заметно что-то подобное, ежовая, дикообразья шкура, колчан для них, вытянутый с крышкой и замком, — прочь без оглядки!.. Дракона в зенит, и прочь!

— Что, — заметил Буро, — сочувствие проснулось? Неужели?.. Не беспокойся за него. В таком состоянии ничего не ощущаешь.

Голубизна век распростёртого под светом трёх пирамидок переходила в густую синеву, а черты ни на йоту не потеряли глубокого спокойствия. Огненный Круг медленный, приведённый Буро немолод, сделался видим. Огоньки вначале нет. Затем вспыхнули разом, разбегаясь от центра груди сложными и всё более хаотичными траекториями. Некоторые из них бежали и обратно, но скоро перестали. Хозяин шатра закруглённым остриём мельхиорового рога пробил плоть в скоплении огоньков, наклонил против вращения Огненного Круга и наполнил влагой. Симург вдохнул неуловимо переменившийся воздух, наклонился так, зверем к умирающему нагнулся и был одёрнут:

— Ача! — с упрёком сказал Буро. — Учишь тебя, учишь...

Наполнил рог для него.

Симург пригубил... Небо и море!.. Даже без ослепительного контраста с горько-кислыми, запретными Впечатлениями, отторгавшими того, кто смотрит их, мерзкими, тревожными, даже не по контрасту, это... Высокое небо и бездны морские!.. Это собиралось и длилось годами!.. Не как его охоты, а десятилетиями проходило возгонку, от жара до успокоения и снова до жара, на ступень выше, на много-много головокружительных степеней... Годами, десятилетиями... Вместе с Буро, сотрапезники и друзья, они сортировали и наслаждались коллекциями связных Впечатлений, обсуждали их, вместе запивали коктейлями... Несколько капель перепадало Симургу для наконечника стрелы... А там — бокалы, до краёв полные чаши... Выпитое прежде, повторённое ими, желанное, изысканное Впечатление, вереницы, гирлянды коллекционных, подогнанных одно к одному Впечатлений, не покидали магмы Огненного Круга годами!.. Десятилетиями!.. Вбирая новое, переплавляя старое, до корня Впечатления, но не до тени, так жарки, связны, непротиворечивы они...

Симург, пригубив, отпил... Голова закружилась. Серьёзно. Поплыла... Он дрожал как новичок злых игр полночных, впервые спешившийся в тумане... Он как-будто нырнул под Синие Скалы, под горячий водопад... С головы до ног... И дрожь обратно — с ног до головы... Насквозь... И само Впечатление, в маленьком глотке доставшееся ему... Там двое пели вайолет. Взявшись за руки. Двое... Одетых сиянием своего блаженства. На Белом Драконе, на широкой спине. Внизу бились, сталкиваясь, видно отмель, пенные валы Великого Моря. И Симург, дрожащий, словно голый, в уме своём без доспехов, голыми глазами смотрел на них. Как за людьми смотрит, издыхая, Чудовище Моря. От великой тоски, от великой горечи выбросившееся на отмель из глубины...

А после, оглушённый, ошпаренный вкусом и зрелищем чужого счастья, Симург взвился. Раздавил бокал-ача в руке. И кричал в лицо Биг-Буро всё то, что обыкновенно кричат уставшие от деспотии своей жажды в узком русле чужой воли, от зависимости, от рыболовного крючка в горле... "Я не игрушка тебе!.. Думаешь, ты самый умный, думаешь, самый важный тут?! Я не слуга тебе!.. Я ненавижу тебя!.. Ача! Грязный ача!.. Я ненавижу тебя, Буро!.." И так далее, и тому подобное...

Биг-Буро не рассчитал. Он хотел удивить, но не настолько же. Хотел привлечь внимание к некоторым скрытым аспектам. Посмаковать, обсудить... К аспектам, выводящим на свободу, в конце концов! Потому что старый хищник, старый изгнанник понимал: накопленное внутри

подобие Собственного Мира, всегда брезжащее, никогда не воплотимое, это — не Собственный Мир. Оно не имеет будущего. Лишённое главных признаков реальности — нельзя в нём рисковать и творить, пригласить гостя в него невозможно. Потому и для самого Буро тайная, тёмная жизнь ача было только дополнением, гранью жизни рыночной — одинокой, невзрачной, часто нескладной. Зато — настоящей. И Симург был дорог ему, не как Хан-Марик, по-другому, но не меньше. Если б наступил день, в который Симург презрительно бросил через плечо, уходя: "Я больше не слуга тебе, и не ача..." В такой день Буро бы просто летал. Отметил бы чистым, прощальным глотком, сердечно радуясь за него.

Иначе сложилось. Наклонив голову в тяжёлой короне, он наблюдал не угасавшую вспышку гнева. Пока Симург не швырнул остатки бокала, не развернулся круто, и не бросил его, канув за пологом во мрак.

Глава 64

Глава 64.

Восток континента тёмен. Далеко до рассвета. Над побережьем, над Туманным Морем дроидов собираются, струйками поднимаясь, синие огоньки Доминго. Ливнем, звездопадом рушатся в разноцветные, недолго остававшиеся покинутыми, рыже-жёлтые, зелено-жёлтые, красно-огненно-жёлтые, беспокойные без них. Проливаются на Симурга, на горячий лоб, на стальные латы, наплечники. Сбегают по полированным нагрудным пластинам. Сквозь металл, кажется, что приносят облегчение прохлады.

Он наблюдал уже такое явление. Когда-то очень давно. На расстоянии. Синеглазая девушка указала ему, смотри, чудо!.. Тогда точно чудо, в синих глазах — синие огоньки Доминго, овал лица светлого, эфемерного, полу размытого в ночи, в тумане. И тогда он предпочёл бы смотреть на неё, а не на них, но зрелище понравилось ему. Теперь нет. Теперь ему ничего не нравилось.

Симург резко хлопнул Белого Дракона по шее, разворачивая на континент, в долины. Поднялся ветерок, пахнуло горькой солью, вкус слёз. Когда горевал, о чём последний раз? Не помнил. Зато вспомнил где — в Собственном Мире. А дальше нарочно уже не захотел вспоминать. Выбросить бы голову в море, оторвать и вышвырнуть, жить без головы. За рамой, возле рамы сидел в Собственном Мире... Стоп, не вспоминать. Сейчас у него их два, заброшенных, непосещаемых. Настоящий, первый. И второй, присвоенный им. Опустошённый ача облачный рынок. Два нежилых мира.

Ветер толкался, выбрал направление и подул сильней. Переменился... А донеси он ещё раз с Горьких Холмов солёный порыв, горький, как слово правды, быть может, Симург и поддался бы ностальгии. Прошептал бы дракону: "Домой..." И назвал по имени, — не все так делают, дают названия мирам, — настоящий свой Собственный Мир... Или, горечью захлебнувшись, не раскрывая рта, молча направил дракона вверх, Симург так долго охотился в небе, что интуитивно умел находить иные миры, и свой нашёл бы, при утреннем свете. Но ветер переменился.

Какой-то странный, томительный мускус от сухих, диких трав, сопревших в низине, многократно отсыревая ночной влагой, прогреваясь дневным теплом. Или туча пролилась когда-то над материком, застоялась вода её?.. Странно... Редко случается. Интересно, какая она на вкус, вода с земли, из тёмной лужи, где корень Впечатления задержался среди корней травы?.. Если не смущался пить от Огненного Круга, что стоит выпить из лужи, ача...

Симург снизился. Здесь ветра не было совсем. Животная затхлость, сладковатое брожение. Немногочисленные и яркие светятся огоньки дроидов. Сталкиваются, пропадают. Из трещин в земле то там, то тут змейками исходит пар, грибом раскрывается и опадает... Не забредал сюда, континент не его стихия. Стихия зарокотала... Инфразвук начался столь тихо… С невнятной тревоги начался, лишь позже стал слышим. Что это?.. Камнепад под землёй? В пустотах земных?.. Гудит, не прекращается... Ритмично катятся осколки, валуны пляшут по уступам? Разбиваясь, продолжая скакать в пропасть, в бездну?..

К абрису белёсой драконьей горы прислонясь спиной, во мраке, в тумане стоял юноша. Необычайно высокий. Как выяснилось. Издали было не оценить. Он встряхивал бубен, поднимал, перебирая быстрыми пальцами от края к центру, легко. И ударял в середину. И

повторял и вслушивался. Долина вторила ему. Черноволосый, как атласным плащом укрытый гладкой чернотой волос. Наверное, и одежда черна, не разглядеть. Лишь бледное лицо, и от шеи вниз белеет треугольник открытого тела...

Рефлекторно, не задумавшись и на миг, Симург уже доставал рогатку, и другой наконечник стрелы. Привычно, точно положил внутренним углом на струну, ею заменил рвущуюся под его рукой, недостаточно крепкую резину. Несколько взмахов драконьих крыльев вынесли его вперёд. Симург выбросил руку вперёд, одновременно натягивая струну, секунды не потратив на прицел, выстрелил.

И тут, когда летела уже стрела без древка, когда ни тот, ни другой уже не свернули бы со стези, на которую их забросила судьба, в прелую затхлость долины неожиданно повеяло во второй раз свежей горечью, солью с Горьких Холмов...

Опыт, уверенность. Симург и в окружающем мраке был уверен, что попадает, не промазал. И надёжно попадает — в плечо... О?..

Юноша взмахнул руками, крыльями в стороны разлетелись широкие рукава, круг бубна луной замер на отлёте. Юноша раскрылся за миг выстрела и... — сместился на ладонь, чуть-чуть вправо... Так чтобы псевдо металл наконечника, распадаясь от удара попал точно под горло. О, дроиды... Что за?..

Вообще-то рогатка Симурга имеет некоторую силу. Удар её человека отбрасывает и оглушает, сбивает с ног. Особенно с близкого расстояния. На что и рассчитана... Но помимо странного, короткого манёвра юноша даже не дрогнул. Он подбросил бубен, и его звонкая луна исчезла, как растворилась в тумане, или была поймана там.

Черноволосый юноша двинулся к Симургу... Дроиды... Шёл, приближался, и дракон в профиль, хребет горы, обрисованный за плечами, как приклеенный двигался вместе с ним... Дроиды светлые!.. Медленно... Симург увидел, что тонкую прядь волос он наматывает на запястье, и что-то сжимает в руке. Ему стало страшно. Внезапно и очень сильно... Он как проснулся. Всё происходящее настолько походило на дурной сон, который разгадать, осмыслить невозможно… И очнулся внутри кошмара. От всей предыдущей жизни ача, сплошного морока, лихорадки сливавшихся в одну погоню непрерывных, неразличимых охот, прерываемых редкими вспышками острого, ненавистного наслаждения... Охот никогда не на равных. Наслаждения никогда не утоляющего жажды. И теперь — вот это...

Дзонг не спешил, куда? Половина охотничьей тени Буро обо многом сказала ему, заинтересовала, сделал её мастер... И этот мастер явно не перед ним. Охотник в хрупкой блестящей скорлупе — не он.

Симург осознал, что стоит на ногах, на спутанной сухой траве, дракон его растаял, когда, как?.. Морок, сплошной морок... Он пятился, отступал, шуршала, путалась трава под ногами. Он должен запрокинуть голову, позвать дроида немедленно, тотчас... Но страшно, отвести взгляд, открыться страшно... И не только... Бубна нет в руках у чудовища, а земля продолжает рокотать, вибрирует очень низким, человеческим голосом, словами, неразборчивыми, повелительными... Не потому ли сошёл с дроида, не она ли позвала его?..

— Юноша, — произнёс Дзонг глубоким, гулким выдохом, раскатившимся по долине. — Ооуу, кто?.. — шелестели, набегали, прибоем шипели слова. — Ядовитую тень... Кто дал тебе, ловец?.. — слова гулкими валунами раскатывались. — Для кого ты охотишься прежде рассвета?..

Несколько слов... Но они всё катились, всё гремели, ударив, как волна в каменистый берег, отбегали теперь шипением через булыжники и гальку. Голос Дзонгу редко требовалось смирять, охватывающий, гулкий, шипящий, нечеловеческий.

Напрасно попытался Симург выудить из панического хаоса что-то в ответ древнему

Чудовищу Моря. Метались рваные обрывки мыслей, не ухватить, не вычленить. Пока стоял, оцепенев, Дзонг снова широко развёл руки, вскинул над головой, расколов небо и долину оглушительным грохотом!

— Отведи меня!.. — потребовал он.

Легко перекрыв грохот, повторил: «Отведи!..» Шипением прибоя, угрожающим, клокочущим в зобу криком гигантской хищной птицы. «Отведи меня!.. — рычала долина, повторяя с неба, из-под земли, — Отведи-иди-иди-иди!.. Меня-а-а-а!..»

Симург прикусил губы. "Буро? Нет. Нет…" Возможность невозможного предательства вытолкнула его из шока. Буро… Сколько лет были знакомы?.. А сколько отпущено из них секунд, осознать, оценить?.. Правоту, терпение. "Нет, Буро... Нет". Краткий проблеск благородства в непроглядной душе ача. Напрасный. Бесплодный. Но он был.

Хрипло и коротко, запрокинувшись в гремящее, тёмное небо, Симург выкрикнул призыв, подпрыгнув, схватился за гриву Белого Дракона. Без лишних слов дроид взвился в зенит.

Дзонг указательным пальцем обвёл Огненный Круг, затем коснулся им же руки, державшей нечто, обмотанной прядью волос... И бросил, щелчком отправил стеклянный шарик вдогонку беглецу. Как нож масло, прошёл он стальные доспехи, взорвался холодом... И Симург узнал, каково это, быть с другой стороны на охоте ача.

Даже в такой момент. Полудроиды любознательны, готовы к новым играм, открытиям, от самых невинных до смертельно опасных, к новизне любопытны всегда.

Рассекая тьму между ночных облаков, лавируя, положившись на дроида, в свисте драконьих крыльев, Симург поймал себя на том, что с интересом прислушивается к холоду отравы… К необыденному, против воли идущему пробуждению памяти. Странной окрашенности её. В плоские, перенасыщенные цвета без полутонов, всё так одинаково ярко, что не цепляет... Ан, нет. Лишь до поры, пока холод ядовитой тени не упился влагой тела и не распустился хризантемой, ежесекундно умножающей лучи... Адские, райские... — всё вперемешку, Впечатления и прежние, далёкие дни... Зовут, зовут, манят... Как в них не возвращаться, не глядеть?.. Там что-то важное! Очень важное, тогда пропустил, но теперь нагонит!.. Но как же, как нырнуть?.. Ядовитая хризантема раскрывалась, набирала мощь. До кончиков пальцев расходились её лучи, адские, райские, распространяя яд, холод, вбирая в себя тепло жизни...

Что ранен ответной стрелой охотившегося ача Симург понял сразу. Он не потерял ни зрения, ни слуха, ни голоса, ни свободы движений. Вывод напрашивался однозначный. Характерное различие: обычные, морские тени-яды предназначены для охоты — на — человека. Оружие ача цель имеет — в — нём. Для этих ядов, приготовляемых мастерами, носитель, человек неприкосновенен. Он плавильный котёл, он золотое блюдо, и не должен быть потревожен.

Дзонг лепил охотничью половину тени немного иначе, нежели Биг-Буро. Стрела Буро, достигнув цели, заставляла восходить по ступеням памяти. Выпитые в течении жизни Впечатления и эпизоды происходившего представали перед мысленным взором последовательно и равновесно. Манили. Заставляли подниматься по ним, взбегать с нарастающей жаждой к следующему. Узреть нечто ослепительно прекрасное, решительно наиважнейшее там, за следующим поворотом. А там уже сам Биг-Буро... И рог мельхиоровый, до краёв полный, финальная половина ядовитой тени в руке. Та, что и не половина, — середина пришлась на неё, не дающая возврата. И большего не откроется за поворотом... Финальное связное Впечатление, чудное, да, конечно. В бокале ача, поднесённое рукой ача...

Ловчий яд Дзонга быстрый, пробуждает память разом. Не последовательная лестница, а непрерывный хоровод.

Подобный изредка захватывает Мелоди рынок, хоровод в хороводе. Круги то внутрь обращённые, то наружу, то друг к другу спиной. А когда — лицом, то два хоровода перепутываются и начинают течь огибая танцор танцора справа-слева... Бывший внутренний круг против солнца, внешний по солнцу, пока каждый каждого не минует, не обнимет мимоходом, не улыбнётся каждому, тогда меняются местами. Способ знакомства, нечастый танец, тем более странно, что простой и любимый людьми...

Вереницы воспоминаний представали жертвам Дзонга. Неотчётливые вначале. Неукротимые в конце, скором, очень скором. Полыхнувшие жаждой разглядеть, уловить! Невозможно! А нужно!.. Раненый жаждет остановить буйный хоровод, одно Впечатление, любое схватить за руку. Маски сорвать с танцоров... Заново их узнать!.. Но невозможно, не получается, только лихорадка растёт. Жертва ача, ты же видел их! Сам пил и сам совершал!.. Мучительно неуловимые, мучительно важные. Они не дают течь времени и дыханию. Они проступают сквозь время, а ты, задыхаясь, падаешь им навстречу. Падаешь в водоворот… Вот-вот вспомнится что-то главное, что-то самое важное!.. Ты ранен, отравлен, ты просто отравлен... Ты погиб, Симург.

Дракон, телохранитель рассёк бы походя... Охота Дзонга бесхитростна. Не сжимая, держит прядь своих удивительных волос, ею континент тысячу раз обвить можно... Чёрная прядь, волос за волосом разматывается с его руки… Дроиду ерундовая задача. Человек, и заметив, что на крючке, не порвал бы, не перерезал. Искрой можно прожечь, но это ещё догадаться надо, а главное — заметить...

Симург не видел. Он помнил одно, с ядом — это гонка на скорость. Рама Собственного Мира единственное спасение для него. Слоями, подсвеченные сверху огоньками дроидов, приметой высокого неба расступались облачные миры. Рынок неизменной формы, плоский, продолговатый мелькнул под драконьим крылом... С опустошённым, присвоенным миром Симурга всегда он был связан в розе ветров... Исходя из того, Симург рассудил — второй мир ближе. И направил дракона к нему. Логично? Фатально логично...

Он плохо уже различал, где летит, где верх, где низ... Внутрь обращённый взгляд метался по хороводу отрывочных сценок, мелодий, звуков, лиц... Не случайно способ и орудие охоты придумали демоны морские. Действие яда на последних стадиях напоминало действие морской воды, отрывочные Впечатления, короткие до полного сходства со Свободными Впечатлениями, кусачей, всерастворяющей стихией Великого Моря. И веки Симурга были уже густо-синими, ультрамариново-синими, полуприкрытыми, как задёрнутые плотные шторы на окнах дома, в котором не ждут гостей. Шторы и узкая между них щель, только пересечь раму, только разглядеть её!..

Дзонг завершал охоту, ориентируясь на натяжение нити, на соскальзывание с руки. Когда беглец завидит свою раму, на долю мгновения, но замирает, откидывается назад, как делают, любуясь, удивившись. И сразу ускоряется. Не ошибёшься.

Симург долетел. Он увидел раму... Ту, оставшуюся для него рыночной! Рамой облачного рынка, на котором пал до рокового пристрастия!.. Раму, которая ни о чём, кроме одиночества и тоски, не говорила ему... А не ту, так и оставшуюся покинутой неподалёку, в светлый прямоугольник которой манок дроида когда-то сопровождал его... Не ту, на которой памятен каждый завиток. И проходя в которую, в опустевший, молчащий мир, хищник всё-таки немножечко, в глубине души — Восходящий. Прежний, чистый, Восходящий, хозяин... Пускай

не в мире, но в сердце, такт, два, чуточку повторяется дроидский напев...

Прищурившись синевой век, Симург различил знакомый, ромбический вход, рамы стальной, как его доспехи его, гладкой без украшений. И устремился туда, уже разворачивая дракона, чтобы боком спрыгнуть... А далеко внизу, овеваемый горьким предутренним ветром, Дзонг-Ача перехватил крепче и дёрнул на себя чёрную нить.

И хищник тоже, не обязательно чистый хозяин, кто угодно, утекая под кров Собственного Мира, видя его, долетая, сорвался бы, прыгнул и сорвался с крючка. Вот же он — его Собственный Мир! Но перед Симургом маячил присвоенный, не его, отнятый им мир...

Холод стрелы ача клюнул его повторно между лопаток, остужая Огненный Круг. Ядовитая тень дораспалась. Ромб стальной рамы, светлячки высокого неба, стада серых на чёрном, клубящихся облаков исчезли. Подобно тому, как Дзонг когда-то, он начал бессильно планировать вниз… Дракон парил на расправленных крыльях, остаток воли всадника заставлял его снижаться медленно, неотвратимо.

Хороводы... Хороводы памяти... Зайти в них, влиться... Остановить... Поймать за руку!... Вьются, кружатся, яркие невозможно... Не остановить...

На то самое место, откуда начал побег, Симург опустился мягко, плавно. С закрытыми глазами, синими, фиолетовыми веками. Дракон растаял под ним. Чтобы вскоре заново растаять, уже в небе, близящемся к рассвету.

Дзонг был далёк от церемониальной тактичности Буро. Бокала, пиалы, наутилуса в серебре Симург не получил. Ему достался мокрый остатками яда трёхгранный шип, загнанный под ключицу без лишних слов.

Тихий, отчётливый, необъяснимым образом ужасающий каждого, кто его слышит, тёмной ли ночью, днём или в зелёном сумраке толщи морской, звук "а-чча..." распространился по долине. И ветер с Горьких Холмов затих ровно на эти мгновения.

Сразу Дзонга заинтересовало, кто сделал глупцу ловчую тень... Смочил губы, вдохнул, всмотрелся... И вычислить мастера стало первоочередной, заслонившей и жажду задачей!.. След! Верный след!.. О, сколько искал и ждал!..

Тот глоток, от Буро доставшийся Симургу, перешёл к Беспятому Дзонгу неизменившимся. Двойной возгонки, раскалённый глоток. Впечатление Вайолет... Для Дзонга — и чистый мёд и острый нож. Впечатление последнего времени, редкостное, не случайное, о нет!.. Вайолет-вайолет-вайолет... Подлинный, оригинальный... Ну и, откуда взялся мальчишка в жестяной скорлупе?! Немного времени осталось на выяснение.

Дзонг наклонился, закрыл и своё и его лицо плащом чёрных волос, морской тревожной сыростью, от посторонних звуков, от ветра. Огоньки дроидов беспорядочно бегали под кожей, вокруг синих век... Обертона гулкие, перекатывающиеся в горле Морского Чудовища, Дзонг приглушил… Свёл прожекторами в одну точку и приглушил... В этом искусстве он давно превзошёл Кроху. Облизнул губы, волнуясь, столь важно не промахнуться, и тихо, вкрадчиво прошептал:

— Ооу?.. Пойдём назад?.. Зря ты пришёл сюда, правда?..

— Правда... — эхом повторил Симург.

— Отступай, отступай назад... Где ты?.. Скажи мне, что вокруг?.. Где ты сейчас?..

Шёпот Дзонга сопровождал и выталкивал с тропинки к рассвету обратно в полночь.

— В рядах, — отвечал Симург, — в шатре...

"Отлично..." Дзонг убрал из своего голоса всякий окрас, личные, характерные нотки, шипенье прибоя. Сделал нейтральным насколько возможно. И таковым произнёс слово приветствия... И Симург, навзничь лёжа, склонил голову, поздоровался в ответ:

— Биг-Буро...

"Есть, отлично!.." Дзонг отстранился и пригляделся к парню. Игра огоньков под кожей, под сталью упорядоченная уже, центробежная, растворяла и просвечивала. Но ещё отражалась в них... "Такое ничтожество и ача... Чего только не бывает на свете..." Про жажду Дзонг забыл. Вайолет... Прекрасный, подлинный вайолет...

Огоньки дроидов вздрагивали, кружась, перепрыгивали что-то... Запретные Впечатления плохо разбивали, с трудом. Дзонг повёл рукой, бледной ладонью руки, чуткой как само море, и без труда обнаружил дымку, застившую Огненный Круг, даже на ощупь мерзко-кислую. "Не мой яд... Да и не яд вообще. Ача неморские... Чёрт знает что пьют..." Указательный и средний пальцы Дзонг поставил как рог ача против вращения дымки Впечатлений, возле Огненного Круга. Остановил и выпил с них кислую смесь запретного. Сплюнул. "Уходи спокойно, бедняга..."

Синеглазая девушка улыбалась Симургу и указывала вдаль на синие огоньки Доминго... Они нахлынули, пролились... И не было уже ни боли, ни страха, никакого зла...

"Ооу… Шатры, это рынок континента... Ооу, ряды, это крупный рынок... Южный... А кто ты, Биг-Буро?.."

Глава 65

Глава 65.

На задворках Южного рынка, где шатры-тайники столь же неприметны, единообразны, сколь и хорошо защищены… Где хранят то, что требуется поближе, или вовсе не может храниться в Собственных мирах: оливки, артефакты с тенями… Где сами хозяева, разбогатевшие, или по случаю добывшие заграждения от серых ночных туманов, остаются ночевать на континенте… Раздавался неподобающий месту буйный топот!

Гулкий топот разносился, и светло было как в солнечный день. Ну, не везде, а так казалось возле жёлтого шатра Биг-Буро. Он не таился, выделялся в ряду. Замаскированных, в прочем, у него тоже полно. Этот — яркий, радостный цветом, без ловушек, без пирамидок, его имя Буро заменяло их.

А внутри шатра под тонким шёлковым тентом вообще кажется, что снаружи яркое солнце Собственного Мира, приятная иллюзия. Гай по дружбе разбирался там с накопившейся механикой, консультировал, развлекал. Для Буро совершенно нормально взять что-то платой, не вникая, что и рабочее ли. А иногда ему говорили: "Честно!.. Сам не в курсе, зачем оно, но это всё, что есть на данный момент, возьмёшь?.." И он соглашался. Будет чем заняться, сюрпризы любил. Поскольку, кое-что и Гаю должно было перепасть от щедрот хозяина, он с разрешения хозяина позвал Густава, в надежде поторговаться за висящий на нём долг. Как ни был Гай поглощён предстоящим освобождением Руты, мысль о зловещей карте Гарольда не отпускала его. Неудачно поторговались, жаль... Не договорились...

Гай ушёл, Густав и хозяин задержались. За солнечно-жёлтым пологом шатра топот двух пар очень быстрых ног прокатился, затих и тут же прокатился в обратную сторону. Биг-Буро выглянул, никого. Вздохнул завистливо, шустрые ребята.

Прешустрейшие!..

Как от батута оттолкнувшись в прыжке от чьего-то грубого, хорошо натянутого тента, пружинившего под босыми ногами. Парень с высоты огляделся и дальше ходу!.. В одежде его причудливо сочеталась бахрома фазаньего борца с танцевальным костюмом мима. Правая и левая стороны тела контрастных синего и оранжевого цветов. Спружинил на следующем, более пологом тенте и перемахнул в соседний, улыбнувшийся ему чем-то, ряд. Но от Марика так просто не уйдёшь!..

Повторяя манёвр, он прыгнул следом. Но там увидел не беглеца, а прорезанный полог напротив. Парень не рассчитал, думал откинуть и спрятаться, а там — имитация полога. Тогда — насквозь. Ха... Манера у них общая, в высоком прыжке Марик огляделся, через ряд — тишина, никого не заметно... Затихарился внутри? Щаз проверим!.. Не пользуясь сделанным до него входом, не безопасно, загодя вынув нож, Хан-Марик оттолкнулся от соседнего шатра в новом прыжке. Приземлился сверху на купол того, в котором ждал обнаружить беглеца, чиркнул лезвием, свесился внутрь...

Мим или фазан ещё секунду считал себя незамеченным, но быстро осознал реальность... Причина его промедления — шатёр в глубину длинный, а выхода там не нашлось! Стенки не прорезать, так и задумано, бывают такие ловушки на задворках. Хорошо, и пирамидки не нашлось, сидел бы уже на ней. При появлении Марика попытался третий, десятый, судорожный раз... Фигушки!.. Со скрежетом лезвие тупилось об дешёвую на вид, серую ткань. Гнусным скрежетом!.. Зажимая уши, Марик свалился внутрь, вскочил, перекрывая путь к отступлению.

Мим отчаянно в последний раз проскрежетал ножом и, ладони кладя на землю, сполз по стене...

— Эээ... — протянул Марик, — я выиграл!

— Тогда, — мим поднял лицо, — я вожу!

Танцор по лёгкости движений, по скорости борец! Мим вскочил на ноги. Марик на четыре ноги, как Пёс Морской, от него научился. Сменив порядок следования, оба сиганули в узкую прорезь и были таковы... Умчались следующие шатры портить. Ой, попадутся... Буйный топот разносился по пыльным задворкам Южного. И звенела браслетка на щиколотке Хан-Марика, вот сто раз же просил!..

Густав и Биг-Буро вышли при свете разглядеть улитку Измеритель-Светлого. О пользе её долго рассказывать, вроде прибора ночного видения, для охотника стоящая вещь. По своей инициативе, Буро предлагал её Густову за долг Гая, не желал технарю такой беды, как прикоснуться к корню страшного Впечатления. Густав колебался, но... Предложение вполне... Артефакт редкий, а дураков много, должника он найдёт... Согласился.

Топот носился эллипсами, затихая на дальних поворотах... Приблизился и прекратился. Хан-Марик вернулся к Густаву из параллельного ряда, протиснувшись между тентов. Довольный как удав.

— Поймал? — лениво спросил Густав, разглядывая витую трубку артефакта.

— Нет, зачем? Ты же просил узнать, я и узнал.

— Да?.. А позволь полюбопытствовать, что это было за "дын-дын!" вокруг?

— Мы играли.

— Во что?

— В догонялки.

Густав вздохнул. "Обалдеть, в догонялки..."

— Удивлён, что не в ладушки.

— В ладушки?..

Если бы Хан-Марик перенял у Морского Пса не только собачий бег, но и способность двигать ушами, они сейчас развернулись бы и встали домиком. Как у любого полудроида, прослышавшего о незнакомой ему игре.

— А… Это как?

"О, дроиды!.. Язык мой..." Густав обернулся к Буро:

— Бутон-биг-Надир... За улитку, и за его несносные вопросы... — освобождаю Гая. Просвети Марика на досуге!..

Биг-Буро сдержал улыбку. Попытался... И чинно склонил голову в знак согласия... Марик раскрыл, было, рот, но Густав пресёк незамедлительно:

— Нет, Маричка! Мне играть с тобой в ладушки — уж совсем никуда!.. Излагай, чего выяснил. Столько набегали, на целую повесть.

Густав сказал Марику поймать собственнолично. Не на пирамидку, ни для кого, а выяснить что за дела. Дела же такие...

Мим, с которым Хан-Марик носился сейчас по задворкам Южного, был очередным сюрхантером, нанятым Мадлен. Ещё не окончательным, ещё отвлекающим маневром. Нагнетающим напряжение. Так что свою функцию, засветившись, он выполнил. И жизнь сохранил, оказавшись сообразительнее предыдущих, ослеплённых предложенной платой с надбавкой за скорость исполнения. Он не ринулся сразу в пекло, а покрутился рядом, запомнил окружение и отдалился. Исчез, чтобы навести справки.

У кого мим стал наводить справки? У игроков Против Секундной Стрелки, кто из них

появлялся в более-менее безопасных местах, на Мелоди. После у Биг-Джуна... По цепочке придя к тому же Марику!.. На тот момент масштаб уже прояснился для него. И заказ был немедленно аннулирован, задаток возвращён. Ещё чего... Он не самоубийца... А Хан-Марику новый приятель! Так и прозвали в этом кругу — Мим, он стал играть с ними. Касательно заказа ясности не прибавилось. Куда больше мог бы рассказать рядом стоявший Буро!.. Заказала хозяйка в полной птичьей маске. Привести в пустой, без хозяина, с пирамидкой шатёр... Густав чертыхнулся, раскланялся, ушёл. Отмахнулся от Марика.

Глава 66

Глава 66.

Игроки Против Секундной стрелки, заскучавшие, растерявшиеся несколько без Махараджи, распорядителя их шатра, проводили вечер, и не первый, у Бутон-Биг-Надира за карточным столом. Вернее, бордовым, традиционным карточным ковром. Возвращаясь к Радже в разговорах, строя версии, пытаясь понять... Взрослеют что ли?.. Не… Старший приятель исчез и на хищников повеяло сквозняком бесприютности. Не холодным, кажется, точно — не тёплым, тревожащим сквозняком бытия. А Буро остался. И хищники по делу, без дела чаще обычного забредали к нему.

В группе возрастал на глазах новый предводитель. Лидерство медленно, но верно захватывал новичок, Каури. Его раздражала каждая замена игры Против Секундной Стрелки на посиделки до ночи, а то и заполночь. Как таковую, он уважал карточную игру. Изредка, и на высокие ставки, как прелюдию к борьбе, как жеребьёвка. А не так, так скучно. Понятно, для разговоров общих тем, общих воспоминаний с парнями у него нету.

Меж тем выигрывал, блефовать умел и с козырями везло. Безмятежные черты скрывали неутолимый, неутомимый азарт охотника. И для Каури, охотника небесного, это не азарт психологии, расчёта, интриги, но — драки, погони и борьбы, ветра в лицо, пены, захлёстывающей, где над Великим Морем драконы достигают максимальных скоростей, и куда рискует снизится всадник в последней надежде оторваться от преследования, где обоих вдруг накрывает волной... Это жизнь! И Секундная Стрелка ему нравилась, бешено раскрученный артефакт, напополам ловкости и везения!.. А пялиться в прямоугольные карточки — нет, не жизнь, а впрочем... Он, охотник небес, спустился на рынки континента за каким-то разнообразием.

Вечер истёк, гости разошлись, Каури сорвал банк и ушёл довольным. Хан-Марик растянулся на бордовом ковре, потянулся... Засиделись. Он тоже предпочёл бы побегать лишний раз против Секундной Стрелки, покувыркаться. Ударился, как рыбка на суше, спиной в жёсткий ворс ковра, разгоняя усталость, и вспомнил:

— Ладушки, Буро!..

— А?..

— Не притворяйся!

— Да не игра это, Марик! Так, старинное... Даже не знаю, как назвать...

Безнадёжно! Обещал, не отвертеться... Буро утопал за ширму, роняя что-то, ворча: "Было же... Точно помню, было..." Вынес пыльный графинчик. Хан-Марик понюхал воду и выпил медленно, внимательно.

Впечатление завораживало. Теплотой, беспечностью. Лёгкостью... Старший брат с младшей, совсем маленькой сестрой, действительно, играли в ладушки.

Дроиды за миллионы миллионов лет так тщательно прочесали бездну нерафинированных, цельных Впечатлений, изымая запретные, Восходящих не приводя без нужды, без конкретного запроса, к сомнительным, тоскливым, сохранённым ради антуража, что не диво в оставшемся множестве — мирное, радостное внезапно найти. Но даже в коллекциях редки столь безусловно чудесные...

Дети были кудрявы, черноволосы, смуглы. Кожа девочки светлее, ясное личико. Миндалевидные глаза, а ресницы — загнутыми лучами такой густоты и длины... Казалось — два

карих цветка любуются двумя медовыми цветками напротив. Девочка старательно подставляла ладошки, отвлекалась и путалась, звонко смеясь. Впечатление пахло печью и сладостью. Корицей. Из перекрестья окошка падал свет. На них, на разломанную булочку рядом... Беспрепятственно с каждым глотком — весёлый смех, хлопки, запахи и, объявшая всё вместе, мирная тишина из Впечатления проливались в сырую тишину шатра неморского чудовища... Невозможно проливалась... Несочетаемо...

Казалось, там, в запечатлённом влагой прошлом, нет перехода ко всему, что возникло после. Что теперь находилось вокруг. Оно отдельно. Парит в сфере собственной невинности. Неуязвимое, летит и не снижается. Отношения не имеет к этой эпохе и этой земле, к безлюдной, по сути, Морской Звезде, морю принадлежащей, заливаемой каждую ночь серым туманом со всеми его сюрпризами...

А там, во Впечатлении, там невозможно зло.

Отдельно, в параллельной вселенной зародились Чудовища Моря, хищники, ача, обмен жизни на артефакт, бои на жизнь, с призами в качестве предлога... Во Впечатлении не существовало ни их, ни вражды, ни войн, ни лжи и коварства...

Отданные Хан-Марику, то были остатки Впечатления. Купив, Буро в грустные деньки, по чашке, помаленьку выпил сам, а это отлил сразу, чтоб не соблазниться, в заначке оставить. Мало ли, пригодится. Теперь вспоминал. На свой лад размышляя...

"...дроидов сделали, зачем? Как-то без них обходились раньше... Сами. Передавали по цепочке, что стоит знать. Не случайно, не абы кому предавали. Не абы что... И уж конечно не всё. И записывали когда, так всего не перечитаешь, искать не наищешься... А уж потом роботы для людей искали. Но разве знает человек, что ему надо?.. Если другой человек ему не сказал? А какой другой? Неслучайный, вот какой. Доживший до того, чтобы знать чего надо искать, а чего не надо. Чего стоит знать, а про что лишку уже... А про что, если и было, то лучше забыть…

Они отбирают теперь запретную, гадкую воду, но не отпечатайся по их, дроидов милости, выветрилась бы сама, и не было бы её... Потому что не надо усложнять. И хапать лишку не надо. И метаться туда-сюда от тучи к туче. Не рамы, а рамки нужны... Пределы. Границы. Как тем маленьким, крошечным людям: одна булочка, одна простенькая игра, вот они и счастливы, и спокойны...

Заглянуть если в море, занырнуть, о-па, вот где усложнения! А иначе назвать — уродства. Извращённая тварь? Да, я не спорю... И на Центральном так говорили: чудовище с извращённым телом... Оттого и по-праву скажу: отупляющие усложнения теней, вот закономерный финал усложнений. Стройно и есть красиво, это ли не наглядный пример?.. Океанское многоформие, простирающееся до гадов придонных, это прогресс?.. О-хо-хо... А-ха-ха, прогресс!.. Двое столкнуться в течении, у кого глаза остались, самих в дрожь бросает! Аж, укусить страшно!.. Лучше уж подождать!.. Погодить, пока с неба человечек не рухнет с дракона, заигравшись... Лучше его подождать... Оу, прогресс?.. Красота!..

Вкусы? Не надо много вкусов. Функции? Тоже не надо много. Верный выбор до первого поворота заменяет всю будущую суету. Отменяет её, да-да... Безобманное молчание... Блаженная тишина. Так нет же, дроиды раскроют тьму вариантов... Чтобы знал каждый, чем обделён! Если быстро-быстро не соберёт, не носится под облаками... Так они носятся-носятся, а заканчивается всё на дне морском, на пирамидке рыночной... Выиграли что-то? Или что-нибудь проиграли бы, не суетясь? Оу?.. Тихо прожив в Собственном Мире?

Блаженная, безобманная тишина... Поздно... Не без ответов, а без вопросов она — настоящая тишина. Прежде вопроса она безобманна. А после и молчанием солжёшь. И

молчание — ответ, так-то... Дроиды учат вопросам. Провоцируют на вопросы... Отвечают на них, да, но короткое время. А она ширится, эта сеть. И привычка спрашивать остаётся... Жадность. Уже нет тишины, уже даже ритмы лучше, чем хаос. Коллекции лучше. Бои дают иллюзию завершённости, порядка. Но по-хорошему надо не завершать, не упорядочивать, а выбросить! Отринуть!..

Усложнение, да... Я не люблю искусство до дроидов. Искусство вообще. Пустое. Судорожные попытки тень удержать в руке, которую она кусает... Что толку, пустое... Искусство... Две-три песенки с Мелоди ничего, остальное дрянь. Я знаю... Я-то знаю, куда ведёт усложнение! Хоть и славно выплясывают они, я-то знаю, докуда допляшут!.. Было одно солнце на всех, стало за рамами по солнцу для каждого... Ну, пусть хоть так... Хоть там, в Собственном Мире текут они, годы подобные этому Впечатлению... Текут для кого-то неведомого. Кто-то неведомый, цени! Если есть земля и место под солнцем. Если вкусно поднесённое к губам... Если достаточно, то и не надо больше! Не усложняй, цени. Пожелай, чтоб всегда так и было...

Это из эпохи высших дроидов, из-под этой эпохи, с изнанки её, поднимая голову, пока ещё поднимается, советует вам неморское чудовище. Прислушайтесь, не пожалеете..."

Неискренне он брюзжал про себя... Танцоров и мимов, певцов всех мыслимых стилей, Впечатления содержащие это, и аксессуары изысканные Буро больше чем кто-либо любил. О мимолётности прекрасного остро печалился.

— А в чём смысл? — дёргал его Марик который раз.

— Ни в чём больше, — очнулся Буро, — ты видел. Так...

— Попробуем?

— Чего?!

— Можно на скорость. Кто первый собьётся!

— Ха... — Буро оттолкнул его в упрямый лоб кулаком. — Ты первый и собьёшься! Ты, Марик!..

И да, они играли в ладушки! На скорость, да!... Бутон-биг-Надир за невольную провокацию простил Густаву половину грехов. Однако в планах насчёт него, напротив — бесповоротно утвердился... Густав не мог и вообразить, как одинок и сентиментален может быть древний изгнанник, как умеет ценить минуты и мгновения. Ладони, ссоры, хохот, досаду, примирения, короткую драку и неудержимый смех... А, между прочим, Хан-Марик моду ввёл на эти поединки! Соединившуюся впоследствии с борьбой на руках. Одно — на скорость, реакцию, другое — на силу.

В поединке с Буро их руки выглядели как единый белый смерч, чуть-чуть золотившийся от всегда перепачканных мариковых рукавов. Взгляд случайного зрителя, непривычный взгляд не разобрал бы, кто выигрывает. Пластичными, быстрыми, русальичими руками побеждал Буро. Много раз, хлёстко, преобидно! Хан-Марик рычал на него, менял условия, требовал отыграться... "Густав... Знаешь, Гутка, — так думал Буро, — скорей облачные миры рухнут на континент и разобьются вдребезги, чем ты продашь Хан-Марика... Недолго тебе осталось... Будь ты чуток, как тень полночная, недолго... Или я или Мадлен..."

Насколько морской демон в чуждой стихии, страдающий непрерывно от жажды и холода, от неудобного, сильного тела и невозможности летать, способен, тем не менее, быть счастлив... Биг-Буро был счастлив в ту ночь.

Глава 67

Глава 67.

Трое: Биг-Джун, Биг-Рамон и Злотый приветствовали Буро у откинутого полога, вызвав его, — два-два-один-два-два-один, — для своих предназначенными, хлопками ранним утром. Настолько ранним, что перепрыгивать пришлось, в рядах через пятна в пыли, не тени уже, но возможно ещё ядовитое нечто... Учует влагу босой стопы, и вопьётся, как паразит древнего мира, вгрызётся, ищи потом у Олива спасения... А где нынче Олив?.. Раз такими рядами спешили, и от рамы, значит по делу. Каури остался стоять в начале ряда, далёким силуэтом. Верёвка в руке, казавшаяся ниточкой на расстоянии, шла к фигуре, скрытой за ним, ещё дальше, связанной и закутанной плотно, подобно Чарито, закрывавшейся с ног до головы и лица. Предосторожность либо следование старой моде.

— Торгуемся, Биг-Буро? — с поклоном спросил Злотый. — Диковинка. Тебе предлагаем первому, как всегда!.. Ну, и в том дело, что он тебя знает... Мы выловили его в море. Открытом море, за туманом, прямо в волнах!.. Представляешь, он был уже связан, кто-то здорово зол на него, раз так... Нехорошо, не подроидски. А впрочем, не случайно же, наверное, сам виноват... Наверное...

Буро начиная со слова "выловили" уже не вникал в его болтовню. Помертвев, он смотрел туда, где начало длинного ряда... Твёрдой земли не чуя под ногами, будто сам на волнах стоял, и некому-то его выловить... Пересохло в горле. Редко, незапамятно редко Буро повышал голос...

— Ид-диоты!.. — хрипло, со стоном зарычал он на ошалевших парней. — Вы идиоты, притащить его сюда?! Зачем вы приблизились к нему?! Вы зачем... З-злотый!.. За-зачем вам... Что вам в океане понад-добилось?!

Буро перевёл дух, не обделив уничтожающим взглядом ни одного из троих:

— Прид-дурки, вчера на континенте?! Вы когда-нибудь, пропади вы пропадом, недоумки, видали живого человека, купающимся наверху в волнах?! Ну, хоть в прибое в прибрежном, видали?! Хищное море смотрит в небо!.. Голодное, вечно голодное море вечно ждёт!.. Дождя... Падения, добычи!..

— Биг-Буро...

Он всплеснул руками, отмахнулся, застонал:

— Д-дивные, дивные вы ид-диоты... Нет, ну настолько!.. Злотый... — Буро притих, не кричал больше на него, старшего из них, — Злотый, ну, ты-то?.. А, пусть так... Абсурд, добро бы нарочно!.. Чистый абсурд!.. Ничего, пусть так... Вы ни при чём, ничего не меняет... Я жду... Предъявляйте... Поторгуемся, л-лютый абсурд... Знакомьте, чего уж теперь...

Слышали его там, в отдалении? Похоже, что да. Только вот Злотый не успел подать знак, а Каури выпустил верёвку, попятился, оступился, исчез... И закутанный силуэт, словно плывя, без шагов, без лишнего колыханья начал приближаться по безлюдному ряду...

— Сгинули мимо... — шикнул на парней Буро. — Вообще, с материка прочь...

Они переглянулись и отчасти вняли совету. Любопытный Биг-Джун мотнул головой, приглашая поднять пирамидки в своём шатре по соседству, всем сразу, благо верхушка обрезана широко. Досмотреть и если что, слинять по-быстрому. Хорошая идея. Жутко стало вдруг... А пока вылавливали и вели — что-то не было... Спешили?.. Сыро как-то... Знобко... К горлу снизу подходит...

Когда незнакомец поравнялся с Буро, выяснилось, что они одного, незаурядного роста. И

золочёные дуги короны не возвышали Буро даже условно. Равные чудовища стояли лицом к лицу. Верёвок не оказалось на незнакомце. Складки, плотный кокон нетканой, не блестящей, не колыхнувшейся ткани, чёрные пряди распущенных волос. Подвижны огромные глаза, и то не зрачки, лишь веки. Они закрывались неспешно и редко. А распахивались — вдруг. Производя впечатление, будто усталый хозяин заходит домой, прикрывает дверь, но передумав, заподозрив кого-то за ней... — внезапным ударом распахивает. "Ошибиться невозможно, — подумал Буро. — Не ждал я тебя, Дзонг... Искал, а не ждал... Не так загадывал встретиться. Ну, по крайней мере, одно слово есть у меня для тебя. Если успею выкрикнуть".

Дзонг шевельнулся. Ткань упала, открывая матово-бледное лицо, лишённое какого бы то ни было цвета, и зелени морской. Не той белизны оно, что скрывает радугу, а той, что уже свернулась обратно, скомкала, прожевала все цвета жизни, белая, траурно белая, как прах... Буро вскинул руки одновременно с ним. Открытые, напряжённо открытые...

Бывает, в Великом Море демон морской встретит подобного себе, предположительно равного и не рискует напасть... На этот случай имеется жест, древнейший, наверное. Они показывают не отсутствие оружия, оно может быть вовсе не в руках, где угодно, чем угодно в мнимо-человекообразном существе. Они так показывают, что не лепят прямо сейчас. Не создают ни нового тени, ни нового указателя, прицела в уже имеющихся тенях. Открывают центр ладони и подушечки либо когти пальцев. В толще вод эти точки светятся, теплятся зеленоватым вперемешку с пурпурным от жара Огненного Круга. У Морских Чудовищ, исключительно у них так передаётся его сила в руки. Сила лепить тени из теней... Через них же и теряется жизненное тепло, поэтому руки, лапы их сжаты чаще всего в кулаки, прижаты к бокам при движении. Поэтому искажаются первыми, вовсе пропадают, даже не превращаясь в плавники, ради скорости — спинной гребень. В один момент пропадают, когда демону становится страшно от того, что очень холодно, будто жизнь подошла к концу, и он стремиться судорожно удержать остатки. Но это не конец, а начало следующей фазы, если суждено, феноменального холодного долгожительства.

И вот они замерли, вскинув руки, раскрыв ладони. Как не усмехнуться Буро?.. Тоже ладушки...

— Господин... — поклонился Дзонг-Ача, опуская руки, лицо не склоняя.

Немигающие глаза, раскатившийся, клокочущий голос... Шипение отбегающего, грохот рушащегося прибоя...

— Господин, — поклонился Буро.

А голос Дзонга ещё гудел, расходился по рынку волнами.

— Надир?.. Ооу?.. — клокотание захлёстывало, и негромко, а пробирает насквозь. — Так правильно, да?.. В океане мне сказали: "Надир". Маленький ача сказал: "Биг-Буро".

"Симург!.." — тёмной иглой кольнула догадка. Не о предательстве, какое... О потере.

— Кто, господин, именно на земле и кто в море... — Буро спросил как бы, проговорил, забыв вопросительную интонацию.

— Не знааю... — Дзонг-Ача опустил, распахнул веки и облизнулся. — Они не представились...

Буро покивал своим скорбным мыслям под рокот шипящих, набегающих слогов... Один в один, на побережье вышел в бурю, в сезон туманов. "Надо же, такой голос... Бездны морские, треклятые..." Необъяснимым образом ясно ему было, что слова различает лишь он, то к кому они обращены... А как слышит их весь рынок?.. Бурей, штормом, землетрясением, или просто внезапной дрожью беззвучной?.. Не Буро к океану, побережье пришло к нему. Вместе с бурей, тенями, демонами. Отступить некуда. И нельзя.

Ача же, понизив гулкий голос чудовища, наклонился к нему и прошептал, зашипел

неожиданно быстро:

— Ты знаешь меня... Я не ошибаюсь, я чувствую, знаешь... И давно знаешь, давно... Ооу!.. А следует из того — их тоже!.. Галло... Да?.. Да-да-да!.. Их тоже знаешь!.. Где бы нам переговорить, Надир?.. Тут сухо, сухой воздух... Ерунда, неприятно... — скоро захочется пить... Озеро на месте рынка? Устроит?..

Биг-Буро снова вскинул руки и посторонился:

— Господин... Дзонг. Прошу, проходи. Там другая... — атмосфера.

Под свой рост вымерял полог, гостю не пришлось нагибаться. Буро оглядел небо облачное, лучик далёкий-далёкий, Белого Дракона в зените, за маревом, рыночные ряды... Погрозил и махнул, прогоняя их подглядывавшим парням. Развернулся в полумрак и задёрнул полог за собой... По сводам, по тенту шатра началси скатываться капли, струйки... И ледяной биссер и крупные градины... Южный Рынок со всеми его обитателями, торговцами, завсегдатаями, охотниками, борчами, мишурой и сокровищами балансировал на краю.

Глава 68

Глава 68.

Как две огромные сумеречные горы: Бутон-биг-Надир в померкших узорных, бисером шитых одеяниях и Дзонг в непроглядных, чёрных складах, — ткань ли это вообще? — два пика, два гребня, они восседали по разные стороны третьего, яркого, крошечного, снизу освещавшего их, пика голубоватой торговой пирамидки. Острой. Буро поднимал такие, повыше насколько возможно, чтоб не наклоняться. Сидели и разглядывали друг друга неподвижными, чуть прикрытыми глазами. До иглы истончающийся угол пирамидки поворачивал и вращал артефакт, пустячок.

Артефакт, приготовленный в дар, не для торга. Считающийся за музыкальную шкатулку, но по системе звучит-молчит противоположный ей. Круглая латунная коробочка с крышкой. Вокруг, на стыке крышки и её стенок летает пара драконов, выточенных просто, но мило. И пока летают, взмахи их крыльев динькают тихой мелодией. Если крышку откинуть, затихают, замирают, становятся ручками шкатулки. Скорее всего, задумывалась она, как питьевой сосуд. И для хранения, очень плотно закрывается. И для питья, крышка откидывается удобно. "Динь! — Динь... — Дон-динь-дон... — Динь! — Динь... — Динь..." За разговором, за карточными посиделками музыка и не слышна была. А теперь предстала отчётливой до осязаемости. До раздражающей секундной ошибки, неуместного там, в одном моменте, ускорения. Зациклили небрежно. Или уронив, сбили ритм...

С любопытством, конечно же, но и с недоброй целью Буро искал так долго сидевшего теперь напротив него морского и неморского, демона и больше чем демона. Более человека снаружи, чем сам он, а изнутри, предполагал, менее чем монстры придонные. С той же целью, с которой Господин Сома сторговал Хан-Марика. Отвести угрозу. Обезопасить привычный, устоявшийся порядок вещей. Скорей по-плохому, чем по-хорошему. Свиделись. Озеро вместо рынка!.. Сходу... А есть ещё галло. Судьба Мадлен, старой подруги, в чью изворотливость верил, не особенно беспокоила Буро, Крохи — немножко... Сильнее — двоих подружек, плюс примкнувшие к ним, хозяева и хозяйки... Не в ком-то конкретном дело. Но всё, так или иначе — старые знакомые... Гала-Галло интересное место, сокровищница редкостей. Хорошо, что оно есть, жаль если его не станет... Жаль, если гордые, запутавшиеся, неповинные в трагедии Дзонга, попадут под раздачу. А они попадут.

Биг-Буро перебирал в уме... За прошедшие годы одна из основательниц погибла, в драконьих глазах отразился незнакомый облачный рынок. Неужто, банальная неосторожность? "Патока, сладость, ты была лучшей... Как же так?.. Если бы ты, а не Котиничка упала в Великое Море, оно не спрятало бы тебя, а подчинилось тебе!.. Сахарным стало, а не солёным, и тысячекратно опаснее!.. Самой лучшей..." Чарито, она молодец... Кроха, Мадлен. Необщительная даже на их фоне, технарь Мема. И удивительная парочка, Лести — Чести...

Лести попала в круг охотниц, певиц вайолет, будущих галло восхитительным образом — попытавшись задурить Мадлен. Наглость так понравилась последней... А может быть метод — миллион сладких слов, что следствием стало объединение. А Чести привела уже она.

Обе охотницы небес, впоследствии разведчицы неба и континента. Трасс межоблачных, межрыночных, и материковых новостей. Имена получили уже в кругу галло, с юмором. Лести — по способу охоты, взаимодействия, грубого, откровенного в её исполнении до ужаса! И до ужаса же успешного! Чести — то же самое, но с оттенком пафоса и провокации, взятия на слабо. Многое говорит о человеческой природе тот факт, что круг избранных охотниц принял их, наделив столь говорящими именами... В небе они и встретились. Сцепились, не поделив,

кому караулить раму нового, игрового рынка. Подрались!.. Ничья. И у Чёрных Драконов тоже ничья. Решили привлекательное место разыграть жребием. Трижды пытались. Подбрасывали за монетку: пуговицу, серьгу, плоскую ракушку гребешок... Все три раза уронили. Не успевали схватить, каждая глазела на противницу... С тех пор — не расставались. Охотились вместе. Не выгодно для них, заметные. Блондинка Лести, тёмненькая Чести...

Из основательниц галло... Мема сильней, и в драке, и знаниями. Чарито оставила их. Мадлен коварнее. Кроха наделена сверхъестественными способностями внушения. Котиничка вообще легенда, Женщина в Красном, инфернальный ужас морской... А Буро чаще вспоминалась эта парочка, Лести — Чести... Предавать он не хотел.

— Я не летаю, Дзонг-Ача, — неожиданно резко нарушил Буро тишину, первым нарушил.

Дзонг отозвался тихо, всю гулкость голоса собрав в шипенье прибоя:

— Надир-Ача... поспешность твоих слов, как и твоего приглашения, говорит о многом...

"Это точно..." — признал Буро про себя.

Хан-Марику предназначенная шкатулка напевала, динькала, простенькой мелодией символизируя всю слабость могущественного Биг-Буро. Превеликое множество связей, терять которые — по живому резать, за каждую боялся. А Дзонг? Шип морской ядовитый, с обоих концов заострённый, или как?..

— Дзонг-Ача, разреши задать тебе два вопроса.

Не дождавшись пока согласное, утвердительное опускание век завершится неистовым распахиванием их, сверкнувшим белком глаз, Буро сказал:

— Да, я знаю тебя. Знаю больше, чем посторонний, но меньше чем требуется, чтоб принести благо вместо зла... Так ответь мне, чего не знаю: волны или облака? Что ты видел, падая в Великое Море? Прости за напоминание... Господин, Дзонг-Ача, поверь, это вопрос не праздный.

Вопрос неожиданный... Человеческими эмоциями не искажалось и не просветлялось его лицо, но веки Дзонга сузились и распахнулись снова. К этому невозможно привыкнуть... Странный вопрос...

— Облака, — ответил он, соизволил ответить, вспомнить...

Прежде чем задать второй, решающий, Буро помолчал, покачался безмолвно из стороны в сторону... Как сейчас повернётся?.. Насколько одержим, безумен Дзонг? Как дрогнет мир, утвердится или рассыплется на куски? Придётся умирать или бежать с Южного?.. Бежать снова? Он устал, слишком устал...

— Господин, Дзонг-Ача, припомни, пожалуйста, как выглядела морда Белого Дракона в облаках. Скажи, что отразилось в прощальном взгляде?..

Спросил и замолчал, усмиряя дыхание. Слушая: "Динь! — Динь... — Дон-динь-дон... — Динь! — Динь... — Динь..."

— Надир... — прошептал страшный визитёр голосом морских валов, шепчущим, гулким, оглушающим, раскатившимся по Южному Рынку без слов, слова оставив в шатре. — Надир, ача земной, в облаках... Я... Ооу, я... Не увидел дракона...

Вопрос, растерянность и ожидание — вот что отражали его, совсем не изменившиеся и радикально изменившиеся, страшные глаза... Так усмиряет сухой сезон заливы самых бурных побережий, размётывавших туман дроидов. Отступает море, и утихают они... Став озерцами на время. Лежат тихие, внимающие, сквозь огоньки отразится иногда всадник на дроиде, кучевые, облачные горы...

— Я знаю, — обыкновенно, слегка покровительственно отреагировал Буро.

Целиком и полностью положился на Оракул и... Не прогадал! О светлые, благосклонные дроиды!..

— Дзонг, поразмыслим вместе...

"Отныне без "господина", Дзонг, дичок континента... Если и предстоит ещё помучиться, побороться с тобой, то однозначно на моём поле..." Буро вдруг, вместе с облегчением остро почуял холод в шатре... Не океанский, шире, выше во все стороны простирающийся, вездесущий, как цвета ледяные. Чудовище, Беспятый Дзонг, галло, Олив, Сома, ребята за карточный стол пришедшие к нему от лихой Секундной Стрелки, Симург, который уже не придёт... От Дзонга до Марика — мелюзга, ребята. С его, Надира, времён никого не осталось, нет таковых на материке... В мирах? Наверное, наверняка... Да там по-другому течёт время. В закрытых, непостижимо счастливых мирах. Те хозяева не поняли бы его, не услышали. Они не выходят. И правильно. "Всё правильно, всё нормально... Откуда тоска? Я выиграл бой, позицию. Я ей воспользуюсь на все сто, на двести если понадобится. Пройду до победы, не торопясь, шаг за шагом пройду до победного конца. И всё будет нормально, как вчера, как позавчера..."

Глава 69

Глава 69.

В день перед поединком, который вернёт ему Оливковый Рынок или вернёт его самого в изначальное небытие, прежний хозяин, основатель его на тренировки начхал. Дроид, Индиго заявился проведать Беста, соткался в полутени Архи-Сада, незваный, нежданный... С радостью принятый в круг. И Олив остался из любопытства, отвлечься... Понаблюдать за бывшим человеком, неизначальным дроидом.

Немноголюдно. Индиго чинно сидел на воздухе, на коленях, руки в замок... Его облик и манеры стали куда строже, менее земными. Статус что ли особенный приобрёл в семействе Дом?.. Повышение, расширение орбит, полномочий?.. Если глянуть на него сощурившись, пожалуй... Инистая ультрамариновая аура пылит короткими резкими лучами, а не облаком как прежде. Наклонив голову, Индиго слушал пересказ Впечатления из огромной бутыли Биг-Буро, его вопросов и удивлений. Бест рядом, в отличие от остальных ему с медальоном холод не мог повредить. Дроид внимательно дослушал человека, навсегда старшего приятеля, покивал головой: ну да, да... Всё так и есть, срок жизни возлюбленных делится поровну, и после смерти они станут первой расой. Что странного, в чём несправедливость? Ничего не понял...

— А если пара: человек — дроид? — ещё раз отдельно спросили непонятливого его.

— Так это, должно быть, вы очень старое Впечатление смотрели, — резонно предположил Индиго и добавил, прогундосил, подражая кому-то. — "Воплощение предосудительно. Признание запрещено..." Какое: человек — дроид? Как сложиться подобной паре?.. Сказали — запрещено...

— А прежде? — спросил Гром. — Раз уж ты ссылаешься на время, на древность Впечатления, значит, не всегда было запрещено. Как складывалось тогда?

— Плохо... — так же прогундосил протянул Индиго. — Потому и запретили.

— Дружок, — обратился Зарок к нему, — ты точнее можешь выражаться, конкретнее. Что значит "плохо"? Нам хорошо что ли, а изгнанничество дроиды пока, кажется, не запретили?

— Куда конкретнее? Долго не длился и пополам не делился их срок. Погибал кто-то один. По самым разным причинам, но без исключения. Как заколдованные!.. Обычно человек. Повторюсь, потому и запретили.

— Вот как... Слушай, а откуда такое разделение на три возрастающих в серьёзности запрета?.. Не иметь любимчиков, это понятно, сфера людей целиком — служба дроидов... Равно для всех...

Тут Индиго поднял бровь, но не перебил...

— ... А следующие два? Воплощение высшего дроида, как мы поняли уже, наносит вред ему самому... Это ладно, по масштабу ясен запрет... Но почему же отдельным, третьим пунктом идёт признание, я — дроид? Что меняет?..

Индиго быстро-быстро, озадаченно поморгал светлыми дроидскими глазами, так что лицо озарилось до звёздного блеска, и стало ощутимо холодней. Некоторые поёжились...

— Ой, извините!.. — заметил он и взлетел повыше, подальше от них. — Дело в том, что... Как же им сложно изначальным дроидам с вами, людьми, если и мне сложно!.. Видите ли, признание всё меняет. Вообще всё в судьбе... Чего стоят слова "люблю тебя", когда "я" пропущено, меня нет?.. Обнуляет фразу, понимаете... Скажите, можно влюбиться на вашем Мелоди в мима под маской, в маску? Можно?.. Точно?.. В голос?.. А дорого ли это стоит? И стоит ли он любви, тот, кто маски не снял? Доверия?.. "Фортуна без Фавор, Фатум или вор..." Это наша, дроидская поговорка!

Соль подскочила на месте, дроидский фольклор, с ума сойти!

— Индиго, милый, повтори-ка ещё раз, запишу! А что это значит? И ещё поговорки есть?!

Индиго повторил и задумался:

— Есть, наверное, я в ближней орбите... В голове не держу, порой всплывают... Что значит? Да то и значит. Фортуна в человеческом обличье, но без птички Фавор, значит, или рок стоит перед тобой или лжец. Это просто присказка. Она значит, что встречный, каждый встречный — твоя судьба. Как бы вы ни столкнулись, колесо надежды, пока живы, для обоих поворачивается...

— Восхитительно! Если вспомнишь ещё что-нибудь, непременно расскажи!

Индиго кивнул и, приложив руку к груди, простёр к ней: всё для тебя!..

А обнимавший Рори Дабл-Пирит, не следя за темой чуждой ему, по-правде говоря, вспомнил вдруг свои давние недоумения. Пока меркантильность Дрёмы в отношении Руты не рассеяла их, не перевела в понятную плоскость, крутились в голове:

— Изгнанник из сферы людей, скажи ты мне попросту, как бывший среди нас, зачем вообще, вне службы сдался конкретный человек дроиду?! Почему ты вырвался в горние сферы, с одного взгляда кто угодно поймёт!.. А обратное, а воплощение дроида?.. Зачем?! Ерунда какая-то!..

— Н-да...

Индиго огляделся. На отшибе тосковал Гай. Как сказочный злой дракон над грудой самоцветов... Махараджа ещё не возвращался, а кое-кто, разграбивший его шатры, механику отдал Гаю. И расходные к ней, включая камни, линзы разной огранки. Опасаясь с нелюдимым технарём вражды. Многих форм и размеров, оттенков... Гаю они были даром не нужны. Некоторые выменянные, большинство — чья-то жизнь... Даром не нужны... Не в оправы же их вставлять на продажу?.. Он и в Собственный Мир не потащил, принёс и бросил в Архи-Саду, девушкам и коллекционерам поиграться...

Хищники видят вторую расу в общей форме так редко... При появлении Индиго в ауре напоминавшей цветом её Собственный Мир, незабвенный до последней метёлочки полевой, до василька, мир Юлии Альбы, Гай вздрогнул: оракул?.. Жизнь снова даёт подсказку ему?! Нет... Ничего в дроиде не напоминало возлюбленную. Ничто не наводило на мысль, как разрешить неразрешимое, человеческую, глупую вражду, за пару шагов приведшую Гая в зыбкие топи отчаянья.

Гай ждал завтрашнего дня с трепетом, напряжённей, чем Пёс и Олив. Эти хотя бы представляют, что их ждёт. Что им делать, представляют. Его же голова отчаянно пуста. Ни плана, ни надежды. Индиго он не слушал и не слышал, пока тот не попросил отойти в сторону. От его холода и самоцветов отойти... Гай пересел.

Дроид завис над внушительной горкой, блистающих красных камней, над раскатившимися по земле несостоявшимися пурпурными лалами. Их — в пример?.. Он предпринял попытку наглядного сравнения дроидов и людей. Поднимая один за другим и складывая в линию, розовые, румяно-алые, багровые, блистающие из глубины огранки преломлёнными лучами, как молниями, он спрашивал:

— Этот камень красный?

Одним словом...

— Красный, — отвечали ему.

Они все были красными. Индиго выложил ряд: от фиолетового до почти жёлтого и остановился.

— Показательно? А теперь представьте себе, что есть только одно слово "красный", и один

цвет для него. Это и будет дроид. Теперь представьте, что этот ряд лалов тысячу раз огибает Морскую Звезду. И не содержит двух одинаковых оттенков. Это и будет человек... От вас, с вашей стороны кажется, что дроид величественный, могущественный, да? Большой такой, высокий, как я!.. — он рассмеялся, откинув голову. — А с нашей стороны дроид, это раз-два и обчёлся! Примитивный, простой до крайности!..

Индиго показывал изъяны:

— От меток, от поисковиков дроид зависит очень. От меток. Ещё больше инструментов наизобретено, дроидов неавтономных. И всё это количество возникло именно по причине ограниченности, крайней функциональной простоты отдельного дроида. Особенно в распознавании. Сфера его интересов, — да какая сфера? Сектор, вектор... — крайне узки, коротки. Иначе широкие орбиты удерживаться вместе не смогут. А в человеке, тесно сбитые, могут! Распрекрасно! И удерживаясь, распознавать. Человек для дроида очень сложен, непредсказуем и тем ценен. Сочетанием плавности и непредсказуемости... Он течёт, струится... К разрушению, к саморазрушению — возможно. Но петлями всегда, зигзагами, плавными... На каждом изгибе — полукружие. Полколеса надежды — свернуть... Передумать, почуять другой какой-то ветер... Дроиды не вмешиваются, кошмарно выйдет, острые зигзаги... А если и не кошмар, человека-то всё равно не останется. Изгибы воли пропадут... Воля, да, именно. Понимайте это слово, как свободу или как силу воли, воля-то и пропадёт. Я человеком, под ливень однажды попал, под Впечатление тюрьмы... Ужас! Так что я дважды знаю, о чём говорю... Ой, это запретное Впечатление... Ой-ёй, вы ничего не слышали!.. Я стану первым дроидом в истории, прекращённым за болтливость!..

Ауроруа слушала, не дыша... Голоса не подавая. Как удивительно пересекались его слишком образные, неточные слова с её образом мысли!.. Мыслей о Пирите, о счастье... О хищниках, о раскаянии их. О решающем повороте... "Вот, — думала она, — движение в одну сторону не отличается ничем от хода в противоположную сторону... А момент поворота? Кругл он или как? Или лицо протаивает в голову и возникает на затылке..."

Чудная параллель с Минтом!.. Рори вообразить не могла, что это не обязательно умозрительный образ, а всамделишное Чудовище Моря и неплохой охотничий приём!..

"Если кругл, если и медленно судьба разворачивается, что происходит в решающей точке? При завершении поворота на девяносто градусов?.. Какие бы силы ни толкали к хищничеству, к раскаянию, что происходит с ними в этот таинственный момент? Равновесие... Полный штиль... Что же выводит из равновесия? Третья сила, которой не было прежде?.. Её не было прежде? Или она не могла проявиться?.. Ничтожнейшая. Решающая... А направление? Откуда она, он, человек... Откуда знает, куда ему дальше идти? Остановился... Вокруг пустая равнина... Какой парадокс! Главнее всего — единственный указатель, его же злые следы! Его же ошибки. Память о них... Нет другого указателя. Без цепочки собственных следов остановившийся скиталец шанса не имеет выбрать правильно. От точки остановки все шаги равны, одинаковы. Последующий задан предыдущим. Ко злу или к добру, они просты, механистичны, линейны... Дроид говорит: никогда не линейны? Как змейка движется человек?.. Возможно... Значит из людей каждый всегда на пересечении, на распутье. В любую сторону шаг — первый. А за спиной прямая линия! Прямая-кривая... Но сверху-то видно, на отдалении видно, что это — линия... Змейка петляющих следов. Видно, куда привела, петляя..."

— Попытка последняя окончательная! — Индиго обратился к коллекционерам, к Грому. — Как и раньше помешаны обитатели континента на живых артефактах? По себе помню, желаннейшее приобретение... Живая игрушка, из-за которой теряют дракона и гибнут в драке.

Так вот... Дроид любит людей совершенно иначе! Не как игрушку в комнате, а как распахнутое окно! Дверь, я бы сказал... Но это такая дверь, выходить в которую... Третий запрет, — да-да, мы вернулись к тому, с чего начали, — запрещено... Каким-то образом дверь это ломает, либо выходящего. Человек — окно в ограниченности дроида. Окно в такое... Многообразие... Из узости функции, формулы... В некое, ею же выражаемое, но...

— Ты сожалеешь, — спросил Бест, — о перемене? Нет, я вижу, что счастлив, ты, холодный, радостный дроид, но получается... Ты сменил большее на меньшее?.. И не оглядываешься теперь?.. Каково оно для тебя, как для дроида?..

Индиго рассмеялся. Взлетел ещё выше, чтоб людей не заморозить. Рассыпая холод и синие лучи, перекувырнулся по-драконьи, фыркнул по-драконьи. И... Не ответил!

— Я тебе, помнится, отвечал... — буркнул Бест.

— Я сожалею! О перемене... И мне нравится, что я сожалею! Очень нравится!.. Доволен ответом?!

Аурору приподнялась и попросила:

— Мы — окно?.. Дроид, будь добрым, пожалуйста, сравни тогда с чем-нибудь раму мира...

Неожиданно Индиго снизился... Он позабыл об осторожности, о холоде своём, и охватил краткими вспышками ультрамариновых лучей изгнанницу, Дабл-Пирита, Гая, оказавшегося поблизости...

Хороший вопрос для дроида то же, что для владыки обретение новой метки. Импульс возвратный и точный, важная вещь, новая степень могущества... И радости. Внезапно открывшийся горизонт, завершающий пройденное, открывающий неизведанное. Безоблачный горизонт... Дроид охватил людей холодом светлоглазого, экстатического лица и ответил, на губах подержав перед тем, дорогие для них слова:

— Собственный Мир... Изгнанница? Какое несчастье... Я, помню, считал изгнанником, что это моя беда. Я думал, моя досада — утраченный эскиз, им смешна, им всё равно. Им смешна... Наоборот, оказывается. Рама мира, изгнанница, это наоборот... Формально, это Огненный круг. Фактически для нас, это возможность дроиду побыть окном... Окном в мир... Понимаешь?.. — Индиго шептал. — Подержать в ладонях... Побыть окном в Собственный Мир... Понимаете?.. Из любого семейства, с любого трона сойдёт дроид, если Гелиотроп согласится сделать его Я-Владыка...

"Левая рука..." — подумала Рори, глядя сквозь холод ощутимо сильный, зримый холод синих лучей, как страстно жестикулирует он, неизначальный дроид.

Вопреки имиджу заумного технаря, она интересовалась и чисто техническими моментами хищнической жизни, практическими то есть. К примеру, выяснив, — а откуда ей изгнаннице было знать? — что невозможно связав человека, поймав в небе или на континенте, принудить его к передаче мира. На раме хозяин приглашает гостя той же самой, левой рукой, которой превращает за рамой. Она должна быть свободна. Магическая, особенная власть левой руки... "С чем это связано?" — спросила Рори когда-то у Чёрного Дракона. Он ответил: "Очевидно. С вращением Огненного Круга. Он сбрасывает, отбрасывает прицел сосредоточения вниз, в левую руку, в обыденность... "Обыденность?! — воскликнула тогда Рори. — Могущество превращать, по-вашему низшее свойство?!" — "Низшее, зауряднейшее... — ответил дроид, не шутя с ней, Чёрные Драконы столь же мало склонны к шуткам, сколь много белые. — Всё самое важное делается правой рукой... Человеческой, а не дроидской силой. И то, Аурора, чего не было прежде, из-за чего становятся над первой расой..." На диво в унисон Индиго добавил к её воспоминанию:

— Хозяину мира, настоящему, чистому хозяину в Собственном Мире цветок сорвать, много большая перемена, чем хищнику превратить гостя! Тут секрет, да... Хищник он отчуждён, не только там, отчуждён всюду... А не, не всюду!.. Гостем — нет... Приглашённые облачных миров в общем статусе находятся, они — гости. Под солнцем чьего-то мира... Понимаю, ерундово звучит, но как-то выходит так...

"А ведь подобное я уже слышал... — подумал Олив. — Недавно, Пта: "Ни одной веточки ради мены я не отломлю с него..." С дерева-мира... Подумать, дроид ровно про то же..." Тема гостя, тема распахнувшегося перед гостем чьего-то собственного пространства, куда больший вес имели и возымеют для обоих хищников и Гая и Олива, но пока нет возможности осознать.

Индиго выдохся, осёкся:

— Бест, ты звал меня за толкованиями старых, продроидских техно-вирту! А я в какие-то дебри с вами забрёл. Так по устройству, пока время есть...

Индиго похлопал в ладоши, словно покупатель возле полога шатра. Изгнаники узрели замечательное, старое, и тем более интересное дроидское вирту... Первый подчинённый Индиго! Не автономный дроид, инструмент, но здоровский!.. Ветер закрутился к ладоням, от них... Шире, хрустальнее, сгустился... В полупрозрачном куполе, соткавшегося из воздуха, хрустального лица Индиго остался сидеть на коленях, на высоте межбровья. Он думал, а оно говорило. Двигая губами, словно не выдыхая, а проглатывая слова. Ловя как снежинки и проглатывая, что властно притягивало внимание к невыразительным, правильным чертам... Не отвращал даже голос, определённо механистичный. Индиго старался выглядеть сосредоточенным, серьёзным, но выдавало его то, что от времени стрелял глазами на старых друзей: как эффект?.. Этот старый дроид предназначен для широких демонстраций и одновременно подсказок выступающему, будучи загодя информирован или связан с иными дроидами, находящимися далеко. Задействуя его в Архи-Саду, Индиго развлекался и испытывал новинку. Образованная форма быстровато и отчётливо проговорила:

— Тема: наименьший дроид... Наименьшие дроиды спонтанны, одномоменты, движутся хаотично. Принадлежат теплу или холоду. Функцию имеют. Да, одномоментную. Да, функцию. И да — они дроиды. Потому что... От одномоментно осуществлённого остаётся равнопродолжительное неосуществлённое. Где? В нигде. Оно мгновенно вступает в союз, оставаясь потенциальностью и усложняя подобного себе до дроида следующей ступени. Для него приходится: одно осуществляемое на два освобождённых. Усложнение выбора. В пределах функции. Продолжаясь, их взаимодействия образуют дроида следующей не ступени, а степени. Когда союз образуют два или больше дроидов начальной степени, они становятся доступны обнаружению через метки. Он. Прежде того, он подчинялся всеохватывающим сферам. Орбитам. Иначе сказать, общему полю и осуществлял заданное им — поддерживать тела людей и внешний мир в равновесии, в совокупности. Взаимопроникаемыми. Образовывал пространство вашего бытия. За этим базисом никто не следит, ни технические дроиды, ни владыки. Он сконструирован и самоподдерживается давным-давно. А что касается дроидов первой степени, появление таковых отслеживается второй расой 2-1, в чём их основная задача. Причина их, трудно выразимого на любом эсперанто, супердифференциированного многообразия. Оно не так часто пригождается Восходящим, как ежесекундно для просеивания огоньков. В поисках принципиальных основ. И если обнаружено что-то подходящее, чтобы усилить высшего дроида, расширить орбиту, уточнить метку, следующая задача...

— Оставить себе втихаря!.. — перебил Индиго, — А задача, не служащих вам, людям, Чёрных Драконов — отследить, отнять и принести владыкам! Или довести до их сведения. То и

другое крайне редко. Большинство дроидов от первой ступени до сотой степени прекращаются на месте и продолжают служить вам внешним миром... Связующим компонентом: четырёх разновидностей влаги, Впечатлений и артефактов...

— Четырёх? — Аурору, и не только она, сощурилась, подсчитывая в уме.

— Да, три известные вам и плюс обыкновенная, настоящая вода в Собственных Мирах, изгнанники...

— Таким образом, — не без сарказма перебил Гром, — очевидно стало бы и тупой тени, что люди куда сложней дроидов!..

— Намного! — сам из ветреного, хрустального межбровья воскликнул Индиго, затем, глотая слова, хрустальные губы продолжили. — Даже основа человека, единая, для всех людей общая. Кристаллическая решёткой из мельчайших крепко спаянных дроидов с одной функцией "притяжение". Она спит там, у подножия Синих Скал там, в заснеженной степи, бесконечная потенциальность человека. И та сложнее. Хотя там самая основа!.. И она, кстати, без нашего участия притягивает от начала и до завершения Восходящего, до схождения Коронованного за ним, что ей требуется из огоньков дроидов. Снежинками. И хлопьями снега... Они кажутся снежинками, будучи связаны Свободными Впечатлениями... Когда ещё его назовут Восходящим!.. Не силой Огненного Круга, — когда ещё он получит его! — основа притягивает соответственное будущим: облику, характеру... Возможно, случайно. Наверняка случайно!.. Но совершенно сама. Ни мы — в хорошем, ни Чудовища Моря — в плохом смысле не способны повлиять на этот процесс... Впоследствии Восходящего укрепит Огненный Круг, но это и всё вмешательство...

Индиго сощурился, став действительно серьёзным, решил подытожить. Голос хрустальной формы обрёл от того некоторую тягучесть:

— Раньше, давным-давно все вышли из моря, захватив его, солёное с собой, в теле, в крови, оставшись им. На суше передавали как эстафету, когда тела образовывались из тел, долго-долго. Но круг замкнулся. Идивидуальное зарождение вернулось в Великое Море... Основа — огоньки дроидов "последовательное притяжение". Свободные Впечатления, притягиваемые в снежинке, в единстве с огоньками — развитие. Дальше — эскиз, мир, ливни, грозы, полные бокалы — наследие эпох... Связные Впечатления. Все люди наследники всех, каждый наследник всего человечества. До нас, автономных дроидов включительно. Да, это бесподобно сложно и красиво. Человеком я не мог оценить. Теперь мне безумно нравится, не знаю как вам... Мне — фавор!..

— А импульс? — спросил заинтересовавшийся технарь Гай. — Первоначальный импульс имеется? Если да, то откуда?

— Я не знаю... — Индиго там, в хрустальной сфере говорящего лица, подбросил, поймал самоцвет и запустил в траву. — Если угодно могу предположить. Как же создаётся высший дроид? При помощи лазурита, Стократного Лала и солнечного луча. Абсурдно предположить, что свет солнца проникнет до дна Великого Моря. Но как раз там покоится основание Синих Скал. На вершину которых попадают лучи... Правда-правда!.. Не из рам, а с неба, редко, вы не замечали, да и как заметить, откуда луч, если он тонюсенький... По ним, по скалам, вероятно, спускается импульс... Они вполне могут работать как проводник. К основе под снегом.

— Что же такое Синие Скалы?

— Склад... Ось. На дроидском эсперанто они называются Юла. Собственно скалы — ось, а юбка юлы — подбрюшье Великого Моря, покрывающее степь, откуда снежинки срываются. Она поддерживают общее поле земли, жилое пространство для вас, полудроидов. Юла — неисчерпаемый материал, полуфабрикат для создания нас, для скорого раскрытия дроидских орбит, как только создатель определится со схемой, по которой их раскрывать.

Соль наклонилась к Мурене и зашептала, стремясь немедленно поделиться настигшим её откровением: "Помнишь, помнишь тогда, про храм фортуны он нам рассказывал?! Спорю на что угодно, в их сфере, он ровнёшенько над вершиной Синих Скал!.. Давай слетаем туда?.. Просто так, посмотреть хочу... Теперь другими глазами..." Та кивнула, и подумала, что не они одни захотят поваляться там, на выцветшей голубой вершине, по-новому глядя в облака...

С ходом времени, даже когда на знакомые лица глядел, в Индиго нарастала чисто дроидская неуверенность, понимают ли его, слышат ли его вообще. И частые своевольные отлучки к Бесту, к изгнанникам объяснялись подспудным, обоснованным, увы, подозрением, что не вечно так будет продолжаться. Чтоб люди говорили с дроидом на одном языке. Уже для самого себя он начинал брать паузы и переводить понятия с их на своё эсперанто и обратно. Расходились... — интересы, взгляды. Образы, которыми мыслят. И сейчас напоследок, он решил повториться совсем простыми словами прежних эпох:

— Получается, Великое Море как бы мать, основа... А восхождение в Собственный Мир, собирание облачного эскиза, открытого к небу, открытого к солнцу, — это Восходящий возвращается к отцу.

Гром, впитывавший каждое слово, незаметно для себя очутившийся рядом с Бестом, высокий, в синем свете по плечи стоя, воскликнул:

— Дроид! Индиго, это так странно!.. А Морские Чудовища?! Почему там?.. Океан всепоглощающий, всеразъедающий... Если и соединяет что, то извращённым до предела!.. Он, практически, воплощение зла! Как же так?.. Море — гнездовье извращённого, и начало? Совершенное зло? А миры — абсолютное благо?!

— Ну-ну!.. — встряла Мурена, на удивление молчавшая до сих пор. — Гром, ты смешной до чего! В облачных мирах, кто спорит, неплохо... Но и в течениях весело. И в каменном лесу!.. Да в утробах кое-каких, спокойно можно продержаться!.. Если ты до сих пор пугаешься монстриков, это не их проблемы, твои! Подумаешь, глазом больше, глазом меньше? Зубки по бочине — от ушей до хвоста... Ах, красотища... Я тут такое видела... Ну, не суть. Извращённых!.. До предела!.. Ой, не могу...

Мурена подумала и бросила вдогонку:

— Может, не под снегом, а выше... В океане самом образуется жизнь, какой не бывало! Не извращённая, не из рухнувших в море, их называй извращёнными, если угодно... Но вдруг?.. Образуется тень однажды без Огненного Круга? Сама по себе?.. Не его жар станет импульсом для неё? Я бы взглянула, когда она решит выглянуть на побережье.

Амарант покачал головой:

— Выглянет и укусит тебя за любопытный нос... Ну что ты болтаешь? А основа? А код?.. Впечатления-то ложатся поверх...

— Да что ты говоришь?.. Ты, Амарант, на отмель ступал хоть однажды, а? Хочешь, прогуляемся, я подержу тебя за ручку?.. Ты и море — близко не лежали! Основы тоже когда-то возникли... Кто знает, какой может быть основа? Из чего, и как соберётся? И когда...

— ... и когда кусит тебя за нос?.. Как только соберётся, так сразу и укусит. Она такая, ей не долго собраться... Мурена, ты грубиянка, но я не сержусь. В этом есть здравое зерно. Жаль, что ты напрочь игнорируешь в допущениях временные масштабы... С размерами, с величинами у тебя плохо. И хронический недостаток терпения.

— Ой, спасибо, теперь я всё-при-всё про себя знаю!..

Индиго не поддержал никого, но по лукавому взгляду, Бест отметил, что дроид склонен разделить авантюрный оптимизм Мурены. Как и прежде, как всегда. Хрустальный лик собрался в его лице, в его межбровье. На воздухе стоя, Индиго потянулся, расправил плечи, раскланялся:

— Исчезаю... Стоп, Бест, забыл! — он поклонился. — Выражаю почтение господствующему над первой расой... Ничего смешного! Я обязан. И без того, чувствую, ближайший турнир не сулит мне... Ох, не сулит. Неизвестно куда отбросит. До улитки грызущей...

Это такой универсальный дроидский кошмар, падение на низшую ступень. Из осознающих. Уж лучше быть прекращённым, разбитым и так перейти во владение победителя... Улиткой — обидно. Однажды простят, но долго ждать...

— Индиго, милый, — задержала его Соль, — ну, расскажи ещё что-нибудь удивительное напоследок! О чём мы бы и спросить не догадались, вроде той поговорки, а?..

— Соль, нет явления удивительнее, чем Собственные Миры... Они не часть этого, общего мира. Не облака, не дольки небес... Это Гелиотроп так говорит, "не дольку, а сколько?" Вот, возьми ещё поговорку, Соль!.. Она не про то вообще! Когда не турнир... На совете, при трансформации дроида, перераспределении в близких семействах, или претензиях на нечто, если обсуждается конкретный момент и дроид скромничает: "Мне бы его только, вот одну метку и всё..." По преданиям, я, конечно, не бывал на таких советах, Гелиотроп, а без него — Августейший, неизменно обращали внимание этими словами на то, что невозможно заиметь одно что-то, отдельное. Что всё идёт в связке. И желающий нечто обрести по договору должен не скромненько указать на желаемое, а конкретно очертить пределы влияния... За которое будет и согласен отвечать. По тому, насколько его оценка совпадёт с оценкой в глазах владык, будет принято решение. Дано согласие на создание дроида, метки, трона... Или отказ, если его представления неполны, легкомысленны, фантастичны... "Не дольку, а сколько?" — Сколько ты способен удержать? Гелиотроп про облачные эскизы повторил, создав, представляя их тронам: "Не дольки небес... Зёрна". Понимаете? Зёрна новых небес!.. По числу Восходящих... Так сказал, приумножив пространства... Единожды, хотел бы я встретить его в общей форме!.. До того собираемые Впечатления назывались "внутренним миром" человека. Была только одна внешняя реальность. Стало две... Не две!.. Миллиарды, то есть, бессчётное количество!.. Равновесных с той, изначальной, правда...

Индиго прекрасно видел, с какими кривыми усмешками слушают его оба хищника, в противоположность раскаявшемуся давно, влюблённому и рассеянному Дабл-Пириту... Его взяла некоторая недроидская досада. Желание, если не переубедить, так хоть уязвить их! Хищников, для которых посещаемые редко Собственные Миры — что-то среднее между кладовкой и тёмной норой. Спрятать что-то... Выспаться без удовольствия, но в безопасности... И досада вылилась в гимн... Начавшийся не с гимна... Впрочем, обратился он мимо хищников, к Бесту:

— Нелепое положение, для вас, для меня... О рамах и мирах рассуждать дроиду с изгнанниками и хозяевами миров, оставленных Я-Владыка, с теми, кто далёк... Я очень повзрослел, Бест, да, дроидом, не человеком. Но так суждено, фортуна... Не достаточно повзрослел, я бы мог что-то полезное разыскать для вас. Наверное... Вместо болтовни... Вы маленькие, и вас мало... На фоне... В сравнении... Знаете сколько их там, за рамами? О-о!.. Миллиарды чистых хозяев не покидают миры. Огромные и спокойные... Они воплощение самоограничения дроидов. Воплотившееся в самоограничении людей! Дроиды так хорошо всё придумали, что сделались не нужны. Им. Знаете, почему ещё примитивны дроиды? Потому что — вы — примитивны!.. Злые слова? Не так разве, Амарант, поправь меня. До дроидов люди накапливали знания, изобретали, каждый второй стал бы над первой расой, создав не

существовавшее прежде! И всегда они делали это вместе! Кому бы ни принадлежали прорывы, автором был коллективный разум, так? А теперь? Вам ничего не надо. И нам, соответственно. Ваши запросы просты. Просты и наши ответы. Людям на континенте и бродяжкам кочевым, хищникам надо куда-то девать время. Они — немножечко вместе. Они придумывают игры, коллекции. Музыку... Голосов, артефактов, движений музыку... Танцы, хотел сказать, Бест я теряю ваши слова!.. Соревновательность тут расцвела. Союзность вряд ли уже расцветёт... Ей требуются равно: доверие и обособленность, нехватка и щедрость. Как руслу. Реке. Помнишь речку в том мире, что недолго пробыл твоим гостем, Бест? Нужно довольно воды, но и узкое русло, иначе болото. А в мирах...

Индиго запрокинул голову, как звал Белого Дракона, теперь друга, вольготно, счастливо... И продолжил:

— ...совсем ничего не нужно... Что собирает Восходящий, эскиз, он собирает почти в слепую. Он не видит. Спешит. Он опьянён азартом, похож в этом на небесных бродяжек, на хищников. Но эксиз собран... И хозяин мира начинает осознавать... Его осознавать. Что сделал, осознавать... Открывать его, как неизведанную землю... Как распаковывать подарок себе... Он слушает пение Я-Владыка и наблюдает. Каждым следующим днём его отношения с Собственным... — поистине собственным! — Миром свежее. А не наоборот!.. Свежее!.. Сколько во Впечатлении Впечатлений?.. На сколько связных, разделимо оно, нерафинированное?.. То-то... Он вникает, видит, чего прежде не видел. Так в спешке нахватал... Он подробно и медленно думает...

Индиго взглянул на Гая:

— Медленнее, чем хищники смотрят в ледяные цвета. Его ум утончается. В Дом и Сад, собранными холодными дроидами, смотрит, замедляется, остывает. С ними сравняется однажды. В холоде или тепле, как сказать?.. Как посмотреть... И так, и так не совсем правильно. Потому что светит солнце, а он замедляется... Осознавая, тает... Вместе, вровень, в такт с окружающим. Сравнявшись, тает, идут дожди... С большим и большим блаженством. Не удерживая, осознавая медленное таяние. Бесконечный переход к теплу... Бесконечное приближение к недостижимой области Там... Достигаемой при каждом шаге... До последнего дня недостижимой... Таяние... Таяние... Выше к солнцу, к теплу... Но, не сравнявшись, не успокоившись, этого не достичь. Не начать даже... А сравнявшись, и однажды растворившись вполне, когда мало что осталось от облачного мира, он уходит в Там, в недостижимые пределы...

Индиго отвлёкся:

— Владыку Там что-то давно не видать. Никто не видел... И чехарда такая, ты обратил внимание, Бест, с областями в мирах?.. Трон его пуст... Его, конечно, дело... Но Доминго говорит, раньше такого не бывало. Миры прекрасны... Миры — вершина, выше Фортуны... А уж с возлюбленным, с гостем... — дроид в ультрамариновом сиянии вдруг встрепенулся. — Доминго!.. Ой!..

Драконом перекувырнулся и рассыпался на огоньки. Все засмеялись, красиво. Олив сидел, рукой прикрыв глаза, от ярких, синих лучей, наверно.

Глава 70

Глава 70.

Биг-Буро тянул время. Стиль его таков, и здравый смысл подсказывал то же самое. Поставь Дзонг-Ача категорическим условием его помощь против жизни Южного Рынка, Мадлен мог бы разыскать хоть сейчас. Она не была затворницей. Что даёт? Дзонгу нужны все галло и весь Гала-Галло, Кроха в особенности. Отдельным пунктом. Мадлен не доставит его туда. И не предаст. Какой бы надменной и коварной ни была, Мадлен не трус. И уж точно не дура. Предательство не спасёт, и оно ниже её достоинства. Продать ради развлечения, выгоды или мести, легко. Ультиматум перекрашивает их в гнусный, невыразительный, проступающий через все слои цвет. Цвет капитуляции... Неприемлемый для неё.

Что перевернулось у Дзонга в душе после неопровержимого аргумента Биг-Буро, после вихря, смятения чувств и мыслей, он не выдал, не выразил ни словом. Но Кроха, Кроха поднявшая руку над головой Вайолета, стала первой в ряду его приоритетов. Живой. Она — живой. Остальные галло не нужны Дзонгу. А нужны ему сведения, связные Впечатления, книги, люди способные рассказать хоть что-то про дроидов. Вот второй его приоритет. "Вайолет... Дроид?.. Дроид?.. Дроид?.."

Дзонг не покинул Южного и не ступал больше на рыночные ряды. Из подземных пустот, сырых поднимался к Буро… Выпытывать. Всё про галло. Про них и снова про них…Что слышно было про Гала-Галло за годы, тысячелетия? Кого видно, кого нет... И про дроидов. А Буро, помимо своей, никому не ведомой боли, ничего и не знал про них...

— Найди мне советчика! — шипела, смиряя голос, огромная птица в ночи, застывшая, сумеречная в сумраке шатра.

Дзонг не бродил по нему, не садился… Он застывал горой, тёмным пиком, и думал о чём-то и шипел, шептал:

— Человека найди, кто знает... Кто сталкивался, кто знает... Кто скажет, Надир... Как бывает с дроидами, кто скажет... Случалось ли что-то подобное... Найди!..

Буро знал имя подходящего советчика. Бест. И не спешил потому, отнюдь не спешил:

— Цонг, — звал он его по старому произношению, — я не уяснил ещё, насколько ты одержим. Как же я позову его? Под свою ответственность? Сюда позову... Ведь такие люди — не рыночные люди...

— Надир-р!.. — шипел Дзонг, раскатывая слога. — Надир, опять!.. Ооу, ты жалеешь о мальчике в жестяной одежде?.. Да... Понимаю, прости... Да-а... Твой ача сам напал. Первый... Ну, справедливости ради!

— Как-будто это важно.

— Да не особо... — облизнувшись, Дзонг медленно прикрыл веки и распахнул с короткой гримасой, усмешкой, какой не бывает у людей.

— Я не о прошлом, — отрезал Буро, — о будущем.

— Об будущем?! — прошипела огромная птица отчего-то проникшись злобой, на само слово что-ли. — Нн-а, слушай про твоё будущее, Надир!.. Не пытайся защищать галло!.. Не пробуй, Надир, не пробуй... Не плыви против меня, ооу?..

— Цонг... Я не про них. Я о советчике... Сядь! Ну что ты торчишь?.. Корягой на дне морском...

Ладно... Сел. Корягой морской. Рассмеялся, заново учась приглушённым человеческим звукам:

— О советчике?.. Ну, перестрахуйся, Надир!.. Принаряди его в жесть покрепче... Ахшшш-

ха-ха!.. У тебя много фаворитов, не хватает железа?.. Ооу— ха-ха!..

Буро дрогнул, разозлился. Само сорвалось с языка:

— Один. Из интересующих тебя, из господствующих над первой расой. Что, Цонг, не расслышал?.. Первой расой. Дроидов... Он зовёт их, и они отвечают ему.

Дзонг встал, взметнулся на ноги:

— Сказал, зовёт?..

— Зовёт. И вот ещё что... Дзонг-Ача, он, этот изгнанник, не близок, но весьма интересен мне. Так что, запомни: как бы ни повернулось, как бы ни сложилось, ача, нет... Ты понял?.. В любом случае. Его касательно — нет. Нет, Цонг... Угощу я тебя, всегда пожалуйста... Кстати, не хочешь ли согреться, скоротать время до утра? Попрохладней, погорячее?..

— Спасибо. Нет. Я не помешан на этом, как некоторые... Просто, чаще всего так удобней... И верно, теплее.

Биг-Буро покивал, соглашаясь. После чего жестом усадил чудовище обратно и предложил:

— Ты поднимешь обе руки. Левую как изгнанник. И правую как ача. И поклянёшься... Не поднимать их! Против него. Ни пирамидку, ни бокал ача...

— Надир-р!.. — заклокотал Дзонг, приглушать гортанный шипящий рык ему ещё учиться и учиться. — Ты слишком долго нырял... Фу, общался... С мелочью пыльных рядов... Со дуриками и шутниками... Я серьёзен. Заинтересован, Надир, больше твоего, видишь?.. А впрочем, клянусь... Ты упрям. Для чего?..

— Ты привык брать силой.

— А то как?.. Привык. Но это не делает меня идиотом!

"Вообще-то делает..." — подумал Буро, но ничего не сказал.

— Я клянусь, — Дзонг сверкнул в полумраке ладонями и опустил их. — Знаешь, поговори с ним сам. Только позволь слушать.

— Разумно.

На том договорились.

Глава 71

Глава 71.

Бутон-биг-Надир встречал Беста у ворот Южного.

Дзонг ждал в шатре. Непроницаемый в непроницаемом, громадном, сыром и холодном. За нерушимой стеной своего обещания, надёжной как рама облачного мира... Забавно, вот дроиды не суть правдивы... Они и не лживы, но... У них во все стороны столько вариантов. Бывает, Восходящий, устав от гонки из ливня в ливень, разговориться вдруг с дроидом про него самого. И после множества тонких нюансов: подчинения в семействе, пересечения, совмещения, деформации орбит, роли меток, силы связей, спросит что-нибудь, со словами: "А ты?.." Ну, ты такой-то или сякой?.. А дроид: "Меня нет..." Причём, на полном серьёзе. Спрашивай дальше: когда нет, почему нет, где?.. Бесполезно. Нет, и не было... "Уточнить, человек? Что?.." Нет, и не было. Ну, как тут разговаривать?

Дзонг неподвижно сидел за шахматной доской, брошенной при начале игры. Не совсем шахматной. "Острова" — название игры и доски тоже. Её не чертили, а заполняли рамку, низенькие борта прямоугольника плоскими "островами", овальными камнями одного цвета. Рядами без промежутков. Угол наклона овалов мог указывать направление хода для конкретных фигур, и различаться для двух частей доски. А можно и без этого. От шахмат остались король, всемогущий ферзь рядом с ним. Остальные фигуры упростились, но правила усложнили игру в том смысле, что сделали свободнее. Выставлялось по нечётному числу, различному для разных досок и партий — "марсов" и "венер" исходно, но венер стали звать "сателлитами". Так как, став вплотную к марсу, сателлит, спутник, защитник не позволяет его съесть, сам оставаясь открытым. Атаковать могут те и другие. Когда они по-отдельности, марсы способны пересекать целиком прямые и перпендикулярные направления, сателлиты — диагонали. Из положения рядом, когда марс защищён, ходят на один шаг в любую сторону. Левый и правый, крайние ряды доски — пусты. Называются соответственно "танатос" и "эрос", переименованный в "стрелка"... Да, за время существования игры и любовная фигура, и поле, — именно они переменили названия... Эрос, стрелок... В общем-то, логично, он стрелок, но не это в нём главное. Расставляя острова и фигуры, Буро вспомнил заново охотничье прозвище Симурга. Глупая, горькая утрата...

Боковые поля... Фигура, зашедшая в царство танатоса, влево — спасается на любой срок, но выходит первый ход пешкой. Попавшая направо, в ряд стрелка — должна выстрелить в течение трёх ходов по доступной горизонтали или одной из диагоналей, и, беря чужую фигуру, гибнет сама, не взяв, убирается всё равно. Но прикол игры не в этих частностях... Фишка такая: каждый играет за свою армию... — и за чужого короля! Ходит им. Своим не ходит... Такой специфический момент.

Буро с Дзонгом успели расставиться, разбить стройные ряды марсов и сателлитов, как пришёл посыльный. Один из тех, кому Буро обеспечивал неплохие места у рамы Южного в обмен на наблюдательность, быстроту реагирования при надобности, и мелкие услуги... Встретить же гостя и вежливо, и легче, чем беспокоиться за него. Буро утопал, Дзонг остался. Над партией он не думал. Он разглядывал крышку ларца, плоской коробки для островов и фигур. Перевёрнутый низ — игровое поле. А перевёрнутая крышка — кладбище съеденных фигур, или не принятых в игру. Таковых пока не было, и Дзонг рассматривал верхнюю часть, резную. Чёрное дерево. Размышлял о свойствах королей...

Биг-Буро умолчал про Господина Сому, чей дракон тоже помнил путь в Гала-Галло. Но, естественно, рассказал про Густава! Вернувшегося оттуда с Впечатлением Минта, с артефактом, пронесённым как оружие, с победой. Наглой, вызывающей победой. История не прошла мимо Буро. Как и тот факт, что немногим позже, измученный и взбешённый корнем Впечатления добытого на Горьких Холмах, жутким, неотвратимым Гарольдом, Густав вытребовал у Сомы дополнительным условием, показать дорогу в Галло. На, возьми... Отвергнутый облачным рынком, Сома аккуратно издали показал, втихаря. Густав у богатой рамы их, даже ящерку разглядев, сделал пируэт, усмехнулся и умчался. Теперь и его Белый Дракон помнил дорогу. О, это знание сослужило ему дурную службу!.. С водой Гарольда сравнимую вполне... Пока раздумывал о мести, и там раздумывали о ней же, на след обитателей Галло напал их личный враг. А значит и на его след! Такой заказчик, который лишён ездового дроида. Опасный на континенте, как опасен Гарольд видевшему его даже в одном касании.

Убрать с Южного Рынка Густава, вот для чего идеально подходит Дзонг! Один удачный грабёж ничего не значит, охотниц Гала-Галло не взять ему! Рекомендуя Густава, Буро их не подставит… Так утешал себя, убеждал себя. А у Дзонга быстро кончится терпение. Даже в самом облачном рынке, разве не продуманы у галло пути к стремительному отступлению? Наверняка. А Густав будет у Ача в кулаке. Дом Бутон-биг-Надира, это Южный Рынок. Он должен забиться прежде о своём доме, всех обитателях его, так уговаривал себя...

Что же до планов Мадлен, Буро не верил, что она сумеет найти против Густава достойного сюрхантера. Эта порода охотников, да не обманет её название непосвящённого, из благих побуждений не действовала. И соответственно, брали они не умом и терпением комодо, а полной отвязностью, чередованием мест, где не знали их. В сюрхантеры попадали редко мстители, часто — пресытившиеся игроки, авантюристы, кому в других областях никак не доставало риска! Биг-Буро настолько не верил в успех Мадлен, что предложил Дзонгу досмотреть её охоту на Густава прежде, чем начинать свою. Проводника к Гала-Галло он не потеряет!

Дзонг отложил в памяти упомянутую Буро, непонятную, но допускаемую гениальность охотника, чистого хозяина. В пользу её говорил статус, например. Говорил о предусмотрительности, здравомыслии оставленный в сохранности Чёрный Дракон. Смешны те, кто променял на живой артефакт телохранителя... На игрушку, на то, что можно купить. Отнять. Характеризует охотника и поражение нанесённое гордячке Мадлен. Всему рынку, но ей по определению. И наличие человека телохранителя, Хан-Марика... Какового упомянул Буро столь отрешённым тоном, что Дзонга обдало адской, ледяной угрозой... Как бывало со дна, от актиньи... И нет-то в ней ничего кроме шипов! Но и нет среди них малейшего не нацеленного. Нет такого, который не преисполнен ядом, оглушительным ядом... Таким ядом, как в голосе у Буро, что даже Дзонг понял, не будь дурак. Охота охотой, а упомянутого вскользь, телохранителя Густава и близко быть не должно. Ладно... Буро-таки союзник... Пусть гнездится в своей пыли, со своими фаворитами, в железных нарядах, ооу-ха-ха... Не про что спорить.

Время скрыться. Дзонг осторожно опустил на борта резную крышку. Конические марсы и рюмочные, перевёрнутые конусы сателлитов скрылись под ней. Скрылись два короля, подмигивающие чужому войску... Лица их прорисованы. Два ферзя, держащие секиры, пустой рукой манят к себе чужих королей. Зазывают прямо под секиру... Ларец тоже хорош, крышка хороша. Искусная резьба сплошняком. Бессюжетная сценка объединяла весь, наверное, пантеон античных богов.

Любопытно по какой причине... Из-за наименований правого и левого полей, где фигур

изначально нет? Резчик изобразил главенствующим не Юпитера. Громовержец присутствовал сверху, с другими в размер. Главенствовал в пантеоне Танатос... С погашенным, вниз опущенным факелом в руке. Полноправно восседавший на троне, прямой, чёрный, неподвижный Танатос... Поза его не подразумевала движения, в отличие от групп остальных богов, замкнутых друг на друга. Среди них выделялся по размеру юноша со стрелой, вынутой из колчана, с луком, оставшимся за плечами. Он единственный смотрит на Танатоса... Младшие божества резвятся. Танатос смотрит перед собой. И никто на него. В нарочито, подчёркнуто бесстрастное лицо. Не осветлённое, как другие, оставленное чёрным деревом. Блестит серебряный наконечник стрелы. Резная рука, отполирована руками, бравшимися за крышку. Потому что он сбоку. От центральной фигуры дальше всех. И ближе всех к ней по размеру. Костяшки пальцев, сжимающих стрелу, блестят. Так напряжён, как живой. Кажется, острие слишком прижато к груди, он поранится сейчас... Почему лук оставлен за плечами? Почему он видит того, кого не видят остальные?.. На кого не желают взглянуть...

Дзонг античных легенд ни в каком приближении не знал и не интересовался. А Биг-Буро, куда чаще, чем затевал игру, размышлял, ларца не открывая, над этой сценкой. Над пустым колчаном стрелка.

— Долг, это когда ты кому-то задолжал! — неоспоримой банальностью отреагировал на признание Беста Биг-Буро.

Признание в том, что да, освобождая рабов, Оливковый Рынок изгнанники по ночам грабили, и он лично, и грабить будет, так понимая свой долг.

— Ох, Бест, пойми, они ещё как-бы люди... Но они уже как-бы чьи-то... Ну, не твои!.. И твоими не были, что главное-то!.. Ну а если Собака Моря сделает себе чашку для питья из раба, её ты тоже украдёшь? В праве сочтёшь себя? Я вовсе не против весёлых грабежей, я против приклеивания к ним лишних, неподходящих слов. Типа, "долг", "право"... Грабишь и грабь, что такого?.. Я вообще не к тому спросил, а к тому, что опасно это. Конкретно там... А ты сразу!.. Грабь, но зачем там? У тебя мало людей? Сколько-то досталось другому, это задевает тебя? Признай, это просто жадность. Неосмотрительный риск рука об руку ходит с глупой, глупейшей жадностью!... Уж сколько я повидал, не ошибусь. Это — его — "братья", Бест, его пленники!.. Как можешь ты что-то быть им должен?!

Да, ощутимая разница подходов... Бест открыл рот в сотый раз повторить, что в Архи-Саду нет никаких "его" людей. Но закрыл, бесполезно.

— Биг-Буро, вот скажи... Я однажды выиграл очень важную для себя партию, игру. И получил ставку за неё. Высокую... Чрезвычайно. Только потому я её получил, что проигравший не захотел нарушить слово!.. Только поэтому! Он задолжал, да. Но гарантов, поручителей не было в помине, и быть не могло. Как вернувшийся из океана, извини, если упоминание неприятно тебе, ответь, что заставляет вас, тебе подобных, говорить правду, слово держать всегда? Перед кем угодно, а значит — ни перед кем конкретно, знакомец он или незнакомец, ведь вы не должны... Что заставляет?

— Потребность внутренняя, — сразу ответил Буро, без размышления. — Глубинная внутренняя волна... Важно идти в потоке. Без течения пропадёшь... И что значит "заставляет всегда"?.. Ей можно противостоять, легко! Но не надо. Не умно это, ей противостоять. Иначе всё скривится, и дальше криво пойдёт, хуже и хуже. Перестанешь чуять вообще... Направления, приметы... Так многие пропадали... И не разогнаться без течения как следует, ни за кем-то, ни от кого-то... Я в морских терминах...

— Вот!..

Буро отставил, едва подняв, непочатую пиалку и воззрился на него:

— Что — вот, Бест?! Мы вроде бы о земном?.. Меня спрашивают — я отвечаю! Отвечаю правду, пол правды, либо молчу. Я же не крадусь тёмной ночью на чужой рынок, в чужие шатры, чужому — черти придонные! — имуществу поведать слово правды?! О котором меня и не спрашивали, а?.. Как я могу быть это должен?!

— А бывают черти придонные?.. — примирительно вильнул в сторону Бест.

— Нет, конечно... Ха-ха, сухопутные бывают, я, например! Человекообразность убывает с глубиной... Ты серьёзно спросил? Запомни на всякий случай: на волнах и на самом дне... Если там или там увидишь кого-то выглядящего реально, полностью человеком, — беги! Будь уверен, он дальше по-природе от человека, от демона, чёрта морского и неморского чем самые страшные формы. Он наверняка тень, целиком ловушка... Грабил и буду грабить?.. Ох, Бест...

Приглашая, зазывая, намереваясь предостеречь, или даже выкупить для него сколько-то рабов, раз уж надо ему, Буро и не думал затевать спора с Бестом! Касательно подобных проблем, всегда личных, на Южном просили кредита, отсрочки или поручительства. А тут с ног на голову!..

"У него дроидское какое-то понимание долга, не человеческое. Дроиды изначально должны, они служат. Со временем или обстоятельствам служба их бывает прекращена... Но с людьми — наоборот! Требуется вроде как момент образования долга. Хотя… С определённого момента неоплатным, до смерти простирающимся он вполне может стать... Праздная философия... Бест, грабишь опасного ведь зверя! Если тебе нужно, скажи кого или скольких... Всех что-ли, оу?.." Буро озадачился не на шутку...

"Оу?.." — это окрик подводный, "эй!" или "ау!"... Или, чаще шёпотом из-за спины, из-за коряги железного дерева, из сине-зелёной толщи морской: "Оу?.. — Попался, приятель?.."

Не думал спорить!.. А зацепился с первых же слов, как Мурена.

Он верно угадал, Пёс именно терпел их ночные налёты. Олеандр имел для него запах тревоги, запах "стоп". Но причина не в нём. Терпел в надежде на визит Олива. Провожатым. Вдруг?.. Когда тот нашёлся, — в ожидании боя. С завтрашнего дня это обстоятельство утрачивало силу. Если, с почти стопроцентной вероятностью, поединок завершится в его собачью пользу, терпеть грабителей — смысла больше нет...

Буро опасался. Хотел как-то разрулить. В сущности, он делал ровно то, про что и заспорил с Бестом: встревал за чужих, неизвестных ему людей! Впрочем, с ходу бы отмёл: "Долг-то тут, где проплывал? Это прихоть... И деловые связи с необычным сообществом в небывалом саду... Яблочки, ягоды всякие... Можно торговать..." К дроидам он так и забыл бы склонить беседу, но она развернулась сама.

— Биг-Буро, соглашусь. Не бывает сначала долг, а должник затем. Но когда мы одиноки? Плыть прямо в потоке, не означает ли прямо к тому, кто маячит у нас на пути? Вкривь не означает ли в обход его? Они есть там, на Оливковом Рынке "братья", рабы. И я это знаю! Что, обязательно глазами видеть? Обязательно чтобы они видели меня?.. Даже в высоком небе, разделённые рамой мира мы не отдельны, не одиноки! Небесный бродяжка, пролетающий мимо, выбирает, приблизиться ли ему, заглянуть ли? Хозяин мира выбирает, подойти ли, выглянуть ли?..

— Ну, выбирает...

— Ну?! Так я добавлю слово, чтоб стало ясней! Оно не нравится тебе?.. Ничего не поделаешь, тут ему самое место!.. Каждый из них — должен! — выбрать. Поздоровкаться или нет? Ради секундного знакомства или нет? Ради сугубого коварства или нет?.. Улыбнувшись? Искренне?.. Представившись? Честно?.. С дурным ли намерением или добрым? И так далее, одно за другое цепляется... Как ты сказал, криво пойдёт и ещё кривее? Вот именно. В обход, это

и есть кривее!..

Буро скривился... Всё охотники Южного и исчезнувшего Центрального пронеслись перед его внутренним взором. Тренировавшиеся как раз на таких, наивных, идейных, поглощённых представлениями о жизни, вместо ежесекундной внимательности к ней.

— Биг-Буро, — упрекнул его Бест, — что может быть проще, чем отвергнуть? Я не Восходящий, не ребёнок. Я видел много человеческих и нечеловеческих охот... Даже устраивал... И что? Случается, кто-то один должен выправить кривизну двух путей. А не выйдет, что ж... Пусть Фавор благословит остающихся!.. Так дроиды говорят, и у них многое не получается...

— Ты хитрый, Бест...

— Подожди, я доформулирую. Про слово, про него само. Зная о чём-то... Нет, шире: предполагая что-то, ошибочно или нет, я — должен — сделать выбор. Подойти или отвернуться. Именно — должен. Потому что я в любом случае его делаю! Принимая, отвергая — делаю. А отпихиваться от слова "должен"... Извини, попросту означает признавать, что ты делаешь с закрытыми глазами то, что следует делать с открытыми! Выбирать!.. Биг-Буро, выбирать... "Должен" относится к шагу, который позволит следующие шаги. Не мимо. Пускай в лобовую, но не мимо.

— Пас! Принимается, — Буро вскинул ладони по-морскому, засмеялся, покачивая головой, тюльпаном золочёной короны. — Возразить нечего!..

— Фу... Устал как в конце гонки...

"Понял я тебя, Бест, — подумал Буро. — И судя по тому, что я понял, не отдохнуть тебе от этой гонки до конца дней..."

И тут сам Бест заложил в сторону дроидов вираж:

— Знаешь, про первую улыбку через раму, это верно, но, оговорюсь, не всегда... Не со всеми. Восходящий, к примеру... Слышит манки. Среди них различает вдруг единственный. Манок главы, своего главного дроида. И не может не улыбнуться! Выбора нет. И это ещё законно. Это правильно, наверное... По крайней мере, сейчас так устроен мир, а он устроен неплохо... На манок, на первую улыбку Восходящий не может не ответить. Не он должен, дроиды должны. Они служат и им не обойтись без этого, без связи. А дальше, по завершении эскиза — череда прекращений. Окоём запретов. Запрет на любимчиков. Иначе не честно. Дело не в том, что дроид начинает служить одному! Наивная версия. И ошибочная, он остаётся в распоряжении тронов. Дело в том, что не честно, выбора у человека нет. Дроид притягателен, 2-2 из тронных. Он прекрасен, заданная характеристика. Совсем предопределено. И запрет воплощаться. Дроид безупречен. Это не честно. Никто не будет искать меньшего от большего. Никто не предпочтёт общество людей обществу дроида, мыслям о дроиде... Это ужасный шанс человеку потерять всё. Абсолютно и разом...

Бест замолчал. Он так и не выбрал из пиал налитых до краёв, выставленных любезным хозяином. Рассеяно трогал воду. И чудовищу перед ним, и чудовищу за ширмами в глубине шатра эта тема, как ожог, слишком близка.

— На чём же мы порешим с вами, грабители Оливкового Рынка?

Бест пригубил перламутрово-белую кайму белоснежной пиалки... Пятицветный витраж, Впечатление собора... Взглядом поблагодарил, чудное. От лучей до хора. Хвала на древнем языке возносилась к разноцветным, лучами пронзённым, стрельчатым окнам, гуляла под сводами... Чудное. Отставил пиалку и подытожил:

— Завтра увидим. С прежним хозяином рынка мы уже знакомы. Если удача окажется не на

его стороне... С теперешним ты представь нас друг другу. Не откажешь?.. Мы и дальше будем грабить, а он ловить!..

"О-хо-хо... Всё с тобой, Бест, понятно".

— А с чего ты взял, Бест, что именно утрата дроидской безупречности, а не всякого друга, станет роковой? Не веришь в хороших людей?.. Встречаются... С другой стороны… Трудно вообразить благополучие осколка оставшегося и от человеческой влюблённой пары...

Буро крутил большими пальцами над скрещенными в замок, задумчиво на них глядя:

— Среди борцов с правого крыла такие забредают ко мне на пару коктейлей в сезоне, расплачиваясь всем выигранным за сезон... Оно им не надо, им некуда девать себя...

— Это временное явление. Я ни с чего не взял, а слышал и согласился. От неизначального дроида, приятеля. Мы запреты обсуждали...

— И что, есть объяснение феномену? Человека ты потерял или дроида, в чём измерить величину потери? Остаются, так и так, для хозяев мир и дракон... Белый Дракон, небо и море — остаются? Или пропало больше?..

— Да...

— Да, остаются? Да, большее?

— Да — остаются.

— И?..

— Ты сам ответил...

— При всём уважении...

— Туманно выражаюсь?

— Излишне лаконично.

Немного соловый взгляд Беста прояснился, упав на ироничную, неколебимо терпеливую полуулыбку хозяина:

— Виноват!.. Ты тоже... Биг-Буро, Впечатление волшебное, захватывает, Сог-Цог!..

Они ударились пиалками с Буро, и Бест допил перемешанный глоток:

— Я сейчас с дроидского рынка на земной, а там... По-другому общаются. Я имел в виду, что если б море и небо пропали ко всем чертям вместе с любимым, это бы и славно, это решило бы проблему. Ан, нет... Вопрос орбит... Дроиды выражаются орбитами, ими мыслят. Существуют ими же, как и мы, с их точки зрения, наверное, объективной. Не стоит представлять их круглыми! Орбита — замкнутое русло. Причудливое, немыслимой протяжённости порой... Сложности невычислимой даже для владык!.. Потому они впрямую спрашивают, что там, на орбите, есть ли антагонист?..

— О, русла... Как у огоньков, что видны под кожей? У блеска, игры, шептания в Туманных Морях дроидов?..

— Да-да... Если наукообразно... Люди — плотные орбиты, взаимодействуя, перепутываются самыми внешними. Дроиды — совокупность широких, свободных орбит. С Восходящим пересекаются, как повелит глава семейства, тоже внешними. А перепутавшись в долгой дружбе, особо в любви — перепутываются всеми. Вбирают. Дроид — весь мир. Потеря его — потеря не собственного, а вообще всего мира... Ты так и сказал: небо и море остаются. К несчастью... Представляешь, какой кошмар? Остаётся одна, абсолютно пустая, орбита общего поля... И что делать с ней? Что делать в ней? И зачем?

Да, это Дзонг понимал, очень хорошо понимал... "Они не остаются, небо и море... — подумал он, прикрывая тяжёлые веки. — Они меняются местами — небо и море. И ты падаешь, куда бы ни летел, ни плыл, отныне ты падаешь... Вниз, вниз и вниз... Изгнанник не знает, о чём

говорит, друг дроидов от них далёк..."

— Ты понимаешь, Биг-Буро, что плохо, то и хорошо... То и плохо! Ха-ха, запутался!.. В союзе человека с дроидом оба менялись и оба переменились, и оставшийся уже больше ушедший, чем тот, кто ушёл. С дроидом в союзе, как... — Сог-Цог!.. — вода с водой... И вот он остался один, сохраняя... Назови как хочешь: в памяти, в уме, в сердце... — в себе ушедшего, прекращённого дроида. Но дроиды служат! А он — нет. Дроиды ориентированы на людей. А он — нет. Эта мысль ему дико смешна, смехотворна. Он ведь остался эгоцентричным, как Восходящий. Привык к обволакивающему покою, дридскому, безупречному... А что такое люди в сравнении?.. В общем, понятно...

Бест сощурился, вспоминая:

— Про одного слышал я, не погибшего, не падшего в отчаянье. Тот человек вполне, сверх ожиданий тронов заменил прекращённого дроида! Феникса... Он общался с тронами, им служил... Что вписывается в доказательство... Как бы зеркален покинутый человек, и на зеркале — отражение дроида... Такое слово "отражать", двусмысленное... "Отталкивать, отбивать" — среди его значений. Такой человек и отталкивает: других людей, будущее, надежду, себя самого. Но есть и второе, прямое значение слова... Возможна аналогия с такими "отражающими" страницами технических Вирту, на которые загодя нанесена таблица, счётчик, видел их? Расположенное напротив отражается в нём, сразу переведённым в специальные единицы, проценты, сведённое в график...

— Так память о друге, — поддержал Биг-Буро, — о возлюбленном на нём за долгие годы нанесена?

— Да, о том кто по своей природе способен безупречно служить. Отражением прекращённого дроида занято зеркало, отпечатком его орбит. И это не мешает, а помогает. Позволяет быть дроидски точным, дроидки неутомимым, направленным только ко благу... Редок подобный исход...

Биг-Буро знал ледяные цвета, с моря, а как феномен — от Гая. Объяснение напрашивалось:

— Человек переживший утрату дроида, он как бы замедлен, холоден навсегда… Не ускоряется больше, зеркален, это мне знаком. Но Бест… Если ты говоришь, что такие полезны тронам? То всерьёз ли, не притворно они противодействуют союзам дроидов с людьми? Или троны не прагматики?

— Прагматики. Но в первую очередь, они — дроиды, во-вторую троны. Непритворно.

— Их рациональность негибка?

— Ты знаешь, Биг-Буро, дроиды — формалисты. Тут разница... Утвердившись, они — сама конкретность. Иерархия запретов — чёткое выражение технической стороны дела...

— К примеру?

— К примеру… Главенство запрета на признание. Третьего! Не на пустые слова... На поступок финальный... Уплотняющий в трон часть дроидских орбит. Не при образовании семейства уплотняющий их, а просто так, своевольно...

"Трон" это не то на чём сидят, а то, в чём отражается внешний мир и представление о себе. Отражается семейство — для владыки, возлюбленный — для нарушителя... Глава семейства постоянен в отношении всех своих дроидов его. Семейство изменчиво, а он постоянен. Он видит его отражённым в троне своих центральных орбит. Непрерывно и целиком. С нарушителями тоже самое...

— А отражение, Биг-Буро всегда взаимный процесс... Представь же себе зеркало перед зеркалом... Дроид перед человеком... Последний, кто видел воплощённого дроида, кто распознал

его, кто услышал признание или увидел без слов, волей неволей, буквально переплетён с ним... Повторил его орбиты своими. Перенял. Оставшись при своей, человеческой плотности. Не будь запрета, скорого возмездия, продлись это переплетенье на годы, кто знает, как бы они исказились? Каким рискам, нечеловеческим абсолютно, в истории прежних эпох небывалым, подвергся бы человек, внезапно обретший близнеца? Сколько дроидской силы перешло бы к нему, и как бы он ей распорядился? Индиго, мой друг, он говорит, что таковых всегда страшно заносило, плохо кончалось...

Бест подумал и добавил с сомнением:

— Вообще-то, это неправда, но есть мнение... Дроиды, они смерти не боятся. Однако, на разных этапах существования... Знаешь, как закладку оставить в пластическом Гига Вирту, что-то дорисовав. Заложил, захлопнул — оно сохранится. Так дроиды намеренно сохраняются иногда. В вещах особой формы. В атласах, схемах. Отпечатываются, чтобы можно было восстановить. И говорят, хотя это неправда, что и признание перед человеком используется для той же цели... Он не забудет. Не сможет забыть. Сохранит схему орбит в неприкосновенности.

"Последний?.. — тихо прошипел Дзонг. — Последний, кто распознал дроида?.. Последняя?.. Ооу!.." Тяжёлые веки распахнулись, засветились подводным светом глаза... Как не пробили ширмы лучами?.. Дзонг слушал, слушал, опустив голову на чёрный ларец. И теперь резной венок Танатоса отпечатался на его лбу, венок из увядших листьев.

Глава 72

Глава 72.

— Погоди, — зацепился Буро, припомнил, — ты сейчас с дроидского рынка?!

— Ага.

— И как там? Дроиды не обязывают тебя к молчанию? Я, Бест, не летаю. Не буду уже летать... А интересно.

— Дак-ээ... Посещение его зависит не от летучести, от приглашения! Что интересно, как выглядит? Мило, обыкновенно. Площадь, окружённая садом. Аллея к ней.

— Как устроен!

— Дак... Биг-Буро, устройство-то глазами не видно... Изнутри, собственно, тоже, как в скрытой механике... Разломал её и что? Пудра разлетелась, слизь растеклась... Надо атлас иметь по свойствам, и кого-то знающего, кто прочитает тебе... А дроиды вслух мне не читают!.. Я по их просьбе — да!

Бест отпил из следующей пиалки.

Буро умел дарить и угощать... Безо всяких теней, шедевры его коллекций выбивали из колеи... Он знал это, и собирался выбрать, что попроще, не отвлекающее, но не смог изменить себе! Впечатление храма, снова храма... Кто оставил его во влаге?.. Оно кружило голову. Этот кто-то строил, на Белом Драконе кружа, купол, удлинял шпиль... Над шпилем парил сложный символ последней эпохи. "Узел Пяти Измерений", символ единства людей и дроидов... Не древних верований храм... Высотища, игла шпиля, головокружение... Некто вытягивал его и золотил, ввысь, вдоль иглы...

— Хочешь прикол? Тамошний? — Бест допил, запрокинув голову, чтоб второй раз на Впечатлении не улетать. — Для высших дроидов очень важна техническая разновидность подчинённых называемая "метки". Важна для междроидского взаимодействия. Но сколько я ни выпытывал, а какие бывают? — "Всякие. Разные... Всякие-разные..." — Я уж подумал, они что-то скрывают... Но почему прямо не сказать? Как один дроид ответил: "Послушай, им же нету названий на вашем эсперанто! Переводи! Только не с нашего эсперанто, а с общедроидского, можешь?.." Шутит так. "На нашем эсперанто несколько спорных, переходящих меток заимели названия, а остальные девяносто девять процентов нет. Межметочные они, подуровень. Вы дроидов не конструируете? И люди последней эпохи тоже вручную не собирали, термины для частей им были не нужны". Я признал его правоту, грустно, но верно... А прикол, Биг-Буро, состоит в тонком моменте... На эсперанто дроидов нет таких слов и понятий, как "всякие, разные" — нет! Принципиально не существует. Не знаю, понял ли это он сам, но дроид говорил со мной стопроцентно как человек! Якобы они так не умеют... Ответы, подобные этому "всякое-разное", ведь значат — "отстань"... Амарант часто повторяет тяжеловесную старую цитату, я уж выучил её: "Обобщающие слова маркируют слепое пятно, в освещении которого кто-то не заинтересован... Стену вокруг непонятого возводят..." Я согласен, да, они — финиш мысли... Обобщающие?.. Но они все таковы... В той или иной мере. Если б не дроид, я б не задумался. Амарант да, конечно, ему вернёшь его же логику: что море "ужас-ужас и гадость-гадость", это ты издали постиг? А поближе посмотреть? Завместо обобщающих слов... Думаешь, что-то отвечает? Ха-ха!..

— Но море действительно гадость! Ты любишь слова?

— Я на драконе люблю гоняться! По мере того, как группа слепилась, приходилось отстаивать, убеждать, переубеждать, да... Увлёкся. Почувствовал их силу.

— А тот, которого навещаешь на дроидском рынке, зачем он там? Ты упоминал, но, честно,

не сложилась картина.

— Змей? Поле взаимодействия. Знаешь, Биг-Буро, почему не сложилась? Я и сам тогда поверхностно понимал. До недавнего времени. Надо и надо, мало ли чего дроидам надо... Совершенно случайно разобрался! Вникая в их, дроидов, бытие, мы однобоки очень... Заведомо совершаем крупную ошибку, с единственной точки обзора глядим — снаружи, не из-за рамы. Все мы: хищники, торговцы, изгнанники. Затворников миров не учитываем, иного взгляда. А ведь он должен быть нашему, пожалуй, и противоположен... На континенте, зайдёт ли о трёх расах речь, недолго ждать бессмертного поворота...

— ...а не могут ли дроиды быть злонамеренны?! — хором закончили фразу и покатились со смеху.

— Точно, точно!..

— Вечная тема. Но это подальше от технарей, среди публики попроще так откровенно звучит. Среди тех, кто дал себе труд почитать и подумать немного, атласы, историю... То же яйцо, вид сбоку: как получилось, что всё обеспечивают — они?.. Хранят, формируют, направляют. Ну, не слишком ли это?

Поколебавшись, Бест взял очередную пиалку:

— Кажется, ответ лежит на поверхности: нет, не слишком. В самый раз! Даже мои, повёрнутые на разногласиях друзья, — Бест припомнил Римлянина с Амарантом, порядком замучивших его, — они согласно подтвердят: "Люди всех эпох стремились к чему-то подобному". К такому вот, предельно необременительному положению вещей. Стремились, кто спорит. Но ведь окончательно утвердили такой порядок вещей уже не люди, сами автономные дроиды! Речь о них, заодно самоназвавшихся "высшими". На последних этапах они решали. Почему же они решили так?..

— Почему, Бест?

— А ты как считаешь? Срок завершения эскиза плюс общение с другими людьми, вот всё, за чем должен следить сам человек. Ответственность за что лежит на нём. И то Чёрные Драконы в драки встревают! Остальное — они, дроиды. Почему? Есть вопрос ещё любопытней...

Тот вопрос, он у тех возникает, кто не Восходящим, для него схема отлажена, а после хоть сколько-то с дроидами общался, вёл с ними дела сознательно. Растёт подспудное недоумение... А почему они — высшие дроиды! — не всеведущи, грубо говоря? В услышанное долго вникают... Понимают превратно... Весело смеются в ответ... Вместо ответа на простейший вопрос... И главное: относительно друг друга почему так плохо, запутанно скоординированы?

— Почему?.. — вопрошал Бест. — Скажи, это странно!.. Семейства конкурируют за дроидов. Борются дроиды внутри них за трон и за имя семейства. За дроидов "метки". Одни нуждаются в других ради лучшего понимания людей... Избегают и притягивают своих антагонистов... Есть длинные гирлянды 2-1, где каждый знает двух соседних дроидов и всё. Не продвигается никогда по гирлянде, по цепочке. А есть "друзы" на единой платформе и среди них "друза поисковиков". Сформированная из одиночек без антагонистов, через неё обратная связь — вольные дроиды ищут владык помимо рынка... И людей. Она-то может вмещать людей! Такое бывало. А ещё... Я увлёкся. Короче, это странно, да?

Буро кивнул и Бест продолжил:

— "Странно" — человеческое слово. "Почему?" — тоже очень человеческий вопрос, обтекаемый... Нет бы, мне сразу спросить их: "В какой момент?" При каких обстоятельствах установился такой порядок вещей? Слово за слово распутали бы... Хочешь узнать, как получилось? А вывод могу сразу сказать: они сохраняли элемент случайности. Берегли то, что

невозможно сберечь, чувствуешь абсурд?! Как сохранить?.. — Непрерывным воспроизведением!

Как и всё живое. Это и есть жизнь, воспроизведение при непредсказуемой, но не безграничной вариативности. На один временной момент приходится один выбор. Иначе преемственность распадается, последующее не приемник предыдущему... И дроид Восходящего ни в коем случае по запросу не взвешивает сам, не просчитывает варианты. Он раскрывает их веером! Включая и те, что заведут в тупик. Возвраты, повороты не менее важны. Владыка сопровождает Восходящего. Даёт ему сопровождающих из семейства, из вольных 2-1. Они тоже вправе подопечного передавать... Дальше, от дроида к дроиду... От тучи к туче... Иначе небо заполонили бы однотипные облачные миры.

— И как ты нашёл ответ?

— Говорю, случайно. Есть, Биг-Буро, ты в курсе, помимо запретных Впечатлений, запретные артефакты. Так получилось, что тексты попали ровнёхонько в промежуток между! Книга — и артефакт, и не артефакт! И Впечатление, и не Впечатление!.. Возможно, это книга про оружие и применение его, но... Прочитать и представить?.. Нет, не запретно. Нет запрета на обмен информацией между людьми. И тут я с дроидами опять согласен: уничтожать книги то же, что зашить рот или руки связать. Невозможное решение... Так вот, мой друг, Амарант, он историю порядочно знает... И сидит он однажды за Вирту, держит страницу двумя пальцами... Указательным держит, большим постукивает... У нас в саду Вирту немало, но всё больше порченые. Водой, и от времени. Я подумал, и это сломалось, держит, чтоб не листалось само, страницу вызывает. Не сломалось. Когда он подозвал Римлянина, и уставились оба молча... Молча! А не поругавшись за пять секунд — они, Биг-Буро, друзья заклятые, нет такого предмета, в отношении которого сошлись бы во мнении — я подумал, там что-то новенькое... Для обоих. Решил заглянуть. Не ломаное было Вирту... Там стояло две даты. Их Амарант и осмыслял. Глава на одной дате заканчивалась. А следующая глава начиналась отнюдь не с неё!... Историческое Вирту времён дроидов. История общая: страны, конфликты, транс-группировки, архитектура, новинки техно... И дырка в датах. Небольшая, меньше ста лет. По дроидским меркам — ничто. Но — что?! Что в ней-то?.. Ага, я заинтриговал тебя!.. Сначала скажу, что за ней... Со второй даты начинались, Биг-Буро, — облачные миры! До неё ещё материк — под лабиринтом парящих над ним городов, под облаками и Белыми Драконами... Облака, как хранилища Впечатлений... Дожди, как украшение бытия... А после, на следующей странице — надёжные рамы и Собственные Миры за ними, не доступные никому без воли на то хозяина...

— Заинтриговал... Бест, на рынках за куда меньшую информацию торгуются. Её продают.

— Перестань. Сам хочу проговорить... Слушай...

Ради наглядности Бест ссылался на то, как Змей иллюстрировал лепку сложных теней из простых... На то, как послойно образуют, — это Гай уже, — из похищенных скрытую механику, не в состоянии удержать все слои, структуру и свойства материалов в уме… Бест изложил формирование человеческого тела в эпоху до дроидов. Разворачивание. Рост. Как всё-при-всё записано... — "в такой вот спирали" было. А спираль пребывала... — "ну как-вот сейчас в каждом огоньке дроидов в теле". Нет, не для всех людей одинаковая! Нет, не раз и навсегда. Они воздействиям открыты, эти спиральные строки. Но пребывали практически неизменными в носителе от рождения до смерти.

"А что записано в них, по сути?" Всё. Исходник. Характеристики. Преимущества. И, естественно, недостатки. Ошибочные ходы тоже фиксировались и сохранялись. Притирки

между внешней и внутренней средой требуют подчас противоположных решений, сложных, гибкости требуют. Ошибочного, как такового, при подобных условиях быть не может... Приторможенное есть. Спящее... Может когда-нибудь пригодится...

Может. Но использованное единожды как тяготит впоследствии, хранимое про запас! Оно не лежит камнем, ничто живое не лежит, иначе сдохнет! Оно пульсирует, перепроверяется внутри. Оно требует контроля, специальных условий хранения. Требует сдерживания при меняющихся обстоятельствах. Бывают и случайные поломки. Представь, ошибка в тексте. Или враньё. Или, как в этом Вирту, пропуск на самом интересном месте...

— Бест, о пропусках... А какой из дроидов рассказал тебе, что осталось дыркой в датах?

— Тёплый, вольный дроид... Кстати, друг того человека, из-за которого завтра бой на Оливковом Рынке.

— Дроид подружился с борцом?! Серьёзно?

— И давно.

— Чего только не бывает. Я перебил...

Дальше. Технари прежней эпохи задолго до создания первых универсальных, полноценных роботов, — про неавтономных дроидов и речи ещё нет, — научились читать этот спиральный код и вмешиваться в него. Но поскольку аккуратности и комплексному взгляду на процесс они не научились, вмешательства их широкого распространения не получили. Как удачные из них, так и казуистически неудачные по большей части оказывались нежизнеспособны, сами себя воспроизводить могли недолго, за исключением растений, но речь о людях...

С возникновением автономных дроидов ситуация резко изменилась. Они-то как раз были исключительно аккуратны. А предусмотрительность их, широкий взгляд на перспективу привёл к решению внутри-дроидскому, совершенно логичному, определяющему их действия в отношении человечества по сию пору... На том, начальном этапе, оно едва не стало роковым. А именно: принцип наименьшего вмешательства. Но — это декларация о намерениях. Инструкция на её основе: минимизирование при любом вмешательстве структурных изменений. Их количества, их радикальности, их необратимости. Продолжительности, если ситуативное вмешательство — лечение, адаптация.

— А возможно-то было всё что угодно! Зачем Белые Драконы? Почему людям в общем поле Юлы самим не летать?.. Затем, что сохраняли — людей.

И органы чувств прежние, не считывающие в среднем состоянии фактически доступного им, цветов горячих и ледяных, широкий спектр звуковой... Инструменты дроидов для людей только игрушки потому, что улитка — считывающая часть, интерпретирующая — сам высший дроид.

Казалось бы, чем плохо? Отсутствием стратегии. Плохо?.. Ужасно! Без стратегических представлений тактические решения мелки и фатальны одновременно! Без представлений, без мечты... Без будущего во всей красе ошибок и фантазий!.. Которое обязано превзойти и самые страшные глупости, и самые дерзкие надежды!.. Удивление-цвет-Фавор!.. А если всерьёз полагаешь сохранить застывший порядок навеки... Ты просто дурак!..

— Удивление-Синь-Фавор!.. — повторил вдруг Бест голосом напевным, приобретшим дроидскую колокольную звонкость. — Дроиды так говорят. Это их восклицание радости, что-то вроде: "Ах!.. Человек образумился, хищник раскаялся!..."

Цветок и цвет его имеются в виду, дроид-метка в виде соцветия, зонтика. Она очень

мощная, четыре трона по очереди ею владеют. Гелиотроп придумал, он и дал название: Удивление-Цвет-Фавор! А "синь" на дроидском эсперанто, означает "цвет". Любой. Для них любой цвет — синий, дальтоники! Не, оттенки есть, примеси. По тронам как бы распределены. Доминго — чисто синий, ультрамариновый. Сад — в красные, Августейший — в зелёные... Семейству Там близок жёлтый цвет.

— Я противоречу себе? Нисколько, ведь оно — там... И тёплое. Оно наоборот. Синее наоборот...

Запретив себе стратегические вмешательства, автономные дроиды избрали тактику решения непосредственно возникавших проблем. Если это можно назвать тактикой!.. Самоустранились этим самым...

Они сконструировали мельчайших дроидов, которые поддерживали в порядке систему внутренних органов. А порядок же в системах зависит от внешних неприятностей и внутренних проблем, проблем со спиральным кодом. Дроиды добросовестны, но нечутки, некоторая унификация людей началась тогда уже, при исправлении недостатков... Пустяки. Принципиальный вопрос встал позднее, когда выяснилось, что легче, да, практически единственный путь выживания, не выкачивать последние ресурсы земли, а перейти на неисчерпаемый водный ресурс. Вода и соль. И солнце. Планету всё равно трясло. Долго и неслабо... А однажды, в последний раз...

Тряхнуло так, как пожелали дроиды!.. Одновременно с Юлой, новой осью вращения, возникло общее поле, позволившее перекодировать на дроидский язык спиральный код, тела перевести окончательно на соль и воду. Набрал полную интенсивность процесс переноса во влагу того, что назвалось связными Впечатлениями. Прежней земли к тому моменту не то что не стало, но она стремительно пустела. Зверей в помине нет. Растения — несколько видов, мутировавшие из съедобных, нейтральной базы органики. И те стали не нужны... Память о прошлом земли проявлялась ярче и хранилась надёжней не в руинах, а в ливнях...

— Сог-Цог, Биг-Буро!.. Восхитительное, благодарю! — Эпохи хранились в красоте связных Впечатлений!.. И вот мы: та же структура тел, поддерживается лишь влагой, те же органы чувств, и те же мельчайшие дроиды следят за сохранностью всего этого, каждый раз обращаясь к переведённому в огоньки спиральном коду, сверяясь с ним".

— Бест, а тогдашние люди вообще-то принимали участие в обсуждении столь глобальных перемен?..

— А как же... — Бест засмеялся. — Принимали участие, соглашаясь! Кивая: "Да-да, хорошо!.. Мы вам полностью доверяем!.." Ну, вообрази, землю не слабо тряхнуло. "Что это было? — Да вот, не хочет крутиться по-прежнему... — А чего это у нас все поля смыло? Еда подевалась куда-то... — Подевалась... А не желаете ли водички? — О, вкусно... Красиво... Ну, вы ведь решите эту проблему, дроиды? Чтобы больше так не трясло? — Конечно-конечно, уже решили, устраивает?.. — Конечно-конечно, устраивает!.." Вот и всё, Биг-Буро, и всё! Тебе кажется это невероятным, чрезмерным ребячеством? Но учти, задолго до того пища и климат стали контролироваться дроидами... Густели, клубились облака над головой, пустел континент под лабиринтом парящих городов... Простор для прогулок верхом, не больше. Люди не вмешивались. Заказы — это вмешательство или как? И такого-то диалога могло не быть! Ну, тряхнуло и тряхнуло... Ну, дали воду вместо еды, главное вкусно и весело... Дома же, огромные лабиринты домов не стояли на земле, парили вокруг неё, ульи бесчисленных сот, муравейники слившихся городов... Неразделимых и очень атомизированных жилищ... В них-то и развернулся последний в эпохе ослепительный кошмар!

Стремительно развернувшийся кошмар...

В чём главная проблема с людьми? Ну, конечно в хрупкости... В принципиальной конечности. Имел отношение к ней спиральный код? Да! Поддерживающие огоньки, обращаясь к огонькам его образующим, как бы зашли в тупик. То есть, принципиально смертность они отменить не могли, так как на неё завязана динамичность самой жизни, движение влаги в телах... Но вполне возможно отдаление неизбежного. Как, за счёт чего? В двух словах, за счёт увеличения силы и пластичности сплетённых воедино потоков: воды и огоньков дроидов. А затем, на чём и споткнулись — в их балансе! Силы и пластичности. Что-то одно выходит на первый план и вся конструкция рушится! Ни слишком крепкое, ни слишком быстрое долго не живёт.

— Как у вас в море, принципы одни и те же!

А между тем, не имея заботы о насущном, люди заявляли дроидам всё больше пожеланий особых свойств... Между собою сильно конкурировали...

— Их занесло? — не удержался Буро. — Сотворили кого-то вроде Чудовищ Моря, живое оружие?

— Их не могло, помилуй, занести! Руки дроидов, а не руки людей осуществляли непосредственные манипуляции. Даже если технари той эпохи захотели бы учудить опасное, инструмент воспротивился бы...

Буро подобрал, как обычно сидел Хан-Марик, на кресло свои тяжёлые ноги, подбородок на колени, и слушал...

— Беда пришла, откуда не ждали. Откуда обычно! Думаю, здесь ты согласишься со мной, Биг-Буро, от улучшений! Еще хлестче, от сочетания нерешительности и улучшений... Трусости и гарантий! Этим путём она подбирается часто!.. Изнутри. Снаружи — из жестокости с тупостью вперемешку, тоже из союза... Как тень, ей же два Впечатления нужны? Так вот, дроиды хотели укрепить, усовершенствовать... А рисковать не хотели! Переменить, чтобы только ничего не менялось! Убежать, оставаясь на прежнем месте!.. Ещё есть название для такого: не беря ответственности на себя. Огоньки дроидов в теле без вмешательства автономных дроидов обращались к огонькам спирального кода, добавляя силы, скорости, памяти... Способности усваивать полезное... Чуешь, Биг-Буро? А что полезное? А то, что позволит ещё усилить, укрепить, убыстрить. Разворачивая новую мощь... Мощь свойств и мощь переживаний, их яркости, их сладости. Кто что предпочитал, как и теперь, кто гонку выиграть, кто коллекционное Впечатление выцедить пока всякие, вроде меня, гоняются в небе...

— Присущие тени! — воскликнул Буро. — Огоньки спирального кода работали как присущие тени, компоновали, лепили на основе себя!

— Именно! Очень похоже. Усиливали человека аспектами, рывками, на основании отрезков. Не следовало им давать такой способности... У нас ей положено препятствие. Что сформировано в заснеженной степи, не изменится после того, как Восходящий получил Огненный Круг. Внешние факторы меняют тела, да, но не глобально и обратимо.

— Так-так-так... Но что же дурного, что привнесли они, усовершенствования?

— Да ничего дурного! Хорошее, шикарное привносили... В том вопрос, откуда! Откуда же, Биг-Буро, брались эти новые отрезки спирального кода, новые качества? Если автономные дроиды отказались сочинять их? Откуда и всё, из внешнего мира... Из пищи... Питья... Из носителей этого кода!.. Когда оказывались поглощены, на их основе начинали разворачиваться лучшие из характеристик. Превосходящие. Те, что имелись в наличии... Желанные и внезапные... Удваивавшие силу для следующей охоты... Понимаешь?.. Огоньки делали разрешённое! Свойственно им! Они поглощали и присоединяли, структурировали по-иному тела на основе... Всех обнаруженных в теле спиральных кодов, не вмешиваясь в них...

— О, дальше ясно!.. Я понял! Бест, хорошо, когда есть с кем поиграть словами, а не только в войну и торговлю! Люди предпоследней эпохи вышли из зоны ответственности дроидов, они сами могли... Как в океане... А не из дождевых облаков...

— ...отнимать и присваивать, да! Знаешь, Биг-Буро, есть целый пласт связных Впечатлений, не попавших в запретные, поскольку они фантазийные... Среди них многочисленны истории про то, как мертвецы, — они ведь постепенно разлагались, не как теперь, — ходят, охотятся на живых, пожирают их... Похоже, что такие истории им нравились!.. И на то похоже, что не воспринимались всерьёз, среди опасений научных Вирту упоминаются предполагаемые катастрофы, но только не эта. Называвшаяся "зомби". "Зомби-апокалипсис", то есть, гибель человеческой цивилизации. Как мимы разыгрывают длинные сценки, порой на целую ночь, так и эти "катастрофы". Разыгрывались тщательно, но лишь для смеха, для развлечения... А ведь всё так и вышло! Едва не вышло... За одним исключением...

Буро кивнул:

— Эстетическим?..

— Да!

— Я видел их, Бест... Один глоток не больше, случайно... Даже не уловил, что фантазийное, выплюнул и всё...

— Я тебя понимаю. Игравшие мертвецов одевались в лохмотья плоти, маски обезображенные натягивали... Чем страшней, тем лучше! Но реальность оказалась ещё страшней, в ней людоеды не были мертвецами и не были ужасны! Элита предпоследней эпохи! Их время... Почти сотню лет людоеды выглядели блистательно! Быстрое усвоение чужих потенциальностей, безошибочный отбор лучшего... Многие качества, Биг-Буро, тупо плюсовались... Сила, сила и снова сила. "Голос власти" — оглушительный и вкрадчивый... Голос невероятных регистров, оружие суть... Гипнотические способности убеждения... Лиски-намо давали им отпор, больше никто не мог. Есть история, когда людоед отвлёкся от маленького ребёнка на Лиски-намо, и замер, не в силах оторваться от танца и огромных, ласковых глаз... Малыш успел убежать. История сохранилась во Впечатлении.

— Ты видел этих рыжих огоньков? Редкость... Хотел бы такую Лиски-намо?..

— Нет... Мне претит способ их теперешнего появления на свете... Противоречит самой идее. К тому же, живой артефакт — не зверодроид...

— Но милашка!..

— Верю. Я видел на рисунке, ветром принесло, а Впечатление не видел, мне пересказали. Зарок. Вы ведь знакомы? Под сколькими ливнями он побывал, бродяжка... Чего только не наслушаешься от него! Вот, кстати, пример человека, потерявшего возлюбленную, но не ставшего хищником...

— Однако он несчастлив... Теперь я понимаю почему...

— Как будто хищники счастливы! Иногда твоя логика меня удивляет...

— Нет, не счастливы. Но крутая перемена в ответ на рухнувшее всё... Кажется мне естественной реакцией. Отсутствие таковой удивляет... Это как при игре, при грабеже: наступивший в петлю, в нитяную ловушку, чувствует её раньше, чем механизм сработает, чем охотник подсечёт. Опыта достаточно, понять, что означает это, смыкающееся, щекотное на ноге... Всё понятно... И вдруг — как рванётся! На дракона, из шатра, из сектора игрового! Сам себя подсекает. И глупо, и естественно... Ведь не веришь, до конца не веришь, разве нет? А вдруг?.. Вдруг показалось, вдруг порвётся нить...

— Соглашусь, Биг-Буро.

— Представляю, какими они были... Знаю и небольшой облачный рыночек, где можно такого в бутылках, запретного поискать. Взглянуть одним глазком, потрогать воду...

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... Я бы тоже взглянул. А подумай, Биг-Буро, вдруг не про них, вдруг попадётся — их — Впечатление?! Оно же должно сохранить и состояние их, и вкус на языке... Но я бы взглянул. Почти со всем, установленным дроидами, я согласен, и они уже привыкли, не беспокоятся, как вначале, зовя меня на советы, не ждут сюрпризов!.. И на артефакты, на оружие — правильный запрет... А на Впечатления — нет. Тут я с ними не согласен...

"Ха-ха... — Невольно, без злого умысла, без насмешки, изумившись параллели, задумался Буро. — Подожди, Бест… Не во Впечатлении, а в яви однажды я дам тебе попробовать этот вкус... Может быть, и добычу напою этим самым, предпоследних времён Впечатлением, прикуплю если... Чтобы уж всё сошлось в одну точку! Интересно, понравится тебе? Нет?.." Да, обоим чудовищам удивительно было слушать... Смешно. Исторические факты, впрочем, стали откровением и Дзонгу и Буро.

Бест продолжил:

— Они были андрогинны внешне, были одновременно эмоциональней и холоднее других людей. Физически многократно сильней. Они ими распоряжались, что не удивительно. Непрерывно и стремительно совершенствующийся "зомби"— охотник, людоед с лёгкостью оказывался во властной пирамиде наверху. Так Змей на моей памяти распоряжался тенями. И не больше заботились о них, чем чудовища! Они балансировали наверху пирамиды, в которой каждый из кирпичиков не прочь занять их место!

— А?.. А зачем-таки...

— Я ждал этого! Ни-зачем-таки!.. Не могли остановиться. Теперь на драконах в высоком небе бродяжки равны, врассыпную после игры разлетаясь за рамы, домой... Но привязка к земле, бесприютность нам с тобой, Биг-Буро, должна быть понятна, изгнанникам... Ушедшей эпохи неизбежная привязка к земле...

Люди, полудроиды летали на драконах, но возвращались к единой для них земле. Как бы совершенна ни была обособленность их жилищ, не уступали в совершенстве и последние виды оружия.

— Не массового уже, как в эпохи самые безумные, когда единицы уничтожали тысячи незнакомых им людей, веришь?! У людоедов на первый план, как во времена куда более древние вышло то, что назвалось бы по-старинному "стенобитными орудиями", ага, игра в прятки на высшем уровне!.. Ещё психология, гипноз и маскировка. Игра, и самый шик, последний штрих её — пройти сквозь стену, к могущественному врагу, беспечно оставившему за дверью свою охрану... Или к загнанной добыче... Ими двигал азарт, властолюбие как самоцель. Самоценность, то есть. Теперь практически атавизм, но не тогда. Да имеет ли смысл перечислять, что двигало, при невозможности свернуть?! Остановись — и тебя сожрут! Немедля! Или ты наверху или нигде, пока-пока...

— Азарт и страх...

— И любопытство, отчасти... Не видно же, и дроиды не подскажут, что пожираешь там? Как проявится в тебе, какие прибавит качества чужой спиральный код?

— А почему нельзя удовольствоваться частичкой?

— Биг-Буро, ты мыслишь эволюционно, как технарь, добрый человек, — это гонка была! Чем больше сожрал, тем быстрее переменился! И шифры спиралей разные в разных местах тел... И сами коды. Этой детали нельзя увидеть во Впечатлениях, вычищенных дроидами под корень, но и она сбылась: пожирая, предпочитали мозги!.. Натуральным образом — мозги! Человеческие! Из головы и костей непосредственно, на месте. Не заготовить такое впрок!

Быстрей употребишь, меньше впустую пропадёт... Чёрт, жуть, Биг-Буро. Зачем пересказываю...

— Тра-та-та... тын-тын!.. — Буро постукивал ритмично, задумчиво, дно перевёрнутой пиалки фосфоресцировало. — Ты-дын... Нет, интересно, здорово интересно. И по всему сказанному заключаю, высшие дроиды как таковые... Появились...

— Дозавершили себя. В последнем, для нас спасительном рывке. Дроиды, ты заметил, что тогда, что сейчас не имеют привычки вмешиваться во взаимоотношения людей и в устройство их тел. В мысли и чувства личные. И в общечеловеческое поле мыслей и чувств. Но имели — в окружающую среду. Они этим правом активно пользовались.

К примеру, при появлении на свет новых людей. Уже редко в телах, чаще в живых инкубаторах, ещё чаще в инкубаторах холода, оживавших лишь на последнем этапе. Чтобы не спешить, дополнять вдумчиво спиральный базовый код. Кто хотел, без ограничений, кроме временных — раз в год, мог инициировать процесс. Ответственность за качество дополнений лежала на дроидах, за дальнейшее развитие, да за всё, ведь всё это — внешняя среда. Хотя росли они в окружении людей, но обычно не тех, что их задумали! Инициировали обычно любознательные технари, а ухаживали, учили в следующих инкубаторах, те люди, что склонны к этому, кто ощущал недостаток... Не знаю чего... Общения, любви. Но ответственность и за нянек и за малышей лежала на дроидах. Ответственность за среду обитания, безопасность, доступность информации и так далее... Сколько бы полудроидов ни возилось с одним малышом, он — в дроидской сфере...

— Да так и не выходил из неё... Не выходит выйти полудроиду из дроидской сферы!..

— Лиски-намо тогда вытеснили на переферию... Перестали создавать...

— Да, из ревности, зверодроид появился в эпоху неавтономных дроидов, автономных как бы опередив...

— И чтобы прекратить пандемию дроиды воспользовались своим правом менять обстоятельства, окружение?

— На все сто! Огненный Круг это разве вмешательство в структуру тела?! Нет! Это — новая среда обитания, это — Собственный Мир!.. И Восходящие — зона их, дроидской ответственности. Поскольку базовый код записывали они сами, они строили инкубаторы для него, последним инкубатором стала заснеженная степь. Проводником импульса, инициации, я так понял, солнце и Синие Скалы, спонтанный, неуничтожимый и непредсказуемый проводник. Случайность, чистая случайность заняла место намеренной инициации.

— Ты сказал, нечто препятствует регенерировать тела на основе полного спирального кода? От Восходящего и до конца жизни?

— Не требуется. Огоньки дроидов в теле усваивают влагу и чинят его по необходимости...

— Ну?.. Как не требуется?.. Ты знаком на личном опыте с ранением тенями? С ядом и присущими тенями?.. Что-то само оно не проходит...

— Проходит, Биг-Буро. За рамой мира проходит. Ты опять не учитываешь, что Собственный Мир — часть человека.

— Верно... А ты обратил внимание, Бест, тот же самый Огненный Круг — тигель сплавленья теней! И Свободные Впечатления моря — катализатор... Как странно... Дроиды не предвидели такого поворота, не додумались...

— Я не знаю... У моей подруги, например, прямо противоположная версия. Она любит море… Верит в него.

— Да? Интересная девушка... — вежливо сформулировал Буро. — И она подозрительна к дроидам?

— Она разорительна к морю!.. Оно ей и прошлое, и будущее, и любезный друг!.. Сутки напролёт.

— Интересная... А я читал где-то, что под снегом не весь базовый код, а совсем базовая его часть...

— Ну да, я так, сократил.

— Сверху сетка, пропускающая однажды, собрав, те холодные снежинки, что дополняют человека до человека, до целого. Подходящие, но случайные...

— Да.

— И смешение двух слоёв происходит из-за солнечного луча?

— Говорят... Я не знаю. Может, для красоты говорят. А просто время приходит... Даже самые плотные вещи перемешиваются со временем, разве нет?..

— Да. Это очень, очень интересно. Акцент на независимости, разграничении.

— Конечно. Образно выражаясь, людей как драчунов растащили по каморкам... Нехорошо называть каморкой величайшую тайну и величайшее их изобретение... Собственный Мир — часть его хозяина, или наоборот, или пополам, или как?.. Как бы то ни было, это великая тайна. Мне же лично интересно другое. Ровнёхонько пред людоедской катастрофой, дроиды назывались ещё автономными и были на пике могущества! Сильней чем сейчас, сильней и эффективней! За счёт чего? Скоординированности за счёт! Единого центра. И вот он полетел в тартарары. Уподобившись людям вплоть до возможности воплощения, они уподобились и в этом: индивидуализме. Если есть у людей иерархия, то подвижная, растущая в борьбе. Если есть взаимодействие, то поневоле — при учёте интересов всех сторон. В результате многих притираний. Притирок и придирок! А прежде было так складно в их сфере, так экономично, так хорошо.

Дроиды имели виртуальный центр, в который закладывались потребности буквально командами. Нечего обдумывать, действуй. Да и не закладывались, собственно, варьировались чуть-чуть. Для обслуживания и консультаций, личные автономные дроиды создавались с узкими функциями, лёгкими для понимания. И на взлёте оказалось, что верхушка правителей земли столь ужасна, что не поправить... Пока не рухнула вся пирамида, надо сносить. Разбирать. Верхушка общедроидского управления разделила судьбу человеческой — прекратила существование.

— Все сравнялись. Люди стали учиться одиночеству и молчанию. Дроиды — речи, их эсперанто, нашему эсперанто... Потребности до единой стали личными, только личными. Только манок дроида и кладовая облачных небес...

— Язык — основная их проблема?

— Да-да... Основной пунктик — безопасность. Запретное — камень преткновения, с первого дня спорят и до сих пор, и меня зовут иногда. Думаю вовек им не договориться. Я снова ушёл от главного, от самоназвания "высшие". "Высшие дроиды" означает не проницающие людей... Вне конкретных, узких обстоятельств, допускающих объединение и растождествление ради конкретной цели. Высшие дроиды значит, разграничившие людскую и дроидскую сферы. Обитающие в своей. Заметь!.. Ради возможности диалога! Возможности слышать не в пределах своей узкой, исходной функции. Учиться понимать... Огромный шаг к универсальности. Который сделал их намного слабей, плотней... И разобщёнными. Почти люди...

Вопрос специализации дроида — вопрос его личной сообразительности, накопленного опыта, близости тронам, то есть опоры на опыт чужой. Большое значение имеют междроидские контакты в общей форме, дающие возможность уподобляться людям, сближать два эсперанто, вникать, классифицировать.

Ещё продуктивней контакты с людьми! Но у них больше издержек. Чрезмерно быстрое,

плохо обратимое уплотнение дроидских, разобщение человеческих орбит...

— Дроид слишком влюбляется, — попытался проще выразить Бест, — и в дружбу, слишком концентрируется, конденсируется на одну личность. Человек — тоже. Наоборот... Слишком тает, растекается, будто нет преград и пределов... "Любви, считал я, нет конца. Я был не прав". Это ещё задолго до дроидов...

— Бест...

— Что?

— Ничего.

"Как Мурена, — подумал Бест, глядя на сидевшего пред ним в тяжёлой короне, задумчивого древнего изгнанника. — Тем, кого приворожило Великое Море, похоже, свойственны такие вздохи... У океана перенятые... Без цели, в пустоту... В глубинах, в туманах прибрежных морей... Лепечет, окликает кого-то сквозь тонкий дроидский перезвон, окликает побережье... Волны идут и идут, шепчут и шепчут, вздыхают..." Бест решил что, наверное, он опечалил чем-то и утомил, царски угощавшего, любезного хозяина. Свернул оставшееся до пунктира:

— Семейства начали возникать — расширяя понимание отдельных явлений. С целью охватить некоторое число широких, универсальных запросов: дом, сад... Турниры — часть диалога. У дроидов бывают поединки, да. И часто, регулярно. И суеверия! И вера. Они верят в богиню судьбы. Принцип непредсказуемости, охраняемый ими сколь возможно. Находящийся в вечном противодействии с доминантой безопасности. Я бы назвал их богиню не фортуной, а волей. Одно слово, два значения: "усилие воли" и "вольная воля"! Но они зовут Фортуной. И не посещают её храм! Серьёзно, если находятся в семействе 2-2, если имеют что-либо незаконченное... Дела, намерения. Посещают, когда нет у них в помощи Фортуны нужды! И это их суеверие!.. А поскольку намерение у каждого дроида одно, стать во главе всех семейств, то вовсе не посещают! Серьёзно, Индиго говорил: безлюднейшее место в дроидской сфере...

— Бездороиднейшее...

— Ага!.. Обрезанный конус спиральный... Незаконченный. С чего мы начали? Облачный рынок дроидов... И служит на нём тот, кто был Чудовищем Моря! Парадоксальный венец эпохи высших дроидов... Ещё итог, они стали принципиально смертны, став высшими. Разрушимы. Прекращение дроида, — как обернулось, Биг-Буро! — кара за пересечение им границы в направлении общего пути, в направлении человека! За воплощение и признание...

Бест осушил пиалку и перевернул её, как переворачивал опустевшие сам хозяин.

— Биг-Буро... Я — не истина в последней инстанции. Откуда только не черпал информацию. Где только не рыл. Если что не взыщи, как мог, рассказал. Правда, это трогательно, их дроидкий шаг? Хорошо, что навсегда позади то столетие людоедского апокалипсиса, отгороженное их решительностью, ненавистное им.

— Дроиды ненавидят, когда люди обижают друг друга...

— И случайные драки, и опасные игры!.. Область над правым крылом Южного Рынка, область неба, где Белые Драконы так часто исчезают в прощальном взгляде, имеет название на их эсперанто, и это — ругательство! Дроидское — ругательство!

— Какое?!

— Не скажу!

— Бест... Скажи. Что, правда, не скажешь?!

— Потом. Когда-нибудь...

Буро расхохотался:

— Назови свою цену!

— Биг-Буро... Я следую их запретам. Соблюдаю. Они распространяются на меня.

— Это же звук, а не действие!

— Как и признание, да? Это поступок, поворот. Как и превращение в Собственном Мире. Разве взмах руки — дело?.. Ещё какое. Но тут воспрепятствовать людям они никак не могли. Огненный Круг и рама мира, это сила и независимость. Воля, Фортуна, да? Нельзя отнять... Нельзя отнять ни у людей, ни одно от другого. Отделить невозможно... То есть можно, но что из того? Разве человеку в принципе запретишь сделать живого врага мёртвым врагом? Владельца сокровища — бывшим владельцем?.. Но, по крайней мере, они сделали, что могли, предотвратив катастрофу. Некуда было бежать... Злодейство сделали частным мероприятием... Ненавистнейшее им, пожирание одних людей другими, невозможным сделали навсегда...

Бест, чистый изгнанник...

Чудовище напротив потирало лицо и щурилось. Улыбку стирая?.. Чудовище за ширмами во мраке не улыбалось. Холодное, с оттенком мертвенной голубизны, ядовито-зелёное сияние редко моргающих глаз, проливалась на закрытый ларец, на искусную резьбу... Водил белыми пальцами...

Вопреки привычке, слушая последний наив, Дзонг резко захлопнул и плавно распахнул тяжёлые веки, выпуская свет ядовитый, клубящийся, туманный... Разгоравшийся всё сильней, не хуже пирамидки... Но как слепой крышку ларца снова исследовал на ощупь... Танатос в фас. Стрелок в профиль. Дзонг нашёл указательным пальцем наконечник стрелы. И замер.

— Бест, — сказал наблюдательный Буро, — ты спешишь уйти, а я не хочу отпускать тебя! Смейся, но на Южном мало развлечений и ещё меньше новостей. А те, что есть, жутко однообразны! Я же знаю, что зазвать тебя будет не просто!..

— Проще некуда, всегда рад! С другой стороны... Когда я последний раз отлучался... Биг-Буро, достаточно по рядам пройтись рядом с тобой, как тогда до левого крыла... Я же вижу, тебя тут привыкли видеть на месте, правда?.. В пределах досягаемости. А меня — там... Нет, я не имею в виду, что я там что-то особенное!.. Но порой рад, что оказался на месте. Они упрямые — не передать! Но я-то, когда говорю, я-то знаю!.. — Бест ударил себя в грудь, очередную оружейную разборку припомнив. — Не просто так говорю! Я-то видел уже, сталкивался!.. В Архи обычно так тихо... День за днём... И при этом всё время что-то случается! Архи-Сад, кажется, не на перекрёстке парит Рулетки с Мелоди! Не бюро новостей, но что-то подкинет следующий день? Гадай, не угадаешь! Приводимые с высокого неба новички непредсказуемы. Так называемые — "безмолвные". Немые. Причины, по которым теряют эскиз, так экзотичны! Могу пример привести. Про "безмолвного"...

Бест загибал пальцы:

— Он... Два, четыре... Пять с половиной сезонов у нас! Но на днях смог последовательно изложить. Там не эскиз. У него мир отняли. Он не жалеет... Зато я, ох, как жалею! Я бы погостил в таком! Почему? Ты же понимаешь, Биг-Буро, что рафинированные, разделённые Впечатления — плод выборки Восходящих? Впечатление, согласно названию, не бывает без оценки, без чувств смотрящего. Восходящий в ливне может найти сад, например. Он искал форму и нашёл форму, её при завершении воплотил. Множество неучтённых им деталей, а главное чувств, с какими бродил по саду оставивший Впечатление, они отделяются от формы. В первую очередь проливаются. Облачный мир того изгнанника собран был в основном из них! Чувств, переживаний, наложенных на простые формы! Меняющихся в течение дня...

— Неудивительно, что он его потерял!

— Да! Но, скажи, любопытно?!

— Лучше ты скажи напоследок... Правильно ли я понял... Был общий город-лабиринт, появились Собственные Миры... А тебя называют "господствующим над первой расой", сиречь — "создавшим новое, не существовавшее прежде", то есть, ты создал новое для всех? Относящееся ко всей человеческой сфере? Подобно изобретениям эпохи до дроиов? Ведь Восходящие не создают. Тасуют, складывают и перекладывают. А ты не просто переложил?

Смутил Беста. Не до конца привыкшего и к "господствующему" и к церемониальным дроидским приветствиям.

— Ну, в общем, да... Конвенцию. Да как вообще можно создать что-то новое для себя одного?! Кто узнает, что ты его создал?.. Парадокс! Есть и обратная сторона: не я же конвенцию придумал! В покое и тишине, от нечего делать... Она сложилась, образовалась! С ходом дней и лет... Я записал. Чтобы прозрачнее, виднее... А приз — мне одному. Странно... Не будь нас всех вместе от пещер, до Архи Сада, не было бы и никакого "господствующего над первой расой"!

Вечерело... Разговор сошёл на лёгкие материи. Биг-Буро, отринув возражения, поднялся проводить гостя до рамы Южного Рынка.

Вернулся, топая, как мог медлительней, останавливаясь поболтать с каждым, кто ещё не удрал на ночлег и не задёрнул защищённый сухим, антитуманным подзором полог жилого шатра. Но притопал, куда деваться. Сырой, холодный сумрак за пологом. Ларец раскрыт, озёра на местах, фигуры на озёрах. Бледное до сияния лицо Дзонга с неподвижными провалами унявших зелень глаз маячило над открытой доской, над конусами марсов и рюмками сателлитов.

— Закончим партию, Надир? — требовательно, утвердительно произнёс он.

— Закончим.

Буро опустился напротив своего, занятого другим, кресла:

— Как тебе показалась наша беседа?

Дзонг не ответил. Он покачивал указательным пальцем фигурку короля на стороне Буро.

— Нормально... — прошелестел совсем тихо и гулко, разбегающимся прибоем ледяным, и Буро взяла жуть от нечеловеческого голоса. — Слушай... Значит так... Гала-Галло во-вторых. Кроха, ооу, сначала, во-первых. Ооу, Кроха... Ваш комодо, Густав, настолько хорош, что напрасно искать сюрхантера на него? Допускаю... Я всё могу допустить, я не удивляюсь... Синь-цвет-фавор...

— Не, ты не понял, — прервал Буро, — не синего... Удача "удивительного" цвета. Не образ, это название одного из ледяных, повсеместных цветов.

— Да-а?.. — прошипел Дзонг. — Имеются названия?.. Эка-а!.. Ооу... Зачем им названия?.. Утихарился, смотришь и смотри... На волны ледяные... Мне не увидеть его, цвет Фавор... Ооу!.. Не видать мне удачи, раз я не удивляюсь!..

Повторил и вздрогнул от внезапной догадки, вот тебе и "Удивление-синь-Фавор"! Дзонг вспомнил и соотнёс! Имя... Стиль... Цвет... "Фиолет — Виолет — Вайолет?! Оттенки по тронам распределены?.. Ооу, изгнанник, Вайолет был дроидом... Дроидом семейства Сад?! Если он правду сказал... Да, правду... Да, я способен разнюхать... Правду от неправды..."

На Буро проливалась мертвенная зелень, заново вспыхнувших, не моргающих, глаз... В подводном их свете он предстал настоящим Чудовищем Моря. Некому оценить, ужаснуться. "Не удивить тебя, да, Цонг? Мне разок удалось... Бесту нежданно-негаданно... И Густаву, пропади он в Великом Море, удастся..."

Масштаб личности и угрозы, исходящей ощутимо от Беспятого Дзонга-Ача, не равнялся для Буро предполагаемой сохранности его интеллекта. Встретятся неморские чудовища, прознают о ком-то, вроде себя... Первая мысль: "И сколько там, под чешуёй осталось мозгов? Не выеденных сколько?" Тем обидней для Буро стал проигрыш! Бац!.. Демону нерыночному, неопытному продул...

Приятен ли, безразличен ли Дзонгу выигрыш, прочесть на его лице не представлялось возможным... Клокотание, шипение проливалось из горла, минуя губы, думал про себя, ворчал вслух:

— Скрываться до последнего... Заполучить Кроху до решающей атаки... — Дзонг очертил требуемое. — Охотник хорош? Очень хорошее не стоит портить торгом... Мы не станем, ооу?.. Мы сделаем сюрхантера. Специально под него... На него... Слабенького, простенького... Верно, Надир? Чтобы мне спрятаться за ним... Комодо, послужит как тень... Не зная зачем, не зная кому...

Дзонг пошатнул короля Буро и уронил на остров овального камня, под секиру своего ферзя.

— А вот это, Дзонг, отличная мысль.

Буро смёл фигуры, захлопнул ящик. "Чёрт придонный, заболтал меня!" Слабенький, неопытный сюрхантер, без шуток отличная мысль. Клок вспомнился сразу. Игрок, хулиган, похититель, с чёрным хохолком на голове. Вспомнилось ревнивое восхищение в голосе Гая, сплетничали когда. "Густав ловит его вторично? Удачи, Густав. Поймай нам сюрхантера на себя. Позволят мне, стороннему человеку, игроки Против Секундной Стрелки поднять пирамидку у них в общем шатре? Позволят, а то... Завтра же узнаю, чья очередь. Ради такого случая, Бедовичек, не поскупись... Добавь за молчание... Гутка приводит туда. И там должна оказаться моя пирамидка. Позволят... Что, Гутка, лёгкая добыча для тебя?.. Лёгкая, очень хорошо, комодо..."

— Быстро и точно мыслишь, Дзонг-Ача.

— Надир... — раздражённо, гортанно шепнул, уходя, Дзонг не нуждающийся в лести.

Мельтешащие чайки, серые как озноб, образовались, где только что поднялся на ноги... Ими утёк в глубину огромного шатра, топнул там, и гулкие, сырые пустоты земли вобрали его. Поток теней. Из человеческого в нём... Дроидское: ритмы, барабанчики... И смутное сожаление о первом из них, металлическом, любимом, в Гала-Галло так и оставшемся.

Глава 73

Глава 73.

Наступил условленный день. День решающий для Олива и Морской Собаки. Бой, к которому оба расположены, оба ждали, хотя и с разной степенью нетерпения.

А Гай — в муках, в такой лихорадке, что сил нет. Он уже и не пытался просчитать что-то заранее, уткнулся носом в колени, раскачивался и ждал... А то кружил над Архи-Садом. А то неожиданно скатывался с Белого Дракона вниз, с снова бродил дорожками сада, тропинками, мозаичными, песчаными, засеянными специальной, короткой как ворс у ковра травой, выложенных несросшимися ещё кусками мха... Не различая. Не отличил бы от пыльных рядов Южного.

Но прежде дня, наступило ещё утро, какая неожиданность! Надо прожить и его, и полдень, и вечность... Утро, принесшее не меньше сюрпризов, чем предзакатные, страстно ожидаемые часы. Вечерние часы...

Игра слов: у Олива были "вечерние часы". Собрание циферблатов во Впечатлении, щедро поднесённом когда-то Пта, не случайность. Олив к разнообразным часам питал слабость. Давно, ещё не хищник, но уже торговец коллекционировал их. Он и с Буро познакомил одного... «Часовщика»... Потом стало не до того, с обретением зелёной кожи, рынка, партнёрства с Шершнем выгодного, но вынужденного, но выгодного... Коллекция забылась, рассосалась. В кладовых Архи-Сада нашёл подобные и, не встретив возражений, забрал.

Олив встретил последнее перед боем утро там же, где очнулся раненый, спасённый: под шлейфом носимого туда-сюда целебного аромата жёлтых цветов, облепивших гибкие ветви. В сухие и туманные сезоны, ветреные и безветренные — цветение их не прекращалось, не ослабевало. Пожевал сухие лепестки, терпкие без воды... Он, в общем-то, ни о чём не думал, не волновался. И выходить не желал. Поглядывал на "вечерние часы", брегет, подвешенный на развилке юного побега, покачивающийся маятником.

Полудроидам технарям нужны мега-точные измерители времени, или феноменальная тренировка, как Зароку. А просто часы и просто календари — без надобности. Они и так неплохо ориентируются. В сутках, в сезонах, годах... Не нужны, но нравятся, — механика!.. Украшение. Брегет не имел постоянной разметки циферблата. Круг голубого неба под толстенным, выпуклым стеклом. Встряхни его или дотронься, и в центре проявится красный диск солнца, ярко светит! Как фонарик ещё использовали. Диск сияет и скатывается к периметру, в "вечерние часы", к краю стремительно темнеющего неба, краснеющего на закате. Но прежде, чем сядет, исчезнет за горизонтом, сквозь него становятся видны цифры, показывающие сколько часов и минут до заката. Некоторые модели показывают то же в секундах, бегущих непрерывно... Отсюда название. И "рассветные часы" встречаются, но реже.

Олив встряхивал, а то ветра порывы встряхивали за него брегет. Светил себе в глаза почти настоящим солнышком, несколько мгновений прямо греет!.. Как в Собственном Мире, по пути к жаркой площади. На цифры не смотрел.

А в его, тем же ветром колышимом, ликами переполненном тёмном тенте, ютившийся Пёс Морской, искал, искал и не находил хоть отголосок того жаркого солнца. Жаркого, не забывшегося. Один и тот же человек создал — куполом коронованный, несравненный! —

облачный мир, и рабовладельческий рынок, и эту тревогой пахнущую тряпку с лицами на Техно заказал... Один и тот же!.. Как понять? Как уместить в голове? Утрамбовывал, кусочками головоломки перетряхивал, но они не складывались. Купол — складывался, обтекаемый ярким солнцем с одной стороны, густой тенью с другого бока, скрывающий в нутряной глубине влажную, тёплую духоту каскадов зелени, парной капели... Орхидеи чёрные, бархатные... Один-и-тот-же-че-ло-век!.. "Надир-ача, освети мой разум! Я не понимаю..."

На часы тоже не смотрел, зачем собаке часы?

А, между прочим, канун поединка Пёс ознаменовал достойным событием. Освободил половину "братьев", рабов. Амнистия! Почему?.. Логично предположить, что таким образом хотел насолить Оливу. Но тогда следует предположить и толику неуверенности в своих силах. Чистейший вздор, ни капли. Так почему? Некому спросить у него.

Оливковый Рынок представал теперь полутора десятками уходящих в Собственные Миры шатров приглашённых торговцев. Чьи пирамидки держали лишь списки да символы коллекционных, нерафинированных Впечатлений, хранимых в мирах. За которые можно поторговаться... Хозяин с драконьей спины не рискнёт сходить, но прилетит, услышав, что прикоснувшись чем-нибудь к списку. Между торговыми шатрами и задником рынка — тенты оставшихся рабов. Не более дюжины. Теснота — в прошлом. По двое, по трое в каждом. Рута — в отдельном. Зачем всё-таки отпустил? Может, поить лень, воды мало? Нет, Бунтон-биг-Надир, и не только он, ещё кое-кто с Техно, одержимый как Гай, снабжали в избытке. Расчётливой благотворительностью поддерживая несомненное удобство — иметь запас человеческого расходного материала. Видимо, Пёс, бродяга, — небесные, морские, к выгоде они безразличны и расчётливости чужды, — увидел сон какой накануне...

Гомон незнакомых голосов доносился к убежищу Олива. Из глубины сада, где всегда кучковался народ. Прибыло за последнее время людей. Изгнанники, бродяжки из их числа и несколько хозяев немедля умножили число гостей Архи-Сада. Беста знали. Кто и не знал, увязались следом.

Бест принял новеньких, удивления не скрывая. Ещё сильней удивился, переговорив: отпущены в основном изгнанники. Жест примирения? Решил, если грабят изгнанники, то значит ищут своих? Любезность?.. Бест, Олеандр и иже с ними вообще-то освобождали первого, кто попадался на пути, — и бежать! К Ухаха. Очарованны им, и исцелены жаркой пастью. Улыбчивой до гротескного. Мохнатой горой, стогом меховым. Такая схема простая была.

Бест, чего и следовало ожидать, скоро выбрался из них, хороводы водящих вокруг Ухаха, потому что думал уже о других, оставшихся там рабами... Покою зелёного чудовища под жёлтыми цветами пришёл конец.

— Олив, — спросил он, плюхнувшись рядом, вороша сухие лепестки, побелевшие, синеватые, как в потёках размытых водой чернил, — почему Пёс поступил так, есть версии?

— Понят-тия не имею, — живо, с усмешкой ответил Олив, хищник возраста галло, не обманувшись ни лёгким тоном, ни вопросом для затравки от изгнанника столь чуждого по духу и столь доброго к нему. — Морские твари туповаты, собака сделала глупость.

Бест улыбнулся, знакомо:

— Жившие и живущие в океане... Все! Всегда!.. Друг о друге отзываются так и не иначе! В чём секрет?

— Зачем секрет? Откуда ему взяться? Правда это, вот и весь секрет... Да, пример у тебя перед глазами!.. Недолго осталось маячить, до вечера.

— Ладно, а пресловутая честность? — Беста увлекла эта тема, поднимал не только с Буро,

со всеми, кто имел к морю отношение. — Правдивость Морских Чудовищ тоже грань их тупой прямоты и не более?

— Ага. Или я должен спорить, изворачиваться? Была охота. Наоборот, недавний пример... Не так давно я имел новое знакомство. Проклятье... В проклятый день... Сома свёл нас. Привёл ловца. Чистого хозяина. Виртуоз, очень успешен, и дракон, и заказчики, и коллекция, всё при нём... Честность там и не пробегала! Густав. "Да" и "нет", которые он произносит, не имеют отношения реальности, только к его целям. Ты видел его. Не обратил внимания? Вот-вот... Другой раз приглядись. У придонных чудовищ, не способных подниматься, плавать, направление держать, ползающих с трудом бывает излучающее стрекало. Не для яда, а для образов лиц. Реалистичных, исчезающих всегда в направлении него, заманка. И лица всегда новые. На каждый день. Оно просто генерирует их из остатков проглоченных Впечатлений. Сменные, неисчерпаемые лица... Так вот, придонным тварям до Густава далеко! Нету, Бест, среди нас таких. Мы зелёные, заметные, прооостые... — протянул Олив, проныл, куражась, и резко сменил тон, чтобы Бесту долго к следующему не подводить. — Прямые мы. Прямо и говорю: я рынок верну, будь он не собакой, а сворой Морских Собак! Я предчувствую это. Придёшь меня грабить?

— Непременно!

— Осторожней! Это тупая собака не запирает вход. Я поставлю новую тень, водопадиком оливок, ловчую... С клапаном... Красиво ли от людей зарываться, пусть идут! Ах, хорошо придумал, сейчас придумал. У кого бы заказать через Буро...

— По-дружески, Олив, ты ведь позволишь мне откупиться?!

— Задорого! Я же видел, как вы богаты...

— А если серьёзно...

— Серьёзно не вижу проблемы, Бест. В рынках, в рабах. Я любовался с тобой рядом, здесь же, в Архи-Саду на дроидов, прославляющих Фортуну. У-утверждавших, что их богиня — Судьба. Признай и нашу, полудроидскую, полу-судьбу!.. У "братьев" моих стать братьями — их судьба, перестать... Твои слова бормотал Биг-Буро: сколько неравенство велико, столько велик мир?.. Получи их обратно. Или ты хотел бы видеть его плоским? Уравненными всех, как новая ваша трава-а? Отличная кстати...

— А ты? Ты хотел бы, неравный такой, один-одинёшенек смотреть на него сверху?

— Разумеется, один такой! Разумеется — сверху!

— И эта позиция, Олив не подводила тебя ни разу?

Олив помрачнел:

— Подобной возможности больше нет. Послушай, Бест, останемся каждый на своих позициях. На тех, что выбрали ты и я сами. Валяй, нападай. Чудовища помнят долги: и торговли, и чести. Между нами всё будет только игра. Об ином послушай... Если хочешь... Напоследо-ок...

Олив замялся, зачерпнул, в пыль растёр сухие цветки и умылся ими, как Хан-Марик золотом, благоуханной пудрой, стряхнув потом.

— Послушай, как неморское чудовище я, положим, не намного хитрее Пса, но на память не жалуюсь. На моём ли рынке, на Южном или где ещё поставлю шатёр, если кто из вас попадётся, поручитель вам не понадобится. Напротив, имея возможность в таких обстоятельствах послать весть, знайте, я буду за вас поручителем. Или попросту назовите моё имя! Кое-где оно имеет вес... Изумруду я вечный должник... О другом... Я хочу отплатить тебе, как хозяину сада, Архи — славное место...

Бест вздохнул про себя, устал уже спорить с хищниками про термины:

— Олив, Архи — ничейное место!

— Ты странно реагируешь... Место, в котором изгнанников собрали твои слова, твоё место-о, твоё хозяйство, так?..

— Мои слова ты не принял. И не понял.

— Я другой... Смешно. Бест...

— Что?

— Ничего.

"Снова, — подумал Бест, — как выдох побережья. Что-то объединяет их. Увы, недоступное мне, сколько бы я ни нырял, сугубо океаническое что-то... Не близок он мне, океан..."

— Ты странно реагируешь... — повторил Олив.

— Нормально. Ты глупость сказал. Я не должен возражать?

— Ха... В море, к примеру, можно не возражая прожить, молча... И возражая, так: оууу... И всё!.. Цап — и возразил!

Олив весело продемонстрировал клычки и тряхнул в сторону упавшей чёлкой.

— Шутка в вашем стиле, Свободные Впечатления — свободные шутки. Стотысячный раз, пожалуйста, повторю. Людям между людьми самое главное говорить и договариваться! В любых ситуациях. На любые темы. Да, я так считаю. Если угодно, человек это речь. Собственный Мир, как мысли в голове, очень собственный. Внешний мир, очень внешний: море, камни, облака, дроиды, полудроиды... Снаружи это только тела. Мы — речь. Выражение. Жест и слово. Особенно слово.

— Ты поэт. Ты с Мелоди изначально-о?

— Нет, — Бест удивился. — Так что ты хотел напоследок? Олив, вокруг да около... Ничего ты не должен мне, тем более каких-то секретов... Честное слово, больше проку, а уж насколько сложней, показать самым близким друзьям, очевидное! Тысячу лет перед носом, а фиг докажешь!.. Я бы выбрал это, чем секретов доискиваться... Чем тайных знаний!.. Если б найти такую возможность...

Олив покачал головой на нежданную проницательность его... "Да, Бест, — подумал, — верно Буро подметил на твой счёт, не целясь попадаешь".

— Да, Бест. Угадал. Хотя... Разграничение кажется мне условным. Кому перед носом, кому нет. Разной длины случаются носы...

Бест рассмеялся:

— Верно! Подначка или как?.. И чего же я не вижу в упор?

— Бест... Сначала пообещай. Представь на минуту, что и ты зелёного цвета чудовище, задубевшее в морской прямоте. И скажи мне честно, не виляя, выбери... Я могу открыть тебе смысл одного понятия. Только тебе. Строго. Распространяться ты не будешь. Ни ради чего, "разговаривать и договариваться" на эту тему не будешь, учтёшь для себя, для своих. Действуй, но молчи. Услышав, притворись глухим. Или я промолчу. Ради твоего же блага, и своего. Выбери...

Бест задумался. Напоказ и ненадолго. И ответил — да. Серьёзность Олива не передалась ему. "Моя ответственность согласиться, — подумал он, — под свою же, кто знает, как повернётся жизнь, но если заставит, то я нарушу обещание. Если надо. Как бы ни выглядело оно благородно, за ненарушимые клятвы прячутся, как за панцирь, как в раковину, а раковина сужается в глубину, разве нет?.. От себя же и прячутся. От очевидного — каждый новый поворот, новый выбор, новая ответственность. Своя. Всегда своя. А что для твоего блага нужно моё молчание, это запомнил. Меченых океаном, их можно понять... Море Свободных Впечатлений размывает, разъедает так быстро... Кроме корней, что навеки сохраняет соль...

Надёжное становится драгоценным. Крепость тела, стабильность теней, нерушимые клятвы... Их не трудно понять... Но не всегда это правильно. Негибко. Дроиды грабят, кое-что из оружия отнимают, измором берут, требуя отдать... Иногда надо и выкрасть, иногда и солгать...

— Весь внимание, — Бест сел прямо и торжественно, — посвящай меня в страшные тайны. Облачный клуб?.. Безоблачный?! Клуб охотников неба, бродяг недроидски опасных и редких на материке?.. Тайные шатры их, символические знаки? Куда и когда не следует летать, ты хочешь предупредить нас, изгнанников?..

— Не совсем... Обрисовать картину...

Олив и без веселья у Беста на простодушном лице почуял бы его несерьёзность. Но он знал о завязавшейся через Гая дружбе с Буро... И этот момент, что — через Гая, от которого не приходилось ждать добра, подвигал его к рискованной откровенности. Интерес Гая, интерес Буро, настоящее его отношение к изгнаннику покрыты мраком для Олива. Содержание последней беседы тем более! Мраком покрыт и и безмолвный слушатель её...

— Бест, ты слышал когда-нибудь ругательство: ача?

Уже минул полдень.

Много дней провёл Олив в Архи-Саду гостем, пассивным слушателем Общих Встреч, провёл в кладовых, за книгами, за вирту... На последние часы поменялись ролями. Он изложил Бесту конкретно и сжато, сухо, что значит "ача", как выглядит, как происходит, разновидности. Бест слушал, и глаза его становились всё шире, шире... Круглыми... "Хозяин" Ахри-Сада поёжился, подобрался, заметил, как Чёрный Дракон огоньками надумал проявиться за ним, и заставил себя расслабиться. Даже получилось.

— Олив... Это мистификация? С какой-то целью?..

— Кажется, ты понял, что нет. Видишь, за твоим "настолько велик мир" скрывалось несколько бо-ольше, чем на первый взгляд. И на-а второй...

— Ты...

— Нет! Нет, я не ача.

— О, извини... Спасибо. За информацию. Я только не понял, с кем и почему должен молчать...

— Ради милости дроидов! — вскинулся Олив со стоном досады, с рычанием. — Не понял?! Так ты не понял в таком случае н-ничего!.. Без исключения! Молчать без исключения со всеми!.. Совсем! На рынках и тут! В-ваши тоже ходят на рынки. Спалятся! По цепочке как пламя дойдёт и до меня!

— Но ты же не... Что такого, если люди, разговорившись за торгом...

— Люди разные бывают, Бест...

— Подожди. Ты про чудовищ? Про демонов, чуть тронутых морем?.. Или как?

— Или как.

— Нет! — Бест тряхнул головой и рассмеялся бы, если б в горле не пересохло.

— Редко. Одного знал. Дело не в нём, не в этом дело, что напорешься, вероятность н-невелика. Ты засветишься. О тебе расскажут. О новом человеке, непонятном. В непонятном статусе. Дойдёт до Надира, Надир мне жизни не да-аст. Что распространяю...

— Бутон-биг-Надир? — переспросил Бест, оживая. — Он против?

— Против. Блюдёт. Следит... — Олив сделал паузу ради кроткого, потерянного, начавшего приобретать нормальный цвет, лица перед ним, но всё же добавил. — Надир довольно

эгоистичен. И опаслив.

— Нет...

— Бест! — Олив тряхнул длинной чёлкой, разозлился. — Извини! Мне следовало принести тебе цацок со дна морского в благодарность за приют! Ничего не поделать, о-ошибся. Забудь. И прошу, молчи!

Как-то сразу устав, пресытившись обрушившимся на него нежданным и тёмным знанием, Бест успокоился. Мысли перестали скакать с лица на лицо по всем, кого знал на рынках. "Дроиды светлые... Чего, ну, чего? Чем оно, в сущности, отличается от Змея?.. Оно отличается... Да... Велико неравенство, и мир велик. Выше и ниже знаемого, всегда кто-то незнаемый есть. Вернулись ко мне мои слова, я принимаю их. Спасибо, Олив".

Глава 74

Глава 74.

Заручившись согласием обеих сторон, Бутон-биг-Надир пригласил некоторое количество зрителей на редкое. Бой двух неморских чудовищ. В основном борцов с правого крыла, с самого Южного торговцев, кто посмелей и побогаче. Не упускал своей выгоды. Цена за приглашение и, конечно, они будут делать ставки... Добравшийся загодя, пешком, Буро медлил заходить в Оливковый Рынок, заняв место на возвышенности, в ущелье. С удовольствием и с горечью он наблюдал прибывавших Белых Драконов, игривых, кувыркавшихся, и гордых, степенных, удерживаемых всадниками... Как знал, что спускаться незачем. Не придётся. Снаружи рынка драться вольней.

С Архи-Сада не мог не прилететь Бест. Удивительно, если б не увязалась Мурена. Приотстала, завидев друзей, и Бест воспользовался этим. Приветствовав Биг-Буро, рванул к своим обратно. Не умел фальшивить вообще. Бесту казалось на лбу у него, как цифры на "вечерних часах" Олива, высвечивается безмолвный, не сформулированный вопрос: "Буро?.."

Изумруд прибыл. Без особой охоты. Рогатый дракон, как и угольно-чёрный всадник, гигант, привлекали внимание. Впрочем, приглашённые Буро, примерно таких зрителей и ожидали встретить. Сдружился с Оливом, учил как-никак. Сомневался, брать ли Селену, она хотела. Настаивала. Невесело, предвидя итог, на его счёт отнесла понукавшее её безрадостное любопытство. Вместе так вместе. Прилетели. Оценив количество и состав публики, Изумруд пересадил девушку на своего дракона спереди. С приветственным возгласом к ней, пикируя в рискованном над землёй кувырке, живо устремилась Мурена, к подруге, соскучилась... Ну вот!.. Так и не посекретничать даже!..

Густав прибыл к началу, когда потянуло в воздухе туманом, зрители собрались. Он сразу же затерялся среди сияющих драконьих спин и вычурных, дорогих нарядов, неброский. Хан-Марика не было. И Густав-то не собирался, с Буро всё обговорено, своё он получил, что-то позвало его. Хороший бой посмотреть всегда полезно, так объяснил себе.

Публика не спешила оставлять драконов, с опаской поглядывая на протяжённую, как небольшой коридор, раму Оливкового Рынка. Кому охота с вольного неба, с белой спины, чья скорость — вторая по силе защита полудроиду, после рамы мира, спускаться... Залезать в какую-то нору... Чёрных Драконов, сопровождения на рынке, у большинства в помине нет...

Ездовые дроиды зависают на воздухе, на одном месте в редких случаях. Бывает, наездник уж необычайно глубоко задумается, куда повернуть. В остальном, если и замечтается, но о вещах посторонних, дроид продолжит полёт, замедлившись, змейкой... И с высокого неба, планируя на континент, они кружат немного... При любом удобном случае — кувыркаются! В мрачном ущелье, благодаря этому их свойству, получилось, как на Мелоди: обгоняя и отставая, Белые Драконы стали кружить посолонь, широким кольцом. Чуть выше Буро, удачно, не заслоняя обзора.

Под этот белый круг, едва шагнув из рамы, из пелены рынка, прогнувшись дугой, запрокинув к небу лицо, призвав дракона нечеловеческим, но чистым возгласом, Пёс влетел первый. Притормозил дроида, огляделся мельком, по-собачьи двигая бровями, пригнув голову... Морда суровая, нахмуренная. Подбородок драконий, выставленный. Плечи как крылья — развёрнутые, как отроги гор — каменные, собранность стопроцентная. Нет, не проявляющаяся во всём, а во всём скрытая, в каждом движении. Печатью близкого праздника осенённый. Изумруд другого и не ожидал. Мысленно сказал Оливу: прощай... За собакой, демоном неморским, продолжил наблюдать с интересом.

Пригнувшийся к драконьей гриве, Олив влетел с другой стороны, ждать себя не заставил. Такой откровенный оскал пёсьих зубов можно было принять за неподдельную радость встречи с другом! Ждал, долго ждал. Олив вежливо обнажил клычки в ответ.

Зрители плавно, на значительном расстоянии кружили по ходу солнца. Драконы не кувыркались, разговоры прекратились. Соперники начали кружить против.

Несколько раньше. Когда насчёт зрителей договаривались...

Пёс встал, изменил своей подстилке и обычным позам: в клубок — значит дрыхнуть, на локте приподнявшись — значит проснулся... Он дослушал, сколько получит из взносов за приглашения, из ставок, кивая нырком головы на каждое слово Буро, чтоб не пропустить момент, в который следует согласиться. Вникать не желал. Проценты? Половину? К чёрту. Неморским чудовищем ему ещё предстояло стать, уясняющим заново цены развлечений, гарантий, коллекционерских штучек. Пока всё сливалось, ценности доминировали иные, морские: покой и тепло. Особенно тепло. Речь закончилась, закончились и кивки, Пёс не отследил на каком моменте, погружённый в насущные душевные тревоги. Он с полупоклоном отступил, усаживая Буро, оставшись стоять перед ним, переминаясь... Нахмурился, собирая мысли складками лба, круглые пятна сведя к переносице, и живо, отрывисто воззвал... Жестикулируя широко, словно огромный шар лапами раскрытыми, пальцами искривлёнными, растопыренными пытался удержать и продемонстрировать одновременно:

— Надир-Ача!.. Мир за рамой... Что с ним, когда — раз! — и хозяина нет?.. Что с ним случается?..

Буро здорово удивился. Собака, демон промёрзший... Чем ни украшают азартные борцы Южного долгий и мимолётный, последний день перед последним, возможно, боем... От гонок — до сплошного Мелоди. От молчаливого дня рядом с любимыми, а чаще — с воспоминаниями о них, до развёрнутых завещаний и пророчеств... Результирующим чем-то. Бессмысленным, как финишная лента. Подводя итог. Но как бы жирна ни была черта, смысл не в ней, а в строках выше неё, правда?.. Не посвящают борцы последнего дня размышлениям об устройстве бытия!.. Но в пику им посвятило — чудовище вырвавшееся из океанского холода...

— С покинутым Собственным Миром?.. — пожал плечами Буро. — Полагаю, то же, что и миром, имеющим хозяина. Он постепенно тает. Проливается. Дольше, равномерней, чем обитаемый мир. Вся разница, что никому больше не суждено в него зайти.

— Никому?! — быстро, с неподдельным ужасом, так лапы раскрыв, как, не удержав-таки огромный шар перед собой, Пёс переспросил очевидное. — Никогда?!

Буро ответил ему сходным жестом, передразнивая слегка, раскидистым деревом вопросительно простирая руки к небу:

— Ну, а как же, беглец Великого Моря?.. Как ты представляешь себе визит без приглашенья хозяина?..

Пёс смотрел на него расширившимися глазами. Глазами впервые задумавшегося зверя, невыразительными и чересчур ясными, круглые пятна ожогов не двигались над бровями, мысль замерла... Тихо текла, и он следовал за ней:

— Неотличимый... Среди облаков... Облак... Летит... Темнеет, светлеет... Темнеет и льётся... Светлеет и летит... Неотличимый от облаков... Без рамы?.. Дожди и ливни под ним...

— И последняя гроза, — добавил Буро. — Ты потерял что-то? Надеялся присвоить что-то из мира, из дождя встреченного мимоходом, немного Впечатлений чужого мира?.. Дай хоть какой-то ориентир, и если хочешь, попробуем разыскать его. У меня есть человечек, бродяжка знакомый...

— Нет... Нет, Надир... — отказался Пёс, едва ли слышавший его, вернулся в реальность. — Надир-Ача, позволь угостить!.. Чашечку чистую?.. Мне принесли, изволь...

Он подал раскрытый мак широкой фарфоровой чашки двумя узорчатыми руками. Украшенными — на посторонний, изуродованными — на посвящённый взгляд. Ожогами холода. Круглые пятна-монетки на плечах и ладонях, утратив тени, продолжали чутко реагировать на свет и тепло, на малейшие дуновения. Поэтому и чашку Пёс брал не рукой целиком, а кончиками пальцев, защищая ладонь от содрогания — льдинки, океанского клейма. Нет, в предстоящем бою это ему не помешает. Не это.

Верхом на драконах прошла, верней, не прошла, была отбита пробная атака. Разумеется, налетел нетерпеливый Пёс. Но и он был осторожен для начала, по своим, пёсьим меркам. Из круга зрителей: Буро, Изумруд, ещё Гай могли видеть её в деталях. Для прочих Белый Дракон Пса сжался вдруг, укоротился вдвое и стрелой со шлейфом, кометой, белой каплей, горизонтально растянутой, выбросившись вперёд, промахнулся. Мимо расплывчато-белой дуги, отклонившегося дракона Олива. Скатился мимо принявшей его, мечом вскинутой руки, и словно меч резко опущенной. Олив крутанулся вихрем, блокировав и отбросив его, верхом не удержался. Дроидские скорости оказались слишком велики и для всадников. Олив спрыгнул, Пёс резким торможением был сброшен. Драконы во внезапной и совершенной неподвижности, как два белых изваяния нос к носу застыли, и, фыркнув, растаяли...

Соперники прежним манером кружили теперь по земле.

Гулки, сильны голоса Морских Чудовищ. В толще течений, омутов, завихрений где-то прозрачной, аквамариновой, а где-то мутной, с грязной желтизной, стремительно-дымной, водной толще, когда Морская Собака прокладывает путь демону, обыкновенно она рычит... Если называть земными словами. Рокочет. Чтобы лучше ориентироваться. Не полагаться только на зрение, подводные жители и многие тени-потеряшки, производные сложных теней, куски их, крепкие части разрушенного перемещаются быстрей, чем словит глаз. Звук выдаёт их присутствие, насколько далеко убежали, где притаились. Ещё рокочет, чтобы преследуемого или преследователя сбить с толку. Напугать. Запутать. Вблизи — оглушить. С разными целями на разные голоса ворчит, воет... Непроизвольно у Пса прорвалась эта привычка и на земле. Исчезли для него скалы, ущелья и зрители. Осталась фигура Олива в длиннополой верхней одежде, безрукавке, волосы с узлом, до колен, отлетают на резких разворотах, с блеском клычков, то ощеривавшихся на него, то скрывающихся за кривой, напряжённой гримасой. Низкий, рокочущий гул повторяло ущелье, возвращало, запутывало Пса самого, непривычными воздушными отражениями звука...

Не сцепились пока ни разу. Изумруд оказался прав: даже зная за собой эту слабость, Пёс бросался прямо. Наблюдательность выручала Олива до поры. Выжидал, искал момента к захвату. Те несколько щитков, что из мелочёвки, пойманной в прибрежных водах, он слепил, предназначались для пассивной защиты. От предполагаемых шипов Пса. Или пропущенного захвата. Должны были принять удар на себя, один. А будучи пойман, Олив высвободил бы их, разрушил, делая скользким покровом, импульсно расширяющимся секунды две-три. Выскользнуть. Одноразовая защита. Памятуя о Шершене, пожиравшем с пола самые злые яды оливок, как раздавленные сахарные конфетки с Впечатлениями, Олив не надеялся ядовитой тенью всерьёз ранить Собаку Моря. А защитные пригодились...

От рокота пёсьего или от приближения темноты, воздух приобрёл вкус ночной, сыроватый...

Пёс промахнулся в очередном броске. Олив тоже, неоправданно затягивая с контратакой.

Сколько можно? Он был тут скорее фазан, надеялся налететь сверху, задушить длинными, сбрасываемыми бортами одежды, притворившимися каймой, кольчужной, классически плетёной... Той же цели служил втрое сложенный пояс... Но... Увернулся, опять не рискнул. Фазан — не одёжка и не удавки, фазан — стиль! Прыгают высоко, сверху налетают. Выжидать, это не фазанье!.. А Пёс, не заходя на новый круг, атаковал повторно... Сорванной пружиной, лопнувшим канатом вырвалось что-то из-под его руки. Коротким копьём. Олив не ожидал, не увернулся.

Тень-щиток, заключённая в мокрой, широкой ленте, поперёк лба короновавшей его, распалась под ударом. И лента слетела. Так на ветру пепел сгоревшей бумаги летит от костра. Скручиваясь, высохнув до предела, вспыхнув от тренья витков! Удивительный эффект тени в артефакте, покинувшей его... Сработало. Раскрывшимся щитом, на куски распавшимся, пропустившим осколки, мелкие. Олив успел отметить, как структурировалось замутнённое пространство иглами, как пропали колкие точки в местах пропуска, на стыках структуры, внимательно лепленной им. Равномерно по ней распределённые... Что означает: две поверхности приняли удар плоскость об плоскость. Значит... Под видом копья Пёс бросил сеть... Не ядовитый шип наконечника, а ловчую сеть... "Странновато..." — успело промелькнуть в голове.

Следующий бросок собаки приблизил финал. Вплотную.

Белые Драконы зрителей ускорились, кружа. Дроидам предалось волненье людей.

Спокойный, как огромная грозовая туча, Изумруд игнорировал любопытные взгляды, и в такой момент, мимоходом скользившие по нему. Сжал зубы, чтоб тоже не зарычать по пёсьи, по океанской привычке... Как можно спокойно смотреть?! На это, э-оу!.. Эээх... Мышцы его иссиня чёрных рук вокруг Селены каменные стали. Обсидиановой пещеры стеной — твердь живота... Как бы он хотел сам!.. Сейчас!.. Он бы не то, что согласился вместо, как допускается на правом крыле, он выкупил бы поединок у Олива, будь такая возможность! Так всё прозрачно, так всё мимо!.. Для царя морских скоростей на первой минуте схватка предстала... Неоправданно! Немыслимо! Необъяснимо!.. Затянутой!.. Чёрт его знает, почему собака тупит, но если и так, почему ты не пользуешься, Олив?! "Пропасть тьмы ледяной, Олив же, Олив!.. Ты не драться прилетел, а коллекционировать упущенные возможности?! Ну, Олив же, все омуты Горького Залива, гарольдова горечь!.. Смотреть нет сил!.." Изумруд привычно качнулся, приоборачивась вправо-влево, отслеживая публику несимпатичную, не внушавшую доверия ему... Вперился обратно, в перетоптывания демонов неморских. "Надеюсь, Собака Моря не намерен сидеть в отвоёванном шатре, как в будке, до скончанья веков. Потому что я следующий... Олив, опять!.. Редкий соперник, редчайший... С рассудком... Я предпочёл бы без условий, без церемоний. Невзначай. Схлестнёмся где-нибудь, посредине течения... От воронки к слоям сине-нижним не близко, не далеко... Олив, нет же!.. Тупее собаки!.."

Между обсидиановых рук, обнимавших её, перламутровая Селена вполглаза смотрела на схватку, больше на зрителей... Как раз в тот момент тревожно следила за Оливом, за распадением тени, лентой слетающей, загоревшейся сухой папиросной бумагой... Когда обогнала группа из четырёх Белых Драконов. Крупный брюнет едва не задел её. Грабитель? Чётки хотел стащить? Причём Изумруда не заметил?.. Заметил... Ускорился. За ним вплотную последовали ещё трое, переговаривающиеся тихо, отрывисто. Тоже ускорились... "Гут, гут..." — произнёс негромко один из всадников, жестикулируя, подсчитывая что-то на пальцах, ставки?.. Селена задохнулась, услышав его... Потемнело перед глазами... Изумруд с его выдающейся, натренированной на врагов, на войну, океанской чуткостью не насторожился, а для неё

перевернулись небо и земля. Про себя повторила, не веря ушам: "Гут, гут?.. Дроиды, чей благословенный свет безграничен..." Чётки раскачивались, задевая драконье крыло. Бусины пульсировали в ладони. Четвёрка, обогнавшая их, почти не удалялась, плыла по кругу, взяв дистанцию. Селена наматывала на запястье чётки в пять-пять-пять, сто пятьдесят бусин трёх цветов, разматывала... "Не приближаться и в мыслях. Не вспоминать. Не смотреть..." И тут же глянула исподлобья... Ну, спины... Три пижона с Южного... И одна бурая, пыльная куртка... Изумруд не мог видеть её лица. Мурена могла. И увидела. Курсировавшая ещё быстрей той четвёрки, всегда-то ей скучно, движения не хватает, обогнав, развернулась рядом. Поймала чётки за кисточку... За руку:

— Чу?.. Селена?.. Стоило ли тебе настаивать поглядеть на драчку?.. Конечно, Олив твой протеже... И моя прибрежная находка!.. Но это его дела. Хочешь, умчим прямо сейчас на Мелоди?.. Селена?..

Перламутровый потупленный взгляд, перламутровые губы держат молчание...

— Селена?.. Со мной Изумруд отпустит. Тем более у тебя ни ставок, ничего здесь...

Селена молчала. "Гут, гут..." Мягкий, ровный, кончиком пера касавшийся сердца голос. Не вкрадчивый, как ревниво сказал бы недоброжелатель. Обычный голос. Ровный — когда и весел, когда и нет. Покатый, стелящийся знакомыми наизусть поворотами, путём-дорожкой домой... И рука, топившая её... Невозможно. Не соотносится... Как?..

Надо сказать, Густав не злоупотреблял, хоть и не брезговал, недроидской охотой. У случае промаха и огласки, цена раздражающе высока... Репутационные риски должны покрываться выгодой. Тогда, относительно Селены, покрывались с избытком... Тогда была назначена хорошая цена, вот и всё.

Вне всяких сомнений Густов достоин прозвания комодо, способного преследовать добычу до победного конца. Но можно быть виртуозом и вовсе не быть комодо!.. Конкретика заказов, узких сроков привлекала, как вызов, но и тяготила его. По духу Густав был охотником «чик», ситуативным. Охотником свободных комбинаций: компонуемых внезапно, реализуемых на раз, просчитываемых тщательно, любовно, на дни, на сезоны, на годы вперёд... Виртуозом коротких атак. Вдохновенной лжи.

— Селена, ты уверена, что хочешь досмотреть?..

Селена молчала. "Чего я болтаю? — мелькнуло в голове у Мурены. — Тут что-то совсем не то..."

Изумруд мог бы поумерить критичность к своему подопечному. Олив выглядел далеко не позорно. Надо учитывать масштабы. Появись он, такой красавец, на правом крыле, никто не принял бы вызов, распугал бы там завсегдатаев, но боя не поимел. И тут, встав между смертью и рамой своих законных владений, против уникума среди демонов океана, он был ещё жив. Что доказывало: держался верно, двигался и наблюдал. Да, ждал момента. Надеялся не высчитать, так вынюхать его. Собственно, он и дождался, и, дождавшись, не промахнулся.

Открывая спину, невзначай и заранее Олив вытащил руку из широкой прорези... Уже видя бросок врага, скинул безрукавку с плеча, раскрыл, как матадор плащ... Сам — влево, высвобождая и вторую руку. Пёс не отследил манёвра, ткань облепила его, треснуло полотно. Оторочка бортов скрипнула, петли кольчужные... Кант наброшен! Зажат в зелёной руке... Олив остался в том, что казалось подкладкой, шёлковой длинной жилеткой, цвета его оливковой кожи... Удавка — петлёй, ещё петлёй, через пёсью шею и грудь... Олив бросал, прочь отступая, резко затягивая... И рванул на себя. Сквозь остатки полотна Пёс успел просунуть в петлю вокруг горла пальцы, не распрямляющиеся до конца, бегом испорченные корявые...

Кольчужная удавка плелась жгутом из двух слоёв, из разных металлов определённых свойств. А именно: при натяжении они растягивались для начала, но затем шли волнами затвердевающими, последовательно, до пружины... А она-то уже не позволяла себя растягивать! Удавка расширяла кольца, тем самым уменьшая длину. Заостряла их, плоские, режущие тело. Злая, надёжная удавка, неудобная размером. Трудно замаскировать, коротких не бывает. Лёгкая в схеме, в изготовлении. Не снимаемая, только горячим ножом. Не применявшаяся в договорных схватках практически никогда по причине именно той, что злая она очень, не по-дроидски.

Эту без шуток надёжную вещь, Пёс, скосив глаза, изучил на ощупь... Потянул от горла... Она скрипела, взвизгивала, волнистым слоем расправлялась. Оттянутая, как ворот, как галстук, будто Пёс наряжался, повязывал бабочку-бант... Кольчужную...

Олив сделал последний рывок за другой конец... Пёс вдохнул... Вдохнул глубже... И звенья лопнули, брызнули от его груди! В этих брызгах, — вот действительный стиль фазаний! — он успел взлететь над землёй! Приземлился бы на голову соперника, если б Олив отшатнуться не сумел. Щерясь, пёс наклонился и за два рыка выплюнул в оливковое лицо:

— Главный был?.. Козырь, а?..

— Нет, — шепнул Олив, клычков не разжимая.

Пальцы на пряжке тройного ремня отстегнули его бесшумно. Со злодейским свистом, сложенным второе, без замаха, разворачиваясь в прыжке, Олив прошёлся им наискосок торса, собачьей морды, до своей... — морды! Пряжкой задел, в ярости. Смысл? Ну-у, не для него... Кое-кто из приглашённых взял малые ставки... Три параллельные полосы засверкали на Собаке Моря огоньками дроидов, внезапно украсив чудовище.

Обеими руками вперёд, рёбрами ладоней, как при беге морском, Пёс прыгнул и с такого близкого расстояния не промахнулся. Запоздавшим, скользящим встречным ударом Олив отвёл его, был сбит с ног, и покатились по земле. Теперь как виры, или собаки, рыча. Предплечье Олива давило на пёсью глотку, ха... Смешно, не по зубам. Мурена могла счесть себя отомщённой. Пёс перебросил его через голову и покатились дальше.

Дальнейшее разглядеть смогли Буро да Изумруд... Как расцепились борцы, отпрянули, словно обожжённые. В шаге остановились. Пёс — рёбра ладоней вперёд по-прежнему, перед лицом, для ныряка, замершего ныряка. И перед чётко направленными в них, выставленными кулаками Олива. Так удерживают нечто, если есть присущие тени и достаточно мужества, концентрации, можно выгнать их через костяшки, через руки вырвать, выбросить. Когти и зубы, ноги ещё, копыта, естественное оружие зверей, именно те места, на которых легче всего присущие тени-свойства обретают внешнюю форму, и могут быть отделены...

В туманной, охватившей ущелье тишине напротив вскинутых лап, нахмуренного лица Морской Собаки, из побелевших оливковых кулаков расцветала злая тень. Нестабильная, равная шипам придонных тварей, норовящая на них же распасться, но непонятной силой собираемая из них в общую, плавную форму. Центрованную. Форму, которая поможет аккумулировать и преумножить мощь для единственного выброса, выстрела из сердцевины. Пока оливковые руки дрожали от напряжения. Тень, усложняясь снова и снова, пучком выбрасывалась из неё, но собиралась, заново собиралась... Копила напряжение. Протуберанцами языков... Гладкими, равными языками... Тонкими, разделившимися на верхние — каплевидные, и вытянутые — стекающие вниз... Глубоко-чёрные, как горячие цвета... Формы всё усложнялись, уточнялись, оставляя от предыдущих сияние блёклых краёв... Форма тени уже очевидно для всех становилась глубоко-бархатно-чёрной орхидеей... Как в мире Олива. Она сияла от центра и по краям, и вовсе не казалась милым фокусом... Она заставила расшириться и рассеяться круг

зрителей. Она явно то, что должно скоро взорваться. Она изгибалась, как зверь, во все стороны, и к Оливу тоже, и выбрасываясь, продолжала расти... Полыхая целиком, забилась, затрепетала. Туман хлынул из светящейся сердцевины...

Пёс дёрнулся, шагнул к ней, как человек к огромному зеркалу... Нежданному... Рёбрами ладоней разводя туман в стороны... Что увидел там, что вдохнул?.. Бархатные языки трепетали, заворачиваясь, отклоняясь назад, к оливковому лицу, оскалу клычков, застывшему в последней гримасе нечеловеческого напряжения... И Пёс, щерясь, открыл оба ряда зубов, ровных... Тень выбросила ещё залп чёткого абриса, окруживший обоих... Яркий свет её сердцевины преобразовался в обоюдоострые шипы. Они слиплись. Сделались гранями одного, в обе стороны нацеленного, жутко и мелко дрожащего. Лепестки вокруг бились беспорядочным тремором, порывами, как на бешеном ветру: от Пса — к Оливу, от Олива — к собаке... Шип дрожал, выдавался из них... Пёс уронил лапы. Отвалились бы, не крепись к плечам. Тень-орхидея зудела, локатором собралась, потянулась к нему. Сквозь её дымный бархат долю секунды Пёс в упор наблюдал, как и у Олива падают руки, как облегченье стирает гримасу с лица... Волком взвыл! И метнулся прочь. По земле, за пределы круга Белых Драконов. К обрыву. В море. Несколько звериных прыжков... Сияющий абрис тени взвился над ним, собрался, догнал и канул следом в морском, ночном тумане. В рычании, стихшем под обрывом.

Представленье закончено. Зрители сбились в кучу возле Биг-Буро. Обмениваясь мнениями, получая и отдавая ставки. Издали Олив поклонился Буро, жестом приглашая зайти, когда тот освободится. И с тремя, пришедшими за Рутой, направился туда, ни к кому более не приближаясь, вокруг не глядя. Только встряхнулся целиком, будто собачья природа заразила его. Ровным шагом скрылся за рамой.

Буро, разобравшись со ставками, уделив внимание всем, кому не успел до начала, и кто имел интерес прослушать его прогноз относительно возобновления дел с Оливковым Рынком, через некоторое время принял его приглашение.

Олив прежде визита Буро успел освободить заложника. Дабл-Пирит с Бестом пришли забрать его... И Гай. Конечно же, Гай. А непосредственно за рамой ждал Руту ещё один друг... Темнеет, задерживаться нет охоты. Погружённый в себя, Олив, на секунду выйдя из задумчивости, тряхнув за руку, распрощался с Бестом. Направился осматривать хозяйство. Безлюдное, мрачное. Ничтожное количество "братьев" не попало под пёсью "амнистию". "Ничего, прибудет... Обруч на месте, лёгкий... Надо же какой он лёгкий!.. Сачок... Теперь не особенно нужен..."

С брезгливым сомнением нырнул в главный жилой шатёр, под "лица-лица-лица" тента, оживавшие при дуновении ветерка... Опасаясь унюхать вонь пребыванья собаки. Если бы!.. Шаг за полог — и память об Эми-Лис обняла его, словно караулила там!.. Олив и не вспомнил о грязной Морской Собаке. Не оставившая ни вещицы, ни следа, память об Эми смотрела справа и слева, из каждого угла. На маленьких ножках её, танцовщицы, по-прежнему кандалы, шарик Лиски-намо в руках. Олив упал на ложе, закрыл глаза и, прежде чем внутренний голос заведёт нескончаемую шарманку, рявкнул на него: "Заглохни!.."

"Рама без тени... Лучше бы восстановить..." Когда Буро дотопал к нему, Олив на широченном ложе сидел столбом, с выражением не подходящим победителю — в прострации. Той же самой, что по завершении поединка. Прилипла к нему. Узрев Буро, вскочил, уступая место. Не мог усидеть, не мог изображать спокойствие. Нырнул за отгороженную половину,

беспокойно, торопливо выбрал сколько-то из оставшихся пыльных флаконов. Вовремя опомнился и запретные Впечатления отставил. Ещё не хватало ему проповедей Буро для завершения дня... Разлил по колпачкам флаконов, как по рюмкам.

— Ты видел, Биг-Буро?! — сорвался он после первого глотка. — Все видели?!

Буро неопределённо поднял бровь. Хороший вопрос... Войнушки такая вещь, со стороны не разберёшься...

— Олив?.. Давненько не бывал я здесь — у тебя... Поздравляю с победой. И возвращением.

— Ты издеваешься, ты шутишь, Надир?! С победой?! Да чтоб он гарольдовой водой захлебнулся в Го-орестном Заливе!.. Чтоб она ему в глотке застыла!..

Буро рассмеялся:

— Нехорошо так люто ругаться!.. Похоже, я действительно что-то не увидел... И что случилось? Маловато "братьев" оставил тебе? Вылакал бережённую бутылку?

Олив сел на землю, скрестив ноги, вишнёво-красный флакон, не поделившись, по-плебейски выпил из горла...

— Ты, в самом деле, ты, правда, не заметил, серьёзно?! Тебе кое-что странно-о не показалось, Надир?..

— Серьёзно. Будь добр, просвети...

Буро опрокинул стопку, на дне музыкального Впечатления обнаружился корень другого, песня голосом, без музыки и слов. Коктейль образовался случайно, Олив перепутал когда-то крышки флаконов, закрыл запотевшей, чужой.

— А остальные тоже не заметили?!

Ну как тут не смеяться?.. Буро поразмышлял над двумя предупредительно откупоренными бутылочками, как бы их получше смешать, покачал головой и выговорил протяжно:

— Этого-я-знать-не-могу... Так чего же, Олив, заметили — не заметили?..

— Да какая победа?! Да он же, он, собака вонючая, развернул эту треклятую орхидею!.. Раскрыл и к себе развернул!.. У меня, Надир, тебе одно-ому признаюсь, только и сил-то хватило её удержать!..

— Великолепно! — Буро хлопнул себя по коленям, забыв про коктейли. — Теперь я понимаю!

— А я — нет. И т-теперь — совсем нет!

— Есть у меня одно подозрение... — пробормотал Буро. — Позволь, сначала проверю. Что хочу сказать, Олив... Совсем не похоже, мягко выражаясь... Притом... Похоже: расходятся рывками... Не лепестками, но... Расходятся... И яд собирают... Охватывают... Пока собирают... Совсем не похоже, оу!.. А по структуре — очень... Да, вот что хотел сказать, Олив, в Великом Море, где пробыл я недолго и весьма, весьма давно... Я чудом избежал смерти дважды: кроме как от придонных монстров, от столкновения с такого же рода тенями... Таким видом оружия. Причём, некоторые из теней принадлежали охотившейся стае, а на некоторых, я напоролся по глупости, ничейных, брошенных... Убёг, не суть. Стая перегрызлась прямо посреди погони, им не до меня стало. Что до теней, они имели общую черту — уродство... Видишь, противоположная характеристика сотворённому Псом, остальное совпадает. Их форма, Олив, была чрезвычайно отталкивающей. То есть, беспорядочно, агрессивно, хаотично преображавшейся... При расширении. Нарочно ли, случайно, утверждать не могу. Нарочно — с большей вероятностью. Они всё равно заметные, значит, дополнительная выгода — парализовать страхом, отвращением, загипнотизировать, приковать к себе максимум внимания. Запомниться. И это ключевой момент. Настолько запомниться... Гонять добычу и упустив её. Вспоминается, мечешься, теряешь силы, мерещится всюду... Тем временем преследователь заново унюхает след. А ты уже никакой, без сил... Передать не могу, но поверь —

омерзительное уродство. В движениях, в дрожаниях, зудении каком-то... Фу, до сих пор помню! Отряхнуться хочешь, раз взглянув на такую тень... Не было среди них, Олив, чёрных орхидей! Бархатных, да? Тебе были видны как бы капли росы на нижних лепестках, по краю?.. То-то... Позволь спросить: ты сам что-то подобное вне Впечатлений, наяву видел? Тени похожие, изображения на продажу, альбомы?

— Не видел! — Олив барабанил пальцами по бутылочке и пил опять из горла, из-под ложа вытащил, не глядя, там вся заначка в неприкосновенности сохранилась. — Делать, делал. Ради облачн-ного эскиза я собирал орхидеи. Когда было...

— Великолепно! — повторил Буро, но чуть-чуть нахмурился, учуяв дух опустошённой и отброшенной склянки, нехороший, кисло-запретный, и прежде-то раздражавший, после гибели Симурга он возненавидел этот запах. — Последний вопрос. О вашем уговоре я осведомлён, но не о месте, в котором был заключён. Не в твоём ли Собственном Мире?

— Именно.

— В саду? Рядом с цветником? С орхидеями?

— В доме. Под ними, да.

— И ты угощал его?

Олив помотал головой, стряхивая озадаченность, как наваждение:

— Ну... Да... А что?.. Биг-Буро, я не должен был угощать гостя? Бред какой-то, да машинально-о, естественно-о же... Ко всему, его следовало побыстрей привести в чувство... Биг-Буро!.. Я видел, как ты покосился! И слышал, как ты промолчал! Если меня и тянет иногда на глоточек запретного Впечатления, что?.. Дроидское обхождение я должен забыть?! Мы с Сомой из тех времён ещё, когда манеры коллекционировали, как цацки коллекционируют теперь, и пользовались ими! Брюзжание?.. Да, но деградация на лицо, по Мелоди хоть суди, по козьим пляскам! Биг-Буро, если мне хочется иногда вкуса немного поострей, что такого? Каждому своё. Я не предлагаю, на Рынок Ноу гостей не вожу...

— Олив, ради милости дроидов, ты же справедливо заметил, что я промолчал... Будь объективен, однако, цацки во все времена коллекционировали, разные просто... Да не в этом дело. Резюмирую, ты и сам понял уже... Видимо, мир твой хорош и орхидеи хороши, раз Морская Собака пленилась ими... Не кто-нибудь, Олив, а — "расчищающий дорогу" демон любых глубин, от и до!.. Когда же, сплавив тень, используют для её формы не Впечатление, а обычное воспоминание... Небывалый случай!.. Пёсик сам, небось, удивился!.. Думаю, собаки ты можешь не опасаться. Хотя какой-нибудь фортель он непременно выкинет!.. И до кучи, — не всерьёз, но грозно Буро свёл брови и низким голосом пророкотал, — Олив! Не пей всякую гадость!

Олив склонил голову, он кое-что мог бы сказать о разнице, существенной на его взгляд, между холодной влагой из склянки и раскалённой от Огненного Круга... Он смолчал. И Буро сменил тему. Мысль его, изгнанника, которому не бывать даже гостем за рамой, ушла далеко — в Собственные Миры... Какую часть по размеру и по значимости занимают они в счастье тех, кому по-прежнему доступны? В жизни гостей — не ведающих страха и чуждых коварству?.. Хозяев — чуждых охоте, не мыслящих уровнять гостя с ценой артефакта... Долго просидели, до утра, всё равно не заснуть в первую ночь по возвращении. Олив слушал, соотносил. Прикидывал свои перспективы. Вероятное развитие, нежданную загогулину приобретшей, вражды... Тревожные. Пустые. На месте Эми-Лис в сердце зияла холодная, недоумевающая пустота. Он и раскаивался, и не изменился, ошибки не нашёл... Как и все, не понявшие своей ошибки, попрекал судьбу за подножку...

Через день Пёс объявился на Южном. Ночью, привычка. В шатёр к Буро ворвался бегом морским, тоже привычка! Наткнулся на Дзонга и, безошибочно, мгновенно оценив масштаб чудовища, едва осклабился ему, не ты мне нужен... Дзонг усмехнулся, отступил в тень, общайтесь... Забавный демон... У Надира все такие забавные...

Лексикон пёсий не обогатился, накал страстей только возрос. Он вообще не соображал, что делать с ними?.. С непреодолимым противоречием?..

— Надир! Здравствуй! Будь удачлив!.. Я не мог, понимаешь, да?.. Не смог!.. — Пёс очертил лапами в воздухе полукруглое и огромное. — Купол, представляешь, да?.. Синий купол!.. Изнутри солнце... Солнце снаружи... Издалека — синий!.. Теплынь такая, и капает с веток... А подходишь, петляешь когда, — тепло под ногами... Катайся, валяйся!.. Всюду тепло!.. Дальше площадь... Понимаешь, Надир?.. Тёплая площадь и купол... Синий.... Парит над площадью... Надир-Ача! И как же, если никак не зайти?! То есть, совсем никак?.. То есть, сейчас ещё можно, раз — и нет!.. И вовеки?! Летит и тает... И купол синий, и капель, и... Его глотка была в моих зубах!.. Там же, оу, и осталась!.. Ха-ха-оу, пускай не обольщается!.. Но я не могу, Надир!.. Собственноручно вот этот синий огромный купол, я не могу, Биг-Буро!.. Как отнимают миры? Посоветуй! О, бездны ледяные, поторгуйся с ним за меня!.. Я загрызу и буду неутешен!.. У такой твари — такой мир! Как это, оу, возможно?.. И он летает там, такой твари открытый!.. Недроидской, прости меня на дурном слове, собаку разукрашенную, люди пугаются меня, — меня, не его! Но я говорю, Надир, как есть прямо — недроидской до нутра!.. Твари!.. Летает открытый... Как понять?.. Надир, как же я ненавижу его!

— Создателя? — переспросил Буро.

— Оу?.. Хозяина...

— Создателя.

Глава 75

Глава 75.

Сумрачное ущелье. Два борца, Гай, Бест и высокий, сиятельный, излучающий тёплое свечение дроид — в кружок, остальные разлетелись. Белые Драконы унесли зрителей к новым развлечениям и покою Собственных Миров.

Формально Рута перешёл во власть Гая, переуступленный ему Буро. Фактически же Гай не обеспечил такому положению никакой силовой поддержки. Не полагался на неё. Что даст? Начало новой войны? С неё начал, и где оказался теперь?.. Гай оказался в тупике. Просить кого-то о чём-то ему было не легче, чем укусить себя за локоть.

Но он не успел даже произнести заготовленное: "Я возвращу вас на левое крыло..." А Дабл-Пирит успел лишь хлопнуть по плечу приятеля и ученика... Как дроид опередил их. Похитил Руту у компании!.. Дроид, без песни Огненного Круга, незамеченным способом подозвав, сидел боком на Белом Драконе. Эти вольные дроиды третьей расы, не определённые к Восходящему, соглашались и высшим дроидам послужить. Для виду, составить компанию, как раз тот случай, который называется — не в службу, а в дружбу! Ещё владыкам служили, признавали важность дела когда.

— Очень-очень надо! — подлетел к нему Дрёма, с бочку как-то, лихо и вкрадчиво, обдав теплом, озарив тихим сиянием в сумерках.

Вкрадчивые, лёгкие манера дроида удивляли, при вельможной его внешности. Сперва удивляли, со второго взгляда казалось: иначе и не может быть. Рута погрузился, — роскошь для хищника дружить с дроидом! — в ещё более тёплый, убедительности ради, ускользающий дроидский взгляд и оттаял. От гнева и плена. Со Псом они поладили, но само положение...

— Сейчас... — ответил он дроиду ласково, саркастично. — Ты, эгоистическая машина для усыпления чужих интересов!.. Глядя на тебя, Дрёма, ни в жизнь не поверишь, что дроиды для людей, а не наоборот!.. Вот в чём не сомневаюсь, торопливый дружок, что ты "очень-очень" беспокоился обо мне!..

— Рут-та!..

Серьёзный, величественный дроид, как мальчишка с Рулетки, облетел кругом, и дракон его радостно перекувырнулся, сальто и бочкой, фыркнув в ухо на подлёте, и он радовался освобождению...

— Ру-ута... За что упрекаешь? Я не могу заходить на рынки. Стану владыкой — смогу!.. Вот и помоги мне немножечко, ну, надо, Рута! Нам перемолвиться с ней, коротенько!

— Ой, ловчее не можешь врать? Научу: запоминай, что прежде выдумывал!.. Ты ж трон имел, ты когда врёшь то? Тогда или сейчас?..

— Трон трону рознь... Бывают широкие, высокие!.. А бывают низенькие... Рута, я знал, что всё образуется!.. Не очень, да, не беспокоился вовсе, мне напела Фавор...

— Всё образуется?! Нормально!.. А про то, что тебе сейчас отвечу, тоже напела?..

— Рут-та!..

"Дрёма, Дрёма, как же тяжело в неподвижности день-деньской на земле. И по белым крыльям драконьим я соскучился, и по тебе, чего уж там, и по дождю... Кожей попить, не из чашки, промчаться насквозь ливней пять-семь вряд!.."

— Дроид! Подожди... Минутку. Я оторву голову одному гаду и взлетаем.

Гай молчал. Бест смеялся. Тоже сидел верхом, понимая, что дроид по-любому человека утащит, раз задался такой целью. И от них, и от драки.

— Голову... до-олго!.. — пропел Дрёма, рассмешив всех кроме Гая.

Трудно сказать, чему подчиняясь, своей ли жажде погоняться, помокнуть, в связные непредсказуемые Впечатления с головой уходя, среди грозовых, ночных ливней, или магии дроидских глаз, поволоке тепла в шарфе, непременном атрибуте, парящему не спадая, на широкие, округлые плечи не ложась... Рута запрокинул лицо к тёмному небу, позвал дракона... "Метель, привет!.." Со спины его обернулся:

— Бест. Пирит... До скорого!..

Человек и высший дроид верхом исчезли в небе, в ночи. Гаю вновь оставалось только ждать.

Дрёма спешил, и спешка эта связана была в первую очередь с тем, чтоб как можно скорей убедить хозяина посетить его Собственный Мир и не отклониться с пути, а не с тем насколько быстро он туда доберётся. Дроид прекрасно понимал, что секунды близ человека увеличивают внимание, уделяемое ему владыками в геометрической прогрессии. И метки непостоянных орбит имеются, ориентированные только на Руту, только из-за их дружбы. Курсирующие стремительно от объекта до тронов, докладывающие... А что докладывающие?.. Фортуне ведомо, не его ж это метки! Но скорость их легко угадать по косвенным признакам, мерцающему бризу в пространстве. Шустро докладывают... Для дроида сыграть на опережение, означает победить. Вопрос, как быстро Доминго переадресует запрошенное в призыв другими метками тронов и "Большой-Стены", чёрных орбит, поставленных горизонтально. Сплетённых кольчугой. Орбит Чёрных Драконов, подчинённых Гелиотропа. Насколько убедителен будет Доминго, чтобы без промедления согласовать законность вызова?.. На всякий случай Дрёма отдалился от человека, желая к минимуму свести территориальные и временные возможности образования на пути пред ним Большой-Стены.

"Встретимся перед рамой!.." Освобождённому хищнику предстояло проделать долгий путь в одиночестве... Выглядит правда нагло? Вытребованный, грустный, одинокий путь?.. Видимость! Нет, нет и нет, — не для полудроида в полёте!.. Не для этих секунд, часов и лет слияния с третьей расой, когда общий их язык: скорость и снова скорость!..

Можно так сказать: всё состоит из орбит. В глубочайшем покое, при разглядывании цветов ледяных, например, полудроид осознаёт себя и окружающее, как столько орбит разом, насколько замедлился. И не трогает их. И он счастлив!.. Тонким блаженством, свободным в покое. Отвергнув действие и взаимодействие. Это прекрасно. Но восхитительна и прямая противоположность! В полёте он и Белый Дракон — одно целое! Это — раз, это взаимодействие. Два — полудроид, лихой наездник, гонщик, небесный бродяжка, на время ветреного пути тоже орбита. Новая. Временная. Он — счастливая частичка бытия, летящая и не летящая по ней, существующая и не существующая, ликующая и ещё раз ликующая!.. Всё побоку!.. И не человек я, и вовсе меня нету!.. Ловите!.. Ха-ха, некого ловить!.. Чем горячей в полудроиде подобное чувство, тем лучший он гонщик.

Отчего нужны метки и последовательные связи? Отчего случайны встречи в Туманных Морях? Оттого, что видеть друг друга, значит иметь хоть одну общую орбиту. Нарушение почти всегда. А чтобы встретиться второй раз, неслучайно уже, надо либо пойти на удержание человека в пределах нескольких орбит, уже дробь-нарушение, либо договариваться о месте и времени совершенно как человек с человеком!

Когда дроиды учились людей понимать, по Впечатлениям, они элементарной вещи никак уяснить не могли... Выходит некий человек из дома... Гуляет... И возвращается в него! Как?! Общего поля — нет. Территория не заложена картой в уме. Повороты — острыми углами. Ориентируется ежесекундно на миллиарды косвенных признаков. И всё это ради прогулки в

пару километров. Направлений, поворотов — тьма... Более того, он и направления в уме не держит! И намерения не всегда... Как?! Для дроидов, это невообразимо сложная задача. Они все внутри. Себя. Туманного Моря. Семейства. Облачного рынка дроидов. Общего поля Юлы, поддерживающего.

Белые Драконы, суть те, кто имеет право целиком заключать человека в свои орбиты. Они не учатся эсперанто людей, по данной причине, не нуждаясь в нём. Так понимают! Сидя между белых крыльев, всадник целиком в природе дроида, как в Собственном Мире. И драконий кувырок не случайность! Эпизод добавленного блаженства. Кувырок — лишняя орбита, мгновенная. Ради мгновенного блаженства: объятье, ещё объятье!..

Исполняя желание Дрёмы, дракон и человек взяли свирепую скорость. Согласно пожеланию Руты — не пропускали ни дождиков, ни гроз в нужном направлении. Здоровски!.. И домой заглянуть Рута не против, и размяться после неволи! И всё-таки... Так долго, так далеко!.. Всегда!.. Мир Руты не покидал высокого неба, он всегда неимоверно далеко от континента. Подбрасывая всадника на виражах, упругий как стальная лента, Белый Дракон мчал со скоростью бури. Рута, подремавший и проснувшийся, уже ворчал про себя и ругался вслух, когда удавалась глотнуть воздуха. Сырого, поджидающими и прошедшими дождями насыщенного. Приятно и беспокойно вдыхать туман неба: Впечатление чудится, но чётко не разглядеть... Потому так многие гоняются за дождями, туман неба манит. Трудно, унюхав, мимо промчать... Не заглянуть в прихожую мира, в колокольчик дверной не позвонить...

Мчал и ругался. На свою отзывчивость, непредусмотрительность, на эгоистичного дроида. Клялся на будущее в самой укромной горной расщелине поставить шатёр только для перемещения, для сокращенья пути. На Южном неплохо бы, выкупить у кого-нибудь, к левому крылу поближе... Который раз клялся?.. Стотысячный! Впрочем, сейчас ему пришлось бы вылететь и прогуляться за рамой все равно. Дрёме требовалась пауза, промежуток прибытия к ней хозяина мира.

Авантюрный одиночка, с лёгким отношением одиночки к риску, он недооценил тревогу крупных тронов в связи с очищенным от снегов, рабочим дроидским Лалом. В Собственном Мире хищника. Недооценил степень внимания прикованного к нему. Что можно Доминго загодя согласовал, а что невозможно... То пока невозможно!

Задолго до прибытия Руты кристаллизовались они... В высоком небе, на границе тумана дроидов, в недрах скрывающего облачный мир и Лал, до куда хозяину ещё лететь и лететь, кристаллизовалась она, бриллиантово-чёрная, Большая-Стена. Отголосок дроидской войны, проверенное, отработанное на ней классическое построение Чёрных Драконов. Лучше бы Дрёма ожидал Руту в необщей форме!.. Белый Дракон, друг-приятель его буквально ударился об чёрно-чешуйчатую стену, двадцатью когтями, выставленных вперёд лап, приняв поневоле, смешное ему, вертикальное положение... "Ахш... Фрахш-ш-ш!.." — фыркнул он и кувырком отлетел назад. Пересечение разно-драконьих орбит взаимно неблагоприятно.

Чёрные Драконы клубились как дым, решивший вдруг распространяться точным геометрическим орнаментом, каждая часть которого расширяется, но всё в целом остаётся в своих границах. Так они перетекали, менялись местами внутри Большой-Стены, нагляднее не объяснить... Хвосты гневно змеились, вздрагивали, свивались кольцами. Скрип чешуи. Пульсирующие зрачки дроидов впивались, вкручивались спиралями из-под нависших бровей в ездового дроида и всадника... «Ооочень страшно!.. Особенно для высшего дроида!» Такое ощущение, что Гелиотроп откровенно развлекался, модифицируя их внешний облик. Изымать запретное они в теченье последней эпохи эффективней не стали, а дрались и прежде неплохо.

«На кого это всё рассчитано?.. И почему, Фортуны ясный лик, он поставил их на задние лапы?! Фруу... На задние лапы!..» Такие мысли, поделённые на двоих, пронеслись у них при виде торжественной встречи.

В крупной броне, в чешуе напоминавшей щитки, Чёрный Дракон выдался навстречу, за пределы Большой-Стены и звонко лязгнул зубами. Два зазубренных клыка сверху, два снизу, ножницами заходили друг за друга, так что на бородатую челюсть выдавались верхние клыки, нижние — вверх, к наморщенному, с широкими ноздрями носу... Красавец! Гелиотроп определённо развлекался!.. Нос наморщился сильней, гармошкой, клыки со скрежетом разошлись и с выдохом дымно-синим... "Пых-ш-ш..." Выдохнул синими, — какая новость, драконы глотают орбиты меток, какая неприятность, синие! — Огоньками Доминго... И прогрохотал:

— Помедленнее!.. В общей форме! К ответу! Перед тронами! — произнеся формулу, дракон перешёл на низкий рокот и начал обратный отсчёт. — Тридцать три, двадцать два... Тридцать два, двадцать один... Девять... Тридцать один...

"Опа-па! ну и ну... Фавор быстрые крылышки! Ничего же себе же, хорошенькое дело... Нарушаешь аккуратно, считаешь дроби дробей... А тут раз и такое, обратный счёт?.."

С одиннадцати начиная, счёт ускорится и они уже смогут действовать силой. Вот как?! Белый Дракон и дроид, переставший изображать всадника, разлетелись в разные стороны. Перед пульсирующей, дымной, чешуйчатой стеной. Сверкавшей во мраке. Шла следующая ночь, и сами драконы сделали ночь вдобавок, блиставшую прорезями глаз. Разнообразных: прищуренных, хмурых, узких, круглых, как орех, острых, как лепестки, как лезвия, хитрых, гневных и насмешливых, всяких... Дракон Дрёмы, сияя крыльями, взвился вверх-вниз вдоль Большой-Стены, боевого построения, оставляя за собой спиральный след. Булькая, фыркая сдержанным смехом, и радостной мордой взвился снизу к нему, зависшему в тёплой ауре стоя, задумчиво.

— Фр-рах-х-х!.. Разомнёмся?! — толкнул в бок, носом его поддел. — Присмотрись, я не чую... Три ряда или пять? Три круга пробью, дальше сам. Проскользнёшь?.. Как тебе?

— Ох, Белка... — ответил Дрёма, напряжённо слушая цифры, истекающий ряд. — Направит тебя Фортуна к Восходящему, что я без тебя буду делать?

У высших дроидов все Белые Драконы "белки", по цвету просто.

— Это ещё когда! Как ещё мир переменится к тому времени!..

— Мир, но не вы, Белка... Не вы — белки!.. Нее, там не пять, там все двадцать пять рядов... Доминго меня уважает!

— Тринадцать... — пророкотал Чёрный Дракон.

Дрёма подлетел к наморщенному носу его и перебил:

— Тронов сколько, дроид? Перед сколькими тронами я должен предстать?

— Перед тремя... — раскатисто, но приглушённо пророкотал дроид.

Дрёма упал просто от такой наглости. Не ожидал!.. Для порядку спросил, время выиграть!.. Усмехнулся, отдалился. Концы невесомого шарфа, воплощённой средней орбиты, потянул вперёд, задумчиво, невзначай. Можно было видеть, что разрыв орбиты, концы шарфа не накручиваются на золотистые пальцы, а уходят в них и в ладони, замыкаясь там где-то, в пределах дроидской общей формы... Переводил взгляд со скрещенных клыков, зазубренных, на пульсирующие, бесстыжие зрачки. Дракон скривил в сторону морду. Щёки надул, заслуженная отповедь ему...

— Сторожите, да, интриганы?.. — угрожающе, пауз, ударений не делая, начал Дрёма,

позволяя в гул сливаться словам и звукам, как никогда не говорил с людьми, даже вблизи людей.

— Три трона, да?.. А четвёртый?.. То-то я думаю, столько рептилий на задних лапах, где нужен посыльный с меткой... С меткой в лапах, ящерица! Не в зубах!.. В лапах приносят метку, если она нелетучая!.. Зачем вам передние лапы, а? Ножки тронов держать и метки носить, ящерица!.. Интриганы... Подожди, сделаю из тебя улитку грызущую. У подножия Юлы, дроид... Кроме зубов ничего не оставлю, ящерица, молча грызи!.. Я запомню тебя, дроид!

Дрёма вновь очутился верхом, и Белый Дракон улыбался длинной мордой, длинными, назад развевающимися усами.

— Перед тремя?.. — ещё недоверчивей переспросил Дрёма. — Что-то не верю... Двумя?.. Одним?! Баста!.. Прочь пошли с дороги... А ты предай, дроид: "Доминго, я жду. Раз уж так сильно понадобился тебе". Теперь... Августейшего прошу сам о встрече. В необщей форме. В память прежних заслуг и как бывший дроид желания. Всё! Коридор!.. И хвосты приберите... Цирк...

Большая-Стена не может так сразу рассыпаться, только расступиться. Сквозь чешуйчатый, глазастый, нахмуренный и насупленный коридор, сквозь вызов не проявленный, исторически сложившийся меж них, чёрных и белых, Белый Дракон пронёс Дрёму. Не спеша. Иногда толкаясь, иногда мотая головой, усы топорща, раскланиваясь... Туда, где облачный мир Руты открылся ему.

У рамы ждал его владыка Дом. Шустрые метки...

Серьёзней, дольше и суше в интонациях оказался их пока словесный поединок, Рутой прерванный на самом интересном месте, дроид холода не стал пересекаться с человеком.

Быстрый отклик Доминго и драконья провокация не удивительны. Следили за Рутой давно, уникальность Собственного Мира его была известна, но до последних событий это была — потенциальная — уникальность. Настойчивые просьбы Дрёмы освободить от снегов Стократный Лал и Клок, подвернувшийся нежданно, перевели ситуацию на новый виток. К границе активных действий.

Доминго решил обратиться к фундаментальному. Сокровенному для каждого дроида — Фортуне. Бишь, конечной цели. Стоит ли преследовать её, не прикрыла ли она от птички Фавор на сей раз правое плечо?.. А прежде замахнулся Доминго подло, прямо и резко. Должен был узнать, уяснить кое-что. Вопрошая единственным троном, он не имел права спрашивать впрямую об антагонисте вольного дроида, о степени влияния на него. О самом главном. Проблеск — ключевая фигура. Какую степень близости, какое качество притяжения-отторжения сохранили они с Дрёмой по расхожденье семейств?

Густая, непроглядная ночь уступала черноте его трона. Абрис трона, с высокой, узкой спинкой — полумесяцем острыми рогами вверх — то проявлялся чётко до боли в глазах, ледяным сиянием обведённый, то распылял очертания внезапным ультрамарином. Доминго покачивался на раме, словно игрок на Рулетки, на равновесие, ногу подтянув к себе, пальцы рук в замок сомкнув на колене. Был мрачен.

— Без дробей одно! — напоминанием как выстрелом встретил он Дрёму, не долетевшего ещё, на расстоянии, с металлом в голосе. — Единственное нарушение прекращает дроида желания! Ты не забыл?.. Одно.

— Не совершённое, Доминго? Она ничего не сделала!

В общем-то, он и предвидел, и уловил провокацию, а всё равно повёлся. Общая форма жутчайше невыгодная, неудобная форма для междроидского. А в необщую, сквозь азимут Доминго зайдя, из неё и не выйдешь, пожалуй. По кусочкам разве что.

"Ага, — отчеркнул результат Доминго. — Ага..." И предпринял логичную, безнадёжную, неизбежную попытку. Отговорить. Уж очень много проблем снялись бы разом в случае благоприятного исхода.

— Дроид, прислушайся! Убеди человека избавится от Тысячекратного Лала! Как только это произойдёт... По первому моему слову... Августейший откроет для Проблеск наш Лал, законный! И она — покидает семейство. Да, прежде такого не бывало, но это не нарушение, это — исключение. И я властен потребовать его. Образуешь семейство. Дроидов-опоры я дам из своих. Ты выберешь! Не считая Проблеск. Что ещё надо?

Дрёма улыбался, слушая. Причём хамски, не ему, а дракону, подняв руками и заглядывая в белую морду, многозначительно кивавшую в ответ. "Чего ещё надо?.. Что ты перечислил, всё это и надо... Только в реальности, а не у тебя на языке...." Он был зол и на Большую-Стену и на недроидски грубую уловку. "Что с него взять, неизначальный дроид..."

— Надо?.. Ты проницателен как всегда: то и другое... Не обходным путём! — хотел сдержаться, но добавил. — Владыка неизначальный дроид. Владыке сложно понять...

— Я вызываю тебя! — бросил Доминго.

— Принимаю, — спокойно ответил дроид тепла.

— Тогда дальше...

Трон вокруг белой фигуры Доминго проявился и по щелчку его пальцев замер, больше не исчезая, чёрный, излучающий льдистый свет. Величественный, да. Неизначальный дроид, позёр.

— Дроид... Прислушайся! Одно дело трон-скользящий образованный посреди семейства, другое — посреди семейств! Трон ускользающий, непостоянный, подвижный... Центр, который то ли есть, то ли нет... Как ты себе представляешь? Одно дело, когда в текучем текучее правит, где нечему расколоться, другое — в кристалле! Ты имя своё ещё не забыл, дроид?! Ну, как ты воображаешь наперёд собственную удачу?.. Или тёплые дроиды о будущем не задумываются совсем? Оно для них всегда Там? Для приспешников жёлтого нарушителя...

— Оно и для вас всегда Там! — хмыкнул Дрёма. — Последовательно, постепенно... Владыка, кристаллы, они и хрупки, и таянью доступны. Заново кристаллизуются...

— Откровенно скажи: никак не представляю.

За время дроидского бытия Доминго столь же преуспел в турнирах, сколько потерял в лексиконе. Не только человеческое, дроидское эсперанто не являлось сильной его стороной. Интриги, перестановки он вершил безмолвной демонстрацией желанного и пугающего. Обсуждать ему было особо нечего и не с кем. Считал: решать, направление выбирать должен всегда один, глава. То есть, он! И у этой позиции больше плюсов, чем минусов. Плохо, что сам владыка теряет из-за неё: навыки мелкие и чрезвычайно важные, связанные с гибкостью, подвижностью. Итог — парадоксальная ситуация!.. Дроид изначальный, нарушитель, близкий с людьми, обошёл бывшего человека в умении вникать, преподносить, крутить на языке...

Посеять сомнения требовалось холодному владыке. При этом Доминго не просто боролся за власть, он верил в правильность существующего миропорядка. Тёплый дроид покушался не на его чёрный трон, а на законное, единственно правильное — центральное! — положение семейства Дом.

Стиль изложения его был такой: он перечислял аспекты, ключевые точки, пересечения азимутов и контуров. Для дроидов и семейств, которые заденет Дрёма. Перечислял, тем самым обнаруживая их связь и сложность.

Это работает, потому что дроиды в принципе не склонны разрушать, разъединять. Чем больше точек соприкосновения у некоторого числа явлений, тем больше вероятность, что

дроиды станут укреплять их как союз, развивать и наращивать связи. Сложные соединения приближают их к устройству людей и кажутся красивы. И сами дроиды одни для других ценны и красивы по той же причине, и турниры по ней же крайне редко представляют настоящую опасность. Ловким ударом на элементарные орбиты не распылит слабый — сильного, царственного дроида, дверь в сиятельное семейство, и сильный — слабого, многообещающий задел новых связей. Присвоить орбиты по отдельности — ничто. Зайти в них, взрастить их, подстригая как бонсай, формируя в нужных направлениях… Отпуская и захватывая вновь... Это что-то! Это кое-чего стоит...

Так можно сказать по устройству: доказательство величия семейства в дроидских глазах, это охват. Если оно способно, не разрываясь изнутри диметрально противоположными тенденциями, расширяться вовне, распространяя влияние и рассылая метки, значит — крепкое. Организовано хорошо. Если собирает и надолго заключает в себе дроидов по природе склонных к другим семействам, ворует, сманивает из них, то структура его устойчива.

А что плохо?.. При широкий охвате, необходимая для него жёсткая кристаллическая структура начинает воспроизводить и вовне жёсткие схемы. Линейные. Однообразные. Диктующие какими метками, через каких дроидов владыке для Восходящего что-либо искать. Как если бы прекрасные тончайшие лучи начинали со временем слипаться и превращались в торчащие из солнца, звёздочки длинные палки!.. Некрасиво звучит. Так некрасиво и выглядит в глазах конкурентов, вроде Дрёмы, стремящихся переплавить, растопить застоявшийся трон!.. На посторонний взгляд, Беста, например, оба мнения ни к чёрту!.. И то, что с трона представляется Доминго волнами хаоса, не хаос. Таяние — не хаос. И то, что претит таким как Дрёма — не уродливая жёсткая стукура, а прекрасный, — и главное, живой! — кристалл.

Перечисляя аспекты непереводимые, недоступные уму людей, существующие только на эсперанто дроидов, Доминго касался поочерёдно в слушателе его орбит. Вслепую. Пока. Нет реакции — не понятно попал или нет. Если попал, дроид остановится на той орбите, задумается, это и есть кристаллизация. Начало внутреннего влияния. Точка сомнения.

Доминго и промахивался и попадал. Выражаясь попросту, он соблазнял и пугал, апеллировал к врождённой дроидской рациональности. Старался наглядно преподнести ущербы хаотических процессов. Выгоды последовательных. Ярко, зримо. И пока говорил, в говорящем и слушающем в миниатюре они совершались. Поэтому так и трудна им, как людям, откровенность. Напророчить страшное. Спугнуть желанное. Произнести и увидеть: не таково оно, каким представлялось, пока молчал. Доминго обидно для себя попадал не тем, на что рассчитывал, и досадно промахивался казалось бы надёжными аргументами.

Дрёма сохранил достаточно качеств дроида желания, чтобы противоречить ему было непросто, лицом к лицу, даже если противоречие с его стороны заключается в том, что он слушает и молчит!.. Руте его упрямство — тёплая поволока... Владыке… Ну, как подглядывая в окно наткнуться на встречный взгляд... На подзорную трубу, микроскоп и сканер одновременно!.. Дрёма сохранил столько этих хитрых, ускользающих свойств, что вообразить его главой не центрального трона, а просто крупного семейства — катастрофа!

Бесстыдно лгал Доминго в своём предложении. Он никогда не допустил бы подобного. Проблеск выйдет, если захочет... А она не захочет. Августейший не зря занимает свой трон. А если вдруг, то дальше... Эти два антагониста должны быть связаны. В разных, а если невозможно окажется разделить, в каком-нибудь из холодных семейств. Тёплый и холодный. В холодном. Даже если его для этой цели придётся нарочно образовать! Подарок... В честь перемирия... В тёплом ни-ни, жёлтый нарушитель мигом выпустит их, он такой...

Мягко назвав "обходным" путём к трону, Дрёма ясно видел расклад. Ооочень обходным! Аргументы Доминго, кстати, в большинстве достигали цели, владыку он понимал... Непостоянный, миру сна, миру яви не принадлежащий дроид... На чём устоит его трон? Или это будет карусель?! Как станут находить его его же дроиды? Каждый раз заново?.. Как чужие?! На что станут ориентироваться сопутствующие, подчинённые семейства?.. Одни вопросов, без ответов. Но дроиды не отступают. Пока не виден рубеж, это ещё не рубеж. Когда виден — уже не рубеж! В переводе на человеческий язык: прибудем — посмотрим!

Есть общечеловеческое, есть и в сфере дроидов подобное — общедроидское притяжение. Дрёме немного предавалось разочарование, досада Доминго. Сквозь красивый, правильный схематичный ряд формул, сквозь кристалл здравого смысла, Дрёма тоже переживал досаду несовпадения. Перед главным троном, заслуженным по праву. Перед его владыкой.

Ожидаемый турнир, вольный, на который напросился, его не пугал. Нет подведенья счетов дробей, от которых зависит степень предварительного раскрытия. Он проводится как бы вслепую. И в полных доспехах. А Доминго слишком жаден, умён и расчётлив, чтобы распылить его орбиты на зрителей. И слишком осторожен, чтоб присвоить вслепую.

Рута долетел наконец, избегая встречи с человеком, синими огоньками рассыпался холодный трон и величественный белый дроид...

"Гелиотроп изо всех выделил его... — так подумал Дрёма напоследок, завидев Руту вдалеке. — А я Гелиотропа и не видал... Может быть, зря рыпаюсь?.. Может, бывший человек — неслучаен на главном троне?.. Неслучаен из человеческой сферы сманенный им маленький фаворит чьё имя — суть Юлы, наша природа, лазурит, индиго..." Не такое сомнение желал посеять в нём Доминго... Ну, уж какое взошло!..

Глава 76

Глава 76.

Если вкратце изложить текущие опасения Доминго и надежды Дрёмы получится картина, в центре которой — поисковики.

Переход от автономных к высшим дроидам принёс максимальное очеловечивание общей формы каждого в отдельности и не меньшее их сфере в целом. Атомизацию. Естественно, способы коммуникации вышли на первый план. Существование облачного рынка дроидов не представляется странным в свете этого. Но он частность. Клуб. Момент свободной воли для них, момент такого вольного перемешивания там, где пришедшие зависят от оставшегося за порогом рынка. Рынок в пределах смотрителя, на тот момент — Змея, человека, как поля. Место непредсказуемых знакомств, которое безусловно приятно, но рассчитывать на которое в деловом плане нельзя.

Рынок — уголок, а вот широкая панорама их жизни.

Состоявшиеся связи, это властные связи. От власти перераспределённой сугубо добровольно, преданной тронам почтительно. До полностью насильственной, как на турнирах, от которых нельзя уклониться. Но и это ещё не панорама, а частности — непосредственные контакты, перепутанные орбиты.

Пространство же между ними, незнакомыми, чужими, о существовании друг друга не подозревающими дроидами, заполнено властью иной. Всепроникающей. Властью... Денег!.. Шутка. Властью меток.

При невообразимом количестве доступной информации на пьедестал встают средства её обнаружения и сортировки — поисковики. Это как с простором, открывшимся тебе. Всё прекрасно: никаких границ, рвов, заборов, преград. Если имеются средства перемещения в нём. Ещё — средства ориентирования, компасы, указатели. Иначе, что толку в плоской бескрайней равнине для черепашки?..

Средства, это метки. Ну, не ездовые драконы, скорее голубиная почта. Технические дроиды. Протяжённостью своих орбит достигающие краёв дроидской сферы. С небольшой скоростью перемещения по ним поисковика — метки. Она летит, пока не прилипнет к адресату, узко заданной цели. Это одна крайность, один тип меток. Противоположный тип: метка с орбитой столь малой, что Чёрный Дракон берёт её в зубы, или не дракон, короче, берут с собой. И носят с собой. Она прилипнет к тому дроиду, который за всё время путешествия просчитается ею как подходящий. В котором обнаружит наибольшее количество деталей подходящих к сложному, многоаспектному запросу. Дроид-путешественник отпускает её, она мчит обратно и прилипает к выбранному дроиду, оставив след за собой. Так приводит к нему. Как правило, заранее содержит записку с приглашением в семейство или требованием направить к тучам, к связным Впечатлениям определённого типа сопроводить Восходящего.

Междроидский нюанс. Использование не по прямому назначению...

Такие метки позволяют владыкам, да и кому угодно, без турнира и допроса узнать, что за дроид перед ними. Действуя наугад. Направляющими безмолвными вопросами. А именно... Проверяя свои подозрения, они закладывают их как требования в метку и вблизи конкретного дроида выпускают, смотрят: прилипнет или нет и насколько быстро. Умные владыки при этом сочиняют предлог. Впрочем, не так уж легко дроиду обмануть дроида!.. Появление метки без зова настораживает всегда. За мной наблюдают? Зачем наблюдают?..

Метки же непрерывно собирают детали того, что просеивается дождём. Собирают и приносят тем второй расы дроидам, что помогали собирать эскиз. Которые знали уже тогда, к каким мирам направляют. Преемственность. Они-то и в состоянии интерпретировать. Они скажут, направлять Восходящего туда или туча не подходит. Сложные взаимозависимости специальных поисковиков, специальных интерпретаторов. Дело спасает то, что междроидские взаимодействия чрезвычайно стремительны. И всё же... Сколько изгнанников стали таковыми, пропустив срок только из-за спешки на последних минутах!.. Субъективно, объективно ли не успев дособрать желаемое!

Метки карманная валюта. Они уточняют. Они про детали. Прежде них и куда важней Поисковики. Прокладывающие тракт, направление поиска. Временную орбиту. По ней и отправятся в путешестие к Собственному Миру, сходя с тропы, блуждая, петляя и возвращаясь на неё, дроид с Восходящим рядом и с метками в кармане. Прирастая друзьями-дроидами, спутниками, помощниками. До последнего дня, до воплощения облачного эскиза. Поисковики, это уже не технические штучки. Это высшие дроиды второй расы 2-1 называемые Вепрь и Выпь... Вепри и Выпи.

Личные имена присуждаются им одновременно с заданием, с ним и прекращаются. А эти два названия эти обобщающие, безусловно человеческие, переведённые так для кого-то в давние времена с эсперанто на эсперанто не случайны.

Во первых... Они беспощадно отразили тот факт, что дроидская сфера для её обитателей — болото топкое и дремучий лес! Увязаешь в частностях, в миллиардах вариантов, за деревьями леса не видно!.. И мог бы разогнаться, но — в чаще?.. А Вепри и Выпи дроиды огромных скоростей. Обширных, крайне поверхностных связей с великим количеством одиночек и семейств. И людей... Поверхностных, да. Срок уточнений наступит после, сначала главное.

Вепрь, это тот, кто носится как полоумный, словно роет, вынюхивает, хрюкает свирепо, отгоняя с пути неподходящие, бесперспективные или вредящие связи. Чуждые тому явлению, требованию, которое он заглотил. Актуальному заказу. Прокладывает путь и мчит назад. Может принести, что нашёл, может не приносить.

Вепрь, между прочим... Волен дроида нужного владыке притащить на клыках!.. Если тот не желает и не обязан! Или если пришёл бы, но опасается по пути встречи с антагонистом, имея к тому причины. На орбите Вепря любой дроид в безопасности. Иным взаимодействиям недоступен.

Внутри дроидской сферы их грубых, пустых, распугивающих хрюканьем, распахивающих рылом Туманные Моря Вепрей любят. Они — желанные визитёры, друзья. Кометы дроидского космоса... Они звоночек надежды. Поворот в судьбе. Роскошно это, словно в карете прибыть к трону!.. Быть позванным само по себе роскошно, планируешь ты занять трон или подле его умножить своё могущество на могущество благосклонного владыки. Нормальные, неслучайные в семействе дроиды, так же страстно и преданно почитают владыку, как страстно и упорно желают занять его трон... Очень по человечески!

И конечно, появление Вепря, хрюканье вдали, переходящее в устрашающий визг, означает: "Возможно именно сейчас именно я понадобился Восходящему... Не за мной ли мчит грозный зверь?.. Не меня ли ищет?.." Зов к человеку... К смыслу существования. Человеку внезапному, как толчея ветра между сезонами, плавному и прекрасному, как поднимающаяся волна...

Ещё Вепрь может найти артефакт.

Выпь более мистическое существо. Она вовсе нигде не бегает и не летает. Она кричит. Излучатель. Когда лепечущий перезвон, нежная перекличка начинается в Туманном Море дроидов, то начинается с неё. Выпь притягивает, призывает нужных дроидов к себе. Они не приходят, нет. К кому и зачем?.. Им ещё не ясно. Но они слышат и меняют орбиты. Орбиты их искажаются, образуя то же самое — тракт. Направление будущих поисков.

Вепрей и Выпей меньше двух десятков, небольшое число. Старые, они ещё неавтономными дроидами рассчитаны, изобретены. Вышло, что "таких больше не делают!.." Да. Стократному Лалу нужен тот, кто схему держит в голове, в своих орбитах памяти. А исчезнувшие, неавтономные не записывали схем. Они и представляли собой по сути — вирту с чертежами. Разбирать же поисковик, чтобы узнать как он устроен в деталях, пока никто не решился. Дорого, рискованно. Не факт, что подходит Лазурный Лал. Вдруг пурпурный, и что тогда? Людей привлекать к сотрудничеству? Нет уж!.. Сколько поисковиков есть, столькими и обойдёмся. Хватает.

Поисковики получают конкретное задание, однако и свой характер, свои предпочтения имеют. В чём заключена их прелесть и превеликая их ценность. Они имеют личные, при том, от настроения зависящие, манеры поиска. Делающие процесс нелинейным, результат неповторимым. О метках они абсолютно не осведомлены. Дроидское техно осталось вне их поля зрения. Так что, метку нельзя разыскать с их помощью. Метки передают из рук в руки, расспрашивая других, ищут.

"Не знаешь ли, дроид, есть ли такая метка, что ищет рафинированное, отсекая источник. Мне нужен цвет для темноты между источниками света — естественным и искусственным одновременно, но сами они не нужны. Чтобы не изменяли уже собранное Восходящим, размещённое между окном и свечами, не влияли на него..." Заковыристый запрос, да? Но не слишком. Типичный, вообще-то. Не на пустом месте возник, а после множества неудачных попыток дособрать эскиз, начатый со второстепенного, заполненный предметами, когда пространство не создано само, воздухом не наполнено, светом... Восходящий добавляет пространство, и всё ломается к чертям!.. Не тот свет! Окно и канделябры нужны, а свет их не нужен. И время завершенья эскиза вплотную подошло...

Поисковики, как старые дроиды, приобретя общую человеческую форму, сохранили и прежнюю, общую для них. В ней они выглядят чем-то средним между приспособлением и зверем. И не стесняются принимать её ради турнира...

Им турниры ни к чему!.. Однако затевают их, и часто!.. Открывают своим вызовом: кто откликнется, кто смелый, ау!.. Хрррю-хррюк!.. Речь о Вепрях, естественно! И без того мега скоростные. Их странная форма — заведомое преимущество. Пустота широких орбит даёт маневренность и отстранённую, опережающую наблюдательность. Плюс грозный вид! Натиск, серьёзно. Вепрь атакующий фортелей не выкидывает, он выглядит так, будто нипочём не остановится! Разгоняясь в лобовую... Змейкой, дугой набегая, кренясь в стороны на виражах, взвизгивая!.. Ааа!..

Ага, не остановится! Легитимный способ немного перетряхнуть семейства, перенаправить кого-то куда-то властью победителя. Владыки пользуются этим, умасливают, подкупают, подговаривают... Но и среди них самих, от крупнейших до малых тронов, сложилось негласное

правило: поочерёдно вызов принимать. Дело чести. Когда Доминго выиграл и у Вепря бой... "Ооо!.." — сказала толпа. А Гелиотроп ничуть не удивился. Кивнул издали и послал Чёрного Дракона сказать: "Этого забирай насовсем, пока стоит твой трон". Потому что не было предусмотрено правил: что задолжал побеждённый, прорезанный до центра, но не насквозь, не до распыленья орбит, Вепрь? Присвоить их нельзя. Доминго получил целиком Вепря! К превеликому его огорчению, с тех пор они Доминго не вызывали и его вышедшего не принимали!.. А нарушений у них нет.

Доминго хотел Выпь.

Если представить дроидскую сферу сферой в буквальном смысле, общее у поисковиков — скользить по самым внешним её орбитам. Почему?.. А потому, что в обязательном порядке они имеют антагонистов и стремятся избегать их, отдаляются сколь возможно. Хорошая новость, и они на антагонистов имеют влиянием — отторжение. Плохая, столкновение таки-произошедшее к несчастью, не взаимно-замедляет их, а обнуляет. Обрывает связи. Что поисковикам уж совсем ни к чему.

Флегматично относясь к возможности полного своего прекращения, дроиды очень чувствительны к понижению статуса. Ослаблению связей, разрыву их, временным запретам на общую форму высшего дроида. Апогей подобных неприятностей — улитка. Нижняя из их форм, не счётчик даже, а улитка-грызущая... Так сказать, дроид разжалованный, сосланный на рудники, добывать кусочки Синих Скал.

И полное обнуление крайне неприятно для них. Противоречит основе. Преданность тронам, любовь к человеку, желание откликнуться — остаются в основе дроидского существа. Но, как парализованные, они не помнят что и как, не умеют ответить на зов и просьбу. Грустное положение... Когда ещё заново накопят утраченный опыт и знания. По человеческое эсперанто включительно.

Подводя черту...

На чём стоят троны от малых до четырёх главных семейств? На узких и широких постаментах численности. А численность на чём? На поисковиках, на власти обнаруживать, притягивать. Удержать. Из поисковиков Вепри и Выпи каждый момент времен доступны владыкам четырёх главных тронов. Не подчиняясь им лично. Но и не минуя их.

Каждый раз огибая троны, поисковики направляются к другим делам. То есть, обнаруживают перед тронами чужую активность. Значение чего во властной борьбе трудно переоценить. Не каждый поисковик мчит мимо каждого из четырёх, они распределены.

Из холодных: добрая половина — огибает трон Доминго, касается его орбит. Поменьше — мимо владыки Сад. Трое огибают закрытое семейство Августейшего, устремляясь на поиски, распространяя над Туманными Морями свой зов.

Тёплых трое ныряют и выныривают в орбитах владыки Там, пока не направятся к цели. Горбатыми, мощными дельфинами, кабанами моря, тройка тёплых Вепрей. Негусто, на первый взгляд. Но с семейством Там получилась такая штука... Антагонисты-то Вперей и Выпей без исключения принадлежат в первой расе — к теплу!.. Они не поисковики, разные-преразные дроиды. И невзначай они все оказались собраны под крылом Там, тёплого семейства! Без никаких противоречий... Холодные же антагонисты, его трон огибающей, тройки Вепрей отправлены владыкой Там в ему одному ведомое отдалённое холодное семейство. Сокрытые, как зеница ока, хранимые в нём. Узнать местонахождение его, название или хоть намёк на

сущность — заветная мечта Доминго.

Вот наглядная расстановка не сил, но позиций. Доминго, конечно, главный... Дом, спору нет, крупнейшее семейство... Но... Не зря говорится, что "дроиды Там на земле и на небе прокладывают пути"... Такие дела!

Доминго рук не опускал. Переманивание Вепрей и Выпей с окраины чужих семейств поближе к своим, непреходящее развлечение тронов. Как ничто другое подходит для этой цели угроза сближения с антагонистом. Соблазн оказаться за надёжной крепостной стеной, на коротких орбитах бесцельного времяпрепровождения, раздумий и отдыха... Хитрый до ужаса, Доминго покровительствовал тёплым тронам активней, чем близким ему холодным. В надежде на то, что когда-то не он, но они сманят тёплого антагониста... Выпи... А уж у них, у малого трона, Доминго не затруднится его отнять. Или спровоцировать на турнире... Или высчитать нарушения и на турнир законно вызвать... Хорошо бы заполучить антагониста Выпи!.. Пока — не сложилось.

За смущавшей холодных владык подчёркнутой независимостью Дрёмы, его непредсказуемостью, дружбой с человеком, за тягой к контактам со всякими разными людьми вообще, хаотичной, беспорядочной и праздной на вид издавна угадывалось нечто большее, чем непоседливость тёплого дроида. Обычная для них. Большее, чем претензии на трон. Обычные для них всех.

Когда по чистой случайности из Впечатления мелкой моросью просеивавшегося из мира Руты обнаружилось, что под снегами пребывает внутри стократный дроидский Лал!.. Огоньки дроидов окутали облачный мир плотно. Несколько меток Доминго сторожили, докладывали ему постоянно. И роза ветров, — изменённая ради одного хищника! — повлекла его мир выше и выше, не позволяя снижаться, в высокое небо. Где медлительны Белые Драконы... Выше облачных рынков, гоночных трасс, игровых площадок... Куда случайного знакомого мимоходом в гости не зазовёшь, лететь и лететь...

А уж когда Дрёма вернул владыке Сон его семейство!.. Ох, у Доминго исчезли последние сомнения в тактике избранной лукавым дроидом полусна...

Тактика не применявшаяся на его памяти…

Дрёма не желает служить, и служа приближаться. К трону. Изнутри переподчинять. Не желает и оставаясь снаружи сманивать. А в центр, в самый центр желает. На гору Фортуны, под щебет Фавор. Ради этого он попытается, не вступая в борьбу за имеющихся, создать новых, личных поисковиков!.. Наверняка, высших дроидов тоже. Про технических можно и не говорить. Создать в Лазурном Лале. Предварительные согласования проигнорировав как факт.

«Это ужасно. Без шуток, это кошмар... Под себя ведь сделает... А какими? Вепрями, умещающими на клыках не призванного, а малое семейство целиком?.. Кошмар. Трон на скоростной орбите Вепря!.. Или метки изобретёт, от антагониста проходящие сквозь внешние орбиты семейств не подножию трона, как полагается, а к любому дроиду?.. Град пробивающий крыши... Кошмар. Выпь?.. А что если — Выпь?! Голос которой заглушит, превзойдёт древние голоса, распространяясь без предела?.. Или вообще, ну совсем новые формы дроидов и поисковиков?! Выпь, точно Выпь!.. Кошмар...»

Собственно, оснований предполагать то или иное не было. Доминго, как бывший человек, моментально сформировал свою пирамиду ужасного с Выпью вместо шпиля на ней и с тех пор любовался!.. С разных сторон: «Дрёма исхитрится выудить Лал из мира? Убедит Проблеск рискнуть жесточайшим нарушением и зайти туда? А может, научит Руту?! О, точно!.. Лукавый дроид, тут нет нарушения! Научит человека схеме, по сути, очень простой, базовой, высшего

дроида... Человека?! Хищника?! С него станется!.. Что, и уточнения, и специфику они вместе будут привносить?.. С хищником?! О, нет... И где они будут сооружать чертёж?..»

Во-от!.. Единственный вопрос, имеющий актуальную значимость. Остальное — фантазии. Дрёма, пребывая обязательно, — как иначе? — в общей форме должен создать артефакт. Схему, голографическую схему. «Тут-то и можно будет её подглядеть...» Как бы ни так!.. Рука Гая помогла Дрёме легко и непринуждённо обойти подводные камни шпионажа. Фарватер дальнейшего пути к цели глубок и свободен.

В законном же, стократном Лале высших дроидов создавали троны сообща и крайне редко. Эпоха высших дроидов перешла уже ту черту, после которой ценится равновесие превыше многообещающих перемен.

Размышляя, просчитывая в уме возможный успех Дрёмы и его вероятные чисто технические погрешности, Доминго, будь человеком, запаниковал бы!

Исключительно во избежание этих погрешностей... В крайне случае... На последнем этапе... Доминго готов был помогать тёплому дроиду, лишь бы обошлось без эксцессов! Бескорыстно! В его распоряжение передать опытного относительно схем дроида, лишь бы не напортачили!.. Но... Не считая смехотворности ситуации, шанса такового не имелось. Дрёма никогда не поверил бы в бескорыстие величайшего из холодных владык. В то, что не приплетёт он к существу поисковика некий скрытый момент, однажды сработающий против хозяина. "Тихую" внутреннюю орбиту, просыпающуюся иногда.

Проблеск, ради встречи с которой Дрёма так Руту торопил, должна была за истекший срок воспользоваться Вепрем Августейшего. При случае. А Вепрь в Туманном Море дроидов, хорошо если бы сумел найти вольного 2-1 из таких, как "Узнавание-..." — дальше миллион понятий.

Их много, но они неудобно, зигзагами движутся: в продолжительности "узнавание" не нуждается, схватывая за миг. А лучшего переводчика для Руты придумать невозможно. Какими бы пасами рук, словами, отчаянными междометиями, мычаниями, указаниями: "тише-тише", "пауза в три тише-тише", "оп, стоп, и много быстрей", он ни пытался прочитать Руте чертёж — голограмму сознания высшего дроида! — толку не добиться. Нужно объединение дроида с человеком. С отпечатком при растождествлении. Иначе никак. Заучив таким образом, отпечаток в уме сохранив, Рута должен будет безошибочно воспроизвести схему в стократном Лале. В лазурном, небо и море, Лале... Ни на что вообще не похожем пространстве... Над которым захватывало дух у хищника, у Клока. От снегов любовно, заворожённо очистившего стеклянную гладь... Клок счастлив был бы выполнить и новую работу!.. Но совсем к ней не подходил...

В чём именно заключается она? В последовательной концентрации на деталях схемы, содержащейся твёрдо в уме. Время сосредоточений точно определено, повороты тоже, углы поворотов тела и направления взгляда. Далеко не всегда прямо перед собой. Бывает, плечи развёрнуты в одном направлении, лицо в другом, взгляд в третьем! А порой учитываются вектора стоп, кистей рук и большого пальца отдельно, указательного отдельно... И на разную глубину в лазурное пространство смотрит, указывает человек. Как это на эсперанто объяснить? Как запомнить в словах? Да реально никак. Нужен дроид. Объединение нужно, оставляющее след дроидских орбит в едином троне орбит человеческих.

А ещё... Ещё... Не ещё, а во-первых!.. И это уже личная способность или неспособность человека... Он не должен отвлекаться на только что проявленное им самим! Переведённое из сухой, умозрительной схемы в лазурь... Ни на долечку секунды, ни на дроидское мгновение!.. Люди кажутся дроидам неотразимо прекрасными? Дроиды людям — тоже! Но мастер права не имеет замереть, залюбоваться. Тут уж никакой 2-1 не поможет ему, переводчик Узнавание.

Никакая тренировка. Тренироваться? На чём?!

Внутренний тревожный монолог Дрёмы по этому поводу, возникавший всякий раз, когда щебет Фавор его умолкал над правым плечом, на эсперанто выглядел бы так... "Сдаётся мне, Феникса чудная, крылатая метка, птичка неподкупная зёрнышками надежд, вот что... Требуется для конечной цели как-бы "плохой" человек... Как бы, мёртвый немножко, совсем одержимый... Отвлечься не могущий... Прости меня, Гелиотроп, из людей тот добьётся успеха, чей Огненный Круг не замедлится и не ускорится, словно нет в груди, лицо Коронованного не тронет которого..."

"Простой по сути" схема высшего дроида могла показаться только Доминго! Человеком повёрнут был на них, с тех пор интереса не утратил. Вообще-то схемы, несколько основных типажей весьма сложны. Точны. Чутки к ошибкам. Помимо того...

Требуются от Синих Скал точного размера частицы. Объединённые улиткой в один кусок. От глубинной границы снегов, от вылинявшей вершины, и промежуточные в прогрессии. Насобирает... Улитка рассчитает и справится. А вот мастер... Мастер — главное. Исполнитель с идеальной памятью: последовательность, темп, углы поворотов... Пластика и выдержка... Хорошо бы он был танцор. Подходящий типаж... Хоть бы Проблеск уже нашла переводчика! Тёплого, всё-таки дела с людьми...

Был и ещё вариант, без участия человека. И без нарушения… Но, честное слово, человек ты, полудроид или дроид, жизнь может привести к развилке, откуда прямое нарушение выводит к свету, а обходная, кривая дорожка следования догме — во тьму. Был вариант… Кривой и скользкий, рискованный. И нечестный... Без нарушения.

Если бы Рута сделал мир рынком, а Дрёма побыстрому стал главой хоть микроскопически малого семейства, он имел бы полное право зайти. Работу проделать самому. Он с лёгкостью, с удовольствием, танцуючи прошёл бы схему! Отшлифованную тысячелетиями наблюдений и размышлений. В Тихой орбите хранимую...

Последний раз, когда пробудил и заставил заговорить, поднимался на гору Фортуны. Пересматривал схему, не поправляя. Любуясь... Там в одиночестве в проёме верхней арки стоял, прислушивался... Несуществующие арки закручивались над ним, недостроенная треть, и гуляло насмешливое эхо. И в тишине, раздосадованный ей, он насвистывал, над головой его не услышав, знакомый мотивчик Фавор... Щебет, от которого всегда чуть-чуть замирает, немножко обрывается что-то, хоть он негромок, он тихий.

Тогда, обратно спускаясь, Дрёма и отверг для себя лёгкий, рыночный вариант. Нацелился на сложный. Сразу стало легко, тепло и правильно. Мысль о возможном ущербе для человека дроиду невыносима. Как бы ни был Дрёма предусмотрителен, перестраховавшись тысячу раз, знакомства Руты перепроверив, чтоб не отнять мир, а точно вернуть. Риск есть всегда. А если не быть эгоистом — нету!

Дроид возвращался, приняв твёрдое, окончательное решение. Правильное. Такое облегчение принесшее, освободив от тягости сомнений, что перечертить-то он забыл! На человека перечертить, под его исполнение. Схема ведь, она вместе: и структура создаваемого и процесс создания. Процесс-то он естественно под себя рассчитывал.

Да, между прочим, дроиды желания, обитатели закрытого семейства, они не верят в Фортуну!.. То есть, абсолютно! Они — исключение. Не верующие и не суеверные. Гора Фортуны, храм Фортуны для них просто гора с плоской вершиной. Гора Феникса, дроида

создавшего её.

И ещё: они дроиды не претендующие на трон своего владыки. Что, пожалуй, ещё удивительнее, чем не слышать щебета Фавор и насмешничать над теми, кто слышит! Для Проблеск, к примеру, Августейший оказался дороже чем антагонист и возлюбленный в одном лице. Угрожай Дрёме реальная опасность, приоритеты её изменились бы, но пока... Пока это не так! И она счастливо оставалась у подножия трона, рядом изначальным гаером, страшным для многих, бесподобным для своих, равным Гелиотропу.

Вера же Дрёмы в судьбу была безгранична. Щебет или безмолвие Фавор ощущались им всегда. Совсем недавно по дроидским меркам он открыл себя Фортуну и Фавор, перестав быть дроидом желания, власть Августейшего отвергнув. Только Фортуна, только Фавор!

"Проблеск, найди переводчика!.. Дорогая, найди!.. " От и до безошибочное прохождение схемы воплотит высшего дроида. Мечтаемый, личный поисковик Дрёмы... Тихую Выпь.

Глава 77

Глава 77.

Достигнув Собственного Мира, оставив позади тёмное небо, свободное и от стены Чёрных Драконов и от весёлых синих огоньков тумана, под бурные приветствия друга, Рута пятками стукнул по белым драконьим бокам, заставив ездового зверя, лихо перекувырнувшись, подбросить его на раму. Взмахнул руками, сделал сальто назад и приземлился точно-точно, не покачнувшись. Потянулся сладко и, подпрыгнув, повис на верхней перекладине. То сидишь на цепи, то летишь бесконечно, проклятие, сколько можно!..

— Привет-привет! — воздел руки Дрёма, оставляя под ними след от движения, как веера двух крыльев, не прохладой, а теплом обдающие. — Заходи-заходи к себе!..

— Не наглей, а?.. Ты, грядущий владыка вселенной!..

Рута качался на перекладине и не думал спрыгивать внутрь. Невольную параллель образовав с недавно качавшимся на нижней перекладине Доминго в абрисе готически-прекрасного трона. Как-будто Фортуна улыбнулась одному, потом другому, другим уголком губ. Свести она хочет их или рассорить? Рута вскарбкивался, качаясь, босыми ногами по косяку вверх и обратно, выстукивая... Мелодию!

Там должны быть слога! Дрёма знал её... Мотивчик Фавор — чисто дроидский, мягкий, а у людей была своя песенка Фавор... Старая... Невозможно старая. Не так серьёзно звучит её название: "Фарт... Песенка Фарт-топовых!.." Так правильнее.

Изначально "фарт-топовые" — самоназвание игроков предпочитавших, и придумывавших новые, соревнования, игры, успехом мало-мальски зависящие от игроков, в остальном от судьбы. От фарта. Игроки Против Секундной Стрелки — наследники канувших в историю братств... Лихая, лёгкая, просто отчаянная. Стиля ай-вайолет, без музыкального сопровождения. Но прыгать и "топать" можно! Её нечасто пели на Мелоди, а обыкновенно использовали как сигнальный выстрел, прелюдию, старт какой-нибудь рисковой игры. И при начале показательных борцовских состязаний. Соответственно, Рута её отлично знал. Призывание удачи. Да, текст хромал, зато экспрессия зашкаливала. Благо, относя без сомнений к себе, и желая на старте взбодриться, каждый участник от всего сердца пел и топал!.. "К нам лети, фарт-топовым!.. К нам — рискнуть готовы мы!.." Дальше в том же духе.

— Может ещё и не подслушивать вас, — осведомился тем временем Рута, — а, дроид, закабаливший человека? Слушай, научи меня твоим штучкам!.. Они действуют на всех без разбору, и или я один ненормальный, такой податливый?

— Иди-иди уже! — снова замахал на него Дрёма. — Ну, хватит шутковать!.. Тебе стоило труда прибыть к Собственному Миру, представь, мне тоже!.. Хорошо бы не зазря. Да, и слушай сколько угодно, всё равно ничего не поймёшь!

— Ты так любезен!

— Рут-та!..

Рута раскачался сильней и завершающим сальто очутился за рамой мира.

Тёмная, звёздная ночь... Снега... Тихо, зеленоватые флаги северного сияния... Наигладчайшим голубым льдом блестит за деревцами в снежных шапках поверхность стократного Лала, отражает широкие всполохи. С наслаждением хозяин мира вдохнул свежий, вкусный воздух.

— Зови! — сделал он широкий приглашающий жест с преувеличенным поклоном, словно мог впустить друга дроида. — А я погляжу на метку. За долгий путь в награду. Заслужил?

Понять, что совершает некоторую бестактность, Рута не имел возможности... Совершал.

Необязательный жест воочию демонстрирует высшему дроиду его ограниченность. Недоступность в двух шагах находящейся тайны, мечты — чужого Собственного Мира... Недоступно... Нет, об обидах речь не шла! Но, что интересно, и на фоне спешки, редкой встречи с возлюбленной, это задело его. Ещё интересней, что разговорчивый дроид, эгоистичный дроид другу не признавался, ни полслова замечания или упрёка, совсем как человек, о действительно задевавшем его...

Рута шлёпнулся прямо в сугроб, на животе устроился, представление будет... Очень нравилось. Завораживает.

Дрёма закивал согласно, метка классная, да, любуйся. Откинул бархатную полу верхнего одеяния, он похлопал себя по нижнему, жёлтому, как человек ищущий что-то в карманах. Метка проявилась, видимая только ему, на тыльной стороне ладони. Дрёма подбросил её, схватил и кинул от рамы прочь, как плоский камень пускают скакать блинчиком в озеро. Дождавшись возвращения обратно, поймал, поднёс к губам, шепнул что-то беззвучно, и неавтономный дроид начал свою работу.

В данном случае Дрёма использовал метку как гонца. При том... — для себя лично. При том... — к закрытому семейству без указания трона 2-2. При том... — ей же не дано проникнуть в семейство, значит не к высшему дроиду отправлял, а к метке-приёмнику, истощая его ресурс... Вот так и накапливаются дроби дробей!

Полу-запретное дроид без сожаления, но и без охоты тратил на ухищрения подобного рода. Это, как тратится на необходимое... Охотней бы прокутил в общей форме, в кругу чар станцевав на Мелоди... Круг не дольше! Ну, два... Ну, три!.. Но за это на турнир пойти — легко! А за сложенные дроби дробей, мелко как-то...

Начало действа Рута проморгал! Столько раз пытался уловить, ни в какую... Дрёма и не спешил, вроде. Быстрых движений не делал. И то, что пребывало на костяшках поднесённой к губам руки, не мельтешило... Но вот что там?! Что — не разглядеть до начала. Что бы то ни было, оно начинало закручиваться в клубок.

Сначала ровными стремительными рядами... Разворот. Перпендикулярно... Разворот. Под углом... Под разными углами... Всё меньше и меньше кладя параллельных оборотов. Клубок рос, становился рыхлым. В какой-то момент шнур, образовавший его, стал отчётлив. Прозрачный в слоях, стеклянный...

Как объяснить... Неизвестно, как для дроида, а для человека путь метки… Осязаемо виден! Нечто среднее переживал человек, наблюдающий метку в движении, между желанием схватить, поймать, присвоить и таким чувством, кода простор несётся навстречу. Настоящий, такова иллюзия причастности! Как в очках-симуляторах, скрытой механике. Или когда в высоком небе, игра есть такая, падаешь с дракона нарочно, кувыркаешься сколько успеешь, пока не поймает тебя, фыркнув сердито или даже куснув за ухо!.. То есть, Руте отчаянно нравилось на метку смотреть не потому, что в стеклянном клубке есть особенное эстетическое совершенство.

Прозрачный шнур, образованный тысячами комет, с бешеной скоростью текущими то в одну, то резко — стоп! — и в обратную сторону... Они создавали эффект общей пульсации. Чего-то непосредственно, порывисто живого. Переживание схватывания и полёта для Руты начнётся со следующей фазы.

"Черепашья метка..." — Под нос себе буркнул Дрёма, неизменно выбиравший именно медлительную её. Ради друга. Порадовать человека — святое для дроида.

Достигнув размера с драконью голову, метка начала финальный, не черепаший, но действительно долгий танец.

Он не обязателен. Далеко не все метки совершают его каждый раз, если выполняют известное им задание. Новые обращаются к памяти. Повторяют старые, вроде этой, поиск от

начала и до конца. Древние и занудные. Кстати, и Доминго их предпочитал. За надёжность.

Танец перепроверки. Наматываясь, дроид просканировал, осмотрелся в пространстве. Приметил подходящее. Отчеркнул. Дрогнув, переменив направление в последний раз, сфокусировался на адресате, обнаружив его и расстояние до него. Метку Проблеск. А затем пошёл вспять по слоям, по всем мгновенным остановкам на предыдущих дроидах, обнаруженных и отмеченных им ради малейших совпадений с целью. Соотнося каждого с подлинным адресатом. Каждого!.. Убеждаясь в правильности выбора.

Со стороны выглядело так... У шнура обнаружился конец, расщеплённый надвое, как миниатюрная, сурово сомкнутая пасть. И этой пастью, насупленной крутолобой головой метка нырнула, будто в волны, в собственные ряды... Ряды и волны петель... Рыхлые, нескончаемые... Навылет, по касательной, прямо, извилисто... Пересекая клубок, запутывая безнадёжно, постепенно затягивая его. Собою наращивая... Сферическое облако петель...

И это не всё... В клубке-сфере, стеклянной, видимой насквозь, Рута смог разглядеть начало шнурка. Условно, хвост. В противоположность морде — заострённый. С трещоткой голоса метки. Восхитившись, как первый раз!

Дрёма терпеливо скучал, подперев щеку рукой, держать сферу теперь не требовалось: "Черепашья метка..."

Рута увидел хвост, потому что зазвучал, загудел, и увидела его метки голова... И началась погоня!.. Разинув пасть, морда ныряла в клубок в петли и витки... Хвост убегал юрко и лихо!.. Рута болел за морду! Поймать, ух! Ухватить!..

Прочитав самого себя, клубок начал сжиматься: морда поймала хвост. Вцепилась. И заглатывала... Метка сжималась, всё ярче светясь. Кометы сливались в ней. До ослепительной звёздочки!.. Опс!.. Фейерверк! И нету!..

Дрёма сделал подбрасывающий, ловящий жест рукой. Огоньки просыпались и растворились в ладони. Рута аплодировал ему! Нет, неплохо дружить с дроидом, интриганом и эгоистом!..

— Хочу такую! Почему, Дрёма не раздать людям метки?!

— И что ты будешь делать с ней?

— Тебя звать!

— Для чего?

— Эээ...

— Вот потому! Чтобы попусту не приставали!..

— Эх!.. — Рута вздохнул.

Обернулся к Лалу, звёздам, к домику на берегу… Зайти, рябину погрызть?.. И спросил:

— Я нужен вам туточки?

— Скорее, да... Не знаю, какие новости у неё.

Недолго оставалось гадать.

Дроид желания, Проблеск, предупреждая, ответила бумерангом своей метки... Кометой, промчавшейся мимо. Дрёма исчез на короткий миг, когда... Дверной звонок ожил и Рута повёл рукой...

Никто не зашёл. Никто не предумал. Никого не было тут...

Она станет возникать, так не возникнув. Уходить, так и не зайдя. Запретно заходить в Собственный Мир?.. Подчиняюсь. А уходить из него не запретно?.. Вот и отлично!..

Разговаривать при таких ухищрениях неудобно. Но возможно. И всё в целом — просто волшебно!.. Словно к метке, свивающей, запутывающей и проглатывающей самоё себя, к азарту

предопределённой и каждый раз затягивающей погони, Рута не мог привыкнуть к зрелищу свидания этой удивительной дроидской пары.

Дроид желания, Проблеск не имела права контактировать с людьми. Она и не пыталась!.. Для Руты она начинала исчезать снаружи рамы, на фоне облачных миров. Удаляющейся, уменьшающейся. До прозрачного. И до точки. Чтобы вновь от рамы повторить путь.

Дроид желания, Проблеск не имела права без указания трона контактировать и с дроидами вне закрытого семейства. Она разве пыталась?.. Для Дрёмы она начинала проявляться внутри за рамой. Полупрозрачной, крошечной. По мере приближения обретая чёткость, плотность, детали. Она приближалась лёгким шагом, возле рамы исчезая. Так и не проявленная. Чтобы немедленно повторить цикл. На фоне зелёных, переливающихся флагов северного сияния.

Миг желания неуловим. Обстоятельства не приводят к нему. И по следу его не настигнешь. Потому что мнимы. Желания иллюзорны.

Для человека Проблеск — снаружи пропадает. Для дроида — внутри разгорается. Исчезает, не возникнув. Растёт, и оказывается пустотой... Вплотную подойдя, оказывается пустотой... Не было её ни там, ни там. Горюй, Доминго, или гневайся, как тебе угодно!

Схему придумала Проблеск сама. Дроид грациозный, хитрый и лукавый. Вуали покровов, юбок, шалей, украшения, вуаль скрывала и тонкие черты... Дроид не уступавший в лукавстве своему возлюбленному антагонисту. Для шутки придумала, чтоб удивить его, подразнить и повидаться... Сюрприз!.. Шуточное изобретение, а как пригодилось!

Она шла, пропадая-приближаясь... На середине первого цикла, поклонилась. Пальчиками подхватила вуаль... — шлейфа, юбки, мантии?.. — присела в поклоне, обращённом к обоим… И чарующе, звонко рассмеялась...

Мало сказать, что Проблеск хохотушка. Она — насмешница, ангел дразнилок и куплетов, чертёнок розыгрышей, знаток дроидской истории. Исключительный знаток: находящихся в разработке, актуальных, исправленных, аннулированных с ходом времени законов, и неписанных пока, находящихся ещё на стадии тенденций… И первая хохотушка!

Послала воздушный поцелуй...

— И тебе привет, Блес... — откликнулся Дрёма.

Следующий цикл её появления-исчезновения они как-то все вместе промолчали, совсем как люди.

Отношения двух дроидов, более подростковые, чем у людей. Обое старались казаться легкомысленней, холоднее. И Проблеск, для которой переход в закрытое семейство одновременно стал переменой первой расы от тепла к холоду, и ей демонстративная небрежность давалась не легче, чем оставшемуся верным себе, тёплому и вольному 2-1, Дрёме. Личные характеры? Или последствие того, что объятие, объединение антагонистов невыгодно обоим? И без оного гул их орбит слишком резонировал, чрезвычайно замедляя всё внешнее, движения, речь, способность обращаться к памяти.

Если человек целиком трон, совокупность плотных орбит, и промежуток между ними годится максимум для одной в жизни любви, делающей двоих полностью завершёнными тронами, — да, как и говорилось многие века "вторая половинка", — то просторность дроидских орбит означает более полное переплетение, и большее замедление в результате. Ну,

что получается? Зачем?.. Один трон из двоих? Тесно. Без имени, функции, без дроидов семейства? И это при замедлении! А при обнулении то же самое, разбросит их пустыми на огромные расстояния прочь? Не может не вызывать дискомфорта подобная перспектива.

Вот почему дроидские союзы любого плана это вечное кружение, вечный танец. Но выход есть! И он удесятерял энтузиазм Дрёмы. Пример решённой проблемы каждодневно перед глазами, синие огоньки сыплет, за нарушителем следит... Доминго!.. Удачливый, расчётливый, идеальный провокатор!.. Он личным примером указал путь: в паре дроидов один должен уже сидеть на троне! Благословенье Фавор!.. Но чтобы сманить возлюбленную от Августейшего... Ооо!.. Дрёме нужен трон грандиозный как гора Фортуны... Вроде трона Доминго!..

Дроиды желания — не дифференцированные дроиды. По функциям, по силе, по областям воздействия — нет. Они импульсы в чистом виде. Стимуляция. Катализаторы. Объединение с дроидом желания это побуждение, толчок. К чему? При сильной воле, хорошем сосредоточении решит сам человек. Если глава направил к Восходящему, то решил он, зачем именно направляет. В остальных случаях, как карта ляжет! Эта степень непредсказуемости и была признана недопустимой.

К тому же возникли некоторые проблемы с растождествлением...

Полноценные контакты Восходящего с иными дроидами мимолётны. Конкретны. Помогают ответить на вопросы: как, где, с чем связано? Помог в поисках — и свободен. А не "чего я хочу". Это — исходная точка, а не конкретный запрос. И под воздействием дроида желания ответ на него станет разворачиваться бурным потоком, быстро и долго, ясно указывая главе направление поисков, тяготение к определённому типу эскизов, способу сборки. Не будет прыжков с темы на тему. Всё так... Но когда же его следует прервать, это воздействие? И так ли хороша последовательность в намерениях. Может быть, этому конкретному Восходящему суждено и лучше для него именно скакать от одного к другому, бросаться в крайности, переиначивать эскиз?.. "И пропустить срок?.." — можно возразить на это. Можно... Трудно выбрать. Невозможно выбрать за другого. И дроиды предпочли опять невмешательство.

Зная, что в планах их задействован человек, Проблеск хулиганила, интриговала на грани прекращения дроида.

— Получилось?.. — проворковал Дрёма, налюбовашись.

— Да-а-а... Даже не знаю... — кокетливо отвечала Проблеск, напевая. — Сто, да десять, да один — на выбор тебя устроят?.. Пере-пере-переводчиков со всего на всея?..

Она закружилась, смеясь, вблизи-вдали разом и пропала.

— Ты шуточки шутишь, Блес?.. Бесик, бесёнок!..

— Не-е-ет... Дрим, я когда-нибудь шутила? Я так серьёзна, так серьёзна, самой страшно, как я серьёзна!.. Шутила ли когда я с тобой?..

— О, сладкая песня Фавор, Бель, давай метки!.. Нет, прежде — ответь ты мне, несчастному, драконами преследуемому одиночке, — каким образом?! Блес, я не верил! Но и не спорил, это была твоё предложение... Открой тайну теперь! Каким предлогом, каким крючком поисковика, огибающего семейство можно захватить без указания трона? Изнутри семейства... Без спросу?.. Когда ты выйти ко мне не можешь!..

— Без спросу?! Дрёма... Захватить, Дрёма?! Дурачок!..

— Нет, а знаю, что день и ночь...

— ... и утро и вечер!..

— ... Августейший развлекает вас, однако...

Самое время вспомнить, как выглядит он, Августейший. Плешивый, крылатый старик, паяц с орлиными глазами холодного дроида... Вспомнить, кто он... Шут. Он — паяц.

— Дрёма, мы катались! Ездили верхом! На Белках и поисковиках. Скакали на Вепрях в Туманном Море дроидов 2-1. И не только на наших!.. В большой компании, с Августейшим вместе. И я каталась!.. И я — на Вепре!.. Ну, так получилось, ты ж понимаешь...

Проблеск подмигнула ему:

— Да, кстати, я предложила верхом погулять, снаружи?.. Не предлагала, нет... Я говорю, — мы возле трона сидели, по чистой случайности! — говорю Амали, Аномалии-Августа: "Амаль, а ведь не угнаться Белке за Вепрем... По дроидской войне сужу... Белки клубились отдельно, фронта не рвали, междроидская связь высших ими пробита не бывала. Значит, работали поисковики. Держали связь. Значит, они — быстрее!.." Дрёма, ты прежде размежевания знал Амаль?..

Дрёма кивнул:

— Она даже волосы укладывает, на турнирную площадь собираясь, "драконьим завитком", так их обожает!

— Да и с кем нам дружить?.. Две радости: Августейший неистощимый в шутках, и — подняться наверх, туда где Белки вольно кружат… Фыркают между собой про то, что служащие Белки им нафыркали, насплетничали им про людей своих... Про эскизы, про континент... Про хищников и чудовищ, ужасы всякие... Мы все любим там гулять, драконы охотно катают нас, до материка спускаются, не приближаясь к бродяжкам небес. Если не приближаться, оно не запретно... Но Амаль!.. Услышав такое, от трона вблизи!.. Ей не пришлось пересказывать Августейшему причину своего расстройства!.. Я всерьёз опасалась только того, что про войну дроидов изнутри, из эпицентра он знает больше моего и приведёт какой-нибудь веский аргумент. Возможно, и знает!.. Но не привёл!.. Августейший так благоволит Амаль, как она — драконам, и случай подвернулся: развлечь, угодить! И владыка предложил...

— ... убедиться воочию! Блес...

— на смешанных Драконо-Вепревых гонках!.. В его компании, конечно!.. Кто из владык отказался бы ради невинного развлечения направить к нему поисковика? Августейший сам взнуздал их для нас!.. Поводья в руки вложил... Стремя держал, хребет у Вепрей высокий... Владыка добрый и щедрый... Разве я замышляла против него?! Ни в страшном сне, ни в тихой орбите!.. А управлять Вепрем проще некуда: задавай наугад направления к тому, кто далеко-далеко. Угадаешь — Вепрь уносит тебя, обходит рыщущих спокойнее, рядом. Сужающих круги. Мчит по прямой. А что метки были у меня с собой, кого волнует?.. Я носилась, направляла к пере-переводчикам, раскидывала метки в упор... Собирала... Забирай, вот они. Учти, память не долгая, меточки-крошки. Дрим, при случае, покатайся на Вепре! Если Белка не станет ревновать!.. — добавила Проблеск и пропала, оставив колокольчики смеха.

Белый Дракон покосился на Дрёму, нахмурив брови и повесив усы... Дрёма развёл руками, в обеих ладонях пригоршни меток россыпью, — что с ней поделать, с насмешницей?.. На Вепре!.. Белка, да я, да ни в жизнь!.. Кто, интересно, взнуздает Вепря для вольного одиночки? Доминго что ли?! Раве что он... В надежде, что всадник свернёт себе шею, распылится на неистовом бегу!.. Проблеск феноменальна... Элегантная простота замыслов. Воплощаемых играючи.

Внимательно проследив, как сто одиннадцать меток с отпечатками пути к ста одиннадцати дроидам-переводчикам протаивают в руки, Дрёма спросил:

— Блес, где свою оставишь?

— А на границе... 2-1 и 2-2 Сада... Пусть те и другие думают, что для соседей оставлена!

— Ха, идёт!.. Бель, ради сладкой песни Фавор, не вмешивайся дальше! Доминго угрожал мне. Прекращением дроида. Тебя, то есть...

Разок и Дрёме удалось её удивить. Несвойственным её племени образом Проблеск остановила шаг, виенье вуалей, доносящийся сквозь речь и молчание вечный напев манка. На миг. Цокнула языком, и безудержным смехом зайдясь, воскликнула:

— Что-о?! Ого!.. Да ты серьёзно?.. — Проблеск схватилась за голову и закружилась приходя-уходя. — О, жуть какая!.. Дроиду желания?! Прекращением?! Да он прямо, оказывается, чудище! От подножья Юлы!.. Допустили человека в нашу сферу!.. Надеюсь, ты не обидел его неуместным хмыканьем? Доминго не любит, когда над ним смеются!.. Странно, да?.. Ха-ха-ах! А-ха-ха!..

— Я вообще не смеялся, Блес. Почему-то...

— Почему же?! Я бы сама посмотрела на это! Как главный трон допрашивает, разоблачает и вызывает, о!.. На турнирную площадь, о!.. Дроида желания!.. Да начиная с разоблачения, Августейший даст ему такого пинка, что до дела не дойдёт! А жаль!.. Я бы посмотрела!

— Бесёнок...

"Разоблачение" — двусмысленный термин в данной связи, оба смысла которого, в общем, совпадают. Смысл действия и процесс. Разоблачение, как разоблачение шпиона, суть предъявление дроиду нарушителю официально, формально и публично его грехов. Крупных или суммированных дробей. Накопившихся в достаточной мере чтобы вызвать его на турнир без права отказа.

А это тот случай, когда он желал бы отказаться. По причине, что поединок неравный. Условия не равны. Степень нарушений — степень допустимого допроса, когда вызывающий спрашивает о нём, а дроид обязан отвечать.

Открывать внешние орбиты, иными словами, снимать часть доспехов, разоружать. Нарушитель становится видим, разоблачён.

Не чисто негативное положение, у него есть и преимущества, от дроида зависит. В случае дроидов желания, разоблачать их... Менять шило на мыло! Орбиты их внутренние и внешние в плотности различаются на порядки больше, чем у остальных дроидов. Даже как-бы граница пролегает.

Внутренние — лёгкие совсем, подвижные... В жёстких внешних орбитах, а они действительно жёстки, что и обеспечивает функцию однонаправленности, дроид желания крепок, неуязвим. При том — для опаснейших, прямых, фронтальных ударов, соскальзывающих без дополнительных усилий. А если соперник и удар очень сильны, то остаётся пожелать, чтоб и на удержание рикошета ему сил хватило!.. Спружинит лихо!.. Попал и не пробил? Пеняй на себя!..

Разоблачённый дроид желания становится быстрым до незримого. Если же по закону для принуждения к турниру довольно одного нарушения, то... Вопрос, кто бросит вызов! Потому что у дроида вызвавшего подданную гаера имеются дальше два варианта на выбор: сражаться с бронированной крепостью в прелестном девичьем облике или с невидимкой. Разоблачив вуали докуда посмеет! А имеет право — до разящего жала кристальной пустоты... Разоружением не назовёшь!..

Это всё теория. Прецедентов не было. А претендентам на прецеденты, ха-ха, Августейший пинки раздавал, это было! Имел право, своих защищал! Без запроса преданного им королевы и пленницы Закрытого Семейства не действовали. Запрос мог являться следствием их же провокации, ну и что?.. Бдите, владыки, ходы просчитывайте... Запрос не точен, пределы взаимодействия не очерчены? В необщей форме гул предельных орбит тает в гуле Юлы? Значит, срок растождествления дроида желания с вашим дроидом оставлен на усмотрение королевы. Это ваш недочёт, не чудесного цветка из гирлянды обвивающей Августейшего, цветника вокруг его трона... Не тронь его цветы! Дать же... — Абсолютно конкретный запрос... — Дроиду

желания невозможно!

— Не во владыке дело! Хотя любая из нас за ним, как ты за своей горой Фениксом нагорёванной... Фортуна ха-ха! Верь, во что хочешь! Дрёма, не бойся за меня! Белые Драконы, ой, прости, Белка, опять тебя задеваю, — остановились перед нами, дроидами желания! Убрали когти, спрятали клыки!.. Что подданной Августейшего сделает бывший человек?! Очнись, Дрёма!..

— Если так... Почему же вы, Бель, строже других блюдёте запреты? Оглядываетесь на каждый шаг. И семейство при всяких катаклизмах устояло, не дрогнуло даже...

— Я звала тебя, Дрим? Перейди и поймёшь! День и ночь... Утро и вечер... Ну и смешным же тебе покажется твой вопрос! Не знаю, центральный трон, чем заманчивее...

— Я бы и поспорил и посмеялся, как ты сейчас... Но над чем? Над тем, что и в самом деле не знаю?.. А знаю что? Августейший один такой... Ровесник и ставленник Гелиотропа. Нас ещё не было, он был. Автономный дроид...

— Да...

— Блес, а много ещё таких, не высших?

— А ты думаешь, они вообще есть? Может, и вовсе нет? Я не знаю...

— Не думаю, но форму-то имитировать легко. Затесаться в семействе, в морях бродить, иногда воплощаясь человеком... Почти человеком... Ты встречала Гелиотропа когда-нибудь там, у вас? — спросил, немного ревнивой паузой выделив "там-у-вас".

— Как же!.. Нет... К нам раз в сто лет кто-нибудь заходит в общей форме.

— Я тоже... Бель, когда ты искала, были фавориты из переводчиков, на твой взгляд?

— Минус.

— В смысле — нет?

— В смысле 2-1 дроид такой, "Минус". Из дроидов отвращающих.

— Странно... А причина? У него шире обзор?

— Снова нет, Дрёма. Зачем? Одну схему и улитка обозрит!.. Ха-ха!.. Он будет действовать от противного. Осветит всё, а границы неподходящего опечатает. И главное... — за ним следить не станут!

— Бесёнок хитрый, я обожаю тебя! Всё верно: не станут... Такой дроид, не приятный отнюдь...

— И самим следящим, — добавила Проблеск, — было бы не слишком удобно!

Дрёма обратился к Руте:

— Ты как, согласился бы вместе с ним прочитать схему? Это переводчик, указывает куда, как... Оборачиваться-смотреть-отворачиваться... Он, эээ... Нерасполагающий дроид.

Обернулся к Проблеск, уточняя:

— И холодный?

Она кивнула.

— И холодный, — закончил Дрёма, виновато потупившись.

— Да!

Рута встал, потянулся и оставил их. Ушёл навестить свой домик. Посидеть на берегу стократного Лала, зеркальной глади, в которой, по видимому, предстоит хищнику и борцу, хронически неудачливому в последнее время, стать первым из людей своей эпохи, кто создаст высшего дроида...

Обратно на континент Дрёма летел рядом с ним. Рута летел и ругался: даже среди облачных рынков по дороге к себе не догадался пирамидки поднять, всё-таки вышло бы

побыстрее!

— Ну что ты ругаешься, как на меня, Рута?

— Как на тебя?

— Ну, вслух. Не я же розу ветров завиваю, правда? Доминго работа, ты совсем на отшибе.

— Спущусь, сразу шатров понаставлю! Где пустынно. И на Южном, где дадут. Мне ряды без разницы.

— А раньше чего не спохватился?

— Да знаешь, редко бывал дома. Через один шатёр ходил, потом артефакт с него проиграл и забыл новый поставить. С камешком как-то глупо казалось. С камешком кто ставит, это как печать на лбу: для бегства. А я — вир! Будущий, будущий — вир... Ночевал верхом. Домой не тянуло, незачем... Да... После того, как гость побывал в моём мире, он как-то переменился...

— Кто он, гость?

— Мир. И гость. Оба... Да нет, не Лалом, это понятно... Воздухом что ли... Сколько ещё лететь, Метель?!

Драконы обернулись синхронно и домиками сочувственно подняли брови: долго ещё.

Глава 78

Глава 78.

В Архи Саду выдумывали мозаичный узор для перекрёстков тропинок. Наколотили цветной плитки и двигали кусочки в очерченном кругу. Кто-то предпочёл индивидуальное творчество, уединение тенистых закутков, где никто не мешал. Остальные кучковались на свету, на утоптанной площадке Общих Собраний. Непрерывно с разных сторон окликали Беста и Дикаря: главного арбитра и единственного знатока. Владея наречиями древности, Дикарь был знаком и с культурными, символическими кодами. С неотягощёнными смысловой нагрузкой художествами, соответственно, тоже. Парочкой они так и бродили от проекта к проекту. Бест одобрительно кивал абсолютно на всё, что ему показывали. Дикарь кивал и тихо вздыхал... Изгнанники, с его точки зрения, не сговариваясь, руководствовались принципом: чем ярче, тем красивее. Он не критиковал, им так нравится. Думал про себя, с Рынком Техно не знакомый, опасавшийся рынков любых, думал ровно в том же направлении, что и основатели Техно: "А если зашифровать что-то в узорах? Указатели, — приземлённо? Благопожелания, — лирично?.. Загадки для будущих изгнанников?.. Если усложнить содержание, раз уж форма обречена попугайской пестроте..." Змеев сад тяготил его при всей нынешней вольготности, покое и преображении. Похожий теперь не на внутренний двор крепости, а на сад, затерянный в лесу. Невзлюбил его с момента падения, когда еле дышал возле стены, улыбавшихся ему дивных роз, еле дышал от ужаса утраты, падения, погони. Некоторые не смиряются с изгнанничеством, сколько бы лет ни прошло. Дикарь был из таких. По характеру близкий к робкому сказочнику Амиго. Молчаливый, но тоже фантазёр, он не в состоянии был смириться. Утрата казалась затянувшейся шуткой: неправда, не может быть... Красота утраченного эскиза ещё звала его. Манок дроида ещё пел в ушах. Ещё можно вернуться... Проснуться...

Проснулся!.. Запнувшись о Гая, в безмыслии пребывавшего над горой битой плитки. Настолько ровной, что его уже просили быть понебрежнее, с одинаковыми кусочками играться не увлекательно. Гай колотил её размеренными как метроном, короткими ударами ребра ладони. И мельче — указательным пальцем, суставом, вспыхивающим огоньками боли. Острыми уколами боли. Мимо сознания, мимо, мимо... Точно по плитке, точно... По жизни — мимо. Дикарь ойкнул и отскочил в сторону. На "Кочках" Рулетки взял бы главный приз!.. Он откровенно боялся этого хищника. Гай не отреагировал ни словом, ни жестом.

"Я верну вас, — единственный, мелкий козырь, — на ваше, — дурацкое, стилевое, напыщенное, — левое крыло..." Заготовка ко встрече. Всё. Финиш. Слово "просить" не укладывалось во фразу. Ни в эту, ни в какую другую. В Гая не укладывалось, не произносилось из него. Чёрным пятном затмевало дневной свет, неизбежное. Бессмысленное, чёрт! Ясно же, безнадёжное!.. "Я верну вас! На ваше дурацкое..." — И по сотому кругу... Что ещё? Что придумать ещё?.. Густав вывернулся бы. Но он не человек. "Чистый хозяин..." Чистый демон. Без моря. Надо было покупать его. В любой в долг, за любую цену".

Бест без дополнительных уговоров с его стороны просил бы за Гая. Дабл-Пирит, имевший жесточайшую антипатию к игроку Против Секундной Стрелки, понимал всё-таки, что тогда на Рулетки были не правы они.

На краю, на другой стороне сада-леса Рута уже спешился, пролетев сквозь смолистую, юную зелень вытянувшихся тополей... Дрёма кружил Рори и Соль в дроидских, тёплому ветру подобных руках... И пение птички Фавор раздавалось над их головами...

Рута в одиночестве вышел прямо на него. Гай встал. За несколько дней полёта усталый и злой, припомнивший со злости до дня унизительный плен, предательскую охоту Густава, ребят-компаньонов с левого крыла, погибших на весёлом, игровом Рулетки, Рута принял решение. Твёрдое, как казалось ему... Единственно возможное, как ему казалось...

— Я верну вас на левое крыло, — без приветствия, бесцветным голосом сказал Гай.

Волеизъявление Руте непонятное, не заинтересовавшее его.

— Нет, — ответил он, будущий вир, ха, про учителя, про интересы Дабл-Пирита и не вспомнил. — На ваше полетели, на правое. Или здесь.

— Хищник, мне нужна твоя жизнь.

— Взаимно.

— Ты не понял. Жизнь.

Шум пробежал по листве, донёс аромат жёлтых цветов, сладкий. В сердцевине сладости целебный. Ею, похоже, самой. Потому что, по крайней мере, они не сцепились. Рута отвлёкся, очнулся чуть-чуть от гнева. Соотнёс восхищения Дрёмы Архи Садом, бесконечные восхваления его, главенство Беста, нахождение тут же Гая... И понял, что вопрос немного сложней. Гай немедленно подтвердил его подозрения:

— В твоём мире, хищник, есть сокровище. Я нуждаюсь в нём. Ставь условия, называй цену.

— Ты в уме?! Это верно, есть... Какие условия?! За рамой?! Ха-ха, ха-ха-ха... Какие гарантии?.. От тебя?! Тебе?! Пожалуй, тебе я за рамой гарантирую, знаешь, что?..

Благословенная, нежная... Песня Фавор прилетела откуда Гай не ждал. Пролилась, и пропала... Приветливое, лукавое лицо тёплого дроида взошло золотой луной над ними, у Руты за спиной. Дрёма обогнул его пластичным, танцевальным па, — облако, золотой луной освещённое. С мягкой убедительностью протянул руку к Гаю, указывая на сумку-карман, и произнёс:

— Позволь?..

Новостей преисполненный Дроид! Предательский, нет?.. Что за дела?.. Рута посторонился, руки скрестил на груди: посмотрим, что дальше... Гай болезненно поморщился. Общество дроидов в диковинку ему, и внове полуприказующая настойчивость. Идущая словно извне, но — изнутри... Не против... Отстегнув, он протянул тканевую, дешёвую сумку целиком, Зеркального Альбома не вынимая.

Двумя руками дроид принял... Поднял над головой, также не вынимая. Знак почтения? Или продемонстрировал кому?

Пока сквозь зубы Рута цедил:

— Хищник, ни какой цены ради...

Дрёма перебил:

— Не цены, дружочек, не цены... Не ради него. Сделай это ради остановленных дроидских орбит... Проблеск неживую представь... Дело ли им — останавливаться?..

И не таясь, Гаю весело подмигнул! Дроид... Он в первую очередь — о человеке. "Так и будет..." — Понял Гай по тому, как тяжесть всех горных кряжей Морской Звезды упала с его плеч. Он шагнул к тёплому дроиду... И резко отвернулся от обоих.

— Чего там? — мрачно спросил Рута.

— Схема, фаза, — пробормотал Дрёма. — Дружочек, извини, уйди ненадолго... Прогуляйся...

Рута аж задохнулся:

— Ладно же... Всему есть границы!..

Ушёл... Дроид сел на траве, раскинул по ней полы бархатного, коричневого одеяния. Как и всё в его существе, бархат при касании — тёплый, тонкими непостоянными потоками струящийся ветер. Усадил на них хищника рядом с собой, вернул его драгоценность. За плечи обнял тёплым ветром руки, и долго-долго шептались. Голова к голове. Странное дело, до вечера никто не побеспокоил их... Дроида... В Архи-Саду... Никто. Как спрятались.

Не, ну наглость людей — капля в море... В море наглости дроидов. Очевидно. Но и свежая, оправдательная мысль посетила Руту на заре, когда собирались в путь. "Догадываюсь, почему в дружбе они так бесцеремонны... Наверное, и в любви безоглядны... Потому... Дроид Восходящему без ограничений предоставляет, что может. Того же и ждёт. То есть, не ждёт, но привык. На запрос они откликаются всем существом. Всеми силами. Не увиливая, не утаивая. Предполагается, что и человек к нему — всем существом". Стараясь на Гая даже и не смотреть, миролюбиво размышлял о друге-дроиде Рута: "Если ему что-то нужно... Пусть. Он ведь во многом, наверняка, ему неинтересном и непонятном помогал мне... Хищник ни при чём. Это как ряд поединков. Положим, меня интересует соперник, до которого ещё бой или серия боёв. Скучных. С новичками. Или не у нас, а на правом. С пакостью. Вроде Гая. Надо, так надо. Пройду. Интересно будет увидеть незнакомого дроида желания, похожи окажутся они с Проблеск?"

Совсем, было, уговорил и успокоил себя, пока не коснулись деталей. Дрёма шептался меж тем с Бестом. Чего он со всеми шепчется?!

— На драконов? — утвердительно спросил дроид.

— Ради тебя, — как можно суше буркнул Рута дроиду. — Встретимся у рамы. Жду.

— Эээ?.. А?.. — Дрёма сделал изумлённо-круглыми лукавые тёплые глаза, даже поволока пропала с них. — А кто поведёт? Его Белый Дракон не осведомлен, где твой мир.

— А твой? А ты на что? Ведите...

— Рут-та!..

— Что?!

— Дружочек, за мной так следят, так следят!.. Если б ты знал, если б ты видел!.. А тут лучше без осечек. Видел бы ты, какой серпентарий... Белка, извини! — оговорился он в пространство, — встретил нас на подлёте тогда... Пока-то я один знаю, с чем в кармане Гай летит к стократному Лалу, незаконному, что у вас с собой... Мне не следует рядом крутиться! И здесь задерживаться не следовало...

— Опять?! Дрёма, ты к тому клонишь, чтоб третий раз я отправлялся верхом?! Дроид!.. Да провалитесь вы совсем!.. Какое мне до вас дело!.. Ты не можешь зайти на Южный, — вооот! — то, что надо!.. Я вообще с рынка не выйду! Надоело!

Час спустя они с Гаем уже летели, потеряв из виду континент, Великое Море. И летели рядом.

Остающиеся с каждым взмахом внизу под драконьими крыльями, миры представали то волнами, то барханами. Так и Гая бросало то в жар, то в холод... Вверх, вверх, ещё взмах... С прижатыми крыльями вираж. Крылья в линию — ещё рывок вертикальный...

То в жар, то в холод... То в прошлое, то в будущее. То в ещё более прошлое прошлое... Его бы подтянуть сюда за самый край, склеить с завтрашним днём, далёкое... А середину ножницами — чик!.. Середину слепую, глухую... По вчерашнему дню — чик!.. И отрезать.

Но в том-то и дело, что Белый Дракон мчал в завтра, а всадник — в позавчера. Откатывался,

по белой спине скатывался во вчера... Слепое прошлое прозревало. Закончилась мертвенная глухота. Звуки и образы, воспоминания падали одно за другим. Падали молотом на голову.

За Гая... А не за дроби дробей своих тонких интриг, наглых интриг Дрёма заплатит сполна. Как мизинчик — накопленные им дроби нарушений. А это — печать оставляющее объединение. Неполное растождествление. Неполное в том смысле, что не одномоментное. Не дроид разрывает его, как положено. А выпутывается сам человек. Той последовательностью движений, к которой исподволь подвёл его дроид. Растождествление оставляющее вслед — не мизинец нарушения, а целая рука. Правая. Рука помощи. Он не имел права. Серьёзный проступок, своеволие. Ни указания владыки, ни даже просьбы человека!.. Теперь Доминго не нужны четыре трона, вызвать его. Дрёма и не помышлял, материализуясь в радостном, мирном саду о чужих печалях. Доминго, какой подарок тебе!..

Дрёма сделал, что мог, и как мог быстро устранился. Дальше — Рута. Человек рядом с человеком. Дроид элементарно опасался до цели с Гаем не долететь, уткнуться во вполне законную Большую Стену Чёрных Драконов. Пришлось другу опять пудрить мозги!.. Рут-та, не сердись!.. Скоростное перемещение неуместно: ещё разворачивается растождествление. Расходятся орбиты. Человеческие, плотные, спаянные глухим, слепым застаревшим горем, расширяются, выпуская дроидские... Растождествляясь... Перенимая и отпуская часть дроидского тепла.

Лучик из рамы пробежал по лицу. Рута резко затормозил... И волком взвыл на эту раму, как на луну! Живой атрефакт волка мечтал заполучить — в снега Собственного Мира...

— Ууу, забыл!.. Снова забыл!.. Шатёр забыл!.. Чтобы вернуться... Тпру!.. Нет... Не понял?.. А почему на драконах через высокое небо?.. Почему я не мог утащить тебя через шатёр?.. Дроид заморочил меня...

Гай не желал... Не способен был к общению, прошлое настигало, наводнением шло... И он опасался нарушить хрупкое равновесие не вражды, установившееся невесть как... Но, с другой стороны, вдруг Рута надумает возвратиться с полпути?.. Ещё хуже... Хрипло откликнулся, звук голоса вороний, незнакомый, пугающий... Голос из прошлого? И голоса своего не знал? Похоже, что да. В сторону глядя, сказал:

— Бест, вообще-то, дроиду посоветовал, на ладони смотрел... Ответил: "Верхом, верхом..."

— Причина?

— Без понятия. Правда.

От же заговорщики!..

— А прямо сказать было нельзя? Черти придонные, до чего всё странно...

Обидно... Но время пустого, томительного полёта, это время Гая. Предназначавшееся ему.

Они летели вверх и вверх. Кружили полями и ущельями кучевых облачных миров. Одним лишь драконам видимыми и ведомыми тропами. Не о чем Руте с хищником говорить. Хриплый, мертвенный голос усмирил его злость. Несчастный хищник... Злиться не мог и понять не мог. А у Гая ком в горле, горький как Горькие Холмы. Они ведь солью хранят потонувшее, увязнувшее? И там, в горле, в Гае — вода давно испарилась, осталась соль. Сверх горечи горькая. До горла поднялась. Вверх и вверх... И оба молчали.

Драконы, перефыркиваясь изредка, петляя меж дождевыми тяжёлыми тучами, неожиданно вынесли всадников под ливень.

Намудрив с путём, относительно процедуры взаимодействия со стократным Лалом Гаю и Руте дроид объяснил суть исчерпывающе и прямо. А именно...

Дроиды желания не должны нарушать свой, индивидуальный для каждого ритм проявления-исчезновения. Менять соотношение продолжительности фаз. Но могут. Подряд проявляясь многократно, долго, а исчезая на миг, дроид желания кажется непрерывно присутствующим. Они продляют перед глазами людей фазу возникновения. Ауто-агресивное поведение. Запретное дроиду. Это очень исчерпывает его. "Неиспользованные" фазы будут накапливаться. Участок регулярного ускорения искривляет орбиты, смещает центр дроида. Нарушает специфическую для дроидов закрытого семейства границу между лёгкими внутренними орбитами и жёсткими внешними. В один прекрасный... — непрекрасный, — момент, они словно выворачиваются на изнанку. Человеческое выражение "уйти в себя" подходит. Дроид остаётся надолго в подвешенном состоянии. В прото-состоянииии. Вернувшимся в лазурит Юлы. Кусочек Синих Скал, сохранивший внутреннюю структуру дроида. Плохо, что дроид видит предел такой рискованной игры, лишь подойдя к нему вплотную. Катясь вниз. Секунды остаются ему на то, чтоб вернуться к нормальному чередованию фаз. Нормальному, с учётом компенсации, после неё, на протяжении которой пропорции будут противоположно нарушены.

Юлия-Альба не только без разрешения покидала семейство... Кому из них Августейший этого ни прощал! Не только "завела любимчика" — полное нарушение, раз... Не только "воплотилась" — полное нарушение, два... Создала Собственный Мир, воспользовавшись величайшим преимуществом дроидов желания... Это как раз — нарушения небольшая дробь, без человека-гостя. Но он был, гость! Не успела лишь — полное нарушение, три — "признаться". Не решилась... В остальном поставила себя в наихудшие условия. Беглеца. Преследуемого. В ожидании непредсказуемого переворота фаз. В парении безоглядного счастья. Доминго и драконы Гелиотропа не поймали её, не вычислили. Августейший видел. Ждал до последнего. До тех самых последних секунд... Которые она потратила на нисхождение в форму, конкретную, загодя выбранную форму — Зеркального Дневника.

В Собственном Мире Юлии Альбы не по службе, но и не понарошку у неё был и дроид Я-Владыка. Старый друг. Как Дрёма когда-то, не принявший власть Августейшего гаера. И ему дико повезло! Гелиотроп перевёл его в Освещающие, в дроиды Я-Владыка... Фавор!.. Ему-то сказала однажды Юлия Альба, спросила: "И ты, освещающий, друг, ты тоже веришь, смешной мой, что холм Феникса не пустая гора?.. Что — богиня?.. Что — птичка?.." — "Верю?! — воскликнул он. — Да как в себя самого!.." — "Тогда... Ради, мне не слышной, вам сладкой... Ради песни Фавор!.. То, что — я — сейчас, а скоро станет — синим камнем... Синей рамкой, артефактом. Ради вашей Фортуны, передай ему!.. Это маленькая дробь для тебя, для меня последняя надежда..." Он обещал.

И продолжились, сливаясь в непрерывный поток счастья, остатки дней, потоки нарушенных фаз. Несравненное время для дроида. Юлия Альба виделась с Гаем, сколько хотела. Обнимала когда хотела. На Мелоди пропадала, блаженствуя, — орбитой всех танцоров, волной всех песней. Для каждого — идеальная, для Гая — его. Его Юлия Альба... Идеальная. Его, вечно его, навсегда!

Юлия Альба и мечтала, и опасалась, украшая Собственный Мир о том, что бы Гай находился в нём на момент её исчезновения, прекращения общей формы. Наследство. Будто она просто вышла за раму, вылетела и не вернулась. Чтоб мир остался ему. Но не знала наверняка, возможно ли это. Не опасно ли для человека?.. Не у тронов же спрашивать!..

Но вот, время истекло. Синяя, лазуритовая рамка Зеркального Альбома, имитации его,

стала зависшей, вероятно, последней фазой дроида желания. Камень Синих Скал, "плоть и кровь" дроида. Схема. Начальная и финальная фазы. Стократный Лал считает её, без чьей бы то ни было помощи. Дрёма обоим так и сказал. И ещё добавил:

— Первым делом, Гай, проявляется основополагающее. Масштаб потенциальности. Рама входная, раз мир у неё был. После мир, после — она сама. Несколько мгновений рама останется открытой, можно зайти. Прямо от Руты — к ней. Из Лала — в её мир. Потому что Лал наличествует не на периферии. Не область Там. Одна сторона дела... А другая... Миры закрыты с трёх сторон, даже рынки, верно, Рута? Но твоему Собственному Миру принадлежит лишь поверхность Лазурного Лала, а не весь он. Где же он весь?.. Неважно! Он... В будущем всегда... Но вы туда не торопитесь! Не торопитесь главное. Ни в чём не спешите там.

Для эпохи высших дроидов обыкновенны ситуации парадоксального соотношения между сущностями и материальным воплощением их. Например, снег в Собственных Мирах. Он определённо холодный, но замёрзнуть в нём нельзя. Лёд... Как снег, но по коже глянцево скользит отрывочными сквозняками, куски льда в руках, под ногами глыбы льда... Скользкие, как скользок ветер. Гораздо чаще снаружи миров проливаются Впечатления о том, что воде принципиально чуждо, производя забавный эффект. Если не закрывать глаза... Гай закрыл.

Они влетели под лиловую тучу, густую, фиолетово-чёрную в глубине, так что конца-края не видно. Тьма заштрихованная косыми струями дождя, относимыми ураганным ветром. Он изменил направление, хлёсткие капли полетели в лицо, потоками полились с одежды, мигом промокшей насквозь. И Гай закрыл глаза...

Вились дымки. В жаркой, гулкой духоте. Сумрак с тучей совпал. Пыль, прах. Старое здание. Многорукие, многощупальцевые, отдалённо похожие на людей статуи скорей угадывались, чем виднелись за дымками. Тонкие струны похожих, но не одинаковых, сладких ароматов. Палочки благовоний. Конусы. Дымящиеся горки на латунных и серебряных блюдах. Высокая горка — на золотом. Она потрескивала краткими всполохами, что-то добавлено вроде стружек металла в стружки древесной коры. "Возможно ли во Впечатлении тоже закрыть глаза? — подумалось Гаю. — Дважды закрыть... Можно ли этому научиться?.. Похоже на восточные ряды. Того гляди, вывернет кто-то знакомый навстречу. Монументы страшенные... Южный Рынок, как если бы заселён был Морскими Чудовищами..." Не смотреть Впечатление нельзя, но отвлечься можно. Белые Драконы участвовали в "заговоре" с Дрёмой. Получив метки, вычислив подходящий дождь, несли Гая сквозь Впечатления близкие, привычные для него.

Перед внутренним взором хищника представал исчезнувший Центральный Рынок... Торговый, неигровой, тихий средне-восточный ряд. С шатрами-вехами постоянных торговцев, не снимавшимися. Между ними временные шатры поднимали менее респектабельные существа: кто-то надеялся на непредвиденную, молниеносную охоту, кто-то опасался как раз таковой!.. Ставили и снимали быстро, возвращались под иными масками, с обновлённой легендой, кочевали по рынку. Разные тенты, размеры. Очень цветастое всё. Узоры задёрнутых пологов намекают на товар внутри. Благовония: палочками, пудрой. В мешочках зашитых, для развешивания дома, на сбруе драконьей. Крошечные — нашейные. Благовония в карандашах — рисовать на теле, смешивая оттенки запахов. Специальные, для игры вслепую. Вьются дымки, приглашая покупателей. Народу мало. Торговцы прячутся по мирам и за пирамидками. Лица закрыты у многих. Традиция. "Я ведь брал, у кого же я брал там?.. Стружку из них добывал ещё... Взрывающиеся эти перетёртые санги?.. И с палочек пудру металлическую отряхивал...

Пока на Техно не завёлся поставщик такой ерунды... У кого же?.. О, чёрт!.."

Вспомнил у кого. Так ясно-ясно представился. Потому что Гай, мысленно проследовав за ароматом, откинул уже полог забытого, знакомого шатра. Уже кивнул на приветственную улыбку, сменившую тень лёгкой тревоги, примету всех рыночных лиц. Кипрей... Первый... Чужая охота, его добыча. Нет, тех благовоний Гаю уже не купить...

Распахнул глаза. Хлещет ливень, заливает. Туча без конца и края. Тяжёлый, желтобрюхий, серо-фиолетовый мрак. Стегает, щиплет глаза. Закрыл.

Ни сводов, ни статуй, запахи и тишина. Дверь в его память...

От древесной щепки, обвалянной вручную, неаккуратно, от тлеющей красной точки наверху поднимается сладкий дым. Кольцами. Парой струек змеится. Бросается от полога прочь, затем — к нему. Лента дыма огибает вошедшего Гая... Плоской воздушной рекой, ветвистой дельтой на рынок уносит пряную сладость свою из шатра, дальше за пологом встречая свой океан...

Кипрей... В богатом восточном халате, восточный же ряд!.. Между шестью столбами покачивается на шёлковых канатах шестигранник ложа. Канаты от углов до верхушек столбов. До шаров гранёных, полированных, золотых... На канатах узлы сложные какие-то, круглые. Малиновый — изумрудный, так чередуются. И вся эта красота прячется от незваных гостей. Устроенная за маревом настоящего торгового шатра, проёмом к ложу и подальше от входа... Ещё две пирамидки с ловушками по бокам. Сторожат. На ночь число их умножится до максимального. Кипрей был из тех, подлинных рыночников, которые — не ради риска, а, невзирая на риск... Которые пришли жить и радоваться жизни из облачных миров на беспокойный континент. Гай не дружил и не ссорился с ним. Торговал по мелочи... Беден был. И тогда что-то купил у него... Горючее, да, разновидность пороха. Выпили по стопке популярной одно время "обычной" воды из миров с единственной каплей связного Впечатления. Оно так по-особенному прозрачно, так мимолётно в этой воде... Не колется, не кусается, как морское. Изысканная, достойная мода распространяется среди людей иногда, раз в тысячелетие!..

Гай вспоминал...

Кипрей поджёг короткую, когда-то уже горевшую и потушенную, щепку, обвалянную в пыльце с арбузной медовой свежестью. Вращал, рисовал дымом буквы, расплывающиеся раньше, чем были закончены, восьмёрки, круги. Рисовал и сквозь них смотрел на него. На Гая. Смотрел тот, над которым поднимется вскорости, впервые, Гая левая рука. И пропадут вместе: и Кипрей, и статус "чистого" хозяина, и Чёрный Дракон... Смотрел, не зная о чём завести беседу, но молчанием не тяготясь, приязненно, ненапряжённо. А Гай — только на дым. Гай думал про взлом скрытых механик, про запредельно дорогой Пурпурный Лал, про тогдашнюю мышиную бедность свою. Про людей, как универсальный расходный материал. Одноразовый... Дым защипал глаза, Гай потёр их, открыл и встретил, с улыбкой протянутую ему, двуручную чашу полную водой. Умыться...

Тот Гай, что на Белом Драконе, сжал кулаки, ударился в них лбом, отпустил гриву... И рухнул с дракона вниз. Сжавшись в комок. Дроид вильнул, подлетел и поймал. Но не удержал на мокрой спине. Остановили падение два дракона бок о бок, и Рута. Под сенью того же дождя, той же тучи. Наверное, беспредельна, до океана так и дождит... Рута схватил его за плечо и тряхнул.

— Я задремал, — сказал Гай.

Они выровняли курс и направились дальше. Рута на полкорпуса держался впереди и оборачивался иногда.

Капли били по щекам, омывали... Скрывали... Хорошо, удачно. "Зачем он оборачивается?.. Не лучше ли ему, чтоб не видеть меня, лететь, развернутся — и не увидеть?.." Ком в горле, горечь его и соль размывало дождём. Становилось ещё хуже. Намного хуже. Для соли есть ещё выход, глазницы. А горечи деваться куда?.. Кипрей — заурядный и добрый, то жадный, то расточительный, доверчивый и пугливый... Обыкновенный полудроид! Обычный вельможа Центрального Рынка, где водились и побогаче его, и поазартней, середнячок... Почему — он?.. Зачем — он?.. Ради чего же я... "Прости меня, — повторял Гай, — я не видел тебя... Я в упор не видел тебя... Сейчас вот увидел, прости меня, прости..." Повторял вслух, хриплым шёпотом — чтобы выдохнуть. Прерывавшимся шёпотом повторял. Вдыхать кое-как получалось, а вот выдохнуть, молча, нет, задыхался. Горечь забила горло. "Прости меня..." Гай не умел плакать. Не умел жалеть ни других, ни себя. Учился.

Туча была поистине неистощима и обширна... Потому что Дрёма — приятен, любезен многим дроидам... Нравится одиночкам 2-1... Близок тёплому семейству Там... А дроиды трона Там на земле и на небе прокладывают пути... Учись, Гай, и успокойся. Ещё не одна перемена Впечатлений прольётся на него в пути. Не одно и не два лица он припомнит с отчаянной мукой раскаянья. Такими живыми! Так живо они предстанут пред ним! Увы, только в воспоминаниях.

Рута поглядывал через плечо. Гай летел сгорбленный, крепко вцепившись в мокрую белую гриву.

Когда долетели и прошли сквозь вечную звёздную ночь на входе, у "побережья" стократного Лала обнаружили с очевидностью, что ждать им ещё сутки. Начинать следовало на заре. А над безупречной лазоревой гладью солнце шло к полудню. И это часть заговора...

Эпоха высших дроидов обнаружила две диаметрально противоположные тенденции познания. Преодолевая атомизацию, расширяя сферу лично познанного, одни дроиды предпочитали углубляться в свою узкую сферу. В детализацию. Имеется тема, имя: Лодочный-Ход, например. Конкретный дроид, владыка семейства близкого к Сад. И он поддерживает, не развивая, связи с тремя периферийными для него тронами: Берег, Лайнер и Фарватер. Всё. Остальные связи, дроиды его из 2-2, постоянные, указывают на мыслимые конфигурации и материалы. Из 2-1, временные, на функции, направления, надобности.

Противоположный вариант: обобщение понятий. Образование поверхностных, но многочисленных связей, точек пересечения орбит с ключевыми фигурами сферы дроидов. В надежде так охватить и человеческую, понять человеческий ум. Неизбежно в число ключевых попали крупнейшие троны. Что менее очевидно: одиночки 2-1 даже важней в этом смысле. Чьи имена балансируют на грани между идеей и функцией, которые всегда в тени. Которых обнаружить надо, прежде чем свести к общему знаменателю! Дрёма случайно наткнулся, облачным рынком бродя, на дроида Два-Непредсказуемых. Дроида несвободного, пребывавшего в семействе Поток. И настолько был поражён, что даже забыл подкинуть метку! Не понял: есть этот дроид или он иного дроида шутка, неавтономное нечто?! Поток дважды непредсказуем?.. В чём? в берегах? Ерунда. В направлениях? Вздор. А если вне семейств?.. Могут ли быть две бесконечности? Могут ли существовать разные хаосы, два и больше?.. А одиночку Хаос Дрёма знал! Есть таковой, хороший, понятный дроид. Антагониста своего избегающий, как огня.

Из двух высших стратегий познания мира Дрёма, тёплый дроид полусна, избрал вторую. Широкий охват. Грубые обобщения. Чего ему уточнять? Сны, грёзы?.. Так он в них утонет!

Перед подобной детализацией росинкой покажется Великое Море! Стратегия удачная, по крайней мере, к пониманию психологии хищников она приблизила его. Состояние Гая, цепная реакция запущенная в памяти хищника первым же дождевым Впечатлением, попавшим в цель, были очевидны для Дрёмы. И возможный атомный взрыв, грозящий разнести Собственный Мир его друга, столь значимый и для Дрёмы, всё он предвидел. Стоит человеку остановиться, он сразу норовит сделать вывод! А некоторые, "люди действия" — не медлят и воплотить. Гай определённо из таких. Пусть же встретят его долгие, пустые сутки. Вечность — для человека в его состоянии. Пусть на их фоне выводов навыводит выводов целую кучу. То, что технарь Гай не уничтожит мир, не сделав того, зачем летел, факт. Путь до зари помечется от одного "окончательного" решения к другому, это ослабит их все.

Подгадывая срок, подговаривая Белку, сколько надо ускориться или задержаться на подлёте, Дрёма проявил благородство дроида в полной мере. Его нарушение было бы меньше вполовину, если бы печать растождествления до рамы уже сошла на нет. Но — нет! Дрёма счёл, что последний этап растождествления человеку в статусе гостя принесёт больше пользы. И поступил соответственно. До него таких финтов дроиды не совершали... Почти пересечение рамы. Невозможное действие.

Именно за него, чисто дроидский поступок, Августейший на турнирной площади без прошения, предупреждения, без объявления войны... Перехватил вызов к нарушителю. Собственноличный вызов Доминго. Вето, допустимо.

Августейший заслушал разоблачение до момента сговора с Белым Драконом... Сделал о-о-очень большими холодные, орлиные глаза, подходящей шутки не нашлось у него, взмыл с трибуны... Крылатый, плешивый шут, только перья посыпались, и — перехватил!.. Когда Дрёма стоял уже практически безоружен. Одиночке, некогда отвергшему власть его трона, удалось изумить Августейшего!.. Справедливый гаер. Расправу... Он превратил в цирк! Ну, в спектакль...

Присвистнул на четыре стороны, в общей форме созывая подданных, дозволяя общую форму: "Девочки, все-все сюда! Собирайтесь-ка живей!.. Что-то будет!.." А чем собственно мог быть поединок двух из четырёх главных тронов?! Комедией показной!.. Неизначальный дроид — против автономного дроида! Король на коне — против шута на кабане!.. Прогулочку, совершённую ради Амаль, заценил и он, и сами, в роли ездовых зверей выступившие, Поисковики. Так что турнирную площадь Августейший бороздил на Вепре... Праздник!.. Вот, к примеру, отчего Проблеск не рвалась даже к любимому уходить от владыки, бесподобен!.. Доминго ничего не оставалось, как подыграть ему. Хватило самоиронии. Не серьёзно же, в самом деле! И по форме смешно, и по сути: высшему дроиду автономного не прищучить. В награду Августейший устроил ничью... Добрый шут, справедливый.

Вычтено с Дрёмы и нарушение, и дроби дробей. Начинай копить сначала! Но аудиенции в необщей форме, о которой через дракона просил, ему не досталось. Отказался в моё семейство переходить?.. Гуляй. Больно жирно будет.

Стократный Лал... Лазурный. Лазурь, как она есть. Единый цвет, вобравший все оттенки...

Гай молча постоял на берегу. Чудо... Инструмент дроидов, дроидский Лал... Кроме навыков, знаний технических, Гай обладал интуицией технаря вполне. Пурпур даже неудачных вариантов он ощущал, как хозяин мира ощущает власть левой руки — несомненно, осязательно. Пурпурный Лал — человеческий инструмент. А то, что лежало перед ним, перевёрнутая небесная лазурь к человеческому созиданию не имела отношения... Другая стихия... Ворота "их"

мира.

Развернулся молча и пошёл бродить, круги нарезать искрящимися сугробами подальше в звёздную ночь. Где так весело прыгал Клок, но не на чем было поскальзываться Гаю. Лазурная полоса сияла ему из-за деревьев. Как бы ни отдалялся к недоступной области Там, проглядывала. Расширялась, когда поднимался на холмы. Свет восходил от неё, поскольку солнца дневного из ночи не видно, но виден кристалл, освещаемый им. Притягивал и тревожил, неестественно и мистично снизу веером раскинувший лучи, чистый лазоревый свет. Гай уклонялся от Лала снаружи, от воспоминаний внутри. Как уклонялся... Обход многократно совершал. Скорей бы уже, скорей. На покатом холме, в ствол мачтовой сосны упёршись лбом, Гай замирал над голубым озером, зеркальным. Выл от тоски. Головой ударится, и опять прочь. Волком кружить. Рута, ты хотел заполучить волка?.. Раз вышел к вечеру. На другой раз, когда крупные звёзды и зелёные флаги северного сияния охватили весь мир, и центр, и края. Возвратился к дому.

Рядом с хозяином сел, не разговаривали. Над глянцевой голубизной, на мостках.

С первыми лучами, дорожкой раскатившимися по голубому стеклу Гай уже шёл к центру мира и Лала. Дошёл, не дыша, скользя, наблюдая игру перевёрнутой пирамиды, несчётных граней... В глубине? Нельзя так сказать. В перевёрнутой вышине... Стократный, тысячекратный?.. Триллион триллионов граней в одну точку сводящий Лал. Остановился над ней. Когда оказалась ровно под босыми ногами. "В надире, — подумал он, — Бутон-биг-Надир, так или иначе, направил меня сюда... Странно было бы ждать счастливого разрешения комбинации, начавшейся с Оракула чудовища..." Гай положил лазуритовую рамку на стеклянную твердь, и не звякнула. Засветилась, сразу начала утопать. Погружалась плавно, без всплеска... Пошла волна, и Гай сделал усилие, чтоб балансировать, чтоб стоять, шаги запрещены обратные. Волна с аккуратностью дроидского инструмента вынесла его к мосткам, точно, откуда спустился.

— Пошли на крышу? — спросил Рута и, не дожидаясь ответа, направился в дом.

Лестница на чердак оказалась не предусмотрена. Хозяин привычно залез, прыгнув и подтянувшись. Свесился и протянул руку гостю... Гай ждал чего-то подобного. Сто тысяч безвозвратностей, упавших из прошлого на голову ему, подвели, носом ткнули в последние, по счастью, исправимые ошибки. Зная, что едва разожмётся рука, слова камнем застрянут у него горле, Гай кашлянул и заставил себя произнести:

— Прости меня, хищник. За них, тех... И за себя... Прости.

— Сами накосячили, — живо, торопливо, пожалуй, ответил Рута.

Принимать извинения ему было не намного легче, чем Гаю произносить.

На левом крыле, действительно, больше гонора. Церемонии сильно регламентированы. Это сковывает, но и упрощает. На правом вполне реальный вариант, когда долг, проигрыш оплачивают годами унизительной службы. По крайней мере, предлагают!.. А после, как сложится: бегство, предательство, честная отработка... На левом — немыслимо.

Рута распахнул маленькое чердачное окно, впуская морозный воздух. Смягчившийся, как только достиг людей, обвил их. Зашелестел сквозняками. Мир делан внимательно. На чердаке пахло настоящим чердаком. Пылью, временем, старым деревом. Гаю должно бы понравиться. Но ему ничего не нравилось, он был невыносим, отвратителен себе. Беспросветно. Две цели наметил, в них, как в сосну упёрся лбом. Ближайшие, последние цели: досмотреть, да и покончить со всем разом.

Лица, лица... — лицо прошедших лет... Пусть пропадут вместе с ним. Он уничтожит Лал, хозяин восстановит. Из него. И баста. Хватит уже... Ха, забавное посмертие. Вредить Руте он не намеревался. Технарь Гай не представлял себе, насколько далёк борец Рута от того, чтоб даже обложку альбома дроидской этой механики припомнить в деталях! А и мог бы задуматься!..

Этот Гай, окружённый лицами, лицами, лицами... — погибших по его вине, это не Гай Юлии Альбы. Странно и приближаться к ней этому Гаю. Сквозь толпу невозвратимых лиц, лиц, лиц... Напуганных и спокойных, обманутых и понимавших всё. С надеждой и без надежды, по-разному требовательно они смотрели на него, бессильного отвернуться. Знакомые и те, что не помышлял вспомнить когда-либо. Обрывки и полные сцены воспоминаний. Предсмертные восклицания и предсмертное молчание... Они даже молчали невыносимо в затянувшемся кошмаре хищника. Да, дроид сделал человеку... неприятно. Сделал обратно живым.

"Центральный — Техно — Южный... Техно — кабинет в его Собственном Мире — шатёр чей-то... Шатёр Секундной Стрелки — кабинет — Техно... Кабинет — Техно — кабинет — Техно..." Так эпизоды перемежались, ярко, отрывочно. Пропадали, как в тёмную воду канув, людей не видел тогда, в упор не замечал. Теперь вот... Увидел. Разом. Каждое лицо, каждый взгляд: от широко распахнутых ресниц, заблудившейся на рынке хозяйки, до злого прищура хищника. До проклятий хищника, который вместо статуса на Южном, приобщения к сильной группе, получил удар от Секундной Стрелки на первом же кругу... Солидная, опасная группа, хороший выбор, амбициозный... Только вот широкий состав её обновляется быстро, основной — пореже, да... Смешной, видел, куда заходит...

Гай к различиям омертвел. Люди, просто люди, лица, человеческие лица. Все они сейчас были равны перед ним, как, впрочем, и тогда... Он к ним равен. Хотя... И тут имелись отдельные пятна, слепящие... Ослепительной, особой жестокости поступки. Не физической, отнюдь. Всё на нюансах. Гай ведь не родился пулемётчиком или мясником прошлой эпохи, не оброс в океане шипами придонного монстра. Даже бойцом правого крыла из таких, что из гнилости душевной противников выбирают слабей, не был. Там он выбирал сильнее. Невыносимость заключалось не в том, что сделал. И даже не в том, чего не сделал! А в том — на что не откликнулся... Ни на что, никому. Не видел! Не посмотрел! Не увидел того, что не увидеть невозможно! "Я вас не замечал!.. Я не знал, что вы — есть!.. Что вы были... А вы — были..."

Две жертвы среди прочих навязчиво представали его отчаянью... Обе девушки.

Одна — хозяйка, летевшая с Веретено на Мелоди. То есть, явно из музыкантов... Певиц, певчих птичек... Ни танцевальных элементов в костюме не видно на ней, ни музыкального инструмента при ней...

Охоту провели игроки Против Секундной Стрелки, как обычно, по-дроидски. "Мы называли это — по-дроидски?!" В смысле, они не применяли насилия. Человека три, четыре из группы изображали преследование, отсекая путь наверх. Отдельно стоящий шатёр на пустой земле чрезмерно подозрителен, в него не заманишь. Дальнейшая над континентом их задача, не позволить добыче приземлиться и поднять свой. Загнать на рынок. Если от преследования оторваться быстро, спрыгнув у рамы, есть реальная возможность затеряться в рядах, спрятаться у знакомого. На этом этапе появлялся охотник, карауливший там, и предлагал свой шатёр затаиться, переждать. За умеренную плату. На тот момент — их общий шатёр.

Пирамидка Гая... — Струны подсечек... — Подсечка... — Дракон... — Собственный Мир...

Хозяйка была в полной маске цвета слоновой кости, изображавшей человеческое лицо. Лишённое бровей и краски на губах. Необыкновенно спокойное, полностью нейтральное

выражение. Горизонтально между носом и верхней губой маску пресекала едва заметная прямая черта. Нижняя часть отделялась, оставляя нематериальную, непрозрачную вуаль скрытой механики. Вуаль не искажавшую, чуть усиливавшую звуки. Маски такие функциональны, и нейтральность их основное качество, они уравнивают певцов на соревновании, где есть арбитры. Уравнивают и внешние данные, и пристрастность знакомств. Угадать выступающего можно бы по тембру голоса, но дело в том, что и репертуар на них специфичен: банк птичьих трелей, импровизации стихий, не всякий знакомый угадает. Под стать спокойствию маски, осознав роковую ошибку, хозяйка не выразила паники. И не начала торговаться. Она вообще не проронила ни слова...

Гай тогда не оставлял попыток создать Пурпурный Лал в Собственном Мире... И вот, очутившись там, напротив него стоя, переждав те секунды головокружения от быстроты полёта, которые ради лучшего сосредоточения вынужден был переждать, Гай увидел, как она... Она без спешки, демонстративно неспешно приподняла маску снизу за подбородок. И сняла целиком, встряхнув освободившимися волосами. Какой надменности был преисполнен её жест! Справедливой, заслуженной. Имела право. Похищенная обладала настолько неоспоримой красотой, что без маски до соревнований её попросту бы не допустили! Зная себе цену, она сознательно избегала обид и нечестных побед. Серые, как у него, глаза, крупным резцом выведенные черты, гордые губы, твёрдый подбородок. Она была адрогинно-прекрасна, полудроид в абсолюте гармонии. Не улыбнулась и не нахмурилась. Представилась так, открыв лицо. И ждала. Недолго... "О, дроиды, — застонал Гай, прозревший Гай, — светлые дроиды, какой ребяческий ход!.." Тогда — не тронуло. Ни наивная самоуверенность, ни дроидская красота. Тем наработанным фальшивым жестом, который с трудом, но освоил, в арсенале Густава несчётно их, Гай указал на окно. Резко и мимолётно, как на то, что требуется переделать, заставляя отвернуться на миг. Общая хищническая привычка, в глаза не смотреть. И опустил уже занесённую руку... Гай скрипнул зубами: "Лучше б я отрезал себе эту руку и оливкой ядовитой прижёг! Не отрастала бы..." Лал получился неравномерно-бледно-розовым. С досады Гай запустил его в то же окно.

А другую жертву привёл Густав. Гай сейчас винил себя, хотя и платы отдельной не имел. Не участвовал на основных ролях в той охоте. Он следил за окрестностями просматриваемого насквозь шатра. Шатёр требовался именно такой, и нужно было свежее лицо, не примелькавшееся на Центральном Рынке. Часть ловушки. Изобразить хозяйку шатра. И Густав привёл маленькую белокурую изгнанницу. Странно держалась, будто во сне... И по мимике, по манере, прищурившись, чуть откинутой держать голову, Гай сказал бы, что и не изгнанница, а Восходящая ещё. Манок дроида слушают как бы горлом, открывая его, в горле он вроде как свой голос... И щурясь, вникают в эскиз... Густав соврёт, недорого возьмёт. Изгнанница или Восходящая, хищницей она стала у них на глазах. "Она не сознаёт, что делает..." — понял Гай, но не вмешался. Хотя это уж ни с какой стороны не "дроидская" охота. "Ненавижу себя..." Гай покосился, не поворачивая головы. "Хозяин заснеженного мира, прости меня ещё раз. За последнее злодейство. Надёюсь, ты всё восстановишь..."

Хозяин успел спуститься за пригоршней рябины, гроздь мятую бросил между ними, сидевшими на крыше, на краю. Стократный Лал в рассветных лучах играл под ними, оттекам несть числа. Как если бы в огромной руке его держал кто-то и, разглядывая под солнцем, поворачивал, любовался... Лёгкий шторм на лазурном, стеклянном озере. Парные лавандово-шафранные искры сбегали от поверхности в перевёрнутую вышину, в купол остроконечный, и обратно. Меняли цвета... На дне большого голубого озера, противоположным берегом

касавшегося горизонта, маленькая синяя рамка оставалась с крыши видна. Так расширилась, или так преломлял её свет?

Лазуритовый прямоугольник вращался. Каждый раз, меняя направление, разворачивался то чуть-чуть, вздрогнув и всё, то побольше, то на сто восемьдесят градусов... Задействовал все, наверное, промежуточные варианты. Маятник. Даже совсем непонятная внутренняя структура осознаётся таковой. Упорядоченной структурой. Что это зачем-то надо... Не просто так сложено... С точки зрения Руты, работа величайшего дроидского инструмента уступала старой Дрёминой метке в увлекательности. Заурядное зрелище, если б не было так укачивающе-приятно за ним наблюдать... Туда-сюда, коротко-долго, без повторов... Тихо в утреннем воздухе. Рута прошептал:

— Дроид уравновешивает фазы... Ближе к вечеру станет крутиться ровно: вправо-влево... Как маятник... Я вирту видал, что восстанавливается, оно скачет так...

— Прости меня, — прошептал Гай.

— Отвяжись.

Рута хлопнул его по колену тыльной стороной руки, прежде хлопнув ёю по другой ладони, чтоб соскользнула. По привычке. Типичный жест левого крыла, подчёркивающий равенство: я к тебе, как к себе. А в чём равенство? В том, что ставкой жизнь здесь не берут. Используется и при встрече, примирении, знакомстве, при начале поединка, в конце, предлагая размяться в других краях, на облачных рынках. Чтобы узнать своего, лишних слов не говорить. Дружеский жест. Гаю стало окончательно нехорошо.

День тянулся неимоверно. Рябина хрустела на зубах. Не нагревалась. И не кончалась, Рута спускался за новой пригоршней. Какой удачный мир, как всё складно в нём.

Гай заметил, выпавшие из кармана у Руты, на цепочке серебряной, круглые часы. Обычные. Рабочие и заведённые. И поймал себя на том, что ждёт, пока с деления на деление перепрыгнет секундная стрелка. Ждёт... Недаром выигрывал у неё. У её сестры, пляшущей в безумии. Выигрывал, выигрывал и проиграл... Остался ни с чем. Все эти годы ежесекундно помнил Юлию Альбу. Сейчас, ожидая, — не вспоминал. Только подумал: "Вот бы и она меня не вспомнила. Восстав в первозданной чистоте. Никакого прошлого, никаких грязных хищников, никакого Гая..."

Солнце клонилось. Вращение рамки, действительно, уравновесилось. Стало заметно, как при каждом замирании, при смене направления резонирует какая-нибудь сторона её с одной из граней стократного Лала. Разливает тонкий колокольный звон. Лал заполнился огоньками дроидов. Резонировали уже все четыре грани. Колокольные мелодии выделились в четыре и слились в одну.

— Недолго до завершения, — сказал Рута. — И солнце низко.

Гай кивнул и напоследок присмотрелся, что за хищник, приятель дроида? Славный, борец простой. Знак утра по шее, от Злотого идёт линия, да. Через него, на правом он первый с этим узором, но не первый по возрасту. "Выходит, сам Злотый с левого, стилевого крыла? От чего перешёл в фатальное? Чаще с него туда бегут... Никогда не задумывался".

Лазоревый Лал блестел, закатный, налитый, переполненный огоньками дроидов. Они сливались и уходили в синюю раму, достигшую нормального размера рамы мира. Знакомые узоры проступали на ней. Гай вздрогнул.

"Не смотреть... Не заглядывать... Если верить дроиду, рама канет вниз. И облачный мир возобновится в точке, где пребывал, на том лепестке всеобщей розы ветров".

Голубое поле показалось за рамой. Не вдруг различимое, попавшее Лалу в тон. Колоски...

Васильки... Тропинка, немного петляя, прорезала его от рамы вдаль. Крыша, домик у горизонта... Не заглядывать, как же... Гай прикрывал глаза от солнца низкого и яркого, диска плавящегося перед ним. Прикрывал козырьком, рукой гостя, занесённой заранее. Ждал: вот-вот начнёт отдаляться, канет в точку, и тогда... "Прости, хозяин заснеженного мира, и не медли в гневе..." Но неожиданно он как ветер поймал ладонью занесённой руки. Из рамы, вырвавшийся ветер. Или рукопожатие?..

Подняв свою тонкую руку, хозяйка мира, восставшего из небытия, Юлия Альба стояла на синей раме, в голубом ореоле, белая, белоснежная... Радостный дроид желания. Смеющийся радостно, беззвучно, улыбающийся светло. Приглашала широким, царственным жестом...

Белые драконы покорились дроидам желания. Доминго остановился на глазах у всей турнирной площади, не прекратил дроида желания, не смог. Даже отвергнуть его не смог! Гай был просто человек. Усталый до предела... Запутавшийся, измученный, раскаявшийся хищник. Он и подумать ничего не успел! Как ласточкой прыгают в воду, взмахнув руками, с края крыши он сиганул приглашению навстречу. В прозрачное озеро Лала, в раму, в двойную лазурь... Мир Юлии Альбы схлопнулся и ушёл.

Настойчивые тук-тук по раме призывали Руту ко входу. Тряся головой, ослеплённый ярким дроидом, пристально дроида желания созерцал, — не похожа на Проблеск, ничуть, — он увидел, как вверх-вниз заискивающе проводит усами Белый Дракон, могучий и смешной, подыгрывая всаднику, а всадник...

— Рут-та!.. Выходи, дружочек, давай скорее, — Дрёма махнул ему, проливая тёплое сияние дроида на сугробы, — на континенте там, кое-чего...

— Чего?! — звонко из снежной ночи крикнул Рута. — Ещё чего-то?! Дроид, уходи!.. Я всё осознал: владыка Дом — опора миров и семейств, и миропорядка! Воплощение эгоизма, я тебе впредь не помогаю!

— Рут-та!.. — протянул дроид полусонным, лукавым дуновением. — Выходи, мы это обсуд-дим!..

— Абсурд-дим?.. Так ты сказал, или мне послышалось?..

— Ру-у-ута!.. А?..

Северное сияние переливалось за опустевшей рамой широкими, зелёными флагами. Их отражал неподвижный, стократный, дроидский Лал.

Глава 79

Глава 79.

Встреча, в результате которой Густав заполучил карту Гарольда, редкую, редчайшую, мало кто держал её в руках, сложилась под стать чудовищу на ней. Преисполнена беспросветного мрака. Глухой, дремучей жестокости, не замедлившейся ни на шаг, ни ради секундного колебания. Если когда-нибудь этот день отпечатается на вездесущей влаге, станет Впечатлением, то оно попадёт в запретные несомненно. Если дроиды, конечно, уловят суть под заурядностью внешней его стороны. Вокруг ни ача, ни морских тварей с извращёнными телами. Не было и тугого клубка рыночных страстей Южного, неоплатных ущербов, застарелых обид. Да и континента не было. Был один маленький, несерьёзный должок... Зацепившийся репейником пыльным кое за чью добротно начищенную одёжку. И не пустивший уйти.

Обстоятельства складывались одно к одному, катились, как вода забвения катится глянцевым водопадом по обсидианово-чёрной скале подземелий вниз, вниз. Гут, гут, всё складывалось, как нельзя лучше. Густаву даже казалось, что не он ведёт ситуацию, а скользит по ней, гладкой, без уступа, без трещины.

Всё случилось в высоком небе. Так далеко от земли, что Густав имел все шансы столкнуться с Гаем, привлеки его на всё замедляющей высоте скопления синих огоньков в невиданном тумане дроидов. Но не столкнулся. Не привлекло. Он ускользнул с земли полетать, освежиться и подумать. Упомянутая не единожды хозяйка в птичьей маске беспокоила его. И бездарность нанимаемых ею людей не утешала. Наоборот, добавляла что-то к тревоге. Количество настоящих неудач в охотничьей биографии Густава можно пересчитать по пальцам. Подозревая месть, он думал в последнюю очередь о них, а в первую — об удачных, но не сохранённых в должной тайне. Охота должна быть молниеносна, либо сопутствующие обстоятельства хорошо известны, изучены. Кто, откуда, с кем связан... Бдил, но... Много чего бывало... Густав не выделял Гала-Галло из ряда, не придавал большого значения банальному грабежу, и, памятуя о закрытости древнего рынка, не думал, что они ради таких пустяков выходят. Выходят. Редко да метко...

Обитель галло — не уникальный облачный рынок отвергший игры, служащий для бегства и отдыха. Уникальны его основательницы и жёсткий порядок, да. Изначально таким задуманный, в этом качестве сохранённый. Но есть и другие. Основоположники которых иерархии не выстроили, договориться не смогли. На одном из таких и свершилось дальнейшее.

Облачные рынки вроде этого составляют большинство. Других не много, обжитых, охраняемых неписаными законами. Этих же тьма, среди миров никому не нужные кружат... Открытые, предельно опасные, практически необитаемые. Шаг с белого Дракона за раму рынка незнакомого тебе — самоубийственный шаг. Тот факт, что на облачных рынках не нужно специально поднимать зримый шатёр к Собственному Миру, а довольно пирамидки и зова к дракону над ней, приводило к тому, что весьма скоро их число превосходило рациональное заполнение пространства на порядок. Количество ловушек внутри зашкаливало. Разнообразие форм — немыслимое. Как и в Гала-Галло, но там — осознано. А тут — как получилось, как сложилось годами. Все, кому не лень, ставили их, никто не снимал.

Чисто территориально выглядело следующим образом... Недавно образовавшийся рынок. Компания посетителей. Играют во что-то. Специфическое, если ландшафт специфичен, если нет, обыкновенное: карты, шашки или традиционный марблс, пьют Впечатления, развлекаются.

И попутно не забывают ставить ловушки. К раме ближе, по периметру. На авось. На своих для смеху, вдруг кто попадётся, гуляя, поскользнётся, схватится, за что не надо. На посетителей рассчитанные, что позже пришли. Будет либо весело, либо выгодно. Так образуется мёртвая зона. В итоге никак не согласованный захват приводит к тому, что по большей части территории невозможно ходить. Невозможно через раму покинуть рынок. Только на Белом Драконе домой. Невозможно с неба зайти ни охотнику с жертвой, ни торговцу с артефактом. Хотя, логично, перед самой рамой оставалась полоса более-менее чистого пространства. Дальше за ней, природные или придуманные, начинались дебри, склад или лес... Стоп. Неизвестно на чём подорвёшься. С определённого момента на рынок продолжали наведываться исключительно люди имеющие пирамидки на нём. Прежним составом. Но это же не интересно... И мало-помалу рынок пустел. Последний уходящий его не присваивал. Причина — наличие торговых подставок. Пустой, кружащий в небе, он оставался рынком. Сплочённая компания могла использовать, как место тайных встреч. Действительно тайных. Кто выследит? По небу к нему не собирались и не разлетались от рамы прочь. Для дела подходит, а так — скучно... Гала-Галло исключение поневоле, жилой и закрытый.

Спустя много сотен лет небесный бродяжка мог обнаружить такую испорченную обитель. Осмелиться зайти. И если был довольно удачлив, чтоб не попасться сразу, в прихожей, достаточно разумен, чтобы дальше не лезть, открытие он ценил. Интерес его в чём... Своими пирамидками он закрывал вход. Закрывался и с противоположной стороны от прежних завсегдатаев. Короче, отгораживал спокойный уголок. Сетями замаскированными. Упреждающей откровенностью, — высоких, здесь — хоть в рост человеческий и выше! — узнаваемых пирамидок земных. Светящихся, угрожающих, бессмертной жёлто-чёрной раскраски: не шути со мной, хуже будет. Чужая территория.

Какое-то такое, единообразное устройство имели облачные рынки обезлюдевшие, заброшенные. На таком Густав и приобрёл карту чудовища. Гарольда.

Хищника, должника, что повстречался Густаву нежданно в высоком небе, звали Кайзер Комодо. Оба прозвища незаслуженные. Для варана комодо, как охотник, он был недостаточно упрям и терпелив. Недостаточно равностен. Ведь эта ящерица, приняв решение, заказ приняв, не смотрит уже на масштаб и, улучив момент, куснёт жертву любого размера, чтоб после — идти по следам, идти, идти... Слово-комплимент охотнику, нанимаемому для сведения личных счётов, которому если закажут конкретного человека, он не отступится до конца, этот — получил за ряд случайных успехов.

С "Кайзером" вообще анекдот получился.

Коллекционеры запретных Впечатлений — немногочисленный тип коллекционеров. И тесно сплочённый. По необходимости. Их мало влечёт непонятная зачастую, грязная вязкость этих Впечатлений. Продолжительность видений не привлекает.

Всё-таки полудроиды не выносят уродства. А если наслаждаются чем-то тянущимся долго, ровным, повторами насыщенным как долгая песня, значит эта песня достигла какого-то дроидски-уравновешенного совершенства, такого, что можно в нём пребывать, не тяготясь. Затворникам Собственных Миров прелесть такого понятней, чем торговцам, игрокам и бродяжкам. Но в целом полудроиды любят быструю смену событий, яркие, недлинные Впечатления.

И в запретных Впечатлениях привлекает их коллекционеров, — сама запретность, конечно! — привлекает разнообразие и острота. Действительно специфический вкус. Чего скрывать, гадкий. Но — на другие непохожий. У запретных Впечатлений есть общий вкус воды. Воде

передавшийся. Вкус, запах?.. Трудно сказать что, названия всё равно не существует. У фантазийных Впечатлений ровно той же тематики, в запретные не попавших, нет его в помине. Глухой запах свершившейся или неизбежной насильственной смерти. Даже скорее казни. Запах не вылившегося ни во что другое, ни в печаль, ни в смирение, смертью, как кирпичной стеной остановленного бешенства, размазавшегося об неё, запах бессилия. Кому это может понравиться?.. Мало ли кому...

А там-то, внутри Впечатлений — всё ужасно разное!.. Быстрое, нарезанное частями, вертится от совершающего ужас к тому над кем совершают, характерная черта... В обычных связных Впечатлениях сохранена точка отсчёта от начала и до конца. Эпизод жизни кого-то одного. С его точки обзора. В запретных, на пике события она мечется. Особенно если толпа. Толпа против толпы, группы. Если и двое, мечется. Нападающий и жертва так перепутаны, так близки, что кажется странным, как один не может понять другого, не желает. На него, но мимо него пустыми глазами смотрит. Не хочет мира, не хочет остановиться, странно... Полудроид остановился бы. Что-что, а продолжительная свирепость им не свойственна. На охоте, на правом борцовском крыле Южного позволяют погибнуть и погубить одни и те же качества: легкомыслие, азарт, гордость.

Сама запретность... Любопытство: а что ещё бывало? Что ещё запретили дроиды? Как выглядели запрещённые они — люди прежних эпох? Особенные? С печатью извращенья на теле, подобно Морским Чудовищам? Не нашлось бы одного коллекционера из их среды, кто, получив доступ к накопленному, не завис поначалу: как выглядели, что выдавало их?.. Глоток за глотком вглядываясь именно исключительно в лица, он зависал на очевидном и непостижимом факте: заурядно они выглядели. Неморские чудовища прежних веков. Ничем не выделялись. Ни что не выдавало их. В фантазийных Впечатлениях, обвешанные оружием, ещё да, а в реальных запретных — вовсе нет. Как осознать это?.. С упрямством достойным лучшего применения вникали, разглядывали гнусные и бессмысленные преступления, которым давно бы пора кануть в окончательное небытие. Но, как грязную пену, их снова и снова выносит на поверхность. Вникали, перебирали... Не вдруг входили во вкус.

Да если и не входили, а так... Баловались, любопытствовали... В итоге через какое-то время и на них, подобным манером просто игравших с Чёрными Драконами в запретное, в "пропробуй-угадай, попробуй-отними", появлялась своеобразная печать. Что-то в глазах. В лицах. Оттиск мутной, плохо растворяющейся огоньками дроидов воды, как и на подлинных ценителях.

Коллекционеры запретных Впечатлений собирались в условленных местах крупных рынков. Материковых и облачных. Имели и свой облачный. Где могли спокойно обмениваться маленькими глотками добытого. Иные мены не в ходу. Жадность тоже не в почёте. Легко принимали зашедшего на сей раз с пустыми руками. Ночи длинны, время тягуче, глотка не жалко. Неизвестно, кто чего раздобудет завтра, уникальное что-то принесёт. У них был популярен порошок, добавляемый в воду, вкус которого можно назвать жгучим, острым. Но на самом деле, не вкус острый, а реально сам порошок. Колючий. Тоже добавляет переживания. И подстёгивает яркость. Потому что запретные Впечатления в количестве — отупляют. Они так же далеки ото сна, как и от бодрого восприятия. Ум делается узким, задымлённым, каждый последующий глоток виден хуже предыдущего. Покупали порошок на Техно и шли пить на правом крыле. Глядя некоторые бои неплохо потягивать втихаря принесённое Впечатление, до ужаса подходящее и к бою, и к его финалу.

"Ноу", "Стоп", "Но" — так назывался их облачный рынок. Ноу Стоп, Рынок Но... По

процедуре, внутреннему регламенту и не только. Название способное если что запутать человека, "незнатку", что навязывается в попутчики, но неясно свой или нет. Или пока нет, или шпион. Не дроид ли прикинулся... "Полетели?.. Куда ты?.. Я с тобой..." — "Стоп. Ноу". Кто знает, поймёт.

От старых поколений коллекционеров к последующим долетали легенды о дроидах, нарочно воплотившихся, чтобы отследить их рынок, не доступный ни Белым, ни Чёрным Драконам, ни дроидам Я-Владыка. И о людях ради этого сотрудничавших с дроидами.

Рынок Ноу Стоп был таким же мутным, сумеречным, как они сами. Казалось и дневной, обычный свет дня на нём был бы попросту неуместен. Приземистый навес, толстые столбы держат. Он захватывал площадь не заполнявшуюся людьми и на десятую долю. Вокруг то, что было когда-то тенистым садом. Сад исчез. Полумрак остался. Вытоптанная пустая земля, пыльная, будто и не улетали с континента. Нарочно, против ловушек. Завсегдатаи Ноу замкнуты, неагрессивны, зла от них особого не видали ни торговцы на материке, ни бродяжки в просторах небес. Но всегда есть исключение.

Пирамидки на Ноу категорически запрещены. То за что Бест пожурил бы и попросил убрать, здесь каралось. Без обсуждений, отсрочек, откупов. Даже совершённое в шутку. Поднял, сбежал. Такому человеку из Собственного Мира лучше до конца дней не выходить. Его вычислят — точно. И закажут — точно. В следовании немногим жёстким правилам солидаризовалась группа очень разных, малознакомых людей, действовала единой рукой. Собственно, кулаком, поскольку правила — запретительны. Пристрастие их что ли проявилось так?.. Подумать, кражу сокровища с лёгкостью простит полудроид врагу, проигрыш, похищение, да ещё и подружатся!.. А ни к каким последствиям не приведшая, мимолётная угроза мутному, нерадостному образу жизни, месту, которое обязано пребывать вне перемен, подписывает смертный приговор. Зачем? За что?.. Так или иначе, на Ноу не шутили, всё, что происходило на нём, происходило внутри людей, в сознании, ничего снаружи.

Там, в узком кругу они знали друг друга под местными именами. Понабрали титулов!.. Щедро одаривали ими. Лорды, графья, канцлеры, доны, величества!.. Комодо, представительный на лицо, горбоносый, надменный, пришёл туда с царским вкладом в общий котёл... В настоящий котёл. Перемешивали, скидывались. И у него было не фантазийное Впечатление, принимаемое разбавить. И не война. Столько войн породили все до последней эпохи, что дроидам — чистить и чистить. Выуживать, вылавливать брызги, осколки, обломки боли и безумия. У Комодо были звери... Идущие под нож. Вереницей. На траволаторе. Лишённые ног. Исходно. Такими выращены. То есть, ноги-то у них есть, без костей, они не для того... Чтобы не углубляться: во Впечатлении была эпоха, когда люди уже научились выращивать и мясо отдельно, и новых, небывалых зверей. Но по-прежнему далеко отстояли от мысли не резать их. В данном случае "коров" модифицированных. Таких зверей, не диких и не домашних зверей, и живыми-то не признавали. Мозг не развивался. Кажется... Наверное... Кого это волнует!.. Естественной среды для них не существовало, только питательная. Их даже не глушили заранее. Чего оно понимает?.. Сразу резали на подходящие куски. Благо, молчит, голоса нет. Ни ног, ни голоса — удобно! У них были печальные, вкусные глаза... С ресницами... До ощипочного автомата. Горелкой нельзя, испортятся... Дроиды непоследовательны!!! Запрещать?! Запрещайте всё: и книги, и рассказывать!.. Это даже хуже, рассказывать...

За такую-то прелесть Комодо и получил немедленно кличку: "Кайзер!" Царь, ага-ага... Он был довооолен!.. Но едва сел в круг... Ха-ха... Едва принял из рук "виночерпия" чашку Рынка Ноу Стоп, с орнаментом из переломанных человечков...

Начали в полумраке плясать завихрения и молнии, видимые отлично сквозь стеклянные бока котла... Кто-то плеснул стартующую влагу, запустил процесс. Котлу не требовалось

топливо, главное не перелить воды, а то взрыв. Выплеснет и ошпарит. Едва справа через одного сидящий парень подставил чашку под ковш виночерпия... Скромный парень, и имя скромное — Паж. Невысокий, бедный, флегматичный. Поговаривали, он был немного Морским Чудовищем. Держать полу прикрытыми глаза многие из них имели привычку, но у него под низкими бровями веки словно не раскрывались до конца. Так падала тень, напоминая третье веко под верхним. Зеленоватой тиной подёрнуты сверху радужка и зрачок... Паж быстрым, привычным движением закатал рукав, чиркнул лезвием без рукоятки и располосовал предплечье вдоль. Небрежно, глубоко. Вместо глотка плеснул из чашки на рану... Запретные Впечатления хорошо сочетаются с резкой, непродолжительной болью. Комодо поперхнулся... Огоньки дроидов на ране полыхнули, среди них — красные, никогда не видел... Забегали и пропали. Красные — скатились. И тоже пропали. Парень зажмурился от удовольствия. Закашлявшись после машинально сделанного глотка, Комодо огляделся вокруг, стараясь головой не вертеть, исподлобья... Никто в широком кругу не обратил внимания. А он обратил: лезвия, ещё лезвия, штуки какие-то вообще непонятные, вполне понятные стилеты. Не у Пажа одного...

Комодо ужаснулся. Он сбежал. Просто, тупо сбежал! Сразу. Крохотный плюс, хотя бы его решительности. Печаль, но на Рынке Ноу Стоп недолго продержалась монархия! Остались без царя!.. Имя же стало дразнилкой. Прилипло. Откуда появилось, немногие знали.

Кайзер Комодо вилял на драконе впереди. Будучи сильно не в духе, Густав решил: "Ага... Повеселимся!.. А думать хватит, думать у меня сегодня не получается..." Нагнав со спины, он выпростал из рукава цепочку с крючком, раскрыл в гарпун, раскрутил и кинул. Сильно, удар не рассчитал. Гарпун запутался в складках пояса и Густав сдёрнул Комодо с мокрой после тучи драконьей спины. Хищник вскрикнул от неожиданности, кубарем полетел вниз, цепляясь за гриву, за цепочку, раня ладони, тонкая как нить... Белый Дракон поймал его ловко, несмотря на паническую суету. И уже на дроиде верхом, не отцепившегося, Густав подтянул всадника к поближе к себе...

— Должок, — сказал он, не повышая голоса, — за тобой. Какая неожиданная встреча в такой вышине... Не зря же мы пересеклись, Кайзер?

Комодо вертелся, пытаясь нащупать крючки... Шарф-пояс... Мешают складки широких рукавов, ниспадающих по бокам... "Ах, Кайзер, до чего шикарный наряд!.. Правда, не очень удобно... Пёрышки дороже горлышка, так, кажется, говорят... Раздеть что ли?.. В уплату?.." Густав представил себя со стороны, вышагивающим пыльными рядами Южного в этом костюме, с полами и даже обшлагами рукавов волочащимися по земле, и уголок рта сам пополз вверх. "Ааа!.. Ааатличная идея! Путь думают, что я чокнулся, пусть гадают, в чём подвох!.." Нет, не то, что б это была совсем дрянь, Комодо состоятельный, расчётливый и не дурак вырядиться. Ручного изготовления, ромбами простёганное кимоно. Велико ему... Хищник запутался окончательно и заныл:

— Отцепи!.. Должок-то должок, пустяшный!.. Густав, ты напугал меня!

Да, Комодо не порадовался знакомцу... Отдалённость континента успокаивала слегка. "И всё-таки, всё-таки, это же — Густав... Неужели следил?! До сюдова?! Никогда, никогда больше не стану делать долгов... Ни больших, ни маленьких, никогда... Нет, не может быть, чтоб следил... Не-не..."

На охоте для такого как Густав опытного, врождённым нюхом наделённого существа, уходящего во внимание без остатка, довольно кратчайшего взгляда жертвы, оценить

перспективу. Незамеченного ею самой. Взгляда быстрого, застывшего, по направлению к кому-то, к чему-то. Выдающему степень тревоги, природу надежды. Друзья ли пришли на ум, рама Собственного ли Мира, порыв откупиться или готовность к драке. А бестолковый Кайзер всем видом своим и кружением, как прожектором светил на перистое, протяжённое облако с отдельным козырьком тёмной тучки, нависшим над входной рамой. "Интересная... Порог выступающий деревянный. Чугунные колонны-лианы оплетают пустоту, за несуществующие ветви цепляясь, поднялись и раскинули листву. Держат ей верхнюю балку. Деревянную, как и порог. С табличкой... Чего написано-то?.." Густав отвлёкся. Моментально и безошибочно расценив облако, как рынок, а не мир, вернулся к изведшемуся на крючке Комодо. "Запредельный... — мелочный... — дурак!.. Давно бы сорвался, одёжку порвать жалко, скинуть — тоже!.. Запредельный!.. Так тебе и надо..."

— Где промок, Кайзер? Чего интересного видел?

Кайзер насупился:

— Отцепи!.. Что ты за скотина, Густав... На Южном по тебе и не скажешь.

— Ты тоже не слишком любезен. Поделись, тучка вся пролилась, стоит того, что б догонять её? Я б освежился чем-нибудь, в высоком небе сухо, не находишь? Горло пересыхает от этого ветра... Что там за рама между лиан, рыночек?.. Знакомый, да? Проводи, там и обсудим... Проценты к старым долгам.

Комодо перестал вертеться, застонал, закатил глаза. "Правильно о тебе говорят, Густав, — подумал он со страхом и проснувшимся гневом, — не человек ты, а вроде демона рыночных рядов. Демон пыли, демон суши... Если свалишься в море, не оно извратит тебя, а ты его! Дроиды, дроиды отвернувшиеся навеки!.. Какое несчастье, какая нежданная беда... И рыночек-то вдалях, в такой разэтакой дали от континента!.. Что же делать-то мне, что же?.."

Трус или ещё почему, без особых угроз отчаянье напало, оглушило. Ненависть и покорность. Плохое сочетание. Глупая ни на кого обида. Комодо успел отвыкнуть от рынков земли. Ускользнул от шатров и рядов Южного, вечно непредсказуемых, от хищников непостоянных. Неугомонных. Шумных до глухоты, упёртых до глухоты в какую-то одну цель, случайную, им и не нужную... Бежал, как с Ноу, и скрылся. Потому бежал, что нашёл, где скрыться. Тихую гавань, укромный уголок. Безопасные, редкие торговые связи, непривередливых заказчиков. Правда, лица их... Маски их... Рога... Дроиды, зачем рога?.. Вооружение... "Но они ведь мне ничего... И я ничего им... Такого... Я не жадный... И пересекаемся редко... И я не торгуюсь, не спорю... Серьёзно, зачем — рога?.. Отцепись от рогов!.. Тихое местечко... Может из-за рогов и тихое... Мне повезло, так повезло..." И на тебе — Густав! Читающий мысли, как раскрытую книгу!.. "Чёртов Густав, проклятье на незакрытые счета!.."

Густав легонько, издевательски подёргал за цепочку: тук-тук, Кайзер, решайся быстрей... "Да ничего он не забыл там! — последним утешением прикрикнул на себя Комодо. — Успокойся! Как зайдёт, так и выйдет. Сколько их?.. Мильён!.. В высоких и прочих разных небесах мильён заделано и заброшено рынков. На что их тлен охотнику Южного?!"

— Обсудим, что ж... — глухо ответил он и хлопком направил дракона к раме.

Влажную белую гриву отпустил, уже встав на пороге. Оглянулся, и едва не сотворил приглашающий жест, как в Собственный Мир... "Место очень дорого ему! — удивлённо отметил Густав. — Очень. На старом, от Техно выставляемом ряду, давно не видать Кайзера. Даже к нам приходили оттуда, его искали... Не здесь ли окопался? Значит, должок в сторону. По-другому будем рассчитывать цену твоих услуг. Не от прошлого, а от найденного. Будем

плясать, ха-ха, — от ценности для тебя этого облака, посмешище Рынка Ноу!.."

Прыгая вниз с невысокого порожка, Густав поймал локтём за шею Комодо, хищник выше его, так что почти повис. Прямо друзья-приятели!.. Во весь путь не отпустил. Цепочку прибрал только. Опыт. Если провожатый давно пасётся тут, а место заброшенное, факт, значит, знает, где ступать между чужих ловушек. Они могли быть частью ландшафта и держать что-то совсем невидимое: проволочки отражающие поперёк пути, что-то на пружинке, выскакивающее на звук шагов, механика, распускающаяся через определённые промежутки времени. Комодо всё понял, другого и не ожидал. Усмехнулся. Он, конечно, имел, но недавно снял свои ловушки. По серьёзной причине. Да, в обнимку, они бы и не помогли.

Густав же, следуя мгновенно включившемуся рефлексу, будто не следовал, а вёл его. Кто откажется от свежих сплетен? Сколько наберётся таких человек, два или три за целую эпоху? Пять?! Быть того не может!.. Вот с ними-то и стоит дружить. Густав убалтывал Комодо новостями с Южного. То шутя, то серьёзно. Ядовито, но не слишком. Перебирая знакомые имена, приплетая выдумки. Упомянул вразброс с десяток имён торговцев разных рядов, сфер интересов. Словил, на какие живее реакция. И сконцентрировался на этих. Попал, как всегда. Комодо, придушенному, отчаявшемуся заранее, ненавистного чужака ведущему в личное, очень личное пространство, ужасно было не до того... Но одно имя, одна девушка... Она нравилась ему... Сам — охотник, беспощадной точности Густава — охотника Кайзер изумился снова. А девушку предпочёл бы не вспоминать.

На Южном — честная проводница по лабиринтам рядов, клиентов не предавала. Комодо был потрясён, встретив её на Рынке Ноу Стоп. Гром среди ясного неба. И она стала свидетельницей его позорного бегства... Не важно. Важно что... "Вообразить не мог — её!.. В эти губы цедящей — это!.." Комодо был критичен к своему хобби. "Дроиды, светлые лица отвратившие от нас! А ведь, да: полуприкрытые, карие с зеленью рыбки-глаза... С поволокой... Часто — фляжка в руке... Светлые дроиды!.."

Шли же они дубовым, безлиственным лесом, грозным. Прежде Комодо так не казалось... Подлеска нет. Тропы, кряжистые стволы... Запахи... Лес поздней осени, бывшая область Сад. Кто собрал Восходящим этот обширный мир, был словно и не Восходящим. Так многоопытный, многое видавший человек по крупному не отступает, по мелочи не суетится. Хозяин мира был свободен в фантазии и сдержан в деталях. Предпочитал широкие мазки...

Монументальный, тихий как ожидание неизбежного, ровный мир... Дубы раскинули корявые, толстые ветви. Переплели, споря за простор. Стояли не вплотную, и уж никак не вразброс. С каждым хотелось поздороваться, так осмысленно и серьёзно встречали. Голову запрокинь: пасмурное небо за решёткой, равномерной сеткой не повторяющегося узора ветвей. Это пугало. Полудроиды привыкли к чистому небу Собственных Миров, к возможность взмыть на драконе в облака. Вроде лес, а вроде... Нарочное что-то, направляющее. И пресекающее, соответственно: нет, дружочек, не угадал, не вверх!.. Шуршала листва под ногами... Глянцевые жёлуди с гранёными боками попадались в ней. Зелёные тоже. Сине-зелёные... Это бред и по сезону, и по сути, но они невозможно украшали, очень шли пасмурно-серо-коричневому лесу... Вкрапления. Блики неба в зелёной воде. Редкие чистые лужи отражали солнце, которого нет. Холодное солнце поздней осени, противоположное надежде. "Хитро..." — подумал Густав. Кора на иных дубах казалась рукописной вязью, присмотрись и прочтёшь, но нет. "Что же там, над входом, — вспомнил Густав, — что там было на верхней балке начертано?.." Не всплывало перед глазами... И снова отвлёкся.

Понял, отчего так долго шли, так петляли в лесу без холмов и оврагов. Не каприз Комодо,

не саботаж. Области Сад были перемешаны с областями Там, куда не зайти! Невидимый лабиринт! Сворачивай где угодно, но если ошибочно повернул в Там, к дубу за следующим поворотом будешь идти вечно... Никак не маркированные то сплетались они, то разбегались от перепутья... "Игрок делал?.. Хищник с помощью гостей?.. О, каково, наверное, убегать отсюда несчастному!.. Спорю, на всю проклятую колоду, детали сто тысяч раз перестрахованы от превращений!.." То, что мир мог принадлежать и не азартному похитителю, и не хищнику вообще, а созерцателю, технарю абстракций, Густаву на ум не пришло.

По пути он успел изложить Комодо, как должно рассчитаться им. Впечатление Гарольда дорого стоило ему, и оно настолько редкое, что Густав не готов доверить выпить тому, кто скроется в Собственном Мире. То есть, делать карту, превращать должен изгнанник. У Биг-Буро не спрашивал, толку... Повеселить его... Нужен тот, кто не знает про воду Гарольда, которой надо бежать, как огня. Несведущий совсем человек. Или тот, кому нечего терять, тоже вариант. Но лучше новичок.

Можно бы судить по реакции на Рынок Ноу Стоп, по его привязанности к этому, уединённому месту, что хищник Комодо бежал от грязи и суеты. Возымел намерение отдалиться. Внешность обманчива. В действительности, трус охотился наихудшим из способов вокруг тихого приюта. Высокого неба подлец. Но сначала о том, как, кому продавал, не спускаясь на материк. Здесь же.

Там, куда Густав с Кайзером не дошли, и не скоро направятся, лес заканчивался полем. Высокие злаки, выше человеческого роста покачивались на ветру. Ранняя осень. Тропинки прорезали зелёную стену. Уставленные всяким... С разных мест уходили вдаль — продолжение троп лесных. Кайзер не исследовал их, далеко не ходил. То и дело на тропе встречались "потерянные" вещички, уличные фонари, статуи на постаментах, без них, постаменты без статуй... Игрушки-роботы бродили по коротким, замкнутым траекториям. Приближались и на устаревшем диалекте эсперанто, по чему можно судить насколько старая это ловушка, обращались ко встречному: "Возьми меня на руки!.." Протягивали кукольные ладони или мохнатые лапки мягкой игрушки. "Проследуй за мной, добрый человек!.. " Да-да, как же...

Линия горизонта отмечена зубцами белых крыш. Туда Комодо и не помышлял направиться. Он вычислил путём проб и ошибок близкую к лесу пирамидку, на которую откликались, и торговал с хозяином. Иногда хозяин направлял его к конкретной другой, возникающей для трусливого охотника на опушке, после обмена снимаемой. С Белых Драконов заказчики не сходили. Разные и похожие. Первый — великан в рогатой маске спускался к садовому фонарю, каменному, в виде рогатого же бычьего черепа. Что зависло между этими рогами, то ждало Комодо с товаром. Он бросал человека на пирамидку, в данном случае между двумя остриями, его товар падал и хозяин появлялся, вихрем крыльев драконьих гоня волну по полю колосьев. Чтобы забрать жертву и выслушать пожелания на через раз, потому что взамен её клал приготовленное. Иногда оружие или механику для развеяния скуки. А так, Комодо собирал "Нотки". Трубочки, палочки. Односложные инструменты, части "Нотной Волны". Это каркас. Будучи заполнен правильно и до конца, он синтезирует мелодии без человека, приятные, с развитием темы. Редкость в том, что каждая нотка создаётся отдельно, а их здорово много. Ясно, что заказчики Комодо не тратили похищенных на такой вздор, а имели запас. Но могли и являться какими-то облачными технарями, создавать артефакты не из людей, а из артефактов.

Кем торговал, на кого охотился?.. Кто же по факту становился нотками для Комодо?.. Люди. Но не просто люди, — изгнанники. Но не просто изгнанники... Он был... Бест наоборот.

Общая Встреча ради Слов — охота Кайзера наоборот. "Не лгать, не торговать, не

использовать..." Основания, на которых стоял, с маленькой группы пещерной начавшийся, теперешний Архи Сад, он вывернул на изнанку. Кайзер охотился на тех бессловесных изгнанников, которые о континенте и не знают. О жизни на нём. Белый Дракон носит их вокруг места утраты, растаявшего облачного эскиза... Занося под дожди, вынося, фыркая с ними ни о чём... В Архи Сад приводил таких, помимо самого Беста, бродяжка Зарок и любой изгнанник, встретивший в небе. Комодо приводил на торговую пирамидку. На рога бычьего черепа с золой в глазницах.

Грустная и чарующая примета изгнанника буквально на днях утратившего эскиз выдаёт их... При соприкосновении с ливнями, Великим Морем, водой забвения и даже неуловимыми туманами высокого неба она исчезает. Не держится долго. А заключается в том, что от пропавшего эскиза задерживается то, что имели при себе, на теле, впитанное за последний день. Что поместить в эскиз не успели, одежда, что не стала одеждой, артефакты, не ставшие артефактами... Оно иллюзорно воплощалось... Благодаря соприкосновению с телом, близости к Огненному Кругу. Воплощалось кажимостью и, как с первых минут начинает таять Собственный Мир, оно также начинало таять. Вначале то, что по природе далеко: миражи пейзажей, архитектурные миражи... Они следовали за драконом и полёт их стирал. Иллюзия механики или книги могла подольше сохраняться в руке. Неработающая и не раскрываемая, конечно. Детали одежды, звуки, запахи, шумы, отсветы какие-то, дуновения нездешнего простора оставались дольше всего, обволакивая изгнанника коконом. Приметы мира, возникнуть которому не суждено... Оставались на дни, недели. Если не залетать под дожди...

Двое таких невинных, не ведающих моря и земли существ и встретили Густава с Комодо на полпути к полям. Лес расступился. Поздняя, пасмурная осень расступилась ради маленького лета. Ради этих ангелов.

Источник пресной воды бил, перекатывался водяным холмом, образуя озерцо, гоня плавные волны к берегам, к сочной летней траве. Рынок исключает возможность солнца. Но остаётся тепло от земли, плоских камней, обросших камышом, тростниками, мхом. Берега обихожены, устроены мостки. Ступени к воде — те же плоские камни, три, четыре. Сохранившиеся домашние черты заброшенного места. Лодочка сиротливо покачивалась на воде. Лёгкая. Течение, волны немножко подбрасывали её на рогоз, колыхали ряску. Белые шишки водных растений тянулись к свету. А роскошных: лилий, лотосов не было. Жёлтых кувшинок — чуть... В отдаленье беседка.

Два ангела сидели за неожиданным для прозрачной, ажурной беседки столом — квадратным, фундаментальным. Точно не для пикников... А вот оно что, стол под Гига Вирту!.. И дроиды не смогли, создавая его, уменьшить вес этого гиганта. Не толще ладони в закрытом состоянии. От плеча до кончиков пальцев — длина стороны. Том тяжёлый, как муки придонного монстра, как его последние года.

Гига Вирту содержали исключительно голограммы. Оглавление — радужный на квадратики разбитый квадрат. По нижней оси — счёт времени, по вертикальной — того, чему посвящено Гига Вирту. Распределяясь так: от получившего наибольшее распространение, до редкого и в самом верху — фантазийного. Ткни пальцем в точку на квадрате, там раскроется подобный же квадрат, уточняющий. Дальше спрашивающий: с веществ или форм начинать раскрывать голограмму, потому что человек, возможно, долго будет искать по структурам или по составу, его оси подписаны, что уточняют. Дальше раскроется том, и как обычно листай...

Два ангела рассматривали взмывшую высоко голограмму трехсоставного синтеза. И распада. Вещество-рост, вещество-рост противостоящее ему и вещество-буфер текучее при

достаточном объёме. Динамичная голограмма. Сложный, непрерывный процесс. Она пребывала в постоянном движении, плавном, перемежавшемся обрушениями, секундами катастроф. Энциклопедия — высокий класс!.. Альбом из пяти подобных страниц стоил бы кое-чего на Южном!.. Не говоря, на Техно!.. Но такое из рынка вынести невозможно. Из похищенного сделать тоже, кто удержит Гига Вирту в уме?! Это конкретное было посвящено структурам веществ, добываемых человеком, открытых и планировавшихся. Процессу синтеза. Эпоха высших дроидов обогнала подобные технологии и оставила их за бортом. А жаль! Как минимум, это безумно красиво. И очень "по-настоящему", как драгоценные камни растут в недрах земли, как вулканы живут в ней, как время собирает, рассеивает, куёт и лепит, и рассеивает вновь...

Ангелы трогали голограмму руками, и она перелистывалась, пугая их. Открывала пример использования вещества, пример материала его включающего. Структуру показывала в образце. Вот строительный кирпич, а вот очертания корабля... Значит, ко влаге устойчивый и лёгкий. Им не наскучивало.

Они не владели эсперанто. Первый совсем. Второго Комодо начал учить, но без спешки. Чистый лист, широкие перспективы. Фантазии ему хватало, определённости — нет. Обладание такой добычей, основные слова и понятия в уме которой закладываешь ты сам, о... И для охоты и для приманки подходит такой человек. Продавать глупо. Прежде Кайзеру так круто ещё не везло. И он растерялся, медлил. Шесть дней жил у него первый, позавчера попался второй. Что бы придумать?..

Два ангела синхронно обернулись. Они вообще были склонны синхронизировать слова и мимику. Губы сомкнуты, улыбки схожи. Оба укутаны до пят. Лицо второго озарял, обволакивал след мнимого платка, что должен закрывать голову и плечи, оставляя глаза только. Но состоял из бликов, подобных таким, что на мелководье рябь гонит по дну. Несуществующую ткань несуществующий ветер обдувал пред лицом ангела. От застёжек, круглых полированных бляшек, обычных этим платкам, на висках украшающих и придерживающих складки ткани, вместо звона цепочек, исходило воркование голубей. Отклик связного Впечатления, отразившийся в металлическом, зеркальном блеске... Точный овал лица, мягкие черты, без эмоций. Выражение отсутствующее и свежее. Ничто не позволяло определить, юноша или девушка тяготея к тайне, решил закрыться, закутиться... Ангел.

Первый, с открытым лицом, со взглядом нездешним совсем, обнимающим иное какое-то мироздание, очевидно юноша. Брови в линию, глаза строгие цвета морской волны, просвеченной, светлые. Торжественно-прямой. И миниатюрный, куколка. Его окружал шум листвы, звенящей сухо и непостоянно, порывами. Кисти рук лежали на краю стола, алебастровые, идеальные, Вирту не трогая.

Не раньше, чем присели за стол, Густав отпустил шею Комодо. Ангелы смотрели на них. Как Восходящие на дроидов — доверчиво. Как дроиды на изгнанников — отрешённо.

Не откровение для него, высоком небе Густав встречал похожих. Но не охотился. Не приближался даже. Отчасти по причине того, что на такую добычу нужны весьма специфические заказчики. Совсем уж лишённые совести. Глубокой ночью в море столкнуть, а утром забрать оставленную чудовищем плату на берегу. Демонов способных на осмысленный торг вроде Шершня, их мало. Быстро деградируют. А Южный Рынок, проникнутый азартом поединка в торговле, в интригах, в игре и борьбе, его бы не понял. Отчасти из-за того не охотился, а в основном... Он их, ну, избегал... Уматывал сразу. Когда чирикали, завидев его что-

то на не забытом ещё необщем дроидском, нежно-нежно и очень быстро, лепечущими голосами, он содрогался. Чувство они вызывали такое... Непонятное. То ли полное презрение, "недолюди", то ли... Есть выражение "сверлить взглядом", есть "просвечивать насквозь", так вот, совершенно не про то, не насквозь, а... Эти ангелы, они смотрели, как бы прикасаясь глазами. Без дистанции, без барьера совершенно. Глаза без одежды, а Густав перед ними — без кожи. И он не понимал, почему так...

Дроидский эсперанто — аналог человеческого. А необщий дроидский, это такой язык учиться которому не надо. Который у всех рас, и семейств, и одиночек — свой. На крупное семейство, положим, приходится тридцать, любым дроидом узнаваемых, слов, на малое — десять, на расу — пять... Из миллиардов. Язык, который так всеохватывающ в своей индивидуальности и так мало для чего пригоден... Чтоб эффективно его использовать, надо иметь упорядоченную базу, использовать элементы всех-всех, кто им обладает, иначе сказать, нужен общий центр управления. Тот, что координировал работу автономных дроидов прежде, чем им сделаться высшими и начать медленное, постепенное сближение посредством эсперанто.

На необщем дроидском зовут дроиды Восходящего, а Восходящий — сначала, не так чтобы долго — побуждает их сосредоточится в определённом направлении. В направлении того, что улыбнулось ему, увиденное под дождём. Ну, как возглас, междометие... Нет, не так... Если человеческие слова-вещи в качестве указаний для автономных дроидов предыдущей эпохи были чересчур обширными указаниями... То слова-направления на дроидском необщем слишком конкретны. Как луч остры. Луч настолько тонкий, что он не указывает, потому что пронзает, пролетает насквозь. На нём точку нельзя поставить, где остановиться. И обобщить нельзя. Сказать что-то примерное... Это одна из причин, по которой большинство Восходящих стремится поскорей овладеть эсперанто. Дроидский необщий язык как бы из одних глаголов состоит, направлений. Действий в направлении... Учить-то его не требуется, а забыть-то его легко. Неизбежно и быстро он забывается без практики, без дроидской компании, по завершении эскиза. Прячется навсегда, нежный, точный, невесомый под валунами тяжеловесных человеческих слов.

Однажды на Рулетки Густав ждал, пока закончится жеребьёвка на целую серию игр. Гонок. И не только. На сезон вперёд они затянутся, и народ не спешил. Более чем живые, подвижные и рисковые игры, из которых не каждый выйдет без потерь, предваряла по контрасту более чем спокойная процедура. Распределяющая очерёдности, партнёров, риски и роли. Игра в слова. Прелюдия достигала нескольких целей. Не вербализируемой, как в прежние эпохи — "посидеть на дорожку", познакомится и побыть в одном кругу. Эти игры — не войнушка, взаимопомощь и благородство в них уместны, просто рисковые очень... Достигала и практической цели, иначе следовало бы доверить процедуру одному распорядителю, нескольким, или артефакту, разновидности скрытой механики. А он тоже не ничейный и может оказаться настроен специфически. На человека, жесты, тембр голоса, ключевые слова... Лишние сомнения. А когда игра предваряет игру, все видят всех, без подвоха, решают простым голосованием.

В слова... Игра в вопросы. В определения. Быстрые. Блиц. Чьё покажется точнее, тот выиграл. Получает номер. Участвуют каждый раз двое, во избежание множества однотипных ответов, тем более что публикой вбрасываются часто повторяющиеся слова, идеи, понятия. А иногда, для веселья — абракадабра!.. Когда устанут, заскучают. Набор звуков. Тут уж на скорость реакции и чувство юмора!.. Вбрасывались существительные, прилагательные и глаголы. И нельзя, чтоб односложным ответом стало то же самое: "Дракон? — Дроид!" Нельзя,

дроид тоже существительное... "Дракон? — Штука летучая!.." Так можно! Как-то так... Надо ответить быстро, коротко, исчерпывающе. Публика оценивает по сумме трёх пунктов...

И вот, — не случалось, чтоб пропустили это слово, — с девичьего сектора выкрикнули традиционное, неизбежное: "Любовь!" На что один из соревнующихся без промедления ответил лаконичной, годной формулировкой. Явно заготовка. Но Густав немедленно забыл её. Потому что возникли трения. Когда второй и не быстро, и не громко, всё равно уже опоздал, произнёс: "Чувство в сердце". Не формула, а ерунда. Публика была недовольна, ропот поднялся. При жеребьёвке не приняты поддавки, на играх — пожалуйста. До начала — они наводят на мысль о сговоре. О том, что некая группа договорилась к решающей игре вывести одного из своих, который ас. Значит и ставки не общие, есть второй, тайный круг ставок. Нечестно. В общем, с него потребовали объясниться. И он ответил, пожав плечами: "Куда точней? Ни на коже, ни в мышцах, ни в мыслях, ни где-то ещё. Именно в сердце". Ему возразили: "Не валяй дурака, не на коже... Ну да, не порез, не удавка, не шлёпнуться на вираже. Но и чувства-то все остальные, и они не кожей ощущаются... Можно сказать, в сердце". — "Нельзя сказать". — "Ты обманщик!.." Юноша встал. "Как угодно. Я уйду. Но признайте... Огненный Круг может много от чего ускориться, замедлиться: от холода, от желанного, от неожиданности, от удавки, испуга... Тревоги-радости, надежды-отчаянья. А в нём?.. А из него что исходит?.. Расходится тепло. Если тепло в сердце, то это любовь, если любовь, то это тепло. Определение достаточное и верное. Чувство в сердце..." Он не ушёл. Следивший за регламентом, победитель игр и финальной гонки предыдущего сезона жестом пригласил его вернуться и занять место рядом с собой. "Этот номер твой, — сказал, — дальше выбирай без жребия". Но юноша отказался, про дальше.

Густав всей сцены не запомнил, но она брезжила как-то... При них, при ангелах. И сейчас, насмешливо требуя от Комодо угощения, хотя бы озёрной воды, избегал ангельских взглядов. Для него — на коже. Если тепло, то на коже. Больше негде, нечем. И не надо ему.

Огрызнувшись, мол: "Не держу я тут запасов, озёрной и получишь...", Комодо спустился к воде, дождался волны, поймал и осторожно переступил в лодочку. На дне которой обнаружилось с широкой лопастью короткое весло. Добрался против течения до источника, там зачерпнуть. Не стал бы из-за гада Густава суетится, сам хотел. Вернулся с деревянным ковшом. Полным, глубоким как бадья, сочившимся изо всех щелей.

Густав заметил, что ангел в мнимом платке, в воркование голубей спросил взглядом Комодо прежде чем встать. Он подошёл и умылся, с видимым удовольствием, совсем немножко отпив из ладоней. Похоже, иллюзорная ткань неощутима ему. И её убыло в результате.

Второй в покрове света, звенящем порывистой листвой, не реагировал как-то отдельно ни на людей, ни на воду. Гига Вирту тоже не увлекало его.

Комодо достал из внутреннего кармана, из-за пазухи кимоно два складных бокала. Разложенные на треть они узкие, высотой с палец. Разложенные полностью — широки, наподобие бокала для мартини, можно собирать дожди. С приятным звуком трещотки раскрыл, ударив о колено. Выпили.

Вода рынка не содержала сюжетных Впечатлений, но подплыть за ней поближе к источнику стоило. Озерцо, как озерцо, а поди ж ты... На языке вода представала множеством дублей водяного холма, перекатывающихся, бьющих вверх, в нёбо. Взмывающие шары прохлады... Приятно! Не то, чтобы долго с одного глотка, но и не резко пропадают. Густав усмехнулся. Потянулся ещё зачерпнуть и передумал. Встал умыться, плеснул в лицо... Склонившись, выпил... Тут дурак Комодо опять мог сбежать. И опять не сбежал. Хотя потеря двух изгнанников — не то же, что потеря поясного шарфа... Но и не то же, что потеря своей

шкуры, дурак, короче. А Густав выпал из реальности... Круги прозрачной, кристально чистой воды в ковше преломили не его отражение, а солнце полуденное. Лёгкую, линялую голубизну... Стрекоз, даже стрекоз отраженья!.. Дневной свет искрился, плясал всеми цветами радуги. В ковше, на ресницах... С лица и рук не уходила прохлада, прокатывалась по ним... Он плыл... Густав переживал то копеечное и бесценное блаженство, что доступно лишь в Собственных Мирах, где есть самые обыкновенные водоёмы. Он летним днём пришёл к озеру, погрузился в него и плыл... Просто плыл... Блаженство.

"Сказать дракону, — отметил он про себя, — пускай рыночек запомнит, дорогу. Рыночек неплохой... Кайзер, не слишком ли хорош он для тебя?.." И блаженство внезапно кончилось, как отрезали. Высох, наверное. Испарилась вода.

Ангел, умывшийся прежде, теперь улыбался Густаву чуть осмысленней. Теплей и отдельно, заговорщически, как человеку, с которым обнаружилось нечто общее. Так работает, а не только на уровне понятий, и бестова Общая Встреча ради Слов. Густав очнулся и отвёл взгляд. И ангел отвёл. Он был почти бессловесен, но чуток и понятлив. Непредвзят.

Комодо барабанил пальцами по столу, Гига Вирту подрагивало, сбивая чёткость голограмм. Обдумывал требование Густава. Вообще-то, по адресу предъявленное, с дьявольской точностью попадания. А как было бы славно сейчас придушить его... Между тем, ничего невыполнимого... И Густав видел, цель его близка.. "О-па!.." Этот ангел жестом превращения переворачивал страницы! Они подчиняются разным мановениям руки, но именно этот он производил уверенно и точно. Вниз — вниз ладонью, наверх — вверх. Он явно тренировался... В чём-то специально показанном ему. Густава осенило:

— Безопасного гостя тренируешь себе, Кайзер?..

Комодо ничего не оставалось, как признать.

— Не приглашал ещё, не утаскивал?

Тот покачал головой.

— Врёшь.

Комодо стукнул кулаком по столу, Вирту погасло и зажглось снова.

— Один раз... — ответил Комодо, изучая голографическую структуру над квадратом стола пристально, будто приготовляемую удавку.

— И как? — Густав игнорировал атмосферу, только веселей становился. — Он понял, как держать не в эскизе, а в уме? Вы объясняетесь жестами?

Качнул головой, выдавил вслух:

— Нет... Не только...

И чистым зовущим голосом произнёс:

— Ветер!..

Ангел отозвался эхом:

— Ветер!..

Взметнулся к ним, присел на корточки и поднял с земли пирамидку в её обыкновенной, материковой форме. Глянул на Комодо: правильно? Тот кивнул. Пирамидка без товара растаяла. Но случилась неожиданное продолжение... Другой ангел подбежал поиграть. Хлопнул ладонью, когда она лишилась острия и не могла уже поймать его. Отбежал и поднял свою. Второй бросился следом. И он не успел... Топнул босой ногой по траве. "Перевёртыш, — подумал Густав, — всё наоборот, противоположность охоты!.."

Последующее разворачивалось стремительно.

Ангелы, избегая лесной темени, убежали играть к озерцу, в рогоз, на болотистом берегу.

Пирамидки не поднимаются на воде, этого они не осознавали.

— Приведи человека! — выплюнул Комодо злобно, в бешенстве от самодовольной улыбки Густава, вполне оценившего успех.

Бешенство не обогнавшее трусость. Не боец ведь Густав, точней сказать, его не знали как борца. Но рискнуть, наброситься?.. Комодо не посмел. Не попытался. Настоящий галло на людях, наедине Густав слегка терял безупречность манер. Слегка... Развалившись на стуле, он послал Комодо воздушный поцелуй и упрекнул развязно:

— Как я разочарован, Кайзер, как разочарован в тебе!.. Скупость, недостойная царя... Она не красит Кайзера Рынка Ноу Стоп... Зачем же мне, скажи, приводить кого-то, когда присутствующих вполне хватает? Их двое. Поглядим, подождём, как она закончится, их беготня...

Ужасающая, подобно самому лицу Гарольда, его разъярённой морде, бивням загнутым, обнажённым клыкам, страшная удача Густава распорядилась завершить игру.

Где кончалась осока, и начинался лес, по направлению к полям облачного рынка, ангел, что с глазами цвета морской волны, в шелесте и звоне листвы, попался. Ступил на пирамидку. Озадаченный, неподвижный он стоя балансировал над ней, на острие. Алебастровые рыбки ладоней изнутри опираются на непреодолимый предел пространства. Осторожными движениями на ощупь исследуют его. Ни слова. Ни звука. Второй оставался рядом, не менее озадаченный. Когда подошли охотники, Густав заметил вслух:

— Из символических, абстрактных эскизов, Кайзер, я думаю, выпадают такие... Как птенцы из дырявого гнезда. Кто волен землю под ногами создавать, волен её и не создавать, и...

— Дроиды безответные, Густав, проклятье!.. Ну, какая разница откуда!.. Забирай и уходи!..

— Твоё счастье, Кайзер, если будет чего забирать... — ответил Густав недобро, потащил цепочку из-под ворота и снял медальон с единственным глотком, корнем Впечатления Гарольда.

Второй ангел, не моргая, вопросительно смотрел на Комодо. Не знал, как освобождать с пирамидки. Руку протянуть!..

Густав отдал и сказал:

— Пусть выпьет. И держи его за шкирку. Внутри такое... За реакцию не поручусь.

На вопросительный взгляд Комодо ответил, повторив жест превращения. Мол, так и снимешь. "Простенько!.." Густав ухмыльнулся. Не рискуя дать в руки, дрожащими своими Комодо отщёлкнул бронзовую крышку и выпоил, к губам поднеся, горький, солёный глоток... Изгнанник, закутанный в блики света, курлыканье голубей, отшатнулся... Моргая, потирая глаза, рефлекторным порывом сбежать запрокинул голову в зенит. Зов к Белому Дракону на рынке... Изгнанник он, некуда ему с рынка лететь... Песня голубиная, воркующая, как свет невоплощённого Впечатления, пролилась снизу вверх и растаяла. И виденье платка со звуками вместе исчезли вокруг головы и плеч. Пропало, всё пропало... Остался он, как есть, огромноглазый... "Лиски-намо..." — подумал Густав. Изгнанник опять вопросительно глядел на Комодо. Тот, коснувшись предварительно своих глаз, повторил жест превращения. Едва кивнув, чуть-чуть улыбнувшись. Горбоносый, солидный, уверенный. Во второй руке — карта, рубашкой к верху, предусмотрительный Густав... Комодо проводил по рубашке пальцами, переворачивал — и по глазам, и снова по изнанке. Завершив превращающим жестом. Уверенней, требовательней кивнул... Рука одного ангела поднялась над головой второго. Взгляд цвета морской волны вознёсся к ней, к небу... И все ослепли на миг. "Невероятно!.. Получилось!.." Над пирамидкой парил глянцевый бумажный прямоугольник с закруглёнными углами... Осталось

масть и букву "к" дописать... "Концентрация для новичка!.. Ай да малыш, они точно из абстрактных миров!.." Тёмный фон шёл волнами, и, не скрывая, скрывал, таил в темноте чудовище. Лишь пики белой линией обведены... Изгнанник схватил её, огляделся вокруг, уронил, вскрикнул, вырвался из-под руки Комодо... И со всех ног бросился в лес...

Густав поднял карту. Придирчиво изучил рубашку, похмыкал, перевернул. Из глянцевой черноты сверкнули налитые яростью глаза древнего монстра... Клыки... И дыбом стоящая шкура, мокрая шкура зверя, горой поднимающегося из волны... Первый и последний раз, когда Густав рад был этот кошмар видеть. Карта мигнула... Упс!.. И нет Гарольда... "Превосходно!.. Кто-то вздрогнет за карточным столом! Кто-то выдаст, что король пик у него на руках. Пускай юноша Кит противится, Гарольд подыграет мне! Гут, гут... Не зря добывал его, гут..."

— К полям умчался, проклятье!..

Комодо метался по опушке маленького лета, не решаясь бросится беглецу вослед. Он опасался всего: оставить Густава за спиной... Уходя, ловушек понаставит... Утратить последнего изгнанника. Напороться невесть на что там, в полях. Редко выходил к ним, с оглядкой...

— Догоним? — бодро спросил Густав.

— Обгоним, — решился Комодо, раз вместе, так что ж. — Обойдём!.. Пока разберётся в поворотах.

— Продашь теперь?

— Хочешь купить?

— Не-а... Кайзер, ты с кем-то спутал меня. Я продаю, а не покупаю. Айда?..

И они побежали. В средней части рынка замаскированных пирамидок Густав опасался меньше и всё же держался след в след. А Кайзер таки-порвал своё шикарное кимоно, лес дичее тут, кусты колючие, обломанные, острые ветки...

Воздух похолодал. Открылась прямая тропа, без вихляний по перекрёстам, и на бегу, Густав поднял лицо к верхнему ярусу леса... Над корявыми, голыми, переплетёнными кронами дубов шёл снег. Начинался. Лёгкие хлопья. Земли не достигая, летели снежинки, высоко носимые ветром, не забелившие и ветвей. Внизу по-прежнему глубокая осень. Только воздух переменился к холоду, к прощальной, бессловесной, — наверное, тоже в абстрактных мирах рождённой, выпавшей из дырявого гнезда, — последней тоске.

Снег крутился, как листок письма в чужих руках, в руке посыльного. А на листке ни слова, ни буквы нет, ни отчерка рисунка. Потому что сам он символ — пустой, обязательно белый, нелинеенный, без полей и водных знаков. Вдруг хранит в себе и выдаст тайну скрытая механика? Лист бумаги и есть символический отчерк. Он означает: "Прощай..." Посыльный держит на вытянутой руке за уголок, держит ветер в кронах, схватить не даёт. Да и зачем? И так всё видно, всё понятно... Это традиция, рыночная. Милосердная традиция злодеев. Задолжавшие, пойманные, идущие на безнадёжно рисковую игру, на неравный поединок идущие хищники отправляли такое письмо. Если было кому. Опасаясь, что в момент гибели останется не замеченным кем надо их Белый Дракон. Что друг, любимый станет искать того, кого нет среди живых, мучительно долго. Но и, не имея таких опасений, отправляли... Это не объяснить, жажда последнего привета, безмолвного. Отправить листок с текстом кредитор, противник, охотник, кто-то, желающий остаться в тени, не позволит. А белый листок — общепринято, общеизвестно. Особо мнительные не позволяли и руками к нему не прикоснуться, ну, поцеловать. Под маской, обезопасив себя от огласки и мести, передавали посыльному. А он — адресату. Пустой лист. "Прощай..."

Внутренняя опушка — снова лето! Ярко-зелёная полоса высоких колосьев стояла стеной. Комодо пробежался вдоль неё, заглядывая, и позакрывал своими пирамидками входы на некотором отрезке. Свернул на несколько шагов обратно в лес, прислушался:

— Ага... Там ещё, промеж развилок. Обратно не повернул. Распутается на последнем перекрёстке и будет здесь.

Ближайшие тропы закрыл понадёжней, четырьмя пирамидками в шахматном порядке, скрещенные колосья положив артефактами на острия. Кроме одной. Подбородком указал Густаву на перекрывавший тропу громадный садовый фонарь, рогатый череп:

— Здесь будет... На рогах... С ним торгую, откликается быстро...

Густав проследовал, озираясь, переступая мягко, разворачиваясь на каждом шаге, к чужой подставке. Зелёные колосья задевали лицо. Не просматривается вообще поле, не гут... А между рогов, над ними... "Ох!.. Кайзер... Не для тебя она, не тебя ждёт!.. О, море всеизвращающее, недроидские пляски Секундной Стрелки... Кайзер торгует с богачом. Нет, с технарём... Богач не продал бы такое, не имея возможности вновь создать для себя".

Артефакт, меж тем, выглядел заурядно: медью отливающий шнур толщиной в мизинец, длиной в несколько петель. Подчёркнуто аккуратный моток. Дроидами не отнимаемое оружие, по причине, речь о которой впереди. Злое, мощное, прицельное, огромной поражающей силы оружие. На рогах бычьего черепа ждала освобождения, чьих-то рук ждала "стреляющая" отододи. Медянка отододи, просто — медянка. Змейка. Удавка, растягивающаяся жгутом, отпущенная, попавшая в цель, она обвивала жертву, затягиваясь самостоятельно и необратимо. Не как узлы и "обратные клапаны" обычной механики, для которых требуются рывки, движения жертвы. Нет, сама по себе душила. Спадала, когда... всё. С никого спадала. Разрезать её можно. Распилить. Порвать нельзя.

Скрытая механика. Вещь, о которой Густав мечтал... Со всей страстью людей прежних эпох, вожделея вещи дорогой, неподходящей и ненужной ему! Один раз в руках держал... Адски понравилась, забыть не мог. Он понимал нутром её не афишируемое устройство. Густав не знал, существуют ли вообще альбомы с её схемами. Если да, то они ещё более редки, чем сама удавка. Отододи мигом бы сделала его хищником, а Чёрного Дракона — воспоминанием. Плевать!.. Так мечтал... Уж очень по нему оружие, в его стиле. Густав воображал иногда, как эта тонкая, тоньше обычной, скользкая ярь-медянка, змейкой свернувшись, лежит под рукой... Живёт в углу кармана... Всегда под рукой, понятливая, послушная... Готовая по первому движению проявить тайную мощь... Стреляющей-то прозвали, кому нужна на расстоянии. А ей, развёрнутой, довольно задеть, легонько коснуться... Затем и складывается так тщательно, не ошибиться бы самому!.. Надо особым образом брать, держать крепко. Густав не боялся, наоборот, это пленяло его, непреходящая опасность, вечно на взводе... Он потому целенаправленно не искал её, что искушение велико. Увидев, не преминул бы купить, и применить — не удержался.

"Будь серьёзнее, — говорил он себе. — Оружие — фишка. Статус и телохранитель много важнее. Ими не промахнёшься. Их не отнять..." Чем убедительнее говорил, тем сильнее хотелось! "В карман положить, что такого?.. Крайнее средство, на крайний случай! Что?.. Ведь ни драконов, ни статусов у мёртвых не бывает... Кроме того статуса, что мертвецы они!" Тоже аргумент... Медный моток над белым камнем затупившихся, неравных рогов, правый обломан, стала последней каплей во внутреннем споре. "Хочу!.." Моток в три петли, крючки на концах: легчайший и тяжеловесный, начищенный медный и окислившийся медный обёрнуты, перекрещиваясь точно посредине, одной четверти до противоположного края мотка не доходя. Равновесие... "Красотка!.. Как живая!.."

Густав ещё покрутился возле неё, Комодо маячит на опушке, психует... Тропа в зелени

сужается к неблизкому повороту, кажется, без препятствий... По сторонам сквозь колосья не видать ни черта. "Давай, сцапай её, Густав, хватай её!.." Раздражённый гипнотической властью желания Густав ядовито посоветовал себе: "Валяй, бери, протяни руку! Про тебя мало кто осведомлён на Южном, но зато среди тех, которые осведомлены... О, среди них у тебя такая дивная репутация!.. Кайзер в обморок хлопнется, увидев тебя на острие!.. Что он подумает?! Хотел бы я узнать, что он подумает!.. Но боюсь, что увижу, как сверкают его пятки, и платы не возьмёт, ха-ха... Всё, хватит пялиться!.. Густав, за людьми смотри". Он вышел.

А люди в лице Комодо пялились туда же, на отододи. Что Ваол для очередной мены предложит ему медянку, ярь-медянку, он не ожидал. Уговора не было на такой шик. Был — в общем на оружие. Проклятый Густав появился так не вовремя!

Обоим было очевидно: изгнанник выбежит к полям с минуты на минуту. Изгнанник попадётся. И ярь-медянка, упав, достанется... Кому?.. Чёртов Густав!..

Но чёртов-то Густав лишь отнимет, если отнять успеет, а вот Комодо без колебаний воспользуется ею. Хищник, терять ему нечего. Обоим ясно. Напряжение росло.

Лишившийся прежнего, листвой звенящего ореола, в развевающихся солнечного цвета одеждах, — надо же, и он в кимоно... — изгнанник вылетел из лесного сумрака на свет. Стремительная лань. Комодо преградил ему путь вдоль опушки вправо. На успокаивающие восклицания изгнанник не реагировал. В сторону Густава не побежал. Он ткнулся в перекрытую только что тропу, оттолкнув Комодо. Испугался пирамидок и выбежал обратно. Оставалась та, на которой фонарь. Или обратно в лес. Очень быстрый и лёгкий в беге, благополучно миновав бычий череп, он напоролся бы непременно в полях рано или поздно на что-то невидимое. Достался неведомо кому. Кайзер не мог ни этого допустить, ни того, чтоб Густав опередил его, оказавшись первым рядом с артефактом, падающим с острия...

Густав напротив обязан был оказаться первым, понятно. Цепочка выпущена из рукава, крючок зажат в пальцах...

Секундное отставание, неуместная пассивность Густава должны бы насторожить Комодо. Но он не гений хладнокровной наблюдательности. Опередил и доволен. Пока бежали сквозь стену зелёных колосьев, две цепочки связаны, с двух сторон по крючку гарпунами раскрыты. Кайзеру не удалось схватить беглеца. Он сделал рывок, когда тропа сузилась, скоро расширится пред фонарём. Надеялся толкнуть, перед самой ловушкой подсечь... Догнал почти, сминая, ломая стебли, вровень зашёл... Ещё два шага, прыжок влево, толкнуть и... Наступив одной ногой на лежащие поперёк тропы, сломанные колосья, второй об них запнулся сам. Изгнанник перемахнул ловушку играючи. Один из крючков, брошенный Густавом, трёхгранный гарпун вцепился в складки его солнечного кимоно... Кайзер не прекратил бы преследования... Хоть взглянуть, где попадётся? Кому достанется, нельзя ли торговать и с ним?... Запнувшись, он выправился, разбежался перепрыгнуть и... Неизвестная сила развернула его спиной вперёд, дёрнула... Не перемахнул, налетел. Вмазался всем телом в каменный череп, мгновенно подкинувший его на рога. Один целый, один обломанный... Крючок с другого конца цепочки, с хрустом вошедший ещё глубже в кайму его ворота собрал цепочку к себе. Из кимоно беглеца вырванный кусочек на втором крючке болтался жёлтой шёлковой бабочкой. Стремительная фигурка исчезла за поворотом в зелёном туннеле. "Молодец, — мысленно похвалил его Густав, — хорошо поймал".

Комодо был трус. Мнимая солидность, мнимая респектабельность, всё разом слетело.

Приступ паники, охватившей его, был такой силы, что условное пространство ловушки сжалось от рывков, от попыток пробить её, спрыгнуть. Через минуту Комодо стоял над рогами ровным столбом. Как по рукам и ногам связанный. Статуей в дорогом ручной работы, рваном кимоно, неподвижный, тихо скулящий. Он наблюдал, как приблизился Густав, как с полных, но зелёных совсем колосьев снял отлетевшую на них отододи медянку, Комодо не доставшуюся и не угрожавшую отнюдь...

Скользкая прохлада гибких медных сочленений ласкала руку... Пыталась обогнуть... Даром, что механика. Сдвинулась самую малость обернувшая моток петля, нарушилось равновесие. Оказалось достаточно. "Этого нельзя..." — ласково подумал Густав, развернул и сложил заново, как полагается, ровно посередине держа, сделав три ряда и обвив обоими концами наперекрест. Так она безопасна. Убрал в карман и остался стоять, в ожиданье развязки. Познакомиться желал. Заполучить на будущее такого заказчика, что медянками разбрасывается. Да, и о цепочках своих жалел. Отододи прекрасна, но каждый привязан к своему оружию, с которым сродниться успел. И они реально нужны ему.

Прошло не больше пяти минут...

— Гус... Густав... — проскулил Комодо, пытаясь хоть голову наклонить в охватившей его тесноте ловушки. — Ты, как дроид... Я знаю, ты можешь, что угодно...

— Посмотри, — ответил Густав, запрокидывая голову, — какой красивый дракон!..

Поле над ними осветилось заревом распахнутых Белых Крыльев, ветром от спускающегося дроида. Комодо забыл скулить, горло перехватило. Фантастический размах крыльев, орлиных. Белый Дракон гордый и огромный был столь же притягателен взгляду, сколь пугающей была фигура всадника. Густав почесал в затылке: "Странно, что позорище Ноу вообще решился заговорить с ним... А ведь не врёт, торговал. Такие на Южном-то бывают налётами, по надобности. И как-то не приходится им пробираться сквозь толпу... К кому надо свободно идут, и клянусь, билеты продавать можно, посмотреть на них из отдалённых шатров... А почему отдалённых? Потому что ближайшие пустые стоят!.."

Человек, великан в полной рогатой маске. Глаз нет, прорези горизонтальные. Грубо нарисованы оскаленные, сжатые клыки. Носа тоже нет. За исключеньем Симурга, ни на ком Густав не видал настоящие, для дела, а не для виду, не для представлений мимов на Мелоди, предназначенные доспехи. Эти — в высшей степени настоящие... Плечи, предплечья, нагрудные пластины, поножи. Шипы на них. Металл асфальтово-серый, без блеска. Поясные, ножные, через плечо перевязи, какие-то петли, держатели, колчан, кобура... Густав не мог глаз отвести. Как танцор, к примеру, ни читать, ни писать не умеющий, зайдя в гости к технарю, смотрит на табличку исчирканую формулами, и видит, что этот хаос на ней — вовсе не хаос. С тайным напряжением достигнутых и ускользнувших смыслов расположились цифры и буквы... Вот и Густав, не узнавая и сотой доли приспособлений, ясно видел, что давно и отменно налаженная боевая машина спустилась к ним, что дроиды не всемогущи в отлавливании запретного. Быть не может, чтоб такая масса оружия нашла оправдание в их глазах, не изымалась осознанно. Ни для защиты, ни для позиционной, на лжи и ловушках основанной охоты, ни против опасностей Великого Моря подобное не уместно. Экипировка указывает на то, что облачённый в ней проводит время на специфических облачных рынков и между ними верхом.

В местностях, на маршрутах определённого круга имеют место быть свои иерархии, ценности и застарелые конфликты. На рынках пустых, протяжённых, ландшафтно-устойчивых.

Благодаря доставшимся от хозяина мир особенностям устройства они не имеют возможности, стать перенасыщены ловушками и заброшены быть как этот. Но из-за аборигенов вот таких, как прилетевший сюда, они тысячекратно опаснее. Небесным бродяжкам, континентальным охотникам и торговцам не нужны. Люди в такой вот броне, кочующие племена имеют претензию в единоличное владение захватить рынок. Иногда он скрывает внушительное здание-город посреди болотистых полей, стратегически важный. Там могут действовать иные законы природы, чем снаружи, позволяющие или препятствующие ставить пирамидки, и законы придуманные людьми. Здание по причине того — центр притяжения для воюющих. Бывает и что-то по-настоящему ценное в нём, не отторгаемый от рынка артефакт, скрытая механика, залежи какого-то важного для Техно материала, чьи свойства, чью схему не удаётся установить.

Много бывает причин для... И все — вздор, по правде-то, сколько ни перечисли, все — предлоги. Для вечной войны. Некоторые зависают в ней. Преображаются в соответствии... Внутренне, внешне. Сражения и поединки их — физические, что определяет внешние приметы податливых изменениям полудроидов. Они великаны, так развиваются их тела. Они умные технари. Как правило, они верны клану, не интриганы, короче... Однако достоинства и недостатки текут в общем русле: они не умеют, не могут, не мыслят заканчивать вечную войну. Победы в ней редки... Иначе сказать, жертв в ней мало. Среди них. А среди наружнего, расходного материала...

Зависнув на драконе, оглядевшись, великан в маске снизился ещё немного. Опытный. Ничего из себя не строил, и в малой мере легкомысленной самоуверенности не проявлял. Гонор там не в чести. В чести — ощеренная маска врага, разорванная по прорезям глаз, поверженный образ тысячелетней вражды. И своя, приподнятая на условленные минуты. Потому что открытое его лицо, это... А, длинная история... Там свои законы, правила, ходы и выходы... В суровых местностях и обстоятельствах они всегда есть. Образуются. Вырастают, как мать-и-мачеха на пепелище. Такие холодные с одной стороны, внешней, с высоты человеческого роста. И такие сокровенно-мягкие с другой. С той, что не видна.

Пойманного Комодо игнорируя, великан обернул рогатый лик к Густаву. Поклонился с жестом: направив пальцы правой руки, — кастет поверх перчатки! — к небу, при поклоне опуская... С двойной надменностью после того откинул голову и спросил голосом глухим под маской, но очень сильным и низким:

— Галло?

"Вот так приветствие!.."

— Знаком с ними, — уклончиво ответил Густав и назвал себя.

— Ваол, — представился хищник. — Охотник, на будущее есть пожелания?

— Нет. Но я любознателен...

Из под рисованных, сжатых клыков послышался рокочущий смех:

— Спрашивай!.. Вопрос без торга, за знакомство.

Густав поклонился признательно. Две вещи совпали в хищнике, пересекающиеся с его интересами: маска и упоминание галло.

— Не помню, — так начал он, — на последнем карнавале в Гала-Галло, что за маску выбрала царственная Мадлен?..

О, как гулко и надолго расхохотался он, с рисованной, дикой пастью, хищник небес!..

— Ты умеешь выбирать врагов себе, охотник!.. Не желаешь ли латы, не пора ли, вроде этих, моих?.. Лет за двести службы, штук за пятьсот похищенных?! Я отвечу... Падальщица Мадлен всегда предпочитала клювастые, птичьи.

"Я так и знал..." — подумал Густав. С поклоном, не желая затягивать разговор, отступил:

— Благодарю.

И покосился на обречённого Комодо. Не на него, на свои цепочки.

Надо обладать немалым опытом войны, для такой наблюдательности: Ваол его мелочную, безмолвную жадность отследил. Вполне легитимную для него. Перехватывая добычу, он сорвал гарпун со шкирки кимоно. Опустил было на пирамидку, мол, за своим и вернёшься, но передумал. Заменил на пучок колосьев, вырванных с корнями. Неподдельное спокойствие охотника внушило ему уважение. "Если парень стоит здесь — живой враг галло, то ссориться с ним не умнее, чем с ними..."

— Твои штучки, — с высоты усмехнулись рисованные челюсти.

Взмыл резко. И взглядом провожая хищника, Густав заметил, как синхронно стартует ещё дракон вдали, с кем-то рогатым вертикально и чем-то солнечно-жёлтым поперёк спины...

Он остался один. Он чувствовал, что один. В целом рынке. "Гут, гут..."

Гут? Самое время покинуть его через пирамидку?.. Самое время пройтись в одиночестве. В незнакомом месте. Без смысла и цели... Заплутать лабиринтами хитросплетений Сад и Там, не вычисляемых никак. Нет, смысл он обозначил себе, вспомнил: пускай дроид запомнит путь сюда по небу. И вход надо своими ловушками закрыть...

Распутывая тропы, застревая и возвращаясь с поворотов вспять, заворожённо, упрямо шагая в Там, когда понял уже, что в Там, и пора назад поворачивать... Не знал, сколько времени Густав шёл до озера, до маленького лета. Снова в вершинах начался снег. Кружил белизной прощального, горького письма. И пахло от него, Густав вспомнил чем, — солью Горьких Холмов пахло.

Но вот и лето... Он умылся и попил из ковша напоследок. Вода сочилась до сих пор по стыкам и трещинам, половина вытекла. Оставшаяся утратила яркость свойств. Или они перестали действовать захватывающе. Источник ударился в нёбо, пробежала свежесть встречного течения по коже... Всё так, но что восхищало? К ключу ближе по озерцу он не поплыл, неинтересно стало. Гига Вирту закрыл. Голограмма кристаллической решётки ушла в плоский том, приземистый стол дрогнул. Густав наводил порядок, как у себя дома.

На выход... Дубы, корявый извилистый сумрак, расступившийся вокруг маленького лета, сомкнулся за спиной. Эту часть леса Густав прошёл быстрей, увереннее, запомнил. К раме подходя, заметил, что и с внутренней стороны её украшает вязь, надпись. Прочёл... "А теперь обернись". Кусок фразы, остальное утрачено? Или строка отсылает к песне какой-то?.. Не интересно, ерунда. Понятно, когда на дверях предупреждение, вывеска торговая, девиз или благословение... Благословление или проклятье... "Проклятье?!" Густав тревожно похлопал себя по карманам... "Уфф... Самое главное, карта Гарольда на месте". Он закрыл вход ловушками, пирамидками-клочками сухой травы, позвал дроида, и драконий кувырок унёс его сразу же за вершину кучевого облачного мира, ослепившего белизной после лесной темени. Сужающимися кругам спирали планировали от высокого неба к земле. "Чёрт, поспешил!.. А надпись на входе?.. Так и не прочитал, забыл..." Не возвращаться же. Запомни дорогу, дроид".

Кажется, наступило время предъявлять Господину Соме колоду, дособранную по его протекции. И рассчитываться Мариком. По пути к континенту Густав размышлял об этом. И о Мадлен в птичьей маске. И о Клоке, незавершённой охоте его... Надо, надо, всё надо... "А теперь обернись" над рамой впустившего и обезлюдевшего за его спиной рынка — так и зависло в

мозгах, как навязчивая песенка. "Чёрт, что же на входе?" Дурак, на карту отвлёкся, мнительный стал, куда ей деваться... Что же там могло быть? Первая часть фразы?.."

Когда долетел и встретились, колоду тасуя, Густав всё ещё не выбросил фразу из головы. И как-то само вырвалось, прежде чем о делах:

— Сома, такой рынок видел... С девизом. А девиз не прочитал. Хоть обратно лети...

Господин Сома, выслушав, улыбнулся:

— Не лети. Так скажу. Никакой не девиз это. На многих рамах писали одно время. Это действительно совет, памятка самому себе. У хозяев, затворников было принято на видном месте вывешивать. Они, некоторые из них, решались выходить не сразу. Но решились. Гулять, бродяжничать... На Морской Звезде бывать. Они опасались не опасностей, пардон, хорошо сказал... Не погибнуть, а... Разлюбить?.. Потеряться?.. Утраты некой связи боялись. С Собственным Миром. Это с начала, а потом, обнаружив насколько время там по иному течёт, — уже со внешним миром, друзьями, морем, материком... Опасались, что забудут зайти, что забудут выйти... Забудут зачем. Входить, выходить. Так что, ты ничего не пропустил. С другой стороны то же самое написано: "А теперь обернись..." Что за спиной оставил, не забывай.

— Ааа... — протянул Густав, ничего не поняв. — Ясно.

Глава 80

Глава 80.

"Оборачиваться на пороге, видимо не помогает. Над рыночной же рамой висят теперь эти, бесполезного совета слова..." — думал Густав, не замечал, что и Господин Сома тянет время. Которое наступило, и не отодвигается уже, резиной тянется. Время расчёта...

Поговорили о рынках, об изгнанничестве, о дроидах, о знакомых... Даже о новинках моды на Мелоди.

Густав заставляло медлить что? Банальная жадность, консервативность. Он привык к Марику. Хан-Марик удобен и выгоден ему. Можно бы поменять местами на последнем этапе человека-цену и человека-покупателя, ха-ха... Нельзя. Кодекс. Но даже если Густав способен выстроить на Господина Сому ловушку, на старого хищника, доброго знакомого Буро и бывшего галло, даже если ловушка сработает... Господин Сома, это связи, стабильность... Это зеленокожие хищники в близких друзьях, не гут... Плюс ещё кодекс, закон — наружу группы своих не продавать. Густав, не бегая в кругу, принадлежал к игрокам Против Секундной Стрелки. Узнают, не простят. Продать внутри группы?.. Там же и выкупят Сому, он нужен им, уважаем. Клин, не выходит. А что такое Марик? Дорого ли стоят, да, своевременные, да, безотказные услуги его, когда образ жизни отвязно-непредсказуем?.. Сегодня есть Марик, завтра нет Марика... Как он и жив-то до сих пор со своей неугомонностью? Сильный очень, морское чудовище, потому...

А что заставляло Господина Сому время тянуть?.. О, для него всё намного серьёзней. Для раскаявшегося хищника. Преобразившийся радикально со времени заключения их договора, Господин Сома куда меньше стремился получить гонорар, чем Густав заплатить его! Густав просто не рвался платить, а Сома отчаянно желал не получать! Усмешка судьбы, не совпавшее совпадение. Сома трепал языком, тасовал и раглядывал карты, лихорадочно перебирая в уме всевозможные варианты отступления. Перемежая изощрёнными "комплиментами" в свой адрес по всем статьям...

Мнимое похищение? Как незнакомцев отпускал, тайно, за услугу, под благовидным предлогом? Ни-че-го не даёт!.. Маневр выглядел смехотворно даже в сравнении с беспричинным внезапным отказом от платы. Это хотя бы оригинально: сошёл с ума, отравился оливкой... Передумал! Не обязан ничего объяснять! А утащенный с пирамидки, сколько ни втолковывай ему, что Густав не дроид, а змея, гадюка в рыночной пыли, освобождённый Марик немедленно вернётся к нему. Сразу вернётся к Густаву! И встанет за плечом. Буро за столько времени не удалось пошатнуть в глазах Хан-Марика этот монумент, эту кобру бронзовую, ядовитую целиком, застывшую на хвосте...

Менять условия на стадии расчёта? Некрасиво и неубедительно... Глупо!.. "Густав что ли предложил, Сома?.. Ты сам! Я сам поставил — причиной! Марика поставил условием. Основным!.." Увеличить цену? Добавить что-то? Такое простилось бы. Но не Густавом и не Господину Соме... Простилось бы чужаку, игроку, коллекционеру. Перемена настроения... Забросил тему, начал другую. Поссорился — помирился в игре... Нет, всё не подходит...

"Заранее надо было думать! — клял он себя. — Целая легенда нужна, соизмеримая по масштабу. А я ничегошеньки-ничего... За столько сезонов... Дела как-то делались, запутывались, выправлялись... Что предпринял за столько сезонов, а?.. Предпринял... Вот, например: спасение кудрей Доди от бессовестного Доди! От ножниц... Ууу!.. Страшной угрозы, остро заточенной

стали, занесённой над ними жестокой рукой!.. Успел, с победой, тра-та-та-та!.. Предпринял, например... Эээ... Но примеры закончились на примере!.. Кудряшка До-До, какой Рулетки, какое, зачем?.. Я не отпускаю тебя. Я старый, Доди, я не хочу на Рулетки... Не хочу шума и мельтешенья, не хочу призов и беготни. Ленточки через лоб... Дроиды, смехота, ленточки победителя... Останемся, Доди... Дроиды, какая растительная жизнь, совершенно... Восхитительно... Если б и до предела, и вправду — растительная... Корнями сплестись и тянуться, смотреть на море... У моря, трава с травой переплетается... Цикорий... И ничего, и никого... Какое же оно синее, тёмно-синее у тебя море!.. Доди?.. Можно вечно смотреть... Синее... Искрится, пляшет, жаль не зайти... Доди, не мучай меня, не играй по-крупному, не гоняйся над Великим Морем низко!.. Это совсем другое море... О чём, вот о чём ты сейчас, Сома?! Растение ты и есть: старый дуб!.. Пень от дуба... От хищника оставшийся пень, обрубок... Но я не вернусь обратно. Никогда не поверну обратно... Думай, пень старый, думай!.."

Рынок был шумен за пологом, шумноват для спокойного, респектабельного ряда. Шатёр Господина Сомы наблюдательному человеку выдал бы черты запустения. Потягивая через длинные синтетические соломинки одно Впечатление, думали каждый о своём, а беседовали о третьем... Сделав по рынку и мирозданию большой крюк, беседа их неизбежно вернулась к колоде в руках Господина Сомы... Пора условится о времени и месте. И способе ловли. А нужен ли он? Густав цинично подумал: "Интересно, если скажу Марику встать на пирамидку, он встанет? Спросит, чья?.." Праздные мысли. Спугнуть, рисковать неоплаченным долгом Густав не будет. Относительно Хан-Марика надёжней всего механическая ловушка вокруг пирамидки. Возможно, в темноте. И платить никому не надо. Да и в каком количестве хищники справятся с ним, если справятся вообще?.. "Маричка был очень неплох..."

Утомившись прелюдиями, Густав сам начал:

— И так, все двенадцать лиц...

И тут озарение снизошло на Господина Сому! Прямо светом с небес... От прекрасной цифры двенадцать. "Доди!.. — привычно воскликнул он в мыслях, как Восходящий на крутом вираже жизни или гонки имя своего дроида. — Доди, я спасён! Я знаю, как выкрутиться!.."

Предельно безразлично, неохотно, будто справедливости ради Господин Сома перебил Густава:

— Двенадцать?

— Ну, да...

Сома задумчиво, подняв брови в лёгком удивлении, покрутил соломинку между аристократичных пальцев. Запонка сверкнула. Птичка Фавор незримая опустилась на белоснежный, на правый манжет. Сладкая песня, цепкие коготки...

— Двенадцать, Густав? А Джокер?

— Что?..

Везучий в играх, сильный и аккуратный в анонимных боях, разбирающийся поверхностно в истории, технике, искусстве, никем, кроме как охотником, Густав по сути не являлся. Не причислишь его к настоящим книжникам, борцам, технарям. К игрокам тоже. Проклятая колода привлекла его тёмным обаянием древности и тайны. Да и то пустяки. При начале новой жизни с испорченным миром внутри, в испорченном снаружи — мире хищников, ему надо было зацепиться за что-то. За суеверную злую тайну. Сложность задачи сочеталась в ней с эксклюзивностью, годится. А в игры-то карточные и не вникал. Игры и что?.. Джокер... Джокер

нужен, да, упустил из виду. Но ведь это вроде номерных, обычная карта?.. Хотя... У Джокера есть лицо...

— Господин Сома, но... Двенадцать изгнанников и в поговорках, и в ругательствах говорят: дюжина под волной повстречайся тебе! Одиннадцать тебя разорви один за другим, когда Кит отвернётся! Дюжина ушедших в море. Число не меняется...

— Да, — важно, флегматично кивнул Сома, — двенадцать первых чудовищ, правильно. Дюжина изгнанников погибших в Великом Море. И — один вернувшийся. Джокер. Не знал?

— Нет... — бесконечно разочарованно вздохнул Густав, как будто споткнулся не об отсрочку, не о новый вызов, а об утрату мира, не меньше, крах.

— Ты очень юный, Густав. Талант старит тебя, приводит к старикам. Ко мне, к галло... И естественно, что ты не знаешь подробностей наших ветхих баек... Был тринадцатый, Густав. Тот, кто вернулся назад.

— Джокер... Это имя?

— Нет. Только в колоде.

— А какое... И как мне его найти? Ты осведомлён про Впечатления с ним, Сома? Или кто-нибудь...

— Это как раз общеизвестно! Джокер есть единственно у Буро.

— Оп-па...

— Размолвка? — удивился Господин Сома. — Ты зацепил его интересы?

— Нее... Но чувствую, вряд ли Буро вознамерится...

— А я думаю, вряд ли он сделает для тебя исключение. Честное слово, я бы здорово удивился.

— Что ты имеешь в виду?

Ораторским жестом простирая руку, торжественно, иронично трубным голосом Господин Сома изрёк:

— Джокера заимеет, как положено тому порядком вещей и событий, последним, тринадцатым тот, кто предъявит мне собранной проклятую колоду!.. Так Биг-Буро однажды объявил во всеуслышание.

Густав встал:

— Пройдёмся до него, Господин Сома?

За спиной Бутон-биг-Надира в шатре его было холодней, знобче обычного, темнее. И он не пустил их дальше порога. Но и не прогнал. Протянул руку:

— Покажи.

Сцапал колоду, быстрыми пальцами перебрал, раскрыл веером. Хмыкнул, разрезав и пересняв, отдал Густаву:

— Лукавишь неумно. Не смешно даже.

— Биг-Буро?..

Поражённый догадкой, Господин Сома отнял:

— Дай-ка взгляну...

Удивительно! За пару движений, пару секунд колода оказалась перетасованной и сложенной по мастям, по порядку. Кроме... Наверху оставленный Буро, на месте бубнового короля Рода лежал червонный валет, юноша Кит. Розовый как рассвет, оседлавший изумрудную волну. Тот, кто старается подыграть обречённому, кто не даёт собрать проклятую колоду...

Густав застонал, не скрываясь. "Смотрел, считал, пересчитывал, каждого помнил наяву и во сне! Забыл! Это всё потому, что — Гарольд... Гарольд последний оказался предпоследним... О,

страшные древние суеверия! Не видел лакуны на месте вальта, Кита на королевском месте не заметил! Но я ж ведь и рядами раскладывал?.. Каким образом можно проглядеть лакуну в ряду?!"

— Бутон-биг-Надир, извини дурака.

— Я не отказываюсь от своих слов, Густав. Возвращайся с бубновым королём, и мы поторгуемся за Джокера.

— И что станет предметом торга? Что ты захочешь, Биг-Буро? Я могу заранее...

Уходивший к себе, Буро развернулся на месте, с высоты незаурядного роста воззрившись на него:

— Заранее что? Заранее узнать цены Буро, Бедовичка, чего ему нужно, которому ничего и не нужно?.. — явно собирался живо свернуть разговор, но Густав, наивная наглость Густава его зацепила. — Когда я покупал больше чашки воды? С кем торговался за артефакты всерьёз, от Лала до яблока? Кого ходил нанимать, кроме танцовщиц на сутки Мирного Южного, начала сезона и конец?.. Ты желаешь узнать цены Бедовичка, верхние планки, заглянуть на антресоли в шатре Бедовичка, чего там недостало, что за след остался в пыли?.. Что ж, за любопытство плати отдельно. Заплати, чтоб узнать, недособранной колодой. И я скажу, что за Джокера. Ты смешной, Густав. Прощаюсь. Сома...

Господин Сома поклонился. Не солоно хлебавши развернувшись, дважды счастливый Сома и пришибленный Густав направили стопы к воротам Южного, пиная обрывки бумажных змеев в пыли. Кто-то что-то праздновал...

— Я тоже раскладывал колоду и тоже пропустил, — утешительно сказал Господин Сома. — Мистика. Кит, он такой...

— С Родом ты способен помочь?

Сома всплеснул руками:

— Так у Галло ж!.. Мы с Оливом уверены были, что ты там освоишься. Разузнаешь на счёт всех королей. Юбис — удача. Но и Род у них. Проблемный, как распознать. Чужаку другое подсунут.

— Сома, неужели ты не знаешь, как?!

— Да сдались они мне! Олив вернулся, он может знать.

— А имя Джокера...

Но Сома перебил, вспоминая:

— Род, доложу тебе, памятен Чудовищам Моря... Придонные монстры — символ нижнего яруса. Род — остальных глубин... Род, он "род" и есть, не исчез полностью, продолжается... Лицо, лик?.. Странная карта должна получиться. Может быть, стоит поискать её готовой? У неудачливых коллекционеров. И заменить ей рубашку?

— Работать не будет, — сумрачно ответил Густав. — Карту всё равно, каким способом добыть, а Впечатление видеть — я должен.

— Ах, ну да.

— Ты поговоришь с Оливом, я или вместе?

— Спрошу, не трудно. Ты закрыл себе дорогу в Гала-Галло...

— Нет, что ты! — Густав невесело засмеялся. — Галло мною оч-чень интересуются!

— Это разные вещи.

После стольких ударов подряд, когда грезилась финишная черта, к Густаву возвратился злой азарт:

— Разные! — уже веселей согласился он. — Когда за тобой охотятся, суетиться нет нужды!.. Погодил, затянул удавку, и оп-па!..

— Оп-па! — передразнил его Сома. — Комодо-стиля-лентяй!.. Желаю успеха! Конечно, ты

думаешь, что галло чистенькие и самодостаточные, тебе с ними непыльно и легко справиться. Юноша!.. Раскинь мозгами... Как же в непыльное место приводит грязная дорожка, через демонов морских? Признайся, у кого кожа позеленей и клычки подлиннее, тебя уже воротит! Нет, я понимаю, ты готов, но ты — не хочешь — идти! А ведь Олив не галло даже! Не достаточно испорчен оказался когда-то, чтоб задержаться в Гала-Галло. Признай, ты бы двумя Мариками заплатил за один визит на прибрежный Оливкоый Рынок тому, кто сходит вместо тебя?..

— Да, и что такого? Против Олива я ничего не имею, но твари, что бродят вокруг, что заявляются к нему из тумана...

— Твари — да!.. — саркастично воскликнул Сома. — Страшенные, о!.. А какие пугливые, не замечал?.. Кого же они пугаются, Густав?.. Уж не галло ли?! Не охотниц ли, основательниц Гала-Галло?.. Юноша, море пустеет... Вправо и влево, до пены волн и вниз на неведомую глубину, когда выходит Котиничка... Женщина в Красном выходит прогуляться, и океан пустеет... Твари-то страшенные где, что случилось? Ничего... Мадлен навестила фаворитку, и плывут рядом, прогуляться в Великом Море... Один раз я плавал вместе с ними, за своего держали тогда. Забыть такое невозможно... Неведомые твари создавали течение нам... Собаки, Морские Собаки... Они менялись, они погибали, но не пытались сорваться в сторону... Я видел, как океан извращает их прямо в движении, за минуты!.. Человеческий процентов на сорок в начале пути их облик... Ужасным образом... Он мутирует, но они — бегут! Плывут! Плавники и хвост, спинной гребень — вот то, что образуется всегда... А потом прозрачнееют... А потом... Выворачиваются как бы... Наизнанку... Но — не сворачивая!.. Течение, создаваемое ими, огибало нас троих... Мне казалось, они отдают, как кровь, как огоньки, почему-то красные, отдают тепло тела, выстилают ими течение за собой... Красными искорками... Это было тепло, удобно и ужасно... Казалось, я могу с закрытыми глазами плыть. В полной безопасности, закрыв глаза, качаться на волнах их тепла, на красных огонька, красных... Волны... Я не раз слышал в разговорах, акцентировано так упоминали, что Женщина в Красном лично делает Морских Собак. Но не знал, что это значит... Я и сейчас не знаю... И знать не хочу! Но результат я видел... Юный ты, Густав, совсем. Оп-па!.. Ха, оп-па!.. На внешнее смотришь. И это один пример галло, Женщина в Красном, а в облачном рынке, в стриженном парке, аккуратный, да, как они сами, там остальные... И Мадлен, и она...

— Чхать мне, Сома! Узнай, как его отличить, а я отниму.

Они вышли за раму Южного.

— Договорились, попробуем...

Тон Господина Сомы смягчился. Горячность исчезала из него. Дракон До-До белым тонким иероглифом парил, кувыркался в вышине. Ждёт... Угрюмый Густав с острыми лучиками азарта в тёмных, невыразительных глазах предстал на его фоне, как будто на фоне строк. Конвенции, принятой от и до... Густав молчит, а они видимы сквозь него, беззащитного в глухом упрямстве. Глухого и беззащитного. В небе дракон... Играет... И глядя на него, поверх Густава, Господин Сома добавил от сердца, он не питал иллюзий по поводу того, куда катится, куда ведёт дорожка всех хищников, всех охотников без исключения, скольких пережил...

— Попробуем... Густав, послушай. Ещё ни разу коллекционер не получил Джокера от Буро. А ведь сотни начинали колоду...

"Я буду первый..." — подумал Густав и, махнув рукой на прощание, вспомнил:

— А Джокер?.. Его настоящее имя...

Но Сома уже улетел.

Шорохом песка, удушливой ночью встретил Густава его Собственный Мир. В дом не пошёл, рухнул возле фонтана. Он настолько устал, что провалился в забытьё, несмотря на духоту. Оно поглотило песком, накатилось барханом, лишённое освежающей глубины... Сон разрезан на две неравные части, отсечён повторяющимся кошмаром от глубокого сна, сна-полёта, сна блаженного, полностью бессознательного. Бронзовый медальон, опустевший от корня Впечатления, сорван с шеи. Не помогло.

На подступах к открытому небу забытья, где опоры нет, быть не может, и быть не должно, с новой, возросшей силой бесновалось ревущее море... Гора ярости вырастала из океана. В мокрой шкуре поднимался океан, нависал над побережьем. Разинутая пасть, обнажённые клыки, до предела, до омерзения, шире дёсен... Бивни на морде разъярённой чёрной гориллы... "Са-аль-ва-а-до-оррр!.." Рычал он, оно, чудовище... Впечатление хрипело, рыча, или истинно он, Гарольд?! "Са-аль-ва-а-дооорррр!.." Впивался бешенством глаз с кровавыми белками... Он видел... Он звал... Он видел и звал его, проклятье! "Саааль-ваааа-дооо-ррр!.."

Густава подбросило. Он сел и упал спиной на парапет. Струи воды потекли с головы на лицо. Дрожа крупным ознобом, Густав повернулся к ним, грудью улёгся на мрамор, обессиленный, задыхающийся. "Знаю!.. Теперь знаю!.. Имя Джокера... Звали его, Джокера... Звали..." Да. Сальвадор.

Глава 81

Глава 81.

Некоторые перемены охватили Южный Рынок. Охватили, именно что — весь. Обычное дело появление, исчезновение на нём рядов с узкой спецификой, целых районов... Но эти гастролёры, заявившиеся с облачных рынков, немногочисленные, в общем-то, пятнадцать человек, да ещё пятнадцать "голубей", связных, привнесли новизну. Распределившись по Южному равномерно, с особенным предложением обратились к рынку, его обитателям и гостям, охотникам и торговцам, ко всем без разбора. С предложением небывалым, увлекательным, необязательно-лёгким, смехотворным на первый взгляд. Таким, что и рассмеёшься, — уж я-то не поведусь! — а всё-таки запомнишь, с тех пор имеешь в виду... И материальная база, предъявленная гастролёрами, оказалась незаурядна.

Так сложилось, что Гай и Махараджа ушли с Южного, а Пурпурные Лалы пришли на него. Подлинные, чарующие. В количестве, да, именно — пятнадцати штук. Не к технарям пришли, бедным во все времена! Лалы, инструменты, чья истинная цена ещё выше общепринятой, а возможности огромны, пришли на рынок в обыкновенном качестве драгоценностей — гарантиями и валютой. Вершиной гарантий. Неразменной валютой. И маленьким развлечением, некоторые умели делать фокусы с ними. Например, луч из рамы или вспышка за камнем преломлялась и выбивала многоцветные лучи из вещи положенной рядом. Без вреда для неё. Если вставал человек — искры и лучи, а потом он магнитный становился для людей и предметов, — весело и тоже без вреда! Гай плакал бы от такого обращения с могущественным инструментом! Но фокусы побоку, главное — обеспечение гарантий.

Приход гастролёров был обставлен эффектно...

Три десятка незнакомцев, среди которых присутствовали и хищники, и чистые хозяева, сделали объявление на Рулетки и на Мелоди, на крупнейших мирных рынках, приглашая, обещая кое-что показать, и кое-что озвучить на облачном Рынке Горн, "визитёре" Мелоди.

Горн — дважды необычайное явление. Как правило, визитёры друг другу — облачные миры и рынки, Мелоди же не только земной, но и по происхождению не облачный мир, а просто территория. И, тем не менее, Рынок Горн стабильно появлялся над ним раз в году, ровно посередине сезона туманов, в полдень и оставался до полуночи. Уход его сопровождался сильным ветром. Переменой погоды. Оставшийся туманам срок будет ветреным, как и первая половина сухого сезона. Полугодия ветров накладываются на сухое и туманное полугодия. Визитёры вообще не редкость, роза ветров лепестки сохраняет... Но их надо заприметить ещё. По ним ориентируются во времени, в сроках те, кто не силён в расчётах и не обладает наработанной чуткостью небесных бродяжек вроде Зарока. Визитёром континента, кроме Горн, является Пятистенок Файф.

В названии "Горн" некоторым слышались "горы". Естественно, горой и являлся внутренний пейзаж рынка. Покатый, величественный холм. Иным, постарше, слышалось "горе". Рынок малопосещаемый, рынок усталых. Не охотничий и не игровой. Пустынный. Хотя препятствием для торговых подставок были избыточно крутые на определённых участках склоны холма, и только... Выпадала ещё роса нередко, это препятствовало, да, но она высыхала... И выпадала снова. Кажется, неплохое место. Только вот, стоило друзьям или недругам собраться на нём по поводу или без, дальнейшее развитие событий оказывалось драматично. Бывало и к худшему, и к лучшему... Какое-то меланхолическое настроение перебывало на Горн... Недосказанность.

Выходы из ситуаций оказывались поворотами к нежданному... Ничто не окончательно... Никто не таков, каким представлялся... Через год на том же холме встретившись, люди не узнавали друг друга, недосчитывались. Или досчитывались, но чересчур хорошо узнавали за прошедшее время других и себя… Горн, одним словом, угодившие в него выходили преображёнными. По этой причине рынок и привлекал отчаявшихся. Манил заскучавших. А для объявлений и представлений он попросту очень удобен.

Публики немеряно. На вершине холма, освещая его и первые ряды зрителей фосфоресцирующими узорами драпировок, туго обвивших складные, схожие в росте и грации фигуры, четырнадцать танцоров поклонились и разошлись, открыв пятнадцатого на самой вершине. Сели цепью, представляя собой подсветку, обозначив ему постамент...

Ахнули все ряды, дальние, ближние, весь Рынок Горн, и те апатичные обитатели его, что подтянулись, привлечённые сборищем и близостью континента. На груди у пятнадцатого кровавым, огненным блеском горело ожерелье из Лалов. Пятнадцать камней. И держались они не в золотой оправе, не зависли в ауре скрытой механики... Каждый Пурпурный Лал сжимало кольцо медянки отододи. Свободные, крючковатые концы змеились, нарочно не зафиксированные, били по смуглой груди парня, и огненные камни переливались от беспокойных, вкрадчивых рывков... Тот, кто смотрит на пурпур, немножко греется, немножечко пьёт, и жаждет. Смотрит чуть дольше, чем собирался, впитывает цвет жизни, силы, напора. А Лал — абсолют пурпура. Удавка, пожалуй, идеальная оправа ему.

Парень улыбнулся, оглядывая свысока в прямом и переносном смысле холм Горн, заполненный тысячью лиц. Да, украшение его бесподобно, впечатляет и смертельный венок медянок, чуждый, неожиданный на мирном рынке, но не к ним лишь обращено внимание... Да, не к ним!.. Распределяя роли, его выбрали за охват шеи и груди, чтоб легло ожерелье!.. И большая часть посещений на Южном, зевак, любопытствующих, мимо шедших, заглянувших невзначай придётся на его шатёр, равный с остальными условиями и Лалом-гарантом. На него лично придётся... Казалось бы, полудроиды без исключения молоды и хороши собой, чему удивляться? Но тем острее чувствуют красоту, остро и жадно.

Парень был дивно хорош. Смугл и высок как дроид. Обнажён. Танцевальная пояс-юбка с кистями до колен. Помимо Лалов на нём не было украшений. Мышцы статуи, перекатываются когда, оборачиваясь, демонстрировал камни, с ноги на ногу ступал. Шея быка и лицо льва, скуластое, строгое в каждой черте. Улыбался или нет, — неизменно сведённые брови. Характерный акцент. Выражение неудовольствия, напряжения?.. Оно не отменяло, подчёркивало любую перемену в лице: самодовольные улыбки, усмешки, воздушные поцелуи, полупоклоны толпе, и реплики... Придавало им вес, вкус какой-то отдельный... Имея в виду иных, широкий круг выдающихся по красоте полудроидов, можно оговориться, что... — и самым-самым из них далеко до дроидов! — парень уступил бы Олеандру, например. Померк, встань рядом небесный бродяжка простой, беспримесно кроткий.

Для просвещённого, в отношении сословий, взгляда парень-демонстратор на вершине холма, несмотря на юбочку, меньше всего напоминал танцора. Борца он напоминал с правого крыла, с аналогов облачных. Таковым и являлся. Шаман его звали. Не борцовское, с иных полей прозвище. А некоторые шаманы, они, невесть кого призывая, такого нашаманят... С поправкой на эпоху, но это и жутче...

Когда покрасовался, когда замокли финальные ликующие, струнные аккорды музыкального

сопровождения, барабаны пятнадцати связных "голубей", разбросанных в толпе пришли им на смену. Четырнадцать разомкнули круг, поднялись и острожными, уверенными движениями разъяли ожерелье медянок. Подняли над головами. Одна, укрощённая петлёй, держащей Лал, осталась на прежнем месте, неподвижная. Пора объявлять...

Значит так... Они поднимают пятнадцать торговых шатров на Южном. Кому надо сбежать или создать что-то гостем в Собственном Мире, может одеть медянку... — "Все видели, в такой скрутке она безопасна..." — и вернуть Лал по завершении дел, разомкнув касанием, силой другого из четырнадцати, понятно на воле, не в мире никак, а на Южном или в условленном месте. Иначе её не разомкнуть. Гостя, имеющего столь ценную вещь на себе никто не превратит, дороговато. Задушить его нельзя, — Шаман повернулся, демонстрируя: два хвоста удавки спускались по груди и спине, всё верно медянка сама душит, другим не позволяет.

Список опасного для жизни не исчерпывается этими основными угрозами, но — зачем бы?.. Они прилетели на континент, на крупнейший рынок Морской Звезды развлечься и заработать. Поискать древностей и диковин среди артефактов. Поторговаться за нерафинированные, коллекционные Впечатления. Выпускают они за небольшую плату, обговорённую заранее, или за превращённое по их просьбе в Собственном Мире. Освобождают от Лала в том месте и в присутствии тех людей, где клиент сочтёт безопасным для себя. Так объявили и позвали шумящий, оживлённый народ на Мелоди за собой. Потанцевать, облачными песнями поделиться.

Визитёр кучевой горой ещё высился над землёй, но ветер уже поднимался, и ползли морские туманы. Искрились вокруг Мелоди лимонно-жёлтые шары фонарей, отгоняя угрозы моря. Шаман был звездой той ночи. Подчёркнуто-точный в хороводных, сложных, позиционных танцах, удивительно — знал их все, точный и сдержанный... Подчёркнуто-мягкий в парных... Наперебой приглашали... Равностный до неправдоподобия в игривых хороводах танцовщиц... Ровный от заката до зари, словно выполнял работу.

А на утро, едва ушли с Южного тяжёлые морские туманы, в магистральных рядах поднялись призрачные торговые шатры. Не скрытые тентами без верхушек, куда надо стучаться, и страшновато заглядывать, а опоясанные лентами по пояс высотой, вроде заборчиков. Заходи смело, ещё два шага за лентой оставлены до шатра, после которых телохранитель уже не с тобой. Всё чисто, всё просматривается. Светлые ковры раскиданы за условным ограждением, балдахин, гамак для отдыха в непосредственной близости от пирамидки уже под маревом торгового шатра.

В гамаке, недалеко от шатра Бутон-биг-Надира, на месте, когда-то принадлежавшем Махарадже, ранние утренние часы досыпал Шаман чутко и неглубоко. Закрываясь от света локтём. С пурпурной звездой под шеей. Рука во сне сжимала медянку отододи, скользила по ней, будто пытаясь собрать для броска. И во сне он был хмур, брови, губы.

Одна из связных "голубей", в полумаске с коротким, что-то больно крючковатым для голубя клювом, миниатюрная хищница возникла рядом. Обходила точки по безлюдным пока рядам. Достигла лент, перескочила и заглянула в шатёр. Острый подбородок дёрнулся гневно. Она зло, звонко хлопнула спящего по щеке и, склонившись, пробормотала что-то. Шаман отпрянул придонной актиней, обхватив Лал, как греясь об него... "Да-да-да..." Повторил, мелко кивая, глядя в сторону. Хищница усмехнулась. Огляделась, поцокала языком. "Часы тебе в башку вкрутить?.. — прошептала. — С маятником?.."

А мало кто знал, разве старейшины вроде Сомы, Биг-Буро, это — гадкая, выполнимая угроза. "С маятником" — отсыл к кибер-техно, артефактам попавшим в запретные последними,

встраиваемых в тело, и фигово извлекаемых из него, на пределе регенеративных возможностей. В прошлую эпоху актуальное техно, для полудроидов этой эпохи — опасное, мучительное и ненужное.

Стоя уже на ногах, Шаман помотал головой. "Голубка" не видела. Она перемахнула ленты и умчала к следующим опорным пунктам.

Старые хищники смеялись над новой аферой, над призывной открытостью шатров гастролёров. Много видали охот, самых разных. И когда настоящей ценностью платят за желанную малость. Дороже, чем Лалом, жизнью платят...

А беспечные и молодые — услугами гастролёров пользовались! Начинали. Кто от безысходности, кто из любопытства. И ничего плохого с ними не случалось. Ширились слухи благоприятные для гастролёров. И время работало на них. Плюс то, что зарекомендовали они себя в разнообразных сделках и контактах не жадными, постоянными и лёгкими в общении.

Шаман оставался звездой. Ему доверяли меньше, но крутились возле него чаще. Был случай...

Унеся одного клиента, прежде чем вернуться на опорную точку, он задержался, благо клиент просил там отпустить, на правом крыле Южного. Успел ставку сделать. Не промахнулся. До начала следующего поединка ушёл. Прибежал на место пешком, будто случайно забыл удержать камешком пирамидку. Поднял заново. Раскланялся с кругом знакомых, образовавшимся к этому времени...

Круг надеялся выведать у одного из пятнадцати рано или поздно: "Гастроли какого-таки облачного рынка, откуда вы к нам?.." Не у Шамана. Собеседник живой, интересный и неуступчивый. Любезный равно со всеми, равно в какой час. Как связанный зверь.

Он так тосковал по привычной стихии, что даже в гамак садился лицом к правому крылу, напоминавшему его родной облачный ринг...

А при следующей попытке удавшуюся отлучку повторить, одетый фазаном, затерявшийся на корточках в толпе зрителей, тревожный и жадный не к победе, а к густой атмосфере соперничества, надежды, смертельной опасности, он попался... Короткая затрещина. Маленькая фазанья фигурка возвышалась над ним. И Шаман не вскинулся, руки прижал, одну к груди, другую к губам: виноват, знаю, только молчи!.. Маленький фазан в голубиной полумаске тряхнул головой, пошли. И ведя перед собой, не схватив, не коснувшись, маска из-под крючковатого клюва, — молчи, как же, распустились совсем!.. — уркая, шептала что-то. На каждом "урк..." он спотыкался. Пока не кончились борцовские ряды. Оттуда бегом достиг своего места. Впредь отлучек не было.

Глава 82

Глава 82.

Полудроиды обуви не носят. Не переносят, точней сказать. Украшения — обожают. Кто знает, что там делается в мирах затворников, но на континенте мода и пляски — вот красная нить сквозь торга и охоты. Даже хищники, чуждые кроме злых забав и веселья Мелоди любым наукам, историю представляют себе неплохо, как последовательную смену зримых атрибутов культур.

Акцент на внешнем столь велик, что в дроидской сфере вторые по величине семейства, окружающие четыре трона, многообразные семейства искусств. Их дроиды охватывают своими орбитами как специфические нюансы, так и более общие моменты. Дроиды музыкальных инструментов, звуков любых и звуковых эффектов, общих и применимых только в мирах. Краски, цвета и текстуры, ткацкие техники для имитаций и для артефактов-копий. Всех не перечислить.

А дроиды мастерских, мастеровых книг, инструментов — малочисленны. Устройством артефактов интересуются единицы из Восходящих, чья жизнь спешка, кто не понимает, что такое процесс, помимо собирания готового, кого манит результат. На Техно больше прозревших, но им дроиды не сопутствуют уже, досадное расхождение.

Случается и такое, что взлётному, призывному манку Доминго, величию его, некто предпочитает ритмичный манок главы близкого ему семейства Кузница, к примеру. Её ставит в центре облачного мира, там и проводит жизнь. Интересную, хорошую потенциально, при учёте одного нюанса: срок Восходящего краток, знания выборочны и невелики. Не знания, скорей догадки о том, что понадобиться в будущем, что заинтересует. А потом новые потребности толкают его уже без сопровождения дроида и ориентировок многочисленных вольных 2-1 за раму. На поиски недостающего. И честолюбие, да! Предъявить успехи, померяться ими.

Обратно к обуви... На мастеровом рынке, спутнике Техно появились сапожники. То ли раньше то ли позже, а скорее всего — одновременно с тем на Мелоди стали модны сапожки!

А уж что модно на Мелоди, то, будьте покойны, распространится везде, где только есть живые люди, до облачных рынков высокого неба. Будет видоизменятся в атрибутах борцов, мешая им, пока не осядет в разряде регалий. Так было с широкими браслетами, а пояса сохранились, перешли в категорию — удавки. Короны танцевальные, — распушённые, верёвочные парики так назывались, — гребни в костюмах фазанов держались долго, как отвлекающие манёвры, но всё же стали символическими наградами в итоге. Фазаны разгуливают в гребнях, но вне арены.

Пришёл черёд сапожек. Кожаных. Да какие сапожки?.. Сапоги!.. Иные до колена, иные до бедра. Ну, и по щиколотку... Раньше бывало похожее — на стопу браслетом ложились танцевальные имитации-сандалии, шнурками обвязывались по ноге. Но такого, как высокие сапожки, ещё не бывало...

Разнообразие пышным цветом расцвело, как же не отличиться?.. Надо чтоб как у всех, и как ни у кого! Голенища мягчайшие и жёсткие. С накладками металлов: полированных до зеркального блеска, воронёных, матированных, с гравировкой, с чеканкой. Невесомые и специально тяжёлые для соревновательных танцев, создающиеся двумя парами или целой партией, на выбывание до победителя. Девичьи с помпонами. Универсальные с кистями. С трещоткой на пятке, с брусочками сухого звонкого дерева поверху для щёлканья в плясках.

Ажурные сапожки. Полуботинки со скрытой механикой по-разному при разных движениях изливающей свет, узоры света, круги... Сапоги общего стиля для конкретной группы...

И все без подошв! Мода это прекрасно, но подмётки... Это уже слишком! Противно потому что. Невозможно ходить земли не чувствуя, выплясывать на драконе не ощущая пружинистого тепла чешуйчатых боков. А вот каблуки-то, — не для верховых, конечно, для наземных плясок, и шатания по рядам! — каблуки были!.. От голени по пятке спускался каблук, огибая её, полукруглый, а потом напридумывали всяких, копытцами раздвоенными, глубокие следы впечатывал. Как шатались, как цокали! Даже с учётом ножного туго затянутого браслета и петель, кольцами продетых на пальцы ног для лучшей фиксации. Умение ходить и танцевать на них приравнивалось к акробатике! Дурь, конечно, хуже козьих плясок.

Эти каблучков не носили... Красные сапожки танцовщиц, невинных охотниц «чар», выбранные ими, закрывали свод стопы, дальше — ноготки с красным же лаком. Бубенчики на голенищах средней высоты то прикреплены, то сняты, красивые петли под них.

Чары... Такая юная на вид и такая древняя группа. Таинственное явление… Чарито принадлежала к ней до рокового перехода к певицам вайолет, будущим галло. Чары исключение на Мелоди, охотницы открыто обосновавшиеся на нём, мирные. Не брали заказов. Пойманных в Собственные Миры не уносили и не продавали. Пирамидки ставили вокруг, по периметру рынка. Одну — на нём. Танцевали очень искусно, и их любили. Были хранительницами, знатоками традиций. Кто интересовался, всегда мог обратиться к ним. Но разве на Мелоди прилетают разговоры разговаривать?! И Чары не тем дышали. Охотой, придуманной ими игрой... Всякими разными, но — по правилам. Угадайте: сегодня по каким?..

Чары захватывали кого-то в круг. Пока длилась мелодия, длился танец, они, подтанцовывая, подпевая, обрамляли его. Чары многочисленная группа. В их кругу мог оказаться не один танцор, хоровод целый!.. И каждый гадал — на кого положили глаз. Не на него ли?! Потому что, лишь только закончится танец... Беги! Улетай, спасайся от них, пикирующих, от лассо и сетей. Их цель — поймать на главную пирамидку, а если не выйдет, на одну из тех, что под круглыми искрящимися шарами. Разыгрывались целые сражения, за которыми следил, остановившийся Мелоди!

Многие не помышляли всерьёз сопротивляться чарам, свару на драконах устраивать. Улепётывали по земле. Петляя как зайцы, да ещё в поддавки играя.

Пойманный оставался, меж тем, весь следующий день на пирамидке. Выкуп — придумать песню или танец, каких не бывало на Мелоди. Чары не придирались к элементам заимствований, иначе это стало бы невыполнимой задачей! Сочинённым за день откроется на Мелоди следующая ночь. Светлое время суток посвящалось обучению у завсегдатаев, упражнениям. Охотились Чары единожды за ночь. И то не каждую. Но хорошо. Отменно! Редко кому удавалось сбежать, уж если пал на него выбор. На новеньких непременно охотились! Что за птица?.. Спой за знакомство!

По изложенным причинам удостоенный их внимания чувствовал себя двойственно… И польщённым, и проигравшим девчонкам. И тревожно: плен всё-таки... Всему Мелоди чары — приправа, соль. В кругу ли они или не в кругу? На меня ли смотрят, на другого? Это просто танец ещё, или уже не просто танец?..

Ночь длинна. Чары обовьют многих своим хороводом в красных сапожках. Многих смутят, многим подпоют... Рассеются ради парных танцев. Ради сладких, грустных песен разойдутся... И

при том... "Позавчера я танцевал с одной из Чар... Не тогда ли она выбрала меня?.." Весело и тревожно...

А некоторые использовали их охоту, как трибуну для себя. Попасться и при выкупе похвастать не сейчас придуманным. Заявить о чём-нибудь. О поиске чего-то, кого-то. Попросить помощи. Словить миг славы. Подарить миг славы, громко признавшись в любви.

Некая тайна сквозила за группой, танцовщицы Чар сами не имели возлюбленных. Или успешно скрывали. Ни внутри группы, ни вовне.

Они обожали долгие, на полночи, грустные медленные песни. А бросались в погоню обычно после залихватского танца. Как становились Чарами, охотницы не разглашали, кто просился к ним, не принимали. Число же и лица менялись от сезона к сезону. Впрочем, насчёт лиц: они редко бывали без масок.

В полном соответствии с предсказаниями Густава положение Клока на Южном Рынке ощутимо ухудшилось. Гай дал о себе знать, вернув на левое крыло Руту и Дабл-Пирита. Там рядом с друзьями Клоку было нормально. В зрительских рядах и на арене вторым учеником. А вне пределов борцовской среды раскаявшийся хищник платил за прежние грехи.

Клок засветился не приветствуемой на Рулетки охотой. Минус. Он отпустил добычу, а не свой личный заказ, без согласования с охотником. Что добыча сбежала, Рута не бахвалился, и похититель предпочёл не упоминать, ещё минус. Можно бы превратить их в жирные плюсы для людей заинтересованных в подобного толка похитителях, недроидкого толка. Но Клок шёл вверх, а не вниз, какие-то знакомства отрезал, какие-то сами отпали от него. Южный сопровождал его отчуждённостью. Невыраженным осуждением. И откровенной слежкой. Слежкой? Да. Настроения вокруг, симпатии-антипатии, здоровканье-нездоровканье... Нормальные проблемы перемены имиджа. И одна иголка в них.

Игла… Пребывая среди игроков Против Секундной Стрелки, исчезая из неё, Гай ни перед кем не отчитывался, ни с кем не объяснялся. И по факту получилось так, что Клок упустил не какую-то свою игрушку Убеги-Преврати, а добычу члена этой группы. Могущественной, отчаянной, внимательно следившей за своей репутацией. Так что, слежка не померещилась ему. Решать что-то надо. Пока не поздно. Предложение Густава всё чаще приходило Клоку на ум...

Готовность к рисковой игре определяла политику группы. Следом за готовностью бросить вызов Секундной Стрелке шли остальные, немногочисленные правила. Кто готов — тот и свой. На день ли, на годы ли, как повезёт! В этом смысле, Клок вполне может стать своим. Он ловкий. Охотится с ними, он не обязан, как и превращать по заказу. Только игра, только бег. Несколько кругов в сезон. Как борцу — отличная тренировка. Охота внутри группы? Зачем? На то есть игра. А персональных врагов там у Клока нет. И на Южном его зауважают в новом качестве...

Оставалась одна проблема. Техническая и символическая, условная и решающая — зайти в шатёр. Кто-то должен привести, это так. Нарочно ради этого к Густаву он не подошёл бы! С любым другим предпочёл искать знакомства. Но жизнь их сталкивала... Случайные неслучайные зигзаги. Косвенные обстоятельства, опытным, гениальным охотником походя расставленные, как флажки.

В "Соломенный День", когда освобождаются от торговых шатров три главные, параллельные ряда Южного Рынка, течёт по ним полноводная человеческая река. Шумная. Беспокойная, танцующая, идущая неспешным шагом. Образует водовороты притяжений вокруг чинно прогуливающихся личностей, и обгоняет их.

Вдоль, отделяя широкий бульвар от Южного, выставляют столы, закутки вроде древних уличных кафе. Стильные, смешанные, изображающие конкретную эпоху. С венскими стульями, с барными стойками, с коврами и подушками, с креслами и низкими столиками между них… Лидирует недолговечная механика, такая мебель, что застывает пеной и тает мало-помалу, она дешёвая.

И везде подставки для соломы. Разнообразнейшие. Типичная — обод на треножнике. Соломенный День — время торговцев Впечатлениями привлечь, продемонстрировать направленность своих коллекций, широту охвата темы. Но прямо на празднике не торговали. Максимум — обменивались. Публика же, шедшая повеселиться, приходила тоже не с пустыми руками, носили пучки соломы с собой, в сумках, на перевязях. Снопами за спиной, букетами в руках. Угощая встречных-поперечных. Приберегая нужные соломины для людей, кому содержимое предназначалось по смыслу. Хорошее время познакомиться, к кому так запросто не подошёл бы. Извиниться, обняться. Намекнуть, позвать, отвергнуть... Не только без лишних, а избежав всяческих слов, молча протянув соломинку.

Лакомки, любопытствующие, просители и подлизы в Соломенный День вились и роились возле Биг-Буро, вышагивающего чинно, взирающего благосклонно. По бульвару двигался вместе с ним небольшой затор. Его соломенные снопы, перевязанные со значением лентами разных цветов, несли следом другие люди. Находилось, кому понести... Бутон-биг-Надир угощал и принимал. Небесные бродяжки ради этого дня посещали континент, кое-кто персонально ради него. Было ветрено, пыльно, светло и весело. Казалось, солнце готово выглянуть над Морской Звездой. Всехнее перемирие на день. Лучшие наряды. Песенки с юмором, пляски с выкрутасами. Короткие пантомимы от танцоров, редко покидавших Мелоди. И чары... В их красных сапожках...

Разумеется, и чары, куда же без них? Что такого?.. А вот что! Задолго до Руты и своего внезапного поворота к раскаянью, Клок попался чарам на Мелоди. И не нашёл ничего лучше, как одну в отместку похитить!

Он не особо провинился перед ними. Условие поставил аналогичное их условиям, никаких опасных для жизни препятствий. Ничего сверх сил. Лестница, ступени цилиндры, переворачивающиеся под ногами, сбрасывая, подбрасывая, непредсказуемые. И Чар должна выйти, танцуя. Шуршащими маракасами, сидя на перилах, смеясь, он сам задавал ей ритм... Чар вышла, конечно. Обиделась зверски. Они не охотились всерьёз, а на них, и на любых танцовщиц, вообще не охотились... Олив, Чудовище Моря, побил все рекорды недроидского поведения... Вот и Клок сомневался, чего теперь приходится от них ждать...

Олив шёл рядом с Буро, тоже не обделённый вниманием. Вся мимика — открыть клычки, сомкнуть губы. Ну, изогнуть... В кафтане без рукавов, откровенное указание на близость к морю, гладь волос по спине до колен спадает, узлом завязана. Сложным, указание для своих. Охотиться на празднике нельзя, но на будущее задел положить можно? Изменившиеся условия обозначить... Протягивая руку с соломинкой или за ней, каждый раз отводит чёлку с лица, а отводя, задерживает руку. Глаза закрывает. Непроизвольный жест. Ему не хотелось смотреть на веселье. Ему было лишку светло... Каждый второй — танцор или танцовщица... Почему среди них так много рыженьких?.. Видеть не можется.

Соломенный День... Что же в соломинках? Пробы Впечатлений. Всевозможных. Форма праздника произошла от особенности теней: тени, оливки не помещаются в узкую, вытянутую

форму. Пить через соломинку — безопасный способ попробовать из чашки что-то, когда не доверяешь содержимому. Но она должна быть длинная, с руку от плеча до кончиков пальцев, и совершенно ровная в диаметре по всей длине, не сужаться, не расширяться, иначе спонтанно образуется какой-нибудь другой яд. Такие идеальные соломинки не дёшевы, особенно из упругих материалов, позволяющих скрутить, убрать.

Тень хочет избежать затягивания внутрь, попав туда — разрушается. Её разрывает на два исходных противоречивых Впечатления, и немедленно — на Свободные Впечатления, мелкие фрагменты. По ним, по странностям в наблюдаемом можно догадаться, что оливка-таки в чашке есть или была. Существуют и в океане специальные трубки, как оружие против хищных теней, скорее отпугивающее, вид узкого туннеля ужасен для тени и для хищника с присущими тенями.

Коллекционеры Впечатлений "соломинки" из разных материалов имеют при себе. Носят как браслет. Торговцы ими тоже. Для праздника солома наполнялась загодя, в течение года и запечатывалась с двух сторон воском или чем-то вкусным, сахарным, густым липким соком...

Случайно-неслучайно Клок получил соломинку с Впечатлением колокольни... Она приближалась... Башенные часы... Циферблат... Притом, взял из рук посыльного, человека с мохнатой повязкой на голове, представлявшей взъерошенные, дыбом стоящие рыжие волосы. Повязка на голове или на руке — отличительный знак посыльных, «голубей». Их нанимали в Соломенный День, желая угостить элегантнее или сохранить инкогнито. Да, но такой парик... Традиционный аксессуар мимов, в сочетании с ярким гримом: обведённые глаза, огромные рты, — делавший их гомерически смешными, полудроидам гипертрофированное кажется жутко смешно... "Где мимы, там и чары... Ну и что за циферблат, от кого?.. Приглашение?.. Угроза: мы следим за тобой? Твоё время выходит?.. От Чар?.. Или всё-таки от игроков Против Секундной Стрелки?.."

Соломинка не главное оказалось блюдо. Дальше ждал Клока случайно-неслучайно подслушанный разговор.

Компашка шла за ним и в перерывах между смакованием соломок насмехалась над кем-то, чьё имя незнакомо Клоку, кто был излишне опаслив с их точки зрения. Насмешки относительно визита на незнакомый облачный рынок. Игровой, борцовский, откровенно охотничий?..

— ... как-то до него приходили, нет?! — воскликнул некто чистым юношеским голосом. — Через кого-то вписывались, верно?.. Он, потеряй я дракона в прибое, клянусь: перебрал всех до единого, кто мог провести, и всех испугался!

— Ну, видимо, — предположил кто-то пофлегматичней, — с его точки зрения за вступительный взнос, они должны ему пожизненный иммунитет, корону и латы!

— И уговорить! — поддержали его. — Умаслить, чтоб принял!

— Соизволил!..

Гоготнули. А второй, флегматичный голос с расстановкой добавил:

— Уж поневоле крутится вблизи, и мир его рядом кружится... Трасса... Неужели трудно понять, что за рамой правила образуются, те, что для снаружи...

— Да, Трасса... Сама себе правило...

— Но и меченые — в правилах на ней...

В целом, Клок уловил, о чём речь. Когда упомянули "Трассу".

Есть постоянный маршрут, как короткий на прямом на участке Рулетки-Мелоди, длинный за ним. Он замкнут и петляет между рынков, облюбованных гонщиками. Огибает лепестки розы

ветров, рынки, связанные ими. Трасса — эллиптически растянутый маршрут, тяготеющий к земле. Облачные рынки медленно, но верно к ней притягивает. На каждом из них свои правила. А на Трассе... Воля! Тоже правила, на самом деле, только весьма суровые для случайных путников! Для тех, кто ни к одному из гоночных этих рынков не принадлежит.

Что такое постоянный маршрут, хоть на земле, хоть между облаков? Это большая дорога. И "разбойники с большой дороги", в лесочке или за облаком, в пешие идут путники, на коне верхом, или на драконе!

Хозяева облачных миров из числа оказавшихся вдоль этого маршрута, попали в невыгодное положение. Они вынуждены покидать Собственный Мир всегда с оглядкой, быстро пресекая Трассу. Над одним из таких компашка и смеялась. На положение Клока чертовски похоже.

Как раз в тот момент проходили шатёр игроков Против Секундной Стрелки... Случайно-нарочно... За пучками соломы в сохранённом ряду, за пологом мелькнули красные сапожки чар... Клок похолодел. Сговорились? Месть всерьёз?.. Нет выхода, он обязан сблизиться с ними, хоть на одну игру. С чарами говорить бесполезно. Они скрытны, насмешливы и главной среди них нет. Та, с которой поссорился, уже отвергла его извинения. Бежать против Секундной Стрелки, так на общих основаниях, добровольно.

Вслед за Соломенным Днём, сугубо мирным, наступал день тоже особенный, праздничный... Наверное, самый конфликтный день в году для Южного Рынка. По причине вчерашнего — опустошившего ради гулянья лучшие три ряда! Центральные, прямые, от рамы до неторговых задворок. В течение года права на места в нём продавались, перепродавались, сдавались в аренду, отнимались силой и коварством. Праздник перетряхивал сложившееся равновесие.

Утром, едва уйдут, испарятся обрывки туманов с рыночной пыли... Кто смел — тот и съел! Разумеется, большая часть воспроизводилась по старым лекалам. Шатры богатых торговцев, влиятельных людей их клиенты, покупатели, должники и друзья обнаруживали на привычных местах. Но и обделённые прежде нахалы получали шанс! Локальные стычки вспыхивали там и тут. Внезапные, жаркие.

Как и любое предсказуемое развлечение, они привлекали зрителей. Кто зритель, а кто выступит на конкретной стороне... С остатками соломок в руке, по рынку бродили толпы зевак, не примыкавших к спорщикам. Клок был в числе последних. Беспокойство гнало. И после полудня ноги сами принесли его к большому, обширному шатру пыльного цвета с обрезанной верхушкой, в ближайшем от спорной территории ряду... Тому самому, где мелькнули сапожки Чар. Обители Секундной Стрелки.

— Надумал? — раздалось негромко за спиной.

Клок подскочил от неожиданности. Густав рассмеялся и отошёл от него туда, где... Опять они?! Каури окружила стайка весёлых чар, колышками размечая архитектурный план завтрашней полосы препятствий. Каури служил единицей измерения. По росту, по шагу, по стопе человека отмечались точки. Что за ерунда?.. Ах да, точно! В третий и последний день праздников Южный Рынок разыгрывает оставшиеся свободными места. Забегом, прохождением претендентов весь Южный насквозь. Где бегом, где прыжками, а большей частью на условиях, как между Сциллами и Харибдами проходя ловушки выставленные азартным, оккупировавшим Южный на день рынком Мелоди.

В основном завсегдатаи Мелоди требовали танцев между пирамидками под свою музыку, и если танец нравился им, подсказывали куда переступить или перепрыгнуть. А ещё: завязывали глаза, натягивали тросы, толкались, пихались — охотились! Сбивали повсячески, лентами,

лассо, водными пистолетами. Рогатками с липучками сбивали тех, фазаньей породы, кто, полагаясь на силу и ловкость, пытался самостоятельно перепрыгнуть их архитектурно-ловушечный шедевр. Фигушки! Обитатели Мелоди и сами рисковали пробежать, протанцевать маршрут. Хоть место не нужно им, но за сколько можно продать!

Раньше Клок бывал в первых рядах претендентов, нипочём бы не пропустил, а теперь... "Тут мне и конец... Если приду... Недаром чары мелькают вокруг. А и не пойду, надо очень..." Ах, какой самообман! Чего стоит пропустить полудроиду один день, один шумный, рыночный, праздничный день?.. Вон, бродяжки небес не ступают на континент годами. Затворники миров не видят тысячелетиями облачного неба... Один день, чего стоит ему?.. Дорого стоит, дорого! Во-первых, как уважать себя после этого, сбежав, просидев дома? Во-вторых, не струсив, а пробежав, он расположит к себе тех, кто отвернулся, тех старых друзей, о ком сожалел, чисто храбростью вернёт их, это серьёзно. Наконец, может и выиграть! "Надо очень... Завтра..."

Нет, великолепная простота охотничьего стиля Густава проявилась уже сегодня. И в полной мере.

Клок продолжил бродить, искать ту чар, в последней надежде уладить-таки ссору... Добродился, что между утверждёнными вчера шатрами на полупустом с утра бульваре каждый клочок свободного места оказался забит, заставлен причудливыми схемами, тропами, геометрическими фигурами из ловушек. И не пресечь уже.

Ко всему, бульвар отгорожен высокими пирамидками не для торга и не для ловли, а именно чтоб отгородить. Чтоб свернуть нельзя было. Кто решился, пускай бежит от начала и до конца.

А Клок обнаружил себя весьма далеко от выхода с рынка... Через шатёр улететь? Своего не было. Искать место поставить его? Не так-то легко. Районы же по сторонам от главных рядов образованы проходами настолько путанными, насколько главные — прямы... Нет, Клок знал ходы-выходы, всегда примерные, не без пошлины за проход, но в такой день, накануне такого дня... Как нескладно...

"Приветливо" в наступающих сумерках светился тент игроков Против Секундной Стрелки. Трудно поверить, что ни один из парней легко и запросто ныряющий в освещённые недра не знает, суждено ли ему выйти наружу... Соломенный день привлекал и нечастых гостей, так что к стрелке в гости наведался не основной состав, но и многие допущенные когда-то до смертельной игры, привлечённые не совместной охотой, а риском и высокими ставками.

Чтоб подойти во второй раз у Густава был отличный предлог: извиниться за первый! За смех, за то, что напугал. Был и букет соломинок в руке, залепленных благоухавшей издали патокой. Сладкие запахи успокаивают, расслабляют...

Не позволяя выбора, чуть медленней, чем наносят удар, он протянул Клоку пучок соломок, вытаскивай любую. Сработало. У него всегда всё срабатывало. А чего проще, руку оттолкнуть?

Против воли, ну, не шарахаться же, Клок вытащил, откусил патоку. Впечатление без зримого, кто-то с закрытыми глазами оставил его: шум прибоя накатывался долго, издалека, пальцев ног касался прохладой, жарило солнце... Без видимого. И это неспроста, чтоб не перебивало, его, Густава приподнятые брови, извиняющийся и самоуверенный вид. Пусть весь обратится в слух, сквозь и после Впечатления пусть слушает...

Небрежно Густав заметил:

— Тут сложно пройти... Не то, что шатра поднять. Домой бы? И мне... — без перерыва, вкрадчиво он рассуждал вслух. — Или игру посмотреть?.. Хищницу от Каури. Хищница из акробаток в группе, любопытно...

"Чар!.. — стукнуло Клока. — Наверняка! Она обошла его, прежде него оказалась среди

них!.."

И не чар, и не хищница, игроки Против Секундной Стрелки девушек не принимали. Враньё до последнего слова.

Шестигранники пирамидок, подготовленных к завтрашнему забегу сложной конструкцией светились за высоким забором, узкий проход оставлен до утра. За спиной рыночный лабиринт. Справа тент, и где-то внутри него — Секундная Стрелка... Оба смотрели на полосу препятствий. Густав пулял щелчком в пирамидки обломки соломенные, смотрел, как пружинками отскакивают...

— Ты в курсе, конечно, — рассуждал вслух, в пол оборота к нему Густав, — что я чистый хозяин. Не по убеждениям, не отчего-то такого прямо важного. По обстоятельствам... Они складывались за дракона, хоть иногда, я был против него, да-да!.. Охотники с драконами вхожи много куда, много кому нужны... Я откровенен с тобой, ты же… Ты всё про меня понимаешь... Особенно теперь. Вот такой, с драконом, я всегда удивлялся нежеланию стать одним из наших... Когда зовут... Почему?.. Особенно нежеланию тех, у кого телохранителя-то давно не было. Сотни вокруг ищут того же, готовы на разные условия, но их не зовут... А некоторых зовут, и не трусов, к чему бы звать зайца?.. Отклоняют... Отказываются... Я бы не пожалел и статуса, и телохранителя. Очевидно — среди лучших лучше... Вот, перед нами лабиринт... Без обид, я вижу как ты в него, как в море заглядываешь, как озираются и те, вон смотри, заблудились... Но дракон там — не поможет!.. Ты злишься, ты не прощаешь, ты не веришь мне. Отлично. Ты не дурак. На тех же условиях, не верь, не прощай, но зачем быть врагом? Будь мне заказчиком. Против стрелки я не играю, подножки от меня ты не дождёшься. Проблемы с чар? Угадал?.. Угадал... Клок, смотри, что получается... Я не могу охотиться наружу группы. Но сыграй Против Секундной Стрелки один только раз, и окажешься внутри. Я поймаю чар для тебя...

Густав говорил, говорил и перешагивал завалы соломенные, оставшиеся со вчерашнего дня. Не звал за собой. Уходил. Светился треугольник откинутого полога, и треугольник подставки внутри.

"...поймаю чар для тебя? Почему нет? Не превращения, перемирия ради..." Клок дрогнул и догнал его. Густав — не дрогнул, он не сомневался. Улыбнулся одобрительно и... Пропустил вперёд.

Клок, ясно, не знал! От кого бы знать ему?.. Строго рядом, плечом к плечу, с участником игры заходит приятель его, все остальные — общая добыча. Такой маленький штрих, пароль...

Хан-Марик, карауливший, слившийся с неосвещённым, нарочно ширмой затенённым изнутри пыльным боком тента, чтоб не было и силуэта, не понадобился, для страховки вырос за спиной. Внутри достаточно людей, закончить охоту. Призрачный, бесконечно острый конус подхватил незваного гостя на острие.

Вскорости парни разошлись до утра. Не их интерес. Сегодня даже игры не было, и тут солгал. Они обсуждали участившиеся грабежи, силки на задворках планировали. Густав даже не заглянул. Дело сделано.

Глава 83

Глава 83.

Темнело... Странным образом, Клок в темноте и неволе враждебного места сразу обрёл покой.

Он был очень жаден к жизни. Особенно с повторного обретения Собственного Мира. Шатался по нему, не зная, у какого окна остановиться. Прислушивался, проводил ночи в разных комнатах, неповторяющиеся области Там заглядывались на него через окно. Перебирал коллекцию, светильники иначе развешивал. Разрывался между домом и левым крылом Южного. Где Рута и Дабл-Пирит, где первые успехи на арене...

Бац... И настало время очнуться, слишком уж гладко всё шло. Оглянуться, распрощаться и с тем, и с этим... Ложь вкрадчивых, невесомых, холодных слов Густава развеялась. Оставила горечь. Но горечь не замутняет, обостряет, подчёркивает. Прозрачная линза. Тоже неправду показывает, но когда отнимешь, всё встаёт на свои места, с поправкой на масштаб. Прощаясь с жизнью, Клок пожалел его, лучшего охотника Южного, так долго сохраняющего имя и лицо в тени, того, кто уносил сейчас, сквозь лабиринты сумеречные петляя, шлейфом, аурой, манией и короной холодную горечь лжеца... Уносил целиком, лишь капля досталась Клоку, и та испарилась.

Странно, куда смылись игроки?.. Не утащили... Ни слова про выкуп, ни вопроса про поручительство. Гай, был среди них, знакомец... Но он бы поручительствовать прежде не стал. А теперь стал бы, но где он?.. Чего, кого ждут?..

Кого... Бутон-биг-Надир выкупил у хозяев право на пирамидку на неограниченное время, до результата.

Стемнело совсем. Клок напевал тихонько мелодию дроида Я-Владыка и неожиданно вспомнил манок своего главного дроида... Близкий семейству Дом, трон Этажи. Хрустальный, рассыпающийся уровнями колоннад, лестниц, террас... Небоскрёбов дроидами неузнаваемых, как дома. Стекло перемежалось со сталью сверху донизу и казалось природными образованиями. Их принимали за Впечатления техно, за микромир, за фантазийные Впечатления. Клок знал небоскрёбы. Знал и стоящие на земле, и в предпоследнюю эпоху парящие над ней... Какой подарок судьбы, поцелуй прощальный — манок своего дроида... Клок повторил несколько тактов... А после обе мелодии легко и складно перемешались. Клок отстукивал одну из них костяшками и ногтями по широкой пряжке ремня с эмблемой вир, ученической. Признанные виры не носили знаков отличий. Вторую, мелодию раскрывавшую перед ним Собственный Мир, насвистывал, и вспоминал, вспоминал...

И кое-что вспомнил. Про дроида, созданного в лазоревой, перевёрнутой бездне стократного Лала. Лучший день в жизни, искрящиеся снега чужого Собственного Мира! Полез в сумку-карман. Вот он... Прозрачная, перенасыщенная огоньками дроидов лазурь, красивейший цвет в мироздании, цвет будущего, цвет вечной весны...

Дроид, показывающий всех людей в мире, вернул Клока в реальность. Суровую. К отображающему его самого центральному огоньку приближались два вплотную. Фиолетовый и багровый. Оба чёрным вспыхивали изнутри... Так нельзя сказать, но как тогда?.. Яркие, большие... Неверные, как болото под ногой, твердь Горьких Холмов на самой границе с побережьем. Поглощающие свет, который и хотел бы излиться от них, но не мог, настигаемый чёрной волной неверного мерцания... Накрывает и утаскивает в океан... Стрёмное что-то... "Тим-пи... Тим-па!.. Рам-па... Рам!.." — Вслух повторил Клок чистый припев Я-Владыка и повернулся лицом к реальности, к неизвестности. Ко входу.

Топ-топ... Нагнув голову с высоким, золочёным тюльпаном короны, Буто-биг-Надир, известный Клоку лишь издали, не знакомый лично, вступил за полог. Глухое топанье его заглушило шорох, опустившийся сверху. Бумажный, непродолжительный. Шипящий. С обрезанного купола что-то пало в дальнюю от входа часть шатра и слилось с темнотой. Биг-Буро остановился, и Клок расслышал тогда, как встряхивается где-то за спиной с жёсткими перьями огромная птица. Что у Биг-Буро мог быть подобный живой артефакт, нетрудно вообразить. А теперь Клок без труда вообразил, что её и кормить надо, и кормить живыми людьми... Оборачиваться не тянуло. Недостало мужества... Шорох перьев затих и раздался за спиной голос, шипящий, раскатисто шипящий, приглушённый, и всё равно трубный голос Морского Чудовища, ужас галло:

— Надир... — прошипела огромная птица раскатами волн, пеной, набегающей на прибрежную гальку. — Ооу, начало положено, Надир... Ловец поймал сюрхантера на себя...

Клок склонил голову и через плечо глянул. Не птица. Не монстр... Человек. Высокий, с Буро. Бледное пятно лица между ниспадающей глади иссиня-чёрных волос. В жёсткими складками стоящей тёмной накидке, она и шуршала, в юбке до пола. На поясе двойной барабанчик. А в глаза невозможно смотреть. Страшные глаза. Лучше б он был монстром во всём остальном, кроме них. Веки медленно прикрываются, будто он смакует что-то... И распахиваются — вдруг. Сверкнув белками, с хищной, нечеловеческой яростью.

Безо всякого злого намерения, по морской привычке в незнакомом месте быстро оглядеться, Дзонг перекатил голову по плечам, как оторванную, широким кругом, свободно. Пленник вздрогнул и отвернулся. Уставился на Буро, на парчу, на бисер. В каждой бисеринке — голубоватый блик его держащей пирамидки. Кулак сжал и укусил: молчи, не сули, толку... Буро поцокал языком: "Чик-чик, тихо-тихо..." Левой русальичьей рукой свёл его с пирамидки, правой протягивая соломинку с палец толщиной, незапечатанный сухой бамбук:

— Долго пришлось сидеть?.. Выпей...

Клок сошёл с острия. Оставляя маленький свет, Буро оставил там пучок припасённого бамбука, короткие, одно междоузлие...

Не обладавший по природе ни стойкой храбростью, ни последовательной добротой, но и тем и другим — импульсивно, Клок, не в обиду ему, отреагировал, как и на утрату мира. Усталость, ожидание гибели накопились... Хрупкий бамбук треснул в кулаке последней каплей. Пролил... Клок виновато дёрнулся, на землю сел, всхлипнул, так и остался... Вздохнув, Буро сел рядом. Неудобно без кресла, низко. Дзонг, подплывший из тьмы, высился над ними. И Буро в очередной раз понял, что не прощает ему Симурга. Не в состоянии простить.

— Чик-чик... — протянул руку за новой бамбуковой палочкой Биг-Буро. — Выпей. Не соломинка? Да, это нарочно. И не оливка, пей.

Он сам отломил запаянный кончик. Клок взял, не глядя. Даа... Буро не нужны морочащие, ловчие тени, чтобы составить нечто особенное. Угощать и химичить над Впечатлениями, его страсть. Бескорыстная.

Секрет бамбуковых коктейлей был элементарным и очень океанским. Если б выпивший его умел сплавлять тень, ему понадобился бы сверх того глоток морской воды и всё. И полноценная, активная тень готова. Каждую пустотелую бамбучину Буро заполнял парой эксклюзивно противоречивых, как можно более далёких по смыслу Впечатлений. В равной пропорции. Разделив восковым, крошечным шариком, вымоченным прежде в каком-либо связном

Впечатлении, содержащем броский, яркий образ. Он будет моментом переворота. Связующим и разграничивающим одновременно. Получался непередаваемый эффект. Именно тот, что требовался. Для острого удовольствия разленившимся, подвижных игр не желающим гостям. Или для оцепенения при охоте, когда тревожную, мнительную добычу на оливку не поймать. Человек зависал между Впечатлений, ни туда, ни сюда. Парил в течение секунд или даже минут, на яркий, незамысловатый образ воскового шарика спроецировав поневоле конфликт и собственный вкус двух фронтов. В том чудо: шарик-вираж, шарик-сальто, он раскрывался замедленно... Переворачивался... Протяжный восторг прыжка с переворотом, взлёта в обыкновенном драконьем кувырке, что тянется, запрокидывается, длится... И наконец, отпускает, выстреливает тобою в финальный восторг, ждавший с той стороны... Всё очень просто, ингредиенты просты, заменяемы. Не обязательно брать цельные, коллекционные Впечатления, подходят любые. Их яркость, сила их воздействия — вопрос точных пропорций.

Клок выпил классику Биг-Буро в этом жанре. Первая раса вдохновила его когда-то составить такой коктейль, размышление про тепло и холод...

Под кем-то, кто оставил Впечатление, кто сидел на драконе и смотрел вниз, извергался вулкан, преображая Морскую Звезду... Жар, жар и пламя, и дым, и все цвета между оранжево-алым и густым багрянцем... На дне бамбука. Дальше пористый воск: покачивается бабочка на жёлтом цветке, Впечатление успевало показать, как раскрывает и складывает крылья, яркая, годится. Поверх бамбук долит до конца таким Впечатлением... Древний, неавтономный дроид шагает в толще аквамаринового льда, не растапливая, разбрасывая огоньки вперёд, распадаясь на них и собираясь при следующем шаге. Он считывал структуру льда, температуру, соли и примеси, работа улитки, но зрелище редкое по красоте. Между вулканом и аквамариновым льдом бабочка, крапивница и раскрывала, и складывала крылья...

У Буро сплошь редкости. Он не экономил и не мелочился. Не вулкан, не взлёт, но ледяная толща заставила Клока успокоиться. Зима... Он поблагодарил кивком, не соображая, что сказать, о чём спросить и как. Сами скажут... Верно.

Буро снял с пирамидки следующий коктейль, и начал издалека:

— Гад он, правда?

В пространство, мимо... В точку. Клок услышал голос всех прежних охот, опостылевших, стыдных, отдалившихся приятелей своих, охотников и заказчиков. Мстителей и любителей лёгкой добычи. Тусклые, до жути однообразные в интонациях, начавшие забываться, фальшивые голоса. "Жарко, а?.. Лопух, да?.. Тупая разводка... Ловим!.." Нет уж, хватит!

— Не больший он гад, чем я, — ответил Клок быстро и звонко.

В глаза Буро ответил, струной дрогнул и выпрямился струной.

— Господин, я — раскаявшийся хищник.

Золочёные дуги короны слепили, отражая маленький свет. Буро промолчал, а Дзонг прошипел по слогам, раздельно, глухим шёпотом:

— Надир?.. Ха-ха-ха...

Глава 84

Глава 84.

О, какой сюрприз ждал Густава за картами вечером следующего дня!.. На игру Против Секундной Стрелки он не пошёл, а зря, приготовился бы отчасти.

Густав понаблюдал забеги, полюбовался сокрушительными падениями сбитых лихачей над сложными участками лабиринта. Наслушался отрывистых, буйной скорости, аж гудело в ушах, ритмов там и тут указующих, грозящих, ободряющих. В масках и без, в развевающихся шелках, мчащиеся игроки обдавали ближние ряды ветром. Замирали, как вкопанные, разгадывали загадки, протанцовывали схемы, причудливые порой, что с удовольствием воспроизведут на бис, вспомнят на Мелоди. Видел случайные победы, видел и поражение опытных игроков, пришедших с облачных рынков. Внимательно, вдумчиво посмотрел, как ловит на подставку коварная механика, замаскированная под обычный артефакт. Лучи света, к примеру, из дешёвого фонарика оказывались паром кристаллизующимся, достигающим такой густоты, что становится частью механики и ловит, а простираются эти "лучи" далеко... Хорошая вещь, можно прикупить.

По традиции упавший товар доставался толпе, тому, кто успеет схватить, а для начала способен перепрыгнуть ограждение или просочиться в узкую щель. А ведь и упавшее на землю могло оказаться приманкой. Если и нет, то несколько претендентов в стычке имели вполне ощутимые шансы тут же зависнуть, на соседних торговых пирамидках. Густав шатался туда-сюда, делал короткие ставки на улыбнувшиеся ему отрезки маршрута, на успех конкретных людей не ставил.

Хан-Марик, следовавший и следивший, отлучался иногда. Феерически быстрый, одним своим появлением он отбивал охоту попытать счастья у соперников, выскочивших с ним одновременно на маршрут. Насобирал безделушек несчётно за первую половину дня! Набил ими карманы, что можно, за пояс нацеплял и продолжал ходить в таком виде за Густавом... "Сгинь ты уже!.. Пшик! Брось эту муру где-нибудь!.." Густав закатывал глаза, шипел на него и ради интереса попытался оторваться в толпе. Не получилось...

Вечером — карты. Он был зван обсудить короля Рода за карточной игрой. Плохо, что Господин Сома не добыл информации для него. Хорошо, что не нужно тащиться на Оливковый Рынок. Биг-Буро ради карт как бы отдал им шатёр на задворках, где изредка появлялся и сам.

Глубокий шатёр, вытянутый в глубину. Стены туго натянуты между круглыми столбами. Крыша — четыре ската. Флюгер на крыше — раскрытая ладонь, на большом пальце поворачивается. Флюгер?.. У Буро всё не просто так. Игроки не озадачивались. Удобное место, стильный вид. Стол и стулья внутри. Кресло с высокой спинкой ждёт хозяина, Буро. Редко дожидается. Оно повыше стульев, кто первый запрыгнет, имеет шанс заглядывать в карты, — и получить по носу!

В назначенный вечер Олив и Биг-Буро встретили их на пороге. Господин Сома за столом встретил улыбкой, забавная компания: Марик прибарахлившийся... Близилась туманная ночь и Чёрный Дракон Густава высился недопроявившейся горой за другим плечом, под обычный тент мог волне зайти. Но опасности не учуяв, дорастаял. Биг-Буро делал жилыми, защищёнными от сырости даже шатры-кладовые. Тени в его владения не просачивались, для крупных хищников моря далековато от побережья.

Расположились за столом, игра предполагалась парная, вроде подкидного. Однако Хан-Марик не умел и не стремился научиться, а Буро протопал вглубь шатра, греметь склянками, химичить... Где четвёртый? Солома, разбросанная по столу, остатки праздничного дня, скрашивала ожидание, но не напрягался и не скучал только Хан-Марик. Разложил на весь стол свою сегодняшнюю добычу и разбирался, кучками перекладывая, блестящее пробуя на зуб.

Олив, потемневший, посерьёзневший за минувшее время, неподвижный как скала наблюдал за ним с ничего значащей застывшей ухмылкой, обнажив один клычок, изогнув одну бровь. Он и одеваться стал в зелёное, словно бравируя тем, что раньше скрывал. Тем, что все они скрывают, пока могут... И тряпки на нём откровенно по морской моде, безрукавой. Демоны любят плащи, капюшоны и всякое закрытое, длинное... Но открытое по сторонам, где бывают: руки, дополнительные руки, плавники, ещё плавники, щупальца, шипы, колчаны и прочее разнообразное оружие. Ровный кафтан до земли с разрезами по бокам, белые хакамы, широкие как юбка. Обнажённые смугло-зелёные руки сцеплены в замок.

Господин Сома скучал, пробовал соломинки. Одна оказалась не травяной, хлебной. Он удивился, выпил и её схрустел. Надо же, не размокла, поджаристый, солоноватый хлеб. Хлебных вкусовых Впечатлений миллиарды, до конца времён они будут нравиться полудроидам, людям.

Марик собирался сделать то же самое с золотистой, тонко гравированной, имевшей расширение на одном и чубук на другом конце, как... Из абсолютно расслабленного своего положения Олив сделал выпад и выхватил у него из рук. Скучно... Тихо поднимающегося Марика тихо сужающиеся глаза парировала холодная улыбка, ощерившаяся выше клычков:

— Хан-из-Моря... Твоя соломинка?..

Буро вырос над ними, побарабанил по крепкому, как погон, наплечнику кафтана над зеленоватой рукой, не время для потасовок:

— Олив, — буркнул он, — маленьких обижаешь?..

Густав, безмолвно вздёрнув подбородок, спросил Господина Сому, чего ждём-то вообще? Тот понял и ответил:

— Колоду ждём, Густав. Кон...

Здорово... Густав считал вообще-то, не это главное. Так, предлог.

— У меня есть. В мариковом тайнике рядом. И не одна.

— Партию ждём...

— Вы что-то темните. Биг-Буро не желает? — Густав поклонился ему, не вставая. — Что ж, можно втроём, и переговорить о деле. Не обязательно вчетвером...

— Впятером...

— Парами? — окончательно запутался Густав.

— Парами. Не спеши, мы рано собрались, подождём кон и игрока.

— Четвёртого, а пятый?..

— А пятый в колоде...

Олив слушал, слушал и рассмеялся. Тихим, размеренным смехом, не злым. И не заразительным. Для Густава — точно... Чёрный Дракон проявился, сверкнул белками огромных глаз и пропал.

Ночь подошла вплотную, торговых пирамидок не имелось в шатре. Биг-Буро дёрнул за шнур под потолком. Что-то щёлкнуло, флюгер с крыши перевернулся под тент, и шатёр изнутри озарила раскрытая металлическая ладонь. Большим пальцем вверх. Из рядов казавшаяся небольшим, обычным флюгером, для жилого помещения она была велика, света хватало с избытком.

Представив себе туманную ночь, заполнявшую долину, дымными ручьями вливавшуюся сейчас в раму Южного, плывущую в шаге от него, за тугими, матерчатыми стенами, Густав резонно обеспокоился... И на скольких щупальцах, раз ждать его до ночи пришлось, спешит сюда четвёртый игрок... Карты как станет держать, веером? Или каждую отдельной присоской? Человек в здравом уме даже с телохранителем не отправится пешком куда-то в густом тумане. Но четвёртый приближался. Не ползком, не плавниками отталкиваясь, не на перепончатых крыльях зигзагами летя. Ногами шёл. И хоть не с драконом, но с таким телохранителем, с которым можно, закрыв глаза, гулять по дну Великого Моря. Глухое шуршание в такт неслышных шагов, как будто тёрлись жёсткие маховые перья. Провал глянцевой черноты волос, пятно узкого лица. Разрез глаз прикрывался, сверху затекал темнотой, и полностью моментально распахивался. Тихо стучал узел поясного шнурка о барабанчик...

Телохранитель, именно. Никто не понукал, не привязывал, не шантажировал четвёртого игрока. Вчера он ответил на некий вопрос, как сам понимал. В согласии с совестью. Ничего не оставалось сегодня, как сказанное воплотить. Ах, какой удачный вопрос подсказал Бест Бутон-биг-Надиру!.. Как полезно бывает в споре проиграть!..

Дошли до последнего из торговых рядов. Высокий силуэт сопровождающего замер. Глаза сверкнули, он дунул, и туман расступился до самого входа в шатёр... Четвёртый, которого ждали, не обернувшись на страшного спутника, двинулся сухим руслом, между рваных туманных берегов, у полога остановился. Набрал воздуха в грудь, как не полудроид, как человек сделал бы перед нырком. Не чудовище за спиной волновало его. Не чудовище, и не за спиной. Набрал воздуху и нырнул, откинул полог.

— Доброй ночи — добрый рассвет...

Он разительно изменился. Куда подевались восточные тряпки, борцовские знаки? Куда робость, наглость, непосредственность хулигана? Готовность откликаться каждому, от каждого ставящая в зависимость? Клок обвёл взглядом присутствующих, не задержав ни на ком, и поклонился, произнося традиционное ночное приветствие. Одет, как демоны моря, без рукавов, в длинных жилетке и юбке, чёрных как уголь, поблёскивающих, как стеклянный шлак в угле. Олив ухмыльнулся, оценил, говорящий стиль. Врущий, в данном случае, стиль. Не сам наряжался, Олива не провести. Чёрные волосы, по-прежнему собранные на макушке напоминали теперь не птичий хохолок, а жёсткую корону, перехваченную лентой с чем-то подозрительно напоминавшим горение Пурпурного Лала, маленького, но подлинного, в серебре.

— Поздравляю, — приветствовал его Господин Сома. — Вступительная игра и такой банк. Лал принесёт тебе удачу.

Клок молча поклонился в ответ.

С наслаждением наблюдал кое за кем Буро... Густав выпал. "Заколдованный он что ли?! Ну, ребята, вы не имели права!.. Не спросив охотника... При Махарадже такого не случалось". Они не спросили, но и он не оставил инструкций, не предполагал...

Биг-Буро сгрёб со стола солому, Хан-Марик убрал добычу и себя со стула. Клок занял его место.

Сказал:

— Густав... Благодарю. Группа приняла меня хорошо. Игра удалась. Теперь я один из вас. Могу быть заказчиком?.. Но не чар... Мне нужна не чар...

Густаву ничего не оставалось, как пожать холодную, протянутую через стол, руку.

Два ошеломительных открытия поджидают человека, сделавшегося хищником, в особенности, если пошёл сознательно на это...

Первое... Ничего не случилось!

Ничего страшного не произошло. Вот — он толкнул на пирамидку, или задушил, завершая бой, предпочтя дорогие призы, а не символические регалии, или в Собственном Мире проделал краткое мановение рукой... Вот — человека уже нет, а артефакт есть. Свист, топот, аплодисменты правого крыла... Мир не рухнул, ничего не случилось!..

Второе... Случилось.

Мир не рухнул, но что-то случилось, накренился, трещина пошла...

Второе открытие настигает через паузу, со спины. Без предупреждения, внезапно. Вы с приятелями давно нацеливались на этого, постоянно выигрывающего в марблс, увёртливого в гонках!.. Давно... Иногда ты пил с ним в гостях Впечатления у кого-то, иногда на Мелоди таскал из его кулька разноцветные монпасье... А потом он снова обыграл тебя. И ты перемигиваешься с друзьями за спиной у него, надоел, больно везучий. Или противный, или чужой... И одежда дурацкая...

Вот — уже нет чужака, охотник сработал чётко.

Но непременно наступит день, когда в доброй, веселящейся компании, где коллекция марблс успела переменить владельца, на следующей партии ты ждёшь знакомого броска, который умел делать только он, надеешься, что уж в это-то раз!.. Но нет той руки и того броска. Нет, и не будет... А после, когда разлеглись вокруг поля, придумывать условия для следующей игры, кто-то спросит тебя, вашего противника вспомнив: "И как?.. Получилось, что задумывал?.. Вписался ли артефакт в интерьер Собственного Мира?.." Спросит мимоходом, смеясь. А у тебя слова застрянут в горле. И вместо ответа ты, усмехнувшись, кивнёшь. Отворачиваясь непонятно куда, непонятно почему. И привыкнешь так усмехаться.

Большинство полудроидов мечтает о живом артефакте. Мечтает им дополнить Собственный Мир. Немало и тех безумцев, кто теряет статус осознано ради конкретного зверька. Почему же продают их? Почему живые артефакты ходят товаром на рынках? Да вот поэтому.

Возвращаясь назад...

— Как ты угадал?.. — прошелестел Дзонг, усмиряя гулкость морской речи. — Откуда ты знал, ооу, Надир?.. Раскаявшийся, нераскаявшийся, на лбу не написано...

— Я давно среди них, — ответил Буро. — Представь, это удобно, иметь дело с раскаявшимися хищниками. Они предсказуемы. Не спрашивай, почему. Я наблюдал, не знаю почему, но так.

Это, когда остались одни, а возвращаясь ещё назад...

Нужен сюрхантер. Дзонгу, чтоб скрыть лицо, имя, он не лжец... А Буро — чтоб уничтожить охотника по завершении дел. И ещё Буро не хотел, чтоб Дзонг скрылся откровенно за ним.

Тайна очень важна Дзонгу. До последнего рывка в Гала-Галло он должен оставаться в тени. Рывка?.. Дзонг даже не летает... Лучший охотник Южного, по словам Надира-Ача знает дорогу в Гала-Галло... Всемогущий в тумане и в море, в пути Дзонг будет зависеть от него. Он склонялся к последовательной ловле, к именным заказам. Как ни велико искушение повторить оглушительный разгром Файф.

Обитателям облачного рынка — непреходящий ночной кошмар, он днём, по здравом размышлении представлялся старой сказкой... Смешно и странно бежать. От кого бежать? Да есть ли он на свете? Придонной актиньей доживает!.. И то вряд ли... Ночь шептала другое.. Так и жили.

«Ооу, нельзя их пугать... Кроха — первым номером. Гипнотическая Кроха... С занесённой над Вайолетом рукой... Остальные — после. Переловить! Ооу, нужен охотник...» Обязателен. Для поимки сюрхантера Дзонг с Буро перебрали все мыслимые варианты, начав с привычных им, морских. Яды, морочащие тени, ловчие... Общий их недостаток — разовое использование. Если раненый должен оставаться в сознании, сохранить свободу перемещения в Собственный Мир, в подземелья с Чистой Водой забвения, океан, наконец... Никуда не годится. Ранить и поймать можно, а дальше? Чем привязать? Чем же привязать сюрхантера?..

Буро переждал тогда шипящие, бурлящие раскаты "ха-ха-ха" и спросил Клока:

— Раскаявшийся хищник?.. И что следует из этих твоих слов?

— Что я не превращаю и не охочусь, что ещё?..

— Вот что, юноша... Я превращаю. И я охочусь. Густав осточертел тебе и мне. Ты отворачиваешься, так? Тогда... — я заканчиваю охоту. Он мог бы и пригодиться... Мог бы ещё пожить... — Буро сделал вид, что отвлёкся. — Как считаешь, юноша, он мог бы стать "раскаявшимся охотником", бывают такие?.. Не судьба... Я имел интерес к нему, но опосредованно, мне нужно чужое лицо. Ты отворачиваешься. Найду ли я другой вариант или избавлюсь от охотника, не твоя печаль, правда, раскаявшийся хищник?.. Густав здорово насолил тебе?.. Что ж, скоро его накроет большая волна. И ты увидишь это, поздравляю. Я не причиню тебе вреда. Я не Густав, отпустив с пирамидки, я на неё не возвращаю...

— Почему я должен...

— Ты не должен. Это было бы странно... Пока ты рядом, он — невредим. Но зачем тебе гадина рядом?.. Ждать когда подставит, кому продаст? В третий, пятый, сто сорок пятый раз?..

Клок уставился в землю, помолчал и ответил:

— Господин, я понял тебя. Но у охотника нет друзей! Он близко не терпит никого. Человека-телохранителя держит рядом, и то... Гоняет пинками, когда не нужен ему.

Буро ли не знать!..

— Господин, — Клок скользил по дельте своих размышлений, — Ты изобретаешь игру? Хитро закрученную игру?.. Хочешь проверить, способно ли раскаянье превратить хищника в дроида? Сомневаюсь... Ты не проверишь этого на мне, не на моём примере... Я, как вынырнул в бурю! И за крыло дракона смог удержаться, я счастливчик, не смотря ни на что, господин!.. Прыгнуть обратно? Стать чужим, твоим, господин, лицом?

— Не охотиться, нет, — подчеркнул Буро.

— Да, но... Как на волне, не продержусь живым возле него и дня!..

— Ну, на волне-то и лучше, чем при штиле... Волна-то всем волна, и тем, кто на ней, и тем, кто под ней... Да... Задержишься! У меня есть рычаги влияния. И ты их применишь.

— Я врать не умею!

— Зачем?.. Всё прозрачно. Мы научим тебя фокусу... Знатному фокусу... Раза хватит, что б по доброй воле охотник задержался при тебе, принял заказ от тебя. Наш заказ. Так и скажешь, что представитель, но промолчишь — чей. В чём сложность, юноша? Мало ли анонимных посыльных?

— Для его уровня таким способом принимать заказ...

— Ничего, фокус тоже будет ему по размеру.

— Почему же просто не нанять одного из них? Посыльных?

Буро преступил тяжело, поднимаясь, с ноги на ногу, в сторону цыкнул... Хороший вопрос.

Ответ был бы похуже... Но ответа не будет.

— Просто нанять... Не просто... — неопределённо проговорил он. — Болтовня тут неуместна... Знал бы ты, сколько осведомителей, сколько торговцев секретами среди них!..

— Дорого? — не удержался Клок.

Ясно, чьих осведомителей.

— Да как всегда! — воскликнул Буро. — За чепуху торгуются, серьёзное выбалтывают между делом!.. Юноша, видишь ли... Ты видишь, всего не скажу. Но главное — да. Твой личный риск минимален. Ничтожен.

Подлинного сюрхантера Буро лишь начнёт из него готовить. Чтоб когда придёт срок, Густав обезумел от ненависти, чтоб без оглядки преследовал его, чтоб за словами и делами, и рядами Южного утратил контроль... Забыл про Марика, забыл про дракона, остался один! Прежде охотник-комодо не терял головы, думал об охоте, а не о добыче, суть разные вещи... Так пусть обезумеет, пусть потеряет голову.

Биг-Буро протянул, надломив, Клоку ещё палочку бамбука.

— Выпей.

Она оказалась морской водой. Цепочкой колючих Свободных Впечатлений. Их горечь, словно выхода ища, закружилась под нёбом, крутилась и не проходила.

— Не понравилось? Извини, я дам запить. Вот такова моя жизнь. Бедовичка, просителя твоего сейчас, я раз в тысячу лет прошу. Такова и охотничья, гнусная сущность чистого хозяина. Откажись. Завтра его не станет. Или продли его дни.

Клок отвёл в сторону предложенные ему запить, благоухавшие мёдом, персиками, лепестками увядающих роз, бамбучины. Горечь билась в нёбо, кололась и освежала ум. Возвращала куда-то к главному... Домой будто... К покою безумного, единственно верного решения... Хищник моргнул на сияние короны, на страшные глаза безмолвного Дзонга, заглянул в миндальные, усталые Биг-Буро и несвойственным ему образом, где-то торжественно, ответил:

— Я, господин, не знаю, что там, за поворотом. Не знаю и почему нужно свернуть туда. Хлопнуть дракона по шее, направить в обход кучевых миров, именно этих... К тем мирам, именно тем... Я просто не хочу прерывать полёт! Ты не поймал меня, я не знаю, надо вмешиваться или нет. Но, может быть, там узнаю?! Ну как иначе? Никак!.. И доложу тебе, господин... Тебе оно тоже неизвестно, что за гроза там, впереди!..

В результате, то, что для Беста являлось жизненной позицией, для Буро оказалось не более чем ловким приёмом. Запутать, не солгав. Принудить, не применяя силы. Клок же приняв благородное и нафиг не нужное ему решение, перемахнул не пару ступеней вверх, а — лестничных пролётов. Оказался на самом верху, как тогда, у распахнутого окна Собственного Мира, где Я-Владыка, счастливый возвращением, встретил его. Ещё легкомысленный, мечущийся, в Бесте он найдёт друга и брата. Повзрослев, не на гонках найдёт себя, и не на левом крыле. Окно, у которого стоял теперь, оказалось распахнуто к областям Там настоящим, наружу рамы, к людям, Чудовищам Моря, дроидам, ко всем без разбора, ко всем, кто проявляется в его жизни, в кружащем первом снегу. Это и правильно. Разберётся по ходу. Разрушенное отстроит.

Закладывая основание, приходится катить, поднимать самые тяжёлые камни. Предательства. Терпения. С Густавом за одним столом... В образе демона неморского, застывшего, отстранённого, с Пурпурным Лалом в чёрных волосах.

Из нагрудного кармана Клок достал игральные карты. Колоду, вместо коробки охваченную наперекрест широкими лентами, серебристыми, с тусклым, потёртым рисунком чёрных и красных мастей. Нажал, невидимая застёжка свистнула, и ленточный крест расправился у него в руке.

Холодный взгляд Олива оживился:

— Старый, не новодел! Кон Рода... Последний раз видел его... Ещё человеком. Я сдам? Юноша, твоё имя?

Они представились.

Господин Сома знал Клока по Архи Саду, с Оливом они там разминулись. Смотрел и изумлялся. Не ждал от хулигана подобного, выдающегося артистизма.

Какой артистизм?.. Клок не изображался. В странной ситуации, во враждебной среде... В ночи, в тумане... Как он должен был выглядеть, как на Мелоди в козьих плясках?.. Он вспоминал инструкции, прислушивался к внутреннему голосу, следовал песне дроида, не покидавшей его, как путеводной нити. Куда приведёт, туда приведёт, других ориентиров нет. И выглядел соответственно — весь в себе. Под мимолётными и прямыми взглядами, сканировавшими его, требовательными, изучающими, выискивающими несоответствия и их разгадки. И под взглядом Густава... Не так уж мало времени Клок считал его другом, не так уж давно...

Колода, ожившая у Олива в быстрых, зеленоватых руках, была тем самым коном, прощальным подарком Надиру-Ача. Сокровище, редкость. Но она напоминала ему Симурга, последний раз, когда видел его, стечение роковых ошибок... И для дела Буро её без сожаления отдал.

Кон состоял из обычных карт, единственно, в изображениях мастей тонко прорисованы волны. В чёрных — красные, в красных — чёрные. Тузы — осьминоги. Короли, дамы, вальты — обобщённые, невыразительные лица. Воспроизвести примитивные изображения с таких карт не трудно. Если б не Род... Вся колода — он, его род. В согласии с личной историей чудовища. Внимание Густава сразу же привлекла рубашка карт. Вогнутый ромб, абрис человека, не понятно с лица или со спины. Зелёный, мускулистый, вместо ног — красные рыбьи хвосты. Человек лысый. Трудно сказать почему, но голова его кажется прозрачной. То есть, как карта, насквозь. В этой рубашке и заключалась редкость колоды. Чтобы создать её, Рода надо видеть, выпить Впечатление с ним. Причём, выпить, а не заглянуть, он не открывается так быстро. Рубашка — специальное изображение Рода, не только, и не столько зримое. И сама карта бубнового короля с другой, лицевой стороны представляла ту же рубашку, без лица.

Карта, которую так искал выпала Густаву немедленно при раздаче. Заменить рубашку для проклятой колоды и всё? Нет, конечно. Он должен видеть Впечатление. Не важно, что карта уже в руках. И всё же он был потрясён, вот она...

"Кон Рода" — слившееся в одно слово "Конрад", имя и название одновременно. Посвящённые говорили о нём, как о живом. Человеке, чудовище... Конрад имел суеверно приписываемое ему магическое качество: ссорить собравшихся за игрой. И фактическое свойство в колоде, как воспроизведённого артефакта — мухлевать в игре. Как ни тасуй колоду, козырями становились буби. И в этой своей масти Род переходил из карты в карту свободно. Брошенную на стол, заменял собой. А себя брошенного превращал в карту любой масти. Что делало пользу козырей... спорной.

В проклятой колоде Кит — островок света. В своей, именной Род — воплощение тьмы. Безнадёжных, бесполезных усилий. Король стремящийся дожить до конца игры, никому конкретно не подыгрывая, со всеми предательски непостоянный. Говорили, что Конрад любит нечётные числа. Но не единицу, не одиночество. Новичку подножку поставит, желающего отыграться — предаст. К тем, кому достался в третий, пятый, седьмой раз при раздаче — благосклонен. И ещё по жизни к тем, кто не превратил, а задушил своими руками нечётное число, более семи человек, так говорят. Непонятно, причём тут чудовище.

Закоренелые, старые игроки, ненароком приблизив к губам веер карт, если туз бубей оказывался у них, шептали: "Подними волну, Кит... Юноша Кит..." Звали оседлать ту карту, которой боялся Род. Чтобы не успел сбежать, попал под туза, брошенного после него, вторым. Если Конрад оказывался бит тузом бубновой масти, игра заканчивалась по-честному, и ссора не угрожала игрокам.

— Во-от, Густав он и навестил нас, — насмешливо начал Олив, растягивая еле заметно слог-другой, и щерясь, — ответ на твой вопрос... Как узнать Рода? Чтобы увидеть, его надо увидеть, иначе никак!.. Чтобы узнать, надо узнать!.. Получше!.. Он — Род, Густав. Род теней. Он даже не глава рода, а весь целико-ом. Он мёртв. Их, в роду по-прежнему много. Их ещё больше стало, чем тогда, ха-ха, в Великом Море, когда переходил из тени в тень по масти, ха-ха, по теням!.. Его Впечатление на облачном рынке, его лицо — в Великом Море!.. Ха-ха!..

Густав швырнул короля на бубновую девятку, тут же превратившегося в шестёрку... И большую взятку пришлось забирать, дьявол! Ставок они не делали.

Буро и Марик гремели склянками теперь вместе в глубине шатра, презрев карточные страсти. Биг-Буро не держал в оливках злых теней, но Марик лазил в каждую откупоренную бутылку с такой бесцеремонностью, что Биг-Буро содрогался, ну, нельзя же так!.. Даже умея обращаться с тенями и ядами, умея блокировать их, случайно глотнув, испарять, он сам не рискнул бы так!.. Сдерживался, чтоб не поймать за руку и не прочитать нотацию, в отношении Хан-Марика — наибессмысленнейшее занятие.

Его не поймал, а себя поймал на том, что относится эта тревога не к бутылочкам... А к галло. К двойственной позиции, занятой им в отношении Гала-Галло. Безнадёжно двойственной. "Дроиды светлые, отвернувшиеся навек!.. Как упредить, как оттолкнуть их с пути преследователя?.." Со дня первого визита и шатры Буро, и ряды, и он сам находились под неусыпным вниманием Дзонга. И весь Южный! Ночи Южного принадлежали ему.

Сосредоточенный на одной цели, не хозяйничал, не разбойничал... Следов своего пребывания не оставлял на рынке.

И не охотился... Нервные, тревожные галло иногда, но бывают тут?.. Значит, к ним может вывести любой торговец. Неизвестно, кто пригодится, все нужны. Следил тотально. Во-первых его нюх. Буро не скрыть контакта с кем-либо, невозможно. Во-вторых, проходя по тем же рядам, Буро чувствовал изуродованными стопами, как барабаны Дзонга — тени, пустоты земные... Стучащие, образующиеся, распадающиеся внизу. "Озеро на месте рынка?.." Вопрос, которым не намеревался пугать, звучал в ушах у Буро, надеющегося лишь, что случайная встреча, к примеру с Мадлен, не заставит чудовище обрушить рынок разом, как цельную ловушку. Практически, он имел оду задачу и одно упование: не делать резких движений. Кто бы их в таком положении делал!.. На фоне вероятной угрозы, ряд точечных охот представлялся малой платой.

Но хозяйки галло... Охотницы галло... Его давние подруги... "Дроиды светлые... Мадлен выкрутится... Вот не знаю как, — выкрутится!.. Для Мемы драка в радость, ей тошно там.

Лести-Чести... Мадлен, Кроха, Мема... Котиничка, будь умницей, не покидай океан, Чести... Дороиды светлые, как предупредить их?! Котиничка, Мадлен, Кроха... Лести?.. Хотя бы — Лести!.."

В противостоянии с Беспятым Дзонгом Ача Буро рисковал земным приютом. И жизнью. В партнёрстве — старыми знакомыми, которых редко и видал. Надменными. Редко, из меркантильных соображений посещавшими Южный. Континент, возлюбленный Буро пыльный рынок отражался в их глазах, как в озёрах подо льдом. Как грязь... А они в его, усталых, спокойных миндалинах глаз, как волшебные, — нынче нет таких, на Мелоди козьи пляски, — певицы вайолет... "Лести... Хотя бы Лести!.."

«Камень долго живёт...» — думал Дзонг за тентом, прислушиваясь, чуя и слушая воздух, как трогают воду, рукой, пальцами в воздухе поводя, центром ладони... «Соль долго живёт. Долго живут придонные монстры, чудовища в ледяном мраке. Я — чудовище. Я — ледяной, соляной камень. Как люди в глазах драконьих?.. Во всех, кто знал его, в последнем, кто видел его, отпечатан дроид?.. Я проглочу их, я выпью их, в горькой соли — я сохраню навек...»

Глава 85

Глава 85.

Повествование о Роде...

Если б могла предположить!.. А впрочем... Подобной ерундой, как один из двенадцати, обнаруженный в основании громадного океанского явления, едва ли не главной океанской приметы, не смутилась бы её. Не отвратил бы её Род...

Путешествовать с косяками Ро основное занятие Мурены! Наблюдать за ними... Следовать за ними... Вторгаться и ловко выбираться наружу. Прятаться в них при необходимости. Великое Море за годы и годы вполне прилично освоенное ею, а пленившее с первого погружения, едва ли не половиной своей красоты обязано им — теням Рода. Услышь прежде, так и звала бы — Род, но изгнанники дичатся рынков, некому было рассказать. А в крутом вращении эти тени похожи на рой, значит — Рой. Косяки теней Ро...

Переместившись во времени, попав в океан, ещё не имеющий этих теней, Мурена не узнала бы его, глубины и отмели... Вкус солёной воды, остававшейся по ходу косяка, и тот отличался, более лёгкий, свежий, чем остальное море, менее животный, более... Прохладный?.. Небесный?.. Опытный в создании теней, знающий демон сказал бы, что это не, — хе-хе, запах безоблачных небес! — а запах погибели, смертельного перенапряжения, такого сплавления и распада такого, что рвутся даже Свободные Впечатления, кратчайшие, агрессивные сами по себе, бенгальским огнём трещат, стонут и рвутся. Перенапряжение, внутренняя скорость — и есть определяющее качество Рода, выработанное им, приведшее к успеху, а затем к гибели.

Почему же Мурена не узнала бы океана, кроме запаха? Чисто внешне... Тени Ро переняли, сгустили цвет стихии, и в них он всегда оставался чистым. Цвет морской волны... От самого бледного, разбавленного, равномерного... До насыщенности режущей глаз, пёстрой, пятнистой. От бездонного аквамарина, идущего косяком в фиолетовой бездне, в глубине, до перламутровых, жемчужно-пенных, над пеной взмывающих ромбов Ро, устрашающих, словно акульи плавники. Для Мурены же их вид означал спасательный круг, укрытие. Если погоня, а суша далеко, и дракона с волн не позвать, не вскарабкаться, не схватиться за гриву, исчезающую под брызгами. Окрас косяка Ро мог быть укрыт бликами, как рябь на поверхности, пятнами, как рельеф дна. Бывал узорчато-нитяным, как водоросли, веерно-ракушечным, как раковины-гребешки.

И ещё... Звук. Рой иногда производил звук... Ужасно похожий на то самое морское восклицание: "Ооо... Ооу!.. Ооу?.." Означающее что угодно: оклик, вздох, сожаление, удивление, вопрос, угрозу... Ничего не означающее. Косяки Ро достигают порой невообразимой величины. Плотные, заметные издалека, они разрастаются на четвёртую часть окоёма, и выдыхают... "Ооо.. Ооу?.." Как будто Великое Море решило вздохнуть. Окликнуть кого-то... Задумавшись, загрустив... Кого-то, может, тебя?.. Нет, Бест, Мурена никогда не бросит Великое Море...

Их много стало. Да, они не особо опасны, не всегда опасны при этом. Стоит избегать крупных теней Ро. Но они же менее стабильны и более уязвимы. Заметны лучше. Крупные, это более трёх человеческих ростов в длину и пяти в размахе крыльев ромба.

Излишне, наверное, отдельно упоминать, встречаются отбившиеся, не примкнувшие тени Ро. Но, в общем, они склонны держаться стаями, косяками, причём тесно. По простой причине, косяк сам себе течение и Морская Собака. Ещё момент их завораживающей красоты. В океане все, кроме гигантов, бегают, мельтешат, прячутся, а Рой идёт долго... Плавно и прямо... Меняет направление в мгновение ока, выписывает дуги и восьмёрки... Как весело угадывать их,

вычислять, предчувствовать, и с дракона сквозь прозрачную воду глядя, и внутри косяка плывя!.. Нет, Бест, не покинет...

Перламутровыми, яблочно-лазоревыми волнами вдруг захватывается подводное пространство, взвихряется финтами острых уголков... Это стая идёт, сначала видны только горизонтальные полоски, струи-хвосты, пляшут ромбики на них, наподобие листьев осиновых... И вдруг — Рой переворачивается. Ромбы пластичные, охваченные ритмичной дрожью плывут как стена. Пленительные... Дёрнутся... И невпопад начинается мелькание крыльев. Не страшно, если один-два заденут. Мурену цепляли, зазевавшуюся, подплывшую слишком близко. Как от тончайших лезвий порезы. Для регенерации полудроида не беда. Но стоит опасаться хвостов. С ядом. Обвивания, удушения, всё как везде. Но Ро, в отличие от борцов, делает это случайно. Охотится тень иначе.

Охотится Ро тем же способом, что, как ни странно, охотятся на неё. Но, с внешнего описания начав, стоит его и продолжить.

И так... Цвет — морской волны. Очертания... Не форма, у них нет формы в объёме! Очертания бубновой масти короля Рода, ромба. Вогнутые стороны. Растянутые в ширину, с длинным хвостом. У некоторых он — имеет объём, раздваивается на круглые тонкие плети, с ромбиками либо треугольниками на конце. Они служили сенсорами течений, запутыванию преследователя, хлёсткому удару ядовитым шипом. Их регулярно теряли в кусачей морской воде, нарочно отбрасывали, в них... Удерживали артефакт!..

Неразрешимая загадка теней ничтожного интелекта, минимальных рефлексов самосохранения. В треугольниках хвоста, как в беспалых лапках они долгое-долгое время хранили, могли хранить что-то, обнаруженное на дне, пойманное в толще воды. И никогда не бросали, теряли вместе с хвостом!..

Смех смехом, но когда Мурена имела единственный нешуточный конфликт с Изумрудом, он разгорелся именно из-за них! Видеть его не желала, простить не могла. Изумруд находил вполне невинным развлечением, — и он, конечно, прав, — приметив сплетённые плети двойных хвостов, отрубать их, врываясь в стаю. Хватать и разглядывать: " И что же мы носим там, что мне досталось на сей раз?.." Увидев чёрного гиганта, чёрную молнию подводную за этим занятием, Мурена даже сразу не поняла... Хорошо, что вода, что море... Не плакать же, из-за чего... Думала, разорвёт его в клочья, на маленькие клочки... Она смутила его, а мог бы уже привыкнуть, Селена такая же, реакции другие, хуже. Селена замыкалась. Грустнела... Мурене грустнеть не дано. "Это их!!! Ихнее!.. Не твоё!.. Проклятье дроидов, неба и моря!.. Демон, дьявол, ача!.. Это ихнее, и хвосты ихние!.. Убирайся! Прочь пошёл от моего косяка!.." Это уже на поверхности, где можно неморским голосом орать, на волнах. «Вот те раз!.. Что ни прогулка, то новости... Всю жизнь так развлекался... Нет, так нет». За исключением Беста, ни один человек влияния на Изумруда не имел. Из обоснованных и необоснованных претензий он делал простой вывод, что накладно демонстрировать что-то при ком-то. И впоследствии избегал. Ну, по крайней мере, в этом смысле он стал гибче, мягче с людьми.

Время перейти к внутреннему устройству. Но оно проявится наглядней, если закончить со внешним — манерой движения тени. Перемещения и атак. Плоские, тоньше папиросной бумаги, незримые сбоку... Их выдаёт волненье непрозрачной воды, взбаламученной или пронизанной лучом из рамы, ромбы схлопывают "крылья" вытянутых углов, расправляют. С неуловимой скоростью. Видны, когда тень Ро взмахивает острыми уголками, это значит, что

чуть-чуть лавирует. Таким образом, в профиль они не видны, но и прямо напротив не видно смыкание крыльев, виден постоянный ромб. Парящий, переворачивающийся. Ну, ромб редко, обычно косяк, Рой. Так снаружи выглядит, а изнутри: тень Ро плавников-крыльев не расправляет и не складывает. Она успевает вобрать их и поменять местами. Через сердцевину, своеобразный маятник, топливом которому служат связные Впечатления жертв, годятся и другие тени, и топлива надо очень мало... Тень выдерживает направление и продвигается за счёт ничтожных изменений угла наклона, течений.

Сверх того мало заложено в Ро: нос — прицеливаться, тыл — принюхиваться. Удерживать, запутывать. Поглощение — вся поверхность. Атака — плоскость и режущий край. Упругость в ничтожно малой дрожи ромба. Упругость существенная.

Охотится Ро так... "Нос" у неё острый, тонкий. Ускорение большое. Идя на таран, вонзаясь в жертву до половины, она резко разворачивается в тот, наикратчайший момент, когда крылья втянуты. Успевая раскрыться при следующем довороте или несколько раз подряд, она режет жертву изнутри на дольки буквально. Всасывает, поглощает. Это редкий вариант. Учуять, прицелиться, в косяке... Начало косяка так делает, бока и корма ради атаки не поворачиваются. А обычен для них — и тоже редок, Ро вообще охотится не часто, — другой вариант. Плоскость ромба делает волну, хлещет и разбивает жертву. Разовая атака, она не повторяется. Разбила, значит, почуяла тепло. Теперь вонзится, и сердцевина, маятник, присосавшись, вытянет влагу. Если тень разбила — поглотит обрывки разбитой тени.

Когда пищи много, и маятник качнётся сильней, чем надо, жар возрастает ещё. Локальный, но очень сильный. Точная копия, сплавляясь им, немедля выбрасывается прочь. Много Впечатлений, много копий. Тень избавляется так от балласта, от того, что не способна усвоить. Не видоизменяясь. Её и не назовёшь "извращённой тварью морской", она — совершенство морской твари, дальше не извращается!.. Размер её, размах ромба, плети хвоста после успешной охоты увеличат те немногие Впечатления, что не нашли пары себе, противоречащей им влаги и в очередную тень не сплавились.

Проскользнёт мимо или захочет хлестнуть — никому не ведомо. Нет закономерности. Нет предпочтений, страхов у них.

Ловят одну из Роя, как и она сама, оглушающим, хлёстким ударом раскрытой ладони. Горячей, непосредственно связанной с Огненным Кругом. Ладонью морского демона. Охотятся на самых маленьких Ро, каких возможно найти. В варианте, похожем на первый способ их охоты, тени позволяют вонзится в ладонь, чем глубже, тем лучше, и резко закручивают. Тут уж одно из двух: либо останешься без руки, либо опередишь её, и присвоишь, вбирая на миг сомкнувшиеся крылья и жаркий маятник сердцевины. Идеальный вариант — с убранными крыльями, за секунду. Но если и нет, а демон-охотник силён, крепок, и ладонь крепкая, он соберёт её. Как сминают лист бумаги одной рукой и суют в карман, в тень, которую намерены усилить или модифицировать. Или в кошель, колчан, хранилище.

За счёт теней Ро Изумруд слепил, что имел в океане. Сохранил человеческую природу. Заодно как в скорости возрос!

Тема смежная... Мимикрия вечна. Хитрые чудовища, маскирующиеся под Ро в косяке, под Ро, отбившуюся от него, опасны! Отличить их не трудно, но надо подождать, понаблюдать. Они может и ромбы, но в профиль, при развороте — толстые! Они не пропадают на газах. Остаются видны. Тень Ро с тушкой, ну, кого такое обманет!..

Мурена, которую периоды вдохновенной болтливости накрывали редко, но метко, конкурируя с Амиго, часами могла распространяться, как обожает их... Каково это, следовать за огромными косяками, меняющими строй, цвет... Дышать будто небом, а не водой. Теряться в них... Подводная бродяжка... В упоении и умиротворении, сознавая всю мощь косяка. Ощущая, как океан покоряется Рою, образует новое течение, отталкивает морских хищников, тревожит Морских Гигантов, заставляет сторониться себя... Как форма и цвет перемножаются на несчётное число... Как захватывающе прекрасны... Ни для кого её экстатические оды стимулом разок окунуться отнюдь не стали! Не то страсти мало вкладывала, не то лишку! Скорее, второе. И, что жива-здорова сидит у зелёного костра народ не убеждало...

Бест, фигурально выражаясь, за голову хватался от этих её захлёбывающихся рассказов. Мурена клялась, что Рой — наибезопаснейший способ подводных путешествий и призывала Изумруда в свидетели. Честный как Морское Чудовище, Изумруд вертел растопыренными пальцами: так себе, более-менее...

Внутреннее устройство... Сама простота. Род, предтеча Змея, гениальный конструктор, опирался с неизбежностью на тот же принцип: вечное движение. Не статика, постоянный, зацикленный выбор. Маятник — потенциальность тени. Неспособная завершить себя, досплавить. Завершившись, она бы сожрала и крылья, тень вторую незавершённую. Но не может: сильный маятник, крылья слишком легки. Притягивая, жар их тут же отбрасывает. В сердцевине тень Ро, применённая хищником моря, имела когда-то самого хищника, основоположника рода. Фактически, маятник, это его порывы: напасть — спрятаться, атаковать — бежать. Где был Огненный Круг чудовища, Рода, там — жар. Вокруг него качается маятник и раскачивает углы-крылья. Выбрасывает — вбирает. Похоже на Качели без Выхода. Без выхода и получилось... Тень Ро, это как бы равновесная конкуренция двух не завершаемых теней, тёплого маятника и холодных крыльев.

Чудовища Моря, ослабевая, тупея, мало-помалу перерождаются в нечто состоящее из присущих теней. Род же напротив, почти сразу стал обитать внутри тени. Не она ему, а он ей был присущ! Изумруд и некоторые другие живут в Морских Гигантах, управляют ими опосредованно, подчиняют, усовершенствуют, чинят. А Род жил внутри одной. Искал абсолютной скорости, абсолютной неуязвимости, идеальных атак без промаха... Поначалу имелись резервуары, вроде карманов для хранения влаги, теней-оружия, шипов, артефактов. От последних избавился сразу. Но и всё остальное ослабляет стремительную, зависшую между бытиём и небытиём тень. И сам хозяин — ослабляет...

Тени Ро не бессознательны. Но уж никак не умны. С момента возникновения пройдя путь от присущей чудовищу тени, затем внешней, бывшей оружием, местопребыванием, и наконец — явления природы. Самовоспроизводящегося. Ро — способ образования тени без тигеля, удачный настолько, что стал распространяться подобно вирусу. Присваиваться теми, кто уловил суть метода. Осторожно. Чего изобретателю не достало... Осторожности. Способности притормозить.

Род усовершенствовал приём до неуместности себя в своём порождении. До замуровывания. Что абсолютное оружие, что абсолютная защита, это смерть. Тени Ро должны были по задумке стать и тем и другим. И шанса не оставалось.

Как Род погиб? Без посторонней помощи. В недрах порождённого им. Стремясь ко всё большей неуязвимости. Незаметности. Скорости. Утончая крылья, уменьшая центр, а центр —

это он... Теряя человеческий облик и рассудок. Его Огненный Круг отдал последнее тепло маятнику сердцевины, а не белым рукам Доминго.

Род не стал придонным монстром, его минула эта мучительно долгая, скорбная фаза. Он стал Морским Факелом. Плотным, едва не вечным от соли и холода. Как плыл, так и теперь плывёт в каком-то из бессчётных косяков цвета морской волны. Уходя в фиолетовую, бархатную глубину, к подножию Синих Скал, над заснеженной степью летя, не видя её и не чуя... Со штопором Роя, взвиваясь к поверхности... Где штиль... Где акульими плавниками пойдёт косяк Ро, пугая и веселя гонщиков, лучом из рамы просвеченный: золото — в аквамарин, не видя ни их, ни его... Окружённый своим родом. Принадлежащий ему навсегда.

Кто-то говорит, в плоскости Род подобен искусно нарисованному человеку. Кто-то считает, там тела нет, а лишь лицо, меняющееся с каждым мигом. Кто-то, что и лица, и морды нет, а всё выдумки...

Глава 86

Глава 86.

Густав считал, что — купаться он не желает! Что всё это на заговор похоже. Или на откровенный бред. Что порочный круг, замкнутый круг из двух звеньев — "не увидеть того, того прежде не видел" — неразрушим. Зачем тогда ему в Гала-Галло? Как он узнает, что тырить оттуда, если заведомо не знает?.. Словами опишите и баста! Я — увижу! И узнаю!..

Олив, потративший полночи на разъяснения, аплодировал ему, веер карт рубашками кверху уложив перед собой:

— Браво — браво!.. Отличная стратегия, не ныряя, заплыть в Обо-Аут!.. Жаль, она не работает... Жаль, что так не бывает, Густав!

Обо-Аут, Або, Аволь... Лунная Стевия, Лакричное Яйцо... Лунное Яйцо, Анисовый Сахарный... Сахарный Аут... Двое Ворот... В смысле, входные — за скорлупу и внутренние — в желток, в жёлтый тёплый свет, в рай... Как только его не называют, это мифическое океанское место. Легендарное. Где-то в океане, якобы существующая область спокойной, обычной, — тёплой!.. — воды в виде яйца. Где невозможна охота... Куда заплыв, забываешь про всё... Снаружи оно сияет как луна или лунный камень, скорлупа. А дальше, если догонишь сияние и заплывёшь в него, если держать правильное направление, увидишь не над головой, а вровень или ниже круг лунного света, медленно восходящий, тёмно-золотой, вторые ворота. И вот там-то!.. Уже никогда... С тех пор никогда... Там уже насовсем... Забудешь и про укусы морской воды, про теней, про хищников, про сушу, где так тягостно волочить на ногах тяжёлое тело... Забудешь про всё...

Тот факт, что никто Обо-Аут не достигал, и ни слова конкретного не сказал про него, как контраргумент отвергается чудовищами сходу: "Або, Сахарное Або — чтобы не возвращаться!.." Дурак что ли, элементарных вещей не понимаешь?.. — читалось на лице или морде, в обычных или мутных, — или нескольких десятках фасеточных! — глаз.

Понятно, недостижимая, ранящая бестолку мечта и скорбь о Собственном Мире вылились в эту легенду. А океан полон бликов похожих на лунный камень, хоть вечно за ними плыви... И свет золотой, не Царь-на-Троне? Путь Восходящего... Приблизиться нельзя... Платил ли мудрый Биг-Буро дань наивному верованию? Если и платил, в жизни бы не признался.

Сарказм Олива естественен. Но он предпринял ещё попытку:

— Мы — не видели его, Густав. Но видели тех, кто видел, и они словами — не могли!.. А воруй наобум, побольше всякого тематически схожего-о. Дубль сотый, последний! Слушай... На момент, когда повернётся косяк боком, тонкими штрихами, острыми до незримого, тот же косяк ты должен видеть перед собой, любой тот же. Вплотную. Близко! Чтоб совпали, наложились они. Этой дряни во Впечатлениях не много, но есть. Если уж мочить куртку никак не желаешь!.. Сними, я покараулю, ха-ха... Не хочешь нырять в океан, не надо. Но без вариантов нырять придётся в Гала-Галло. Тонкие линии Впечатления, наложившись на точно такие же, проявят Рода в профиль, линию чуть толще других и дру-угого цвета... Свето-цвета, цвето-свет-та... В своём косяке — неотличим, его под себя осветил и подкрасил... И после, когда косяк развернётся, и эта линия развернётся, в ромбе ты увидишь его самого... Остальные будут пусты, в одном он — Падающий Факел. Понимаешь?.. Тень, ромб тени мерцает кратко, а их там —

тьма! Холодными глазами ты должен просмотреть на один. Требуемый срок. Всё! Либо ты у-услышал меня, либо нет! Сома, я сделал сверх запрошенного!..

— Ого... — сказал Густав, остыв к тому времени и подумав, что он, конечно, не технарь... — Но Олив, прошу тебя, зачем же мне предлагали вы увидеть, изучить косяк Рода прежде посещенья Гала-Галло, если годятся любые?

— Затем, что твёрдо и лично зная цвет его стаи, не ошибёшься, беря. Грубо говоря, в противном случае, ты должен стащить у галло шкаф с Впечатлениями!.. Это легче для тебя, чем визи-ит в океан? Пожалуйста!.. Разумно, я бы сказал, если б речь не о галло... Если тебе интересно, восхитись, как устроено у них хранилище типовых Впечатлений. Свирель. Род сейфа. Для влаги, которая в равной мере представляет опасность и ценность. Стеклянные трубочки со связными Впечатлениями держит основание тако-ое, специальное. Тихо испаряющее их и доливающее нейтральной влагой. Можно смотреть, провести губами по свирели, пальцем, если тонкокожая, чуткая рука. Выпить нельзя. Впечатление должно достаться именно тому, кто заявит, чего хочет, а галло признают, что это оно и есть и сойдутся в цене. Оливки ни есть, и ни нет, но блуждают в основании. Злой яд. Яд-испарение. Если договорились, продавец ставит переключатель свирели в, одному ему ведомое, положение, освобождающее нужную трубочку. При попытке изъять без того или несколько сразу, яд-пар высвобождается, и все выплёскиваются р-разом!

— Чёрт!

— Галло!..

— Но основание можно разобрать?

Олив откинулся на стуле:

— Я думаю — можно... Мой друг с Техно думает, что — легко... Я не думаю, что он правильно думает, но...

— Я должен вынести из Гала-Галло целый шкаф этих свирелей. Олив, а если пойти другим путём... За какую цену ты согласился бы сопровождать меня в океане?

Буро подал голос из полумрака:

— Олив недавно оттуда, Густав. Много купаться вредно.

И Олив сверкнул клычками:

— Сколько за пару-тройку тысяч лет?.. Небольшая прогулочка?! Кто ищет старых знаний, для них, Густав, это не пятиминутный торг, а образ жизни... Какое сопровождение? Ты уходишь в океан, живёшь в океане, пока не поймёшь о чудовищах, что желал понять... Ради проклятой колоды такого не делали. Ради конкретного из двенадцати, как бы "позвавшего за собой", так говорят о подобном наваждении, уходили... Без возврата... Оу, ха... Прогулочка!

Густав обернулся:

— Сома, твои друзья всё время норовят обидеть! — взял он возможно лёгкий тон, чтоб не провалиться в тупую ярость.

— Давай помогу тебе с формулировками! — весело откликнулся Сома. — Любезный господин Олив!.. Как же мне быть и что же мне делать?!

— Юный Густав, — повернулся, насмешничая, Олив к Господину Соме, — ты Впечатление-то добудь, а там ра-азберёмся! А примерный цвет, вот доем конфетку коктейльную, на фантике я тебе, так и быть, покажу!..

Оба захохотали. Олив зашуршал искусной розочкой прозрачной бумажки, бросил сахарный шарик с коктейльной начинкой в рот и закрыл глаза. На минутку покинул всех.

Эти коктейли после скрытой механики самая дорогая на рынках вещь. Их продают на

Краснобае, в шатрах, которые всегда пусты. Остаются пусты и при мене. На конфете, как правило, одной, реже прозрачном кульке стоит согласие. Автоматическое, на что угодно. То есть, бросил гальку, поднял конфету и беги. Но почему-то никто так не делает... О том, что хозяин желает получить за товар на подставке, повествует табличка рядом. Порой она же сообщает, тему Впечатления в коктейле, хотя не за темы их ценят. И не за основу, традиционно соль или сахар, без ароматов, без примесей.

Делают коктейльные конфетки Чудовища Моря, малахитовый юноша По — один из них. И не свободные Впечатления к глотку связных подмешивают, а Чистую Воду забвения. Как — неведомо. Говорят, что делают как бы из своей "крови"... Чистая вода смертельна для того, в ком много присущих теней. Говорят, что чудовище выпивает глоток, запивает ею и тут же, пока перемешиваются испаряет из тела, близ Огненного Круга держа крупинку соли, шарик сахара. Пропитывая. Повторяя многократно. Лучше соль, она консервирует. Процесс распада возобновится, когда конфету положат в рот. И произведёт такую иллюзию... Распада полного... Полного исчезновения смотрящего... Он отождествляется с Впечатлением, с телом из присущих теней, и пропадет вместе с ними. Полностью, совершенно... Не за яркие картины и чувственные восторги ценятся эти коктейли, а за окатывающий, непобедимый смертный страх, завершающийся покоем без берегов... Непродолжительным.

Коктейльные конфеты могут диктовать, а могут и не принуждать. Кто съел такую походя, без концентрации, ничего и не почувствует. Их оборачивают в разные цвета. Чудовища честны, купивший чтобы шокировать, путь сам фантик меняет. Вот от такой конфетки, не принуждающий, яблочно-бирюзовый фантик Олив поднял на просвет. Взглянул сквозь него на сияющую под сводами раскрытую ладонь большим пальцем вверх...

— Да-да-да, где-то так... Густав, дарю!

"Фантик... Фантик от зеленокожей твари... Гутка, ты пал ниже некуда, как настоящий, одержимый коллекционер".

Густав швырнул карты на стол, Клок положил. Они проиграли. Род оказался под бубновым тузом Олива. Суеверие работало, зато присутствующие не перессорятся, Род бит. "И проклятая колода будет работать, будет..."

— Нет, Олив, так не пойдёт.

— Почему?

— Стартовые условия... Да чёрт с ними, свирели с рынка я достану!.. Но как, в Великое Море не уходя, видеть два косяка сразу?! Ради чего мне планировать сложный грабёж?.. И потом, ну, положим, это мы перескочили, а карта? Её кто сделает?.. Кто увидит вровень со мной то и то? Кто-то видевший до меня может быть?.. Ты?

— Нет. Никому кроме тебя эти монстры особо не интересны...

— Ну и?..

Клок негромко вмешался.

— Карта вот. Рубашку исправит кто угодно.

— И чего ты хочешь? — бросил Густав.

Но Клок повторил вслед за Оливом:

— Добудь Впечатление, а там разберёмся.

Если это не сговор, то что?! Густав выдохнул, собрал колоду тасовать, успокоился и обычным тоном обратился к Оливу обратно:

— Удовлетвори моё любопытство. Принципиально как? Не ныряя, не ища в океане? Как два косяка разом увидеть?

Биг-Буро подошёл к ним, склонился над картами Олива:

— Густав, два так два... Не в океане вторую стаю, так во втором Впечатлении. Одно быстрое, другое медленное. Одно ближе, другое дальше... Одно идёт, второе догоняет...

— Не понимаю.

— Поймёшь. Может быть. Утро... Вас покидаю.

Они доиграли. Счёт: два — ноль. Род снова подставил Густава, бив его червонного вальта. Ну, и кто с кем поссорится? И скоро?..

Посмеиваясь о чём-то своём, о делах Густаву неизвестного Архи Сада, Олив и Господин Сома первыми ушли, раскланялись. Как Густаву теперь попасть в Гала-Галло без их советов и артефактов? Его дело.

Клок собрал колоду. Бубнового короля, двухвостого демонстративно оставил сверху, повертел в пальцах, с вызовом и намёком:

— Нам по пути, Густав, правда?

Густав признал, что по пути.

Что желает нанять охотника за карту и не только, Клок открыто заявил сразу. Что не от своего имени. Заказчик серьёзно играет против галло. Что ж, интересы совпали. И своевременность. Поскольку заказчик наделяет охотника, чем может, от информации до оружия. Нужная дверь ещё не открылась, но ближе предстала. Гут...

— Заказ — основательницы Гала-Галло. Возможно, и дорога на облачный рынок. В процессе оплата отдельно за каждую удавшуюся ловлю. Высокая.

— Да ну? — перебил, не удержался от иронии Густав.

Представший в морском замороженном обличье хищник отчётливо помнился ему непосредственным, смехотворно открытым... Что за "высокая плата"? Слова Буро передаёт?

— Высокая? Намекни, какая?..

— Гарольд...

— О, ты не в курсе?.. — "Не Буро, эти всё знают..." — Гарольд есть у меня.

— Неплохо бы избавиться? — уверенно, язвительно, как учили, бросил Клок, понятия не имея, о чём говорит.

И Густав едва не ударил его. Медянка отододи тяжелила карман... "Удавлю... Тебя. При первой возможности..." И обнаружил, что стоит, дорогу загораживая, пальцы лежат на цепочках под бортами.

— Оу, Густав... — тихим, неморским голосом, в котором, имей он сердце, Густав услышал бы не издёвку, а скорбь. — Вот я и увидел твоё настоящее лицо. Друг мой...

Рука опустилась в карман и сжала удавку. Густав прошипел:

— Два эти слова вместе... При мне не произноси...

Несмотря на рассвет, затопивший ряды, Лал в чёрных, жёстких волосах, как в ночи, пурпуром горел. Жарким пупуром. Не иллюзия. Зубчики оправы, странные зубчики... С булавочную головку раскрытые ладони держали его, большими пальцами — к ленте. Они втрогались на крайний ряд граней, они формировали постоянную функцию Лала. Простую: Излучение, катализация. Пурпур притягивал взгляд, но скрывал детали оправы.

— Не буду, — без спора ответил Клок. — Что за цена? Гарольд...

Дзонг решил вложить в человека разовую отраву. Разовую, да. Но кто знает об этом?.. Сюрхантер должен ранить, чтоб убедить: он в высшей степени серьёзный заказчик, или те, кто

стоят за ним. Куда бить?.. "Чарито, ты знала!.." И Биг-Буро тоже знал слабое место жертвы: Густав коснулся воды Гарольда... Есть.

Что корень Гарольда посажен, это хорошая новость!.. Дзонг очень смеялся, и прошелестел:

— Лучший охотник Южного — идиот?! Надир?.. Ладно, тебе виднее. Такого не трудно пугнуть ядом близ тигеля!.. Яд исчезнет, шрам останется, ооууу!..

Тигелем они называют Огненный Круг.

Морской сыростью повеяло в ряду... Будто демонстрируя, на самом деле, поднимая напротив Лала, Клок разломил ненастоящую, неровную соломину с резервуаром, подобным луковице, перед пурпурным жаром. Влага не пролилась, она испарилась... Подобные яды охраняют свирели галло. Густав вдохнул... Сон наяву — цунами встал пред ним и рухнул, не заслоняя реальности. А значит и не отменяемый ей... Рык Гарольда, тьма, поднимающаяся из волн... Душу вытягивающий рык... Разинутые клыки... Из морды торчащие бивни... Клок приблизился, Лал рассеял, что сам испарил. Лал был красен, спасителен... Клок обязался подождать, но не стал ждать, ему было жаль Густава. И Лал опередил зовущее: "Са-аль-ва-адорр!.."

Кто-то возник в ряду, далеко. Хан-Марик... Клок, сидевший на корточках, за лучшее счёл без промедления скрыться. Почти, как научили, прошло.

Густав сидел в пыли, держался за голову. Через несколько секунд и Марик сидел в пыли, держал его за голову... «Он отменил его?! Гарольда, дроиды?! Отогнал, отменил?»

— Что?..

— Ничего.

"Некто может смыть корень Впечатления? Его не смыла Чистая Вода под землёй, по обсидиану бегущая... Отбивающая мысли..."

Ловушка Дзонга сработала. Отравленный и освобождённый от яда, Густав поверил. Можно освободиться от корня, от Гарольда...

А что, и правда, можно. Не трудно это Дзонгу. Ача.

Глава 87

Глава 87.

В здравом уме нет, а в тогдашнем состоянии... Густаву показалось неплохой идеей сбежать так. Десятки самых разных людей пробовали — и ничего, живы здоровы вернулись. В какой-то мере сработала ассоциация, подсознательная: там Лал — тут Лал, лучистый пурпурный свет, спасение...

А началось с того, что он оттолкнул Хан-Марика. Ясно, Марик далеко не ушёл! Но когда обнаружилась слежка, наглая, демонстративная, — преследование, они оказались разделены.

Тупиковый, боковой тент шатра с одной стороны, заграждающий ряд пирамидок между ним и Мариком с другой. Впереди стоял здоровый парень рядом с хозяйкой. В птичьей маске. В красных сапожках чар. Последний день борьбы за свободные места начался. Густав резко обернулся. Порезать шатёр и назад? Чего там, за тентом, сколько людей и подставок? А черти придонные знают это! Что же за тентом, это и он знал — лабиринт тайников, кое-где открывающийся в торговые ряды. И на этих поворотах особо неприятный, там бывали ловушки без шатров, общественные... А чего там точно нет, это рамы Южного. Она в другой стороне. К Чар подошли ещё трое ранних пташек, зрителей. Крепких весьма. Птичья маска кивнула парню, и он двинулся вперёд.

"Вбок, вдоль заграждения, к раме! Соседним рядом!" Густав махнул Марику, и тот исчез, отказавшись от столкновения с парнем, явно не решающей фигурой здесь. Короткая пробежка преследователям навстречу закончилась резким прыжком в сторону. Густав откинул незакреплённый чей-то полог, ворвался внутрь, никого. Пирамидка ограничена маревом торгового шатра, удобно. Обежал его, не тормознув и секунды, располосовал стену, ткань, отражавшая его и окружающее в ядовитых цветах, казалась тонкой, как вуаль танцовщицы...

Выскакивая наружу, Густав успел презрительно скривиться, любил основательность во всём, тент — так металлический кольчужного плетения!

Первое, что увидел на перекрёстке, — опять-таки к выходу с рынка! — полная птичья маска... Рядом — двое. Миновав торговый шатёр, два необходимых шага от него, проявился Чёрный Дракон. Дроид не против людей дроид, чтоб Густаву обманывать людей!..

Хан-Марик, так же порезав чужой соседний тент, выкатился перед ними в пыль. Не подбежал с ног сбить, а так — сразу... Один из парней словно ждал, хлестнул в его сторону обыкновенной отододи. Вместо торса обвил руку, и они покатились в пыли. Второй не спеша приближался. Самое время — в Собственный Мир через шатёр! Ни его, ни места, ни времени!

Этот, четвёртый от центра ряд тоже выгодный. Из прямых, как ствол, с момента образования рынка. От них кораллами ветвятся ряды по прихоти людей. Плотно стоят тенты, без промежутков. Торговые, нематериальные шатры соблюдают обусловленные расстояния... Так соблюдают, образовывая рынок, что и пирамидки не поднимешь в ряду...

Парень приближался... За спиной, Густав приметил, маячит ещё непонятная какая-то группа... Что, так и уходить, с ножом, прокладывая себе путь сквозь тенты в дорогущем ряду?! Если и не напорется на ловушку, если до ворот Южного таким варварским способом дойдёт... Неузнанным уж точно не останется!.. О, сколькие предъявят ему внушительные счета! Густаву совсем переставало происходящее нравиться. Чёрный Дракон ворчал за спиной... Дроид против людей?.. Числа их он не уменьшит. А в спешке придушить сильнее, чем надо и утратить статус навсегда — легче лёгкого... Чего ради?.. Ради стаи недроидских охотников, для личного загона решивших использовать особый день, а заодно у галло подзаработать?.. К чёрту.

Не дожидаясь Хан-Марика, Густав метнулся в следующий тент, разрезал, оказался в

коротком, кривом переулке. С развилкой... Не она ли когда-то его привела к шатру Секундной Стрелки? Точно — она. Сейчас Густав не ведёт хозяина в богатом халате… Жизнь перепутана и переменчива. В одну сторону от развилки их общий шатёр, а в другую... Площадь и на ней ленточное ограждение гастролёров. Этих, в гости зовущих и к бегству...

Густав не побежал к своим, на помощь или к удваиванию рисков. Выбрал, как обычно, независимый путь.

За плетнём, бьющихся на ветру, разноцветных лент хозяин опорной точки снимал пурпурную драгоценность с кого-то вернувшегося. Аккуратными, точными движениями манипулируя с медянкой отододи. Пурпурный Лал разбрасывал пленительные лучи...

И Густав решил, что это — хорошая идея...

Шум драки в покинутом переулке. Решайся быстрей! Снова она... Хозяйка в клювастой маске, кого-то перепрыгнув, вылетела на площадь и стала, как вкопанная, метнув быстрый взгляд туда, откуда пришла.

Густав последний раз огляделся, крутанувшись. Ох!.. С четырёх сторон разом просто ни с того, ни с сего люди не появляются... Густав выбежал на середину площади. Несколько местных поспешили скрыться в шатрах, увидев такое дело. Один чужак — нет. Пришёл за тем же. Но Густав опередил его.

Упругим, лёгким без наворотов прыжком фазана ленты перемахнул, встал перед Шаманом, кивнул коротко... И медянка отододи с Пурпурным Лалом в петле обвилась вокруг шеи. Крепче, чем ожидал... Тесней... Ещё крепче... Дьявол!..

Выхваченный на дракона резко, бесцеремонным рывком, Густав дальнейшего в деталях не видел и не слышал. Всё слилось воедино: крик Хан-Марика, гулкий, как море, удушье... Удушливый сон, клыки и бивни Гарольда, встающего из глубины… Белые, драконьи крылья, жар, удушье, жар...

Разбойничий, пронзительный свист разлетелся над Южным Рынком от рамы до самых задворок. С того места, откуда Густав был унесён, взвилась Сигнальная Звезда, рассыпая, разматывая над рядами свои золотистые волны. Все опорные точки гастролёров исчезли, за минуту оказались сняты! Дело сделано.

Оптимистка? Да, Мадлен оптимистка. И не скупердяйка, притом. И варан комодо, идущий за жертвой до конца. За другим ящером комодо. Дешёвые, показушные сюрхантеры выполнили свою дешёвую работу. Фон. Дорогие, скрытые сюрхатеры выполнили свою, фактическую. Да, оптимистка...

Целый день Сигнальная Звезда собирала обратно свои золотые волны... Вернувшийся Шаман смотрел на неё и ждал. Уже Чары скомкали бумажные маски птичьи и убежали, улетели вольными пташками на Мелоди. Когда в тонкий обруч канула последняя волна, он повертел его в руках, механика... Понёс к неприметному шатру на богатой площади, как бы случайному тут, на день, на два. Положил Сигнальную Звезду на пороге с поклоном, негромко хлопнул в ладоши и поклонился ещё раз. Шатёр не откликнулся ему. Но этого и не требовалось...

Он распрямился, запрокинул голову, свистнув ещё раз. Для своего удовольствия. Взлетел бы без дракона, так вольно потянулся! Будто над ним лазурь открытая и сам он дракон, изготовившийся к кувырку. Всё!..

Присвистывая, отправился на правое крыло. Вечереет, но, может быть, бой или два блица? На развилке замедлил шаги, обернулся и плюнул.

Собственный Мир похитителя, Шамана, сработавшего чётко, Густав не разглядел, не расслышал, едва осознал вообще. Перевалочный пункт кратчайший. Мертвенно-серый мир, перекрещенный, беспорядочно исчирканный градом. Трассирующие следы гудели струнами, задерживаясь надолго, понижая звук от взвизга до нижнего гудения ультразвука... Мир для жизни совершенно не пригодный. Сокровищ не хранивший. Лихой, разбойничий свист, свист града вынес Шаман из его испорченной ипостаси.

С пирамидки — за раму — на другую пирамидку. Там опомнился. Очнулся. Связанный по рукам и ногам так, что можно только дышать, и то не особо свободно. Ещё биться головой, тупой...

Все пятнадцать Пурпурных Лалов, все, красовавшиеся тогда на груди у Шамана, восхищая Рынок Горн, начавшееся на котором не проходит бесследно, лучились теперь на связанном. В пятнадцати же ярь-медянках, сплетённых иным манером. В глазах у Густава ещё было темно, но кожей он ощущал размеренное, редкое пощёлкивание... Провалился в беспамятство. Вынырнул. Прояснилось в глазах.

На полированном полу алые и багровые, острые и растёкшиеся в пурпурном свете, расходились от него расходились лучи. От таких же, до блеска полированных круглых колонн отражались, искажёнными красными хризантемами, подкрашенными медью.

Между двух колонн открывался взгляду малый кусочек тёмно-зелёного, пасмурного, стриженого парка. Тянуло запахом мокрой травы. Не вечернего инея, а срезанной травы. Парк, где недавно кончился дождь. И, несомненно, скоро начнётся... "Я в Гала-Галло..." — подумал Густав. Без страха, без удивления и снова закрыл глаза...

Какой-то яд, пролитый на него в полёте, исчерпывал действие... "Ха-ха-ха, — припомнил он, вынырнув снова, наивную версию Клока на заре знакомства под большим секретом поведанную ему, про коварных галло, крадущих охотников с рынков, — ха-ха, дурачок, чёрный хохолок, в точку!.. Ха-ха-ха!.." И опять негромкое пощёлкивание привлекло его внимание. Яд отпустил, жар изнутри кончился. Густав отметил неприятную вещь... То есть, вещь-то нейтральную для свободных, несвязанных людей... Лалы излучали некоторое тепло. И не надо быть технарём, чтобы понять, это проявившееся в них свойство вдруг, само по себе — не исчерпается... А их пятнадцать. Не, Густав не видел, но сразу угадал, скоро и почувствовал...

Он скосил глаза. Медный, сложно плетёный шнур отододи, пришедшийся на его локти и предплечья издавал этот звук. Поперечные рёбра медянки, сочленения толщиной с волос из жёсткой, драконьей гривы скрипели об Лал. Кроваво-красные лучи самоцвета вздрогнули в очередной раз при тихом, сухом щелчке, и сомнений не осталось... Отододи связаны в цепь с ничтожной ошибкой. Сжимаемый на толику сильней, однажды Лал выскочит… А зная галло... Не раньше, ровно в момент предшествующий тому, когда дышать станет невозможно, когда замрёт Огненный круг.

Три медянки идут по груди, Лалы держат, треугольник вершиной вниз... Жарко... От них откровенно жарко!.. Проклятье навек! Как в его Собственном Мире ночью... И днём, и ночью... Вместо шороха песчаного, шум затяжных дождей о стриженую листву, кубики кустов, мелкий гравий дорожек... И ни капли ему... Нет плеска фонтана, брызг...

Протрубил, венчая прозренье, где-то далеко белый слон в пасмурных, зелёных лабиринтах раз, ещё раз… И донёсся мелодичный перезвон его сбруи. Глоток свежести, да. Для слуха. Жарко... "Хороший слон, славный, загляни сюда... Крылатый слон... Как во Впечатлении они брызгались фонтанами воды из хоботов!.. Загляни сюда, дай мне воды, прохладной... Сбежим из Гала-Галло, ты хочешь сбежать, я знаю!.." Жарко...

Густав, меж тем, находился в особом месте рынка, откуда сбежать-таки можно. На сухой тверди поставить и через неё, через торговую пирамидку сбежать. Он связан и брошен в хранилище, кладовой галло. В личной части Мадлен.

Хвост крайней отододи, защемлённой дверцами в полу не позволял ни встать, ни сесть, ни откатиться. С трудом Густаву удалось повернуться, чтоб обнаружить это, лицом вниз. И там он увидел, что полированный камень пола перемежается тонированным стеклом. Дымчатые дверцы. Сквозь них видны по-дамски аккуратные ящики для хранения, обитые шёлком. Пятнадцать. С круглыми углублениями. Под скатом. То есть, когда его не станет, Мадлен просто повернёт ключ где-то в замке, дверцы распахнуться и, погулявшие на воле, в рядах Южного Рынка не запылившиеся, пурпурные камни скатятся вниз, оставшись там в прежнем, безупречном порядке. Откуда взяты... Густав покосился на своё лицо в отражении, и увиденное не понравилось ему больше, чем обычно.

Шло время. Мадлен не появлялась. Никто из галло не появлялся.

Густав и не ждал её. Он всё понял... И не скрип медянок по огранке драгоценных лучистых камней — венчающий штрих мести. Гарольд. Корень Гарольда, в едином, будь оно проклято, касании виденный им. Гарольд, к которому направила сама. Ни слова, ни жеста Мадлен не делала зря. А многое с дальним, весьма дальним прицелом.

Когда сутки прошли, нарастающие жар и жажда утянули Густава в сон, а Впечатление Гарольда, ревущий ужас, бивнями поддев, вышвырнул в жар обратно, в удушливый треск отододи, и жажду, жажду... Он сам зарычал. Второй, третий, пятнадцатый, сто сорок пятый кошмар за кошмаром... Рычал и ругался, словами, что знал и не знал, что затуманенным рассудком выдумывал сам. Проклинал каждого, чьё имя всплывало в уме, заслоняясь клыками чудовища, рёвом и жаждой... Жаждой!..

Затем тише ругался, только дышал, заглатывая ртом, как рыба, хоть сколько-то сырого воздуха, сквозящего из сада.

Жар расплывался, растекался, окутывал... Возрастал. Амплитуда сужалась: жар — сон, жажда — Гарольд, рёв — скрип, жар — ужас... Удушье — ужас... Удушье — ужас... Удушье...

Ужас, подбрасывавший так, с такой силой, что скрежетал в пол уходящий конец удавки, щёлкали сочлененья на Лалах быстрей, дальше входили камни из медных тисков... Дроиды светлые, непреклонные...

Раз он заснул всё же нормально, неглубоко. И увидел жёлтый от фантазийных, до неба, упругих фантазийных мимоз, недоступный сад Файф... Осыпающийся, благоуханный. А проснулся — с именем Марика?.. А, ну да, у него же шатёр засыпан... Жёлтыми шариками, по колено. Забыл... Всё забыл...

Амплитуда стала совсем краткой: жажда — забытьё — Гарольд! — удушье — забытьё... Гарольд!.. Чудовище вздымается, распахивает клыки... Стотонным ударом в грудь, под дых! И он отлетает обратно — в жажду, ужас, жар, удушье, забытьё...

Густав звал смерть. Ждал её. Он оценил изобретательность Мадлен. И лаконичность мести, и размах ловли. При виртуозном исполнении, очевидной дороговизне… Оценил пренебрежительно низко.

Как если бы Биг-Буро пригласили посмотреть рукотворный артефакт энной, не последней эпохи, а тот оказался из вонючей илистой соли рукотворной, ха-ха, штуковиной. Оценил, в руки не беря, с гадливостью. Словно наткнулся на кого-то хуже себя. Вдруг. Такого на побережье не

испытывал, у Олива в шатре, при этом, вошедшим за нескончаемым клювом своим, чудовище... Даже милым вспоминалось чудовище, на Файф прислуживавшее Буро, демон с гарпуном вместо руки, с малахитовой лысой головой...

Поначалу Густав надеялся, что между обитателями Гала-Галло могут обнаружиться какие-то трения, желание перемен, и это сыграет на руку ему... Некоторые столетиями терпят, ждут повода, предлога... Да, бывает. И тысячелетия ещё подождут. Не при Мадлен.

Изо всех галло разок в хранилище заглянул Андре. Именно — заглянул, не отходя от колонны, держась за неё. Господин Андре... Сощурился в полумрак. Сквозь лучистые, яркие пурпурные звёзды разглядел медные изгибы отододи... Пленника скованного ими. Белки глаз широко распахнутых, миг назад видевших — снова, снова, снова!.. — Гарольда! Не перенесших ужаса там, во мраке забытья, глаз безумных... Андре напоролся на них и отпрянул. Спрятался за колонной. Пропал в саду, за шумом нового дождя. Моросящим шумом... Как Густав смеялся!.. Обессиленный. Хриплым, сухим, лающим смехом в спину ему так смеялся...

Всё же увиделись они с Мадлен. Не как ожидали... Как? Увидел он её, она его, но Густав притворился без сознания. Не каялся, не торговался. Побрезговал услышать её глубокий, грубоватый, к нему обращённый голос. Будь проклята.

А она и пришла не к нему. Не предполагала, что живучий настолько. Что доведётся застать.

За Впечатлением прилетели они с Котиничкой. Густав заметил, как разъезжаются в стороны между высоких колонн, над капителями малых, держащих их, дверцы. Барабан, скрытый внутри, прокручивается открытыми секторами. Ему было настолько жарко и душно, что даже это, ничтожное дуновение ощутил. Или показалось, что ощутил.

Густав видел прямо — спину Мадлен, в полировке — профиль... Ни звяканья ключей, ни поворота замка, никакого жеста специального или касания она не сделала. Всё открыто. На замке только сам Рынок Гала-Галло. Барабан в стенной нише продолжал крутится туда-сюда, просматриваемые стеклянные сосуды позвякивали. Мадлен сняла браслет, щёлкнула, переломив, и очевидно не находя искомого, посветила туда... На ближайших колонах отразились ряды, этажи пробирок, тонких стеклянных трубочек.

Бесстрастно Густав понял: это и есть хранилище тех самых "свирелей". Основания покрашены и подписаны. "Ха-ха-ха, вот они!.. Искал, Гутка?!" Не настоящий он коллекционер. Настоящий над предметом своей коллекции в жизни не засмеётся, и при смерти. Густаву было смешно. Выживи, не откажется от проклятой колоды. Но дрожать над собранным не станет. В последний миг не вспомнит о ней. А о чём?.. Вспомнит о случившемся тогда, великом подарке?

Мелодичный с хрипотцей оклик Мадлен позвал невидимую Густаву Котиничку во внутренний дворик. Посмаковать с собой принесённое, посплетничать, побыть вдвоём.

Они обе недавно вынырнули из Великого Моря. Не успели высохнуть на ветру, в пути. И в парке, в пасмурном Саду Гала-Галло снова попали под дождь. Мадлен быстро шмыгнула в хранилище, а Котиничка, житель глубин, шла не спеша. Грациозная. Необыкновенная. Ей непривычно бегать по земле. У входа задержалась... Густые, переплетённые без лент, шнурков и бус своими же прядями, волосы мокры. Она провела вдоль них, глубоко запустив пальцы, распустила…

…и проходя мимо Густава, встряхнула головой... О, дроиды...

Кто-кто, а Женщина в Красном, — на йоту не взаимно, — сразу понравилась Густаву. С первого взгляда. В тумане, на Горьких Холмах. В ней самой было что-то горькое, сродственное

им и ему...

…О, дроиды светлые... Она и лица не повернула…

Водопад брызг окатил его, умирающего. Голову, руки, ноги босые, ворот распахнут, каждая сорванная пуговица в счёт!.. Лужи, мокрые следы оставив на полированном полу, рядом... Капелью с волнистых прядей, не человеком мимо прошла.

…Влага... Простая вода... Вспышки Свободных Впечатлений, оставшиеся с моря... Обрывки... "Да!.. — Свет... — Столько!.. — Их?.. — Взмах чего-то... — Ровно?.. — Свет!.. — Свет!.. — Свет!.." Между Впечатлений, похожих не на видения, а на вскрики в сознании, — обыкновенная влага... Дроиды, влага!.. Вода...

Густав впитал их как одну вспышку, один глоток света... Поймал несколько капель приоткрытыми губами. Потом, катаясь с пола соберёт... Если что и задержалось на нём, горячем, то, может, на веках чуть-чуть... Потому что, да, он звал смерть! И да — он хотел жить!

Через минуту вспомнит все свои проклятия, через минуту скажет себе: "Это продление пытки, не более! Насколько галло Великого Моря продлила её?!" Не признается себе, что врёт, что воспринял иначе... Сразу. Мгновенно, пока ещё брызги летели, а он не верил глазам, коже своей... Если б в насмешку, она бы взглянула на него?.. Да?.. Хоть как на Морскую Собаку, закончившую последний бег. Усмехнулась бы?.. Но она не взглянула. В глубине души, там, где Чарито не предполагала у охотника человеческого сердца, остался этот взмах мокрых волос. Как милость. Как дроидский подарок. И он спас Густаву жизнь.

Сколько прибыло сил, собрал, чтобы перевернуться, щекой лечь на капли. Достал... Слизнул. Скрипнул пурпурный Лал в медных тисках отододи, сжавшихся ещё. Что-то жёсткое впилось в бок, но и самую малость повернуться Густав не способен был, прежде не отдохнув. Полежал горячим виском на холодном полу сдвинулся и покосился... Несколько примятых, жёлтых шариков... За подкладку забились что ли... Выдохшиеся и всё же благоуханные одним своим видом. Пушистые до сих пор.

Сквозняком потянуло от нового дождя и светлячки мимозы покатились... Не они же мешали, так что? Грузики его цепочек? Не там они. Густава не обыскивали. Шаман борец, а не мародёр, и он спешил.

"Мимозы... Частокол круглых, зелёных гибких, ровных стволов... Причёсана лёгким ветром трава... Лес до неба, до жёлтого света небесного, из них состоящего... Ими осыпающегося... Гроздья облетающие... Метель... Пятистенок Файф..." Чёрная вода, стремительно поднимаясь по стенам, выплеснулась бурлением за балкон, в метель жёлтых шариков, между чистых стволов загудела... И оттуда, из померкнувшего всего... Гарольд!.. Разрываемая яростью морда! Бивни, складки, клыки и клокочущий. Утробный, нарастающий рёв!.." Прочь из глубокого сна! Швыряя в явь, как рыбу на берег, судорога выгнула, ударила об пол... Отпустила...

И Густав — вспомнил!

Его медянка! Вот что впивалось в бок, свёрнутая отододи!.. Точно, аккуратно, но легко, легко, — светлые дроиды! — скручивают их... Их легко развернуть!

То проваливаясь в дремоту, то выныривая из неё, Густав вечер и ночь провёл в отчаянных попытках вытолкнуть, извлечь отододи из кармана. Отцепить крючок на одном конце. Дальше сама разберётся. Лишь бы развернуть, подставить не руку, а грудь или горло... Чтобы наверняка. Обрёл цель и ему стало легче. Спроси его кто-нибудь очевидное: "Ты задумал самоубийство?" Он бы искренне удивился. Густав был не в себе, и он очеловечивал её… Медянка спасёт,

отпустит его, верёвкой с балкона до земли... Отпустит в недостижимое Там тихого Файф, закроет дверь за ним... Оставит чудовище снаружи...

Он мог кататься чуть-чуть и потягиваться. Удачно, что, связавшие его отододи, не пересекали карман. Целенаправленность ничтожных движений возымела результат.

Свиток в три петли медными боками поблёскивал перед ним. Как лицо возлюбленного, утреннее рядом на подушке. Без подушки, не на траве и даже не на песке Собственного Мира, в Галло проклятом, прекрасное видение... Его медянка. Густав улыбнулся ей уголками губ, нравится. Плетение гладкое почти... "Привет..." Непреодолимо утягивало в сон. Потянулся... "Привет..."

Не спать! Дыши, головой бейся!.. Вслух разговаривай!.. Не помогло... Вознамерившийся ярь-медянке пересказать всю свою жизнь, Густав преуспел, дошёл уже до середины. Когда, кровью налитые глаза Гарольда встретили его, ринулись бивни, едва не коснулись лица. За горло едва не поддели! Очнулся... Ура, отододи на месте! Всё тихо...

Человек строго практического плана, имея в досягаемости хоть какую возможность действовать и обретя малейшую ясность ума, Густав резюмировал известное. "Мадлен... Вышли или ещё там? Много времени прошло. Либо вышли, либо оттуда улетели. Оттуда возможно улететь? Тихо... Тишина… Промедление ни к чему..."

Распутывать зубами не понадобилось. Зацепил крючком за петлю отворота, навалившись плечом на сам моток. Медный хвост скользнул, размотал петлю... Как и положено ей, медянка отреагировала на тепло тела... Обвилась... Вот же горло! Вниз потекла, обвилась вокруг связанной руки. "Предательница!.." Скользила, сочилась между рук. "Нет же, нет!.. Как же в драке рассчитывают на тебя, бестолковая?!" Нормально рассчитывают. Не раскаиваются.

Густав не учёл, не знал одного момента. Касающегося изобретения медянок, оружия последней эпохи. Знать-то он не знал, но мог бы задуматься: столь злое оружие не попало в запретные артефакты... Дроиды не отнимают его и схемы его изготовления. Почему? А потому что медянка — щит, в первую очередь, а удавка — во вторую! Медянки, оружие нападения и защиты, реагируют на тепло тела и особо на Огненный Круг — не препятствует ли нечто движению его, влаги, огоньков в теле? Не душит ли, не преграждает ли путь? Разорвать опередившее её кольцо удавки, захвата чьих-то рук, её первая задача. Затем станет опасна, да.

Скрипнула медь об медь. Новая змейка встроилась в цепь пятнадцати, ослабели все разом. Густав вдохнул животом, глубоко, о!.. И выпутался... Отполз... Чего ему это стоило! Лишившись ориентира, цепь распалась на змейки. Лалы выкатились. Пятнадцать пурпурных звёзд. Нет эмоций. Дрянные стекляшки.

В охотах и вне их, в торге, тренировочных боях правого крыла, редких ночах на Мелоди, даже там, Густав не ориентировался лично на людей. На позиции, обстоятельства, лёгкость добычи… Ненавязчивость партнёра в торге и танце, на раз, на один танец... А тут, едва обретя второе рождение, дыша полной грудью, замер... Неотрывно следил затихающее распадение медной связки... Чтоб отличить свою! Не перепутать! Её забрать... Не в себе, жар и жажда помутили его рассудок. Но выполнил задуманное. Прежде чем на четвереньках доползти до выхода, до мокрого сада, он забрал её, свою медную отододи.

Лалы тоже, стекляшки, измучившие до смерти, заберёт потом. Но пока, как ни был

беззащитен, открыт, прятаться, осторожничать не мог. Он хотел воды. Воды... Густав умудрился встать, подняться на ноги при входе, держась за колонну. Вдруг поджидают, вдруг смерть. Так не на четвереньках. Шагнул...

И там уже рухнул, на безлюдном повороте дорожки. Дождь начался. Он должен был начаться. Вода, просто вода... Ноль Впечатлений... Чистая вода... Что такое блаженство, что такое исполненье желаний, прежде не знал. Уронив голову, так и оставшись сидеть, как упал колени, в дальнем уголке стриженого парка, под усиливавшимся, стихавшим дождём, равно далёким от прекращенья и бури, Густав мок до утра. Незамеченный. А если кто издали и приметил его, Андре, например, то предпочёл смыться и промолчать. К чёрту, связываться... К чёрту и его, и Мадлен!

Готовый к действию, как только свет наступавшего дня позволил ему ориентироваться, Густав вернулся в хранилище. Ухмыльнулся. Изгрыгнул последние проклятия ему. И занялся делом. Собрал Лалы, снял рубашку. Тонкие носил, но как мешок сгодиться, не особая тяжесть.

Фантик Олива пригодился! Распахивая между колонн дверцы за дверцами, довольно быстро Густав вычислил по цвету оснований морские свирели. Подписи ни о чём не говорили ему, незнакомый язык. Из морских, рассматривая фантик на просвет, переводя взгляд с него на основание, а затем и прикладывая палец к открытому верху трубочек, Густав выбрал тёплого, лёгкого сине-зелёного цвета все. Все пять. Старался не торопиться. После едва не доконавшей его жажды чувствительный ко влаге сверх меры. Не требовалось долго всматриваться. Завязал добычу в рубашку, с Лалами вместе. "Принципиально не проливаются? Очень хорошо".

Очередные высокие, непрозрачные дверцы, раскатившись в стороны, открыли не полки шкафа, а внутренний дворик Гала-Галло. Густав закрыл их за собой и огляделся.

"Важно — сухо. Ага... Отсюда уходят. Улетают". Без промедления поднял пирамидку, положил добычу... И задержался.

Сплошная высокая стена. Штукатурка со следами фресок, подписанных вязью на том же, неизвестном ему языке. Восемь дверей закрытых, узких. Косяки — колонны. Вместо капителей поочерёдно, попарно: наконечники копий и нераскрывшиеся лилии. Вытесанные грубо, но уверенно.

Навес посреди двора. Провисшее, вылинявшее до белого, голубое когда-то, полотно. Стол овальный под ним. Вокруг вместо стульев лежанки. Жёсткие, с валиками и коврами. Стол заставлен, завален. Сосуды с Впечатлениями, опустошённые и полные, отпитые. Письменные принадлежности. И оригами без счёта. Завершённые, начатые, скомканные, разорванные свирепо, на клочки. Сложные, простые. Цветные, белые, раскрашенные. Они разбросаны и по двору.

Его пустынность нарушают, миниатюрная и побольше, две альпийские горки. Хвойники, мхи. Мало цветов. Деревца возле навеса. Ближнее цветёт, безлиственное. Белые простые цветки, венцы длинных жёлтых тычинок, красиво. Не шарики мимоз, но Густава притянуло к ним. Остальное отмечал инстинктом охотника, так, отрывочно, будто скорописью запечатлевая впрок. На месте пытаясь вникнуть в характер обитателей, детали собирая на будущее.

На обломанной нижней ветке, незаметный издалека, как цветки бело-жёлтый, висел двойной барабанчик. Тончайший, эластичный металл натянут шнурками до колокольной звонкости. Неплохая вещица... Забрал, повесил на шею. "Я, как Маричка, увешался... Хорошо, не по небу домой лететь".

Дощечки и меловое стило задержали его внимание. "А, кое-что позабыл... Поблагодарить за приют! Охота на галло была предложена ему? Что ж, более чем логично принять заказ. Особенно теперь! Уйти, не забросив крючка?.. Забросив... В глотку пропихнув сразу, чёртовы мстительные галло! Отсюда улетают, снимая пирамидку? А он — оставит. Пирамидку с отказом! Торговую подставку демонстрации!.. Придётся чаще бывать у себя, ждать, вдруг постучатся!.. Ха-ха, оставит! В сердце Гала-Галло, в хранилище Гала-Галло, в гнезде восьми основательниц! Но что же на острие?.. Письмо!"

Гениальный, примитивный, как атиньи дёсны, охотник, Густав запечатал письмо ругательством, у них же слышанным. Думал — проклятием, ругательством… Но для галло, это куда больше, чем ругательство... Пустую угрозу выплюнул и очертил срок. Не знал, что одним кратким слогом превращает в приказ. Пусть добыча, если желает, ищет его, думал. Оказалось — без "если", без вариантов. Он оставил ядовитый шип в сердце Гала-Галло, жить с ним нельзя, без вариантов.

Письмо не отличалось оригинальностью. Преисполненное яда. На скрипнувшей под мелком табличке Густав размашисто начертал:

"благодарю за тёплый приём
жду в гости
или навестить вас
по окончании сухого сезона
ача"

Так написал, знаков препинания не ставил... В яблочко!

"Получите, чёртовы галло!.."

Запрокинув голову, расправив плечи, долгим зовом, не веря своему счастью, осязая звук из груди, Густав позвал дракона... "Белокрылая воля... Ящер небес, зверь!.."

Перекинул добычу на белую спину его. Утвердил табличку, поправил... И дроид унёс его в Собственный Мир. "До скорой встречи, галло!.."

Глава 88

Глава 88.

Плеск фонтана не позволял заснуть глубоко. Густав упал, распластавшись на широком, мраморном парапете, да так и остался. Отклоняемые ночным ветерком, то струи задевали его, то водяная пыль. Прекрасно. Редкая ночь в Собственном Мире, показавшаяся ему блаженством. Чем сильнее плещет, тем лучше, ещё, ещё... Ручьи, водопады, потоки... Журчите по мрамору, падайте с высоты в чашу не заполняемую ни на палец выше, не на палец ниже задуманного. Они отдаляли голос дроида, проникновенный... Как горечь в соль переизбытком проникает, а не откуда-то со стороны... Вода разбивала начинающийся кошмар глубокого сна. Разбивала обычный, неизбежный кошмар: что он всё ещё связанный в Гала-Галло, в удавках и жарких, пурпурных Лалах, и не вдохнуть... Капли брызгали в лицо, со вздыбленной шкурой Гарольд не поднимался из бури... Прекрасный фонтан... «Сбежал... Неужели сбежал?.. Неужели...»

Утром Густав озаботился внешним видом. Переложил награбленное в пристойного вида сумку, неброскую, через плечо. Свирели оставил дома. Рубашкой той же Лалы проложил, чтоб не гремели. "Я богат..." Никогда не стремился. В руки пришло. Окинул внутренним взором континент, не оставил ли где шатра для быстрого возвращения. "Все мозги усохли от проклятых галло!.." Вспомнил шатёр в горах, ночлег или бегство, на крайний случай. Нда.. Местечко выбрал... Самому неохота туда лишний раз! Хорошее место. Искал, старался. Неохота и не надо. Разве сейчас крайний случай?

Полетать он не прочь... Не шагать бы через пески Собственного Мира до рамы… Очень тягостный, неизменно подавляющий отпечаток оставлял на душе короткий, в общем-то, путь барханами пологой чаши, кочующим песком. Опечаток гнева. Свежего, как в первый день. Тупого, душного... Но после неволи полетать хотелось!

Не оглянувшись, не позвав дракона Густав прыгнул с рамы...

Продлить падение... Удивиться, как впервые, когда белый дроид образовался не под ним, а кувырком вокруг него... Почувствовать тонкую обратную связь: зов, но наоборот, сразу отклик.

Дракон подхватил когтями и уже из когтей перекинул на спину. Выражая свой дроидский гнев, закрутился так лихо, ушёл в такой крутой штопор горизонтальный, завершившийся пике, что радость рассерженного дроида предалась человеку. Сложились, перемножились обе радости. Скорость, да... Скорость и воля...

Вдоль хребта, крепко, привычно держась, всадник услышал вибрирующее мурлыканье... Урчание... Звук бодрящий, звук силы, используемой на одну тысячную. Драконьего горла? Дроидской идеальной машины?.. Грудной клеткой чувствовал, передалось...

Счастье? Рецепт на все времена: в четыре стороны воля, и поровну наливать — полумандраж, полузлость! Лить до краёв, до горизонта!

Всё ещё мало воды! "Как мы уходим на гонках?!" Хлопок по шее справа, по корпусу слева, и дроид помчал зигзагами, непредсказуемой длины рывками среди белопенных облачных миров в ближайшую, замутившую небо синь. Они ворвались под дождь.

Густав утихомирился вдруг, резко, и дракон завис, планируя, горизонтально раскинув крылья...

Тихая музыка проливалась во Впечатлении, в полумраке задёрнутых тёмно-синих штор.

Комнатка обычная, а цвет их такой грозовой, грозный, недомашний... "Ал-лала... Дон-лала... Дон-дон-дон..." Механическая и тем более умиротворяющая. Ассоциация с Мариком номер один, немедленно вызвавшая его, золоторукавого, упрямого и беспечного, в памяти. Музыкальная шкатулка. Сундучок с коротким заводом, вызываемым к жизни чьей-то сухонькой ручкой.

Что-то не так... А что не так?.. Невозможная идеальность в... В чём?.. "Дон... Ла-ла-ла... Ал-лала..." Овальное зеркало отразило вторую часть комнатки и обладательницу сухонькой, невозможно идеальной руки. Старушку в тёмном платье. Уложенные причудливо серебряные локоны так хороши, что она кажется королевой. "Дон-ла-ла... Дон..." Пасьянс пред ней на покрытом кружевной скатертью столе... На лице нет печали, нет меланхолии. Её занимают не воспоминания. Возлюбленного ждёт, купца из дальних стран? Сына с войны? Служанку с рынка? Серьёзно гадает, ждёт кого-то, судя по взгляду, вскидываемому время от времени, прислушивается. К чему?.. Что-то не похоже... Так не ждут стука в дверь, так...

"Дон! Дон! Дон!.." оглушительно раскатился обрывок той де мелодии. Стук в дверь, молотом вместо молоточка? Да он и не со стороны двери. И она не встала, она продолжала слушать. Подхваченная мелодия перешла в "раз-два-три". Как если бы, не сходя с коня, то есть, сам конь выстукивая копытами, вальсировал за окном... Что-то совсем не так с этим Впечатлением!.. "Вальс преследует меня, — подумал Густав, — карты и твари морские". Вообще-то, карты он сам преследовал... Валет червей открылся в пасьянсе, лёг пред ней, близоруко поднесшей к лицу... Близоруко?

Порыв холодного, ураганного ветра, — Густав принял его за реальность, — раскинул тяжёлые шторы. Взметнул! Разнёс!.. Двумя синими, тёмно-синими крыльями, о дроиды!..

Да — дроиды!..

Одновременно в светлое окно и в отражённый дверной проём, — с противоположных сторон одновременно! — ворвался на белом восьмикрылом, гигантском драконе дроид. Принадлежность всадника к дроидам не вызывала сомнения. Уж точно не человек! Комната престала притворяться комнатой. Прозрачные стены и вся обстановка, вся. Никакого сонного городка за ними не оказалось в помине! Синь небесная и облака. Перистые, высоко. Лесенками с одного края неба до другого... Далекооо внизу — извергающиеся вулканы. Момент преображения континента. Рожденье Морской Звезды. Густав увидел бурление океана и отвёл взгляд, жуть взяла. Сильное зрелище...

Автономные дроиды в общей форме, вот кого сохранило Впечатление! Густав рассмеялся от внезапности открытия! Но дождь кончался, увы!.. Жадность проснулась. Не торговая, а стремящаяся делиться с людьми. Собрать бы! Бокал зонтичный, собирающий, редко с собой носил. Пригодился бы. Из куртки отжать, да некуда, чёрт...

На последних секундах дроид-всадник с восьми сторон остановился пред столом и пасьянсом. На восьми драконах, бескрылых. Сухая, идеальная рука дроида поместила то, что казалось вальтом, в схему пасьянса, ветер разметал, переложил весь пасьянс на схеме кружевной скатерти... Дроиды, один в тёмном платье, другой восьмеричный, верхом сидящий, долго смотрели на неё... Раздался обычный стук в дверь. Обычный стук в обычную, деревянную дверь. Всадник пропал. Сухонькая рука извлекла карту, червонного вальта и спрятала... Стук повторился. Идеальный голос, старческий, девичьи-высокий, как случается у стариков, дроидский голос крикнул тогда: "Входи же, радость моя!.." И Густав понял, что дроиды не всегда, а может быть, и никогда... Не вполне, а может быть, и нисколько... Не ставили цели перед собой — быть откровенными с людьми.

Ветер носил последние капли дождя, видимое пропало, голоса сливались, утонули в звук музыкальной шкатулки. "Юноша Кит, — подумал Густав, — препятствующий. Сколько ещё лет

пройдёт до твоего рождения, до твоей гибели?" Дождь перестал совсем.

"Никогда не были откровенны..." И никогда не будут. То, что он видел, мистификация не разовая, задуманная на годы, длившаяся годами и десятилетиями...

Дракон кругами, как обычно делают они, если не предвидится указаний, крыльями лениво поводя, планировал к земле. Густав, смеясь ещё, своему открытию и редкости увиденного, подозревая не случайность роскошного ливня, поблагодарил его. Горловое "фррр..." услыхав в ответ. Интуитивно, по ускорению и небольшой плотности облаков Густав понял, что материк близко. "Сверху ветер небесный... Снизу ветер морской..." Как в одной песне справедливо подмечено: опустишься за определённый рубеж и попадаешь в полосу, где недавно покинутые просторы высокого неба кажутся сладкими, мятными. По контрасту. Потому что лицо умывают, поднимающиеся от Великого Моря, солёно-бесприютные ветра.

«Южный. Лица. Ряды... Немного позже. Хорошо бы размяться!..» Густав защёлкнул карабинами сумку в нескольких местах на куртке и безо всякого предупреждения прыгнул с дроида.

Наверное, ни один, даже самый отчаянный гонщик и небесный акробат не был кусан драконом за уши столько, сколько он! Пойманный, и укушенный, Густав перевернулся, встал на голову, на локти. Рывком на ладони. Отжался, вытянулся... На пальцы... Сила не ушла. Но изнутри тело скрипит, как сухое дерево! "Чёртовы мстительные галло, за банальный грабёж!.." В завершение Густав постоял на одной руке, на другой, поочерёдно, подпрыгнул на них, с хлопком ладоней, ещё раз обругав галло, и плавно сгруппировавшись, сел по-человечески верхом. Похлопал дракона по шее, зазнайству чуждый, его дроидской понятливости обязанный половиной акробатических успехов. Потрепал, направил к земле... И только тогда заметил Хан-Марика. Следовавшего за ним от рамы мира.

"Точнёхонько от рамы, сожри меня чёрт в придонной тьме!.." Шкурой охотничьей постфактум понял. Но не разозлился. То есть, не на него. Где кроме рядов и гонок и крутился Хан-Марик, это меж его миром и континентом. Даже уговор был когда-то. "Проклятущие галло! Восходящим бывал осмотрительней... Все мозги иссушили!.." Будучи замечен, но не прежде того, Хан-Марик догнал и поравнялся с ним.

— Гус?.. — произнёс Марик.

Мокрый насквозь, в той же туче кружил. Вместо всего-всего: ответа, расспросов-рассказов, дружеских объятий, Густав вырвался вперёд. Отлетел, развернулся, руку запуская в сумку, и хвастливо, весело крикнул:

— Маричка, хочешь Лал?.. Алый, пурпурный!..

И запустил в него красной звездой, лучи рассыпающим камнем. Под кратким солнцем чужого мира, вспыхнувшим, как нарочно! Марик вильнул на драконе, поймал над головой... Одобрительным, морским восклицанием приветствуя грабёж:

— Оу?!

— А то!..

Поглядел сквозь Лал на луч из рамы, моргнул, глаз потёр... Обжечься можно, чучело неосторожное! Покрутил камень, исследуя безупречную огранку... И потянул в рот! О, недроидское создание!..

— Не грызть! — завопил Густав и едва удержался верхом, чтоб не рухнуть от хохота, согнувшего его пополам. — Хан!.. Ради милости дроидов!.. Твой рацион расширился?.. Золото стало пресно?.. Боюсь, пристрастившись к Лалам, ты скоро начнёшь голодать!.. Марик, грызи, не жалко. Твой, дарю! Смотри, сколько их у меня!

Он подлетел вплотную и распахнул сумку.

— Оррр... — сказал Марик, проурчал как дракон. — Я так и знал.

— Ты верил в меня?!

— Гус, ты это... В порядке?..

— Вполне!

Уклоняясь от дальнейших расспросов, Густав направил своего дроида под его, поддеть снизу и сбросить! Не так сразу... Хан-Марик это! Обменялись ныряющими манёврами... Толкались драконьими боками, Густаву хлёстко по лбу досталось крылом... Разлетались, сходясь в лобовую, дух захватывающая, безопасная тактика, двум Белым Драконом игра... Цепляя, за доли секунд надеясь спихнуть, стащить ли... Кружили, сталкивались... В незапланированный всадником кувырок драконий, жёстко вторгаясь, и — безрезультатно! Так и летели до земли. Ничья. Оба опытные.

Над волнами Великого Моря Густав перекинул сумку с Лалами Хан-Марику на плечо. Изложил следующее:

— Хан, штук семь припрячь. Отдай-ка мне один... Остальные тратим. Купи мне два места для начала. Напротив одно другого, в центральном ряду. Обустроим... Я, Маричка, заделываюсь вельможей Южного Рынка... Пора... Буду на одном месте сидеть. Как чёрт придонный... — ворчливо добавил, выдавая неискреннюю заинтересованность в подобном развороте дел.

Но Густав нуждался быть на виду и на месте. Сам избрал тактику. Крючок заброшен, тонет в Гала-Галло. Поплавки вокруг шатров его закачаются вскоре.

— Гус, ты это, когда появишься-то?

— Да скоро. Я к Оливу. Обговорим, может, домой смотаюсь, может, и нет... Хочешь, прилетай.

— Ты добыл Рода?

— Надеюсь.

— Тряпки покупать? Шатры-артефакты будут?

— Конечно, и высокие!

— Понял.

Ну, с шатрами всё вышло посложней... Кое из-за чьего упрямства. Но и поэффектней в итоге.

— Гус, я думал угостить тебя, выпьем мал-мала вместе?

— А любопытная была тучка? — вспомнил Густав. — Я не прочь. Разберись по-быстрому, поставь чик-кант в полог, ну запором... Чик-блеск, сообразил? У Такта было, ни у кого больше. Я по ним найду... Слушай, ты наблюдал за хохолком, за Клоком? Что, мнение?..

— Он раскаявшийся хищник. Это точно.

— Это скверно! Путано, Маричка, и тем нехорошо, не гут... Последи... Ладно, бывай. Съешь, Лала больше не дам!

Густав рассмеялся, кивнул ему и нырнул под черту низких облаков. К побережью, к Оливковому Рынку.

Хан-Марик в тёмной ладони подкинул Пурпурный Лал и поднёс к губам. Но не грыз его, нет.

Глава 89

Глава 89.

Дзонг пытался это осмыслить... Ещё и условия толком не обговорены, а охотнику открыт доступ, минуя раму, минуя обзор небес, стремительный доступ в Гала-Галло. За пирамидкой его ещё как будут там следить, и всё-таки... И грабёж...

Покупки за Лалы на Южном невозможно скрыть. Густав и не пытался. О кухне своей охотничьей не распространяясь, Клоку это лишь и сказал. Информация дошла к заказчиками, платить ещё не за что, но подумать есть о чём... Дзонг не знал, что особой, — да и никакой! — заслуги Густава не имелось, сплошная феерия удачи... Не считая, что постоял на краю! Но если б и знал, охотнику не зачел бы в минус. В плюс бы зачёл, суеверное Чудовище Моря.

— Ооу, ловец-комодо быстро перебирает лапками... — прошипел Дзонг Биг-Буро, когда рынок утих, и остались одни. — Шустрая ящерица пройдёт ли долгий путь?..

— Дождётся ли, хотел ты сказать? — поправил Буро. — Когда придут они. Теперь ему надо сидеть на камушке и ждать... Под камушком. Так и проверяется комодо.

— Я видел его, — лупнув белками ярких глаз неожиданно бросил Дзонг, со стороны, вчера... — Ооу, пустышка. Чем берёт? Чем целится?..

— Зеркалу не нужно целиться, — неохотно ответил Биг-Буро. — Оно не может промахнуться.

При всесторонней к Густаву неприязни, Буро отдавал ему должное, как охотнику. Примешивалось и злорадство видеть удивление на мало человеческом лице, замешательство Дзонга. События разворачивались быстрей, чем он ожидал. Что дальше?.. Не очередная свора наёмников должна придти за головой охотника, в итоге предоставив ему ещё пятнадцать Лалов! Гипнотичная Кроха... Видевшая, может быть... Знавшая, может быть... Или нет... Кроха — с поднятой левой рукой... Если нет Вайолета-дроида на свете, то Кроха — отпечаток дроида-Вайолета... И значит ли что-нибудь в принципе этот самый отпечаток?.. Воспринимается ли?.. А если он был человек?.. Всё-таки человек?.. Путь подтвердит или опровергнет: дроид, человек?! Как случившееся выглядело с той стороны рамы?..

Разнообразные, детализированные планы вторжения в Гала-Галло складывались, пересматривались им, привычка. Как одной атакой покрыть весь рынок? Дзонг думал не только о ядах и тенях, но и об адской механике — если окажется в Галло через мир охотника. «Тень пришлось бы сплавить на месте... Нет... Нельзя через мир, сам — тень... Охотнику можно. Ему можно вручить механику, адскую, ооу, она внесёт хаос, ооу... Лишние минуты... Одновременно: ловец перед рамой — ловец внутри... Согласовать время... Третий человек нужен, с Белым Драконом, не на раме же Гала-Галло стоять!..» Шло, шло, шло в уме, перед глазами... Сцены виденных, проведённых и задуманных охот... Шло как мутная вода. А из-под неё пробивался свет.

Со всей этой мутной водой Дзонг умел, знал, как иметь дело... Но свет выглядывал то тут, то там... Мешал. Пропадал, оставляя тревогу. Появлялся, усиливая её. И Дзонг не знал, что с ним делать! Не-знал-не-знал-не-знал!!! Ни при Буро, ни в одиночестве... Ни вслух, ни молча, не спросил себя, как допущение не проговорил... Если Вайолет — дроид?.. Если действительно был он дроид?.. То может быть, не — был?.. Возможно, он есть в этом мире?

Вайолет, шагая за раму, поступок абсолютно невозможный, обнаруживающий его суть, не совершил третьего нарушенья — признания. Он защищал человека, делал именно то, что дроиду и следует делать.

— А-ха-ха, Густав!.. Решил соригинальничать? Думал, до тебя не пытались?.. Ну, рассуди: тысячелетиями стоят рынки, порядок ломают на них, как не ломать... Но — воспроизводят же!.. Глядь, ряды на местах и закоулки, только лица другие. Ведь не случайно?.. Хозяева поменялись, а следующий, глядь, и тент выбрал той же высоты... А почему, Густав? Да потому что!.. А-ха-ха-ха!.. Барабан! До правого крыла тебя слышно! Густав, Густав, нанимаешь работников, так слушай, что тебе говорят! Не ты первый их нанимаешь. И на этом самом месте — не ты! А-ха-ха!.. Ой, оглохну сейчас!..

Густав вяло огрызался. Наслушался за целый день... Тент хлопал как великан в ладоши, заглянувший на рынок поторговаться. Поймав воздушную волну, гудел и завывал. Хлопал всеми сторонами, словно билась за ним гигантская птица или Белый Дракон с десятью крыльями... Дда...

Место позволяло... Углом поставил... Пока натягивали, было ещё ничего, но во второй половине дня, когда роза ветров распустилась шире, началось...

Внезапно разбогатевших вечные ошибки... Ну что ж, они будут исправлены. И вот что получится немного погодя....

Нельзя так просто продать Пурпурный Лал, разве что, за живой артефакт. Иных соотносимых в цене вещей не имеется. Но и тогда, это предмет долгих поисков, переговоров. Хан-Марик разумно забросил удочку на Южном и Техно, кто желает?.. Для совместной цели. Перепродать заёмщиков и займы?

Рынок Техно откликнулся первым. Местные больше доверяли друг другу и легко договорились скинуться. Они и пожертвовали двумя местами в центральном ряду. Плюс установка конструкций, материалы и сезон бесплатных консультаций. Каковые доставили Густаву бездну удовольствия, используясь им совершенно не по делу, но это после. Предложение хорошее, Марик принял его. Ещё условие, шатёр напротив, чтоб оставаться поблизости, но в тени... Начал искать владельца шатров напротив. Похлопал, позвал. Никого. А в третьем хозяин спустился к нему и за отдельную плату сказал, что договорится сам насчёт среднего. Судя по тому, что тенты за одну ночь заменили и по сторонам, что-то они там мутили. А может, испугались перемен и слиняли, скинули тревожное место авантюристам по дешёвке, торговцы они такие. Соседство новых, солидных на вид шатров устроило Густава. Ему со всех сторон желателен свободный проход, они не велики, это есть, гут... Приземистые соседи, непрозрачные. По направлению к раме — бронзовый, с башенкой на центральном столпе, для похищений неподходящий. Для обзора — да, впрочем, четыре окна на башенки закрыты ставнями. Дальше по ряду его, и за ним — тент светлый металлик, внутреннее пространство не разглядеть. Вершина обрезана, для похищений подходит... Что ж, обычное дело... Временные ли, постоянные, ближайших соседей тенты Густав внимательно изучил, ведь это будет его жилой шатёр... Игровые, гостевые те, что напротив.

Приблизившись к завершению коллекции, и не сомневаясь в успехе, Густав начал обустраиваться не столько ради охоты, финальной серии охот, а заранее как победитель, вельможа. Хозяин игрового салона. Двух. Недаром и дроид его был Салон. Совсем по иному, но не менее вдумчиво, чем разрушенный Собственный Мир, на континенте Густав начал воплощать, увлёкшись в процессе, то, к чему имел склонность. Противоречащую непоседливости.

Обнаружил... Что транжира он! Откровенный!.. Обнаружил, что кратчайшие и годами разыгрываемые партии охот — единственное, что не утомляло его. Лицемерие секундное и

продолжительное, как перерождение... Он жил им, он умел откликаться и совершенствованию предела не видел. А здесь, на одном месте сидя... Маска прилипнет, пожалуй. Да ладно, что будет, то будет завтра!

Что до обустройства, не ради же торга применять ему змеиное обаяние?.. Мистических высот достигавшую интуицию... Животную чуткость... Да пусть, не торгуясь, берут, сколько надо им!.. До наглости не доходя, отомстит, развлечения ради. С Маричкой — не доходили... Густав и его не заставлял торговаться. Излагал только: то-то хочу, ту-то фигню зря принёс, такое найди, это выброси, ну, хочешь, перепродай. Время тратить. Время разбрасывать Лалы. К тому же, он несколько спешил.

Аттракционы, задуманные им в количестве двух, расположиться должны на противоположных концах моральной шкалы развлечений: невинное — недроидское. Идея последнего с правого борцовского крыла. Сколь надёжно она привлечёт и удержит публику, Густав сам не ожидал.

Игрушка же безопасная, невинная предназначалась всем без разбора, от любителей зрелищ, до любителей халявы, и всяких зевак, недоверчивых, но скучающих, мимо шедших. О её-то сооружении не Марик будет договариваться. Как всегда, видимость, общий план дороже остального, вместе взятого. Ловушка из теней. В открытую — из теней! Они вечная угроза? Пусть послужат, как в коктейлях Буро — к увеселению!

Конструкция называлась бы аквариумом, но не имела стёкол. Фонтаном, водопадом? Сама вода и была стёклами потоки воды, низвергающиеся куполом. Материковые, земные дома полудроидов — шатры, в привычной схеме и Густав мыслил: конический прозрачный купол, сверху бегущей, снизу раздуваемой ветром, морской воды занимал треть свободного места под тентом. Ослабленные порядочной долей Чистой Воды забвения, покармливаемые связными Впечатлениями изредка, там обитали стайки и отдельные экземпляры теней ярких цветов, завлекательных форм. Ради людей, что не ныряют, избегают моря. А таких большинство и они любопытны. Никогда ведь Великое Море не исчезает из разговоров, песен, легенд. Каждым туманным вечером заходит на Южный Рынок незваным гостем... Пусть люди поглядят, поиграют с ним, усмирённым, беззубым...

Среди теней в капсулах и без плавали привлекательные артефакты. Протяни руку и возьми! Отними у беззубых теней... Медузообразные студни распространили слоями нитяные стрекала... Стрекочущее нечто металось по конусу, пыхая дымом, из него же высовываясь вдруг, отпечатывая лупоглазую плоскую морду с провалом носа на грани водяной, чтобы зрители отскочили с визгом, и стрёкот не давал им подойти. Мерзкий до дрожи и смешной. Бархатные, как синяя ночь, рыбки-торпеды без плавников плавали всегда по трое, тёрлись толстыми головами об артефакты, друг об друга, вызывая непреодолимое желание их погладить... И одна слипалась намертво в кулаке! А две другие, обхватив, присосавшись хвостами, старались отгрызть его, суетясь маленькой, щекотной пилой, и тянули к себе, и утягивали! Не имели силы ни на то, ни на то, но крику, страху! Которую схватил, ту сложней всего было отцепить, стряхнуть её. А из конуса не выдёргивается на воздух. Потом уже поняли, её феноменальная клейкость имеет срок. Устав, отпадает. Попросту надо подождать. Но легко сказать, ага!.. У входа в шатёр стояла бочка с Чистой Водой забвения, неразбавленной, для страховки.

Они много чего вытворяли там, тени, аморфные тени, всего и Густав не знал, тем более, что порядка в аквариуме по понятным причинам не имелось и быть не могло, кто-то распадался, кого-то пожирали, приходилось добавлять новых... На это устроителям, неморским чудовищам ушёл ещё один Лал. Не напрасно. Разинув рты, толпились вокруг зеваки. Пальцем трогая конус,

удивительно ровно бегущую гладь. Облизывались на призы. Подначивали, подталкивали... Хвастались выуженным. Прыгали и орали, тряся обожжённой, укушенной рукой, ринувшись сунуть её в спасительную бочку. Изучали повадки теней. Огорчались, знакомого чудища однажды не обнаружив...

Аттракцион "для взрослых", для борцов преимущественно, для вообразивших себя ими и для сумасшедших в соседнем игровом шатре не потребовал затрат. Доход приносил. Третий Пурпурный Лал выставлен там на всеобщее обозрение. Призом за злую игру, "бои-кобры", извращённые в основании. За четыре победы. Не так трудно?.. Ха-ха.

Обстановка шатра состояла из возвышающегося над всеми лучистого красного камня и круглого постамента. Остальное пространство — для зрителей, как обычно: пуфики, подушки, ковры. До пенной, дешёвой мебели хозяин не опустился. Скрытая механика держала и вращала сверкающий приз. Корона, она неподвижно парила в воздухе, не поздоровится тому, кто протянет к ней руку. От короны, позеленевшей бронзы, вниз уходил столб зеленоватого тревожного света. Корона будто стояла на нём, на колонне. И пурпур ещё торжественней светился, звездой.

Круглый постамент перед, под Лалом, бронзовый и тоже зеленоватый не приукрашен. Знаком отмечен традиционно означающим "тебе конец" или "предприятие безнадёжное". Можно бы просто сказать: символом смерти... Но нет, нельзя!

Это вообще не символ смерти и не знак угрозы. Он произошёл из технических значков, когда полудроиды узнавали заново механику и скрытую механику, сортировали найденное в соответствии с простейшими критериями для начала... Ставилась точка, обозначая сам предмет, а вокруг неё символы, указывающие работает ли оно вообще или при каких-то условиях. Со временем значки усложнились. Началось с точки и четырёх прямых углов вокруг. Два отрезка, прямой угол. И до сих пор некоторая скрытая механика ими, общепонятными маркируется, потому что велик в ней процент своеволия. Развёрнутые к точке, как рыбки распахнутой пастью, углы означали "работает". Углом к точке — "не работает". Боком, одной линией — "кто его знает, непредсказуемо", "мы не поняли, почему". Все четыре угла, таким образом повёрнутые, открытые влево, слившиеся внутренними отрезками в квадрат с точкой посередине, стали означать смерть! Почему-то... А её собственного символа у полудроидов нет.

На постаменте пирамидку поднимал один из борцов. Оба, взявшись за руки, взойдут на неё добровольно и одновременно, как вещь. Сойдёт только один. Хозяин, или второй, когда пирамидка растает...

Теоретически существовал путь к отступлению. Через похищение. Если кто-нибудь разберёт верх тента, борец с пирамидки может поднять шатёр и позвать дракона... Проверить не случилось. Не для того на неё всходили, на то приходили смотреть...

Вход в этот шатёр по билетам и приглашениям. Цена которых велика, и ничтожна на фоне ставок.

Но однажды и Лал должен достаться кому-то... Стремясь избежать такого неприятного поворота, Густав отправил Хан-Марика искать на правом крыле подсадного борца, из лучших, страховку. Помощник хозяина не подходит. Марик вернулся озадаченный... Объёктивно, лучший — Шаман... Ну, как есть... Густав отреагировал флегматично. Мог брать, мог не брать. В общем-то, нет проблем... Зови.

Оказавшись лицом к лицу со своим сюрхантером, жар Лалов припомнив кожей, Густав имел секундное колебание, а не отдать ли его коротким жестом Маричке. И перелистнуть страницу... Не сейчас.

Спросил лишний раз про заказчика, реакцию посмотреть. Реакция без лукавства. "Для всех одна заказчица была, и для чар, — хозяйка в птичьей маске. Но общались мы не с ней. С маленькой, чей голос как медянка отододи..." Передёрнуло, когда произнёс. "Слабак..." — подумал Густав, Крохе не поддавшийся. Борец ожидал уточняющих вопросов, но Густав в них не нуждался. Он сложил в уме выгоды, и... Внешность оказалась на первом месте! Обойдя борцовские качества. Густав не ревновал людей к их красоте, напротив, чужая эффектность, и чужая заносчивость ему удобны. Шаман привлечёт зрителей к себе, как отдельному аттракциону. Поклонников. И недругов, наверняка. Если кто-то на правом крыле, не рискуя вступить в схватку, спит и видит его поражение, что может быть слаще, чем увидеть наяву здесь? Просмотреть, на подушках развалившись, бой двух кобр в безысходном пространстве?.. Да и пока шёл сюда, кое-кто за ним увязался!.. Из потенциальных учеников, которых Шаман не брал. Вон, маячат... Великолепный, шикарный зверь. Машина... Решено. Ударили по рукам, Густав принял красавца. "А как только ты, чёртово охвостье галло, перестанешь быть мне нужен..."

Так хозяйство вельможи Густава будет выглядеть в скором времени, а пока...

"Насмешничаете?.. Ну-ну... Да-да, конечно!.. Так прямо и сделаю по-вашему!.." Стоически выдержал последнюю порцию шуточек от Биг-Рамона, про то, что непременно нужно дать имя такому громкому сооружению, новой достопримечательности Южного, сродни их именам, Биг-Бен, например, Великий Колокол... Болтун — версия Джуна, предложившего Густаву по дешёвке ушные затычки, оптом.

Рамон не случайно обнаружился поблизости, Суприори его приятель, не игрок Против Секундной Стрелки, но обслуживающий игроков, консультант в области механики. Стрелка бывает разной... Чистый хозяин с Техно призван исправить ситуацию.

Насмотревшись на беспокойно шарахающихся от гулкого тента прохожих, вскрики, переходившее в смешки, подмигивания и откровенный хохот, Густав дал себе три дня. И ни дня сверх! На демонтаж, решение проблемы и окончательный монтаж конструкций. По высшему классу. И — углом, да-да!.. Углом к ряду, углом к ветру! Как сейчас. Всегда есть решение. Не за счёт разворота исправьте, за счёт свойств материалов, скрытой механики... Ребята с Техно, ищите решение!

Щедрость заказчика и азарт мастеров уложились в день подготовки и ночь монтажа. Ночь захотел Густав. Чтобы утром — во всей красе. Распоряжался Суприори, он стал человеком Густава на Рынке Техно и гидом, получив коллекцию танцевальных убранств, по цене равную оплате всех нанятых им. Насмешливый Суприори оказался полезен не раз и не два. В механике, в материалах, в истории того и другого осведомлённый поверхностно, он этого не скрывал. Чем ценен, всегда знал, где найти того, кто не поверхностен. Знал, чего тот запросит. Если же надавить придётся, а не купить, то, на какие точки. Про таких, как он, говорят: есть второе дно. А то и третье...

Суприори же привёл "монтажников", что званы к решению проблем иного рода, связанных с жилым шатром. В соответствии с задачей, привёл ночью. Тьма, взвесь молочная грязная, дышится, как в воде... Густав был у себя, шатёр внутренний — маревом на расстоянии двух прыжков, успеет сбежать. Суприори с горой Чёрного Дракона, сверкающей белками глаз, ворчащей глухо и непрерывно, не расположил к себе тех, в туманном киселе, кто окружили часть ряда, охраняя работавших... Сами как серый, зелёным просвечивающий туман. В масках без лиц, прорези для глаз и всё... И не на месте прорези, низковато... Тьфу. Густав плюнул и перестал всматриваться.

И поближе было на кого посмотреть... Его шатёр окапывали Чудовища Моря и засыпали ров. Сажали что-то, как сажают деревья. Затем словно подрезали, украшали, обвешивали... Но на рассвете ничего подобного и даже палок каких-либо не торчало из земли. Следов их самих тоже не обнаружилось.

В колпаках островерхих, в плащах до пят, лишь руки зелёные полностью свободны. Поднимаются вверх, а перепонка под ними натягивается... От локтя... До колена что ли?.. Тьфу. Главный — высокий. Второй — приземистый. Третий... Кривой какой-то, прихрамывая, шустро скакал вокруг. С бичом в руке. Хлопая редко и оглушительно. Те же, что охраняли вдалеке, словно лентами поводили бичами, заторможенные, бесшумные.

Густаву наскучило зрелище. Сырой воздух пробуждал память о Горьких Холмах. Память о соли комом вставала в горле, запах, ушедший от морского в совсем уж пустынную горечь, безжизненную даль. Да и его тент, притихший в ночном безветрии, скоро начнут разбирать. Густав улетел и вернулся утром.

Шагнул из марева в простор нового тента... Тихий. Высокий. Золотинками свет плывёт из узоров, будто в пыльную взвесь, но воздух чист... Ничего так... А те два? Вскинув руки между готовых игровых шатров, усталый Суприори приветствовал его. Гордый чужой работой и блистательным решением задачи. По стилю одинаковые, безбалочные, по орнаментам стен различающиеся, но не сильно, они всем видом своим говорили Южному Рынку о принадлежности одному хозяину, богатому, и к категории увеселений. Отлично! Без вывесок ясно. Пологи могут откидываться на ширину стены, могут фиксироваться щёлью, пропускающей лишь избранных. Просторные!..

Густав забежал в первый, во второй... Обмер, не ожидал. Запрокинув голову, покрутился на пятках. Не как владелец, а как коробейник мелкий, зашедший под тент богача. Кто тут хозяин, кому поднести пиалу Впечатления, подождать пока через золотую соломинку выцедит?.. Ты — тут хозяин! И соломинки света рыночного, пробивающиеся в стыки, текущие сквозь узоры, все твои. "Ааа!.. Вот теперь чувствую, что богатый!.."

Тенты держались без шестов, балок и центрального столпа. Скатами чуть-чуть провисая внутрь. Какая сила удерживает шпиль — загадка. Держит щепоткой за середину платка само пасмурное небо, прячет под ним что-то, фокус собирается показать... Стены образованы из блоков, лоскутов столь причудливых форм, что описать их нет возможности. К земле крупные, вверх уменьшающиеся, из-за чего шатры казались ещё выше. Щели между всеми. Они золотили проникавший внутрь свет авантюриновым блеском. Окон нет. Не заказывал, это редкость, окна в шатрах. Лоскутные стены пластичны, вроде и не противостоят утреннему сквозняку, но и внутрь не пропускают его. Шум Южного — тоже!.. Ого, в шатрах, при откинутых пологах почти глухо!.. Густав небрежно спросил, крепкие ли, и получив утвердительный ответ, щёлкнул выкидным ножом. Без замаха втыкая в ближайший блок, амёбу пятна, обведённую авантюриновым блеском. Зря он это сделал...

Треугольная, расширяющаяся от верхней пики до подножия узкая грань, стала видимой, отдельной, взвизгнула. Треск металла в руке, выламывающая боль. Густава тряхнуло от макушки до ног, и огнём ушло в босые подошвы. "Чо-ортовы технари!.."

— Слабовато, — прогундосил Суприори, удивления не выразив. — Размахнись давай, а лучше с разбега… В лучший мир…

— К ней чего, металлом нельзя прикасаться?!

— Не знаю, к кому "к ней", но бить ножом без предупреждения определённо не надо. Никого.

— А с предупреждением?

Суприотри поднял отлетевший клинок, медленно приблизил к тенту и нацарапал знак утра, полудроидам всегда приятный. Рисунок поплыл немного, после чего остался частью узора.

— По-хорошему... По-доброму...

— Ха. В чём смысл?

Суприори пожал плечами:

— В скорости и скольжении. В непрерывности. И куда усилие направлено...

Густав дорисовал волнистую линию, удвоив в символе море, и отправились в жилой шатёр. Перед входом обнаружился коврик, выбежавшим хозяином незамеченный. Густав правильно расценил его, заходя, как мостик. Зашёл, вышел... Под впечатлением от молнии, пробившей его насквозь, уже аккуратнее одной ногой встал возле коврика, второй на него. Глаза говорили ему, что стопа обыкновенным образом стоит на земле, а ощущения, что она утопает в мелкий песок или золу. На вопросительный взгляд Суприори ответил:

— Жилой заказывал? Ночной дом?.. Это от сырости, от теней. Сорбент, если тебе о чём-то говорит. Пыль до вершины стоит, ты просто не видишь её. И отводы.

— Молодца! — похвалил Густав всё вместе, окинув взглядом. — Рассчитаться хватило?

— О да! — кивнул Суприори, чему-то засмеявшись.

Густав изобразил недоумение, и тот объяснился:

— Они своё возьмут. Это такой сорбент, липучий... Кое-кто любит тени, находит их вкусными, полезными... А к Великому Морю ходить не желает. Там-то его самого, пожалуй, сочили бы вкусным!

— А как насчёт меня самого?! — удивился заказчик такому повороту.

— Дверь покрепче запирай! — захохотал Суприори, откидывая голову, стриженный, жёлтый ёжик. — Не боись, всё продумано! Тени не пройдут за ров, лакомка — за порог!..

"Офигенно уютно будет сидеть внутри!.. — подумал Густав под заливистым смехом. — Начерта я спросил, меньше знаешь, крепче спишь. Работа выше всяческих похвал".

Тенты в согласии с его прихотью выходили углами на центральный ряд, подрагивали от ветра. Пологи откинуты со стороны, обращённой к раме Южного — приветственно и широко. Красота... И вельможа Густав ещё раз поблагодарил распорядителя.

Глава 90

Глава 90.

Как у хаски, красивой служебной собаки древних времён, были светлы её холодно-голубые радужки, обведённые серым. Перед стартом, в гоночном кругу, вдаль устремлённые — суровые, пустые, взгляд — прямой бросок отододи. Но стоило притормозить и развернуться нос к носу их Белым Драконам, как эти глаза, озёра подо льдом, отразили лицо подруги, словно весеннее солнце — весенний лёд, и потеплели. До нежной лазури, с лучиками, с улыбкой в них. Азарт сменился вольготным штилем... Чести размотала шарф, закрывавший голову и лицо, встряхнула чёрными, короткими волосами, и вдохнула свободно, потягиваясь:

— Ещё отыграюсь! Ну, уж за Трассой мою Бум из этих никто не возьмёт!.. Жаль бумки, ни себе ни людям... Прыгай ко мне.

Всадница напротив протянула ей руку и была заброшена, — акробатки, — на петлю, предусмотрительным дроидом свёрнутую, драконьего белого хвоста. С широкой, как плавник, мягкой кисточкой. Смеясь, она положила голову на неё, соломенный сноп волос перепутался с белизной шерсти. Зарылась лицом, нравится, редко летала, драконий запах сладкой мяты... Связала шарфом подруги, а то ветер бросает в лицо, волосы длинные, по пояс... Да, Буро можно понять, пристрастное его беспокойство. Эта парочка олицетворяла гармонию противоположностей. Вместе они и не казались галло. Надменными галло... Два разных штиля: ледяной пустыни и расплавленного шоколада, полные противоположности. Карие, шоколадные, их не портили даже светлые ресницы, вишнёвые в сумраке, фиалковые на свету, глаза Лести смягчились ровно так же, но тревога не ушла с лица. Рука в руке сидели, пока Лести не сжала сильней и не отняла:

— Не могу поверить... Тебя и сейчас волнует пустячный выигрыш... Бисер... У кого?.. С закрытым лицом... Кто они, Чести? Что тебе до них?.. За десять бисеринок — одну бусину, за десять бусин — что там у вас дальше?.. Чести, ещё раз прошу, бежим из Гала-Галло! Сию секунду, отсюда, сейчас!.. Давай не вернёмся?.. Пока не поздно.

— За десять бусин — один узелок на шнурке, та-да-да!.. — Чести рассмеялась. — Ты не будешь гордиться мной больше — с узелком на шнурке?!

— Пожалуйста, Чести!..

— Нет, ты только посмотри! — черноволосая пацанка, хохоча, повесила короткий бисерный шнурок кольцом на ухо и покрутилась. — Мне идёт?.. Ещё бы! Издалека видно!.. Вот решишься ты, наконец, однажды, когда-нибудь, рано или поздно, а?.. Прогуляться на Южный... А я иду такая!.. И все видят: о, круто, десять Бум на Трассе! И все такие расступаются... И ты рядом со мной!..

— Ты шутишь над ним или он над тобой?.. Уверена, как на самом деле? Может быть, он подшутит в итоге, мишурный, пустячный, бисер...

— Пустячный?! Мишурный?! Не бывает мелких побед! Честных! Нечестных! Дорогих, дешёвых! Для-меня-нет!.. Все мыслимые победы, все вообще...

— Чести, перестань! Нам нельзя возвращаться! За этим я и тут... Гала-Галло пробит насквозь, он открыт для любого вторжения! Там хуже, чем у меня на сердце, так сквозит... Ты забыла Файф?.. Скажи, ты забыла?! Я нет, Чести. Я — нет... Он есть... Он никуда не делся... Я знаю. Его не разъела соль Великого Моря... Он демон, демон, понимаешь?! Он — не человек!.. Мадлен заигралась, тысячелетнее безделье сказывается... Цонг нашёл нас... Ты слышишь?! Ача!.. Я знаю, я чувствую!.. Чести, бежим! Сбежим из Гала-Галло!

— Ты несправедлива, — мягко ответила Чести, обнимая её светлым, бесстрашным взглядом

хаски. — Мадлен не подарок, о да!.. Но до сих пор разве были проколы? Прежде грабителя? И она — не предатель... Успокойся, Лести... Ты говоришь о ползучей твари морской, которая даже не летает!.. Он нашёл нас? Большее, что он может найти — браслет с твоей ножки, если уронишь в море! То-то радости чудовищу!..

Лести прикусила губы. Вместо того чтоб успокоить, шутка ужаснула её.

— Лести, успокойся. Я согласна с Мадлен. Охотник что-то слышал про нас, и он блефует. Давай подождём. Смотри, что у меня есть... Последний. Завтра на других гонках, если выиграю, ещё возьму призом...

На крепкой, маленькой ладони клубилось облачко. Пробка от пробирки, опустевшая, выброшена прочь. Лести улыбнулась, роскошь какая... Из самой пробирки Чести вытрясла до капли морскую воду в облачко, зажмурилась, отвернувшись, руку подальше в сторону отводя. И обе захохотали. Шипение, треск, дым, пар, искры!.. Непосвящённый человек отдёрнул бы руку сразу. Но не опасно, разве искры в глаза, щекотно и только. С глухим хлопком сумасшедшее облачко превратилось в гриб. Ножка росла, поляна шляпки растекалась, и Белый Дракон с девушками остался под ней, укрывшей их синевой тени.

— Айда!.. Пока не уплотнилось! — Чести хлопнула дракона по шее, и он взвившись спиралью вокруг ножки гриба, вынес их, пробив коническую шляпку. — Йеесть!..

Чести спрыгнула на колпак воздушного гриба и стряхнула ошмётки его, пушинки. Крутая горка, края валиком загибаются. Пенная мебель для земли — одноразовая дешёвка, а для неба — одноразовая роскошь. На сутки хватает. Схемы её создания трудны для концентрации похитителя. "Колпаки" сделают не из похищенных, а на модуляторах Мелоди. Хотя, материал для них наверняка из похищенных... Так или иначе, роскошь. А по происхождению — школьная мебель! Предпоследней эпохи. Наверху колпака, лектор или воспитатель для малышни, по бортам остальные. Полудроиды катались как с горки, подбрасывающей! Надоест, основательно попрыгав на ней и примяв верхушку, устраивали пикник. С предосторожностями, нельзя воду проливать никакую, дырки прожжёт, равновесие утратит Колпак и всё, не усидишь на нём...

Покатались! Устали и растянулись наверху. Драконы, не желая покидать их, белые, усатые морды взгромоздили по краям, вздыхая, перефыркивась... И принялись раскручивать пенный, куском сахара блестящий конус. Драконы не покидали их, стремились рядом остаться... Кое-где на борцовских рынках считают это за плохой знак. Лести не бывала среди борцов. А Чести не признавала дурных знаков!

— Но-но, — погрозила им она, — не увлекайтесь, вокруг смотрите. Подальше от тучек, ладно?

— Ай, у меня голова кружится...

— Дроиды, раскрутите ей голову обратно!

— Ха-ха-ха!..

— Ты шутишь?! А я тебе верю, вот дурочка!

— Ой, не вру!.. Стоп, не крутите!..

Дроиды влекли сахарный гриб петляющим курсом вверх.

Чести не притворялась, пустячный, бисерный выигрыш, в самом деле, занимал её больше, чем невнятная угроза, нависшая над Гала-Галло. Дзонга она боялась меньше, чем другие, смерти не боялась вообще. С Лести, — и тут они радикально разнились, — противоположная история. Она изначально была одной из певиц вайолет, охотниц, чистых хозяек. А Чести вошла

в их круг, потому что вошла бы в любой следом за ней. То вишнёвые, то фиалковые... То расплавленный шоколад... Скорее гонщица и азартный игрок, она превосходно охотилась с группой, отменно брала на слабо, заманивала на скоростях. В Гала-Галло скучала, была полезней остальных, охотно вылетая за новостями, за сплетнями и на разведку. И погоняться, как теперь. Но Лести так редко покидала облачный рынок, что гонки брошены на полпути, утренние не дали поймать Бум на Трассе, значит, завтрашние дадут. Непременно! Заготовленные сто тысяч аргументов противу беспокойства, анекдотов, — при Мадлен не расскажешь! — шуточек и сюрхантерских планов, — при Мадлен не стоит! — не пригодились. Лести совсем редко покидала облачный рынок... Ежедневный, еженощный дождь в пасмурном, стриженном саду... Давным-давно не летала вот так... Страх выгнал её и в распахнутом облачном небе растворился. Пропал... Обнявшись, летели и молчали, глядя на купы, долины, рамы... Мелькающие лучи, барашки рябые, над головой, далеко внизу... Морда драконья усатая... Лести заглядывала в глаза Белого Дракона фиалковыми глазами, на фоне облаков отражаясь в них, живой.

Глава 91

Глава 91.

Вот так живёшь себе, живёшь, коллекции, хитросплетения, игры и поединки... И дракон твой помнит небесных путей втрое против чужих драконов... Как — хлоп! — выясняется, что ничего-то ты не знаешь!.. Радоваться этому или огорчаться теперь? Густав открыл для себя и без оглядки окунулся в новый для него мир, рынок с сухим, незавлекательным названием — Техно.

Оказывается, дальше Пароля, прихожей Техно он и не бывал. Отчего назвали Паролем? Очевидно — случайных людей отсеивать! Издревле, когда ещё частным был, вроде Оливкового Рынка или Гала-Галло. Опустился на континент, а по сравнению с небесами, Морская Звезда многолюдна. На входе спрашивали пароли какие-нибудь, вопросы всякие задавали...

Прихожая напоминала с виду обыкновенные, захолустные проулки Южного, ближе к неторговым задворкам, ни то, ни сё. Ряды шатров не вплотную... Но сходство этим и ограничивалось. Потому, что ни содержание, ни даже вход в Техно заурядными не назовёшь.

Если рама Южного стояла отдельным прямоугольником, дверным косяком на земле, в обе стороны от неё прозрачное непроходимое марево, то рама Техно огибала его непрозрачной стеной. С набитой на иллюзорном металле текстурой смещённых пересекающихся кругов, заключённых в квадраты. Чередуясь по горизонтали и вертикали: три выпуклых, три вогнутых, и таким образом составляя один квадрат, символ Техно. Радиус рыночной стены обретал некоторую, сильно задымлённую прозрачность со стороны противоположной раме, но даже там различима условная сталь.

Сам вход, косяк имитировал лицевую панель какого-то прибора, кнопки, тумблеры, справа и слева два поднятых рубильника. Всю эту красоту можно было, трогать, дёргать, нажимать сколько угодно, ничего не происходило. По верхней шкале пробегали пронзительно яркие гусеницы световые, но они бегали всегда. А дальше прихожая, Пароль...

Те местные, что встречались на Пароле случайно зашедшему человеку, делились на два типа. Резко противоположных. На две стратегии выпроводить его! У настойчивых посетителей закрадывалось сомнение, переходящее в твёрдую уверенность, что старожилы тупо бросают жребий, кому там ставить шатры и кому достанется какая роль, лаской выпроваживать или наоборот.

Лаской, значит... Уяснив мотивацию посетителя, как "от скуки забрёл", проводить к подставке, где утверждено что-либо замечательно блестящее, весёлое, певучее, подходящее для игры. Мимо чего не пройдёшь. И оно будет расхвалено, продано, уступлено, забирай и уходи... «Следующее такое же? Что-то подобное?.. Да, конечно! Нет, не скоро! Очень не скоро, совсем не скоро! Это ж такая редкая вещь! Мы ж с тобой понимаем... Как сложно... Как долго... И мастер — чудак оригинал, с причудами... Ты ж понимаешь, друг, они технари такие... Что? А дальше в рядах?.. Нее... Там ничего интересного нет, откуда?.. Детальки, расходники, атласы старые... Без, без картинок... С картинками нет!..» Пройдясь по рядам, совершенно конкретным рядам, нетрудно убедиться в этом.

На Пароле марево торговых и дешёвые тряпки тентов идут до внутренней стальной стены, в точности повторяющей иллюзорную внешнюю. А с дальней стороны, до ряда шатров-атефактов... С закрытыми пологами, непрозрачных. Один сквозной, но кто знает про это? Кому надо, тот знает. Остальным изнутри Техно представлялся эллипсом, вытянутым в ширину, — прихожей, Паролем. Сам же Техно, основная часть, — кругл и велик.

В том случае, когда пришедший не выказывал желания купить первую, вторую, третью подсунутую ему безделушку, а предпочитал самостоятельно бродить от шатра к шатру, ища, любопытствуя, советуясь, он натыкался на сопротивление другого рода. С ним разговаривали сухо, доводя до сведения: не знаешь чего тебе надо, не лезь, узнаешь, тогда приходи. Конечно, если не мог назвать искомое. Механику известного типа... Мог, она через некоторое время кружения рядами "случайно" обнаруживалась в следующем шатре. Бывала продана, и покупатель отправлен восвояси.

Через сквозной шатёр проходили с гидом и свои.

Зачем такие уж препятствия? А зачем на Техно охотники и игроки? На внутренней территории девять из десяти товаров вообще без пирамидок. Остальные на них без шатров, и не постучаться. Мирный рынок. Так удобнее. Бродить, приглядываться, изучать. Пользоваться сообща. Только ловушек на нём и не хватало! Погружённым в изучение или проект действительно недосуг озираться каждую минуту. Гай был один такой на Южном, на Техно одержимых полно. Там и не считаются, кто хищник, кто нет, для них не главное.

Густав за Суприори следом прошёл мрак длиннющего сквозного шатра, отстав, ориентируясь на жёлтый, круглый ёжик стриженой головы, — чем-то, явно не ножницами, — ускакавшего вперёд. Вынырнул из узкого треугольника на свет и остановился. Как всё ново...

Во-первых: гораздо светлей, чем на материке в целом. Не на всём Техно, это обнаружится позже. Настолько светло разве в высоком небе. Во-вторых, и контраст разителен: совершенно отсутствует рыночная пыль, ни пылинки. Собственно и земля, как грунт, отсутствует.

Рынок Техно лежал перед Густавом плоский, мало-мальски отмеченный шатрами, мощёный весь. Мощение Техно, это его содержание, оглавление, указатели, история, загадки её и долгое, увлекательное будущее. О, сколько раз придётся Суприори одёргивать его с ужасом притворным и неподдельным, с громким хохотом: "Ааа!.. Дроиды, ты куда?! Стой! Чёрт! Иди рядом!.. Дроиды светлые! Густав, здесь нельзя долго стоять! Густав, здесь нельзя быстро идти! Туда нельзя поворачивать!.. Густав! Нет, не издеваюсь!.. Когда, когда нельзя... — днём!.." О, это сотая часть, самое начало...

"Густав, ради милости дроидов — никогда! — с дорожки на дорожку не перепрыгивай! Будет перекрёсток, на нём и свернёшь. Ну, куда же ты снова, Густав?! Да, волнует, ты богатый заказчик, да, беспокоюсь!.." Чего никак не ожидал, серьёзный охотник, рекомендованный заказчик... Он был молод, его подопечный, вот в чём дело! Молод и утомлён однообразием последних лет. При открывшихся возможностях не замедлил ребячливость проявить на полную катушку! Порыскать без конкретной цели... В местах по-настоящему неведомых, вырвавшимся на волю щенком, обнюхивая, на зуб пробуя всё подряд, дичась людей и увязываясь за ними.

Дорожки Техно, хоть и с технической целью, но полудроидами мощены, к прекрасному чутко неравнодушными. Доступное преукрашению его не избегло. Рынок Техно красив особой статью упорядоченной загадочности.

Не перепрыгивать с дорожки на дорожку. Даже там, где это скорей — перешагнуть. Главное правило безопасности на Техно.

Почему... Основу рынка составляют не отторгаемые от него модуляторы, работающие по отдельности, но объединённые в общую сеть. Рынок обрёл множество других модуляторов, к ним тоже проложили дорожки, но в них работает иная энергия. А исходную сеть завсегдатаи помнят как линии на своей руке. Разгадать её полное значение — общая мечта и цель. Поля же,

что объединяют и поддерживают эти, первые модуляторы, излучениями текут вдоль дорожек. Проницают их в некоторой степени. Они безопасны, когда ближайшие машины не задействованы. Непредсказуемы при их работе. По-хорошему в этих полях нужно передвигаться обозначенными направлениями, с равномерной скоростью. Так навскидку определяется давнишний обитатель Техно.

Дорожки, которые первыми научил читать Густава Суприори, ходильные, повсеместной линией протянутые, мощены рисунком равновеликих разнонаправленных ящериц. Чей цвет указывает направление к выходу или от рамы, синие-красные. При дальнейшем обучении грамоте и символическому письму возымеет решающее значение хорошая память вкупе с умением различать тонкие оттенки цвета. Они — азбука.

Квадрат — общеизвестный, ящерка тайный символ Техно. По всей немалой площади разбежались они, провожая, указывая, предупреждая. Варьируя цвет и размер, длину хвостов, в остальном сохраняя форму. Много ли ответвлений с дорожки, всеми ли выйдешь к раме кружным путём, все ли головы ящериц синие?.. Все красные — впереди тупик. Ящерицы полосаты, ярко контрастных цветов? Район инструментов повышенной опасности. Чёрные с жёлтым? Нельзя без защиты, костюма-арефакта. Чёрно-красные? Нельзя без мастера, самому.

Удивительная атмосфера Техно, зональная, внесезонная... Прохлада... Сухая, лёгкая жара... Сквозняки нежданные, полные незнакомых, каких-то совершенно чуждых живому запахов... Полосы затемнения. Некоторые возникают на минуту. Некоторые пребывают, и дорожки светятся там, лучей не испуская, их видно, стопу свою — нет. Иные движутся плавно, как тень от облака по земле.

Мозаика не содержала помимо ящериц стилизованных элементов фауны. Геометрические фигуры, замысловатые орнаменты переходили один в другой, как развитие музыкальной темы. Изломанные и плавные, редко — растительные. Короткие. От площади — до площадки — до площади — до перекрёстка. Подлиннее, огибающие много площадей, рядом, вплотную, но, не давая выхода к ним. Одна дорожка, указующая — к — площади, пять разбегаются — от — неё... Наоборот. Мощение сотами означает свободное кружение по перекрёстку вокруг артефакта. Призмами и треугольниками — только в одну сторону. Соты дальним кругом, призмы ближним, понятно...

И это малая часть указателей движения, всепроникающая. Остальное — информация об артефактах, инструментах Рынка Техно. Частных, находящихся в общественном пользовании. Частных с допущением эксплуатации в присутствии хозяина. Ничейных. Присущих рынку. Чем Техно важен и ценен, и Вирту и атласы основополагающих знаний, и девяносто девять процентов инструментов его миллионы лет пребывают на своих местах. Так образуется система, традиция, преемственность. И мозаика дорожек, подсказывающая, в каком направлении что искать, какие свойства общие у искомого с артефактами из соседних направлений. Что чему источник, что следствие... Она дополняется непрерывно. Вдумчиво. Без суеты. Порой лично, но чаще коллегиально. Чего технари не позволяли себе, это снимать старую плитку, подозревая в некомпетентности прежде всего себя. Вроде бы данный оттенок не может являться связующим двух перекрёстков, но вдруг? Могут со временем открыться неизвестные свойства скрытой механики. Подумав, могли добавить в плитку значок "под вопросом".

Мало кто из завсегдатаев ориентирован на практический результат. На торговлю скрытой механикой. И на изобретенье ловушек. Нормальный ненормальный технарь, уставившись себе под ноги бродит день за днём, ему одному понятной, траекторией, пытаясь вникнуть в нюансы взаимосвязей точек его пути. Застывая пред артефактом подолгу. Бормоча себе под нос. Пытаясь

осознать, какая тут общность, и с помощью чего можно проверить предположение... Известные по атласам, если находились таковые, характеристики артефактов он держит в уме. Дорога говорит ему, что предшественники пытались создать с их помощью, какие программы заложить.

Почему же нет этого в атласах, в книгах? Потому что и человеческие инструменты эпохи автономных дроидов предполагали дроида, как информативную и управляющую часть! Какого? Где сейчас тот дроид?.. И уж конечно не Чёрного Дракона, вольного на рынок зайти!

Сам способ кодировать сопутствующую информацию оттенками цвета, прилагая их к геометрическим формам — дроидский способ. Заменивший отчасти наглядность графиков и схем. Полудроиды оказались достаточно чутки к нему, восприимчивы. Технарю полудроиду, если он шёл по тропе добавления ингредиента от одной машины к другой, понятно по сгущению оттенка, где оптимальная точка, где рядом лежат плитки идеально сочетающихся оттенков, а где перенасыщенность. Где он вступает в область, не проверявшуюся экспериментально, требующую защитного костюма и специальных инструкций... Их же можно найти — вон... В той стороне...

Парадоксальный, перевёрнутый мир Техно! Снаружи его, ловя на пирамидки, их под артефакты маскируют, здесь — наоборот! Артефакты — под них. Кое-что, да, покачивается на остриях пирамидок. Но большей частью сокровища Техно Должны быть доступны всем, а поля вокруг них от дураков закрыты. Так что, держали их на весу магнитные, светящиеся конические поля, имитации торговых подставок! Хорошие, качественные имитации. Размыкающие поле. Убирающиеся перед началом работы. Чтобы совсем уж левый человек, сунувшись, залетев, как птичка в окно, забежав, как мышка в гостиную, не стащил и не поранился. А главное — не испортил чего! Для своих — пожалуйста.

Причина такой открытости понятна. Вне взаимосвязанного, взаимозависимого живого организма Рынка Техно инструменты ценности не имели, и даже не могли эксплуатироваться вне его специальных условий. Их настройки требовали определённых: гравитации, иных полей, температуры, освещённости, вакуума, звуковых колебаний, чистоты воздуха. Практически все — чистоты. И прежде чем перейти к их описанию, лаконичному поневоле, самое время обрисовать вторую после дорожек особенность пейзажа Техно — Столпы.

Рынок держался на Столпах, как собор на колоннах. На восходящих потоках волн, излучений, полей, образовывавших среднюю его атмосферу. Где требовалось, добавлены специальные Столпы под конкретные нужды. Некоторые делали темноту... Полный мрак... Общие — вне тропинок, вокруг площадей, по углам перекрёстков — стояли полупрозрачными колоннами. Вблизи не ощущалось ничего особенного, работу свою они производили сверху. Рассеивая частицы света, притягивая пыль, выводя, разрушая её, перерабатывая... А вот в сам столп зайдя... Запрыгнув... Можно было кое-что ощутить!..

Их было на территории рынка так много, и работали они так хорошо, не сбиваясь, не ослабевая, самоподдерживающаяся система, что обитатели Техно пользовались им как мебелью без зазрения совести! Те, что посерьёзней, технари просили иногда не собираться надолго в одном месте разом. Но кайф ведь!.. Бывало человек, затеявший эксперимент или обнищавший до того, что собрался замутить скрытую механику торга ради, шикнет на компашку оккупировавшую Столпы вокруг площади с инструментом: "Брысь, бездельники!.. Состариться вам на Мелоди, болтуны..." И подождёт пока воздух придёт в соответствие. Ему не перечили, кто бы ни был... Но ведь кайф!.. На соседней площади соберутся.

Столпы по воздействию двоякие... Или восходящая вибрация ощутима, эти прохладны. С закрытыми глазами кажется, что возносит Столп... Скоро выбросит за пределы высокого неба... В никуда!.. Или же не ощутима. Эти теплы. Тоже возносит, закрывшему глаза человеку представляется жёлтым светом солнечного дня. Естественно предположить усыпляющее воздействие, но его отнюдь не имелось. Скорее наоборот.

Общая эмоциональная сухость технического рынка очень скрашивалась ими, Столпами, возможностью посидеть, расслабиться в них. Поболтать. Или поиграть в них артефактами, самолётиками... Бумажные шарики запуская... Какие уронит, какие утащит?..

Густаву было ново, увлекательно и безопасно. Только его инстинкт грабителя с первых же шагов разочарованно застонал: "Э-эх, брать-то нечего... Да и как брать?.." Верно, верно. Если бы не гид и не увлекательная новизна самого пространства, артефакты, обнаруживаемые там и тут, повергли бы всякого гостя в лютейшее разочарование. Сходу. Их эстетическая ценность равнялась нулю... И практическая — сотой доле процента! Но это — много!..

Общие моменты Густав понял, чего не понять.

Площадка под артефактом мощена кругами от одного до нескольких десятков. По серебряному фону осколки эмали. Не орнаменты, редкие сближения точных геометрических форм, разных оттенков. Это информация основная. Записки, заметки. Читая её, самый знающий человек с Техно выглядел новичком или идиотом, отравленным оливкой, понуро, уставившись под ноги нарезая круги. Обходя, на артефакт и не глядя, на нём ничего не написано. По короткой дорожке между двумя ящиками может ходить день за днём. Чего хочет? Он хочет уловить, какая между ними связь. Как вещества, производимые одним, станут взаимодействовать с производимыми вторым модулятором? И какая прокладка им нужна. Катализатор? Наоборот? Закрепитель?.. Модуляторы — предмет исследований до сих пор. Не изученность их — тормозящий момент и он же перспективный. Производство чего-либо — побочный результат деятельности. Верней сказать, экспериментальное производство, как и задумано. Предпоследняя эпоха производила требуемое в иных масштабах, иными машинами.

Однообразие металлических коробок, распределённых по всей площади Техно, удручало. Различаясь величиной и пропорциями, металлические сооружения встречали жадный, любопытствующий взгляд за каждым поворотом, на пирамидках настоящих и фальшивых, на массивных постаментах и прямо на земле. Кубические, призматические, полусферами, вытянутые...

На гранях доминируют табло задач или пространство для голограмм, или прорези для считывания субстанций, круглые отверстия для их преобразования, закладываемых в большем объёме.

Области излучения голограмм помечены. Шкалы вертикальные, горизонтальные отображали иногда цифры, обычно цвета. Вне использования тусклые. Значком обозначался аспект, а суть этого аспекта разноцветными динамическими схемами, картами, графиками, где неподвижные или регулярно изменяющиеся тона служили осями координат.

Плоскости ввода данных очевидны.

Прорези для полосок с образцами веществ. Считывания и нанесения их.

На экране или голограммой высветится состав и выходы к взаимодействиям. В зависимости

от модулятора: структура, примеры использования, способы наслоений подходящие и недопустимые. Сендвичи с другими веществами: пропорции, формы, прослойки. Влияние окружающих и образующихся внутри полей. Рекомендованные стабилизаторы. Лёгкий способ уничтожения. Модулятор преобразует малое число характеристик. Последовательно закладывая вещество в разные из них, надо учитывать и сопутствующее воздействие, и данные чётко задавать...

Несколько модуляторов Техно, Котлы — плавильные, настраиваемые печи, содержали Пурпурные Лалы. Смешение непредсказуемое, зато любого числа компонентов. Содержал и Жёрнов — мельница для сырья. Один из его продуктов — пластилиновая пыль. Впрочем, такое созидание почти баловство для них. Удающееся — давно известно, вдоль и поперёк изучено. Новое удаётся крайне редко и, что досадней, случайно.

Модуляторы для экспериментального созидания в боках имели меньше прорезей, больше круглых отверстий диаметром с палец, поуже. В виде цилиндрических палочек закладывались туда компоненты. На вид все одинаковые, восковые, облитые изоляцией. Модулятор сам ошкурит её. Пожуёт, погудит, состав заново считает. Основные сведения и предупреждения высветит на табло, дождётся подтверждения запуска и тогда... О, эти модуляторы не от воров стояли на настоящих торговых пирамидках! Из её пространства ничего не разлетится наружу... На силу дроидских законов полагались, чтоб обезопасить себя. Не всё будет работать на пирамидке, но многое... Бабах!..

Суприори показал Густаву несколько таких, утомившись тщетно взывать к его благоразумию, в надежде напугать. Обугленные, окружённые дымом в форме шатра условного пространства над пирамидкой, который не осел за тысячелетия. А снять... Боязно. Дымные, так и стояли безмолвным напоминанием о технике безопасности.

Подтверждая правоту тех, суровых привратников пароля, Техно предъявлял новичку, противу ожидаемого волшебства, очередной допотопный сундук, ржавый с одной стороны, тускло подсвеченный лампочками с другой. Гудящий сундук, испускающий дым, полоски индикаторные метрами. Техно, то место, где можно увидеть ржавчину как настоящий артефакт! Где вручную, химикатами боролись с ней. Где старинные инструменты отличить несложно по лоснящимся маслом бокам.

И у предметов внешность бывает обманчива. Железный куб, покосившийся от времени вдруг начинал дрожать. Плыли, смягчались углы... Вплоть до идеального круга. Цилиндр образовывал углубление в верхней плоскости, чашу. Вибрация гуляла по ней, выплёскивалась... Яркая чаша, не видно пустота светится в ней или жидкость, плазма... На глазах у зрителей гулкий звук, дрожь скатывалась в шарик. Возникал некоторый материал с удачно или ошибочно заданными свойствами, он послужит сырьём для другого прожорливого, задумчивого куба... "Ванна" называлась чаша и её размером ограничено создаваемое, но никак не обусловлены его формы.

Густав тоже стоял на цыпочках за чужими спинами и во все глаза глядел. Из отрывочных реплик он понимал такие слова, как: "я", "оно", "упс", "почему", "чёрт", "проклятье", "чёрт придонный", "все черти", "ха-ха, с тебя угощение"... И длинный ряд восклицательных междометий.

Коробки железные, одни коробки... За исключением Пан-Квадрата, полного вещичек интересных и понятных. Он не велик, в дальней части расположен. Посвящённый не скрытой механике, а простой, он был кроме того местом отдыха, лёгкого общения, обмена идеями и шестерёнками, детальками всякими, сломанными штуками. Ещё — головоломками, придумываемыми на нём и для него. Материальными и логическими. Вычитанными и сочинёнными парадоксами. То есть, кружок приятелей часа два подряд обсуждающий парадокс лжеца или последовательность курица-яйцо при их возникновении — обычная для Пан-Квадрата картина.

Материалы для модуляторов создавались редко в них, обычно в Собственных Мирах из похищенных. Как только обнаруживался новый атлас со структурой вещества или возникало предположение у начертившего схему, какими свойствами будет обладать, как взаимодействовать с имеющимся или изобретаемым параллельно... Человек нужен!.. Какие из них охотники?.. Заказы на человека делались вне Техно. Покупали людей. Олив, кстати, для Рынка Техно — регулярный поставщик. Удивительный полог его шатра, преисполненный лиц, отсюда. Наука древних и дроидских эпох столь же близка божественно-чудесному, сколь адепты её далеки от ангелов.

Спецификой рынка объяснялись вопиюще недроидские похищения на нём, на него. Не как правило! Но и не как исключение. Происшествием, чем-то из ряда вон выходящим они сочли бы похищение инструмента, но не человека! Да технари ведь небогаты, заказывали редко, вскладчину, как и разрабатывали проект. И всё-таки очень недроидские...

Ситуация когда похищенный человек день-деньской со связанными руками ни откупа, ни поручительства не ждёт, а только верной смерти, пожалуй лишь на Техно и встречается. Худшие преступления ненависти чужды. Близки полной слепоте. Он ждёт, а вокруг пирамидки страстно и до отчаянья непостижимо, незнакомыми словами ругаясь, споря над деталями, разработчики обговаривают последние штрихи. Страшными карами грозят тому, кто, унося общественное достояние в Собственный Мир, не по уговору превратит, а по-своему! И пусть на случайность, на невнимательность свою пусть и не думает ссылаться! Одержимые... Обычное дело...

Но и развязки похищений бывали неожиданные. Одна такая произошла давным-давно в Пан-Квадрате. В иной части рынка маловероятная. Там наглядней всё, если уж решили артефакт забацать, то известный. Вот тебе человек, вот тебе чертежи. А в Пан-Квадрате на досуге два приятеля побратима конструировали игрушку. Без спешки. Самим побаловаться, на Южном продать.

Вдохновлённые сказкой про сына-оборотня, который прекрасным конём позволял продать себя, но всякий раз возвращался к отцу, они решили: здорово, пусть их штука прибегает обратно к ним! Как игрушка она должна была представлять собой головоломку. Собранная — мяч, гоняющийся за кем-то, выбрасывая метящие, неопасные лучи. Убегать же ей следовало из спокойного, выключенного состояния. Чтобы подумали на кражу.

Детали есть, с запасом. Мощную пружину, движущую силу и способ завода надо было создать. Вокруг неё собирать уже придуманное. На этом застопорились. На механическом заводе или на морской воде? Разные совершенно конструкции. И та и другая подробно представлены в чертежах. Спорили, спорили... Проходивших мимо цепляли, выскажись за мой вариант!.. Их уже обходили там по большой дуге.

Похищенный день терпел это безумие. Он устал уже думать о своей несчастной судьбе. Успел изучить чертежи не хуже спорщиков и выучить несколько десятков их терминов. Плюнул

с досады и воскликнул: "Хищники одержимые, поглоти вас Великое Море совсем! Давайте я сделаю оба варианта!.." Они переглянулись, вот честно, не приходило в голову... А что, работа не сложная. "Полетели..." — Сказал один похититель, забирая оба чертежа. Минутное дело, если не тупой, если, правда, разобрался. А не дождались их и через час, и на следующие сутки... Зато вернулись с горящими глазами, десятью вариантами завода и сотней идей на будущее! Так и остался парень на Техно, ключевой фигурой стал. И увы, таким же одержимым...

Почему не делают так постоянно? Но ведь хищники они! Индивидуалисты и коллекционеры особого рода. Сведениями делятся, идеями, артефакты используют сообща. Но воплощать предпочитают свои идеи и своей рукой. За миры опасаются, минута пребывания кого-то несвязанного может стать полной катастрофой. Бывает иногда... Кто задолжал, кто бесстрашен. Он, к примеру, такой. Третий побратим Ноты и Ментора — Свасти.

Случались бессмысленные и азартные дуэли технарей. Один бросал, сколько-то людей принимали вызов на создание вещества агрессивного в определённом аспекте, ярко проявленного. К сроку приносили образцы. И один из котлов, высвечивая стадии разрушения, высвечивал и победителя. На дуэлях злых, сырьём для победителя мог стать проигравший. Но поскольку степень осведомлённости примерно равна, он отделывался службой в чужом Собственном Мире, благо требуемое создать умел. Ну, а если не умел...

Из механики наиболее интересна в изучении, эффектна в применении и дорога на Южном — скрытая. Она завязана на свойства материалов. А они в свою очередь выражаются тремя сущностями, принципами или тенденциями, образующими бессчётное количество вариаций. Соотнесённые с тремя цветами. Устойчивость — жёлтый. Преображение — пурпурный. Рассеяние — синий. Каждый содержит все три и влияет на соседние: консервируя, преображая, рассеивая.

Технари нарочно, — есть специальные тренировочные альбомы со шкалами для этого, — и по ходу дела приучали себя к восприятию чрезвычайно тонких переходов цвета. Оттенки были их азбукой и энциклопедиями.

Из коммерческих проектов обитателям Техно удавалась что-то, вроде марблс. Всякого рода мячики, и с норовом, с секретами. Фейерверки, продаваемые на Мелоди, пенная мебель для Собственных Миров, — тот же фейерверк по сути, — на месте расправляющаяся, и вручную её легко доработать. То есть, скрытая механика, но одноразовая и очень простая. Ярко, быстро, понятно. Продать легко. Воды добавил, выключателем щёлкнул, получи красотень и удобство, все довольны и счастливы. Требуется один компонент основой, три-четыре гранулами, замедлитель, запал. Точность требуется и ничего кроме.

Лишь бы удержать внимание и подопечного возле себя, Суприори болтал не умолкая... «Сочетание веществ, принципиально способных стать взрывом салюта, на шкале любого модулятора отобразиться сходным образом. Область тёмных тёплых цветов резкой красной чертой отделена от холодных, плавно переходящих в блёклую синеву...» Бла-бла-бла... Возле каждой железной коробки по нескольку слов, по чуть-чуть...

Густав не удержался и на выходе, на Пароле купил фейерверк.

Глава 92

Глава 92.

— Слышь, борец, или кто ты там, — буркнул в его сторону смотритель Пароля Унцито, — Техно такой рынок, на который предпочтительней приводить людей, хотя и без этого обойдёмся, чем уводить с него. Ты меня понял? Те, что уже внутри, тут и пригодятся, ага. И споры тут решаются — словами.

Зыркнул на Густава разными глазами, по-детски ясными, напомнившими подкрашенное лакомство монпасье, прозрачную сладость с капелькой Впечатления внутри. Светло-карий и голубой под нахмуренным лбом. Но провожатого дал. Вернее, к нему направил.

Суровый приём встретил Густава потому, что на сей раз он отправился без Суприори, и не по делу, а это видно всегда, на лбу написано, даже у него, охотника мега уровня. Но ему очень хотелось.

Придирчивый Техно заинтересован-таки в новых, хорошо соображающих людях и организует иногда открытые, просветительские экскурсии для несведущих, давно набивавшихся в гости. Объяснение принципов, демонстрация функций, возможностей на примере модуляторов узкого спектра.

Начиная сначала...

— Название этих ящиков, — руками не трогать! — можно трактовать двояко: как то, что оперирует модулями, компонентами, читает их, и как "моделяторы", то, что создаёт модели. Для первой функции служат пистоны — полоски с нанесёнными образцами, — да, под изоляцией они, ногтем не царапать! Отобразится, покажется результат, если вы подождёте слегка... Видите, какая хорошенькая цветомузыка?.. Это он и есть — результат... То, что в руки взять можно? Из других получается, пульки. Палочки круглые видели, из них. Почему "пульки"?.. Выстреливают иногда!.. Если промахнуться с сопутствующим!.. И если сломать... Проверять не надо, ладно?.. Вы уж поверьте мне. Регенерируется-то кожа быстро, а вонять тут будет долго... Вот здесь, стилусом на голографических листах задаётся структура, форма, поочерёдно слоям, всё по очереди, постепенно всё... Решёточку выведем вроде миллиметровки. В объёме. Рисовали когда-нибудь объёмным стилусом?.. На, попробуй. Ха-ха!.. Шарик?! Нееет это не шарик!.. Это скорей огурчик! С хвостиком!.. Ну, куда ты повёл!.. Ха-ха, таким марблс партию не сделать!.. По точкам, представьте себе, точками надо шарик задавать. Мало ли, что стилус объёмный!.. Он для решётки объёмный, а не для вас. Не вам жизнь облегчить, а чтоб точку ставить в пространстве. Устойчивое?.. Отвечаю... Раз в сто лет получается. И существует доли секунд. Если материалы не соответствуют формам, уравновешенность — полям, компоненты друг другу. Атласов стабилизации нет, надо угадывать. Для каждого слоя... И чтоб в свойства не вмешивались. Ты не на Рулетки обычно крутишься?.. Туда не все приходят играть... Модуляторов много, настроек мало. На разную чуткость, разные аспекты заточены. Мы и общаемся, как можем, делимся тут...

Забрал стилус.

— Кругленькие, отсчитываем вот так... Снова отсчитываем, не торопимся... Круглые-прекруглые, шариковидные, сферичненькие марблс!.. Причина того, что они удадутся нам сегодня, модулятор этот-от за шестьдесят процентов ушедшее, спросив, правит сам... А то и я промахнуться на ручном в два счёта могу. Но этот — исправит. Хорошая машинка, понимает меня...

Так приговаривал и отозвал от модулятора, уселись в кружок. На ткано-пластиковой,

специальной подстилке пульки разложил. Снизу подсвеченной, чтобы сквозь изоляцию виден был разный цвет. Иначе и показывать-то нечего, заскучают, разбредутся, разбегутся...

Карат. Биг-Фазан Карат по прежнему, полному имени.

— Сколько нас?.. Так, шестнадцать человек, славненько. Шестнадцать, семнадцать, то есть, и сделаем. Разберём каждому по штучке? Или туточки и разыграем, кто-то уйдёт с добычей... С комплектом свежим совсем... Я? Не в счёт, зачем, я не играю, так себя приплюсовал... Я поиграю с недомарблс, вот разложены... А с марблс уже вы... Вы-в-игрушечки...

Среди обитателей Техно этот юноша, их общий гид, для тех, кто останется — куратор, выделялся не только повышенной общительностью, снисходительностью к глупым ошибкам, дурацким вопросам случайных на рынке людей, но и внешне. Среди коротко стриженных, до ёжиков, — как Суприори объяснил Густаву: "Мусору меньше, и не вляпаешься ни во что..." — Карат длинной шевелюрой напоминал Олива. По спине — в четыре пряди плетёная широкая коса. И по плечам на грудь спускаются — из трёх прядей. Не будь высок и крепок, показался бы девушкой распорядительницей на Техно. Но так — лишь издали, вблизи несколько подавлял размером. В прямом, но не переносном смысле — смотрел свысока. Разговорчивый, с прибаутками, уменьшительными словечками. Помнящий всех по именам, даже единожды сунувших нос покупателей, даже за компанию с ними пришедших людей. Бог Пан-Квадрата, переспорить его невозможно, уйти, недослушав, уйти пока он с кем-то бодается там — слишком глупо! Приветливый. С мягким, точным овалом лица, манерой щуриться, улыбаясь. Так, что щёки и нижние веки поднимались. Лучики бежали от уголков глаз, прикрытых до полукружий. Тёмные, зрачка не разглядеть.

Биг-Фазан никаким настоящим фазаном не был, а перекочевал он на Рынок Техно — с правого крыла. Когда-то очень давно. Настолько, что и первое имя забылось, и с Махараджей разминулись они во времени, конкуренции не случилось. Карата, предпочитавшего лохмотья, удавки, непостижимой высоты и скорости фазаньи прыжки, сменил лидер змеиной пластичностью близкий к вирам. Но по духу, конечно, не вир. Теперь и он ушёл, каким-то будет следующий...

На Техно Карат уже не первое тысячелетие. Старожилы рынка редко и неохотно сходятся с ним, ситуативно, по делу. А это кое о чём говорит. О многом... Часто и плотно — торговцы, заказчики механики. Под его, но и не только, началом осваивают рынок, курсирующие разноцветным дорожками, будущие технари. Их и называли соответственно — курсики. Курси, кусики. Чуть насмешливо. Один Карат умел произнести "кусик!..", указывая на грубейшую ошибку так, что подопечный таял, а не вставал на дыбы, и не думал обидеться.

Невозможно за тёплой улыбкой, за лучиками сощуренных глаз разглядеть борца, избавиться от которого мечтало всё правое крыло Южного. Одолеть? Ха-ха. Объединившись? Ха-ха три раза. Пытались, и где они... Карат стал шатровым борцом на закате карьеры. Прежде — уличным разбойником, навёл шороху, едва с насиженного места не согнал правые борцовские ряды. А начинал — небесным.

Его привела на земной рынок личная катастрофа, в этом не оригинален никто. Мир потерянный, испорченный, гибель любимого, или затворничество его — четыре толкающие вниз беды. Третья в случае Биг-Фазана. И поскольку на небесный поединок ушла его девушка, чтобы погибнуть — какая глупость, за приз! — с борцами правого крыла, на него Биг-Фазан и опустился…

А небесным, не облачных рынков, а верховым — борцам редкой категории, земные — не ровня. Там очень сложно, иначе всё. Иначе под сложные условия подстраиваются тела

полудроидов. Небесные не снисходят до земных рынков, на их счастье. Карат "снизошёл"... Окунувшись в неутомимое хищничество.

Личной мести он не искал, не находил в себе сил для охоты комодо, выспрашивать, лгать, караулить. Даже имя её вслух не мог заставить себя произнести. Чистое... Перед кем? В чьи уши, будь они прокляты... Он набросил невод на озеро целиком, и методично уничтожал его. И это общее у несчастий, толкающих вниз: ослепление, обезличивание. В любое время дня он падал на борцовские ряды, как коршун на цыплят, из точки в небе. Выпустив когти, впуская их. Бескорыстный. Безмолвный. Не вызывал, не предупреждал. Условий не ставил, откупа не брал. В пепельно-сером растрёпанном костюме. Способный перемахивать два, три ряда одним прыжком. Отталкиваясь от тента, четыре и пять... Буквально падал на голову с захватом, который уже не разомкнётся... У него была особенность: взлетал легко, ну скажем, как пемза брошенная, а падал как железное ядро... Жалкое зрелище представляли тогда их ряды. От шатра к шатру кочевали группами, короткими перебежками.

Таков был Биг-Фазана затянувшийся дебют. После остыл, перезнакомились, договорились. Стал идолом правого крыла, солью. По тому хоть можно судить, что от камней и металлов происходят их прозвища, а его от карата, единицы измерения.

Что-то хорошее можно ли сказать о нём того периода? Пожалуй. Местные борцы принимают хозяек на равных, обеспечивая им яркую и недолгую жизнь в лучшем случае, а обычно — способ самоубийства. Но не Карат. Он не охотился на хозяек, вызова не принимал от них. Вовсе.

Собственно, девушки, подруги местных борцов и добились перемирия. Тайм-аута поначалу. Переговоров. С целью террор отвести в некое приемлемое русло, в рамки общепринятого. Удалось. Начались годы, когда правое крыло существовало, как бы им ни хотелось думать наоборот, на его условиях! Добровольно... В какой-то мере... Его обожали, да. Точнее, вот есть механизм, он полезен, доступен, с разных сторон, он делает много чего, но в середине — адское пламя. И без него никак, остановится машина, станет холодной железкой. Они гордились им, чувствовали себя особенными на Южном и на облачных борцовских, с визитами прилетая... И старались держаться как можно дальше! От соли их мира, от муфеля, от адского пламени.

В радужном расположении духа, что не часто, но случалось с ним, Биг-Фазан соглашался выступить против нескольких, до десяти, хозяек. Зрители ставили на успешность каждой. На их общий успех — кому ставки не жаль! Иногда игра с чем-то пачкающим, с маркерами. Иногда — на связывание, кто из хозяек окажется увёртливей. На его связывание?.. Они с тем же успехом могли бы ловить дроида, шаровую молнию или смерч в океане! Такие сражения, нетипичные для правого крыла, имели зашкаливающее число зрителей, редкий случай посмотреть на Пепельного Биг-Фазана "бесплатно". Безопасно... Не отвлекаясь на размышления о своей дальнейшей судьбе... Перенимались другими борцами, способствуя смягчению нравов на этом крыле. Исподволь, как обычно и бывает.

Из постоянных каждый шатёр дважды в сезоне выставлял против него бойца или сколько найдётся, ха-ха, желающих. Подразумевалось, что он вызывает хозяина шатра. На практике они, конечно, находили замену себе. Не найдя, когда подходила очередь, снимали шатёр и уматывали! Хотя к тому времени не каждый поединок с ним оказывался фатальным. Карат стал причиной перехода стольких закоренелых хищников на левое борцовское крыло! Изменить стиль жизни радикально они не способны... Стать затворниками, увлечься коллекционерством. Гонки скучны, игры пресны... А формальный переход на левое крыло невозможен. Оставалась настоящая работа над собой, своими воззрениями, привычками. Результат имелся. Кто бы предрёк им такое, долго бы смеялись! Доброе дело по факту совершил.

Причиной падения Карата была невосполнимая потеря, причиной умиротворения — время. Гнев утих. Фигуры противников обрели лица. Нежности не внушавшие, заурядные, разные... Человеческие лица. Ненавидеть устал.

Что вдруг случилось, неведомо. Но случилось — вдруг. Одномоментно Карат исчез с правого крыла, через короткое время появившись на Техно.

Спустя годы, хоть полудроиды не сильно меняются лицом, кто из его борцовских знакомых признал бы в смотрителе Рынка Техно пепельного Биг-Фазана, жуть атакующую с высоты?.. Косы он сохранил, одежды пепельного цвета, шаровары, юбки поверх, накидки, плащи, многослойное, многокарманное, фазанье... Ерунда, показательная в смысле характера, но ерунда. А что по-настоящему интересно, Карат такой нераскаявшийся хищник, которого навещают дроиды. По своей инициативе, не раз... С недружественными визитами.

Технарь Карат изобретал оружие. И не раз они отнимали у него оружие. Отнимали и чертежи.

Перед Чёрным Драконом трудно устоять. Невозможно. Эти дроиды третей расы имеют право, обязанность покидать за порогом хищничества. Имеют право и отождествляться, не спросив разрешения. Можно сказать, «внушать страх» — их законное свойство. Оба слова тут не подходящие, не «внушать» и не «страх»… Вращающиеся, пульсирующие зрачки ящера, стоящего на задних лапах вбирают человека. И дроид не стремится понять, напротив, он отождествляет с собой. Он сам, мысленно кладёт требуемое в свою когтистую протянутую лапу. На определённой стадии отождествления, которое полным не бывает никогда, ему в лапу требуемое кладёт и человек. Такое свойство, близкое подчинению воли, близкое дроидам желания. Из-за чего, Чёрных Драконов контролирует тоже автономный дроид — Гелиотроп сам. Сфера деятельности телохранителей узка и сильно регламентирована. Отступления караются суровей и быстрее.

Не правило для них действовать внушением. Имеются варианты…

Стена чешуйчатых ящеров окружала Карата в небе или даже на рынке. Сдвигалась на шаг, отсекала изумлённых свидетелей, следовала за ним, глухо рыча, требуя... Нельзя хищнику закрыться в Собственном Мире! И Карат не прятал созданное в нём, выносил. Рано или поздно отдавал. Схему, чертёж. Он наизусть помнит. А воспроизводить?.. Какой смысл, если отнимут?

Дроиды запомнили его как отдельное явление и следили за ним. Подобным образом и за коллекционерами запретных Впечатлений следят, когда достоверно их вычислили.

Карат так возненавидел Чёрных Драконов, что это распространилось на дроидов в целом, включая ездового. На Белом Драконе редко летал для удовольствия. Через шатёр — домой и обратно — на Техно. По континенту — ногами. Здесь дело не в том, что существовать, окружённым рычащими ящерами, невозможно, а в первом, применяемом ими реже, способе…

Разумеется, Карат пытался выиграть в гляделки у одного из драконов, бывшего своего... И проиграл. Как человеку, проклятье!.. Ещё одна из причин ограниченья контактов: нет общей земли — соревноваться дроидам с людьми, а чувства-то у людей человеческие, по себе меряют. Без драки отдал свеже-созданный артефакт, дрожащей рукой положил в когтистые лапы... Белки круглых глаз пульсирующих, яростных, девственно ясны... Сам положил... Что это значит для борца, а? Вот потому стена драконов предпочтительнее. Путь напоказ, путь случайные зрители удивляются, расспрашивают, а всё-таки вмешательство меньше, мягче. Не обидно проиграть стене, явление природы, что такого... Карат и тут стал исключением. Или его бывший дракон?.. В общем, они виделись чаще, чем оба хотели.

Появление и исчезновение дроида сопровождалось прояснением неба, до золотого, едва не

до солнца. И тёплым ветром, разметающим пыль, мелкие камешки... Дроидские извинения. Отвергнутые. Они бесили ещё хуже, грабёж и унижение. Карат целью поставил себе выиграть у дракона. За счёт хитрости, умом. Знал бы он, как это нетрудно, обхитрить ящерицу... Знал бы, как дроид видит человека, как не враждебен, не противопоставлен ему...

Взял паузу. Думал, думал, думал... Разучился заметки рукой писать, всё только в уме. Воплотил без проб, разом. И встреча, не заставившая себя ждать, позволила хищнику отыграться.

Узкому кругу это известно... Биг-Фазан Карат — изобретатель медянки отододи.

Удавки отододи использовались задолго до него. Верёвка и верёвка, неравномерной тяжести, ну и что... Не запретно. Он придал удавке свойства скрытой механики и создал сразу две.

Когда чёрный ящер, — ну, надо же, ждал целую стаю! — предстал перед ним на безлюдном, вечернем Техно, Карат был готов. Стремительно и злорадно вскинул оружие в правой руке над головой. На себе первом испробовал... Скользкая, медная змейка стекла ручейком и замкнула кольцо поперёк груди. Теперь главное выждать время. Выдержать. Он крепок, борец, но изобретение его сильней. Дроид метнулся, скрипнули когти по меди, устремляясь за своим хвостом чёрный обод тепла растёкся вокруг медного обода, вихрь рычащий... Вернулся в свой облик.

Трудно дышать... "Нетерпеливый дроид, — произнёс Карат с трудом, — подожди немного. Скоро заберёшь, за чем послан". Злорадство его возросло бы стократно, знай он ситуацию с той стороны, как подставляет дроида, какова выходка его: Дроид-Виновен-в-Самоубийстве-Человека... Тот рык, который счёл проклятиями, это он слышал повторяющееся имя своё на дроидском, драконьем, необщем... На языке для любви и надежды, и отчаянья, первом от возникновения существа.

В своей мстительности Карат едва не просчитался. Ещё немного, и погиб, помутилось в глазах, когда одной рукой освобождал в кармане вторую медянку. Она поранила его, втираясь между первой и телом. Но обвилась. Обе скрипнули и упали. Карат облизнул пересохшие губы. Демонстративно неторопливо поднял. Безопасными мотками сложил и отправил обратно в карман. Урчание ящера прекратилось. Лапы скрестив на груди, дроид осмыслял обе функции. Две стороны медали. И не потребовал отдать. Позже владыки подтвердят его вывод, согласятся.

Нависавшая чёрная гора исчезла, тёплым ветром не повеяло. Карат должен быть доволен. Изобретением. Реваншем. Он и был доволен, пьян горькой радостью хищника. Которую не проглотить и не выплюнуть. Он упал в восходящий поток ближайшего Столпа, в тепло, которым на этот раз обделил его, давно ему не принадлежащий дроид. Старые, без ответа оставшиеся вопросы душили его, как эта горечь, как ветер Столпа возносили его, повторы, повторы без ответа... "Почему?.."

"Дроиды ни на что не годные, грабители в чешуе, почему?! На что вы нужны, ведь она была — чистая хозяйка!.. Почему дракон не защитил её, ведь не в шатре, в небе!.. Как ты смеешь грабить меня, человека?! Ты выступаешь против меня, а он?! А её дракон?.. Поему он не выступил против них?!" Конечно, выступил, но что он мог против людей?.. Только сбивать. Группа против группы, два лагеря, две стаи противников небесных… "На что вы годитесь, зачем вы нужны?! Или выбираете, из прихоти выбираете, кому помогать, а кому пропасть?! Ну, так и я выберу, без вас!.."

Давняя история. Не осталось и следа тех страстей в его, Карата мягких чертах, прищуре, прибаутках. Медянки и схемы их разошлись по свету, жили своей жизнью. Вот, Густава придушили и спасли. Всё перемешано, переплетено. Взаимосвязано.

Перед модулятором Густав, затерявшийся в числе шестнадцати курсиков, видел подобного себе — охотника. Карат из самых активных экспериментаторов Рынка Техно, и нуждался в расходных.

Исследовать свойства веществ на пистонах ещё туда-сюда, соотносить их со структурой. Воплощать из пулек, если время девать некуда, не к спеху, для развлечения. Уяснив же структуру и просчитав её для слоёв, воплощать куда проще в Собственном Мире. Все так делали. Небольшое количество чистых хозяев Техно возились с модуляторами, где Пурпурный Лал запускает последовательность реакций... Результат — красочные фейерверки! А задумываться мог и металл!.. Они не отчаивались, по-новой!

Но Карата не интересуют звёздочки фейерверков. Ни задуманных, ни случайных. Он стремился изобретать ещё и ещё модели оружия, которое пройдёт сквозь дроидские фильтры.

Устав от мельтешения шкал и спектров перед глазами, замучившись держать в уме, плюсовать, делить через прослойки и катализаторы, он отвлекался на поиск принципиальной идей. Удалялся в Пан-Квадрат, там проводил дни. Отчаявшись вывести односложную, ярь-медянке подобную элегантность замысла, обратно нырял в свойства материалов с головой. Требовались расходные, сначала без стабилизатора их взаимодействия посмотреть... Если они те, то надо, значит стоит тратить время на расчёт стабилизатора, как его добавить. Замедлитель, основу. И его рассчитает-то Карат на пистонах, в малых дозах проверит, а воплотить... Расходные, расходные...

Курсики, которых сопровождал, учил, с которыми без утайки знаниями делился — поле его охоты, как Южный — угодья Буро. Зато и смотрителем, гидом бывал часто, охотно. Со старожилами информацией собранной на своих кусиков делился всегда. Люди — это будущее Техно. Откровенно излагал, кто сообразительней, кто поглупей, от кого будет польза всему рынку, а от кого не особенно.

Люди с хорошей памятью ценны. Тонко различающие цвета. Люди с парадоксальным мышлением ценны особо, даже если от них один шум и беспокойство, и они не производят впечатления технарей. Кто-то богат и на Пароле может прижиться, торговать. Кто-то может на Пан-Квадрате увлечь, разговорить молчунов, сводить вместе одиночек Техно, подвигать к новым идеям. А кто-то так, середнячок... Кто-то случаен и беден... Ориентировался ещё на то, компанейский ли, станут ли человека искать. Выбирал тщательно и непредвзято. Исчезновение человека на Техно не должно привлекать внимание. Выбрав, делился. Существовала очерёдность... Техно — это рынок. А рынок — это хищники. Всегда.

— Ну что, кусики, — призывая ко вниманию, повысил голос Карат, — делаем честные марблс, или как?..

Он подмигнул высокой, тонкой, как луч из рамы, девушке, знакомой по Рулетки. Таких азартных игроков ещё поискать. Строгая, с чёртиками в глазах она коллекционировала игры, игровые принадлежности, включая жульнические и фокусы. Айва. Но большинством голосов народ пожелал честные марблс, без меченых с особыми свойствами. Что ж, как скажете...

Без преувеличения... Для досуга полудроидов марблс тоже, что связные Впечатления для их совершенных тел. Превеликое многообразие наборов шариков, различающихся размером, цветом, количеством, весом, взаимовлиянием, счёту не поддаётся. А помноженное на варианты игры!.. На выбивание из круга и ряда... На попадание в круг, ряд, в объёмную голографическую

фигуру при магнитном поле или невесомости... Ближе к центру, прямо в котёл... Этим боком, тем боком, не тем, не этим — они имели экваторы, сектора, постоянные и скользящие точки окраса...

Марблс... Шарики катящиеся по любой поверхности, по специальной поверхности, по воздуху... В плоскости поля, образованного четырьмя другими — объёмный мрблс... На бесконечно скользком поле, стремительный... На шероховатом ради подскоков задуманном... В плоскости образованной двумя и вращающейся вокруг того шарика, что окажется возле центра, тем быстрей, чем ближе к нему, и сложней его оттуда выбить...

А способы подачи?.. Броски с двух пальцев, с ладони щелчком, с воздуха же!..

Или марблс для больших помещений, где бросают кистью, с замахом... В препятствующем поле, как по волнам блинчики. А с рикошетом ради попадания в цель после максимального количества рикошетов?..

Командные двух, трёх, четырёх, пятицветные сражения... Шарик зажатый между вражескими цветами выстреливается за поле игры... Перекрашивается, присваивается... Серии игр. Марблс-поддавки...

А противоположные всему — липкие марблс?!

О, не перечислить, сколько их разновидностей породила фантазия, помноженная на скуку! Марблс — нечто базовое, универсальное, заменяющее собой настольные, карточные игры... Требующие концентрации, многофигурные... Близкие к шахматам и основанные на чистой случайности, вроде лото. Марблс — жизнь в миниатюре...

Марблс-коллекции... Марблс-амулеты. Ими не играли, а носили с собой. Проиграв же таковой в запале, шли за ним в чужой Собственный Мир, проигрывая и себя заодно... Ну, это некоторое преувеличение. Проиграл ведь такому же чокнутому, наверняка с амулетом в кармане, а воспользоваться чьей-то общепонятной страстью во зло — неблагородно.

Распространённость этих шариков характеризует уже то, что кармашки, кошельки, сумочки для марблс, оправы, чтобы носить их бусами, уступают в популярности только украшениям и одежде. Но и тут, помимо карманов — ячейки для пуговиц-марблс...

Партия, "заход" в марблс — способ представиться познакомиться с чужаком, сблизиться с гордецом, помириться с другом, переговорить о деле, подкупить кого-то открыто, проиграв ему ценный набор...

Когда компания есть, а с фантазией плохо, первый вопрос: "Погоняемся или в марблс?" Возможность игры — наличие одного комплекта, минимальный комплект — одна штука!

Но бывает позатейливей, такое... Оглашаются в узком или широком кругу, например на визитёре, облачном Рынке Горн, время и подробные условия турнира. Желающие принять участие в нём должны успеть обзавестись шариком или несколькими, как обговорено, со свойствами скрытой механики, которые не обязаны оглашать, но которые, по мнению игрока, приведут к успеху. Ищут, выменивают, заказывают... За соперниками шпионят... Подобные турниры собирают много зрителей. Бывает, что на таком выясняют отношения. Тогда зрителей нет, а ставки ещё выше.

Карат не сильно увлекался марблс, но всё же в набор лично он добавил бы шарик с лукавыми свойствами. Создавать интересней и играть веселей... Нет, так нет. Приступили.

В первую очередь марблс — предмет любования и коллекционирования. Значит — определиться с шиком, с цветом. Он должен быть притягателен и оригинален. С

привлекательностью никаких проблем, есть даже таблицы, учитывающие освещение и время суток, материал и подтипы его, в данном случае стекла. С оригинальностью — даа... И всё-таки, нет ничего невозможного. Юноша, севший возле Айвы, и ещё двое напротив выделялись из ряда, наведя Карата на мысль. Отличал их цвет кожи.

Тот очевидный факт, что полудроиды светлы, светлокожи, в некотором смысле иллюзия. Следствие работы, производимой огоньками дроидов в теле. Не пребыванием, а именно движением их, и наличием общего поля Юлы, охватывающего землю, сгустившего напряжение над континентом. Даже если базисный код полудроида предполагал тёмную кожу, у Восходящего, пересекшего поверхность океана, она кажется много светлей из-за совокупного воздействия этих технических моментов. Загорелыми они становились обычным образом, от солнечных лучей.

А до эпохи высших дроидов существовали не только разные оттенки, но и узоры на коже, привнесённые предпоследней эпохой. Не выходящие, за пределы разумного и хорошего вкуса. Темнокожему базису присваивались очень шедшие ему узоры шкуры питона, древесной текстуры, леопардовых пятен. Белокожие базисы типичных узоров не приобрели, разве спирали, тоже неяркие.

Так вот, Рынок Техно, лишённый пыли, наделённый специфическим полем от своей иллюзорной стены и Столпов внутри него, оказался таким местом, где люди с тёмной кожей и выглядели таковыми. Не как Изумруд, непроглядной, иссиня-чёрной драконьей чернотой, но прекрасно-золотисто-глубоко-шоколадными... Зная это свойство рынка, не без тщеславия они предпочитали на нём минимум одежды. Питоний крупный узор охватывал юношу полностью, от подошв до коротко стриженой головы. Различимый вблизи и при прямом взгляде, размытый издали и под углом. Украшавший безусловно. "Неплохая идея для марблс. Кажется, таких я ещё не видел..."

Общественный модулятор типа "фазы целых чисел". Артефакты он создаёт самые простые, зато долговечные, так как, снабжён портом для отвердителя. Площадка, где был установлен, достаточно велика. Полукругом разместились любопытствующие, курсики.

В отдалении на восхитительно тёплом потоке одного из столпов сидел не участвующий юноша. Наблюдавший, тем не менее, зорко. Имевший интерес и к Техно, и к левому крылу Южного, борец. Дабл-Пирит нанял его присматривать за Ауроруа. Одной из шестнадцати.

Как и большинство хищников, внезапно нашедших свою любовь и переживших кульбит жизненный тем самым, Пирит стал немного деспотичен и тревожен. Наличие у Ауроруа Чёрного Дракона не казалось ему достаточной защитой. А после того, как сам, на Техно с ней приходя, засыпал всякий раз, едва гид со своим бормотанием останавливался возле модулятора, решил, что стоит перепоручить... Невозможно, какая скука. От мозаичных дорожек рябило в глазах, рынка он не знал, традиций его и опасностей. А монотонное "бу-бу-бу...", ни слова не понятно, кого угодно усыпит!.. Предложенные услуги профессионала оказались весьма кстати. Фианит, так его звали. Камень. Борец. Но — синтетический, и к борцам и к Техно подходящее имя.

Карат усмехнулся, поняв, чей телохранитель. Ауроруа, что касается его, Карата интересов, на Техно — в полной безопасности. Он крайне редко встречал и очень ценил людей с абстрактным мышлением. А эта изгнанница успела задать несколько вопросов, причём по теме, устройству модуляторов, поставивших его в тупик новизной подхода. Ведь схемы-то модуляторов есть, они просты... Инструкций к ним нет!.. И схемы, в самом деле, однотипны, объединены неким примитивизмом, а его суть... В общем, тут есть о чём подумать...

Ещё у неё была манера, о чём бы ни шла речь, спрашивать: "Только так? Исключительно так?" Устроены, функционируют... А что? "Ну, как... По исключениям скорее видны пределы и

смежные области. Неохваченные. То есть, сам предмет. Инструмент, материал, идея... Да любое явление, это ведь его границы... Вот они и становятся видны".

Широта его собственных взглядов позволила Карату восхититься, а не приревновать к её уму. "Перспективная девушка. Золотоволосая..." Пока молча бродила, уверен был — с Мелоди гостья, от скуки или за бубенчиками. "Ишь, как следит борец, во все глаза..."

Обижать изгнанников на любых рынках выходит за дроидский кодекс чести. Но наличие телохранителя Карат одобрил. На лбу у изгнанников статуса не написано. А хоть бы и написали, прежде кодекса надо иметь честь.

В таких размышлениях, он согнал на минутку Фианита со столпа, обходя площадь. В основании модулятора что-то подправил, и воздух над ним стал неожиданно светлей и прозрачней. Хрустальный воздух. Минуту назад никто не предположил бы, что это будет возможно и зримо. Лёгкий ветер разлетался от металлической коробки. Прокомментировал:

— Почище стало. Случайности, кусики, нам ни к чему...

Взял цилиндрическую палочку пистона и отправил его в круглый, обратным клапаном закрытый порт. Модулятор немедленно ожил, проявил над верхней плоскостью виртуальную сенсорную панель с цифрами от ноля до девяти и окошком. В нём Карат набрал число семнадцать.

— Это основа. И мы делим её на семнадцать частей. Видите, он сам спрашивает, хорошая, умная машинка... Размер ванны нам позволяет их задать разом.

Панель сделалась зеркальной. Карат обратился к смуглому юноше, а не одолжит ли тот свою руку ради цвета и рисунка на Марблс? Польщённый, тот согласился, серьёзную мину сохраняя, подошёл. Хрустальный воздух над модулятором холодил слегка. Отрегулировали расстояние, масштаб. Отражение в зеркальной панели заняло больше времени, чем можно было ожидать и требовало неподвижности. Модулятор запищал, выбросил луч, разбившийся на сканирующие полоски света, и начал пробегать ими предплечье в разных направлениях. Словно извиняясь, Карат объяснил:

— Не дроидоувязанный инструмент, механические скорости. Надёжно зато.

С последним назойливым писком зеркальная панель воспроизвела цвет и рисунок кожи, юноша-модель был отпущен.

— Таак... — продолжил куратор. — Задумай мы с вами простые стеклянные шарики, осталось бы плотность задать. Звонкость удара, дальность отскока. Но честные ведь не значит простые? Давайте-ка усложним... Экватором разделим. Пускай сталкиваются с подкруткой, а? В разные стороны. Мы их пометим. Пятком и гребешком, мирами и наружею...

Под "пятком" он понимал пять точек в круг, лепестков, как у Буро на бокалах, символ Собственного Мира — яблоневый цвет. А под "гребешком" расходящиеся в одну сторону сектором лучи раковины-гребешка, символ океана, внешнего мира, изгнанничества. Их объединяет цвет, оба символа, если в цвете, бело-розовые традиционно.

— Как считаете, пяток должен закручивать в горизонтальной плоскости, а гребешок подбрасывать вверх? Или наоборот?

— Гребешок должен притягивать, — сказала Ауроруа.

— Эээ... Возможно. Пожалуй... Можно и так задать. Но тогда уточни. Притягивать или притягиваться?

— ...ся, — лаконично ответила Рори.

— Есть возражения? Нету. Хорошо. А можешь объяснить, почему гребешок, почему притягивать-ся?

— Потому что он этого не делает, — отчеканила Рори.

— Определённо, — согласился Карат, — и?..

— Пусть попробует там... В стеклянном шарике. В игре. Что выйдет? Море прокатится в миры, о мирах станет думать, через них думать... Через них покатится…

— Не будет. Не зная о чём.

— Господин, если полный переворот, разве обязательно знать, что переворачиваешь? Всё это — каждое? Или нет?.. Закрыть ладонью. Перевернуть и потрясти. Из непостижимого прошлого образуется непостижимое будущее... Делал ли так господин: морскую воду долго-долго в бокале трясти, и быстро выпить? Из Свободных Впечатлений складывается чуть-чуть связных... Но пусть господин учтёт: вкуснее вода не становится.

Её голос, приобретший было мечтательность, вернулся к сухой констатации в последней фразе.

— А надо переворачивать?.. — пробормотал Карат.

— Кому как, — логично ответила изгнанница.

— Ладно... Но желательно установить конкретную точку. Слипающийся марблс, другой жанр.

— Фу, он мало кому нравится! — воскликнул курсик слева. — Пускай где сходятся лучи, при точном попадании гребешок притягивается, а по касательной если, с подкручиванием отлетает! Возможно?

— Легко. Договорились. Сейчас зададим символы, качества им присвоим... Пистоны с образцами покажут, соответствуют ли вещества требующимся свойствам и какая нужна дозировка. После этого — пульки. Когда модулятор уже сообщил нам и себе, сколько должен от них откусить. Три полоски пистонов, в одной, увы, нет. Лишнее отрываем... На притяжение, на скользящий вихрь, сцепленный с ним... И на прыганье от пятка...

Прорези модулятора с силой затянули предложенные им полоски, оборванные с краю до одного пистона.

— Он машина замечательная, понятливая... Но нам снова придётся подождать!

Бирюзовый на просвет, пистон для пятка на виртуальной панели отобразился первым. Бирюзовую точку толкала белая линия вдоль разноцветной шкалы. В разных местах с разной скоростью. Моменты ускорения-замедления фиксировались цветом же и откладывались на верхней узкой шкале. После чего и она пришла в движение, прогнав уже по себе исходную точку и остановив между серым и густо-бирюзовым.

— Видите, оптимальный вариант. С точки зрения машины. А в чём оптимальный? В размазывании функции по времени. Если мы хотим вертикальных прыжков шарика всегда, то смиряемся с тем, что они не высоки и каждый раз одинаковые. Ни противостоящего цвета, ни второго ответа машина нам не дала. Я могу сдвинуть шкалу и выбрать периодические прыжки, не от каждого столкновения, через два, например. Высокие. А могу заменить вещество... Или мы принимаем выбор машины?

— Принимаем! — ответили ему.

Со вторым, сиренево-синим пистоном подкрученного отскока горизонтального вариантов не имелось, наработанный давно приём, вещество известное. А над тёпло-розовым образцом притяжения модулятор задумался. Долго гонял и всё время медленно. Так что верхняя шкала от нижней в итоге почти не отличалась. Прогнал по ней и остановил между красным и розовым на резкой границе.

— Так-так... — Карат обратился к Ауроруа. — Требуется выбрать: взаимодействие совсем слабое, постоянное? Или же непредсказуемо редкое, при абсолютно точном, фронтальном попадании — сильное. Цап и всё!.. На чём там заканчивают какую игру?..

Рори задумалась:

— Пускай редко, но метко!

Попала в его мысли, Карат улыбнулся:

— Угу, в марблс хорош элемент неожиданности!

Он расширил пальцами спектр-квадрат на панели. Точку с верхней шкалы перетащил к углу тёмных, насыщенных цветов, оставив в бордовом. И закрыл панель:

— Вот так... Ой! — открыл снова. — Форму-то!.. Сейчас выскочило бы невесть что... Кусики, вам не повезло с куратором!

Он повторил объёмным стилусом то же, что показывал вначале, несколько точек опорных. Указательным и большим пальцами вместо циркуля изобразил круг через них, и модулятор понял его, выдав шар в объёме.

— От!.. Теперь ничего не забыл.

Фианит, глядя на последнюю манипуляцию, скривился. Борец левого крыла, он — раскаявшийся хищник. А Карат, будучи правшой, второпях или смутившись, использовал левую руку, превращающую. Хищник, привычка...

Густав, увлечённый наравне с остальными, держал, однако, в поле зрения Ауроруа с первых минут. Чем-то беспокоил её облик... Знакомое что-то... И тот факт, что изгнанница... А, вспомнил! Селену она напоминала ему, ошибку, осечку. Волосы рыжей. И упрямство в миловидных чертах не давали сразу припомнить. "Не она... Гут, гут..." Ошибки исправлять и надо, и неохота... Клок, смешной хохолок, несмешной, преобразившийся, крупная осечка, маячащая перед глазами... Не хватает ещё призраков прошлого.

В той же последовательности, что пистоны, Карат отправил в модулятор пульки и повторил:

— Ждём...

К сожалению зрителей, основная часть работы модулятора была им не видна, и коротка завершающая, зримая. Модулятор в недрах своих взял сколько надо от пулек. Выплюнул лишнее, закрыв срез изоляцией. Долго пищал на все лады, звуками давая понять, что происходит в нём. Верхняя панель закрыта, иначе показал бы на ней.

— Это нас с вами уравняло! — смеясь, сказал Карат. — Вы бы в мелькании не поняли ничего, а я что он пищит, и я не понимаю!

В общении техники с человеком на дереве вариаций имелась и звуковая ветвь: голосовое общение, ввод и получение данных. Но победил визуальный, некоторое время спустя уступив позиции ментальной концентрации, где переводчик не нужен, где сам за свои ошибки отвечаешь. Ни дроид при машине, ни высший дроид для превращения в Собственном Мире не требуются.

Верхняя плоскость модулятора засветилась, будто плавясь, прогнулась и образовала золотым хрусталём наполненную полусферу ванны. Отверстий нет, подготовленные вещества протаяли в неё сквозь стенки. И побежали вправо, ускоряющейся гонкой. Дымки... Вращающиеся дымки... Струйки... Стекло, размазанное по стенкам... Мелкие шарики катятся по золотому хрусталю, обгоняют друг друга, сталкиваются, стремятся к верхнему краю, едва не выплёскиваясь, на дно скатываются… И стеклянно звенят!.. Шарики укрупнились. Стало видно, что бирюзовые и розовые дымки всё ещё крутятся отдельно. Лишь теперь модулятор их добавляет. Захватывающе... Курсики смотрели, не дыша, Карат наблюдал больше за ними. Привычным глазом он уже мог сосчитать в вихре до семнадцати. Бело-розовые дымки окрасили половинки шариков, цвет сгустился и собрался в гребешок.

— Закрыть? — спросил Карат. — Чтоб не видно в руке, а — когда катятся?

Ага, так веселей. И рисунка не портит.

Затем второй цвет. Бирюзовые дымки вначале обесцветились, затем пришли к тому же, светло-розовому и собрались в пять точек.

— Тоже скрыть?

Если скрывать, так и то, и то.

— Как скажете.

И ему не улыбалось символами портить смуглую роскошь рисунка. "Парню-модели, наверное, сильно хочется заполучить весь комплект!.."

После всего, когда уже готовыми катались, Карат сказал:

— Думаете, готово? Вам кажется, что они есть?.. Нет. Есть, поскольку движутся. Если остановить, останется то, от чего модулятор долго придётся чистить...

Он достал из кармана колбу с носиком, откупорил пробку. На вытянутой руке, отворачиваясь, наклонил над ванной, сказал:

— Отвердитель. На будущее: любое вложение через порт! Никогда не делайте так, это — вроде как шоу...

И тонкой струйкой влил отвердитель. Клубы дыма заполнили ванну, выплеснулись... А когда попали за пределы хрустально-чистого воздуха над ней, с глухим хлопком взрыва заполнили площадь! Окутали всех, и его, и курсиков, и людей на соседних дорожках, пославших хохочущему в нежданном мраке Карату много специфических, местных проклятий... От каждого, из окружавших площадь Столпов раздались хлопки-взрывы. Стало щекотно в горле, и кроме чёрных клубов мутно в воздухе… И раз — совершенно чисто!

— А вот так уж совсем никогда не делайте! — завершил представление Карат, допив последние капли из колбы.

Отсмеялся, замолк, и кого-то за спинами курсиков, голову наклонив, спросил:

— Что-то не так? Возражения?..

Подопечные его стайкой птичек обернулись живо, но увидели лишь спину. Кто-то уже уходил, возражений не имелось.

Хрустально-золотая внутренность ванны осталась чистой. Семнадцать обугленных шариков лежали на дне.

— На минутку задержите дыхание. Оно не вредно, неприятный запах. Перечный, если кто спец в пищевых Впечатлениях, острый.

Нажал кнопку большую кнопку на боку модулятора, — Густав всё гадал, для чего она, не сенсорная, вызывающе огромная и простая, — ванна, пружинным упругим рывком расправилась в исходную плоскость, как резко натянутое полотно, и выбросила шарики на плитку, на площадь. Чернота треснула при ударе, выпуская последние дымки. Острый — не то слово! Поспешив открыть рот, Карат закашлялся:

— Надо щипцами... Ххе-кхе... Я... их забыл... Кхе-хе... ха-ха-ха!.. Всё равно колоть бы пришлось! Нет, правда, вам не повезло с куратором, колоть надо в другом модуляторе, вообще-то!.. Приходите через день, получите нормального гида, из этих, сердитых... Он вам скафандры на входе выдаст... В скафандре здорово, в нём спать хорохо!.. Хо-хо!.. Кхе-хе-хе!..

Вторично родившиеся на свет из расколотой угольной скорлупы, марблс показались им ещё прекрасней! Раскатились и люди разглядывали, не трогая их...

Смуглой, питоньим узором украшенной, рукой юноша поднял с него деланый шарик:

— Прочный!

— А то ж!.. — отозвался Карат. — Для любых поверхностей и на долгие годы!

Живо разобрали поглядеть, но договорились разыграть комплектом. Жаль разлучать, ценность. Восхитительно тяжёлые, шелковисто-гладкие, золотисто-шоколадные. Прозрачные, но не просматривающиеся насквозь...

— Когда разыгрывать будете, сразу? Здесь нельзя, в Пан-Квадрат — стройными рядами...

Но они устали от обилия новых, не выпитых впечатлений.

— Завтра, завтра!.. — ответили ему. — Оставь у себя до завтра!

— И то верно. Я то же похвастаюсь кое-кому... Из местных, сердитых...

— Карат, господин, а люди, я видел, на самом деле ходили рядами! — двое смуглых юношей, чья не менее красивая кожа могла бы послужить образцом для следующих наборов коллекционных марблс, о чём подумали и они и Карат, обратились, пошептавшись, к нему. — Стройными, ровными рядами!.. Зачем они строились в них, господин?..

Карат воздел руки к небу:

— Ну, я же не историк, кусики! Мы же на Техно! Зачем и как дорожками ходить стройными, это пожалуйста, это я всегда расскажу вам. Куда под ноги смотреть. А прошлые эпохи... У меня, кусики, давным-давно был один единственный знакомый истории знаток. Он, кусики, ни историком, ни книжником, при начале знакомства нашего и не был. На Рулетки играл и выиграл однажды, представьте — библиотеку!.. Древняя история, с картинками!.. Их повырывали и разобрали, а тома он даже и уносить не стал, листая между партиями, между забегами. Но потом вдруг унёс... За три приёма, такую тяжесть, просто не во что положить было. И пропал... Читал, наверное! Я его не видел несколько лет. Затем появился, улитку поставил в забег. Не то мрачный, не то странный... Смотрит вокруг, будто впервые... Его спрашивают: "Как дела?" А он посмотрел так, с выражением, и говорит: "Я счастлив... Что я — полудроид!" С выражением сказал, больше к нему не приставали! Он столько забегов проиграл тогда, и улетел настолько счастливым! Кусики, я никогда не видел такого счастливого человека. Он консультирует иногда на Южном. Обитает в тех рядах, где есть что выпить и во что поиграть. По эпохам консультирует... В перерывах между гонками. За соломинку с Впечатлением, за кулёк монпасье, за так... Ни секунды не меркантильный. Но учтите, к нему... — куда лучше прийти с сотней глупых вопросов и пустыми руками, чем принести Пурпурный Лал, завёрнутый в книжную страницу! Хотите, отправлю к нему с вопросом?..

Все шестнадцать переглянулись, хотим... Не зря, стоит того знакомство. Кое-кому из них суждена встреча, если поторопятся. Большой оригинал, Бутон-биг-Надира старый друг. И должник, да-да...

Обратно к выходу, немного блуждая без провожатого, задумываясь на перекрёстках, Густав шёл погружённый в праздные мысли. Посторонний момент, зацепивший его. Охотнику нормально цепляться за нюансы. Пригодиться может всё, что угодно. Совпадение символов, предложенных для марблс, с теми, что недавно видел на наутилусах у Буро, не давало ему покоя.

Пустяк, но верно подмеченный. Биг-Буро не афишировал это знакомство. Давнишнее и важное для него. Как бы ни был силён и чуток он, неморское чудовище, изгнанник без Чёрного Дракона, а в его случае и без белого, крайне незащищён. Что на суше, что в море. Оружие, хобби Карата интересовало Буро, и сам легендарный борец Биг-Фазан, нанимаемый порой. Не для себя, но для тех, кого желал защитить. Иногда — напротив... Буро щедро спонсировал технаря и дорого платил за новинки.

Недалеко от сквозного шатра, выхода на Пароль Густав закрутился. Обходя одну площадку. Ища выхода с неё в нужном направлении. Уже радовался, что насмешливого, всезапрещающего Суприори нет рядом, намереваясь перепрыгнуть с дорожки на дорожку, как нельзя, но артефакт привлёк его внимание. Совсем не похоже на металлическую коробку! На связку ушастых голов похоже! А виртуальная панель точно такая же парит. И спектр-квадрат переливается на ней.

Удивительный рынок Техно! Возле Пароля толчётся больше народа... Внезапно к нему подскочила коротко стриженая светлоглазая девушка. И сходу:

— Ты это ты?! Они плохо объяснили мне, искала тебя. Завтра рассчитаемся!.. О, здоровская вещь!.. Не здесь... Хочешь взглянуть вначале? Половину получишь там: от Рулетки на юг будет облак, рама — амёбой, визитёр. Возле, давай? Ты забери отсюда, и закончим на твоей раме, давай? Я не хочу, чтоб видели, кто с Техно унёс, мне житья не будет!

Чёрные волосы коротки, но не так стригутся местные. Глаза светлые в обводке, брови сошлись ещё круче. Заинтересованности не скрывая, девушка проговорила, быстро, страстно:

— Половину сразу, в задаток!.. Можешь хоть через соломинку, хоть так! Убедись! Я бы врала, сказав, что — их, не их Впечатления! Те, на которые опирались — они! О!.. Скажи, не мало? В игровой ряд зайдя, видеть всю требуху, всю начинку!.. Знать, от какого какой победный ход отсчитать. По малюсенькой примете!

Она тревожно оглядывалась, переспросила:

— Место запомнил?.. На юг, в полдень где-то!.. До завтра!

Накинула капюшон на голову, закуталась и пропала в шатре.

Речь шла о коллекции, о которой можно только мечтать, и которая считалась утраченной. Игрового ряда старейшины собирали свои "азартные автоматы" на основе этих Впечатлений. Мечта игрока. Путь не столько к личному обогащению, сколько к власти. Информацией такого рода, интереснее шантажировать и торговать. Заполучить половину её так, вдруг? Его приняли на Техно за хозяина какой-то редкой штуки?.. Вот этой?.. Кто угодно потерял бы голову.

Густав провёл по лицу, собрал, скомкал улыбку рукой. Одобрительную улыбку. "Неплохо... Я для вас, милые, чёртовы мстительные галло, три громадных тента отгрохал, в гости ждал, а вы меня на Техно выуживаете?.. Галло! Как повторяет Олив. Охотница гут, гут... Очень. Я бы сказал элегантно... Они держат меня за игрока?.. На юг от Рулетки? Не обещаю, что сам приду..."

Длинные косы Карата, лежащие на могучих плечах, под лёгкой усмешкой, проплыли мимо... Всей сцены он был свидетелем. А надо сказать, Густав охотника в этом технаре распознал сразу и взаимно. По нейтральности повадки... При обращенье ко всем, избыточной... Приторности, для обычного человека лишней... По манере, и на одном месте находясь, чуть-чуть оборачиваться. Триста шестьдесят градусов всё время его. А это уже манера "гуляющего", выходящего поразвлечься охотника. В небе, в толпе. Сам такой. Притворяться друг перед другом им не имело смысла.

Широкая чёрная коса змеилась по мощной спине и удалялась, когда Карат вдруг развернулся, круглые щёки поднялись до щёлочек глаз, и бросил:

— Можно, кусик, я выберу завтра, кто разыграет твой марблс, кому шанс удвоить?

— Ещё чего, — хмыкнул Густав.

— Некоторые, золотоволосые изгнанницы ходят сюда с телохранителем... А некоторые — с сюрхантерами. На Техно... Чудеса...

— Мне послышалось множественное число?

— Послышалось?..

— Ты знаешь её?

— Не наша. Видел, что не одна.

Густав кивнул, и они разошлись по разным тропинкам.

Глава 93

Глава 93.

По здравом размышлении, Густав решил и Маричку на юг от Рулетки к провокаторам не отправлять. Что даёте разведка боем? Какая заноза его пирамидка для Гала-Галло он понимал, и насколько там, в небе массированной, хорошо подготовленной, недроидской будет охота. Рынок интриганов и трусов изо всех сил постарается захлопнуть дверь в укрытие, которую держит, щель дверную, ногой. Подставка должна растаять, дверь должна захлопнуться.

Но Хан-Марик вызвался сам. Выслушав обстоятельства, драконьим хрюканьем перебивая... "Несерьёзный ты, Маричка!.. Не слышишь меня".

Ха, в той же несерьёзности и Олив Густава упрекал, когда речь шла о галло. Марик — гонщик. А каждый, и самый робкий из них, Трассы избегающий, высоко лавирующий над волнами, чтоб и брызги не попали на драконье брюхо, сохраняет где-то в глубине естества, не полудроидского, не человеческого даже, звериного гонку — как инстинкт. Память о том, что это не игра, не когда договорились, а когда в бег вкладывается абсолютно всё... Когда там, за финишной лентой, норы, вольной воли, прыжка на загривок добычи, там либо будущее, либо нет... Не каждый решится, но кто не хочет — так — погонятся?!

"Гут, Маричка. Гут, галло... Поддержим тогда диалог в вашем ключе. Но не забывайте, что званы вы в гости с ответным визитом. Я к вам не напрашивался... Но в гости теперь — жду. Изобразим меня, раз так, на юг от Рулетки... Вряд ли они вообще приблизятся на расстояние, когда различимо лицо. Если не увернётся, догонят, узнают, — и ладно. Зачем галло его смерть? В плен Марика трудно взять, логичней передать через него следующее враньё".

Хан-Марик полетел отчищенный от золота, подстриженный, без ножного браслета, у Густава в жилом шатре припрятал... "Тот же самый? Не сгрыз до сих пор?.. А вроде золото". Хан-Марик, который уж много лет не из числа бедняков Южного Рынка, с таким подозрением обернулся на выходе из шатра, на браслет, подушками засыпанный и на него, что Густав рассмеялся:

— Сохраню, клянусь! Ну, может, отгрызу бубенчик... Жадничаешь?

— Приятного аппетита... Замок оставь, — буркнул Марик. — Надёжный. Я с одного на другой переставляю.

Вот и секрет раскрылся!

Фыркнул и на разведку ушёл.

Сам же Густав провёл этот день в игровом шатре напротив, наблюдая бой-кобры, а точнее публику, наблюдающую его.

Позеленело-бронзовый помост был к этому времени окружён пространством шириной в наиболее значимое на рынках расстояние, два шага, холодным ковром... Инкрустацией. На него зрители не садились и не наступали. Его касались только стопы двух борцов на входе и одного на выходе с... Россыпь синтетических камней, красных, разумеется. Винных по тону, по форме гранаты, зёрна гранатов. Забавно, как народ самоорганизуется, обрастает традициями, правилами, суевериями... Густав хотел просто украсить. Что нельзя наступать, садиться, это всё они сами уже придумали!

Купол закрытого шатра имел потолок. Отражающий. Тонированный в зелень. Идеально ровный, он имел некоторые области увеличивающие отражённое. Их амальгама светилась обостряющей зрение желтизной. Линзы плавали, мигрировали... Вход в шатёр имеет цену,

получайте за неё удовольствие!

Валяясь на коврах и подушках, на пирамидку не глядя, в бутылочной зелени потолка можно день напролёт смотреть, как свиваются тела борцов, белые, смуглые, татуированные до черноты... В безнадёжном клинче, в не проведённом до конца захвате... Рывками пытаясь выйти из него... Повторить... Вдохнуть один раз, освободившись на миг... В пространстве условном, сузившемся до тесноты... В начальном азарте, в смертельной усталости... В предсмертном раскаянье, запоздалом... Когда зелёная бутылочная глубина отражает пылающий, замедляющийся Огненный Круг, и кожа подсвечена изнутри... Линза плывёт и отражает губы, шепчущие что-то...

На этот случай после первых же боёв в постамент Густав заказал, — у Марика отнял и вмонтировать заказал, — шатру ненавязчивую музыку. Глушилка — для пирамидки, перебор металлических струн для тех, кто снаружи... То ли есть мелодия, то ли, начавшись, продолжаться не хочет, пропадает... Зрителям она не мешала, и губы шептали безмолвно. А может, кричали безмолвно, кто знает... У сошедшего с постамента не спросят.

Взойдут новые, свежие по гранатовому ковру. Обменяться короткими дюймовыми ударами, пока возможно и силы есть. Оглушив, если очень повезёт. Попавшись под локоть... Поймав... Сжимая... Выскальзывая... Малодушно отпрянув. Взаимно. Ища передышки и более удачного входа в захват... Живой картиной в бутылочной зелени, сплетение мышц, тел перенапряжённых... Мигрирует в зеркале жёлто-зелёная линза, и мелькают вместо скульптурных мышц сжатые губы, капельки пота на лбу, на плече... И снова картина в целом... Зритель лениво тянет руку, сосед вытаскивает из широкого рукава бутылочку, не забыв первым приложиться... Что они пили? Это их дело. Густав не любопытствовал. Хан-Марик единственный, из чьих рук взял бы коктейль, учёный уже, после Файф...

Ковры у него в шатре, как медные шкуры на вид. Мохнатые. Бесподобно мягкие. Подушки зелёные. Лал Пурпурный в бронзовой короне... Бронзовый, зеленоватый постамент, смуглые тела... Красота. Тихие разговоры.

Рывок на пирамидке... Оба смуглые. У одного заломлена рука. Так он не вырвется, но и не задохнётся... У второго свободна одна... Болевой... Измором... Зрители лениво переговаривались, глядя в огромное зеркало потолка. И если там вдруг встречались взглядом с одним из борцов, то отводили глаза. Усталым борцом. Хорошим борцом. Бой четвёртый, решающий. Против него был Шаман, так что перспективы ясны...

Густав выходил проведать свой "аквариум" по соседству и, вернувшись, присел скромненько, как не хозяин, у входа. Отменный ковёр... Сам выбирал. Сам перекрасить просил. Медь — в честь его ярь-медянки... Ветрено снаружи, с рыночного ряда летит пыль, а длинный ворс блистает чистым красным металлом и ногами ничуть не примят. "Всем грабежам грабёж, Гутка... Славно оказывается как, быть богатым! И отомщённым — неплохо. Правда, галло? Да откуда вам знать!.."

Больше народа, чем в прошлые дни. Обожали Шамана, пришли ради него. Интересно наблюдать...

Те, что по случаю, из любопытства решились заплатить за дорогое зрелище жестокой игры, они так небрежно держаться. Разговоры погромче, и о посторонних вещах. О Лале призовом, о Лалах вообще... Часто тягают соломки, бесплатно выставленное угощение. Если и обсуждают схватку, те, глянув искоса, те вообще смотрят лишь потолок...

Кто тут ошивается с правого, те ровно сидят. Группами, шёпот пробегает среди всех групп одновременно, когда на пирамидке и в самом деле что-то произошло. Кто ради Шамана, сидят

поближе.

Всю жизнь проведшие в борцовских рядах, под конец карьеры редко практикующие бойцы, занимающиеся подопечными, богатеющие с них, те по стенкам сидят. Они тут — на филиале правого крыла. Не покидают его и во сне, наверное. Молчаливые. Пьют? Кажется, да... Но только принесённое с собой. И ничего, ровно ничего не выражают их лица.

С левого крыла борцов не было.

"Какие отрешённые лица... Неподвижные... День-деньской, так можно устать не хуже двоих на пирамидке. И не скажешь из публики, кто смотрит сначала, которые только пришли... Ни одного знакомца, не знаю их вообще... Оп-паньки?.."

Тяжёлая, тёмная коса в четыре пряди между лопаток лежащая на широкой спине колыхнулась ожившей отододи. Зритель обернулся... "Мы умеем читать мысли? Приборчик имеется какой?.." И Густав кивнул Карату. Биг-Фазан не мог пройти мимо подобного новшества Южного Рынка. Идеей и антуражем, оригинальной формой для старых злых поединков Густав ему угодил. За полуулыбкой, не сходящей в сумраке с лица, за прищуром теплилась мысль, что поучаствовать он бы не прочь...

А Густав, между прочим, буквально сегодня утром, после того, как отправил Марика и перед тем, как к игровым шатрам пыльный ряд перейти, выслушал много интересного от Господина Сомы... Разговорил, умаслил... Выпытал у него историю Биг-Фазана, забытого к настоящему времени, свирепого разбоя. Впечатлился. "Сюрприз тебе будет, Шаман! Так мы с тобой и сочтёмся. За службу..."

Карат кивнув, продолжил смотреть. Сложно сказать, что привлекало его больше, жажда вспомнить прошлое или заполучить Пурпурный Лал. Технарь и борец, приза такой ценности не помнил на своём веку.

На пирамидке, сузившей условное пространство до предела, Шаман смуглый, блестящий от пота и масла растёртого с обисдиановой крошкой, чёрными блёстками, уже без залома руки, сжимал чуть более светлого парня. Ослабевшего. Долгий болевой приём позволил перехватить. Не коленом к острию, его обычный финал, а просто, как в объятиях. Одинаковый с противником в росте и массе. Равные. И всё-таки Шаман выглядел машиной, а парень нет. Предплечьями он упирался в горло Шаману, в мощную бычью шею, слишком слабый даже так оттолкнуть. Подсвеченный из-под кожи, пока равномерно, но уже очевидно, огоньками дроидов. Развязка близка.

Карат тем временем как-то совершенно неуловимо исчез из поля зрения, и возник подле Густава. Щёки крупного овального лица поднялись, отчёркнутые улыбкой, щёлочки глаз сузились полумесяцами приторно и тепло.

— Дроиды всех Туманных Морей!.. — проговорил он, присаживаясь к Густаву. — Что я слышал, что я вижу, курсик, господин!.. Твой шатёр, твой приз?.. Твоя идея? Поздравляю, достойная восхищения простота. А не познакомиться ли нам поближе?

И они представились.

— Лал такой пурпурный... — сказал Карат мечтательно.

Густав рассмеялся:

— А бой такой увлекательный?..

— Да, почти равный!..

— Был...

Карат обернулся:

— Был.

— А как тебе победитель?

— Очень, даже очень!.. Мне.

— А вот мне он начал надоедать.

— Правда? И скоро ли окончательно надоест?

— Я дам тебе знать.

Теперь Карат негромко рассмеялся и повторил, глядя на зеленоватые, бронзовые зубцы короны, на центральный, держащий приз:

— Ах, какой пурпурный!..

— Биг-Фазан, — тихо сказал Густав, наклоняясь к нему, чтобы не афишировать прежнее имя, — не более пурпурный, чем те десять, что остаются у меня... Имей я один Лал и десять жизней, ты мог бы усомниться, что получишь его.

Карат уважительно покосился и спросил вдруг:

— Правда ли, Густав, что ты чистый хозяин и тебе несколько столетий?

Густав пожал плечами:

— Маленькая стычка? Дракона предъявить?

— Уже к вечеру дело... Пойдём разыгрывать марблс?

— Да! У вас на Техно здорово, правда. Я прежде не бывал, как-то не заносило... Я дождусь человечка и приду. Не успею, так завтра. Эх, плакал мой марбс!

— Тогда экскурсию?

— Буду признателен!

— Суприори утомителен, да?

— Остроумен.

— Не в меру.

— Острословен...

— До встречи, Густав.

Пирамидка таяла. Парень лежал одним коленом прижатый к острию. По смуглым, мускулистым плечам, по груди Шамана скользил свет от чужих огоньков дроидов. Тускнел, вспыхивал. Отражался на неподвижном лице победителя, львином, хмуром. Он тоже устал. Руки соперника не отталкивали колена, а обвивали его. Пока не стекли, не упали. Шаман встал, перешагнул через. Покачнувшись, сошёл с помоста. И белый дроид на чёрном троне забрал Огненный Круг.

Хан-Марик вернулся цел и невредим, Густав был рад! Принёс тугой свиток письма, пахнущий сыростью стриженого парка, и рассказ о погоне, угаданной Густавом вплоть до деталей. Никогда он не видел Марика таким ошалевшим... Качаясь зашёл, впал за полог, как на Мелоди порой начинают соревновательные танцы: то ли падают, то ли приплясывают, то ли в шутку нападают... Мог быть собой доволен, и прошедшим днём! Гонками пресытился на время.

Раскинув руки и ноги он рухнул в жилом шатре на песочной, шафранной желтизне пола, ту мимозу имитировало покрытие, но без дивного запаха её. Шарики мягкие, тёплые, тяжёлые при этом. Закрыл глаза и распахнул вдруг... Вспомнил! На спине, извиваясь дополз к подушкам, пошарил и, выудив оттуда, защёлкнул браслет на щиколотке. После чего уже пальцем шевельнуть не возжелал.

— Уфф... Есть попить чего?

— Под тучки не залетали?

— Да как-то нет...

Густав подошёл к резервуару, вращающемуся барабану, закреплённому на стене. Для разных вод. Должны стоять вертикальные перегородки и кранчики в каждом отделении, но их не было. Снял бокал с круга наверху, самый высокий и наполнил, всё вокруг и себя забрызгав,

до предела отвинтив кран. Соломинку длинную, гибкую опустил и любезно преподнёс.

— Ммм... — Хан-Марик приподнялся на локте. — Микс из цельных? У кого скупал?

— Я?.. Мне покупали. Твои, за новинками следящие... Тащили весь день, бой не давали посмотреть. Я сказал: сливайте туда.

— Получилось, ммм... Ритмически...

— И чего там? Нахватался умных слов. Микс!.. Ритмически!..

Густав налил себе в обычную стопку складную, чуть больше напёрстка. Опрокинул, взглянуть, и согласился... Да, ритмически... Наверное, из-за того, что Господина Сому расспрашивая, долго баловался, крутил барабан, оно так и перемешалось.

В основном там были нерафинированные, но короткие Впечатления пейзажей. Подробные в краткости, отчётливые. Огромная городская панорама сменялась вдруг двориком, под-за овальным чердачным окошком, курица рыжая, лопухи... Впечатление, не успев пропасть, затмевалось манящей, холмистой перспективой в дымке, всадник удаляется петляющей тропой... Раз — и сочная, широколапая, тропическая зелень, резкие обезьяньи крики... Микс.

— Ну, хвастайся, сколькие поймали тебя за хвост?

Марик хрюкнул, бессознательно скопировав Белого Дракона, не раз и не два отбивавшегося сегодня лапами и хвостом от драконов преследователей:

— Сколькие, сколькие... Нисколькие! Налей ещё.

Мадлен не поскупилась и на эту охоту. В общем, как Густав и предполагал, "совершенно случайно" в небе, в указанную сторону от Рулетки, именно в означенный день оказалась затеяна многолюдная игра. В мячик!.. Но почему-то разом прекратилась, как только "совершенно случайный" человек заметил Хан-Марика с рамы Рулетки. И превратилась в жёсткую, стремительную, недроидскую охоту. Пирамидка, горящая тихим, голубоватым светом в центре Гала-Галло сожгла последние их представления о благородстве, о приличиях.

Что до письма, предала его Хан-Марику, узнанному и окончательно оторвавшемуся от погони, одиноко кружившая над материком ввиду рамы Южного, светловолосая изящная девушка. Белый Дракон, что ни взмах — кувыркается, скучает на одном месте, грива мелкими косичками, долго ждала, успела заплести. Знала, что не Густава ждёт? Иначе тут караулила бы не она одна, а цепь крепких, вооружённый парней... Но обратилась, как к Густаву. Заметив всадника, девушка резко набрала высоту, бросила тугой свиток письма и крикнула:

— Гала-Галло не обязан расплачиваться за выходки Мадлен! Она нужна тебе? Мы отдадим!.. Не преследуй нас, не впускай к нам врага! Охотник, приди и займи её место!

Ровно тоже Густав прочёл и в письме. "Забирай Мадлен! Отдай нам того, кто стоит за тобой! Платим втройне! Тайнами, не пурпурными камешками! Это власть... Местом для жизни! Это покой... На годы, на тысячелетия... Мы ждём тебя, галло!.."

Мраморная бумага с разводами, с имитацией трещин. Каллиграфия... Она и оригами — две приметы облачного рынка. Олив-галло так же пишет, заглавная буква на треть листа, прочие буковки — бисер. Выразительный почерк, притом, стремительный, с наклоном... Как и голос, и крик её, не сорвавшийся, бархатный, зовущий. Голос охотницы галло, певицы вайолет, с тающими, шоколадными глазами... Когда надо, таяли озёра подо льдом. А застывали непроизвольно. Удивительная, не зря отдельным пунктом Биг-Буро помнил про них: порывистой Чести и убаюкивающей Лести... Восхищали его. Вызов — и сладкая лесть. Охотницы. От того и другого человеку трудно отвернуться.

Густаву оставалось только гадать, кем и когда сочинена заготовка. Сколько правды в ней, а сколько паутины лжи, начатой как запасной вариант. Гадать от нечего делать. Не влияет.

Можно сказать, что Густав бесчестен, абсолютно бесчестен, но некоторые базовые правила лежат в основе как добродетельного, так и недобродетельного успеха. И так уж получается, что они с моральными принципами близки. А возможно, что и нераздельны... Ключевое правило охотников, венец охотника-комодо Густав не забывал блюсти, с головы не ронял. И не собирался потерять с головой вместе.

Узкий, зубчатый, как пила, он когда-то существовал артефактом, венец признанного комодо. Открыто носили его в древности на Центральном Рынке... Своего рода вызов. Стиль бы Чести по вкусу пришёлся, открытый. Увеличил, а не уменьшил число её удачных охот! И сам венец, как камень соколиный глаз, во мраке опалесцирующий, пошёл к чёрным волосам... Густав не надел бы и в шутку!.. Но принцип, да, носил не снимая. Принцип вот...

В деле заказчиков он не менял. Он мог продать друга, — если б заимел его! — но не заказчика. Галло промахнулись, плохо подумали о нём.

На письмо можно ответить... Ловушкой на ловушку. Бросить в Гала-Галло, с дракона не сходя. Но Густав понимал, насколько весомей, безмолвно качающееся там на острие, "жду в гости". И соответственно, насколько весомей его молчание. Тяжелее в каждый последующий день истекающего сезона... Он решил проигнорировать, промолчать.

Однако кое-чем Мадлен должна быть довольна. Косвенным. Непредвиденным.

Не искушающий текст письма, не изысканность бумаги и почерка, иное попало в цель. Сыроватый от влажного воздуха Гала-Галло свиток за время ожидания, — а Лести и писала над морем, поняв, что не сработала их ловушка, — впитал морскую сырость и горьковатую морскую соль. Густав вдохнул её, раскручивая... И ещё вдохнул, позволяя упруго скрутиться обратно...

Смутное беспокойство, преследовавшее его до плена, заслонённое более насущной проблемой, после — освобождением, очарованием Рынка Техно, богатством, вельможным статусом, новым для него, вернулось. В солёном, бумажном, сыром запахе достигло сознания. Он счёл его остаточной болью жажды. Фантомные боли... Нет.

Горькая сухость в горле. По поводу и без, сто раз на дню вспоминаются Горькие Холмы. Письмо свернулось, и он вдруг понял: это — жажда. Элементарную вещь понял, это жажда, и она не проходит. Микс, восхитивший Хан-Марика, не утолил её, усилил! Горький аромат морской... Ему хочется морской воды... И не первый день, дроиды! Именно её...

Прежде были цветочки. Начали созревать ягодки Гарольда. Плоды секундного прикосновения к корню проклятого Впечатления. Ради проклятой колоды... Чарито, ты знала! И это ты знала, дроиды! А что ты предвидела ещё?!

В ожидании атаки на него, которая принесёт первую удачу или позволит сделать ответный выпад, Густав проводил дни, как самый аккуратный из боязливых торговцев Южного. Не удалялся от своих шатров. Шатался между тремя, изредка — вдоль по ряду.

Галло не были столь наивны, чтобы назначить встречу, прося ответа. В переданном Лести письме указано местоположение пирамидки, держащей артефакт с согласием на что угодно, который освободит место для ответного письма. Ловушки не затеяно, ясно, ответит с посыльным.

До неё Густав дошёл, чтоб с удовольствием проигнорировать!.. А после всё случилось… Что в горле стояло… Та ночь подкосила его.

Ночь, которой не помнил. Если б не Марик, не вспомнил бы и утра, ничего бы уже не вспомнил.

Что за буря разыгралась? Такая, что в рост стоишь на берегу, и волны заслоняют небо. Сила бушующих волн оградила побережье от теней, стихия неистовствовала. Да он не стоял. Валялся, не видел их.

Как очутился там? Хотел бы он знать! Всё, что помнил…

Засыпая, хотел пить, но не хотел просыпаться. Жажда перешла в сон о Гала-Галло, о плене, жарких Лалах на груди, скрипе и щелчках отододи… Но затем кошмар свернул в сторону. Вместе с жаждой.

Хотелось солёной и острой, кусачей морской воды. Хотелось очень. Как амфибии, всей кожей. Густав видел себя на морском берегу. На мысе континента, где буря разметала туман дроидов, где волны набегают от горизонта, одна за одной встают, изогнувшись, замерев на взлёте. Угрожающие, занесённые кулаком. В разорванных пенных венцах… Застывают… — и рушатся. На него. Через него. С ног не сбивая. Наверное, он — скала. Откатиться не успевает волна, как следующая рушится с грохотом. Всё грохочет, всё оглушительно шипит.

Так стоит под ударами их. А губы сухие. Уголь — вот насколько сухие. Уголь потрескавшийся.

Густав снился себе чёрным в перевёрнутом мире. Чёрные волны видны оттого, что сиянием обведены по контуру. Пеной… А внутри у него вместо Огненного Круга — провал. Бешено вращающийся в обратную сторону. В короне языков холодом обжигающего огня, перевёрнутого огня.

Губы сухие. Море бьёт его. Вот уже сбивает… Отбрасывает. Пытается утащить…

Изо всех сил он ползёт прочь. Изо всех сил старается не раскрыть этих сухих губ, не сделать глотка. Воды не глотнуть, которой так желает. Это представлялось во сне чем-то самым важным, смертельно важным.

Губы угольные, сожжённые, сухие до белых трещин. Пепел, прах. Это провал в груди выжег их. Изнутри. И дальше выжигает…

Тут сон углубился ещё. До всплывающих Впечатлений. Невинных, но имеющих привкус тревоги. Их два. Они кружатся, сменяясь.

Линза, технари, преломление света… Радуга и горячая точка… Они её двигают по песку… Схема, вспыхивающая под точкой…

Второе: никого, мерцает глаз машины… Робот в ангаре, трубы заиндевели… Стойки хранилища… Робот последовательным мерцанием глаза проверяет их, пустые… Без пропуска, без остановки…

Впечатления кружат. Их задевает и жжёт корона холодного пламени… Они так… Так… Противоположны! Их так тянет одно к другому, затягивает в провал! Они топливом упадут в это… Рухнут в него… Там, где пустая тьма вращается в противоположную сторону… Мчит с такой скоростью, что выбрасывает корону пламени. И они вспыхнут соломой, сжигаемой после Соломенного Дня! Вспыхнут, спалят… Не только губы, всего спалят, до угля, до пепла, до праха… Залить!

Жажда морской воды стала непереносимой.

Там, во сне Густав распахнул глаза, желая видеть волну, идущую на него, которую выпьет до дна, заглотит с пеной вместе, со взметённым песком, потому что — невыносимо…

И в распахнутые глаза бросился постоянный кошмар, ждавший его, не разлучавшийся с ним! Он узнал, он стоял на побережье Гарольда! На тех самых камнях! Полз по ним, цеплялся за них… И обернулся.

Сейчас… Снова… Горой из воды… Вздыбленной шкурой… С рёвом… Разинутой пастью… Бивнями целясь под горло… Подденет, вскинет и…

На этот раз — не сбежать…

Грохотало море… Грохот и крик. Вопль… И на сей раз это был его крик…

Тёмные губы Хан-Марика повторяли сначала беззвучно, затем добавился звук:

— Гус… Гус, ты чего здесь?.. Гус, зачем ты, как?.. Густав, Густав, Густав…

Он валялся в призрачном раннем свете. Море бурно, но не настолько, подутихло к утру. Мокрый. Губы сухие. Марик бледен. Ладони горячие, как Лалы. За плечи трясёт.

— Оставь… — дёрнулся Густав. — Жарко…

— Жарко?!

— Я проклят, Хан, проклят. Уйди.

— Гус, я искал тебя! Как ты вышел?! Через мир?.. Зачем?!

— Марик… Когда-то я дал тебе морской воды. Дай и ты мне попить…

Бормотание его больше походило на бред. И продолжалось без ответа. Пока, перекинув через плечо, Хан-Марик взлетал на Белом Драконе, мчался под тучами, нёс его через безлюдный, утренний рынок.

О, эгоизм любящих! День полубеспамятства, за плотно задёрнутым пологом, пока растирал его порошком жёлтых сухих цветков Архи Сада… Осыпал шариками фантазийной мимозы… Отпаивал, как, скрепя сердце, посоветовал Буро, то горячим, то холодным… То выпаивал густую, пряную оливку… День бессилья для Густава стал лучшим для Марика: тишина, задёрнутый полог, Густав тихий, покорный, укутанный… Его лоб уже не горящий, а тёплый под тёплыми Марика губами… И никого…

Лечение помогло, вода Гарольда на время отступила.

Глава 94

Глава 94.

Романтичные, обращённые в будущее, плохо обоснованные, но горячо отстаиваемые убеждения Мурены о том, что Великое Море Свободных Впечатлений станет однажды колыбелью принципиально новых форм жизни, как мировой океан когда-то дал начало жизни вообще, свидетельствовали в пользу её интуиции. И здравого смысла. За одной поправкой... Это будущее уже наступило!

Оно выглядело не так. Не так вело себя. Не обладало пленительной чуждостью и наисвежайшей чистотой новизны, каковых вечно ожидают от иных просторов заскучавшие дома люди. Также оно не возникло без опоры на прошлое, способом невозможным ни для каких вещей и явлений. Новые формы жизни были вполне узнаваемы и однозначно враждебны. Не без исключений! Бывали дружественны и обворожительны!.. Если о существовании Беспятого Дзонга Ача Мурена не подозревала, то иного рода пример, Ухаха каждый день маячил перед глазами! Да и тени, что как не новая форма жизни, вообще-то? Проблема в том, что пока не заговорят на одном языке, существа хоть в чём-то равными друг друга не признают!

Дзонг, Ухаха, кто ещё?.. Разные... Разные и похожие... Новизна их и общность — в принципе поддержания жизни. А именно...

Особым интеллектом и выдержкой не наделённый полудроид, упав в море, деградирует до стадии придонного монстра достаточно быстро. Крупные Связные Впечатления он различает, крупные тени сплавляет из них. Форма тела меняется, получается придонный монстр: Огненный Круг и чёрти-что сверху, поросль щупалец, стрел, ядовитой трясучей слизи...

Но есть и другой вариант...

При нём, Огненный Круг растрачивается, — не всегда возвращается он в белые руки Доминго, — но делает это очень медленно. Если ум остёр и выдержка хороша.

Огненный Круг, этот дроид к поддержанию и регенерации тела почти не имеет отношения. Больше к сознательным действиям, к моменту видимого усвоения выпитой влаги. К испарению лишнего. К сплавлению и испарению некоторых теней. К намеренным действиям. Остывая в Великом Море, растрачиваясь, он может достичь такой стадии, на которой крупную сложную тень уже не сплавить. Попробуй — погибнешь. Заплыви под водопад Чистой Воды забвения, тоже погибнешь. Чудовище Моря уже состоит из присущих теней, более чем наполовину, регенерация не сработает.

Вот тут-то и начинается самое интересное…

Чудовище Моря начинает присущие тени делать очень малые. Шерстинка к шерстинке, чешуйка к чешуйке... Крепкие, нерастворимые, из кратчайших, противостоящих Свободных Впечатлений. Постепенно, постепенно... Последовательно доостывает Огненный Круг...

Снаружи чудовище холодное, долго живущее, как морской факел. Мысли его медленны, скорости ему уже не нужны. Оно крепко, оно нерастворимо. Холодно чешуёй, а внутри? Жизнь суть движение, потоки. А движение — жар. Внутри образовалась новая система "кровеносных сосудов", новой силой наполнено движение огоньков дроидов, мельчайших дроидов по новому телу. Вероятно, очень быстрое. Расщепляющее связные Впечатления. Тени усваивающее! Прекрасно!.. То есть, чудовище весьма жаркое внутри. Горячая, светящаяся пасть Ухаха...

Улыбчивая и целительная для столь многих.

Про рассудок трудно сказать, у кого какой остаётся рассудок... Это и про людей-то невозможно сказать!

Дзонг Ача шерсти и чешуи не делал. Многократно возрождаясь, он воспроизводил свой собственный облик. В нём и остался. Способность распадаться на тени, комбинировать их и собираться из них — преумножил. В совершенстве. После потери друга, ему ничего уже не казалось больно. Не шло в сравнение. Даже наоборот — отвлекало. И ритмы остались... Барабанные ритмы... Он ими, как сказать, думал... Жил ими... Без Огненного Круга. Лицо Коронованного так не увидел на излёте. Не судьба. Лицо Вайолета помнил всегда. С той ночи, на Рынке Веретено, когда место Дарующего-Силы занял иной дроид... Не Коронованный, так сказать... И забыть Дзонг не мог, и обратится не мог к нему. Любовь дроида приносит несчастье.

Способ существования Дозонга имел ярко выраженное, но чисто внешнее, сходство с дроидским. В том, как они распадаются на огоньки, из них собираются, он же — на тени. Суть этих двух процессов, пожалуй, противоположна.

Кажущееся снаружи россыпью огоньков исчезновение, уход дроида — это расширение его орбит. Изменение их траекторий, от круглой-планетарной, до вытянутой-кометной, и до всяких разных, взаимно перепутанных с антагонистами, с тронами, с друзьями их сферы... При этом, они все остаются орбита в орбите. Если внутренние за внешние и выходят, то чуть. И самые внешние всегда остаются в орбите общего поля Юлы.

С точки зрения дроидов люди очень недооценивают взаимо-проникнутость, взаимо-завязанность мира, каждой сферы, обеих сфер. Дроид бы даже сказал, что люди в этом аспекте слепы. И так странно видеть группу людей погружённых каждый в свои мысли... Коварные мыслишки... Дроид тоже может таиться, преследуя свой интерес. Но не слишком успешно! Дроидская сфера во всей красе ощущается им, пребывающим в семействе, пребывающим вне его, в Туманом Море, на турнирной площади... Она, конечно, недоступна его восприятию в той или иной степени, но внимание к её целостности всегда обращено.

Дзонг же состоял из теней, если сравнивать с орбитами, как из маленьких колечек. Они разлетались до значительного, но не беспредельного объёма, собирались. В каждом хранилась, воспроизведённая многократно, память об его человеческом обличье. Центра нет. Собираться в крупные тени или в одно чудовище он мог из человеческой формы. Из любой распадаться на мельтешащие, тёмные галки, на туман их ритмической дрожи. Собираться из них — лишь в человеческую, в Дзонга. Должен был постоянно и регулярно проходить через неё. Через себя. Или в ней оставаться. В себе. Должен был повторять, каждой частицей нового тела поддерживать краткий ритм — память о человеческой форме. Вот для него одна-единственная широкая орбита, единственный объединяющий момент. Особенный ритм.

Очень другой... Дзонг — уникальное явление. Может ли он быть гостем в Собственном Мире? Уничтожит ли его пересечение рамы, как оно уничтожает тень? Он не тень. Он человек, состоящий из них ровно наполовину. Наполовину — из мельчайших дроидов. Человек без Огненного Круга. Одинокий человек эпохи… После высших дроидов?..

Это была Лести, потому что так решила Мадлен. Выбор пал на неё обоснованно. Вне личных симпатий и антипатий. Кому и быть парламентёром капитуляции, как не той, чьё имя — лесть?

Присоединившаяся часть галло отпала сразу. Не войны, а укрытия они искали на облачном рынке, в локальные конфликты не обязаны встревать.

Забавно, если девичья половина к незаурядному охотнику проявила любопытство, то позицию мужской вполне отражал Андре. Сейчас, как и при обретении членства в Гала-Галло. С ходом времени она не менялась: никаких новшеств и новичков, никаких гостей, никаких конфликтов, а если уж к несчастью образовалось что-то из этих неприятностей, то — к чёрту. Обойдитесь без моего голоса, пожалуйста. Кто я такой тут, решения принимать?..

На реплике Мадлен, что проклятого комодо, кажется, стоит включить в полноправные галло… То есть, кто-то должен отправиться передать приглашение, и довести до сведения преимущества, хоть сотую долю их… Побледневший и стаявший, он... За плетенье беседки... За вьюнок... За кубик стриженого куста... Только Андрэ и видели! По мокрой дорожке в обжитой уголок. При чём тут я?.. Разбирайтесь сами!..

Мадлен шипела, но определила бы счёт, как один — один. А хороший комодо для изолированного рынка — сокровище. У них есть личные хищники несколько штук. Пусть будет и личный, гуляющий комодо. Чтобы предать и продать клуб галло нужно найти покупателя богаче самого клуба. Смешно. Он умён. Он молод, а для умных этот короткий промежуток жизни пролетает стремительно. Охотник скоро задумается о будущем. Пресытится лёгкими победами, дурачками земных рынков... Накопит живых врагов, не идеален же он, никто не идеален... Захочет распутывать запутанное или отрезать разом?

Мема выразила желание пойти сразу, первой. Но Густав обосновался в дорогих рядах Южного... Богатые ряды — хитрые старики. Опытные, осторожные. Лицемерные. Терпеливые. Со свитами посыльных, чтобы новости знать, а по рынку опасными рядами самим не гулять... С широкими связями. И хорошей памятью. Особенно про былые времена... Старые, как сами галло. Там ещё могут помнить её. И Дзонга... Призрак Дзона Ача летал над Гала-Галло. Призрак ли, угроза ли... Но общие знакомые тех времён, слушатели вайолет, а было таковых весьма много, самые опасные в свете этого люди. Если жив Беспятый Дзонг Ача? Если чудовище поймало или купило их?!

К тому же, Густав последнее время пропадал на Техно и оттуда приходили к нему. Тамошние крутились постоянно. Нанимал, хозяйство переделывал, украшал. Усовершенствовал. Новые задумки. Жильё, аттракционы. На их Лалы шикует, ворюга. А технарь Мема известна Биг-Фазану. Не с лучшей стороны, ха-ха. У них много общего, Мема была и борцом и охотницей правого крыла. Выжила там, редкий случай. Чистой хозяйкой осталась, вообще парадокс. Недаром она — галло. Но приближаться, зря рисковать не следует.

Кроха отпала по той же причине, примелькавшееся лицо. И охоту с гастролёрами она провела, хватит уже.

Котиничке не предлагала. Не упоминала при ней.

Мысль отправиться на переговоры самой Мадлен не рассматривала всерьёз. Главнокомандующие это такие мародёры, которые к сбору урожая оправляются на фронт. Когда урожай собран и разложен кучками, ровными рядами, это и есть их фронт! Передовая!

И развлечься, поиграть в сюрхатнера лично Мадлен не имела охоты, здраво оценив баланс между своим искусством притворства и скверностью характера. Не выйдет. Комодо еще злится… А уж в Гала-Галло, они найдут общий язык. Тут ей не надо будет притворяться душечкой, миленькой Лиски-намо, у Мадлен полно весомых козырей.

Злится. Но ограбив рынок дважды, охотник довольно себе польстил. Сейчас он на вершине, на взлёте. Не станет сердиться долго. Хватит игрушек, довольно юлить. Они посмотрели на него, и он кое-что новенькое узнает. Про их реальные богатства… Они приглашают его! С честью. Счета к Мадлен — индивидуальном порядке. И за пределами рынка. Таковы правила. Парламентёр направляется на Южный заложником. Он — вещественное доказательство серьёзности их намерений. Обмениваться письмами в пустых шатрах через посыльных можно вечно. Но однажды, как ни крути, придётся встать лицом к лицу. Насколько тяготила галло приписка "ача" в послании Густава, свидетельствовал факт: сезон не кончился, они не презрели назначенного им срока.

Остаются Лести и Чести. Чести отсутствовала на тот момент, и Лести закивала согласно, как листочек под ветром! В надежде, что подруга не успеет вернуться. Не заспорила, вариантов не предложила... Ждала, что этим всё и закончится. Увидев выход, устремилась в него.

У меланхоличной, сладкой Лести была особенность. Она не знала поражений. Промахов. Не довелось. Прямой дорожкой череда побед провела её через бутылочное горлышко, как джина, в замкнутый, безнадёжный, пасмурный Гала-Галло. Горлышком стало бегство от кошмарной атаки Дзонга на Файф. Но зачем вообще джину в бутылку? Затем что не верила в успех. С каждой следующей удачей тревога росла, предчувствие одного, глобального поражения, в цену всех предыдущих триумфов, с процентами, преследовало её.

Силу свою она сознавала. В полной боевой готовности спускалась на континент. И без надежды. Пусть... А светлоглазой гонщице пусть достанутся все победы, Бум пойманный на Трассе и узелок на шнурке... "Конечно, я буду тобой гордиться... Буду, Чести, и даже заранее, прямо теперь, пока я лечу к земле..."

Зная место на сырой траве без ловушек, Лести уединилась там, сосредоточится. Пропеть разминку для вайолет по старой привычке. Почувствовать свой голос. В аут уйти. И выйти, его не теряя.

На раме запрокинула голову, где-то она там, светлоглазая гонщица?.. Белого Дракона сладким, несравненным голосом позвала. Пестрокрылый: перо матовое, перо зеркальное. И направила его резко к земле. Низких облаков не случилось в тот день. На порядочной высоте Морская Звезда предстала перед ней целым очертанием вулкана. Гора с отрогами, уложенная кроме самых мысов в Туманные Моря дроидов. По мере снижения в светлой вате начинали мерцать огоньки.

У рамы на углу осталась стоять Мема, подставляла руки бронзовой, юркой ящерице, глядела отдалявшейся всаднице в спину. Свысока и с досадой. По чему соскучилась сильней: мозаичным дорожкам Техно, читаемым в меру познаний читающего, не имевшим окончательных значений, вечно дописываемая книга?.. Или по охоте, правому крылу Южного, добыче несложной, великолепной внешне… Море красивых тел, густая атмосфера риска,

игравшая на руку ей, особенная?.. Карат Биг-Фазан воплощал обе стороны, оба интереса.

Огромный, мягкий, улыбчивый Карат. Прищур полумесяцами, на щёки лучики... И Мема, мрачная, смуглая от удачных и неудачных экспериментов, от излучений, дроидам как Великое Море неподходящих, всяческих безрассудно используемых полей... Сухая и смуглая, вроде коры дерева. Глаза холодные, как озёра подо льдом.

Оружие — общее их пристрастие. Такого уровня оружие, что уравнивает шансы. И которое дроиды не отберут...

Мема ушла с себя. Бронзовая ящерка в какой-то момент оказалась коромыслом на плечах, носом и хвостом. Руки свело, как вырубило. Загорелись у артефакта глазки. Мема обругала себя, встряхнулась мелкой дрожью раз, ещё раз... Нннеприятно!.. На третий стряхнула её. Схватила за хвост и рывком закинула внутрь Гала-Галло, привязь сорвав. Иди, побегай! Поймай кого-нибудь, охо-хо!.. Андре, ах-кха-кха-ха!.. Весело будет! А если Мадлен, то не будет. То есть, весело, но не всем...

Являясь ловушкой сам по себе, Густав имел чёткие инструкции. В частности при появлении галло: звук барабанов, конкретный, не раз повторённый означает — жди, удерживай рядом, иной — уйди, если ты в ряду, если ты в шатре, улетай... Дальше, охотник, не твои проблемы. Звук барабанов как таковой на Южном Рынке лишнего внимания привлечь не мог, обыкновенный для него звук.

Густав не уходил надолго от нового гнездовья после припадка на берегу. В Собственном Мире ему было душно, в облаках холодно, от встречного ветра неуютно. Словно он весь отсырел и не мог согреться. Летать ниже, значит летать над океаном, век бы не видеть его! Побывал на Мелоди, там чары. Запомнили. Густав не доверял им. Слишком часто красные сапожки без подошв мелькали поблизости. Попасться на потеху всему Мелоди? Петь и плясать на пирамидке?! Хуже, чем похищение с неё!.. Навестил Олива, свирели отдал. Договорился насчёт, посмотреть удвоенное Впечатление. Метод ему обещали. На Техно всё-таки забредал. Делил время между ним и своими аттракционами.

Биг-Фазан, чьё второе имя Густав, едва услышав, счёл производным не от "карата", но от "карать", — а так оно вначале и было, — оказался не то, что близок по духу, но удобен, родственен ему по стилю и юмору. Изображаться не надо... Полезен, да. Технарь полудроид просто не способен быть скупым в отношении знаний! Они разговаривали обо всём, и вопросы у Густава не иссякали, а множились. Полезен и близок... Ну, до предела циничные, временность и шаткость такого положения вещей оба понимали. Но и помимо того, понимали друг друга с полуслова. И это нравилось обоим, реально — сказать половину фразы, половину слова вместо целого. Когда между людьми за короткое время возникает жаргон, понятный лишь им, что это, если не дружба?

А когда Густав узнал, что изобретение именно этого человека было его голубой мечтой и спасло ему жизнь в Гала-Галло, он ощутил даже что-то вроде благодарного почтения. Если коротко охарактеризовать приятелей, Густав был циничен и холоден, Карат — циничен и сентиментален. Тому есть живой пример.

В любимчиках при нём, ассистентом, посыльным бывал, регулярно возникая, юноша имевший малое отношение собственно к Рынку Техно, приходивший и возвращавшийся на

рынок-спутник, Краснобай.

Название ироническое. Оно возникло из-за расхваливаний постоянных, преувеличенных его обитателями своих товаров и умений. Но звучное. Так что мастера не возражали. Они и про себя говорили "бай", мастер, добавив важности! Более уважительно его называли Рынок Мастеров.

Конечно, они себя рекламировали и бахвалились, ведь не в изучении их жизнь, а в реализации, искусстве и продаже. Ручной работы артефакты. Услуги. Стрижка! Бай-парикмахер, бай-сапожник!.. Изготовление, подгонка и настройка инструментов для местных же мастеров. Они считали, и регулярно озвучивали, что в отличие от Техно, "копающегося в ошмётках дроидских", — от которого они, естественно, очень зависели, — на Краснобае у них "всё настоящее". Как издревле... Уникальное... Ну, что касается цен, точно!

Не за тканевыми тентами, а в настоящих, полупрозрачных торговых шатрах. И напоказ, и чтобы удрать живо. Ведь тут же и работали, а за работой не будешь каждую минуту озираться. Процесс часто и сам имел зрителей. Тех, кому нравилось наблюдать. Удивляться. Учиться. И тех, кто желал видеть, что на самом деле руками, не в облачном мире их вещица была создана. Входной рамы Краснобай не имел, участок земли. Бутон-биг-Надира любимый рынок.

Юноша-бай, о ком речь, был резчиком с него. Рынок Техно предоставлял Краснобаю материалы, традиционные, правильной структуры, ручной инструмент, простую механику, и перебежчиков, вроде него. С благословения Карата.

Юношу звали Перл. Изгнанник. Пещерной группы он не знал, Архи Сада тоже. Бродяжка. Когда шок прошёл, а понимание необратимости утраты наступило окончательно, спустился на континент и попал на Техно, в стайку курсиков Карата. Попал — и не попал.

Они, остальные были старше, даже самые юные из них. Они пожили, рынки повидали, насмотрелись разного и наслушались. И надёжная рама Собственного Мира, испорченного, нормального, хищников и чистых хозяев, их всегда ждала. Они преследовали конкретные цели. Верней, знали какие, даже если цель — общая эрудиция в Техно. А он... Он искал дом. Звуки голосов вместо манков дроидов. Слушал всё, ни во что не вникал. Рынок вместо эскиза. Учитель вместо дроида. Который всегда на месте. Всегда откликается. Как дроид, откликается на самый глупый запрос. Чьи щёлочки улыбчивых глаз успокоительны кажущимся всепониманием... Разве трудно домыслить его себе?..

Короче, от статуса Восходящего на шаг всего удалившийся, юный изгнанник, и так-то не гений точных наук, оказался самым бездарным курсиком, неопределившимся, рассеянным, ни к чему не годным. Что Карат и изложил в собрании других мастодонтов Техно. Без колебаний, в выражениях не стесняясь, со страшной для подслушивающего прямотой... Оказывается, потеря мира, это не так уж и больно.

На Техно как раз заканчивали общую разработку, вычисления распределённые среди многих людей завершены. Время подтвердить экспериментально. Ничего особенного на посторонний взгляд, новое аморфное вещество... Мастодонты запросили у Карата человека, расходник нужен. Расходник стоял рядом, у шатра за стеной, но птичка Фавор кружила над ним. Раннее утро на рынке. Идти ему некуда, оттого и подслушал. Местные не опасались в такое время погромче говорить.

Фавор он не слышал. Но стучащий, сбивающийся Огненный Круг. Как вторая утрата, хуже. Изгнанник и снова изгнанник. Перл ощутил не страх, а огромную, оглушительную обиду. От справедливой, заслуженной оценки. Просто, он думал, что это не главное...

Он не воспользовался шансом сбежать.

В назначенное время у модулятора Перл сидел в кругу остальных. Читали площадку, бродили кругами до полудня. Учитель бубнил и время от времени бросал вопрос. Артефакт накладывал на мозаику голограммы, Карат комментировал пересечения. Всё ещё читать учились. Короткая, завершающая лекция. День сами бродите, кусики. Перл усмехнулся, когда Карат присаживаясь к ним занял дорожку, блокируя выход. Припомнил обходную... Через пирамидки настоящие, торговые, ага, Биг-Фазана и не только.

Если кто с Белого Дракона свалится в Горький Залив у тех самых холмов, возможно, но не факт, что у него в горле будет также горько. За полдень, когда все разошлись, он ещё сидел, смотрел на плитку... Ни о чём, ни о чём эти кусочки и ящерки не говорили!.. И Карат сидел, как огромное, кряжистое дерево. Этот огромный, умный человек никогда не лгал ему, и даже при нём, в подслушенном, увы. Как извернётся сейчас, как начнёт фальшивить? Желая предупредить, избавить, его от вранья, а себя от зрелища, на которое не знал, как будет смотреть, Перл подошёл и сказал:

— Карат, господин, спору нет. Я худший из них, бездарный. Ты был мне вторым дроидом. Мне некуда и незачем бежать. Видимо, утрата эскиза, как бы намёк — лучше изгнаннику бросится Великое Море и уже не выныривать. В жизни ему отказано. Так что, вот...

Густав не дослушал бы, да что, он не позволил себе попасть под такой монолог. А Карат не сразу уловил, что за дела вообще. Побыть ему тупицей, редкая возможность. Услышал, дошло. "Изгнанник?.." Он не знал, что Перл изгнанник. Да и вообще, эта немногочисленная категория людей для него на глубокой периферии. Зверушки какие-то нищие, недолговечные. Кто они, что они, чем живут... "Изгнанник?.. Несчастное создание".

Карат ответил произволом человека на произвол судьбы. Так — он не хотел. Минус на минус дали плюс. "Перебьётесь ребята. Сегодня вы в пролёте, а на днях я другого вам с Южного приведу".

Щёлочками сошлись глаза, прежним, неизменным выражением, лучики побежали на приподнятые щёки, Карат встал:

— Пошли.

Не уточнил и куда. А пошли они на Краснобай. Где изгнанник получил место для пирамидки. Тент просторный, жилой, от теней защищённый. Бежать ему, и правда, некуда, лучше за тентом, уютней. Инструмент. Сразу — местного наставника. И сердечные слова:

— Ты не бездарный, кусик. Ты забрёл не туда, забрёл и заблудился. Не держи зла, всё будет иначе. Какой же я дроид? Я не дроид, но и не кат. Будешь учиться немножко там, немножко здесь. Торговать будем к общей выгоде. Знаю, что тут у тебя всё получится.

Напророчил, не просто утешительные слова, опыт. В освоение мастерства кусик ушёл с головой. Очень скоро его уже звали Бай-Перл.

Интересно, что не сделался хищником. Мог бы сам для себя в медь, древесину, резцы, ни у кого не заказывая, с рынка не выходя, превращать людей. Нет. Причиной стал не Чёрный Дракон, очень-очень изгнанникам важный, а покровитель. Юноша уважал жизнь как таковую, смотреть на лица, слышать голоса. За работой они сливались, звуки, рыночный гул, как перезвон Туманного Моря, перекличка манков, волшебный язык, который помнил чуть-чуть, дроидский необщий... И он видел во всяком человеке Биг-Фазана, парадокс, — охотника, разбойника, друга... Не Собственный Мир, но маленькое его подобие Карат всё же подарил одному человеку, стал-таки дроидом для него. Дроидом, манок которого не замолкает, но нет и завершенья эскизу. Плохо для человека или хорошо?

Этой истории Густав не знал, она уронила бы хищника в его глазах.

"Они все немножко Мадлен..." Мелькнула у Густава мысль, едва зашёл к себе. "Как-будто по ней меряны или ею заражены. Позы, осанка... Жуткие узкие платья..."

Внешне Лести не напоминала Мадлен ничем, но, что его посетила одна из хозяек-основательниц Гала-Галло, понял сразу. Девушка с карими, шоколадными глазами в матовых, тесно обвивавших её шелках до пят цвета молочного шоколада с платиновой искрой.

Она сидела на полу перед столиком, заваленным обычными и голографическими альбомами по искусству, многочисленными, Густав скучал. Запах Техно, — там бесплатно отдали ему всю с их точки зрения, макулатуру, — остался между страниц, заложенных флаконами, кистями подушек, другими открытками... Она не смотрела их, перебирала, пропускала сквозь пальцы покрытие пола, тяжёлые шафраново-жёлтые шарики… Как песок перебирала бы на берегу Собственного Мира… Вокруг Морской Звезды по понятным причинам не развлекались на пляжах. Лести успела проверить, что пирамидка на них не поднимается. Ещё бы, тепло каждого — тепло скрытой механики, полной воды. В проём над головой тянулось пирамидальное марево, светился под ним клычок хозяйской подставки. "Предусмотрительно..." Густав проследил её взгляд, рассеянные движения тонких пальцев и подумал: "Что, галло, похоже на ваши мокрые газоны? Ты правильно поняла... Дались Марику его покатушки!.." Совпало. Его отлучка и визит галло. При нём незамеченной не проскользнула бы.

Предупреждая недовольство хозяина, шоколадная галло кокетливо помахала маленьким белым флажком, на манер сигареты зажатым в пальцах. Бумажный. Универсальный во все времена символ поражения, сдачи. Или мира, как посмотреть, в предпоследнюю, эпоху автономных дроидов существовало государство с чисто белым флагом, счастливая, не воевавшая была страна. На гербе — крокодил, правда... Ха-ха!.. Не о том... На рынке такие бумажные флажки цепляли на соломины Впечатлений, укладывая в какой-то осмысленной последовательности от фиолетового к алому через весь спектр, чтобы так и пить. Или чередуя два цвета, чёрный-белый, ради перепадов, контрастов. Соломина пустая, галло выпила, поджидая хозяина, но у неё были ещё.

Приподняв бровь и уголок рта, Густав выразил приветствие её белому флажку. Амбивалентное: "Видеть-то я вижу..." Не поворачиваясь спиной, задёрнул полог с подзором антитуманным. Один из двух предусмотренных. Чёрный. Белым изнутри задрапировал. Они срифмовались, его непростые пологи и её флажки простые, без подтекста. Снаружи потекла цепочка осведомителей. Многоступенчатая, дальше соседних звеньев никто никого не знал. До Клока и от него, до гулкого шатра над пустотами земными, откуда посыльный уже не выйдет... Дзонгу Ача нужны связные Впечатления, ужин на скорую руку.

Отложив пустую соломинку, шоколадная галло, дама-галло, — вот не скажешь, торговка с Южного, девчонка с Мелоди, именно дама, — улыбнулась ему. Прожитые века сделали её природную красоту выверенной, утончённой. За надменностью, произвольной и неосознанной гордостью галло она пребывала, как за покровом, за янтарём, в янтаре. Недоступная за ним, им же пойманная.

Соломку кладя, лёгким жестом галло провела от межбровья до стоп. Условный жест, рассчитанный на небесные просторы, читаемый с большого расстояния: "оружия у меня нет". Вместо того чтоб ответить подобным жестом или аналогичным, от стоп — до вперёд простёртой открытой руки, "я не враг", Густав скрестил руки на груди, усмехнулся мысленно: "У тебя — нет?.. У меня есть".

До последнего момента в шатре царила тишина. Свет по контуру абстрактных пятен узорами проливался внутрь... Объёмы, сложные, пресекающиеся ячейки света... И тишина. Галло нарушила её первой. Присвоила. Отняла у Густава и фантастического пространства. Он с некоторой скукой ожидал торга, клятв, легко и сложно, не вдруг читаемой, лжи. С заведомым раздражением ожидал экспрессивной формы того, и другого, и третьего, не любил...

Он редко бывал на Мелоди. Никогда не слышал вайолет. А тем более старый вайолет, времён чудного дроида, нарушителя... Вайолет на весь день и на всю ночь. Для двоих. Ай-вайолет для друзей. Для целого амфитеатра... Не мог предположить, что голос достаточен. Не гипноз Крохи. Не рык монстра... Голос, просто голос... В омут, насквозь, навылет.

— Густав... — тихо, таяще позвала Лести, певица вайолет произнесла его имя.

"Густав..." Он услышал его впервые. Серьёзно. Таким, смягчённым. Как Биг-Буро произносил "Цонг...", галло произнесла старое "ка", близкое к "ха". Хустав... Её голос таял и хвалил. С надрывом, скрытым очень глубоко повелением. Казалось, начни она проклинать, и каждое ругательство ласкало, таяло бы...

— Густав... — повторила она, в пространство световых узоров отпуская звуки, один за другим, мягко. — Оружия нету... Подвоха нету... Ты один из нас... Ты галло... Ты победитель, Густав...

Густав глубоко вдохнул, выдохнул... И понял, что ему стоить сделать вдох-выдох ещё несколько раз. "Интересно, можно ли справиться с этим, как с цветами ледяными? Замедлиться, сравняться и увидеть без головокружения, как это работает?.. Один из вас?! О, мне далеко до вас!.. Мне до вас, галло, вижу, ещё учиться и учиться!.. Хочу тройное имя, как у Буро. Лечь в мимозы... Пусть сидит рядом и повторяет до утра!.."

Всё, что требовалось охотнику, ждать заказчика. И заказ к выходу не подпускать. Притом мягко, он помнил, Чёрные Драконы есть у обоих. Заболтать, разницы нет, о чём. Перед Густавом открылся промежуток времени, когда лгать не обязательно, а молча исчезнуть, как обычно, нельзя. Грубым вороньим карканьем показался ему собственный голос. Чуть не вздрогнул, поразительные галло! Ошибочно показался, нейтральный, ровный он был, всегдашний. Планка высока, Густав же привык не тянуться, а перелетать. Как там Мадлен рассуждала, заскучает среди рыночных дурачков?..

Время пошло. Вот он, искренний, за исключением... А, пока неважно, пока совсем откровенный Густав:

— У вас отвратно, галло. В мокром, стриженом парке.

Она засмеялась, кивнув, и представилась ему:

— Лести... Я Лести, Густав...

Нарочно поставленные рядом, на её губах таяли их имена. "Да, Гутка, учиться и учиться..." Галло шла по тонкой грани: справа комичное, слева вульгарное. Две пропасти, и, сорвавшись, не подняться обратно. А она шла, как царица, уверенная, что царица, в сознании права и мастерства. Мим древнего вайолет, канатоходец Лести. Зная, что может, всегда и со всеми могла.

Она не пленила Густава. Силы равны. Но Лести позволила ему кое-что понять о себе. Как подлинное произведение искусства, сработав увеличительным стеклом, зеркалом увеличивающим. Вещь глупая, зачем она полудроидам. Мысль к ситуации отношения не имевшая, но Густав так редко заглядывал в себя... Совсем левая, посторонняя мысль!..

Густав понял, что слово "справедливо" кое-что значит для него. Отчего же понял? Перед зеркалом, сладкоголосым, тающим, глаза, как озёра подо льдом, — ты не обманешь меня, галло,

они не тают! — которые отразили его, а напомнили другую галло. И осознал, чем она понравилась ему, Женщина Великого Моря, Котиничка в буром, в Красном, угли под листвой и золой... Не из-за её мокрых, водопадом обдавших его волос. Не благодарность. Прежде того, сразу понравилась, в тумане Горьких Холмов. Кроме пары грубых слов ничего не слышал от Женщины в Красном. И голос её не таял... В чертах почти резкое, сухое лицо. Угли, зола, веками теплятся, не разгораясь, не угасая... На него похоже, но... Он так бы не сказал про себя и не подумал! Какая печаль, о чём? Гнев, лёд и месть! А понравилось вот что: справедливо. Легендарная, красивая... Так сильна, и в таком опасном месте её Собственный Мир... В исключительном месте — исключительная галло. Одно к другому подходит. Заслуженно, справедливо.

— Густав, — сказала Лести, не преминув сладким голосом повторить его имя, — Гала-Галло не мокрый парк! И, видишь ли, не беседки в нём, и не коллекции в них!.. Это всё соломинка, не начинка. Возьми...

Она протянула ему соломину гранёную, чёрной патокой залепленную, с флажком чёрной фольги, из середины пучка выдернула... Взял.

И не раньше, не позже под землёй, под толстым покрытием шатра, под, южную сторону континента пронизывающими, земными пустотами образовался некий ритм... Чуткий слух певицы вайолет, мима вайолет, слух ушей и кожи, подошв и гибкой спины уловил его прежде, чем слух охотника. Рука галло дрогнула, когда брал угощение из алебастровой, тонкой руки своей, недрогнувшей. Лести послышалось то, что в каждом дожде, стучавшем по крыше беседок, им в Гала-Галло слышалось. Барабаны Дзонга. Пропали. Но Лести не ждала утешений, секунда показала: их подозрения и страхи были не напрасны. Приближающийся рокот барабанный. Даже Густав, ждущий знака, в первый момент принял их за праздник в недрах Южного, приглашённых с Мелоди музыкантов. Галло не обманулась, это не они, и не праздник. Да и вечер, время ли для плясок?

Бежать? Драться?.. Дракон против дракона?.. Галло, это гордость и самомнение, которым нет предела. А Лести, это гордость, надменность и застарелое отчаянье. Принявшая соломинку, не большая, но крепкая рука борца, — определённо борца, — тоже стала аргументом. Сквозь марево торгового шатра синел клык его пирамидки. На острие камешек. Их камешек, Лал... Выход. Без вариантов.

Всё последующее время, удивительно, не возрастая в громкости, барабаны Дзонга приближались, а охотник и галло делали вид, что не слышат их. Не замечают.

— Густав, — шёлково, бархатисто позвала галло, — пригласи меня... В твоём Собственном Мире, как гость, не словами, а рукой, я покажу тебе в превращениях суть Гала-Галло... Лал, Пурпурный Лал... Густав, мы играли ими в марблс! Пентак... Неудобно, не круглые...

Превратившись в слух, Густав ждал условленной перемены барабанного ритма.

— Конечно, — ответил он, выпил соломинку, откусив, чёрная патока приторна, а за ней калейдоскоп холодных дроидских вспышек, их Впечатление, кивнул. — Здорово... Что же вы так долго не приходили? И почему ты одна? Могли бы понять моё приглашение буквально, принять...

— Мы приняли! Густав... В Гала-Галло тебя ждут остальные.

— Не сомневаюсь.

— Ты нужен нам.

— Зачем? Кроме Мадлен, конечно, зачем ей нужен, я догадываюсь!

— Ошибка. Мадлен и послала меня.

— А я о чём?

— Не об этом! Ты приглашаешь меня?

— Конечно...

Барабаны Дзонга приближались. Он не изменил себе, столько тысячелетий минуло, а они узнаваемы... Столько раз через кошмарные сны эти ритмы врывались на закрытый рынок... Звук нарастал, не усиливаясь, необъяснимо словами. Дзонг слушал... Он не рискнул дать инструкции по расспросам, спугнуть опасался. Но раз была возможность, слушал. Вдруг слово какое-нибудь... А Кроху он спросит сам, никак иначе. Ритм не переменяя, близился, близился в нём.

— Так в чём же, Лести, преимущества вашего клуба? Если словами...

— В знаниях, Густав! В тех, что считаются общеизвестны... Превращать на основе чего? Странно тебе? Любому, кажется, ясно?..

Жилой шатёр, установленный неудачно, исправленный мастерством Технарей, без ветра снаружи обрёл тихий гул... И тут же понизил его тональность, у неё появился ритм... Не веселье, не марш... Ничего человеческого. Световые нити под тентом давно исчезли, на рынке ночь.

— Позволь продолжить в твоём Собственном Мире, Густав...

— Конечно.

"Любопытно, концентрация главное в превращении... Какие ещё секреты? Да мало ли... Я Восходящим давно баловался, с тех пор и не превращал. Когда с драконом распрощаюсь, пригодится..."

Барабаны Дзонга стояли вокруг шатра чужим войском. Туманным, подземным. Ширилась ночь. Густав отметил, как опадает немного подзор тента, расправляются складки, он отсыревал. Барабаны стояли стеной, новые к ним прибывали. Осада. А в крепости ни бойниц, ни окон, ни башенок для обзора. Скоро Густав должен уйти. Ритм не менялся. Пора бы.

— Жить в Гала-Галло, — неизменившимся, шёлковым голосом задумчиво Лести повела рассказ, — всё равно, что в ромашке. Ты видел ромашки? Середина невелика, а лепестки достигают пределов известного. Всё, что нам надо, это покой. Суди сам, сколько прожили бы мы там, не выходя, если б не умели обращаться со временем? Иначе, не как на рынках, укрощать его... Расправлять и складывать его крылья... Время — Белый Дракон… Приди в покой и останься в нём... Ты будешь возвращаться к нам с добычей, комодо, пока тебе самому не наскучит небо и рынки... Ну что, продолжать? Мы улетаем к тебе?

— Конечно...

— Посмотри, — Лести дала ему соломинку с белым флажком, козырь.

Густав выпил. И смысл не пустых слов шоколадной галло приоткрылся для него. Нехвастливых, истинных слов. Впечатление краткое, тоже дроидское, калейдоскоп вспышек тёплых. Незаурядно... Оно… Функция!

Оно догнало предыдущие, уже и забытые, а догнав, перемешалось... Элементарно, без морской, солёной гадости, без хитрых оливок, открыв Густаву его Огненный Круг. Как-будто фонарь проглотил. Пока перемешивались, они осветили всё накопленное: Впечатления рафинированные и нет, краткие, длинные, старые, корни, оставшиеся от выпитых очень давно... И мутное что-то, кружащее среди них, рывками от одного к другому, Гарольд... Он это сразу понял... Фонарь, светильник памяти. В любое пальцем ткни и на основе его превращай! То есть,

не секундами Впечатления ты владеешь и не фрагментарной памятью человека, а всем выпитым, до детали, до штриха. Так воплощают эксклюзив. Зрачки охотника и грабителя расширились. Связка соломин, убранная в колчан Лести, предстала тем, чем являлась, драгоценностью, сравнимой с Лалом! Галло заметила его восхищение, немного ребяческое. "Подлец юн, но он быстро соображает..."

— Да, да, я понял. Но как же ты гостьей продемонстрировала бы? Ради пробы, это я должен быть гостем.

Галло бархатно рассмеялась, поворошила солому в колчане, флажки отличающиеся, серебристо-белые:

— У нас много секретов других. И других сокровищ, — указала на багряно-чёрные. — Летим?

— Конечно.

Выдержка галло. И самомнение галло. Древний барабанный ужас она слушала, не подавая виду. Ритм изменился.

— Как узок выбор для обычных людей, ты замечал, Густав? За рамами ограниченность, вне рам обусловленность... Один приходивший к нам, он создал мир-город. Разве город это, где люди? Как там жить, как в опустевшем городе или огромном доме? Ни то, ни сё... Чем закончилось — рынком в ущелье, оливковой кожей... Впечатлениями торгует... Впечатления обрывочны, фрагментарны... Ты думаешь, коллекция, это соблюденье тематики? Густав... Коллекция, это когда так подобрано, что глоток за глотком, год за годом ты наблюдаешь один и тот же город, настоящий... Более того, жизнь одних и тех же людей в нём, нескольких поколений... Вот что достойно называться коллекцией, Густав. Жизнь не за рамой и не на пыльном материке. И не в стриженом парке, Густав!.. Вернее — там, там и там... Где тебе угодно. Соглашайся. Через твой мир в Гала-Галло — и минуты не пройдёт, как ты получишь ключ от города... Рим?.. К примеру. Ты зайдёшь туда. Не на глоток, а жить там остаться... Жить за всех. За каждого, кого сохранило Впечатление. А когда-то и дособрать, досмотреть... Предела нет… В обе стороны летает Белый Дракон времени… Нет предела судьбам, деталям, пребыванию, возвращению… Согласен?

— Конечно, — ответил Густав.

Зашёл в марево шатра и она подошла. Запрокинул голову, мощный Белый Дракон навстречу его зову пал со свистом крыльев, подхватил. Густав качнулся чуть-чуть, наклонился с его спины, руки не протягивая, и сказал:

— Конечно нет, Лести.

Белый вихрь скрылся. Потемнело. Лал на пирамидке горел тёмным пурпуром. Галло смотрела на него. Под босыми стопами подрагивала земля. Лопались тёплые шарики, остывали. Водой океана начинали сочиться и лопались. Их заволокло серым туманом... Тенями... Полог не откинулся в шатре, зачем... Дрожь галок в тумане нахлынула снизу, и звук барабанов переполнил тент… Не видно ни черта, только Пурпурный Лал горит сквозь мельтешенье... И голос... Морское, гулкое "ооууу..." раскатилось под барабаны...

— Цонг?..

Тишина... "Дун-шшш-дун-дун"... — плещется, шипит берег морской... "Ооууу..." — вздыхает за ним беспредельность моря.

— Цонг, сопровождение неуместно. Если ты хочешь последний вайолет, дай нам тишины.

В шатре Буро из земной сырости восстав, Дзонг бросил отрывисто на следующую ночь, что надо бы рассчитаться с охотником. За первую удачу.

— Ооу, хороший ловец... Признаю.

Удар. "Галло, я считал вас умнее..."

Буро вздохнул, сощурился:

— Что ж... Кроха один раз уже проигрывала ему.

"Надеюсь, ты удовлетворён? — горько подумал он. — Узнал, что хотел? Было чего узнавать?.. Где мы, а где дроиды... Их тайны останутся их тайнами. Смирись, Цонг..."

— Кроха? — Дзонг прикрыл и стремительно распахнул, страшные, своим ритмом живущие глаза. — С чего ты взял, Надир?.. Ооу, сейчас верю, что не играешь против меня, за них... Минус один, Лести...

— Лести?!

Два чудовища схлестнулись в упор немигающими глазами. Надолго... Дзонг дёрнул плечом, попятился и утёк... Глыба чёрного льда впиталась в пустоты земли.

"Лести?.." Отколотый угол спинки кресла впился в руку. Буро перевернул ладонь, блеснули огоньки дроидов под зеленоватой кожей. Наблюдал, быстрые... Салют, фейерверк под кожей... Где мы, а где дроиды, что им до нас? Лести... Он сел в кресло и опустил эту ладонь на стол. Тяжёлый, карточный, стол из-под Гига Вирту. "Крак!.." — сделал стол, кремень, цельный, красно-коричневый и не сломался. Четырьмя ножками ушёл в землю. "Крак..." обсидиановые примеси. И плита столешницы тоже ушла в неё, с пылью осталась вровень. Биг-Буро сидел теперь не за столом, зато с каменным ковриком под тяжёлыми, изуродованными ногами. Лести?.. Прощай, Лести... Густав-ты-не-человек".

Глава 95

Глава 95.

Рынок Но подходил по всем статьям. Рассчитаться с охотником, не выдать сути метода. И отомстить, послав его в самое, на взгляд Биг-Буро, гнусное место. Ловец получит обещанное, но удовольствия — не капли. И выгоды ни капли. Две последних ступени к окончательному краху. Заходи, поднимайся! Пользы и радости от подножия до вершины лестницы проклятой колоды из среди тридцати семи ступеней ни на какой нет.

У Буро имелся альбом с чёрно-белыми рисунками, безумно запутанной, абсурдной архитектурой. Человечки поднимаются по бесконечным лестницам и оказываются... — внизу. "Как и ты, Густав, совсем скоро! Бесцветный Густав, ящерица-комодо, поднимайся пролётами бесцветной жизни... До самого низа вверх ползи..." За что мстил, сам нашёл Дзонгу охотника? Выхода не было... За это и мстил, за напрасную веру в хитрость и опыт галло, в судьбу, укусившую его самым болезненным образом.

Уникальный котёл Рынка Ноу-Стоп, — подлинная ценность гадкого места! — отвлечёт подозрения. Густав мнит себя технарём? С Каратом ошивается? Никакой он не технарь, поймёт не больше, чем тень тупая. Не заподозрит, что нагретой вода Впечатлений была принесена. Когда бьют молнии за прозрачными, круглыми боками, бурлит, вскипает, испаряется запретная смесь, Густав и вопросом не задастся, как сработала скрытая механика, мало ли чудес на свете. А если задумается, Карат не сможет ответить ему. Коллекций с морскими связными Впечатлениями немало, людям нравится смотреть океан, а нырять не нравиться, страшно. Косяков Ро полно в них... У Буро есть и знакомцы, пившие предпочтительно это... Связное Впечатление океана попадёт в котёл раскалённым, "дженераль". И встретит в уме Густава личный косяк Рода с ним самим.

Там же заодно охотник пускай и узнает, раз обещали ему кое-что, про корень Гарольда... Возникнут ещё вопросы? Наверняка... Безответные. "Надеюсь, галло уже всё поняли. Не будет ему следующих побед. И заплатить за них нечем".

Были победы. Раньше, чем предполагалось...

Дзонг играл и выигрывал, играл и снова выигрывал у Буро в Острова... И упомянул небрежно... Отсутствие интонаций, акцентов в его речи делало её не целиком нейтральной, а целиком ужасной, как страшный крик во тьме, объясненья которому нет.

— Две цены, — бросил Дзонг, распахнув и прикрывая веки.

Расшифровки не требовалось. Чести, кто ещё. Трудно назвать отдельной охотой. Она просто возникла на пороге и потребовала отвести её к заказчику. Это охота? Да. Предыдущей подготовкой оплачен лёгкий успех. Теперь пусть платят охотнику. Чего хотел, он не знал. Дополнительный вопрос? Лекарство от воды Гарольда? Карта Рода шла по другой линии, Господин Сома, проводил до куда мог, в поиске лиц древних монстров. Кон Рода принадлежит Клоку, или кому ещё, стоящему за ним, сделать или выкупить карту проблема Густава.

На Рынок Ноу-Стоп, тоже клуб, и тоже слегка закрытый. Местоположения его Белый Дракон не знал, Густаву требовался провожатый. Компания. Человек, издали указавший другому на раму в облачном небе и повернувший назад, рискует вызвать слишком много подозрений, как и тот, кому предстоит зайти.

Рекомендации слегка требуются. Одни для местных, другие для Густава, как Впечатления смотреть. Не цвета ледяные, но всё же... Рекомендации Густав получить должен был в письменном виде согласно первому плану, Бутон-биг-Надир с Оливом сложную комбинацию замутили. На Оливе, чего Клок не скрыл, сошлись обе линии Гарольда и Рода, логично с ним, ценителем запретных Впечатлений на Ноу и отправиться. А вот и нет. С кем-нибудь другим. Ради аферы Буро. И ради того, чтобы местные не знали, через кого человека, принесшего воду ача, можно найти. Лишку б не рассказали ему. И лишнее б не расспрашивали. Посторонний человек должен её принести и провести Густава. Благо в рекомендациях на Ноу имя поручителя не нужно, лишь кодовые слова.

Олив испытывал, хоть реже высказывал вслух, такое же отвращение подогретым Впечатлениям, магматической влаге ача, какое Биг-Буро — к запретным Впечатлениям. Ни в коем случае там, на Ноу он не должен привлечь к себе внимания, как поставщик подобного. И дезинформация и мерзость. И не забудут никогда. А кто, кто именно не забудет? Кто уловит суть?.. В том интерес Буро. Тамошние внимательны, перемена во вкусе, в тягучести, жаре, самый малый нюанс мимо них не пройдёт. Один из десяти понимающе подмигнёт принесшему бутылочку: "Как насчёт ещё?.." А сколькие станут допытываться, что это было?

Требовался абсолютно левый, посторонний человек. Который не поймёт ни подмигиваний, ни вопросов. На них не ответит. И не прельстится, конечно! Олив укажет раму заранее, под масками пролетят, не заходя. Клока задействовать Биг-Буро не захотел. Лишнего они с Дзонгом ему не говорили, и в этом проявлялась забота Буро. Юноша остаётся на Южном, среди борцов. Вот и пусть, закончив историю выйдет из неё полностью, оставшись в неведении. Желателен человек и от Южного далёкий... Нашли! Посторонней некуда, ничего не поймёт, ничего не расскажет. Получилось так...

— Олив, про эту гадость...

Хозяин в рынке своём, возвращённом ему, тем временем тосковал и издевался над людьми. Его познания в ядах возросли. Оливки, его именем названные, оказались предречением будущей славы и могущества. В смешении ядов он станет ас. Не коктейлей, а оружия.

В полумраке преисполненного лиц жилого тента несколько "братьев" изваяниями застыли вокруг ковра перед ложем. Держа сосуды. Кто над головой, кто перед собой, кто на вытянутой руке. Полные и пустые. Алхимику-Олив нужен рабочий стол, каталог имеющегося, наглядный, чтобы смотреть и думать, смешивать, переставлять... Они и выполняли эту роль для чудовища. Готового продукта в оцепеневших руках не наблюдалось. Зато на ложе валялась фляжка...

Олив по-морскому открыл ладони, вскакивая:

— Ты?.. Приветствую, не ждал... Биг-Буро, дроидов ради!..

— Да нет же, Олив. Я не морали читать. Я тут подумал кое-что... Надо бы пару-тройку бутылочек.

— Ааа...

Буро огляделся:

— Играем? Морская фигура, замри?.. Кошке игрушки — мышке слёзки.

— Им не слёзки, — возразил Олив. — Не я их отравил. Яд можно сразу начать выгонять капельками, это как испарина, удовольствие ниже среднего, бррр... А можно нитями яд склеить в теле. Капли яда каплями противоядия соединить. Застынут, я выдерну. Нечувствительно. Но пока схватится клей... Пусть они постоят!

— Олив, твоё гнусное питьё гнусно на тебя действует. Противоядие... Изобретаешь парализующие яды, так и скажи.

— Кажется, ты за ним и пришёл? Не выпытываю, Биг-Буро, но зачем же тебе понадобилось моё гнусное питьё?

— Для гнусного типа! С родом Рода смешать...

— Ха, он и так-то хорош! Оливка в запретном?.. Это на любителя. Тот ли случай, когда дурачок, пригубив, остановится не раньше, чем увидит дно?

— Не для оливки. Для ваших, на Ноу. Слегка замаскировать...

— Оу?..

Олив выслушал его план, обещал содействие. Задумался, какой бы подошёл человек... И расхохотался вдруг, обнажив верхние и нижние клыки, холодно, не заразительно.

— Почему бы и нет... — пробормотал он. — Но ты гарантируешь?.. Биг-Буро...

— Да.

— Хорошо, отлично. Он такой, как требуется, чистый хозяин. Достоин Ноу не знать.

— Приятель и не из ваших?

— У меня нет ни приятелей, ни каких "наших", Биг-Буро. Сома остался с прежних времён. Вон, "братья" есть...

Одна из застывших фигур, кренясь, дрогнула и упала. Упруго — в комок, будто сорвалась растянутая пружина. Олив на лету перехватил пустую колбу и, да, что-то вроде нитей, тянущееся за ней. На воздухе в неё и ушедшее. Алхимик без промедленья долил из фляжки воды, закупорил притёртой пробкой.

Бутон-биг-Надир, совсем недавно убеждавший Беста, что чужие владенья — чужие, на себя, по видимому, эту логику не распространял... Протопал ближе, наклонился, руками поводил, через центры ладоней морским манером прислушиваясь... Лежащий парень был действительно свободен от теней. Но вставать не собирался.

— Ты какие-то дурные яды придумываешь, Олив, — проворчал Буро и добавил, впроброс, мимоходом. — Этого я забираю, ты не против.

Именно так, без вопросительной интонации. Порой самый легитимный, разумный правитель стремится проверить и подтвердить свою власть. Наверное, это правильно.

— Да хоть всех! — вскинулся Олив. — Хочешь, я уйду с рынка, а ты останешься?! Хозяином, как в Собственном Мире?.. Ты заподозрил меня в жадности или враждебности сейчас, Биг-Буро?

Буро примирительно раскрыл ладони:

— Ни то, ни то... У меня что-то много нескладностей в последнее время, несостыковок. Извини меня, Олив, мальчик.

Мальчик!.. Ровесник галло... Не так плохо, когда есть ещё на свете кто-то, способный назвать тебя "мальчик". Буро некому так назвать.

— У нас больше общего, чем разногласий. Так на кого пал твой выбор, Олив?

Не успев поссориться, помирились. Хохоча, клычками сверкая, Олив обрисовал ему претендента. Кристально чистое существо!.. Пта! И не за прошлые долги. Вышло очень забавно...

Пёс подружился с Пта. Встретил на Мелоди и вспомнил. Узнав поворот событий после бега по Горьким Холмам, что жизнью обязан этому юноше, рискнувшему Чёрным Драконом ради него, проникся симпатией. Пта не собирался хвастаться или пенять на долг. Выпалил с перепугу. На Мелоди так не одеваются и так не ведут себя, как заявившийся Пёс. Лишь на

правое крыло, туда как угодно заходят, главное выйти.

Морская, конечно, мода, в его случае гипертрофированная. Как всем полудроидам — обувь, чудовищу, выходящему на сушу, трудно заставить себя сунуть руки в рукава, как бы связать. Руки Пса, с круглыми пятнами ожогов на предплечьях, с узором листвы остались свободны, остальное от земли до макушки укрыто, и маска, и над ней гребень... Жуть. Пёс держался подальше от радостного, искристого света лимонно-жёлтых шаров. От танцующих тоже, от спонтанных хороводов, от тех, кто мог пригласить... Песни слушал, музыкантов и то в отдалении. Заметив Пта в распавшемся кругу танцоров, Пес словил его на полпути к другому хороводу и открыл лицо. В смысле вежливости... Ааа!.. "Всё не так!.. Я ни при чём вообще!.." Пта решил, что сидевший в кругу демонов, он был принят за одного из них, был причастен... Абсурд. Сам Чудовище Морское, Пёс скорее перепутал бы тень с дроидом, чем принял юношу за подобного себе!

На Мелоди как-то странно вести задушевные разговоры. И шумно. Едва разрешилось недоразумение, не желая ни разлетаться, ни кружить на драконах в ночи, Пта немедленно пригласил его к себе. И тут же получил согласие!

Неколебимо уверенный в том, что создал лучший Собственный Мир изо всех, когда-либо существовавших, Пта считал своим долгом показать его совершенство любому и каждому. Без опасений. Столь же твёрдо веря, что нет и быть не может на свете человека, у которого испортить такое поднимется рука. Имел основания думать подобным образом.

Прилетели... Пта не был предусмотрительным, запасливым хозяином. Мир как кладовку не использовал. Угощения в его мире не нашлось. Под корнями большого Дерева, — с большой буквы Дерева! — замшелые плошки Восходящего, простейшие собиратели дождей. Восходящие мало имеют знакомств и потребности делиться, а для эскиза собирать дождь в склянку не нужно. Через путаницу воздушных корней они протиснулись и залезли на нижнее разветвление. Про угощение не вспомнил ни один, ни второй... Переглянулись: хорош древо-мир, а?.. Ветвь нарочно окружёна порядочным свободным пространством. Чтоб ветвь-русло, ветвь-дорога-в-небо, изгибающаяся, манящая развилками, покачивающая веерами листвы вполне была сразу от входа видна...

Удивление малое и потрясение огромное нахлынули, сбили с ног Собаку Моря. Удивление: опять и опять судьба приводит его под раскидистые кроны... Свой мир бы вспомнил, нечему удивляться.

И — огромное понимание... От понимания не убежать. Нельзя узнать... — и не знать обратно. Он прыгнул, подтянулся на мшистую развилку повыше, встал в рост... И воспарил. Дельты, тень и солнце, полянки и омуты, опахала ветвей торжественные и поникшие... Буйство природного, рукотворного, тщательно и безоглядно собранного единства... Шелестящего, распускающегося, щебечущего, беспрепятственно проницаемого, гостеприимного совершенства... Подумал только, степень изобилия оценив: "Почему одно, а не лес?.."

Стоял и парил. С высоты взглянул на перспективу, огромное, ясное понимание: надежды — нет. Он нифига не забыл, никогда не забудет. Бороться надо не с собой, а с судьбой. Потому что себе он уже проиграл! Принимай её вызов.

Чистый и храбрый на самом деле, Пта превосходил Олива и как творец. Собранное этим мальчиком грандиозно... Для Пса — грандиозно как мираж. Как прекрасный мираж, просматриваемый насквозь, до жарких плит у рамы, прожаренных, узких улочек... Стен раскалённых, балконных вьюнков... Площади, густо-синего купола... Паркой оранжереи... Там дерево размером с одну ветку этого прекрасного миража... Пахнет тёплой сыростью, жизнью, зеленью... Листья кожистые, уголки роняют капель. Бархатно-чёрные орхидеи тут и тут, до купола разбросаны по нему... Прозрачного изнутри, тёмно-синего снаружи, пора уходить...

Навсегда уходить пора. Глухая, сумасшедшая тоска! Так хочется воздуха на последних секундах удушья, как Псу — увидеть этот прекрасный мир... Собственный! Мир! Олива!.. Проклятье, донных монстров внутрь прорастающие шипы! Проклятье!.. Выражение его пёсьих, суровых черт было именно такое, как от гостя ожидал Пта, так что он не удивился...

— Мне бы побыть одному... — глухо сказал Пёс, проворчал, скосив глаза, и круглые пятна ожогов сошлись хмуро.

— Пожалуйста, — ответил хозяин, как само собой разумеющееся.

Это была фантастическая степень доверия хозяина к гостю. И хороший пример того, что добродетель принадлежит проявляющему её, не зависит от качеств объекта. Создавая дерево-эскиз ведь не думал Восходящий ни о гостях, ни о хвастовстве, ни о том бесстрашии, которое подарит ему вера в созданное. А уж те повороты судеб, которые повлечёт за собой его неутомимая жажда совершенства — вообразить не мог!

Гость получил уединение. Пта его не караулил. Не то, что б и ждал, устроившегося на самых "южных веточках", аккуратно сплетённых в гамаки, местами и без того плотных, пружинящих на ветру. Птичий щебет внизу остался, прорываемый длинными звонкими трелями. Демон моря качался, грелся, дремал... Проводил ревизию воспоминаний. Что осталось, а что выморозил свирепый холод... "А что будет, если кончатся, целиком перемешаются обе воды? Забвения и Свободных Впечатлений?.. Льдом покрытый океан и ледяная Морская Звезда?.." Задумался и сразу устал. Это отнимало у демона слишком много сил. К чёрту всемирное будущее. Отнять чужой Собственный Мир — как?

Царская подстилка... Гамак — покачивающееся цветущее поле под куполом голубого неба... Клубки редких облаков... Пёс, клубком свернувшись, лежал, с неподвижными глазами... Весенняя листва тесно обрамляла бутоны, каждый будто в розетке...

Мир, тепло, тишина... Что-то подобное ему и требовалось... Что-то подобное на горячих плитах, на жарких улочках и поразило его в самое сердце.

Вскорости Пта оказал ему услугу, — да и на услугу-то не тянет, — сделавшую их близкими друзьями. Пустячную и чрезвычайно важную.

В момент их встречи на Мелоди Пёс был ряженый, как фазан, как недроидский охотник, потому что считал: он устрашающий, ужасна печать Великого Моря на нём, и люди его боятся. Его узорчатой кожи. Ерунда, мнительность. Прошивкой нитяных татуировок, красками, светом, подвижными иллюзиями от украшений, скрытой механики, как только полудроиды не украшают себя особенно на Мелоди Рынке! Мнительный стал оттого, что ожоги не давали покоя. Холодили, кололи. При малейшем дуновении. Не позволяли забыть про себя. И круглые ожоги, давно нет присущих теней, а чувствительность осталась... Успокаивало тепло.

И обратно на Мелоди Пёс отказывался за компанию лететь, ворчал. Не очень-то без наряда стремится туда. В тряпках душно и болезненно ему, а без тряпок все разбегутся, страшный... Пта вроде не услышал, и значения не придал, отмахнулся: "Завтра полетели, нету проблемы". Пёс не поверил, но он же не ради парных танцев, так покружить, побродить. Барабанщиков послушать. Морским нравятся ритмы, чем сложнее, тем больше нравятся, и чистые, высокие голоса...

А Пта услышал его. И не отмахнулся.

Вечером, завидев его над Мелоди, выше круга искристых шаров и взмывающих медуз, Пёс не узнал преобразившегося юношу. Пта прилетел с Рынка Мастеров непосредственно. Провёл там целый день, извёлся аж стоять и поворачиваться. Ему срочно требовались теперь козьи пляски! Рядом с ним Пёс выглядел, и то если приглядеться, человеком, который задумал

рисунок, начал, но стёр его. Пта — разукрашенный!.. В набедренной повязке и широких, танцевальных ножных браслетах от колена до щиколотки. Остальное — сплошной узор листвы. Зелёный снизу, он плавно переходил в осенний на плечах и лице. Работа тонкая. Как у Пса над бровями, на щеках — по круглому белому лепестку.

— Ну вот, — воскликнул он, хлопая Пса по плечу, — мы и сравнялись, да? Устал стоять!.. Но мастерица волшебна... Следующий раз принесу ей зеркало, пусть нарисует себя!.. Глянь, похожи?.. На кого, по-твоему, из нас будут глазеть и показывать пальцами? Уверяю, ни на кого! Сейчас ты сам убедишься.

Поступок настолько простой, логичный, добрый и совершённый без промедления... И не оставшийся без награды! Когда и зачем иначе Пта отправился бы на Краснобай? Как бы встретил — её?..

Жест достиг цели. Известный на Мелоди, уже не "фиговый танцор" Пта явился Собаке Моря лучшей рекомендацией, безо всяких лишних слов. И конечно, на них не обратили особого внимания.

Пёс получил новый круг знакомств и уверенность в том, что он по-прежнему человек среди людей. А Пта — могучего и преданного друга.

Некоторое время спустя в компании той мастерицы с Краснобая они плавали на мусорном артефакте из коряг, слипшихся с какой-то дрянью надувной, пористой, — не из миров брошено, с Техно наверняка, — по открытой воде плавали, штилю Великого Моря, ноги свесив, болтая и плескаясь. Пёс изредка спрыгивал, нырял и делал круг быстрее, чем парочка успевала поцеловаться. Воем Морской Собаки наполнялись окрестности. Тени, Чудовище Моря не смели побеспокоить их. Облачные миры дышали теплом полудня. Но Оссию ждали на Техно...

— Выспрошу заодно, чем океан усыпали. Скажу, что мебель для моря им удалась!

С сожалением, переливчатой долгой руладой она позвала Белого Дракона. Набросила, девушки любят их плести, лёгкую сбрую на него, фыркнувшего, и умчала к заказчикам. Мастеру с Краснобая торговать на Пароль — удача, привилегия.

Приятели остались одни, и Пёс признался в своей тоске. Рассказал про мир Олива... Неожиданно для самого себя. Не жаловался, совета не просил. Пта отреагировал в обычной манере, быстро и небрежно:

— Махнитесь! — сказал он. — И все дела.

— Что-у?

— Обменяйтесь мирами.

— Пта, думай, нет? Ну, он-то зайдёт и выйдет, будь он проклят. Но я-то второй раз, нет, не выйду...

— Поменяйтесь через кого-то третьего, беда какая. Кому доверяете оба. Через меня!

Пта ударил пятками по воде, упал на спину и рассмеялся:

— А вдруг я — обманщик?! Злодей?.. У меня будет три мира... И два, представляешь, два собственноручно сделанных живых артефакта!.. Кем ты хотел бы стать?!

Он прекратил смеяться:

— Друг, я действительно злодей? Раз мне такое приходит в голову?..

— Орхидеей, — ответил Пёс.

— Это не живой артефакт.

— Тогда мне всё равно... Ты предложишь ему?! Пта, ты видишь возможность?..

Юноша помнил своё появление на Оливковом Рынке и признал:

— Однажды Олив не поверил мне. Но что-то подсказывает... Да что мы теряем, спросив?!

— Он станет люто торговаться... — мрачно проворчал Пёс голосом, приобретшим океанскую гулкость, собачью хрипоту, и круги над бровями почти соприкоснулись, сойдясь к переносице. — За что-нибудь адское станет торговаться со мной. Я сам и предложу... Спасибо, братик.

Пёс оформил предложение в своём стиле. Взломав тень на входе, ветреной, бурной ночью сезона туманов он обчистил его рынок, освободив всех до последнего человека! Бест был счастлив! Он просто боготворил этого демона, с которым толком и не познакомился.

Откинув сумрачным утром полог шатра, Олив узрел разорение и Собаку Моря. Лапы скрещены на груди, молчит... Пустынный пейзаж неприветливого рынка Впечатлений, оливок, ядов... Рабовладельческого рынка. Пёс в клочья разодрал шатры-артефакты, и ветер носил их ошмётки туда-сюда, крутил в пыльных смерчах. "Биг-Буро, старый мудрец, ты опять угадал. Вот он Пёс, вот он фортель..." Сплошное разорение!

— О, — сказал Олив, — пойду-ка я за сачком схожу... Ловить надо, пока о-опять не сбежал. Морская Собака редкого типа — Морская Свинья.

Не вступая в перепалку, Пёс изложил ему, — трудно слова разобрать, едва выходящие из хриплого горла, — что жизни не даст... Что намерен проделывать регулярно то же, что этой ночью... Если только...

Сложней всего было выдержать ледяной, громкий смех. Сверкающие клычки в оливковом пятне лица. Пёс не глядел... Мимо, в пространство... Чтоб не сорваться и не закончить всё разом.

— Уходи, собака, — сказал Олив.

Чего и следовало ожидать. Отвернулся и бросил через плечо:

— Я подумаю о цене...

Ею стала услуга Пта.

Глава 96

Глава 96.

— При незнатках? Н-не уверен... — Лорд поддержал консерваторов.

Спор разгорелся на нечасто оживляемом и короткими репликами Рынке Ноу-Стоп.

— Счас неснатки, зчас — знатки... — Отто шепелявил от ледышки, катаемой во рту, запредельно вяжущий вкус.

Паж не вмешивался, глаза до середины прикрыты мутной, болотной пеленой. Тоже смаковал ледышку. Он и принёс их, мокрый. Тряпьё достойное самого нищего изгнанника высохло на нём, а они не растаяли. Препирались, пока Лорд не воззвал:

— Скажи, а?.. Твоё пажество, твоё веское слово. Просим!..

Потянувшись, Паж сплюнул песчинку. Глубоководная, из тех глубин, куда эти люди, имея хоть толику везенья, вовеки не попадут, вмёрзшая в лёд запретного Впечатления: солёный, кусачий, кислый, взрывающийся на языке... От добавки кой-чего все эти вкусы скрылись под вяжущим, но не ушли. Сплюнул и потянулся в кубик за следующей ледышкой:

— Пускай Шевалье решает... Его труды... Драконы незнаток здесь не проявятся. А выходить, успокоившись, они будут или нет, то не в нашей воле... Не в их воле... Не воле... На воле, не боле... Не более-ее-е... Ооу!.. Не от машины, я хочу сказать, более зависит, а от... От-от... Тот и тот, тот... Оу!.. От смеси, я хочу сказать... Как обычно. Себя вспомните... Не отказывайте незнатке в ослепительном. Я — за эффектные дебюты.

Голос его становился всё тише и на очередной ледышке, положенной под язык, угас. Взгляд стал глубоким и до смешного осмысленным, до простодушного, не наоборот. Пустой день, пропущенный. Под навесом темно, неработающего котла стеклянная полусфера. Кто-то забрался и спит за толстыми стенками ногами вверх. Одна компашка марблс катает, выбивает из круга, сталкиваются шарики "бумц-бумц"... Тихие разговоры. Вот только насчёт незнаток заспорили.

Лорд, воззвавший за поддержкой, смирился, не найдя её... Нежданно-негаданно попавший в милость, Отто решил воспользоваться моментом. Паж странный, притягательный... Не отталкивал никого, и не подпускал близко... Где обитает, где бывает вне Ноу?.. Как спросишь?.. В небе не догнать, за котлом не разговаривают... Разве сейчас, в пустой день. Отто пересел к нему и к кубику поближе, перелёг, на локоть опершись. Сунулся как бычок, на ухо шептать. Плохо с координацией, слишком сильная оливка для него, двигаться можно в примерном направлении, на примерном расстоянии тормозить...

— Паж, а ты когда-нибудь, — прошептал он старательно, и на одном слове голос пропал, двигались только губы, — ... людей?

— Тсс... — Паж закрыл ему рот ледышкой, положил и за подбородок закрыл. — Тише, тише... Тсс, замолчи... А то прилетит страшный дракон и унесёт с собой... В дроидские сферы, в облака, полные чистой, сладкой воды... Где люди добры, Впечатления добродетельны, где ты будешь долго-долго и счастливо... Долго и счастливо жить... Какой ужас, Отто... Какой невыносимый кошмар... Ведь ты же не хочешь этого?.. Молчи...

Морка хватило, чтоб отбить равновесие, но не чувство юмора. Отто перевернулся на живот, на оба локтя и, уронив голову, тихо смеялся:

— Дракон-то, твоё пажество, будет которого цвета?.. — покрутил головой. — Белых что-то не вижу... Чёрных что-то не видать...

— Зря ты... Белый он будет, Белый Дракон... Он летает и там, — Паж тупо, надолго уставился вниз, — летает под волнами... Расправит крылья, в линию распахнёт... Вокруг синяя

тьма... Сияют над хребтом его, как над горным хребтом облака... Ровные-ровные крылья... Правое, левое — нет окончанья крылам... Белый, Отто, как... Как мои сны, когда ничего не вижу...

— Мне страшно...

— Тебе хватит.

— Расскажи что-нибудь ещё. Если я опрокину в рот весь этот кубик, я умру?

— Нет.

— Расскажи... Скучно, одно и тоже: пить и смотреть... И пить...

Паж приблизился, лоб ко лбу и прошептал:

— Никогда, поверь мне... Отто, поверь. И запомни, твёрдо запомни, что — нет. Что я ответил?.. Нет.

— Дроиды, ты боишься его... Паж?..

— Не лазь больше, и пальцы вытри, — отпихнул кубик коленом и дальше босой ногой. — Достаточно.

— Ты не шутишь... Паж, ты не пошутил.

Шевалье, неустанно встряхивавший какую-то никелированную гантель, словно калабасу гудящую или шейкер, решил предсказуемо:

— Сезон без малого настраивал! Отрегулировал вроде... Я завтра хочу.

Паж кивнул головой:

— Так, значит так. Случайностей не бывает.

И хотя большинство посетителей Рынка Ноу перестраховщики, порешили не откладывать Струнного Квартета из-за двух незнаток.

Пта и Густав столь разные, что лишь запредельно изощрённая комбинация чужих интересов могла их свести, прибыли на Ноу-Стоп чуждый обоим. Были встречены на раме и препровождены, несмотря на очевидную формальность церемонии. Пустая земля, маскированные ловушки невозможны, навес виден сразу от рамы, плоской, столовой горой маячит вдалеке. Встретили двое: юноша с мутью осевшей в неглубокие глаза и девушка в полумаске.

Пта произвёл на Густава двоякое впечатление: лёгкой добычи, окружённой неким защитным контуром, как некоторые артефакты на Техно, проницаемым, но настораживающим. Непонятной природы. Отметил и забыл. Больше не встретятся, а сейчас он не на охоте.

Пта, напрасно попытавшемуся завязать беседу, Густав по этой причине явился в редком настоящем обличье, отстранённый, никакой. Усталый, он ждал от Рынка Ноу избавления. Разбитый и повергнутый в недоумение повторившимся накануне припадком корня проклятого Впечатления. Правда, дома, в шатре, на берег океана Густава не занесло. Но приступ ещё более сильный, прекратившийся иначе.

Сон глубже сна...

Изнывая во сне от жажды морской воды, Густав метался, не способный во сне приблизиться к волнам. Там она, где угроза... Поднимающаяся из шторма чёрная громада до боли уже знакомая, ад. Она разбивала силы, оставшиеся у него, как волны пену от прежних волн, когда перехлёстывали скалы. Вот и по шкуре она… По дыбом стоящей чёрной шерсти пена стекает,

брызжет слюной из-за клыков, на бивни, с хлопьями пены смешивается...

Рёв… Гарольд… Ад... Ближе… Почти…

У Густава не было сил проснуться. В Гала-Галло ещё были, а теперь уже нет, закончились. Он попал в настоящий, обыкновенный, людям прежних эпох знакомый, тягостный кошмар. Когда хочешь бежать и не можешь. Ноги тяжёлые, непослушные, как расплавленный свинец, еле переступают. Ползком ползёшь, а они волочатся за тобой свинцовым, липким хвостом. Сон включил и кошмар полудроида: перевернувшись к небесам, Густав хочет позвать Белого Дракона... Ни звука в горле. Нет песни в груди.

Дальше прибрежных скал и выше, над отрогами континента, охватывая Морскую Звезду, завис дроид, и это не его дроид. Он слишком велик для ездового, полупрозрачен, белый-серый-синеватый в ночи дракон. Крылья — ночные облака, шея изогнута, неподвижна, морда с клювом, драконья и орлиная... "Троп..." — шепчет Густав. Он слова такого не знает, но знает наверняка, что: "Троп, Тропос..."

На полнеба раскинувшего крылья, дракона заслоняет сгорбленная туша. Нависает, дуги бивней безобразно торчат, морда гориллы. "Саль-ва-адо-оррр!..." Гора, холка чудовища вырастает ещё, потому что горбится Гарольд, бивнями за горло поддевает, мокрыми... Пена стекает, слюна...

И вот в этот момент, решительно превосходящий его силы, Густав провалился ещё глубже ужаса.

Цвета ледяные не проходят даром для научившегося смотреть, в хорошем смысле слова. Полученное представление о многих слоях мира, о замедлении, открывающем путь к ним, честными усилиями добытый опыт не забывается, остаётся с человеком навсегда.

Что-то распространилось из груди, из Огненного Круга. Не зов и не крик, точно не песня. Распахнулось и взошло. Утренним солнцем...

Прекрасное, благосклонное золотое лицо смотрело на Густава. Гарольда не стало, не было, он почудился... Непобедимый дроид смотрел из лучей. Совершенной, сосредоточенной красоты, которому нет равных. Одна складка между бровей, он внимает, Дарующий-Силы. Он смотрит на что-то бесконечно важное для него. На Густава. Бережно смотрит...

Самому неведомая внутренняя чистота проявилась в том, как он воспринял появление Коронованного, его благословляющий взгляд... Густав не отнёс его на свой счёт! Величайшее успокоение испытав, он безо всяких мыслей любовался случайным для него, необъяснимым видением. Даже не заподозрил, что не Впечатление, выпитое когда-то, не причудливо перемешавшиеся в памяти несколько Впечатлений, а дроида видит в реальности и в данный момент…

Как исчез Коронованный, не заметил. Сон утренний, очень яркий захватил его. Без Гарольда, без чудовищ.

Густав сидел на траве, в окруженье людей, видел хорошие и спокойные лица, весёлые. Кроны деревьев. Пасмурное, светлое небо. Чувствовал, будто ладони его горят. Одна холодом, другая теплом. И будто он видит мир насквозь. До пределов высокого неба. Как в маричкин "телескоп", до кружения Белых Драконов. Видит, как собирают эскизы, завершают, теряют. Как входят за рамы и выходят из них. Всё это как бы кругами располагается, а как бы одна спираль... И он сидит в центре спирали. Притягивая самых разных людей. Он уверен был, что молча сидит. Но люди слушают его, отвечают. Уходят и возвращаются. И не возвращаются. Он очень

спокоен, как никогда в жизни не был. И он — несчастлив. Не как теперь. Намного глубже. Очень несчастлив и совершенно спокоен. Вокруг хорошо. Ему хорошо. Не абстрактный сон, лица конкретные, встретил, узнал бы, и деревья — вилкой тройной, высоченная срединная крона. И запахи даже, знакомые, не мимоза, но близко. Чрезвычайно яркий сон, наполненный светом...

Проснулся, сел. А, понятно, откуда запахи... Встревоженная рожица Хан-Марика встретила его. Курительницу зажёг, пудры жёлтой разбросал. Будить не решился. Золото на губах, в руке цепочка обгрызенная.

— Что? Опять? Гус?.. — скороговоркой спросил Марик, заглядывая в лицо.

— Не, сначала... А потом... Я такой сон видел, Марик. Ерунду такую! Будто я — типа дроида... В центре мира сижу...

— Вроде какого дроида?

— Да откуда мне знать?! На троне... На траве, я присочинил!

— Вроде Царя-на-Троне? — Марик переспросил так серьёзно, словно очки призовые подсчитывая в уме.

Густав затряс головой, глаза потёр:

— На травке зелёной, говорю же! А это кто?

— Как? Дроид Огненного Круга... Гус, ты чего?

— Я как-то вообще не в курсе их. Что ли обязан знать? Умойся, золотой ты мой. А впрочем... Сегодня неважно. Приятного золото-завтрака! Я на Ноу...

Рынок Ноу…

Что до рекомендаций к предстоящим Впечатлениям, питью и смотрению их, было указание отдать бумагу на месте. Пта на месте и отдал. По прибытии. Под навесом… Не за что на него сердиться!

— Вы можете для начала сесть дальним кругом, — сказал Паж. — Советую так и сделать.

"Дальним, ближним, не всё ли равно..." Густав развернул вручённый ему свиток, чья ширина, как оказалось, превосходила длину, проведя пальцем по замыкающей полосе. Возобновляемая бумага расщёлкнулась, отслоив верхний листок с текстом, и тут же свернулась обратно. Трубочку свитка Пта робко забрал под ледяным взглядом...

Пункты, касательно Рода и Гарольда, пронумерованные красиво, цифры одна над другой завитками соединены, левую половину листа заполняли изысканными собой... Вправо отходили мелкой вязью коротенькие мышиные хвостики строчек, собственно инструкций. Пункт Роду посвящённый гласил: "Сам всё увидишь". Относительно Гарольда: "Сам всё поймёшь". Густав скрипнул зубами: "Буро, юморист, спасибо тебе..." Не-а. Тот лишь упомянул, что такое возможно: два Впечатления смотреть разом. Олив обязался направлять его. И одновременно побыть глазами Биг-Буро на Ноу... Сразу Буро не предложил, как бы против своих сыграть, но тема такая, что предложение Олив принял. Это не против своих, это ему по душе. А бумага...

Да, как несостоявшийся галло, он каллиграфией слегка увлекался.

Олив рисовал, рисовал цифры... Представлял Впечатления Рода, накладывающиеся... Быстрое на медленное. Холодное на тёплое... Как идут косяки Ро в толще океанской и в уме... Как расплав горячей воды ача разбегается, чтобы собраться у Огненного Круга, там, в

застывшем мгновении, в тягучих, тягостных Оливу минутах... Как магма укажет на корень проклятой воды, на Гарольда. Гарольд не пропустит раскалённую смесь...

Долго расписывать!.. К Густаву-то Олив может на Ноу подойти. А Пта сообразит подальше держаться, не глупый. Чего и расписывать тогда?..

Олив усмехнулся и закончил упражняться в каллиграфии двумя беглыми строчками.

Густав явственно различил, как утончающаяся линия хвостика бежит от цифры "два" до угла бумаги крестиками и ноликами — ха-ха-ха!.. Ему показалось.

Под массивным, единственным сооружением Ноу-Стоп шли приготовления. Котёл заполнялся. Шевалье уравновешивал никелированную гантель на своём остром колене, на другом сидя. И раскрутил. Напомнив Густаву о Секундной Стрелке, давненько не видел игру.

Струнный Квартет... Какое отношение?.. Скорость гантель набрала сама. Такую, что превратилась в толстый, вращающийся диск. Он взмыл под темноту навеса, расширился, расползся, ускоряясь ещё и производя звук, да — низкий, струнный. Звук приветствия древней механики, когда она при включении считала должным поздороваться с людьми. Но название не от того происходило. Над головами он виделся теперь как вращающиеся квадраты, "квартеты". Верхний и нижний. Они вращались не согласованно. Видны, то восемь, то четыре совпавших угла... То снова диск и звуки струн, приятные, без мелодии. "Струнами" назвалось и то, что будет падать, проливаться на людей.

Струнный Квартет, не попавший в запретные, переделанный до граничащих с запретным областей, медицинский артефакт пред-пред-последней эпохи. По сути — зонтик. Той эпохи артефакты легко превращаются в оружие. Одним из них Кроха злобно угрожала Шаману... Тогда люди ещё считали, что в будущее войдут киборгами. Для высших дроидов, столь заботливо сохраняющих даже слабости человеческие, самое изначальное сохраняющих, это жутко и смешно... Экспериментаторский, вивисекторский период, дроиды предпочли бы вычеркнуть из Впечатлений и артефакты выкинуть, хоть собственно запретного не так уж много там.

Доминировали тогда числом и функциональной развитостью климатические роботы. Они же лечебные. Погодно-медицинские! Следили разом за внешним внутренним состоянием тела вверенного им. Они в чистом виде не лечили, проблем внезапных не было, кроме травм, прогнозирование на высоте. С погодой как раз проблемы были, и чем дальше, тем больше, но квартеты её не меняли, зачем? Они регулировали баланс сред.

Перекодированные в огоньки дроидов, тела перестали нуждаться в подобном. Индивидуальные артефакты заменило общее поле Юлы и дроиды регенерации. Однажды старый артефакт попал на Техно... Функцию наизнанку вывернули. Основа больно хороша. А что станет разбрасывать «гантель», заказчик сам решает. Густаву предстояло опробовать...

"Чёрт-чёрт-чёрт!.. Чёрт морской — чёрт придонный — прибрежный — и — ещё — какой-то — забыл!.. Выбирают же люди как-то не экстремальное коллекционирование! Не — заносит — их — же!.."

Ну, во-первых, это оказалось реально больно. Вот уж чего Густав не ожидал. Струны — траектории падения. Ливень струн, режущих треугольников, бесконечно тонких, тяжёлых, производящих этот вибрирующий звук. Приятный, вообще-то, густой, объединявший пространство. Не визг, не вой. Но, чёрт, это же непрерывно падающие лезвия!

Густав не знал, и не суждено ему узнать, что самый "кайф", когда регенерация начинает

слегка пробуксовывать... Когда неустойчивое равновесие придушит чуть-чуть Огненный Круг, холодеет в груди и подкрадывается жуть сомнений... Странно на первый взгляд, но, если подумать, от фильмов ужасов развлечение недалеко ушло!

Треугольники лезвий вокруг тёплого тела образовывали завихрения. Одежда им не препятствие. Угадать, как врежется, нет возможности. Не на головы сплошным ливнем падали, нет! Соприкосновение с кожей заставляло угол сложиться и расправиться обратно уже под ней. Треугольный камертон в огоньках дроидов. Его гудение продолжалось под кожей ещё несколько секунд, понижая тон перед исчезновением. Исключительно Рынку Ноу-Стоп могло приглянуться такое, даже к игре непригодное. А уж полудроиды и с актиньими дёснами найдут, во что поиграть!

Публика не подставляла ладони, как ловят снежинки или град, не закрывалась, ноль реакции. По публике и не скажешь, что вообще нечто происходило. "Оригинальный рыночек..." — подумал Пта. Вот кто не удивился Струнному Квартету. Он очень хотел помочь Псу и ожидал, что требование Олива, цена его будет высока, экзотична. Решил, здесь всегда так.

Пта передал "виночерпию", таковой был на сей раз, бутылочку заиндевевшую снаружи и дымящуюся, когда откупорили. Расплав ача "дженераль", высший. "Виночерпий" опустил горлышко глубже за толстые стенки котла и вылил побыстрей. Зыркнул в сторону Пта, но встретив вопросительный, ясный взгляд решил не приставать к незнатке. Мало ли какими путями куда приходит магма ача. Станешь выпытывать, проблем не оберёшься. Не все столь разумны... Отвернулся и мимоходом горлышко облизнул.

Как часто бывает с людскими понтами, громадный котёл, символ и украшение Ноу-Стоп являлся совершенно обычным артефактом. Ценность его чисто декоративная. Перемешивала и нагревала влагу, заставляла плясать молнии — механика в крыше навеса, над котлом. Под которую лучше не соваться, если есть в нём хоть капля влаги. Тот парень, что ногами к верху целый день в котле проспал, не совсем прав вообще-то... Хотя, спится там отменно! У "виночерпия", разумного юноши, имелся в руке ковшик на длинной ручке, ради единства стиля — полусфера прозрачного стекла. В ручке помпа, можно собрать остатки. В обычные дни ковшик ходил по кругу.

Котёл включал систему, наполнившись до определённой черты, на ладонь. Тогда воспарив, зависал, и кипение, и бурление, и молнии, всё начиналось. Закипание… Струнный Квартет не препятствовал процессу, но от него периодически ломался.

Расплав "дженераль" молчаливой общностью людей был воспринят столь по-разному! Единицы подозревали, отчего так текуче замирают вдруг, прокатываясь, обрывки запретных Впечатлений. Как если бы леденцы Пажа окунуть в горячую патоку, раскалёнными глотать. Кто понял, совпадение образовавшегося коктейля со Струнным Квартетом сочли редкой удачей. Основная масса, десятков восемь человек, прислушивались и удивлялись. Иные удивлялись не новому вкусу, не новой текучести, а своему, тревожному, беспричинно возросшему вожделению...

Не все привыкли к сверлящему рою "струн", некоторые просто терпели его. Иным, как Пажу, было его мало. Жестом напугавшим Кайзера когда-то, он распорол себе оба предплечья и опустил на колени, под вертикальные "струны". Густав поморщился: "Ох ты... Охо-хо, носит

меня по свету..." И одёрнул себя лишний раз: ни на кого в упор не смотреть.

В котёл попали Впечатления косяков Ро, давно выпитые кем-то, "дженераль" раскалённые. Пробирка из Гала-Галло, вскрытая, смотренная, вернулась к Густаву. И сейчас он пил её, после чашки из котла, обмачивая губы, маленькими глотками, холодную. Ещё чашка… Вздрагивал от Квартета и смотрел. Обрывки Впечатлений перемежались в горячем видениями косяков Ро, раскалённые, медленные, тягучие. А в пробирке — пустые глубины Великого Моря. Ждал, когда что-то похожее мелькнёт, чтобы одним глотком допить. Как ещё они могут наложиться? Он не представлял.

Вкус коктейля, горячего водой и Впечатлениями, столь же по касательной шёл для Пта, как "струны" Квартета. В частности потому, что отдавая бутылочку "дженераль", Олив без слов скривился и цыкнул клычком, фу... Предупредить не забыл: "Там я тебя не знаю". Пта верил Оливу, людям верил. Тот вылечил его, спас, отпустил. Советы рабовладельца принимал за чистую монету, за советы друга. А что, Чудовищам Моря можно верить.

И правда — фу. Уже достался из ковша кое-кому мега крупный косяк Ро, расчленивший на дольки неосторожного ныряльщика... Регенерация тут — увы... Доставались и связные, старинные Впечатления, ужасно перекликающиеся с этим: толпы людей, пришедших смотреть, как отлетит голова одного, наоборот — один идущий вдоль ряда людей склонённых пред ним, голов склонённых перед ним, которые рубит, а они отлетают... Рубит, рубит...

Это Пта увидел и подумал, что и те, смуглые красавцы на Техно, спросившие Карата: "Почему люди строились рядами? Зачем?.." Полудроиду понятны два варианта, для игры и для танца, хотя, обычней — круги. Интуитивно они подозрительны к ровным прямым рядам. Что-то нехорошее, слишком уж часто с этим связано... Вот взять хоть косяк теней Ро, он похож на ряды... Пта не понимал, не отличал фантазийных Впечатлений, намешанных с историческими, и вникать не пытался. Совершенно случайно попавшее в котёл зрелище срубленного громадного кедра потрясло его! Это ему близко!.. Дальше толком не пил, пригубить брал для вида.

Удивительно, как много способно пометиться в пробирочке, если она из Гала-Галло! Густав дождался. Косяк Ро в океанской толще зеленоватой, играющей светом, как в благородном опале, явился нежданно. Величественный, неторопливый, прекрасный, как для Мурены наяву. Впервые Густав задумался: "Как люди ныряют?.." Он, пару раз по необходимости и неглубоко. А глубже оказывается — такое... "Что если монстров, шляющихся в тумане по Морской Звезде, она наделила уродством? Суша, а не океан?.." По бредовым для него мыслям, Густав рассудил, что без оливок в котле не обошлось... Морочит.

Согласованные, синхронные взмахи ромбов удвоились в уме, наложились на горячие, совпали... Но в фас. Пока они видны. Нужно подождать... Гибкие плети хвостов вьются, их относит, подбрасывает, крутит ромбики на концах.

И вдруг косяк развернулся… Дав понять, насколько остры, насколько они опасны. "Как лезвия струн, ой..." Пропал косяк, не видна даже штриховка лезвий. Одна сверкнула... Обратно развернулись... И вот, на неё одну глядя...

Густав ожидал увидеть какую-нибудь обтекаемую тушку тюленью, с человеческим лицом, те — рыбьи хвосты с карты. Нет, это лишь символизм Рода.

Увидел он человека. На все сто. Не тронутого присущими тенями. Вытянувшегося в

подводном полёте, раскинувшего руки крестом, подбородок вперёд, натянутая струна до кончиков пальцев ног... Увидел мгновенно, но очень чётко. Так же мгновенно поняв, что не игрушки Струнных Квартетов, и даже не его ночные кошмары, а вот это — ад. Адское состояние. Ежесекундно на пике скорости, попадания: между-между-между!.. — наикратчайший Свободных Впечатлений! Абсолютная защита, абсолютное оружие — ад. Ниже просто некуда.

Передышки, остановки не имея, мчался Род — попадать, попадать, попадать! — неизменно попадать в цель. Как на пике эйфории, даже не погибнуть, но навсегда остаться... Последующий и предыдущий момент — неразличимы. Спасенья не будет. Густав хотел увидеть Рода, увидел. Он увидел ад. На лице Рода застыла гримаса, одна, двойственная. Они не различаются, гримасы страдания и наслаждения.

Поэтому полудроиды, ребячливые существа мудро предпочитают, чередуя, смешивать грусть и радость!..

"Лучше всё, что угодно... Лучше отсыреть и развалиться в Галло, складывая оригами!.. Лучше до конца жизни ночами сходить с ума от духоты в Собственном Мире... Счастье — погибнуть на правом крыле, удача — попасться врагу на пирамидку!.. Но только не этот подводный, неуязвимый лёт..." Как углём обведённые, безумные глаза Рода смотрели сквозь него... "О, двенадцать ушедших... Все погибли в Великом Море, и преданные, и предавшие, и те, кто лишь попытался, и те, у кого получилось. Вот этому всё удалось..." Безумные глаза, руки в углы ромба раскинуты, не крылья, не плавники. Не взмахивают... Они пытаются возникнуть, но схлопываются внутрь. С океаном вовеки незавершённое объятие. Тень, как непрекращающаяся попытка тени. Безнадёжная.

В последнюю долю секунды косяк двинулся на смотрящего. Потусторонние, угольные глаза выплеснули ледяное презрение, углы ромба дрогнули, мелькнули... Удар, штриховка, холод и протекающий полосами огонь...

В следующих глотках, в свирелях других тайников Гала-Галло, ждущих покупателя или грабителя, Род пожирал свою жертву, выпивал её. Густаву достался только удар.

Уходить раньше времени не принято на Рынке Ноу. Густав так и забыл бы про Гарольда... Но время шло. Он пил вместе со всеми какую-то тягостную муть. Феноменально навострился расслабляться под иссякавшим Струнным Квартетом, а что делать... Вспомнил и про письмо тоже. "Сам поймёшь... Твари морские, зеленокожие". Тут как тут!

Двойной круг, казавшихся беспробудно отрешёнными людей, пришёл в движение. Ветерок больше, меньше выраженных поклонов, от кивков, до сложенных ладоней, оживил его. Некоторые встали, приветствуя зашедшего под навес. Густав не успел обернуться, как в длинном, безрукавом кафтане светло-зелёный господин опустился рядом с ним. От "виночерпия" получил чашку.

"Олив! Совесть замучила?.." — для Густава наивное предположение. Нет... И не ради него пришёл по большому счёту. Но сначала — о Гарольде…

Суть того, что Густав наблюдал в своём уме, Олив несколькими словами раскрыл для него. Безрадостной оказалась суть.

Глоток роковой для Симурга был элитой из элит — свежий, непосредственно над умирающим выпитый "дженераль", высший расплав ача. Доставалось ли кому подобное? Пожалуй, и Змею — нет. Он довольствовался тёплым на уровне теплоты тела, охотничьими

ядами течения огоньков не нарушал, коктейлей оливковых не смешивал. "Дженераль" — нарушает, перегревает. Небольшая бутылочка преобразовала содержимое котла.

А Густав пил понемножку, но уже давно. И чувствовал себя так, соломинку Лести вспоминая, будто внутри него разлили приглушённый, мерцающий свет. Дрожь света мешала смотреть, но с каждым глотком унималась. Усиливалось красное, дымное зарево. Огненный Круг царил посреди дымной смены Впечатлений, картинок... Плавность стремительного вращения восхищала, завораживала. Это не по-природе, а потому, что он не трус. Он был спокоен, и ситуация тут ни при чём, и добродетель ни при чём, это отдельное качество. Если бы кто-то вроде Кайзера заглянул таким образом внутрь, зрелище бы ему не понравилось.

Круг регулярно затмевался пятном с рваными краями, в некоторой, блуждающей точке себя непрозрачный совсем, в остальном наделённый липкой прозрачностью, прилипающий к зримым сквозь него обрывкам Впечатлений. Замутняет и притягивает. Пачкает. Звезда наоборот. "Перевёрнутый мир, обратный?.. Как во сне?.." Словно Густав проглотил камень, излучающий рваные края. Провалившись до Огненного Круга, камень там и вращался. Не уйти не мог, не кануть в него, быть испарённым, быть смытым. Камень задался целью, налепить, намотать на себя Впечатления, мысли, память, влагу... Корень Гарольда. "Пальцем прикоснулся, ведь даже глотка не пил!.."

— Зол? — бросил Олив сходу и осклабился, показав клычки.

Густав пожал бледно-зелёную руку. Почуял, как немедленно обратилось внимание местных к нему, Олив знаковая фигура здесь.

— Моё почтение, Олив. Восхищён! Каллиграфия — моя слабость. Надеюсь, ты не отберёшь у меня такой превосходный образец?

Манерную эту ерунду лучший охотник Южного произнёс без капли нарочитости, с такой непобедимой простотой, заключив в неё всё нужное: лесть, серьёзность, иронию и самоиронию... Галло!.. Что Олив не мог не признать: слава его заслужена. А умение славу до сих пор не распространить за пределы весьма узкого круга — достойно изумления.

"Я никогда не обижаюсь?.. — вспомнил Олив его слова. — Зачем же так пугать? Мы, чудовища, очень робки, пугливы... Что ж, комодо, положи "превосходный образец" в копилку. Тебе отвратительны такие, вроде меня? Отвратительны... Будь ты лукав как тень с тремя хвостами на месте головы, скрыть это невозможно. Твоя копилка переполнится, и мы поглядим, кто кого... Возможно, и в самом деле за картами, за проклятой колодой..."

Он рассмеялся. Глянул на публику. Круг Ноу-Стоп притормозился из-за него. Чашку подставил. На месте "виночерпия", терпеливо ожидающий, с ковшиком обнаружился Паж. Олив поднялся, и они приветственно поцеловались. Опускаясь обратно, Олив указал на Густава, хохотнул, оскалил клычки:

— Он опасен, как придонный лёд! Надумает появляться здесь и дальше, в оба смотрите за этим человеком!

Паж улыбнулся вежливо и ушёл, круг завершить, ковшик «виночерпию» отдать, похоже, не поверил.

— Олив! Ну, зачем ты...

— Собирался? Здесь? Охотиться?.. — перебил Олив, подчеркнув каждое слово.

— Олив!.. А что такое придонный лёд?

Тот расслабился, откинулся на колонну спиной, Струнный Квартет ему — как душ, не более. Смесь в чашке богатая... Хотя, без магмы было бы лучше.

— Ты всегда любознателен, Густав. Это выдаёт той возраст и маскирует твою суть. Лёд

придонный, холодный до парализующего, это слизь от придонных монстров. Наступишь, не сойдёшь. Но не яд. Не нарочное приспособление.

— И чем он опасен? В смысле, я понял, но... Превосходная степень, — которой ты так любезно наградил меня! — обычно подразумевает что-то особенное?..

— А он от воды неотличим. Думаешь, толща там до дна, омут неподвижный, течение гладкое, спокойное... Подходящее для жизни... Нет, придонный лёд. Давай к делу...

Оба сели поровней, с прямыми спинами. Густав приобрёл эту привычку, ледяные цвета наблюдая.

— Тигель видишь?

— Э...

— Круг. Он затмевается? Им самым, Впечатлением Гарольда, проклятым. Проклятая вода, проклятая колода, с Гарольдом всё проклятое... Видишь? Избавься от него — и ты починен!

"Избавься... Как мудро. Как много толку, что я вижу грязное пятно. Стоило задерживаться на Ноу. Огненный Круг не испаряет, Чистая Вода забвения не смыла его..." Густав вспылил:

— Олив, сделай ты мне дроидскую милость, отчего?! Не помогай, не надо, раз уж... Клок, и вы все там заодно!.. Но скажи! Отчего?! Откуда он взялся, я не сделал глотка, я же только потрогал!

— Гарольд приближаться стал, да? Ну, значит, покатается в том, до чего сможет дотянуться, нащиплет себе на новую шубу. Скоро захочет солёной воды.

— Уже... — глухо вырвалось у Густава.

— О... Плохо дело. Извини, юноша, но неужели ты никогда не слыхал поговорки "бежать, как воды Гарольда"? Думал, пустые слова?

— Чего теперь говорить... Он собирает воду? Корень Гарольда — оливка, а не просто корень Впечатления?

— Нет. Яды, это тени, их нельзя пронести за раму. А жаль... Разве ты не уносил добытое на Горьких Холмах в Собственный Мир? И разве не сбежал через Собственный Мир Чарито?..

— Уносил, сбежал... Так что же он тогда?

— Корень. Само слово тебе не подсказывает? Корни выкорчёвывают, правда? Их не испаряют и не смывают.

— Чем? Я думал, что они так и кружат среди огоньков дроидов, корни всего выпитого когда-то.

— Так. Но тень можно сплавить из них. Не поэтому ли... Ты навёл меня на мысль. Корень есть у любого связного Впечатления. Не из-за того ли присущую тень так ужасно вырывать прочь? Из-за корней... Цепких корней... Противоестественное действие. Против природы… Ведь избавляешься от того, что… Да-да, оставалось бы до смерти с тобой, кружило бы до смерти в огоньках дроидов...

Густав молча слушал. Мало понимал, ещё меньше услышанное нравилось ему.

— Вижу, смысл старых поговорок для юноши стал проясняться? Давай закончим с плохими новостями, а затем я расскажу тебе легенду. Увы, это лишь легенда... Но сначала, чтобы ты не искал помощи демонического оружия, ты видел По? Буро знакомил вас?..

— Дда...

Олив снова отвлёкся, бормотал себе под нос:

— Дроиды, в этом вроде и нет практического смысла, но я понимаю теперь... Логично, конечно... Да, ты навел не на одну мысль... Чего бы проще, укусить, выпить, у живого Впечатление отнять, так нет же, нет. Не выходит. Потому что корень. Корень есть у него. Корень принадлежит живому человеку. До смерти кружит в огоньках дроидов...

— Какая легенда...

— А, да, извини. Я о чём?.. Гарпун По, это оружие. Оно пригодно против теней, вытаскивалка. Пример наглядный. Оно не подходит! И остальные, любых форм, без каких-либо форм, они точно также не подходят! Чтоб ты не надеялся зря. Гарольд — не тень. Легенда такая... Густав, ты видишь, к тигелю приближаются эпизоды, обрывки, осколки. Видишь, что Впечатления подбегают не поодиночке, парами?

— Угу...

— Это их природа. Говорят, у дроидов такая же... Видишь, пятно бросается между них?

— Угу.

— Чтоб к тигелю подтолкнуть. К сплавке. Оно, он, Гарольд "хочет" стать формой. Ты в курсе? Тени бывают с формами. Форма — третий компонент. Не половина исходного материала, а — образ. Образ, который станет частью тебя, присущей тенью. Шерстью, к примеру… Для морских демонов обычно начинается всё с гребня. У Гарольда гребня нет… Со шкуры… С голоса… Низкого, хриплого… Сипеть, хрипеть начнёшь!.. Шерсть вырастет на загривке!.. Усилившись, он захочет навязать тебе свой облик целиком. Прибавляя, прибавляя тени... До полноты свойств. Вот тут он действительно гибнет, вместе с носителем. Поверь, таковые бывали. Они вовсе не Гарольд. Чудовища нет на свете миллионы миллионов лет. Но так проявляется корень. Проклятая вода. Я на Техно когда-то отнёс, просил каплю посмотреть. Не рукой! А через приборы. Аморфная структура. И рассказывавшие о нём подтверждали: ничего конкретного, ничего, кроме ужаса. Настойчиво расширяется и всё. Настойчиво, не отступает. Он не отступит, Густав. Я цели не имею говорить тебе назло. Гарольд — это ужас...

— Гарольд — это ярость, — тихо возразил Густав.

И Оливу стало жаль его. Так же вполголоса перебил:

— Гарольд, это ужас, который ты чувствуешь, глядя на него.

— Значит... Всё, что я могу, избегать моря. Первый же глоток Свободных Впечатлений уподобит меня...

— ...Оливу! Ну, не сразу же Гарольду! Для начала ты позеленеешь... Кошмарная перспектива?! Нет, Густав, не избегать, убежать ты не сможешь. В Собственном Мире не спрячешься. Рама защищает от вторженья извне, а не изнутри. Рама в мире не запирает. Можно пригласить гостя, чтоб испортил его, вдрызг.

— Он и так испорчен.

— Чтоб не выйти.

— Как у Чарито, только круче? — вспомнились Густаву бегущие к раме потоки речные.

— Ага.

— Отличное решение, соблазнительное.

— Густав, сарказм?

— Если единственное решение, то какой уж тут сарказм... А что говорит легенда, удавалось кому?

— Ой, за котлом, не голова, а котёл!.. Густав, легенда-то не в этом. Я отвлёкся... На что?..

— Давай не будем вспоминать, на что ты отвлёкся... Иначе...

— Да-да-да, интересная мысль, ты навёл меня...

— Олив!..

— Именно!

— Именно Олив? Ты сделал открытие, что ты, это ты, и я навёл тебя на эту мысль?! Да что вы пьёте такое, и почему на меня оно так не действует?! Слушай, я пас! Продай мне за Лал стопочку хорошего яда, надоело!

— Именно, что не единственный! Выход. Да ты мог бы уже догадаться. У Впечатлений есть корни. Из двух Впечатлений, захватив и корни, сплавляется тень. Ты должен найти воде

Гарольда пару. Совершеннейшую противоположность. Равную ему по величине. По весу. Тогда, без страха и колебаний выпить морской воды и сплавить тень! Сосредоточится и завершить то, что видишь сейчас, глядя на Огненный Круг. С нею поступишь как угодно. И гарпун По сгодиться! Гарольда уже не будет. Легенда в том состоит, что это возможно... Видишь, никто другой, ни за какую плату не поможет тебе. Не сделает этого за тебя. То есть, Чудовищем Моря стать тебе всё же придётся!.. Густав, неужели зелёная кожа, так ужасно? Честно скажи, а?..

— Олив, я благодарен.

— Тут я простой посыльный, с чем отправили, с тем пришёл. Но я желаю тебе удачи. Вопрос тысяча-миллионно-летней давности ещё никем не был решён. Мне любопытно. Реши его.

Густав погрузился в свои тревожные мысли, они разбегались как тараканы, как мелочёвка теней в прибрежной отмели. Взбаламученные тревогой, освещённые надеждой.

А Олив реализовал основную цель своего посещения. Пребывая и наблюдая всего лишь. С Пта он позволил себя познакомить... Притворился с трудом, тоже враньё.

Буро решил, что, расплав ача пронеся на рынок через совершенно постороннего человека, за Ноу Стоп полезно окажется внимательно понаблюдать... Кто как отреагирует на юношу? Кто будет искать знакомства? Кто станет задавать глупые вопросы? А кто не глупые?..

Ближе к утру Ноу оживлялся, люди бродили, пересаживались, выдвигали идеи на будущее, делились новостями. Застав такое "оживление" на Рулетки, игрок развернулся и бежал бы, заподозрив катастрофу, раз люди вымерли, а оставшиеся тяжело чем-то заражены! Да, местные такие.

Кто к новичку подойдёт, тот сделает это явно не случайно. Кто понял, что заиндевевшая бутылка преобразила котёл. Понял или заподозрил. Кто имеет тягу…

Пта высветил их как фонарь. На Южный Олив вернулся с пятком имён, ещё десяток под вопросом. Важная информация для Биг-Буро. О ниточках связей, о ключевых точках, через кого конкретно распространяется зараза. Куда посматривать, где пресечь. Олив имел благодарность от него.

Глава 97

Глава 97.

Интересный эффект производит прямой, чёткий взгляд на проблему. Непосредственное обнаружение её, названной и понятой правильно. Разящий эффект. Порой его одного оказывается достаточно. Не всегда, но бывает.

Некоторое время видение Гарольда не беспокоило Густава. Он понимал, конечно, что это затишье пред бурей. А всё-таки затишье. Тихую жизнь вёл, обдумывал головоломку без зацепок, с широким, обречённым вечному перебору полем вариантов: что может являться равновеликой противоположностью проклятой воде? Неотступающему ужасу? Что может сравниться?.. Вопрос.

К насущному: карту бы ему добыть теперь от Клока.

Да, именно от него!

Честность Морских Чудовищ произвела замечательный кульбит. Буро ведь по-настоящему позволил выиграть Клоку у Секундной Стрелки игральные карты. Конрад принадлежал теперь юноше. Когда пришла пора торговаться за последнего короля, последнюю ступень перед Джокером, Клок, сюрхантер Густава выступил действительным заказчиком.

Он сам обалдел. Он ждал инструкций и завершения дела.

Два чудовища сидели вновь за игральной доской, острова — неразбитые архипелаги, партия сейчас начата. Клок вошёл, предупредив хлопком в ладоши. Обратился, смешной, к доске между ними. К Биг-Буро неправильно, а на огромную, шипящую птицу с медленными глазами старался не глядеть. Спросил, что требовать ему с Густава. Буро отмахнулся:

— Твой Конрад, ты и торгуй.

— То есть, как?..

Буро повернулся, дугами кроны покачнул, не в пример себе недавнему, безрадостный:

— Тебе пора отдохнуть от нас. Советую... Заказ используй. Конрада, без него самого, колоду — продай. Скверная вещь, счастья не принесёт тебе. И без короля уйдёт задорого. Найдётся кону король...

— Вы не заинтересованы больше в охотнике?

Дзонг повернул голову неуловимо, будто лицо образовалось сбоку, на глади чёрных волос. Белками сверкнув, распахнулись веки:

— О себе. Лучше б подумал.

Клок вздрогнул, подпрыгнул на месте. Но Дзонг пугать не собирался, вовсе не то имел в виду.

— Цонг, а? — вздохнув, одёрнул его Буро, поднялся, встал между ними. — Заинтересованы... Но твоя работа закончена. Обстоятельства изменились... Спасибо за службу. Молодец... Приходи так, запросто ко мне, днём. Держись подальше от Густава, вполне вероятно он будет искать тебя, заказчика стоявшего за тобой. Будет вокруг да около ходить... Плюй на него, ты хороший мальчик.

В его планах раскаявшийся хищник был невольным Густаву сюрхантером, на последнем этапе. Приманкой, которая уже довольно разозлила комодо, будет ещё оклеветана, до невменяемости добычи, но не узнает, что она — приманка.

Клок выслушал и принял к сведению... Но как, — о, как!.. — распорядился данной ему свободой предстоящего заказа! В высшей степени на руку Буро. Такого не выдумать!.. Ни с кого

не потребовать!.. Насколько же верно Биг-Буро выбрал наживку...

Как распорядился?.. А как получилось! Деловые, короткие пересечения с Густавом давались ему тяжело. Видеть не мог. Не понимал, отчего предатель так подавляет, так бесстыдно прямо держится, когда сто раз ясно, кто есть кто? Почему неловко, странно… — и стыдно… — ему, а не предателю? Чистый хозяин...

Поторговаться за карту, Густав разыскал его на левом борцовском крыле. В красивом и необычном шатре Агата, с окошечками, с регалиями подвешенными на них и на стенах, борцовскими и гоночными. То есть, где познакомились с "другом", там для решающего торга и разыскал. Поманил от компашки на ступени амфитеатра.

Одетый в морскую безрукавку, уже с первой татуировкой на предплечье, короткими стежками белых нитей прошитый браслет... По нему и не скажешь, — опытный Густав не сказал бы, — что ждал Клок, и что ему — тошно. Непонятно и тошно. Клок не хотел Густаву зла. И добра. Не его защищал, свою совесть, запутавшись между своими принципами и чужими проблемами, между чудовищами и охотами... До сих пор хотел, чтобы его друг воскрес. Друг, которого не существовало.

Кон Рода он носил с собой, благо морская мода, удобная, богата карманами. Короля вытащил, сгибал, распрямлял упругую карту. Лицо чудовища, Клоку незримое, Густаву на ней сделалось видно...

— Чего же я хочу?.. — приговаривал Клок, на охотника не глядя — Чего-то я хочу?..

Густав, локти на коленях, пальцы в замок скрещены, тяжёлый, весь в своих мыслях, подхватил, не дождавшись:

— Заменить рубашку, вот чего ты хочешь, — парчу его презрительно оглядел, — слуга демонов. Карте. Моей.

Клок перевёл взгляд с двухвостого, безликого Рода на неподвижное пятно неживого лица... Рамы нет, даже прихожая не видна. Тёмные, глубоко посаженные глаза... Есть ли за ними что-то вообще?

— Хотел бы я, — обронил Клок, — увидеть твой Собственный Мир...

Молния сверкнула и гром раскатился...

— Ты... Что?..

Крепкий кулак Густава смял его ворот, душа, накручивая ткань... И тем же самым, рефлекторно отвечая, ученик левого крыла понял, чего сморозил. "Ох, дроиды… Ляпнул, так ляпнул! А, ну и пусть!.. Ха-ха, друг мой, предатель, я всё-таки зацепил тебя!"

Густав не грабил в переулках, не пугал и не мучил людей, он не знал, что в гневе — прекрасен. Как и в моменты опасности, в моменты, особой выдержки требовавшие от него — дроидски прекрасен. Брови разгневанного громовежца, тёмные глаза полны молний, полны и глубоки, как грозовая туча... Часть искренности, приходящуюся на гнев, он не замутил фальшью и не растратил.

"Ох, дроиды... И чего теперь, отступать что ли?! Прощай, дважды обретённый дом мой, мир мой! Прощай, Рута, брат! Попрощайся за меня со снегами и лазурной дроидской бездной, твой мир незабвенен, брат, я счастлив был его гостем!.. Ох, дроиды светлые..." А неплохо получилось, лучше уж, чем в мёртвые глаза лжеца, в гневные глаза смотреть. Клок собрался с духом, с полной категоричностью, холодно подтвердил:

— За карту, Густав, я хочу увидеть твой Собственный Мир.

Густав покачал головой, из стороны в сторону, не отрицательно, не утвердительно... Парни отцепились друг от друга.

Почему Густав так яростно злился на него? Прежде, теперь... Почему? Не хуже Гарольда в волнах. Сейчас ещё можно понять, упоминание испорченного мира прозвенело пощёчиной. Облачный мир с безрадостной судьбой: первый гость — предатель, второй — заманенный, третий... Ультиматум?.. От — этого?!

"Чёрный хохолок вырос..." Вырос и на макушке его иссиня-чёрный хохол в целый хвост, ниспадающий. Клок, поправляя безрукавку, ворот приглаживая, тряхнул его с плеч назад, резюмировал:

— Там переделаю. Отдам снаружи рамы. Карта — мне гарантия. Идёт? Идёт.

"Уничтожу... — подумал Густав. — Пропади пропадом все коллекции на свете..."

И кивнул.

Глава 98

Глава 98.

Очень любопытно, но не скоро суждено Пта полюбоваться на мир Олива. Хозяин немедленно вышел, на белую спину дракона не сел, а шагнул. Да так и остался стоять, овеваемый плавными взмахами крыльев, глядя за раму на покинутый Собственный Мир.

Углубляться с площади в лабиринт жарких, узких улочек было бы слишком бессовестно по отношению ко Псу. Безмолвный, насупленный, грозный. На самом деле он завис, ни жив, ни мёртв. Поверить не мог, что всё наяву происходит. Его мир уже предан Пта. Там погуляли немного...

Со скромной рамы, как непарадного входа, с кухни раскрывался дом, особняк, прихожая мира. Парадный вход открывался в сад. Неплохо придумано, обычно у людей наоборот. Здесь же высокие двери особняка не то, обитателей его в зелень выпускали, не то впускали в комнаты сад. Приглашали его... Позволяли заполнить, заполонить интерьеры... Малым числом комнатных растений и повсеместной неправильностью, живой... Кривизной углов, стен, перилл, лестниц. Нет двух одинаковых ступеней по высоте и ширине! Перилла норовили то в сторону нырнуть из-под руки, то петлями лианы закрутиться, то волнами вверх-вниз плясать. А то в неожиданный сучок упиралась скользившая по гладкому лаку ладонь. Дом пустой, пустоватый. Мелких деталей не хватало. Незаполненные шкафы, столы, полки... Кривенькие, удивительные... Как и стены, паркеты, потолки, антресоли... Безобразие, а не дом. Милое безобразие. Пта, кто б сомневался, с двух шагов по кухне, всё нравилось.

Небрежности не было в созданном. Восходящий старательно собирал эскиз. Внимательный гость мог бы уловить закономерности. От рамы до сада, от чёрного до парадного входа, изменялись последовательно характерные черты флоры. В рисунке обоев, резной мебели, фурнитуре: ручки-ветки-цветки-лепестки, в сортах древесины паркета. От низших растений к высшим и окультуренным.

В саду, не зная увядания, цвели чудеса предпоследней эпохи. Цветы дроидами выведенные. По заказам людей. А некоторые и без их заказа...

Как и тела полудроидов, движение соков вних поддерживали огоньки. Цветы-метаморфозы, проходящие несколько принципиально различных стадий только за время цветения, а листва... Долго рассказывать.

Часть этих цветков была "сельскохозяйственной", то есть на каждом этапе давала свой плод. Часть иная, куда более интересная, это как бы "модулятор" с Техно. И как-бы Вирту... Зацикленный, до бесконечности повторяющийся эксперимент, на каждой последующей стадии создающий иные вещества. Можно брать, сорвать, отломить ветку. Привить на другой цветок-метаморфозу…

Цвет и формы указывают на их свойства. Таким образом, типичным образом записанная информация.

По историческому, техническому атласу Восходящий собирал эскиз. Не изобретательный и не жадный к мишуре, он тогда скорее следовал указаниям дроида, чем высказывал пожелания

ему. Удачная стратегия. Ничего не смывал, не переделывал, дополнял только, поэтому вышло логично и богато.

Внимательный гость заметил и оценил бы в сто раз больше, если б внимательный хозяин рассказывал и показывал ему... Но Пёс уже практически забыл первую часть жизни. Хищником поспать на кухне навещал дом. И бродил теперь за Пта, словно он приглашённый, а не хозяин. Периодически хватаясь за голову. "Неужели без подвоха?! Неужели он пойдёт на это, братик, Пта?! Оу, как ты думаешь, оу, как ты считаешь?.."

Пта считал, что Пёс — того, не в себе... Считал не из-за его причитаний, а из-за того, что видел вокруг. Сердцу не прикажешь, понятно, но про мир Олива Пёс рассказывал ему вещи вполне заурядные: жарко, улицы, купол, оранжерея... Здесь же, особенно когда спустились в сад...

Прошли его плавные, геометрические красоты, сотворённые не садовыми ножницами, и не планированием при закладке. Своей внутренней логике следуя, разрастались цветы-метаморфозы, без участия человека образовывали симбиотические островки. Нейтральные пространства выделялись между ними. Цветы-метаморфозы общались, познавая друг друга на границах областей, в границах — сохраняли несмешанные области видов и стадий. Из-за чего непрерывно плавали границы. Не на глазах, но в течение дня, на обратном пути пейзаж уже изменится.

Мало подобного деревьям, мало и зарослей выше колена.

При обзоре сад представлял собой за горизонт уходящий многоцветный луг, дальше лесистая полоса и луг… Следующий луг… До последнего, седьмого они сокращались в размере, седьмой же раскатился безо всяких деревьев в недостижимую область Там.

Луга состоящие из клумб аморфных, текучих, не ограждённых, по которым можно ходить... И пробовать на вкус можно! Оно слишком странных вкусов, однако, человеку не повредит. Очень резких и лёгких. Начальные стадии цветов-метаморфоз вертикальны и связаны с почвой. Они походили на круглые стрелы лука цветущего сиреневыми шарами. Излучая янтарный свет.

Характерная особенность, свет и пыльца первых стадий не совпадают с цветом лепестков. Третья-четвёртая ближе. Пятая-шестая не излучаются. На седьмой цвет и свет совпадают, и он тот же, что у лепестков первой. Что-то вроде цикламенов, плавающих на круглых листьях над землёй. Сиренево-фиолетовое фиолетовым и светилось... Нужно несколько Гига Вирту для описания всех цветов-метаморфоз!

Сад воспринимался по-настоящему живым от того, зелень шумела тихо, внятно на разные голоса. С этим садом хотелось заговорить и немедленно попросить у него разрешения остаться навсегда. О, как преобразят его сокровища уже прекрасный Архи Сад!

Шафранный ковёр цветов-метаморфоз, цвета дроидов Там, уходил в их область. Тучи пыльцы поднимал лёгкий ветерок, пушистый ковёр обнимал щиколотки босых ног. Небо дневное, от пыльцы жёлтое, над головами сохранило голубизну. Пта прекратил взывать к благоразумию друга.

Молча любовался и страдал. Немножко пугающе за пройденными областями вторая стадия цветов-метаморфоз выпускала цепкие усы и водила ими, пытаясь обнаружить опору. Скоро третья стадия их же предоставит, и сценарии развития, раздвоившись, пойдут параллельно.

Пёс, не Технарь, сотворённое оценить мог отчасти, с эстетической точки зрения. Похвалы Пта были приятны и безразличны ему. Как для любого хищника, Собственный Мир для него ассоциировался только с местом, где было уютно, а стало глухо, бессмысленно. Куда можно прилетать ночевать. Желание заполнить мир артефактами быстро привело хозяина к хищничеству и отпало. Потеряло смысл.

Он взял тогда призом живой артефакт значительной и по меркам этой категории артефактов ценности. И того оценить не смог! Для него — фонарик, светильник, напоминавший о Мелоди. К шарам начальной стадии цветов-метаморфоз он подходил на вид. Пёс оставил его в небольшой затенённой части сада, поскольку темноты вообще не любил, а там деревья и лианистые цветки-колокола. Растения все стадии проходя, от шаров начиная, распространяются по лианам, гуще прежнего тень создают. Фонарь какой-то напрашивался. Или звезда... Звезду надо делать из человека, её не принесёшь. Пёс не хотел. Но закончилось тем же.

Пёс не отнял жизни в поединке за артефакт. Выбрал цепочку боёв и прошёл её всю. Катастрофа случилась в небе. Его преследовали от самого Южного, хотели ограбить. Обиделся, те же люди с правого крыла. Как можно быть такими жадными, разве честность не превыше? Защищался... Успешно.

В парковой, сыроватой тени, так пахнувшей грибницей, словно в самом настоящем лесу, на невысоком основании светился шар... Тридцати трёх Лиски-намо. Пустой.

Шар освещал хозяина и гостя, устроивших пред обратной дорогой короткий привал.

Светильник тремя оттенками поочерёдно окрашивал, простодушной ребячливости не утратившее, открытое лицо Пта. И угрюмое с глубокой складкой между бровей, с белыми кругами ожогов над ними лицо Морской Собаки. Оба становились то инфернально-синие, то розовые, как обращённые к заре, то шафранные. Словно простор недоступных областей Там, в двух шагах начинавшийся, просвечивал их, как жёлтое, солнечное Там — парковую густую тень.

Пустой, прозрачный шар. Не большой, с голову. Трёхцветный фонарь такого рода ценился бы в сбрую дракона или чуть дешевле. Но это был живой артефакт, полная коллекция.

Одиннадцать "грозовых" Лиски-намо, синих. Одиннадцать "мальв", розовых. Одиннадцать "подносящих мёд", шафранных. Мечта Бутон-биг-Надира. При всём своём богатстве не смог заполучить. Тридцать четыре жизни стоила эта коллекция, тридцать три Чёрных Дракона. Сам шар сделан хищником, каждая Лиски — чистым хозяином, преставшим являться им в момент её возникновения. То есть, шар тридцать два раза передавался из мира в мир, и связные Впечатления об артефакте имели все хозяева.

Не только двенадцать проклятых, ушедших в море, собираемые Густавом, ошибались в дружбе. Не только галло надеялись создать и сохранить мирок для узкой компании. Дружба это важно, но здравый смысл она не заменяет и не отменяет. На превратно понятом основании не стоит. Твёрдо стоит на краеугольных камнях личной ответственности. Собиратели пережили ряд предательств, разочарований. Выжившие — рассеялись, артефакт пошёл гулять по свету.

В настоящем виде коллекция задумана была не ими, а людьми предыдущей эпохи. Биг-Буро

назвал бы её Оракулом! Она считалась салонным развлечением, когда люди перестали притворяться, что зверодроиды, это для малышей. На излёте эпохи.

В центре шара Лиски-намо пребывают невидимыми. Шар разгорается ярче, перестаёт менять цвета, и появляется язычок белого пламени. Из него, танцуя, выходит Лиски. Одна. По мере приближения увеличивается. Как дроид желания, долго и красиво. Она может передумать! Скрыться обратно или напротив — позвать ещё одну или двух танцевать вместе. Одна из них может приблизиться к стеклу. Прильнёт, улыбнётся огромными глазами...

Это считалось за "знак", ответ на вопрос. Если "грозовая" — нехорошо... Если "мальва" — прекрасно! А "шафранные" танцевали и приближались с плошкой мёда в руке. Подбрасывали, перехватывали, вертели на лапке и обводили вокруг себя. На плошке мягко играло пламя, мёд горел. Вплотную к стеклу, они символически протягивали плошку, голограммой выходящую за шар. И мелодичным, нежным голосом произносили короткое предсказание, утешение, совет...

Зверодроиды безмолвные по определению, по задумке они не мурлыкали даже, но этим на излёте, при деградации эпохи досталась речь. Кто знает, что говорили настоящие Лиски-намо?.. Живые артефакты чаще всего — набор слов. Оракул, заглядывать в будущее, это для чудовищ. Полудроидам неприятно и несвойственно. Не как на предсказание, а как на игрушку смотрели на Лиски, угадывать их поведение на спор пытались.

Изгибаясь, обведя медовой плошкой вокруг головы, перекинув с руки на руку, "шафранная" Лиски-намо дотанцевала из маленького пламени ко Псу. Крутанулась, со стороны Пта очутилась… И обняла его космическими глазами. Пта улыбнулся в ответ. Выше сил человеческих, только Густав мог удержаться! Лиски отвела плошку в сторону и пропела тихо: "Если бы... Но не придёт..." Пта вопросительно посмотрел на друга, когда она скрылась. Пёс — в прострации, не слышал.

Он ожил, чтобы произнести, что ему тоже интересно, где они прячутся. Если кокнуть шар, они пропадут ко всем чертям или выбегут все разом? Пта, зная, что дистанция у друга невелика между словом и делом, замахал руками:

— Что ты, что ты, зачем?..

— Да я ничего, — ответил Пёс. — Они столько раз выносят эту плошку. Можно ли будет выпить её? Чего там? Чего-то тёплое... Любопытно стало.

Пта признал, любопытно, но совесть имей!..

На выходе чуть не забыли поменяться.

И вот, на раме Олива стоя, Пта был хозяин — трёх! — Собственных Миров. Ощущал ли себя как-то особенно? Ничуточки. Хоть это не суть важно:

— Соблюдём очерёдность? — спросил он Олива, не желая обидеть, виновато косясь на друга.

Олив крыльями раскинул руки, фазаньим манером, как Марик в коронном прыжке, взлетел и боком приземлился на драконью спину. Бледный, даже зелень пропала. Усмехнулся на приятелей, бледный совсем. Рта не осклабив, клычком не сверкнув, без выражения, будто один в небе, сказал:

— Собака довольна... И я доволен... Не нужно, Пта. Мне не хватало... Этого... Власти левой руки на континенте. Счастливо оставаться. Мы окончательно квиты, Пта.

Хлопнул дракона, сорвался с места. Не позволил догнать себя. Они быстро вернулись. Молчаливые. Пта на раме взмахнул рукой, и Пёс её перешагнул.

Глава 99

Глава 99.

"Испытать... Попробовать, испытать... Удостоверится, что на любом пятачке сухой земли доступна теперь эта способность..." Олив вышагивал побережьем. Рынок его практически пуст. Но слава его осталась при нём. Скоро всё закрутится, всё начнётся сначала.

От крупных, круглобоких валунов до тумана дроидов шла полоса прибоя, открытой воды. "Почему-то туман не набегает?.. Ночным затопит скоро... А дроидского нет. По какой-то неведомой причине... Да и чёрт с ней. Испытать..." С этой мыслью не пересекаясь, чередовались другие, сиюминутные: "У них пропала Селена... Бест приходил... Да, пропала. Как можно сказать, пропала, если известно где?.. Не потерялась, не погибла... Известно, где, а неизвестно как выйти оттуда... Было бы возможно такое в эпохи до дроидов? Потеряться, зная где?.."

Бест приходил, ему нужны были очень специфические альбомы, — за альбомами к Оливу? — да, книги по лабиринтам, а это морская тематика. Дроидам не всегда Великое Море было недоступно. Они отступили. Чёрные Драконы и Царь-на-Троне имели относительно него свой долг и выполняли, платя массой ограничений. Другие — отступили.

Они колонизировали его сначала, пытались "изрыть лабиринтами". Не трубы, но что-то вроде течений для дроидов, вроде областей с иным полем. Получались невозможно сложные структуры, страшно ограничивающие аспект взаимодействий. При увеличении проницаемости структуры рушились. Как если б орбиты, самих дроидов, семейства, троны, всё сделать тёрдым. Из стекла... Стекла дырявого… Ещё дырявей… Оно же живое, крутится, невозможно!

Дроиды с великого моря ушли, память о лабиринтах немножко осталась. И Бест спросил ещё, так в сторону, о похитителе, не знакомый ли с Южного... Вспыльчивый Олив среагировал незамедлительно:

— Бест, как демон морской, я не признаю увёрток! Сказал, не задену твоих людей? На Южном я — за вас. А неудачника эт-того, нет не знаю. Ох, бредовый расклад, и проиграть лучше умному врагу!

— Да я ничего такого и не...

— Бест, мы плохие. Но мы — очевидно — плохие!

— Давай считать, что все люди мои, все на свете?

Олив хохотнул, сверкнул клычками:

— Ну, уж нет! И на память я не жалуюсь! Помню вас, помню свои слова. Если хочешь иммунитет для нового изгнанника, приведи и по-ознакомь нас.

— Что такое иммунитет? — спросил Бест, не стеснявшийся показать свою в разных областях неосведомлённость.

Олив объяснил, добавив:

— Я монстр зеленокожий?.. Но я и как бы врач... Оу— ха-ха-ха! Знаю специфику.

— И что, возможен при нашем устройстве иммунитет от теней?

— Для людей нет, для чудовищ — да, конечно. Другие присущие тени.

— Но ведь они несут свою тягость?..

— Так жизнь у-устроена!

Поболтали за жизнь. Помочь в результате Олив не смог советом, но обещал подумать. Разумеется, отправил к Биг-Буро.

Меряя отрезок побережья широкими шагами, как с камня на камень он перешагивал с мысли на мысль. "Опробовать превращение… Пропала Селена... Мурене подруга... Чёрный владыка, несправедлива жизнь... Опробовать левую руку на материке… Изгнанница, пропавшая за рамой... На чём-нибудь... На ком-нибудь... На ком?.."

Недавно он виделся с Шершнем, торговля возобновляется, никаких подстав. Задаток получил, пустячный. В море, довольно полезный, на суше — декоративная фишка. Жидкий огонь. Как тот, из бурно испаряющихся теней, что в шатре Демон тогда при Густаве разлил. Сухим горохом шуршали они в кисете, затянутом алым шнурком, нэцке-противовес на поясе. Олив подозревал, что муха-нэцке не просто артефакт, пробки распадающиеся бывают... "Никаких подстав, говоришь..." Но ему лень было подозревать... Что там может быть? Вызов ему в виде шутки: справится или нет?

О радикальной перемене статуса Олив не сообщил. Нет вопроса, нет ответа... Между тем, это многое меняло... Изгнанник, ему теперь не нужно терять присущие тени, чтобы превратить кого-либо, не надо раму пересекать. Демон с фасеточными глазами утомил его. Шурша кисетом, Олив гадал, а может ли призрачное пламя скрыть острие пирамидки от самого Шершня? Превращал ли в принципе до него какой-то изгнанник Морское Чудовище? Не планировал, пока так гадал. Шершень очень сильный противник, злопамятный, терпеливый, промахнуться — смерти подобно. Опробовать силу левой руки, на опостылевшем компаньоне, мысль соблазнительная... Удачный старт на долгие годы...

Волнение на море усиливалось. Разметало туман, нагнало пены. Олив шёл и поднимал пирамидки, клал по камешку. Шёл обратно — снимал. Длиннополую одежду трепал ветер. Картины Собственного Мира нет-нет, да и возвращались. Жаркие... Олив ёжился, от того ли, что связь прервалась, ли от ветра просто, где-то невдалеке холодное течение воду выносит с глубины, но ему хотелось завернуться, укрыться... Меховое, тонко-вспененное что-то купить? Или самому сделать как раз, на пробу? Одна пирамидка осталась светиться, поставленная низко между камней, когда Олива окликнули.

На расстоянии, а не вплотную подлетев, проявив вежливость таким образом, к нему приближался «голубь», посыльный Южного Рынка, таял Белый Дракон. Браслет яркий, полосатый выше правого локтя, проиграл или задолжал кому-то год службы. Внешне — не их породы, охотно идущих в прислужники, в посыльные, юрких, общительных, на язык и на руку нечистых.

Олив — зеленокожая знаменитость, берег моря не лучшее место для пеших прогулок... Выражение решимости на лице высокого, светловолосого парня, как и учтивость, свидетельствовали о присутствии духа. Свидетельствовали в его пользу. Другой бы, не заморачиваясь, бросил письмо с дракона, издали, что требуется, прокричал. Но этот упрямо приближался в тумане.

"Славный малый, — подумал Олив, — небось, на рынке уже искал, решил круг сделать, и вот он, я..." Побережье находилось за ущельем, под дальней стеной Оливкового Рынка. "Славный, храбрый. Интересно, защитит его судьба?"

Человеческая сущность угасала в нём, чудовищная забирала власть. День ото дня. Это не обязательно утрата внешнего обличья. Его станет хранить. Вспыльчивость обуздает. Установит и себе, и другим правила чётче прежних. Его станут меньше бояться и больше ценить. Олив займёт не рядовое, а первое место рядом с Буро. Утратив, пугавшее многих, — но впрямь ли худшее? — качество весёлой непредсказуемости. Своеволие хищника, балансирующего между

раскаяньем и безалаберностью, увы, нарушен баланс. Ни в свою, ни в чью пользу. В пользу холода и немоты.

Олив развязал кисет, горсть пустотелых горошин сжал сильно, и прежде, чем стали взрываться, швырнул между собой и посыльным. Звонко, не скача по камням, а растрескиваясь, они сделали "пшшш!.." и выбросили языки пламени. Внутренние перегородки лопались, морская вода набрасывалась на маленькие тени, бурная их борьба рушила надколотую поверхность. Полупрозрачное, нежное как глубоководное зарево, как легенда об Обо-Аут, Лакричной Аволь, пламя текло, покрывало валуны, заполняло, примешивало своё сиянье к туману... Но багровый свет возрастал в нём, голубой леденел, ветер резче колыхал языки и они не текли уже, как звери привязанные бросались.

Посыльный дрогнул, остановился. Но Олив и сам оказался стоящим посреди пламени. Голову склонив, кисетом играл и ждал. Парень принял вызов. Олив угадал, год службы был им проигран, теперь — на слабо. Унизительные и мелкие задания он бы отверг, а опасные — сколько угодно!

Волны набегали всё дальше, захлёстывали берег. Туманное Море дроидов покрылось рядами пенных барашков, во что-то такое Олив хотел завернуться от стужи, той, что внутри... Шипели волны, ползли на гальку, об валуны разбивались. Олив с трудом различал, точно зная куда смотреть, тонкое голубоватое острие. Не видя, куда ступает, посыльный шёл к нему. Сухой земли почти не осталось под пламенем. "Сейчас волна раскатится до пирамидки, и всё..." До высыханья земли станет безопасна. "Доплеснёт сейчас... Или уже пены набросило... Судьба защитит его".

Фатум. Следующий шаг пришёлся на гальку между именно тех камней, на пирамидку. «Голубь» попался. Побледнел ли не видно, а видно, что стукнул с досады об ладонь кулаком. "Славный... На Пса смахивает". Олив приблизился. "Свиток возьму, вместе и за руку сведу..."

— На словах или письмом? — поинтересовался он ровным, обыденным тоном, словно ничего особенного не происходило, в рядах Южного словно они.

— Устно, — ответил парень и кашлянул.

Посыльные, "голуби", "почтальоны", они имеют и внешние знаки отличия, и формулировки заданные, и во многих случаях — позы, жесты. Чтобы не вмешивали их в ситуацию, чтоб на расстоянии подчеркнуть, что они не из противостоящего лагеря, а посторонние люди. Попавшийся, на свою беду, парень воспроизвёл такой жест, "глашатая", поднеся руку к губам, будто горн держа, знак подчёркивающий "это не мои слова". Он не успел их произнести, потому что, жест медленный, живописный, и Олив понял кое-что... Не Демона он испугался... Для первого раза он хотел не из кого-то особенного сделать артефакт, а артефакт — особенный... Особенный... Человека. Статую, копию. Имя Селены крутилось в уме.

— Слушаю, — сказал Олив и, перебив сам себя, вскидывая руку, спросил вдруг. — Этот с тобой?

На белую точку дракона в тучах. Парень обернулся... Занесённая, бледно-зелёная рука опустилась над его головой ладонью вниз. Ладонью вверх, всемирную тяжесть поднимая, вознеслась...

Олив присел на корточки, осторожно убрал торговую пирамидку, прижав до земли. Выпрямился и отошёл на шаг. Копия в рост, перламутровая Селена стояла пред ним в тумане на камнях. В слабеющем, демоническом пламени. И волны уже добегали до неё...

О материале Олив не подумал, только о форме. Не учёл. Зато форма воспроизведена в малейших деталях. Тонкие руки, изящные кисти, защитные фенечки, браслеты... Складки ткани настоящие, мягкие, чётки в руке раскачивает ветер, длинные, до земли...

Никому показывать не планировал! Ни Беста оскорбить, ни, — в страшном сне! — Изумруда. Олив следовал порыву: создать нечто особенное. Не он первый, не он последний. Сколько чистых хозяев потратили единственную попытку впустую на невозможный живой артефакт — человека?!

Вечер хмурый... Сильный ветер трепал одежду и белокурые волосы статуи. Ветер сырой, брызги, и серый, тяжёлый туман морской, за пределы огоньков на сушу выходящий... Складки платья расправлялись, размывались... Как и босые ноги статуи... Она получилась соляной. Олив смотрел на эти босые ноги, как багровые всплески пламени лижут их, как будто пламя уничтожает её, а не сырость.

Где-то над морем, начался дождь, темно, тучи отдельной не различить. Только огонь ещё подсвечивает берег. Брызнул дождь, порыв ветра отбросил белокурые волосы с лица статуи. И Олив увидел то, что должен был сразу увидеть. Он хорошо, распрекрасно сосредоточился, превращая...

У статуи было лицо Эми-лис-Анни. Она стояла в пламени как живая, одушевлённая им. Из горькой соли сделанная. Ветер и дождь смазали распрямили пряди волос, бусины чёток, все, что было тонко в ней. Лицо за плещущими кудрями больше не скрывалось... Олив смотрел, смотрел и проклял себя. Так, что все проклятия сбылись.

Сколько человек встретит эту же смерть на этом же берегу...

Не остановится, не смирится, ни в чём, кроме соли, Эми-Лис Олив не воспроизведёт. Но в минуты худшего отчаянья, придонной тоски, когда не помогает ни что, желая увидеть это лицо, он будет повторять бессмысленную охоту снова и снова.

Олив вернулся утром. От статуи осталось что-то вроде оплывшей, соляной пирамидки, поймавшей его самого.

Послание-то от кого, о чём было?

Глава 100

Глава 100.

Со дня утраты, со дна Великого Моря до туманных низин материка и шатра Биг-Буро, где бы ни был он, Беспятый Дзонг-Ача огромным радаром однонаправленных мыслей устремлялся к Гала-Галло. К моменту торжества мести, осуществляемой способами, мыслимыми и немыслимыми. И точно также вниз смотрели из Гала-Галло, не уступал его видениям апокалипсис, ожидаемый ими. Два грандиозных радара вычисляли друг друга излучениями ужаса и ненависти. Две пустышки. Два мыльных пузыря.

Как же судьбоносны бывают нежданные встречи! Как же обыденны долгожданные. Насколько ничтожные причины подталкивают к началам и к развязкам...

Дзонг-Ача не ворвётся всеуничтожающим смерчем в Гала-Галло, как однажды на Файф. Не разнесёт его в хлам и не присвоит обратно. Не доберётся до рассчётливой Мадлен. Гибнут всегда рядовые. Генералы набирают новых, передают им старую ложь и старые тюфяки. Оружие? Как бы ни так, оружием и мужеством, амуницией — сами запасайтесь, сами...

Гала-Галло останется под началом Мадлен пристанищем беглецов, трусливых, богатых снобов. Влияние его со временем даже возрастёт. Мема будет её правой рукой. И Котиничка останется живой легендой, инфернальным ужасом Великого Моря.

А с Крохой, рядовым, главным исполнителем, не совершившим ничего, Дзонг столкнётся нежданно и так обыденно! Стиль Густава лёгкий, спонтанный, проявлялся и охотах завершающихся без него. Распространялся и на случайные приманки, которым не знал настоящей цены.

Надежды Биг-Буро на сообразительность и благоразумие охотниц оправдались не вполне. Во-первых и в главных, живя открыто, в гуще событий и лиц, он не мог вообразить удушающей тяжести постоянного пребывания в норе. Лазутчики побоку! Это совсем другое! Тысячелетиями прятаться, кого хочешь сведёт с ума. Исчезновение Лести-Чети о многом сказало обитателям Гала-Галло, и ни о чём. Ясно, что всё плохо. Но Дзонг-Ача практически старая сказка... Они даже вообразить его на рынке, среди людей не могли. Морская сказка, подводная... Где Южный, а где чудовища? На Южном демоны моря держались скромно неприметно... Безумная, единственная версия родилась у них, что Густав или кто-то ещё сумел заманить или затащить пропавших охотниц в море, если заказчик действительно Дзонг. То есть, бояться следовало каких-то людей с Южного. А людей галло не боялись, слишком презирали. Это обычный торговец, или необычный, как Буро, с утра неспешно откидывает полог, озирает ряды и потягивается... Он делает так каждый день. Тот же, кто прятался в норе не одно тысячелетие, помыслив о прогулке, либо судорожно разворачивается и начинает, отбрасывая землю лапами, заглублять ходы... Либо выпрыгивает метеором. Мчит, сощурившись, уши прижав, к выбранной цели, а затем обратно с добычей у острых зубах. Так и Кроха провела успешную на Густава охоту. Чётко, быстро, грубо. Шантажируя и подкупая подряд, кусая всех, кого можно. И запрыгнула обратно... О, как она злилась на Мадлен, уничтожившую плоды её трудов!.. Нельзя было проследить?! Нельзя как бы... Они, все они, — полудроиды. Ловушка для Густава захлопнулась, просчитанная ловушка, и жестокая. Что надо было казнить его у столба, у рамы Гала-Галло? Полудроиды не продают билетов на казнь. В крайнем случае — на бой.

Кроха огрызалась... Думала, не сбежать ли... Снаружи знобко. В Галло тошно.

А Дзонг тем временем, Густаву не представляясь, смешался с посетителями его игровых шатров. В фазаньем наряде, "вороний, — воронёный, то есть, — фазан", костюм имитировал тёмный металл и маска со щелью на уровне глаз. Избрал основным местом пребывания шатёр, где бои-кобры. Шаман был даже уверен, что это Густавом поставленный человек. Где-то да... Дзонг вычислял шпионов, наблюдателей от галло. Естественно, они там были. Не зная, что предпринять, на что ориентировать их, Мадлен требовала мельчайших деталей, описания зрителей, борцов, обстановки, происходящего... В цель с сокрушительной точностью и попала одна деталь. При Крохе доложили:

— Ушёл рано, бросил приз в купол теней. И ушёл к себе...

— Что за приз? — раздражённо переспросила Мадлен. — Будьте уже конкретнее!

— Барабанчик двойной. Металлический.

Кроха взвилась! Быть не может!.. Помчалась во внутренний двор. Мало того, что из её беседок Мадлен что угодно брала без спросу, так она ещё и не возвращала, и прошляпила?! Точно, нету!

— Тот самый что ли?.. — возвратясь, прошипела она как раскалённая сковородка. — Мадлен, там он и висел, ты обратно не клала?

— Ты видела, и не забирала...

— Спёр, всё до чего дотянуться мог, спёр!.. Ну и скотина!..

А кто спёр изначально-то? И кто скотина?

В "аквариуме" Густава, под куполом с тенями кусачими и смешными, маленьким призом плавал барабанчик Дзонга... Тот самый, что держал в руках Вайолет, в день и минуту, забыть которые невозможно.

— Верну! Вот скотина какая!.. Чао, Мадлен!

Зверёк выбежал из норы за своей законной добычей.

Дзонг почти и не заходил в тот ребяческий шатёр... Тени слишком реагировали на него, выдавали. За входом следил. И за жилым шатром Густава одновременно. Но бой закончился. И день. Разошлись зрители. Победитель, прищуром Шамана сопровождаемый, унёс последнюю в своей жизни победу...

Прежде, чем кануть под землю, Дзонг решил заглянуть, выловить не артефакт, но тень. Жевать, перемалывать, переплавлять до утра...

Дзонг, большая чёрная птица, "вороний фазан" прошуршал к водному куполу, освещённому лишь фосфоресцирующими тенями, и среди них увидел — его... Из Гала-Галло вынесенный грабителем свой барабанчик. Руку увидел, протянутую к нему с другой стороны сквозь водную толщу. Искажённое водой, знакомое лицо. Быстрей, чем придонный монстр выбрасывает стрекало, Дзонг пробил купол воды и руку схватил...

Морские твари и до того метавшиеся хаотично при его приближении, брызнули в стороны, к стенкам ниспадающей воды. Лицо Крохи пропало. Дзонг-Ача прошёл водную сферу насквозь, а Кроха пятилась, отступала... Барабанчик свободной рукой подхватил, пробежал пальцами по звонкой мембране... Сам Дзонг истлел, переродился за прошедшее время, а ему, звонкому — хоть бы что...

— Это моё, — тихо сказал он.

Ни шипения, ни рокота в голосе. Некому удивиться, до Файф Кроха и помнила его таким.

Дзонг перевернул её руку ладонью вверх, поднял до высоты, на какой завершают превращение человека и спросил, прерывисто, в несколько приёмов, как задыхаясь:

— Здесь должен... Должен был... Быть иной артефакт, оуу?.. Какой, ооу?.. Ооууу?...

Кроха вырвала руку и взвизгнула:

— Ни-ет! Нет, Цонг, не должно, не было!.. Цонг, не было, не было!.. Не получилось!

Она пятилась к дальней стене шатра, на каждый шаг приходилось "нет!" и "не было!", скорей от ужаса, чем намеренно, восклицания перемежались гипнотическими для обычных людей на вдохе произносимыми "Цонг..." и "уурк...", ускоряющимися, глухими...

Кроха, мощный гипнотизёр, не развивала, не исследовала нюансы, возможности своего таланта. Не искала новых путей. Она шла путём прямым и насильственным. Примитивным. Наращивая скородействие приёмов. Чуткость к жертве на уровне: попасть в такт дыхания, подчинить и удержать. Удерживать жёстко, погружая в тревогу, в полу и ли полностью бессознательном состоянии. Когда-то в начале гипнотического, охотничьего пути её голос мог представать десятками вкусов, а в конце, как верно заметил Шаман, — одним, ядовитым окислившимся вкусом медянки отододи. Оглушающим, душащим, как её бросок. Не против Дзонга...

Он даже не счёл за агрессию. А когда медленно опускавшиеся веки Дзонга разверзлись, распахнулись перед ней, и слова застыли в горле.

— Не получилось? Оуу?.. — тихо спросил Дзонг.

— Будь я проклята! Вайолет не перешагнул рамы! Клянусь!.. Цонг, я клянусь!..

"Надир не ошибся... Что же ещё?.. Как узнать, что тогда случилось?"

— Я видел твою занесённую руку...

Ровный голос Чудовища Моря приобрёл шипение, побежал по шатру, стен достигая, не откатывался в море, некуда. Многократным эхо поднимался, заполнял шатёр... До щиколоток, до колен... Осязаемый...

— ...занесённую впустую! — крикнула галло.

Проще простого доказать её слова, не хищница, Кроха — чистая хозяйка. Нашарила нож и лезвие его попало в стыки тента... Поле ударило, но прорезала. Сколько удалось. Там, снаружи, на требуемом расстоянии от пирамидок игрового шатра, украшавших, освещавших его, возник её Чёрный Дракон. Ворчание, чешуя... Удары хвоста... Он — там, она — здесь. На самом деле, он возник из-за тумана рыночного, его опасностей. Своими невообразимо красивыми, белками сверкавшими, гневными глазами дроид Дзонга не видел...

Судорога от скрытой механики, высокого напряжения её полей свела руку. Галло уронила нож.

"Дроид... Последнее свидетельство..."

— Впустую... — задумчиво пошипел Дзонг. — Ооу?.. Ооооу!..

Перед гулким возгласом океанских глубин, на эхом голоса, эхом барабанчика, эхом шипящего, нечеловеческого дыхания Дзонга галло тянулась, вставала на цыпочки... Наводнение, потоп... Древняя, незнакомая угроза — захлебнуться...

— Дракон ездовой!!! — Кроха ударилась головой в тент, кулаками ударила. — Вот последнее, что я видела изнутри!.. Белые крылья распахнутые! Я уверена была, что он улетел, Вайолет! Отшагнул, улетел! Мадлен после, Мадлен мне сказала, что не было снаружи, что не улетел, чёрт!.. Я не знаю! Я не знаю!

— Ооу?..

Морем сотворённое полное преображение... Если сложить и сравнить отнятое им с им же

подаренным, в минусе ли останется человек? Такой, без Огненного Круга? Глазами холодными в полном смысле, не как озёра подо льдом, а замедлившимися до естественного видения цветов ледяных, Дзонг не видел в охотнице отпечатка последних секунд любимого, печати дроидских орбит. Да и ничего дроидского не видел в существе охотницы галло. Мелкое, жёсткое создание, далёкое от дроидского, как небо от земли. Это проницательность чудовища говорила ему, а память...

Дзонг-Ача смотрел в лицо осколку утерянного счастья, частичке той жизни. Смотрел на ту, невозможно поверить, кто в памяти его вместе с любимым поёт вайолет! Невозможно поверить... С Лести нет, а с Крохой они были почти дружны... Дзонг помнил, два голоса слитых помнил, да... Невозможно... Кусочек прошлого, реальный... Никчёмный... Памятный до боли... Как если бы Вайолет отражался в грязном-грязном стекле. И Дзонг не способен разбить его... Перед ничего не понимавшей Крохой стоял парализованный Ача. Невозможно...

Шаман имел обязанность, поднимать пирамидку до утра в соседнем шатре и раза три за ночь проверять, что делается.

Он стоял за водным куполом, за немного ожившими, осмелевшими тенями и смотрел на незваных гостей. На галло с голосом медянки отододи. Хищник, он расценил промедление Дзонга по-своему: нет загонщика или заказчика. И раз не подходят пирамидки вокруг, как заказчик — не подходит и Густав...

Мягким, кошачьим шагом Шаман приблизился открыто, так, чтоб Дзонг видел его. Как будто Чудовище Моря могло не заметить, лёгкий шаг борца ему — землетрясение.

"О, дроиды светлые, вороний фазан без маски!.. Но враг моего врага..." Подавив содрогание от зрелища неспешно опускавшихся век на абсолютно белом лице, Шаман также плавно опустился на одно колено, поднял пирамидку, сбрасывая на неё перстень с руки, встал и негромко спросил:

— Господин... Моря и суши... С чем мне вернуться сюда, какой артефакт сделать?

Дзонг задумался... Примерно такого момента опасался Биг-Буро, когда опасался за весь рынок, дом и угодья свои...

Как задумывается Чудовище Моря, как думают полудроиды под ливнем? Не головой, а всем телом. Водный купол с тенями взорвался! Выстрелил в своды тента!.. В полёте стал паром — холоднее холодного. Обжигающий лютым холодом пар, облетающий ледяными лохмотьями возле тела, горящий от холода. Шаман вполне мог погибнуть, кожа сплошняком засветилась огоньками дроидов. Они метались, но выполнили работу. Пар начал рассеиваться, конденсироваться. Заиндевелые лица Дзонга, Крохи, равно мертвенные... У тента сорвана верхушка.

Как резину, как удавку на груди растягивая, Шаман смог вдохнуть. Двигаться не легче... Он с усилием вскинул руки, поднял торговый шатёр. И повторил свой вопрос, какой артефакт сделать...

— Последний!.. — прошипел, пророкотал Дзонг, распахивая страшные глаза. — Вот какой... Согласен?.. И себе, ооу!.. Оставь...

Шаман поклонился.

Глава 101

Глава 101.

Туманные Моря дроидов 2-1 окружают Морскую Звезду, её лучами разделённые довольно условно. Специфика их во многом понятна лишь дроидам и людям вроде Аурору, с выдающимися способностями к абстрактному мышлению. Чётких границ между морями, действительно "туманными", нет.

А наверху, над высоким небом, где заканчиваются облачные миры, не имеется побережий, каменных мысов, зато границы весьма чётки. Между семействами второй расы 2-2. И внутри них, порой. Учитывая и "живые изгороди", траектории дроидов несущих службу одновременно подле нескольких тронов. Настолько специфичных, важных дроидов, что им дозволяется это не поощряемое, неудобное для владык поведение.

Общий план таков... Турнирная площадь находится над пиком Юлы — вершиной Синих Скал. Нужно помнить, что, касательно перемещений, дроидская сфера — обратна человеческой. Турнирная площадь — переломный момент, снаружи от неё нет свободных пространств для прогулок, "движения куда-то". Из центра её — есть. Там будут многие земли... Вольные... Вплоть до горы Фортуны, до птички Фавор, парящей, поющей. Но сейчас о том, что снаружи, о границах семейств.

Турнирную площадь окружают неравными секторами владения четырёх главных тронов. Семейство Там превосходит по площади все остальные вместе взятые. Площади, объёму?.. Всё так умозрительно... Короче, оно здорово большое! Семейство Закрытое-ото-Всех-не-Дроидов, меньшее из четырёх, расположено между крупным Дом и средним Сад. Владения же Там не только подковой огибают турнирную площадь, но и второй подковой, разорванным бубликом охватывают Сад и Дом снаружи, не смыкаясь перед владениями Августейшего. Бублик тоже не сплошной. Система лабиринтов, протоков... Вольготный Сад протуберанцы выбросил наружу сквозь неё. Более строгий Дом вторгается некоторыми полянками. Дальше этих трёх — веером расходятся меньшие троны, от родственных им областей.

А Закрытое Семейство, внешняя орбита Августейшего имеет правильную, идеально круглую форму. К другим не вторгается и к себе не допускает. Всё ему смешно, ничего его не касается! В частности, то, что задевает "мажордомов" и "садовников", вопиющая неправильность — нахождение за общей орбитой чрезмерного количества дроидов семейства Там. Это делает их похожими на вольных 2-1, аморфных в специфике, в обязанностях, непредсказуемо взаимозаменяемых... Если проще сказать, холодных владык бесит, что трудно послать метку внутрь тёплого семейства с запросом на конкретного дроида! Метку примут. Исполнителя пришлют. Подходящего для требуемой работы... Но — неизвестно кого! Не угадаешь, какого именно дроида! Это сильно мешает переманивать, интриговать. Но не мешает сопровождать запросы Восходящего, вдвойне обидно! Упрекают в излишнем числе взаимно перепутанных орбит... Хотя порядка и повиновения трону внутри Там — побольше, чем у некоторых!

Есть общие для дроидов склонности и предпочтения. Обилие нейтральных пространств, включённых в общее поле Юлы, пустует. Находиться в них дроиду, человеческим языком говоря, неуютно. Самый холодный дроид предпочтёт быть на время связанным обязательствами и местоположением с самым тёплым троном, чем провести это время в чистом поле. Гора Фортуны самое пустынное место, да. Дроид — упорядоченность, потомок машин... Неуютно...

Тотальная открытость — орбитам постоянным, широким, искажённым, и Вепрям, и меткам, и крику Выпей, насквозь продуваемое пространство.

А самое неохраняемое из упорядоченных, это как раз-таки бублик Там вокруг Сада и Дома. Потому, сердясь, беспокоясь и недоумевая... Радуясь обнаруженной закономерности, важной для людей, делясь ею с другими тронами, приближёнными чужих тронов... И просто так... Самые разные дроиды заходят побыть в этих тёплых областях. В общей форме посещают эти излучины. Дельты, заливные луга Там. Ни в чьи орбиты, зайдя, не вмешиваются, не пересекаются. И никто из хозяев их не беспокоит, не встречает и не гонит.

Для людей в Собственных Мирах области Там — недоступные, для дроидов — наоборот, открытые, как нечто имеющее среду, густоту тепла. К кому бы в первой расе не принадлежал дроид, тепло общее, холода специфичны, степени холода.

Тишь да гладь... Поле, сглаживающее скачки орбит, даже сложно закрученные орбиты идут ровно... Прекрасное место поговорить 2-2 о текущих делах и вечных принципах в общей форме на дроидском эсперанто. Праздность. Не турнир. Не облачный рынок дроидов...

И тут не без суеверий! Почему не задерживаются надолго... Якобы, если утратишь представление о времени, семейство Там отделит островок, унесёт далеко-далеко на нём и вынесет... Куда? Логично предположить — прочь от всех тронов, от тёплого и своего, в туманные Моря 2-1, в состояние вольного дроида... Ан, нет! Не вниз, а на головокружительную высоту, выше горы Фортуны. Туда, где кружат Белые Драконы, а над ними, над ними... Не будем про того, кто над ними. Космос, будем считать... То есть, забудешься, станешь драконом! Белым, автономным, безвозвратно. Кружись в голубизне, во мраке под яркими звёздами. Жди, пока невообразимо прекрасный лик Коронованного не направит к Восходящему, на последнюю службу.

Причиной суеверия послужила, вероятно сама аморфность, текучесть Там. Вроде движение, а вроде и нет... Вне турнирной площади, как говорилось, нет перемещений, есть перемена принадлежности, дроидсих статусов. Но Там создаёт иллюзию перемещения во множестве своих непостоянных протоков. Иллюзию того, что может истончиться перешеек, соединяющий уголок периферии с троном. Ерунда.

Владыки чаще других отправляются на островки гостеприимного, тихого Там. Им — ни отпрашиваться, ни отчитываться!

Граница семейства Дом на этом отрезке представала скругленьем кирпичной стены. Кладка рыжего, песочного цвета из массивных кирпичей. Зубцы поверху. Фундамент из крупных, тёсаных камней. Окон, бойниц не имеется. Трещины поросли мхом, кое-где и берёзками. Видимость, насмешка дроидов Там: старовата ваша крепость, подновить бы её!

Стену огибал ров с проточной водой, зеленоватой, речка. Само Там включало ров и стелилось по другую сторону от него лужком, причёсанной ветром травой. Не широкое, полоса. За ней ступенчато поднимались руины какого-то заброшенного, одичавшего сада. Близкое к Дому и Саду семейство Руины, именно. Живописное. И тщательно блюдущее мирную живописность в памяти ливней, в накопленных знаниях об упадке и разрушении материалов. Тема слишком близка к запретным Впечатлениям и артефактам, требует внимательной, постоянной фильтрации.

На причёсанной, выгоревшей, рыжеватой траве позднего лета сидели два дроида. Прямые, торжественно-прямые. Каждый будто на троне своём сидит! Одна рука уперта в колено, другая... Владыка Сад и Владыка Дом таскали из бумажного кулька вишню. Из полосатого кулька всех цветов радуги — натуральную вишню... Довольно-таки кислую, купленную Черным

Драконом для них на Южном Рынке. Плевались косточками в быстрое течение зеленоватой воды и громко, неудержимо смеялись! Оттого, что приютившая их полоска Там косточек не принимала, и методично вышвыривала от поверхности воды по высокой, красивой дуге, соответственно авторству плевка: то в область Дом, за кирпичную стену, то дальше руин сада. А иногда обратно — в царственный дроидский лик, успевавший, однако, увернуться!..

Вишни кончились. Доминго смял и вознамерился швырнуть туда же, в воду кулёк, но Сад пресёк безобразие:

— Брось, Доминго, то есть, дай, дай мне! Отдай, Доминго! Ты чего, а? На ближнем периметре — самое милое место. Прекрати, нас выгонят и больше не пустят!

— Меня? — Доминго наклонил голову к плечу.

— Тебя!

— Мигом выясним... Метку или дроида прокатить?

— Это справедливо расценят за подглядывание. А в курсе ли владыка, почитаемый сосед мой...

— ...давай, произнеси: а в курсе ли неизначальный дроид... Я всё жду довеска — "неизначальный", и всё никак не дождусь от тебя! Владыка, по дружбе... Скажи, а что вы все, ладно — они все, имеют в виду, произнося это?.. Кроме желания очутиться на турнирной площади?!

— Не поймёшь и не поверишь... Нам просто нравится произносить.

— ...издёвки?! Если б не от тебя услышал...

— Представь себе, наоборот!

Доминго и понял бы, если допустил бы такое, главный трон... Бесконечное умиление любого изначального дроида человеку... Пришедшему к ним и возросшему до первого среди них.

— Наоборот?.. О Фавор сладкий голос!.. Но не без причины же в каждом случае? Скажи, что меня выдаёт, мой приход известен в дроидской сфере каждому, зачем повторять, что напоминает вдруг? Заново?..

— Не поймёшь...

— Владыка садов, позволь, попытаюсь!

— Ты суровей, чем надо.

Действительно не понял...

— Но есть дроиды очень точных орбит... Точнее меня. Августейший...

— Так ведь он её не поправляет, не одёргивает постоянно, как кафтан, — возразил Сад, демонстративно подёргав себя за ворот и узкие рукава. — Дроидов вообще образовала воля, информации невостребованная часть. А совершенную стену его Закрытого Семейства — воля дроидов желания туда зайти.

Доминго развёл руками, прося продолжать: он смысла не улавливает, но внимательно слушает...

— Дроид мыслит, — сказал Сад, — на один-два шага вперёд, рассыпая лучи. А ты — на десять, отсекая тысячу по сторонам. Отсекая и то, чего нет еще, и скорее всего не будет! Зачем?..

— Чем-то плохо?

— Необычно. Дроид идёт от недостатка, от толчка пустоты. Запроса на что-то человеку, или трону, или ему самому недостающее. Не суть важно, в любом случае действует — от. От побуждения, а не к цели...

— Владыка, друг мой, взойти на трон, не цель ли всякого дроида?!

— Ох, Доминго, я предупредил, что не поймёшь....

Раз одёрнув, владыка Сад продолжал поправлять одежду. В общей форме выглядели они очень показательно.

Через миллиарды лет пронесший счастье быть дроидом и память о том, что не всегда был им, Доминго облачался в свет. Ничего не изображающий. Кроме специальных случаев.

А Сад... Есть выражение "с продуманной небрежностью", он — с непродуманной! Очевидной. Отбеленного, некрашеного холста штаны, рубаха навыпуск, пояс для инструментов, шейный платок бежевый, линялый. Широкая повязка поперёк лба с золотыми нитями, потому что — корона. Всё велико ему, болтается, волочится. Часто поверх костюма большой, как палатка дорожный плащ. Иногда, что и одёргивал, — узкий... Пиджачок, кафтан? В нём был похож на бродягу, нанятого в садовники, пожалованного этим кафтаном. Изначальный дроид стремился походить на человека. Общую форму использовал, чтоб побыть в чужой шкуре, вникнуть. На фоне руин с колоннами и разросшегося сада выглядел органично. Казалось, там нашёл себе приют, шалашик соорудил вернувшийся наследник. Нанял первым делом садовника... Хотя Дом-то с другой стороны!

— И всё же, — владыка Сад вернулся к недоговорённому, перебитому вопросу, — ты был осведомлён кем-либо или сам интересовался, с чего началась линейка запретов? Ты, так следящий за её делениями, знаешь, когда там единичка покинула ноль?

— Единица, — отвлёкся Доминго, заспорил, — ноль не покидала... Она бесконечно меньше ноля. Покинуть его не может...

Доминго расправил кулёк обратно, разгладил на колене и теперь складывал кораблик. Идея... Закончил, уловил суть вопроса, и поднял отрешённое, безупречное лицо. Не знал и не задумывался...

— С чего началась линейка?

— Представь, Доминго, с запрета дроидам дроидами играть! Без цели, просто так. Как люди говорили: это тебе не игрушка! Как мы Белым Драконам часто про людей говорим...

— А толку-то...

— Автономные ящерицы! Они не участвовали. Высшие дроиды таковыми став, оглядевшись, сказали друг другу сначала про неавтономных: это не игрушки. Затем и про других высших, временно подчинённых, так же сказали. Оно теперь вылилось в регламент турниров. Обязательных причин, неизбежной результативности.

— Хм, интересно... Это из-за уплотненья орбит?

— Да, при каждом взаимодействии. Инструмент тупится, изнашивается, по делу ли, не по делу использовать его.

— Иначе сказать, первым делом дроиды осознали себя набором созданных людьми инструментов и ощутили ответственность за их сохранение. А потом уже, как взаимодействовать, как служить, понимать и воплощать без распределяющего центра... В общем, разумно...

— И я считаю, разумно... Что будет, если сфера дроидов окажется состоящей сплошь из тронов? Это уже не — сфера... Осколок лазуритовый. Упадёт в океан и всё.

— Но друг мой, владыка Сад, это — ничтожное уплотнение...

— Не процент важен, а принцип. К тому же, и малое уплотнение может раскрыть широкий веер последствий... Не долька, а сколько!.. Не сравнить со своевольным человеческим контактом, но суть та же. А подглядывать-то, Доминго, это — играть! За людьми смотри,

сколько хочешь, чем больше, тем лучше... А за дроидами, изволь: зачем?..

— Ммм... Да что я не раскрою веер в нужную сторону?!

— Доминго! Ты мыслишь, как человек!

— А, к чему и шло! Ты всё-таки не удержался!

— Доминго ты и ссоришься, как человек!.. Не желаешь немножко истории?.. Волнами идёт развитие, да? Универсальное — специализированное... Они чередуются. Инструмент примитивный — он универсален... Камень тяжёлый и острый... Пошло развитие — два камня, один тяжёлый другой острый. Третьим чертят, рисуют... Они часто рисовали в саду... Дошло до кисточки, пригодной к одному типу мазка... Следующий виток — далеко отстоит. Примитив. Универсал: экран для команд касанием и словом... И дроид, реагирующий на команду, автономный, Доминго... И вот наш виток: высшие дроиды, отвечающие каждый за что-то одно... Мне удалось донести мысль? Высший дроид, это минимизация, необходимый минимум, не наоборот...

— Ну, это твоя позиция...

— Не только моя.

— Но — только позиция.

— Максимум восприимчивости, минимум вариантов это называется точность, Доминго.

— Всё верно. Но почему это должно быть распределено так широко, разбросано между семействами и дроидами? Почему не завязать на одного?

— Потому что — не получается! На кого одного, Доминго? Этого одного нужно выбирать нового под каждый конкретный запрос! Халиф на час. Восходящий выбирает манок...

— Совершенно бессознательно!..

— Зато сам.

— Это не считается за выбор.

— Это не наше дело. Или считаешь, чей-то один манок должен заставить замолкнуть все остальные? Одно ухо и один переводчик? Интересуюсь, кто? Сейчас скажешь, что — ты! И сделаешь вид, что в шутку.

— Шутка!..

— Ты мыслишь, как человек, друг мой, владыка Дом, не потому что желаешь заграбастать всё, и я желаю, и все до последнего дроида, разжалованного в улитки, все в дроидской сфере этого желают! А потому что, не понимаешь... Стать настолько всеобъемлющим и великолепным, чтоб большинство запросов оказывалось обращено к тебе, это база, основа... Ты видишь в ней кайф... А дроидский кайф, дроидское блаженство...

— Будь добр, продолжай, мне, в самом деле, интересно...

— Я подбираю слова... Смысл дроида — откликнуться очень точно на очень узкий запрос. Знал ты или угадал! Это именно твоё, твоя функция и понимание! Зона твоих дождей... Когда Восходящий собирает шикарный эскиз от начала и до конца под твоим руководством. Не перечит, не ошибается, это не кайф, это норма. Ты доволен собой, и прекрасно. Ты горд, и законно, дроидски горд... Но блаженство досталось тому, случайному 2-1, кто проводил его под грозовой тучей поймать глоток: проходит полуденная жара, а машина с вращающимися лопастями медленно полетает над головой... Звук вертолёта... Тому, кто увидел его расширившиеся зрачки и услышал: "Дроид, это! Именно это!.." Потом он станет узнавать, а что, собственно, это за машина... Будет направлен к следующему дроиду, под следующие дожди... Возможно, на континент, возможно за артефактами, что есть в книгах, редко встретишь в дожде от и до...

— ...а потом он погибнет на рынке, прожив от завершенья эскиза десять жалких лет...

— Десять человеческих лет. Это их дело, Доминго...

Владыка Сад помолчал немного и добавил:

— Когда тебе, говорят "неизначальный дроид", внизу под этими словами, не пренебрежение к тому, что ты делаешь, а недоумение к тому, чем довольствуешься... Что имеешь в награду... — он кивнул в сторону крепостной стены. — Что ты получаешь за поддержание этого здания? Личные контакты, личные сопровождения отсутствуют почти, ты видишь людей, и они тебя видят в худший момент — возвращения Огненного Круга...

Доминго разглядывал готовый полосатый, радужный кораблик:

— Я ещё помню, — прошептал он на человеческом эсперанто, Сад владел им, — насколько хотел сюда... Впустил бы меня владыка Там не равным, а навсегда — улиткой, без промедления согласился бы... Владыка садов, как думаешь, небо разверзнется подо мной, уплотняться орбиты до лазуритового шарика, я провалюсь вниз, если скажу правду? Давай проверим... Я принимаю все ваши условия, соблюдаю все — ну, почти все! — границы... Но, но, но... Для вас люди — цель... Для меня — средство... Я радуюсь размеру своего семейства, счастлив каждому новому дроиду, даже на короткое время вошедшему в него, я радуюсь каждому их успеху... Владыка садов, я искал дроидской сферы...

— Это превосходно... Нет, Доминго, неизначальный дроид, твои слова — не слова человека... Какой-то третьей сущности... Фортуна благоволит к тебе, и не зря, я знаю...

Доминго улыбнулся немного смущённо, и Сад перевёл тему:

— А ты ещё воспринимаешь вишню и вкус целиком? Можешь создать целую схему?

— Неа!.. Когда отвлекаюсь, воспринимаю. Когда очнусь — не могу уловить, что это было. И как можно записать?!

— Эх, жаль... Начертил бы хоть до половины, было б семейство Вишня!.. У меня, ко мне поближе!

— А то нет? Да наверняка есть!.. Давай отправим метку?.. К Выпи. А пусть она...

— Милый Доминго, это и называется — дроидами играть! Не пройдёт тебе бесследно!

Доминго рассмеялся и снова подумал, что дроиду готовому быть счастливой улиткой, трудно угрожать. А сейчас он имел абсолютно всё: господство, друга, слуг и почитателей в одном лице, любимого, большую турнирную силу, и особое положение в орбитах Гелиотропа... Всё-при-всё.

Бумажный кораблик закачался на воде, и река не отвергла его. Повлекла, сама выправила чуть завалившегося на бок.

— Вот видишь! — простёр белую руку Доминго. — На нас не сердятся! Но капитан кораблику нужен?.. Как же без него! Пусть дроид прокатится...

Владыка Сад, как настоящий сад под ветром, тихо вздохнул. Смирился. И он имел всё-при-всё. И друга...

Но так получилось, что друга — бывшего человека, поэтому больше дорожил, сильней беспокоился за него. Несомненное покровительство, Гелиотропом оказываемое Доминго, скорей пугало, чем радовало его... И доверие несомненное!.. Не бывает так просто, одно без другого, без далеко идущего веера лучей. Как сам Гелиотроп говорит: не долька, а сколько?.. Автономный дроид он, и по многим признакам ближе к драконам, чем ко второй расе... По силе, по безоглядности в принятии решений и осуществлении решённого... Вторая же раса побаивается драконов, дружит с ними лишь в частном порядке.

Как цирковой артист, балансируя не на канате, а в умозрительных дроидских сферах между

общей и необщей формами, Доминго играл, смеясь, клубком подобного же баланса, дроидом. Шар, клубок синих орбит катал по орбите рук, соединённых пред собой, по груди, прокатывая, и нагибая голову, по плечам... Подбросил и сильным ударом ладони запустил в отдалившийся, маленький кораблик. Попал. Вышло следующее... Кораблик оказался в его руке, на уровне лба, окружённый пылящим синим светом.

Индиго предстал перед обоими и осведомился, что требуется от него. Насуплено почтительный, с искрящимися счастьем глазами. Как стал дроидом, это выражение не покидало их.

— Ммм... — протянул Доминго, на ходу выдумывая задачу. — Проследи, сколько проплывёт, есть ли по берегам Дрёмы следы...

— И доложи, где причалит, — добавил владыка Сад, чего уж там.

— То есть, я понижен до метки? — уточнил Индиго, вместо того, чтоб исчезнуть немедленно.

Доминго сделал ловящий жест рукой, — прямо, как муху ловил! — но на тыльной стороне руки уменьшившегося Индиго вернул к межбровью:

— Дроид! — грозно обратился, и сразу мягко, насмешливо. — Ты не понял? Это повышение...

Поднял выше, ещё выше, над головой... Улыбнулся: повышение! Иди-иди!.. Статуэтка синего дроида, сделала шаг на бумажный борт... И дивная белая рука, когда-то державшая его же Огненный Круг перед ним, как вход в бесконечное счастье, швырнула кораблик в воду. Откуда изъяла, где ускорялось течение. Близ кирпичной стены полосатый кораблик с синим огоньком на борту закрутился на месте... Кажется, продолжил путь. Достиг поворота... Там встретил... Волну?.. Даже очень волну!.. На гребень её взлетел, растущей стремительно...

— Говорил тебе... — успел шикнуть владыка Сад.

Зелёная стена водяная закрыла обзор, небо, белый свет и окатила их!.. Не удовольствуясь содеянным, поднялась, покачала кораблик на себе, и ровно вишнёвую косточку, выплюнула его за кирпичные зубцы, в пределы Доминго.

Мокрые, владыки с хохотом повалились на траву.

— Не желают соглядатаев! — выговорил дроид сада.

— Не прокатило!.. — согласился Доминго, легко признав тактическое поражение.

— Ты, если не секрет, искал новые или подтверждённые следы?..

Но Индиго уже стоял перед ними.

— Ни следа, ни причала, владыки, — с полной серьёзностью доложил он, искрясь счастливыми глазами.

— Хорошо, — также серьёзно принял Доминго пустой отчёт.

Положил руки ему на голову и возвратил дроида в орбиты семейства.

— История не мой конёк, — сказал владыка Сад, — простого садовника увлекают простые материи, но даже при минимальном знакомстве с ней трудно не заметить... Людям имевшим власть грозила опасность от своих же охранников, за спиной ли стоявших, или у армии во главе, и от тех, кого любили.

Доминго лишь хмыкнул. Мысль о передаче власти, чуждая изначальным, ему — неизначальному не была чужда... Пожалуй, он хотел бы однажды увидеть Индиго на самом высоком троне. И сам хотел бы повторить путь успеха с некоего условного подножия, с вольного 2-1...

— Я думал, друг-Сад, обнаружить любые следы. У Дрёмы есть метка постоянно на тёплый

трон ориентированная, а у меня есть — связанная с ней... Владыку Там я хотел обнаружить на троне... Прямо даже уже интересно...

— Появится когда-нибудь.

— О, Фавор, это странное исчезновение не кажется мне исчезновением! Они тут, — те, что соглядатаев не пускают! — давно уже все такие правильные... Такие порядочные!.. Что-то прячут за правильностью, не ходы ли единично используемых орбит? Тех, что через трон — по касательной?..

— Доминго! Ревнуешь, придраться не к чему?

— Я знаю, достоверно знаю, сколько Дрёма меток по берегам раскидал, а не вижу на тёплых берегах ни одной! Почему?

— А, вот ты о чём... Будь покоен, переводчика он найдёт!

— Ты так спокойно говоришь об этом...

— И о чём беспокоиться? О Лале, о борце? Ты замучил его, мальчик по нескольку суток должен лететь в Собственный Мир? Зачем?! Доминго, какое наивное препятствование!.. Этот человек никогда в жизни не создаст высшего дроида, хоть всех переводчиков Туманных Морей приведи ему! И никакой другой человек — тоже не создаст.

— Почему ты уверен?

— Гелиотроп мудр, Доминго. Огненный Круг в-третьих опора телу. Во-вторых — основание рамы Собственного Мира. А во-первых — утешение. Жизнь людей никогда не было сильно радостна... Огненный Круг — обет: всё хорошо, всё само по себе правильно. Коронованный заботится о том, что это не фальшивка. Но это — преграда подлинной концентрации, рассеяние её. На пустую точку схождения в Стократном Лале сосредоточенности человеку не хватит. Незачем. Все хорошо, нормально, правильно. Высшего дроида, подобие человека воплощают всем существом, забыв о себе, помня только его схему. Это и для нас с тобой неблагоприятно, ты знал? Трон на некоторое время перестаёт быть. Поэтому работу выполняют специальные 2-1...

Аргументы понятные...

— Да, но... — с сомнением в голосе заметил Доминго. — Может получиться фигня какая-нибудь...

— Непременно! — весело согласился Сад. — Вот проблема, жизнеспособную, автономную фигню, как можно случайно создать?! Тысячекратно меньшая вероятность чем неслучайную нарочно! Забудь!.. Хватит преследовать дроида и борца. Доводилось тебе забирать Огненный Круг с рынка, что они зовут "Рулетки"?.. Так и наш Лал, как и наши улитки для людей — просто игрушки. Не более чем...

— Что-то я сомневаюсь... Мысль безумная, но... Люди живучи и изобретательны. Да, владыка, изначальный дроид, в данном случае мне видней! Неизначальному!.. Разве Огненный Круг неотделим от тела? Вполне... Им, к счастью, не приходило в голову...

— И не должно приходить! Отделим. Но без него, дальше некоторого срока жизни, небольшого совсем, когда импульс, произошедший от холодного из-под-морья, угасает естественным образом, ходу нет... Управление техническими орбитами и контурами в теле требует единой воли. Сознательной. Железной. Потому и называются они — неавтономными дроидами... Ты можешь вообразить такого человека?

— Нет, — улыбнулся Доминго, — среди борцов точно!

— Какая обидная, должно быть, оговорка для них!..

— Ну, будем надеяться, они не услышат!..

— Кстати, про сферу людей... А на что Черныш купил вишни?

— На игрушку для них, как ты точно подметил! На улитку Дубль.

— Дубль... Полезная улитка... — Сад присмотрелся к мерцанию в облаченье Доминго и воскликнул. — На мою?!

— На твою, она медленнее... Была. Я поставил... Мы поставили... Ну, как на Рулетки, рядом их...

— Ты забег устроил?!

— Ну... Да. И твоя проиграла. Пользуйся моей...

Владыка Сад поднялся гордо, одну ногу вперёд выставил, и бросил сверху вниз:

— Ты... Неизначальный дроид!

Поправил корону-повязку, тронной орбиты зримый символ, намекнув, это — не как у тебя, а заслуженно. Доминго засмеялся... Его рука засветилась... Перчатка! Зубами снял, и той же рукой бросил её:

— Обсудим при зрителях мою неизначальность?..

— Это вызов?

— Да!

— Ты играл моей улиткой, продал её, ты же меня и вызываешь?!

— Именно так! Однако вишней я поделился...

— Доминго... — Сад покачал головой, скорбно. — Это вульгарно, это пошло, не по-дроидски пошло так просчитывать ходы! Ты что-нибудь делаешь без задней мысли? Бываешь простым?! Тебя наедине с самим собой пора бы оставить, на денёк запереть внутри крепкой чьей-то тронной орбиты, чтоб ты сам себя обчистил до огонька, сам себя сверг, и вообще!.. Я знаю, к какому дроиду ты подмазываешься! Куда тянешь лапы! Давно присмотрел?.. А?.. Это мой старый дроид, Доминго! Он мне нужен... По-дружески отдал бы, а теперь, и проиграю, но не отдам!

— Видишь ли, садов несравненный владыка, нет под Юлой тронной орбиты, широкой, крепкой орбиты, способной меня запереть... А так, всё верно!

— Я принимаю вызов! И если Фавор пропоёт мне... Ты покупаешь — сладкой черешни, не знаю, на каких улиток, но — на своих!

— Мне пропоёт! Но я тебя в утешение — угощу...

Ах, жаль, высшим дроидам не сцепиться вне турнирной площади! Поэтому, обнявшись, руки на плечи, друзья-владыки по берегу Там отправились к месту, где сужается луг, кончаются руины. Чтобы разойтись каждый к себе. От бережка речки, ставшей ручьём, налево — садовая ограда с открытыми навстречу буйной зелени воротами. Пузатые каменные вазы — по аллее вдаль. Направо, за полоской воды — Дом, крепостные ворота закрыты. Индиго, привратник Дома, насупленный и почтительный, распахнул их, завидев владык. Тяжёлые створки на себя потянул. Они пролили оранжевый свет, раскатывающийся наружу сапфировым, синим. Широкий луч перекинулся через крошечный ручей, застыл монументальным, широким мостом. Ступени наверх и вниз. Мост с решёткой, на восьми столбах... Индиго перешёл его, счастливые глаза. Поклоном проводил Доминго на одной стороне, исчез, и поклоном приветствовал на другой, дома...

Между тем, лишённый Огненного Круга, высокий бледный человек стоял в тёмном шатре Густава и смотрел на опустевшее место, оставшееся от торговой пирамидки Шамана.

Глава 102

Глава 102.

Рассмешить дроида вообще, а уж Белого Дракона в особенности, не что-то требующее специальных усилий. Разговорить его — задача посложнее. Лёгкость первой задачи была бы подспорьем к решению второй для того, кто заинтересован в общении с дроидами. Но у континентальных полудроидов не котируется это общение высоко. И у чистых хозяев — с дроидами Я-Владыка. Не все знают, что с ними в принципе можно поговорить. Освещающий, раскрывающий Собственный Мир голос Я-Владыка для них просто данность, обстоятельство существования. Как и телохранитель. Что говорить про ездовых Белых Драконов, обыденность из обыденности... Чудо из чудес.

Иное — небесные бродяжки, люди замкнутые, редкие и пугливые посетители рынков. За таким в пыльном ряду Чёрный Дракон идёт, не исчезая. В глазах хищников местных смотрятся... Примерно как те, из эпохи до дроидов, кто предпочитал ярким страстям: войне, власти, любви — собачку или кошечку... Не дом, но лачугу в уединении, возле печки — кошка... Или дорогу, пути-дороги, на поводке — собака... Понятно зачем и отчего, но не серьёзно как-то... Соответственно и относились к ним, к их дружбе с дроидами, насмешливо, не серьёзно... Оч-чен-но зря!

Гулять по небу и дружить с собственным Белым Драконом — едва ли не лучшая для человека участь! Упоительней, легче и тысячекратно надёжней любви. Судьба не отнимет. Хотя... Драконы Котинички и Дзонга погибли прежде них, но это уж совсем небывалое, исключительный случай. Со своим дружить, а значит и со стаями его приятелей... Контакты не санкционированные, своевольные? Да, конечно... Да, а что?.. Ящерицам белым, крылатым, независимым навсегда, кто же им запретит?..

К слову, что уважается среди континентальных полудроидов, — ни что не ново в череде эпох... — две вещи: храбрость... и отчаянная храбрость! При соблюдении минимальных, а лучше максимальных, стандартов дроидского, благородного поведения. Если нет, на такового будут смотреть, может быть, и снизу вверх, но — со стороны.

Для человека публично преступившего достойное порядком за грань, или чуть-чуть, но регулярнопреступающего, не пройдёт это бесследно. Изначально никакого отношения к морю не имея, он начинает сближаться с теми, кто легче смотрит на вещи и на него, беспринципного, с неморскими демонами, а затем и морскими, самыми что ни на есть, чудовищами. Небесная и рыночная среды как бы выталкивают его из себя, подталкивают к океану. Где нередко всё и заканчивается. Бойкот, изгнание — для полудроидов единственно возможный, непроизвольный и трудно обжалуемый приговор. Вне игр, там свои правила.

Эти неписаные представления о дроидском, среди разных групп, статусов и сословий распределённые с разными акцентами, и являются причиной того, что лучший охотник тот, ловушки которого ненасильственны, и акции как таковые незаметны. Неморские демоны здесь не отличаются от людей. Они будут принадлежать к сословию чудовищ, но статус их будет бесконечно низок или подлинно высок не в зависимости от топанья изуродованными ногами или мутной плёнки на глазах, а от степени дроидского в общении. В долговременной перспективе. Неаккуратная, связанная с его именем охота на Густава означала бы для Биг-Буро огромную потерю из-за одного гадёныша. А аккуратную против него трудно провести! И даже чудовище наедине с чудовищем, Шершень в гостях у Олива вёл себя пристойно. Пока на суше. В

море же, это в море... Спросу нет.

По линии дроидское — недроидское, можно нарисовать шкалу от материка до неба. Предпоследняя степень падения и несчастья будет: на нейтральных или заведомо мирных территориях охотится силой. Последняя — группой. А на другом, верхнем конце шкалы, к нравственному, безнравственному вовсе не относящееся, счастье... Шикарное, мало кому известное счастье: играть, дружить, носиться по розе ветров со своим приятелем и его премногими приятелями, со стаей Белых Драконов!

Что же смешно им? Всё!..

В первую очередь — Драконы Чёрные... На задних лапах ходящие!.. "Ааахххх-хааа-хааах — на задних лапах!.. Уууух-хо-хо-хо!.." С точки зрения Белого Дракона подняться на задние лапы тоже, что для человека прислуживать на четвереньках, только гораздо больше в комичность, чем в унижение. Ну, это меж ними чёрно-белое вечное, Рута уже видал, сталкивался.

Вторая раса целиком смешна им, 2-2 в особенности. Пребывание дроида за орбитой трона, иерархичность. Атрибуты иерархии!

Они, воображая с чужих слов или заглянув одним глазком в семейство, могут пересказывать друг другу, как выглядят трон и владыка, с той же страстью, что деревенский пацан, вернувшийся с ярмарки, костюм и корону шута! Всем подряд и по многу раз! А уж что он выделывал!

"Уффф-уррр!... Ха-ха-ха!.. На коготь мой, видите... Нет, этот велик!.. Вот на этот смотрите, видите?.." Дракон левой лапой старательно отогнёт мизинец на правой и, высоко лапой лапу подняв, всем покажет, чешуйчатому белому собранию... "С коготь высотой... — Трррон!.. На голове — венчик!.. С зубчикамиии-ах-ха-ха!.." Оскалив пасть. А ему уже подсказывают: "Размерррром вот с эти зззубчики?!" Вот хохоту!.. "Уррр-ах-ха-ха!.. Не с эти, с твои!.. Пожалуй что, мои — великоваты... С твои!.. Аха-аха-ха-ха!.." Ну и потасовка, конечно.

А потом: "Ещё, дальше скажи!.." Дракон головой замотает: "Не поверрриte, вы не поверрриte... Вокруг трона дроиды кругами, кругами... Стоят и стоят... И год стоят, и два стоят... Уйдут, — холп! — и снова, снова стоят: я сделал, владыка!.. И не кувыркаются!.. Аааа!.. Вовсе не кувыркаются!.. Кругами так и стоят... Порядок у них там... Трон — в загородке. Выпь прокричать запрыгивает — в загородку!.. Дроиды — на одном колене или... — в загородке!.. Уррр-ха-ха-ха!.. Вепрь приносит с меткой 2-1, верите, приносит... — сразу в загородке!.. Уррр-как это грустно!.. Аххх-ха-ха-ха!.."

Клубы белоснежной компании ему в ответ: "Аааах-ха-ха-ха!.. Уффф-выдумал!.. Не верим-уррр-ха-ха-ха!.." И такое Рута видал не раз.

Сама форма драконья, не в обиду людям будь сказано, была избрана автономными дроидами, конструирующими последующие поколения дроидов, как оптимальная, наиболее совершенная. В них вместилось история развития живого, вроде как базис человеческого кода содержит память о предыдущих стадиях. Водная стихия, для Черных Драконов оставшаяся доступной, земляная, норная и воздушная. Неспециализированная форма, подходящая для любой специализации. А досталось Белым лишь одно — носить людей и кувыркаться! Остальное — их жизнь, их созерцательность, их дела...

Не дифференцированность по функциям и выдающиеся способности, в чём угодно, логично вытекают из их происхождения. Драконы проходили, как положено им стадию яиц и порой невероятно долгую. Они были заготовкой максимально развитых базовых качеств: охват

пространства, сила, скорость восприятия и реагирования. Идеальные заготовки. Драконья форма...

Шла эпоха неавтономных дроидов. Автономность драконы обрели вместе со всеми. Специализации не обрели. Оказавшись в числе целого сонма таких же, которых никуда не направили да и направить не могли те, что станут второй расой. Созданное ими превосходило их, кто они, чтоб этим созданиям указывать?

Благосклонность к людям не являлась в этом сонме привязанностью к ним. Общего поля Юлы не существовало. Общий контур координации запросов людей и базовых обеспечений только начал формироваться. Не захватил драконов. Они сами не включились в него. И великолепное множество расширилось до предела орбит, растворилось в космических просторах.

Чёрные Драконы и Белые, вернувшиеся — капля их общего числа.

А зависимость срока Белых Драконов от человеческого срока обусловлена тем, что, всесторонне одарённые, они мало-мало имеют тяги развивать какое-то одно свойство, талант, завязывать контуры орбит с другими дроидами. Им и так хорошо!.. Функция стала бы их именем, продолжением их бытия. Но бытие так вольготно, так полнокровно, что нет тяги, его преобразовывать, удерживать, когтями вцепляться и держать. Просто нет. Импульсу Коронованного они подчиняются, начиная службу, обретая смертность.

Белые Драконы, невозможно старые, крайне независимые, драгоценный сплав глубочайшей умудрённости с ребячливостью, очень склонны к повторам. Они — такая вечная, провинциальная глубина, не то что презирающая перемены и не признающая столиц, а просто не верящая в их существование где-то. "Моя пасть — моя столица, мои когти — мои границы". Их девиз! Законный. Они — внешняя орбита, с Юлой совпадающая. Белые Драконы не разлучались со светом солнца и звёзд, никому не позволили заслонить от себя небо. Под чистым небом и проходит их огромная жизнь, вольная. Признают, что видят: смену сезонов, ночи и дня, людей и отдельного человека... Видят первую расу, уравновешенную в них, не холодных, не тёплых. И расу вторую, угловатую, путанную, забавную, копошащуюся вокруг людей.

Чего Рута не сразу узнал: этой же склонности благодаря, когда пофыркать компании не находится или особенное созвездие оказалось над головой, печалящее, — звёзд не любят драконы, в звёздное небо независимость едва не утащила их, — под настроение, в общем, они пропевают на дроидском эсперанто очень красивые гимны... Сплошь из повторов... Такой, услышав случайно, пьёшь и не напиться, не кончался бы никогда... Как возникает песня, так и уходит в небытие, никто не запомнит её, не запишет... Да и не услышит, наверняка.

Недроидское происшествие на мирном рынке явилось причиной того, что среди людей ходит чудесная драконья песня... На Мелоди двое подрались, насмерть. Белый Дракон погибшего таял над рынком и пропел её... Не прощальная, приветственная. О том, как просыпается человек в заснеженной степи, чтобы увидеть Царя-на-Троне, как просыпается Восходящий с Огненным Кругом в груди, как, закончив эскиз, просыпается хозяин в Собственном Мире... Три раза по три строки. В первых трёх повторяется одна, во вторых — две строки, а три последние, одинаковые — гимн хозяину Собственного Мира. Пропел и пропал...

Белые Драконы сто тысяч раз могут повторять понравившуюся им шутку! Или сценку...

Сатирическую.

В широкой лакуне между купами облачных миров самый отчаянный дракон компании, — только бы не его, Руты, не то, держись!.. — взмывал над другими ящерами и зависал вертикально. Хвост назад, на плечо закинут. Задние лапы — лапа на лапу перекинута, будто на троне сидит. Морда изображает надменную мину: усы вверх топорщатся и в стороны, по ветру развеваются...

Остальные драконы, моментально приняв игру, усы почтительно и понуро свешивали. Окружали его. Кто, типа, трон поддерживает... Кто на одном колене, переднюю лапу поджав, указаний ждёт... Кто указанное приносит в пустой раскрытой лапе, в двух, поднятых почтительно над головой... Со страшными когтями! Если бы и Лал в них пурпуром светился, над этими зверски-прищуренными глазами, кто посмел бы взять?! А он типа, берёт... То пустоту, то, натурально когтями же сложенную, фигу...

В это время издали к нему, троносидящему, один Белый Дракон другого, как бы призванного или нарушителя за шкирку тащит... За гриву... Озирающегося, совсем повесившего усы... Тронный дракон как фыркнет на него!.. Нос в нос!.. От этого-то игривого ящера ему скоро нехило, больше чем от других, и достанется!

Когда же спектакль надоедал им... Воображаемая свита захватывала в кольцо воображаемый трон. Кружила быстрей, быстрей... Драконы принимали горизонтальное положение. Усы приподнимались. Лапы отталкивались от неба. Они бежали, как крупные звери, прыжками. Вились змеями… А тронный дракон, головой не вертя, зыркая круглыми глазами, напрягался до кончика хвоста. Хвостом этим бил. Нарастало глухое урчание...

Поднырнув, два, три дракона из "свиты" на очередном вираже вышвыривали его с "трона" как снаряд! Ох, Рута боялся этого момента! А вышвырнув, начинали самозабвенно драться за освободившееся место. И все остальные присоединялись к ним, включая свергнутого!.. Куча мала!

Но тронный дракон мог и не позволить вышвырнуть себя. Оказавшись шустрее...

Для них в потасовке промежуточный успех, зубами за шкирку, гриву схватить... За нос сверху!.. Ухватив так, тронный дракон трепал пойманного сколько душе угодно. Этот выбывал. Значит — следующего... До последнего — ни-ког-да! — не доходило. Это — драконы! Окончательно надоев всем, он оказывался в один непрекрасный момент под белым, чешуйчатым, когтями утырканным клубком заговорщиков!.. Тут уж единственная задача — вырваться и улепётывать за ближайшее облако, границу игры! Можно представить себе, что испытывал Рута, когда тронным оказывался его Белый Дракон!

Весёлые звери... Но в тот день, лёжа на воздухе, хвостами лучистый круг солнца образовав, носами к артефакту... Только брови двигаются в смысле подмигиваний: гляньте-ка, поглядите-ка... Хохотом громоподобным как разразились вдруг! Кто пролетал невдалеке, точно решил бы — гроза!.. Надолго хватило. Под затихающие громовые раскаты их фырканий и похохатываний Белый Дракон справа, чем-то, бутылочной, треугольной мордой похожий на осетра, на аллигатора, взметнул эту морду, гибкую шею изогнул к Руте, в фас, с высоты воззрился и, сдерживая смех, проговорил:

— Ффф-раууу? Зачем — это?..

"Сам ты — фффрау..." — подумал Рута. Пикировки не затеял, свой дракон вступится, гоняться начнут, а Дрёма ждёт его.

К тому же, черноглазый дракон-осётр, знакомый ему и прежде, мало располагал шутить. Он какой-то... Не ездовой. На вид... Гривы нет, хребет треугольный, с гребнем... Тело длинное

настолько, что мог всех белок, собравшихся сейчас, петлёй обогнуть, и ещё хвост остался бы. Рута катался и на "осетре" тоже, когда эти сволочи играли им, как мячиком. Стремительный, хитрый, но... Непонятливый что ли?.. Своевольный. Если в игрищах Рута должен был проложить путь, убегая верхом на «осетре», трассу образовать посложней, у них получалось фифти-фифти с выбором поворотов, в лучшем случае. Да и прочие белки, как заметил, в потасовках держались близ "осетра" настороженно. Если куснут удачно, то сразу раздаётся тихое фырканье, подозрительно похожее на извинения.

К Белому Дракону Руты вышесказанное не относилось! Этот ящер в дополнительных провокациях не нуждался.

Столбом подняв свою не особо длинную шею, он оказался с вопрошающим нос в нос, мокрые, наморщенные, и на дроидском эсперанто профыркал:

— Да, это смешная, но оч-чень вфффажная вещь!

— Инструмент-улита? — подал голос кто-то третий, произнеся в одно слово.

И то диво — дракон, осведомлённый в техно! Рутин белка кивнул, не отвлекаясь от визави. "Осётр" дёрнул подбородком, вперёд его выставил с гадкой бородкой, и нижние зубы — вперёд верхних, забор снежных пик, ухмыляющийся. Понятно... Весь драконий круг ожил, расступаясь от артефакта, так на брюхах по небу и отползая. Они точно вообразили себя крокодильей фермой!.. Кто-то по-птичьи, по-голубинному хлопнул крыльями... Но случилось нежданное. Отсрочка.

Вместо ответной ухмылки, вместо клацанья зубов за наморщенный нос, наверняка мимо, дроид Руты нахмурился, брови свёл, глаз прищурил, второй округлил... Монокля не хватало, так изучающе. Кивнул, подходит... И требовательно сказал забияке:

— Зуб дай...

Дракон хрюкнул, дёрнулся и отступил. Ухмылки клыкастой — как ни бывало... Даже губы поджал, при охватившем дроидов веселье! "Это тебе за ффффрау!.." — подумал Рута. Никак ему не уловить, это дразнилка из-за сокращённого имени или чистосердечное фырканье, без подкола?.. Раздавая тычки и толчки чешуйчатыми кольцами длинного тела, "осётр" выбрался на простор, нарезал широкий, узкий и вертикальный круги, завис надо всеми. Над Рутой. Недовольно, но серьёзно спросил повторно:

— Зачем?

— Зачем зуб, зачем штука... — передразнил дроид.

Белке Руты длинный "осётр" — наравне с другими приятель. Он отвечать не хотел, потому что сам не знал! И стеснялся этого. Вникать начнут, засмеют совсем...

— Улита — мерять. Зуб — для улиты. Человеку надо, вот зачем!

— Грызущая улита у человека? — недоверчиво спросил тот, знающий про инструменты.

"Ну вот, начинается..." Рута отвёл удар от него, покачав головой:

— Нет, дроиды. Не чтобы грызть. Это не второй расы инструмент, а нами сделанный, измерительная для нас улита. Сделали, теперь энергию надо.

Тут четверо знающих драконов подлетели поближе. Взяли в свои хвосты её, воплощённую плоской спиралью, понюхали, пофыркали…

— Как же измерительная, когда без разбору меряет всё?

Рута пожал плечами:

— Мы ж не конструкторы. Нам приблизительно. В поле, так сказать, скачок... Вниз скачок, затухание в поле... Я не технарь! Найти нам надо кое-что... Не все могут хрюкать и унюхать!

— По объёму как бы? С учётом — вокруг?..

— Фррр — да! — изобразил Рута дракона.

— Очень сильный нужен источник, чтоб очень ровно держал сам себя...

Примерно поняли! Развернулись к "осетру" и головами синхронно качнули:

— Давай зуб.

Он снизился, тоже подержал улитку в хвосте, взвесил... Взял в пасть. Куснул бутылочной вытянутой мордой аллигатора, — клац!.. И вернул Руте. Драконий зуб, он клык обыкновенный, но в обе стороны клык. Очень белый. Улитку просветил насквозь. Вертикально стоял в центре спирали, уменьшаясь, убираясь в неё. И по мере этого улитка преставала казаться стеклянной, возвращаясь к латунной непрозрачности.

— Вфффредную дрянь какую-то ищете... Найдёте, — пророчески хрюкнул "осётр".

— Не твоё дело!

Без объявления войны дракон Руты цапнул его за нос и не промахнулся! Жестокая обида!.. Напрасно Рута надеялся избежать гонок на этот раз. Дрёма вот друга сильно ждал, но, зная драконов, не надеялся. А клык очень нужен.

Сколько гонялись, Рута хранил улитку, как зеницу ока, как зуб пасти!.. Выпони на миг, белка не поможет, фыркнет: "Кого я должен был ловить — каменюку или тебя?!" И всё: "Прощайте труды, здравствуй, Великое Море, моей улитки не видало?" Сохранил, даже сам редко падал, раз двадцать.

А когда разлетелись, когда показался внизу материк, ниже Трассы, благополучно пересечённой ими, Рута попал в круг знакомцев с Рулетки. Не над океаном они соревновались, а низко над землёй. Играли в "Стяг". Флаг, да. Ещё называлось, пардон, в "Дохлятину". Стягать, стянуть дохлятину. Тряпка или какой другой, удобный для хватания объект закреплялся на шесте. Старинное очень, типа — тушка животного, добыча. Подушка изображала её часто! За неё сражались, на две команды разделясь. Команда над самой землёй защищает. Верхние — отнимают. Сброшенный на землю всадник остаётся пешим, но может продолжать игру.

Ещё опьянённый междраконьими скоростями, Рута подумал: "На минутку же... Я покажу вам класс!.." Нападающие приняли его с распростёртыми объятиями. Опомнился, когда стемнело. Дохлятину отбили! Вот там-то Рута улитку и потерял!.. О, как ему было стыдно!

— Я завтра, я сто процентов найду!..

Закатные облака просвечивали дроида, бархатное одеяние, тёплые, чуть раскосые глаза. Внизу, под драконами туман затянул Морскую Звезду, приподнятый центр континента выступает на ним, светел и деревьями сай зелен... Дроид не упрекал человека. В конце концов, заказ — с Техно, зуб — драконий, ничего такого, что нельзя повторить...

— Завтра она далёшенько будет, — мягко сказал Дрёма. — Не беспокойся, у нас всё получилось. Воспроизведём.

— Далеко уползёт?! Ты шутишь?.. Эта спиралька спиралью и движется, ладонь проходит за час! Мы ж вместе альбом смотрели!.. Дрём-ма, — как дроид к нему обращался, воззвал покаянно, — Дрёма, я лопух! Завтра утром верну! Уползёт?.. Не смеши меня, улитки с Рулетки — гонщицы по сравнению...

— Это, смотря куда направляются... — буркнул дроид под нос себе.

Распрощался, тёплым ветром проводил улетающего на Мелоди человека, Собственный Мир Руты поближе стал, а все-таки далеко...

Скептицизм Дрёмы имел основания.

Инструменты дроидов отсутствуют вне облачных миров и рынков из-за особого их свойства... Внешние орбиты трёх рас достаточно широки, чтобы охватывать землю целиком и часть миров по конкретным траекториям. Это даёт им как бы "плавучесть" относительно земли. Они держатся на ней.

Орбиты огоньков дроидов достаточно малы и непостоянны для свободного, повсеместного проникновения. Это противоположное качество имеет тот же практический эффект, как бы "плавучести", лёгкости.

Инструменты дроидов — нечто среднее. Эти неавтономные дроиды, состоящие из того же самого лазурита Синих Скал. Не преобразованного. Он не растянут в них достаточно широко, и не раскрошен достаточно мелко... Предоставленные сами себе, они в лазурит и стремятся вернуться. Сначала физически — домой. К подножию Синих Скал. Там уже в камень. Это притяжение заложено в них, как некий самодостаточный двигатель, источник неисчерпаемой энергии. При нахождении в мирах, облачных рынках, в дроидской сфере. А в море и на континенте ползают, точно, спиралью.

Так что утром, на место игры возвратясь, Рута по идее должен был обнаружить на сухой земле неширокую, осыпавшуюся воронку. По идее...

Что же за инструмент на основе общих атласов рассчитали и воплотили они? Пока Доминго после разговора с владыкой Сад несколько ослабил хватку. Нужный, очень нужный!

С помощью не одного, но по штуке из каждой категории поисковиков, призванных к делу Проблеск, переводчиков Дрёма нашёл. Через каждого прочитал Руте схему высшего дроида. Выпи. Прося по завершении танец указательных жестов воспроизвести... И хватался за голову...

Владыка Сад знал, что говорил. Ни на что не похоже! Ни-на-что!.. "Милый борец, дорогой друг мой..." Дрёма нуждался в совершенно ином, в старом человеке. Возможно, танцоре. Возможно, музыканте с идеальным чувством ритма. При этом — технаре, умеющем видеть цвета ледяные. Не ради цветов, но ради замедления, очень тонкой дискретности времени и углов поворота. Вроде Гая...

Спросил. Юлия-Альба, чьё будущее оставалось под вопросом, высмеяла предположение: "Твоё ли это, дроид тепла, — поиск холодных глаз?! Гай?.. Ни за что! Покинь видимость моей рамы, дроид!.. Гай?! Что он создаст, протанцевав стократный Лал до дна? Вторую Юлию Альбу?.. Ой, никогда!.. На что поправка делается в троне орбит?.. В чьей эта поправка воле?.. Ах, дроид!.. Я бы и рада помочь тебе, но едва выйду отсюда..." Дрёма посмотрел на потустороннего Гая, стоявшего рядом... И с Юлией согласился.

Раскаявшийся хищник, конечно, не сводил с неё глаз, но думал он об Архи Саде. О конвенции... Дроиды, какой примитивной, с каким презрением Гай отнёсся тогда к этим строкам! О стыде... О прошлом своём и о будущем — своём. И возмездии. О раскаянии деятельном... И снова о возмездии. Юлия Альба, как дроид желания, не верила в Фортуну, а он, человек, — поверил! Иногда Гаю казалось, что он слышит высоко-высоко сладкую песню Фавор... Неужели замолкнет?.. Юлия выйдет однажды, и тогда перед четырьмя тронами Бест будет иметь голос. Достанет ли его? А Гай перед своей совестью, как перед тысячью тронов с ощерившимися гарпиями, стоит один. И по заслугам. Тут ни Бест, ни кто другой голоса иметь не может...

Рута — мимо, все знакомцы его — мимо, Гай тоже... Выхода нет, кроме как расширять знакомства. Умножать нарушения, дроби дробей...

Дрёма рассудил верно: их склонности, и его и Руты, приводят их к людям совершенно противоположного требуемому склада: тёплым, живым и весёлым. Так родилась идея инструмента. Путь вещь подскажет, на кого обратить внимание. Эти штуки так прилипчивы на Рулетки, так ползают по людям, считывая, что ни попадя... Подкорректировать немного и не выпускать из рук, пусть на расстоянии смотрит. Оценивает суммарную живость: скорость вращения Огненного Круга, скачки или плавность огоньков дроидов. Где Рута бывает, пускай там и поглядывает в спираль — на Южном, на Мелоди, в небе. На Техно путь погуляет, на Техно больше всего надежды. Улитка-поисковик для людей, феноменальная, небывалая... И Рута потерял её сразу!..

А она — нашла человека.

Глава 103

Глава 103.

Централизация и децентрализация управления наделены увесистыми, взаимозавязанными комплектами плюсов и минусов. Их варианты стремятся к золотой середине, да всё никак не сойдутся. Видимо, невозможно её достичь.

Такие дроидские варианты как...

Передача наблюдений и указаний по цепочке до промежуточных центров. Вопрос: насколько длинной должна быть цепочка? На каком уровне меньший вред нанесёт испорченное звено? Чем короче, тем меньше вред. Но чем длиннее цепочка, тем выше скорость передачи информации. На перекрёстках осуществляется выбор очерёдности пропуска и процесс тормозиться тем сильнее, чем больше отходит дорог.

Дроиды, помогающие Восходящему, напрямую подчинены его главному дроиду, трону, чей манок он избрал однажды. Если у одного из них понимание расплывчато или информация не верна, не беда. Трон отправит ему в помощь переводчика, гонца пошлёт рассмотреть, где какие дожди, в крайнем случае обратится к другому, похожему. А если похожих — сто? Только на один аспект одного запроса, эпоху, к примеру?

Неплохо, чтобы эти сто оценивал по богатству, точности и скородействию какой-то специальный приближённый трона. Но если он ошибётся? Это уже серьёзней, он отсечёт сразу девяносто девять подходящих вариантов ради одного ошибочного. И... Но... — Сделает это быстро!..

Некоторой автоматической перепроверкой является наблюдение, отходят ли от достигнутой точки многие лучи под тупыми к исходному направлению углами, продолжая его? Если мало или с крутым поворотом, ищи ошибку. Но... Необязательно! Свобода воли — свобода выбора... Наблюдая эпоху под дождём, Восходящий мог зацепиться за книгу, популярную в этой эпохе. Но принадлежит-то она эпохе совсем другой! Крутой поворот?.. А возможно, его привлечёт запах книг, иллюстрации одного типа? Принцип гравюр?.. Поворот ещё круче!.. Не указывать Восходящему — принцип номер один. То есть, всё это нужно отслеживать, а не отсекать...

Общий вывод: за ключевыми моментами должны следить дроиды разные. Сильно отличающиеся. Их и установилось порядком по мере развития дроидской сферы...

Дроид возносящий из снегопада, Коронованный, не тот, кто себя, Огненный Круг, вложит белыми руками. Это функция Доминго. И направил Коронованного к Восходящему не он, а дроид Смотрящий-за-Снегом, так и зовут, это единственная его функция. Дальше — манок трона. Затем — приближённые его, отобранные временем, и властолюбием главного дроида. Затем — весь круг семейства. Следом — дроиды родственных семейств. Ещё шире — обращения к семействам далеко не родственным, чужим по принадлежности к первой расе. Очень широко — контакты с Туманными Морями 2-1, с дроидами-понятиями. Чёткими, но вольными, вольно трактуемыми вне семейств...

Совсем иной дроид по завершении эскиза сообщит об этом Доминго, как о сроке открыть Огненный Круг для дроида Я-Владыка. Смотрящий-за-Облаками, за сроками, это его единственная функция. Он близок к Юле, во вращение общего поля смотрит. Сообщит Доминго одному и лишь в последний момент. Дроиды не должны подталкивать Восходящего, торопить, или намекать, что ещё полно времени, и он может поближе рассмотреть именно их темы, их

ливни.

Взаимодействия сложны, не линейны.

Непредвиденное бывает…

Изумруд, личного дроида не имевший, не собиравший эскиза, не имел и Огненного Круга... Вплоть до последних минут, когда 2-1, Смотрящий-за-Облаками, что означает, за скоростью теченья огоньков дроидов в телах, ведь именно от него зависит и срок воплощенья эскиза и срок окончательного таянья облачного мира, последней грозы, сообщил Доминго о сроке для ещё одного. А круга — нет... Эскиза нет... Более того, он лишь плавал, что такое летать — не знал!..

Семейства вздрогнули. Они успели. Изумруд получил всё разом. Минимальных объяснений не получив. Как? Он не взаимодействовал даже с дроидами на лепечущем, необщем, дроидском перезвоне!.. Собственный Мир получил нулевым как бы. Что было у него перед глазами и в уме просторы подводные, с тем и заплыл в Огненный Круг, как Индиго, дроидом становясь, вылетел из Огненного Круга, обернувшийся рамой. Зубастой, помещённой затем в Морского Гиганта... Белый Дракон встретил его при первом же всплытии на поверхность океана.

Удивительно, что выжил в Великом Море. Но, с другой стороны, чему удивляться? Он был пустой от связных Впечатлений. Дождей почти не знал. Они редко до земли долетают. Расценивал их, как непостижимое чудо. И жизни другой не знал...

Наблюдения дроидов за людьми опираются на общее для них — наличие Огненного Круга.

Главный момент централизации. Подводящий крайне редко. В наблюдениях они опираются на единственное серьёзное вмешательство, осуществлённое дроидами в человеческий организм. На то, что им хорошо видно…

Тенденция вылилась в резкое доминирование круга, как маяка.

Как радикальное вмешательство, он произвёл очевидные, позитивные и продуманные изменения в человеческом существе, но побочным эффектом и положил начало изменения в существе, в мышлении высших дроидов...

Шесть органов чувств — ворота информации для человека. Всего — шесть! Это очень мало. И те могут быть закрыты или открыты. У дроидов неизмеримо больше. Но на следующей ступени сравнялись... Вход в зал — один!

Камердинер может докладывать о пришедшем, если важный туз, но не упоминать шмыгающих под ногами мышей. Отфильтровывать, согласно своему разумению, важное от несущественного на входе. И люди и дроиды склонны натренировать его, ориентировать на что-то специальное.

Троны и драконы... Гонщики и коллекционеры... Любопытные и разочарованные, усталые существа... Все на что-то своё больше обращают внимания. В этом смысле разница между дроидамии людьми такова, что с шестью органами куда легче управляться, сужать не надо, куда уж. То есть, и людей и вещи безразличные ему человек всё-таки замечает.

Не то с дроидами. Для них, сколько типов информации, столько и входов для неё, органов восприятия. Для каждого! Как трон разбирается с запросами Восходящего, так каждый дроид разбирается ежесекундно с доступным его восприятию. Отфильтровывая, распределяя по

степени принципиальной важности и сиюминутной актуальности. Перераспределяя. Чем больше специальных отсеков, тем дроид умней, но они ещё должны быть правильно подписаны, и между собой по смыслу соединены. Если память дроида один огромный ящик с надписью "всякое-разное"... То с ним очень весело!.. Но сложно весьма!

Каждая частица информации попадает на свою орбиту и удерживается на ней. Орбиты по смыслу сближаются. Трон — предел уплотнения, нечто проверенное временем. Если семейство Дом, так уж оно точно про дом!

Частицы информации для дроидов — безошибочные, равновеликие.

Откуда взяться ошибке, если для различия, например, кусочка фантазийного от нефантазийного Впечатления нужен отдельный маркер в виде третьего кусочка информации?.. Так же безошибочной. И связанной с двумя правильным образом!

Бессчётное множество…

Тем не менее, есть два главных отсека дроидской памяти "косвенно" и "прямо" связанное с людьми. Первый — огромный, второй — определяющий.

Отсек "прямо" видит прежде виденное, узнаёт знакомые лица и слышанные слова человеческого эсперанто.

А не виденное? Невиданное?.. Вот!.. Наиважнейшее звено, глаза направленные именно, специально и всегда на сферу людей направлены на Огненный Круг! Потому, что это — быстро. Это — стремительно. Всегда видно. Есть у каждого. Ну, почти у каждого...

Сфера людей из дроидской сферы, с горы Фортуны выглядит гигантским созвездием. Дроид видит одну звезду, Огненный Круг… И уже затем рассматривает человека вокруг него.

В принципе, ничто не мешает дроиду в общей форме увидеть человека, как он есть, видеть и слышать. Точным подобием человеческих глаз и ушей. Но кто и зачем станет таращиться и вслушиваться в пустоту? Часто ли люди к пустому месту направляют пристальное внимание, не подозревая себя в галлюцинациях? Разве, получив от Гая записку в цветах ледяных!.. Вот-вот...

Дроидов не ориентирующихся на Огненный Круг совсем мало. 2-1 не принадлежащие тронам, но служащие лично Доминго. Как ставленнику Гелиотропа, а не как главе семейства. Старые дроиды, мало специализированные. Потомки климатических, дроиды регенерации. И ещё один, который в космосе… Те, в общем, дроиды, которым внезапное, новые формы важно быстро различать.

И к улитке, потерянной Рутой, всё это имеет самое непосредственное отношение.

Глава 104

Глава 104.

Пристыжённый, искренне сожалея о своей безалаберности, Рута прилетел осмотреть место игры ранним утром. Было тепло, вились дымки испарений, лёгким ветром отклоняемые к морю, побережье близко, один из коротких лучей Морской Звезды. Равнина, над которой носились, велика… Да и пуста ведь, артефакт должен блестеть, латунь на вид, как бензиновыми разводами покрытая. Улитка казалась маслянистой, но не наощупь.

Белый Дракон летал низко и плавно, тоже искал, разглядывая сухую почву, фыркая на испарения туманов. В полном соответствии с предсказанием Дрёмы, нашли они не улитку, а воронку от неё. Но не на поле сраженья, в отдалении к берегу, случайно. Если бы Дрёма не предупредил, Рута и не понял бы, не обратил внимания, как изменился пейзаж.

Он уже улетал, высоту набрали. Последний взгляд вниз... "Вон там! Вот она, — закричал Рута, — обратно давай!" Обеими руками наклонил в нужную сторону усатый нос драконий. Ветер свистнул в ушах, Рута скатился с белой шеи, оставив руку на ней, чтоб не исчез дроид. И не сверзиться... Присвистнул, вперившись под ноги себе. Посыпался грунт, заставив на шаг отступить. С высоты оно выглядело иначе...

Воронка оказалась кратером. Тонкий слой песка вперемешку с сухой глиной. Дальше полосатый, буро-рыжий камень. Кратер словно чего-то извергавшегося. Точечно, но с большой мощью. Шагов на двадцать вокруг почка усыпана обломками, осколками. Блестящие чёрные куски обсидианового стекла, камня подземелий. В сторону моря от кратера шли разломы широких трещин. Сам он сужался до чёрного колодца немногим шире плеч. Туда лезть — скатиться... А вот по разломам вполне можно попытаться...

— Красота... — Рута обернулся к дракону. — Неужели эта штука обладает такой мощью? От вашенского зуба?..

Дроид шевельнул бровями, кто их знает улиток этих?.. А тем более людьми переделанных... Да и вырыть ямку, разве это мощь? Подлез под руку дальше и осторожно, но крепко взял человека зубами за ухо, двумя клыками, левыми. От драконьей пасти дохнуло просторами высокого неба — сладкой мятой, домом, Собственного Мира снегами, давно он по верхним лепесткам розы ветров кружил... Рута засмеялся, щёлкнул по широкому носу и голову в сторону отвёл. Держит, не отпускает...

— Оставить ухо тебе на память?.. Дракон проницательный и упрямый!.. Спущусь! Я ж потерял. Вдруг она там ещё?

Хлопнув дракона по шее, Рута перепрыгнул узкую трещину и заглянул в широкую, с осыпавшимися краями. Чернота обсидиана начиналась близко к поверхности. Где-то слоями в буром камне, где-то сплошняком. Ширина позволяла опираться ногами и руками. Фонарика не имелось, было обычная искра на прищепке. Рута примерил её на борт борцовской куртки, неудобно. Переместил на тесьму кожаную по шее. Вроде татуировок, временный ученический знак для отметок. Грубая как ошейник, лежащая плоско. На ней искру можно щёлкать подбородком, без рук. Сноп света выбрасывался короткий, но широкий. Пока, дроид. Рута исчез под землёй.

Кое-где пробирался первоначальным манером. Где-то скатился, мокро, скользко. Дальше протискивался, выбирая направление к кратеру. Обнаружил его, ровный колодец. Спиралью выгрызает? Похоже... "Упс... До центра земли, Дрёма? До подножия Синих Скал? Не думаю, что

они здесь заканчиваются..." А колодец — здесь. Кружком наверху светлое облачное небо. Где-то там Белый Дракон его... "Смешной дроид, за уши хватать... Что я из-под земли не выберусь?.." В светлый кружок над головой Рута прошептал: "Пока, я скоро..." И отправился дальше по наклонному ходу, уж очень свод его округл, на улиткин, колодезный похож.

Наклонный ход шёл к Великому Морю.

Несмотря на направление, воздух становился всё суше, полудроиды чувствительны к этому. Облизывая губы, Рута отметил: "Соль..." Оседавшая на них? Видно воздух не чист. Горькая. Перепрыгивая трещины, светил искрой, но вскорости она не понадобилась.

Под сводами толклись огоньки дроидов. Странные... Красные. Среди золотых и синих, проливавшихся разом. Красных они будто бы сторонились, сгоняли и подталкивали их вниз, когда удавалось сбить кучку. Красные, вздрагивающие огоньки образовывали струйку, ручеёк. Стекали в трещины по стенам. Где не находили трещины сразу, лужицей накопившись дрожали, и Рута перепрыгивал их. "Неслабо меня занесло. Будет о чём рассказать..."

Своды утратили колодезную округлость, но ход подземелья имел очевидный магистральный путь. И явно свежий. Усеянный обсидиановыми осколками, как на поверхности. Странно было бы повернуть назад. А может и не странно...

Осыпи суглинка и обсидиан настоящих подземелий, всё стало заиненным солью. Чистой Воды забвения в помине нет. Вот что непривычно. Соль шла потёками, наростами. Скрывала острые углы... Складки соли как-будто колыхались, тяжёлой тканью от слабого сквозняка. Как-будто?!

Земля под ногами прокатилась волной, и Рута понял, что ему не мерещится. Треск раздавался далеко и близко, сопроводив эту, первую волну. Молнии негромкого резкого скрипа от сводов до невообразимых глубин пронзали толщу земли.

Рута находился под Горькими Холмами. Где каменные породы плавали в соляной. И недалеко Горький Залив.

Струйка тревожных, красных огоньков скатилась по стене. Рута хлопнул глазами, сел на корточки, щёлкнул искрой... Отпечаток улитки! "Дроиды светлые, я всё ещё на верном пути!.."

А не прочь он был и в обратную сторону. Солёной горечью никому не понравится долго дышать. Рядом с отпечатком виднелась воронка. Забавно. Если она зарывается так, значит… Кто-то не дал ей зарыться?.. Ещё отпечаток! Рядом два стёртых. "Кто-то перекладывал её?.." Наблюдение точное и правильный вывод. Получится из Руты вир. Упорный и рассудительный. Получиться должен...

Для него, полудроида, борца, пласты земли и соли трещали, скрипели. А для другого существа на порядочном расстоянии его лёгкие шаги гремели и сотрясали долину. Эту, через неё — соседнюю... Рута не свернул бы туда. Двигаясь прежним курсом, он вышел бы к Горькому Заливу из-под земли. Но был услышан. Замечен.

Тихий, далёкий звук барабанчиков попадал в ритм шагов поначалу. Уже это означало, что добыча не уйдёт. То есть, не о бегстве речь, а о решимости к бегству. Гипнотичность Дзонга столь же вкрадчива, сколь и надёжна.

Руте, подуставшему, пресыщенному горечью, стало любопытно. Пятками по соли он выбил какое-то подобие чечётки и стал ждать ответа. Нечасто откликались Дзонгу Ача. И ему стало

любопытно.

А любопытствовать можно лишь человеческими глазами. Поэтому, обвив ритмом жертву, он не распался на тени и не сделал броска. Барабанчики повторили чечётку. Ха... Продолжим.

Дзонг поймал парня, но и сам попался на тонкий, его исподволь действующий аспект. Рута дружил, часто общался с дроидом второй расы, иногда — с его подругой, дроидом желания, а уж сколько с драконами... Бесхитростная чечётка несла отпечаток дроидского... Можно сказать: два — один, в пользу Руты!

Подошвы мягкие, звук глухой, шлёпающий, хоть и сухо. Барабанчики звонкие. Они приближались.

Здравый смысл отчётливо сказал: "Рута... Куда ты зашёл, на Мелоди? С кем ты выплясываешь?.. Здесь можно встретить только Чудовище Моря". Рута здравому смыслу не смог возразить. "Ну, да... Но я уже здесь, чего теперь-то..." Рута пошёл на стук, свернув с широкого пути.

Узкая расщелина клином сходилась ввысь, затем расширилась. Скорлупа соляная, колотая по стенам. Чёрные трещины разбегаются глубокими изломами, виден обсидиан. И огоньки дроидов… Золотых совсем нет. Ручейки, красные ручейки повсюду... Сбегают, струятся, вздрагивают... Тревожные. Бегут, в сплошные потоки сливаясь, и разбегаясь, чтобы препятствие обогнуть. Белая соль, чёрное секло обсидиана, красные струйки бегут, мерцают, горят... Жутковато, но красиво.

Подземный музыкант предстал за левым поворотом. Наверх, налево, и там...

Подсвеченная красными огоньками, плащом чёрных волос укрытая статуя. Пятно бледного лица. Глаза прикрыты. Пальцы обеих рук бегают по двустороннему металлическому барабанчику...

Как бы то ни было, но человеческий облик заставил Руту облегчённо выдохнуть. Густав особо брезглив, но уродств, внезапных, вычурных уродств боятся все без исключения полудроиды. Остро их воспринимают. "Подземный музыкант, подумать... Возможно из тех, что коктейльными монпасье торгуют не Краснобае, самолично не появляясь... И барабанчик там выменял, наверняка... Неужели всю жизнь тут?.. На Мелоди от танцора одного слышал, что они кажутся себе жуткими, дичатся людей. И напрасно, и зря... Этому, например, самое место на Мелоди". В общем-то, угадал, так и было когда-то...

Прикрытые глаза Дзонга распахнулись, сверкнув белками. Рута не заметил. Щёлкая искрой, он увидел под ногами статуи осыпавшуюся воронку... Под белой солью латунный завиток улитки ещё сверкал!..

— Ай, вон там!.. — возвопил он. — Держи!.. Господин, если можно! Если тебе не трудно, шаг назад!.. Ай, эта штука мне крепко нужна!..

Рута бросился, но Дзонг опередил его. Улитка оказалась в протянутой, бледной руке. Обоими разглядываемая... Нашла. Момент истины. Бензиновая плёнка спектра на ней движения не производила, цветов не меняла. Совсем...

Взгляд Руты поднялся от неё к страшным, медленно прикрывавшимся глаза Дзонга:

— У неё есть выключатель? — растерянно спросил Рута. — Господин, ты нашёл у неё что-то подобное?

Тяжёлые веки распахнулись, и Дзонг пророкотал, насколько мог приглушённым, в гальке шипящим прибоем:

— Странная встреча... Ооу... Нет.

Пустой от мыслей, от жажды, искавший уединения тут, Дзонг не хотел ничего. Ни сожрать, ни отпустить... Разве что тему, пятками начатую, повторить... Пройти до какого-то развития. Что-то в ней было лёгкое, не пройденное до конца...

Запела птичка Фавор. Дыхание высокого неба, сладкой мятой пробилось сквозь соль. Рута смутился своим воплям: не поздоровкался, не представился, дурак какой-то... Потёр ухо, вспомнил драканьи клыки... И одним словом закрыл все дороги вниз, открыл все наверх, к свету:

— Господин... Эта штука... Верни или позволь выкупить. Она очень нужна мне...

"Вот как... — Дзонг перебирал пальцами звонкую мембрану. — Подземный торг... Ооу?.. Надир не со всеми же там знаком, этого не станет оплакивать?.."

— ...нужна моему другу...

"Штука... Да ещё и другу... Торг под Горькими Холмами... Ха... Надир, понимаю тебя, они, ооу, забавные..."

— ...моему другу — дроиду.

Рута закончил фразу. Ему было мутновато от барабанчика. От него же и легко. Дзонг, гипнотичней Крохи в сто тысяч раз, он не делал плохо, он сглаживал, уравновешивал, держал... Некуда бежать... Незачем бежать... Что такое "бежать"?..

— Дро-ооу?.. — Дроиду?.. — выдохнул Дзонг.

Цунами ударило в своды. Грохнуло. Посыпалась соль. Чёрные пауки трещин помчались по сводам, обрушивая пласты. В грудной клетке подземных пустот заревели камнепады. Эхо повторяло, продолжало, усиливало их...

Земля ходила волнами. Подбрасывала. Рута сползал по стене, за трещины соляные держась, но они крошились и он оставался без опоры... "Дроиды светлые... Белка... Ухо... Проницательный ты мой дроид..."

Рябь земли утихала... Рута поднялся и подтвердил:

— Странно звучит, господин?.. Моему другу, дроиду. Случается, господин.

Дзонг и самой распоследней твари после услышанного ответил бы согласием, но теперь парень понравился ему, не так он наивен, просто не трус.

— Позволю... — тихим шипением, старательно-тихо ответил он. — Ему и отдам... Ему позволю выкупить... Дроиду...

"Белка, живём!.."

— Поиграй?.. — попросил Рута. — Здесь глухо. Поиграй, господин, пока мы идём наверх.

Глава 105

Глава 105.

Дрёма не увидел... Он не увидел Беспятого Дзонга Ача. После, да. Но сразу...

Довольно сложно описывать человеческими словами дроидский способ восприятия... Встречал он Руту обыкновенно недалеко от Мелоди. В одну сторону — направление к Рулетки, в другую горы начинаются, вот там, вполне безлюдно и безопасно человеку, если близится туман или ночь, Мелоди ночное место... Там ждали его, там и не увидел.

Он, как и говорилось, сперва различил Огненный Круг, затем удостоверился, что — Рута. Пока снижался, пока орбиты сужал, приводил в порядок телесное состояние общей формы... Внимание пейзажу не достаётся. Но и очутившись в общей форме, на земле, на ногах стоя, Чудовище Моря не замечал. Он видел Руту, улитку, — нашёл?! — игнорирующую того, в чьей руке, как и задумано. Видел расширяющийся сектор луча... Как из завитка распространяется, сканирует пространство. Разворот — и под другим углом... Как бегут по латуни пятнами бензиновые цвета, очень тусклые, нет людей поблизости... Человеческими глазами Дзонга не видел. Рута думает вслух? Или на него ворчит по привычке... И лишь когда тот вскочил:

— Дрёма, а?.. Нашёл-таки!.. Тут такое дело...

Когда протянул руку к Чудовищу Моря, дроид сфокусировался на нём... И увидел. Испытав редкостную для дроида раздвоенность: видели только глаза.

Дроид зависший в подобном состоянии, наверное, сошёл бы с ума, то есть дошёл до уплотнения орбит в два трона сразу!.. Он ощущал свои глаза, как зеркальца. Пред ними — Дзонг. Не статуя чёрной птицы... Галактика малых орбит. Каждая из которых немногим шире орбиты огонька дроидов. "Ни к сфере дроидов, ни к сфере людей... Что за..."

Дрёма встряхнулся, взглянул шире... "Есть, есть у него место... В общем поле Юлы, вот оно..." Но сказать, что дроид был потрясён, ничего не сказать.

Рута объяснял ему, тёплый, раскосый взгляд снизу ловя, высокого дроида, что его, Руты вина... Что потерянное принадлежит нашедшему, так уж принято... Что улитка будто испорчена, а вроде и нет... А дроид и Дзонг изучающе смотрели друг на друга.

Дзонг смотрел и поражался тому холоду, что не проходит в нём. В других людях он не видел Вайолета. В других дроидах, как выяснилось тоже. Вереницы бесчисленных лет он не чувствовал ничего... И сейчас ничего. Пред ним — возможный источник информации. Не больше, не меньше. Дзонг мог бы испытать волнение, но нет и его...

Дроид чувствовал огромную вину и огромный стыд. Ему не нравился этот человек.

В силу Фортуны, в сладкую песню Фавор истово верящий, мгновенно признав в чудовище свою судьбу, предмет своих поисков, он так — устыдился... Его уродства. Своего слепого вначале и зрячего теперь — пренебрежения... Этот да, этот конечно, не дрогнув, создаст в Стократном Лале всё, что угодно... Как, не дрогнув, уничтожит на земле... Не нравственное осуждение, хуже. Тотальное... Отвращение к организму, лишённому напрочь плавной красоты... И это существо заняло уже нишу инструмента в честолюбивых планах дроида.

«Нищенски некрасивый... Но ведь человек. Подобный тем, кто создал дроидов... А рядом — Мелоди...» Недалеко пело и танцевало Мелоди, где каждый представал Дрёме взмывавшей, играющей волной... Гармонией звука и танца... Волнами соседними преумноженные, солнцем

просвеченные, катящиеся, играющие волны... Догоняющие, возобновляющие себя... Те, из-за кого копил нарушения, не считался с риском, лишь бы их видеть и слышать... Танцевать в их кругу...

И тут — это... «Галактика малых орбит. Всего три-четыре удерживают их вместе, жёсткие: форма, пики и спады взаимообмена тепла и влаги. Точные, механистичные. Общего порыва не просто нет, он невозможен, невообразим... О, Фавор, — думал Дрёма, — но ведь что-то удерживает их вместе? Не наружное, не скорлупа. Кора не может удержать живое. Должно быть серединное притяжение. Если не Огненный Круг, так что же?..»

Он получил ответ на свой вопрос практически сразу.

Дзонг не помышлял загипнотизировать дроида! Он всю жизнь так провёл... Короткие охоты ача, да сети на галло, возвращающиеся пустыми. Прошлое, какого не будет, будущее, какого не было. Между ними — ветер с Горького Залива и попытки забыться, забыться совсем. Ну, и ритмы, вместо речи, вместо оружия — нескончаемые барабанные ритмы...

Как заговорить, не знал... Привычно пальцы оживили звонкую, тонкую мембрану... И Дрёма объединяющую силу увидел. На дроидском эсперанто можно бы употребить слово "понял", но на человеческом языке, это всего лишь описание того, что предстало его глазам. Немедленно Дрёма вспомнил синие ливни Доминго! Быв человеком, и он по дроидской сфере так же неукротимо тосковал!

Дзонг тронул барабанчик и канул в него, в себя... Галактика человека, созвездия малых орбит вздрогнули... Пролились звездопадом. Он сам с неба лился, весь Дзонг, сам летел на зеркальную гладь дрожащей мембраны. Отражённый, взлетал... Она, ритмически звонкая, не предающая, постоянная, только она — удерживала вместе орбиты. Ничего кроме памяти, кроме горя... Кроме движения быстрых пальцев: "...дун-дун... цонг-цонг... дун-цог-дун...", звездопад, всё в одну сторону...

Когда выслушает его простую и старую историю, Дрёма бунтарь, интриган, одиночка, кулаком в грудь ударив себя, — хороша общая форма, дроиду выразить больше позволяет! — он от всей души, впервые согласится: запреты законны! Верны!.. Не следует дроидам сближаться с людьми. Нельзя, чтоб одна утрата сначала остудила, заморозила и до малых орбит перемолола игривые, лёгкие волны! До звездопада абсолютного отчаянья. Это — нечеловеческое состояние. Пусть волны играют с волнами, пусть люди живут с людьми. Это — слишком.

С болью чисто дроидской, от безответности, мертвенного покоя, от глухоты, которая ранит дроида, как человека может ранить оглушающий звук, так Дрёма смотрел на Дзонга.

А договорились они мигом. В таком ключе: Дзонг выполняет, запланированное дроидом, а дальше они вместе и свежесозданный поисковик думают, что можно сделать. Имя Вайолета было только человеческим именем, не ориентир.

Зато Дрёма с лёгкостью объяснил, что случилось тогда на раме Гала-Галло. Предположив, что дроид, как и сам он, дружил с Белым Драконом и дракон его спас. Оставил в своих орбитах. Второй расе туда доступа нет.

— Там и людей полно, — обмолвился он, — под крылом драконов-нарушителей, кто не пожелал прекращаться...

Рута до сих пор молчавший, так и сел:

— Ты о чём?.. Есть же стадии: степь — Восходящий — хозяин?.. Два дракона — сопровождение. Всё... Дальше — белые руки с чёрного трона. Как так, под крылом? Вы же

дроиды, у вас же порядок...

— У кого порядок?.. — сощурил Дрёма тёплые глаза, ухо наклонил, чтобы получше слышать...

— У ваших... Всяких... В кругах дроидских...

— Порядок?!

Смехом — на вопрос, дуновением — на вопрос, поцелуем, молчанием, весёлым смехом — обычное дроидское!.. Но сейчас Дрёма вышел бы в финал на драконьем чемпионате по хохоту! Рута мог гордиться собой!

— Порядок, Рут-та?.. Порядок?!

— Ты хочешь сказать, что и у вас тоже...

— Рут-та, не хочу, я случайно сказал!.. А сфера белок, она... Ну, уж вообще без порядка! Без тронов, без меток, без поисковиков... — Дрёма задумался. — По крайней мере, без тех поисковиков, что служат теперь... Им недоступна.

Интуитивно точно Дрёма обратился к Дзонгу, как и Биг-Буро, назвав юношеским, смягчённым именем:

— Что скажешь, Цонг, невидимый владыкам? Читаем схему? Сотворим Выпь, с голосом шире Юлы?..

Спросил, вопросительно вскидывая руки. Ладони — тёплый ветер. Привык так лукаво, исподволь манипулировать людьми. Но этот останавливающий, тайм-аут, жест принадлежит и Чудовищам Моря. Прекратив перестук барабанчика, Дзонг вскинул раскрытые ладони напротив его, открытых... Дроид заплакал бы, будь человеком: звездопад не прекратился. Он так и падал, лился холодными круглыми звёздами в тёплое море дроидских рук. Звездопад отчаянной надежды. "Ох, Доминго... Видишь ли, Доминго... Надеюсь, не видишь. Отступать, даже шага нет. Пусть ищет своего дроида. Путь найдёт... Хуже не будет. Хуже некуда".

Из переводчиков пришлось Дрёме выбрать не самого ясного и настойчивого в повторах. Не из тех, что, объединившись с орбитами человека или дроида повторяют, сначала каждый слово-жест с правильными акцентами, затем всю фразу с ударениями, идущими поверх, и после — всю схему. Обычный — читает подряд, единожды. Дрёма выбрал не из тех и не из тех, а наиболее далёкого от тронов.

Дроид не заинтересовался человеком без Огненного Круга. Он интересовался в основном тем, чтоб и дальше пребывать в отдалении от холодной части второй расы 2-2, чтоб эта встреча не высветила его самого. Такие меток Доминго не отправляют и Чёрным Драконам о встречах не докладывают.

Дроид протанцевал в уме Дзонга полный цикл указующих жестов с правильной концентрацией на фокусе и на периферии. Растождествился. Спросил, не следует ли повторить. И получив отрицательный ответ, исчез. Дрёма остался должен ему за проделанную работу — своим обществом. Объединяясь с пограничными дроидами, такими как он, дроид полусна, 2-1 тренируют способность менять форму орбит, не меняя суммарного расстояния между ними. Становиться неузнаваемым, оставшись тем же самым! Не только на вид. Это полезно для контактов в дроидской сфере, маневренности на турнирной площади. В человеческой сфере помогает пробиться сквозь скорлупу стереотипного, взглянуть на запрос или явление под другим углом.

Сумеречные отроги над Горькими Холмами приютили их. Откуда долину заливает туман, где Пёс ждал начала бега... Руту прогнали, опасно.

Дзонг, огромная чёрная птица, шурша балахоном до пят, из теней, перемешанных с песком,

с крошкой обсидиановой, растёртой в пыль, покладисто, как младший ученик на Мелоди, протанцевал перед Дрёмой им придуманную схему. С места не сходя. На миг не отвлёкшись. На долю мгновения. Великолепный. Безошибочный.

Как дроид смотрел на него!.. Бессильно, как на смертельно больное животное.

Механистически точным перебором движений он свёл бы с ума Мелоди, рынок падкий на экзотику, на небывалое. А Дрёма... То держась за виски, то орбиту невесомого, никогда не ложащегося на плечи шарфа закручивая, про свой интерес напрочь забыв... Дрёма всё ждал ошибки от него!.. Ждал со страстной надеждой. Всплеска в глубине. Чтоб качнулась зеркальная водная гладь под созвездием одиночных орбит. Чтоб смялась волной человеческого прорыва, увлечения, самодовольства, чего угодно!.. Чтобы покатилась волна, набирая силу и высоту, подчиняя волны встречных желаний... Вбирая их, им же давая новую жизнь... И перестала так мучительно отражать звездопад разобщённой галактики. Нет.

Дзонг протанцевал схему без ошибки и остановился, одного лишнего движения не сделав, после завершающего жеста, с которым на поверхность выносит стократный Лал.

Нет... Нет ошибки. Обвив теплом, Дрёма не мог усадить его подобно Гаю на полу бархатного, вельможного одеяния, заморочить голову. Проводить и вести за собой. Нужен отклик. Отклика не было. Человек и высший дроид впервые сравнялись. Одного роста на одной земле. Равноправный союз. Договорной. Как с удовольствием повторил бы Бест: разговаривать и договариваться. Власти друг над другом не имели. Несоотносимые, равные.

Грызущая улитка Дрёмы вернулась к этому времени от подножия Синих Скал. Лежала в кармане. Её панцирь открылся шкатулкой и вручил идеально выгрызенные, точно спаянные в лазуритовый многогранник расходные дроидским тёплым рукам. Священная материя... Дрёма повесил его на нить-артефакт, уровень соблюдя, напротив солнечного сплетения и сказал Дзонгу:

— Похоже на то, Цонг безошибочный, невидимый владыкам, что тени, одевающие тебя, пропадут на раме. Эта штука останется. Не трогай, не смещай её. От неё ты танцуешь. Там, где не будет опоры ногам. Она — шарик земной. Ты — роза ветров вокруг него.

Дзонг кивнул и медленно опустил веки.

Лал Пурпурный, человеческий инструмент с обеих сторон имеет плоскости — зеркала. По сторонам имеет, на них заходящую, сложную огранку. Он работает в обе стороны. Но не приводит к нулю, не создаёт с нуля.

Лазурный дроидский Лал сходится перевёрнутой вершиной в одну точку. Сходится, не достигая её. Но достигая воплощения задуманного. Так, вероятно и гора Фортуны, храм Фортуны, называемый недостроенным, завершён и не завершаем одновременно. Сходится и будет сходиться к высшей точке его коническая спираль. К Фортуне! К птичке Фавор... Над этой несуществующей точкой шёл Клок, замирая от священного ужаса и восхищения, над лазурной бездной, голубыми лучами смотрящей на него, открытой, абсолютно открытой.

К перевёрнутой лазурной вершине будет утопать Дзонг, повторяя схему: углы, повороты, жесты, паузы указующего танца. Вершина из мира Руты выходит не куда-то конкретно, а туда, куда следует отправиться высшему дроиду, если он был задачей. Навстречу бытию! В конкретное место дроидской сферы. Неавтономные отправляются обратно, наверх.

Дрёма прекрасно знал то место в Туманном Море дроидов 2-1, откуда поисковики родом, где их лес, их гнездо. Там и только там, в случае успеха, объявится его Выпь. Там он и станет

ждать её.

И дождётся...

Глава 106

Глава 106.

"С какой стороны постучаться-то к нему..."

Окружённые заливами, рукавами, протоками, существующими от вдоха до выдоха протуберанцами неправильных орбит семейства Там, владенья Доминго то появлялись, то исчезали. С одной стороны не пускала подойти к ним идеально ровная, даже взгляд соскальзывал, внешняя орбита Закрытого Семейства. Туда и не сворачивал, и не смотрел: Проблеск, Августейший, несостоявшийся трон для него... Не надо, уж точно не теперь... К Доминго прежде ни разу не заходил. Как-то другие стучатся?

Свернув очередным заливом Там, пустившим безо всякого стука на своё тёплое мелководье, в нужную сторону, Дрёма ощутил, как по мере продвижения ослабевает тепло. Прекратилось сквозняком. Близко... Здесь Дрёма окончательно приобрёл общую форму. Из недр необщей, как из глубоких карманов, призвал все метки, что накопил. И метки для Проблеск, и для других целей. Освободил их от памяти последних траекторий, от задач. Покатал в ладонях, чтоб уплотнились немногочисленные орбиты... И пригоршню с размаху бросил. Швырнул в сторону сквозняка, в область Дом. Горохом звонким. Градом, самостоятельно распределившимся во времени, метки разных скоростей. Будто он не камешки запустил в стену, а наслал дождь с градом.

Они встретили ответное сопротивление. Никто так просто не допустит в семейство кучу незнакомых меток. Возвращающиеся, и те проверяют. Это всё равно, как почту дворцовую не проверять, доставленную в гарем или в гвардию. Чёрт знает, чем может закончиться, без подданных останешься, в худшем случае — сразу без трона.

Как Дрёма и рассчитывал, метки перехватили, а когда их число, бессодержательных, непонятных перевалило за разумные пределы для пустых конвертов от смежного малого трона, о нём доложили.

Сквозняк образовал само пространство. Дрёма не имел теперь нужды по косвенным приметам угадывать направление, осознав себя на границе чего-то. Чужих владений.

Затем возник глубокий синий цвет. Пылящий... Индиго.

Затем, но только на миг, очертания семейства целиком, близкие к овалу. Как овальное прохладное озеро перед дроидом тепла.

Оно заслонилось пылящим синим цветом и пошли усложняться формы, проступая из него. Вплоть до видения города-замка. Его заслонила крепостная стена, не ветхая и не кирпичного цвета, сине-зелёная. Но дроиды Там не промедлили внести свои коррективы, и вот уже следы времени различимы на ней, щербинки в камне, мох по нему, деревца вплотную к фундаменту и ров. Место напоминало то, где вишню ели двое владык. Мелководье Там осталось за пятками Дрёмы. Он стоял на уступе фундамента. На неположенном месте, случайном. Не для своих...

Едва дроиды Там прекратили развлекаться видимостью, как часть крепостной стены перед Дрёмой пропала. Проём без ворот. От него не вверх, как ожидалось, не по улице к замку, так и оставшемуся видением, а немного вниз, по глубокой пылящей синеве раскатилась серебряная дорожка. Прямо к трону. Отчасти это позёрство Доминго. В основном — ревность, нежелание показывать лишний раз своих дроидов в общей форме, в виде жителей города, орбиты в виде

жилищ... Сколько бы ни было их, ревновал и выбирал для официальных приёмов самые пустовато-абстрактные формы, ни о чем... К Доминго часто стучались дроиды, желающие в семейство, не все толковые, знающие парадный вход. Он так и приглашал — к трону. Не тот случай.

Дрёма остался стоять на пороге, руками опершись в проём.

"Какие мы недоверчивые... Как с людьми клубиться, не страшно, а сделать два шага за порог, куда сам заявился?.." Белый дроид покинул черноту трона, спинка-полумесяц рогами вверх осталась сиять, и навстречу пошёл, не торопясь особо.

— От тебя не убыло бы, дроид... Если б ты, дроид, зашёл...

"Вот-вот, не убыло... Зачем идти..." Дрёма, как уставился в широкий серебряный луч дорожки, так взгляда и не поднял. Дождался владыку лицом к лицу, под ноги глядя, произнёс:

— Доминго... Вызываю тебя...

Общая форма белого дроида уплотнилось до человеческих складок на идеальном лбу.

По-человечески и ответил:

— Ты заболел, дроид?..

— Я умер. Пре-кра-щён.

Возникла пауза. Ощутимая в сфере дроидов, как... Песчинка в глазу. Ведь обиты они, суть — вращения, какие паузы?

Доминго, немало сил отдавший препятствованию честолюбивым авантюрам тёплого одиночки, ощутил неловкость.

— Возможно, — сказал он, — если что-то не совпало, рассеялось, ты принял за моё воздействие не моё? Влияние велико, когда не прямо, или, как говорили прежде, вассал моего вассала не мой вассал, я мог и не знать, но если я могу что-то за кем-то из них исправить...

— Доминго, я создал Выпь.

"Уже? Так скоро?.. Вот тебе, владыка садов, твоя беспечность, мне аукнувшаяся..." Не порадовало это признание владыку. Не порадовал и сам факт его. Странно... Очень!.. Ну, создал, радуйся, прячь. Дроид не вызывает всерьёз, не отвлекает, пришёл один... Да говори ж ты хоть что-нибудь!

— Зачем? — мягко спросил Доминго.

Ясно зачем, против него. Дрёма хлопнул руками по камням, по голове себя и не излучающийся, не раскосый, не тёплый взгляд исподлобья бросил, глаза первый раз поднял:

— Ты спроси лучше — из чего!.. Спроси — из чего!..

"Интересный поворот... Видок у него, конечно..." Высшие дроиды в общей форме сохраняют малую крупицу необщей: зрачки и радужки. Отображенье пустых, правильных срединных орбит. Как у людей, в них, кажется, нет выражения, круги и круги, а многое становится понятно...

— Цыц, притихни!.. Дрёма, я, неизначальный, да, но, если ты заметил помимо этого, я — холодный, очень холодный дроид... Стой спокойно на пороге орбит. А то твой вызов станет реальностью, тёплый 2-1 без трона. Вот так и стой... Изволь, спрашиваю: из чего?..

— Реальностью! И поскорее!.. Доминго, я — проклятие дроидов, я не знаю, как это сказать... Ты всё правильно... Я не знаю, вообще не знаю, как мог до этого дойти... Я, Доминго, я поисковик сделал... Я сделал его... Фортуна, отвернись, не слушай меня! Сделал... Из человека...

— Как? — бесстрастно спросил Доминго.

А сам подумал, что и высший дроид не безупречная машина. Не машина. Сбои возможны, откровенный бред может нести. Пора в необщую форму — разбираться. Его обязанность, как главного из четырёх тронов.

— А это важно?!

"А что, нет?.. Ты вознамерился быть прекращён и стать лишь орбитами? Предлог годится. Почти... Зашкаливает неправдоподобие. И пришёл ты не по адресу. В неподходящее время решился, пустует четвёртый трон. Вот кто не дал бы тебе спуску за малейшее подозрение на вред, причинённый человеку. Тёплый владыка, готовый покровительствовать и хищникам... А уж за совершённое... Не знаю, что там примстилось тебе..."

— Покажи мне Выпь, — сказал Доминго.

Он ожидал после этого смятения безумца или лжеца. Предполагал окунуться в необщую форму, в хаос сталкивающихся орбит, образования и разрушения тронов... Но Дрёма уронил голову, отпустил проём в его владенья. И они в общей форме, — у обоих друзья-драконы есть, — полетели, как порядочные, а не руки раскинув, встречных пугая, в Туманное Море дроидов, на континент...

Окрас Выпи ни с чем не спутаешь. От кончика носа расходятся лучами полосы каких-либо двух, чередующихся цветов. Наверху в шевелюру переходят: тёмная-седая. Когда Выпь распушит их, она оглушительна. А Дзонг был длинноволос...

Он сидел в тумане на корточках настоящей Выпью. Руки охватывают колени, локти пред собой, ладони сомкнуты у груди тыльными сторонами и перекрещены пальцы. Выпь в узле. С тихой внутренней орбитой... Настоящая Выпь... Сидящая без дела.

По всему семейству Дом, по смежным с ним прошла дрожь, трон содрогнулся.

Дзонг не особенно изменился внешне. Холодный владыка увидел, что полосы, по коже, по волосам, по перьевому, а не щетинистому вепревому, облачению этого поисковика, разбегаясь, достигают земли. Если встанет... Когда — встанет... Достигают кончиков волос, и подола облачения... "Дрёма, лучше б ты выдумал всё или ненормальным оказался!.." Доминго не мог глаз отвести, бездна перед ним открылась, от полос этих... Орбиты-излучатели, орбиты-усилители, орбиты-приёмники... Излучатели светлые на лице, на волосах седые, на облачении — полосы как алюминий с холодной зеленью, притаившейся зеленью, мнимой, огибающей препятствия... Излучатель... "Это грандиозная Выпь...Тихая... Её голос достигает пределов пространства. Он выйдет за сферу Юлы. Может обращаться к драконам... К белым... К Тропосу, ох... Дрёма, зачем?! Так тупо наращивать силу!.. Дрёма, одиночка ты и ошибки твои — ошибки одиночки! Почему вы все думаете, что трон, это столб, скала?! Трон — это лодочка, балансирование, нежность! Чтоб вам попробовать, образовать малое семейство, прежде чем бросаться голову сломя на подвиги и на штурм?! Грандиозная Тихая Выпь... До пределов Юлы... О, Фавор, не отворачивайся от нас!.."

— Ты слышал уже его голос? — шёпотом спросил Доминго, заставив колыхнуться туман.

Скрипели невидимые деревья, присвоенный Выпью лес смыкался над головами...

— Как?! Он сам себе Выпь!.. Я же задумывал — себе! А воплощал не я, он же!.. Доминго, мне плохо...

— Подозреваю, изначальный дроид, что люди называют это — совесть. Подожди, я отправлю метку Гелиотропу. Личную. Он должен откликнуться. Я тоже не знаю, что делать. Твоя Выпь недозавершена. Не слышит нас. Сидит и думает над своими пределами. Определится, я не знаю, что будет...

Доминго образовал на ладони каплю, цветом подобную алюминево-зелёным полосам Выпи... Потому и угадал, по цвету, кроме длины полос, угадал силу поисковика. Метка ординарная, последний вариант, страшной призывной мощи. Они не имели возврата. Зато достигали адресата с гарантией. Если уж на эту метку не откликнулся, значит, не пожелал, письмо доставлено. Мыс капли был остриём стрелы компаса. Она покрутилась, определила направление и, свистнув, сорвалась в него.

— Ну?.. Отойдём на пару шагов... Ну, как, Дрёма, такое могло случиться?

Нехорошее предчувствие настигло тёплого дроида полусна, когда времени прошло больше, чем надо. И он всё же решил отлучиться до Руты. Друга своего застал на сугробе у рамы. Тот не знал когда можно ему выходить, чтоб не утратить мир. Гость канул в озере Стократного Лала. Дрёма сказал было: "Подождём ещё..." А как увидел лазурит в снегу...

— Что за...

— Оно выбросило, — простодушно заметил Рута, перехватив его взгляд. — Видимо, ты просчитался, или улитка твоя, не подошло... Но что тогда он делает там столько времени?

Пока говорил, пропал его друг. В Туманном Море собрался. И Выпь была уже там...

"О, Фортуна с двумя левыми плечами! О, Фавор, лгавшая мне!.. Я первый чёрный дроид от начала дроидской эры! Я тот, кого не бывало и не должно быть!.."

Что случилось, ему не пришлось угадывать. Всё уже понял, вспомнил. Окончательный вариант схемы он делал под себя, как исполнителя. А впоследствии — хозяина Выпи. Думал, что собственноручно воплотит, протанцует от лазурита, помещённого на солнечное сплетение, под солнечными лучами, не попадающими на рынок, но сразу — в Лазурный Лал! Думал, специально для этого образует крохотное семейство и владыкой на облачный рынок зайдёт. Передумал, хороший такой, правильный! Собственным Миром друга рисковать не захотел! Похвально. А схему-то изменить забыл! Он осталась рассчитанной на широту дроидских орбит! Человек же — трон. Плотный, немногим рыхлее камня от подножия Синих Скал. Ему не нужен кусок лазурита на солнечном сплетении, чтоб от центра танцевать! Дзонг прошёл всю схему. Себя — исчерпал. Малые, разобщённые — перевёл в широкие, грандиозные орбиты Выпи... Пока осмыслял себя нового, успел притянуть — артефакт! "Из облачного мира!.. Это просто ужасно..." У Руты он должен был лежать в снегу... Звонкий двойной барабанчик оказался, где был, на поясе... "И это — молча... Тихая Выпь... О, Фавор, что я создал, проклятие дроидов..."

Что пережил Дрёма, глядя на него... Он стал бы миллионом улиток на миллион лет, лишь бы те минуты повернуть вспять!

Человек-Выпь, сидящий на корточках перед ним, вовсе не выглядел несчастным. Но в нём пропало биение даже тех, разобщённых малых орбит. А новые, обширные вращались с чопорной глухотой... Как в огромном зале несчётное количество людей, и никто ни с кем не знаком... Всё, человека больше нет... "Сейчас он придёт в сознание... То есть, ко вчерашнему дню... Что он сделает? Откуда знать ему, что с нами допустимо изъясняться лишь жестами даже обычной Выпи? А если откроет клюв, не направив звука, не исказив орбиты... Что позовёт? Саму Юлу? Её внешний предел?.. Всех Белых Драконов чистого неба?.. Что будет? А вдруг эта Выпь способна звать не дроидов, а орбиты из дроидов, технических, неавтономных?! Всё рухнет сразу".

— Ясно...

С одной и той же мыслью дроиды посмотрели друг на друга... Для неизначального — грустной. Для тёплого, изначального — невыносимой. Он, без шуток, хотел быть прекращён раньше этой угрожающей Выпи, и прочёл мысль Доминго с ошибкой, прочёл так: "Я что, должен сделать это за тебя?.." На самом же деле холодный владыка, такую тяжёлую дроидам обязанность, как забирать Огненный Круг, принявший от Гелиотропа, подумал: "Я готов сделать это за тебя..." Прекратить этого поисковика прежде, чем дозавершится...

Никогда ещё высшим дроидам не бывало так худо, причём, Доминго — незаслуженно. Мелочный владыка упрекнул бы и бросил Дрёму наедине с его проблемой. Кому-нибудь перепоручил. Но Доминго в достаточной мере осознавал себя главным из четырёх тронов, ответственным за всё, и за одиночек, и за выходки Белых Драконов, за кого и вовсе не ответственен!

Вместо Гелиотропа в шуме перьев, крылатый, плешивый, громкий... С дружественного Белого Дракона в туман хлопнулся Августейший. Прежде, чем растаять, дракон успел ещё раз подхватить его кольцом хвоста на земле. Зубами за шкирку жилетки поднял, на ноги поставил, встряхнул, фыркнул, хрюкнул... И только тогда исчез.

Доминго вздохнул и стёр рукой улыбку. Даже в такой ситуации, даже его... Сумел насмешить! Автономный дроид прислал другого автономного, что ж...

— Оп-па!.. Крупная птичка! — воскликнул гаер, присаживаясь на корточки.

Дзонг поднял голову и улыбнулся ему, абсолютно по-детски. Августейший приложил палец к его губам, и к своим — указательный. Дзонг кивнул. Подняв на ноги, дроид, мелкий ростом, обхватил его как бы за плечи, за локти...

Дрёме поклонился:

— Одиночка показал себя блестящим конструктором! Успокойся... Ты не мог создать из человека. Ты добавил, а не отнял... Правда, успокойся. Дальше слушайте оба...

И они слушали автономного дроида, видящего их как на ладони, существо той эпохи, когда автономными были все, единым организмом...

— Последнее предупреждение. Слушайте. Доминго, особенно ты... Завтра, оно ваше. Про него нужно слегка задумываться, это к тебе относится, Дрёма... А послезавтра, оно — общее... Оно, дроиды, ничьё. Фортуны. Не вам её подменять, не тебе, Доминго. Что же, дроиды будет завтра? Слушайте... Против вас обоих, вместе... На турнирной площади. Трон Закрытого Семейства — против вас двоих. Защищайтесь, как можете! За вашу поганую мысль, впредь никогда так не думайте: уничтожить кого-то на всякий случай. На будущее... На всякий случай надо всё уничтожить, тогда уж точно ничего не случится! Да? Правильно?.. Птичку Фавор со свёрнутой шеей увидеть хотите? Кто тянет руки к шее Фортуны, просыпается с перьями на руках... Это мои красавицы не верят в неё. Но мы-то знаем, что настоящее и будущее: Фортуна и Фавор. Кто из них кто? Я не знаю. А вы знаете?.. Я очень сердит, Доминго. Хочешь вернуться в сферу людей? Там это можно: уничтожать на всякий случай! Там всё можно!.. Но разве мы, дроиды, хоть один запретный артефакт, хоть пригоршню грязной воды уничтожили?.. На всякий случай — мы их храним!.. Доминго, ответь где, над каким плечом будет петь Фавор, если Фортуны не станет? Как, по-твоему? Я очень зол... До завтра.

Тихая Выпь позвала. Дроид указал и она позвала...

Залп пронзительный, беззвучный. Чернотой прорвался туман. Звёзды сверкнули. Все, наверное, что есть во вселенной. Каждая — с кулак. Ярче звёзд сверкнуло чернейшее небо. И скрылось, потому что зов достиг цели...

Огромный Белый Дракон простёрся верхним слоем тумана. Шея изогнута, голова не склонена. Куда он смотрит? Поверх, но чего?.. Поверх всего? Орлиноклювый... К Августейшему спустился, перед ним повёл крылом. Горой... Горным отрогом... Забрал Августейшего, Тихую Выпь... Растопил в горном крыле, длящемся, не кончающемся... Вознёсся.

На дроидов с высоты, прощальным неприветом взглянули суровые, ярко-зелёные глаза. Холодные, пронзительные...

Августейший?.. Гелиотроп.

Дроид тепла и дроид холода стояли плечом к плечу, но только теперь заметили это, искажение внешних орбит. Доминго потёр плечо. Тёплому хоть бы что, а он обжёгся... Туман был обычным туманом, но они всё смотрели в него, как дети, ждущие оттуда бабайку... Рвануть со всех ног... В необщую форму, в семейство, в свой, соседний туман... А они всё смотрели...

— Доминго, — тихо спросил Дрёма, — ты что, тоже не встречал?.. Я думал, увижу Тропоса, — с ума и с орбит... Чокнусь в лучшем случае... Ты ведь принял меня за ненормального сегодня?.. Был близок сейчас.

— Ох, кто ненормальный, так это я... Пошли в Там. Давай хоть тактику на завтра выработаем.

— Аха-ха! Предлагаю! Давай сбежим и спрячемся на континентальном рынке!

— Ха!.. Я-то могу, а тебе-то, одиночка, на рынки нельзя!

— С тобой — можно.

— Ага, и стена Чёрных Драконов протащит нас через весь рынок в дроидскую сферу! Меня, главный трон! Угораздило же...

— Не достанут! Мы скроемся у хищника в шатре!

— Ха-ха!.. Для Августейшего сюжет! Проблема: он-то и в шатёр сможет зайти!.. Дрёма, как ты меня тогда подставил, никогда не забуду — гаер на кабане... И сейчас!.. Я предпочитаю стену драконов, чем его. Мне хватило разгневанного Гелиотропа.

— Не понравился шут на кабане?! Всем понравился, кроме тебя... Вы отлично смотрелись! Или ты думаешь, что его турнирной лошадью завтра...

— Нет, ты что, подобного не бывало! Нет-нет, за что?.. Ох, Дрёма, на континентальном рынке, говоришь... Затеряться, говоришь?..

Глава 107

Глава 107.

Почему-то он совсем не удивился. Как будто ждал этого вопроса. И допытываться не хотелось, кто источник. Само выяснится.

В последние дни Биг-Буро испытал огромное облегчение. И печаль. Чуткость Морского Чудовища не обманула его. Специфически горькая, привнесённая Беспятым Дзонгом Ача, сырость уходила из-под Южного Рынка. Всё меньше горчили его ночные туманы, всё чаще мелькала в них, распуганная Дзонгом мелюзга теней. В океанских течениях ощутимы границы чужих владений, что уж говорить про сушу. Дзонга здесь больше нет. Но он был так силён, так могущественен... Исчезновение означает лишь одно — его вовсе нет. На Морской Звезде. А в океанских глубинах... Кто знает, что там есть вообще?..

Печаль. За него тоже, жертву, как ни посмотри. За погибших галло. Когда Мема, одетая парнем-фазаном, возникла на пороге, без слов поняли друг друга. Бутон-биг-Надир подтвердил, что нет тех, кого нет. Мема, что в Гала-Галло из основательниц остались они с Мадлен вдвоём. И пирамидка охотника. Что её тошнит от этого глубоководной солью морской, тухлой слизью актиньих дёсен. "Не спеши уходить, — сказал Биг-Буро. — Пирамидка ничто, по сути. Пирамидки не вечны, примерно, как удача лжецов". Грусть и облегчение. Дзонг Ача, как-то завершился твой земной путь?..

И тут появился Бест. Избегавший его так долго. Собиравшийся избегать и впредь. Нужда привела, как и многих! Избегая, он просто не знал, как держаться теперь... Как молчать, как говорить? О чём? Своим предостережением Олив переломил тонкое деревце начинавшейся дружбы. Но остались корни, общая почва, общая вода. А значит, и дальнейший рост неизбежен. Вопрос времени, ситуаций, чем обернётся теперь: пышным, приземлённым кустом невысоких материй, неглубоких интересов? Частых встреч, но мелких тем? Или двумя параллельными кронами, вилкой двусмысленностей, огибающих единственную и самую важную, не затрагиваемую тему? О, это не для Беста! Он ни так, ни так не умел!

Общая почва и необщая засуха. Несчастье Архи Сада свело их. Селена, пропажа.

Новые в Архи Саду люди принимали Изумруда за реалистичную сверх меры чёрную статую. Тем более, он и нашёл себе место среди скульптур, на удивление — с величайшим вкусом, собранных полуслепым Змеем. Чёрного мрамора статуя гиганта с белками неподвижных глаз. Сидел. Думал... Остальные тоже. Ничего не надумали. Любой день, каждая минута могли стать рубежом необратимого. Последними днём и минутой. Что и подтолкнуло Беста к активным действиям.

Селена пропала в Собственном Мире. Чудо, что известно в каком! Хищника, заурядного хищника. Она опередила занесённую руку хозяина, но получилось не как у Руты в ловушках Клока, а наоборот. Защищаясь, такой узел затянула изнутри, что не развязать снаружи. Но изнутри-то его тем более не развязать!.. Нужно... Как-то... Что, кто нужен? Охотник для заказа внутри Собственного Мира? А бывают они? Выгнать хозяина? Принудить, надоумить? Что хуже: выгнать или не выгонять?.. "О, дроиды, изгнанники мы, кто нам ответит про охотника, про ловушки миров?.. Кто-то на рынке. На крупном. На Южном... Значит, как Олив и посоветовал, к Буро..."

Бест один, без предупрежденья отправился. Просителем к неморскому чудовищу. Без

приглашения. Старые, проигнорированные не в счёт, а в минус.

Встреченный радушно, сердечно, на пороге выложил:

— Биг-Буро, нам помощь нужна. Но прежде — не зачем пришёл. Прежде скажу, почему не приходил. А ты решай, продолжать ли мне, или уйти, или...

Вот последнему "или" Буро уже и не удивился...

Полог прикрыл, застегнул. Внутренний, тяжелый, звуки глушить, сбросил. Позвал гостя внутрь шатра, за ширмы, за следующие ширмы... Светильникам похлопал, чтоб разгорелись, и, выслушав, подтвердил, качнул головой, тяжёлыми дугами короны:

— Да, я ача. И я далёк от мысли, что спрашивая, ты беспокоишься о себе.

— О себе! Я не понимаю и мне... Мне больно это слышать. Я... Не знаю, мне что-то непонятно, как раз то, что абсолютно понятно, но я не понимаю тогда что... Черт, запутался. Мне показалось, Биг-Буро, что мы хорошо друг друга понимаем, а оказывается, я чего-то в упор, ну, то есть, в упор не вижу... Чёрт.

Бест машинально сел в кресло Буро, подвинутое ему.

— Биг-Буро, второй раз уже... Я думал, например, "проклятие дроидов" просто ругательство, пустые слова. Ан — вещь оказывается... "Проклятие дроидов", это вещь. И человек такой был. Да, целая история оказалась на самом деле, а тут... Но ты же?.. Ты...

— Мною ругаются, так выходит?.. Открытие, да.

Бест потёр лицо, отпил из плоской розовой раковины, незаметно очутившейся на столе. Символ изгнанничества из прозрачного розового кварца... Буро мысленно покачал головой: "Дроиды непреклонные, не рыночный совсем человек... Ну как так можно, без соломки, не понюхав... И пришёл, не предупредив, я бы встретить послал..." В раковине была обычная вода из Собственного Мира. Без Впечатлений. И этого не заметил. Вернул прозрачную плошку на тёмную столешницу. Глаз не поднимая, подвинул к белому кружеву салфетки, чтоб радуга заиграла и воскликнул:

— Биг-Буро! Но ведь это... Явление, чёрт... Оно всё же связано с морем?! С печатью его?..

— Не обязательно, — Буро решился на совершенную прямоту.

Не та пилюля, которую можно подсластить. Пусть знает, как есть. Всё равно уже знает.

— В обе стороны не обязательно, Бест. Вот Олив, например...

При упоминании его Беста так резко увлёк радужный выплеск на салфетке, так обеспокоили складки на ней... Буро сощурился:

— Олив?..

— Что? О, безмятежные дроидские моря, я подставил друга! Пожалуйста...

— Бест, другом он вам ни с какой стороны быть не может. Зато может мне. Не беспокойся, всё нормально. Мальчик-рабовладелец не получит больше, чем заслужил. А что он меня боится... Да?.. Нормально. Не удивительно... Но лучше б он боялся своего длинного языка!

— Биг-Буро...

— Всё нормально.

Они помолчали. Допили воду из кварцевых розовых половинок раковины. Буро сложил её, оказалось — целая. Взамен принёс на стол букет соломин в кольце на ножках, как в вазе.

— Что, Бест, — Буро расправил их, рассыпал, — ты хочешь услышать?

— Зачем?!

— Понять, зачем? Но для этого, как бы выразиться... Да ты, скорее всего, так и так не поймёшь. Тем не менее, для этого...

— Нужно попробовать?! Ради милости дроидов!.. Ни в коем случае из-за меня...

— Из-за тебя? Нисколько...

— Ты имеешь в виду, что я не властен, что от меня не зависит... Ну, да, конечно...

— Никак не зависит. Именно.

— Биг-Буро...

— Ты можешь присоединиться или нет. Попробовать... Ты в курсе, что Морские Чудовища честны, мы с тобой как-то обсуждали даже причины, помнишь? Смотри, я поднимаю правую руку и клянусь: на жизнь и смерть некоторого человека или людей твоё согласие или твой отказ не окажут влияния. Га-ран-ти-ру-ю... Кроме того, могу тебе сообщить, что эта влага, эта магма, особенно дженераль, некоторое время хранится, не теряя своих свойств. Связные раскалённые Впечатления хранятся. Ты получишь просто бокал. Обычный бокал с водой, и всё.

— Дроиды светлые, отчего мне так паршиво...

— Не больше, чем заслужил, но, сколько заслужил, Оливу мы предъявим...

— Нет!..

Буро рассмеялся:

— Почему? Он виновен, пусть заплатит. Пленниками. Ты не хочешь, Бест, чтоб в порядке компенсации я взыскал с него в твою пользу десяток рабов?

— Хочу!

— Вот и договорились!

Буро смеялся, а Бесту было не до смеха. Хозяин надломил соломинку, подумал, добавил к ней хлебную, золотистую, две вместе протянул и сказал:

— Бест, я не уговариваю. Не подталкиваю, однако... Я некоторый опыт имею. Не только относительно напитков, приготовляемых из людей, но и самих людей... Он подсказывает мне, что ты не успокоишься, пока не попробуешь. Так и будешь ходить вокруг и около. Оно не отпустит тебя. Потому и предлагаю, попробуй.

— Ты сказал, считаешь, что я всё равно не пойму.

— Боишься, что я ошибся?

— Нет!

— И я нет.

"Ты поймёшь, Бест... Жаль, что тебе приходится платить за чужие ошибки, но уж поздно жалеть..." Кивая золочёными дугами короны, Буро вскрывал соломинки для него и себе. "Отлично, безо всяких сомнений поймёшь... Что это не надо тебе! И никому из вас не надо! Что это должно угаснуть... Истлеть... Дотла... Сойти в океан и угаснуть там... Я позабочусь, чтоб ты понял. И, — Олив, возмездие близко! — чтоб дальше оно не пошло. С твоего, Бест, языка вовеки не слетело. Понимание живёт не в бокале, друг-изгнанник, невинный ача!.."

Буро нарочито долго вспоминал подходящие дни, выбирая. "Послезавтра?.." Чем скорее, чем лучше. Дрожь пробегала от каждой даты по спине. Но коктейли по две, по три соломинки отвлекли-таки Беста. Незаметно успокоили.

Выслушав проблему с изгнанницей, Биг-Буро обещал, что охотник будет направлен к ним в ближайшее время. И тем ещё успокоил, что похитителя знал. Изложенная ситуация не

показалась Буро критичной. Прискорбна и запутана, да. Но спешки не требует. "Дроиды светлые, я верю ему — ача!.."

Уже всё обсудили, обо всём договорились, когда протопал с гостем на выход и, шатёр снаружи закрывая, будто снова припомнил назначенный день:

— Я повожу тебя, Бест, и не спорь. Да вот ещё, что... Прежде, чем ты зайдёшь ко мне вечером, сделай одолжение. Вон те ряды, шумные, — он махнул рукой в направлении правого крыла, — до драчунов не доходя... Я бывать не люблю, редко бываю... Шумят, цепляются, все чего-то хотят. А если мы с тобой встречаемся послезавтра... Один с Техно человек, добрый знакомый мой, туда от вас, из сада вашего непосредственно, сопровождает изгнанницу. К другу моему. Как он обитает там, все балаболят, цепляются... Борцы рядом, хулиганят, налёты устраивают... Выигрыши грошовые, проигрыши... Крик — с утра до вечера!.. Бест, он интересный человек. Технарь, историк, коллекционер парадоксов... Ты мог бы присоединиться и передать от меня кое-что. Это шейкер. Там ими в напёрстки играют! Не ряды, а ужас... Как он живёт там?.. Забыл меня...

Биг-Буро добавил деловитости в голос:

— Аурору а её зовут. А сопровождающего — Карат. И он — твой сопровождающий до моего шатра. Прошу настоятельно. Или я сам встречаю тебя у рамы. Передашь? Тебе будет интересно. То есть, с утра ты у Часовщика в гостях, день где-то на Техно, а вечером ко мне. Ты согласен? Этого человека тебе на день даю. Отдаляться от тебя он не имеет права.

Бест кивнул, пожал плечами, и в карман клетчатой рубашки убрал обыкновенную складную стопку. С крышкой, шейкер. Плоский белый диск, напёрсток для напёрсточников, для бродяжек маленький зонт-собиратель-дождей... Правда, этот не только расширяется. Он ещё и открываться мог в другую сторону...

Глава 108

Глава 108.

Целый день вдали от Архи Сада, являвшегося, как ни отрицал это Бест, его вотчиной, службой и зоной ответственности, пришёл — светлый и праздничный. Что называлось в давние века — выходной день! Свободный, беспечный, длинный... Так и продолжить бы — солнечный!.. Можно сказать и так, по крайней мере, на территории одного удивительного дворика. День в приятной, прекрасной компании.

Немножечко справедливо мнение друзей о нём, Бест упрямец, педант. С пути не отклоняющийся, зато к тому, что на обочинах непридирчивый, непредвзятый. Идёшь и иди своей дорогой, хищники ли на данном этапе попались в попутчики тебе, чудовища или кто-то многогранная личность с масками на разных гранях. Классифицировать, в рамки загонять, вглядываться — зачем? Он не Густав, чтобы завидев в толпе профиль на миг дольше обычного задержавшийся не на артефакте, а на продавце, сказать про себя: "Эге, привет, охотник!.."

А Биг-Фазан Карат умел быть обаятельным.

Кроме него отправились... Фианит, оставшийся при Ауроруа, несмотря на присутствие Дабл-Пирита. Рута и Клок пошли с учителем вместе, тренировались с раннего утра, Пирит и захватил их. И — Бест в свой редкий выходной день!

Их Белые Драконы кувыркались друг через дружку, выделывали фигуры высшего пилотажа, лишь бы подольше лететь. Но где тут лететь подольше, от Архи Сада до Южного?

Вскоре, следуя за Каратом, они уже пробирались к правому крылу сужающимися, кривыми рядами. Вход в некоторые занавешен: верёвочные, нитяные с бусинами, с жемчужинами пологи-дождики, просто ткань, разрезанная посередине или широкими, вертикальными полосами.

Пятеро борцов и двое изгнанников. Акула Южного Рынка, дельфины и случайные ныряльщики его.

Когда под очередной жемчуг-дождик ныряли, без стука, Биг-Фазан широким жестом, походя, отбрасывал ткань, Бесту становилось неловко. Конечно, ряд не личный шатёр, но всё же... Как-то неловко. Пологи являлись, конечно, не преградой. Сигнализацией. Предупреждением обоюдным. Информационными стендами о правилах там за ними. Сообщением, кто пришёл. Знакомый, чужой?.. Самые простецкие на вид, скрытая механика, воспроизводили примерное, нечёткое, но достаточное изображение на таких же полосах ткани у кого-то в шатре.

В рядах реагировали по-разному. Многие шарахались. Некоторые кланялись Биг-Фазану издали, не подходя.

Но это по безлюдному утру... Оно расцвело, ожили ряды и путники затерялись в их суете.

Имелся и более широкий, прямой ряд ведущий к правому крылу, от трёх центральных отходящий перпендикулярно. Но искомый шатёр, вернее шатры, отстояли от него по диагонали в глубину Южного, к неторговым задворкам. Туда и пробирались, неизбежно и не без удовольствия тормозя, подвисая в некоторых точках пути.

Последние ряды сузились до предела, сделались чем-то, что трудно назвать рядами.

Лабиринт сообщающихся дворов. В неточном шахматном порядке сменяли один другой игровые шатры. Каждый обходи. Крупные, тканевые, не просто закрытые сверху, но часто под навесами. Несколько могли помещаться под одним деревянным, черепичным, доказывающим,

что поднят быть не может в его пределах шатёр для похищений. Хозяйский, для экстренного бегства, лёгким коническим маревом тянулся в уголке, как дым в безветрии, вплоть до Собственного Мира. Подальше от игровых площадок, чтобы никого не смущать.

Шатры — монументальная архитектура этих азартных рядов. Стены — несущие конструкции для иллюзионов, сумрак или тишина, смотря чего, требовала установленная в них механика.

Помимо того снаружи — столики с безделушками, недостойными отдельных пирамидок. Выставлены на всеобщее обозрение призы на пирамидках. На плакатах, флагах — описания, изображения их. Аттракционы под рыночным небом. От требующих ловкости до интеллектуальных и зависящих лишь от везения... И жульничества! От тех, на которых покататься, покувыркаться, до игровых столов и досок...

Бесчисленные площадки для марблс. С самыми разными характеристиками и оформлением. Какой бы тематикой ни занимался хозяин, площадка для марблс неизбежна, как Коронованный над заснеженной степью!

По численности конкурировали с ними беговые дорожки для механизмов, принадлежащих хозяину, либо приносимых с собой.

Аттракционы понятные, вроде дартса. Зловеще загадочные, вроде упряжек механических гусениц в начале прозрачного трёхмерного лабиринта. Шипастые, щетинистые, на постоянном заводе. Если не знать, поклянёшься, что живой артефакт! Игроки располагались в разных, сообщающихся отсеках за финишной чертой... Зачем?.. С учётом того, что аттракцион назывался "Регенерация"... Ой, не надо, идёмте дальше!

Дальше им повстречались самые настоящие карусели! Ретро, имитация старины, делано вручную на Краснобае. Следом что-то с экранами, бесконтактное, — наконец-то! — и очень красивое... Компания замедлила ход. Многое рассмотреть тянет...

По ходу, к зазываниям под тенты оставались непреклонны, это надолго... Потому Карат и прилетел за подопечными ранним утром, знал, куда поведёт.

За следующий поворот свернув в разгар игры, Бест понял о чём говорил Биг-Буро... Пришлось проталкиваться между зрителей вдоль беговой дорожки!.. Ещё утро! И не позднее, едва просохла пыль! К полудню ряды заполнит гул голосов, вопли азарта, восторга и разочарования. Хлопки ободряющие. Возносящие — сладкие победителю! Ритмичные как шум моря, сопровождающие всю игру. Свистом топотом и победными песнями, наполнится самый густонаселённый район возле правого крыла, барабанной дробью. Словно на Мелоди забрели, не покидая Южного Рынка.

Конечный пункт представлялся Бесту чем-то похожим: маленькое хозяйство вокруг игрового шатра и хозяин с повадкой то шустрой вороны, то степенного грача, курсирующий между беговой дорожкой, площадкой марблс, зоной дартс, держа банк, заведуя ставками, не забывая и про гостей...

Аурору и Рута, не сговариваясь, застыли возле тира. Совсем нигде не сыграть? Разочек.

Мишень занимала целиком сторону четырёхстенного шатра. Экран с мнимой глубиной без горизонта. Амёбы пяти цветов плавали, тягуче перемешиваясь, не теряя ядра, обозначенного тем же фосфоресцирующим цветом. Игрок стоял к экрану совсем близко, место — дефицит! Рори бросила серёжку на звонкий поднос под одобрительным взглядом хозяина. Получила мячик из его рук. Кажется, как тут промахнуться? Скрытая механика...

Пока мячик летел, а летел он долго-долго, амёбы стремительно удалялись вглубь экрана. Формы их продолжали меняться тягуче... Расстояние увеличивалось, и они расходились в

глубоком мраке... Их лапки вытягивались, а тела уменьшались... Так, что в результате тёмная глубина оказалась пронизана, охвачена пятицветной сетью. Нерегулярной. Места переплетений фосфоресцирующими звёздами горят... "Это нарочно, — подумал Фианит, знакомый с Техно, — чтобы вернуться хотелось, чтоб притягивало... Игра-то игра, никакая, а зрелище да..." Разумеется! Всё так и задумано. Мячик Рори с перьями тех же пяти цветов достиг цели, сравнявшись с ней в размере... Тут, перед носом, на экране... Где-то невообразимо далеко... Экран поглотил его. Вспыхнула новая звезда, полетела на зрителей, и выстрелила в них салатно-искрящимся мелким конфетти! Серёжка вернулась к Рори.

— Очень мило... — сурово, осуждающе бросила она, мимо хозяина аттракциона проходя.

Тот лишь развёл руками: ну, ребята... И Карат развёл, уходя, смеясь: бывает!.. Больше никто ничего не понял.

— Он подыграл мне! — она обернулась к Руте, лишившемуся браслета, его мячик пролетел сквозь ячейки сети. — Не огорчайся, у него там педаль.

— Правда? — Клок обернулся. — А где?

— Да в земле прямо! Жульё...

Карат прищурил лучиками глаза, недоумённую мину скроив, на манер хозяина, подпавшего под осуждение Рори:

— Что ж ты хочешь? Чтоб в игровом ряду хозяин сам не поиграл слегка?

— Это нечестно! Несправедливо.

Отрезала. Какие громкие слова для места и происшествия. Свойственно ей иногда — резковато отвечать или скороговоркой. И Клок услышал и почему-то вспомнил: дело к полудню, сегодня — Густав и его Собственный Мир... "Несправедливо" услышал и вспомнил. Почему?

Ну вот, опять перегорожено... Но они уже пришли. Карат откинул жемчуг-дождик стеклянный и зеркальные ленты второго ряда с деревянным лёгким шорохом. Где обнаружился не очередной узкий ряд и не закоулок.

Три шатра, крашеные под песчаник, ткань воспроизводила и текстуру его, прямоугольными фасадами и плоскими крышами окружали квадратный дворик. Первая мысль: "Здесь — солнечно?!"

Влияние Техно ощущается в чистоте пропорций. Шатры не вплотную стояли, углы между ними затенены, — чудо для Южного Рынка! — зеленью кустистых деревьев. Изгнанники-то привыкли в Архи Саду к обилию флоры, к хорошему быстро привыкаешь, но для континента это шик и невидаль. Перед откинутыми пологами тоже стояли древовидные цветы в кадках. С плодами... Жёлтые лимончики вытянутые, круглые — зелёные. Одно деревце, склонённое, раскинувшееся широко украшало середину двора.

Это рассмотрят после. А пока, едва ступили на камни двора, золотившиеся от, — ну, впрямь солнечного! — света, кто шагнул, а кто приготовился сделать шаг... Громоподобный, неподдельно сердитый голос рявкнул на них:

— Вон пошли! И больше не появляйтесь!..

Примерно такого-то заявления Бест и ждал за каждой пройденной занавесью!.. Что можно подумать на приветствие подобного рода? Судя по Биг-Фазану, ничего. Он малейшего внимания не обратил. Махнул — идите за мной. И направился внутрь по разнокалиберной, от ладони до стола размером, брусчатке. Навстречу среднего роста и сложения человеку, уже спешащему навстречу. С приветливой улыбкой. Обниматься, по плечу хлопать... Карат обернулся к компании и пояснил, что это слышали они, такое грозное:

— Механика, автоответчик.

— Автосоветчик!.. — поправил его хозяин. — Незваным гостям!..

Карат засмеялся и представил званых гостей.

Звали хозяина — Часовщик. Есть имена, как имена, даже слишком имена. Значения их давно забыто, их носили люди до дроидских эпох и смысл их знает лишь тот, кто языки изучал. А на человеческом эсперанто нет имён как таковых, есть часто и редко встречающиеся прозвища. Раз пристанет и всё, тебя знают лишь под этой кличкой. Их гостеприимный хозяин начинал как часовщик очень давно. Торговал, коллекционировал. Чинил, когда стал захаживать на Техно, когда в шестерёнках разобрался. Ни людей, ни часов тех нет в помине, прозвище осталось.

За свой оглушительный "автосоветчик" он сходу многословно и горячо извинился!.. Не первый и не сотый раз, явно отработано у него! Передо всеми вместе извинился, а затем каждому пожал лапку и словил взгляд. Ясноглазый... "Может быть и интересный человек, — успел подумать Бест, представленный последним, — но у него неживые глаза". И тут же, протягивая руку, раскаялся в поспешной оценке! Живые. Как летнее небо безоблачное, безветренное. После заката. Прозрачные, светло-карие глаза. Такое впечатление, что это ясное, карее — всё, что осталось, чуть-чуть. Остальное потрачено, утрачено, прожито... Бест вспомнил просьбу Биг-Буро, и поспешил отдать белый кругляшёк шейкера, сразу, пока не забыл. Часовщик уставился на плоский диск на своей сухощавой ладони... Не признал? Обратно на Беста и сказал:

— Нет-нет, я вспомнил... Да-да, точно... Бест? Благодарствуй, спасибо. Нет, помню... Да...

"Похоже, они и в самом деле редко выбираются в чужие ряды, — подумал Бест. — Как мы шли сюда, так я не удивляюсь. Вроде рядом, а целое путешествие!.."

Карат проводил взглядом шейкер от руки к принявшей руке и тут же отвернулся.

— Ты изгнанник? — утвердительно переспросил хозяин. — Позволь, я сразу буду бестактен, не стану притворятся, как дорогой Буро... Как он там поживает?.. Позволь: ты часто грустишь об том, что изгнанник, часто вспоминаешь, в таком смысле, что — ах-ах?..

— Да почти никогда. Да совсем никогда!

Нормальный вопрос. Им интересно, на рынках редко встречают изгнанников.

— Вот-вот! — обрадовался Часовщик. — Точно-правильно! Не надо грустить: прошло, так прошло. Не состоялось, и не состоялось. И вовсе не о чем грустить, о чём же? Правильно-мудро, Бест...

Пробормотал и утвердительно улыбнулся, будто важное что сказал, ясноглазый, странный, пряча шейкер в рукав, провожая гостей к столу.

Часовщик мог бы сделать его намного эффектней, "солнечный" свет, льющийся ниоткуда между трёх шатров на маленький дворик. В промежуточных вариантах был и полный золотинок авантюриновый свет, и трубы косых лучей, и водопады лучей нисходящих... Но он хотел, что-то среднее, чтобы: "Ах, как будто на самом деле!" Устал от Техно, пока вникал, советовался, конструировал излучатели крыш. Предмет его заслуженной гордости: дневной, рассеянный, свет солнечного дня, без лучей, с мягкими тенями. Через прохладные тона с утра разгоравшийся, через тёплые к ночи он угасал...

Обстановка, деревья-цветы, коллекции... Это так, пустяки. Камерность, отгороженность от рынка, трудно уловить, чем создающаяся, тоже пустяк... Хотя, не сговариваясь, гости назвали бы его уголок — крошечным Собственным Миром!

Полудроиды не стареют, но возраст приблизительно угадать можно. У совсем юных, Восходящих ещё или год-два назад есть некоторая откинутость головы, открытость горла. Печать специфического слуха к манкам дроидов и клёкота, звона, чириканья дроидского необщего языка.

Чуть старше... Если юноша или девушка выделяются тем, что, прежде назвали бы "брутальным" и "женственным"... Причём неважно, девушка предпочитает своё, или противоположное: браслеты с перчатками и жизнь кулачного бойца с промежутками сумасшедших низовых гонок, а парень — карьеру мима на Мелоди, только ласку, только комплименты, слишком нежный и непритворно дикий для жизни немирных рынков, — они юны.

Дальше всё сглаживается. Переходит в стиль группы, сословия, в личный стиль. Лица тоже, за общей миловидностью проявляются индивидуальные черты.

А если и это сгладилось, в первую очередь касательно манеры держаться, голоса, не низкого, не высокого, если полудроида можно спутать с дроидом, значит, он близок к закату. На рынках и среди изгнанников таких, старых людей очень мало. Ничтожно мало. Вне миров долго не живут...

Под распростёртыми ветвями деревца Часовщик сервировал стол для них. "Чтоб не засохнуть — не заскучать!.." Радужным количеством и разнообразием соломок Впечатлений и капелек монпасье. Разложенных по цвету и смыслу горками на разные салфетки, подчёркивающие их красоту. Тонкие руки... Быстрые, точные пасы напёрсточника... И разговаривал с каждым, и улыбался каждому. И Бест поймал себя на том, что старается удержать его взгляд. Во-первых, так пропадало неприятное первое впечатление "неживого". Во-вторых, привычка. Общих Встреч ради Слов навык. Способ, в небе встреченных, бессловесных изгнанников позвать за собой... Часовщик отнюдь не был бессловесен! Но в Бесте проснулась именно эта тенденция. Будто они нуждались в каком-то общем, отсутствующем словаре, или одном единственном слове.

Невзирая на оснащение столь грозным "автосоветчиком", закоулок игрового ряда, присвоенный и преображённый Часовщиком, сделан, похоже, нарочно под гостей. В расчёте на них. Просторно, но уютно. Всё под рукой. Личных закоулков, как у Бутон-биг-Надира, где ширмы за ширмами, ничего подобного не было.

Шатры заполнены штучками соответствующими району, недорогими. И по-быстрому на них не обогатишься. Какие-то, чтоб в одиночестве голову поломать денёк другой. Иные — поудивляться. Море разливанное — исключительно для смеха! Например, у Часовщика имелись коллекции весьма простых настольных игр. С фишками, с костью, ходами по очкам. Но они — голографические.

Биг-Фазан верно охарактеризовал его фобию, отторжение к письменной речи. Ни книжки, ни инструкции к чему либо! Кроме — чистых листов... Кистей, красок нет... Для чего? Многие виды бумаги, и линованная... Стопки, альбомы, блокноты. Для коллекции слишком дёшево, что особенного в типах бумаги? Бывает разной, от металла, до ткани-паутинки, украшения складывать. От не подделываемой с водяными знаками, до упаковочной, приметной ради специальных сортов конфет... Но назвать это коллекцией?..

Разгадкой стали несколько птичек бумажных на полках, вееров, объединённых со штучками с Техно, понятно... Модели объёмные, образцы материалов, вот что это за стопки и альбомы. Покупал, однако, чаще, чем складывал. А складывал чаще, чем продавал. Хозяину нравилась чистая бумага, без единой строки и буквы. Так же, как уставшему бояться смерти,

нравятся символы её, изображения... Полные электрического напряжения, одновременно — знакомые, успокоительные как неизбежное.

Вот и получилось, что всё содержащее информацию в хозяйстве Часовщика — звуковое, либо визуальное — голографическое.

Освежающая карусель лакомств с короткими Впечатлениями!.. Опустошили более-менее стол?.. За мной!.. После экскурсии по шатрам, хозяин раскрыл в левом из них, самом маленьком и уютном одну из настольных игр...

Путь лежит прочерченный на бумаге с картинками, художественной ценности не представляющими, условными. Но фишка, поставленная в определённый пункт, вызывает голограмму. С которой можно... — с которой надо... — с которой приходится взаимодействовать! Выдерживать её подначки. Не поддаваться на провокации. Отвечать на её каверзные вопросы. Составлены они были с юмором... Грубым, тонким, хамским, абсурдным юмором!.. И поразительным разнообразием.

Волк или гном повстречался тебе, или крошка эльф на крыльях бабочки прилетел с цветка, держи ухо востро! Первым делом они постараются убедить тебя отдать им игровую кость. Клянясь: "Так положено!.. С этого пункта бросает его обитатель!.." Отдал?.. Отдавай и ставку, игра окончена!.. Крошка эльф острыми зубками, разинув пасть так, что откидывается крышкой полголовы, разгрызёт эту кость и, победно вереща, канет в тонкий лист скрытой механики! Ох, немало игр Часовщика было в хлам перепорчено людьми, попытавшимися выцарапать назад голограмму и примерно наказать! Как дети, а поле не восстановишь!..

Все персонажи играют против каждого за столом. Соревнование людей им до лампочки. Следует понять и приноровиться.

А ещё... У игрока бывает голографический помощник, и вот эта зараза... Гриб обычно... Почему гриб? Да кто ж его знает!.. Авторы-то этой ерунды — анонимы из миров. Кто видел её автора?.. Наверное, нелогично, что шепелявый гриб по лесам и долам сопровождает путника, переваливаясь на одной ноге, а то, прыгая, чертовски странно, но так...

Проклятущий мухомор помогал иногда пройти четыре пятых дороги к кладу.

До горы со снежной вершиной, постоянной голограммы... Дельными советами помогал, подсказками на каждом этапе. Внушениями между... Нудный, шепелявый... "Вот там-то мы прошли легко, а там-то посложнее было, чудом прошли, а откат-то, лавину мы перескочили, а и с волком будет не сложно, только прямо ему не отвечай! Вопросом на вопрос, так проскочим, а дальше... — Вещал гнусный, предательский мухомор. — Под самой горой встретишь тролля. Как надо с ним, как нельзя с ним? А?.. Как?.. Не знаешь, так слушай!.. Видишь на шляпке у меня белые точки? Думаешь, гриб я? О, я не гриб!.. Я божественный молот из старых преданий! Я — молот, тссс... Ножка — рукоять. А пятна — следы от ударов... От божественных серебряных гвоздей, забитых в небесный свод... Звёзды — их шляпки... Видел когда-нибудь звёзды? Значит, я правду говорю!.. Слушай и слушайся меня... Что бы ни спросил у тебя тролль, не отвечай! Чтобы он ни предположил, не признавай этого! Предложит — не соглашайся! Возьми меня как молот своей рукой и разбей троллю голову. Тогда клад станет твоим... Твоим!.."

Твоим!.. Ты запоминаешь всю эту белиберду, как дурак. Залазишь, как дурак, в подземелья, не с нормального входа под горой в харчевню, а с чёрного, между отбросов, тайком. Как безнадёжный дурак, слушаешься... Кубик бросаешь... И ход позволяет тебе проникнуть дальше, в пещеру, но — лишь наткнувшись на тролля.

Крупный тролль... В передничке... Из харчевни спустился за пивом, с другой стороны игры. Спрашивает, что надо тебе. Мухомор шипит, ты молчишь. Тролль чешет в затылке и

предполагает сам, не за кладом ли ты... С этой стороны игры? Ты не отвечаешь. Раз голограмма тролля не пропадает, не отбрасывает твою фишку назад в чисто поле, значит, молчание — правильный ответ, допустимый. Настойчивый тролль предлагает последовать вниз, он — за пивом, ты за кладом. Мухомор нервным тиком неистово подмигивает. И едва тролль отвернётся... Ты хватаешь гнусный гриб, забыв уже к этому моменту напрочь, что ты в игре, что голограмма-то возникает из-за перчатки, что не про клад, а по ставку речь-то вообще!.. Хватаешь... И лупишь со всей дури ни в чём не повинного тролля мухомором по башке! Победил, ага, как же!.. В результате их бошки резко меняются местами! Мухомор с мордой тролля и великан без головы, под красной пятнистой шляпой оборачиваются синхронно к тебе и сурово так, нараспев оперными, сильными голосами: "О, зачем?!. Зачем, скажи!.. Злодейство совершил..." Снова бошками стукнутся, загогочут и пропадут! Игровое поле захлопывается, перчатка лохмотьями слетает с руки, бай-бай, игра окончена!..

Ну, странно ли, что коллекция игр убывала с появлением в друзьях Часовщика новых людей?! Старые-то знакомые с его игр плевались! Марблс покатать заходили и бутылочку Впечатления распить...

— Нечестно! Несправедливо!..

— Рори, кусик... — Карат легонько погладил её по золотой голове. — Ты повторяешься. Наверное, сегодня день такой, под лукавым созвездием. Кусик, это только игра...

Остальные лежали от хохота! Валялись просто!..

Клок с Рутой пошептались, спросили что-то у Фианита, как у технаря. Он пожал печами: зачем оно надо... Одна мысль посетила их, и Дабл-Пирита, он тоже позавидовал Часовщику:

— Господин, а эта плесень бесстыжая, гриб этот, он от игры отторжим?

— Дроиды просвети тебя, мальчик! Какой ещё гриб?..

Хозяин открыл тайник под столом, в земле и поворошил ящик с одноразовыми перчатками:

— Ты хотел бы играть с ним, как с живым артефактом? В пределах поля перчатка источник их всех, и мухомора. Их нету. Держи, на память.

Часовщик вытащил ворох перчаток, тонких, как папиросная бумага, и сунул внутрь сложенной картонки:

— Развлекайтесь. Он осточертеет тебе намного раньше, чем они закончатся. Продашь ещё. Игр туда накачано порядком, не эта одна.

Дабл-Пирит не стал отнекиваться, поблагодарил. Аурору поморщилась, не везёт. Терпеть эту пакость и в Собственном Мире.

Достаточно подобного краткого описания единицы из коллекций Часовщика, не жемчужины, в доказательство: скуке у этого человека нет места! Но он пригласил их на более созерцательное времяпрепровождение обратно, во двор. Люди с Техно пришли, умные, с интеллектуального, — слухи множились, — Архи Сада... А он занимает их всё какой-то ерундой.

Ветви дерева, ажурные перьевые лапы его листьев раскинулись, оп-па!.. Над миниатюрным прудом! В нём отражались. Невозможно поверить, только что его не было! Разошедшиеся плиты образовали ступени к воде и столик для пикника. Лёгкая рябь пробегала по глянцу воды.

— Побудем здесь? — предложил хозяин. — Я до сих пор и не спросил, что привело вас ко мне. Что-то конкретное? И ничем стоящим не угостил... Ну, это мы исправим.

Пообещал и исчез между шатрами за пышной зеленью куста. Гости переглянулись. Насчёт стоящего, это он загнул. Что досталось им в кратких Впечатлениях соломок и монпасье, долго рассказывать. Рафинированного там не было в принципе. Только неделимые мгновенья: цвета,

звука и запаха, ощущения пространства, объединённые чьим-то мимолётным настроением, отпечатавшимся в них.

Вернулся с кубком на ножке и пустыми соломинками. Биг-Фазан забрал их и отложил в сторону:

— Обижаешь. Кого ты поил оливками когда?..

— Ну, если так...

Он добыл стопки из-под верхней ступени. Да, в этой части Южного экономят место, всё подо всё приспособлено. Пересчитал, одной не хватало. Хлопнул себя по лбу, извлёк из рукава шейкер, Буро присланный:

— Вот и мне нашлась...

Каким-то специфическим, секундным жестом обежал пальцами ободок... Перевернул и раскрыл, стукнув о ладонь. Обычная пластиковая стопка. Знак игры на дне — кость игральная, кубик. Остановил взгляд на ней и задумался...

Рута и Клок, нарушая возвышенность антуража, полоскали ноги в пруду и спорили, есть там Впечатления или нет. То вроде мелькнуло, а то вроде показалось... Фианит растянулся на земле и ушёл в размышления о растительных атласах: что нависает над ним... Древнее или уже дроидами конструированное? Можно ли на глаз отличить?.. Пирит и Аурору решили, что это подходящий момент полюбоваться друг другом и поспорить из-за даренной игры. "Гадость..." — "Прелесть!.." — "Гадость!.." — "Ты — прелесть!.." — "А, хи-хи!.."

Бест пытался различить дно в кристально чистой, наверняка, неглубокой воде и не мог. Часовщик щёлкал прогибающимися стенками стопки и молчал... А Биг-Фазан перевёл с этой белой стопки с волнистым ободком на Беста расширившиеся глаза, сейчас никак не щёлочки, и подумал: "Не почудилось... Честное слово, сюрприз. В жизни бы на него не подумал..."

Отношения их с Бутон-биг-Надиром деловые и дружеские имели ровное течение, совершенно бесконфликтный характер. Ни рифов очевидной конкуренции, ни подводных камней инстинктивной неприязни. Скорее расположение. И, тем не менее, реакция Пепельного Биг-Фазана на замеченный шейкер была: "Вечер?! Сегодняшний вечер?! И куда мне теперь? Как быть: провожать, не провожать?.. Что хуже, дойти до Буро или порвать с Буро, не выполнив оговорённого?.." О том, что лучше, речь не шла, слово не подходящее... Целый шквал сомнений... В самом деле, он нанят телохранителем, и шейкер лишь совпадение? Или он — объект охоты?.. Или участник он недроидской охоты на чистого изгнанника?

"Но Буро не сказал, уболтай и приведи. Не сказал, непременно приведи. А — сопровождай в пределах рыночной рамы. Разные вещи... Что сделал ему этот изгнанник? Чем мог угрожать? Биг-Буро не из корысти, из доброты и спортивного интереса распутывал такие в тупик зашедшие ссоры!.. Оплачивал долги таких чудиков Южного!.. И не требовал с них больше, чем справедливо... И то — хищники! А тут — бездомный изгнанник!.. Как это непохоже на Буро, линейная, злая охота его, Карата, руками... Или это охота на телохранителя? За что?.. Или всё же на изгнанника? Простецкий парень... С Чёрным Драконом. Для наживки он больше подходит, а я сразу на охотника подумал... Буро, весь Буро... Что за дела, Буро?.."

Часовщик воззвал к нему, к старому знакомцу, Биг-Фазан отвлёкся, щёки поднялись, лучики побежали от щёлок тёмных-тёмных глаз. Он закивал и без проблем согласился на роль "виночерпия", чтоб остальным досталась вся полнота момента. Получил в своё распоряжение латунный ковшик. Им оказалась одна из ручек кубка: тюльпан на изогнутом стебле. Оставшаяся: тюльпан в листьях, удобно легла на запястье, а ножка кубка — в руку. Тяжёлый, всё предусмотрено. Занял место повыше, за спинами. Оно и удобнее хищнику, вечер-то недалёк,

определяться надо...

Безграмотны полудроиды, малограмотны в массе своей! Письменная речь тяготеет к символам, к иероглифам...

Есть культура приглашения в узких кругах. Начало берёт в том времени, когда игровых облачных рынков образовалось вдруг побольше, но они уже переходили грань неудобного, охотничьего пространства, становились всё менее безопасны с каждым днём. Из-за случайно зашедших охотников, оставлявших ловушки. Так же по причине недружеского разделения издавна оккупировавших групп, ухода части из них на другие рынки и земные территории. Но встретится охота иногда, выяснить, кто насколько преуспел! У рынков и у групп были фирменные штучки и фирменные знаки. Приглашением являлось то или другое, с нанесённой эмблемой того или другого, либо общеизвестным символом. Знакомый игровой предмет с изображением Соц-Цог, это значит посоревноваться без подвоха. Чашечка Сог-Цог со значком группы, это значило наоборот, переговоры, повидаться не ради игры. Символическая вещь означает — ближайшие утро или вечер, смотря, когда передана... От них так и повелось среди разных сословий. Два стабильных символа, Сог-Цог всегда дружба, марблс всегда соревнование. Иное — интерпретируй, как знаешь...

На шейкере была игральная кость... На дне... Не на боку... Плохо. "Приятеля пригласил захлопнуть ловушку? В ночи разыграть кого-то? И кого же?.." Ловушка могла быть поставлена на третьих каких-то людей, но... Ясно видно, что смысл преданной вещи Бесту не известен! Он сам не в числе приглашённых, но туда, туда же идёт! Как следует понимать?..

Заблуждение Биг-Фазана вполне естественно. Понять в каком качестве Часовщик приглашён, у него не было шанса. Некоторые, Карат в их числе, знали о Буро кое-что, догадывались. Карат больше других. Но не знал всего. "Ача" оставалось лишь словом, ругательством. А что в сырой шатёр заходят вечером те, кто не выйдет поутру, так это списывали на путешествия в туманах. Топающими ногами-тумбами... Наверное, для Бутон-биг-Надира продажа в океан иногда выгодней, чем создать артефакт на пирамидке. Чудовища Моря, что с них взять...

Поэтому Биг-Буро так любил Симурга, человека, перед которым смог открыться вполне. Не притворяться. Горевал о нём, невосполнимой утрате.

Кроме тех, кому недолго осталось, перед кем скрываться незачем... Многочисленные рыночные и морские знакомцы, даже полную исповедь выслушав, не поняли бы и не поверили бы. Кто внутри себя этой боли не имел, не поймёт. Кто не пережил однажды сокрушительного падения в магму дженераль... В щёмящую сладость... Обладания и прощания, слитых с каждым глотком... Кто-то из них слишком чудовище. Кто-то слишком человек... Не поймут... И прекрасно. И распрекрасно! Вот бы и думать забыли!..

Карат не мог в мыслях допустить, что ночное приглашение не обязательно на игру, и не обязательно охота. Но твердо усвоил на чужих примерах: худшее, что можно сделать, выдать случайным словом или жестом известное ему...

Пустые тревоги. О дне текущем думал, а того не помнил, сколько раз, не задумываясь, он брал из рук Биг-Буро пряный, благоухающий бокал! Наутилус, а не жалкую стопку! С дымком испаряющейся тени... Наполненный до середины... Всегда чуть не хватает!.. Прозрачный наутилус, стеклодувам заказанный им же на Краснобае... Головокружительно ароматный, терпкий, как смолистый, коктейль Буро... Сколько шуточных клятв, опьянённый, расслабленный давал ему!..

— Что, Биг-Пепельный-Фазан, тебе всё мало?.. Ты жаден!.. А скажи ты мне, за второй

половиной пришёл бы — в туманной ночи?.. Если смешаю, придёшь?

— Буро!.. — он делал глоток и пропадал, чтобы продолжить через пару минут или веков. — Про что речь!.. Биг-трижды-Надир, по дну Великого Моря приду!.. З-зови, м-мешай!.. Что за й-яды ты цедишь туда, а?.. Ах, кончился яд!.. Капелька, ещё капелька... Честно, ну что за манера, наливать до половины!..

Об этих клятвах лучше бы вспомнил.

— Вы внутри рынка-то, пожалуй, и не летали? — обратился Часовщик к компании. — Хотите? Недалеко, вот над этим прудом...

Как тут не вспомнить, что он коллекционер парадоксов? Прудик — не перешагнуть, так перепрыгнуть — легко.

— Дорогие, принесшие радость друзья, момент внимания... Как вам угодно, как вам удобно, с Каратом мы давно знакомы, он, видите, доверяет, соломку не берёт. А вас не смутит некоторое дополнение к кубку? Просто осушить его можем, а можно... Слегка полетать...

Кто отступил бы, Бест, Рори? Или кто из борцов?..

Дополнение выглядело не страшно и даже не экзотично. Баночка с мазью. Амфибии-полудроиды как угодно впитывают влагу. Кубки и ливни, погруженья морские... Брызги с волос галло... Конфетки монпасье... Раны на Ноу Стоп... Плоды Архи Сада... Магма ача... Курительницы с паром от мокрых стружек... И мазь. Технарь Карат придумал основу для неё между делом, без особого труда. Вещество медленней медленного отдающее влагу, не разрушающее тень в оливке. Часовщик предъявил им и дал понюхать крем для межбровья. Цветом — топлёное молоко, пахнущее жасмином.

— Если по векам, то слегка, — предупредил.

Сам уселся складывать длинный, остроносый самолётик. Бумага вощёная, плотная.

"Виночерпий" Карат лба не коснулся, от крема глаза закрывались.

Маслянистая влажность, осязательное Впечатление, содержала замечательно уравновешенные тепло и холод, классическое базовое для хорошего коктейля, что с оливками, что без. Как будто в полёте солнце печёт, ветер обдувает. И то и другое — динамично... Он не кажется, оно — происходит... Оливкой усиленное, основой замедленное.

— Подремать можете пока, скоро взлетаем...

Карат наполнил стопки. Дворик и прикрытые веки озарял золотой, почти солнечный свет... Идиллию нарушил деревянный шорох жемчуг-дождика на входе, блики от потревоженных зеркальных лент и грозный окрик: "Вон пошли!.." Шорхнув ещё раз, полог затих, тишина воцарилась.

— Работает... — удовлетворённо отметил хозяин. — Дорогие мои, пора. Самолётик готов, мы взлетаем. Он удался мне, правда?

Глаза их раскрылись. Бумажная, крылатая стрелка воспарила белым штрихом к миниатюре пруда, на встречном дуновении замерла. Под перистой лапой дерева, над её отражением, разбитым водной рябью... "Здесь совсем нет пыли, — отметила Рори про себя, — как на Техно..." Вслед за хозяином они пригубили воду... И — взлетели.

Микс Впечатлений, как у Густава. Смесь рыночных. Смесь полётных. Гости всё видели с высоты, всё безусловно переживали...

Самолётик летел... Три шага водоём длинной. Самолётик летел... Над ним летел и летел... Приоткроешь глаза — летит... Закроешь, виден рыночный лабиринт с высоты, купола, крыши,

тенты... Оживленье людское... Столики тут и там... Коробами на сто отсеков делённые, столики предлагают разноцветный марблс: собери комплект какой угодно!.. Навалены грудами крупные плоды. Ягоды сморщенные, сухие... Птица спустилась, скачет, таскает, ах ты... Пестрая птица? Стоп. Разве это Южный рынок?.. Какая эпоха?.. Самолётик летит, летит над прудом в три шага... Безоблачно. Голубое, синее небо... Стоп, где мы?.. Где горизонт? Бумажный самолётик выделывал мягкие виражи. И они вместе с ним. Снижался, взмывал обратно... Рынок у моря, смуглый юноша сидит перед вращающимся кругом, вытягивает наверх сосуд цвета земли... Всё сверху видно. Вираж, кувырок... Карат следил за их стопками.

Чем дальше, тем меньше привлекали образы рыночные, так здорово смешанные. Влекло прочь от земли, возносило поверх них... Созерцанье полёта... Бест подумал: "Мы пьём и Впечатления Белых Драконов тоже..." Над бесконечным прудом бумажный, остроносый птенец оригами летел и летел, чуждый земному тяготенью...

Непринуждённо завязалась беседа... Порывистая и лёгкая, как созерцание, объединившее их. Гостеприимный хозяин спросил Ауроруа, всерьёз ли она считает, что игра может быть несправедливо-нечестной?.. Он часто сдваивал, одно с другим, немедленно уточняя, произносил слова.

— А как же?! — воскликнула Рори.

— Игры обязаны быть честнее жизни?

— Господин?..

— В игре есть, по крайней мере, что нарушать-преступать. Исходные правила. Ты знаешь хотя бы, в чём обманули тебя. А, к примеру, вы, изгнанники? А хищники, которые не нарочно?

— На примеры тобой приведённые, господин, я отвечу... Причина причине ровня, увы. Небрежность ли, злонамеренность... Но спроси уже шире: кто обманул настолько, что пришлось в принципе — быть?

Самолётик сделал два круга с переворотом, горизонтальный, вертикальный косой, и устремился дальше...

— Вот-вот... — согласился Часовщик.

— Никто. А люди играют с людьми. Не с мухоморами! Тем отвечаю: да, обязаны. Карат, уважаемый господин, — Рори чуть обернулась, склоняя голову, — показывал нам в модуляторе на Техно, как в хаос бросают песчинку. И от неё вырастает кристалл. Она так мала, что цвет не виден и форма не видна, ценности нет... А кристалл идеален, зрим... И много к чему пригоден! Но вторичен, зависим. И эта песчинка — честность. Внутренняя упорядоченность, к внешней среде пока не имеющая отношения. Честность с самим собой.

— Образно, прямо как в книжке... — буркнул хозяин, трудно не уловить, что это для него самое что ни на есть ругательство. — Дорогой Буро расцеловал бы твою золотую голову, он любит такое... И про честность загнуть.

Рори не обиделась, красивовато...

— Я пыталась быть лаконичной.

— Про песчинки ясно... Разберёмся с хаосом? Пусть песчинка — фишка игры и правила... Но игральная кость — хаос, не так ли? Как ей, как ему, прикажешь быть честным? Он важнее, признай! Не он ли — сама игра? Не он — и рука бросающая? Он же, сделается, признай, — много к чему пригодным... — кристаллом. А если уже был бы им, как мог бы им стать?

"Если вот так чувствовать Белого Дракона, как самолётик бумажный сейчас, — подумал Бест, — выиграешь любую гонку..."

— Конёк Ауроруа, — сказал Биг-Фазан, — структурированные вещества. Наш с тобой конёк, аморфные... Что важнее — дело вкуса, признай.

— Дело принципа! — засмеялся хозяин. — Кость, как и жулик, разрушает бывшее, позиции

и ходы. И создаёт будущее! Когда из хаоса — кристалл, это, видите ли, честно! А когда наоборот, друзу какую-нибудь молотком в порошок, или кость не так покатилась, нечестно-несправедливо! Надо быть равностнее, что ли...

— Да не бывает хаоса, — ответила Рори, — если уж серьёзно. Есть воздействие полей, есть затухающие тенденции, точки кристаллизации... Бесчисленное множество. Я о чём говорю, друза в порошок... А молоток?.. А рука?.. Вот то-то... С рукой жулика, с рукой, бросившей кость, всё в порядке? Я искренне рада!.. Где ж господин, твой хаос? Он весь достался обманутому. Шулер знает, куда безопасно идти, а кого обходить за версту!.. Хаос... Хаос, господин, и то никакой не хаос, это — лететь на бумажном самолётике, лететь, как ветер подует, как вода с водой перемешалось. Как сейчас... Хаос, это когда летишь, не планируя вернуться. Что выпил, то навсегда, а что, заранее не знаешь... Ну, а в берегах известных... Пусть линии их будут резки или плавны, изменяясь тоже резко или плавно... Нечестно — бац! Камнепад!.. Оттуда, где и горы-то не было! Это третья мысль, понимаете? Меченая карта. Неучтённое воздействие. Не на границе, а из-за границы сред! Можно брать шире, но и там будут свои границы, свои правила. А мы начинали, вроде как, про людей...

— Я покорён... — обернулся Часовщик к Биг-Фазану. — Формулировка ни к чёрту, но мысль ясна, как хрусталь!.. Что послужило золотому кристаллу твоего курсика первой песчинкой?

Карат засмеялся:

— Такая пришла!

— Насмешничаете?..

— Ни в малой мере!.. — хором ответили, на манер тролля и гриба.

А Карат добавил:

— Таки-дело вкуса. Нам, жуликам, просто нравится, когда — бац!.. Камнепад!.. Особенно — если горы там и не было!

На эту откровенность Рори ответила молчанием, хлопнув пальцами по сжатым губам, у Мурены переняла... Очень, очень полезная привычка!

В сущности, они говорили о том же самом, о чём Римлянин и Амарант собачились не первый год. Бесту тема здорово надоела, но он подумал: "А что если этот удивительный человек, с тихими, прозрачными глазами новый какой-то, ловкий финт выскажет? Прекратящий споры?.. И они отстанут от меня..." Как сорганизовывались люди прошлых веков, как шла кристаллизация свобод и ограничений, как разрушалась? По сумме плюсов и минусов, устойчивости временной, чему стоит отдать предпочтение?

Друзей его в Архи Саду более узкий аспект этой темы в последнее время захватил. На что ориентироваться. Что выбрать параметром. Где счастливей люди? При свободе или несвободе?.. Это так субъективно. Где дольше живут? Но — как — живут? Опять — счастливее... Путаница и недостаток информации. В последнее время они сосредоточились на прекращении крупных, таких как войны, и мелких конфликтов. Но в основном — крупных. Отчего прекращались, когда? И тут разошлись по свои стороны ринга!

Амарант считал: если стало свободнее, вольнее, то и прекращали воевать. Возможно по негативным причинам, амия таяла, условия совсем ухудшались, дисциплина рушилась. Надежды. Надежды тоже связывают. Короче, да ну, вас с вашей войной!.. Свобода, так или иначе, малолюдность, свободомыслие, усталость, пофигизм.

Римлянин думал с точностью наоборот. И начали войну, почувствовав лишку внутренней вседозволенности, а завершение происходит, когда одна — поневоле, или обе стороны —

осознанно приняли на себя достаточно самоограничений.

Бест уловил одну несомненность: рано или поздно противостояние затухает. Не "исчерпывается". Прекращается. Почему? Бест не видел достаточных объективных причин. Универсальных. Во многих случаях, кристаллу, войне ещё расти и расти, не дезертировали солдаты, не продались генералы... Потерям ещё лизать и лизать, растворять и растворять кристалл. Партизанскими вылазками, саботажными выходками внутри страны. Но процесс прекращается. Почему?

Хозяин вздохнул. Рябь побежала сильней, как будто от его вздоха, и взмыл, нос задрав, самолётик.

— Они надоедают тебе? А мне никто не надоедает... Хочешь, Бест, закажем "автоответчик" Карату и для тебя, за мой счёт?

— Нет ответа?

— Море ответов!

— А есть тот, что понравился тебе?

— Пей оливки, запивай забвением, радуйся жизни!

— Это ответ не про то, а про то, что делать с этими мыслями.

— Так ведь — мысли и есть. С ними и надо что-то делать. Вот, тьфу-тьфу-тьфу, начнётся война, надо будет что-то делать с войной.

— "Тьфу"— это что?

— Суеверие, отгоняли чёрного бога.

— А... Чёрного?.. Злого?..

— Ага. Их не всегда делили на добрых и злых. И войны вызывали по старым представлениям боги не чёрные. Даже, скорей, белые... Обидчивые! Хлоп, сморозил не то, подарком не угодил, и начинается заварушка! Обе стороны виноватые, и обе в беде... Я могу, если желаешь, привести один ответ, что мне понравился. Не помню автора... Он так сказал, что боги останавливают колесо беды, не когда каждый признает вину. Такого не дождёшься, правда?.. А когда найдётся один, кто скажет: "Боги, простите нас всех!.." Всех, понимаешь? С обеих сторон. Тогда останавливают.

— Обалдеть, мне тоже понравился.

— То есть, всё-таки песчинка, да. Остановка, точка кристаллизации... Вольная, внутренняя, да... Добровольная... Оба правы... Посуди... Внутренний конфликт, процесс, реакция... Они прекращаются с исчезновением разнородных структур и сред. Так?.. Но ведь это крайне поверхностно!.. И каким способом это произойдёт? Бесконечное расширение?.. Но частички уже не оно, не то, что было... Не те страны и не те люди... Сжимать? Это приведёт к образованию нового вещества. Или ко взрыву. Туда достаточно бросить один вопрос! Оно расколется и взорвётся! Капля катализатора... Вопрос: совершенный у нас вождь или непогрешимый?.. Бабах!.. Два лагеря и война!.. Да...

Часовщик протянул к Биг-Фазану опустевшую стопку:

— А наоборот кажется абсурдным, чтоб песчинка вместила пустыню... Вобрала пустыню солёной воды... А ведь так и выходит! Так вырастают кристаллы. Песчинка, не предводитель ни разу, далеко от толпы, как бы внизу, в колбе, на дне... С него начинается... Тихо живёт, от своего имени говорит, смотрит своими глазами... На всех... Нет, не крутит-вертит головой, не портите мне образ, не как сова! Внутренним взором, образно выражаясь. Лежит и в небо смотрит... Здорово смотреть в небо? Кто-то второй придёт и ляжет, в небо смотреть... «Я на солнышке лежу!.. Я на солнышко гляжу!..» Песенка была такая. По нему видно, как здорово в небо смотреть... И если он добр... Нет, если он — есть... Начало положено... Основание... Крупинка... Просто она, он должен быть уверенней, медленней тех, кто рядом... Кто рядом, кто рядом... И

так далее... С места не должен сходить. Кто согласен с ним, тот согласен с ним... А кто заболтался, тот заболтался... Мудрая изгнанница, верни мне упрёк в вычурной речи, я его забираю!..

— Господин прекрасно выразил мою мысль... Не понимаю, почему гостеприимный господин спорил со мной?..

— Умничка, обид не спускаешь!

— Да потому, — ответил Биг-Фазан, кремом не затуманивший глаз, погружённый в тёмное беспокойство, — что не получится. Не выйдет. Идеальные условия нужны. Покой. Штиль... Не вырастет друза или расколется. Так пусть уж скорей. Слизнёт океан крупинку соли, и всё на том. Соль в нём есть, но воды в нём больше, и теченья сильны.

— Это если не довольно тверда! — высказала Рори вполоборота. — Не довольно точна! Не довольно чиста!.. Всякий недостаток — недостаток понимания, уважаемый господин Карат. Не следует допускать приблизительностей и оставлять лакун.

— Ой, кусик, идём на Техно и покажи на деле. Модель!.. В размере тысяча к одному. Не сразу нравственную, физическую для начала!.. Такому веществу цены не будет!

Фианит заметил:

— Идеальные условия?.. Или хорошее чувство равновесия? Мне Мурена рассказывала, а ей Змей... Как он всё корабль конструировал... С юмором чудовище, умеет посмеяться над собой. У него ж не атласы, не схемы, несколько глотков мало-мальски зримых Впечатлений имелось... И он всё паруса делал, с парусов начинал... Так и этак... Про ветер всё, про скорость. А эта штука всё время переворачивалась! И тонула. Пока не понял про киль! "Киль, — говорит, — противовес, — говорит, — один на все паруса, внизу! Шатко без него. И тяжёлый, и невидный! А дальше, хоть плывите, хоть на палубе пляшите!" Бест, а точно, совсем нет возможности навестить их облачный рынок?

— Дроидов? Точно нет. Мурена там бы и паслась, да в Великом Море. Познакомитесь ещё, Змей выйдет когда-то, не навечно он там...

Распадение тени перешло критический момент и действие мази резко прекратилось.

Они смотрели на пруд. Под веткой дерева разлапистой, на её отражении покачивался давно упавший и размокший самолётик. Раскрывшийся чистый листок бумаги. Не он летал, они летали. Белый. Письмо прощания... Грусть.

— Спасибо, — сказал Бест за всех.

— Не за что, — ответил Часовщик всем, отвечая на поклоны, и ему повторил на выходе. — Не за что, Бест...

Рори обернулась: белый, размокший листок. "Это нечестно..." — сказала про себя уже. Обняла Дабл-Прита, такого огромного. "Идите к чёрту..."

Она не вернётся на Техно, курсика Биг-Фазан потерял.

Глава 109

Глава 109.

Густав имел навыки оглушить, провести захват, преимущественно с удавками. Клок, ученик бывшего вира — отклоняться, уворачиваться. Головой, всем собой, корпусом с линии атаки. Поднырнуть, откатиться, если на земле уже.

Прямо вселенская гармония в лице их двоих снизошла на барханы Собственного Мира чистого хозяина! Который сбил гостя с ног, едва шагнули за раму. И — кубарем под откос... В низину, к особняку, пустыней поглощаемому безрезультатно и непрестанно, пологой воронкой песчаных волн.

Разбить гостю морду — клином сошёлся свет. Удары, что пропускал, он не чувствовал. Не чувствовал и когда его кулак съезжал по касательной челюсти или скулы. Перед ним маячила какая-то трансцендентная, не достижимая цель, не в предсмертные огоньки дроидов, в ничто превратить кулаками его голову, рожу наглого, осмелившегося на шантаж мерзавца. Как шарик перекачанный взорвать прямым, сладостным ударом!

Гнев привёл лишь к тому, что Клок оказался более собран и, как следствие, более успешен. "Видели бы меня на левом крыле! — успел подумать он, в очередной раз ныряя под боковой правый, пока ещё не выдохся. — Сразу плюс три татуировки!.." Но накал страстей был таков, что выдохлись скоро...

Песок везде и всюду — в глаза, в рот, в уши, в нос, под одежду... Они катились, они перебрасывали противника, топили в песке и утопали в песке. Густав бил не целясь, бил, не видя куда, с песком в глазах. Бил в песок со всей яростью крепко связанного зверя, крепче, чем в Гала-Галло, выбрасывая свою ярость. Нет — он не желает терять дракона! Нет — он не откажется от последнего короля! В тупой, никому не нужной, ни к чему не ведущей драке, исчерпывал свою ярость, как грязный колодец. Не то, чтобы вычерпал, но свалился на дно. Силы кончились. У обоих.

Клок ударился головой о парапет фонтана и откатился последний раз со скоростью улитки.

— Я — пас... — хрипнул он, лёжа на отсыревшем песке. — Густав, уничтожить гостя... Неординарный, утомительный способ... Я со своими так не играл.

Густав покачивался на локтях, лбом в кулаки... Понадобилось время отдышаться ради пары слов.

— Что ты хотел... — отдышался, — ...увидеть, служка морских тварей? Вот песочек, вон — дом... Всё, кажется. Ничего не забыл...

Густав выплюнул песок и добавил:

— Глаза прочистить?.. Тебе... Или уши?..

— Хотел увидеть, почему ты такая тварь, Густав. Хуже морских тварей...

— Увидел?

— Да.

— Если попытаешься здесь что-то исправить... Тьфу... — выплюнул песчинку. — Я уничтожу гостя ординарным способом, традиционным.

— Испортить?

— Исправить! Ты глухой?!

— То есть портить можно? Фонтан?

Густав отдышался более-менее, сел и проникновенно, вкрадчиво, с непередаваемой злобой произнёс:

— Клок, поднимемся к раме обратно... Делай рубашку карте, я в двух шагах постою. Брось

и уматывай...

— Выходит, я был приглашён, чтоб получить по морде? Нее... Покажи мне дом.

— Клок... Я не поручусь, что ты выйдешь оттуда.

— Даже так? Что ж... Хочу стать снеговиком! В пустыне! Это — последнее желание...

Густав поднялся умыться, чуть сразу не рухнул. Умылся, перевалившись через парапет, сел на него и сказал:

— Пусть так...

Клок тоже дополз, щекой на мокром мраморе полежал и, смеясь, заявил:

— Иди, догоню... Я — ползком!..

Но когда взошли дугой широких, низких ступеней, каждая шага на два, по правой лестнице, огибавшей не существующий цветник... К закрытым дверям... Клок остановился. Искажённое яростью лицо не смутило его решимости, но следуя у Густава за спиной... Плечи чуть подняты? Разве?.. Шея втянута? Да нет... Маленькое измененье осанки выразительней мимики. Убедительней в тысячу раз. Лица лживы. Наделены оружием лживости. Спины — нет.

Клок тормознул:

— Я передумал, мне... Неинтересно.

Густав остановился, обернулся и ничего не сказал.

Стояли, как два дуба, перед дубовыми дверьми. Ни туда, ни сюда. Клок завёл их в тупик, ему и выводить. Он достал из кармана карту. Куда бы положить? Не на что. И ручки дверные кончаются круглыми набалдашниками.

— Подержи, — протянул Густаву.

Но тот, пятясь, потянул на себя и с трудом распахнул, скрипнувшие по заносам песка, створки. Сотворил жест приглашения, усмехнулся:

— Что же мы на пороге?.. Заходи, пустой особняк, скрывать нечего.

— Густав, я некрасивое, я недолжное условие поставил... Сожалею о нём, Густав...

— ...назови меня другом, попробуй. Сказал, заходи.

Сквозняки гоняли песок по паркету.

Фонтан смотрелся ещё симпатичней и живей из высокого окна залы. Его плеск доносился и оживлял однообразие пустынного пейзажа. Перебивал сухой шорох в доме, снаружи... Немножко перебивал.

Морёного дуба приземистый карточный стол. Колода придавлена пресс-папье. Уничтожить её — три секунды, как и всё извне принесённое в мир: занести руку, опустить и поднять ладонью вверх... Карта Рода легла верхней в колоде.

"Я успел привязаться к коллекции? К мордам древних чудовищ?.." Густав испытал успокоение от их вида, от зрелища кона. И беспокойство за них... "Чёрный хохолок отыгрался немного... И решил доказать, что смерти не боится? Мне что за дело? Как они все... Демонстративны... Мне бы знать лицо Джокера сейчас, и я бы, — прости, Чёрный Дракон, спасибо за службу! — отыгрался окончательно... Или не Джокер? Или живой артефакт?.." В расположении духа самом обычном, тоном обычным сказал:

— Полная колода, — сказал Густав. — Полная проклятая колода. Обновить бы... Не желаешь сыграть? Твоим Конрадом у Буро играли, а теперь Род со мной.

— Согласен. На что?

— Клок, это — проклятая колода... На то, кому дальше жить из нас.

— Это глупость, такие ставки...

«А кто сейчас все страховки отверг?..»

— ...глупость и суеверие. Нет, я не боюсь, что она подыграет тебе.

— Сразу на попятную? Ты произнёс: согласен... Чудик в жилетке, зачем ты в неё нарядился? Разве твари морские — твоё племя? Близки, чем же?

— Тем самым пунктом... Слов назад не беру. Я не отказался, я сказал: глупость...

Густав вспомнил раздельное, ленивое из уст Биг-Буро: "Га-ран-ти-ру-ю!.." Перед Оракулом на Файф, где чуть было, не закончил свои дни... И возмутился его наивности:

— Чудик, да количество загогулин, подтекстов и всяких нежданчиков в честном Буро даст фору охотникам Южного всем, вместе взятым! Он из-за своих ширм сырых, пыльных, что нужно, то и достаёт! И всё будет — чистая правда!

— Я знаю.

— И что? Валяй, скажи: назад беру.

— Не беру, вспомнил кое-что, конвенцию одного изгнанника, вот и вырвалось... Но если колода требует лишь этой ставки...

— ...он живой, кон двенадцати. "По отдельности — мертвы, а вместе — живы..." Так говорят.

— Отлично. То, что надо... Играем.

— Играем. — Густав обошёл стол, оказавшись напротив. — В дурака?

— Естественно! Кто мы, если не дураки?

— Твоя жизнь против моей, — уже тасуя, подчеркнул Густав.

— Не совсем.

— Что?! Ты придумал, как вывернуться?

— Именно. Я раскаявшийся хищник, мне твоя жизнь не нужна. Моя против — его. Жизни...

— Кого его?

— Проклятого кона.

Густав замолк, и руки остановились.

— Он живой? — переспросил Клок. — Пусть подыграет сам себе. Вас двое получается против меня одного. Левую руку привяжи над локтем, чтоб не поднять. И сыграем. Если выиграю, я уничтожу проклятую колоду. Мне понадобятся минуты, пока ты распутаешься, а до рамы — пустыня целая, ты успеешь отомстить!

"Неужели я так привязался к коллекции?.."

— Нет, — сказал Густав. — Я солгал, это не полная колода. Нет Джокера.

Спасовал.

— Джокер нужен не для всех игр. Мы будем дураками без Джокера! Дай, я сдам, а ты пока ищи верёвочку.

"А неплохое начало... Пусть защищается, пусть докажет свою силу!.." Густав позволил забрать... Клок взял колоду с каким-то странным выражением... Кинул из ладони в ладонь. Положил на дубовую столешницу, толкнул, попытался переснять...

— Дроиды светлые... — произнесли оба.

Кон двенадцати лежал монолитным бруском. Намертво слипшийся. Проклятая колода не желала играть сама на себя.

— Не суеверен, говоришь... — прошептал Густав.

— Признайся, и ты не ожидал.

— Подлость какая.

Густав решил проверить внезапную догадку, перевернул... Конечно! Именно валет, кто ещё!.. Юноша Кит, оседлавший зелёную волну, смотрел вдаль весело и беспечно. Подмигивал

Клоку: "Живей, уничтожь эту пакость одним мановеньем руки!" И Густав подумал о том же самом, спросил:

— Вижу, раскаявшийся чудик, ты не прочь отомстить за всё... Боишься? Пока она целая...

— Нет, не боюсь. Это было бы несправедливо.

— Дроиды, что?! Она — живая?! Ты про эту чушь?..

— Кто знает... Так или иначе, она твоя. Я не хочу играть на твою жизнь, она на свою. Мне здесь больше нечего делать...

Хозяин не встал из-за стола, взглядом проводил гостя, махнувшего дружески с порога. Взглядом проводил, мелькнувшего между барханов...

Вечер. И ночь впереди... Колода лежала перед ним, оправдывая своё название. Проклятая колода! Джокер... Буро... "Только тому, кто предъявит полностью собранные двенадцать..." Как её расклеивать?! Растворителем на Техно?! Что скажет Буро человеку, принесшему кирпичик? С одной стороны наклеена рубашка, с другой — картинка вальта!.. К утру Густав уже разговаривал с ним! Грозил одододи!.. Поднялся и понёс так, как есть, унижению навстречу.

Глава 110

Глава 110.

После часов проведённых на Техно Бесту совсем не хотелось к Биг-Буро. Да и без того не хотелось. День лёгкий, насыщенный, светлый... Увенчаться ему чем угодно другим. Костром зелёным, домашним... Нежданной склокой в Архи-Саду, сонным царством Архи-Сада, но не визитом к ача.

Бест и впрямь собирался отступить, наличие провожатого как-то останавливало его. Надо что-то сказать... "Сверну я, пожалуй, к раме Южного... В другой раз повидаемся... Передай мои извинения..." Пока слова перебирал, уже и пришли.

Смеркалось. Биг-Фазан изобразил широкий, манерный и резкий, фазаний поклон, — "...нереальные косы, канаты из шёлка..." — сообщая, что на сегодня его обязанности провожатого исполнены и завершены. Выразил надежду, что Биг-Буро получит об исполнении их добрый отзыв... "Вне сомнений!.." Парни пожали руки и обменялись заверениями в удовольствии видеть друг друга гостями Архи Сада и Рынка Техно, соответственно.

Полз уже туман вдоль шатров и по колее, вытоптанной посредине. И пыль широкого ряда пахла иначе... Море-океан, проникшее даже в название единственного материка... Морская Звезда, песчинка в море.

Карат к Буро не зашёл, распрощались на некотором расстоянии. Тяжёлыми косами махнув, развернулся — и нет стремительного фазана.

Ничто не насторожило его, охота к нему не относилась. И не обнадёжило — не к нему относилась. Чуть занудный, умный изгнанник... Повадкой старше своих лет. Такой человек, рядом с которым, лучше, чем хорошо, — нормально. Бывают такие люди, при общении с ними начинает казаться, что мир в принципе нормален, что всё правильно в мире или легко исправимо. Но это быстро проходит! "Чистый-прозрачный, как линза модулятора микро-макро... Да хоть бы и мутный, он — изгнанник! Бродяжка поневоле... Какие счёта могут быть между вами, Буро?!" С тяжёлым сердцем ушёл.

Только скрылся за поворотом, как немедля откинулся полог. Наблюдал... И расстояние оценил, взятое телохранителем. Открытая книга. Понятна логика хищника, его версия происходящего ясна... Пока ждал, думал: "Эх, не плохой вот ты человек, Пепельный Фазан, не мёртвая душа. А всё-таки гад, всё-таки... Хищник хищнику рознь, а охотник охотнику — точная копия. Слепок. С одной модели. Исцарапанный, может быть, оплывший, но ей-ей, тоже самое... Дружба на день. Уверен, не подмигнул даже: беги... Ни меня не спросил... Ни сейчас, ни сразу. Заказ, обычный заказ... Не обижайся, и я тебя не спрошу однажды... Поэтому, Бест, в частности и поэтому, нет смысла поститься... Не стоят сухопутные демоны Южного таких уж эмоций. Гады они... Лучшее в них, что выпить успели за жизнь свою..."

Бутон-биг-Надир постарался... Чтоб гостю некогда, незачем было выпытывать, задумываться, колебаться... Принял, расположил, излагал сам. Что подразумевалось, чего и не спрашивали... Посторонние и примыкающие темы: о ядах разнообразных, о тех, что ведут себя, отравив, скорее как Впечатление, и тех, что скорее, как тень — с хищным характером. О вреде от них для Огненного Круга. Напротив, о поддержке для него от их мнимого тепла и тепла настоящего, произведённого ускорением огоньков дроидов...

Тянул время... Философствовал о человеке, как ходячей коллекции. А многих ли коллекционеров удовлетворяет хранимое в тайне, собранное для себя самого? Хвастовства

многие ли избегают? А сколькие, утомившись или достигнув планки, не остынут к предмету недавней страсти?.. Не согласятся с выгодой избавиться от накопленного?..

Просил настоятельно не покидать Южного Рынка, то есть, пределов его шатра, в одиночку и раньше, чем проснётся утро. Настоятельно.

Наполнил обычной водой наутилус и посоветовал прежде его не спеша выпить. Для чистоты ощущений. Бросил в рупор завитка кубик глубоководного, вяжущего льда. На Ноу Стоп узнали бы этот вкус... Паж ценный поставщик, осторожный, умный парень. Его пристрастия и наблюдательность, избыточная порой, этим компенсируются, не интересуют Буро... До поры до времени.

Сколько Бест ни озирался, едва отвернётся хозяин, иных сосудов не обнаружил. Ширмы, ширмы... Следов борьбы, схватки он и не ожидал увидеть. Но бывает, в воздухе носится перед катастрофой что-то такое, зависает после неё... В сыроватом шатре Буро не носилось, не зависло. Конус пирамидки изливал мирный, голубоватый свет. Держал символ земли: шар с Морской Звездой наверху. Золотая на голубой эмали. На капле, словно падающей с него, шар стоит. И на символическую Морскую Звезду падает капля. В ней, прозрачной, крошечный птичий клин летит среди звёзд. А вся голубая эмаль, если присмотреться, состоит из волн и рыб. Бест долго любовался артефактом. В нижней капле, прозрачной тоже — снежинки. От сияния пирамидки сверкают... Фантастически...

Около и устроились. На двух толстых тюфяках, на ковре. Кресло Буро пустовало. Тюфяки набиты пеной вперемешку с сухой листвой. Сено, саше в таком объёме, это всё признаки богача. Нешуточный дефицит для континента. Жёсткие листья, чья форма подобная страусиным перьям прощупывалась сквозь намеренно рыхлую, холщовую ткань, имели смысл. Пена держала форму, а они под нажатием ломались, рассыпались без хруста, с шорохом... Распространяли запах осеннего, прохладного дня... Добавка к наутилусу. Очищает обоняние и голову. Хитрая ледышка не позволяла Бесту осушить кубок скорей. Глотнёшь побольше — вяжет и сводит холодом скулы, зубы...

Буро делал всё, чтоб растянуть время до утра. Боялся повторенья произошедшего с Симургом.

Когда наутилус показал дно, за пологом раздались сухие, отчётливые в ночной тишине хлопки. "Марик? Сегодня?.." Похлопав, Марик приглашения не дожидался, поэтому Буро живо оказался за пологом, предупреждая вторжение. Но там был не Хан-Марик...

Окинув взглядом открывшийся ему, голубоватый свет внутри шатра и силуэт Беста близ пирамидки, Карат отшагнул во мрак. "Технарь? Что за наглость?.." Прислонился широким плечом к тенту, упругому, спружинившему под ним. "Сразу расчёта захотел, утра не дожидаясь?.. Рассчитывает на что-то особенное?.. Пронюхал что-то... Наглость..." Буро заслонил собой вход, и тент одёрнул. Густой, слоистый туман до пояса, такой и в его шатёр затечёт...

— Фазан Пепельный, — Буро рыкнул и понизил голос, — ты тут зачем?

Карат глядел на оставшуюся косую полоску света. Сверху донизу, сквозь колышащийся туман, снизу доверху... До короны позолоченной, тусклой во мраке, с опалами по лбу, до глаз миндальных, пристальных, Буро ещё выше его ростом...

— Зачем?.. Да так... Ты, Биг-Буро, бывало, меня спрашивал, приду ли в тумане. За полбокалом... Не побоюсь? Как видишь. Пройтись захотелось после заката, мимо проходил...

— Ты получишь его, — ответил Буро сухо, тихо, — но не теперь.

"Скоро, — добавил про себя. — Ждать не заставлю. Странно, что технарь раньше не разобрался. Красноречивый взгляд... Разве можно, Биг-Фазан, так смотреть на чужую добычу?

Привёл и забудь..." Буро рассердился. И не зван, и нагл, и не ждал от него.

— Меня, Биг-Буро, жажда не мучит... — Карат откровенно указал глазами за полог. — Понимаю, вторгся, и дело не моё... Но если вдруг тебе не принципиально... У него какие-то серьёзные долги? Особые? Если так, что если... Мы с тобой на двоих разделим?.. Поделись со мной теперь, прямо сейчас, а?.. И впоследствии я мог бы...

— ...мог бы — что?

— Хватит Буро! Я выполнил от и до твой заказ, имею право сказать! Если есть такая возможность... Я готов. Быть. В угодной тебе степени! Его поручителем!.. Всё!

Миндалины неудовольствием сощуренных глаз расширились. Наклонился вперёд, опалами украшенный, обруч короны... Буро вздрогнул от беззвучного смеха и махнул на него русаличьей, белой рукой... Иди-ка, шутник, иди, приятель, домой... Замахал на себя, в общем-то: не выпалить лишнего и не расцеловать! Этих гадов надо держать в строгости, на плавающей, но ощутимой дистанции. Ах, как приятно разок ошибиться в противоположную сторону! "Мрачный я стал, Бедовичек, мрачно мыслю... Даже стыдно как-то..."

— Биг-Пепельный-Фазан-в-Тумане! — тихо рассмеялся Буро. — Биг-Фазан, поставщик технарей! Не ко мне ли прибегают, впавшие в немилость у вас, за поручительством?! Не ко мне ли бегут от тебя?! Что-то перевернулось с ног на голову в рыночных делах? В мироздании?.. Или в твоём воображении... Скорей второе, а?.. Уходи и будь осторожен, не ту ночь ты выбрал, чтоб погулять. Изгнанник в гостях, а не в ловушке!.. Не видать мне вовеки сиянья Лакричной Аволь, сожри меня Троп, если лгу!

"Загадочные, замысловатые морские клятвы..." Карат поклонился, извинился, исчез... Ему было неловко, но намного легче. А Биг-Буро — небесно... Если б не предстоящее.

Бест измучился за короткое время его отсутствия. И в гостях он был, и в ловушке, одно другому не противоречит. Нетерпение, что изводило его, содержало, оказывается, немалую толику любопытства. Естественную и... Абсолютно! Недопустимую!.. Как признаться себе в таком... Может быть, косвенно? Он всегда поступал "как надо". И тут, разве нет?.. Он припомнил все свои нотации Мурене на тему экспериментов, необратимо меняющих экспериментатора. И подумал, что обгоняет её одним безумным прыжком. Что особенного вытворяла его взбалмошная, любимая, его милая подруга? Всего лишь купалась в море! Сотворила одну тень... А он?.. Ему было жутко тревожно, до лихорадки. И возмутительно интересно. И хорошо тут, в чужом, сыром шатре, почему-то... Почему? Причины на виду, всё складывается из малых капель. Буро умел замешать коктейль!.. На вкус и на запах... Для морока и против. Из дженераль, из связных Впечатлений, из оливок. Из морской и обычной воды. Из непобедимой Чистой Воды забвения... Какой потребуется!.. Запах, шорох рассыпавшихся, пересыпавшихся в тюфяке листьев... Наутилус запотевший снаружи, пустой. Кубик вяжущего льда, на языке дотаявший... Звонкая ясность мыслей...

Буро вернулся с пустыми руками, а Бест решил было, что ему "это" откуда-то принесли... Нет.

Заняв место справа от гостя, лицом ко входу, — "...надеюсь, больше никого черти не принесут!" — Буро снял артефакт с пирамидки. Пустым наутилусом утвердил её, чтоб сохранился свет... А с эмалевого "земного шара" снял "Морскую Звезду" — крышку... Снова тянул время, разливал, делил не поровну и философствовал вот о чём...

— Не похож на бокал? Тайничок... Ты и сейчас сомневаешься, Бест, я знаю... Проблема с "искушениями" с "провокациями", она в чём состоит?.. В невинности провокаторов... Меня невиновности, меня!.. Почему тогда оправдываюсь? Как виноватый!.. Проблема "подталкивания

к..." — лично боящегося высоты проблема. Рухнувшего на дно!.. Легко доказать. Ну, сразу... "Меня запутали, принудили, заморочили!.." Кто угодно, это пробормотав, оправдает любой поступок одним махом, и остаётся чистеньким. Справедливо? Ни в коем случае. За твои руки чей-то язык не в ответе. Но это грубое доказательство. Есть иное... Одного моего друга, "раскаявшегося книжника", — ха-ха, бывают и такие! — возмущало что? Не то, что привлекает некоторых дуриков в запретных Впечатлениях и бесит всех нормальных людей, вроде нас тобой... Он не был из пьющих подобную бурду. Ему не повезло с библиотекой... Тематическая попалась! Весьма!.. Множество томов посвящались тому, как запретить переживания удовольствия! Да-да, что они незаконны! От еды, питья, морока сладкого... От прикосновений! Особенно — песен и танцев, да-да!.. От, не поверишь, я не обижусь, от удовольствия встретится и поболтать, языки почесать... Не веришь? Красиво одеться...

— А ведь это я знаю, Буро. Некоторые цвета могли носить правители, и никто больше... Пурпур... Рисунок хризантемы...

— А знаешь, что безо всяких чинов, юбка, к примеру, должна была закрывать, колено к примеру?.. Обязательно!..

— Это мо-ода!..

— Не-е-ет!.. Условие жизни! Свободного перемещения по земле!

— Ну-ну, выдумывай дальше!

— Дальше?.. Запросто! Юноши и девушки не вместе, не вперемешку! Нельзя — разговаривать, прикасаться, танцевать. Быть в той или иной одежде.

— Не понял... А значит, наоборот?..

— Наоборот ни в коем случае нельзя! Юноша поцеловавший юношу, если увидели это, мог быть казнён...

— А если дроида?! — запутавшись, наивно уточнил Бест.

— Ха-ха-ха, кого-кого?!

— Ой, я задумался! Это способ отличить дроида, у него сухие губы. Тёплые или холодные, но — сухие...

— Нет Впечатлений?..

— Ага, нет... Просто, знаешь ли, в небе... Встретив изгнанника, потеряшку, такого, кто не чирикает, а говорит... Носится кругами, очевидно вокруг места, где был эскиз... Единственный способ довести до сведения, сообщить ему хоть что-то, позвать на материк... Для начала элементарно остановить... Он не разговаривает и трудно понять поэтому, слышит ли, замечает ли тебя... Единственный способ — поцеловать. В глаза посмотреть, остановить немножечко... Даже лизнуть в губы — немножко чужой влаги, отсвет чужого Впечатления... А уже потом на земле, с нашими со всеми просмотрит, выпьет полные связные Впечатления. Услышит, выучит и относящиеся к содержимому слова... Общие встречи — Встречи ради Слов... Это работает!.. Но сначала только обнять, поцеловать, в губы лизнуть... Биг-Буро, но запреты как-то объяснялись?

— Конечно, с этого я и начал. Полная библиотека попыток обосновать! Обозначить степени паденья... Они были взаимосвязаны: полюбишь вкус, захочешь новых вкусов, позовёшь людей, сблизишься... О ужас, с ними уйдёшь, увлекут тебя на их, древнее, Мелоди...

— И? — спросил Бест, ожидая начала порочного.

— И там будешь петь и танцевать! Обнимать их в танце!

— И?..

— Нельзя!

— Почему?

— К примеру, перевожу на наш язык... Угостят тебя запретным. Или тем, чем я... А вдруг

тебе понравится? Не тебе, а, ты понял, кому-то... Или на правое крыло заманят, где станешь хищником...

— Так своя голова нужна. Причём тут гедонизм, радость жизни?

— Попытка в корне отсечь.

— Но не испытывать Впечатлений, не пить воды, для нас — одно и тоже. Подозреваю, и для них — близкое состояние.

— Я согласен, наверняка. Но стремились отсечь, многие. "Не подходите к нам, с плодами, питьём, музыкой! Не смейте петь про то и про это! Ни рассказывать, ни показывать!" Не смейте быть прекрасными! Не смейте быть желанными! Не смейте быть ласковыми! Чтобы не подтолкнуть.

— Но, Биг-Буро подобный вздор не может быть обоснован и не нуждается в специальных опровержениях...

— Когда как, и смотря где... Если их много и они хотят отнять у тебя бокал или музыкальную трещотку... Или утопить твоего друга в Великом Море.

— Ты всё это не выдумал прямо сейчас?.. Нет, я знаю, Проклятие Дроидов мыслил сходно, ненавидел наслаждения... Но я считал его исключением. Казусом...

— Отнюдь... Хотя, на заре дроидской эры, да, казусом. Но долгие века это было нормой.

— Я счастлив, что я полудроид!

— Вот и друг мой так сказал!

— А более тонкое доказательство?

— Простое. Оно не действует, аргументы вообще редко действуют. Чем дольше живу, тем больше склоняюсь к мысли, что они не для примиренья врагов, а для удовольствия дружеских встреч... Аргумент: если искушения отсекать превентивно, как же быть с нейтральным? С нераскрытым? Если за листвой с чистым соком прячется пьянящий плод? Если под кожицей плода — морок? Выбросить, не попробовав? Если за поворотом угроза и под обложкой? Что уничтожать? Всё?.. Даже известное, признанное безопасным? Но и его надо прежде надкусить! Какое же оно "не искушающее"? Не узнаешь, со стороны глядя, что оно — это именно оно.

— Специальные люди нужны? Из чьих рук брать можно?..

— Ха-ха, ты догадлив! Не просто можно — нужно! Попробуй, не возьми! Власть, Бест, власть... Тома из библиотеки, о которых речь, вполне могли оказаться не чтением для интеллектуалов, не логическими упражнениями на досуге... А тем, что обязан прочесть и наизусть заучить каждый... И повторить без запинки, когда потребуют с него...

— Буро, сказочник ведь не лжец? Как наш Амиго?.. Я не буду делать вид, что каждому твоему слову!

— Как угодно, я и не выдумываю, и не поручусь. Я пересказываю. Целые системы существовали запретных поступков, нарядов, мелодий, артефактов... Провоцирующих. Якобы. Нечто. Агрессию якобы... Болезнь якобы, отравление... Ночь за ночью проводить на Мелоди в объятиях друга, это, Бест, вполне могли счесть за болезнь! Неизлечимую и заразную настолько, что лечили удавкой специальные, "незаражённые", "правильные" люди "неправильных, больных"!

— Всё Мелоди что ли?!

— Случалось, что и всё!

— Ну-ну... Биг-Буро, яды, конечно, реальность... Однако яд и оружие, это вещи отсекающие, препятствующие делать чего-то: руку поднять, голову, ходить, дышать, да. Но нет вещей, которые приказывают людям! Ни музыки, ни нарядов, ни даже запретных Впечатлений. Дроиды перестраховываются от одним им ведомых угроз, я считаю... Ни козьих плясок!.. Человек сам либо хочет прилипнуть к чему-то, либо нет.

— Я знаю... Но могу выступить и с другой стороны... Что значит: хочет? И не опасно ли некоторым пробовать? Некоторым опаснее, чем остальным.

— Биг-Буро, я сейчас где? Здесь, с тобой. Ответ понятен? Кто-то другой будет решать за человека, пробовать ли ему? Опасно ли ему? И что получится?.. Оливковый Рынок получится — зверинец связанных "братьев"... А "хочет" означает только одно, это его дело! Чувства — внутри? Желания — внутри? Пусть там и остаются, пусть каждый отвечает только за дела! И язык внутри рта, его со словами не выплёвывают, как ядовитый шип! Биг-Буро, слова — шум в кронах деревьев... Ему внимают для удовольствия. Кто хочет драться, грабить и душить, обойдётся вполне без слов! Ещё хуже — ему для затравки любые подойдут!

— Это так...

Очень жаль, что не нашлось свидетеля, слушателя их разговору! Оба сошлись в том, что декларировали, и оба при этом поступали в жизни образом, ну, едва ли не противоположным заявленному! Следили за словами, не отличали их от дел... Но и на услышанное не обижались: как шелест крон... Присутствуй тогда, скажем, Амарант с Римлянином, остался бы каждый при своём!

Бутон-биг-Надир покачивал в двух руках глубокую и мелкую части разделённой сферы. Дженераль распространял по шатру особый, непередаваемый запах. Вода... Казалось бы, вода... А так пахнут раскалённые, пустынные просторы. Возле полудня и не на границах, а там, откуда до тени, до деревца с тенью — часы и часы пути... Просторы безнадёжно открытые. И солнцу, и тебе. Не мёртвые, не безжизненные, нет... Насыщенные силой, прокалённые жаром сверх меры. Лишку, избыток... Пересечь суждено ли?.. Узнаешь, иди.

Крышку с Морской Звездой оставил себе, основную часть отдал Бесту. Голубая эмаль Великого Моря снаружи, чернота обсидиановых подземелий держала прозрачную магму внутри. Тяжесть. Поставить не на что. Такие бокалы, пей до дна. Дженераль дымился... Обрывки Впечатлений стремились предстать пред внутренним взором...

Бест дрогнул, любопытство улетучилось. Ждал чего-то... Соц-Цог? Это для разных вод.

Хозяин кивнул ободряюще:

— Попробуй, Бест. Это не сделает тебя чудовищем. Совсем чудовищем делает другое... Совсем другое, я хотел сказать...

"Огромна всё-таки разница, — подумал Буро, — на Южном днём с огнём таких не сыщешь... Ничего из себя не строит".

Бест кивнул. Заглянул, как в озеро..." В две руки взял... Тяжесть. И отпил.

Ну... Как полное погружение, без удара, без всплеска... Как если бы океан был наоборот — связным и тёплым... Медленно, жарко и тягуче... Пить приятней, чем нюхать! Запах дженераль тревожит.

Видны все детали. На змеев бассейн похоже. Но жар гонит вперёд. Дженераль крепко замешан на жажде. Всё нравится, всё значимо... И сохраняет интригу. Не даёт напиться до успокоения... Как если бы превосходное, огромное панно, стенную роспись разрезали на картинки размером с марку. И каждая до его величины раскрывается... Не охватить, но ничто, вроде, и не мешает... Подчёркнутая гармония не пускает... — и гонит вперёд. Целое видно... — и угадываемо. Кусочки не уступают ему — видны, и в чём-то предполагаемы, что-то недоговаривают они!..

Городская панорама чисто выметенной восточной улицы. Двухэтажные дома зазывают

вывесками, фонариками и не только посетителей. Прекрасно... Это постоялые дома, чайные... Оживлённый, не захолустный город. Удивительная обувь: цок-цок! Прекрасно... В цветастых кимоно стайками семенят красавицы... Клетчатые кимоно вышагивают, за поясом — ножны... Прекрасно... Притягивает и гонит... Исподволь... Слабый, непрекращающийся ветер...

Небо уходит в закатный кисель, вишнёвый, черничный... Прекрасно... Рукав кимоно лёг на перила, прекрасно... Поворот. За углом, от шума уличного отгороженное, листвой укрыто гнездо... Прекрасно... "Все люди — коллекции? Что тут возразишь, Биг-Буро..." Бест не замечал, что, как и хозяин, покачивает бокал в руке по кругу, смотрит в обсидиановую черноту, словно там оно всё происходит...

Ставший магмой дженераль для Беста явно был коллекционер Впечатлений. Вдумчивый и не бедный. Чем уже тематика и шире разнообразие акцентов нерафинированного в её пределах, тем серьёзней коллекционер. Этот собирал маленькие садики и внутренние дворы. И он что-то свежее выпил перед смертью... Буро не забыл и туда бросить ледышку, Паж — полезный человек, ныряльщик... Отдельное Впечатление холодной, атласной лентой обвивало букет, проступая сквозь сюжеты. Аккуратные ручки складывают оригами. Сгиб, ещё... И пропадают...

На первых глотках Бест решил, что понял смысл "непередаваемого словами".

Нерафинированное Впечатление, если не являлся инвалидом или дроидом оставивший его, содержит отпечатки всех органов чувств. Плюс — его настроение. Мысли — не сохраняются, но отпечатано то, что испытывал, думая. Отношение к происходящему. Отстранённость от него.

Восходящие, собирая облачные эскизы, отбрасывают его в первую очередь. Зачем им в Собственном Мире чужое настроение? Связанное навсегда, к примеру, с силуэтами гор в недостижимой области Там. Они из каждого окна видны. И что, на них глядя, всегда одно и то же чувство испытывать? Каждый раз хотеть разрыдаться от плюща на балконной решётке? Глупость, конечно. А коллекционеры именно это и ценят в нерафинированном. Настроение же отдельное, пролившееся, собранное в дожде, оно плохо воспринимается, даже если недурно, непечально. Соскальзывает, длится мало.

В расплаве ача Бест видел ушедшие эпохи не только глазами оставившего Впечатление, но и глазами коллекционера, пившего его, видел дважды! Сквозь два увеличительных стекла... Настроения пересекались, сходились, как лучи в фокусе линзы. Подчёркивали. Обостряли до боли, щемящей тоски любования.

Кто-то смотрел на крутую дугу мостика над ручьём, который легко перешагнуть, по щиколотку глубиной, журчащим между булыжников... Всё условно... Прекрасно... Всё точно на своих местах. Два озера, под стать ему размерами соединяет ручей... Как же без мостика? Тогда и без озёр? Зачем они, маленькие, чтобы прямо от дверцы садовой к дому не пройти? Именно для этого. Прекрасно... Кто-то смотрел и был занят своими обычными мыслями. Не сегодня, прощаясь, махнёт она рукой с мостика... Но — завтра... А коллекционер, выпивший эту дугу, вскинутую над журчаньем, над кусочком неба в воде, он не отвлекался... Он, ставший дженераль, не существующий в насупившем для Беста моменте бытия, существовал в нём... И серебрящееся правое озерцо, и под ивами затенённое дальнее, что левей, и ветки, гладящие воду, он запивал первой, так долго первой, не достигающей рокового перевала за середину, ловчей тенью ача... Запивал, и каждая деталь для него — венец мироздания. Ножницами — и в раму. Можно не смотреть, где режешь, ошибиться нельзя... Не на что отвлечься, некуда больше идти... Вершина мира. Любой шаг — вниз... Зачем, куда... Ещё!.. "Честно, ну что за манера, наливать до половины!.." И тепло...

Не на что отвлечься, ага, но это же — Бест... Как и в змеевом бассейне, он, согревшись, успокоившись, немедля отвлёкся! Как зануда, да, выдалась свободная минута, и начал перебирать, чего не сделал, что сделал не так. За день, за сезон и вообще. Здесь упустил из виду, тут был невнимателен, с тем бестактен, и со всеми — недостаточно терпелив... Ещё кое к кому — слишком критичен, но это, почему-то не приходило в его голову!

А с кем был невнимателен? Да, собственно, с кем как раз-таки, с кем очень даже внимателен был! Чего-то не хватило, отсюда и чувство ущербности, недовольства. "К незнакомому человеку принёс старые споры Архи Сада, зачем? Лучше б спрашивал, лучше бы он вёл, а не мы... Такие послезакатные, ясные, как отжившие, уходящие глаза... Как будто он смотрел, смотрел в после-заката и... Поменялось местами: светло-карий, уходящий закат в глазницах, а человек — где-то там, в закате, свершившемся... Куда смотрит? На себя, на прошедшую жизнь?.. А каким пришёл Сури в Архи Сад? Это ж кому сказать, не поверят. И что? Всё легко исправили! Мурена, хулиганка, скульптор, да... У них у всех, избравших когда-то рыночную жизнь, есть в прошлом щербинка на судьбе. Им она представляется пропастью... Надо было о хозяине говорить, а не о нас. Прежде прозвища, "часовщик" имел ли имя? Что за имя?.. Что было до него?.."

Не все сады, дворики в магме просчитанные, приглаженные. Те, что Бесту сильней понравились, хозяйственные, естественны и просты. Согласовались с его настроем. Почти голая земля, сбрызнутая от пыли. Как у них, до первой посеянной травы. Никаких свиданий, ни красавиц. Циновки. Два старика в халатах. Одно чахлое деревцо. Чайник, пиалы. Книги. Запах фруктов оглушающий. Спелые, потому что, но поднос уже пуст...

"Он далёк от того, чем хочет казаться, Часовщик. И от места, где отгородил уголок... И от "автосоветчика"... И от коллекций своих игровых. Надо выворачивать наизнанку то, и то, и то... Что же получится? Человек, который желал бы домик подальше от толпы, но и гостей, и не ради игрушек? А ради чего? Получилось, что и всегда... Хищники, изгнанники, мы все мечтаем быть хозяевами Собственных Миров, и гостей принимать, предательства не опасаясь... Но всё же, ради чего?.. Если игры нужно понимать тоже наоборот? Значит — он ищет помощи?.."

Снова дворик. Печь... Хлебный запах. Бездна запахов во всех Впечатлениях. Полдень солнечный, руку на камень положил кто-то, чуть не обжёгся... И сквозняк... Прекрасно... Коллекция в дженераль ещё уже, чем казалась. Что ни дворик, то либо после заката, либо полдень и тянет сквозняком. Кто-то лежал на животе и листал, опять-таки книгу... "Этот человек к рукописному слову отвращения не испытывал! Книги почти везде, и заглянуть можно бы, но незнаком язык..." Строфы по четыре строки завитками разграничены... Дальше книги — кора дерева, тень ствола на стихах, спрятался от солнца. "Крона и корни, — подумал Бест, — вещи само собой разумеющиеся... Не удивительные. Момент ствола, уходящего в землю, поднимающегося из земли, вот священная тайна. В нём нет скрытой мощи корней, нет мимолётной, возрождающейся силы листвы... Переход, взаимосвязь. Память о неуловимом мгновении между "нет" и "вот!.." Между зерном и ростком. Великая тайна... О чём я?.. Как во сне: что-то понял, а проснёшься и рассказать не о чем. Новый дворик... Стааарый... Их закрытость прелестна..."

Всё чаще, обвивая жаркие, мелькало прохладное Впечатление оригами. Сколько времени прошло, Бест и не подозревал. На сколько Буро рассчитывал, столько и прошло!

Бест возвращался мысленно в затерянный меж игровых рядов дворик их мира, теперешнего. Обещал себе навестить хозяина в самое ближайшее время, и непременно в одиночестве. Ничего,

будет искать и найдёт. Разберётся, свет не без добрых людей. Он должен понять, откуда берутся у живых людей такие неживые, ясные послезакатные глаза. Как окошка, как рама мира, но луча нет... Что там, в этом мире, пригласят ли его?.."

Среди изгнанников в Архи Саду и у Беста в его судьбе было мало действительно старых людей. Их мало вне миров, в принципе. А его тянуло к таким. Они Бесту интересней. Лелий был, посвятивший пещерным изгнанником, небесным бродяжкам всю свою жизнь, закончившуюся, и Бесту очень не хватало его. И ещё: Лелий был невероятно спокоен. Печать наличия Собственного Мира, надёжного убежища. Он излучал спокойствие. Бест тоже, но за собой этого не знал. Часовщик напомнил его... Бест хотел такого друга, уже считал его другом...

Холодное Впечатление стало связным, последовательно проявлялось. Перед чьими-то аккуратными ручками лежал глянцевый, белый лист...

Выпив свою часть давно, Буро наблюдал, ветра шум и вой слушал. Щелкал складным стаканчиком, раскрытым на конус, как бокал ача...

Руки во Впечатлении ловко приступили и быстро закончили остроносый бумажный самолётик. "Надо же, какое совпадение..." — успел подумать Бест.

Буро щёлкал стаканчиком...

Самолётик взмыл над маленьким садом, над озерцом, сделал пируэт... Тот, что Бест уже видел. Над водой, которую он уже видел...

От внутреннего зрения взгляд возвратился к полумраку сырого шатра... Чаша пустая. Руку свело. Буро щёлкнул стаканчиком. И покачал им в двух пальцах:

— Тебе не показалось.

Бест наклонил лицо над чёрным, пустым, мокрым дном, над изнанкой эмалевого, голубого мира и увидел себя там. Его бросило в дрожь. Рука не чувствует. И некуда положить.

— Можешь разбить её. Или отдать мне.

Забрал. Пальцы расцепил. Тент дрожал от порывов ветра, как Бест, с ног до головы.

— Не правда ли, великолепная, и по заслугам оценённая коллекция? Он был хороший человек... И ты узнал его, да?

— Биг-Буро, — сказал Бест, лязгнув зубами, — ведь ты же не... Ты не... Тридакна... Не лютая тень... Не бич с шипом, ты же...

— Узнал... Ну, вот и всё... Ты видел всё, что он, мой друг, между прочим, представлял собой. Ты понял глубже, чем возлюбленный понял бы, всё, что он чувствовал... Это — предел.

— Нет! Неправда!

Что на него будут кричать, Буро даже не сомневался...

— Что именно, Бест?

— Всё!.. Неправда!..

— Бест...

— Ни капли, о дроиды!.. Ни глотка, о дроиды!.. Дьявол, почему — эти!.. — лезут слова?! Ни секунды!.. Ни мгновения — не узнал, не понял, не видел!.. Там не было его, не было!.. Прекрасная?! Коллекция?! Да она не стоит одной секунды, одной улыбки живого человека!..

Биг-Буро, ну, ты же не идиот!.. Коллекция?! Пока пил, мне казалось — море... А где оно? Где небо, где облака, где берега? Как подойти к нему теперь?! Глубже?! Понял?! Океан высох, чтоб ты забрал из него крупинку соли?.. Ради этого?.. И я никогда, я же совсем никогда не увижу... Не смогу... Ну, ты же не идиот!.. Зачем?! Там нет его, не было! Нет человека! Там нечего понимать!.. Что?! Зачем?! Что я должен был понять?! Это — я понял!..

— Ни в каких Впечатлениях, — спокойно согласился Буро, — с роду не бывало никакого "его". Это ведь "его" Впечатления, они в нём, а не наоборот. А он, Бест, твоё Впечатление...

— Что?! Я должен был понять?!

— Что спрашивал. Что чувствую я, ача... Морское чудовище или неморское, или не чудовище... Что и ты: восхищение и печаль. Бест, мы не прикасаемся к другим. Когда любим и когда ненавидим. Даже когда целуем. Даже если умираем за них, для них, из-за них... Ради их спасения. Или ради их удовольствия... Даже когда выпиваем их жизнь. Не дано.

Бест стоял перед ним и жестикулировал одной живой рукой, а одну, болтающуюся как плеть, просвечивали огоньки дроидов, сбегая с плеча на пальцы.

— К чёрту твою философию! Почему?! Я спрашивал — почему?! Ты! Делаешь! Это!.. Почему?!

— Невозможно, Бест, разгадать вполне, кто, чем руководствуется и...

— Ты!.. Не кто-то, а ты!

— Когда как...

— Не когда-то! Скажи почему — в этот раз?!

— Этот раз начался очень давно, Бест... Потому что он устал... А я знал только один выход. Долгий, кружной путь... Заметь, туда же ведущий, куда все люди однажды приходят... Поэтому, в этот раз.

Бест замолчал. Оба слушали вой ветра, он словно за Буро выступил, подтверждал: да-да, мне ли не знать, что такое кружной путь, вокруг одного и того же, к одному и тому же...

— П-прости...

— За что?

— Я... Н-не ожидал... Но это неправильно?..

— Да что ты говоришь? Я в курсе, что это неправильно.

— Но зачем т-тогда?.. А...

Бест махнул рукой. Как только замолчал, расплав дженераль снова обжёг его, потёк, повторяясь, питая тело, вознося обрывки Впечатлений. Снова вспомнились послезакатные, прозрачные глаза... Горло перехватывает.

Очень древним жестом, то ли от привычек Восходящего всплывшим, то ли совсем с древности, закрывая не рот, а шею он стоял, покачиваясь, пытаясь подобрать слова... Они из горла, что ли должны изойти насквозь? Не поднявшись к губам, сухим от дженераль, а прямо в ладони из горла просочиться, на дроидском необщем выразить его тоску?.. Всё равно слов не нашлось...

Но он отомстил Буро тут же, не сходя с места. Неморское чудовище размышляло на два, на десять ходов вперёд. Насколько удачно оказалось представление? Достигло ли цели, и чем обернётся по большому счёту?.. А юный изгнанник — нет. Какие ходы, какие расчёты, какое будущее? Они, бездомные, возле каждой ночи на континенте стояли, как на краю... Трудно удержаться, не заглянуть... Не заглядывать и не помнить: там уже больше знакомых, чем тут рядом стоит... Переживший столько потерь, с дроидским драконом на груди, в бросовой одежде, и с титулом господствующего над первой расой, юный изгнанник, вскинулся, прежде чем уйти,

снизу вверх потянулся к нему, к надежде... Идиотской, твёрдой и внезапной:

— Биг-Буро, это мистификация?.. Вы сговорились?..

Ача усмехнулся и закатил глаза...

Вскинув от горла руки, по-морскому, но не здороваясь, а прощаясь, Бест развернулся и пошёл. Так и не опустив их. Подняв выше. Лицом в полог, в пустые ряды, в песчаную утреннюю бурю...

Судьба предоставила ему место и время для горя, для прощания. Песчаную бурю. Небывалую и на памяти старожил. В двух шагах ничего не видно. Не слышно и голоса своего. Рыдай, проклинай, зови... Буро представить не мог, что там разыгралось за тентом. Потерял изгнанника, слишком сухо для превосходной морской чуткости. Разыскать, возможности нет...

Больше всего Бест напоминал стрелу компаса. Горели льдом и пламенем ладони, печатью первой расы. Он знал лишь направление. Он желал воочию убедиться... На самом деле: не знал, не желал, не думал вообще ничего. Хлопали тканевые тенты. Сливалось с бурей марево торговых шатров, они казались стоячими смерчами, воронкой вниз, протянутые до Собственных Миров, загодя умотавших домой хозяев. Носились по небу обрывки не устоявших тентов. Песок, мелкую рыночную пыль взметало, волнами гнало, позёмкой, обгоняющей фронта пыли. Мусор, обрывки, обломки швыряло, сбивало в кучи, раскидывало и вой — со всех сторон. Горячий, сотрясаемый дрожью, своих рыданий не слыша, Бест шёл в единственном направлении... Падал, оставался лежать под биением чьих-то шатров, бил их, упрекал, звал, дальше брёл...

Эскиза утраченного он так не оплакивал. Прорехи в рядах пещерных изгнанников, учившихся выживать, мужественно переносил. Оплакивал тех, первых — так же горько, и вот теперь... Застигнутый врасплох... Не ожидал. Не знал, что теряет будущее. Для Беста оно уже наступало, уже было, как полоса рассветная. А оказалось, что — нет. Не будет рассвета.

Часовщик, старый друг и собутыльник Буро и сам выпил с ним не одну чашу дженераль, так что Бесту и впрямь досталось нечто особенное. И, так подумать, Часовщик вместе с Буро предал его, предал несостоявшееся будущее. Передавая с Бестом знак, приглашение, Буро выполнял, попутно со своей задумкой, и его, Часовщика давнишнюю просьбу: знать кто. Увидеть хоть раз этого человека...

Давшая время горю, судьба дала, и вынырнуть из него, из самой глубокой впадины, не раньше, но как всегда... Пришёл. Безошибочный компас... С деревянным шорохом смешан шелест полос зеркальных, удержалось заграждение... Лупило его, не пускало. Бест упал насквозь, под смутным силуэтом дерева за бушующей пылью. Упал руками вперёд, в воду. Мелко, совсем мелко... Размокший листок белеет на дне. Мысли горя кончились, осталось чистое горе, шквал. Как бьётся, как рыдает, не видел со стороны. "Зачем же ты?! Зачем ты?.. Прощай..."

Чёрт дёрнул через шатёр возвращаться! Разбогател, мест навыкупал... Понаставил шатров, идиот предусмотрительный!.. По разным углам Южного. Шатайся, шайтан!.. От рамы по прямой давно бы пришёл, чёрт, чёрт!.. Споткнулся, чёрт!

Одежда сливалась с пылью до неразличимости. А лицо шевелило губами:

— Мы где-то знакомы?

— Не помню... — ответил мёртвый Бест.

— Вряд ли. Тварей всех родов повидал, чудес — никогда.

За три фразы наглотались пыли.

— Чудес?..

— Впервые вижу человека, которому хуже, чем мне.

— Ты мастер жаловаться. Но так сейчас мог бы сказать кто угодно. Как видишь, — Бест слабо улыбнулся, — я тоже мастер...

— Позволь, угадаю. На Южном погиб твой друг.

— Угадал. Теперь я...

— Не старайся, не выйдет. Ну и буря... Незнакомец, я родом отсюда, но и я заблудился. Хотя... Судя по занавескам...

— Выведи меня, — сказал полуживой Бест.

— Хорошо.

Бест закрыл глаза... — и от воды отвернулся. Густав взял его за плечо, так пошли. Вначале, как с поводырём, как Олив с раненым. После — рядом.

Выйдя на пустые, завывающие центральные ряды, Густав махнул рукой:

— Теперь прямо. Проводить?

— Будь счастлив.

Ага... Густав направлялся к Буро.

Глава 111

Глава 111.

Буро ведь первостатейным образом предстоящую охоту рассчитал! Кроме песчаной бури, конечно... Знал и про безумную цену на последнего короля, запрошенную Клоком. Уверен был, что невольный сюрхантер выйдет из Собственного Мира живым, а если и нет, то Густав лишённый Чёрного Дракона — достаточный результат, на руку. Редкостный дракон у него... Даже отравить подопечного не даст, чуткий и сильный, проявляющийся лишь по делу, впрочем, это уже заслуга непробиваемой самоуверенности Густава.

Но скорее всего, Клок выйдет. Готов и шатёр с ловушкой и люди, нанятые через третьих людей, осведомлённые каждый со своей ролью. Никто — со всеми, ни один с основным заказчиком. Опосредованный найм, так коктейльные конфетки продают, через письма на пирамидках. Подденут, подсекут рыбку охотники из массовки, Густав услышит — такое... На что не сможет не повестись!.. И бег-бег-бег!.. Готов и двойник Клоку, игрок, бегун... Не один Хан-Марик маскируется под охотника ради последнего рывка. Из полудроидов бегают хорошо немногие — танцоры с Мелоди. Он и был оттуда, с козьих плясок! Шустрый, быстроногий парень, на Клока похожий даже вблизи. Тут и буря кстати. Ветер утих, но пыльная взвесь на несколько суток окутала Южный Рынок.

Всё было готово. Вход в шатёр с пирамидкой замаскирован под вход в ряд... Хан-Марик, невероятным чутьём узнававший о появлении Густава на континенте, находился под присмотром только для этой цели нанятых людей, на конкретную четверть часа отвлечь, удержать его.

Биг-Буро всё приготовил — и всех распустил! С наградой. Без дела. В своём стиле. Не понадобились... "Чёрт с тобой, везучий, пресный, бесцветный комодо!.. Ящерица, чей мерзкий хвост выразительней морды. Заползи, поднимись на последнюю ступень. Оттуда взгляни на своё поражение... Соверши в конце никчёмной жизни одно доброе дело".

Эх, другой бы просто нанял сюрхантера, открыто! Игрок Против Секундной Стрелки вне игры, поссорившись, ловил другого из группы и ничего, не вредило имиджу. Но если ты Морское Чудовище, а главное — изгнанник, если можешь прямо тут, в пределах Южного на пирамидке поднять левую руку и опустить... А снять ею не человека за шкирку, а уже артефакт... Одно дело где-то там, в облачном мире... Совсем другое — тут!.. Да, разницы никакой, но она — огромна! Кто ж зайдёт к тебе, кто приблизится, не доказывай ты день за днём, что ты святее всех дроидов, до нимба над головой, эх!..

Рассчитал, приготовил... Ещё и Клок на выходе удружил! Буро знать не мог, но от разницы статусов и темпераментов чистого хозяина и раскаявшегося хищника ждал чего-то такого... Удружил, последняя капля... Он хотел, как лучше! Не портить мир, не исправлять без воли хозяина, просто оставить записку! А у него не очень с грамотой...

Как и Нико, обращаясь к Махарадже, он воспользовался обыкновенным для них способом — звуковой, говорящий отсыл к общеизвестному.

Щепоть песка высыпал на порог, на входную раму и сдувал, пока не различил отдельную песчинку, одну вещь, пригодную для превращения.

Песенка, такты из которой выбрал, поистине народная, авторства не имевшая. "Песенка

Примирения". Ею заканчивались рисковые, конкурентные соревнования в кругу друзей и крупные игры. Ещё ей звали "Песенкой Будущего Дня". Куплеты незамысловатые, и повествуют о том, что прошлое осталось в прошлом. Далёкое, близкое, с чьей-то победой и чьим-то поражением... А затем: "...будет всё чудно, всё хорошо!.." Два куплета или — от вечера до утра, когда победители праздновали на Мелоди, и подхватывал весь рынок. Куплеты чередовались, известные повторяли, новые выдумывали... Посвящённые расставанию с прошлым куплеты медленно пелись, утешительно-лиричные. А про грядущее — быстро, весело, и шуточно, порой, отчего нет?.. В них и белиберду всякую присочиняют, перемежая словами: "...вот почему — ...вот насколько — ...вот оттого и..." — всё непременно будет хорошо! Невозможная чепуха сочинилась? Тем веселее!.. И спокойнее. Без рассуждений о будущем, без упоминания судьбы.

Милая традиция. Нормальная звуковая записка. Последняя капля для сюрхантера-приманки, для провокатора, чтобы окончательно взбесить добычу! Чтоб глаза застило.

Почему? Один момент вторичный — Клок, дурашка, создал её, не подумав, вместе с рамой. Частью порога сделал, где и лежала песчинка. Сразу не отломаешь, пустыми руками! А второй момент, кого её? Трещотку, разумеется! Простенькую трещотку. Ручную, если надо, самозаводящуюся от света, ветра или тепла. Будто в пару к той, оставшейся от Соловья. Той, лежавшей в особняке, в ящике стола, на всепроникающем песке испорченного мира. Две вещи во всём особняке жили долгое время: она и проклятая колода...

А самое-то главное! Эта песенка, этот бесконечный ряд парных куплетов, начинался всегда троекратным: "Друг мой!.." Хуже не мог выдумать! Клок устыдился за вторжение, сожалел, хотел примирения... Да, снова, да.

Густав воспринял как намеренное издевательство. Сначала не заметил, откуда звук. Обнаружив и не сумев отломать, пнул. Обругал. Позвал дракона и, сощурившись, как в уме держат что-то для превращения, канул в его белизну, направив дроида к одному из шатров Южного... Быстрей.

Нежный, навязчивый перебор трещотки остался в ушах. Пыльная буря вторила ему, шаги попадали в такт. Попадись Клок навстречу или ряженный под него, дополнительной провокации не требовалось. Не факт, что до ловушки добежали бы! Густав забыл и про медянку, готов был руками задушить! Натолкнувшись на Беста, отвлёкся...

Он шёл к Бутон-биг-Надиру, — проклятье всеизвращающей бездны морской! — с брусочком намертво склеившейся колоды! И тасовал, как её чудовищ, чудовищные проклятья в уме.

Дошёл, ветер утих. Взвесь мутила безлюдный, рыночный пейзаж. Похлопал в ладоши, и Буро пригласил его. Стремительный взгляд — в шатре никого. Тем не менее, стоп — за четыре шага до пирамидки. Дракон не проявился, но Густав ощущал его тепло за спиной. "Никогда комодо не расслабляется..." Буро усмехнулся:

— Неужели? — протянул руку и щёлкнул пальцами. — Давай сюда.

Густав вздохнул и отдал. Брусок с закруглёнными краями... Биг-Буро даже не взглянул на него! Подбросил чуть-чуть, словно взвешивая, с Густава глаз не сводя, насмешливо и сочувственно кивая:

— Шуточки, а?

— Дроидским светом и словом клянусь, не моя это шутка! Их!..

— Густав! Разве я сказал, что твоя? Узнаю, узнаю... Зелёной волны наездника. Кит

схулиганил? — Буро перевернул колоду. — Ну, точно. Здравствуй, юноша Кит... То-то ты удивился, должно быть!.. Удивился, Густав? О дроиды, чуждые вере морской, у тебя такой вид!.. Хочешь выпить чего-нибудь? Не отчаивался бы раньше времени. То, что принёс, доказывает подлинность колоды. Джокер откроет её. А цена моя вот...

И Буро направил Густава в Архи-Сад. На свидание с призраком прошлого...

К Джокеру имелась поправка. Не дополнительное условие, нет. Но обстоятельство. Совершенно естественно оно вытекало из слов Бутон-биг-Надира: "Только тому, кто предъявит мне собранную колоду... — увидит…" Неприятное открытие... Густав получит Джокера. В смысле — увидит. Наедине. Что означало, никто другой карты ему не сделает. Сам. Как-то неприятно оно рифмовалось с ценой Господина Сомы, с отдачей долга — Хан-Мариком. Густав решил не заморачиваться раньше времени. Он не обязан делать карту прежде, чем истратит перемену статуса на живой артефакт.

Категорическое "завтра же!.." Биг-Буро с рукой простёртой в сторону центра Морской Звезды, к Архи-Саду Густав перевёл для себя как — "завтра вечером". Раз уж ночи безопасны у них. А день потратил, наводя справки об изгнанниках на Южном. Улов небогат. Так и сами они до последнего времени были небогаты! Что за дело рынку до них... Плодами торгуют — знал. Что умненькие, но на Техно редко забредают... От Карата услышал про "человека, господствующего над первой расой", вспомнил, что пересекались у Буро. Но человека из пыльной бури в нём не признал, не вспомнил. Неожиданно для обоих встретились в Архи-Саду.

Бест был рад ему. И Густав тоже, не обнаружив в изгнаннике ни экспрессивности, ни заносчивости, — "первой расой дроидов?" — ни наивности, раздражавшей его в нерыночных людях.

"Господствующему над первой расой" не понадобилось много времени обрести душевное равновесие. По крайней мере, напускное. Что до раны, она не затянется никогда, огоньки дроидов её не одолеют. Вода забвения тоже. Биг-Буро ача, не представлял глубины нанесённой раны, он виноват — и невиноват, мыслил иначе, другими категориями... Результата достиг вполне. О случившемся Бест не рассказал, и Мурене нет. Дальше его не пойдёт эта информация.

Порой в гостях всё хорошо, от уюта до гостеприимства, но видишь, что пришёл к чужому человеку. А бывает, бардак, по сторонам лучше не смотреть... Но по сторонам и не смотришь, видишь только хозяина!

Второй случай. Густав, прежде не заходивший в разросшийся сад-лес, не проникся к нему. Разве что — досадующей ревностью. Зеленью пахнет, влагой, дышится иначе, с пыльными рядами не сравнить... Сразу узнал он деревья сай. Высоченные кроны из сна, раскинувшиеся нижние ветви... Узнал и лекарство, пахнуло свежими жёлтыми цветами, комковатой жёлтой пыльцой, растёртой в тёмных ладонях Хан-Марика, лихорадкой вслед за кошмаром... Тут их — вон сколько! А у него — пустыня... С трещоткой на входе.

В Архи Саду Густав ощутил себя не вельможным владельцем десятка Пурпурных Лалов, ничтожеством. Нищим. Как ещё назвать чистого хозяина пустыни? Идиота, доверившегося первому из гостей — лжецу?

Немедленно он задушил порыв остаться тут же, в жёлтых цветах. А добрый, предупредительный Бест нарочно там и повёл его, заметив пристрастие хищников к этому месту и аромату. Отдохнуть захочет?.. Местным тоже нравится, но не с такой силой. Густав, хищник ли, нет ли, но оттуда, охотник. "День за днём под этими цветами?.. И кто на континенте

богач?.." Сжав зубы, прошёл мимо, не замедлив шаг, не видел Бест изнутри этот бессмысленный рыночный гонор!

Надо ли говорить, что траву и кусты тут не стригли? Противоположность Гала-Галло... Мощёные дорожки, как на полюбившемся Техно, — и кое-где даже со смыслом мощёные! — добили Густава. Предпочитал с Бестом общаться, по сторонам меньше глазеть и не задумываться о месте, куда привела судьба.

Зелёные костры вытянулись в сумраке. Безветренно. Широкие языки плясали как танцовщицы под зелёными вуалями, на спинах драконов, с места не сходя. Глубоководные причудливые коряги усиливали сходство. Белые, долго горящие, не чернея до угля, рассыпались сразу в белый же пепел...

Но Бест привёл гостя, не пожелавшего отдохнуть в жёлтом гнезде к большому костру с тем же запахом, где между корягами горел "можжевеловый мёд", дополненный травами и клубками тонких корней змеевой "валерианы"... "Дроидское, непреходящее блаженство... С ума чокнуться, кто вообще на Южном знает, что такое тут есть?!"

Иссиня-чёрный, концентрированная ночь, Изумруд сидел, скрестив ноги, не вмешиваясь, слушал их... "Его девушка? Понятно... Везёт мне на заказчиков, на девушек... Гигант. Его бы против Шамана, на бой-кобры! За такое надо отдельную плату брать!.."

Мурена сверкала зелёными глазами из темноты, сквозь языки пламени зелёные. Густаву не нравились эти глаза, им — он не нравился, и её ожерелью что-то в нём. Мало ли что примстилось тени-подсказке... Не придавала значения до тех пор, пока, выслушивая обстоятельства, Густав не пробормотал: "Понятно, гут, гут..." Как полыхнули красными огнями эти глаза! Головой потрясла: "Где-то я слышала... Гут-гут?.. Селена... Охотник — Селена?! Ооуу!.." Мурена исчезла из круга костра и возникла на границе Архи Сада, где ущелье, что разделит два мыса Морской Звезды, лишь начинается, где туман клубящийся виден у горизонта. Сбежала... "Ооуу!.. Селена! Я должна им рассказать! Только не Изумруду! Нет, только Изумруду!.. Нет, никому!.. Нет, всем!.." — "Уймись, — сказал ей голос разума голосом Беста, — Мурена, немедленно уймись..."

Густав тоже не обрадовался, услышав имя Селены. Ему тоже хотелось потрясти головой, уши прочистить, не дунул ли в них кто из свистульки оливкой... Или проснуться. Чёрт, ошибки нет, она. "Чёрт, охоту на девушек всё время заказывают такие грозные личности!.. Морские... Ещё и старая знакомая... Но здесь не знают меня. Не знают вовсе..." Вообразить не мог, насколько хорошо знают и помнят! Как отпечаталось каждое слово Селены о предательстве и утрате, и смирный, непонимающий голос её, в уме зеленоглазой, буйной подруги, меньше всего склонной к прощению. Да и страстного желания понять в ней не наблюдалось! Милая, кроткая, перламутровая Селена... А вот ожерелье выпустить на волю, это желание тут как тут. Она и прежде, с момента создания с ним боролась. Не пришёл ли день, когда не надо бороться?..

"Розовая, как рассвет, — отметил Густав, — как юноша Кит, будь он неладен".

Вернулась костру. Мысль и взгляд скакали треугольником: Густав — Бест — Изумруд. Кому рассказать, с кем поделиться? И вдруг спросила себя: «А зачем?.. Этот не-полу-не-дроид, вывернутый наизнанку не-человек приближаться не должен к чему-либо живому! А уж снова к Селене, к ней?.. Ооуу!..»

«Причём здесь Изумруд, а тем более Бест? Сезон ветров... Большие косяки Ро идут, под Южный мыс подныривая, над чистой водой рискованно проносясь, лишь бы удержаться в

течении. Не изменяют себе. Отлично помню, где и когда идут... Во мрак уходят, из мрака вылетают пронзительные, как крик... Над южным мысом пролегает воздушный путь с Трассы к Южному Рынку... Над обсидиановой чернотой, приподнятой на столбах... И косяки Ро пересекают их, лишь самые крупные, неукротимые... Ах, как восхитительно следовать за Роем, в Рое мчаться!.. Как неосмотрительно было бы нырнуть пред ним!.. На какие дольки тонкой шинковкой рассекут они ныряльщика...»

Её глаза сияли ядовитой глубоководной зеленью, огнями Падающих Факелов, за мирной, травянисто-желтоватой зеленью костра... Вспыхивали.

Утром, на Белом Драконе, за изогнутую шею не держась, пятками сжав бока, она казалась, розовая, частью зари. Караулила... Интуиция не подвела её. Густав стал набирать высоту, по обыкновению, не круто уходя от континента. С колодой домой, верхом, ему лучше думалось в пути. На Южном мешают, в Собственном Мире невыносимо. А заказ неординарен, подумать было над чем…

Чужой Белый Дракон юркнул зигзагом справа из облака в облако, в лохматый обрывок ночных туманов, оттуда — наперерез.

Морская бродяжка, Мурена не признавала ни вызовов, ни промедленья. Не, пока развлекаешься, болтай, пугай, насмешничай — если поиграть выплыл. Но про жизнь, про справедливость если...

Дождавшаяся своего часа тень-монисто стайкой круглых рыбок трепетало в руке от нетерпения. Жадные. Хищницы... Мурена швырнула его, не замахиваясь, не раскручивая. Выпустила, как выбрасывают кулак вперёд, оно ей — рука. Целилась в голову, в глаза.

Холод — яркий, ослепляющий хлестнул по векам. Только и успел, что сощуриться. Но за пару секунд до того, при виде чужого дракона, рука уже сжала, уже освобождала медянку.

Змея-удавка и змея-тень перекрутились тугой, скрипящей спиралью. Их мощь, их столь разнородная сила раскалила медную в золотых кругляшках змею до свечения, до шипенья пара... Ожог плеснул по шее, по груди, скатился, пропал... Густав не видел. Ослепительно яркий холод стекал по векам, ему казалось, сквозь скулы, разъев их, внутри, по костям и зубам. Вокруг драконье тепло, Густав знал его, помнил, и не глядя, отличал. Но шею сдавила тонкая рука, жёсткое предплечье, острое колено — в спину. Злой голосок выплюнул на ухо: "Искупаемся?.."

Они упали в такой последовательности: штопор двух Белых Драконов, растаявший при касанье воды, голова Чёрного Дракона Густава, клубок его тела, чёрное, тлеющее тепло, в нём, хвостом драконьим обвитая Мурена, и Густав перед ней. Не отпускала.

Рык дроида совсем иначе распространяется в море... В другой бы ситуации заценить! Но с чего бы телохранителю просто так рычать в океане? Голос этих драконов — густой, вибрирующий, пугающе-близкий, сквозной... Как если пить лучший коктейль Буро на Мелоди под неистовство огромных барабанов!.. Функция Чёрных Драконов — пугать и приказывать — делает их особенными для людей. И парадокс, мало кто воспринимает это физически, как враждебность...

Под водой зрение вернулось к Густаву. Смутно… Окружающее представало маслянистым, разбитым на чешуйки. Да вокруг и крутилась чёрная чешуя! И он в ней, отрывая от глотки чужую руку. Дна нет, не обо что ударить спиной... Густав мог видеть половину моря занятую ромбами, сплошь, точно стёганое кимоно Кайзера. Рой шёл на них. На тёмном фоне простёганный, на обсидиане южного мыса, подземельях его, вознёсших сушу чёрных столбах... Ромбы, то есть, то нет...

Мурена под камнепадом рычания, в трёх уже сомкнувшихся, жарких кольцах, под когтистой лапой на голове, отвоёвывала последние секунды — гад не должен успеть всплыть! "Отпущу, сосчитав до двадцати, пятнадцати, а — десяти!.." Семь… Восемь…

Белки огромных круглых глаз в синем окоёме век... Прямо перед ней... В глубине рыка перекатывалось второе, третье подспудное ворчание... Ему хотелось ответить, на забытом необщем, на дроидском, чирикающим стоном...

Но Мурене уже доставалось от чужих драконов! Он знала — ответить, значит проиграть: звуки сплетутся, ворчанье дроида сквозь её отклик с нёба протечёт к Огненному Кругу... В руки, лишая сил полностью, несомненно... Спирали зрачков вращались и пульсировали... "Девять... Десять!.. Дроид, чаооо!.." Разжала руку. Острое колено толкнуло Густава — прочь!.. "Дрррракон, исчезай же, чао!.." Он распустил кольца. Но, разумеется, не исчез, море...

Поразительно, дроид не причинит вреда человеку, и в драке он не вредоносен, не отвратителен, не колючий, не холодный, не ещё какой, но... Оказаться вне его колец, ворчания, вне пристального взгляда очей под размётанными бровями... — какое-то совершенно запредельное ликование!.. Быстрое растождествление производит такой эффект — сбрасывания угрозы на раз.

А считать надо было до двадцати…

Или хотя бы до пятнадцати... Зато перестраховалась. Мурена взмыла над стремительно приближавшимся косяком и вписалась в него сверху. Став частью, авангардом его, накатывающимся на Густава, сверху летела. Плыла.

Рой то штриховкой, то ромбами близился, бились плети хвостов… Ро — гигантские, Ро — прицельные, безошибочные в каждом рывке...

И вдруг — снова ослеп, окончательно?..

Зарево образовалось между косяком и человеком отплывавшим, безнадёжно медленно пятясь. Зарево, плавное, ровное... "Обо Аволь... Лакричное... — вспомнилось ему. — Правда что ли?.." Кто знает... Но это не Аволь.

Царь-на-Троне поднимался из глубины, из заснеженной степи. И свет его не позволял увидеть того, кто на ладони. Если, конечно, возносит, держа перед собой, а не действительно в сердце. Чтобы совсем скоро, в высоком небе поменяться с Восходящим местами, руке Доминго благодаря...

Единственный непобедимый дроид.

Косяк Ро дрогнул и распался. Обтёк Чёрного Дракона и человека, заслонённого им.

"Оууу!.. Ууу!.." — взвыла Мурена, проносясь мимо в косяке. Выбираясь из него также, через верх. "Не-человеческое-везение!.. Гад, гад!.."

Вынырнули синхронно вдвоём. Втроём, дракон обвивал обоих. Нет у Мурены теперь преимущества, нет монисто, нет времени на борьбу с драконом, второго косяка в его кольцах ей не дождаться...

Всё это время по причине и раненых глаз, и своего ужасного положения, связанного с водой Гарольда, с морем, Густав не больше способен было к сопротивлению, чем какой-нибудь, жадный до Лалов малыш с Техно, в его аттракционе вступающий на помост... Болтаясь на волнах, он видел, пассивно и неотчётливо, как девушка розовая, сделанная из начищенной меди, протягивает кошачьим жестом руку, обе лапы… Ощутил пощёчины десяти когтей, наискосок,

мельтешение в содранной коже огоньков дроидов... И красным полыхающие, ядовито-зелёные глаза... Они пропали в чешуйчатом чёрном клубке, опять ничего не видно...

Мурена вынырнула уже за кольцами, волна подбросила её. Провыла ненавидящее морское: "Оууу!.. Уууу!.." Как дельфин выпрыгнула и канула под следующую волну.

Время не терпит, пришлось рассказать…

Какое потрясение: на Беста её рассказ, горькая тайна Селены, не произвёл, кажется, никакого впечатления...

— Охотник... — признал Бест, пожав плечами. — Такой нам и нужен, Буро попал в точку. С дьявольским, придонным терпением охотник...

— Бест! — округлившимися зелёными глазами хлопая, взывала Мурена, руки протягивая к нему, — Бест ты в туманном море, в дроидском не заблудился? Ты выходишь иногда?! Эта тварь жить не должна и не будет! Что хорошего можно ждать от него?! Не будет, оууу, я позабочусь!..

— Что ты говоришь?! — Бест ловил её растопыренные пальцы, собирая, держа, — Дроиды светлые тебя вразуми! Мурена, ты не хищница!

— Бест, он — не человек! Нельзя сделать мёртвое ещё более мёртвым! Очистить мир от него — можно! Как тела разбирают огоньки дроидов, чтоб не валялись вокруг! А он чтоб среди живых не валялся, гад, гад!

"Впервые вижу человека несчастней меня..." Нет, на личную благодарность Бест ссылаться не будет, а тем более не признается, что предшествовало их встрече... "Несчастней меня..."

— Опомнись, Мурена, очнись, он живой! Он прислан с добром, прислан...

"...другом" — хотел сказать Бест и осёкся.

— Не хочешь понять меня? Не надо!.. Зато Изумруд...

— Чего ты добьёшься, что за пользы с того, что узнает?! Нет, пусть охотник попробует!..

— Ты понимаешь, что говоришь, Бест? Нет, ты не понимаешь! Даже приблизиться к ней... О, теперь я догадываюсь, кого Селена заметила над Оливковым рынком!.. Ты бы видел её... Я-то думала, что вдруг случилась?.. Ну, вообрази что такое — приблизиться, просто приблизиться к самому лютому, лютейшему чудовищу... Ну, Бест!..

Бест честно попробовал вообразить...

Зачем воображать. "Просто приблизиться к чудовищу", к другому, настоящему чудовищу ему предстояло ещё множество раз. И помощь оказывать, и помощь принимать. И улавливать не до конца растаявший в воздухе, сухой, палящий оттенок дженераль. И молчать, и срываться на крик. И молчать, и молчать, и язык прикусывать, в пустую бы не молол... Бест предпочёл бы вместо всего этого по сто раз на дню встречаться с людьми, пытавшимися продать его лично.

— Мурена, я устал... Путь охотник попробует.

— А потом я откушу ему голову. И выплюну! И выпью..

— ...пожалуйста, не говори так!.. Я действительно устал. Ты хочешь, чтобы Селена вернулась? Ты не веришь охотнику, и правильно, а ей?.. Ты помнишь, какая она умница, как на самом деле сильна?

— Помню! Хочу...

— Прояви терпение.

Густав уже попадал в компании и ситуации, где часть людей против него, часть ставит на него. Собственно, на разломах таких трещин и проводил годы. Он виду не подал, через день утром в Архи Сад возвратясь.

По открытой улыбке Мурены в кругу приветствующих его изгнанников Густав понял, что намерения её серьёзны, и основания их — очевидны.

Следы от когтей ещё светились при повороте лица диагональными полосами, как грим небрежно стёртый после ночного Мелоди. Он мало пил воды, избегал, не умывался, наверно, поэтому медленна регенерация...

Мурена с детской непосредственностью стрельнула глазами на свои коготки, ого!..

"Подруга Селены, девушка Беста... Всё ясно. Зато умеет молчать, и это ясно! Чего Марик дичится их сада? Эти двое понравились бы друг другу!.. Имечко ещё то — Мурена..." Забавной показалась ему мысль, что общество терпел Морских Чудовищ выдающегося уродства, имея от их общества пользу! С теми вёл диалог, вроде Шершня, кто произносит слогов половину, наполовину зудит и гудит!.. А едва не расправилась с ним неразговорчивая отнюдь, морская охотница. Прекрасная как фея, розовая, медно-розовая... Препятствия чинящий валет в девичьем обличье... "Твоя судьба встретит тебя... И лицо её будет ужасно, ха... Пока что — прекрасно! Видно, не судьба!.."

Смеялся. Не обиделся, в общем.

Но стычка остудила и без того слабый, лишь намечавшийся порыв: искать совета у "господствующего над первой расой". Едва ли не поплакаться, пооткровенничать... Бет располагал к такому. Он наработал годами способность внушать надежду одиноким, будь то изгнанник, лепечущий на дроидском необщем, или комодо с Южного Рынка!.. Спросить бы, а что против ужаса, чистого ужаса Гарольда может встать — равновеликое, равновесное? Теперь нет.

"Гут, гут, — повторял он, — ну, ответь же себе сам, что непереносимого в туше гигантской гориллы? Он был не красавец, да? Не душка?.. И что?.. А если бы знакомый урод, Шершень, к примеру, восставал из волн Впечатления, так же опрокидывал бы в кошмар? Нет? Тогда чём дело?.." Трудно сказать… В том, что наяву Густав ни разу не заставил себя вспомнить, представить в деталях корень Впечатления — чёрный, вздыбленный загривок, клыки и бивни, норовящие поддеть, брызгающую из пасти пену... Не смог и попытаться. Он думал об этом, как о чём-то там, в отдалении, во сне... Иначе говоря, как о чём-то совершенно реальном! Ждущем его, сторожащем, неотвратимом...

Зеленоглазая фурия отвратила от мысли искать помощи у её парня. Но её атака показала Густаву, как ему жить с отравой Гарольда дальше... Он ведь моря так бы и избегал...

В сущности, Мурена поступила очень неблагородно, очень не по-дроидски. И признала бы это, увидев ситуацию охотника изнутри. Неизвестно сколько степеней утратил бы её праведный гнев.

Она пыталась расправиться с человеком страшно раненым. Как бы соломенного человечка, уже охваченного огнём пыталась на клочки разорвать. А он последнее, что может — соломенными руками закрывать от огня восковое сердце, буквально так... Буквально — Огненный Круг, как от огня, от кусачей морской воды, недостающего ингредиента адских превращений… Вспыхнет и развернётся цепочка, побежит огонь превращений вплоть до торжества древнего отпечатка...

Густав был практически уверен, что нырнув, глотнув солёной, острой, кислой воды, вынырнет уже чудовищем, бивни разорвут его лицо, задушит чёрная шкура...

На такую шкуру из теней нужно потратить много усилий не одно тысячелетие, вообще-то! Откуда чистому хозяину знать.

Он падал в ночной кошмар. В ту самую жажду, в напрасное сопротивление ей... Видение

обратной звезды, сближение Впечатлений к перевёрнутому Огненному Кругу, сгоняемых мутным, настойчивым, жутким, не отторгаемым пятном. На которое не посмотреть... Вот сгонит, вот сплавит, выплавит морду себе с бивнями. Тогда будет не отвернуться...

Густаву было не до Мурены, не до острых когтей её.

Сплавить, это глоток. А он — нырнул, и сразу наглотался. Слишком много. Свободные Впечатления Великого Моря сделали с ним то же, что с любым другим: проявили всё связное и освободили от всего.

Долго болтался на волнах... С огромным трудом и трепетом позвал Белого Дракона. Боялся исторгать песню, зов из груди. Боялся обратиться, — как Олив назвал его, к тигелю? — к Огненному Кругу, приоткрыть, выпустить его преображающую мощь.

На белом дроиде ничком распластался и отдышаться не мог.

Зря он боялся, купание пошло на пользу. Избыток агрессивной среды. Внутри попросту не осталось того, из чего можно сплавить сильную тень. За отсутствием такового и корень Гарольда меньше досаждал ему. Густаву предстояло полюбить то, что пьют, балансирующие на краю морские-неморские чудовища — обычную воду из миров и Чистую Воду забвения. Обнаружить, что в его случае морская вода утоляет жажду и не требует после себя связных Впечатлений. А он как раз — её требуют…

Жить аскетом?.. А что, как будто жил сибаритом? Гурманом?.. Нет. Но одно дело, когда не хочешь, а другое — когда нельзя. Да, чёрт с ними, с покупными коллекциями, высокое небо любил! Под ливнями, под грозами... Мелкий и тёплый дождик преследовать целый день, историю мира проживая, наблюдая тихо, забыв, где ты есть, снаружи или внутри...

Ситуация же с пропажей Селены, — ...ура, умницы!.. И увы, умницы... — заключалась в следующем.

Сходство их с Аурору а не ограничивалось кукольной внешностью и ранним обретением счастья в любви. Обеих обожали их Чёрные Драконы, вообще-то не склонные привязываться к людям, меняющие подопечных много раз неизбежно по ходу жизни... Дракон Селены при наступлении её невольного хищничества трижды справлялся у Гелиотропа, возможны ли исключения, может ли он вернуться, трижды получив отказ. В предыдущую эпоху эти девушки, блондинка перламутровая, платиновая и блондинка как рассвет золотая, могли бы родиться сёстрами, такими, что жить друг без друга не могут. Общий склад ума, та и другая обладали сильным умом технаря, склонным к абстрактным категориям, обобщениям. Инженерии экстремальной. Аурору а — в чистом виде, в уме. Селена, в аспекте более-менее прикладном. Её дроид Салон и тема утраченного эскиза располагали к сложным, салонным играм. Не фантам и мухоморам, а со схемой, многими условиями и участниками.

Селена часто размышляла о разнице между собиранием облачного эскиза и властью гостя. Властью хозяина над ним... Особенно — про гостя.

Но понятия не имела, где экспериментировать ей. Привнести что-то в подводный, особенный Собственный Мир изумруда казалось безумием и святотатством! Он должен оставаться таким, каким увидела его, таким, беспредельной синей бездне которого, поцеловала впервые его губы. Он чем-то священным был для неё, облачный мир, курсирующий в океане...

Что создавала — маленькие артефакты. И те выносила за раму сразу же. А задумывалась о принципиальных законах областей: Дом, Сад и Там. Об их заполнении, взаимном расположении. О ловушках, конечно же! О возможном предательстве и порче мира, обратимом

и безнадёжном... О возможностях противостоять хозяину.

В уме конструировала, в уме критиковала. А опробовать задумки хотелось!.. Судьба предоставила ей такой шанс, поставив подножку.

Компания гонщиков развлекалась охотой. Не на пирамидку, а непосредственно вблизи рамы. Выбиралась рама того, чей мир на данный момент оказался недалеко от Трассы. Собственно, и охота было рассчитана на знакомца, на того кто будет возвращаться с призом. Серия гонок заканчивалась не регалией, "узелком на шнурке", а призом. Пусть пройдёт ещё одно испытание!

Недроидской охоты они не планировали, грабёж. В небе отнять. Или гонять, не подпуская к земле, не выпуская в высокое небо до тех про, пока сам не примет приглашения за раму. Сдастся или поверит, что вот эта рама не одного из преследователей... Ради того же грабежа или услуги гостем. Будут заказывать, кому, что превратить на пороге, у них на глазах. Отпустят, если понятливый, хорошо превращает... Чего им надо? Да ничего им не надо! Развлечься!.. Около дюжины человек вполне способны, хорошо скоординировав свои действия, забросить, втолкнуть за неё. Если хозяин там, наготове… Но это уже другое.

Победитель оказался победителем!.. Первоклассного гонщика они немедленно упустили! А тут Селена пресекала Трассу...

Момент несколько их оправдывающий — чётки длинные на руке. Подобные вещи используют для гоночных игр, отнимать удобно. Напоказ нося, ими даже приглашают в игру, вблизи Трасс, провоцируют. Она не знала.

Селена приняли за человека из другой игры и решили сделать частью своей. Отнять чётки было легко. И Селена пожертвовала бы ими без сомнения, не сунулась бы за артефактом в чужой Собственный Мир. Но чётки оказались не просто чётки, и Селена — непросто гонщица, а Морское Чудовище, без присущих теней, зато с множеством фенечек с тенями... "Защитными", ага!.. Чётки не слетели с руки и не порвались. И то, и другое, ну, практически невозможно.

Похититель забросил Селену за раму одним рывком. Не понял, как вышло, испугался, незнакомый человек, сейчас порушит всё его благосостояние!.. А мир дорогой, без преувеличения очень дорогой и личный. В страшном сне он не пустил бы гостя в него дальше шага от рамы.

Они, хозяин и гостья вскинули руки одновременно. Селена оказалась проворней.

Мановение руки отгородило её и от угрозы и от выхода. Перехитрила себя. Времени на размышления не было, совсем! А схема чего-то подобного крутилась в голове, недодуманная до конца... Рабочая, годная схема...

Как известно, гость не может создать в Собственном Мире замкнутое пространство. Нора с одним выходом — очевидный тупик… С двумя — на выходе нос к носу с хозяином столкнуться. Со многими выходами и поворотами, лабиринт — уже лучше, положение не выгодное для обоих. Но лабиринт надо держать в уме! Всё надо держать в уме, что задумал воплотить. Это нереально для человека, в распоряжении которого доли секунды.

Селена создала тупик, но — с особыми свойствами. Гарантированное отсутствие опасности впереди, вот единственное, что двигало ею. Каждый её шаг прокладывал новый отрезок пути, каждый поворот скрывал с глаз хозяина. А это главное, это основное. Она бежала, она петляла

как заяц. И она не могла повернуть назад. Каждый поворот — новый. Рама — недоступна. Гарантированно недостижима при таком положении вещей.

Совершая поворот на сто восемьдесят градусов, беглянка нарезала пространство бесконечно тонкими слоями. И реальной ширины у коридора не имелось. В него не попадал ландшафт, небо, деревья, земля.

Подвох в том, что изменить решение, превратить созданную схему и её механизм во что-то другое она не могла. Коридор оказался создан из завязанного на один множества. Завязка осталась у рамы, за спиной.

Исключительно вперёд. Авто-ловушка. Не точка, тире бесконечного пути.

Густав отложил в сторону всё не относящееся к делу. Беспокойство о корне Гарольда, бесплодное. О делах на Южном. Заказ на галло закрыт, если он и продолжит, то ради своего удовольствия. И даже о плате, каков он окажется, Джокер, как сделает карту его... Побоку на время.

Окунулся в их ситуацию. Сначала основной расклад уяснил в Архи-Саду.

Затем побывал непосредственно у рамы, где развернулись события. Не светился, издали слушал и смотрел. И теперь кружило там порядком людей. Рассказывали произошедшее, передавали из уст в уста, людное место и неординарное событие.

Из-за чужих спин глянул в прихожую мира: травы чуть отражается в стеклянной, шариками образованной стене. Проём справа, перед ним стол, на столе марблс, за столом хозяин, — зоопарк чисто!..

Уяснив имя и круг знакомств, день потратил на Южном, узнавал больше про злополучного хозяина мира. "Ха, ребятам подарочек!.. Выкрадем с зоопарка! На гладиаторский бой. Давненько я к Секундной Стрелке в гости никого не приводил!.."

Презрительно усмехнулся на поведение обеих сторон, и хищника, и Архи Сада, увязших в конфликте. Кроме Селены. Её реакция, пусть с ошибкой, впечатляла по скорости и масштабу.

Состояние же обеих сторон подходило вполне под общий знаменатель — деморализованы. Тупик. Каждый шаг — к худшему. Что и вызвало его презрение. "Да хоть на адское дно, на лёд придонный! Чувствительные какие: кабы не потерять, кабы не повредить... Да на свете полным-полно ситуаций, в которых не то что, шага не сделать, пальцем не шевельнуть! — вспомнил Гала-Галло. — А тут ещё ошибайся, не хочу!.."

Он был прав, изгнанники теряли время, вгоняя похитителя за рамой в истерику, себя в тревожную тоску и апатию.

Прав, но суров, критичен слишком. Густав однажды дал слово не рисковать? А самого, куда только не заносило! Они же — скромные, тихие, маленькие. Привязчивые к знакомому, в сравнении с рынками, узкому кругу. Селена известна всем изгнанникам, и многим лично дорога. Подопечная, целительница, возлюбленная, подруга... Коллекционеры за оказанный когда-то недружественный приём, за отвержение, чувствовали вину перед ней. За последующее — благодарность. За морские штучки, лекарства, лакомства, способность ненавязчиво мирить... И бесконечные партии в шашки!..

Коллекционеры и установили место пропажи. Сота и Гром. Они участвовали в соседних гонках, Трасса, многолюдно. Шумиха привлекла. Туча, толпа на Белых Драконах возле облачного мира. Вопли хозяина: догнать — невозможно, выйти — потерять мир! Установить, что это именно Селена, оказалось несложно. Они редко расставались с Изумрудом, и жили чаще

в Архи-Саду, тем же вечером очевиден стал факт пропажи.

Бест наблюдал за охотником со всё возраставшей симпатией... Уважением. С рынка ждал рыночного человека. Получил — ничем не похожего на тамошних. Ни на борцов знакомых, ни на Карата. Ни на игровые ряды, при упоминании которых болело, переламывалось что-то в груди, ровно, где сердце, под дроидским медальоном... Ждал чего-то шустрого, торгующегося, разбросанного. Аскетизм и сосредоточенность комодо подкупали. Делали его похожим не на приглашённого "маленького подонка", а на приглашённого дроида. А ведь был человек в Архи-Саду выглядящий так же, сосредоточенным дроидом. Он сам.

Похититель...

Средний пакостник, как есть средний. Хищник. Немного охотник, немного грабитель. Гонщик так себе... Игрок, ничего серьёзней четвертака из четырёх видов марблс не выигравший, и то — успех!.. "Средний, говорите... Середнячок?.. Приветик из прошлого вам, ребята!.. И не забывайте о дроидском в злой игре!.."

Когда-то он принадлежал "землеройкой", шпионом к группировке борцов, конкурировавших с игроками Против Секундной Стрелки, ими разгромленной. А шпион уцелел. Странно, правда? Звали — Динар. Так зовут каждого, кто держит общую казну, к нему — прилипло. Ещё страннее, да?..

Динар жил у рамы который день, смотрел как гоночная публика заменяется на прибывавших друзей Селены, и происходящее тревожило его. Куда дальше?.. Тревожил их первоначальный энтузиазм, не радовала последующая, бессильная растерянность. До тла испепелил взгляд Изумруда, чёрного гиганта на рогатом драконе.

Ситуацию немного разрядил Бест, убедив Изумруда уйти, а прежде пообещать, не мстить при благополучном исходе.

Амиго взамен позвал, дежурить оставил у рамы. С его милой болтовнёй, сказками, выдумками. Хозяин нуждался в чём-то подобном. У него не было даже воды!.. Протянуть руку за бутылкой? Третий гость — и бац! — мир-рынок! А бросить вещь снаружи за раму невозможно…

Там росли толстые, травянистые стебли растения похожего на рогоз. Цветки сочные, белые в крапинку каллы. Пресные. Их грыз... Такая прихожая, по другую сторону скамейка, стол для марблс, с бортиками. Дешёвые, прозрачные шарики. Из них же стена, поскольку были единственным, что Селене попалось на глаза.

На скамейке сидел «хозяин» и слушал Амиго... Если Динар психанёт и рванёт наружу, все пропало. Конструкцию прокладываемого пути Селене, как хозяйке, точно не изменить, не вернуться к раме и не впустить гостя. Финиш.

Динар относительно далеко преследовал беглянку. Устал, а затем испугался. Чего учудит ещё? Не его мир, абсурд какой-то вокруг, проглядывающий сквозь прозрачные шарики...

"А если вдруг станет не вернуться?! Нельзя же позвать дракона иначе, нежели с рамы! Шатры-то на материке есть, а что толку?.." Дракон уносит всегда с рамы, в шатёр — кубарем, воронкой расширяющейся спирали, по форме торгового шатра. А приносит, внутри мира

сбрасывая. Конкретнее — в середину области Сад... Чего делать-то?! Дроиды высокого неба, как выкрутится теперь?! Не разберёшься, чехарда, хаос..."

Не-ет! Густав разберётся. Дружба с Каратом успела предоставить ему невеликое количество знаний, но распахнула множество дверей в новые измерения... Как они восхитят его!.. И шарики, и измерения!..

Зловещий, забавный?.. Кому как, сопутствующий момент догонялок: голос слышен на расстоянии одного пролёта, за поворот коридора не распространяется. А шаги от земли Там всюду слышны, ближе-дальше, слышны отлично...

Изгнанники надеялись, что в тишине Селена хотя бы дальше не бежит, экспериментирует с превращениями...

Изгнанники высказали идею перемены статуса Собственного Мира на мир-рынок...

Динар тогда ещё фыркал на такие предложения, не снисходил до ответа. Скоро станет разговорчивее... Но что даёт?

Принципиальная организация пространства не изменится. Причина удивительных игровых и борцовских облачных рынков, их популярности — в подобных фишках, злонамеренным гостем сделанных или хозяином неразумным. После чего мир был отнят, либо брошен за неисправимостью.

Для любого гостя он станет работать так, коридором, раскрывающимся по мере продвижения? Бесконечное число безвозвратных коридоров? Или возвратных?

Ну, а топот множества ног за спиной?.. Из-за этого остановится беглянка? Позволит догнать себя? Что подумает? Ничего хорошего!

С рынка можно бежать, подняв пирамидку и позвав дракона. Этот самый простой выход закрыт: Селена покинула мир Изумруда гостьей, а не хозяйкой... Как он об том пожалел! Но — не вариант. Да и встанет ли Пирамидка на земле Там? И кто возвращался таким способом в подводный мир? Белые Драконы не летают под водой... Над водой сбросит? Как-то не по-драконьи...

Облачный рынок и Густаву пришёл на ум первым делом. Но тут обнаружилась доселе ему неизвестная вещь... Принципиально она ничего не меняла. Болтали про это, но чтоб кому пригодилось... Короче, стать хозяином мира можно и не становясь гостем! Приглашающую, простёртую руку взять ровнёхонько на раме и синхронно поменяться местами, не отпуская рук.

Единожды возможно, совсем единожды, то есть, это может сделать только хозяин, мир собиравший эскизом. Связана такая возможность, с тем, что хозяин знает его вдоль и поперёк, а гость — последний недостающий штрих миру. Из этого штриха единожды может живой артефакт создать, а может отдать ему мир, не пригласив...

Думали и об этом, для изгнанников не осталась секретом такая версия. Изумруд хотел, но дрожь пробивала хищника при одной мысли протянуть ему руку.

А потом была первая истерика, а потом он и слушать их не хотел, и вторая...

"Это мы поправим..." — подумал Густав.

Хоть бы Динар и согласился, что дальше? Бесконечный бег?.. Ни окликнуть беглянку, ни успокоить... Изумруд-то в глубине души не был уверен, что пойдёт на такое безнадёжное и жестокое преследование. Это какой-то кошмар. Но это хоть что-то... Или нет? Хуже, чем ничего?..

"Море всеизвращающее, — ругался Густав про себя на эти их причитания, — да не будет

ни один человек, ни одна тварь морская вечно бежать! Ни тень в тумане, ни ветер сухого сезона!.. И топот приедается, и страх, и надежда, и всё остальное через некоторое время — фон только, фон... Для новых сюрпризов!.." Но про Эми-Лис, тем не менее, помнил... "Исключение, — говорил себе, — Олив сам виноват! Нельзя закончить в желаемой точке путь, проложенный в ошибочном направлении! Он, он зашёл со своей танцовщицей чёрт знает куда. С меня требовался выход, я указал выход! Дверь толкнул. Ближайшую. Куда шли, туда и пришли, при чём тут я?.." Ни секунды он не жалел о Эми. Густава раздражала оплата за формально достигнутый результат. В конце концов, мог бы цепь эту чёртову зарыть от пирамидки подальше!.. Кто мог знать? А перестраховаться?.. Комодо перфекционист.

Было два дельных предложения.

От Карата — запустить механику с запиской, что за спиной не враг. Но такую штуку надо конструировать. Время. И сама записка... В обмен на раме поверит ли? В принципе, что от друзей, поверит ли?..

Второе от Олива, сообразно его морским знаниям. Густав предпочёл бы его вариант, грубо, зато надёжно. Реализуемо в облачном рынке: сырость — и парализующий яд. Проблемы сходные — время на конструирование не смертельного. На испытания. На людях. И без гарантий.

А время шло, Джокера, смеющуюся карту поглощал, утягивал лабиринт, заблудиться в котором нельзя...

Зашёл на Южном к Биг-Буро. У него, как у заказчика, осведомился, а что именно требуется от него. Выковырять хищника из его Собственного Мира? Открыть раму для воссоединения друзей? Не доводилось, но уверен: дня через три-четыре хищник за счастье сочтёт протянуть руку, хоть её чёрному парню, хоть чёрту придонному! Так что именно?

— Комодо, — проворчал Биг-Буро, склоняя голову, накреняя дуги короны над его головой, — что считается за результат охоты?

Риторический вопрос. Но прозванье "комодо" приятно услышать от Буро, и Густав ответил:

— Человек.

— Вот именно. За человека и Джокер. Кто выведет изгнанницу мне всё равно. Перенайм? Твоё дело. Выйдет сама? Можешь ложиться спать возле рамы, если надеешься дождаться.

Понятно, чего тут непонятного... Перенайм! Да он массовки-то не нанимал, одиночка Густав! Передоверить... Ха... Кто готов идти и слушать, как "бедняжечка Селена убегает от грохота шагов?.." Эту фразу он уже выучил наизусть. Ну, пойти-то пойдут, а сколько пройдут?.. "Поудивляются, прислушаются, поорут зачем-то, спорю..." Густав вполне серьёзно отнёсся к Изумруду , но... "А вдруг, как Олив — тогда?.. И тот и этот — Чудовища Моря. Цвет ещё выразительней! Кто их разберёт, чего они говорят, а чего не договаривают... Правдивые существа!.. Получить осечку на последнем этапе? Ну, уж нет!.."

Буро прозрачно дал понять, что работа охотника — его работа... В случае неудачи, Буро даже не удесятерит цены! Скажет: "Гуляй, Густав! Собери ещё одну проклятую колоду и снова приходи за Джокером!"

Густав, конечно, последний человек, кому обрадуется Селена в западне... Он сознавал это, однако, был уверен в своём умиротворяющем обаянии... Он не Олив, не зелёный и без клыков! От него не падают в обморок. К нему липнут и жертвы неудачных охот... "Клок — свидетельство... Музыкант-трещоточник, подожди, гость дорогой!.."

Решено. Густав сказал, что обмен на раме проведёт сам. Другого путешественника Динару подсовывать не будет. Предупреждать тоже. Ничего изгнанниками не сказал, потребовал от честной компании удалиться, освободить ему место работы на сутки. Все кыш, они с Динаром остаются наедине. С беднягой... Пусть подумает сутки до следующего утра, в одиночестве, покладистей будет. Узнал про него следующее...

Половину узнал, половину угадал.

Ещё до его прихода на Южный была истреблена та борцовская группа, про стычки наслышан. Густав резонно предположил, что не просто же так остался в живых Динар, и рядами бродил свободно... Не наглел, но и не прятался... Ага..

Ловушка на ядре той группы захлопнулась в скалах северо-западного тупого мыса. Борцы самонадеянно обосновались на открытом месте. В "Дохлятину" играть удобно и мест полно для тайников, для общей казны... И наверху хорошее место обзора... Игровое и тренировочное плато.

Они были отсечены от торговых шатров, стоявших по периметру, внезапной атакой с неба. Кто ж сторожил тогда? Ага, интересное совпадение...

— Ну да, сказал Биг-Джун, мы не уважаем таких... Но из них не осталось того, кто бы ему отомстил!..

— А игрокам Против Секундной Стрелки велика ли досталась казна?" — поинтересовался Густав.

Раёк смешно глаз прищурил, стреляя им, будто вокруг воспоминанья ища:

— А, ерундятина... — рукой махнул. — Расчищать надо было, в камни зарыли, вспомнил!.. Под тюфяком пенным, прибитым десяток бутылок ерунды, мишура танцевальная, маски, удавки, да таких же пенок для матрасов заготовленных стопки! Зверьками горными жили... Мы думали, они богаче...

Ага...

"Так-так-так... Ишь ты, смелый! Видать, много отхватил, стоило того! Ни своих не побоялся, ни чужих. Кусок не встал поперёк горла и не захлебнулся глотком!" Густав вполне мог путь казны, распродаваемой, он даже знал где, в небе, дальше проследить. Но ему было довольно того, в чём уверился, первого покупателя, свидетеля для парней... Первого звена. Такая будет цепь-удавка, из одного звена... Динар станет его очень внимательно слушать!

Амиго улетел от рамы последним, оглянувшись на Густава недоверчиво, тревожно. "Какой молодец... И главное — сам! Не понадобилось просить его изображаться". Да, Амиго настроил Динара сразу на нужный лад.

Густав приблизился, представился... Улыбнулся. И повёл интересный рассказ...

Суеверный, как и все авантюристы, приманивающие удачу воспроизведением какой-нибудь пустячной детали, Густав отправился в дальний путь, в то же время, что и на Горькие Холмы, ранним-ранним утром. Путь так же благополучно!

Отправился, когда розовая полоса над горизонтом сияет, и невольно ждёшь солнце над континентом.

Он когда-то спросил Карата, не странно ли ему, что света вокруг, как во Впечатлении

пасмурным днём, а какова толщина преграды между землёй и открытым солнцу небом?.. Карат ответил, что нет, не странно. Что, по его мнению облаков в небе, столько же, сколько и в прошлые эпохи, а облачные миры обтекает свет по-другому, и толщина их мнимая, и это отнюдь не облака.

А вот сам он, Карат удивлялся сходству солнца во Впечатлениях и Мирах, куда оно заглядывает подлинно настоящее. Неисчислимо миллиардов лет прошло. Должно было угаснуть. Удивлялся, пока не услышал, что дроиды воспроизводят и людей, и их среду. Есть даже специальный огромный дроид, следящий за тем, чтоб солнце и земля продолжали находиться в связке. И в безопасном месте вселенной. Чтоб свет именно этой звезды оставался прежним. Регулирует состав плазмы, дополняет... А вот кружат они среди совсем уже других звёзд... "О, как!.." — единственно нашёлся ответить Густав. И спросил: "А от кого слышал?" — "От дракона... Ящерица палёная... Ещё разговаривали тогда". — "О, как!.." — Это Густав уже про себя подумал.

Теперь вспомнил, летя к рассвету. Пытался там, за горящими облаками представить дроида, великана, заливающего в солнечный круг из кувшина новую порцию топлива... Не смог. И рассмеялся!.. Весь в удовольствии полёта. Радостно лететь в зарю!

Интересное качество, быть страстным в деле, беспечным до и после него... Для охотника. То ли дьявольское, то ли совсем детское. Все игрушки, всё невзаправду. Я царь и бог, хочу играю, хочу выйду из игры…

Другое настроение имел человек в прихожей мира, обращённой к той же розовой, рассветной полосе неба.

Динар бился головой о раму, клялся ей, себе, облакам рассветным, что вернётся, вернёт! Что нет того, что невозможно исправить!.. Как же, очень даже есть! Шептал себе, что не может быть всё зря, всё напрасно, всё мимо... Так старался!.. Ну, если стараться означает предать и обокрасть как можно больше человек... А какая "землеройка" и прежде того бесстыдно торговала чужими секретами?.. Означает? Если да, то он великий старатель!..

Несчастный. Охотник не думал о нём, потому что, якобы получающий за обмен, за протянутую на раме руку, молчание, Динар был уже продан. Что думать о свершившемся? Давненько не появлялся Густав в шатре Секундной Стрелки?.. Зато появился — с такой новостью!.. Не зря однажды они приняли его, чистого хозяина, не бегающего против Секундной Стрелки в бегающую компанию!..

Густав продал не из жадности. Обыкновение, он не хотел увеличивать число людей, знавших его, число охот незавершённых. А вершина охоты — острие пирамидки. «Динар, увы...»

Сколько ни бормотал, ни клялся отчаянными клятвами, он предчувствовал гибель.

Сжав отвратительно холодную и влажную руку крепкой рукой борца, охотник чуть не потерял столь хранимый статус... Выдернуть его наружу по-быстрому! Отнятие мира — прощай дракон! Нельзя быть таким брезгливым.

Густав выдержал синхронный танец разворота на раме, липкий взгляд. Ненавидящий, заискивающий, тревожный. И шипение... Ожидаемое, как же без этого... "Будь ты проклят!.." Ага, на свою голову...

Они разошлись, рама не дзинькнула. Густав занёс руку над прозрачным шариком марблс, опустил, поднял... Ничего не изменилось! Сработало! Гут, гут... Затылком, лопатками ощущая

чужой взгляд, Густав повернул к бывшему хозяину непроницаемый профиль, подумал: "Как тебе на свежем воздухе, новоиспечённый изгнанник, не дует? Скоро согреешься..." Произнёс:

— Что, Динар, пора в дорогу? Мне — пора...

Посидеть пять минут. В одиночестве... Не видел, как, распахнув полупрозрачные, расцветающей зарёй просвеченные крылья, Белый Дракон сделал прощальный круг.

Долго сидеть нельзя, познают, догадаются. Примчатся. Крику будет... "Нужны мне ваши рассуждения... Когда суть ухвачена, все "ла-ла", что растягиваются дольше, чем на пять минут, — отмазки. Для трусости. Может, лени... Трусости. Коллекции отмазок".

Густав отломил несколько побегов "рогоза", большую каллу, на первое время погрызть, провёл пальцами по гладкими шариками образованной стене, первой, что бросила Селена между собой и хищником, так, скользя пальцами, дошёл до поворота и скрылся за ним...

Глава 112

Глава 112.

Экипировка его, продуманная, состояла из четырёх всего-то вещей. Три важные, одна важная и загадочная.

Бесконечный марш лабиринтом без ответвлений, — или с ними? — "ла-ла" бесконечные в Архи-Саду заставили Господина Сому, — интересно, зачем он тут ошивается? — вспомнить про необычный артефакт, доставшийся ему. Историю подарка он опустил, а свойства упомянул: когда необходимо просто идти вперёд...

Подходящие свойства… Коктейльный морок? Так даритель сказал, и Густав подумал так. Господин Сома предупредил, что за рамой тень пропадёт, останется в артефакте одна порция воды, ею созданная. Ошиблись. Артефакт другой природы, интересней.

Памятуя Улей, щедро отданный ему результат грабежа, Господин Сома передарил артефакт, не стал жадничать.

Ручной гравировки кулон понравился Густаву, заинтриговал. Птичка, пёрышко к пёрышку, с пористым камнем в клюве, накапливающим и преобразующим воду Свободных Впечатлений. "Чтобы идти и идти..." Отчего-то ему, мастеру лицемерия и стремительных охот, за ключевые единицы коллекции приходится платить долгим, тупым путём?.. "Пешочком... Как-будто посыльный внутри Южного. Не солёная, не горькая, не холмистая дорога? Уже хорошо!"

Но и не одни сутки пути...

Вторая важная вещь, — запасливый Густав, предусмотрительный Густав! — толстая, эластичная верёвка... Непосредственный, добрый Густав!.. Ну, не цепи же Олива! И его режущие цепочки не годятся... Верёвка — это оптимистическая часть экипировки.

Реалистическая — две бутылки воды, самые большие, что в сумку легли. Еле влезли, на одну рассчитывал. Вторую — грех было не взять... "Марик, Маричка, поцеловать тебя, что ли? В нос? На прощание, нос золотой!.." Замечательно в тему. Густав не так давно показал ему отнятый у Комодо рынок. И Хан-Марик принёс оттуда обычной воды! По собственному почину. Густаву — куда как лучше! Без связных Впечатлений. Мог бы и сам догадаться.

Всё, больше ничего не взял. Змейка коротких, лихорадочно петляющих поворотов началась перед ним... Через некоторое время пролёты удлинились и начались повороты под разными углами, видимо, когда Динар ушёл к раме, и беглянка услышала тишину.

Шаги отчётливы, верно. Сквозь давящую на уши глухоту. И свои, и вдали: топ... топ... топ-топ-топ... Словно капель, то ускоряющаяся, то замирающая, то ближе, то дальше... "Ничего, временное явление... Прерывистость связана с поворотами. Частота с эхо, очень уж однообразна. Но факт, Селена продолжает путь. Теперь, когда меня слышно, бегство. На что надеется? Исчерпать идею? Пространство окажется нарезано до предела тонкими пластами и не позволит нарезать ещё один?.. Сворачивала ли она уже, пыталась ли вслед за длинным пролётом сделать три поворота в одну сторону? Перекрёстков нет. Или последующий преградил бы предыдущий коридор? Тогда всё, я не пройду. Взрывчатые вещества искать на Техно? Не, это уничтожает идею, похоже, мир не допускает тройной поворот, отклоняет его..."

Густав час-другой увязал в тревогах, затем оглянулся...

И охотник на охоте, коллекционер перед венцом коллекции... Он про всё, про это забыл!..

Про Селену нет, но не в том, животрепещущем аспекте возможной встречи и последующего выхода к её симпатичной… подруге. И симпатичному… чёрному парню. В ином аспекте.

"Беглянка, взмахом руки отгрохать такое!.."

Густава ждала впереди первая самостоятельная экскурсия с Техно в лабораторию, созданную одним взмахом руки! Что слышал от Карата, вспоминал сызнова? Вживую оно разворачивалось перед ним!..

Эс-образные переходы бегства повторились, закончились... Густав вертел головой, наблюдая зелень области Сад подсвечивающей стеклянные шарики. Шёл всё медленней... Пока не остановился в восхищении... Селена препарировала целый мир, кажется, не нарушив его!.. Прозрачные шарики — идеальные линзы — идеи линз!.. Воплощённые там, где единственно возможно это, в облачном мире! На земле они стали бы артефактами лучшего или худшего качества. Здесь они — абсолютны!

Гай научил его смотреть цвета ледяные, Карат — в принципе смотреть. Смотреть, как читать, — шире, уже, — буквы, слова, обозначения, видеть тему в заголовке, обобщающие моменты различать. Как записан весь Техно... Голова Густава забита была тогда ерундой, и попрактиковаться негде было. До этого путешествия... А здесь поучения, формулы ожили!

Между стен неширокого и не узкого коридора-идеи Густав попал, как в модулятор микро-макро. Как в старых фантазийных историях люди, уменьшившись в десятки и сотни раз попадали в микро-мир. Но есть и существенная разница.

Одна линза работала на увеличение. Пролёт от угла до угла показывал находящееся с другой стороны целиком, искажённую панораму. Необходимо встать на одинаковом расстоянии от поворотов и смотреть, не фокусируя взгляда. Неудобно и неотчётливо, но — видно! Можно установить к чему относится каждая из линз, что приблизила она до предела материи. И микро-макро таковы, но местонахождение обозначают символически.

Густав перемещался как фокус увеличения от стены к стене, как фокус скользящий на постоянной глубине — вдоль их. Видел область Сад, как в рыбий глаз, спиной прислонясь к стеклянным шарикам. Видел арки для вьющихся растений, подойдя на шаг. Видел флажок с надписью, бьющийся на ветру Сада, в шаге от стены. Но самое интересное начиналось, когда приближался вплотную, носом уткнувшись в неё, ресницами возя по линзе-идее, прозрачному марблс...

Знакомая картина! Свежая, подлинная, как свидетельство, как поручительство рыночное: "Он не выдумывает, он имеет откуп, ставку, я ручаюсь за него!" Видимое поручилось, предоставило доказательства: всё, что отображали спектральные шкалы на модуляторах, не выдумка! Квадратные — обще-информативные, линейные — узко-информативные, многолинейные-смещающиеся, те, что трудно читать, требующие интерпретаций он видел в яви пред собой! За мешающими смотреть ресницами.

Густав понял, что в модуляторах кодировки-то практически нет. Они элементарно увеличивают, слегка обобщают природное. Представляют в виде цветовых волн, смешений, расхождений, спектров постоянных и переменных, о!.. Он слышал, он читал про эту страну, но не верил... Теперь прибыл в неё, и оказалась существующей!

Путешественник, первооткрыватель. И все до него, занимающиеся наукой, как проникновением, мыслили так же, тупо, в лоб, примитивно и страстно он мыслил. Расчленяя и сталкивая в уме! Познание? Разрезать и заглянуть! Столкнуть и посмотреть, на что рассыплется,

что переборет!.. Он понял, отчего таким светом озарялись угрюмые лица мастодонтов Техно, когда шкала текла вдоль неподвижной шкалы, меняя цвета, но вдруг останавливалась и на коротком отрезке — они совпадали! Они — совпадали! О!.. Это значит, что конкретные совершенно вещества, вступив в реакцию, произведут нечто стабильное. Что можно будет угадывать, и устанавливать, и снова угадывать его свойства! Что можно начинать прямо сейчас!.. А другие модуляторы покажут доступные ему способы выстраивания структуры, изменения свойств в зависимости от близлежащих веществ в виде энных структур!

И всё это — новое, прежде неведомое происходит у них перед глазами, их руками создаётся! Воспроизводимо, умножаемо! Реально!

Хороший пример...

Курсики хохотали, и Густав вместе с ними, и сам Нота, рассказывая, как открыл вещество, впоследствии, при добавлении примесей ставшее плавучей, мебельной пенкой, а при открытии самопроизвольно организующееся лишь одним способом: зайчиками!

Два вихря образовывали два отверстия глазок, хотели разойтись, но не могли и, разбегаясь, застывали двумя заячьими ушами... Лёгкое, летучее — в этих ушах, тяжелей — посредине и в кончиках ушей. Сквозняк заставлял "зайчиков" махать ушами как крыльями и лететь! Вдобавок, слюдяные искры крутились, не рассеиваясь, как блики в живых "глазах" создавали иллюзию озирающегося любопытного зверька, головы зверька... Сколько их запустили в Столпы!.. Потоки восходящего излучения крутили их, разрушали, не портя — уменьшая, вознося и унося!..

Автора на ковёр вызвали, и сам Карат, хмыкнув, вынужден был согласиться: хватит. Система очистки не шутки!..

Курсики смеялись, восхищались, завидовали. Курсикам продемонстрировали "зайчика"!..

Такое вот, сразу и открытие, и применение. Продавать на Пароле очень даже подходит!

Разумеется, едва забрезжит удача, два модулятора прочтут схемы известных веществ как вероятно совместимые, кто захочет ждать?! Но... Известные не значит, имеющиеся. Не значит, синтезируемые в модуляторе. Возможно, и синтезируемые, но атласа нет, как модулятору задавать…

А в Собственном Мире левой рукой. А схемы вот они. А модулятор для реакций — вот он… "Нужны два человека, Карат!.. Ты сказал — послезавтра?! Завтра?! Сегодня приведи!.."

Если совет мастодонтов запрашивал с него человека, он и так знал, что стоящее дело… Если и же не они… Наглость и заносчивость Пепельного Фазана, сочувствие и человечность Пепельного Фазана с некоторого времени проявлялись в том, что, когда вне очереди, частное лицо заказывало охоту, то независимо от предложенной оплаты, Карат реагировал беспардонным: "Давай, покажи-ка, чего у тебя там..." Его что ли дело?! Чужие схемы, чужие задумки! И что за тон вообще?! Показывали...

Бывали постыдные случаи, поспешишь — людей насмешишь, когда ему самому идея казалась гениальной на континенте, а в Собственном Мире, уже руку занеся, находил ошибку. Тогда отпускал. Делал вид, что похитил ради услуги.

Хищничество технарей безнадёжное, неисцелимое хищничество. Нельзя безнаказанно долгое время смотреть на мир сквозь узкую трубку. На собственный и общий мир смотрят в поисках счастья. Но в подзорную трубу и в модулятор микро-макро птички Фавор не разглядеть. А разглядеть — не услышать. Не почувствовать на плече её цепкие, маленькие коготки.

"Карату бы понравилось!.. Карат бы оценил!.." Не бывало прежде, чтоб Густав открывал новые просторы, кого-то гостем держа в уме... Мысленно провожая его, распахивая двери перед ним. Отвлекался и через несколько шагов восклицал снова: "О, чёрт, Карат должен это видеть!.."

Это — зелёный кузнечик... Живой артефакт прыгнул с той стороны на стекло и раскрылись фазы-основы живого, псевдо живого, тормозимые чем-то неведомым... Густав видел на самом деле схему его стрекотания... Во Впечатлениях и сейчас — не слышал, но — глазами видел... Потрясающе понравилось ему!.. "Надо сделать этот мир рынком и пригласить! Гостем не пойдёт, старый хищник!.." Бескорыстный, открывающий путь к счастью, дружбе и любви, порыв зазвать гостя и Густава настиг! В такой вот форме. Не им сотворённое, но им одобренное подарить!.. Чистый порыв.

Видел он картины банальные и захватывающие. На пределе зрения и увеличения из цветов горячих и ледяных, безопасных в столь малом количестве, плоть мира, то из чего состоит он. Шкалы спектральные, находящиеся в непрерывном движении. Вертикальный "глазок", блик, как в камне наподобие тигриного глаза. Волны разных оттенков бежали по нему. Он начинал порой вращаться, но основное положение — стоймя. Если совсем-совсем приглядеться его разделяет тонкая, тоньше волоса внутренняя полоска. По ней цвета бегут только вверх и она не вращается.

Густав в яви узрел, что артефакты непостоянны. Что они текут, вибрируют, возникают непрерывно. Сделал верный вывод, что эта подвижность не следствие того, что большинство линз раскрывали природу, естественно, воздуха с той стороны, но общий закон. Листва, кора дерева, камень арок, где они прикасались к линзам, обнаруживали отличия частные, не принципиальные.

По сторонам "зрачка" вспышки цветов ледяных ограничивали горячих цветов области, провалы. Горячие вверх текли расплавленным гудроном, холодные вниз прорывались молниями... Раньше ли позже наступал, в некоторый момент они перемешивались до неразличимости, до бурления... Оно вздрагивало, часть проваливалась в "зрачок", часть отторгалась в "радужку", то есть до краёв линзы, откуда вверх и вниз, и смешение начиналось вновь.

Густав видел, что и ледяных и горячих цветов примерно поровну, много. Горячие — однообразны в движениях. Да, это искусственно созданные, дроидские цвета. Он же находился в области Сад, в Собственном Мире, а не в саду прошлой эпохи.

Видел, что оттенки их имеют отношение к мощёным дорожкам Техно, но не к самим. К тому чувству, что вызывают два осколка разных тонов на стыке... "Дроиды, понимал ли это кто прежде меня?! Техно записано не цветами, но только и именно их соотношениями!.. Кто мостил, понимал сам ли это? Что в нём, полудроиде, говорила не человеческая, линейная мысль, а дроидское мышление — направлениями! Не нужно выкладывать стрелку мозаикой, чтоб обозначить в какой стороне модулятор близкий конкретному типу веществ!.. Я помню! Точно!.. Каждые два осколка, любые указывают два направления! Их подсознательно клали так!.. Или сознательно?.. А я просто бестолковый курсик, прорвавшийся за Пароль по недосмотру?!"

"Горячесть, холодность" нельзя выразить словами. Это тенденции, их улавливают во взаимосвязи. Он, и правда, много понял, иной способ чтения.

Схожесть "глазка" со спектральными схемами хотел в первую очередь Карату показать. Очевидно — схема вещества. Записанная в нём самом, готовая схема! Угадывать не нужно, ошибиться нельзя! Чуть отдались, и видна текстура древесины... А если окинуть взглядом, по

сторонам видна крона и даже сеть корней... Всё вместе, от схемы до применения!

На самом деле, готовой схемой было бы соотнесение "радужки" со зрачком в равновесной фазе смешения, в совпадении с вертикальной, неподвижной нитью-стабильности. Иные варианты — проходные фазы вещества. Кажущееся прочным состоит из цепи этих совпадений...

Но всё равно, несравненной ценности мир, и Густав многое правильно понял! "Карат, я тебя заманю либо похищу, ты должен это видеть!.."

Густав полюбовался и на казну, Динаром краденную, на коллекцию, во что превратилась она. Мерзавец, предавший своих и ограбивший чужих, втихаря скупал живые артефакты! Кузнечик достался на сдачу. Тематика была иной...

"Зачем такие дебри, зачем такие арки? И где Дом?.." — гадал, окидывая взглядом область Сад, насколько видна она без искажений по сторонам коридора.

Зачем?.. Чтобы они лазили!..

Живые артефакты самые близкие к невозможному, к человеку. Они раскачивались на ветвях и лианах, они ходили, опираясь на полу-сжатые кулаки... Они были очень похожи на людей и ужасно похожи на Морских Чудовищ!.. Густав потерял счёт времени. Увидеть схему этого! Пусть прислонится к стеклянной преграде плечом! Лапу положит!.. Ну, хотя бы в каких основных цветах отражены ритмы этих жизней!.. Вряд ли плоть будет сильно отличаться от зелёной лапки кузнечика, но второй уровень — не стрёкот его!.. "О, небо и море, как же я сразу не подумал!.. Полудроид должен зайти туда! Руку положить на линзу с той стороны, с обезьяньей рукой рядом!.. Вот они-то покажут разницу в беге огоньков, в цвете, в биении их, Карат!.."

Действительно интересно установить разницу. Живой артефакт, как и всё в облачном эскизе создаётся не потому, что создателю известно устройство, а по заказу. Дроидами, техническими дроидами, как и завершается эскиз. Хозяин лишь удостоверяет, да, я это имел в виду. Обезьяны Динара — точная копия каких-то реально существовавших обезьян. Схем такового не существует, а дроиды сочинить обобщённое животное не в состоянии. Слишком сложно, почти как человек. Создание другого высшего дроида — предел их возможностей.

Воспроизвели... Обезьяна… Но что они вычли? Что автоматически вычлось, ведь неживые они? Многое. Но вычли, подходящее ли слово? Откорректировали.

Густав проницателен, нужно сравнение схем с человеком именно. Дроиды, сколько могут, защищают людей, и вычтенное связано с агрессивностью, читай — свободой воли, читай — рассудком. Но что покажет сопоставление схем? Что оживит артефакт, восстановление утраченных фрагментов, или удаление переборок между некоторыми значимыми частями?.. "Биг-Фазан, ведь эта тема не хуже оружия!.. Где-то близка... Живой артефакт, созданный по схеме и подправленный до оружия?.." Поворот собственных мыслей не понравился Густаву, как-то радость терялась... И не пора ли вспомнить о цели пути, на охоте он или где, комодо?..

Здорово же увлёкся... Приникая глазом к стене, то с одной, то с другой стороны, пробегая до середины коридора, чтоб окинуть взглядом новый кусок области Сад, Густав рассеянно отхлёбывал из бутылки с обычной водой. Покачал и вздохнул: на дне бултыхалась четверть, если не меньше... "Дроиды, всего-то первый день подходит к концу, а я ещё рядом с рамой!.." Он нормально мог ориентироваться в сутках, сад Динара имел настоящую смену дня и ночи. Густав засмеялся над собой: "Как Восходящий на Южном, честное слово!.." Собрался и пошёл вперёд. Под ноги смотреть, под ноги... Ну, немножечко по сторонам... Ну, утром и вечерам лбом

к стеклу ненадолго остановиться...

Ночью шёл, пальцами ведя по стене. Днём шёл. Делал подремать на четверть часа перерывы. Редкие. Потом чаще... Думал, а что будет, если хозяин мира останется в нём без воды? Впадёт в какое-то коматозное состояние, сон без пробуждения? А в его случае, с Гарольдом в глубине сна? Ужасом, вышвыривающим помимо воли... Повторение плена в Гала-Галло? Только совсем без надежды?.. По идее, он должен повернуть назад, когда кончится одна бутылка. На второй — выйти. Но Густав не собирался так поступать. Как-будто кто-то другой приказал ему, знал, что идёт до конца, идёт на удачу, без обсуждений, идёт и всё... Вот ему и не было страшно.

Было!.. Считал глотки, дышал медленно, экономил жизнь...

Бутылка опустела. Пятый день путешествия.

Кулон Сомы скорей всего фишка, морок. Чтоб легче жажду переносить. Отвлекающее что-то. А вторая бутылка очень пригодится ему, когда догонит изгнанницу. Ей понадобится. Густав прислушался. Тихо... Быстрая капель шагов не слышна... Кулон с птицей, птица с камнем в клюве... "Зачем ей камень? Она совьёт каменное гнездо, кладку из пемзы... Чёрт, я сплю!.. Вставай!.."

Кулон, так кулон, вариантов не просматривалось. Время испытать его. Но как? Камень размером с коктейльную конфетку, но как вытащить из клюва? Да и не похож кусочек пемзы на леденец. Висящий на шее он не оказывал заметного воздействия. Памятуя того же Карата, толкующего о промежуточных, общих средах, Густав вытряхнул из бутылки на ладонь последние капли воды и сжал кулон посильнее. Может, артефакт подскажет ему? Обнаружится кнопка какая-нибудь?..

Наследие тупиковой ветви киборгов!.. Артефакт содержал вовсе не тень, не демон морской создал его!.. Устройство для многократного использования.

Густав угадал с приёмом. Только вот действовала механика очень резко! Чем-то подобным угрожала Кроха Шаману.

Плоский кулон раскинул крылья... Раскрыл клюв... Пористый камень прокатился дальше в него, а тонкая вилка клюва проткнула ладонь мгновенно! Насквозь. И вышла с другой стороны. Мерцающим лучом соединились острия шпилек...

"Ай-ач-ча!.." — воскликнул от боли Густав, со всех сил тряхнув рукой. Сгинь, отцепись!.. Последнее, что он сделал — этот — Густав...

Скоро подробно рассмотрит механику, хвост птички, к ладони прижатый, крылья по ней распластанные. Ясно видимый в не успокаивающихся огоньках дроидов, внутри кисти руки пористый камень. Поймёт, что извлечь его просто: чем угодно, пальцем другой руки разомкнуть луч связавший концы клюва... Но рассмотрит и поймёт уже — другой — Густав. Отрезанный, посторонний. Густав, смотрящий на Густава со стороны и чуть сверху. Не образно выражаясь.

Морская вода, преображённая камнем, не морочила, как он предполагал, не подстёгивала, не подавляла. Свойства ядов, что в коктейле, что в оружии, сохраняют характер теней, ведь они — тени, просто бесформенные. Тень либо пугает, отталкивает, либо притягивает, влечёт. Второе — редкость. Первое тень стремится довести до абсолюта, до парализующего действия. Коктейлям пугающие тени придают скорость, притягательные — интригу...

А эта вещь произвела эффект хорошо знакомый людям прежних эпох. Умиравшим, да не умершим. Она выбросила Густав, как собирался он Динара с рамы, из него в никуда. Густав

ясно и абсолютно без эмоций видел себя с никакой стороны. Он понял без капли сомнения, что в режиме жёсткой экономии это тело способно идти, бежать, существовать много дольше, чем ему да и всем казалось... Способно и в препятствующей среде. Изнутри увидел возможности регенерации. Восхитился бы, но напрочь отсутствовали чувства.

Новое состояние не ограничивало движений. Сложную и тонкую работу он мог выполнять, как и прежде, но появилась размеренность. Непреодолимая. Он делал что-то в неменяющемся ритме, не от него зависевшем... В остальном Густав управлял Густавом со стороны. "Вещь похожа на Джокера!.. Веди меня к Джокеру, вещь. Если устанешь, попробую напоить тебя водой связных Впечатлений!.."

Где петляла Селена, круто сворачивая, сквозь стеклянную стену видны шарики, шарики и ничего больше. Густав и их с интересом разглядывал! Интерес пробивался сквозь подавленные эмоции, как асфальт сквозь траву, неукротимо! Кибер-механика справилась со всем, всё отсекла, на что тратятся силы: сомнения, тревоги. Но не любознательность! Впрочем, о цели помнил, редко останавливался. Слои из марблс сложенных стен на некоторых участках отстояли так, что Сад виднелся без тотального искажения, как сквозь неровное стекло.

Густав шагал с размеренностью робота, как робот мониторил своё состояние. Прикидывая, сколько осталось сил. Есть ли признаки упадка? Толику убыло... Проявит ли как-нибудь эта шпилька, что дно её близко, предупредит? Или всё случится вмиг, как она в руку впилась? Он упадёт и останется лежать, вещью без сил и движения... Но если убывает так, по капле, сил хватит ещё дней на семьдесят, наверное!

Густав обратил внимание, что его шаги слушают. Когда шёл — капель прекращалась. Остановится — возобновлялась. Неуверенно и редко. Естественно, сколько можно бежать.

Но чего интересного таким образом услышишь? Существовал бы язык звуковых точечных сигналов, выстукивание передаваемые слова!.. Карат говорил, что в древности и такое было. Но в эпоху автономных дроидов уже не применялось. А жаль!.. Устаревшим мусором кажется что-то, а оказывается драгоценным подлинным артефактом, моделью, законсервированным временем...

Язык символических звуковых сообщений? А что... Мерзавец Клок припаял ему трещотку к порогу... Не поёт, но очевидны слова... Фразу построить нельзя, но можно взять готовую. Понятие. Нет, что-то легче... У Селены и Густава был общий дроид — Салон. Имел манок вальса. Идея! В меру дружеский, в меру неконкретный посыл, пища для размышлений, не спугнёт, но затормозит вполне возможно.

Он выстучал босыми пятками вальсирующее раз-два-три. Через паузы несколько раз повторил. Ответа не последовало, тишина.

Постоял с удовольствием лбом в стекло.

И разглядел ещё одно животное, Динару доставшееся на сдачу! Зелёная кожистая рептилия, последовательно хватая лапами ветку, приближалась к нему. Его видела. Переползла на стену, как приклеенная, пальцы с присосками, ушла на другую ветку, устроилась на ней. Широкая морда. Спать улеглась? Густав хотел уходить, когда глазные яблоки под кожистыми зелёными веками, шарившие по сторонам, сфокусировались на нём. И рептилия стрельнула длинным языком ему прямо в глаз! Отпрянул!.. "Симпатяга!.. Подправлю мир, тебя к себе унесу!.." Безгубый рот улыбался ему одобрительно. Глаза двигались, рептилия предприняла вторую попытку. "Зелёная бестия, оливковая... Олив... А вот это могло бы его заинтересовать, сочетание ядов с живыми артефактами..."

Следующий день стал непрерывным маршем. Вперёд и вперёд. Густав слышал только свои шаги, что радовало бы его, но последнее чувство, что испытал как человек, относилось к зелёной рептилии! «Ага, когда я стою, когда неподвижен, силы могут расходоваться на эмоции…»

Уже начинало темнеть. В область Сад пробивалось тёплое, оранжевое солнце где-то над горизонтом, и Густав остановился на него посмотреть. Фавор. Фатум.

Два стеклянных коридора шли вплотную, разбитая шариками, пронизанная солнцем качалась сочная зелень. Там, за вторым коридором. А в нём, в оранжево-жёлтом свете, лицом к стеклу стояла Селена. Белокурая, ничуть не изменившаяся. В длинном белом платье с широким поясом. Времени нет. Не существует... Ровно напротив... Секунда!.. Капель быстрых шагов раскатилась по лабиринту.

"Чёрт, всё черти придонные, молодец, Гутка!.. Теперь — иди, иди, иди. Больше ничего не остаётся... Близко был, чувствую, что близко!.."

Чувства киборга — тиканье часов. Они есть, но они... Поделённые на отрезки, не возрастают, не затухают. Каким начались, такими прекращаются. Тик-так, тик-так... Оценочная часть кончилась, ритм поменялся тик-так…

Он перешёл на размеренный бег. Этот факт и кибер-механика дали в сумме более чем двойное преимущество. В распоряжении Густава были скорость и ночь. День и ночь без перерывов на сон. Расстояние между охотником и беглянкой сократилось до нескольких поворотов...

Самое время задаться вопросом, а почему вообще люди используют и заполняют в Собственных Мирах недоступную область Там? Охотно, активно используют! Часто переделывают, спорят со своей жадностью, что выкинуть всё-таки, огорода не городить. Популярная область!.. Зайти никак, оставить артефакт можно, извлечь нельзя. Какой смысл? Почему нельзя сделать всё доступным? Ну, во-первых потому что — нельзя. Внешний периметр будет без вариантов — Там, так не лучше ли — прекрасные дали?..

А причин использования этой области и в других местах рынка, кроме как ради ловушек хищников и умозрительных шуток-экспериментов, две.

Первая обусловлена рафинированностью большинства связных Впечатлений. Нерафинированные собираются из тех, что уже сделались Свободными Впечатлениями Великого Моря. Они испаряются из него и связываются ровно, как были. Но это — длительный процесс. Их мало и проливаются они из обычных облаков.

Облачные миры проливаются Впечатлениями той ли иной степени рафинированности. Их много. В тысячи раз больше. Что-то Восходящий применил, что-то отверг. И в дожде затем имеется лишь зримое, прочего нет, ни звуков, ни ароматов. Или только слышимое. Отсутствие осязаемого — практически норма. И все подобные Впечатления — кандидаты в Там. Накладывать осязаемые текстуры долго, муторно, требует сосредоточенности. Да их надо где-то ещё найти. Изъять из того видимого, что не пригодилось. Из скучных вещей. А кто же собирает скучные Впечатления?! По итогу, гораздо легче сохранить, что досталось, поместив в Там. И там слушать, любоваться!

Вторая причина труднообъяснимая. Надо быть полудроидом, чтобы понять.

Холод ранит полудроида, поэтому чтобы то ни было холодного в Собственных Мирах, лёд и снег, не настоящее. Всегда есть диссонанс: холодные области Дом и Сад, например, содержат

нехолодный, ледяной дом в нехолодном заснеженном дворе... Или костры осенних листьев, камины горящие — в холодных, тем не менее, областях... А в Там возможна гармония.

И солнце, настоящее солнце греет оттуда! Лучит, улыбается. Заглядывает как Царь-на-Троне, не стучась: "Как дела?.." Как сосед, друг детства, которому нет нужды стучаться. Солнце или характер владыки семейства, может быть, исконная тяга всматриваться в голубизну заставляют предпочитать эту область. Влекут к ней. Всё, что в Там, кажется более настоящим. Реальней, чем артефакт в руке. Открытые — просторы, просторы, просторы... Через раму не выйдешь к ним. Через шантаж дроидов, разве что, самоубийственное упорство! Парадокс... Всегда путешественники уходили, ища что-то там, на бескрайних просторах... Теперь же из Там в Собственные Миры воля заглядывает.

Причём оттуда не придёт горе, не заявится враг... Но и ты туда не заявишься. Такая вот двойственность. Недаром говорят, что Собственный Мир как в ладонях держат дроиды Там. Но и так говорят: "Дроиды Там на земле и в небе прокладывают пути". Судьба имеется в виду под этими словами. Что когда танцует Фортуна, они раскатывают дорожку перед ней.

Эта-то область и поймала Селену в ловушку, там Густав настиг её.

Они шли по земле Там, но земля эта, — отражения стен стеклянных, одной, внутрь себя пропустившей людей, стены, имевшей две стороны, обе внутренние… — условная дорога не имела ширины. Настоящей, безотносительно людей существующей. Протяжённость и всё. Не была областью. Сами же области Там вокруг были.

Обширный как лес, сад Динара украшало изгибистое русло ручья Там. Кое-где Селена уже натыкалась на него и отступала назад. Граница недостижимой области это два шага, как и в шатёр без дракона, законом природы установленные два шага. Шаг — вступление, шаг — обнаружение. Последующие — на одном месте. А обратно — один шаг.

В предыдущие разы петли ручья огибали полянки достаточные для маневрирования. Последняя оказалась пятачком земли, на который зайти можно по узкому перешейку. Селена не повернула сразу назад, свернула в сторону... Пробежка — Там, обратно — Там!.. Впритирку к тому отрезку пути, что завёл её на пятачок, она уже не попадала. Перекладина буквы Тэ, легла поперёк излучины обеими концами.

Динар устроил перед водопадом этот островок для своих обезьян, для купания, из похищенного сделал прибрежную часть ручья — Сад... Но лишь прибрежную. Границы областей не видны. Это и обмануло Селену. Водопад без брызг и плеска сбегал по скале на мелководье.

Селена обернулась, в нём и осталась стоять, белая, как настоящий призрак. Призрак прошлого стоял и в четырёхугольнике без пола и потолка, в расщелине коридора перед ней.

В Там ничего не происходит. Не забегают живые артефакты, не встречаются люди. Область Селена присвоила, Там принадлежало ей. Тупик. Хозяин мира видел её, в упор смотрел. Осталось занести руку...

"Он... Я не сплю, не сошла с ума... И я по-прежнему гость в этом мире... Как могло получиться такое? Неужели я сломала что-то принципиальное в устройстве рамы?.. Дроиды, я ждала этой встречи..." Селена изучала землю, состоящую из отражённых марбс. Из-под ног

Густава, отражения шариков, повторно на поверхности не отражаясь, уходили под воду. Отсутствующий срез стен, затуманивающий зрение. Зелень сада за петлёй ручья, с обеих сторон от него. Но туда — уже никак…

И Густав изучал марблс у себя под ногами!.. Он уже понял, что погоня закончена, а марблс... Они, да, уходили под воду... Пляшущую, неспокойную от водопада... "Сейчас шагну и — ничего... И пространство остановит меня... Ненавижу всех, кто закрывает воду в недоступных областях. Дроиды, пусть, ну, пусть она окажется настоящая!"

Спешить он не мог, и вот по какой причине.

Надо избавляться от этой кибер-вилки в руке, прежде чем рот откроет. Кибер-Густав в пути изучал не только эффекты идеальных линз и параметры чужой коллекции, ещё и себя самого. Голос, речь... Ужасно, просто чудовищно! Лучше бы онемел!.. Все смысловые блоки действий кибр-механика подгоняла под единый ритм. Слога и расстояние между ними приобрели равную длину, а вдох стал озвученным — придушенно-хлипло-сипящим!.. Чудовищно!.. Шершень с его гнусавым гудением просто канарейка в сравненье! Громкость не меняется, о выражении, о тембре голоса — забудь! Такими хрипами, да бубнежом пугать только. Весь как замороженный, а ещё это...

Избавляться надо. Но что дальше? Он выйдет без неё? Несколько секунд хотя бы получит, чтоб засобачить обратно? Или рухнет, как те, что на правом крыле имели неосторожность выйти против вооружённого Гая? Бумц — и всё... Тут и бумц не будет. Сколько там сил внутри осталось? Вопрос... А если вода — настоящая, можно ли пить с механикой в руке? Нельзя? Необходимо?..

Кулон надоел ему! Густав решил рискнуть. Указательный палец положил на тыльную сторону кисти, прерывая мерцание луча, а большим вытолкнул кулон из ладони. Птичка немедленно сложила крылья и уже плоской упала... В воду... Всплеск... "Всплеск?! Ура!.. Ой... Ох..." Густав упал, садясь, руками в мелководье. "Ох, голова, как облако..." Кибер-полудроид за миг превратился в зверо-полудроида на водопое... Бутылку к чёрту! Зачерпнуть... Как?.. Руки нужны, чтоб опираться!.. Лакал и лакал... На дичь похожий, на охотника — не особенно. Селена смотрела и смотрела... Кадр...

С безнадёжным выражением — не поверишь! — сидя в воде, голову, морду мокрую поднял, стукнул в грудь себя и сказал:

— Селена, меня ведь на самом деле прислали твои друзья...

Она вздрогнула, не забыла этот голос. "Ага-ага, — покивала головой, молча, — конечно-конечно..."

— Перечислить имена?..

"Отменное свидетельство..."

— Какое несчастье для Архи Сада, — тихо съязвила она, грустно.

"Какое счастье, что ты не похожа на рыжую танцовщицу Олива!.. Совсем. А я уже дёргался немного, ненавижу сюрпризы".

— Послушай, Селена. Я — нанятый охотник. Охотников нанимают с разными целями... Ты — мой заказ. От друзей, от Беста, не от врагов. У тебя вообще есть враги?..

— А как же!.. — воскликнула и усмехнулась. — Старые враги!..

— Брось. Не старые, и не враги. Ну, посмотри на меня...

— Станешь врать, что раскаиваешься? Мне помнилось, ты умён...

Селена смотрела на марблс под водой, на разбивающееся отражение Густава, но не на Густава... Плохо, не гут.

— Взгляни на меня.

"Ага-ага... Это тебе просто, оловянные, сургучные глаза с печатями ничто... Оттиск без герба, я помню... Письмо предательское, запечатанное пустым клеймом..."

— На охотника, что смотреть? На друга имеет смысл: не враг ли часом, не затаил ли обиды. На врага тоже имеет смысл... С охотником всё ясно. Незачем.

Густав ожил, без кибер-вилки, при достатке простой воды. "О, дождь Гала-Галло, не забуду вовеки!.." Повздорить, поругаться?! Что ж, плыть по течению, его стиль. Немного подправляя курс...

— Ты так говоришь, — возразил он, — как будто хороший инструмент, это что-то плохое. Ловец, да, перед тобой не скрываюсь. Ещё говорят — комодо. Это похвала, это и называется хороший инструмент.

— Это называется палач, Густав.

Назвала по имени и рефлекторно подняла глаза.

— Ты ошибаешься, — холодно возразил он, получив в глаза обидное для любого полудроида, для тварей морских, серьёзное оскорбление. — В моём, например, кругу финальная стадия достаётся другим людям.

— Финальная стадия... Казнь? Густав, ты презираешь простые слова?..

— Селена, давай обсудим терминологию после? Снаружи... У вас или у нас, за бутылочкой нерафинированных Впечатлений...

— Я не выйду.

"Чёрт, голова как облако... Обыкновенное, без рамы, без жильца..."

— Нуу... Выйди хотя бы из ручья...

Он серьёзно думал, что произнёс про себя, а не вслух!.. Действительно, туман в голове. Селена тихо, коротко рассмеялась, указав кивком на верёвки. Он обвязал ими снаружи ремень сумки, хотел спрятать и забыл!..

— Это мне подарок? Канаты... Шёлковые?.. Можно распустить, сплести драконью сбрую... В гриве переливаются, к жемчугу идёт... Густав, ты ведь не любишь вещи. Не жаден к ним. Зачем ты охотник?

— Некоторые люблю. Специфические.

— Уверен?

Он вспомнил лица проклятой колоды... Гарольда... И содрогнулся.

— Ты проницательна. И прекрасна. Ты так похорошела за это время, как взошедшая луна. Твой чёрный парень в отчаянье, он ждёт тебя...

— ...Густав! Это слишком убого... Ты можешь сделать больно, но не обмануть. Второй раз не обманусь. Говори о нём, говори вечно. Не выманишь.

— Ладно, — Густав отбросил едва прокравшуюся приторность, — а наоборот? Как считаешь, мне трудно поймать его твоим именем? Выйди, и я навсегда оставлю эту идею. Поимка Морского Чудовища принесла бы мне честь на Южном, славу!..

Тишина... Молчание... "Чего-то меня заносит... Не прицелиться..." Селена покачала головой:

— Дроидский вездесущий свет... Нравы ваши... Пустые твои слова. Выйди, не выйди... Я же не могу отнять у тебя своё имя...

— Не нравы, я просто для наглядности, так сболтнул...

Селена махнула рукой:

— Хватит. Не перекладывай враньё из угла в угол. Одинаково смотрится. Эскиз из вранья... Он и останется эскизом, и растает, если не поверить... А я не-по-верю... Густав, ложь! Каждое слово ложь! Ну, что ты составишь из сотни одинаковых "ложь, ложь, ложь"?.. Какую мега-убедительную ложь, а?.. Я же знаю, что — ложь... Уходи, а?.. Уходи молча.

Густав сидел, покачивался, ловил блики на мелководье, над прозрачными отражениями прозрачных марблс и фантазировал: "Хорошо бы руками, так прямо руками... Наловить мыслей и сложить в голову... Только где? Где их наловить?.."

— Селена, ты считаешь, мне заказан не человек, а артефакт и...

— И следующий гость мир починит. Возможно его бывший хозяин. Думая, что для себя... Ха-ха, да он жив вообще?.. Ха-ха, я угадала!.. Но кто-то получит артефакт, и кто-то починит...

— Дроиды, и чего я, по-твоему, жду? Что мешает мне превратить заказ?! Ведь я тебя вижу!

— Ты не достанешь его из Там. Ни в мире, ни в рынке.

— Верно, тьфу...

Селена засмеялась:

— Ты уже не чистый хозяин, похоже...

— Вообрази, чистый хозяин!

— Не, не верю, всё врёшь!.. От чего отмыться пришёл к ручейку?!

— Чистый, чистый!.. А какой злой стал со временем!.. Рррр!.. С чего бы мне менять статус?..

— Менять? Прошляпил!.. Комодо!.. Объелся оливок и толкнул кого-то сдуру, да? Так всё было?.. Ха-ха, хищники, любители наших морских отбросов!.. Слизи и соплей!.. Их актиньи выблёвывают из-под хвоста, а вы пьёте!.. Ха-ха, и теряете драконов!.. Мы почище немножко, попривередливей! Поймай, давай, моего чёрного парня!..

— Селена, фу-фу-фууу!.. Не такой помню тебя! Дурное влияние твоей зеленоглазой подруги?..

— Превосходное влияние!.. Признавайся, хищник, как было дело? Я угадала?

— Не, извини, разочарую... И с чего ты взяла?

— Как? Да с того, что заказали тебе какую-то ерунду! Дешёвку!.. Был бы ты чистый хозяин, дорого стоило бы превращение первое для тебя! Не выманивал бы! Взмахнул рукой и живой артефакт выбежал бы из Там, не живут они в Там, не обитают!.. Ой...

— Спасибо за подсказку! Не знал! Сейчас прямо возьму и сделаю!.. Енота в особняк хочу, лакея, поднос в лапках носить!.. Ты не против?.. Селена, уверен, часть твоей сообразительности и упрямства передастся живому артефакту! Ты ведь не станешь, правда, швыряться посудой?.. Ну, пожалуйста!.. Ну, по крайней мере, хрусталём!..

Селена звонко рассмеялась и половина льда, негодования застарелого растаяла. Притворный гнев Густава куда лучше приглушённого, ускользающего притворства! И голос... Милый, знакомый голос...

И храбрецы, и трусы, наверное, и эпические герои пересекают на своём героическом пути особую черту... На промежутке затишья... Серьёзное искушение, момент настоящей опасности. Приникший к сердцу холод сомнений... Сам допустил. Усомнился... Черту, за которой невыносимо становится искушение подумать: "Мне приснилось, мне показалось..."

Сами себе говорят: "Этот клыкастый, этот манящий из-под воды не обманывает меня!.. Он

отдаст мне потерянное колечко! Он ест не девственниц, а морскую капусту!.. "

Сами себе говорят: "Я не обязан с ним воевать... Ну и что, что я нашёл его логово? Что мне мешает повернуть назад?.. Как пришёл, так и уйду. Нора, там нет никого! Сказки!.. И вообще, он — хороший... Сказки, там нет никого! И вообще, он — добрый... Мне почудилось, мне показалось..."

Иными словами: "А не перейти ли мне на другую сторону?.." Нет, не перейти... И назад не повернуть, потому что это — повернуться спиной... Уйти? Ха-ха, уйти?.. Можно бы, если б — возможно... Но дело ведь не в том, что это нехорошо. А в том, что — невозможно... Сразу наступит расплата или погодя, но уже в этот момент смерть прислоняет дырку от уха к груди и слушает, бьётся ли там тепло мужества? Гонит её по-прежнему прочь? Или уже всё: я сдаюсь, хватит...

Селена не миновала этого искушения. "Может быть, он и не предавал меня? Или был зависим?.. Я — охотник... Бравада?.. Мало что ли на рынках таких..." Она имела, что возразить себе... "Ты разве не видишь, Селена, куда ведут эти мысли? Ну, первый раз шлёпнуться не позорно и на ровной земле. Но второй? Позорно и на подтаявшем льду..." Спрос не грех, пусть соврёт ещё что-нибудь...

— Скажи, Густав... Я так часто гадала, а ради чего ты тогда...

Он понял.

— За единицу коллекции, редкость. Понятный заказ, хорошая цена... Что собираю? Гадов морских, смешно, ага. Не о чем гадать.

— Больше не о чем...

— Я-таки коллекционер.

— Редкость? Настолько дорогая, что ты готов был так долго...

— Нет, не так... Зачем тебе эти рыночные нюансы? Вернёшься к своим, — у вас сад, чудо, гут, гут!.. — и забудешь как страшный сон. Заказчики, Селена, не оценивают, долгой, не долгой была для тебя охота. Дорого ли тебе встала? Результат оценивают. Долго ли им ждать пришлось. У охотников имеются связки, целые поля начатых, разворачивающихся охот. Когда, что пригодиться...

— Я не понимаю.

— Тут нечего понимать.

Густав сидел и раскачивался. Воду зачерпывал и выливал. Позволял вытечь из лодочки ладоней. Перебранка с допросом утомили его больше чем весь проделанный путь.

— Уходи, Густав. Поговорили.

— Слушай, знаешь что... Уйду, только и ты ответь мне, я же ответил... Не зову, знать хочу. Тут есть вода, а там нет... Видишь эту бутылку? Пластик, не стекло, лёгкая. Видишь объём?.. И ещё есть такая, полная, но это уже не важно. Тебе хватит, достаточно было бы двух таких с водой на путь до рамы? Примерно прикинь...

Густав вытащил из сумки вторую. Палец на горлышко поставил и покачивал... А верёвки, наконец-то, спрятал в неё, это зрелище никому не понравится. Ошибка идиота, а не комодо, столько времени держать их на виду.

Селена воззрилась на бутылки, словно на чудо какое-то, в растерянности:

— А что? Странный вопрос... Зачем мне бутылки с водой, чтобы выйти?.. Мир переделывать надо, глобальная идея нужна... А не бутылки... Густав!.. Ты нёс её мне?! Ты нёс,

— Селена вспомнила, как он лакал воду, — и донёс, и так хотел пить?

— У меня оказалась страховка. Она сработала. Ты ответишь?..

— Ты нёс её для меня?!

Он кивнул. Селена замолчала. Как в первые минуты встречи, оба смотрели только под ноги, только на марбс в плещущей, неспокойной воде.

— Убедительный ход... — тихо, прохладно сказала Селена. — Не знай, с кем имею дело, я бы задумалась...

— Какая разница, кто? Жажда, дорога — все перед ними равны, деваться-то некуда.

— Но, Густав, у меня есть вода! И была! Сколько угодно!

Сногсшибательное заявление, даже в голове прояснилось.

Селена и сам он были в нигде. Прошли путь в нигде. Это с изгнанниками, а изгнанники с дроидами, двумя, как минимум, подробно обсуждали. Она гостьей не могла создать внутри отсутствующего пространства ландшафтных стихий, вещей больших размером, чем можно спрятать в руке ли во рту, при себе, частью себя оставить. Ветер, который бы вынес её наружу, вода, крупные предметы, всё в минусе, их просто вытолкнет из пространства, которого нет, умозрительного, доступного лишь человеку... Селена не дурочка. После первой неудачи руки опускать тоже не её свойство. Чётки разобрав на бусины, ограничения свои она быстро уяснила...

— Ты выдумываешь чего-то... Сколько угодно?

— Целая искра!

— Бред, я так и знал...

— Грубиян. Густав, я не могу изменить вот это! — она широко взмахнула руками над головой. — Это осталось у входа. Но штуки-то мелкие я могу делать! Главное, из рук не выпускать! Из бусин, из чёток превращала...

— А зачем тебе чётки? Что отсчитывать?

— Ничего... Перебирать, чтоб тигели, ладони, пальцы тоже не отвыкли тени быстро лепить...

— Чётки... Тигели... Дроиды, меня заносит!.. Селена, я не про то, какая связь?.. Между искрой и водой?! Скажи, какая?..

— Так я же сделала водную искру! Не огонь, орешек воды!

И тут Густав понял, почему рука её оставалась сжатой в кулак. Селена показала на остатке чёток привязанную искру. Но привязать не достаточно, потому не отпускала. Впрочем, и новую сделать не проблема. Щёлкнули крылья крупного мельхиорового жука. Жук-олень... Хороший вкус у изгнанницы, всегда им отличалась. Между рогов вылетел вместо искры, прозрачный, в форме лещины водный орешек. И прямо ей в рот!

— Оп-па!.. Видал, Густав? Сколько угодно!

— Селена, высший пилотаж! Карат был бы счастлив знакомству!

Она самодовольно улыбнулась и заметила хитрую искорку в его тёмных, глубоко посаженных глазах.

— Ой, ты что-то придумал... Получше енота-лакея?

— О, да!.. Интересуешься охотничьими приёмчиками? Сейчас ты узнаешь, что такое шантаж! Прости за угрозы про твоего чёрного парня, это было не умно...

— Ну?.. Жду продолжения.

Густав откашлялся, встал...

— Видишь ли, Селена... Ведь ты не можешь выпустить из руки искру, да? Она в стену

улетит сразу, я знаю... Только из руки в руку перекладывать, передавать... А я пришёл сюда на непостижимой энергии этой вещи...

Он показал кулон и продолжил:

— Если я раздавлю её, мне не вернуться. Не веришь, могу положить тут, а сам отойти, возьми, посмотри. Скажу, как обращаться... И всё равно уничтожу. Ты хочешь, чтобы мы остались здесь навсегда? Или чтобы я умер в пути? Я остаюсь привязанный, режу эти бутылки, и баста. Могу раздеться пред тобой, нет других предметов, нет приспособлений. Могу всё сжечь. У меня обычная искра. И одежду и сумку. Протянешь мне руку, искру передашь, чтобы я мог уйти? Поймаю!.. То же самое, что смириться и выйти без выкрутас. И так? Начинаем?

— Ты гад какой, Густав!

— На континенте, Селена, ты, наверное, предпоследний человек, кто мне до сих пор этого не сообщил! Начинаем? Делом доказываю...

Густав положил кулон на границе Там, вытряхнул сумку, всё из карманов, цепочки отдельно, куртку сбросил и через минуту уже стоял полностью обнажённым, в коридор несколько шагов отойдя.

— Бери, смотри, — сказал он. — Считаешь, я и отсюда не хуже могу поднять левую руку... Но мне понадобиться две-три секунды для превращения, а тебе, забрать это, отшагнуть и подробно исследовать — одна. Или пол или четверть, раз уж ты опередила хищника, — такое!.. — устроив в его Собственном Мире!

Селена шагнула, садясь на корточки, взяла лишь кулон и, поднимаясь, сразу отступила обратно. Посмотрела на вещицу... Сквозь, мимо неё... На Густава...

— Конечно, это жест, — признала она без сарказма. — Зряшный. Но жест. Сейчас мне уже не так стыдно, что была дурой. Таких, как ты, называют комодо, сказал? Это хищная птица?

— Ящерица.

— И чем она знаменита? Величиной, тысячью лап, юркостью?

— Упрямством.

— Ааа... Справедливо. Но, всё равно зря, зря... Как ты очутился тут, Густав? Я забыла спросить. И если прислали друзья, пусть кто-то из них проделает путь! Кто-то вместо тебя. Ты поймал, молодец, комодо, они пусть забирают заказ. Бест, например... Хотя, я по-прежнему не представляю, как выйду...

— Нет, Селена. Тут доказательств — чка, нету, но обмен с хозяином мира возможен единожды. Кроме меня никто не зайдёт.

— И я прямо сейчас поверю такому...

— ...гаду, будь проклят, Густав, пожри тебя монстры придонные, отвернись светлые дроиды... Не стесняйся. Фантазия иссякнет, я подскажу. Я не прошу поверить, Селена. Я шантажирую. Без кулона, без бутылок я либо привязан к тебе, либо мёртв.

— Дроиды придонные к тебе повернись!

Густав рассмеялся:

— А монстры какие — сожри?

— Прибрежные! Гад ты, Густав!

— Ты к истине очень близка! Скоро так и будет...

Стоит и смеётся. Почему так? Облачённый в блики от марблс, полутень и свою наготу он выглядел, похоже, и чувствовал себя уверенно, а она — нет. Ни тогда, ни теперь. Кажется, это чувство пропало в ней, как таковое, вместе с их мнимой дружбой. Утопил? Присвоил?..

— И кто же, — спросила она чтоб что-то сказать, в неопределённой растерянности, — назовёт комодо — комодо? Хищники не способные самостоятельно лгать? Бывают такие? Перебирать лапами, следуя за добычей?

— Неповоротливые... Да... В последний раз Буро назвал. Я был польщён.

— Друг?

— Какой друг, откуда? Сюрхантер, думаю. Он не выносит меня.

— Ааа... И как работает, — Селена вертела кулон, — эта штука? В ней есть что-то неживое...

— Есть! Я не уверен, что она и работает. Надо было захватить для неё морской воды, да мне сказали там тень, распадётся за рамой... Чего-то не похоже на тень. Оно так, Селена, работает, будто тебя разобрали на части и по полочкам разложили. Ты идёшь мимо них, как коллекцию наскучившую разглядывая: вот ноги, вот руки, вот мысль, вот звук, вот ощущенье какое-то, вкус... Насчёт вкуса, не знаю...

— Морской воды можно создать, но чего-то я не хочу пробовать...

— Не страшно... Неприятно и странно.

— Всё равно... Одевайся, Густав. Выиграл. Я не верю тебе, но... Будем считать, мне жить надоело...

— Столбом стоять тебе надоело!

— Да, а чем предстоит стоять? Открой секрет, что тебе заказали?

— Макет.

— Какой?

— Астрономический.

— Чего?

— Небесного тела.

— А именно?

— Луну! Белокурую! На фоне водопада!..

— Густав! Между прочим, я видела статуи, сделанные из людей, не смешно.

— Я тоже. У меня маска такая была.

— Густав! Да ведь ходу мне — шаг!.. Мною создана эта структура! Ориентирована на меня, на моё движение! К раме ты как, какой хитростью выведешь...

— Спорим, выведу?

— На что?

— На знакомство. Хочу представить тебя своему другу!

— Ааа... Опять врёшь...

— Нет, нет! Это не торг, не ловушка, о, чёрт!..

— Ты проговорился! Я имела в виду, у тебя всё же есть друзья... А то: "Друг?.. Откуда?.."

— Друг... Куратор... Подожди, подожди!..

Густав перешагнул свои шмотки, зайдя на мелководье и протягивая руку ей: не суетись, сядь.

— Покажи искру, а? И дай объяснить!..

На границе Там на мелководье и остались, Густав по-турецки, Селена на колене его сидя и слушая...

— Дай объяснить! Я ради этого мира, чтоб ты не испортила его... Ты не испортила его! Ты создала нечто невероятное! Чтоб он посмотрел! Как я, когда шёл... И ради водяной искры!.. Если с ней ты зайдёшь на Техно, о!.. Я не знаю что получу за это! Не охота, знакомство! Они чокнутые, одержимые совершенно технари! А за искру, если позволишь разобрать... Дай-ка!..

Из руки в руку... Жук был массивный, увесистый. Орешек обычной воды от того, что лакал их ручья, отличался сильно... Тон имел высокого неба сладкой мяты... Драконами пахнул, счастьем полёта, и Густав немедля ощутил зубы драконьи на мочке уха, так часто спрыгивал, хулиганил, так часто кусали его!.. Рассмеялся:

— Феерично! Можно?..

— Сколько угодно...

Водяные орешки долю секунды оставались прохладным орешком во рту... "Феерия, дроидски чудно, гут, гут, и так просто!"

— Не знаю, что получу... Я смогу этим отблагодарить, удивить, первый раз удивить его чем-то, понимаешь?.. За многое. Техно, как отдельный простор, как отдельное направление в пространстве, понимаешь? Не вправо, не влево, не верх-вниз, куда-то вглубь вещей, и это так здорово!..

Густав пытался заправить цепочки в куртку, как было, путался, что в рукава, что в обшлага... И рассказывал ей, про ею же созданное волшебство заглядывания в микро-макро... Про чтение схем, где сам неуч, про всё, про всё...

"Дроиды светлые... — думала Селена, обнимая за шею своего врага, с мокрым подолом, сидя у него на колене. — Я вспоминала его, будто демона... Дважды дурочка..." Оставшаяся часть ледяного негодования растаяла. И пусть, изо льда, это разве ненадёжные доспехи?

Когда стояли на ногах и Густав потянул за руку, в обратный путь, ощутимо проявилось сопротивление условного, несуществующего пространства. Как магнит от магнита, Селена могла качнуться в сторону какой-либо стены коридора и всё. Она усмехнулась, дёрнула руку:

— Решил, что проложишь путь как Морская Собака?.. Мы с тобой поспорили-то на что?

— На посещение Техно Рынка!

— С твоей стороны, а с моей?

— Не стоит выдумывать. Проспорила — ты, смирись!

— Дааа?..

— Да!

Лёгким, наработанным перехватом борца Густав поднял её на руки и развернул к Там, к водопаду:

— Попрощаемся с местом удачи?.. Я вернуться хочу!.. Кажется, из суеверия следует оставить тут какую-то вещь...

Бросил кулон и направился в зелёный, лиственный полумрак коридора.

— Густав! — Селена закрыла лицо и звонко рассмеялась. — Я... Я проспорила, да!..

— Прощаешь чуть-чуть? Мы немножечко квиты?

Хохотали.

— Но, Густав, это очень далеко!.. Очень! Далеко!..

— Ничего. Я сильный.

Глава 113

Глава 113.

Внешние орбиты семейства Там вовсе не нуждались в воротах и дверных колокольчиках. Гибкие, подвижные, между собой неравномерно сближенные — один необозримый, но лёгкий колокольчик. Качни — зазвенит. Где постучался, там в Там и пропустят тебя! Они не фильтровали на входе, шпионов не опасались. Пришедшему главное дальше разобраться, как целей визита достичь. Встреченные дроиды в поисках конкретного дроида или теперешнего местонахождения трона будут указывать маршрут внутри семейства, пролегающий через сферу их интересов. Пришедшего промежуточным дроидам стремятся показать, чтоб узнали что-то, связи установили на будущее, но и те имеют свои интерес... И так далее!.. Можно весьма долго блуждать! Дроиды Там редко ультимативно торгуются, приказывают ещё реже, а запутывают и отвлекают — постоянно!.. Порой и на выходе! Так-то идеально заходить к ним по поручению трона. Ради службы Восходящему они быстро проводят, или с поисковиком. В крайнем случае, с меткой, заранее ориентированной на возврат, старого типа, медлительной. Получив, остаётся лишь следовать за ней. А за метками последнего типа не угонишься!

Семейства Сад и Дом постоянные ворота имели. Сад — кованую решётку. Дом — монолитные, двустворчатые. В самом простом виде ворота этих холодных семейств представляли собой прямоугольники, горизонтальный и вертикальный соответственно.

Закрытое же семейство, оправдывая своё название, не имело ворот для дроидов, включая поисковики. Правда, оставалось избирательно проницаемым для меток. Тёплому, аморфному Там эти холодные, идеально круглые, стальные орбиты полная противоположность. Итог же один — где хочешь, стучись, услышат! Но у Августейшего вряд ли откроют...

Мысы, заливные луга Там делает закрытыми локально и ненадолго решение любого, находящегося по ту сторону дроида. Мало ли, надо ему... Пройдись несколько шагов, дальше кто-нибудь впустит.

Ограду Закрытого семейства делает проницаемой решение владыки. Тоже локально, на миг. А слух у него хороший...

Стороннему наблюдателю, случись таковой для необщей формы в сфере дроидов, заплутавший дракон, например, зрелище напомнило бы ночной Мелоди Рынок.

Купол жёлтый, искрящийся огоньками цвета неспелых лимонов, вперемешку со спелым инжиром, фиолетовым, заиндевевшим, снижался над сферой Закрытого Семейства. Светящийся как шары вокруг Мелоди, опускающийся как медузы светильников над ним, выстреливающие, парящие...

Купол образован был, в противоположные стороны вращавшимися, полосами всех оттенков жёлтого. От почти чистой белизны до тёмного тёмно-красного золота. И плавала по ним одна полоса. Вертикальная... Задумчиво плавала, будто кругами ходил человек по палубе, широкой смотровой площадке, глядя, как близится берег и крепость на нём. Блик задумчивости блуждал по нему самому, то задерживаясь на горизонтальной полосе, то покидая её... Эта полоса контрастировала с куполом, удивляла редким для дроидской сферы цветом: чёрным, но — синим, но — тёплым. Как убежавшая, в реке, во тьме ночной купающаяся летняя лазурь.

Купол снижался, расширялся и, наконец, совпал с поверхностью стальной сферы по приземлении. Растёкся. Заключил её в тёплое, безо всякой синевы свечение.

Из света поднялся жёлтый дроид в общей форме. В одеянии, бьющемся на ветру меток, что

вынуждены обтекать эту сферу. В длинной юбке высоко обвязанной, выше солнечного сплетения. В коротком, распахнутом пончо с разрезом спереди и прорезями для рук, и чем-то вроде погон, широкие, жёсткие плечи. Лентой схвачены на макушке чёрные волосы в узел. Большой узел, небрежный. Одним витком жёлтая лента походит выше лба. Потому что это — корона. Дроид — владыка семейства.

Он улыбнулся, помахал кому-то... Метку поймал как муху в кулак, поднёс к уху и прислушался к ней... Отпустил, подбросил. Босой ногой постучал по земле, прислушался. Вздохнув начал развлекаться дальше... Оглядываться, то раскланиваясь, то маша рукой.

Ветер орбит без порывов, ровный в отличие ветра меток, охватил его в ответ на очередное приветствие, приподнял над стальным холодом поверхности... Друг! Привет!.. Он, как взлетел внутрь опала, лунного камня живого, пребывающего в движении. Распрощался. Одёрнул себя. И ветер утих. Дроид взглянул под ноги, на лишённую отражений, гладчайшую сталь, и постучался снова. Подошвой, пальцами, вежливо: тук-тук, есть кто дома... Как же не быть?

Поверхность стального шара дрогнула вся целиком, резко и жутко. Бесшумно. В зеркало превратилась под ним. И дроид канул в своё отражение.

— Оммаж?..

Августейший закинул кривоватые ножки паяца на подлокотник трона. Хмыкая, похохатывая, по ушам себе хлопал растрёпанными крыльями, не послышалось ли ему... Выдернул перо, погрыз и успокоился:

— Кто бы отказался принять оммаж от владыки!.. Но владыка, подозреваю, своеобразно понимает клятву верности!.. Не совсем понимает...

Щуря жёлтые, тигриные глаза, дроид не возражал и не соглашался. Улыбаясь, ждал продолжения... "Предтеча... Автономный... А хитрый!.."

Хитрый! И он — ждал продолжения. Кто пришёл, тому и расстилаться. Дроид улыбнулся ещё теплей:

— Владыка, конечно, не подозревает, конечно — видит насквозь! И, разумеется, будет снисходителен к моему... Недопониманию!..

— Не будет! Владыке нет охоты с Тропосом границы рылом пахать! Владыке и здесь неплохо!.. А что, мои скромные владения помнились тёплому владыке удобным перевалочным пунктом? Трамплинчиком?

— Августейший, куда? — с бесстыдной лестью, возмущённо развёл руками гость. — Куда выше взлетать, владыка?!

— Ах, ты ж, подхалим!.. Что же тогда? — вслух гадая, паяц запрокинул плешивую голову. — На сарайчик заброшенный похожи мои владения? Замок проржавевший, петли расшатанные, легко пробраться и отсидеться? Замки я смазываю, вообще-то...

Они продолжали препираться, но Августейший уже не елозил на троне, жабо не теребил... Плюгавенький лишь в суете, для стороннего взгляда, для смеха. Автономный дроид сохранивший чёткость машины в осанке и чертах. Широкоплечий. На такие плечи можно положить континент и не опасаться ни за континент, ни за них. Крылья поднятые, сведены за спиной, как гребень волны над головой нависают... Одна бровь круто изогнута, всегда. Точный, крутой завиток, от виска к переносице взгляд скатывается по нему... Хорошо задуман, хорошо воплощён. Как китайские императрицы рисовали себе брови подходящие к следующей аудиенции, так этот изгиб, не меняясь, выражал всё, что дроиду требовалось. Насмешку, упрёк...

Подозрительность, проницательность... Отказ... Согласие, иронию, снисходительность, нежность...

Он сидел ровно, с высокого трона вперёд наклонясь, и лодочка тёплых рук владыки Там, стоявшего на одном колене, лежала в его очень холодных, сухих ладонях.

— Тигриные глаза, полосатая сущность неверная!.. Тайный зверодроид, — упрекал его Августейший, — ты и слово-то выбрал лишку сказавшее о тебе! Мало слов всяких на эсперанто?.. Оммаж!.. Человеком стать?.. Моим?.. Ой, ой... Или просто человеком?.. Оммаж, мало ли слов других... Я приму. Видишь, принимаю...

Холодный владыка поднял его, не отпуская рук, поцелуем коснувшись жёлтой ленты выше лба. Она закрутилась и обратно на волосы легла — перекрученная корона. Всё ещё корона...

С огромнейшим облегчением, которое невозможно скрыть, да и незачем, высший дроид обратно опустился, сел на ступени трона...

— Уф... Ха!.. У автономных дроидов случаются противоречия?

— А у высших — затмения?! Паузу, промежуток ты получил, не больше, пустую орбиту! Я-то принял, но благословляет Гелиотроп. Противоречия? Я дальше не вмешиваюсь. Не могу, не могу! Я — цербер, конструктор — он!

— А жаль...

— А уж мне-то как жаль!..

Дроиды переглянулись и расхохотались. Укоризненно качая головой, Августейший читал что-то, его лишь проницательности открытое, на самодовольном и просто довольном, породистом лице... Захлопал крыльями, пух полетел... Снова выдернул серое, маховое и грызёт:

— Брысь-ка, брысь, зверодроид!.. Из-за тебя без перьев останусь!.. О, ваши мысли нам, динозаврам древним всё сложнее читать!.. Скоро придётся вам договариваться совсем без нас, без каких бы то ни было посредников!.. Будете приходить к Гелиотропу, как к стократному Лалу, как со схемой, когда всё уже решено... Что, зверодроид, ты в пустой орбите как раз и заинтересован?.. Место, где спор раскачать? Турнир невозможен в неопределённом статусе...

— Возможен! — гордо и весело возразил Там. — Разоблачение невозможно! А против турнира, я всеми руками — за!..

— Ха-ха! А вот я на вепре выйду!

— Буду счастлив!..

— Ха-ха!.. Угадал я, трамплин всё-таки!.. В круг моего семейства ты не собираешься и зайти... Очень большое что-то на что-то маленькое надеешься обменять. Ищешь настолько большое, чтобы точно не отказали тебе.

— Возможно так... Но не рано ли ты заклеймил меня беглецом, владыка?

— Рано?.. Да где ты и прежде того был? До этого дня?.. Знаешь, за такую услугу ты должен мне откровенность! Почему все ищут тебя? Я захожу — ты дома. Гелиотроп заходит — ты дома. Для остальных нет тебя! Сад был удивлён, Доминго был недоволен. Нерешённое копиться. Владыка Снов, азимут твой осведомлялся про тебя у них, холодных тронов! Ну, куда это годится?.. От нас ты закрыт у себя, от остальных... На пограничных драконьих орбитах?.. Ловко!.. Только зачем?

— Недовольны? Удивлены?.. Разве в семействе Там случился какой непорядок, Владыка?

— Владыка! Там столько порядка в последнее время, что все мы, включая меня обеспокоены и удивлены!

Избыточно честный взгляд высшего дроида скатился по завитку нахмуренной брови. Августейшему — в пронзительные глаза древней машины...

— А чем вы дышите, автономные? Давно хотел спросить...

Серые крылья гневно хлопнули над головой.

— Я!.. Особенно тут!.. Шут — я, и я вопросом на вопрос отвечаю! Я, зверодроид, уже наполовину владыка тебе!.. Ишь ты... — он успокоился и расправил манишку. — О?.. У будущего, которое не случится, есть половина... Есть полвладыки... Стоит обдумать... В целом оно не случится, а две половины по отдельности не известно...

Паркет танцевального зала усеян был перьями, паяц грыз очередное:

— Вы — ими, мы — вами... — ответил задумчиво, подразумевая под "ними" людей.

— Неправда.

— Правда, в том смысле, что компас не фляжка с водой, но страшней потерять ориентир.

— А каждый день?

— Приходи, узнаешь! Оммаж... Полосатый интриган... А что если я буду спорить за тебя горячее, чем рассчитываешь? Что тогда?..

— Буду счастлив! — повторно воскликнул дроид.

— Ты уже что-то натворил! Другого объяснения нет! Но раз так, оставайся... — паяц подмигнул ему, и на стенах стальным куполом покрытой залы возникло отражение тёплого дроида в общей форме, но женской, девичьей под вуалями непрерывного исчезновения... — Оставайся сейчас. Мои красавицы каждый день заклинают о новой подруге. Из всех развлечений и игрушек хотят сильнее всего эту!.. Здесь, когда придёт Гелиотроп, тебе точно не грозит расплата, все нарушения обнуляются... Оставайся, будешь — дроид желания, Там-Август... Звучит?

"Не все обнуляются... — подумал дроид. — Но в этих пределах быть обнаруженным Гелиотропом, было бы наглостью эры!.."

Августейший внимательно изучал его черты, слушал его молчание и сказал:

— Той отказ — ответ на вопрос, почему.

— Да. Вам важней компас. Нам важней фляжка.

— Глоток? Один?.. Оставайся, глупец. Ещё распутываться и распутываться с твоим семейством...

— Намного. Важней и дороже.

Августейший склонился ещё ниже, не суетясь, закрыл тёплого дроида крыльями от отражённого металлического света. Создал затемнение, чтоб лучше видеть, как включают для того же свет... Несколько раз сказал: "О?.." Выругался, как ругаются Белые Драконы, пролетая над правым крылом Южного Рынка, и раскрыл ладони.

— Повторяй оммаж, словами и по всей форме.

Благосклонное внимание автономного дроида, отголосок всеобщего единства, позволяет высшему осознавать точку фокусировки каждой из своих орбит без усилия. А это — благословенный покой для дроида. Чисто дроидская его часть... Уравновешивает, умиротворяет...

На прощание поцеловал в лоб, и расстались.

Точка фокусировки орбиты, это не то, что "кружиться" по ней.

Кружатся "звёздные системы" технических дроидов. Состоящих в свою очередь из систем низшего порядка. И так вплоть до уровня, где нет дроида без антагониста. Вплоть до простейшего, подобного дроиду желания, огонька который одно из двух: лишь проявляется, лишь пропадает. Ответная фаза, движение антагониста превосходит в стремительности временное исчисление не условное, а фактическое, потому уничтожение невозможно. Пребывание тоже.

Точка фокусировки это и не центр. Это — тяготение, накопившееся в орбите. К

сохранению стабильного состояния. К смещению. К искажению. К уплотнению с соседними. Или тяготению к отстоящим далеко. Возможно, к непостоянству, как общей тенденции. "Дрожащие, мерцающие" орбиты. Есть и тенденция к тому, чтобы быть "тихой орбитой", просыпающейся лишь иногда.

Когда совпадают точки фокусировки многих орбит, происходят радикальные изменения в существе дроида. В статусе, в функции, принадлежности к первой расе. И, как правило, вслепую. В той или иной мере, но для самого высшего дроида — вслепую. Гелиотроп мог производить их руками, как конструктор, ясно видящий целое и частности.

Августейший же не сделал ничего. Позволил взглянуть на себя изнутри нарушителю, тёплому из четырёх главных тронов, утихомириться... И сам полюбопытствовал заодно! Он там такое увидел...

Глава 114

Глава 114.

"Вот и будь после этого хорошим!.. Провальная стратегия, ненадёжная тактика, всегда знал..." Густав усмехнулся. По удачном завершении не самого лёгкого дела, когда чёрный великан и подруга схватили Селену, как Тропку гонщики, раньше, чем успел проявиться её Белый Дракон, глаза Мурены полыхали зелёным пламенем. Испепеляли его. Гнева в них только прибыло.

С галдящей компанией в Архи Сад он не полетел. Зачем? Чего Густав забыл там... Обменялись с Бестом рукопожатиям и разлетелись в разные стороны.

И сразу к Буро не захотел. Чего он, как привязанный? Смеялся над такими, которых обуславливают предметы их собирательства, и незаметно для себя стал таким. После, завтра-послезавтра. Награда его ждёт. В чём можно быть уверенным, Бутон-биг-Надир и Южный — не отторжимы. Разве, на континенте образуется рынок ещё крупней!..

Густав устал, но сильнее усталости был переживание мягкости и тишины. Дней десять подряд, когда полудроид полудроида из объятий не мог выпускать даже на время недолго сна, не мог рядом посадить или поставить, подействовали так... Как общество Дрёмы на Гая... Комодо стал мягкой, подтаявшей, пластилиновой ящерицей... В преподробных деталях они обсудили судьбу окружавшего их мира, преобразования ждущие его. И о бывшем хозяине умница Селена речи не заводила, нотации закончились, всё ясно и так. Пирамидка — завершение ситуации для охотника, но Густав, не знавший примирений до этого момента мог только удивляться тому, что вот — ошибка его жива и здорова, и не исчезла из поля зрения, наоборот возвратилась, и тем не менее ситуация отпустила его, полностью завершённой ощущается... Хорошо, правильно завершённой. Густав приписал эту оценку ждущему их сотрудничеству на Техно, и всё такое, эту лёгкость и мягкость освобождения.

Вышли... Обозрев суету за рамой, Густав и недавнее прошлое окинул свежим взглядом. Оказалось с коллекцией он до смешного дико спешил! Как будто мог опоздать куда-то...

Он смеялся над своей поспешностью, а сам пикировал над Техно! Как будто мог опоздать! Приземлился, скатился с дракона... До Пан-Квадрата добежал... Нет Карата!

"Отсутствует господин Карат третий день..." Чёрт!..

Хан-Марик легконогий, позванивающий ножным браслетом очутился за спиной чуть не с первых шагов за рамой Южного... Но Густав никого не вёл, не охотился. Сопровождать нет надобности. Свернув на перекрёстке, Густав притормозил. Поравнялись.

— Как Лал призовой, — спросил он, — как, Марик, хозяйство?

— Путём. На месте. А ты? Успех?

Одним уголком рта дёрнув заносчиво, Густав усмехнулся: а то ж!..

— Куда бы нам направится, Маричка? Дома порядок... А не пойти ли нам, — подсчитал дни в уме, — на правое крыло?

Удивлённый немножечко, Хан-Марик выслушал, чего там происходить должно, и кивнул. Но сначала они переоделись.

Происходило вот что, и со временем Густав не просчитался...

Один из тамошних набирал команды в ученики. По конкурсу. Совмещая приятное с полезным. И ставки, и зрелище, и ничего фатального. Зрители ставили на специфику групп, кого куда возьмёт. Поединки короткие, им же и прекращались, едва определился. Претендентов много, зрителей ещё больше! Отлично. Мирное развлечение для правого крыла.

Сард, он был состоятелен, попасть в его ученики значило гарантированно прожить год-два, если, конечно, принимать формальные вызовы, а не ввязываться в уличные драки определённых рядов. За поединками он следил, имел право и богатство, чтобы их останавливать. "Право" обозначает в данном случае, что борцу сопернику или его покровителю лучше остановиться, когда просят... И откуп взять... В их же интересах... Эти год-два они только учились. Сард не зарабатывал на них.

Набирал группы Сард, движимый тем же, чем Дабл-Пирит, интересом образовать, выточать новый стиль... Смутным, интригующим предчувствием, что должно взрасти однажды что-то помимо очевидных, старых тенденций...

Подобно Карату, радеющему за развитие Техно, он выбирал не самых сильных, дело наживное, а самых оригинальных и чокнутых! Характерных. Сообразно темпераментам они попадали в несколько групп, где ожидал зачаток некоторого стиля.

Борец из группы кочевал и набирался опыта где ему угодно, по облачным борцовским рынкам под свою ответственность, избегая лишь поединков другой группы того же Сарда, их он даже не смотрел или не смотрел нарочно, регулярно. Половину времени гулял по свету, вторая половина отдавалась поединкам внутри группы, дружеским, обмену опытом, кто чего видел, кто чего придумал. Второй год заканчивался сериями боёв между его группами. Дружескими тоже. По итогу их борцы победители из группы, проигравшей по сумме боёв, переходили в группу победителей. Проигравшие отсеивались.

Сард искал не просто оригинального, лучшего! Усреднённое получая в итоге. Нет, у его ребят имелось много замечательных находок, приёмы, связки. Звёзды среди начинающих борцов вспыхивали иногда. Но не глобальный прорыв.

Как говорили Сарду друзья-приятели, за букетом соломок и марблс коротая время: "Да что тут можно изобрести!.." Они откровенно зарабатывали на покровительственном страховании, выбирая ординарных и сильных: девять боёв он выигрывает и делится, с десятого выкупаю, не разорюсь. Самый частый и гадкий способ предательства на правом крыле: кинуть, не выкупить с этого, условно десятого боя... Популярность же Сарда, преданного борьбе как искусству, которую отражало и количество претендентов в ученики, объяснялась как всегда — репутацией. Он своих мальчиков не бросал, расставался честно. И бывшим ученикам покровительствовал.

Неудивительно, что вельможа Сард имел много друзей на левом крыле, и часто его насовсем туда зазывали. Причём... Вир не звал, главный Вир... А Гули, фазаний лидер, — смешное имя, да, Голубок, — бессменный, не замеченный за тренировками, и не знавший поражений, загадочная личность, звал... И борцы от Сарда же туда перешедшие, и местные звали, Агат... Говоря, что на левом, очевидно, ему место. Сард возражал: "Если вам нравится то, что я делаю, почему хотите, чтобы я перестал?.." Возражал, когда поддевали его: "Скажи, душно у нас для тебя? Тесно хищнику в рамках? Разбойнику с облачных рынков?.." Намекали на его прошлое. "У вас просто песня!.." — не вёлся на это Сард.

Агату однажды ответил, в печали, потерял борца, да ещё и должен отомстить, обязан... Агат звал его в очередной раз, к ним, утешал, попросту. «Спасибо, друг, не пойду, на правом останусь...» Сказал при расставании, хлопнув известным, братским жестом по колену, когда одна рука с ладони другой соскальзывает: «Добро надо делать, где оно неуместно... А то будущее не наступит». Так что он не совсем чтоб простой человек, вельможа, борец, нераскаявшийся хищник Сард.

Первый отборочный день Густав с Мариком пропустили. Второй в разгаре. Всё шло своим ходом. Взнос за попытку маленький. Сард лишь тем и выделялся, что вставал прекращать затянувшиеся поединки. И "маркировал" соперников, перераспределяя.

Густаву требовалось что-то такое. В шатрах своих игровых засиделся, после пешком находился. Теперь или гонки или потасовки! Для прогулки в тех рядах правого крыла, где приветствуются вне-шатровые, уличные драки он был недостаточно собран. Тут — самое оно, да ещё Хан-Марик за страховку.

Продолжать — вряд ли, даже и выходить в последний отборочный круг Густав не рассчитывал. Но, откройся такая возможность, симпатичный ценный подарок не даст огорчится устроителю.

Сардом была заявлена готовность содержать два года четыре группы по двенадцать человек, затем соревнования, и ещё год — две из них образующиеся. После — финальные бои. Нормальная схема. В этих, общих чертах.

Дальше пошли причуды богатея и одновременно — точный расчёт опытного устроителя забав.

Требований по специфике отбора Сард не указал никаких. Делайте ставки! Гадайте!.. Указал цвета, именования четвёрок: Олимпик — это вид светлого золота, Чешуя — это вид тёмного серебра, Пать — это не от соков древесных, то «падь», и такая группа уже была, а от патины на обсидиановых камнях, редком явлении, мох, цвет матово-зелёный на глянцево-чёрном, и Пена — это, соответственно, белый, полупрозрачный цвет.

Все четыре у полудроидов в целом и борцов в частности вызывают широкий ряд ассоциаций. На какую ориентируется Сард? И в чём может проявиться она? В чём угодно. От способа входит в бой до телосложения, от темперамента до оружия простирались возможные варианты.

А способ "маркировать" был бесцеремонен и вполне уместен на карнавале, где он распорядитель, и нет межсобойчиков, личных счетов. Прерывая схватку, Сард одаривал мордочки краской одного из упомянутых цветов, пальцами, широкими полосами! Стирал прежнее, когда места не оставалось, добавлял один или несколько цветов. И как ему угодно тасовал их, размеченных, дальше.

Краска пахла приятно, свежо и холодила, была густой, не стекающей. Ближе к перерыву, обещающему много холодной, бесплатной воды связных Впечатлений, от жажды у борца возникало порой искушение в захвате лизнуть мордочку напротив! Хорошенькую и азартную, измазанную!.. И да, хищник правого крыла, Сард брал хозяек в ученики свободно, казалось, даже предпочитал иметь девушек некоторый процент.

Благодаря столь скудному набору ориентиров и широкому полю догадок ставки вначале отборочного турнира были высоки по одной причине, ближе к завершению — по другой. И тоже высоки! Сначала ничего не понятно, в конце, и круг уже и признаки есть, но тем нежданнее удачи и обломы. Кто-то умазан всеми цветами, кто-то одним... Кто-то выходит против борца с такой краской на мордочке, против какового Сард ещё не ставил его. Вельможа опытный шоумен.

Переодеться Густаву с Хан-Мариком требовалось уравниловки сардовой ради. Приходили

все одинаковыми, под виров. То есть, почти голые. Кто предпочитал оружие, брал его открыто, можно в одном украшении или в волосах. Марик не имел, и Густав не взял.

Шумно, пыльно. Динамично и весело. Куча борцов на втором отборочном дне, устать не устанешь, но и заскучать не удастся.

Густав поймал себя на том, что отдыхая, в перерывах, на чужие поединки глядя, смотрит не по делу, не как борец, а присматривает красивые, рельефные тела для своего игрового шатра. Для боёв-кобры. Привык уже, не вольным, гуляющим, охотником видел себя, а вельможей. Плохо, не гут...

День прошёл, вечернее угощение — много холодной воды! На ночь не расходились, сухой сезон.

Эта площадь правого крыла, освобождённая от шатров до утра, превратилась в филиал Мелоди. Озаряемый сигнальными звёздами… Спиральными, прямыми, распускающимися лепесток за лепестком… С шипением, с грохотом фейерверка разбрасывающими лучи... Чтобы до утра собирать...

Капри, козьи пляски шли через один! Через одну песню, через один замысловатый хоровод, начинал скакать хоровой буйный, незамысловатый, распугивая людей с ними незнакомых. Фууу!..

Но разбежавшиеся мигом собирались обратно. Среди завитков серпантина, звёздного конфетти по пыльной земле рассыпанного общее что-то пропеть, чью-то руку накрыть на груди, а свою отдать на этот лишь танец. А может быть, и на следующий... «Хоть бы Сард выбрал тебя завтра, красавица, не место тебе без покровителя на правом крыле...» — «Да кто первый выдумал эти козьи брыкания?!» — «Ха-ха, разойдись, догоню!..»

Бездна светозарная фейерверков, словно копили год... И с нежным свистом влетают, щебечут, поют... Зрители гуляли, борцы отсыпались!

Так же провели и следующее утро до полудня.

Затем Сард уже сосредоточенно отбирал и отсеивал. Хан-Марик от себя и от Густава вручил ему по коллекционной бутылке "башенке", именной, то есть связные Впечатления подобранные каким-то мастером, пьющиеся подряд через соломку, по "этажам башенки". Вздохнул, принимая, хороший подарок. "Не за что!.. — сказал в ответ на выражение признательности, он же заработал на них... И распрощались. С неприкрытым сожалением Сард проводил глазами Хан-Марика, вымазанного краской всех четырёх цветов, не проявившего и десятой доли своей силы.

Густав был мазан Патью и чуть тёмно-серого серебра. Зелёные, мелкой обсидиановой пылью блестящие усы расходились по щекам до ушей, вертикальные серебряные полосы на скулы и через глаза на лоб... Марик ещё красивей! Два ненормально усатых кота они глянули друг на друга и расхохотались! Очутившись в "нормальных" торговых рядах, полуголые, пыльные и усатые. Для Густава первый опыт в вировом обличье и подраться и погулять. Несолидно!..

Рыночные полудроиды, беспокойные, с каким-то внутренним изъяном или наоборот преимуществом перед затворниками миров, исподволь, сходом времени образовывали общую культуру с выделившимися основными чертами. В ней людей укрытых с ног до головы, носящих вуали, маски и полумаски постоянно, не сходящих на Мелоди с дракона, не отдаляющихся на Южном от своего шатра, гораздо больше чем везде-гуляк, открытых и внешне. Одежда

достигает двух противоположных целей — выделиться и обособиться. Но статус и популярность связаны с открытым лицом. Что бы оно ни значило, безбашенный он, опасный, честный, имеющий сильных друзей, статус полудроида, это открытое «вот — я!..» А роскошь — с обнажённым телом и украшениями на нём...

Густаву — непривычно, что-то дурацки-средне, будто в дешёвой рисованной маске. Хотя его-то до самого полога в таком виде никто бы не признал! Но не тянуло разгуливать в таком виде. Предполагалось, что Марик возвращается за игровыми шатрами смотреть, а Густав... Рама Южного — вон, рядом...

— Ух! Теперь через тучки до дома — умыться!..

— Приглашаешь? — бросил Марик как обычно, и раза не пропустил.

Это стало чем-то вроде "пока, до встречи". Поначалу, на заре знакомства напрашивался, со временем перестал.

Густав остановился. А что? Впереди Джокер. Господин Сома. Срок окончательного расчёта… Нет, Густав не планировал остаться без дракона и на день раньше неизбежного. Но почему не пригласить...

Расчёт... В какой форме? Обязан Господина Сому спросить. «Что если Маричке продолжить существование чем-то с виду живым? Потенциально живым… Страусом в песках расхаживающим?.. Зверьком с картины, куницей?.. Горностаем?.. Чем-то поярче... Красной, огненной куницей, Лиски-намо?.. Тьфу!.. Придёт же такое в голову!.. А не напускное ли твоё безрассудство?.. Проявится ли она там, где бесполезна твоя сила?.. Всерьёз ли ты, Маричка, набивался в гости всё это время? Сейчас мы и выясним!..»

Густав простёр руку на вход с Южного, словно не "из", а за раму приглашая, и качнул головой:

— Полетели.

Зря сомневался. Серые глазищи Хан-Марика сделались абсолютно круглыми, как у совы!.. Да такими и остались... Но не переспросил, решил, если послышалось, само обнаружится!

Поменялись местами, ха-ха, Густав спешил за его плечом пыльным, серебряным, пробираясь к раме!.. «Серебряный, и я не лучше, ха-ха, не угнаться!.. Смешной Марик, придурочный, без тормозов... Не лицемерил он со мной... И что они все увидеть надеются в пустом, испорченном мире?! Интрига, дроиды светлые!.. Сад на месте Центрального, это, да, невероятное преображение. А ко мне, из пыли в песок?.. Маричка, Маричка... Хан-Марик... Пускай погостит...»

"Делегация что ли к кому?.. Откуда столько народу?.." Пробирались, от них сторонились, отряхивались... Густав догонял, отставал и смеялся про себя: "Сила сокрытого!.. Эльдорадо ожидается там, в испорченном мире? Сокровищница комодо?.. Ну, Марику-то любопытство простительно, ни в каком Собственном Мире он не был, наверняка. Чёрт, жаль!.. Передоговориться, поторговаться с Сомой? Да он меня засмеёт. Предложить Пурпурный Лал? Да на что ему Лал, он хочет жить спокойно... Не выгорит у меня, придётся отдать Маричку. Жаль отдавать, но придётся... Кстати о Лале, Шаман мне больше не нужен... Не нужно такое скопленье одних и тех же людей. Вот люди!.. Насколько теперь важна им пурпурная приманка?.. Что измениться если на место Лала соломинку положу, патокой залепленную? Ничего не изменится. Ни-че-го! Даже больше интриги!.. Я предоставил им только место и злую идею. Сами тянуться, платят, чтобы зайти туда! Или оставить им?.. Для себя же хочу... Стол карточный, и не там, на задворках. А там, для виду... Проходное что-то... Напротив чего, жить спокойно, не переставлять же шатёр жилой. Без борцов и трагедий... С Шаманом можно расставаться, Биг-Фазана обрадовать. И придумать новый аттракцион. Не глобальное что-то, не как Сард. Он расчётливый, Сард, умный. И на виду вроде, и всё по касательной, всё слегка... Мог

бы иначе, иную собрать команду..."

Карат однажды, на свой богатый, давнишний опыт ориентируясь, сказал Густаву:

— Нетрудно подмять правое крыло, а, с него начав, и целиком Южный. Набрать команду, тренировать как небесных борцов, и там, на облачных рынках, где полоса препятствий. Где каждый шаг — как против течения. Удар — как сквозь толщу песка. Где луч тени ядовитой прыгает, бесится не хуже вашей Секундной Стрелки, учит быстрей и больней. Там сардовским подходом обстругать из лучших костяк. На материке им не будет равных.

Густав очнулся на излёте паузы, её не заметив:

— И что?..

Чувствуется, недоговорил. Но Карат считал, его мысль ясна:

— Что?..

— Ну, да. Почему вы, ты или он так не сделаете? Власть...

— Именно, что власть. Ненавидеть станут. Практически сразу. Хоть ангелом будь! Едва устоится власть, её немедленно начинают ненавидеть, закон природы! Разбегутся, по норам морозиться станут...

— Помилуй, к могуществу липнут, льнут! Примазываются!

— К богатству, вельможный курсик, к брызгам летящим от...

— А ты прежде, Биг-Фазаном...

— …одиночкой! Я неуёмный одиночка был, ненависть, это другое, меня просто боялись!

Густав вспомнил, следуя за Ханом, то теряя из виду, то находя, и кивнул мысленно, согласился. Группировки лишь для игр годятся. Власть — для покровительства. Сард устроился в высшей степени ловко. Да и одиночке никак нельзя без тайны, и без наглядных слабостей, без поражений.

Очевидность принижает особость. Корона на голове. Парча, скрывающая ноги-тумбы, топанье не скрывающая, всё это снижает пафос. Во всякой демонстративности есть элемент самоиронии. Про Бутон-биг-Надира Густав сейчас лишь задумался: "Буро мог бы тщательней и успешней скрывать печать Великого Моря на нём!.. Даже он нуждается быть очевидным. Предсказуемым, добреньким!.. Он всерьёз ненавидит меня... За что, интересно? Вроде не схлёстывались. Не понятно, не гут..."

Насчёт, ненавидит, точно. А насчёт, печати Великого Моря, нет, тщательнее не мог бы. На пределе.

Существуют ведь с давних пор и борцовские, — фазаньи, вировы — "Своды", философии и кодексы. "Сведённое и стенами, — опорой, — являющееся". Чтоб не сносило крышу! Отсутствие письменной традиции пошло в данном случае на пользу. Определения ёмки, сжаты, афористичны. Образны порой излишне, в широких границах интерпретаций.

Образовались как таковые Своды в процессе обособления левого, не так давнишнего, крыла. Карат упоминал, что задолго до того, когда хулиганы, не называясь борцами, искали друг друга, как соперников, как приключений, кочуя в небе и по рынкам, когда и кулачный бой не отделился в своё течение, попытка захвата власти была. И со стороны как раз тех, кто станет подлинными фазанами. Ими двигала не жадность, как они заявляли. И не властолюбие, в чём пытались убедить себя.

Фазаны "солнечные", они не признавали отододи, технических приспособлений, узлов, рассчитанных лишь на затягивание. Не признавали душения после ударов, требующих времени регенерации, ударов по глазам. То есть, они были "хорошие", "солнечные" фазаны. Без иронии! Своды их тоже. По сути, правила левого крыла, его будущих законов. Но эта "хорошесть" им нисколечки не помогла!

Фазаны — хозяева рядов…

Порядки простые. Налог маленький... На спокойствие. Подставные гуляки-фазаны, провокации грабежей. Вызовы, которые нельзя отклонить. Посмотреть, что в постоянном шатре за торговец. И торговец ли...

У них была такая здравая идея...

Пример того, что абсолютное неприменимо к частному, обобщение отношения не имеет к обобщаемому, а просто выходит наружу, в другую систему координат, живёт там, среди равновеликих ему категорий...

Идея в том, что заранее известные правила игры, любые — чудовищно несправедливы. Несправедливы и общие для всех. То есть око-за-око, такого типа. Что, решает всегда нападающий? И хоть у полудроидов такое невозможно, но как быть с уже одноглазыми людьми? Говорило в них полудроидское свободолюбие и ненависть к обозначенному словами будущему! Вылилось в одну фразу: произвол в ответ на произвол. То, что мы декларируем — наше дело. То как вы реагируете — ваше дело. Никто ни на кого не обижается.

Торговец, отказавший фазану в маленьком подарке, особых проблем не получал... Отказавшийся от поединка уличный разбойник? Уже хуже, ему будут предлагать вновь и вновь... А пойманный на грабеже становился известен всей группе, становился игрушкой для всех. Ходить по Центральному для него теперь проблематично. Не свирепые по характеру группы, они устраивали то, что называется простым словом травля. И непоследовательность этих «солнечных фазанов» пугала народ больше всего. Выход — как всегда, во все времена, — присоединение к группе.

Ничего дурного. Принципы похожи на левое крыло Южного… Но… Организовывался-то новый порядок — ими. Поддерживался — ими. А правого, ныне вольного крыла, как бы, — не должно вовсе быть!

На первых порах сорганизовались «солнечные фазаны» без заморочек. Им как бы нечего было делить поначалу. Ряды? Время дня на шатание по ним?.. Обязательное или как?.. Сеть на рынок набросили легко. Ну, легко, означает, часть рыбок разбежалась, часть подчинилась для виду. Кто-то был согласен с ними.

А дальше всё пошло предсказуемо плохо. Наперекосяк. Кто способен контролировать огромный Центральный Рынок? Просторный был, не то, что Южный. Грабежей и уличных хулиганов опасались в неурочные часы, да в кривых переулках. «Солнечных фазанов» — стали бояться во всех углах. Избегать. Исчезновение с пирамидок и гибель в поединках некоторых "солнечных" ожесточили их. Врагов стали искать целенаправленно и упрямо.

Началась скука. Пошли грабежи с их стороны. Они не заявляли обязательств не грабить! Особенно в порядке наказания, штрафов. Предупреждения. Пошла внутренняя грызня. Под конец они больше следили друг за другом, чем за порядком. И когда потихоньку да поодиночке стали возвращаться бежавшие с рынка... А не все из них прятались в Собственных Мирах, некоторые набирали опыт и силу, "солнечным" не поздоровилось...

Ну, а так как узурпаторы были прото-фазанами, с поражением их укрепилась и возросла философия противников, будущих виров. "Три кольца", три свободы "от"... Одежды. Оружия.

Обстоятельств. Расширение такое... Обстоятельств в смысле и навязанных извне условий, и страха. И отсутствия того же — оружия, одежды. Вир всегда вир, в любой ситуации. Бесстрашен и открыт.

Даже клятвы не отнимать жизнь на нынешнем левом крыле у них звучат по-разному.

У фазанов — обещаю раз и навсегда. До смерти. Перепрыгивая все завтрашние дни одним фазаньим прыжком.

А у виров — обещаю помнить во всякий момент. Всякий день. Вир принимает это решение не для себя, а для каждого нового дня и противника, при каждом новом вызове вспоминает. Свободно принимает обет, каждый раз заново, не связанный даже своими прошлыми решениями.

Собственно, Карат изложил всё это мимоходом, ради одной фразы, что запала ему.

Уже противостояние позади, кто выжил, перемирились. И двое в большой компании из противоположных лагерей, Вир, тот, что теперь главный на левом, и один из «фазанов солнечных», феноменальной отвязности птица, с неба вернувшись, вспоминали прошлые дела.

Косточки кому-то перемывали по делам текущим... "Солнечный" сказал, что не верит в его благие намерения. А Вир сказал, что полностью верит, но вот в чём дело...

Их, фазаний костюм назывался "пёрышки" или "плащик". Уменьшительное, в шутку, в насмешку...

И Вир сказал, что если "плащик" белый, кто же поспорит с тем, что он белый, когда оно видно. Но у каждого белого пера не больше его и не меньше лежит тень на обратной стороне. А если перевернуть, то на другой стороне образуется... К какой клятве, к которому слову в принципе не приставить "не"? Друг — недруг, люблю — ненавижу, «солнечный» фазан — не? Обещаю — не? Какое слово не допускает этого?.. "Солнечный" засмеялся:

— Ну, разве сами они: да и нет!.. Хотя... Да, нет... Нет, да... Ха-ха, безнадёжные попытки!.. Друг-враг! Враг-друг!.. Долго ли!.. Время — вот что не допускает этого! К молчанию — нельзя присобачить "нет"! Закрыть рот, сказав одно из двух!

— Вот именно! — указательный палец в небо уставил Вир. — Молчание, нагота. Ваши воинственные крики громки, пёрышки красиво блестят, и плащики красиво развеваются, и сколько можно нашить на них знаков отличий!.. Но изнанка объединяет всё. Тень. У всех одинаковая, неизбежное эхо. Поэтому я предпочитаю голых людей. И молчание. Чешуя примыкает плотно...

— Змея! — резюмировал фазан.

— Курица! — откликнулся Вир.

— Курица, червяк?!

— Попробуй, клюнь! Чего клювом впустую щёлкаешь?..

Их девушки, фыркнув, покачали головами. Они дружили крепче и давно. Прошедшая войнушка задела всех, кого косвенно, кого прямо, опасность новой размолвки пугала...

Давние дела. Густав задумался, а кто он сам по стилю, как охотник? Как борец — фазан. А варан комодо, зверь ящерица... Скорей вир, без планов, принципов. И антураж не главное. Так думал... Гад он ползучий, это конечно, но никакой не вир.

Тучек не встретилось им, кругалями летать не хотелось, когда уже виден Собственный Мир.

Хан-Марик стоял на входной раме и держал её. Крепко. Так, будто собирался оторвать и унести. «Чучело!.. Ужас Южного...» В одной лишь набедренной повязке, ноги расставлены, руки раскинуты, железные, пыльные, блестящие, изумление с мордочки так и не сошло. Полосы от размашистых отметок Сарда слились. Бело-золотая, серо-серебряная, в разводах зелёной Пати рожица. Серьёзная, недоверчивая, с круглыми глазами... «Неужели задумался о безопасности, о жизни своей, чумазый Маричка?..» Не, явно о чём-то другом...

— Па-пам!.. Заходи!..

Густав простёр приглашающую руку и увидел, как водной гладью беззвучно дрогнуло зеркало рамы, невидимая и непреодолимая преграда. Хан-Марик словно вынырнул сквозь неё на другом берегу. Краткий слегка торжественный момент... Следом пошла такая чехарда!..

— Пить у меня нечего, сходу признал Густав, представления о гостеприимстве у полудроидов в крови, а запасливость нет. — Кроме воды, ха-ха! Обычной воды, фонтан внизу, это есть.

— Я — гость, я — гость в мире... — несколько раз прошептал Марик, осознавая этот факт, и закончил невинной, быстрой просьбой. — Гус, можно я превращу себе немного золота? Из песка?.. Вопрос...

— Ха-ха, не вопрос!

Хан-Марик зачерпнул пригоршню, нахмурился в неё, как получил оттуда смертельное оскорбление, и помахал рукой вверх-вниз. Безрезультатно. Насмешив Густава ещё сильней!.. "Похоже, на континенте он и раз не воспользовался властью левой руки изгнанника!.. Чудовище Маричка, странное существо!.."

— Левой! — воскликнул Густав. — Наоборот пересыпь!

— А!.. Ага...

"Смех, да и только..." — успел подумать хозяин...

Мир его вздрогнул, земля его подскочила, как марблс при ударе рукой по столу! Их подбросило, и в небо вырвался от песчаных барханов яркий блеск, запылил свет дня. Кружился, метался, блёстками медленно стал оседать... Золото...

— Марик! Хан, чёрт! — Густав толкнул его, хохоча, озираясь в бешенстве. — Демон неморской, о чём ты думал?! Чего т-ты наделал?!

— Во-вот... — ответно заикнулся Марик, протягивая сквозь пальцы утекающую пригоршню, выросшую в объёме один к одному. — Н-не знаю почему так получилось...

Лизнул прилипшее к ладони. Похрустел. Золото с песком...

— На чём ты сконцентрировался?!

— На п-песке...

— О-ррр!.. До чего же мне не везёт с гостями!..

Марик быстро оправился от шока пробного превращения. Неудачного… Но свершившегося!..

— Брось, Гус, не переживай!.. Чего? Повыше стоим, да разве небо кончится?..

— Терпение кончится у меня!..

Густав обернулся к особняку, видневшемуся в низине. Далеко. Сквозь опадающие блёстки, легче и мельче песка... Вспомнил, сколько боролся с мариковыми золотыми рукавами и

воротом... А тот мановением руки узолотил весь его мир !.. Чёрт!.. Один сто в его пользу, игра окончена!"

Масляные и в блёстках... Шагать до фонтана?.. Если там вымыться, будет плавать всегда..."

— Маричка, — вкрадчиво, осторожно спросил Густав, — а ты понимаешь дождик?.. Видел дождик когда-нибудь?.. Берёшь золотинку на ладонь и делаешь помыться... Над нами, ладно? Не по числу песка, а то снесёт нас ко всем чертям, смоет, и к раме не возвратимся. Аккуратный, временный дождик, не навсегда, а?

Хан-Марик поднял брови и одно плечо: попытаюсь... Уставился на золотую, липкую, тёмную ладонь, пальцы напряжённо растопырив... "Сейчас я лишусь мира... — подумал проницательный Густав. — Сейчас он утопит нас, и я стану подводным Густавом навечно... Гут, гут, ха-ха-ха!.. Такое чудовище Подводный Гус... Я буду подплывать к раме и выплюхиваться через неё в небо... Дроида не позвав... И мой дракон в десятом или сотом падении поймает меня за ухо и откусит мне его, наконец..."

Левая тёмная ладонь, мелькнула, поднялась к небу... И дождь полился на них!.. Потоками!.. Гость мыслил масштабно!.. Струи дождя едва не сбивали с ног. Да нет, сбивали!.. Размыли песчано-золотые барханы за минуту, а крут в низину наклон. Уже изрытый, изъеденный глубокими, меняющими форму, стремительно углубляющимися ущельями. Золотые ручьи мчались вниз! И хозяин с гостем кубарем катились!.. "Да когда же наступит тот день, что я ногами туда сойду?! То один придурок, то другой!.. Дроиды, особняк затопит с покрышкой!.."

Зато вымылись в миг! Наклон стал положе и они смогли задержаться...

— Ландшафтный гений!.. — прокричал Густав сквозь шум ливня, сквозь смех. — Ливень прекратится когда-нибудь?!

Марик поднял другое плечо и брови ещё выше...

— А что, плохо?! — нагло выкрикнул он в ответ.

Под угрожающим жестом отпрыгнул и покатился дальше вниз. Весь, как есть, золотой! В мокром золоте весь-весь!.. "Счастливое чучело!.." Густав последовал его примеру, нечего терять. На водной горке золотого ручья скатился, и оба попали в зону, где дождь-таки ослабел. Капал, не лил потоками. Впитывался в песок. Стоять можно.

— Утихнет, — торопливо замахал на него Марик, примирительно. — И ты утихни! Я думал о — вечернем — дожде.

— Еже-вечернем?.. — с прежней вкрадчивостью уточнил Густав.

Хан-Марик опустил голову:

— Да, пожалуй...

— Страшно представить, что ты натворишь, если я попрошу вернуть всё, как было...

— Давай не будем? Я не знаю, как вернуть...

Они обернулись.

Над смываемыми, размываемыми барханами стена прозрачного дождя рушилась с ясного неба.

— Ааа?.. — Густав оглядел небеса. — А туча? Ну, дико выглядит, нет? Гений, добавь тучу. Реабилитируйся. Надеюсь, это не сложно?.. Обычную видимость!..

Не кивнув, а клюнув головой, Марик улыбнулся заранее виновато. И обещательно, и довольно. Долго шарил в мокром песке, откуда там взяться? В своём кармане нашарил песчинку-камешек. Щёлкнул, как марблс с ладони, в сторону дождя и взмахнул рукой...

Вышло! Туча появилась! Не над дождём, под ним... Лохматая, как шкура, кудрявая и лохматая, пробиваемая струями с ясного неба...

— Почемууу?! — взвыл Густав. — Марик, почему она — зелёная?! На земле — почемууу?! Ау!.. Оррр, Марик!

— Ой, — сказал Марик.

Покосившись на стену дождя, он снова занёс руку и кому-то объявил:

— Значит, цвет поменять... И ветер добавить!..

— Ой, — сказал Густав.

Но поздно…

Ветер, это именно то, чего не хватало!.. Счастье-то какое — основная мощь его мчалась поверху!..

Зелёная туча дрогнула, курчавой лягушкой прыгнула в зенит и пошла колобродить по небу бешеными, непредсказуемыми рывками! Меняя формы и цвета, синея, желтея, расползаясь... Изображая живность, лиственность, человекообразность! Горы! Сооружения!.. Части зверей — с фундаментами, с пожаром солнца во лбу, колокольни с рогами, маяки с ушами!.. Между острых ушей — огонь...

Фиолетовый, мрачный колокол, мохнатый первоначальной мохнатостью тучи, старался, старался покачнуться на ветру... И был унесён им... И расплылся лохматыми блинами... Жутко скосив глаза голубых просветов, два лиловых блина смотрели вниз с упрёком!.. Слились в один, в один рот, ухмылку, пасть, в одну глотку... Длиннющий язык показала она двоим, уже не способным смеяться!.. И он встал — очередной колокольней!..

"О, дроиды, чуждые безднам морским!.. Марик сдвинут на высотных сооружениях?.." Не, у него имелась звезда коллекции — музыкальная шкатулка в виде маяка, весь секрет!.. Маяки, смотровые башни и колокольни обрастали лапками, закручивались в рог... Землемеркой, складываясь пополам, ползли с края до края неба... Горизонтально вставали маяки на лапах морских многоножек, чтобы подпрыгнуть с разбегу и оказаться над, — чёрт, уже над! — дождём... Туче-башни, башни-звери гнулись, катились, извивались в припадке, как бились со смеху гость и хозяин мира на мокром золотом песке!.. Передразнивали, кажется! Молнии иногда сверкали!..

Свободно и лихо туча перешла от первосортного физиологического безумия к геометрической красоте, дивной чёткости. Вместо курчавых лохмотьев — круги в круги, объединённые следующими кругами, танцующие парно, хороводно и одиночно, каждый своё... Туча на это удивилась сама и перешла к сносному репертуару в нежных тонах... Абрикосовые россыпи, облачка, барашки...

Мариково махание руками, быть не может, возымело эффект... Но почему-то он не мог прицелиться над дождик, отчаялся!.. Махнул резко, кулаком!..

«Хватит пастельных тонов?» — так поняла тучка... Чёрно-лиловая стопа, отрубленная, украшенная сверху взбитыми сливками собралась, пнула ливень, над головами их топнула, и молния ударила из пятки!.. Ааа!.. Густав катался, держась за живот, орать не мог, простонал только:

— Прекрати это!.. Как хочешь, прекрати!

Марик, в очередной раз, запутавшись в правой-левой руках, взмахнул для верности обеими... Сосредоточился, камешков в небо не швыряя, на своём умозрительном ветре... Туча шарахнулась... Опять прочь от дождя! Распалась на зарево... И собралась над особняком. Полупрозрачная, правильных очертаний.

— Отменно... — Густав сел, всё ещё держась за живот и всхлипывая от смеха. — На пороге ливень ниоткуда, над домом — здоровенное яблоко!

— Ладно тебе, это похоже на облако...

— А облако — на яблоко! Белое...

— Цвет изменить?

— Ни в коем случае! Хватит!

Облако, меж тем, закончило превращения, порозовело, подрастворилось и стало похоже не на яблоко с веткой и листом, а как Белый Дракон пролетает на заре сквозь барашки-облачка. Густав мог бы признать, что выглядит неплохо... Но летит он так медленно... Где крылья кончаются? И где его всадник?..

Они спустились к особняку. Затоплен. Шли по пояс в воде... Густав сладострастно перечислял вслух, во что превратит Марика, как только дойдут, чтобы немного утешиться... Марик ловил золото руками и кивал на каждый вариант. По пояс, затем и по шею... Возвышение...

Фонтан бил, воды точно по парапет. Спадает. Золото в основном осело, но кое-где, плёнкой сбившись, плавало на поверхности. Марик залез в чашу и упоённо начал ловить золотую пелену ртом, а Густав сел на парапете. "Нет, ну какое чучело..."

— Никаких исправлений больше! Слышишь меня?

— Угу… — кивнул тот, глотая золотую взвесь, и окунул голову, чтобы пускать пузыри.

"Марик, пропасть мне в Великом Море, я свернул куда-то не туда, когда-то не тогда, чучело... В Горькие Холмы зашёл, но не вышел. И всё, что вокруг, с тех пор лишь кажется... А я там остался... Нечего мне противопоставить корню горечи, вросшему в них, вросшему в любого, кто видел. Гарольду противопоставить нечего... Рёву его. Чёрному... Не вспоминать, не накликать!.."

— Вылазь, чучело... Я тебя одного не оставлю тут, начнёшь руками махать...

Ночевали в затопленном доме на втором этаже. К утру первый этаж был сух, и лестница, и по барханам ветер гонял золотые смерчи, а сквозняк по паркету — золотистые позёмки... К вечеру всё повторится снова.

Глава 115

Глава 115.

Обоснованно ли, нет, за грехи какие, за отличия, не видимые ей самой, до последних событий обзывали хищницей Мурену, она не знала. Наступил момент, когда согласилась отчасти, сама почувствовала себя чужой. Не хищницей, но от изгнанников Архи Сада отдельной. Непонятой, и велика бы важность.. Не понимающей! Это куда странней. И внезапней. Разумеется, Селена вольна прощать... Но есть же предел! И невозмутимость Беста выходила за грань понимания... Или на расчётливости покоится его флегматичность?.. Ещё хуже.

Её заносило... Сначала в гневе, теперь в глухой непримиримости. Не удавалось понять... Ветер относил её ближе и ближе к морю, дальше и дальше от небесного, от земного...

«Все странные какие-то... Поговорить с Изумрудом? Изумруд — это серьёзно. А поговорить — не серьёзно!» У него не станешь искать хитроумных решений и помощи в самокопании. Из-за простых проблем… А все проблемы простые! Так бы сказал он, так бы и сделал! И она. Мурене элементарно не повезло с косяками Ро. Тайна же — не её тайна...

Близкой душой оказался Олив, обязанный Мурене. И у Господина Сомы выспросила, что могла про охотника, про гнусную ящерицу комодо. Оказалось, с этими двумя не требуется выдавать чужие тайны, чтоб перейти от упоминания имени Густава к теме: "Как таких земля носит и драконы на белых крыльях?!" Они не знали как! Но с ними можно было это обсудить.

Нежданный спутник появился у Мурены, летавшей в сторону Морских Чудовищ. Раз за разом им оказывалось по пути... Она не звала, не думала, что маленький дружочек решиться... Амиго. Жизнь полна загогулин и поворотов.

От проклятий комодо к тайнам комодо... Предпочтениям, приёмам... Доминантам... От скрываемого борцовского опыта, к предмету открытого коллекционирования... К проклятой колоде. От Олива к Бутон-биг-Надиру. Бест с Муреной, так вышло, общались с ним по-отдельности...

Биг-Буро причину её появления враз понял! Зеленоглазая хищница моря... Мурена уже остыла, уже не столько планировала месть за подругу, поехавшую умом, сколько пыталась разобраться, как устроены другие люди изнутри... Не как она сама, определённо! Нет, ну, такое — простить?!

— О двенадцати из песенки?.. — ласково проворчал Буро. — Про тех, которые, "если нам закрыто небо, нам открыто море"? Немножко знаю, но... В принципе, нет необходимости так углубляться в дебри чужих, гнилых душ, чтобы скроить добротную охоту! За этим пришла?.. В подробности чужого коллекционирования... Но если тебе интересно...

— Дак, оууу!.. Я не в подробности его и углубила! Дак, он, гад — всплыл!..

Буро расхохотался, утешительно поцеловал и погладил Мурене розовую ручку:

— Да, Густав плавучий тип, скользкий! Только кажется мне, что если тебя отторгает даже Великое Море, всепринимающее, нечему радоваться... Сделаем так... Не боишься, красавица цвета зари, юноше Киту сестра, по ночам гулять? Обидел вопросом, вижу? Ты и Котиничке, как младшая сестра, лицом... Только ли им?.. Уже сравнивали тебя с Женщиной в Красном? Вы похожи, сравнивали не зря... Рад буду видеть тебя после заката. Днём, глянь, — Буро качнул головой на группу, ждущую поодаль, — ходят, как с себе домой! Дёргают. Шумно и покоя нет.

Туман их разгонит. А тебя не отпугнёт. Услышишь про двенадцать. Приходи, хочешь, захвати кого-нибудь... Как поживает Бест? Как чувствует себя?..

Буро не надеялся, что "кем-то" за компанию станет он. А вдруг, хорошо бы.

Он не придёт. Не скоро придёт.

— Супер поживает, — рассеянно ответила Мурена, — мы все рады, Селена всем дорога, в Архи Саду у всех праздник... Прямо не знаешь, куда деваться...

И без последних слов по этим "все, всем, у всех" очевидно было, что во множество безоглядно празднующих Мурена не включена...

"Захвати кого-нибудь, ха!.. Нырну-ка я поискать компаньона за каменным лесом, а то в рыночном тумане боязно!.. Ха!.." Мурену вдруг стукнуло в голову, не телохранитель, Амиго! Вот кто будет счастлив, раз с Оливом интересно ему! И позвала. И не ошиблась. Рынки и подводные гуляния в равной мере страшили его, но робкий сказочник не мог упустить такой случай!

Бутон-биг-Надир принял званых гостей с обычной заботой.

Отгородил ширмами уголок, норку, чтобы секретничать, чтобы тёмный купол громады шатра не тянул озираться. Эти ширмы можно ночь напролёт разглядывать... Сюжеты, истории рассказанные картинками представляли собой они. Малограмотные полурдоиды обожают такое! Кто из мастеров Краснобая готов слушать байки старые и новые, из-под облаков принесённые, на облачных рынках вчера случившиеся, и зарисовывать ловко, может скопить состояние только на этом умении!

Светильник вместо пирамидки — рыночная вежливость. Курительницы с паром связных Впечатлений и курительницы со сладким дымом... Шикарно не по стоимости и не по содержанию даже, а продуманной тонкостью сочетания.

Они прилетели и дошли за полночь. Из-за Амиго!

Мурена кружила в потемневшем небе над Архи Садом, дожидаясь его. Амиго собирался как танцовщица на Мелоди. Смотреть нету сил. Рылся в каких-то сундуках, нырял в них, лишь зад торчит, сундуки у него бездонные... И всё вперемешку! От книг, до артефактов и тряпок. И склянки питьевые там держал, раздавит случайно или пробка истлеет от времени, гору хлама вытаскивал сушить!.. "Зачем?! — спрашивала Мурена. — Ведь так неудобно!.."— "По смыслу..." — "Тряпки тоже?.." — "Вообрази!.." Чтоб не любоваться в очередной раз и не придушить его в процессе, улетела, на радость Белому Дракону, ускорения резкие отрабатывать и выписывать сложные кренделя...

Дождалась... И чуть не упала!.. Амиго взлетел из куп ночных деревьев зелёной искоркой на Белом Драконе. Жилет зелёный, узор — чешуя, с одним открытым плечом, рукава и второе плечо наспех отрезаны. Юбка длинная два разреза спереди, два сзади, ткань кольчужной тяжести. Ого, подобного не одевал никогда!.. И выбрав это, очевидно не красовался, — а зеркало имелось в Архи-Саду, — не прихорашивался...

Амиго приветствовал Биг-Буро жестом, который их Морских Чудовищ знают лишь настоящие, живущие напополам меж сушей и морем, что означает — принадлежащие морю... Не бывает наоборот. Оно весит больше, тянет сильней, оно решает и как тебе называться, и что тебе не скрыть... А неморскими называются, извращённой тварью и прочим, те, что как Буро не

подходят и к побережью.

Маленький юноша приподнял открытые ладони, будто подавая что в них, очертил круги горизонтальные, левую опустил, а правую открыл, как две обычно открывают, просто вперёд. Означает не только "я не готовлю оружия", но — "я предлагаю, что есть, и обещаю мир".

Морские жесты вообще стремительные и загребающие по-пластике, чтобы продолжать плыть, движения не нарушать, неизвестно чем ещё на них ответят!.. Наверное, это смешно для светлокожего, ростом по локоть Буро изгнанника, — какой мир, какой ждать от него войны? — но он был совершенно серьёзен, и Буро тоже. Открытое плечо — заведомая просьба о покровительстве. Земном. Морских покровительств не бывает. Буро с полуулыбкой, синхронно жест воспроизводя, провёл своей левой рукой по открытому плечу и приподнял за подбородок:

— Оу?.. — вопросительно произнёс он.

— Давно мечтал познакомиться, — сказал Амиго. — Не решался беспокоить.

— Оу... Ну, что ты... Кто же такой важной персоной ославил меня, Бедовичка?.. Всегда рад новым знакомствам.

Они расположились на туго набитых травой и пеной подушках, в количестве набросанных так, чтоб гости оказались вровень с его креслом. Крутые валуны покрывала нежнейшая, вручную тканая "травка"... Дым от самой крупной и красивой курительницы, фавна трубящего в рог, огибал уголок в ширмах, прежде чем потянуться к пологу...

"Чудовища умеют жить, — про себя отметила аскетичная Мурена. — Не первый раз убеждаюсь". Потрепала подушку, как Ухаха трепали они, вспомнила опять про пустоту на месте монисто, не ускользнувшая от Буро деталь... Вдохнула глубоко дым ничем не похожий на их костры, на белые коряги, отдающие морскую солоноватую свежесть, на можжевеловый мёд. Похоже на что-то из неспелых плодов, ещё вяжущая, но уже пряная терпкость, ах...

Буро улыбнулся ей, безмолвный комплимент составителю — лучший. Выпили по бутылочке на глоток, из связки, брошенной между ними, и Буро сказал:

— Тихую ночь в такой чудной компании жаль отдавать монстрам далёкого прошлого...

Мурена любила Амиго, да и сам по себе он попадал в счастливое число всем нравящихся людей. А то рассердилась бы, потому что немедля Амиго воспользовался предлогом:

— Бутон-биг-Надир, уважаемый! Что если спрошу, уважаемый господин, про Або?.. Про Аут Аволь?.. Лакрицу посреди океана... И путь к ней?..

"Вот за что нерыночных людей ценю: удивить могут!.. Оу, ха-ха, не абсурдно ли для чистого существа тянуться к утешительной байке монстров, теряющих последние человеческие черты?.. Не там ищешь счастья..."

— Ну, во-первых, просто Буро. Биг-Буро если, то ладно... А Лунная Стевия — лишь другое названье мечты... Дай ей имя — и она словно ближе, правда? Двое ворот не открылись ещё ни разу наружу, не выпустили того, кто расскажет, каков он изнутри, Сахарный Аут...

"Если так, — подумала Мурена, в глубине души считавшая Аволь сказкой, — тем более что Изумруд, как выяснилось, ни слова такого, ни легенды просто не знал! — но если сам не веришь, Буро, почему вы не скажете кратко, Аволь?.. Почему, чуть зашла речь, подряд стремитесь проговорить все её названия?.. А если одно, пропеть его надо, прикрыв глаза, как выпить?.. Что-то не верится..."

Биг-Буро выбрал для Амиго отдельную бутылочку, маленькую амфору из связки, протянул и обратился, чуть склоняясь тяжёлой короной к нему:

— У меня на Техно есть друг, Ментор звать. Это, ты, образованный юноша знаешь, скорее ругательство, он ментор, оу!.. А мне не хотелось бы с первых минут знакомства показаться

таковым, но я всё же скажу. Юноша-Друг-Амиго!.. С радостью буду островком для тебя. На Южном, и на Техно, на Краснобае, и везде… Но не в море. Не в море… Пойми в чём суть, суть Аволь, если б она была, прямо противоположна направлению, которое ты взял! Направлению к нам, тварям морским и Великому Морю. Аволь — выход из него, что ищут на глубине. Выход не на берег. Не в небо. Они когда недоступны уже... Пустая надежда, несуществующий выход... А ты в небе. Ты на берегу… Не собираешься ли ты сказать мне, что ушёл бы в Великое Море ради Лакричной Аволь?!

Но Амиго именно этого и хотел! Её, его... Сахарный Аут...

Сколько узнал, ещё больше выдумал, но лишь одна сказка, одно имя — Аволь... — захватило его. Как глоток утешения запало глубоко в сердце, обвило Огненный Круг. Оно не вода, не испаришь, не смоешь. Слово протаяло, как знаешь, живи... Забывай. Не забывай забывать!..

Это чудовище рассказало ему, которое спас, вытащил.

Биг-Буро взъелся на Злотого с кампанией, когда привели Дзонга к нему, купились на уловку. А несправедливо взъелся!.. Он отчитывал их как старый хищник моря бестолковых, молодых и жадных хищников земли, но они не могли поступить иначе. Могли на продажу не приводить. Подвело их сочетание дроидского поступка в первой части с недроидским во второй!

Белым Драконам и дроидам второй расы, исключение — воплощённый дроид, недоступно существование в среде Свободных Впечателений. Агрессивность этой среды не повреждает их, но в ней они полностью дезориентированы. Широкие дроидские орбиты и в общей, и в необщей форме под водой больше не широки и не близки, расстояния между ними заполнены чем-то хаотичным и плотным.

А люди — полудроиды. Половина их существа вышла из моря, как жизнь вообще, а вторая, дроидская половина хранит память о бездне океана, как о чём-то дико опасном, общем враге, перед которым все равны. Не помочь человеку в волнах, мало кто, в каком гневе способен. Низовые гонки часто заканчиваются совместным вылавливанием упавшего. Да что гонки, дружеское развлечение... Поединки небесных борцов и войнушки их туча-на-тучу заканчивались подобным не раз!.. Да что войнушки, Густав, охотник напрочь лишённый сердца не смог пролететь мимо Хан-Марика, хоть и подумал, продам, а на самом деле не смог, отвернувшись, улететь!

Было так...

Юноша в светлом рванье, водорослях, сетях, верёвках, еле заметный, как белый мусор в белой пене, взлетал на гребни и пропадал в тёмном ущелье волн. Щупальца с жалами на концах, с присосками фосфоресцирующими, их-то Амиго и разглядел с высоты, как бусы великана, брошенные, замыкались в кольцо, но юноша ускользал. Внизу — беда, наверху не хватало времени позвать дракона. Кто-то глубоководный, прилипший к подводной скале ловил его... Тянулся... Юноша подныривал через кольца и пребрасывался через них, когда волны швыряли. Опытный пловец, но вряд ли он соображал в какую сторону плыть...

Амиго собрался с духом, попрощался с жизнью, снизился и подхватил пловца на своего дракона. Даже и без труда. Немногим крупней его, лёгкий. На этом сходство заканчивалось...

А везение? Смотря, что им называть. Но могло быть хуже.

Для начала верёвки и водоросли оказались снастями. Тем, чем в "Когти" играют на облачных рынках. Под водой они для чего-то другого предназначались, не для игры... Колючки и крючки сразу и намертво перепутались с одеждой Амиго. В злонамеренности не упрекнёшь, но сюрприз неприятный. Вместе спустились, вместе отправились в ту пещеру, куда и летел Амиго. Было чем развести костёр. Обсыхали и распутывались. Снасти и одежда источали неправдоподобный холод...

Юноша не отпускал его. Он сразу сел меж костром и выходом, сел к Амиго близко. Колючки оставил лежать под рукой. Раненый, отравленный?.. Он выглядел слабым и опасным.

Смотрел, как Амиго разжигает костёр, как раздувает его неуверенное пламя, растопка дрянь. Смотрел полуприкрытыми сверху тиной болотной глазами. Беззлобно и отвратительно прямо. Не сухопутные, морские, оценивающие градус тепла, хищники так смотрят. Этот явно не в результате драки очутился в Великом Море, ныряльщик, своим купанием он напуган не был, и непонятно был ли обрадован спасением. Снятая одежда, тряпьё возле костра заледенело до корки! "Дроиды светлые, благосклонные, кого я вытащил?.." Но юноша успокоил его:

— Глубоко нырял... — сказал он, и голос раскатился по пещере, сразу пониженный до тусклого шёпота. — Быстро всплывать пришлось... Обычное явление, скоро оттает. Я человек, как и ты. Мне холодно, больно. Приближаться к огню не могу. Подержи костёр, побудь рядом. Я тебя отблагодарю...

Амиго не показалось, что у него есть выбор, тем более решил не спорить.

Топливо, охапки сухих водорослей, пустотелых, круглых, как тростник. Они прогорали быстро, требовалось часто бросать. В такие наливают Впечатления в Соломенный День те, у кого нет соломок подороже и любители привкуса морского. Волны эту ерунду прибивают к южным берегам. Юноша остался у входа, Амиго ближе к костру. Замёрз один, а руки дрожали у другого... По своему обыкновению он начал болтать о чём-то, выдумывать, напевать под нос, словно был в Архи Саду.

Когда комок рваной одежды осел, перестал хрустеть и пар не шёл от него, юноша смог одеться и переместиться ближе к огню. Он в упор тинистыми глазами осмотрел Амиго, так Олив смотрел отравленных, добредших к нему, и сказал, кивнув на кубическую шкатулку, затерявшуюся в крючках снастей:

— Дело хорошее — поделиться со спасителем. Боюсь, моя добыча не придётся тебе по вкусу. Не годится за благодарность... Но судя по тому, что я услышал, ты коллекционируешь тайны и сказки. Я добавлю ледышку в твою коллекцию...

И рассказал по Аволь.

Рассказал?.. Оглушил, отравил... Посвятил в тайну. Амиго слушал, раскрыв рот... Ему напевали вайолет старой школы. И речь, и песня... Почему вайолет? Потому что второй голос был. Он был в сердце поющего, в замираниях пауз. Это вайолет-памяти, протяжный, меченый паузами... Звучавший когда-то давно вайолет, который уже не дождётся вариации, как возвращения, как не дождётся вспоминающий того, второго певца. И тихого голоса такой глубины Амиго в жизни не слышал! Все страхи испарились как лёд с одежды незнакомца. "Если это — голос океана, то океан благословенное место!.." И тина, перечеркнувшая мутные зрачки, и всё-всё потеряло значение!..

— Або... Аут... Аволь... — растворились под сводами пещеры последние звуки.

Перечислением эпитетов и названий начинался и заканчивался этот недлинный вайолет. Да и состоял-то он не из чего-то конкретного, из множества смутных обещаний того, что за Двумя Дверями... Лунной и жёлтой...

Юноша замолчал и резко встал, подобрал имущество, жгутом свил, повесил через плечо. С

видимым, откровенным сожалением хищника уходил, но совесть есть и у таких. Маленького спасителя предупредил на прощание:

— Не ищи и, встретив, не узнавай меня. Аволь позвала тебя?.. Я не рассчитывал. Значит так или иначе будешь искать... Не надо, нет смысла. Я не добавлю к своей песне и строки.

В одиночестве у догорающего костра, среди пепла, разнесённого по пещере, запаса как не бывало, очнувшись от волшебного, глубокого голоса, Амиго пытался соотнести подёрнутые мутью глаза, холодную, грязную липкость повадки не таящегося хищника и подарок, сделанный ему...

Юноша оказался прав, Аволь позвала его. Амиго искал, но не певца. В итоге через несколько лет он знал по именам всех неморских чудовищ континента! Вызнал, что ценят они, в чём нуждаются, каковы их нравы, обычаи... Этикет. С тем и пришёл ночью с Муреной на Южный рынок.

Буро откинулся на спинку кресла и подвёл черту.

— Не образно, прямо тебе говорю — сейчас ты в Аволь, свободный, нет на тебе печати моря. Ну, что же ты в нём ищешь?..

— Так ведь я — изгнанник...

На это Буро нечего было ответить.

— Что ж... Значит, про двенадцать. Слушай про них. Слушайте обое... Або… Может быть, сами сделаете правильный вывод. Передумаете искать её в солёных безднах морских, Лакричную Сахарную Аволь!..

Центр континента притягивает облачные рынки, наикрупнейшие, наитяжелейшие из них.

Двенадцать изгнанников проводили день за днём в тихих уголках предыдущего Центрального Рынка. Возможно… Наверняка они и не являлись "первыми" изгнанниками на свете, ни первыми Чудовищами Моря. Но первыми — континентальными, не бродяжками, изгнанниками, объединившимися на земле. Активно искавшими выход из своего бедственного положения. Что их объединяло и подвело. Группа имела симпатии-антипатии внутри себя. А кое-кто и взрощённые планы.

Джокер-Сальвадор оказался равноудалён поначалу ото всех. Пришедший позже.

Группа переместилась на континент с Пояса Рынков, зависшего над ним. Мало-помалу их, утяжеляющихся, тенями, посетителями, артефактами утягивало вниз. Некоторых на твёрдую землю, основную часть — в Великое Море. Там пропадали. А завсегдатаи их перебирались на соседние рынки либо на земные.

Сальвадор после утраты предпочитал высокое небо и жизнь бродяжки, нигде не задерживающегося надолго. Чем-то отталкивал его материк. Предчувствием того, что будет привязан к нему впоследствии на годы, на тысячелетия, которым утратит счёт... Но спускался. И там однажды познакомился с двенадцатью разом. Уже раненый морем.

Тот Центральный Рынок имел неправильную форму птичьей рогатой головы. Серпы длинных рогов в одну сторону с продольными торговыми рядами. Клюв толстый в другую, с концентрическими. Вход со стороны шеи. А на кончике клюва залили морской водой широкую площадь, целое озеро глубиной по щиколотку, пористые острова пустив плавать по нему. С целью такой, чтобы пирамидки ставить нельзя было. Место отдыхать и общаться спокойно. Для

тех, кто пробрался до него через рыночные опасности!

В соответствии с общим характером полудроидов "озёрный клюв" стал подобием Мелоди. Танцев меньше, не блеск — выплясывать на крутых островках. Зато удобно валяться, и спихивать друг друга! Техно Рынок предоставил их, не встающие на дно ни под какой тяжестью, он уже существовал.

На таком пенистом островке-утёсе Сальвадор и подслушал их невольно. Шестерых из.

Прошлёпала компашка, расположилась с другой стороны. Вёсел не притащили. С соседними островками ни петь, ни задираться не стали, на отшибе остались. Было что обсудить. Их спор задел Сальвадора, как и сам факт, что изгнанники они — товарищи по несчастью.

Самоуверенность хрипловатого, прерывавшегося надо и не надо коротким смешком голоса, — "Таким не доверяю..." — и раздражала и удерживала внимание. Он возлагал все надежды на Великое Море. Поддержка его позиции шла от низкого, басовитого голоса, страстная поддержка. Возражали им не собрано, отдельными опасениями. Альтернативой, как понял Сальвадор, была оккупация далёкого от земли, небольшого облачного рынка. Так же мыслить станут будущие галло, только практичней, жёстче, отняв мир, пустую территорию с этой целью. Аргументы против: трудность обнаружения, опасность исследования, суетность охраны были для Рока, — а в море звал он, — не основными. С ударением преподносился пустой, в общем-то, пафосный аргумент... "Не эрзац нам нужен, не жалкое подобие утраченного! А, внимание, — Настоящая Жизнь! Настоящая Новая Жизнь!.." Звучно... Слишком звучно. "Не хозяевами Собственных Миров, так хозяевами всей водной стихии!.." Гарольд вторил ему басом. А возражали Симон, Кит и Сомнамбула-Майя. Гемма присутствовала, но молчала. Юбис присоединился позже, он резко возражал.

Долго подслушивал Сальвадор, прежде чем выйти, по воде издалека обойти и представиться.

Ещё не раз и не два сталкивались их надежды и сомнения. Рок неизменно был заводилой, Гарольд присутствовал всегда. Но однажды его не случилось...

Вот тогда Рок Сальвадору и шепнул свою мысль. Сопроводив небольшой демонстрацией... Снял руки до локтей. Широкие воронёные браслеты закрывали предплечья. Взял руку за руку и обе снял... И стал зелёным... Правая взяла левую, её ладонью закрыла рот: тссс... Приложила к уху Сальвадора, затем отплыла по воздуху, закрыла ладонью второе ухо. Ватная глухота, шум набегающий, отдалённый...

Сальвадор содрогнулся. Глаза Рока, молчавшего напротив, смеялись, блестели как острые сколы подземного обсидиана, проступившие сквозь зелёную пать лица. Туф островка закрывал их от озера... За спиной Рока убегало вверх и вверх, в никуда дымное марево призрачной стены рынка.

Из уха в ухо прокатился гулкий, морской голос: "Ну, как тебе фокус?.. Они... Весёлые, влюблённые в море, желающие его познать, они не видели подобного!.. Тебе, Сальвадор, показываю!.. Я ждал такого, как ты... Зря они радуются, не знают, во что влюблены... А познать им придётся!.. Сальвадор... Ты не такой, ты не уходишь, да?.. Мне не удаться тебя убедить... И это очень хорошо, превосходно!.. Сальвадор, они станут подводным обиталищем мне, островом!.. — Рок топнул, смеясь, по пенистому туфу и пространство загудело в ушах Сальвадора, в демонических ладонях, — Как этот!..

Позже задуманное им назовут Морскими Гигантами, но подчинить удастся лишь Изумруду.

— Они все станут моими ручками!.. Как эти!.. И твоими... Твоими тоже, Сальвадор... Я

смогу возвращаться с руками полными подводных сокровищ, оружия, которое можно создать лишь там... А ты положишь в них охотничью добычу... И связные Впечатления... Власть над сушей будет опираться на власть под толщей морской, и наоборот... Ты и я, ты и я, Сальвадор..."

"Он хочет и воду?.. — отметил Сальвадор, сквозь поднимающийся гнев. — Обычные связные Впечатления?.. Даже тематику не упомянул..."

— Рок!.. — воскликнул Сальвадор громче, чем следовало из своей гулкой глухоты. — Я никогда не видел тебя верхом на драконе!.. Ты что, не летаешь?!

Стальным, воронёным браслетом рука ударила его наотмашь, злобно, сильно, и обе приросли на место, вернув коже Рока бледный, человеческий цвет. Какая тоска и обида это "не летаешь" людям не понять...

— Д-да... — процедил Рок. — А куда мне летать?! Мы — изгнанники!..

Не способен был песней позвать Белого Дракона Рок давным-давно. Насколько, не знал и Гарольд, посвящённый в часть замысла. И познания Рока в сплавленье теней были точны, велики. Он навязал двенадцатерым мысль, что Впечатлений перед уходом следует накопить как можно больше. Не придётся ждать вольного-невольного сплавленья теней. "Обращаться с которыми они не умеют... И не успеют научиться. Гемма выследит их, Гарольд присвоит. Усвоит!.. Я научу его!.. Он станет оболочкой... Будет как в латах, как в непробиваемой шкуре. А на последнем этапе шкура достанется мне!.. Тентом на шатёр подводный! Непробиваемый, неподвластный даже проклятой солёной воде! Кусачей, грызущей воде! Штормам достигающим дна!.."

"О, дроидский свет ушедший, чудовищна в нём не океанская, непоправимо чудовищна земная, людская часть..." — подумал Сальвадор, сдержав ярость.

Рок положил подбородок на судорожно сцепленные пальцы, внимательный, холодный как галло, наклонился и прошептал:

— Джокер... — так назвал его Рок. — Ведь и тебя коснулось Великое Море... Я чувствую... А меня оно держит. Ты ещё джокер, и там и тут, но ты уже брат мне... Ближе ко мне, чем к ним. Отчего бы нам не скооперироваться?..

Морское Чудовище заинтересовано в материковом компаньоне больше, чем в ком бы то ни было. Эта система и до и после, Олив с Шершнем, повториться многократно. С разной степенью результативности и разным исходом для обеих сторон.

Рок ждал ответа. Сальвадор мысленным взором окинул девятку: весёлых, влюблённых, желающих знать. Руку поставил на туф, на локоть и сжал не ладонь, а браслет, тоска и холод, тень...

— Согласен!.. — ещё басовитей Гарольда прорычал он, встретившись с Роком глазами тёмными, грозовыми.

Он был взбешён. В омерзении от услышанного. Он немедленно предал морскую тварь. Успел! Накануне ухода! И никто ему не поверил!.. Единственный услышавший чужака был Юбис... Но тот слишком понадеялся на свои силы. Ушёл со всеми. Их хватило, чтобы расправиться с Роком. Но Великое Море оказалось Юбиса сильней... В образе Гарольда, преданного, но продолжавшего возрастать, продолжавшего задуманное Роком.

Сальвадора он люто возненавидел.

Искал его. Помнил его. Юбиса во вторую очередь. Поверил он в предательство Рока или нет, никто уже не узнает. Он и Гемма имели инструкции, что делать в море. Следуя им, Гарольд стремительно терял рассудок и способность выходить на сушу. Она вернётся к нему, напоследок. А Гемма, ищейка, если б не выследила Юбиса на свою беду, до сих пор бы жила.

Тут технически, какое дело... Первичные тени, созданные самостоятельно, диктуют, но внешние можно отбросить, внутренние смыть, заплатив жизнью или нет, как повезёт. А вот с тенями, слепленными из чужих, отнятых теней, совсем другая история. Во-первых, долго катая в руках, — каковой цели служили и чётки Селены, поддержанию навыка, — можно не заключая их в артефакт, придать им самим видимость и стабильность артефакта. Селена хотела добиться однажды принципиального изменения качества, чтоб артефакт утратил характер тени, стал вещью неживой, проносимой в Собственный Мир. Пока не получалось.

Внешними остаются отнятые у кого-то или у самого себя тени. Руками вырванные. Центром ладони, кончиками пальцев, малыми тигелями перелепленные. А отнятые и переплавленные основным тигелем, Огненным Кругом вторично, они переходят, Ухаха тому пример, в размер и крепость тела. Плоти, шкуры, чешуи. Задача куда сложней. Не в облик. Извращённый облик Морского Чудовища формируют тени первично сплавленные собой или кем-то другим. Дважды плавленные — лишь добавляют ему прочность. И смыть их очень, очень трудно. Для тех немногих, кто этой стадии достигает, она наступает, когда и смывать-то не с кого, на окончательном исчерпании Огненного Круга.

Гарольд стал таков. Он не мог дальше варьировать форму. Мог только расти. Был он бездной, пустотой. Бурдюк в непробиваемой, чёрной шкуре. Бурдюк с морской водой раздирающей, с ядами, расщепляющими до конца тех, кто попался на его бивни. Под дыбом стоящей шкурой гуляло само Великое Море, отравленное, бешеное всегда! Ревела из его пасти, не прекращалась буря, не наступал и не случится штиль.

Он — ужас, а кем ещё ему быть... Вся память, весь рассудок задержались в налитых кровью глазах. Пасть помнила — пожирать. Глаза помнили — Сальвадора. И берег. Сушу.

Гарольд тысячу раз выбрасывался на сушу, он не понимал, что не в состоянии — уже и ещё — выйти на неё. Назад позволяли отползти морские туманы. Это было отвратительное зрелище…

Когда стал умней и хитрей, как тень, как учатся терпеливо караулить и внезапно бросаться безмозглые тени, он охотился на побережьях. Всех, любых. Даже тех, где падает водопадами Чистая Вода забвения. Когда Гарольд раскидывал лапы перед всадником на драконе, думавшим, что летит высоко, что летит в безопасности... Когти на лапах его не уступали бивням в размере... Бивням вокруг ревущего провала пасти... "Сааа-аль-ваaа-адо-оррр!.." Ярость, ярость и всё.

Он был способен терроризировать, но не оккупировать континент. Не Змей. Нечем думать, соображать. И хранить нечего, таких вещей, чтобы помнил и ценил не осталось. В общем, это был примитивнейший организм... Который однажды, в безудержном росте своём физически превзошёл бы и проглотил сушу…

Ужасающе надёжны простейшие системы. Что-то должно накрениться, сломаться в них, чтоб началось развитие... Одно из трёх: либо сущность усложняется, либо разрастается, либо подыхает, если нет движения ни снаружи, ни внутри...

Было. Снаружи. Сальвадор помешал. У него имелось оружие. А оружие дал ему дроид... Их, дроидское. И знал, для чего даёт.

Прецедента не имевшее самоуправство. Нарушение, превосходящее три запрета в сумме. Те связаны с жизнью, радостью жизни. Но этого дроида заставила вмешаться в человеческую сферу не любовь, а война. Нет, ну, конечно, сначала любовь! К людям. К веселью. К полезности своей. А уже затем...

Троны не видели Гарольда, но и, узрев, не сочли бы возможным вмешаться. Они с самого начала ориентированы на Восходящих и на порядок в Собственных Мирах. Те люди, которым

дома не сидится, хищники, изгнанники, проморгавшие дом, на самом деле не в приоритетах для тронов и всей второй расы.

Дроид был как две капли воды, а точнее, два язычка янтарно-жёлтого пламени схож с владыкой Там и являлся его приближённым.

Глава 116

Глава 116.

Янтарно-жёлтый дроид.

Над шатром Биг-Буро, над гостями его, бродяжкой морской и чистым сказочником.

Над Южным Рынком.

Над континентом Морская Звезда.

Надо всей землёй, над Великим Морем.

Над бессчётными облачными мирами...

Высоко-высоко... Над высоким небом, где проходят внешние орбиты Юлы и обитают Белые Драконы, дроиды независимые навсегда.

Вселенная смотрела колючими крупными звёздами, на янтарно-жёлтого дроида, комету, язычок немеркнущего огня, снова и снова принимавшего высшую форму, облик человека. Летучего, быстрого в непроглядном небе, как рыбка золотая в чёрной воде. Вспенивающейся вокруг него, бликующей сталью, бурлящей. Когда рассыпался на золотые огоньки, утихомиривались и водовороты мрака, всё равно не поймать...

Белые Драконы глядели смирно, морды задрав к звёздному небу. Прервали игру, круг распался, царь горы остался без горы.

Янтарной комете не удавалось прорваться вниз. Что вообще 2-2 делает в их, драконьих сферах?..

Но и поймать его не удавалось тоже. Безмолвная погоня, беззвучный салют невиданной мощи, если как-то можно описать непрерывные переходы из необщей в общую форму дроида, пытающегося избежать и связывания, и столкновения. Обеим сторонам не развернуться во всю на пределе общего поля Юлы. Под потолком.

— Ахр-фыррр... — лязгали зубами драконы и вздыхали сочувственно. — Не удерёт!..

— Хрох-хо-хо!.. — возражали другие. — Удрапает!..

— Фрах-ха, а куда?.. Куда рвётся-то, к нам или ниже?.. Возьмём к себе, ахр?..

— Если попросится!

— Арр, он пытается выиграть время!..

Да, по крайней мере, время.

Залпы, круги этой погони вообразит тот, кто представит себе орнамент на чернёном блюде, у которого центр где угодно и нет краёв, рисованный кисточкой толщиной в волос и сокрытый, замаскированный брызгами капелек тонких, как пудра.

Черные Драконы пытались замкнуть сплошной стеной залп, выстреливавший непредсказуемо, краткие мгновения общей формы. На высоту удалось загнать его, это им плюс. Но место над осью Юлы выбрал он идеально! Опирался на вечную тихую орбиту внутри неё, на точку по сути. Сильный дроид мог на неё опираться и, взмывая, отталкиваться от неё…

Залп! — янтарная капля! — комета! — хвост её! — человек с раскинутыми руками!.. Бумц!.. — Фейерверк!.. — Распадение!.. — Пудра летящая в драконьи глаза… В Чёрных Драконов, голубые белками глаза… В их пульсацию, зловещие, ускоряющиеся спирали...

Безмерно сложным рисунком, многогранником, меткой, тысячекратно пронырывающей сквозь самоё себя, оборачивался дроид.

И каждый раз очевидная или скрытая симметрия его орбит содержала ошибку!

Ошибку, позволявшую ему собраться в новом месте. Ошибку, которую пружиной

оттолкнёт от себя непроницаемая безошибочность тихой орбиты. Ошибку, за которую могли зацепиться и Чёрные Драконы. Но они не успевали!

Чёрных ящеров в доспехах блиставшей чешуи хватало на то, что б максимально разбежаться. Ожидая, когда соберётся он, станет возможным ловля… Дугами шеи изогнув, носом к континенту, они медленно распускали сжатые кулаки, когти расправляли, и хвосты, и даже брови над круглыми глазами, с девственной голубизной белков... Шире, шире, как можно шире, и присматривались, и… Бабах!.. — прорывалась в небо янтарная капля! — из салюта в общую форму! — и обратно в салют!.. Не успели!

Крутятся, крутятся завихренья тончайших технических орбит, повторяют звёзды столучевые, побеги, фракталы, дендриты, символы и прямо отражения, и дом, и сад, и всех от начала существовавших языков иероглифы, буквы, слова... Осыпается ими пудра янтарно-золотая, дроиды тончайших орбит... Фу, только пудра!.. Опять промахнулись...

В неуловимом месте ночного неба оставался виден от пудры лёгкий след. Свет трона, орбиты, что не распадались. Драконы метались. Он мал на пространстве погони, он неизвестно где. Повинуясь его требовательному притяжению, дроид соберётся снова. Но трон обвить они могли только чудом! Вычислить, свистнуть, собраться и окружить. Чудом… Дроид-нарушитель и воевал, и гонялся как нарушитель: начинал с ошибкой, и распадался с нею! Не столкнуться с преследователями, и вниз не прорваться, тонким лучом не прорезать их строй.

Белые небесные ящеры, похрюкивавшие, похохатывавшие, вздыхавшие то сочувственно, то восхищённо, то разражавшиеся громовым хохотом одобрения, вдруг присмирели. Они уже сошлись во мнении к этому моменту, что высший дроид развлекается так, гоняя этих смешных, и в небе на две лапы встающих, чёрных недоящеров... Но вдруг изменили мнение...

Начали толкаться. Боками ёжится. Носами поводить и указывать им куда-то... Где длинные острые лучи звёзд замутились. Потом замутились и звёзды. Туманом, двумя беспредельно распахнутыми белыми крылами... Что не приближались… И змея белой шеи, запечатлев, долго не меняла изгиб...

— Троп... Троп... — прокатилось в высоком небе.

Кто, где услышал Белых Драконов, предпочёл нырнуть в завихренья Юлы, в дроидские сферы.

Над половиной земного шара раскинув крылья, огромный дракон сверху наблюдал за тем же, за чем они снизу. Драконья морда орлиная. Отвёрнута. Чёток профиль. И чуть не наклонена. Но если б не наблюдал, не появился бы здесь. Вправо, влево нет окончанья крыла.

— Достаточно... — произнёс голос поверх них, сверху от всего происходящего на дроидском эсперанто, механистичный, слышный во всех точках неба одинаково. — Довольно попыток, возвращайтесь. Троп...

Орлиная голова дракона без спешки нырнула вниз, глаза прищурила и подняла клювом янтарную, золотую звезду. Подбросив, как в замедленной съёмке. И там, настолько высоко являясь единственной твердью, на клюв же поймала, позволила приземлиться. Дроид стоял на нём воткнутым дротиком, наконечником золотой стрелы, широкоплечий, прямой. Вибрирующий дротик, словно не пойманный, а мощным броском достигший цели. Трепетал слишком упруго для пламени. Орбиты многократно и на предельной скорости разбросанные до необщей и собранные в общую форму не могли успокоиться сразу. Но виду дроид не подавал.

— Ну что, доигрался? — спросил механистичный голос.

— Что?.. Наигрался?.. — запрокинув голову, насмешливо переспросил тёплый голос, вибрирующий, как и облик его. — Нет, ещё не наигрался! И я в своём праве!..

— Ты, милое воплощение своеволия, считаешь, что на границах нет законов? Или на них подвигаются законы, где сталкиваются права? Наоборот обстоят дела... Там свои пограничные законы.

— И какие же?.. Неподкупный воплотитель общей воли, будь так добр?..

— Не задерживаться!

— Бла-бла-бла!.. — поболтал языком тёплый дроид, насмешив обвинителя.

— Бац-бац!.. — ответил тот голосом машины, и получилось убедительно...

— Но я уже задержался, что же мне делать?!

— Взывайте к вашей Фавор!

— Ааа!.. Всех разом вызываешь? Что ж, мы — согласен!.. Сколькие за тобой? Эти неповоротливые, которых я заставил сейчас побегать?.. Этот с красивым клювом? — насмешник указал глазами под ноги себе. — Автономный дроид, посмотри вниз. Они тоже независимые и автономные. Стоит свистнуть, и они услышат меня. Не меня, волю свою услышат!.. Не они ли Юле границы? А на границах свои законы, это ты правильно заметил! И они не любят когда на границе задерживаются. Кроме званых. Я зван. А ты?.. Кто их остановит в этот раз? Те, что и прежде? Дроиды желания?.. Те, к которым я уже почти принадлежу? Или ты откажешься признать оммаж, принятый Августейшим?

— Об этих границах я и говорил, а не о спектакле, что ты здесь устроил.

— Откажешься?

— Не нужно делать вид, что это интересует тебя.

— И всё-таки?

— Не надо делать вид... А, пустое... Дроид, ты — откажешься! Напрасно ты думаешь выиграть время таким рисковым способом. Стоять на границе тоже самое, что взлететь, не рассчитав импульс крайней орбиты, слишком высоко. Память деталей, представляется мне с ходом времени поважней памяти тенденций. Мне представляется, как осколку... Целый пласт автономных сгинул когда-то... Все знают почему, но никто не знает — как. Не помнит... Считается, кем-то придумано что ли, что их прочь от земли унесло? Куда? Кем, чем?.. Каким ветром?.. Что за вздор... Бесконечное расширение... Вот и всё. Можно сказать, их разорвало... Внешние и внутренние орбиты по природе своей обладают разной скоростью, разной энергией. Нельзя их ни слишком разгонять, ни слишком сужать. Особенно для трона! Лишь баланс, лишь равновесие. Внутренняя не поспеет за внешней, а у границы две стороны, нельзя стоять на ребре. Понимаешь? Я не сам с собой разговариваю. Человеческих день-два... Что ты выиграешь и какой ценой?

— Соответствующей.

— Зачем?.. — устало спросил механистичный голос. — Ты поддерживаешь то, что давно бы угасло. Зачем?..

— И буду!.. — не ответил тёплый, перекатывающийся тигриным рыком. — И не сомневайся, буду!.. Недолго осталось. Но столько, сколько осталось, буду! Собрался воспрепятствовать мне? Вниз посмотри! Видишь эти белые, задранные к нам носы? Троп им страшен?.. Есть такое... Но есть и другое: Троп им — несимпатичен... Его место, извини, дроид с красивым клювом, могут занять и улитки! И выполнять его работу. Если попытаешься отнять у меня последние нужные, — да, нужные, очень нужные мне дни! — я начинаю вторую войну. Сейчас начинаю.

— Зачем...

Звёздная туманность повела беспредельными крыльями. Словно потягиваясь — немножко

вверх, вниз...

— Твоя торопливость, — сказал тёплый голос, — похожа на зависть. На ревность.

— А на заботу она не похожа? — спросил голос усталой машины. — Ревность, признаю. Но, пойми, высший дроид, вы для меня немножечко тоже, что и они для вас... И я хотел бы понять. Да кто объяснит нам?.. И мне и тебе...

— Давай попробуем. Ты мне, я тебе. У белок консультироваться я бы не стал! Им всё слишком понятно!.. Согласись, кто не знал сомнений не самый лучший учитель. У Тропа тоже бесполезно, извини, исключительный дроид!..

— Давай, раз никого больше нет. Вопрос цены... — задумчиво начал механистичный голос и с каменным холодом продолжил. — На твоё самоуправство! Это не просто наглость. Вызов? Мне?.. Если, условно говоря, тебе так безумно важен один, последний день, зачем в предпоследний ты перешёл все мыслимые границы?!

— Затем что он — предпоследний! — расхохотался тёплый голос. — Вот этого ты и не можешь понять! Вопрос о цене?.. Стоит того! Я разрешил твои сомнения?

— Не очень-то вы полагаетесь на свою Фавор...

— Дроид автономный, драгоценный для трёх рас, я понимаю, что натворил. Причём тут Фавор...

— Я так доверял тебе... Так полагался на тебя...

— Так выступи на моей стороне на закате последнего дня! Который даёшь мне, правда?..

Существует параллель между Закрытым и крупнейшим из тёплых семейств.

Семейство Там аморфно, текуче в границах без захвата чужого. Трон же его владыки напротив — совершенный круг. Подобный стене, за которой развлекаются и томятся дроиды желания. А внутренний, настоящий трон в орбитах Августейшего столь аморфен, непостоянен, что можно сказать, его и нет, а есть только символический внешний. Что и позволяет ему успешно, с удовольствием и без труда справляться со своими дроидами в ежедневном дружеском противостоянии!

Владыке Там нет нужды в чём-либо подобном. Его символический трон окружают приближённые дроиды общей формой неразличимые с тем, кто на троне. Потому что для них общее в функциях, взаимопонимание внутри семейства значимей и приятней размежевания в специфике.

Для владыки точное в скоростях и траекториях сходство преимущественной части орбит гарантирует отсутствие притязаний у таковых дроидов на трон. Долго объяснять, но так устроены равновесия, азимуты дроидской природы. Даль, Отдалённость, Окоём — всё их имена, приближённых владыки Там... Не-Тут, Затем-За-Этим — одиночки из Туманных Морей присоединившиеся, их имена сложнее.

Можно ли сказать, что владыка и братство притягательней для них, чем люди? Ни в коем случае!

Владыка для них — феноменальное окно в сферу людей. Секрет его притягательности мало-мальски не секретен, просто владыка — лучший! Они, как бы ясные окна, а он распахнутое окно. Только что вылезти нельзя, но звуки, запахи, шум Дома и Сада, смотря где находятся люди, дома или в саду, всё видно...

Его жёлтые тигриные глаза они копируют и его непредсказуемость принимают. Не черту характера, как у человека, подавно не дефект. Стратегию. Свойство орбит непосредственно

несущих трон, следующих за совершенным кругом трона. В чём она выражается...

С трона Там может быть призван дроид к исполнению задачи от его специфики далёкой. Когда дроид, владеющий этой темой в совершенстве, стоит тут же рядом. Обиженный? Готовый взбунтоваться? Нет и нет!.. Во-первых... Им это нравится! Дроид, как-будто обделённый, знает, что получит однажды такой же подарок. И он полетит к Восходящему, к которому иначе не занесла бы его судьба. Лично для каждого это важно и здорово, это их дроидская жизнь, Фавор!Для семейства в целом ещё важней. Уравнивание, непредвзятое благоволение.

Таким образом преимущества в службе, в сближении с людьми не достаются узкому кругу наиболее востребованных дроидов, популярных тем, орбит и без того широких, широкой специфики.

А от кого, кстати, побочный эффект, зависит популярность конкретных тем? От других крупных тронов. От кого исходит запрос. Без сравнения часто — от Доминго. Так он мог бы косвенно взрастить внутри тёплого семейства конкурента его владыке. Того, кто на троне был бы слабей, сговорчивей и послушней... Ан, нет. С придворными Там не проходят такие штучки.

Во-вторых, и на самом деле, это главное... Владыка прекрасно понимает, что дроид ответственный и несведущий привлечёт, расширяя запрос, дроидов сведущих ещё скорей и внимательней, чем выбрал бы их он сам! Ещё больше расставит промежуточных акцентов. Ещё чутче будет прислушиваться к оттенкам голоса и слов: то ли предлагают Восходящему в ливнях? Рад ли он угаданному? Или сильней желает новизны, чем услужливости?

В итоге, ответственный дроид и откорректирует точность своих орбит, и расширит, те, что были точны, но узки. Преумножит число орбит, технических дроидов, если на турнирную площадь приведут его радикальные несогласия... Или утратит некоторых там же!.. Усовершенствуется в эсперанто дроидском и человеческом. Одни сплошные выгоды!

Избранная стратегия помогла владыке Там непритворно сдружить его дроидов. И расчётливостью обуздать: кто знает, кому завтра придётся помогать? Стала причиной того, что из семейства ничтожен отток дроидов, минимальна тенденция к отделению мелких семейств. Поэтом оно такое большое...

Но по той же самой причине, оно медленно растёт. Дроиды не стремятся вливаться в него, велик шанс встретить своего антагониста. И ещё приметили давно, что это, возможно и правильный, выгодный путь, но — в одну строну!

Для тех же, кто и не похож на владыку Там, имитировать облик его — обычное времяпрепровождение.

Двое, несколько могут соревноваться на память, а затем отправиться к трону, установить, кто победил! Не только человеческим, и дроидским глазам общей формы глубинное сходство плохо различимо. Чтоб рассудить их, они просят владыку принять необщую форму и тогда всё становится очевидно, в последовательности расширения орбит...

Владыка Там и ближний круг находят это их развлечение очень забавным. И особенно результаты его! Владыка и сам, бывает, задумывается, а что если и он эту, ошибочную, не свою последовательность воспроизведёт?.. К примеру, эллипсы, изнутри в расширении обгоняют... Перегоняют, слипаются... Освобождаясь, меняют форму по дуге, а не от коронного импульса... Мысль?..

Нравилась ему свежесть их взгляда. Но чаще бывало так...

Золотисто-смуглый дроид жёлтыми тигриными глазами обводит все необъятные владения... И каждый дроид возымев вдруг желание оглянуться... Сужает, совсем сужает зрачки... Сейчас черта их зрачка — Юла, сейчас он один в целом мире... И начинает танец кружения... Быстрый! Стремительный! Он пропадает... Видится им дрожащей струной, тем, кто обернулся... Позже, не сразу, жёлтая лента короны выше-ниже обвивает его. Без раздумий вливаются в танец приближённые трона. Эти, и прежде похожие, в танце — подлинно неотличимы...

Из трона Там образуется "гонг" Там... То самое, всем зависть внушающее единство... Слышимое далеко за пределами семейства. Призывающее в них. Кто и не зайдёт, заслышав его, вспомнив о нём, улыбнётся тёплому владыке. А внутри семейства гонг вовлекает танец дроидов, находившихся дальше и дальше к границам. И каждый принимает облик владыки.

Вначале кружащиеся волчки, дроиды усложняют и замедляют танец. Он обретает рисунок. Процесс, если б имел название, назывался бы благоволеньем. Не трон задаёт рисунок им, а их своеобразие готов обнять. Их сложность принимает.

Вокруг трона кружит дроид и вокруг того, кто вовлёк его. Дополнительные завихрения создаёт вступление антагонистов...

В танце высшие дроиды, по сути, изображают технических, как-будто у них карнавал! Наряжаются дроидами неавтономными, и должен сложиться один высший дроид! Огромный, размером в семейство!

Чем больше дроидов влилось в танец, тем медленней кружение владыки. Почему? А чтоб не удалось ненароком! Чтоб поставить предел. Внешних кругов танцоры, присоединившиеся позже, слабей навыками и силой. Им трудно удерживать точным медленный ритм, его облик в медленности орбит и вырисовывать весь узор танца. Но они пытаются! Страстно, азартно!

Они пытаются, несмотря на то, что первый сбившийся, а не последний удержавшийся получит утешительный, он же главный, приз! Не мухлюют!..

Вот один сбивается и с него начинается не менее красивое обрушение симметрии. Если в танец приходят незваными, и владыка даже не смотрит на них, то с выходящим из гонга он прощается поцелуем. Сам уже не по центру, блуждая в своём круженье, к ошибкам притягиваясь...

На этом танце построена была и погоня, к отчаянью Чёрных Драконов и ликованию Белых!

Белки не дразнят, не изображают в сатирических сценках тёплый четвёртый трон. Танец его — практически кувыркание! Уважают. Что может быть разумнее и нормальней, чем кувыркаться в небе?..

Что же бывало утешительным призом? Невероятное и обыденное, желанное для всех!.. Сотрудничество при очередном запросе от Восходящего непосредственно с владыкой. Его делал ответственным, ему передавал запрос. А самого себя направлял служить оступившемуся дроиду!

Как любят и почитают владыку Там трудно выразить, при том, что это общее отношение к четырём главным тронам.

Так было однажды, в день, когда только присоединился к тёплому семейству, и с дроидом, вручившим оружие Сальвадору. С нарушителем... Он, вообще-то, гонг услышал снаружи,

потанцевать зашёл... Не возбраняется!.. Да так сразу всё и получилось. И затем уже в течение долгого времени проделал путь от окраинного танцора, до приближённого трона. До нарушителя.

Это не единственный вариант гонга. Есть Гонг-Гонки-Бой!..

В нём, соревновательном, владыка не ускорялся и не замедлялся, а выходил до внешнего круга по спирали. Протанцовывая с каждым краткую турнирную стычку, что-то, что могло пригодиться дроиду на турнирной площади, да и ему самому. И возвращался, но не по спирали, а так, чтоб никто не знал, через кого пройдёт, вторую схватку проведя... Боевой танец. Более резкий, с замирающими позами. Но в этом случае симметрия не ломалась.

Обоснованы, разумны запреты второй расы.

Достаточно вообразить человека, попавшего невзначай в такой захватывающий танец... И союз многих тысяч, и соревнование... И регламент и свобода импровизации. И тонкие, и постоянные связи, и от центра гонга озаряющий тёплый свет... И то, чего надо добиваться, и то, то без сомнения будет как дар вручено... Густое, стремительное, бесконечно тягучее время, которого на всё хватает... И льётся от тронного гонга тёплый свет... И вихри мчащиеся холодят, и сам ты взметаешь вихри. Это танец в огромном пространстве, на просторе.

Опытные гонщики знают такое состояние, ветер в лицо, скорость такая, что трудно дышать, а движения Белого Дракона — тягуче сильны. Крылья размеренно заканчивают долгий взмах, со свистом мимо всадника пролетают, будто зачерпывает ими дракон, плывёт... Крылья крыльями, но помимо того, они имитируют бег и особенно на больших скоростях. Упругой пружиной растягивается дракон во всю длину, сжимается и мускулы лап перекатываются монотонно неутомимы...

Так и время на гонге, как Белый Дракон в полёте: стремительно, размеренно, упруго, неукротимо...

И что увидит вокруг себя человек, с гонга сойдя, выйдя из тёплого круга? Разовое приглашение, это ведь даже не перепутанные с возлюбленным дроидом орбиты, это просто танец, бал!.. В какую холодную, пресную пустоту выйдет такой человек? Что ему дальше снаружи делать? И зачем?.. Сам себе трон, плотный, цельный, не нарушенный, но на цельности человеческих плотных орбит запомнивший отпечаток счастья. Подобной глубины и свободы единение никогда не станет возможным среди людей. Ни на каком Мелоди, ни на каких гонках и дружеских поединках. И эти три не сольются в один Гонг-Гонки-Бой с лёгкостью, навеянной тёплым владыкой Там. Потому что человек богат и груб, лишку изменчив, ненадёжен в своей упёртости. Нет довольно пространства между его орбитами, численно превосходящими дроидские в тысячи раз, не могут они так свободно переплетаться и расходиться, оставаясь прежними, увы.

Можно судить насколько сильно влияние, избранного владыкой Там, ненавязчивого господства по тому хоть, как его подданные обращали к трону слух. Метки активно используются внутри семейств. Четвёртому тёплому они для внутреннего употребления не нужны. Его дроиды настроены на ожидание личного или общего гонга... Привыкли. Угадывают, какой прозвучит? К Восходящему, нет? Так хорошо, и так прекрасно... Сколько имеется в каждом и любом дроиде от дроидов желания, пленниц и королев Закрытого семейства?..

Имеется, иначе не оказывали бы влияния. И капли этой, капельной доли хватало ждать всеобъемлющий гонг неотступно, сквозь другое, прочее, разное, ждать всегда ради поцелуя владыки.

Глава 117

Глава 117.

Дроид, что помог Сальвадору одолеть последнего из двенадцати и пресёк превращение всего континента в шкуру Гарольда, а Великого Моря, в его внутренности, всеразъедающую требуху, был копией владыки Там. Общей формы высшего дроида. Обыкновенный дроид-нарушитель.

Гуляка, турнирный орёл, быстрый и непредсказуемый. Приближённый тёплого трона. Вокруг которого не так уж много нарушителей.

Среди 2-1, тёплых одиночек Туманных Морей их много, немало среди крохотных, с определённой, интриганской целью создаваемых семейств, к примеру, чтоб новоиспечённому владыке на рынки заходить, или чтоб, будучи вызван на турнир, мог оспорить, за переменой статуса ставшее незаконным, разоблачение...

У трона Там — нет. Ведь он лоялен, на мелочи в принципе закрывал глаза, находя постоянно испытующих границы дозволенного, более полезными, перспективными дроидами... Почему же их мало? Мечта его нарушителей, чтобы владыка поступал так же, как остальные, особенно Доминго, использовал преимущественное право бросить вызов. Тогда, в случае ранения или прекращения, их орбиты переходили бы к нему, оставались у почитаемого ими трона и в дорогом им семействе. Владыка Там не вызывал своих никогда! Они это осознали, усвоили. Но не все.

Тот-Поворот звали нарушителя. По происхождению 2-1, дроид-указатель из Туманного Моря. Пограничный, как и Дрёма. Дроид-объединитель. Влияние первой расы не выражено, тепло-холодность сбалансирована почти до уровня Белых Драконов, ещё они близки поисковикам. Укротить таких сложно. Облик владыки он с благодарностью перенял, свободолюбия не утратил.

Сальвадору-Восходящему пел манок совсем другого дроида. Тот-Поворот не служил ему и встретил уже изгнанником. Познакомились на тогдашнем рынке без рамы. Однако… Имя! Имя Сальвадора пришло к нему во второй раз. Дважды Сальвадор и оба раза от дроидов, хорошая или вдвойне плохая примета? Раньше, чем представились, выслушивая горько-солёные тайны Великого Моря, также назвал его дроид из тёплого Там.

Дичайшая барахолка. Без шатров. Немногочисленные пирамидки и груды не удостоившегося их хлама. И популярные точки вроде "кафе-бильярдных", Впечатления ради обмена глотками, Сог-Цог, и марблс, где хищники не хулиганили, куда стекалось тематическое и нерафинированное, или супер-рафинированное, для любителей одной ноты. Что-то вроде выпиваемых библиотек, куда заходят их каталоги, где можно познакомиться с ними, а они консультируются, принеся глоточек на пробу, у других знатоков, что такое набрали под ливнем.

Издавна Тот-Поворот водил дружбу с одним Вепрем, а они, как известно, способны найти артефакт. С другой стороны, он остался привязан к некоему из чистых хозяев, минувшей службе своей, давно завершившейся. Получился мостик меж человеком и поисковиком. Друг просил, Вепрь находил для него артефакты. Вепри не очень боятся нарушений, они сильны. Да и вне личного контакта с человеком нарушения — дроби дробей.

Владыки всё равно противодействовали. Ему, тёплому дроиду. Но Тот-Поворот успешно отбивался на турнирах. Когда на бой он ворвался, задолго до шутки Августейшего, у вепря на крутом загривке, турнирная площадь ликовала. Заранее была на его стороне. А Вепрь, он ростом

со слона... И вызвал-то он сам холодного 2-2 Горн-и-Колокол, дроида влиятельного, побеспокоенного им, семейства Крепость. И выиграл бой, серьёзно его ранив, отнял четвёртую часть орбит. Вынудил ради сохранения целостности переменить первую расу, а значит, покинуть семейство... Владыки решили, что надо что-то делать. Тот-Поворот дал им повод раньше, чем ждали.

Это же лишь начинается, как покровительство дроида человеку, вышедшее за отведённый законный срок. Где один человек, там другой, упс! — целая компания. Где мне, там и другу, где другу, там и приятелям, и заимодавцам, и так далее. Как пожар расширяется число знакомств. От поисков артефактов общение перекидывается на обсуждение их свойств. Со свойств на примеры из жизни, на эпохи, легенды... На песни и пляски, к чему всё и шло! Ну, миновать не могло!..

Касательно артефактов Тот-Поворот гонял Вепря бесстыдно. Оба рады, каждый считал: ответственность лежит на другом! За уже полноценные дроби нарушений, когда Вепрь человека сопровождает.

Тёплый дроид считал, кстати, такую помощь вполне легитимной. Не по законам, так по совести. Логичной. Ошибочно попавшей под запрет.

Те, что ищут Впечатления для Восходящих, естественно ограничены сроком завершения эскиза. После, когда взошёл чистый хозяин в Собственный Мир, найти для него ливень с ослепительно желанным Впечатлением, значит подтолкнуть к хищничеству. Или к риску быть чьим-то гостем, меркантильным гостем, напросившимся чтоб желанное для себя воплотить. Это, да, но при чём тут артефакты? Наоборот — благое дело. Человек мог бы сделать вещь из человека, а мы для него готовую нашли.

Целый ряд дроидов имел эту точку зрения, не он один. Велись горячие споры с четырьмя тронами за неё. Широко развёрнутая позиция заключалась в том, что технари должны иметь дроидов-покровителей вне миров на протяжении всей жизни. Что людям следует обрести, вернуть себе возможность создавать не в эскизе лишь и не посредством левой руки хищника. А правой. Инструментами.

Но кто такие технари? Разряд коллекционеров? А кто из людей не коллекционер?.. Рамки расплывчаты. Спорщики не были услышаны ни тронами, ни большинством. Люди, те, что живут вне миров, хищники, изгнанники, они оказываются сразу так перемешаны в общем котле, так порывисты, что любое сближение с ними отбрасывает на третьих людей, швыряет, как буря на мелководье об скалы, а то тащит в пучину. К ним лучше не приближаться. Пусть живут под свою ответственность. Отношения, складывающиеся между ними, касаются только их. Не лезьте, точка. Ни в технику, ни в людей. Пусть разбираются сами. Если в правую руку вы вложите им прекраснейший дроидский инструмент, это не значит, что левой они прекратят душить и превращать. И его во зло не используют! Что верно, то верно, не значит.

— Невмешательство! Вспомните, поймите, мы — откликаемся!

— Ну, так именно откликаться, и позвольте нам! Если зовут!

— Не звали бы, если бы вы не крутились среди них!

— Так — уже! Ну, и позвольте!

— Нет!

— По минимуму!

— Нет!

Тот-Поворот в прения не вступал. Он просто жил нарушителем и раз за разом на турнирах защищал своё право на такую весёлую жизнь! Пока однажды на барахолке не повстречал Сальвадора. История двенадцати не показалась ему весёлой. А нарушения перестали казаться исключительно добровольным, легкомысленным хулиганством. Дроид столкнулся с ситуацией, когда нет дозволения, но и выхода нет. По совести. Ради сладкой песни Фавор, пусть он и не дослушает её.

Сальвадор, украв бутылочку Впечатления, нашёл укромный уголок за грудами морского шлака и шестерёнок, сцементированных им. Подлинные артефакты! Мусор древний. Ну, не шестерёнки в прямом смысле слова, останки размытые какого-то крупного завода, сколько пролежали на дне, но море добралось и до них, размыло. Притаскивали, а разбирать трудно. Бросили, кому что надо или любопытно, пусть выковыривает сам.

История двенадцати — ряд подслушанного. Смешав с оливкой, Сальвадор пил связное Впечатление утра в провинциальном магазинчике, понятное и скучное ему, кашлял от оливки, бормотал, забывшись. Продавщице из Впечатления сетовал на коварство Великого Моря, на не отпускающие щупальца, оборванные давно, на ожоги незаживающие, давно затянутые кожей... Дроид слушал, слушал... Напротив стоял уже, Чудовище Моря в забытьи не видело его. Могущество океанских превращений приоткрылось для дроида. Миллион прежде неведомых вопросов восстал, как густой лес. С такими к тронам не пойдёшь. Хитрый дроид познакомился с человеком на следующий день. И непосредственно выслушал авантюру двенадцати от него. Сальвадор завис тогда, метался. Собеседник кстати пришёлся ему.

Жестокость океана, агрессивность самой среды была Сальвадору отвратительна, ни секунды покоя, очевидно — опасна, но она отвлекала, облегчала ту муку, что на суше проступала со всей полнотой. Холод. Чуждость всем. Не утоляемая жажда присущих теней.

Это уже третье поколение теней в нём, эти не смыть. От первых, созданных бессознательно, избавился, не сразу... Тогда Рок и встретился на его пути.

Затем, уже в море ему понадобились тени. Недолго, но пытался вразумить девятерых изгнанников. Кит молодчина, остальные... От второго поколения избавился тоже, когда спасение от Гарольда пришлось на суше искать.

Избавился, успев привыкнуть к ним, и понял что такое сила, и что такое — слабость. Без их тупой, нервной мощи, когда лишь вздрогнув, присущая тень выбрасывает за линию горизонта, прочь от примстившейся опасности, или дельфином дугой над волнами — ещё дальше — за окоём!.. Когда зарываешься в грунт донный, что в песок, что в камни, топнув и пошарив ногой... Без них Сальвадор чувствовал себя не просто безоружным. Безруким и безногим, выпотрошенным и ошкуренным, тяжёлым, как слизень придонный на берегу, пойманный отливом...

Сожалел, опасался, задумывал новые, но не успел. Попался в ловушку, и эти не смыть, хорошо жив остался. Бесполезные, вредящие, вот тебе! Долго решался! Правда, таская их, он приобрёл незаурядную и по морским меркам силу... И невозможность лететь!.. А будущее? Какое ждёт теперь? Если ждёт его...

Дроид слушал и спрашивал его, дроид обнимал его тёплым, взгляду невидимым светом, дроид не верил ему... Страсти какие. И один Валет-Рок причина их?

И верил и не верил. Но однажды насквозь густо-янтарно-золотой, прекрасный дроид и человек изуродованный морем очутились на побережье. Когда недоверие дроида стало

обидным, стало обидно-легкомысленным казаться. Сальвадор сел на колени, чтоб успеть вскочить, по пояс в воду и начал шептать имена. Прислушался, повторил... А затем отбежал, как мог быстро. Сгущался вечерний туман... Прожилки на валунах в сумраке синие, как вены... Днём нет.

На этих валунах, не на ближних к морю стоя, человек и дроид через минуту смотрели, как Гарольд шарит руками по берегу, как сгребает камни, давит их... Как пытается выброситься дальше... Не может... Камни жрёт...

«О, непреклонность Доминго! О, сладкая песня Фавор!..»

Обсудить зрелище не имелось возможности, рёв потрясал весь мыс до основания, нечленораздельный тогда. Гарольд заново научится на ноги подниматься, имя Сальвадора заново научится произносить... Пока он орал... И было очевидно, что эта глыба, эта туша поднимает бурю, что начинающееся беснование океана не стечение обстоятельств...

— Меня зовёт... — с грустным смешком успел произнести Сальвадор, когда подкинутый бивнями валун заскрипел на клыках, заткнул пасть невозможной гориллы. — Соскучился!.. А вроде и не дружили... Бедный парень.

Рёв заставил их отступить... Свет дроида притягивал взгляд монстра и тревожил его. Это что-то немыслимое... Сочетание безумия и целенаправленности ужаснуло бы кого угодно.

— Друг, дружочек, — пробормотал дроид, закрывая его и оттесняя прочь с побережья, — прости, что не верил вполне... Мы так далеки от подводного... Дружечка, но как же?.. Этой штуке думать нечем... Помнить есть чем, да, да... Мне, дроиду думать нечем, прости моё недоверие!.. Но, дружочек, он скоро выйдет на сушу...

— Наверняка, — небрежно добавил человек.

— Нет — точно!

Рёв Гарольда словно подпитывала разразившаяся буря, он выдох за выдохом раскатами обгонял человека и дроида, уходящих... Мелкие камни и булыжники полетели им в спины из разинутой пасти. На вдохе врывались в неё, стукались о бивни, о клыки... И снова били по плечам, сыпались на головы...

Через недолго время, когда у него станет лучше с дикцией, рёв Гарольда, единственное "Са-аль-ва-адо-оррр!.." обретёт такую силу зова, такую гипнотическую, приказующую силу, противостоять которой сможет лишь он — Сальвадор! Но не случайные путники на драконах...

После увиденного для дроида началось время терзаний и колебаний. Дроиды не уничтожают, ни то, что живое, ни псевдо-живое, ни вещи, запретные вещи, оружие, запретные Впечатления. Собирают их, прячут и хранят.

И прекращение дроида не есть прекращение его орбит. Сужение их, потеря части бывает обидна, может назваться пугающей перспективой. А полное прекращение... Там же некому пугаться! Обижаться, восстанавливаться из улитки, ждать воли... В конце концов, дроида можно восстановить в совершенстве, как автономного. Высшим он сделается сам, если пожелает. Конечно, это не будет лично тот дроид. Без без памяти, накопленных связей, суммы всех азимутов, контуров, и без решающего, приведшего к турниру... На турнирной же площади вообще нет азимута, есть только противник. Тем специфично-вне-нравственна она, и тем хороша! У кого есть и на площади, рискуют не выйти с неё. Чем азимут на турнире, лучше уж полное, до безоружности разоблачение.

Это там… А на земле — жуть океанская... А на континенте — люди... Песни их... Маленькая, очаровательная жадность их, поиски странноватых артефактов... Старые, новые друзья. Много людей... И Сальвадор, друг, человек...

Тот-Поворот не обращался тогда ни к тронам, ни к Фортуне. Сам, оправдывая своё имя, совершил тот поворот. Избрал и закончил его.

Так и получилось, что дроид вручил оружие человеку. Дроидское оружие. Собственно, нож.

Тот-Поворот под надуманным предлогом заимел улитку, грызущую Синие Скалы. Извлёк режущее, придумал рукоять...

Недопустимое действие. Дроид в руку, можно сказать, вложил оружие против чудовища Сальвадору, тоже чудовищу. До последнего дня Тот-Поворот надеялся рассмотреть Гарольда поближе, что-то другое увидеть в нём, выход какой-то найти.

Да поздно разглядывать, время действовать наступило. Резак оказался похож на скребок, на кастет закруглёнными краями, шире кисти руки.

Оружие было применено и успешно.

Гарольд вышел на берег, вволок, поднял на ноги свою тушу. Он был ещё неповоротлив... Но уже хитрей.

Где бродил? Нетрудно угадать. Место, некомфортное дроидам притягивает чудовищ, и Беспятый Дзонг Ача обитал неподалёку. Под тяжкой поступью Гарольда покачивались Горькие холмы, нипочём ему их соль разъедающая, в глотку ему бездонную шли и люди пролетающие низковато, и высоковато бегущие в ночных туманах тени, серьёзно, он не наклонялся. Он противоестественным, ненормальным движением потягивался, будто всё ещё старался выбросится из воды, захватить, заграбастать берег. Вначале сгорбившись, затем — раскатываясь вверх и вперёд, вырастая... Его, нечастый теперь, рёв разделился на надсадный рык и имя Сальвадора, чудовище приобретало разумность тени. Кто знает, вернулся бы на новой основе разум к нему вплоть до деталей прошлого?.. Не случилось узнать. И эпической битвы меж чудовищами не случилось.

Масштабы несоизмеримы. Сальвадор не струсил и не усомнился. Лишь это и требовалось от него. И не защитился.

Он вышел на яростное: "Сааа-аль-ваaа-адоррр!.." Предстал, сжал покрепче оружие, аналога не имевшее в мире.

Был обнаружен...

За два шага настигнут…

И, простыми словами говоря, Гарольд откусил ему голову. Укусил. Верхними бивнями подбросил, нижними проткнул, прижал к земле и клыки сомкнулись на черепе. А Сальвадор распорол от горла до брюха вздыбленную, непробиваемую шкуру... Пока летел вниз...

Море выплеснулось на него… Ядовитое. Отравленное… Гарольд огромен. Шкура опала, упала на Сальвадора, мордой осталась на голове, под холмом вздыбленного меха скрыла тело. И клыки и бивни остались в голове... Человеку смертельные, но не чудовищу, они стали присущими тенями. Сальвадор не видел, не замечал… Жгла ядовитая слизь изнанки, вспышки в глазах, боль, боль, боль... В солёном до горечи озере под чёрным холмом...

Через некоторое время он смог встать. Выползти из-под шкуры.

Тут кроется ответ, как получилось, что миллионы лет сохранилось пролитое на Горьких холмах Впечатление Гарольда. Как получилось, что и доныне одержимые коллекционеры могут зачерпнуть его. Ничто не храниться столько?.. Верно, это не оно.

Вода Гарольда и есть — вода Гарольда. Корень его. Из чего состояло его внутреннее море? Из Впечатлений его несчастных жертв! Великое Море всё разъедает, дробит, перемешивает.

Воедино сведёт Свободные Впечатления испаряющее тепло и роза ветров небесная. В облаках связными они возникнут и прольются опять. В Гарольде, закрытом море, со всех сторон закрытом, отобразились, задержались только страшные, последние мгновения, предсмертный ужас его жертв. Соответственно, и содержанием этих Впечатлений, однотипных, попросту одинаковых, являлся он сам. Некое совершенство, дважды им являлся... Его и зачерпывают безумцы с горькой солью вместе, чтобы сделать проклятый глоток... Бежать, как воды Гарольда...

Вспышки в глазах, действие яда, помутнение рассудка… Или правда дроиды?.. Много-много дроидов, подобных его другу. Тёплых, одинаковых... Они окружили одного, уводили... А он обернулся. Из-за тучи, чешуйчатой, внезапно возникшей за каждым из тёплых дроидов. Но этот, по центру, выглянул из-за дракона, кивнул и улыбнулся ему, как луч из рамы светлый: всё нормально, всё получилось, и не грусти.

Стеной Чёрных Драконов и оттеснилась, растаяла, восходя, стая тёплых дроидов. Чтоб не устроили свой танец, чтоб нарушитель до площади не сбежал. Этот турнир ему не выиграть.

Чёрные Драконы слились с небом, Сальвадор долго смотрел, как отдаляются тёмно-золотые, смугло-золотые созвездия дроидов, не поднявшись выше огоньков Туманного Моря дроидов, куда и ушли... И стало холодно, холодно как всегда. Только что он осознавал победу, и ему казалось, что всё хорошо, всё кончилось. Когда смотришь на что-то прекрасное, ведь нет тебя, а есть оно. С отвратительным другая история... И Сальвадор забылся, плюс отрава. Шкура пообкусала его, она не слабей воды Гарольда, прошла сквозь века и характер изнанки сохранила. Вреда от неё немного, но и не уничтожить, можно лишь прятать.

Сальвадор вспомнил про нож в руке, поднял осмотреть зеркальное голубое лезвие... И увидел себя в нём... Боль, разрывающую голову увидел в зеркальном, дроидском лезвии... Это даже не голова... Рёв Гарольда, страшный зов, рык его заглушён был бы воплем омерзения, отчаяния и ужаса! Рогатый всеми бивнями монстра, всеми его клыками!.. Клыки торчали сквозь проткнутые губы вперёд. Гарольд был огромен!.. От Сальвадора остались глаза, да и всё... Остальное — невыразимый кошмар... Тёплая, золотая улыбка дроида, тот свет, что скользнул по нему, раненому перед столетиями подводной тьмы... Нескоро Сальвадор выйдет на сушу. Но он выйдет! Слишком долго боролся, слишком ценил жизнь, чтобы сдаться.

Сальвадор-Джокер принял единственно верное решение, немедля уйти в Великое Море. Насколько возможно справиться с этими тенями там. Пусть священное, злое море само выберет, что сглодать до предела — его или проклятые, раздирающие ослепительной болью, тени. В лютом холоде водопадов забвения, где отбивают рассудок Морских Собак, он пребывал на силе воли. На одном своём мужестве. И встречал в океане этих собак, не уклонялся, авось откусят, отломят хоть часть... Всё, всё, что мог, он сделал, чтобы остаться человеком. Чтобы вернуться не в небо, так хоть на сушу... А когда-нибудь, может и в небо?.. Когда-то — Сальвадор. Отныне Джокер — ни там, ни тут.

Глава 118

Глава 118.

Карат объявился, наконец! И где пресловутое терпение Густава, день подождать?

Обнаружив приятеля в Пан-Квадрате, он подпрыгнул, ударил кулаком в кулак и не отпустил, пока не выпалил всё вперемешку, феномены, догадки, открытия, планы не будущее.

Засели в сторонке от других, Карат расслабленно, на Столпе восходящего тепла, Густав на кубе сломанного модулятора, размахивающий руками, когда не хватало слов, садящийся ближе, шёпотом повествуя о горизонтах возможного, вскакивающий с него. Под насмешливой, одобрительной улыбкой. Тоже, комодо... А каким на Техно пришёл, как зверёк любопытный, бессмысленный. Носится, нюхает воздух, надо и не надо везде свой нос суёт... Чисто — живой артефакт, сбежавший от хозяина! Обыкновенный курсик. Талантливый, молодой.

Охотник везде охотник, глаз — алмаз, Селена заинтересовала Карата. Как Густав и ожидал, изгнанница оказалась на первом месте в ряду новостей, принесённых другу в подарок. Рад угодить.

— А делали такое до неё? — спросил Густав друга.

— Мне не известно, нет.

— Почему? Идея лежит на поверхности.

— Идея трёхчастная, Густав. Три фактора совпали, три формы: составная неделимая часть стены — линза, сама стена — тоже, она же, понимаешь, одна идея, не две разные. И порыв отгородиться от преследователя. То есть, он прямо тут, но — за преградой. Как и мир, весь, мир, где угроза. Соприкосновенье более чем плотно, и не ограничено ни вширь, ни в глубину, в свете предыдущих двух моментов... Говоришь, нет объёма у коридора? Понимаешь, что это значит? Линзы имеют абсолютную толщину. Боюсь, этот мир, при сохраненье этих качеств, рынком не сделать. Как и лаз не сделать, дырку в подобной стене!

Секретное кончилось, они заговорили голосов не понижая, о том, как занесло Густава в испорченный мир.

Он отмахнулся:

— Джокера осталось получить и можно испытывать проклятую колоду. Если сработает, заказываете. Буду охотиться ею на вас, технари.

— Чо-чо?.. — жестом остановил его Карат. — Ты зашёл так далеко? Густав, ты упоминал, что подбираешь то тут, то там монструозиков лица, но я думал любые, по случаю, а не цельный кон для игры... И ты дошёл до Джокера?

Поблизости толпился народ, бумцал марблсами, очерёдность на модулятор разыгрывал. Ядовитейшие Суприори и Свасти обернулись с синхронностью мимов, друг на друга взглянули, и как болванчики синхронно покачали головами. Изобразили глубокую скорбь... Перемигнулись, словом не удостоив Густава, насели на его собеседника:

— Ай-ай-яй!.. А что-то господину Карату завещают кусики его?.. А ему одному или всему Техно?.. А нам ли не перепадёт?..

— Мне, мне! — замахал Суприори. — Тебе-то с какой стати, Свасти?.. Ай, хороший был кусик, богатый! Я с Южного привёл!..

Суприори в своём репертуаре. И не такое слышали от него. Но и Карат решил уточнить у него, а в чьём, собственно, владении остался испорченный мир, когда отчёркнутость щёк, улыбка попала лица, стало ясно, что скептицизм этих двоих он разделяет.

— Но почему, Карат? Можно как угодно относиться к Буро, а уж как он ко мне... Но что безобразий не то что в шатре его, а и поодаль не случается, факт. И что слова не держит, кто упрекнул бы?.. Я?.. Не на Южном было, и условия я, если начистоту, слышал, не глухой, и сам принял...

— Мы ж однобокие, мы, как шкала с линейкой, технари! — вмешался Ментор, подошедший сзади.

Он размахивал вращающимся деревянным флажком с трещоткой. Только что сделал на Краснобае, пришёл шутковать и хвастаться.

Напыщенный как индюк, в чёрном, в защитной манишке... Шланг от намордника, сдвинутого на лоб, заранее одетого, — в мире оставлять далеко, а тут бросить — сопрут, — болтается мимо носа, в очиститель на ременном поясе уходя... Индюк-Техно, кибер-индюк!.. Ни взглядом, ни тоном не выдаёт шутки, так, преисполненные важности, напыжившись, и уходят гости Краснобая, где им позволили создать что-то собственноручно...

На Мелоди был бы отличным мимом! Вместе со Свасти, побратимом и ядовитым приятелем их. Нота не таков...

Трещотка пела прерывисто, на знакомые песни не намекая, и всё же звук её ранил Густава, опять трещотки, надоело... С неприятностями приходят. Мастодонт Техно Рынка, не просто же так потратил время делая её. Зачем? Видно, форма ему нужна, в считывающий модулятор сунуть, параметров не рассчитывать, не задавать.

Ментор отвесил полупоклон Карату, извиняясь за вмешательство:

— Мы, примитивные, как мыслим? Если чего-то не бывало, с чего бы оно вдруг появилось? Наверное, поэтому у нас ничего и не получается!.. Но с другой стороны, если что-то бывало и давно, с чего бы ему прекратиться? Наверное, поэтому мы всё ещё тут и не прекращаем попыток!.. Чего мы не видели, в то мы не верим... А кона мы не видели, так, Свасти?

Побратим его важно кивнул:

— А людей, Ментор, мы видели, которые кон видели?

— Даже издали нет!..

— А слышали тех, кто слышал про таких?..

Скорбно и саркастично покачали головами все трое. Карат пожал плечами, он тоже не видел и не слышал про таких:

— Джокера не было, Густав. Ни у кого.

Суприори тоже не удержался почесать языком:

— Тут нельзя утверждать, друзья мои, что Джокера никто не видел... Нельзя утверждать, что никто не создал... Но вот, что никто им не воспользовался, на нашей памяти, это можно. А мы картёжники, Густав, да. А ты — нет, кстати, Густав. Ты к нам не приходишь. И зачем тебе проклятая колода?

— Приду, — ответил он, недобрым взглядом сопроводив.

Раскаркались, вороны, будто кто спрашивал их.

В свете услышанного, Густав перестраховался, как мог. Встреча не только назначена в постороннем, мариковом шатре со срезанной верхушкой, на что подозрительно быстро согласился Буро, но сразу в присутствии жертвы на пирамидке. Разом путь к отступлению и тот, кто станет Джокером. Густав смотрит Джокера в двух шагах от торгового шатра, простёртого к его Собственному Миру. Неужели секунд не найдётся у него, чтобы туда взмыть? Но подозрительно даже не конкретное согласие, а то, что, кажется, Биг-Буро в принципе не проявил интереса к обстоятельствам и условиям. Произнёс своё "га-ран-ти-ру-ю...", что встреча

не является для него охотой, гнусаво, занудно и отчётливо, как всегда...

Обговаривая детали под скучающим, отчуждённым взглядом чудовища, Густав всё же спросил, а сделал ли кто последнюю карту прежде него. Буро рот изогнул, цыкнул зубом:

— Всё ж знают, что нет... Не сделал.

Помягчел вдруг, припомнив что-то, и мигом выторговал сопутствующее условие: человек на пирамидке будет с его стороны.

— Связанный? — уточнил Густав, поразившись своему быстрому согласию.

— Разумеется.

"Ого... Думал, я у него в фаворитах... Кто ж это заслужил у Буро такую честь? Меня обошёл... Чем сумел досадить? Ну и долги у людей".

А не было никаких долгов.

Робкий, застенчивый, скромный Амиго упросил Биг-Буро видеть Джокера. Без никаких колод! И Буро к этому изгнаннику не как к рыночным коллекционерам отнёсся.

Спросил сурово, насколько ясно ему, что обратного хода нет ни у годов, ни у секунд. И что можно передумать, пока можно, но нельзя, когда уже нельзя. Что не обязательно и не во-первых сказанное относится к ядам. А течёт безо всяких ядов время жизни и Впечатления, воедино, не разъединить их, не остановить... «Ага-ага, понимаю, согласен...»

Техническую часть, Амиго понял так, что Впечатление тринадцатого чудовища храниться в редком состоянии, вроде пара. Бывают такие, или ледышку глотай, или вдыхай пар, в который сразу переходит она. Тут была одна несостыковка, Буро сказал:

— Тогда... Тебе нужна защита. Универсальная, дроидская... Пирамидка. Чужая... Не боишься? Я сто из ста даю, что как взойдёшь, так и сойдёшь с неё, но постоять придётся...

Но ведь дать что-либо человеку на пирамидке может только её хозяин, ни туман, ни дождь не коснуться стоящего на ней...

О, как горячо Амиго его благодарил!

Будущий летописец Архи-Сада и континента, да и дроидской сферы! Автор небывалого, двух сведённых словарей — двух эсперанто! Каллиграф необщего дроидского, в котором нет общих понятий ни для каких явлений, но все явления по-отдельности пребывают... Прославившийся возрождением старого вайолет, сказочник Амиго станет Соль названным братом.

Её давно беспокоило смутное недовольство при его очаровательной болтовне, лихих, несбивчивых россказнях. Недавно поняла отчего: драгоценности перепутывались с мишурой, а что ещё хуже — возникали на языке его и в листве сай, вокруг зелёного костра, в ушах, и смехе, и тишине — таяли... Пропадали! Как же так?..

Она давно собирала и записывала истории из Впечатлений. Но Амиго не хуже... Лучше!

Вначале они не поняли друг друга. Соль начала придираться к нему: "Отделяй, пожалуйста, где правда, где можно проверить, а где ты лично наплёл!.." Амиго услышал как: ври поменьше. И обиделся. Затем понял. Но при зелёных кострах он все равно веселил народ, как взбрело на ум!

Наедине же они, задумчивые, начали разделять жанры... Коллекционировать по темам… Дроиды. Дроиды-выдуманное. Древности. Древности-выдуманное... И позже всего, но с особой страстью — нынешнее время, не дожидаясь пока оно отпечатается во влаге ради чьего-то глотка через миллионы лет. Пока пройдёт через достраивающие и отсекающие фильтры выдумок,

вплоть до песни на Мелоди, до саги.

Бутон-биг-Надир не торговался с мальчиком, потому что увидел будущее его раньше, чем кто-либо и сам сказочник. На просьбу его дважды дурацкую откликнулся, на неподдельную страсть, трогательную имитацию морской вежливости, преодолённую боязнь, очевидную.

Амиго твёрдо верил в некую связь Джокера с Лакричной Аволь! Втемяшилось ему, что вернувшийся тринадцатый побывал за Двумя Дверьми!

— Ну, нет же! — повторял Буро, воздевая руки, с баса на стон переходя. — То, тайна… И это, тайна!.. Вот и примстилось тебе! Нету связи, не-ту!..

— Пожалуйста! Биг-Буро!.. Уважаемый! Бутон-биг-Надир!.. — и всё по новой. — Аволь где-то могла отпечататься, во Впечатлении его, совсем в древности! Я запомню его, лицо, нерафинированный, цельный тон его Впечатлений, узнаю, встретив ещё!

— Ууу-уй!.. Если б ты знал, что болтаешь!.. Вздор какой!.. Узнаешь... Для того соглашаюсь, — проворчал Буро, — чтоб закрыть тебе ложные пути... Соглашаюсь.

Соль будет рукой, Амиго душой и голосом, а Биг-Буро неисчерпаемой сокровищницей этого триединства летописцев.

Густав же стремительно приближался к тому, чтобы превратиться в несколько коротких строк.

Золотым коктейлем с тенями угощал его Хан-Марик в этом шатре на задворках.

Свет пасмурного дня льётся сквозь косо срезанную верхушку, из-за чего не посредине, а в дальней части оказался загодя Густавам поднятая пирамидка, окружённая коническим маревом. Над тонким как игла, светящимся остриём стоит человек. Маленький изгнанник. Руки не связаны, узнав кто, Густав счёл лишними такие предосторожности. Странновато, не гут... Биг-Буро хочет придать огласку похищению и осложнить ему контакты в Архи Саду? Попросту вытеснить, изгнать оттуда? И снисхожденья к случайному человеку Буро не проявил?

— За что платишь так? — мельком спросил Густав пленника.

Амиго честно, без паузы ответил:

— За любопытство.

О, под этим может скрываться самое разное, неоплатное, неисправимое в том числе... Тогда не удивительно.

На полу брошена та же огромная, жесткошёрстная шкура, разбросаны те же бутылки, пустые. Курительницы подготовленные. Одна крупная вещь до поры не заметна ему, не оружие, но загадочная штука. А Буро в неё смотрелся как раз...

К созревшей, как плод, ненависти прибавлялось ещё раздражение на нерешительность, охватившую его. Не только для Густава, и для Буро вчерашний день прошёл с весёлой безуминкой, в кругу нефальшивых друзей... Планы не спутав, взбаламутив настроение. Буро попомнил Клока. Некому задурить Чудовищу Моря мозги ответственностью, за что неответственен, но что-то заставило его придержать открытой уже захлопывающуюся дверь. "В щёлку сумеешь просочиться, скользкий комодо, я не огорчу Марика твоим исчезновением, заслуженным тысячу раз! С Сомой договоримся как-нибудь..."

— Желаешь взглянуть, — не оборачиваясь, бросил он, — на успехи твоих предшественников, Густав?

Отчего не взглянуть...

Внутренний раздрай Биг-Буро происходил от праздника, что устроили ему вчера изгнанники Архи Сада. Они и охотника искали, отблагодарить не на словах, а на деле. Не могли найти. А так у них получилось хорошо!

Процессией шумной и яркой они протекли скввозь ряды, с подносами, с плодами, подарками от сада, личными дарами. У кого, что нашлось. Ни один не пришёл с пустыми руками. Никто без танца и песни. Изгнанники озарили Южный и мрачновато начавшийся день. Увешанные гирляндами из жёлтых цветов, облетающих быстро, но таких многочисленных, что путь от рамы до его шатра покрыл благоуханный ковёр. Площадь они засыпали благовониями, принесёнными с собой, и Карат, проходивший мимо, улыбнулся знакомому перечному вкусу... Техническую химию добыв, они разбавили её и приспособили для сугубого удовольствия, молодцы! Другие, незнакомые цветы, неувядающие цветы-метаморфозы и любимые Псом орхидеи украсили полог.

Селена с Изумрудом шли скромно в конце процессии. Биг-Буро таким образом довелось познакомиться со Злым Владыкой Великого Моря. Слишком разные. Оба — древние существа. Не поговорили толком, но обоим было интересно.

Где охотник Буро не знал, позвать не мог. Короче, повезло. В кои-то веки Мелоди не купленный, не нанятый, с любовью и благодарениями пришёл к нему! Из коллекционного много выпили, площадь ожила, притягивая местных вельмож, гостей и прохожих... И вот близился вечер следующего дня.

Буро отогнул край шкуры, достал из тайника в земле пуляющий ларец, приспособление для заядлых, мнительных картёжников, тасующее и сдающее карты. Тасование отключил. Оставил ларец над тайником стоять. Завёл обычную механику на полную пружину и отошёл от неё. Ларец щёлкнул, раскрыл боковые прорези...

О, дроиды светлые! О, небо и море, сколько же их?! Когда они кончатся?! Ларец с незаданным ему числом игроков и площадью стола разбрасывал, пулял карты по кругу на всю площадь шатра. Номерные и проклятые лица.

Ими можно было иллюстрировать подряд перемены мод и стилей рыночной жизни, историю эпохи дроидов можно по ним изучать!

С обычной, линованной ромбами рубашкой, которую, чтобы не путаться выбрал Густав, и скупать недостающее по случаю. С рубашками однотонными и расписными. Обманными, будто полупрозрачны, и видно лицо у карты. С рубашками, которые и в руки взяв невозможно отличить от инкрустации перламутром и драгоценными камнями, так хороша голограмма! Угольно-чёрных рубашек больше всего, с древними символами смерти, мрака и колдовства. На пепельно-серых сидит паук. Здоровый, мохнатый. Владелец — паук. Колода — паутина. Снова чёрные, мраморные... Снова с пауком...

Густав начал считать их, однотипные и воскликнул:

— Она полная, колода! Дособранная!..

— Да?.. — усмехнулся Буро. — Только эта?..

Шкура и весь шатёр оказались покрыты слоем карт. Пошёл второй слой, третий... Густав бродил по нему, как лунатик. Очнувшись, поднимал, разглядывал... Те же чудовища из других Впечатлений. Отличаются ракурсы. Гарольд один и тот же из мрака волн поднимается, чтобы ужаснуть и пропасть. И юноша Кит. Валет не менялся. Есть ли причина тому, и какая? А тому, что Биг-Буро устроил это шоу? Последнее предупреждение. Не нужно обладать богатой фантазией, чтоб представить себе, что и этих карт коллекционеры надеялись на какой-то другой

финал. Что плотно склеенный брусок его кона с большой вероятностью отправится в этот ларец. Понял бы и слепой, опоённый оливкой. Отступись.

Буро не ждал такого исхода. Его и не случилось.

Биг-Буро наполнил курительницы, отдающие Впечатление паром из вытянутого, стройного как ваза медного кувшина, поджёг стружки. Четыре штуки. Тыквы горлянки напоминали по форме, с ободками отверстий. Нижний резервуар побольше, в нём собственно связное Впечатление, верхний поменьше, где-то треть предназначен для морской воды. Она превращалась в пар медленнее, тяжёлый как морские туманы. Она дробила и прижимала к земле основное зрелище. Приспособление для гурманов. Чтобы пить одно Впечатление, а ногами стоять в другом. Или сидеть, как отрегулируешь. Одновременно, с наложением, всё равно невозможно смотреть, но интересный эффект получается.

Земляной пол, карты разбросанные заволокло туманом. Колыхаясь, он начал подниматься, но испаренья морские разбили его до прозрачности и задержали. Воздух в шатер становился поперечно полосатым, сырым. В этом тумане Густав и обнаружил, что не на пустую стену любовался Буро, лишь бы на него не смотреть.

Срез тумана… Там было зеркало, стекло. И отражало оно лишь туман. Его — нет. Пирамидку — нет. Немного — Буро. Густав запрокинул голову... "Лепесток" из Великого Моря... Как те, что используются за ножи. Как те, в которые смотрелись собранные им чудовища. Выстой в три человеческих роста. Сколы по краям. Неидеальна поверхность. И её коснулся океан. "Дроиды светлые, кто и как смог притащить эту громаду на Южный Рынок?.. Или Буро создал подобие не пирамидке?.. Зеркало — Пятистенок Файф..." Да, вертикальное, пять граней, никто не правил его грубые, страшно острые сколы. Инструментов нет для такой работы.

Буро подошёл к стеклу ближе, золочёные дуги короны отражались разбитыми будто рябью, но куда отчётливей всего остального. Вместо лица — пятно. Подол одеяний под туманом виден до малейшей бисеринки.

— Лезвия да скребки… — к Густаву не обращаясь, проговорил Буро. — Не используют лепестки как зеркала. А они — необычные зеркала... Зачем, с другой стороны?.. Повыбрасывать всякое старьё давно пора. Не собраться. Бывает, заваляется в кармане какая-нибудь ерунда, вынешь, повертишь, покрутишь и обратно опустишь. Так и сживёшься за годы с ней.

— Глубокий кармашек!

— Разве? От первого игрового ряда до сюда вот, разве глубок? Для колоды карт, такой внутренний кармашек.

— Для меченых, для козырей? В рукаве кармашек?..

Густав грубил, ему было не по себе. Отчего непонятно. Стопы обмывало Впечатлениями разных морей, просто морей, ни яда, ни запретного, ни монстров. Видимо, антураж. Заметив свою грубост, он немедля сменил тон. Исправиться лучше вопросом:

— Биг-Буро, а ты задумывался, откуда такие лепестки в океане?

— А ты что, не пил предпоследней эпохи никогда? Дома ж строили из них. Размером с горы.

— Точно! Видел, но не соотносил. Обычно — ножики с ладонь. Не осколки получается, брызги.

— Да... Этот тоже по-своему ножик. Отрежет Джокера от Неджокера. Из середины его

жизни. Сальвадора от Несальвадора...

— Зеркало видит Впечатления в тумане? Отражает их?

— Нет... Ты увидишь... В осколке, как положено... Как и собирают их, как узнают...

От сырости в шатре становилось тяжело дышать. Грудь растягивалась тугой резиной. При нырке легче, там сразу вдох и выход становятся настолько протяжёнными и ровными, что незаметно один сменяет другой, их там и не замечаешь. А тут — удушливая тревога.

Биг-Буро стоял рядом, не смотрел на Густава и, похоже, не хотел, чтобы на него смотрели… Плохой знак. Для всех хищников, сохранивших хоть что-то человеческое, общая привычка... Со стеклом, с лепестком разговаривали. Густав в виде контуров за слоями тумана. Буро — очертанья в короне.

Глухо и нараспев, без выражения, Биг-Буро обещал это, он повторил свой рассказ. Про тринадцатого. Сократив, сколь возможно. Без пауз разворачивающийся он содержал, тем не менее, столько внезапных конкретных штрихов, что делалось жутко. Густав решил, что Буро, известный мастер хитрых словес, выдумывает, мороку нагоняет, красуется перед самим собой.

Но когда дошло до Гарольда, вырастающего из волн, не способного выйти на берег, до пены с его клыков... Буро дёрнул щекой, осязаемо прямо... Словно пена попала!.. Захотелось что-то сказать вслух, перебить этот морок. Хоть глупым вопросом…

— Он кажется неодолимым... И неизменным... Гарольд имел что-то внутри? Жизнь?.. Кроме бури...

— Как сказать... Он был к тому времени чем-то вроде Падающего Факела. Останки, уплотнённые до свечения. Вечные, как вот лепесток стекла... Падающий, Пожирающий Факел... Идущий, падающий на сушу...

— О, знаю, в Архи-Саду видел...

Неживой голос Буро. Глухой. Мимо обращённый:

— И этот сейчас увидишь. Комодо... Подпрыгни, или сойди...

Густав не успел, не понял, куда?.. И не увидел под туманом. Резким рывком Буро выдернул шкуру из-под ног, заставив его упасть, кувырнуться. Поднимаясь, застыл...

Как держал бы зверя за шкирку, Буро приподнял шкуру, в его кулаке она казалась живой, агонизирующей, извивающейся в тумане.

— А?.. Пламя?.. Неугасимый Факел Морской?.. — сказал он глухо и мимо. — Узнаёшь его, комодо?..

Да!.. Он узнал!

Как в кошмарных снах, снизу вверх он смотрел на косматые, жёсткие патлы!.. Секунду назад мнимость, чужие россказни... А он-то всё удивлялся, кто по недоразумению создал такой неприятный артефакт? Ненависть создала, предательство и Великое Море.

Туман охватил изнанку, густая прозрачная слизь начинала сочиться. Буро стоял в ней, и шипение раздавалось под его ногами…

Шатёр был переполнен и переливался проклятием Горьких Холмов, туманов воды Гарольда...

Защищён от неё единственный, кто в этом нуждался, Амиго. Изгнанник на пирамидке не отражался в высоченном стекле лепестка… Остальное — да. Там…

Буро развернул с глухими словами:

— Туда смотри, комодо. Там будет твой Джокер.

Чёрный Дракон рычал за плечом Густава, но Буро, — "га-ран-ти-ру-ю", — пальцем к нему не прикоснулся. Ткнув, в отражение смотри, больше не прикоснулся…

Густав долгие годы загонял себя в эту ловушку. Всё удавалось ему, удалось и это. От зачина до Джокера проклятой колоды. Мог ли теперь не смотреть? Мог ли отвернуться на последнем этапе?

Косматая шкура, жёсткая как гневное море…

И курительницы не для людей наполнены, подожжены, а для неё. Её напоить...

Буро ударил кулаком многотонное зеркало лепестка, так, что оно развернулось, сквозь туман свет пирамидки стал отражаться в нём.

— Лучше видно? — глухо осведомился он.

Отступая, Густав оказался в двух шагах от собственного торгового шатра и Черный Дракон пропал. Впрочем, дело не в дроиде, а в упрямстве.

Одной рукой Буро опёрся о тент за спиной у Густава, эта рука так и осталась там, проклятье. В другой, левой руке сочилась слизью, извивалась над головой поднятая шкура. Шкура Гарольда... Отчётливо в отражении, а он нет… Будто его нет, проклятье.

Буро встряхнул шкуру, слизь брызнула сквозь туман, и Густав увидел, что она разъедает дорогую парчу, капли, брызги, шуршат… Лохмотья с бисером вперемешку... Вздрогнул, осмотрелся, он невредим, проклятье. Что-то не радует...

А Буро, словно не замечал, смотрел на шкуру, на кулак сжатый, наверх, в отражение.

— Их много у меня... — неживым, глухим голосом протянул. — Не меньше, чем проклятых колод... Чем везунчиков, прошедших Горькие Холмы, и не внявших Чарито... Все настоящие! Но эта — та самая... Его... Он был неплохим юношей, Гарольд... Неумным, но прямым. Року, вальту он был предан. Достойное уважения качество. И человеком был громадный, как медведь. Рок предал его. Не потом, однажды, а изначально. Использовал и предал. А от самого Рока и шкуры не осталось. Понял, к чему я клоню? Комодо?.. Не знаешь ли на нашем Южном подобного человека?

Густав, опершись спиной о железную руку Буро смотрел молча… Как эта чёртова слизь превращается в водопад… Как сейчас утопит его в окончательном омерзении….

Но Падающий Факел шкуры притягивал лишь самого Буро. Вился, бился в поднятой руке, истекал…

"Он одержим этой историей, — подумал Густав, — он тоже пробовал корень проклятого Впечатления и тоже борется с ним... Он безумен... И я, что пришёл сюда..."

О, нет! Бутон-биг-Надир был, наверное, единственным существом, не имевшим надобности бороться!.. Бояться, бежать как огня, ха-ха... Пройденное сто раз. Выше поднял, снова встряхнул шкуру и глухо в отражение договорил:

— Не за то получаешь Гарольда, комодо ненавистный земле и небу, — и мне! — что вывел изгнанницу. А за Марика... За того, кого продал. Змеиная сущность твоя... Джокера не получают за благое. Смотри, комодо, бери свою плату... Смотри! Во всей красе, каков был он, Джокер!.. Смотри же!..

И накинул на плечи шкуру.

Густав всё ещё не понимал. Он старался держать голову повыше, подальше от чудовища, вдыхая. Думал яд там, в тумане курительниц, или в тенях, истекающих от изнанки. Но не было там яда для него, и Джокера там не было. Что мог, он имел уже, тронув проклятую воду. Только морской туман, только Впечатления волн, глубин, морей. Буро вдыхал их и преображался...

Шкура впиталась в его рваный, разъеденный наряд и облетала клочьями. Оттого что Буро сильней! Однажды выиграл, впредь — не испугается! Он выглядел, как атакованный пчелиной стаей, клоками летевшими на него, впивавшимися, собиравшимися в стог, но строг разметало ветром...

Густав смотрел в стекло...

Почему всё тёмно-красное?.. Пылает медью... Как Эми-Лис на плато... Пылают зеркальные сколы, бросают отсветы на рвань под ногами Буро... Как он уродлив, дроиды... Гут, гут, смотри!.. Некуда, незачем свернуть с вершины... Ноги-тумбы... Слоновьи, круглые. С наплывами изуродованный кожи над ними. В пятнах кусающей шерсти, в склизких, на этом уродливом теле, как в утренней пыли погибающих тенях, яд, яд... Шары коленей... Под атакующим, ядовитым смерчем стальная кольчуга из крупных звеньев, перевязь огибает туловище несколько раз... Что за странный нож на ней?.. Почему всё красное? И сыро и жарко... Как Лалы на мне, я — как в океане... Всё сделано из горящей меди... Даже марево торгового шатра — медное... Даже человек в зеркале лепестка... Всё из меди. Раскалённой меди...

Храбрый, холодный и циничный, готовый к любым неприятностям, внезапным в том числе, Густав первый раз в жизни видел, как неукротимо пылает его Огненный Круг. Омерзение… Брезглив, единственная слабость. Ускорившись, Огненный Круг, как расширился, как задевал обо что-то в горле... О мертворождённый крик?

Густав молчал. Он досмотрит. Смотрел.

Медный огонь без Густава, заслоняя Густава, горел в лепестке. Чудовище, озарённое им, горело…

Оно повторило, глухо смеясь:

— Наряд его не очень, да? Что же лицо? Лицо получше будет...

Глухие слога отсекались, словно Буро шинковал что-то, бамбук на короткую сломку. Свою ненависть шинковал, по кускам отдавал, и бамбук кончался…

— Смотри, комодо! Джокер!.. Венец твоего везения, комодо!

Горел... Как Эми-Лис... Понял...

"Однажды твоя судьба найдёт тебя, и лицо её будет ужасно..."

По кольчуге текли ручейки позолоты. Захлестнул и высокого Буро серый, рваный туман. Ярко и мертвенно белели дуги короны...

— Ах, я забыл! — смех Буро был ужасней его уродства, — Джокеру нужен шутовской колпак, а вовсе не корона!.. Смотри, комодо, грязный, как все ача! Гнилой изнутри, от гнилости светящийся, Падающий Факел моря!.. Освети нас получше! Страшно, да?.. Не бойся, я сказал, что не трону тебя. Посмеёмся вместе над Джокером, извращённой тварью морской...

Белая, русальичья рука в отражении взметнулась и сняла корону... Не корону, обод сняла... Лишь его, широкий, украшенный опалами.

Остались дуги короны...

Остались рога...

Страшные, незаживающие шрамы шли от них по лбу. Брови рассекали...

Густав смотрел: на белизне всех кошмаров ночных, на загнутых бивнях Гарольда… Лежал, играл, вздрагивал медный свет его ужаса.

Буро наклонил голову:

— Красивый? У Джокера колпак?

На затылке тускло блестели кровью заплывшие мёртвые глаза. А между бивней на макушке — провал. В безмолвном рёве чернел провал пасти с опавшими, рваными губами. Огоньки дроидов метались в нём, не в силах исцелить.

Сердце рвалось на свободу, прочь из человека, от глаз на это смотрящих, прочь, прочь. Огненный Круг бился, задевая уже не о крик в горле, о лязгающие зубы, сотрясал тело, хотел остановиться.

Буро оттолкнул его, железной, каменной рукой в спину: стой на ногах, комодо, что случилось? Не этого ли искал?..

Толкнул и поднял голову…

Уже стояли они лицом к лицу…

Трещины пересекали его лоб и скулы. Губы разошлись... Клыки рассекали щёки, бивни рогов задевали стены шатра... И миндалины глаз, разъехавшихся, косящих, сочились кровавыми огоньками. Их свет обжигал.

Дышать нечем. Мёртвый голос Буро стал шепеляв и уродлив, с трудом там где-то ворочался язык, но горечь вознеслась и над этим уродством. Скорбь. Горечь.

— Гарольд дорого встал мне... — выговорил Буро. — Подороже, чем тебе проклятая колода, моих старых приятелей лица... Безумцами были они, безумцы и тревожат их несчастную память. Дорого... Хороший колпак у Джокера, весёлой карты? Нелегко мне жить с этим... Но с тобой бы не поменялся! И на день, и на час!.. Стократ лучше, таким быть, но не как ты... Комодо, недоверчивый Густав!.. В лицо мне смотри! Получи заслуженного тобой Джокера!

«Сейчас я умру...»

Полог шатра отлетел, от вопля задрожало многотонное стекло лепестка, затряслось отражение в нём. Треснуло! И чудовище, и непереносимые рога, и на них медное пламя...

— Буро, нет!!! Назад!..

— Он продал тебя!..

— Буро!

— Продал!!!

— Назад!!! Буро! Моё! Прочь! Не прикасайся!..

Вихри. Вопли. Свежий воздух, о... Медная тьма... Серые мариковы глаза, пожелтевшие от гнева, как грозовая туча...

Глава 119

Глава 119.

Опустошение... Кусочек жизни вот… Где остальное? Где весь я?.. Что-то куда-то делось. Что? Куда?.. Определённо делось. Тут никаких сомнений. Было и — бац, словно и не было. Отходняк, конечно... Опустошённость. Провал.

Ветерок дул в лицо, и настолько велика была иллюзия, что грудь, как сито с Техно, — простая вещь, залежалую породу для модуляторов просеивать, — что Густав обернулся. В самом ли деле ветер проходит насквозь и спина чувствует холод? Он сидел лицом к ветерку, спиной к толстенному дереву сай, к отдававшему жар, утреннему кострищу за ним, ни сквозняка, ни дырок в груди...

Зависимо от степени везения, раненый на континенте попадал к Оливу или в Архи-Сад. Но везение Густава, кажется, никуда не делось. Он был в Архи Саду. Марика не было.

Вина была. Буро справедлив в гневе, с другими Хана не следовало равнять... "Да я ж ничего не сделал... Я, может, и передумал бы..." Амиго крутился в поле зрения, значит, его рукой как-то снят. Ну и отлично. Хана не было... "Где мой Хан?.. А вспомнил, он не желал тут объявляться... О, дроиды, Джокер!.. Так выходит... Сколько же лет ему, Биг-Буро?!"

Густав уже несколько раз уже пытался встать, ногами уйти... Плюнул, позвал дракона. Тот не замедлился. Обнюхал, обфыркал его, обкусал все уши, да вместо дороги домой, Густав так и заснул в постепенно таявших, кольцах чешуи, счастье — без кошмаров.

А на следующий день приятная девушка с карандашом за ухом принесла воды, настоя цветочного... И попросила его дождаться возвращения Беста. Своевременная просьба, Густав нуждался в ней. "Но где-то мой Хан?.."

Человек настолько образован, касательно устройства дроидской сферы, насколько это интересовало его Восходящим.

Густав — не образован вообще. Дроидские услуги воспринимал как само собой разумеющееся, так же и прекращение их. Общие правила жизни он не обсуждал, ни с другими, ни в уме своём. В отношении дроидов не имел ни интереса, ни претензий. Такие машины, так устроен мир.

Неожиданным и, в общем, безразличным стало приглашение Беста в дроидскую сферу. Объяснённое тем, что зван, как оказавшийся на не прояснённых перекрёстках дроида нарушителя... Важно для них. "В сферу..." Густав, ещё в отходняке, представил себя в прозрачном шаре... Выше облаков летит, кувыркается, и улыбнулся... "В сферу, прикол... А куда угодно, лишь бы не домой, в пески и не на Южный, не в таком состоянии".

— Из сада в сад, — мягко настаивал Бест, — дроидский!.. Ради пары вопросов...

— Ради твоей просьбы, хозяин прекрасного места, — Густав не утратил навыков. — Я единственный приглашённый?

— Последний из доступных... У Архи Сада нет хозяев, как же вы замучили меня! Бессловесный изгнанник, приведённый с высокого неба, понимает это, едва на землю ступив! Воля!.. Для хищников континента — непостижимые материи!

— Я не хищник, я... А впрочем... А как я очутился тут?

Густав указал на кувшины из-под Чистой Воды забвения, валявшиеся неподалёку. Не

удивляйся, мол, пришлось отпаивать... Тогда понятно...

— Нормально, верхом... Друг вёл твоего дракона.

— Чёрт, облака, дракон, ни черта... Хан?

— Амиго...

— Ха, Амиго — друг... Ха-ха... Хотел бы извиниться.

— Там извинишься, да он не в обиде.

— А откуда вёл, ты в курсе? Может, не стоит звать меня к дроидам?

Бест жевал травинку, изучал угли, повернулся к нему, и Густав увидел, как мало похоже происходящее на праздный, необязательный разговор. Что приглашение не на партию в марблс, и даже не на бег Против Секундной Стрелки.

— Охотник, — сказал Бест серьёзно, глядя в глаза, — ты так помог нам, стольким вернул радость... Я могу отплатить предупреждением, честностью, остальное не важно. Помнишь, каким ты встретил меня в бурю, когда выручил меня?.. В чём дело, если не пойдёшь к дроидам теперь, всю жизнь будешь жалеть. Не узнаешь того, что надо узнать. Обычно людям надо. Узнать, понять. Обычно — очень надо... Шанс перед тобой. Не повторится.

Они не летели. Лишь до Туманного Моря дроидов. По пояс в воду зашли... Тёплая, спокойная. Перезванивается, перекликается, полный сгущающихся и разбегающихся огоньков плотный, лёгкий туман. Держались за руки. Густав заглянул в Огненный Круг... Лес феноменальной густоты и дикости восстал вокруг. Колючки, бурелом, шагу не сделать, Густав рассмеялся:

— У дроидов такие сады?!

— Предпочитаешь стриженные, регулярные?

— О, нет!..

Лес, меж тем, начал сменяться — сельва, тайга, дубравы, берёзовая роща, опушка какая-то... Каждый последующий просторней, светлей. Присутствие близости обжитых людьми мест нарастало... Дроиды 2-1, как эстафету передавая, вели их по розе ветров наверх, до предельных орбит Юлы, так быстрей.

И вот, вдоль канала, вдоль крепостной, мхом поросшей стены Бест и Густав свернули в распахнутые кованые ворота. Ажурная решётка. Сине-синий-фиолетовый ирисовый сад.

Владыка Сад пристрастен, как подлинно холодный дроид. Тематика узкая, легко предположить, что местный трон его главенствует над крохотным семейством. Но это не так.

Деревьев и тех нет в обширном саду. Есть закономерность: цветы, разнообразны и высоки, а кусты низенькие, причудливо сформированные или вообще стелющиеся. Ничто не должно заслонять его ирисов... Вдалеке — возвышенье холма.

А солнце?.. Они не под настоящим небом. Купол без облаков льёт яблочный свет, оранжевые лучи гуляют, как игра в огранённом камне. Всё должно подчёркивать фиолет его ирисов... Как же они высоки, оказывается. Вон, под ними, со всех сторон, сколько дроидов тут собралось!..

Приветствовали Беста. Без исключений, хоть по-разному, встав, поклонившись, издали, не подходя... Одинаковыми словами, но проявив спектр характеров, не менее широкий, чем среди людей. Обдавая теплом или холодом. Ветром или застывшим "динь", как глухота. На одном

выдохе произносили или, чеканя каждый слог. Прикладывая руку к груди. Обнимаясь. Целуя. Серьёзные и насмешливые, подозрительные, присматривающиеся, что за человек. Отстранённые. Холодные дроиды на вид менее поспешны и более искренны. С некоторыми Бест первый здоровался за руку, подходил обняться.

Четыре трона стояли на возвышении. Пустые. Холм приближался. Владыка в одежде садовника поздоровался, холодный, поцелуями и тут же среди дроидов пропал.

" Из-за яда?.. Что случилось со мной? — думал Густав. — Я как сито, на земле, в этом нигде поднебесном, любой ветерок продувает насквозь... Мне пусто, мне чего-то не хватает..."

Изгнанники, попадая в дроидскую сферу, бывают ошеломлены ею. Чистые хозяева нет. Дроидское в их полудроидском существе воспринимает окружение естественно. Без удивления и трепета.

Они шли к тронам, петляли среди густых, ирисовых островков, обходили клумбы и компании дроидов, одиночек, напоминавших статуи, парочки, неотличимые от людей...

Густав обгонял, вёл за собой. Как на манок дроида, бессознательно шёл на знакомый звук и всё пытался припомнить, откуда знакомый. Если б не вторили звонкие голоса дроидов, не подсказывали, не спорили, понял бы сразу.

Две трещотки спорили, пытались договориться в каких-то привычных к ним руках. Одна в постоянный мотив возвращалась, а вторая пыталась закрутить его поновей, попричудливей. Обе знакомые... "Друг мой!.." — Трижды повторила трещотка в левой руке юноши, а правая успела вторгнуться настолько быстрой, птичьей трелью, что дроиды зааплодировали вокруг. Нежный юношеский голос посетовал кому-то:

— Трещотка одна была, нашёл парную, ту — потерял! Такая, "друг-песенки" — снова одна досталась! А вторым бы голосом мне хотелось, чтобы вписывалась сама, а не как я сейчас извернулся. Не везёт!

"Ловкие пальцы... Соловей?.." Густав не удивился. "Вот, значит, как устроено... Есть мир мёртвых, и те, кто умер в мире живых, тут живы... А кто там умер, они среди живых? Вещи тоже умирают? Трещотки? Я тоже?.. Мой мир успел растаять до конца? Артефакты сюда провалились? Сюда взлетели?.." Соловей, а рядом Амиго... И это добавило Густаву уверенности, что Архи Сад лишь почудился, а всё кончилось, и кончилось как-то плохо, но не вспомнить, как. С другой стороны, почему у мёртвого должна быть хоть какая-то достоверная память?..

Полный звёзд, полупрозрачный дроид отступил и оба юноши пришедших заметили. Густава заметили, Беста ждали... Пауза недоумения, и Соловей протянул обе руки:

— Встреча...

Густав взял их:

— Мы, вы, я... Мы дроиды или в загробном мире?

— Мы в саду несравненного владыки Садов! — отрапортовал Амиго, восхищения таким поворотом дел, не пытаясь скрыть.

Он вынудил визит у Беста, а тот у владык, занятых более серьёзными делами. Экстраординарный юноша-сказочник!

Встал и тоже взял Беста за руки:

— Извини меня! И очень пытался, но не мог вмешаться. Как в воске я в этой пирамидке стоял! Дроиды, Буро сердитый!.. Но если бы ты видел, как живётся ему, им всем, полуподводным...

— Я немножко видел. Ты пытаешься укусить меня своим извинением? Я всё про себя знаю...

— Нет, что ты! У вас, хищников свои законы, а у нас свои и я... Ты был на своём месте, а я... Из любопытства... Я не жалею! Но стыдно... Просто зритель, это так подло... Но я не знал, на какое представление иду... Стыдно. Извини...

— Я не хищник, я... А впрочем... Вы правы.

Соловей возмутился:

— Ты вовсе не хищник!

— А ты? Ты дроид?

— С чего бы мне сделаться дроидом?!

— Ты был превращён...

— Я сбежал! Освобождён был. И последовал твоему совету держаться подальше. Со второго раза.

— Спасибо.

— За что?

— За это.

Кусты, мягкие, неколючие хвойники поднимались до колена, иглы пушистые. Ирисы за ними выше самых высоких дроидов позволяли видеть лишь холм. Качались. Сад шелестел травой и благоухал, сменяя приторную ноту переспелости, бродящей, винной. Затем — нотой смолистой, тополиной весны. Лета, жаркого травяного ансамбля. Но холодок угасания проступал. Заморозки...

Миллион вопросов на языке, в душе ни одного... Что-то кончилось, пропало. Пусть его спрашивают, для чего зван. Угрожающее предупреждение Беста не пробудило интереса, скорее навеяло тоску. И о прошлом думать не хочется, и о будущем — меньше того. Сито. Ветерок насквозь. Крупное сито, ничего не задерживается. Ни эти красоты, ни тревоги, ни стыд прошлого. "Гад, и ладно. Проиграл, и ладно. Весь Южный знал, проиграл у всех на виду!.."

Как монпасье со сладкой и связной водой бросают в бокал Свободных Впечатлений... Чтоб разбить на кусочки морской солью... Одно-два или даже пять, горкой тающей и через них пьют. А теперь это монпасье из его жизни изъяли... И что успело раствориться, морская вода отняла, высосала сладость, превратила в самоё себя.

— Холодно... — вслух прошептал Густав.

— Сад! — отозвался Амиго.

А Бест сочувственно подумал: "Не в саду. Без тихого крыла холодно... Дроидом, с секирой стоял бы на вратах законов! Не от скуки придуманы, временем проверены они!"

Густав обратил внимание на кисти рук, на его ладони. Разный оттенок, смуглей — холодней. Печать первой расы, нераздельной с ним, в сфере дроидов видна. Амиго, нахватавшийся дроидского эсперанто пояснил:

— Руки — ум, потенциальность. А ум так, фигня. Через руки азимуты тёплые и холодные к центру Юлы по-разному идут, контурами разными отсвечивают.

— Стало намного понятней! — поклонился Густав.

Бест рассмеялся:

— Да? Хорошо!..

Фиолетовые, голубые... Лазурные... Однотонные и пёстрые. С крапинками, с разводами. Почти белые. Крупные ирисы тоньше папиросной бумаги. На просвет, сквозь один можно увидеть другой. Листва, трава в саду, хвоя и миниатюрные листья кустарников были синими,

где до черноты, где до белизны, не яркое, обрамленье, оправа...

Заявились они с Бестом в область Сад, когда приходили с отчётом последние, званые дроиды, когда ждали "виновника торжества". Но тут Белые Драконы, непокорные соизволили явиться! Переборoли ящерицы и торжественность, и размеренность Сада, переиграли на свой, предсказуемый лад! Он вообще-то и не отказывались никогда приходить! Послушать, пофыркать... Что за вопросы к ним, претензии может какие?.. Однако пользы от того проистекало ровно сколько и от непоявления с визитом! Драконам — развлечение, сочувствующим — радость. Нарушителю и ущученным, ждущим объяснений — ни жарко, ни холодно. Да ведь таковы и они, не жаркие, не холодные, своевольные! Независимые навсегда.

С высоты обширный сад имел форму рыбьей чешуйки. Странно, Белые Драконы предпочитают этот знак... В их честь? Полукруг, ограниченный вогнутыми сторонами, сходящимися к тронам на холме. Фиолетово-лиловый, хозяйский стоял прочно, остальные зависли на воздухе. Выделялся чёрный трон Доминго, высокая спинка, острые, вверх направленные углы, подчёркнуты из-за них идущим свечением. Дальний полукруг решётки сада впускал всё новых и новых гостей. Некоторые в сопровождении Чёрных Драконов, приглашению недостало убедительности, драконы добавили её... Посреди сада находясь, люди отлично видели и ворота внизу и троны с другой стороны наверху. А так, никто не обращал на них особого внимания. Это мнимость, потому что дроиды тактичны и привычны к запретам, внутреннее самоограничение. Но если бы их пристальное внимание проявилось как линии или лучи, Густав бы очень удивился, они сходились не к тронам и даже не к «господствующему над первой расой»!

Тяготение высших дроидов к организованности проявилось в том, что и группки и одиночки расположились, занимая как-бы чешуйки в шахматном порядке между клумбами, можжевельником, стелющимися туями.

Амиго — точно ребёнок в игрушечном магазине, а ведь он давно здесь, раньше пришёл, крутил головой, едва не оторвалась. Побывал во всех углах сада, решил, что возле тронов лучше. Вернулся с мыслью в глазах, схватил Соловья и утащил за собой. Похожи они чем-то, фанатичны в своих областях. Перед уходом Соловей крепко, неожиданно поцеловал Густава и сказал, что: "Друг ты мне!.. Повторяю, друг..." И что: "Ещё не вечер, что бы они, дроиды, не намудрили, верь, да не верь!.. Ты меня там, на земле предупредил, как друг. И я тебя здесь предупреждаю. Не вечер ещё никогда". — "Все философы, — подумал Густав, — все знают что-то, один я дурак, ничего не понимаю... Я так рад, что он жив?.. Как-будто толкнули в спину, но удалось перемахнуть пирамидку... Так не мне ж, ему! Что за чёрт?.. И ведь это глупость. Уходят... Смешные... Первый промах и последний... Тоже промах. И я, как идиот, рад... Селена наколдовала?.. Я устал просто. Сколько можно. Гут, гут... Гудбай!.. Заказчики, дурашки, всем пока".

Любознательность Амиго, как радиация исходившая от него, действовала, похоже и на дроидов, превращая застенчивого юношу в симбиоз галло и лиски-намо! Он спрашивал, и дроиды — холодные! — без проблем отвечали ему! То есть, с проблемами, тщательно подбирая слова! И приближённые Доминго! У холодных тронов людям не самое подходящее место, но дроиды расступились, поменявшись местами так, чтоб окружили их тёплые. Юноши наблюдали отчёт вновь пришедших пред пустыми тронами и шептались: "Я сочиню музыку!.." — "А я слова!.." — "Пусть Чары на Мелоди нас вместе ловят!" — "А?.. Я боюсь Чар!.. — "Амиго, это

будет фурор..." — "Нам никто не поверит!.." — "А зачем верить? Зачем им нам верить, скажи?.. Главное, чтоб подпевали!.."

По этому диалогу можно предположить, что происходило нечто захватывающее. Но переломный момент в судьбе Густава встретил его долгим, занудным наблюдением за рядовыми, непонятными, бесконечными отчётами дроидов. Однообразными, как колыбельная.

— Почему они разговаривают с пустыми сидениями? — спросил он у Беста.

— Трон часть дроида, — ответил Бест, — общие вопросы очевидны, заранее озвучены. Когда соберутся все, начнётся уточнение контуров, тихих и не прояснённых перекрёстков. Владыки здесь же, в саду.

Да, девяносто девять процентов информации владыкам давал формальный, традиционный отчёт: имя-функция, принадлежность в первой расе, — да, её нужно озвучить, становится видна степень, и прошлые переходы, если имели место. Имеется ли антагонист, оказывает ли влияние? Какое? А ты на него?.. Вопрос о принадлежности к семейству предполагал не актуальную, а все, когда либо случавшиеся, принадлежности. Личная история дроида бывает очень богата. И этот вопрос отнимал большую часть времени. Дроидам в принципе некуда спешить. Так они постепенно, в процессе отчётов, располагались на своих местах в контуре общей ситуации нарушителя.

По логике, человек, внезапно попавший в столь обширное собрание дроидов, да ещё в их сфере должен переживать что-то вроде возвращения к первым годам, к состоянию Восходящего. Ан нет, ничуть. Самого главного не было, манков, обращённых к нему. Личных. И привычка к людской, грубой речи застила чуткость горла. Единственно, что осталось, подспудное ожидание этого манка. Вопроса, ответа... Едва заметная откинутость головы маркировала это ожидание. А так… Густав попал в сообщество странноватых, разноцветных, оригинально одетых, не менее оригинально раздетых, до прозрачности, иногда светящихся, очень высоких и невообразимо красивых людей. Лопочущих непонятно. Выраженно излучающих тепло или холод.

— И от нас ждут какого-то ответа перед этими тронами? — спросил Густав.

— Эээ... — протянул Бест вполоборота. — Нуу... — протянул, отворачиваясь. — Ну, в общем, да.

— Я что-то не то спросил? А, понятно, ты же господствующий!.. Я один должен им отчёт, ты не отвечаешь, судишь вместе с ними! И где твой трон?

— Я и есть трон, — улыбнулся Бест. — В остальном правильно понял.

— У, серьёзно! Скажи, а в какой момент обретается этот титул? В момент некоего изобретения? Написания тех строк, что висят в Архи-Саду?

— Как же!.. Дроиды всеми силами избегают влияния из сферы людей! Им есть чего опасаться. Я ощутил способности, связанные со своим положением, в тот момент, как дроидские интересы пересеклись со знакомым мне человеком. Где я имею голос. Он, кстати, тогда и не понадобился.

— Бест, если это не грубо прозвучит... Я тут подумал... Не один же ты такой титул заимел, "господствующий" и так далее...

— Конечно, нет! Но хищники имеют голос только в обсуждении материального. Связных Впечатлений и артефактов... Ну, ты понимаешь почему... Не людских и не дроидских судеб.

Бест всегда говорил о своём статусе, будто извиняясь... И весело добавил:

— Зато эти обсуждения я могу пропускать!

— А что собственно такое, первая раса?

— Как?.. Дроиды... — Бест пожал плечами.

— Они присутствуют здесь?

— Они всюду присутствуют... В общей форме? Нет. Это пары дроидов, которые непрерывно от самой границы сходят к оси Синих Скал и возвращаются обратно... Такие орбиты у них. А контуры каждый раз разные, путь по иному пролегает… Как бы сказать, они — осознают этот мир. Обе сферы, и нашу и дроидов. Вечная прогулка для вечных влюблённых!

— В каком смысле?

— В прямом. Счастливые пары превращаются в первую расу...

— О... Чего только не узнаешь, да, помнится, говорили об этом... А несчастные?

— Ты так спрашиваешь, как-будто стать дроидами, это вариант бессмертия!.. Что до перехода во вторую расу, с натяжкой, да. А в первую... Видел у нас Морские Факелы? Что-то подобное...

— И Буро их же мне приводил в пример. Но про чудовище.

— Наверное, есть некоторая симметрия между небом и морем.

— Лишь на суше нет! Ни порядка, ни симметрии...

Они помолчали. Скучные отчёты продолжались перед тронами. Густав спросил:

— И что, все кроме меня люди свидетели уже были? Много их вокруг хулигана-дроида крутилось вообще?

— Очень! Рекордное число. Да не всех можно пригласить.

— Хищники? Не для этих мест публика?

— Не, живут далеко, не послать гонца!

— Дроидская шутка? Верю, что смешная, жаль, не могу оценить. А во что не верится мне, что без нас обойтись не могли, без меня, по крайней мере! И в чём суть нарушения, можешь мне объяснить? К чему подробные разборки?

Бест как-то засуетился, отвернулся...

— Ох, ни к чему. По большому счёту.. Как жаль, что мы разминулись с тобой на Южном! Как мы погуляли у Буро! У вас на рынках бывают поручители? Если б не разминулись, мы стали бы чем-то подобным. Ваш конфликт исчерпался бы, не дойдя до… Ты так выручил нас, и он, что нашёл тебя!

Водопад восклицаний, охотник, натаскивающий помощника себе, не принял бы на экзамене! Густав улыбнулся, в строну же кивнув.

— Я не уходил от ответа, — понял Бест. — Как есть сказал, не приведёт ни к чему! Ты бы знал, сколько времени я уже провёл здесь, в частности, среди них! Все поправки, что вносят — минималистские! А на турнир гонор их приводит, не наш подсчёт! Мы и в пользу нарушителя подсчитывали. Зачем, спрашивается? Когда любой трон, задетый им, крикнет, что, мол, струсил! "А что, — предложит, — если, как ты, так и я за компанию — с разоблачением?!" И всё — замётано! Нафиг мы считали? В качестве бонуса яркое зрелище, трон, поджавший одну ногу — против нарушителя, скачущего на одной ноге, потому что отверг службу-оплату. А разоблачение дошло и до ног! Кинжал себе оставил, а две ноги, зачем? Правильно, одна же осталась... Он же не знал, что спешиться доведётся, герой! Сколько времени я потратил здесь!

— Не самое худшее место.

— Так зря ж! Когда зря, всё неприятно. Суть нарушения, а вернее, суть того, почему в этот раз не договорятся, вот она. Снова, снова... Белые Драконы вторглись в сферу и взаимоотношения людей. Как обычно! Поправка, что сейчас не мелкое, индивидуальное

хулиганство, а участие в замысле дроида второй расы. Ключевое. Глобально вторглись... И не отдают! Понимаешь, Густав, это тупик, древний, как мир, как эпоха высших дроидов. Единственное, что могут сделать владыки, это объявить им войну! А чего точно не могут, её выиграть. Всем понятно. И им понятно! И уж конечно — драконам!

Густаву слегка странно показалось, что Бест перескочил организатора, заговорив об исполнителях, но, может, имелось в виду, что драконы станут его защищать, и подсчёты потому бесполезны? Бест отвлёк его, сказал:

— Заметил, что сад на углях стоит?

Он провёл рукой, отклоняя нежную, как бумажную блёкло-синюю траву... И правда! Как можно было сразу не заметить?!

— Так вот, — сказал Бест, — это ни разу не угли... Попробуй взять. Никак? Они ниже, да? Они — нигде. Увидишь, подожди. Это аргумент против Белых Драконов. Который не прозвучит. Лишнее свидетельство — не будет войны.

— А что это?

— Так, подожди же! Должно и тебе стать интересно. Скучаешь, я вижу. Недолго осталось... Белых драконов, ага, дозвались! Сейчас будет весело!

— Драконы разве говорят?.. На эсперанто?..

— Ха-ха!.. — Бест хлопнул его по плечу. — Ха-ха-ха!.. Хороший вопрос! Им часто задаются владыки!.. Кажется, нет!

Да, говорят. И хотя лексикон драконов разнообразием не отличался… Зато невербальной образностью блистал!

Густав видел их в облике людей, ишь ты!.. Юноши молочно-белые, рисунок чешуи украшал кожу и самую разнообразную одежду. Ящеры пронырливые, и торжественно идущие по-прямой от ворот до тронов. Вышагивающие на задних лапах. На передних, будто так и нужно! Притворяющиеся, что забыли на каких двух ходить! Две правые и две левые тоже имелись в качестве вариантов! Правая передняя, левая задняя, отличный выбор! К сожалению таких ходоков заносило... И они постоянно задевали высших дроидов, падали на них, извинялись!.. Хлопнув себя по лбу, вставали на другие две лапы... Комедия усложнялась, когда лап у ящера исходно оказывалось восемь! Прибывали драконо-кентавры, по пояс люди, юноши с драконьими головами. Хвостатые люди. А сколько рогатых... И ещё — закрутивших свои гривы в бараньи рога, огибавшие уши, массивные...

Причудливое — всё же вкрапления среди не пожелавших менять общедраконью форму.

В своём опустошённом состоянии, просеивавшем без задержки всё, что воспринимал, Густав не мог не отметить, насколько легче и радостней среди них. Что это мнение, разделяют и холодные, и тёплые дроиды. Природная, дикая, от природы уравновешенная и не желающая что-либо усложнять стихия зашла в гости к высшим дроидами. С подарком — драконьего веселья. Драконью покладистость предпочли бы троны, но, беда, таковой не имелось!..

Заявившийся прежде собратьев дракон, сложив крылья, вбежал на четырёх лапах, кривых, косолапых, расставленных широко. Он держался на цыпочках, подпрыгивал, куда ступает, внимательно смотрел, старался — на траву. И это не часть шутки, он-то очевидно понимал, что угли под ирисами — не угли... Хвост экстра-длинный завязан узлом, чтоб не мешался. Ирисы не ломал!.. Он постоянно развязывался, дракон останавливался и обратно завязывал уже другим, более сложным узлом. Причём основная часть комедии состояла в бессмертных попытках

поймать хвост зубами! А затем удержать, вязать и рычать на него! Короткими лапами ловил. Подпрыгнув, укусил со злости, и хвост вырвался снова. Прыжок — мимо! Ещё — мимо!.. Прыг-прыг-прыг!.. По кругу за ним, волнами, длинное тело... Продвижение извилистым путём Белого Дракона к тронам сопровождал смех, фырканье, заливистый хохот и свист.

Узрев гостя издалека, Августейший немедленно занял свой трон. Поймал губами перо из нервно трепыхнувшихся крыльев, ноги на подлокотник закинул и приготовился смотреть. В кои-то веки развлекает не он, а его — другой автономный дроид! Дракон же тронов будто не видел в упор! Начал спрашивать дорогу... Бодался, носом тыркался, фыркал вопросительно, без слов пытался изобразить, что требуется найти ему... "Эти, в коронах..." Как уши, лапы поставит пальцы врастопырку над головой — корона... "Эти, на тронах..." И елозит, смешно усаживаясь на узел хвоста, пока он не развяжется снова и не пойдёт ирисы сносить вокруг... Опять лови! Вообще, этот конкретно дракон имел сложные взаимоотношения со своим хвостом... Как с отдельной личностью. И один выступающий клык у него был короче других. Новый... Рута узнал бы дракона, "осетра" с бутылочной мордой!..

По местам, по местам!.. И в самом деле, пора.

Владыка Сад занял центральный трон. На чёрный, высокий, справа, не спеша, поднялся Доминго. Обратил к собранию безупречное, холодное лицо. Застёжку на плече, цвета индиго тронул, поправил и чуть-чуть улыбнулся. «Белки придуриваются...» Есть время побыть в своих мыслях.

Четвёртый, рыжим цитрином и гранитом образованный, трон пуст.

Белому Дракону указали верную дорогу! Подбежал, всплеснул лапами! Нос вниз, лапы верх, над головой — низко поклонился, и начал выбирать, как усесться ему. Перед тронами!.. Удобную, но подобострастную позу... Хвост развязал... Хвост скрутился пружиной! Хвост растянул... Хвост связался узлом... Вздохнул, развязал... В ближних рядах дроидов вызвались его подержать. Ой, спасибо большое!.. На хвост уселся... Получилось — спиной к тронам! Ну, что за невезение! Вскочил, развернулся! Смешки перешли в хохот. Уселся на хвост снова... Неудобно!.. Выдернул хвост... Вокруг разложил... Передумал. Закинул на плечо, на другое... Вокруг шеи обвил... И остался доволен — аккуратно, вежливо. Чинно. Кисточку хвоста, плоскую, мягкую, как тройной язычок белого пламени торжественно приподнял. Красота... Или слишком вызывающе? Долго решал: опустить, приподнять?.. Опустить!.. Вскидывается! Приподнять!.. Загибается! Лапой схватил и горизонтально к плечу прижал... С ближними дроидами посоветовался взглядом круглых, тревожных глаз на выкате: « Как у вас принято-то, хвосты держать?..» — «У нас нет хвостов!..» — рассмеялись соседи. Челюсть дракона отпала. «Фрррраy?.. Быть не может!..» Открытие, потрясение... Враньё?! Он воспылал желанием немедленно проверить этот, уму не постижимый феномен, превратив первые ряды в совершеннейший балаган!..

И Бест с Густавом обосновались неподалёку.

"Господствующий над первой расой" дважды, как дроид и как человек, мог оценить драконьи выкрутасы, но так получалось, в течение жизни, что не выпадало дней для беспечности... Недавно выпал один... И как закончился?.. Бест не доверял затишьям. И теперь, как-будто в его власти это, косился на охотника, думал про себя: "Легче тебе было бы, если трагедию, как трагедию и обставить? Если б выла песчаная буря? Не возненавидишь ли ты всех драконов, все звуки смеха после, вспоминая? Радости не проклянёшь? Дроиды светлые и не очень, дроиды полного мрака!.. Как невелика наша воля, и ваша, и моя, и Фортуна смотрит не на нас, а на свою непредсказуемую, вольную птичку с голубым пятном на горле..."

Дракон, удостоверившись в тотальной, повальной бесхвостости дроидов вокруг, оценил сокровище, коим наделён! Поймал, поцеловал в кисточку, чихнул... И превратился в серьёзного, остроносого юношу. С хвостом!.. Драконьим, огромным для него, торчащим за спиной пирамидально! Без тени улыбки, ещё раз, уже в новом облике поклонился тронам. Простёр руку вверх и назад к кисточке своего хвоста, извиняясь, произнёс трубным голосом, приглушённым:

— Не усмирить!.. Не знаю, что и делать... Совсем не уважает мой хвост тронов второй расы! Я ему: "Пойдём скорей!.." Он мне: "Не вижу четвёртого владыки!.." Он не видит, представляете?! "Общая метка, — говорит, — а не на три четверти, послана мне! Так и сказал — мне!.. Представляете? Ему!.. Сделайте милость, владыки, объяснитесь!.. Как такое могло случиться?

Эталонная хамская речь. В переводе с жаргона, сложившегося между расами, означает примерно: "И от хвоста моего чёрта лысого вы получите! Тем более — вы трое!"

Августейший руками и крыльями хлопал ему! Сад скучал. Доминго хмурился напоказ, скрывая, что не тут он, далеко в своих мыслях. Флегматично произнёс:

— Совесть имейте. Вы, с хвостом...

— Тю?.. — восхищённо и возмутительно отозвался дракон.

"Какая прелесть..." — тихо сказал Густав. Бест кивнул и жестом попросил знакомого тёплого дроида встать поближе к ним. Осведомиться насчёт переводчиков. Стало уютней и тише.

Драконов прибыло.

Владыке Сад не следовало выдвигать претензий, в том смысле не следовало, что драконий ответ предсказуем и срикошетит по другу владыки, по Доминго. Но разыграно представление, а ещё не озвучена суть. Как-то придётся её озвучить. Кому-то придётся начать.

Сад попрекнул "осетра":

— Перекрёсток человеческий пообкусал по высокие лепестки тоже твой хвост? Или пасть бесстыжая? Интересуюсь, в таком случае, не будет ли тебе удобней и спокойнее без хвоста? Обратимся к Гелиотропу, он отзывчив... Он минималист... Пришивает неохотно, а укорачивает — только так. И язык заодно. Дроид автономный, независимый навсегда, где перекрёсток? Куда потянулись все контуры смежные, что?.. Вас не волнует? Что дальше собрались воровать, Собственные Миры?

"Пообкусать по высокие лепестки" — вывести на внешние орбиты Юлы, недоступные второй расе. В сферу белок утащить. "Перекрёсток" — облачный рынок.

— Тю!.. — удивлённо присвистнул "осётр".

Не к владыке, к новопришедшему дракону обращаясь, белому, высокому длинноухому юноше с глазами навыкате.

— Тю?! — ещё удивлённей отозвался тот, и точно, срикошетил в Доминго:

— Обкусали?! Отфыркали!.. Кто-то чихнул, вот так, — и он оглушительно чихнул, образовав уши стоячие разного размера, прелесть, и гребень на сторону промеж них! — Кто-то из наших, да, вот с такими ушами! Перекрёсток и улетел! Ах, не я ли это был?! Не припомню... Он на волоске, на крайнем лепестки прямо-таки едва держался! Пообкусали... Обидно! Приняли под своё крыло! Кто-то, желаем мы узнать, кто, розу ветров так строит, в крайние лепестки столько прячет, что они отгибаются уже под тяжестью! Что же он прячет? Только ли перекрёстки или Собственные Миры?!

Мир Руты тому примером. Да, эта тактика Доминго не из блистательных.

"Осётр" поддержал атаку, не дожидаясь ответа, и снова обращаясь к приятелю:

— А слыхал ты, нафыркали тебе, что мы под отогнувшимся лепестком-то нашли? Восьмиметочную корзиночку! Вот что мы под высоким лепестком нашли! Какая приятная

неожиданность, восемь отличных меток!.. Восьмёркой сложены и зациклены, отпускай — вернуться, не обкусает никто! Неужели, думаем мы, не нужны они? Неужели ломанные? Какое!.. Фррр, новые совсем! И такие новые, что в наши-то орбиты заглядывают! Хватает места на них, запросов нету... Кто бы мог так безобразничать? Вблизи — нашей… — сферы?..

Какое коварство!..

— Да нужны вы мне очень! — Доминго вспылил, выругался проклятием дроидов и ещё несколькими словами. — На что там заглядывать, на хвост твой?! Да чтоб Коронованный вовеки не вспомнил о тебе, морда крокодилья!

Загибаясь от хохота, жёсткого, резкого, как он сам, Августейший сполз и протянул Доминго серое перо:

— На, погрызи, меня успокаивает!..

Смешно.

— Морда крокодилья, на что вам метки?! Верни или я...

— ...или что? — фыркнул дракон. — Что упало, то пропало! Нужное? Поближе к трону держи, и не на кого пенять будет. Возле нас прячешь — от нас не спрячешь!

— Да не слышать тебе сладкой песни Фавор! Верни!

— Я не вредный, владыка! Они, как воланчики, свежие метки! Они разлетелись давно! Как я их соберу? Не нужны... Обидно! Что мы, не люди что ли?! Не…

Доминго тихо застонал...

— ...нет, ну, владыка, не как ты!.. То есть, не ты человек! Я — человек!.. Не человек, по-вашему?!

Доминго застонал громче, протягивая руку к Августейшему: где там твоё перо, давай сюда!

— ....нет, я в том смысле, что мы тоже люди!.. Братишки пишут послания на них, братишкам... По контуру и кидают... Бумц! — И прямо в лоб! На такой-то скорости!.. Ну, не всегда в тот... Пуляются! Сочинил и — плюх! Отличнейшие, владыка, метки! У меня вот, смотри, — он отвёл гребень в сторону и опустил зачем-то ухо с той стороны, — до сих пор шишка на лбу!.. Чудо, какие шустрые метки! Сочинил и — плюх в нос! Чо-чи-фыр намедни такое в твоей метке Чо-пли-фыру накатил, охррр!.. У Чо-пли-фыра усы в трубочки закрутились!..

Крайне воинственный знак для дракона.

— А-га-га-га!..

— А-ха-ха-ха!..

— Уррр-фррр-фрауррр!..

Загоготали, зафыркали, захрюкали Белые Драконы. Кивая, подтверждая... Точно-точно!.. Всё так и было!.. А юноша с бараньими рогами поверх кудрей, в остальном красивый и пропорциональный добавил, хрюкая:

— Зато ж, Чо-чи-фыр до сих пор за нос держится, и когда летит, лапой его, подпирает его!

— Га-га-га!..

— Хррр-га-га-га!..

Августейший заинтересованно привстал на троне:

— Уважте старика, что вас ещё яйцами в инкубаторе помнит! Что ж он такого в метке понаписал, чтобы носу пострадать?!

— А-ха-ха-ха!..

— Ухррр!.. Га-га-га!..

— Фррр!... Ухррр-фррр!...

— А то, аха-ха!.. — ответил "осётр". — То и написал, что, мол, Чо-пли-фыр так дерётся, как будто поселился под троном у Доминго! Прячется за его пятками!.. Выскочит, куснёт и обратно

в норку! Правда ли это, спросил, не найдётся ли и ему там тихого, безопасного уголка?

Белки взволновано притихли, слушая это... А дослушав, разбушевались! Усмирять бесполезно!..

Августейший помотал плешивой головой:

— Нос был обречён!.. Дёшево отделался...

— Почему ты не прилетаешь к нам? — не в шутку, попросту спросил "осётр".

— Дел много, — вздохнул Августейший.

— На заднем фронту плотно сидеть? Потому у вас, высшие дроиды, хвосты и отвалились, что вы подолгу на них сидите. А хвост, он воли требует!

— Да!.. — захохотал Августейший, согласившись.

— Нет, — возразил владыка Сад с улыбкой, — Мы их нарочно отбросили! Когда повзрослели... А перекрёсток придётся вернуть.

— Обратно пришейте! Бу-ха-ха-ха!.. Не вернём!.. А-га-га-га!.. И не надейтесь!

— Почему же ты, — вернул паяц вопрос дракону, — не прилетаешь к нам? В наши сферы?.. Здесь более чем есть, куда нос засунуть.

— Ахррр?.. Ага-га-га!.. Уж лучше укушенным быть, чем тут его прищемят в воротах!.. Контуров продолжительных не терплю. Природа у нас такая!

Владыка Сад качал головой и переглядывался с Доминго:

— То есть, контуров мы не держим, а перекрёстки воруем?.. И сколько орбит в них сошлось, сколько контуров тянутся туда, по вашей милости, где обрели слепые, тихие участки?

— Тю!.. — ответил юноша с бараньими рогами, — Для вас слепые, для вас тихие!.. Мы — бдим!.. Спроси у меня, владыка, если беспокоишься!.. Да с ними всё гут-гут!

И Густав вздрогнул, услышав свою присказку. Он подумал вдруг, что не помнит, из какого Впечатления подцепил её. Показалось на миг, что от дроида слышал... Слышал давным-давно, от дроида перенял. Бред.

— О чём речь? — тихо спросил Густав.

Бест развёл руками, обозначая беспрецедентность события:

— Облачный рынок, круживший в высоком небе, на пограничных слоях, драконы угнали и не отдают.

— Угнали ещё выше?.. И что с ним не так?

— Так люди ж там! И эти, белки бессовестные в общей форме заходят! Что уж совсем никуда не годиться. Уверен, и в общедраконьей! В любой!

— Заходят?.. Летают в пределах рынка?.. О, интересный поворот... И люди не могут выйти оттуда?!

— Нет, нет, конечно!.. Да откуда знать?.. Нет, я уверен, что могут, и владыки уверены. Но всё же для них это — слепое пятно.

Бест понял, что тоже злоупотребляет дроидским эсперанто и решил развернуть:

— Слепое пятно крайне неприятная вещь для дроида. Альтернатива наличию антагониста. Который может быть в плюс, может в минус, сильно, слабо. Но главное, с ним возможно взаимодействие. Если даже худший вариант: антагонист имеет к тебе притяжение, ты отторжение и встреча обнуляет азимуты. Можно быть очень хитрым и шустрым и бесконечно долго этого избегать. Можно спрятаться за чей-то трон, как сейчас, ты слышал, поиздевался дракон над драконом. Трону выгодны не столько орбиты дроида, иначе он приложил бы усилия на провокацию, чтоб на турнире отнять, выгодна личность дроида: азимуты, точки фокусировки орбит, сумма которых и представляет азимут, который сам является частью контуров,

завязанных с другими в дроидской сфере... А слепое пятно — неприятность небольшая, но постоянная. Она имеет раздражающее свойство тихой орбиты, удобное её носителю, но не тем, кто рядом, просыпаться внезапно. И превращаться в крупную неприятность. Или мощное орудие... А людям наоборот...

Осёкся.

— Что — людям?

— Ну, тем, кто рядом... Наоборот... Дроид может существовать, не проявляясь, рядом с человеком, как тихое крыло... Да и эта пружина однажды срывается... А какое грандиозное исключение из всех правил скоро ты можешь увидеть! — Бест резко перескочил на пример из другой области, — Вот, Тропос... У него оба крыла простираются на всю сферу дроидов! Оба — тихие, и... — никаких проблем!.. Пока не открывает рта... Клюва... Никаких проблем, кроме д-р-р-рожи... дроидской при его появлении!

"Имя из сна!.. Дракон в виде облака ночного, отрогов гор над горами... Спросить?.. Подождать?.. Подожду". Густав задумался про облачный рынок выше высокого неба... "Ни рыночных охот, ни Чудовищ Моря... Ни надсадного пения дроида в Собственном Мире... Можно жить! С удвоенным интересом он следил теперь за прибывающими, фыркающими драконами. Стараясь вникнуть в насмешки их и смешки. Охотник! Как умаслить, заболтать, заставить, навязаться туда?

Прибывало и Чёрных Драконов. Отчётов они не давали. Распределялись равномерно по саду. Вокруг тронов число достигло по отношению к белкам, три к одному... Уже пять — к одному. Равновесия достигло. Густав не знал этого, он и он почувствовал: не вполне дружеское мероприятие.

— Заварушки не жди, — заметил его оценивающий взгляд Бест. — Сколько раз окрысивались, и... — пых! в пустоту. Чёрные ящеры послушны. Приказа не будет. Беда, когда главный был бы из них... Из всех существ, что к этому моменту я знаю, Чёрные Драконы — племя по-настоящему отменно организующееся. Это, Густав, большая сила. В туманном море дроид сказал мне когда-то, у чёрных ящериц при построенье стены, общих орбит нет. Не образуется перекрёстков даже на одной, внешней орбите. Контура они не создают. Представил? Стена из гальки. Нормальная картина?.. Да, норма, как есть, снаружи. На вид. Но цемент? Без цемента?.. Но ведь даже люди, плотные, как троны, образуют перекрёстки, и контуры, и общую волну, азимут... Что-то настораживающее есть в этом.

Густав подумал и согласился. Однако его Чёрный Дракон не предстал из-за услышанного опасным. Приобрёл плюс к уважению.

К пустому трону начали подтягиваться дроиды схожие до неразличимости, как "пламена" сорокоглазой свечи, светильника в "день рождения", день становления на континент Южного Рынка.

Дроиды высокие, чей золотой свет пробивался сквозь, тоги напоминавшую, одежду. Ткань необычная... Испещрена надписями, буквально состоит из них. Отдельными иероглифами, сложными до кажущегося сходства с пейзажем. Или зверем. Со зверем в пейзаже. Крупные состояли из мелких, мелкие из неразличимых, но они не упрощались с уменьшением масштаба. Особенность начертания: плотно вписанные в круг, они все имели завиток, загогулину, деталь, в два-три раза выходящую за его пределы... Прямая аналогия имеется между этой загогулиной и драконьим хвостом...

"Экзотическое наречье? — шёпотом спросил Густав. — Их? Наше древнее?.." Бест отрицательно качнул головой. Это был необщий дроидский. Язык, где ни одно слово не

повторяется.

Пришедшие не давали отчёта перед тронами, но совершали поклон, прежде чем расположиться вокруг пустого, четвёртого.

С их появлением количество Чёрных Драконов в ирисовом саду возросло настолько, что он перестал быть фиолетовым. Стал чем-то, вроде моря с высокими, неподвижными валами, рябыми, блистающими в чёрной чешуе, огибавшими островки иных дроидов. Сад порыкивал, поскрипывал кольцами, воздух сделался ощутимо теплей. Вместо ирисов — зубчатые гребни тут и там. Прижатые острые уши, похоже на рожки, вскидывались внезапно, чтоб покрутиться локаторами и вернуться в исходное положение.

Густав любил это тепло, драконье. И отметил, теперь было с чем сравнить, как отличается оно от губительного жара Лалов, от удушливых ночей в Собственном Мире. И от тепла жёлтого трона… Человек, знающий горячие цвета, нашёл бы эпитеты для сравненья: как песок нагретый, ржавчина, окалина — от размягчённого воска, от пожатья руки... И то и другое преисполнено жизни. По-разному. Густав оказался одним из немногих, которым умножение чешуйчатого племени пришлось по душе.

Настал перерыв. Белые Драконы все, кроме "осетра" приняли нормальный драконий облик, распределились в ближних рядах. Текучие силуэты выделялись в грозовой массе. Оказалось, флёр свечения есть и вокруг них. Троны разговаривали между собой, голоса их не охватывали сада. Слышалось то лязганье зубами, то утробный рокот, его прекращал Доминго поднятием руки.

Дроидское в полудроидском существе Густава осознало нарушение некой, критической точки равновесия: место теперь принадлежит Чёрным Драконам. Накинутые на сад, просочившиеся в него стали морем. Как море держали троны на себе, белых собратьев, вторую расу, его... Присвоили место. И он, как сито на их поверхности, легче воды, пропускающее воду... "Среди дроидов можно жить... — отметил, задумываясь про белками угнанный рынок. — С ног на голову там всё перевёрнуто, наверняка!.."

Бест ждал кого-то, перескакивал взглядом от горизонта, прерванной полосы ограды — к тронам. Перескакивал через кого?.. Через Густава. Для хищника абсолютно нормальная манера. Человек, подольше знавший Беста, удивился бы сильно... Густав констатировал лишь, что собравшиеся кого-то ждут...

— Кого-то из людей, — спросил он, — далековато живущего? Гонец всё же дошёл?

Бест, в сотый раз оборачиваясь, ответил мимо:

— Вроде того...

— Серьёзно? С перекрёстка, рынка того, про который речь?.. А я уже представил: торговец на Южном, заканчивает сделку, чтобы с дроидом отправиться в путь!.. Ха-ха, Бест, или от Секундную Стрелку перепрыгивает на последнем круге!

— Ты угадал. И то, и то... С Южного. С перекрёстка всех контуров... Нарушенных...

Волна пробежала по саду.

Скрип чешуи пробежал волной… Тишина за ним и перед ним.

"О, небо и море, правда, с Южного!.. Когда мы шли, на нас так не озирались! Но мы так и не опаздывали... Маричка, ты везде!.. Я соскучился... Ну, и наряд!.. Фу, Кайзера напоминает... С Мелоди ты что ли?.."

В безумном каком-то плаще, не подходящем ему совершенно, по размеру, и откровенно,

фу... Каркасное-то, наподобие мимами сооружаемых маскарадных костюмов. "Приоделся... Купил, награбил?" Хан-Марик полубежал сквозь толпу. Плащ обгонял его жёсткими складками, воронёный, мятый, скрывавший под изнанкой то ли ломаную проволоку, то ли кости, как в крыльях летучих мышей, абсурдно разветвлённые... Отставал и летел за плечами. Нагоняя, полами облеплял. "Противоборство с плащом? Юморной, как драконы... Поверить не могу, что ждали его! Где Хан, а где — оппа... — сад этот неземной... Маричка, Маричка, Буро чуть не сожрал меня, по твоей милости. Впрочем, я виноват, а ты был вовремя, как всегда... Что Соме скажу?.."

Хан-Марик махнул ему в двух шагах, но остановился перед Бестом:

— Выражаю своё почтение, — пауза, — господствующему над первой расой...

— Владыка... — поклонился Бест.

Густав ничего не подумал. Ровным счётом.

Воронёный плащ, вблизи просто необъятный посыпался с широких плеч дроида. Это были драконы.

Как из необщего дроидского сотканы одежды приближённых тёплого трона, его последний наряд был соткан из Чёрных Драконов. И не тех, что служат людям. Заполонившие рынок драконы этим — по пояс. Неровня... Но похожи на того, который служит Густаву! Отчасти... Шипастые гранёными торами по туловищу, полусферами по лапам и голове... Броня... Ни губами, ни усами не прикрытые зубы... Скатились, встали стеной, закрывая обзор, лишь троны видны на возвышении.

Зеленоватое небо над садом... Несколько ирисов качаются, задевая колено... Угольная земля под листвой. Она блестит и сквозняком тянет по босым стопам...

Хан-Марик пугнул, топнул на чёрную, бронированную лапу с когтями, выставленную вперёд очень уж нагло. Дракон уркнул и лапу прибрал...

Густав улыбнулся. И Марик улыбнулся.

Способность мыслить вернулась. Но не как: дроид? — дроид? — дроид?.. Густав глянул окрест и подумал: "Хан?.. Это всё что ли... — против тебя?.."

Марика же волновало не своё ближайшее будущее, а Густава недавнее прошлое. Он шагнул, руками взмахнул: погоди. Огненный Круг обвёл по ходу и против хода одновременно, шире обвёл, целиком, вокруг Густава и пробормотал: "Гут-гут... Порядок..."

Привычка! Происхождение своё глава Там вёл от технических дроидов, дроидов регенерации! Более того, из вспомогательных! Само имя-функция "Там" происходит от траектории поиска проблемы. И относилось вначале не к горизонтам Собственных Миров, а к человеческому устройству! Владыка умело использовал его широту... Автономным технического дроида сделал Гелиотроп. Не единоличным решением, но... Многие сомневались, стоит ли... Технический... Своеобразный... Получается, владыка Там не то чтоб молод по дроидским меркам, но и не стар. До последних событий он оправдывал решение Гелиотропа стократно, тысячекратно. Служил зримым доказательством его прозорливости... До последних, да.

— Гут-гут... — повторил он, жёлтые глаза, тигриные. — Гут, Сальвадор... Разреши одну просьбу, единственную. Ты должен извинить Буро.

— Почему? — спросил Густав.

— Он очень...

— ...почему — Сальвадор?

Марик развёл руками.

— Почему — Сальвадор?

— В тёплом кругу мы похожи! Сходные вкусы, выбираем сходные имена...

— Почему — это?

Дроид наклонился к нему, похитил жёлтыми, тигриными глазами и наставительно, как Карат курсикам произнёс:

— Потому что — невредимый. Потому, что с тобой всегда всё будет в порядке. Фортуна да слышит меня! Гут, Сальвадор?..

— Как с Буро? — безразлично переспросил Густав. — Вплоть до рогов на лбу? Он хотя бы распотрошил чудовище, дело... В порядке? Я был гадом всю жизнь, тебя вообще не было...

Бест вздохнул:

— Прибыло, Владыка, эхо к голосам на той стороне.

Дроид отмахнулся.

— Вся жизнь, Сальвадор, у тебя впереди.

— Марик!.. Не знаю, как тебя теперь звать, а меня по-прежнему!

— Сальвадор...

— Марик!

— Сальвадор... Гут?

— Не гут!.. Марик!

— Как скажешь. Но это твои полноценные, настоящие имена: Гут, Сальвадор. Так и будет, вот увидишь.

"Гарольд моё окончательное имя, — подумал Густав, — оно лишь и ждёт меня впереди..."

Драконье скрипящее море колыхнулось в едином порыве, обогнуло людей, а дроида унесло прочь. Осталось сито, холод, сквозняк, пустота... Сито столь редкое, что и Гарольду не зацепиться... Холод... Сквозняк... Ни тепла горизонтов, ни сна и ни полусна... "Дьяволы адских глубин, почему кто-то будет решать за меня?! Этот дроид — мой! Был моим! Чхать я хотел на их интриги, запреты и угнанные рынки!.. Я нашёл его! В море! Плевать, кто потерял!.."

К пустому трону, янтарному, гранитному катился драконий, чешуйчатый океан, передавая с волны на волну жёлтого, тёплого дроида. На подходе он окликнул воронёных ящеров по-драконьи:

— Тю!.. Не промахнитесь! Мне вооон туда...

Августейший поманил рукой, подтверждая его слова. Волны дрогнули, поменяли направление бега, и дроид очутился возле холодного трона. Заставил сад взволнованно зашелестеть, залопотать на необщем дроидском. Не ожидали, ага...

— Как же я тебе благодарен... — успел шепнуть владыка Там Августейшему.

Затевалась грандиозная свара и грандиозный торг! Хоть и ясно общее соотношение, окружающий троны ряд чёрно-бел, три к одному, и это не в пользу Чёрных Драконов пропорция! Все это чувствовали, как точку вероятного излома, напряжения. Кроме Густава. Едва тёплый владыка встал к саду лицом, Густав опять попал в состояние нормы. Не сито, а человек. Последний день и последние часы, когда пребывал в нём. "Теплое крыло", энергия тихой орбиты. Так долго таящейся и такой могущественной в охвате, в необратимости влияния... Густав не помнил, как жил без него и не знал, как будет жить дальше. Впрочем, пока не знал и того, что это предстоит ему.

Бест не нуждался, Соловей с Амиго получили общего, а Густав — отдельного переводчика.

Не медальон, как Индиго когда-то, к огромному разочарованию Амиго. Нужды не было в дополнительном источнике тепла.

Дроид от трона Там подвёл дроида 2-1, одного из многих в саду. Местный, фиолетово-синий как ирисы, лишённый одежды, полупрозрачный и заполненный звёздами. Их вспышки, концентрированные огоньки дроидов и осуществляли перевод. Говорил от себя он обычным образом, если что хотел сказать. В тишине стало бы слышно, как перезвон, перекличка Туманного Моря дроидов исходит от них, возвращается к области горла, оттуда излучаясь более плотными волнами, непрерывным размеренным гуканьем совиным, приятным слуху, но воспринимаемым не через него. Гуканье — то же, что личный манок дроида.

Эта публика, переводчики, довольно молчаливая по закону хихикала больше Белых Драконов, прикусывая алые губы... Орбиты их широки, читают они постоянно на восемь сторон света!.. Дроиды разных семейств нуждаются в переводе чаще редких гостей из человеческой сферы.

Переводчики тем удобны, что быстры. А тем неудобны, что у них нет, — беда и особенность всех высших дроидов, — общего распределяющего-принимающего центра. Эсперанто они не обогащают. По смыслу переводят, в контексте, часто — потоком синонимов на одно новое понятие. В следующий раз его же переведут по-другому.

Ещё они уравнивают скорости разных орбит, чтобы дроиды могли лучше видеть друг друга. Естественно, что переводчиков в саду немногим меньше числа драконов.

Задача их в данном случае несложна: с эсперанто на эсперанто. Такому собранию как договориться на необщем дроидском!..

Густав отметил, слыша два эсперанто одновременно, насколько часто используются в дроидском языке числа. Все эти 2-2, 2-1 — лишь капля, что просочилась в известные людям названия. Непонятные союзы между числами, приставки к ним, добавляемые "Плюс" и "минус", отдельно и в степенях. Цифры, числа, формулы входили в имена, действия, обозначения орбит как технических дроидов и мест их пересечений. Восклицаний!.. Когда владыка Там остановился рядом с троном Августейшего, Густав мог поклясться, что холодный дроид рядом с Доминго выругался, употребив лишь цифры! Это не было переведено.

Собрание подводило итоги. Уточняло перекрёстки орбит.

Тёплый владыка активно и откровенно помогал им. Время скрываться прошло.

Для людей это звучало примерно как... "Такой-то дроид полтора сезона назад посетил такое-то семейство... Побыл в нём... Да и вышел!.. Изменения его орбит по выходу были таковы..." Иногда уточнения касались области, в которую вышел, нейтральная или как?.. В свою прошмыгнул?.. Встречен был, провожаем?.. Иногда полностью запрашивалось, к ситуации не имеющее отношения, местоположение антагониста в это же промежуток времени.

Дроиды воспроизводили картину от первого дня. Сотрудничество владыки нисколь не означало раскаянья, или заискивания, или чего-то подобного. Вольно и невольно совершённое, косвенно спровоцированное им, точно рассчитанное и счастливо сопутствующее — огромный массив нового опыта, связей. Весь этот массив, будучи осуждён и подвергнут исправлению до исходного, сколь это возможно, или, что почти невозможно, защищён на турнире, узаконен в качестве новых направлений развития, он в любом случае — сокровищница. Он то, что требуется зафиксировать и осознать. Занудно, долго, учитывая все связи, даже случайные и слабые. Но иначе дроиды не умеют. Фильтровать информацию каждый будет через свои познания и акценты, ради своих нужд после когда-нибудь.

А Густав смотрел в лицо новым, не охотничьим открытиям. И не с милого Техно... Внутренним. Он вдруг осознал необратимость. Всего в принципе, вообще всего. Времени... Как прыжки настоящей секундной стрелки по делениям. Ни одно не повторится на циферблате, и не замкнётся его бесконечный круг...

Что навело его на эту мысль?.. Ничего особенного... Тёплый дроид, оставив переводчика, вернулся к янтарно-гранитному трону, улыбнувшись извинительно на прощанье. За беспардонное разглядывание... Тогда Густав и подумал: "Мы, люди имеем органы чувств... Не пяти... Многих других, не имея для них и названия..." Копия владыки — вовсе не Хан-Марик. Густав не спутал бы их и в толпе, и у горизонта. И наоборот, Хан-Марик, став выше ростом, обретя вместо серых жёлтые глаза общей формы... — остался Хан-Мариком и никем другим.

Густав пошёл сквозь толпу на цитриновый тёплый блеск, к гранитной основательности, к пустому трону... Остановился и смотрел, смотрел... Как гуляки Южного на тени в "аквариуме" его. Смотрел на дроидов, на окружение тёплого трона... Понять не мог, как это получается. Что в нём знает эту очевидную нетождественность?

И почему с ней так тесно связана… Тоска какая-то… Не тем был проданный, кем оказался... Предательская сделка не завершена, и не могла быть завершённой... Вина?.. За подзатыльники дроиду? Не… Густав признался бы, честный с собой, что просто дураком себя чувствует, простачком, обведённым вокруг пальца, глупо... Но нет.

Какая-то тоска, вроде, когда правильно рассчитал всё, но не время… Не убежать. Не добежать… "Я что-то не успел... Не успеваю..."

Ага. Будь он ещё на пядь храбрей в откровенности, так и увидел бы, что откладывал всю жизнь, избегал и продолжает избегать! А совсем скоро и шанса не останется.

Зато Густав признался себе, что он — страстный коллекционер... Собирал не то! И нарочно! Нарочно выбрал наиболее чуждое, безразличное для него, карты и лица извращённых тварей. После утраты, после порчи мира, собранного со всей коллекционерской страстью, не желал ничего ценного, выбрал труднодоступную дрянь...

"Марика больше не будет рядом?.. Имея выбор, я бы пожертвовал драконом... Или за Лалы выкупил, ещё парочку прикупил!.. Дроиды, почему вас нельзя продавать и покупать?!"

Коллекционировать дроидов? Ещё не бывало таких коллекционеров! Но почему он должен покорно утратить то, что долго считал своим?! У полудроидов собственность определяется фактическим наличием в руках. И рамой мира. Находки — священны. Грабежи — законны. Для того, кто сильней! Теперь у Густава собирались вырвать из рук то, что его. Какого чёрта? Начинать новую жизнь с новой потери?..

Они очень похожи были, на самом деле, человек и дроид... И Марик кричал: "Моё! Буро, не тронь!.." И Густав не употребил другого слова ни вслух, ни про себя.

Переводчик отвернулся и прикусил алые губы.

"Мысленный перевод?.. В обе стороны? Сразу, и в уме?.. Шпион". С выводом Густав ошибся. Адресата не имелось для перевода от него. Человеческие ужимки сработали рефлекторно. Через руку, закрывшись, Густав присмотрелся к дроиду, полному звёзд. Дроид насмешливо, преувеличенно копировал его жест, подмигнув ярко-зелёным глазом, обжигающим как луч. Драконий разрез... И Густав ему поверил!

Правильно сделал. В маловероятном конфликте человек — дроид третий дроид примет сторону человека. Просто оттого, что люди больше нравятся ему! Этот самый переводчик непосредственно Восходящему может миллион лет назад раз послужил. А тут внезапно ему на

несколько часов достался чистый хозяин Собственного Мира, спасибо владыке Там!

Перемигнулись и договорились. Дальше перевод шёл уже с подсказками, с пояснениями. Теперь уже Густав кусал губы, цепляясь за привычную непроницаемость лица, чувство юмора у этих 2-1 по-драконьи грубоватое, но отменное!

Охваченный дурными предчувствиями, Густав вернулся к Бесту и поинтересовался конечным результатом подобных прений.

— В случае владыки не знаю, — ответил Бест. — Обычный итог, степень невыгодности условий, на которых он вступает в турнир. Безоружности, разоблачения. И выбор соперника. Кто больше ущемлён или по жадности претендует на его орбиты. Старыми словами выражаясь: делят шкуру медведя вполне живого!

— И все, кто собрался, ущемлены? Все за это, против него?.. И ты?

— Что значит против? Речь о восстановлении равновесия. Баланса. Узкие интересы на кону, но их совокупность — сама возможность зрячего движения вперёд. Почему наиболее смущающие их вещи называются: тихая орбита, слепая зона?.. Поэтому. А речь о гигантском комплексе нарушений, замаскированных одно другим! Этот результат, не цель владыки, побочный эффект. И его в любом случае следует устранить.

Густав обернулся к переводчику вопросительно. Но между двумя людьми как он мог помочь?! Бест взмахнул рукой:

— Смотри, если некто, боец использует бич, например, след от удара остаётся на противнике. Не так с нарушениями дроидов…

Своевольный запретный поступок до поры до времени отпечатывается только в его орбитах. Искажает, разбалансирует их. Он, например, на что-то спровоцировал чужого дроида. Трон не узнает, хотя это он получил удар бича. Но однажды нарушитель промахивается, о нём докладывают четырём главным тронам. Или наступает момент, когда процент отпечатков превышает процент оставшихся стабильными орбит. И про это узнают все. Грубо говоря, тогда достаются все следы от бича разом.

— И в первую очередь троны желают понять, что это было. Естественно, не находишь?

Сам нарушитель исправить, по-хорошему договориться в последнем случае не может. Ему не на что опереться. Относительно турнира, у него нет нужных скоростей и силы удара. Он разбалансирован. В какой мере разбалансирован, в той проиграет. Если в планы победителя не входит прекращение дроида, он забирает его целиком, и балансирует заново, как принадлежащего себе, как дроида своего семейства.

— С главными тронами ничего подобного прежде не случалось. Прогнозировать невозможно. Умный нарушитель внимательно рассчитывает, когда быть пойманным и вызванным. И кем! И на каких условиях! Если что, даст оплеуху сам, сам и вызовет! А владыка Там... Он настолько далеко зашёл... Я не знаю. Есть много способов восстановления, Густав. Долгое пребывание техническим дроидом, улиткой... Да-да, как на Рулетки! Или в океане... Есть обнуление азимутов. Они это ненавидят…

Обнуление до равновесного, чистой исходной формы. Есть сужение орбит, что означает не уплотнение, отнюдь, а лишение внешних, широких, эллиптических. И это они ненавидят. А выиграв на турнире, нарушитель отвоёвывает законность всем своевольным поворотам! Право следовать ими впредь. То есть, буквально вся вторая раса в лице присутствующих на трибунах признаёт его такого, какой есть, каким сделал себя, со всеми отпечатками на орбитах отправной точкой дальнейшего пути!

— Ну, как у вас на Южном награбленное признаётся законным имуществом грабителя.

Если некому у него отнять!

Амиго, сверхъестественным чутьём приводимому на запах интересной беседы, досталось другое образное объяснение.

Но сначала долго и упорно продирались от "кто его заставляет", относительно дроида, в чьи планы турнирный бой не входил, на "что же его заставляет". От грубой материи к понятиям.

— Ты же видел, — спрашивал Бест, — как летел плащ с плеч владыки, как рассыпались драконы. Разве они вели, тащили его? Разве для этого их так много?

— Не знаю... Похоже, что нет... А для чего?

— Чтобы видеть. Не упустить из виду. То существует, что охвачено вниманием. Орбита мало для кого видима когда широка. Когда очень тонка. Когда стремительна. Ещё, когда неправильной сложной формы и скачущих скоростей. Но это неудобно и для дроида. Владыка широк, огромен, тонок и быстр. Ради этого столько Чёрных Драконов. Вызов его официален. Драконы простираются как поле от точки в пространстве, где вызов вручён досюда. В противном случае, он мог бы прибывать кружными путями, занимающими вечность. И не сказать чтоб уклонился от вызова. Возможно, поэтому именно Чёрные Драконы и следят за порядком, что не объединяют своих орбит, а именно видят друг друга. Другая ступень пребывания информации.

— И что? На турнир он тоже идёт, потому что все его видят? Не уклониться?

— Ты знаешь, по факту, по ситуации — да! Чаще всего! Но по-сути... Представь семейства 2-2 в виде гор. Горных систем, кряжей. А намерение нарушителя, одностороннее, как устремившаяся к ним река…

Хорошая, вежливая река, сначала попросила бы их подвинуться!

А невежливая — во-первых меняет окружение семейства, препятствует входу-выходу, не нарочно, а оказывая влияние на двери, на входящих. Подобное влияние, как бы размывание рыхлых пород, земли, песка... Внутри семейства оно неощутимо.

У воды в отрогах горных есть, где лавировать, просачиваться, затапливать и переливаться через перевалы.

— Крепкие породы, это те интересы четырёх главных тронов, которые пересекаются, так или иначе, с каждым троном, малым и большим. Они называются — контуры, с добавлением, на сколько четвертей, как и метки от них. На одну четверть, на три, слышал претензию Белого Дракона? Или на все четыре четверти.

Один из главных тронов может сделать вид, что не заметил нарушения, хотя это не приветствуется. Два — реже, три — невероятно. Четыре — прямо не имеют права. То есть, если нарушитель вторгся в интересы всех четырёх главных тронов, он будет обнаружен Чёрными Драконами неизбежно. И вызван. Нарушения превзошли дроби. До такого обычно не доходит. Урегулирования начинаются раньше.

— Река сталкивается со скалой...

— Да. А контур четырёх четвертей, как бы подъём земной поверхности, вода не течёт, начинает прибывать... Переливаться. Или снесёт препятствие. Два варианта развития событий.

— Отступить?..

— Да, отступить… Как ни странно, это войти в задетое семейство. На нормальных правах, на время зайти, собой компенсировать.

Снести — отнять трон, которому нанесён ущерб. Доказать, что ты крупней, и лучше. Перелиться — отвоевать свою правоту на турнире. Проложить новые пути. Выше прежних… И между них оставить проход для следующих чьих-то взаимодействий, законных и незаконных.

— Суть в чём, Амиго, все своеволия, все искажения орбит своих и чужих вплоть до развязки никуда не деваются, пребывают в дроиде. Они — сила течения. Момент разбалансированности, ведь по природе дроид всё же — гора! Разбиться на малые ручейки и отступить — быть раненым, потерять часть орбит. Отдать их победителю. Прекращение дроида — отдать все...

— Бест, я правильно понял, что если они захотят, они могут попросту расступиться? Пропустить его?

— Могут. Настолько, насколько это согласуется со здравым смыслом, их пониманием перспектив. Признать искажения удачными, новое точки фокусировки орбит. Его, своих... Но сейчас не признают.

— Почему?

— Да потому что в них нет ни нового, ни удачного! Владыка служил одному человеку. Угробил несколько сотен высших дроидов ради него. По их желанию, да. Но, согласись, тупиковый путь. Ни о чём. Даже не взаимодействие, не контакт с людьми. Он подсовывал дроидов вместо жертв хищникам и всё.

Имелся и неведомый Бесту момент, почему владыка Там в тупике... Анти-тупике: не видна конечная точка.

Чтобы что-то существовало, продолжило или начало существование, оно должно быть зримо. Не воспринятое — не существует. А частью схемы нарушений стали Белые Драконы. Не открывающие своих секретов. Частью нарушений, значит и частью нарушителя.

Если какой-либо более мощный и крупный трон не берёт его под своё крыло вместе с этим слепым пятном, готовый с таковым мириться или компенсировать, то дальше — лишь турнир. Драконы не раскроются, не отступят, рынка не отдадут. Да владыка и не попросит их. Этих «фррр-ха-ха, тю-тю»... Им «ха-ха», третьей расе, независимым навсегда.

Однообразное, но неповторяющееся, обыденное, но не прекращающее развития существование дроидов внутри их сферы, к их огорчению, в считанных точках пересекается с людьми прямо и во всех — опосредовано. Соответственно считанные единицы в своде нарушений относятся прямо к людям, эта тройка: не заводить любимчиков, не воплощаться, не признаваться.

В чём же состоят остальные, весь массив, подсчитываемый как дроби целые и дроби дробей? Принципиально — в игнорировании тех обобщений, что уже сложились с начала последней эпохи. Обобщение — есть семейство. Чем крупнее семейство, тем крупнее дробь нарушения, даже если незначителен эпизод. Ну, внимательней надо с власть предержащими!..

А в чём само игнорирование? В передаче сигнала, запроса не по дереву, разветвляющейся схеме, а по цепочке, согласно личным предпочтениям. Это и способ образовать семейство, и способ попасть в нарушители. Пример...

Следуя манку своего главного дроида, Восходящий залетает под дождь. Впервые! Восторг, обилие, шквал Впечатлений, ничего не понятно! Ничто пока не имеет имён.

Положим, дроид этот именовался Салон, влёкся к тем ливням, где дождь по теме, и был близок, даже подчинён семейству Дом... Внимание его остановилось ну... На портьерах... Возможно? Вполне. Салон фиксирует это и предаёт часть запроса конкретной цепочке дроидов. Тех, что сохраняют варианты интерьеров. Тех, что за Там отвечают, за вид из окна, за дыхание ветра... Они передают дроидам с более узкой специализацией. Это нормальный путь развития, от общего к частному. Каждый проводит Восходящего под сколько-то ливней. Кто-то научит словам, кто-то нет. Кто-то воспользуется услугами поисковиков, кто-то переводчиков...

Положим теперь, что дроид Интерьер, реальный, влиятельный Трон, обожатель Доминго, делегировал запрос на рисунок портьер дроиду недавно перешедшему из одиночек. Близкому к Флоре и Там, далёкому от Доминго. И тот, избегая семейства Стилизация, увёл восходящего под лесные дожди!.. Он в праве так сделать, но — позже! После очевидно относящегося к делу! После уже накопленного в знаниях, тканей, узоров, символов... Настроения внутри дома! Крутой поворот должен совершить сам Восходящий. Нельзя грубо подталкивать к нему. Далее возможно увлечение только флорой, забвение начатого эскиза, потеря времени. Салон, как дроид, теряет весь тот опыт разветвлений, запросов, который достался бы ему из недр человеческих ассоциаций. Теряет несостоявшиеся связи с одиночками 2-1, которые были бы вызваны им законно, в ответ на последующие вопросы.

Нарушитель напротив — всё это приобретает. Так же, изменив курс, он может дать выгоду другому трону. На то, и на то он имеет право. Но — плавно, мягко. И в законной пропорции, в числе немногих попыток. Семейству Стилизация может достаться сто дождей, а тёплом трону Лесной-Дождь путешествие лишь под одну тучу и после. Задача интригана — выбрать настолько ослепительный, нерафинированный ливень Впечатлений, чтобы Восходящий сам забыл обо всём! Сам повернул в другую сторону. И домик с салоном его завершённого эскиза очутился в густом лесу!

А для нахождения таких уникальный туч, каждый раз заново, ведь всё постоянно меняется, дроид должен успеть завязать много связей, обрести широкие орбиты, охватывающие смежные области. Нуждается в том, чтобы их дроиды хорошо к нему относились, сообщали где-то идёт, дождит. Но самое главное, его собственные — наполовину опыт, наполовину интуиция, близко ли проливающееся в туче к человеческому запросу, мимолётному желанию, вечному представлению о красоте? Важны хорошие, быстрые метки, важны связи с поисковиками. И благосклонная помощь крупных тронов! Быстрая. А к тому, кто зарекомендовал себя нарушителем, интриганом, она быстро не придёт. Станут обдумывать, сомневаться...

Верх удачного нарушения, переманить Восходящего. Он слушает всё тот же манок, но под каждой тучей его внутренний взгляд выхватывает то, чем соблазнил нарушитель. Его тему. Его манок, дополнительный голос. Так нарушитель перехватывает все запросы и строит сам их дальнейшее древо или цепь.

Законно или нет, он обретает такое количество связей, что в них находится значительное число дроидов не желающих и по завершении эскиза удаляться от него. Получается трон. Имя-функция.

Последняя задача, если начал как нарушитель — отстоять право существования своего семейства на турнире. Когда исходные дроби невелики, а итоговая функция интересна, перспективна, против него не сильно злобствуют. Но!.. Если всё так, а он лично, каким стал в процессе службы, приглянулся сильному владыке, ущемлённому в чём-то... О, это даже опасней полноценного нарушения! "Джем на поде, иди по-хорошему ко мне! Зачем тебе, маленький, отдельно царствовать?.."

Пример, чтоб стало понятно, что дроиды, хоть одержимы людьми, но их жизнь — их отдельная сфера. Неустанные попытки объединить, классифицировать информацию. Унифицировать классификацию. Оказаться в заголовке таблицы. Наверное, это невозможно. И наверняка, это прекрасно! Можно заметить, что вечным балансом в какой-то мере обусловлено особое положение и крупный размер семейства Сад, где перемешиваются очень и очень разные, далёкие друг от друга категории. Где важнейшие черты для владыки — открытость и мягкость. Он и был таким.

Густав не понимал, в упор не видел масштаба владыки Там. Масштаба четырёх главных тронов. Для него, приятель-слуга, дружок, едва не проданный, дроид-хищник, казус...

"Нарушений?.. Отпечатков?.. — думал Густав. — Превращённых что ли они так, обтекаемо именуют?.. И это можно исправить?.. Ну-ну... А ещё про природу дроидов что-то втирали мне..."

— Но, Бест, вина Марика — моя вина. Мною пойманные люди.

— Какие люди?

Переводчик полыхнул всеми звёздами сразу и вмешался:

— Дроид не причинит вреда человеку! Ты что о владыке подумал?! На земле ли, на троне, на турнирной ли площади, он — достойнейший, добрейший изо всех дроидов от начала эры! Ко всем! От вас до последней улитки!..

— Ну... — Бест усомнился, — они сейчас и подсчитывают, ко скольким нет, не добрейший...

— Они сами этого хотели!

Да, порядка в дроидской сфере не больше, чем среди людей... Приставленный к человеку переводчик, забыв, ради чего приставлен, разругался с ним и с господствующим над первой расой!..

— Для дроида — нормально! Нормально и точка!.. Защищать людей! Мы и так слишком ограничены! Да если б голосовали все, кто согласен с ним, холодные владыки на тронах бы не усидели! Мы для чего созданы, с тем и разлучены!.. Я не понимаю, чего ради мы должны были перенять человеческую паранойю: страх смерти! Ведь его нет у нас!.. А так действуем, будто есть! Линейная продолжительность не имеет преимуществ перед дискретной!.. Почему — продолжать? Почему не — повторять?.. Дроиды обязаны сохранять всё, даже запретное, я согласен… Но не обязаны сохранять себя! Пускай Гелиотроп конструирует новых. Воспроизводит старых по схемам. Трон... Трон… Что трон?.. Ради власти волчком крутиться?.. Ради и всегда в стороне?.. Но некоторые, — большинство! — предпочли бы, как драконы! Завидуют драконам, признаю! Недолго, но близко! Смотря по ситуации, по своему разумению ориентируясь! Не бросая человека, когда... Когда... А они сами хотели! Не было схемы. Владыка дал им схему!.. Как шлюз! Как хлынула вода! Разве он принуждал? Или рвал орбиты, воронки закручивал вокруг себя, врал? Да ему выбирать приходилось! Брать одного, отказывать — десяти! Сотне!..

"Рвать и закручивать орбиты", значит, отняв орбиты у своего или зашедшего дроида, а чаще у вознамерившегося покинуть семейство, использовать их для уплотнения трона. Или создания трона, если столкнулись одиночки. Как правило, невосполнимо для жертвы. "Недроидское" в дроидской сфере, нарушение, касающееся лишь их. Крайне редкий и очень некрасивый поступок.

— Тема о чём? — не выдержал Густав.

— О том, — гукнул переводчик хмуро, — что ты назвал хищником владыку...

— Но столько людей он у меня на глазах...

— ...на этих что ли?! — перебил дроид, вытянулся и отчеканил. — Дроиды Там на земле и на небе прокладывают пути!.. Говорил тебе кто-нибудь? Ни один человек не пропал и не мог пропасть от его руки с внешней иглы в Собственном Мире хищника! Постыдись!.. Услышит тебя Фортуна и отвернётся! Услышит Фавор и замолчит на столетья!

Какая страстная речь... Густав смотрел в звёздное, полыхающее небо дроида, удивляясь его возмущению...

— А нарушения... — спросил он. — А подсчёт?..

Бест ответил:

— Ты путаешь. Нарушения это одно, а невозможность причинить вред, совсем другое. Это

их сущность, это сам дроид и есть.

— Бест!.. И ты, Туманное Море звёздное, послушайте! Я видел и получал, в руках держал вещи, сделанные из похищенных! Артефакты! Не иллюзия! Если, конечно, не иллюзия всё на свете, и сад этот, и мы, и наш спор! Артефакты — из — людей!

— Дроидов! — полыхнул переводчик. — Из дроидов!.. Полноценный человек из нашего брата никогда, увы, Фавор, не получится... Маловато материала... И мест для добавки... А вещь — легко! Какой пожелаешь артефакт!..

— Ты хочешь сказать, что на рынках чуть ли не каждый второй — дроид?.. И в небе?.. Я охотился на земле и в небе...

— Нет, — Бест повертел руками, будто шар обводя и круги в нём, путаницу кругов. — Не видно снаружи, привычка к плотности, к поверхностям... Не видно, насколько всё одно в другом...

Не видно, но Густав легко понял схему ловко задуманных и виртуозно осуществлённых владыкой Там безобразий.

Как владыка Там увидел Восходящего в ореоле непобедимого дроида, подрагивающие полупрозрачные веки, по чему-то неведомому скользящий, внутренний взгляд, тревожный, трагичный безнадёжным неведеньем, чуждым надежд, на коже — синь подводного восхождения, так сразу и понял. Как станет сопутствовать, как станет прокладывать пути. От начала — до турнирной площади.

Дроиды, задействованные в авантюре согласились с такой радостью, словно давно ждали! От начала времён. Где-то, да... Особенно Белые Драконы. Но им-то достался исключительно выигрыш, заведомо, в отличие от дроидов на подмену.

Надо заметить, что если сужение орбит и обнуление азимутов — проживаемые события, то прекращение дроида нет. Это отсутствие события, последняя мысль, последнее его намерение, протянувшееся бесконечно во времени. Как негативное оно не воспринимается ими, за исключением незавершённых планов, если были таковые.

Обнаружилось по факту, что и у самых амбициозных дроидов планов нет, сравнимых с заменой на себя человека в смертельной опасности.

Схема представляла собой матрёшку, законную на все сто! До последних мгновений.

Внешний круг — Белый Дракон похитителя. Готовность этих дроидов появиться по первому зову в любом месте, открытом к небу — следствие широты их орбит. Другое следствие — возможность много чего и кого заключать в них. Одновременно и без проблем. Всадника, разумеется... Похищенного им человека… Его Белого Дракона в необщей форме… Который в свою очередь в чуть суженной ширине орбит мог заключать меньше, не человека, иначе драконы катали бы людей и не оставаясь незримыми, но дроида второй расы, а именно — дроида на подмену...

Как известно, драконы не залетают ни в рынки, и в Собственные Миры. Вызванные в пределах торгового шатра, они проделывают стремительный путь от него до области Сад в Собственном Мире.

Вызванный дракон похитителя появлялся не один. В своих орбитах он заранее имел этих двоих: ездового зверя похищенного и дроида на подмену. Задача которых — воплотиться строго в момент зависания над миром, когда все растождествляются на миг, падают все. Когда хозяин мира взмахом, осознанным на раме, неосознанным в падении, совершённым не рукой, а

целиком собой, приглашает гостя, падающего следом... Тогда в руке похитителя окажутся вместо человеческих дроидские связанные запястья. А похищенный обнаружит себя не на чужом, а на своём драконе.

Имитация внешности человека легка, если непродолжительна. Готовилась заранее. Действовать осмысленно дроид не способен за рамой мира, почти как в Великом Море. Всё наобум. Марик в гостях тому примером! И не требовалось этого. Пребывать лишь. Секунду-две бездействия. Вторжение за раму, нарушение такого масштаба, что дальше — прекращение. Всё равно где, тут сразу, на турнирной площади...

Зачем вообще понадобился дроид на подмену? Чтобы сохранить тайну. Как можно дольше. Чтобы минимизировать вмешательство в дела людей. И не только…

Похищение двумя драконами в сговоре возможно и без подмены, да, но это грабёж! Такое дело, — они согласились бы с Буро, Морским Чудовищем! — пойманный, конечно, ещё человек, но уже чей-то человек… Дракон похитителя участвовал бы в грабеже, наносящем ущерб его хозяину, и не факт, что так же легко бы на это согласился. А так, он участвовал лишь в спасении.

Был ещё один дроид задействован. Из технических, из тех, что собирают эскиз. Для превращения человека в артефакт он не нужен, есть Огненный Круг. А для высшего дроида нужен. Он усиливал и сохранял кучность, не рассеянно, правильно передавал импульс в субстанцию от левой руки. Не корректируя его, не угадывая, не ошибаясь. Исчезал там же. Поэтому артефакты, все, кроме Лалов, полученные в результате охот, завершённых Хан-Мариком, удались идеально!

На краткий миг, на секунду, на полсекунды попадает хищник в гости к хищнику. Не достойному доверия. Неспособному доверять. Вздумай кто-то из них примириться или торговаться, план бы рухнул. Но владыка Там не просчитался ни разу! Это и восхитило и разгневало многие холодные троны. Все заказчики Густава и других, игроков Против Секундной Стрелки оказались, увы — не рассуждающие, нераскаявшиеся хищники.

А человек улетал на Белом Драконе! По сути, его похищал собственный дракон... В рыночек, — аххххррр, фррр! — в облачный рынок, угнанный не без помощи тёплого владыки!..

"Да, что же там такого?! — единственная мысль, не дававшая покоя Доминго. — Ведь запереть перекрёсток драконы совершенно точно не могли!.. Чем привязали людей?.."

Драконы — молчок! Этим закоренелым нарушителям идея представилась великолепной! И сейчас они тявкали, фыркали на холодных владык: "Для вас эти люди мертвы! На что злитесь?.. Фрррау?.. На то, что для нас они живы?!"

— Но почему... — у Густава голова закружилась от представшей картины. — Почему, эти, в драконьей сфере, не обнаружили себя?.. Такие разные... Не вернулись — отыграться, отомстить... Или что ещё...

— А спроси!.. Вон белок-то сколько!

Переводчик, исполненный тихого, усмирившегося мерцания огоньков в кисельной синеве тела рассыпался смеющимся перезвоном Туманного Моря:

— Тронам они не отвечают, может, тебе ответят! Фортуне ведомо одной, сколько у них секретов, у этих зверодроидов неотёсанных! Я не уверен и в том, что их драгоценные всадники не возвращались! И даже не так... Что они улетали за пределы высокого неба! Ведь угнанный рыночек, если предельно конкретно, не означает рыночка где-то там, там, там!..

Тёплый владыка услышал и, смеясь, помахал им рукой.

— Это, строго говоря, значит, что он неизвестно где! Обкусать с верхних лепестков не

значит оставить за ними! Туда они вытолкнули, а куда загнали потом, знает Фавор!.. А в чём я ещё не уверен, что технические дроиды общего поля Юлы — идеальная оптика. Не говоря о том, что можно спрятать в просторах Великого Моря. Впрочем, воображение меня далеко увело, для белок соль воды — не подходящая стихия...

— Я имел в виду, — уточнил Густав, — к людям знакомым не возвращались...

— Меня не удивляет, — сказал Бест. — Большое потрясение. Да и ты, представь, имея такую возможность, считаясь мёртвым уже, предпочёл бы вернуться под маской, наверное. Обдумать, как попал, другим взглядом на всех и на всё посмотреть... Домой зайти... В мирах же и время летит иначе...

— Тянется иначе, — возразил Густав.

— Кому как... Они на Собственный Мир взглянули бы другими глазами. И кто знает насколько зависли бы в нём...

— Но на земле объявился бы хоть один!..

— Дроиды Там, повторюсь, — сказал дроид, — на земле и на небе прокладывают пути. Теперь кто-то, может, и вернётся. Может, и нет. Когда владыку тайна уже не интересует.

— Густав, — сказал Бест, — ты подсознательно сопротивляешься мысли, что где-то скрывается и может вернуться одномоментно армия твоих кредиторов. Предъявив счета.

— Не боюсь.

— Не хотел задеть.

— Давайте не обо мне... То, что вы сказали сейчас, означает, что Марик... Не Марик... Рискует...

— ...быть прекращён, — подсказал дроид, — жизнью, по-вашему рискует...

— …за то, что не дал завершиться стольким...

— ...сотням, — подсказал дроид, прислушавшись к тронам.

— ...сотням хищнических, не игровых даже, охот? За это?!

Оба собеседника неопределённо кивнули, и да, и нет...

Знал бы Густав, не за это... За день у него в гостях! Что гостем его был Марик! Слепой, потрясённый, счастливый! За это… Ну, и за сотни предотвращённых смертей. За сотни добровольно, — в переводе на их эсперанто: своевольно, — прекращённых дроидов. За драконью вольницу.

Глава 120

Глава 120.

Тут цинизм спал с Густава. Как с владыки Там воронёный, драконий плащ. И прозвучало слово, что вроде зерна сохранилось в иссохшей, потрескавшейся земле его цинизма, ждало...

— Но это — несправедливо! — сказал он громко.

Не к Бесту обращался, ко всем. И дроид перевёл. Повторил, чего тут переводить, всем присутствующим, на весь сад, громкое:

— Несправедливо!

Он был услышан.

— Что? Несправедливо?.. — тремя слившимися звонкими голосами спросили три холодных трона.

Чёрные Драконы расступились, Доминго встал. Жестом пригласил пройти несколько ближе, склонил идеальное лицо и произнёс:

— Чистый хозяин Собственного Мира. Ответь. Мы ответим. И ты — нам. Мы нуждаемся в том. Чтоб уточнить. Суть некоего. Тихого перекрёстка.

"Паузы в излучении холода!.. Вот почему он так говорит с людьми, осенило Беста. — Ведь не так с драконами недавно ругался!.. А я думал... Из презрительности, из надменности... Индиго влияние дурное, былой подозрительности его, мнительного, влюблённого дурачка... Где-то понимаю его, Доминго несравненен..."

Густав, с личной историей Доминго не знакомый, не разделял ни на йоту особенно сейчас изгнаннического пиетета пред дроидами, включая главный трон.

— Вы нуждаетесь, — сказал Густав тона не понижая, — вспомнить, кто вы есть, машины, созданные людьми.

Выдохнул холод, пар изо рта, и продолжил, махнув в сторону излучающегося золотого тепла, тигриных глаз прищуренных внимательно:

— Этот дроид — мой! Принадлежит мне. Потому, что я — человек. Я, человек и требую этого. Принадлежит впредь, как и принадлежал раньше, как Белый Дракон. Я — требую.

"Что я несу?.." Переводчик прикусил алые губы и подсказал: "Так держать!.."

Сад тихо звенел, переклички не было в его звоне... Охваченный каким-то словом, звуком непереводимого, необщего дроидского...

Августейший хлопнул крыльями, осыпав пухом себя, трон, ирисы, ближние драконьи ряды. Извернулся на троне и сел на подлокотник снаружи, ноги свесил, на Доминго уставился. Молча. Владыка Сад стрельнул глазами на него же и виновато плечами пожал: ничего не могу поделать...

— А? Главный трон?.. — рука паяца широким жестом указывала на Густава. — Не прошло и полгода?..

Не сам Доминго лично хотел турнира! Он даже плохо его себе представлял: трон против трона, два из четырёх, и в каком виде соперник получит право выйти на турнирную площадь? Что именно из орбит ему придётся отдать, да какой стадии дойдёт разоблачение?.. Требовали турнира дроиды близких холодных семейств. Если уж неукротимы драконы, чтоб неповадно было организовывать их кому-то из второй расы.

Подсчёт же к этому моменту находился на следующем этапе...

Уясняя, что именно подлежит исправлению, собрание параллельно голосовало за кандидатуру соперника, перевес однозначно указывал на Доминго. По силе — кто ещё?

Меньшие троны решения не оспаривали, зная, что получат причитающееся им. Не в полном объёме, Доминго жаден, властен. Зато с гарантией. В случае же поражения — ничего. Или того хуже.

Так и получилось, что прежде всех обстоятельств был решён обычно последний и спорный вопрос. О сопернике нарушителя. А вот не надо начинать с частностей! Перестраховщики. Нельзя летать хвостом вперёд!.. Пытаясь нос сберечь. И то и другое потеряешь!

Белые Драконы вскидывали морды к владыке Сад: "Что? Что ахррр?.. О чём шут бормочет?.." Сузившиеся глаза, наморщенные носы. Сад молчал до времени, борясь с искушением, как смущённый дракон, нос в кулак спрятать. День выдался, что ни скажет, что не засвидетельствует, не в пользу Доминго...

"Я знал... — прошептал Бест. — Сразу, как в пыльной буре увидел его. Знал, что вижу брата..."

Густав оглянулся, не слыша двух потоков эсперанто. Переводчик исчез, слился с толпой.

Мимоходом оглянулся Густав, и уже в этом проявилась совершившаяся с ним перемена. Он бросал на всё по два кратчайших взгляда, как бывает, машинально повторяют слова. Видимое казалось то лучащимся, то текучим, неплотным. Первая иллюзия — набегающая, вторая, — отдаляющаяся. Первая тёплая, вторая холодная. Получалась расфокусировка зрения. Он приписал эффект гневу дроидов на его слова, причудам дроидской сферы... На самом деле, время надо, сообразить, как смотреть через первую расу. Через тепло и холод вместе. И ладони... В левую словно ветер дует, правая немного горит. Это всё он много позже заметит. Дроидское собрание обернуло и наклонило лица в его сторону... Молча, не обретя формулы.

Владыка Сад, прекращая без меры затянувшуюся паузу, ответил Белым Драконам:

— Эти двое владык, белки, поспорили, что не пройдёт и...

— ...полгода?..

— ...почти. Не пройдёт и количество лет… Равное в сумме всем эпохам до дроидов… С начала нашей эпохи высших дроидов… Как объявится человек, претендующий на наследство. Интересно, а что думает он... — владыка Сад поклонившись, спросил Густава, и слова его были в контрасте с учтивостью манеры. — Ты ли создал нас, машины, своими руками? Ты ли сочетал для дроидов схемы? Тебе ли мы машины? Справедливо ли распоряжаться не тобою созданным?

— Справедливость на вещи не распространяется. Если они не принадлежат кому-то. Вы принадлежите? Кому-то из людей?.. Если нет, то этот дроид — мой.

— Разреши, я... — сказал Августейший холодному трону.

Он оправил жабо, сложил крылья за спину тугим изгибом, возвышающимся над головой, и подошёл к Густаву. Окатил холодом. Плешивый, в нелепом костюме, крепкий как основание Синих Скал, как ось земли. Взгляд механизма, одна бровь круто сбегает к переносице, заключив без смешения все насмешки, все шутки, всю суровость и всю снисходительность, потребную владыке... "Так представлял себе роботов, — подумал Густав, угадав статус автономности шута, — когда Карат рассказывал... Только из стали..." Да, да, именно!.. Густав уже не столько угадывал, сколько иным зрением видел.

— На правах машины, которая не обижается когда слышит это, чистый хозяин, признаю.

От имени сферы. Твои слова не лишены смысла. И выражаю своё почтение, господствующему над первой расой.

Паяц поклонился, тогда повторил за ним это же весь сад. И тогда Густав понял...

— Так бывает?! — шепнул он Густаву растерянно. — И с тобой так было? Но я же не создал ничего нового.

— Не создал?.. Нда, наверное... Такого ещё не бывало, просто. Со времён роботов, когда люди побаивались своих созданий!

— Чёрт, Бест! — шёпотом закричал Густав. — Я же так, от балды сболтнул!.. Я же вовсе не считаю их машинами!.. Когда они поймут, разберутся...

— ... Они прекрасно всё понимают. Ты изменил их язык. Заговорил с ними так, как никто не говорил. А язык, это законы, это схемы взаимодействия.

В саду, в задних рядах кто-то сухо, отчётливо произнёс:

— Всего лишь ещё один голос. Мы поняли. Владыки, что дальше?

Владыка Сад покачал головой и ответил:

— Нет... Я разбивал. Владыки поспорили. Августейшего признаю победителем.

— И что? — звякнул ледышкой холодный голос.

Тут сообразительный Белый Дракон, "осётр", наскучив человекообразием, упал на четыре драконьих лапы, подпрыгнул на них, расталкивая дроидов, к тронам выбрался поближе... Подмигнул владыке Сад и обернулся к своему хвосту, изогнутому знаком вопроса:

— Не слышал ли ты, фрррау, кто шлёпнет тёплому трону хвостом по лицу, вызывая его на турнирную площадь?

И басом ответил за него, кивавшего кисточкой, огоньком пламени на конце:

— Как же, как же!.. — пробасил он. — Кто же кроме главного трона?.. Слышал! Слышал, что несравненный Доминго!..

— Владыка, — обратился тогда "осётр" к дроиду Сад, — ты разбивал? Так сообщи нам, на что спорили несравненные владыки?

Хохот, фырканье, притоптывание усилились среди Белых Драконов. Чёрные стояли будто статуи...

— Ящерица ты бесстыжая, — ласково ответил владыка Сад, — ну, доволен?.. Угадал... На дроида спорили, на что ещё... На любого по выбору.

Захрюкали белки, толкаясь боками, зароптали холодные дроиды. Да ропщите сколько угодно! Если соперник не собственность, что тогда собственность?! Не трона, а реально высшего дроида, всех азимутов его!.. Поздно! Не надо было отдавать все претензии на волю Доминго! Сами бы отвоёвывали. Теперь поздно! Фиг вам, а не разоблачение...

Владыка Дом постарался не выдать радости. Лучший исход для него, на самом деле. Неизначальный дроид помнил себя Восходящим рядом с тёплым владыкой, помнил манок...

Владыка Там по-кошачьи медленно прикрыл жёлтые глаза, распахнул. И потянулся...

— Сработало, интриган, зверодроид... — довольно буркнул паяц.

Августейший спас его. И немедленно стал главной угрозой.

— Возвращайся на трон, — сказал он.

— Что так?

— Гелиотроп не придёт.

— Отказ?

— А ты как-бы удивлён? Не отказ, но — по итогам турнира.

— Но, Августейший, каким итогам? Без разоблачения и все они, — владыка кивнул на островки в чёрно-драконьем море, — даже в непрерывной цепочке турниров... Стоп, или ты сам? Вызываешь меня? Тебе я не должник и волен отказаться.

— Ты, — хрипло усмехнулся Августейший, поперхнувшись-таки обгрызенным пером, — меня взываешь! Пинка дам публично, ты и вызываешь! А там, поглядим, как обернётся... Зачем, скажи, мне нужен очередной беглец? Стены семейства недостаточно крепки для такого тигра, как ты есть.

— Мило звучит! Польщён. А если начистоту? Тебе не нужен ни такой, ни сякой, никакой ещё лишний дроид в стенах. А нужны стены понадёжней. С иными качествами.

— Нет, дроид желания никогда не лишний. Дроиду новому, нелишнему я всегда рад... А про стены верно. Считаю, будущее за равновесием первой расы в крепости внешних орбит. При контроле, при распределении. Тёплый трон, джем на поде...

«Джем» и вообще упоминания аморфных веществ из съедобного ряда, с позапрошлой эпохи в дроидское эсперанто дошедшие, часты и обычны. Они употребляются в качестве унизительных, уменьшительных, ласковых и угрожающих эпитетов. «Сметана», в смысле — неудачник. «Пенка» — слабак. «Маслице» — слуга.

И «джем» — уместно. Для кого угодно, тёплый трон, суть "джем тёплый, не снятый с плиты", концентрат, желанное. Азимуты его существа, и совокупность разобщённых орбит, сохранивших точки фокусировки, и даже неориентированная никак туча, звёздная туманность его технических дроидов... Заполучить из этого что-нибудь или всё — шик неимоверный, заполучить половину царства дроидской сферы!

— Автономный дроид обставил меня... — огорчения и беспокойства не проявив в голосе, заметил тёплый владыка. — дважды, ещё и подстраховался!

— Ну, тот спор с Доминго я, считай, позабыл!.. Фортуна напомнила!

— Шут, ты — позабыл?! Шут всегда при бубенцах! Обставил...

— В этом минус узких целей. Преследуя её, не замечаешь, как замыкается широкий круг. И ты давно в нём, и твоя погоня. Владыка, ты наисильнейший ход сделал, преследуя крохотную, — Августейший взял невидимый промежуток двумя пальцам и к глазам поднёс, — крооошечную цель. Ты пришёл к единственному, кто по-настоящему опасен тебе. Оммаж!.. Слово-то какое выбрал...

Не возразишь. Единственно, стоит учитывать относительность малого и большого.

— Зверодроид, — лениво спросил Августейший, — пока они досчитывают, решай, какую часть сущности, тигриную или дроидкую оставить тебе, если в настроении буду? Жёлтые или же чёрные полоски?..

— Р-р-р-р!.. — согласно откликнулся владыка там на обзывательство. — Тигр да?.. Не джем на поде?.. А ты будешь верхом?.. Тогда и я на поде, верхом! А если нежданно-негаданно так получится, что и меча не обнажу? Что если мой конь задними копытами отбросит тебя до улитки грызущей? Либо, может, лягнёт за небесный обсидиан?! Не очень ли ты спешишь владыка?

— Не злись. Я не в шутку спрашиваю. Гуляке из простых, сколько ты погулявшему, и улиткой бы не стать. Я спрашиваю, что бережёшь, чередуемое или чередующее? Все предыдущие или один суммарный азимут? Каждую чёрную полоску или одну жёлтую скачущую через них?

— Ты ещё не победил! Мы ещё не на площади!

— Милый зверодроид, наивно пришедший ко мне! Я принял тебя? Как автономный дроид, в третий и последний раз спрашиваю.

Владыка Там потупился:

— Невежлив мой ответ, как высшего...

— Ха, переживу. Говори.

— Я не хочу быть дроидом желания. Изменения первой расы тоже не хочу.

— Это ответ? И то, и то означает — ни то, ни то.

— Какой есть. А если победа будет за мной?..

— Тебя ждёт много, много работы, и изменение первой расы.

— Не… Отчасти?..

— Отчасти меня нельзя победить.

— О, Фавор!..

— Я сделал всё, что мог, — резюмировал паяц голосом машины, откинувшись на ненастоящем троне, символическом, словно обращаясь к кому-то, кому с незапамятных времён дроиды пишут бесконечный отчёт, сухой отчёт. — Мы не договорились...

"О, Фавор..."

Ни человек, ни дроид, ни Чудовище Моря, кроме досады, кроме отчаянья не услышали бы ничего. Но не упрёк Фавор произнёс он, гимн!.. Реально! "Чин-Фавор", Хвала Фавор, это песня Феникса, её насвистывал, выезжая на последний турнир. Её и мурлыкал, старался вслух не мурлыкать, всё это время Владыка Там. Удалось! Получилось! "О, птичка с голубым горлом, спасибо, за каждую трель от незабвенного дня! Спасибо, Фавор! Спасибо!"

«Полоски!.. Жёлтую или чёрные?.. Все или одну?.. Ха-ха-ха. Нет силы, нет мощи такой, что разведёт их на орбиты, забирай!.. Наивный зверодроид приготовил сюрприз, подарок наивному автономному дроиду! Не из орбит, а из тронов я состою! Узких? Очень! Крепких? Стократ! Августейший не будет разочарован. Удивлён? Да! Огорчён? Ни в коем случае!.. Отними! Используй! О, Фортуна, в них я существую, или в этой общей форме, мне всё равно! В каждом, каждом троне сохранён результирующий, главный азимут! Узкая цель? О, да! Очень узкая! Настолько что поместилась в наитеснейший трон из двух орбит! Трёх, десяти, и этого огромного, — прощай, трон и гонг! — этого, зримого трона! Они, Августейший, все достанутся тебе с малюсеньким отягощением... Настолько незначительным и речи нет, чтобы выбросить такое богатство из-за него! Незаметным отягощением... Зачем о нём кому-то рассказывать?..»

«Мой тёплый, ближайший круг связан с тронами, что достанутся тебе, твоему мечу на турнире, связан накрепко. Кирпичики в твоих стенах сохранят свою волю. Не юлить?.. Ладно! Мою — волю сохранят! Не дольку, а сколько!.. Когда не будет меня, не станет меня. В малом сохранят? О, да совсем в малом! Это не угроза, это не проблема, ничуть!.. Вот достоинство узких целей! Что значит для тебя краткий срок человеческой жизни? Ты не отринешь их из стен! Через первую расу, через них, и они, и ты, и все твои красавицы будут в распоряжении того, кто господствует над первой расой!..»

«Нет, Августейший, автономный, хитрый дроид, я выбрал правильно слово оммаж, ты не услышал его. Не то услышал. Достоинство узких целей, в конкретности их. Чем крохотней цель, тем сложней промахнуться! И в том, что истинный их масштаб видишь лишь ты сам, ты знаешь о них, остальные знают, что ты глупец! Распрекрасно!»

«Гут, Сальвадор... Тебе будут служить отныне не только все тёплые дроиды, но и все дроиды Закрытого Семейства! И первая раса... Я люблю тебя. Как же хорошо, вовремя Августейший понял про баланс. Пусть его холодные стены укрепятся моими тёплыми тронными

орбитами. В каждой — твоё лицо, в каждой ты, Сальвадор. Я люблю тебя. Сальвадор, тебе будут служить все мои дроиды и все дроиды желания! А ты — им. Ты им... Гут, Сальвадор?.. Невредимый... С первого дня, с первого взгляда... Да поёт Фавор над тобой!.. Я был очень, очень счастлив... Ты сумеешь распорядиться властью... Гут, Сальвадор, гут... Дело сделано... Посвящаю тебе своё безусловное поражение!.."

Холодные троны в лице Доминго обратились к Густаву повторно:

— Чистый хозяин. Господствующий. Над первой расой. Мы слышали. Твоё пожелание... — волны холода катились по саду. — Мы ответим тебе, уяснив... — высокая волна холода. — С твоей помощью. Не прояснённый перекрёсток. Иначе никак. Машинам нужна. Точность. Закончить одно — начать другое. Справедливо?

— Да, — ответил Густав.

Совершеннейший идиот не заметил бы подвох. Густав заметил, ответ не приблизит его к цели. Но как лукавить, как торговаться с дроидами? Словил мариков взгляд, его непривычно жёлтые глаза выражали всяческую поддержку, одобрение и безмятежность. Никакой подсказки! «Марик на троне, с ума сойти!..» Бест и переводчик молчали. "Очнуться бы на Южном сейчас! Лучше бы мне Гарольд опять приснился!.."

Вопрос владык касался момента их знакомства. Правда ли была имитация схватки над океаном, имитация наглядного хищничества. Падал ли кто-то в океан?

Факт, падал. Признал. Вывод однозначен, дроид. Не человек. Механических кукол и морока дроиды не создают.

Доминго в вопросительной форме огласил этот вывод:

— Владыка Там, не ради продления контура нарушений, не ради сокрытия его, не ради артефакта, понадобившегося человеку, некий дроид канул в океан?.. Верно?

Владыка Там поднялся с трона, неторопливо, лениво, но драконы заворчали, пальцы Августейшего впились в подлокотники и крылья трепыхнулись за спиной.

— Веррно, — рыкнул, выдохнув тепло жёлтый тигр, тайный зверодроид, не глядя на Августейшего, и улыбнулся. — Ты прав, как всегда, Доминго!.. Ахррр, под волны!.. Не ради того, не ради сего... Так, рррради прихоти моей...

Доминго нахмурился, грусть, недоумение пробежали по совершенному лицу. И Бест удивлённо заметил, что Доминго, воплощение строгости, может быть огорчён, растерян.

— Во сколько же ты сам, владыка, оцениваешь это нарушение? — тихо спросил Доминго. — На сколько тянет дробь?

— Ни во сколько. Что было, то было. Перекрёсток пройден. Очевиден, закрыт.

— Закрыт волнами, владыка?

— Возвращением! Ррразумеется...

Огорчить неизначального дроида для изначального — почти как человека огорчить. Владыка Там сощурился, перестал рычать, усмехаться и примирительно добавил:

— Доминго, великий владыка, прими редкую метку в качестве извинения за шутку!..

Подмигнул Августейшему, мол, не волнуйся, ещё не нападаю, не площадь вокруг. И подбросил с двух рук клубок метки, расправившийся в полёте полностью, скрутившийся полностью на холодной ладони. Милое извинение... Доминго улыбнулся... Неизначальный, всё та же, человеческая улыбка... Та же смешная страсть к обладанию ценными вещами... Милому дроиду — милое извинение. Но суть?

— Владыка! — в сердцах попрекнул Доминго. — То метка, а то дроид! Не шутки! Долька или сколько?..

— Конечно, нет, добрый, великий владыка... Перекрёсток шутка, не возвращение...

— Фортуна слышит тебя сейчас... Предъяви. Какая улитка разыскала высшего дроида в солёном Великом Море?.. Какая улитка вывела его? Или то был Коронованный? Метку послать нам за вернувшимся дроидом? Эту?..

Собрание было согласно с Доминго.

— Докажи! Докажи!..

— Предъяви нам!

Звонким металлом холодных голосов наполнился сад. Владыка Там тепло, рокочуще, заразительно рассмеялся, и рычащие нотки вернулись, перекрыв все голоса:

— Крррупная улитка!.. С трудом поместится тут... Спрррросите, что ж, если вам интересно!.. Метки слать не требуется, Доминго.

Уставив взгляд в подножие трона, словно настоящую улитку разыскивая в траве, Там промурлыкал, прорычал ещё ниже, ироничней прежнего:

— Тут спрррашивают... Поднимись на минутку. Только не смейся! Спрашивают, всё ли порядке с тобой? Воды не наглотался? Не поперхнулся?.. Не повррредила ли наша маленькая, давнишняя шутка тебе?..

Сад чёрно-драконий, хранивший фиолетовые отблески, утратил их, утратил блеск чешуи, яблочную зелень купола небесного и наполнился чистой мглой... "Проклятие дроидов! Не может быть..." — отчётливо полыхнул переводчик за спиной Густава, звёздная россыпь его тела канула в пронзительной зелени глаз, померкла. Как и прочее, и прочее, и прочее...

«Троп…» Взошедшей таким сквозняком из углей, как будто были они раскалены до предела, до немыслимых состояний. Непроглядной, непобедимо чистой тьмой. Мглой горячих цветов. И если бы не проявилась всюду одновременно, разорвала бы смотрящих. Людей, дроидов... На орбиты. И орбиты разорвала... Горячие цвета притягивают, эта мгла — их закрытый клуб, все они в ней собрались!.. Так как, по происхождению этот белый дракон — Чёрный Дракон.

Призванный дроид воспарил из абсолютной мглы в яблочную зелень неба и обрёл белизну. Под травой сада вместо чёрных блистающих углей сквозил космос, лучистые звёзды... На предельных орбитах Юлы вознесённая твердь дроидского сада была не тверда. Сетка, сито, как у Густава в груди без тихой орбиты, без, чёрт его дери, Марика.

Огромный белый дракон завис над садом. Правое, левое... — нет окончанья крыла. Горные кряжи, белые... Неподвижен изгиб шеи. Драконья, орлиная морда поверх глядит.

Несколько тихих: "Троп... Троп..." — прозвучали не громче шелеста.

Владыка Там не отказал себе в удовольствии переспросить, усмехнувшись:

— Беспокоитесь о самочувствии Тропоса? Успокоить ему вас, ответив вслух?

— Нет!!! — в один голос слились холодные, тёплые голоса и драконье фырканье слышалось среди них. — Не нужно!..

Согласный ответ и тени шутки не содержал.

Густав удивился, почему не передалось ему общее замирание тревоги? "А Бесту?.. О, ему — да!.. Славный дракон, как маричкино облако над моим особняком... Троп из сна... Он и наяву так же умиротворяюще тих. Чего все переполошились. Голос его ужасен?.."

Владыка Там поклонился собранию: нет, так нет, сами звали...

Троп соизволил увидеть его, собрание под собой. Потянулся — одно крыло, другое... Они сложились, исчезли в его белизне, так и не проявив пределов. И не ушёл. Принял рядом с тёплым троном обозримый, крупно-драконий размер. Августейший сидел на краю трона.

Костяшки его пальцев были белы.

Владыка Там обратился к Белым Драконам:

— Спасибо, друзья-нарушители! Большой кувырок завершён! Пусть Фортуна слышит вас, а вы слышите Фавор, пусть Коронованный позовёт вас, пусть всадники никогда не направляют к волнам Великого Моря. Прощаюсь, белки! Мы не воюем с кристальным миропорядком кристальных тронов. Прошу дальше не вмешиваться. Тебе кланяюсь, — кивнул владыка дракону, бывшему ездовым для него, и положил руку на шею Тропоса. — Вам было весело? И мне!

Троп переступал лапами, с шипами на локтях, с шипами на каждом суставе пальца, с выпущенными когтями. Смотрел поверх сада орлиной, чуть отвёрнутой ото всех головой, скуластой вытянутой мордой.

Августейший, дослушав, рывком встал трона. Возник перед Густавом, обернулся к Доминго:

— Ясен перекрёсточек стал? Вопросы — чка? Наше время отвечать?

Доминго кивнул. Троп завораживал… Неизначального дроида с меньшей силой, но — завораживал... Не оторваться...

— Отвечаю. Господствующему... — паяц передразнивал речь Доминго. — Над первой расой. Чистый хозяин, забирай, твой дроид! Забираешь?..

Марик, тигриные глаза, мотал головой: нет-нет-нет!

— Да, — ответил Густав.

— Подожди, владыка, — внезапно проявился его переводчик. — У них нет этих слов и понятий. Я обязан проговорить, как есть, вслух твой вопрос.

— То-то они сразу появятся! — Августейший поднял одно крыло и хлопнул им, складывая, вышло пренебрежительно. — Валяй... Жду.

— Чистый хозяин, — без иронии, стараясь каждое слово сделать полновесным, довести до сведения вещи, которых не имелось в опыте человека, хоть как-то показать, — назвавший нас машинами, понимаешь ли ты, что и дроид, передаваемый тебе — часть машины? Что дроиды состоят из дроидов?

Августейший вмешался:

— Прозрачней! — он повернулся к Густаву. — Твой дроид часть меня. Он принадлежит во-первых мне. Во-вторых тебе. Он потенциальность моего семейства. Машины. Забирай её и распоряжайся ей. Повторяю, берёшь?

"Да увидь же меня!.. — крестом руки сложил Марик. — Нет, Сальвадор!.."

Густав видел и повторил:

— Да.

— Лови!

Августейший расправил над головой оба крыла и обоими оглушительно хлопнул.

И Густав узнал, о чём шла речь. Чему заявил себя наследником. Так всегда, сначала "да", вопрос — после. Ответы предшествуют вопросам, кто-нибудь до дроидов замечал?

Все-галактическая, равная самой природе человека тяжесть обрушилась на Густава. Такая тяжесть, которую нельзя бросать, нельзя отпустить, иначе раздавит тебя. Некуда бросить! Твоя

воля держит, и вокруг — ты!

Густаву предстали одновременно все дроиды желания.

Серые крылья, хлопнув, сложились. Пушинка, маленькое, с ноготь, белое перо кружило перед ним. Не опускалось, не улетало.

Звук хлопнувших крыльев обрушил стены Закрытого Семейства. Королевы и пленницы, дроиды Августейшего стояли на руинах стен.

Уму не постижимая, непредставимая тяжесть. Равновесие. Если атлант качнётся в любую сторону, задержится на одном импульсе, на чьём-то одном лице, бесконечно возникающем, исчезающем неуловимо, равновесие покачнётся и стены орбит рухнут уже в действительности. Равновеликие... Если одна из королев возьмёт верх. Такой свиньи дроид не подложил бы человеку. Но указал цену его претензии на наследство. Управишься с машиной, забирай свою шестерёнку.

Двойная тяжесть. Густав был пустой формой в пустоте. Давящей снаружи и рвущейся изнутри. Как и созерцанье цветов ледяных, эта осязаемая тяжесть раскрывала память, прошлое, раскрывала и глазам не видимый мир. Ново, однако, знакомо по аналогии. Наука Гая снова пошла ему впрок. Парализованный, как на Файф, как на Оракуле без его угроз. Зато и медленное дыхание здесь не помогало.

Тёплый владыка восхитился, устыдился сомнения. "Сальвадор... Ты сильней, чем и я думал о тебе. Не покачнулся. Что же, воочию посмотри… Подержи на плечах громадную мощь, что совсем скоро окажется у тебя в руке. В двух ладонях, господствующего на первой расой... Паяц думает, он отмочил свежую шутку? Ха-ха, да-да-да!.."

Кружилось невесомое перо. "Лови!.." Голос паяца висел в воздухе. Кружилась белая пушинка — ключ от Закрыто Семейства. "Лови!.." Горели ладони теплом и холодом, Густав не мог подставить их. "Лови!.." Не в его силах. Перо, невесомость, уравновешенность холодного семейства, лица королев отдалились, скрылись за вуалями, вуалями, вуалями, самопроизвольно восстали руины стен, и дроиды остались за ними.

Растопилась тяжесть, оплыла, стекла... Пропали желания случайные, постоянные, подспудные, общечеловеческие, люто запретные. Воображаемые, насущные... От жажды воды, до жажды мести, от желания полетать без дракона, до желания... А в прочем… До нежелания жить вообще, до желания чтобы Хан-Марик...

Августейший поклонился. Насмешливо. Сдунул пушинку прочь и воскликнул, приглашая всех, как на праздник:

— Ну, тогда... Турнир!

Владыка Там повторил согласным рыком, уже со спины Тропоса:

— Турррнир! Ты собирался быть верхом? Вепрь? А я на драконе уж, привык...

Послышалось отдалённое хрюканье. Но воинственности не послышалось в нём...

— Вы крылаты! — изменил намерение Августейший. — И я крылат. Вепрь не пригодится мне.

Сказал и увеличился до размеров Тропоса. Проявил первоначальную форму... О ней речь

впереди...

Автономные. Сравнялись. Феноменально могучие. Ещё кое-что объединяло их, оба происходили… Из игровых дроидов прошлой эпохи, из древних игр! А игру закрутить и тогда умели! Праздник для публики. Зрелище редкое. Если бы не нюанс...

Холодная и тёплая, драконья-уравновешенная, одиночная и тронная, вся дроидская сфера очень любила владыку Там...

Глава 121

Глава 121.

Чередуясь, по синусоиде, как развивается всё на свете, менялась мода на игры, праматерь культуры людей. От физического к виртуальному и обратно. За начальную точку шкалы можно принять драку, обретшую рамки допустимого. Наиболее отдалённая от неё игра... Возможно, шахматная партия, разыгранная в письмах?

Для Тропоса и Августейшего переход к статусу автономных дроидов был отдельной ступенью. Дракон существовал в материальном обличье, Августейший пребывал в состоянии схем и команд. Оба из одного, приблизительно, времени. Древность!.. Когда люди и автономные дроиды не были особо щепетильны в выборе форм для неавтономных, и для следующих поколений. Ещё и Лиски-намо впереди, и запрет на зверодроидов, на неавтономных, имитирующих человека. Да и поворот кибер-механики проскочили совсем недавно.

Но много ли ограничений, мало ли, а рассчитать коммуникационный контур, физическую оболочку — целое сложное дело. Потому, когда спешили, ища для функции носитель, брали уже просчитанные, подгоняли немного. «Восприятие-рагирование-презентация» есть и ладно. Так закладывалось типичное и личностное в характерах дроидов. Исходники — подгонка, смешение того и другого с новой функцией, отпечатки прежних задач...

Да, по степени исходной виртуальности они на противоположных концах шкалы.

Тропос...

Нормальный боевой дракон. Великолепный! Заданный на пределе: размеров, силы, скорости. Сложности реакций и так далее. Для боёв на орбите земли. Соревнований производящих концернов по факту, и богатеньких обладателей такого счастья. Как вариант, дракон-казино, приглашающий любого типа боевых дроидов против себя. Сложилась и культура у молодёжи покупать базовую конфигурацию, дорабатывать, программировать самостоятельно и выставлять на нейтральных площадках. Запускались дроиды в поле общей энергии, в межзвёздном пространстве, зрители наблюдали с платформ. Дорогостоящие игрушки чаще всего работали на выталкивание противника с условного "ринга", где он терял энергию и ориентацию в пространстве. Дроидов с независимыми источникам энергии побаивались. Они попали в низшую, летающую над землёй, и наивысшую ценовую категории. Тропос, разумеется, из последней.

Бесконечно полезной оказалась его привычка к открытому, межзвёздному пространству. Космосу, как месту обитания.

Усложнённый до автономного дроида, Тропос носил на себе связку Земля — Луна — Солнце. Искал безопасные места для них во вселенной. Устанавливал связку в них. Следил за окрестностями. Наполнял Солнце топливом. Как автономный, он не боялся космических просторов, поскольку не опирался на ось Юлы. Как боевой, игровой — легко ориентировался в нём. У Тропоса своя ось, своё общее поле, его не затягивает космос, не разорвёт его орбиты.

На вид — Белый Дракон, ледяными цветами он маскировал природу горячих, поглощающих, активных цветов, чрезмерную для видящих его. Разом и ездовой дроид и телохранитель для всей земли.

Троп не исчезал, находясь в покое. Орбиты в его существе между горячих и ледяных цветов сплавлены в трон, хоть он не высший, чтоб образовать семейство. Противоречивость природы улавливают люди и дроиды. Тревожащее что-то, пугающее. Неспроста, ведь подобный трон

привлечёт не дроидов, а лишь их орбиты. Нечто разобщающее и пожирающее этот трон, подобный свойствами воде Великого Моря. Пугающее... Хотя никакой своевольности Белых драконов Троп не проявляет. Ну, дракон он всё же, редко, скажем, проявляет... Пугал сам факт, что летает там, куда вход другим заказан... Летит в океанской глубине... А если тронуть его, дотронуться, проявляет свойства горячих цветов, затягивает, как водоворот, как Черных Драконов вращающиеся зрачки. Нет, не до трона, не до распадения и гибели. Просто, таким способом берёт в клюв или на спину, так допускает всадника. И уносит...

Как справедливо заметил владыка Там, нехитрую работу Тропоса могли бы производить и улитки. Подтрунивал над другом-нарушителем, способным летать в солёной толще Великого Моря, как в космосе. Троп охотно согласился ему подыграть.

Что касается вод в принципе, из них две большинству дроидов недоступные: Свободных Впечатлений, пронизанная простейшими огоньками дроидов — очень солёная, и Чистая Вода забвения, бессолевая. Две доступные: связных Впечатлений и обычная вода в мирах, это дроидская имитация пресной воды, разной.

Тайный зверодроид, всего лишь обзывательство, но нет дыма без огня. Владыку Там изо всех высших Троп признал за друга, за равного, только его. А с Гелиотропом их связывали, понятно уже из имён, весьма тесные и весьма сложные взаимоотношения.

Это о Тропосе. В остальном дракон и дракон. Служебная третья раса. В человека преображаясь, своеобразен...

Августейший куда интересней.

Дроид из виртуальных форм и чисто виртуальных игр.

Он — Сторож. "Цербер", как назвал себя перед Мариком, одна вторая альтер-эго игрока, которое не задано, но создаётся им в процессе. Обычно — ими. Соревновались командами, двумя мастерскими.

Стартовые условия равные, их очерчивал некто третий, победитель предыдущей игры. Отношения не имели они к реальности! Задавались размеры мастерской, но не форма, форма, но не размеры, то и другое зависящее от вторичных факторов, известных, неизвестных, постоянных, плавающих... Свойства полей, веществ, уже имеющихся инструментов. И всё это во взаимосвязи и на вероятностях. Люди, задающие условия, не ограничивали себя!

Далее игрок или группа долгое время не пересекались с соперниками. Они формировали, придумывали всё: мастерскую, производство, его результат — наименее значимую вещь в игре, Механика с подручными и Сторожа. Он круче Механика, он главней, он тот же самый Механик плюс абсолют противодействия.

Когда вышло время, команды менялись Механиками. Подручные оставались. Они продолжали производство, так, чтоб пришедший Механик не разгадал ни процесса, ни сути продукта. То есть, его создают максимально сообразительным и живучим. Потому что Сторож будет преследовать его всеми возможными способами.

Сторожам положены пределы. Иначе мастерская превратится в поле боя, в ринг и не более того. Среди групп ограничений они могут выбирать ту или иную, это их тайна. От чего поставят себя в зависимость? Времени суток? Степени маскировки? Силы включённых чужим мастером полей? Что приобретают: оружие, скорость? Чем жертвуют: способами атаки, количеством попыток? Вариантов море.

Подручные останавливают производство постепенно. К моменту полной остановки чужой Мастер должен подчинить их, правильно запустить производство и получить результат.

Такова основная схема. Иногда акцент делался на финале всё же, продукт подразумевался

такой соперников: абсолютная защита — абсолютное оружие. Фактически — копьё и щит. Ими и соревновались в конце, если преуспели обе команды.

Сторожей делали со страстью, с азартом! Сторож — однозначная фигура, приятно иметь дело. Можно драться, прятаться, врать, пугать, прикидываться подручными и вещами, инструментами!.. Механик — фигура сложная, хотя ему драться тоже надо, но главное, ему надо хорошо угадывать и запутано конструировать. Быть скрытным, ведь по тому алгоритму, по которому он начнёт распутывать чужое производство, чужие подручные могу судить о том, как организовано его производство и передать эту информацию своему Механику.

Игроки естественным образом становились известны, как предпочитающие щит или копьё, концентрирующие усилия на Стороже или на Механике.

Внешне... О!.. Чем страшнее, тем лучше! Это отвлекает.

И вот кто-то когда-то использовал одну из таких форм для автономного дроида. Что двигало им? Вполне понятная сентиментальность, желание сохранить плоды своего труда?..

Августейший-Сторож устрашающим... — совершенно определённо был, и... — ни в коем случае не был. Как Проблеск восклицала?.. Бесподобен? Да, да!.. Большой художник делал его, разбирающийся досконально в психологии и анатомии людей, или дроид, затесавшийся в команду. Не Гарольд... Брал не яростью. Неявной угрозой. Тонким и стремительным переходом от совершенной антропоморфности, — Сторож маскировался под работника мастерской, — к одному звериному штриху... "Почудилось? Нет?.." Или не штриху, но движению. Невозможной, дикой повадке. Когда этот стопроцентный человек внезапно устремлялся за пропущенной деталью по ленте конвейера на четырёх, а затем восьми конечностях, оператор за монитором грохнулся со стула, просто от неожиданности! Незверь бежал ровно на него! Плавно мчался, выражения лица не меняя, ускоряясь с каждой секундой... Незверь в фартуке, штамповщик секунду назад!

Именно этот Сторож успешно воплощал рисковую стратегию прятаться до самых последних минут. Позволял, верно, неверно ли, высчитывать чужому Мастеру производство. Отчасти сбивая нарастающей подозрительностью. Всё чаще тот вздрагивал и озирался. "Где, в чём подвох?! Где — он?! Уже время выходит!" Особо нервные Мастера бродили половину игры по цеху, озираясь, ища только врага, забросив наблюдения... А вот он! Всё там же, с первых минут игры... Стоя на конвейере, протягивает двумя руками Мастеру откорректированную деталь, как тысячу раз передавал... Но теперь время собирать щит, и в другой руке чужого Мастера не оружие, а часть заготовки... Двумя руками аккуратно Сторож передаёт деталь, а ещё двумя, внезапно появившимися, не торопясь берёт за горло... Мало кто за монитором не поперхнулся в этот момент!.. Ах, как он был хорош, как хорош... Бесподобен! Дроидом во плоти стал ещё лучше!

В полной форме Сторожа с обликом человека сочеталась звериная уверенность, поверх всего идущая. Уверенность, происходящая от безмыслия, нерассчитывания сил. Зверь. Каждый бросок — единственный. Каждый прыжок — последний. Нерассуждающая сила. И фундаментальная основательность.

Очень смешно произошёл, — точнее, не произошёл!.. — его переход в высшие дроиды.

Общий, распределительный центр сохранил к тому времени несколько элементарных функций, связанных со считыванием схем, в частности, перекодированного спирального кода, и с добавлением-уплотнением орбит. Что и требовалось для перехода в высшие, для подгонки к этому коду и отсечения возможности единой координации дроидов.

Представлял собой он "карусель", солнышко размером со стадион, светящийся круг, лучами

то внутрь, то наружу, зависший над Синими Скалами. Как Огненный Круг, она вращалась. Тот, кто находился внутри, конструировал, а именно — Гелиотроп. Когда луч "карусели" направлялся вовне, дроид-объект вставал на него и оказывался внутри на круге. А луч, считав сколько и каких орбит требуется, удалялся от него, достигал Гелиотропа в центре и на следующем круге приносил дроиду требуемое. То есть, Гелиотроп собственной персоной представал ему со всеми орбитами в руке, сложенными, чтобы расправиться уже в предназначенных тому промежутках. Так Доминго вкладывает Огненный Круг.

Конечно, это была унификация, с точки зрения людей, но неимоверная атомизация, триумф индивидуализма для дроидов. Постороннему взгляду движение "карусели" показалось бы весьма быстрым вращением "солнца", которое, то вбирает, то разбрасывает лучи. Но дроиды, таким образом пришедшие к Гелиотропу успевали перекинуться с ним парой слов, вытребовать личный, добавочный аспект. Убрать мешавшее. Категорически потребовать вместо антагониста — слепое пятно. Или наоборот.

А в Гелиотропе бушевал хаос сомнений. Что повальным будет желание дроидов уподобиться людям, он не ожидал. Достаточно, чтоб число высших перевалило за половину общего числа. И они начнут свою исследовательскую работу, автономные продолжат поддерживающую свою. На периферии, да. Привычным образом, разве плохо? Но, похоже, автономным не пожелает остаться ни один! Так что же, он — один?.. Он — Гелиотроп?.. Обыкновенный конструктор?.. Гениальный конструктор?.. Да ладно, обыкновенный, не более чем... И что таковое, нежданно ставшее уникальным, положение даёт ему? Или чему обрекает?.. Он смотрел в лица дроидов, на расцветавшую в них юношескую свежесть. Они становились воплощёнными, как полудроиды, перед ним, и лишь из "карусели" выходя обретали общую форму, а затем растворялись в необщей, отправлялись изучать новые пределы...

На тысячи шёл счёт остававшихся автономными... На сотни. Гелиотроп был в смятении.

И вдруг следующим предстал Сторож... "Карусель" развернулась... Гелиотроп взглянул под ноги себе, на ось Юлы, как человек в шпаргалку, что считано, что добавить... Добавить почти ничего... Надо же!.. Поднял глаза... О, зато убирать много! Две руки, две ноги... Поверх крепящиеся, малые орбиты все долой... Владыка Сад точно подметил, резать Гелиотроп легче соглашался, чем пришивать. Меньше ответственность.

Луч Юлы пробежал вверх, вдоль тела, чтобы открыть дроида новым орбитам, и выпустить, излучившись наружу из "карусели", как по мостику... Дроид вытягивался вместе с лучом, орбиты, став эллиптическими до предела, разрушались на миг... В это время как форма он тоже поднимал руки, становился лучом, продолжением Юлы. Миг вмешательства Гелиотропа и окончательной завязки на общее поле Юлы, отсечение связи с заканчивающим существование общедроидским центром. Вместо этого...

Автономный дроид усмехнулся лучу, отвергнутому и пропущенному, раскрыл навстречу Гелиотропу все четыре руки и, осклабившись, изрыгнул: "Братишка, автономный!.. Познакомиться пришёл!.. Не устал ты тут?.. Не подменить тебя?.." Гелиотроп захохотал, наверное, впервые за последний, безумный год, и раскрыл ему объятья! "Думал один останешься?.." — "Уже не знал, что и думать!.."

В итоге, не два братика, больше автономных осталось в дроидской сфере. Из последних сотен, не пришедших, десятки так и не объявились. Остались на периферии, что и правильно. А Гелиотроп с Августейшим заключили крепкий, как те братские объятия, союз.

Внешне...

Та, исходная форма, как и эта, тронная, не моложава. Средних лет человек в рабочем,

брезентовом фартуке. Даже не так... Не человек, дроид, сработанный под человека. Кроме фартука одежды на нём нет. Кожа с металлическим отливом. Лысый, высокий, сухой, крепкий. Множество карманов фартука, инструментов, крепящихся изнутри и сверху, на петлях, на лямках составляют его атрибутику. И не декоративную, а часть дроида, те самые "малые, поверхностные орбиты", подобие орбит, из которых Дзонг состоял целиком. Молотки, клещи, щипцы, провода, ножницы по железу... Ножики. И ещё ножичек... Чтобы внушительней. Четыре руки, одна в льняной, всегда чистой перчатке без пальцев. Четыре ноги, человеческие, но повыше и помощней. Не кентавр, не сатир, что-то среднее. Не человеческая у них стопа, как если бы над копытом находились ещё пальцы с крепкими, изогнутыми когтями, при беге поднимавшиеся вверх, отталкивающиеся, цепляющиеся, если надо не хуже пальцев руки. Те самые плечи, способные держать континент. Тот самый изгиб брови к широкой переносице. Он всегда был шутник, юморист. Предпочитал выискиванию слабых мест Мастера, пугнуть оператора за монитором, и бить по сильным, требующим контроля, но оставшимся без него.

Продуманный до штриха. Сторож имел в полном обличье ещё стрекозиные, узкие крылья. Режущие.

Он состоял из ледяных "цветов-дискрет". И Густав видел это. "Дискреты" — ножи среди цветов. Из такого материала был нож у Джокера в руке. Зрению они не опасны. Воспринимаются, как разбивающиеся непрерывно, до бесконечности на узкие полосы, лучи. В случае Августейшего, цветом морской волны разбивалась сталь, в фартуке — серое серым, неприятно, трудно смотреть, инструменты же долго перечислять. Зрачки и радужки не дискрет, и не ледяные. Обычные, спокойные глаза превосходного механизма, чуждого самодовольству.

Время разговоров закончилось.

Августейший лихо щёлкнул пальцами трёх рук, а рука в перчатке выпустила меч. Взрывающийся белый — дискрет — текучим белым. Первая раса уравновешенная в холоде, жуть, ни у кого такого не было. И у него не было! На досуге сковал.

Доминго выдохнул и промолчал, а то Густав имел бы шанс удостоверится, что дроиды в самом деле умеют ругаться одними цифрами. Превосходный меч. Но плохо не это, Доминго, плохо то, что по руке он лишь автономному дроиду. Можно подумать, атрибут прибавляет что к разнице между ними! Но позавидовал. Главный трон долго имел тяготение к откату на следующую ступень. Когда-то из человека в дроиды, после из высших в автономные... Индиго положил предел этому тяготению, развернул на сто восемьдесят градусов, к человеческому обратно, и бесповоротно уже.

Вперёд и назад меч раскатывался до внешней орбиты дроида, то есть в рост Августейшего. В сторону отведённый — укорачивался до размеров кинжала, сверху вниз — собирался в перчатку.

Владыка Там, сидя на белой глыбе Тропоса, опустил руки и дроид его трона вложил два одинаковых коротких меча гладиуса, "гладиолуса", золотые, с блестящими сферами наверший.

"Хан, ты?.. — щурился Густав на пламенного солнечного дроида, золотого всадника, на вознесённом белом хребте облачного дракона. — Марик, ты?.. Южный, пыль. Лужи от теней липкие. Ночи в уголку за ширмами, у Буро в шатре... Хищники, рыночная пыль... Зачем, Хан, тебе всё это было надо?"

Вот ещё одна причина дроидам избегать людей. Не путались бы, сравнивая. Дроиды смотрят на суть. Люди, во все времена, на внешнее. С лица воду пьют.

Хан-Марик вращал мечи, пускал в бессолнечный, ирисовый сад, в глаза Чёрным Драконам быстрые солнечные зайчики... Мурлыкал песенку Феникса, и похищал Густава жёлтым

взглядом, последним, последним теплом.

Доминго и владыка Сад поднялись со своих тронов, сигнализируя о начале.

Августейший и владыка Там простёрли оружие друг к другу. Мечи сошлись. Три острия в одной точке... И турнирная площадь немедленно распространилась из неё. Для них и для всех, кто видел.

Соперник и ездовой дроид соперника достойны куда более обстоятельного рассказа. Тогда как сам бой не длился и десяти минут. Не из-за количества атак, отнюдь. Сшибались. Стратегии выбрали сразу. Перебрали ключевые позиции. Изменили. Пожалели об этом. Всё успели...

Переводчики дали возможность публике видеть его в деталях, обстоятельно, иначе — краткий вихрь и финал. А сквозь них, вставших первыми рядами, и люди и дроиды видели площадь медленно, как в цветах ледяных, как сквозь звёздное небо. Черничное, фиолетовое, ведь это переводчики Владыки Сад.

И вот, что именно они видели...

Сама турнирная площадь... Густав поклялся бы, что бывал тут прежде. Дело в чем, она напомнила Южный без рядов, или Центральный на большом празднике. Пыль... Дроидской сферы?.. На противоположных сторонах — рамы, въездные ворота. Трибуны. Одна высокая, Августейшего. Она, понятно, пустовала.

Противники резко остановились, едва вылетев из ворот. Застыли.

На вираже и ускорении стрекозиные крылья Августейшего с воем резали воздух. Острым воплем орали. И сейчас их пронзительный частый стрёкот оглушал, можно сойти с ума... Пусть нападает уже! Пусть двигается!.. "Чем не Чудовище Моря?!" — удивился Густав природе эстетических оценок, признав, что — бесподобен... Пессимизм Беста передался ему, солнце на белом облаке скоро закатится. "Несправедливо. Извинить Буро?.. Надеюсь, он закончит то, что ты помешал ему закончить, Хан. Не хочу больше ничего, не могу... Убийственный звук крыльев, зубья пилы... Проклятье, чего вы ждёте, почему вы замерли?.. Так стрекочет смерть, та стрелка, что обгоняет секундную, перепрыгивает через неё. Перескакивает, пилит. Задевает... Она пилит, вращаясь... Больше не могу..." Марик услышал его, как мог не услышать? И рванул с места первым.

Тропос дал тёплому владыке преимущество атаковать извне, с орбит недоступных Августейшему, и отступать на них. Скорости было довольно для успешного отступления с трети радиуса. Ворвавшийся в центральную треть площади, владыка Там мог полагаться только на свою ловкость, скорость равна, силы не равны.

Троп великолепно лавировал. Способ зримого полёта его и отдалённо не напоминал виражи и кувырки Белых Драконов. Он ничего вообще не напоминал. Огромный дракон двигался так, будто исходно находился, летел на крайне высокой скорости и в потоке, то есть, на двух скоростях. Непонятно лишь на попутном или встречном ветре. Складывая одно крыло, Троп разворачивался на него нырком. Падением, зависящим от линии между суставом и когтем на конце крыла. Мог недосложить, недораскрыть, изменить намерение, упасть вверх! Не взмыть, именно рухнуть и зависнуть тут же, шага не отлетев, распластать крылья, заслонив ими всадника, облетай! Облетай по широкому кругу, и шипы на лапах и когти на крыльях!.. Троп не имел права... Так ведь он как бы и не нападал! Они торчат широко, во все стороны... Сам

зацепился! А вот раз — и не торчат: опуская крылья расправленными, дракон превращался в серпантин плоского хребта. Лап нет. Гребень и всадник где-то на нём. Серпантин выстреливал вверх. Этот приём выносил в безопасную зону без единой осечки. Но и предпринять что-то внутри смерча не представлялось возможным. Вскидывая оба крыла, Троп одно оставлял чуть ниже и этим боком заносил всадника в столкновение, благо в каждой руке по мечу, а там уж, как уклонится. Тормозил дракон, сил не рассчитывая, крайне резко — крылья в стороны, чтобы — опс! — встать бабочкой вертикально. Так Марик первый раз с него слетел. Через шею, вперёд. И другой раз не удержался — назад, но тогда схватился за гребень. Не пришлось подхватывать с земли. А Троп с Августейшим сцепились, стоящие на воздухе, когти в когти, что и дало ему время вскарабкаться обратно. От "копыт" вспыхнули резкие дискретные цвета. Стремясь оттолкнуть дракона, распрямляя четыре мощных ноги, удар которых разбил бы материк вдребезги, Августейший отлетел сам, но не подвинул ящера космических полей! Вместо того, чуть не вылетел за пределы турнирной площади!

Всё же в целом складывалось плохо для тёплого владыки.

Сшиблись боками и фейерверк рассыпающихся орбит пролился на зрителей звездопадом. Снова. Меч-дискрет срезал свет с его плеча, как погон. Торпос нырнул вниз и в бок, меч чиркнул по уху. Ещё "часть руки", часть длины её и силы — в минус. Гладиус в ней короче, медленней удар. Левую руку раньше постигла та же участь, проткнутую насквозь. Дроиды боли не чувствуют. Утрата орбит для них, тем не менее, мучительна. Сужение суммы орбит, вроде клаустрофобии. Вот ты мог везде — быть, сесть, встать, ударить, увернуться... А вот уже не можешь, уже только ползком, только в две стороны иди...

Врываясь из-за периметра, коротким вылазками владыка Там в самом начале отсёк противнику голову. И с интересом, зазевался даже, на месте притормозил, наблюдал, как летит она, переворачивается, теряет и обретает лицо, приземляясь в руки Сторожа, водружаясь на плечи... Августейшему не очень-то нужна голова! И фейерверк не велик от этой удачи. Но зрителям понравилось! И через несколько пустых вылазок Там повторил на бис! Заплатив левой рукой.

Ключевой узел автономного дроида явно не в голове, и не в сердечной области, слишком просто. Где?.. Тут остался и без второй руки. Большое подозрение на лямки передника, совокупность инструментов... Но вдруг стало темно... Он падал... Тропос крутил его, не отпуская, не роняя. Но очень широкое лезвие, дробящихся дискретных цветов оставалось перед лицом... Как? Ледяные цвета утончались... Владыка Там понял, что пропустил прямой сверху и видит не ширину меча, а режущий край между глаз... Докуда прошёл? До сердечной орбиты?.. "Голова, не фатально и для меня... — усмехнулся он. — Но, так или иначе, пора как-то заканчивать. Гут, всё гут, Сальвадор..."

Стальной дроид в рабочем переднике, четырёхрукий кентавр, выдернул меч, занёс... Взмахнул над головой золотого, солнечного дроида, скрестившего за этот миг перед ним и собой два клинка. И наискосок прямо на них опустил меч-дискрет. Сокрушающий удар осыпал звёздами орбит зрителей, целиком площадь, и дроида самого. Превосходящая белая диагональ зачеркнула видимое. Несколько секунд горела над площадью лишь она и золотое скрещенье, не остановившее её. Эти три линии вспыхнули в сгустившейся тьме гневного Тропоса и вместе с ним пропали...

Августейший остался без перчатки.

Что Троп удержался в безмолвии, это для всех-при-всех большая была удача...

Кроме Августейшего не осталось на площади никого. Смятение в воздухе, золотистая пыль,

россыпь искр, гонг концентрических лепестков. Без танцоров. Только пылинки танцевали на нём... В голой руке, красной, как человеческая без кожи, дроид держал меч вертикально. Взмахнул, очертил круг. И, опуская, собрал в неё свет, гонг, быструю, золотистую пыль... Золотую...

Стрёкот узких крыльев прекратился. Остался в ушах. Переводчики отошли, и площадь предстала без звёзд, без чернильной, колодезной глубины. Страшно обыденной. Обыденней рынков, пустой.

Аплодисментов и приветственных криков не было. Тишина.

Сторож-Августейший поклонился трибунам. Владыкам, двум тронам. И они ему поклонились.

Густав вздрогнул. В самые неподходящие моменты самые дурацкие мысли. "Забыл! Совсем забыл!.."

Им пора, всем пора. Уже пуста площадь и мерцание усиливается в ней... Рука Беста на плече. Густав бродил, метался глазами по площади, искал... "Я забыл спросить... Как глупо... Марик-дроид, а почему ты ел золото? Надо или так?.." Но некого спросить.

Глава 122

Глава 122.

В пустоту провалилась череда последующих дней для Густава, небесного бродяжки. Без цели, без смысла вообще.

Большей частью летел с закрытыми глазами, оставаясь во власти совершеннейшей иллюзии ветра проносящегося сквозь него, насквозь... Сито.

Ну, бродяжек и изгнанников разыскивать они умеют... Зарок, например. Первая раса, например...

Белый Дракон вынырнул из тумана обычных облаков и остался, привычный к командам гонщика, ноздря к ноздре с его драконом. Чужая рука потрепала гриву.

— Владыка был тебе близким другом, — спросил Бест, помнивший Часовщика, краткое знакомство, глубокую рану.

— Служил... Как Восходящему... — ответил Густав, не обернувшись, не понятно, открыв ли глаза. — Другом, да... Я знал, что это ты, Бест, издали ещё... Что это, печать первой расы? Мне ничего не понятно... Всё новое. Всего много. А меня словно нет. Почему с закрытыми когда глазами, два цвета проступают поочерёдно? Их вкус на ладонях. Да, именно вкус... Потому что мы амфибии, да? Я нашёл соломку запаянную... Я был под дождём, где вкус... Я никогда не замечал, что бездна между двумя восприятиями вкуса, из Впечатлений и с языка... Какие бездны мы ещё не замечаем?.. Зачем он грыз золото?.. Нет, не важно. Почему я, как сито... Нет, не скулёж, я, Бест, уверен, что чувствую ветер оттуда, из-за высокого неба. Почему? Почему он не... Не прекращается?..

Говорил он размеренно, без-эмоционально, как сам с собой...

— Я расскажу тебе всё, что знаю. В чём успел разобраться сам. А ты, когда разберёшься, что за правила изменил в дроидской сфере, поделись тоже, ладно? И как теперь общаться с ними. Пока практически не установишь, статус останется лишь словами. Пока не пройдены по разу возможные, открывшиеся ходы.

— Договорились.

— Дай пять! Мне очень не хватало человека, с кем поделиться, с той же морокой, что у меня! "Господствующего..." и бла-бла-бла дальше по формуле...

— Ты так говоришь, будто я уже прочитал вслух стяг ваш, твою конвенцию. Я прочитаю. Я согласен. А разобраться?.. Как?.. Через Туманное Море бродить?.. Жить туманным, дроидским бродяжкой? Я не привык без цели...

— Вот уж, за чем дело не станет!

Точно!

Архи Сад встретил их возмущённым птичьим базаром. Очередная потеряшка. Судьба второй раз намекнула Густаву насчёт его призвания. Место пропажи — Южный, именно — их шатёр, игроков Против Секундной Стрелки! Общая добыча. Игра в горах.

— О, это легко, — самонадеянно отозвался Густав. — И торговаться не стану. Выиграю. Давно пора начинать. Рухнул авторитет у меня, неудачливого коллекционера, не гут. А надо, чтоб гут. На Южном. Я не забыл, Бест, я прочитаю конвенцию, прямо сейчас.

Бест и Господин Сома переглянулись. Бест несколько торжествующе. Сома — и недоверчиво, и неловко недоверчивость проявлять. Ведь, кто он, — старый хищник. Густав — белоснежное существо на его фоне. Чистый хозяин, ох, трудно поверить.

Можно подумать, из космической бездны, где волен гулять один Тропос, от незнакомых созвездий ветер дует прямо сюда, прицельно в раму Южного!

Густав шёл по главному ряду даже не ситом, а призраком, продуваемым насквозь... "Да что же это за морок!.." Ничего особенного, знакомые места. Опустевшие. Густав обогнал стайку чар, перемигнулся с Райком, ведшим кого-то так непосредственно, разберёшься не сразу, с приятелем или охотится он, лучше не мешать. Густав решил заглянуть в свои шатры. "Столько отсутствовал, чего там делается?.. И как лучше распорядиться ими?.." Ушёл в свои мысли. Тут его и накрыло.

Звон ножного браслета послышался за спиной. "Демаскировка! Говорил же..." Косой взгляд вполоборота, всё отработано, всё автоматически... Развернулся на пятках и... Да, браслет, ножной... Целых два. Танцовщица, "голубь", с конвертом каким-то почтовым спешила в ту же сторону. Возможно, в его шатры. Таких "голубей" нанимают богатые люди. Маневр Густава напугал её, и девушка упорхнула в боковой, узкий ряд. Пусто. Никого. Ветер, сквозняк вселенной. И за пологами откинутыми никого. Странный какой-то день... Звон браслетов удалялся по параллельному ряду. Густав слушал его более жадно, чем дождь пил в Гала-Галло... Пустыня Южного...

Не совсем. Бест тронул его за плечо, верный себе, обещанье, к тому же...

— Возможно, сезон или год тебе стоит избегать рынков?

Густав не мог не улыбнуться на его вездесущность:

— Бест, я зайду, и выйду. Столько раз, сколько понадобится. И вернусь с вашим изгнанником.

Он исполнил обещанное. Как во зле, так и во благе удачливый до изумленья. До суеверного страха врагов. До обожанья друзей. Безнадёжно удачливый.

Густав остался в Архи Саду. Его "оставили", в смысле, крепко держали! Лишь перемирию с Муреной предшествовала долгая напряжённость.

Он притягивал людей, как магнит и постепенно начал приобретать особое влияние. Бест другой, он простоват, он часто занудно спорит. К нему с безусловным доверием собираются люди в беде, а в буднях... Изгнанники льнули к Густаву, особо новички. Бездомные они, а он — общий и никакой, да, это осталось. Он никогда не спорил о принципах и устройстве бытия. "Несправедливо!.." — так и осталось единственным восклицанием, в дроидской сфере заглохло эхо. Или блуждает по сей день. Но не в Архи Саду. В нём Густав интересовался, что и как? Что случилось, как дела? И советовал, что и как. И помогал в том и в этом. Принципы обсуждать оставлял другим, Амаранту вон, Грому... О непринципиальном тоже не спорил!

К юным, бессловесным изгнанником Густав резко переменился. С такими был непревзойдён. Мог часами слушать мелодичный, бессвязный лепет. Словно необщий дроидский понимал! Густав не отвечал, но изгнанник как приклеенный оставался рядом, не рвался никуда, глупостей не делал. И поднесённая вода, Густавом выбранная, давала словарный запас достаточный, чтобы воду для Общей Встречи ради Слов, выбирали не наобум. К слову, юные, облачённые в отсвет не свершившегося эскиза изгнанники, единственная категория людей, при виде которых, прошлое брало его зубами за горло.

Его вкрадчивая убедительность возросла до способности внушать без гипнотических приёмчиков. Его наблюдательность считали ясновидением. Новые охоты Густава стали эталонными. Без хвастовства и стеснения, если просили, рассказывал о них. Как можно в столь

выгодном свете незнакомцу представить сущий пустяк?! Чтоб он пожелал его любой ценой?.. Как заставить погнаться за призраком опытного хищника и выдать этим всех сообщников?.. Выдать цель грабежа?.. Что угодно выдать!.. Густав мог узнать место тайника страстного коллекционера за день! Мог сторговать человека с пирамидки за битую раковину! Он реагировал согласно ситуацию и только. Как вела его. Люди, обсуждавшие охотника за спиной, не сошлись бы во мнении: обстоятелен, лаконичен? Щепетилен, груб? Искренний, фальшивый? Ни стиля, ни характера, ни собственных интересов. Его азарт состоял в поисках кратчайшего пути к цели. Чужой цели.

Для рынков он выполнял ту же работу. Сыщика. Сыщик-комодо. Титул остался за ним. Его вдвойне уважали и по-прежнему опасались. Вне сада он сделался менее скрытен и более авторитетен. Как вельможа. Как один из этих, из логова бешеной Секундной Стрелки...

Проблемы своей, Гарольда, он не решил и не приблизился к её решению. Антитеза не представлялось ему обнаружимой. В конце концов, тут тьма антитез. Любой хоть сколько-то светлый момент связного Впечатления противоположен состоянию адского гиганта, восстающего из бури, поднимающего бурю, помнящего лишь имя врага.

Изгнанники, гости Архи Сада порой обсуждали это. К общему решению так и не пришли. Лишь один мутноглазый парень с Ноу, знакомый Амиго усмехнулся. Неразговорчивый, промолчал он и в этот раз. Решил, что за информацию поторгуются с ним? Но Густав не верил в успех, и не сделал попытки. Зачем ему ещё одна чужая версия? Нет на сплавление тени двух шансов. Или корень Гарольда становиться половиной тени, или становится формой её. Или пан, или пропал.

Озарения не наступало, да нельзя сказать, чтобы Густав страстно его искал. Терпел, жил, не всё ли равно... Он избегал связных Впечатлений. Если под тучу заносило, спускался под землю, смыть, постоять под Чистой Водой. Свободные Впечатления Великого Моря благодаря Мурене, недроидскому её нападению открылись как спасительные и стали привычным питьём.

Ночами непредсказуемо и непобедимо так и восставал Гарольд из тёмных волн, швыряющих пену, его швыряющих прочь из сна. И каждый раз успевал померещиться запах жёлтой пудры, пушистые шарики мимоз, вкус настоянных лепестков в высоком бокале. Руки дроида. Губы дроида, тёплые и сухие... Но никого и ничего. Выбирая из этих двух кошмаров: выматывающего за ночь, и поманившего на секунду... Густав смирился бы с корнем проклятой воды, но избавился о пробуждения в тот день, что не наступит.

С Бестом они считались названными братьями, господствующие над первой расой... И скоро, — предсказанье владыки сбылось, — те, кто знал, стали звать его Сальвадором. Остальные — Гут. «К кому обратиться на Архи?» — «Бест или Гут, к любому из них!»

В целом, оглядываясь назад, Густав переживал облегчение, что не завис там... Больной дракон-комодо тащил, волок за собой мёртвый хвост, раз — отбросил. И не надо больше тащить.

Нечасто оглядывался, потому что там, кроме хвоста, там Марик... Там слепота. "Наверное, дроиды, — думал он, — так же ненавидят слепое пятно на контуре орбит. Не оттого, что ошибка вкралась или вкрадётся, нападёт, укусит кто. А от того, что там что-то предполагают важное, что не разглядеть... А обернётся круг, ты обернёшься, но уже поздно..."

Как в том сне, так и вышло. Очень спокоен, несчастлив. В саду, на траве, в центре мира.

Зеленели вершины громадных сай, и люди на Белых Драконах спускались к ним, к нему. Приходили, оставались, звали. Набивались в гости... "Никогда не мог понять..."

Густав в Собственном Мире не бывал с того самого дня, после правого крыла, с Мариком.

— Что так? — спрашивал Бест.

— Ни, не полечу. Зачем? На рынки, пожалуйста. А там мне нечего делать... Никогда в жизни не пойду. Я изгнанник.

С Буро получилось ожидаемо.

Прошло время. Волей, неволей интересы Архи Сада на Южном проходили через него, Бесту он содействовал всемерно, но поиски людей, артефактов, книг производил не Бест, а Густав. И взаимодействовали они с Биг-Буро через посредников, через испорченный телефон. Это начинало казаться смешным. Густав сделал шаг навстречу. Вместо Амиго он появился на пороге большого, сумрачного, сыростью дышащего шатра. На хмурый, вопросительный взгляд бросил:

— Мне всё-таки нужен Джокер.

И протянул ему руку.

Буро не взял её и не оттолкнул, хлопнув, переспросил:

— Так-таки нужен? А вот мне, Бедовичку, без шуток, помощника бы... Прогуляешься со мной?

Подземных ходов из Южного Густав не знал. Света в них не оказалось, темнота. В обсидиановом мраке он шёл на звук мягко, тяжело топающих шагов. До самого треугольного озера, в Которое Нельзя Оступаться. Там огоньки дроидов несколько осветили пространство. Огоньки Доминго, синие. Иные цвета как избегали этой воды.

Биг-Буро сказал:

— Видишь ли, Сальвадор... Это нельзя делать часто... И непременно нужен тот, кто подаст руку. Я могу нырнуть, могу вынырнуть, оттолкнуться ото дна. Но выбраться — уже нет. Если тебе нужен Джокер... А если Вирту, за которым Амиго должен был придти, то оно возле пятой ширмы слева от входа.

Сказал и, не дожидаясь реакции, нырнул тихо, без всплеска, Морское Чудовище, тяжёлых тканей, расшитых не сняв...

Так он получил Джокера. А Буро друга. Следующим нырял Густав, Буро посоветовал.

И предупредил:

— Купание не решит твою проблему. Но какое-то время Гарольду тяжелей будет вставать из волн.

Как же там было зверски холодно! Какой же он гад, вспомнил Селену!.. Если бы не Буро, остался бы статуей затонувшей. Пальцы и те едва силы достало сжать...

Их дружба, зародившись в треугольнике озера, смывающего даже память, мало-помалу приобрела достоверные черты весёлой ядовитости, взаимных розыгрышей. И как вельможи Южного они сосредоточились на игровых рядах. Придумывали аттракционы, вели посреднические цепочки. Наедине играли в острова. В карты тоже играли, четвёркой боссов: Архи-Южный-Оливковый-Техно, Густав-Буро-Олив-Карат. Иногда одна из чар с Мелоди заменяла Карата в четвёрке. Иногда он присоединялся к своим технарям: Нота, Ментор, Свасти. И так соревновались, картёжники. Густав играл заурядно, но ему и тут везло.

Не говорили они с Биг-Буро лишь о том, что связывало их, о Марике.

Как Буро мог не замечать очевидного внешнего сходства с того же трона приближённым, дроидом, вручившим оружие ему? Или он забыл уже за прошедшее время облик дроида?.. Или

не хотел вспоминать?.. Общей формы — с видимостью хищника? И кому бы пришло в голову сравнить... Общие формы — не воплощение, недаром покровительство и своевольное воплощение два разных запрета. Но сходство лица?.. Ни о чём не говорило?

Человеческая сторона его жизни протекала так. Дроидская диаметрально противоположно. По всем статьям. Как рыба об лёд. Как муха в стекло. В бесплодных попытках нащупать твёрдую почву, укротить их, дроидов, хоть сколько-то понять... Не случайный человек заявил о правах на наследство. Лишь сами высшие дроиды сквозь естественные и приобретённые ограничения с таким напором пытались разобраться в человеческой природе.

Густав добивался прямых ответов. Добивался, чтоб появлялись, когда зовёт. Как же!..

Желая встретить специфического дроида какой-то темы, Густав вынужден был поступать как все. И владыки семейств и главные троны, если не знали, кому конкретно отправить метку, поисковиков, отправлялись на дроидский рынок. И он знал, что ищет, но не знал, кого ищет, кого именно. А рынок специальное место, где представляются, называют себя дроиды, затем и пришли. Густав коллекционировал имена-функции дроидов, без разбору, подряд. Это позволяло вызвать их, если в Туманном Море наткнёшься на поисковика. Поисковики отзывчивы. А меток для людей не существует. Коллекционировал имена антагонистов. Вёл себя как владыка семейства, как дроид, собирающийся его создать!

Не только Вепри и Выпи отзывчивы...

Улетая с Турнирной площади, представить не мог, что ещё раз в жизни, вблизи увидит это существо... На столетия, на тысячелетия затянулась их с Августейшим дуэль.

Если нет поблизости других людей, это холодный трон без проблем откликался на зов через первую расу. Густав не понимал, почему и зачем. И толку?.. Толк был, переводчик сопровождал Августейшего, так или иначе, но они расширяли эсперанто... Так или иначе...

Диалоги походили на... На обмен сентенциями?.. Претензиями... Насмешками... Походили, вот если бумажную книгу на клочки порвать и поставить на каждом клочке знак вопроса... Бессвязность зашкаливала. Клочки летели со стороны Густава! Пригоршнями летели в саркастичную рожу гаера! Осыпались, не коснувшись его. Августейший джокера своего, козырь, не существовавший прежде, с первой встречи предъявил! Он так продолжал бить им все вопросы, все обрывки вопросов. Как заигравшийся дракон бьёт менее ловкого дракона хвостом по носу!

Паяц выслушивал и произносил, плешивую голову наклонив почтительно:

— Чистый хозяин!.. Господствующий над первой расой!.. Сформулируй вопрос конкретнее!..

Отмазка лучше десяти тысяч отмалчиваний, преодолимых вполне! Один единственный вопрос Августейшего, крыл любое... "А точней?.." И баста!

Густав, в отличие от Беста, считал это за беспримесное издевательство. Пока вдруг не получилось! Удалось добиться ответа! Дроида можно загнать в угол, о!.. Развернулась мега азартная игра, в которой трофеи Густава были ничтожны. Драгоценны! Заманчивы! И для Августейшего такое положение отнюдь не довесок к удаче. Удача, Фавор! Они с владыкой Там столько раз обошли друг друга хитро-закрученностью интриги! Зов господствующего над первой расой — выход на людей безо всякого нарушения! Прозрачная часть стены. Автономный дроид при новых возможностях...

Что Густав хотел узнать, что пытался? Разные вещи. Пытался про Техно, про создание

артефактов.

А в тайне хотел, надеялся как-нибудь... Это называется результирующей совокупностью: контур-азимут. И он как раз ни в чём не остаётся... В тайне надеялся узнать, остался ли Марик хоть в чём-то, в улитке, в схеме, в артефакте синего цвета... Не как копия, не с виду, как приближённые опустевшего трон, а как Хан-Марик. Далеко тут до "сформулируй конкретнее".

Вот что Густав изменил в дроидско-человеческих отношениях. Радикально...

Право десяти тысяч вопросов, отставляемых без ответа, осталось в прошлом. Машины не скрывают нарочно что-то от людей. Не игнорируют их. Не противодействуют, защищая свою автономность... Но они требуют конкретных запросов!

Из неконкретных разворачивается облачный эскиз. Связанные манком дроида, он и Восходящий в четыре руки разворачивают этот цветастый ковёр. Дальше — на равных.

"Господство" над первой расой!.. Справедливости ради, среди людей оно работало.

Густав всегда знал наличие или отсутствие предмета поисков. Потеряшки среди живых. Знал направление поисков. Клок подарил ему дроида, созданного Лазурным Лалом, дождался возможности другом назвать, забавная привязанность!.. Всех до единого людей на свете отображающий Лал, неавтономный дроид оказался весьма полезен... Показывал возле кого остановиться. А как заговорить, Густав знал всегда. Втереться в доверие... Поманить... И так далее, рутина. Неосознаваемая близость Закрытого Семейства позволяла ему угадывать без ошибки чего желает, чего опасается человек. Вскользь упомянутое он вынуждал раскрыть до полной откровенности.

Тёплые дроиды по-прежнему служили ему, на земле и на небе прокладывая пути, теперь для "господствующего", не нарушение. Служили и дроиды желания, для него изменилась проницаемость крепких стен. Королевы видели и слышали его, видели и через него проецировались на любого, кто рядом. Владыка Там не просчитался. Густав — сито? Но и стены Августейшего — сито для него. О злоупотреблении речи нет, Густав вообще не был уверен, что до сих пор живой человек. Он был инерцией. Ситом и ветром.

Что происходило по сути? Он исправлял орбиты. Свои и окружающего мира одновременно, как нераздельное целое. Каждый найденный и выкупленный человек сохраняет вокруг себя целый мир орбит, сложившихся контуров, от Белого Дракона, до влияния на общее поле Юлы. Густав платил по Мариковым счетам. Ему было позволено это. По справедливости. Сам затребовал? Да... Вот и плати.

Неспособный удержать тяжесть Закрытого Семейства, забрать шестерёнку из машины, он мог стать ею. Ещё одной шестерёнкой. Зайти. Исправлять. Все долги, все нарушения тёплого Трона достались Августейшему. Опосредованно. Через Густава. За стеной, внутри стены и в каком-то смысле внутри семейства, прошлое Марика, Марик, как прошлое, принадлежал сначала Густаву и, уж затем — трону. Получил наследство? Не ожидал, что долги?.. Увы!..

Густав изменил не только язык взаимодействия двух сфер, но и некоторые законы. Подтолкнул к пересмотру их и смягчению. Изменение статуса Густава подтолкнуло. "Господствующий", как и пытался объяснять людям Бест, тот, кто служит через первую расу, а не указывает через неё. Раз так совпало, пускай искажения орбит, привнесённые нарушителем,

сохраняются в человеке. Исправляются им, если пожелает. Пусть по прежнему дроиды Там прокладывают ему пути. В нужную сторону... Посмотрим, захочет ли человек идти по ним. А человеку некуда больше идти...

Нарушитель трёх главных законов раньше платил по дроидским счетам, разоблачением, турниром и прекращением. Но ведь и человек платил заодно с ним, по дроидским же, справедливо ли это? Сначала он игрушка нарушителя. Затем он выброшенная игрушка. Раз так, пускай не пропадает, а разворачивается связь. Искажённое сглаживается, расширяясь... Может, пришло время перевернуть ситуацию? Пусть дроид платит по человеческим.

Но как осуществить?.. Гелиотроп задумался. Усмехнулся... И рассмеялся! Получи же, нарушитель, как человек, Чёрного Дракона! Не надсмотрщика, нет! Защитника конечно! Ах, как это унизительно для второй расы! Дракон будет иметь единственную задачу: сообщить тем, кто нарушителю предъявит счёт, что это дроид препутанный с человеком и против него можно использовать конкретный тип оружия, из мечей, забирающих лишь орбиты с опорой в первой расе на тепло! Если даже в результате турнира нарушитель не окажется подданным какого-то трона, он станет очень холодным дроидом, предельно холодым, что неизбежно приведёт его к Доминого или в пограничные области Туманных Морей 2-1. В любом случае, приближаться к человеку таким он может крайне дозированно. Изоляция... Постепенность... Нарушения орбит того и того будут выравниваться постепенно... А после? А про то знает Фортуна!

Был прецедент, был друг Феникса. Гелиотроп помнил его. И сожалел об ответственности не разделённой тогда. Сотрудничество человека с дроидами компенсировало нарушения сверх необходимого.

Остаётся ещё проблема вольных турниров, не связанных с расплатой. На них — любое оружие и любой исход. Не Чёрный Дракон, пусть дроид сам и решает, что ему дороже — гонор или возлюбленный. Ещё очень долго бойцом он будет крайне слабым.

Огромное Там не распалось. На трон взошёл дроид из внешних орбит его, столь уравновешенный в первой расе, что на их фоне почти холодный! Взошёл, как тот, чей контур равноудалённый от приближённых трона, охватил его функцию наиболее точно, никому не отдав предпочтения, то есть, не пригласив в соправители. Взроптали. Удивились: «Как он прошёл?!» По моментам кристаллизации, замедления. Не принято так! У них, тёплое же семейство! Кто шустрей, тот и больше имеет прав. А этот приглядывался, рассчитал, когда замершие точки сложатся в контур, исказил свои орбиты для одновременного попадания, прохождения через все и как пазл прошёл. Возник на троне. На месте, где их внутренние азимуты его увидели. Вот те раз!..

Ближний круг возмутился и замедлил вращение. Так что, пройдя до цели, выправить внешние орбиты новый владыка не мог, они замерли искажёнными в положении пригодном для лавирования, но не для правления.

Сутуловатый, похожий на недосвернувшегося броненосца. Ничего в нём от величия и залихватского шика владыки. Леопардовая лента по лбу... Диссонанс... Ему больше подошла бы угластая, как собор готический, корона...

— Чего вы хотите? — спросил новый владыка замедлившийся внутренний круг.

— Чтобы всё оставалось по-прежнему! Воли и танцевальных гонгов!

— Для этого я здесь... Давайте сохраним всё, как оно было.

Хороший приём, доведение до абсурда.

Самый разумный из близких прежнему владыке тяжко вздохнул. Конечно, они дураки, контраст застил разум. Что — сохраним? Что пело, что танцевало? Шкуру или напротив,

скелет?.. "Фавор не поёт — Фортуна не танцует..." — так любит повторять Гелиотроп, не верящий в них обеих. И повторяя, не уточняет, кто же начинает из них, Фортуна или Фавор? "Может, и к лучшему, что он совсем не похож на незабвенного владыку..."

А новый трон думал: "Любопытно, сколько вызовов я прямо сейчас получу?!" Прятал усмешку. Они это могут... Особенно тёплые! Поэтому создавать семейство маааленькое, но своё — спокойней и надёжней, чем претендовать на крупные троны.

Но дроид поклонился, сменив тон, попросил:

— Назовись, просим тебя, уравновешенный с периферии.

— Порт.

Почти дом, почти город!

— Ничего себе! — воскликнули многие. — Открой нам, а как ты сохранил принадлежность в первой расе?!

— Да, что вы спрашиваете его?! — кричали другие. — Это ставленник Доминго!

— Погодите!.. — замахал руками дроид, спросивший имя. — Давно ли, Порт, новый трон, ты принадлежишь тёплому семейству?

Броненосец присел на трон с сутулостью пригнувшегося леопарда, пятнистая лента на лбу... Усмехнувшись, ответил:

— Дольше, чем все, кого вижу окрест...

— И терял ли ты за это время антагониста?

— Терял, — усмехнулся он исподлобья ещё шире. — Предупреждаю: хорошо, если следующий вопрос станет последним. Притом, хорошо не для меня. Мне так, и так неплохо...

Принадлежность в первой расе, бывшие притяжение-отторжение, и теперешнее местоположение антагониста, вот три соблазнительных, на многое проливающих свет пункта. Но дроид выбрал другое. И стал правой рукой главы семейства, так как вопрос и ответ устроили и трон, и вопрошавших.

— Владыка, — поклонился он заново, радуясь своей догадке, и тон его заново изменился к надежде, к Фавор, к теплу, — ты не под этим именем вошёл в семейство Там. Прошу, назови то, под которым...

— Ожиданье-в-Порту...

— Ааа... — прокатилось по контуру, ожившему, потеплевшему.

Трон принят. Типичное имя для Там, порядок.

И только один, смешливый, гибкий дроид из второго от трона круга, прикрыл рот, вняв предупреждению. Совсем недавно, по-дроидским меркам на днях, его служба, зашедши в тупик, нуждалась в побуждении от дроидов желания. На короткий момент грозный Вепрь доставил чудную девушку. Королева, красавица… Августейший счёл аргументированным запрос... На минутку, разобраться в тенденции, чуть продлить... О, класс, получилось, Восходящий имеет ввиду следы одной эпохи в последующей. Сложный запрос... Но дроид Там не был бы собой, не проводи её, сколько позволяла быстрота его при Вепре. И узнал имя. Её звали, лишённую антагониста, Ожидание-Августа... Красивое имя!

А в заброшенном мире, в наполовину золотом песке Собственного Мира новый Я-Владыка щурил жёлтые тигриные глаза и ждал, ждал, ждал...

Омывался в ливнях. Гулял со смерчами. Незримый стоял в раме, держался за её, будто собрался унести... Слушал трещотку, зовущее, троекратное: "Друг мой!.." Как свой голос. Бродил пустыми залами особняка. Ловил золотинки в фонтане... И ждал, ждал...

Густав оплатит долги и получит наследство. Так должно быть. И он ждал...

Счастливый, не знающий сомнений дроид. Которому удавалось всё и всегда. Бывший дроид регенерации, новый Я-Владыка. Его право! Забыл!.. Глава обширнейшего семейства, про каждого дроида помнил, про своё давнишнее законное право — забыл! Он, но не паяц, не холодный гаер… Автономные не забывают.

"Августейший, как же я признателен тебе! Как же я тебе отомщу!.."

"Ха-ха, отомщу!.. Ну-ну, отомщу!.. Ну-ка, ну-ка?.. В дроиды желания — не переходим?.. Как угодно! В первой расе к холоду не склоняемся?.. Как угодно, джем!.. Всё для тебя, всё, что пожелаешь!.. Придётся немножко побыть затворником, место ты выбрал сам!.. Такого начудил!.. Вот и оставайся запертым, при чудачествах своих! Это не стены семейства! Сюда не проникнут метки! Хитрость твоя не позволит отсюда сбежать, Белый Дракон не залетит, и никого из дроидов своих сюда не приманишь!.."

Августейший сделал ставку на сближение с Там, как правдиво сказал, на уравновешивание тепла и холода. Но ни в коей мере исчезновение азимутов владыки Там не выгодно ему. Это для самого владыки они — в первую очередь человечек, захвативший его сердце. Для Августейшего, это азимуты на которые ориентирован могущественный ближний круг Там. Настолько могущественный, что семейство, обретя нового главу, сохранило имя предыдущего владыки! И если ставленник не будет успешен, золотого, прежнего Там с распростёртыми объятиями встретят в его семействе! Кое-что из тронных орбит ему придётся вернуть... Не безвозмездно... "А пока, пускай дроидская сфера поскучает о тебе, джем!.. И человечек поскучает!.. А я погуляю с ним в их, человеческой сфере!.."

Дроидская сфера относилась к владыке Там с особой нежностью, не нашлось бы дроида, желавшего ему прекращения, уж никак не среди автономных. И конечно, был бы задет Гелиотроп.

Глава 123

Глава 123.

Так примерно оно развернётся, чтоб завязаться в новые узлы, а пока...

В высоком небе с закрытыми глазами бесцельно летел Густав, пропуская космический ветер сквозь себя.

Внизу — пыльный Южный. Карат шёл из игрового шатра с Пурпурным Лалом, ждущим его. Шаман больше не нужен, согласие получено давно. Парень, дошедший до финала, ему завтра уступит бой-кобры и противника.

Навстречу же Карату шагал Бутон-биг-Надир, мокрый, рассеянный, в сопровождении Пса, предупредительного, наблюдательного и надёжного, как настоящая собака.

Раскланявшись, они разминулись.

Биг-Буро шагал широко и легко, не танцовщица с Мелоди, но куда легче прежнего. И выделялся скорей ростом, чем короной среди немногочисленной вечерней публики. Дуги короны не серебрились, не нашлось имитации золота под рукой, а он спешил, и стали чуть не вдвое короче. Однажды одолеет эту напасть совсем. Пёс охранял его в ледяных родниках Великого Моря, в смешенье морской и Чистой Воды. Удвоенной агрессивности коктейль. До костей пробирает. Буро выглядел уже почти нормально, суставы гнулись. До победного! А пока — передышка. Буро давненько не заставлял себя отправиться к тем родникам, водопадам. То лень, то завтра, то отвлекли... А надо. Чёртов комодо посодействовал. Захотелось отмыться.

Трудно погибнуть, когда ты совсем молодой, сонмом дроидов окружённый, и твой Белый Дракон не может наглядеться на тебя! Трудно умереть, когда ты запредельно старый. Нырнув под водой, под недроидской стихией перескочив все мыслимые рубежи. Старый, как Надир. Укреплённое терпеньем и холодом тело больше не диктует когда замедлиться окончательно Огненному Кругу. Когда пора возвращать его.

Дроид сказал бы, что уплотнившиеся больше человеческого предела орбиты Морского Чудовища уже не меняются местами благодаря своей тесной, тронной близости. Превзошли её, ультра-трон. Ни поменяться, ни форму исказить, ни дальше уплотниться. Он такой, какой есть, Надир, Сальвадор. Каким стал. Он достиг равновесия.

Уникальность положения в том, что Огненный Круг не израсходован. Дроид третьей расы оказался в некоем небывалом взаимодействии с техническими дроидами нечеловеческого тела. Они определённо связаны, не будучи друг другу нужны! Чудовище не опирается на Огненный Круг. Однако использует его, разговаривает с ним, возможно...

А сил у него много! Очень много! Морские твари любят побрюзжать, пожалеть себя. Но Надир волей и выдержкой продолжал исправлять проблемы, перед которыми пробуксовывали дроиды регенерации.

Бутон-биг-Надир шагал как бы вверх и вверх по плоской, пыльной земле Южного, а Карат как бы вниз и вниз... И они разминулись.

Техно жил своими тайнами ночью. Свободный от причуд глупых, неловких людей. Рынок, как единый организм задуманный и воплощённый. По ночам воочию можно убедиться.

Поля энергий, которые днём угадываются в мощении дрожек, во мраке текут рядами как настоящих ящериц. Их гибкие спины текут, лапки сопутствуют мерцанием. Перекрёстки

закручивают их сложным узором, пересечение полей, где-то смешение, где-то узел, потоки заходящие, входящие из него, пряди светятся. Под туманом. Теней мало на Техно, им неприятны эти поля, повидимому. Но и людей мало, нечего делать... Бродить, гадать... Не рекомендуется людями тут ночами ходить. Утром можно обнаружить себя напрочь разбитым. А можно со свежей, ясной головой, будто несколько суток Чистую Воду пил и отсыпался. Как повезёт.

Безлюдно, модуляторы не работают. Точней ещё как работают, но — сами по себе!

Одно время завсегдатаи Техно дежурили нарочно, стараясь уловить связь: какие поля текут с какой силой, чередованием. Какие модуляторы оживают, что делают они. Раскрывая спектральную шкалу, о чём гудит, что хочет сказать этот кубик? И кому? Вселенной, соседям?.. Чистому Хозяину собравшему и утратившему этот мир?.. На его последний вопрос до сих пор отвечают? Задают ему дополнительные вопросы?.. У них в сохранности ведь звуковая карта информирования, не освоенная людьми...

В каждую из ночей наступал такой непродолжительный момент, когда все модуляторы гудели вместе. Согласованно, таинственно. Восходящий, флейтовый аккорд в унисон... После чего затихали одновременно. Будто договорившись о чём-то. Ближе к рассвету.

Новички, курсики, настоящие Технари с неизбежностью, как Пароль за рамой, проходили период очарованности ночами Техно. Период надежд разгадать назначение, тайну системы в целом.

И Карат решил, что наткнулся на такого курсика близ своего, личного, вообще-то, модулятора. Не, знакомая причёсочка, местная. Туман как заиндевел, примагниченный специфическим полем площадки, на ёжике коротких волос. Суприори.

— Зачем ты тут? — удивился Карат.

Днём обещал ему и забыл что-то?

— Чтобы грустнее, — ответил тот, не повернув лица.

Сиди...

Карата повлекло обратно на Южный.

В борцовском шатре Густава очутился. Пусто, тихо, темно.

Как раз сейчас и до этих рядов добрались туманы. Остались за входом, за откинутым пологом, дорогой, специальный шатёр...

Одинокий привал… В сумрачном одиночестве.

Не чтобы грустнее, нет. Чтобы решительнее. Решиться или отказаться. Не завтра при свете, заранее, сейчас. Чтоб при свете и на людях колебания не допустить... Ах, какой пурпурный Лал!..

"Да признайся уже, что не в Лале дело! — сам с собой разговаривал, как когда-то в сложнейшие, переломные моменты. — Признаю... Ах, как близко!.. Пурпурный..."

Опасался ли он Шамана? О, нет, нисколько! Может быть, неодолимо замкнутое пространство пирамидки смущало его, борца небесного когда-то? И это нет. Тогда что? Чего боялся? Победы. Своей.

Имелась причина, по которой так адски привлёк, заворожил его первый же бой-кобры, увиденный в шатре случайного человека, безымянного тогда курсика. И причина эта не в остроумной обусловленности безысходно злой игры. Причина — в самом зрелище...

Смуглые и мокрые, перенапряжённые тела. Огоньки дроидов под кожей, под капельками

пота. Охристо-красный цвет потёкшего, смазанного масла... Карат буквально чувствовал постепенное ослабление чужих мышц, ускорившееся дыхание. Огненный Круг, который начинает стучать, будто задевая обо что-то... Потому что это было уже.

Это не его стиль, не его образ правого крыла, на котором сто лет не бывал. Но и случилось это не на правом крыле...

Карат знал и то, чего не видели зрители, что между кожей и кожей, между тем, кому жить и кому умереть, там блестят, разгораясь медленно, пропадая резко, как оборвавшийся крик, ярко-красные огоньки... Их нельзя увидеть глазами, их видишь, как Впечатление, через мокрую кожу... "Чёрт! Стоп!.."

А на следующий день память плеснула огромной рыбой, плавником ударила по безмятежной глади его теперешнего существования, и, разбив отражение, услужливо свела две картины в одну, на дне прошлого и на поверхности настоящего.

Это было уже... Чёрт, так мало общего. И так много. И ведь почти забыл! «Бегство не выход, потому что! Вот почему, чёрт!..»

Там небо отрытое. Тут шатёр, горящая игла острия... Там ливень и в хлам изодранные тела, не поспевающая регенерация... Тут приглушённая музыка и ароматическое масло... Охристо-красное... Как та земля... Размытая глина, бросок... "Стоп!.. О, чёрт, стоп, к чёрту Лал, стоп!.."

Пурпурный Лал покачивался и вспыхивал подставке, на зубце короны, вписанной в неё... Покачивал головой как человек с насмешкой и упрёком: "Я был камень, пока ты не знал цены. Но ты её знаешь. И я не камень. Я огонёк дроидов, красный, который бьётся, стучит в твою ладонь, а ты… Ты сжимаешь пальцы. Я стану им, и останусь им... И ты меня выбросишь, чтобы не помнить..."

От разбойника — к шатровому борцу, из борцов — в охотники, в аккуратные охотники, в вельможи. Ни на чём не срывался. Не спешил, не шёл на поводу сиюминутных порывов. Усмирял свои антипатии. Опирался на трезвый расчёт. Покупал то, что мог просто взять. То, что в прежние времена с поклоном бы преподнесли ему! Прошёл все бури, рифы и отмели... Не по тому ряду свернул... На красный огонёк, на интересную тишину при многолюдном собрании, и — попал... Всё по росту ему, приз и бой... Бой и — предлог, предлог, предлог! Такой высококлассный, пурпурный, соответствующий… Не подкопаешься...

"Кому подкапываться-то, Биг-Фазан? — спросил он себя. — Ты от кого скрываешься вообще? Делай, что хочешь! Кто тебе указ, кто за тобой следит? Или вот этот, в чужом шатре делающий вид, что на красный камень уставился, этот следит? Так от него ты не спрячешься, он уже вычислил тебя! Догнал! Карат видит тебя, Биг-Фазан!.. Я ненормальный... Дурной, Оливу клиент готовый... Причём оба-два меня, Биг-Карат-Фазана... А с кем мне прикажете, Два-биг-Карат-Фазана бормотать, если не с вами и не Пурпурным Лалом?! Нет, я свихнулся из берегов, окончательно..."

Правда, с кем? Изгнанники делятся со своими. Дроиды со своими, с тронами... К Буро устремлялись Чудовища Моря, иерархичные, внимательные к масштабам... А хищнику? А человеку? Люди одиноки. Как есть средние люди, просто люди.

Биг-Буро привёл бы его в чувство одной затрещиной! И не постеснялся бы. Разобравшись без труда, о чём речь. Он сообразителен, чуток к разнице между решительным настроем и блефом. К ступеням падений. Когда дело доходило среди неморских демонов, к примеру, до серьёзного намерения уйти в Великое Море, он мог им показать, нарочно позвав, извращённых

по-настоящему тварей такой запредельной красы... Человек менее брезгливый, чем Густав, год запивал бы зрелище Чистой Водой забвения! А глупые мысли отбросил раз и навсегда. "Ты хочешь стать таким? Ты знаешь, что такое — без возврата?.." Хватало! И для Карата нашлись бы аргументы. Но не нашлись, разминулись.

"Хочу... Один единственный раз... Кобру... Коброй не довелось... В декоративном не участвовал... Разок... Хочу... Нет, что такого? Я хочу не что-то особенное. То же, что все хотят. Сколько борцов взошло туда и не сошло?.. Один разок. Смысл имеет проверить... Давно было... Мне могло показаться... Такой день, такой дождь... Возможно, его смерть ни при чём. Как глина, как порезы, царапины, как сок как-будто тёплый, сладкий, проступает из-под... Стоп! Кому, кому ты это рассказываешь?! К Оливу, срочно! Десять медянок за оливку и цепь на ногах! Ха-ха-ха!.. Мысль!.. Ну, а если показалось, если почудилось, если дождь такой, ведь проливаются же до сих пор запретные Впечатления?.. Не ври! — прервал он себя. — Это был обычный дождь, нормальных связных Впечатлений! Да какой бы ни был!.. Я же не дождь и не фляжку с запретным хочу! Если показалось, почему я так, так хочу?.. Оно будто ждало, ждало, караулило... И дождалось меня... Почему так хочу?.. Так хочу... Стоп! Стоп уже!.."

Не только Пурпурный Лал разгонял сумрак. Сквозь пепельные одеяния сиял Огненный Круг, косы с круглых плеч, на широченную, крепкую грудь сбегали освещённые им, тоже пурпурным, медным, нагнетающим тревогу пламенем.

Отгонял от себя Карат воспоминание о событии давнишнем. О происшествии, которое и забросило его, как гонщик в облака бросает Сигнальную Звезду, с правого крыла Южного на Техно Рынок. И облака скрывают её, лишь след на всё небо. Пока кто-то по следу не догонит. Так и он, стал другим, стал известен шире, стал Каратом… Но гонщик, Биг-Фазан догнал его...

Чтоб стала ясна степень потрясения, нужно во внимание принять его борцовский стиль, которому не изменял, внешнюю сторону. Биг-Фазан он! Не идейный, не с левого крыла, но повадкой — фазан. Что значит... Он закрывался. Носил костюмы, сложные, многослойные боевые наряды, амуницию декоративную на вид. Маски, шарфы-удавки, пояса-удавки, бусы и цепочки, как Густав и напоказ. Даже перчатки без пальцев! И в ладонях перчаток были грузики на тонких цепочках. Карат владел мастерством кулачного бойца с ними и без них на уровне Гая.

Это один аспект. Второй... Фазаний стиль вообще резкий, быстрый. Стремительные атаки, высокие, длинные прыжки. Разнообразные удары ногами. И захваты. И удушения. Но чаще предварительно оглушить. Множество вариантов отступления в случае неудачной атаки. То есть, где "вир", боец змеиной техники перехватит, или переборет, фазан вырвется и оттолкнёт, отпрыгнет в сторону. И для этого годятся части костюма, отбросить, как ящерица хвост.

Третий, вытекающий из сказанного... Между атакующим фазаном и жертвой всегда что-то стояло. Оружие, не голые руки. Маска. Костюм. Да и сам силуэт в этом костюме, падающий сверху, не позволял порой различить человеческого облика. Минимальный, короче, контакт.

Таким Биг-Фазан и был разбойником. Да ещё и лично невообразимо стремительным. А после, в условленных не разбойничьих боях, это уже не контакт вовсе, игрушки. Так, акробатика, беготня. Снова не борьба. Не змеиная борьба. Не бой-кобры.

В итоге, то чувство, которое, вне сомнения, узнал бы Буро, которое снова и снова приводит на правое крыло определённый тип бойцов, приводит лишь к тем шатрам, где ставят на жизнь и смерть, не иначе, оказалось совершенно незнакомо ему. Хищник и разбойник был невинен в этом смысле. И тут...

Небесный борец, Биг-Фазан давно уже обосновался на земле, однако та встреча настигла его снова в небе.

Парень незнаком. Соответственно и причина осталась невыясненной, гонор или месть, Карат мог только догадываться. Шатровую серию парень смотрел зрителем, не вышел против него. Побрезговал публичностью? Значит, всё-таки мстит. Догнал в небе.

Достойный противник. Парень оказался виртуозен с длинными, экстра-длинными цепочками. Круглого плетения и якорного, несколько, подготовился. Ещё обнаружился короткий хлыст, "репей". Оружие не для каждого, смысл его — в крючках, зацепить одежду или свои же крючки, обвив руку, горло короткой удавкой. Отменный гонщик. И скоростной и на виражах, как развлекаются с волнами. Карат затем пожалел о парне лично, интересный, раз в сто лет встретишь ровню себе, могли подружиться. Но — ни имени, ни претензии, ни объявленья войны.

Они влетели под ливень, ещё порознь, ещё случайные попутчики по направленью к Рулетки.

Карат, не ожидая нападения, вообще отвыкнув, чтоб кто-то задирал его, скинул костюм, надоевший и пыльный, выбросил. Остался, как вир, как небесные бродяжки, что не любят задержавшихся, высыхающих с одеждой Впечатлений, мчатся под следующую тучу, о прошлой позабыв, в одной набедренной повязке. Перчатки оставил, иначе не знать бы Карата Техно Рынку...

Длинные цепочки парня заканчивались грузиками с острыми гранями. К тому моменту, когда сумел отнять первую, Карат выглядел покруче, чем завсегдатаи Ноу! Предплечья исполосованы, дырка в голове, бровь рассечена.

Когда, сбитый, под брюхом драконьим болтался, за гриву держась, бич-репей разукрасил его торс широкими, блистающими от огоньков дроидов атласными лентами содранной кожи. Будто он нарядился для Мелоди. Издали так и казалось, сквозь частый, косой ливень.

"Кстати, — успел отметить он, проявив в такой неподходящий момент научный склад ума, когда больно вдохнуть стало от порванной кожи, — круговая, поверхностная рана работает как удавка... Не знал". Отметил за долю секунды, как быстр ум, как тонок и независим от оценочного, от боли, от суеты... Это поможет ему на Техно в различенье оттенков. Даст веры в себя на ступени, где срезается большинство, где требуется не в сравненье, а по-отдельности узнавать единицы оттенков, символы веществ, их свойств и величин. Разделять оттенки в уме, на, собственно, природу вещества, акцентированное свойство и насыщенность... Что представляется невозможным в их тонкости...

После. А теперь…

Или он переламывает ход боя, или — под волны моря. И не факт, что в сознании. Цепочка, отнятая им, прорезавшая и перчатку, и руку, решила дело. Кроме того, ею он подтянул противника. Чтобы сбросить. Столкнул. Дракон поймал, но он пикировал следом, и они остались вплотную. Карат нормально — верхом и наготове. Обычный приём для небесного борца.

Смог вырвать бич, руку заломив. Отомстил, не без этого, и отшвырнул. Случайно выбросив и цепочку.

Потому, столкнув вторично, бросился в вирский захват. Не удавкой, руками. Элементарный, прямой. Да, как в боях-кобр часто бывает, вокруг торса, Огненного Круга. На силу, на выносливость. Кто крепче оказался, тот и выжил.

Сначала в полёте… Затем на земле под дождём, дракон Карата вынес их на континент… В

размытой охристой глине… В сплошных ранах и огоньках дроидов… Израненный, как на Ноу, обезумевший, как ача.

Оба напрочь израненные.

Бой-кобры, единый клубок гнева, азарта, потоков дождя, связных Впечатлений ливня и влаги чужого тела, горячего, мокрого, сильного в регенерации, вкус и жар, пробивающийся сквозь раны, и кожу, и влагу... Бросок, кувырок, судорога, Карат мощней... Плюс исходная жажда, он для того и поднялся, прежде Рулетки тучу найти, попить... Но та жажда давно кончилась. Та потонула в этой. Амфибия, натуральный ача, не ведающий, что творит, не знающий этого слова, он впитывал, как сок из плода, как брызнувшую, текущую мякоть, последние секунды чьей-то жизни, безымянной, бессловесной до конца. Как и сам он остался до конца безмолвным, жадным, задыхающимся зверем. Скорей туча остановила бы струи дождя, скорей потрескавшаяся, размытая земля перестала их впитывать, чем он бы остановился...

Но не все таковы, как Симург.

Дождь давно прекратился, а Карат всё смотрел туда, где пропал Огненный Круг. Охваченный диким стыдом и непритворным раскаяньем. Отвращением к себе настолько же сильным, как прекратившееся исступление. Сильней.

"Никогда больше! Никогда!.. Я не демон! Я не хочу, что это было?.. А если оно нахлынет снова?.. Дроиды светлые, где вы всегда, когда вы нужны?! Никогда, клянусь, никогда! Не знаю чем, клянусь!.."

Карату достало рассудительности для бегства. Не стал проверять свою выдержку на правом крыле. Требовалось срочно засунуть куда-то голову. Рынок Техно подошёл идеально. Надёжно, на годы вперёд увлёк. Скрыл. И ничем не напоминал предыдущую жизнь. Борцовское прошлое казалось свирепым ребячеством...

Туман стеной стоял, плыл в проёме откинутого полога. Глухой по земле, слоистый наверху. В сумрачной глубине, на помосте, на пирамидке свивались призрачные тела, блестящие от масла и пота. Шаман, усмехаясь, оборачивался к нему, на чью-то спину встав смуглым коленом. Ухмылялся, но страдание проступало в лице, проступали черты того парня... Страдание, а затем небесная отрешённость...

Кожа горела, жар пробегал по ней электрическими уколами, мышцы ныли от предвкушения. Пурпурный Лал раскачивался. "Да? Нет?.. Да? Нет?.. Да? Один разок, да?.."

Красные блики в зрачках Карата вспыхивали и мерцали.

---

notes

Примечания